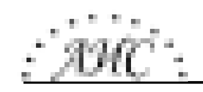


АДЫГСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

АМС

С. Н. Бейтуганов

Кабарда: история и фамилии

Нальчик · «Эльбрус» · 2007

УДК 94(470.64)
ББК 63.3.(2р-6К-Б)
Б 419

Редакционная коллегия:

**М. Л. Апажев, С. Н. Бейтуганов, Б. Х. Бгажноков,
А. М. Гутов, О. Л. Опрышко, У. Е. Темиров,
С. Х. Хотко**

Ответственный за выпуск
Р. Х. Ацканов

ISBN 978-5-7680-2113-9

© С. Н. Бейтуганов, 2007
© Издательство «Эльбрус», 2007

РАЗДЕЛ I

ОБ ЭТНОНИМАХ АТЫХЕ И АНТЫХЕ

Общепризнанные мнения и то, что считают делом давно решенным, чаще всего заслуживают исследования.

Георг Кристофер Лихтенберг

Историческая наука не знает (не должна знать) национальных перегородок, и ей безразлично, кто занимается изучением проблем прошлого. Важно одно: исследование должно быть свободно от субъективных подходов и оценок.

Гипотеза об антском происхождении адыгов, приписываемая Ш. Б. Ногмову, все еще остается одной из ключевых проблем нашей истории, не получившей сколько-нибудь удовлетворительного освещения.

Ногмов в своих рассуждениях всецело исходил из преданий народа. Предания небеспочвенны, они на пустом месте не рождаются, поэтому не верить им в известной степени вреднее, чем верить, хотя последнее тоже задача не из легких.

В связи с этим естественно, что Ногмов пытался как-то увязать предания своего народа со сведениями древних авторов, извлечения из которых он приводил по книге Н. М. Карамзина «История Государства Российского».

Указывая на этнические наименования адыгов, Ногмов достаточно уверенно пишет: «...Настоящее родовое название нашего народа есть то, которое дошло в поэзии и преданиях, т. е. **Ант**, изменившееся с течением времени в **Адыге** или **Адыхе**... Есть в Кабарде старцы, которые выговаривают это слово сходно с прежним его произношением – **Антихе**»[1]. Убеждая читателя в справедливости своего взгляда, Ногмов далее указывает: «Чтобы еще более подкрепить мое мнение, я приведу свидетельство древней поэзии нашей, в которой народ всегда называется **Ант**, например, **Антинокопьеш** (в другом месте **Антинокопш**, **Антиноко**. – *С. Б.)* – антский княжеский сын, **Антигишао** – антский

юноша, **Антигиорк** – антский дворянин, **Антигишу** – антский всадник»*.

Указывая на поговорку народа, Ногмов далее пишет: «Всем известна древняя поговорка: «нар Ант лежеко», т.е. «трудолюбивый Ант»[2].

Против взгляда Ногмова, а по существу, против преданий народа о своем антском происхождении, первым публично высказался Адиль-Гирей Кешев (Каламбий). Писатель, опираясь на недостаточно аргументированный лингвистический анализ приводимых Ногмовым архаизмов родного языка, критиковал историка за то, что последний поддерживал предания народа о своем антском происхождении. Переходя далее к рассмотрению цитированных «автором указаний древних на антов», Кешев более сдержан.

Сначала отметим, что у Ногмова есть понятие «кавказские анты, или адыхе», т. е. под кавказскими антами он подразумевал не славян, прарусских, а адыгов! Касаясь взаимоотношений этих антов, аварцев и грозного Аттилы, о чем пишет Ногмов, Кешев делает вывод: «Если автор говорит это согласно с народным преданием и ему действительно случалось слышать, что, говоря о завоевании антов аварцами и Аттилою, адыги разумеют под антами себя, в таком случае не может быть никакого сомнения в тождестве этих двух народов». «Но, – пишет далее Кешев, – мы опасаемся, не основывался ли он здесь на таких же шатких доводах, как и в мнении о коротких сношениях адыге с сарматами»[3]. Последнее высказывание – не аргумент против Ногмова, тем более, что он записывал только то, что слышал. Следовательно, Кешев, по существу, ставил под сомнение свое же возражение против Ногмова.

Не обращая на это обстоятельство должного внимания или вовсе не замечая его, некоторые исследователи свою критику Ногмова основывают на мнении А.-Г. Кешева. В частности, ссылаясь на писателя, историк Т. Х. Кумыков пишет: «Он (Ногмов. – *С. Б.*) ошибочно отождествляет адыгов с антами (антихе, атихе). Против этого же тезиса еще в прошлом веке выступил его соотечественник А.-Г. Кешев». Спустя двадцать лет, в 1994 г., Т. Х. Кумыков говорит то же самое: «Против его тезиса об антском происхождении адыгов еще в прошлом веке выступал его соотечественник А.-Г. Кешев»[4].

Проследим далее, как В. К. Гарданов и Т. Х. Кумыков «опровергают» Ш. Б. Ногмова, приводя при этом соответствующие извлечения из его «Истории...» и их доводы против него. У Ногмова читаем: «Автор «Дербент наме» называет все племена, обитающие от Терека до восточного берега Черного моря, Джулианд. Сохранившиеся у нас предания утверждают (не означая

---

*Здесь Ногмов цитируется по книге: «История адыхейского народа (о кабардинцах), составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин-Ногмовым...» (Пятигорск, 1893). Этот редкий экземпляр хранится в личной библиотеке Ханфеновой Гашапаго Ибрагимовны, руководителя первой Нальчикской государственной нотариальной конторы.

эпохи), что этот народ обитал от реки Терека до рек Волги и Дона». Комментируя это, В. К. Гарданов и Т. Х. Кумыков пишут: «Сообщая о кабардинских преданиях, которые знали на Северном Кавказе народ, обитавший «от реки Терека до рек Волги и Дона», Ногмов, видимо, имеет в виду северокавказских аланов, под именем которых у средневековых жителей нередко фигурировали не только предки современных осетин, но и все северокавказские племена, включая сюда и адыгов-кабардинцев»[5].

Как видно, довод комментаторов сводится к вводному слову «видимо», которое предполагает, что за *кадром* остается немало *невидимого*. Но под андами – антами Ногмов имеет в виду племена, локализующиеся «от Терека до восточного берега Черного моря», и только потом он ссылается на предания, которые, «не означая эпохи», утверждают, что этот народ обитал «от реки Терека до рек Волги и Дона».

Процитируем Ногмова: «Павел Диакон, путешествовавший на севере, нашел в 1-м столетии на Днепре антов». В комментариях Т. Х. Кумыкова и В. К. Гарданова читаем: «Анты, под именем которых в первом веке н. э. были известны восточнославянские племена, ошибочно отождествляются Ногмовым с предками адыгов-кабардинцев»[6]. Прежде всего надо отметить, что в первом – третьем веках не были известны восточнославянские племена. Прокопий Кесарийский и Иордан (Иорнанд у Карамзина и, разумеется, у Ногмова), жившие в VI в. и являющиеся основными источниками сведений о ранних славянах, не упоминают о них до IV в., что как будто не оспаривается и по сей день. Отсюда понятно, что Ногмов не мог отождествлять адыгов-кабардинцев с теми племенами, которых еще не было на исторической арене, и он об этом нигде не говорит.

Сомнению подвергается и следующее положение Ногмова: «Таким образом, часть наших предков была оттеснена на запад в первых веках христианского летосчисления». В. К. Гарданов и Т. Х. Кумыков пишут: «Ошибочно отождествляя предков адыгов-кабардинцев со славянами-антами, Ногмов считает, что поскольку анты при движении готов были оттеснены на запад, то это означает, что и предки кабардинцев также частично были оттеснены на запад в первые века н. э. Однако никаких сведений о передвижении адыгских племен на запад в первые века н. э. в источниках этого времени мы не находим»[7].

Во-первых, Ш. Б. Ногмов не отождествлял адыгов со славянами, о чем он, как будет сказано ниже, писал однозначно. Во-вторых, Ногмов *не считал*, что «анты при движении готов были оттеснены на запад». Процитируем Ногмова: «Вероятно, что та часть, которая обитала на западном берегу Азовского моря, подалась вверх по Днепру от приближения готов...»[8]. Как видно, Ногмов намного осторожнее, чем его критики. Он *не считал*, а *предполагал*, пользуясь для выражения своего взгляда таким словом-инструментом, как *вероятно* и т. д. В-третьих, античные авторы не могли фиксировать все передвижения племен, а многие их сочинения

до нас просто не дошли. Известное выражение старинных европейских архивистов «Чего нет в документах, того нет на свете» вовсе не означает, что чего нет в документах, того не было на свете. В-четвертых, вызывает серьезное сомнение понятие «славяне-анты». Характеризуя «племя венетов (венедов)», Иордан (VI в.) пишет: «Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются славянами и антами»[9].

В этом едва ли не самом раннем известии о славянах и антах они названы отдельно, причем о возникновении их названия Иордан ничего не сообщает, кроме того, что венеты «происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов»[10]. Кстати, уже этот перечень не вписывается в утверждение, что «венеты – протославяне»: предки не могут быть современниками потомков.

Прокопий Кесарийский также четко различает антов и славян, указывая, что «анты ближайшие соседи славян», что «некогда имя у славян и антов было одно и то же».

Здесь мы глубоко не затрагиваем вопрос о родстве или, точнее, о родственных связях антов и славян, что можно, при желании, усмотреть из сведений Иордана и Прокопия Кесарийского, хотя ими не сказано, в чем именно выражалось это родство, и нельзя быть вполне уверенным, что они в чем-то не ошибались, поскольку в подтверждение своих слов ничего существенного не сообщают. Правда, Прокопий Кесарийский упоминает, что у славян и антов «один и тот же язык, достаточно варварский»[12], что можно понять и как язык, значительно отличавшийся от тех, на которых говорили известные ему народы. И вообще, одного-двух свидетельств (в том числе и преданий) недостаточно, чтобы сделать основательный, исчерпывающий вывод по столь сложной проблеме, как этногенез народа.

Р. Г. Скрынников пишет: «Особую угрозу для византийцев представляло славянское племя антов, пришедшее с низовьев Дуная. В начале VII века анты были разгромлены кочевой ордой аваров, двигавшихся в Европу вслед за гуннами, и исчезли с лица земли»[13].

Этот взгляд вызывает некоторые возражения. Во-первых, о времени исчезновения антов, которое автор относит к VII в. В «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия, который одними учеными датируется концом VI – началом VII в., а другими – серединой и даже VIII столетием, описываются варварские племена славян и антов. Время написания «Стратегикона» не установлено, хотя более аргументированной считается первая дата. Уже поэтому нельзя считать достаточно обоснованным взгляд об исчезновении антов с лица земли в начале VII в.

Во-вторых, трудно согласиться и с тем, что могущественное племя, представлявшее «особую угрозу» даже Византии, вдруг исчезло бесследно из-за разгрома аварами, первые удары которых, кстати, хотя и повлекшие большие потери, все же не сломи-

ли у антов способности к последующему сопротивлению, продолжавшемуся, видимо, несколько десятилетий, а то и больше.

В частности, в «Истории» Менандра Византийца (Протиктора), написанной около 582 г., говорится, что «авары грабили и опустошали их (антов. – *С. Б.*) землю»[14]. Вместе с тем анты все еще были в состоянии вести переговоры с аварами о выкупе «некоторых пленных из своего народа». Вероятно, анты не *исчезли с лица земли*, но, будучи сильно ослабленными, частью покинули места расселения, а частью ассимилировались с местным населением.

Кроме того, Р. Г. Скрынников локализует антов только у низовьев Дуная, что не согласуется со сведениями отдельных авторов, специально занимавшихся этим вопросом.

Обратим еще раз внимание на то, что у Ногмова не сказано о тождестве антов и славян, что анты – предки славян. Зато он недвусмысленно указывает, что анты – это древние адыги, но, предвидя при этом критику в свой адрес, добавляет: «Мне было бы крайне прискорбно, если бы некоторые, читая эти строки, видели в них желание породнить моих соотечественников с Россией. Они увидят из следующих преданий, что две повести, происшедшие собственно у нас, перенесены греческими историками к восточным славянским народам»[15]. Отсюда следует, что Ш. Б. Ногмов, во-первых, не только делает различие между антами и славянами, у него анты, во всяком случае, не что иное, как один из этнообразующих элементов адыгов. Во-вторых, Ногмов не во всем доверял античным авторам, что делает честь нашему первому историку. В частности, анализируя сведения Н. М. Карамзина и полемизируя с ним, он замечает: «...повесть о Лавритасе, кажется, перенесена несправедливо к славянам европейским, которые смешаны в повествовании с антами». Если аварский хан в летописи называется Баяном, Ногмов указывает, что «предание именует его Байканом» и что «имя Лавритас более походит на греческое, нежели на славянское, как заметил Карамзин». И далее: «Но имя Лавритсан (в последующих изданиях «Истории...» – Лавристан. – *С. Б.*) есть антское по окончанию, которое напоминает название народа и многие другие древние наименования урочищ, в которых оно находится, как-то: Баксан, Нарсан, Боргустан; имена князей также заключали в себе в древности этот слог, напр.: Антинокопш...»[16]. Как видно, Ногмов стремится обосновать, что историческая территория Кабарды – родина Лавритсана (Лавристана).

Ссылаясь на предание своего народа, Ногмов приходит к выводу, что оно «может пояснить исторические сведения, оставшиеся у Греков о двух народах, которые, по их известиям, считались соплеменными»[17]. В подтверждение своей мысли он указывает, что и греки иногда заблуждались, определяя этническую принадлежность тех или иных племен. Например, по его словам, «Святослава и его войско Греки приняли за скифов». Это значит, что антами греки могли называть не только адыхов, но, вероятно ошибочно, и некоторых праславян.

Относительно самого предания Ногмов уже ясно указывает на этническую принадлежность Лавритсана: «Знаменитый Лавритсан происходил от славного адыгского рыцаря Хамиша»[18]. По этому же вопросу Ногмов в другом месте цитирует Н. М. Карамзина: «История сего времени упоминает об антах, которые, по известиям Иорнанда (Иордана. – *С. Б.*) и византийских летописцев, принадлежали, вместе с венедами, к народу славянскому, Винитар, наследник Германариха, царя Готского... завоевал страну Антов, которые обитали на север от Черного моря, и жестоким образом умертвил их князя, именем Бокса...» А согласно преданию адыгов, относящемуся к тому же времени (VI в.), старший сын князя Дауо, Баксан, «знаменитый нарт своего отечества», также был убит готским царем. Анализируя сведения Иордана, других авторов и предания, Ногмов заключает: «Разность между изустным преданием и историей весьма незначительна. Бокса то же, что Боксан, но с греческим окончанием. Одна лишь разница в месте жительства Антов довольно значительна: вместо севера этот народ жил на восток от Черного моря»[19].

Амал Винитарий – вождь остготов, внук брата Германариха Вультульфа, о котором здесь сказано, по Иордану, «распял короля их (антов. – *С. Б.*) Божа с сыновьями его и семьюдесятью старейшинами для устрашения»[20]. Очевидно, есть разночтения (или опечатка?) имени антского князя (Бокса, Бож), но для нас важнее другое: Ногмов и в данном случае отстаивает свою точку зрения, согласно которой славяне и анты не совсем одно и то же, а под антами следует разуметь предков адыгов или самих адыгов. В подтверждение этого приведем еще одну выдержку из Ногмова: «Он (хан Байкан. – *С. Б.*) собрал огромное войско, вступил от берега Черного моря в землю Адыхов и завладел ею до реки Баксана. Преимущественно месть его направлена была на князя Лавристана и других вождей. Не отыскав его, он опустошил его отечество... Начался упадок адыхского, или антского народа»[21].

Мы не рассматриваем вопрос о соответствии преданий и летописей, хотя Ногмов считал излишне оптимистично, что «предание во всем сходно с историей». Хотим подчеркнуть другое: князя Лавритсана (Лавристан), которого Карамзин объявляет славянином, Ногмов уверенно относит к кавказским антам, а предание – даже прямо к адыгам. Между последними наш историк не делает различий. Кстати, и Карамзин не очень последователен, когда пишет, что, «смирив антов, царь требовал от славян подданства». Фразу можно прочесть и так, что, после покорения ханом Байканом антов, он требовал от других славян «подданства», т. е. добивался их подчинения себе без войны. Достойно внимания и примечание Н. М. Карамзина, на которое ссылается Берже по этому вопросу: «Гебгарди (немецкий историк. – *С. Б.*) хочет под сими славянами разуметь Антов»[22].

Антская теория должна была бы стать предметом специального рассмотрения недавно вышедшего в свет фундаментального исследования по этногенезу адыгов. Его автор Р. Ж. Бетрозов,

вскользь затрагивая эту проблему, пишет: «Это мнение было воспринято В. Кудашевым, писавшим, что «если это предположение верно, то черкесы по происхождению, значит, родственны славянам»[23]. Но, во-первых, заключение Кудашева логически несостоятельно, точнее, однобоко, ибо Ногмов нигде прямо не говорит, что черкесы по происхождению родственны славянам. Во-вторых, рассматриваемую мысль Кудашев так же, как Кешев, заимствовал у Берже. Последний указывал: «Если допустить, что нынешние адыхе – потомки антов, то свидетельство автора (Ногмова. – *С. Б.*) не подлежит сомнению: известно, что последние служили аварскому хану Баяну, так же, как в V в. при Аттиле признавали над собою власть гуннов»[24].

Берже здесь, в отличие от Ногмова, антов, похоже, трактует как предков русских, и тем самым становится автором (или соавтором) антской теории происхождения адыгов, хотя он об этом нигде прямо не указывает.

Возражая далее Ногмову и Кудашеву, условно воспринявшему суждение своего предшественника, Бетрозов отмечает, что Кешев «указал на недопустимость сопоставления этнонимов «ант» и «адыг». Выше мы убедились, что Кешев в одном случае согласен с Ногмовым и в этом важном отношении действительно указал на недопустимость их противопоставления, склоняясь к их отождествлению.

Известный лингвист А. К. Шагиров также возражает Ногмову, рассматривая его этимологию как следствие «отождествления адыгов со славянами-антами». С ним согласен и профессор Дж. Н. Коков [25].

Вместе с тем отметим: этнонимы **ант** и **славяне** по сведениям древних авторов не всегда тождественны. Нелишне здесь обратить внимание и на этноним **чынты** (чинты, кинты), иногда считающийся адыгским (праадыгским). На этом основании можно сказать, что термины **анты́** (а́нты) и **чынты́** (чинты, кинты) имеют нечто общее. В обоих словах содержится часть слова **-нты**, что, должно быть, не случайно. Начальные **-а** и **-и** не должны мешать признанию однотипности их словообразования. В этом случае термин **ант** (**антыхе**) с большей уверенностью может быть прочтен как адыхский (праадыхский) этноним, которым древние греки, возможно, их называли.

В пользу преданий об антском происхождении названия **атыхе**, **адыге** (только названия, а не самих адыге: их корни гораздо глубже) можно привести неубедительные попытки: трактовать этноним **анты** по-славянски. Дается, довольно натянуто, предположительное объяснение, согласно которому **анты**, возможно, «видоизменение общеславянского имени «венты», «вяты»[26]. Нам же видится, что этноним **анты** греческого происхождения и означает **древний**, что, вероятно, более применимо к праадыгам, чем к праславянам, но мы думаем, что древним грекам было бы все равно, кого называть антами: праадыгов или праславян. По-видимому, места расселения первых располагались ближе к гре-

кам, и древними (антами) они называли более *древних* обитателей.

О древности корней адыгов говорит и тот общепризнанный факт, что их предки – одни из создателей эпоса «Нарты». Главный герой эпоса – Сосруко рождается вследствие страсти, которой воспылал пастух при виде Сатаней, в результате чего камень возле нее был оплодотворен, и бог кузнечного дела Тлепш извлек из него раскаленного мальчика, которому дали имя Сосруко – сын камня. А Сатаней – «глава нартского общества, ее авторитет непререкаем, хотя она не допускается на хасу – совет мужчин, на котором решаются наиболее важные дела»[27]. Образ Сатаней говорит об эпохе разложения матриархата и становления патриархального строя в одном из регионов *классического* матриархата. Другими словами, эпос «Нарты», исходя из этого, восходит, по крайней мере, ко II тысячелетию до н. э. Отсюда логично заключить, что рождение Сосруко могло стать просто основой позднейших, более утонченных сверхъестественных *рождеств* (Будда – VII–VI вв. до н. э.; Христос – I в. н. э.).

Обратим внимание и на следующий факт. Само слово **анты**, как известно, впервые прочитано в Керченской надписи III в. н. э., т. е. изначально встречается в местах расселения адыгов (праадыгов). Однако оно, по-видимому, было в употреблении и в более отдаленные времена. Обратим еще раз внимание: Ногмов в своей «Истории...» ссылается на Павла Диакона, который упоминает об антах на Днепре, относящихся к I в. н. э.

Вероятно, этноним **анты**, спустя несколько веков, мог закрепиться за предположительно называемым союзом славянских племен, сложившимся там, где обитала часть предков адыгов, т. е. между Днестром и Днепром, не ранее V в. В эту позднюю античную эпоху некоторые из адыгов или их предков могли составить какую-то часть *новых антов*.

В связи с этим не следует пренебрегать и тем фактом, что среди имен антской знати у античных авторов встречается вельможа по имени Идарий. Менандр Византиец (Протиктор), историк второй половины VI в., упоминает посланника антов к аварам – «Мезамира, сына Идаризиева, брата Келагастова». Близость имен Идарий и Идаризиев очевидна, а имя родственника последнего, Келагастова (Къалэгъащтэ?), однотипно по словообразованию с именами Ардагаст, Пирагост, Дабрагаст. Среди имен антских князей встречается известный нам Бож (у Ногмова – Бокса)[28]. Эти имена, по всей вероятности, более праадыгские, чем прарусские.

Этимологию этнонима **ант**, вероятно, несколько легче было бы объяснить как западнокавказско-малоазийскую лексему. Трудно, например, пройти мимо того, что в Турции, в Анатолии, есть гора под названием *Антитавр* (Anti–Taurus)[29]. И сама географическая область *Анатолия* своим наименованием, вполне возможно, обязана слову анты. Вспомним также, что Анатолия, или Малая Азия, – древнейшая территория расселения хеттов (III–II тысяче-

летие до н. э.), считающихся одним из далеких этнообразующих предков абхазо-адыгов.

Следует отметить и тот факт, что в топонимике местности между Днепром и Днестром не зафиксировано название *анты*, что можно, в частности, объяснить бесписьменностью и относительной кратковременностью пребывания здесь этого племени.

Образ жизни антов, кроме того, во многом совпадает с позднеадыгским. Из «Стратегикона» Псевдо-Маврикия: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в собственной стране... К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения (при переходе их из одного места в другое), охраняют их, в случае надобности. Так что если бы оказалось, что по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпел (какой-либо) ущерб, принимавший его раньше начинает войну (против виновного), считая долгом чести отомстить за чужеземца». И далее: «Так как между ними нет единомыслия, то они не собираются вместе, а если и собираются, то решенное ими тотчас же нарушают другие, так как все они враждебны друг другу и при этом никто не хочет уступить другому»[30].

Что касается образа жизни антов, то он, особенно своей любовью к свободе и гостеприимству, хотя это слово и не встречается в тексте, на наш взгляд, соответствует образу жизни адыгов. Образ жизни народа, основные черты его характера, а не только язык, должны быть приняты во внимание при постановке и решении вопроса об этносе и этногенезе.

Все, что есть проявление народного духа, подвержено изменению. Язык не исключение. Американский лингвист М. Сводеш разработал метод датировки процессов дифференциации праязыкового единства и распадения его на языковые семьи. В соответствии с этим методом считается, что «два разных поколения одного какого-либо народа, разделенные временным промежутком всего в 1600 лет, не понимали бы друг друга»[31].

Неудивительно поэтому, что язык предков этноса двухтысячелетней давности кажется сегодняшнему его поколению чем-то чуждым, инородным.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод: однозначного и обоснованного отождествления антов и славян, за исключением отдельных сведений, точность которых, впрочем как и их ошибочность, теперь уже недоказуема, но может быть поставлена под серьезное сомнение, в трудах античных авторов не содержится. А в своих преданиях адыхи (адыги), относя себя к антам, ничего не говорят о том, что последние — славяне.

Ногмов, в сущности, ни на чем другом и не настаивал, кроме как на том, чтó говорится в устном народном творчестве. Древнее предание народа о своем происхождении, нравится оно современникам или нет, не перестанет быть преданием, и оно не

должно быть предано забвению или отвергнуто субъективно, а заслуживает всестороннего объективного исследования.

Напомним и следующее. В исторической литературе известны сведения о том, что «в древние времена кабардинцы жили на Украине в Малой России» (И. Ф. Бларамберг), что черкесы в конце XIII в., выселившись «из Бештау, или Пятигорья», после ряда перемещений прославились «под именем Запорожских козаков» (С. Броневский). Эти черкесы, впоследствии став основой Запорожской Сечи, сложившейся «ниже по Днепру», в XVI–XVII вв. сыграли большую роль в защите южных рубежей славянского мира[32].

Антская теория Ногмова, по крайней мере, не вызывала возражений у абсолютного большинства исследователей XIX – начала XX века, причем у них отсутствует даже намек на родство адыгов и славян. Процитируем некоторых из них. В. Потто: «Черкесы называют сами себя именем Адыге. Есть мнение, что слово это представляет собою только множественное число древнего слова «ант», значащего, вероятно, «человек», и в некоторых местностях и поныне выговаривается «антихе» (В. Потто. Кавказская война. Ставрополь. Т. 2. С. 314); Темтеч Хаджимуков (1848–1907): «Сами себя черкесы называют именем «адыге» – от слова «ант», означающего «человек», что произносится, как «антыхе», а отсюда – «антихейский народ»; «Предание помещает здесь древний город черкесской земли «Бергусант» – имя, значащее «собрание многих антов», быть может, собрание верующих, церковь антов» (см.: Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода/ Предисловие Р. Х. Хашхожевой. Нальчик, 1991. С. 27, 37); Батырбек Шарданов (1860– ?): «Еще до рождества Христова наши предки населяли горы Кавказа и назывались антами, с течением времени слово «ант» перешло в антхе...» (Там же. С. 69); Сефербей Сиюхов (1887–1966): «По мнению некоторых ученых, адыге – искаженное слово «антихе» (люди), от древнейшего «ант» (человек)» (Там же. С. 237).

В заключение следует подчеркнуть одно важное замечание А.-Г. Кешева об *антской теории* Ногмова. Кешев не воспринимал свой взгляд на эту сложную проблему как последнее слово науки, а высказал его, не будучи специалистом, «до того времени, пока за такой труд не возьмется кто-либо из будущего поколения адыге, которого он ближе всего касается...»[33].

С тех пор историки, а именно их Кешев имел в виду, в этом вопросе не продвинулись вперед в гибкости, а уступают адыгскому писателю середины XIX в., ушедшему из жизни молодым – в 35 лет.

Что касается Ногмова, нашего первого и уже потому выдающегося отечественного историка, то его не так просто отвергнуть, хотя бы уже потому, что Роберт Лайэлл, не говоря уже о других, более поздних знакомых Шоры, еще в 1822 г. был «поражен его знаниями и его сильной манерой рассуждения».

ЭТНОТОПОНИМ КАБАРДА: К ИСТОКАМ НАЗВАНИЯ

Наиболее полно существующие сведения о происхождении названия **Кабарда** представлены в исследовании известного специалиста по адыгской ономастике Дж. Н. Кокова, однако и у него нет однозначного ее объяснения. Указывая на этот факт, историк Ч. Э. Карданов в своей книге, вышедшей в 1997 г., сделал вывод: хотя адыги, населявшие Кабарду, и назывались кабардинцами, происхождение самого названия остается неизвестным.

О возникновении названия **Кабарда** есть и публикации фольклорных текстов, а также статья А. И. Абдокова «Откуда пошло название **Кабарда**?», представляющая собой, главным образом, пересказ этих текстов[2].

Возникновение термина **Кабарда** одно из преданий относит ко времени пращура кабардинских князей – Инала. Оно повествует, что у князя Инала когда-то гостил ферендж (генуэзец)-паша. Паша, будучи знакомым с обычаями адыгского гостеприимства, дал знать Иналу, что у него к нему есть большая просьба. Последний, не подозревая козней коварного гостя, обещает ему все, о чем он ни попросит – за исключением лошади и оружия. А паша попросил ни много ни мало – жену-красавицу. Гордый князь оказался в крайнем затруднении, которое могло закончиться трагической развязкой. Но тут сама жена разрядила обстановку, напомнив мужу, что и гость перед этим обещал исполнить любую просьбу Инала, если он ему ее отдаст.

В тот период Инал и ферендж-паша находились в состоянии противоборства, и княгиня посоветовала мужу попросить у гостя, чтобы он увел всех своих воинов из адыгской земли. В этот момент тлекотлеш Кабард Тамбиев сумел уговорить Инала пойти на уступки и поступить согласно совету жены, обещав при этом, что он ее вскоре освободит без ущерба для чести мужа. Князь согласился, ферендж-паша также уступил его просьбе. Как только гость успел покинуть землю адыгов, Кабард Тамбиев, выполняя свое обещание, напал на ференджей и вернул княгиню князю. В благодарность за такой смелый поступок Инал пожелал назвать территорию, управляемую Тамбиевым, **Кабарда** (Къэбэрдей) и завещал своим сыновьям не заменять это наименование[3].

Есть и другое предание о происхождении названия Кабарда в записи Талиба Кашежева, также связанное с Кабардом Тамбиевым и его женой. Но претендент на ее руку уже другой – калмыцкий хан. В поисках нового места заселения Кабард Тамбиев «достиг кургана Курей, по левую сторону реки Малки, напротив того места, где ныне находится станица Прохладная». Хан, которому в то время принадлежали эти и близлежащие земли, отдал Тамбиеву «во владение то место, где ныне находится аул Лафишева. Здесь он построил себе сакли, обзавелся хозяйством и жил в полном довольстве несколько лет». Тем временем до хана донесся слух, что у Кабарда есть жена необыкновенной красоты и, решив заполучить ее любой ценой, он «предложил ему поменяться женами».

Кабард отказался от подобной сделки. Тогда хан предложил Кабарду просить у него взамен его жены все, что угодно, в противном случае угрожая взять ее силой. И здесь жена выручила мужа. По ее совету Кабард предложил хану «сейчас же удалиться в свои степи». После некоторого замешательства хан согласился на предъявленное условие, и «Тамбиев сделался владельцем огромного пространства земли, но, считая старое место несчастливым, он перенес свой аул за реку Баксан, на правую ее сторону, на то самое место, где он стоит и поныне»[4].

Касаясь более ранних исследований по данному вопросу, остановимся на некоторых из них.

«Происхождение названия **Кабарда** установить трудно», — этот вывод Клапрота, сделанный им еще в 1808 г., как отмечено выше, до сих пор остается в силе. Более того, то, что казалось ему просто трудным, может сделаться невозможным. В сведениях Клапрота одно положение напоминает концовку предания в записи Кашежева.

Академик, не соглашаясь с Рейнеггсом, который выводил название Кабарда «от реки Кабард в Крыму и от слова «да» — деревня», свидетельствовал: «Еще и теперь называют многих черкесов — «кабарда», а именно узденей (дворян) из рода Тамби у реки Кишбек, впадающей в Баксан»[5].

Далее Клапрот, пожалуй, первым вводит в научный оборот сведения венецианского посланника Иосафата Барбаро, который в 1474 г. «называет уже тогда теперешнюю Кабарду этим именем»[6]. О Кабарде этого времени мы почти ничего существенного не знаем. И уже поэтому нет оснований ни утверждать, ни отрицать мнение Клапрота. В самом деле, подразумевал ли Иосафат Барбаро Кабарду? Процитируем его: «За Кремухом обитают разные народы, в недальнем расстоянии один от другого, как-то: киппики, татакозцы, собайцы, кавертейцы и ас или аланы...»[7].

Сравнивая сведения Иосафата Барбаро и Клапрота, надо заметить хронологическую дистанцию почти в три с половиной века. В начале XIX в. Клапрот считал, что «Кабарда» как название распространено только на незначительной части и именно на узденей фамилии Тамбиевых. Из этого следует: кабардинцами себя называли только потомки Кабарда Тамбиева. Так мог ли столь незначительную местность и ее обитателей иметь в виду Иосафат Барбаро? Вряд ли. Вероятно, под кавертейцами он подразумевал каких-то (возможно, часть адыгского этноса) других жителей другой местности, носившей наименование Кабарда (Кабарта).

По крайней мере, о кавертейцах Иосафата Барбаро мы знаем не больше, чем о киппиках, татакозцах, собайцах, а о них, кроме неубедительного утверждения В. К. Гарданова о том, что они являются сопредельными с кавертейцами черкесскими народами[8], ничего вразумительного историки не сообщают.

Пятигорские черкесы (позднее кабардинцы) и Кабардия (Кабарда) — не совсем одно и то же, что мы имели в виду, говоря о кавертейцах Иосафата Барбаро: они существовали более или

менее одновременно, причем Кабардия (Кабарда) вытеснила этноним «пятигорские черкесы»*. Понятно и то, что жители этой местности давали имена своим детям по ее названию. В том числе и Кабард Тамбиев мог получить свое имя именно таким образом.

На связь «кабартинских» адыгов и пятигорских черкес указывает Никоновская летопись за 1556 г. Упоминая о пятигорских черкесах, она же в 1557 г. сообщала о послании Канклыча Канукова «от братии от кабартынских князей черкаских от Темрюка», а в 1558 г. того же Канукова «государь отпустил в Кабарту в Черкасы»[9].

Религиозные представления части адыгов, заселивших местность под названием **Кабарда**, могли сыграть связующую роль кабардинцев с русскими. По этому поводу Ногмов пишет: «Вероятно, эта христианская вера, распространенная в древности греками между Черным и Каспийским морями, была еще в большей силе у нашего народа. Эта причина побудила его искать союза с русскими, как с единоверцами, и прибегнуть под покровительство царя Иоанна Васильевича...»[10].

Об этимологии названия **Кабарда** существует и другая версия. Академик И. А. Гюльденштедт пишет: «Кабарда называется на грузинском языке: стороною, в сторону или на другой стороне. Посему имя сие, может быть, грузинское и взято от положения в отношении Грузии»[11].

Еще одно наименование **Кабарда** приводит И. Ф. Бларамберг: «На карте Средиземного и Черного морей, подготовленной в 1497 г., можно прочесть название «Kabardi», написанное красными буквами несколько к востоку от Таганрога...»[12]. Видимо, это же название отразилось на известных генуэзских и венецианских картах XIV–XV вв., хотя оно на них запечатлено к западу от Таганрога.

В географии Грузии Вахушти, составленной в 1745 г., сказано: «Овсы поселились в горах Кавказа, Овсетия (собственная) стала называться Черкессией или Кабардой, а горы Овсетией». А в истории Грузии Вахушти читаем: «После разорения Осетии Тимуром она стала называться «Кабардо», ибо осетины удалились в глубь Кавказских гор»[13].

Такого рода переименование этнонима на топоним встречается довольно редко, но от этого не менее объяснимо и переименование части черкесов на то же название: те и другие в разное время занимали место «в глубь Кавказских гор», координаты которого в свое время не были зафиксированы, а впоследствии стерлись в памяти народа.

На отмеченную выше связь наименования **Кабарда** с верованиями греко-римского происхождения косвенно указывают и сохранившиеся в нашем крае географические названия. «Следы христианства, – свидетельствует Ногмов, – еще очень свежи в памя-

---

*Существовала также и «русская Черкесия». Джон Кук пишет: «Примерно в конце октября этого года (1746) отряд татар сделал набег на русскую Черкесию» (АБКИЕА. С. 177)

ти народной: теперь еще говорят о том, что предки почитали за пророка Аус Герге, т. е. греческого Иисуса»[14].

Ключ к разгадке тайны топонима **Кабарда**, на наш взгляд, содержится в материалах Николая Витсена (1640 г. – начало XVIII в.). Наряду с этнонимом **пятигорские черкесы** он указывает и на более чем вероятный источник названия **Кабарда.** Он пишет: «Кабарда – небольшая черкесская область. Минерва у древних имеет название Кабардия, по-видимому, в определенном месте, а именно в этой местности; говорили также в древности Минерва Кабардинская, как это можно прочитать на подписи»[15].

Витсен, к сожалению, не уточнил, о какой *подписи* идет речь, однако определенное разъяснение о ней содержится в его следующем сообщении: «В Черкесских горах неподалеку от Каспийского моря встречается много развалин башен, замков, городов и т. п., построенных во времена Александра Великого, как рассказывают в этих местах. На развалинах видны письмена и древние надписи, вырезанные на камне, которых теперь нельзя разобрать» (АБКИЕА. С. 91).

Француз Ферран (около 1670 – после 1713), посетивший Черкесию в 1709 г., подтверждает свидетельство Николая Витсена и сообщает важные сведения о религиозности черкесов и преданиях народа о своем происхождении: «Народы черкесские весьма уважают христиан, считая себя потомками генуэзцев, которые некогда владели важнейшими частями здешней страны. И ныне еще здесь видно много остатков городов, построенных генуэзцами» (АБКИЕА. С. 111–112).

Эти два свидетельства позволяют сделать вывод: проникновение названия **Кабарда (Кабардия)** на Северный (Центральный) Кавказ имеет религиозно-мифологическую основу и связано с древними греко-римлянами. Надо думать, именно генуэзцам принадлежит та самая подпись, которую Николай Витсен прочитал на развалинах (остатках) этих своеобразных городов.

В своих выводах мы опираемся на то, что Минерва у римлян была богиней городов, мудрости и войны. Особое уважение кабардинцев к женщине и их воинственность мы склонны не в последнюю очередь объяснить их религиозными представлениями, связанными с культом Минервы Кабардинской, которую они, переселившись на местность, освященную ее именем, стали почитать, будучи христианами (или еще во многом христианами), как свою покровительницу и богиню войны. Сведения Витсена и Феррана представляют особую ценность, как свидетельства, которые во времена заселения адыгами этих мест, за 100–150 лет до них, несомненно, были рельефнее и живее в памяти народа. Даже Жан-Шарль де Бесс в 1829 г. сетовал: «Непростительно безразличие Рима, который до сих пор не удосужился направить в эти края своих миссионеров, которые во многих местах здесь обнаружили бы крест, до сих пор почитаемый черкесами как символ культа подлинного бога».

Объясняя этноним Кабарда в связи с мифологической Минервой

Кабардинской, мы считаем весьма сомнительным предание о его происхождении от имени полулегендарного Кабарда Тамбиева. Это предание, судя по всему, возникло значительно позднее самого термина **Кабарда** как попытка как-то объяснить уже существующее название народа. Слишком уж надуманными выглядят и предания, согласно которым первоначальная территория кабардинцев приобретена князем в обмен на собственную жену, что вряд ли вообще следует воспринимать всерьез.

Отметим здесь также, что территории под названием **Кабарда** в преданиях отделяются одна от другой значительным расстоянием: Крым, Северо-Восточное Причерноморье, Закубанье и собственно Кабарда, т. е. Центральный Кавказ. Каждая из этих территорий могла бы претендовать на указанные предания.

Несколько видоизмененное имя Аус Герге в форме Аушигер носит гора в Кабардино-Балкарии. Дж. Н. Коков пишет, что «название унаследовано из христианского периода адыгской истории»[16].

Аналогичным образом, но в более древнюю языческую эпоху, должно быть, возникло и название **Кабарда**, которое не могло не отразиться на именах части адыгского этноса и самих адыгов.

Несколько слов о других названиях Кабарды. Разделение кабардинцев на многочисленные уделы со своими названиями начинается после исчезновения, лучше сказать, в ходе исчезновения этнонима **пятигорские черкесы**. Это относится приблизительно к последней трети XVI–XVII в.

Впервые этноним **Малая Кабарда** в документах русско-кабардинских отношений встречается значительно позже фактического распада кабардинцев, ориентировочно в 40-х годах XVII в. В грамоте Алегуко Шогенукова и Хатокшуко Казиева царю Алексею Михайловичу за 1647 г. упоминается термин Малая Кабарда[17]. Раз была **Малая Кабарда**, существовала и Большая Кабарда, хотя она в той грамоте и других, более ранних материалах не значилась.

В тот период часто встречаются различные наименования Кабарды: Казиева Кабарда, Анзорова Кабарда, Кельмаметова Кабарда, Алегукина Кабарда, Шолохова Кабарда, Верхняя Кабарда, Нижняя Кабарда, Великая Кабарда, Средняя Кабарда (Таусултания), Гиляхстанова (Джылахъстэней) Кабарда, Кучук-Кабарда (Малая Кабарда), Нагорная Кабарда.

Ч. Э. Карданов выделяет еще Кайтукину Кабарду (Къэйтыкъуей) и Пшеапшокину Кабарду [18].

Большая и Малая Кабарда в начале их образования, по-видимому, не были сопредельны. В связи с этим обратимся к «Изъяснению о кабардинских народах», написанному в 1732 г., где отмечено: «А земля та, где ныне кабардинцы жительство имеют, а именно: Малая Кабарда по реке Тереку, от Гребенских терских казачьих городков расстоянием два дни езды, Большая Кабарда по реке Бажсану, от тех же городков три дни езды». Следовательно, Большую Кабарду и Малую Кабарду в начале 30-х годов XVIII в. разделяло расстояние **в один день езды.**

Нелишне здесь отметить, как кабардинцы во времена Клапрота представляли себе понятие **Кабарда.** Клапрот пишет: «Большая и Малая Кабарда – это разделение народа и страны, о котором сами черкесы ничего не знают и которое употребительно только у русских... Они знают только одну Кабарду, и это та часть, которую обычно называют Большой Кабардой и которая на их языке тоже носит это имя»[20].

В указанном выше «Изъяснении...» сказано: «И в то время, поссорясь между собою, бывшие тогда черкесские знатные князья два брата именами Кабарты-беки разделились с их подвластными и поселились порознь: брат Кабард при реке Баксану, а меньший Кабарт, при реке Тереку. И с того времени назвались Большая и Малая Кабарды; и поныне в том месте живут и никуда не сходили».

Однако вряд ли и это объяснение состоятельно. Разделение Кабарды на Большую и Малую в русских источниках относится к концу XIV – началу XVII в. Но в это время князей с такими именами в родословных кабардинских князей не встречается. Тем не менее это же предание было известно Броневскому, и он включил его в свою книгу как вариант причины разделения Кабарды. «Разделение Большой и Малой Кабарды, – писал он, – выводят еще другим образом: от двух братьев по имени Кабарты-бек, которые разделили между собою земли на два участка, под именем Большой и Малой Кабарды»[21]. Далее в «Изъяснении...» читаем: «Давно ль в нынешние жилища поселились, и по чьему определению переходили или сами собою, подлинно не знают»[22].

Если попытаться определить географию Большой Кабарды к концу XVIII в., то, по Рейнеггсу, она выглядит так: «Местность, известная под названием Большая Кабарда, граничит на востоке с горами Баксана и рекой того же имени; на севере граница идет по правому берегу реки Малки; на западе – Карачаевскими горами, на северо-западе рекою Кубанью; на юге она оканчивается у подножья Кавказских гор...»[23]

Население Кабарды (Большая Кабарда), по данным Главани (1724 г.), составляло около трех тысяч жилищ. «В Кучук-Кабарте [Малая Кабарда] насчитывалось 800 жилищ, в Тауз-Султан-кабаке [Таусултания] – 600 дворов и Гилаксане [Гилахстан, включая Ахлова и Мударова кабаки] – 400 дворов»[24].

К концу XVIII в., по подсчетам академика Палласа, население Кабарды (вероятно, Большой Кабарды) составляло «20 000 человек простонародья и 1500 узденей»[25]. Под этими цифрами, надо полагать, имеется в виду количество дворов.

КАБАРДИНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ (XVI—XIX вв.): ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Характер военно-политических контактов Темрюка Идарова и Ивана IV и последовавших кабардино-русских отношений, несмотря на ряд исследований*, все еще остается не до конца изученной проблемой. В 1989 г. в Махачкале состоялась Всесоюзная научная конференция по вопросу: «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX века». На ней сделан вывод: «Период застоя пагубно отразился на характере и уровне разработки ключевых проблем истории народов Северного Кавказа. Прокатившаяся в те годы волна юбилейных празднеств, посвященных «добровольным присоединениям» и «вхождениям», создала атмосферу, не способствовавшую объективному изучению прошлого этих народов»[1].

В связи с этим выводом укажем, что, во-первых, торжества, посвященные «добровольным присоединениям» и «вхождениям», не везде проходили в годы застоя. Во-вторых, атмосфера, не способствовавшая (мягко сказано!) объективному исследованию проблемных вопросов истории, имела место в России и до застоя. Исключение составляют кратковременные *демократические* периоды перехода от одной власти к другой. В-третьих, формы вхождения народов Северного Кавказа в Россию были различны: от близкого к добровольному до насильственного по отношению к большинству населения отдельных его регионов.

Предыстория одного из указанных на конференции юбилеев рассказана в статье «Дореволюционная Кабардино-Балкария в советских исторических исследованиях», опубликованной в 1987 г. Ее авторы Т. Х. Кумыков и К. Г. Азаматов писали: «В противовес существовавшей в науке формуле о «наименьшем зле» в 50-е годы был выдвинут тезис о добровольном характере присоединения Кабарды к России и его прогрессивном последствии. В августе 1954 г. в Нальчике была созвана научная сессия, на которой с основным докладом «О добровольном присоединении Кабарды к России» выступил Т. Х. Кумыков. Одобрив основные положения доклада, «сессия рекомендовала институту отметить 400-летие вхождения Кабарды в состав России...»[2].

6 июля 1957 г. в Нальчике состоялась юбилейная сессия Вер-

**Кокиев Г. А.* Русско-кабардинские отношения в XVI веке // УЗ КабНИИ. Нальчик, 1948. Т. 4. С. 25—65; *Смирнов И. А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI—XVIII веках. Нальчик, 1948; *Кумыков Т. Х.* Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957; *Фадеев А. В.* Основные этапы в развитии русско-кавказских связей//УЗ КБНИИ. Нальчик, 1960. Т. 17. С. 43; *Карданов Ч. Э.* Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVII веке. Нальчик, 1972; *Аталиков В. М.* Страницы истории. Нальчик, 1987; *Опрышко О. Л.* По тропам истории. Нальчик, 1990; *Мальбахов Б. К.*, *Дзамихов К. Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1997 и др.

ховного Совета КБАССР, посвященная 400-летию присоединения Кабарды к России. Сессию открыл председатель Верховного Совета КБАССР Х. М. Бербеков. С докладом «О 400-летии добровольного присоединения Кабарды к России» на сессии выступил первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т. К. Мальбахов. В докладе указано: «Заветное чаяние и стремление кабардинского народа, боровшегося на протяжении многих лет за присоединение к Русскому государству, сбылись в 1557 году...» А в обращении юбилейной сессии к Верховному Совету, Совету Министров СССР и ЦК КПСС даже прямо указано: «И 6 июля 1557 года добровольное присоединение Кабарды к России было поворотным моментом»[3].

Наиболее полно и основательно существующие по затронутой проблеме взгляды проанализированы Б. К. Мальбаховым и К. Ф. Дзамиховым. Они пришли к выводу, что кабардино-русские отношения, инициатором которых был Темрюк Идаров, есть своеобразный взаимовыгодный военно-политический союз между Кабардой и Русским государством[4].

Отношения Темрюка Идарова с Иваном Грозным могут быть охарактеризованы именно как *своеобразный* союз, впоследствии закрепленный родственными связями, союз как соглашение, договор для каких-либо совместных целей и действий.

Союз – понятие неоднозначное. По своему политическому содержанию он близок или тождествен паритету, основанному на приблизительном равенстве сил сторон. Такого понимания понятия *союз* следует избегать, характеризуя кабардино-русские связи на первом этапе их сближения.

Можно считать также установленным, что переговоры кабардинского посольства в Москве, как справедливо подчеркивают Б. К. Мальбахов и К. Ф. Дзамихов, не могут быть определены «как единовременный акт присоединения», он «не предусматривал включения территории адыгов во владения Русского государства»[5].

Невозможность единовременного вхождения Кабарды в Русское государство обусловлена объективными причинами. «Было ясно, – указывал на главную из них историк С. М. Соловьев, – Московское государство в конце XVI в. еще не могло поддерживать таких отдаленных владений»[6]. Эта мысль еще более справедлива для середины XVI в. Дело в том, что Русь, захватив Казанское и Астраханское ханства, осталась без ясных границ на юге. А «...юг, к которому стремилось почувствовавшее свои силы Русское царство, представлял обширные степи, по которым невозбранно передвигались народы, не давая даже установиться границам Московской земли и держа в постоянной войне и опасности порубежное население»[7].

Более или менее обеспеченная граница Руси проходила по линии Астрахань – Азов. Вообще до Петра Великого у Руси не было ясно очерченных границ не только на Северном Кавказе, но и далеко к северу от него. С. М. Броневский указывал на этот факт: «..линия Царицынская по Волге и Дону, учрежденная при

Петре Великом, будучи единственною преградою, пребывала ненарушимою». И лишь после того, как «заложена была крепость в Моздоке, то существование линии сей сделалось безполезным. Ибо устроением новой линии по Тереку, а потом по Малке осталась она уже внутри российских пределов»[8].

Невозможность акта единовременного присоединения Кабарды к России содержится уже в том несомненном факте, что она во времена Ивана Грозного была раздираема междоусобицей двух князей-валиев: Темрюка Идарова и Пшеапшоко. Относительно места и роли самого Темрюка Идарова еще немало неопределенного. С. А. Белокуров писал: «...в 1557 году прибыло [посольство] черкесов от Малой Кабарды, расселившихся по Тереку и известных у них под именем «черкас кабардинских». Среди них в то время жил знаменитейший князь Темрюк»[9].

Ошибка автора в том, что в документах XVI в. не встречается понятие *Малая Кабарда*, поэтому преждевременно говорить о малокабардинцах во времена Темрюка Идарова. Нелишне здесь привести одно высказывание по этому поводу: «..до черкесских посольств в Москву не было таких этнических названий, как «Большая Кабарда» и «Малая Кабарда». Размежевание (разделение) кабардинцев оформилось в ходе установления и упрочения военно-политических, союзнических связей»[10].

О географических координатах владений Темрюка Идарова, т. е. Кабарды Темрюка Идарова, можно ориентировочно судить по статейному списку И. П. Новосильцева 1570 г.: « А та земля изстари была от Кабарды от Темгрюкова юрта по Терке по реке и до моря его, Темгрюкова, и зверь бил и рыбу ловил». И далее: «...а не владел тою землею, где город Терка стал, опричь Темгрюка нихто»[11].

И. П. Новосильцева следует понимать так, что Темрюков юрт граничил с Кабардой, будучи сам ее частью. Ч. Э. Карданов читает эти строки в таком же смысле[12].

Другой существенный момент, исключающий установление подданства над Кабардой в 1557 г., как утверждает, например, Т. Х. Кумыков[13]. Вторая женитьба Ивана Грозного была задумана как дипломатический брак. Царь «приговорил послати искати себе невесты [в 1560] Литву х королю о сестре, да к Свейскому (шведскому. – *С. Б.*) королю дочерей смотрити, да в Черкасы у черкасских князей дочерей же смотрити»[14].

Как видно, Черкасы по своему статусу рассматривались в одном ряду с Литвой и Швецией. Видимо, этим можно объяснить, что царь такого ранга, как Иван IV, взял себе в жены дочь могущественного кабардинского князя. А Мария Темрюковна была женой-царицей, т. е. дети в этом браке могли наследовать Российский царский трон. Неслучайно Иван Грозный после второго бракосочетания составил новое завещание. Как пишет Р. Г. Скрынников, «царь рассчитывал раз и навсегда решить вопрос о престолонаследии в пользу старшей ветви династии и пресечь любые покушения на трон со стороны детей от второго брака»[15].

Цари всегда ломали головы над всякого рода расчетами, но многие ли из них оправдывались? Неизвестно, кому бы достался царский трон, если бы ребенок Ивана IV и Марии Темрюковны так рано не умер, особенно в условиях смуты, когда и лицо совершенно нецарской крови – Лжедмитрий сумел объявить себя царем России.

Приведем еще факты, исключавшие возможность присоединения тогдашней Кабарды к Руси. Турция, как и прежде, считала черкесские земли своими. «То все земля, черкасы... государя нашего, и вера наша ж»[16], – заявил великий визирь Мухаммед Соколли в 1570 г. Учитывая складывающуюся не в его пользу обстановку, Темрюк Идаров незадолго до своей смерти, последовавшей в 1570 г., послал к царю сына своего Булгарука, «чтоб государь его, Темгрюка-князя, держал в своем имени и войну ему свою дал на крымшевкальцев»[17].

Держать «в своем имени» означало сохранить и дальше покровительство русского царя с вытекающими из этого последствиями. Иван IV рискнул пойти навстречу пожеланиям своего тестя. Он пожаловал его и «войну свою к нему посылал, и на Крым-шевкалы Темрюк-князь с нашего государя воинскими людьми ходил и Крым-шевкалы воевал»[18]. Это была последняя просьба Темрюка Идарова.

В 1571 г. крымский хан Давлет-Гирей совершил набег на Москву. Летописец сообщает: «Москва загорела вся»[19]. Разумеется, Руси в ту пору было не до присоединения чужих земель. Но в 1572 г. крымцы терпят сокрушительное поражение под Москвой, после чего кабардино-русские связи постепенно начинают налаживаться и укрепляться.

Вчитываясь в документы первых десятилетий кабардино-русских отношений, можно сделать вывод: кабардинские князья были признаны «холопами» – «слугами» русских государей в том высоком смысле, в котором это слово тогда употреблялось. В политическом (дипломатическом) лексиконе зарождающегося самодержавия слово *холоп* – слуга относилось и к князьям, и к боярам. По сведениям Н. М. Карамзина, при Иване IV «знатнейшее в России титло уже было не княжеское, не боярское, но титло *слуги царева*»[20].

Итак, кабардинские князья признаны *холопами* русского царя, но ни Иван Грозный, ни Федор Иванович еще не называли себя *обладателями* Кабардинских земель, как это было принято по отношению к десяткам земель и государств – субъектов Московской Руси.

Даже после смут начала XVII в. и восшествия на престол новой династии Романовых, в 1614 г., Шолох Тапсаруков, Казий Пшеапшоков и другие дают шерть Михаилу Романову, что они желают «быть под его царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступными»[21].

И только в 1625 году Михаил Федорович первым из русских царей в жалованной грамоте Шолоху Сунчалеевичу Черкасскому

называет себя государем и обладателем «Кабардинские земли черкасских и горских князей»[22].

Вывод: при династии Рюриковичей между Кабардой и Русью сохранялись отношения, которые могут быть охарактеризованы как родственно-союзнические в отмеченном выше смысле. С воцарением же династии Романовых Кабарда становится в подданстве России.

Если русские цари считали Кабарду своей подданной, Крым относился к ней, как к народу, утратившему независимость. По сведениям Абри де ла Мотрэ, «черкесы платили прежде ежегодную дань в размере приблизительно 6000 рабов и столько же лошадей хану и нурэддин султану, князю ногайцев...»[23]. Кроме того, крымский хан оставлял за собой «право вместе со своей свитой забавляться их (кабардинцев. – *С. Б.*) женами и дочерьми, сколько ему угодно было»[24]. Такой ценой, не свойственной духу адыга, они некоторое время, до начала XVIII в., были вынуждены поддерживать отношения с Крымом.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая историческая судьба Кабарды, если бы не одно оскорбление, которое было нанесено старшему князю Кургоко Атажукину, «распоряжавшемуся всеми делами народа» (Ногмов). Однажды, по-видимому в 1706 г., крымский паша, находясь в Кабарде, начал вести себя столь бесцеремонно и «до того дерзко, что, выкуривши трубку, он стал выбивать об голову князя Кургоко». Этого Кургоко Атажукин не смог простить обнаглевшему паше, и по его приказанию «в следующую же ночь» паша, все турки и крымцы, сопровождавшие его, были умерщвлены[25].

Как только весть о случившемся с пашой донеслась до хана и турецкого султана, они решили *наказать* кабардинцев и, снарядив внушительное войско, вторглись в Кабарду. Описывая эти события, Хан-Гирей указывал: «Крымский хан Каплан-Гирей, с сильным войском шедший для завоевания Кабарды, был разбит кабардинцами на р. Урупа. Хан, потеряв до 30 000 воинов, с остальными едва ли спасся бегством»[26].

Сведения Хан-Гирея относительно места сражения кабардинцев против крымского войска не совпадают с исследованиями ряда авторов (В. Н. Сокуров, Б. К. Мальбахов, К. Ф. Дзамихов и др.), которые обоснованно утверждают, что битва происходила в окрестностях горы Канжал.

Хан-Гирей здесь повторил ошибку Броневского, который, вероятно, под Урупом подразумевал реку Урды, что находится в районе сражения. Но в том, что касается количества крымского войска, Хан-Гирей недалек от истины*. По заключению Б. К. Мальбахова и К. Ф. Дзамихова, «войско крымского хана никак не могло быть менее 40 тысяч человек»[27].

---

*И. Г. Гербер также указывает на войско в 30 000 человек. И другой источник приводит ту же цифру, но включает в нее ногайцев, а главное, черкесов (АБКИЕА. С. 153, 168).

Кабарда тогда, в 1708 г., одержала наиболее впечатляющую победу в своей военной истории, а Крым потерпел поражение, «чего или никогда, или от веку не видел»[28].

Правда, победа была одержана в результате военной хитрости – ночного нападения, с учетом рельефа местности и не говорила о соотношении сил сторон. Кабарду не могла избавить от крымского или иного гнета одна победа, пусть даже громкая. Этим объясняется тот факт, что «кабардинцы отдались под покровительство Турции, не обязуясь, однако же, давать ей дань и вообще не подвергаясь ее власти»[29].

Документы свидетельствуют и о другом. Император Петр I в 1711 г. по просьбе князей Татархана и Александра Бековича Черкасского согласился их «к себе в подданство и оборону принята»[30].

Подданство (покровительство) Кабарды со стороны то России, то Турции с ее вассальным Крымом свелось на нет на продолжительное время Белградским миром 1739 г. Он определил «быть тем Кабардам вольными и не быть под владением ни одной, ни другой империи, но токмо за барьеру между двумя империями служить имеют»[31].

Этот бесспорный факт историки упускают из исследовательского поля, рассматривая подданнические отношения Кабарды с Россией, зачастую делая вид, что будто их и не было.

Говоря о подданстве, следует разобраться в самом этом слове. Термин *подданный* в документах русско-кабардинских отношений XVI в. не употреблялся. Причина одна: подобного слова в русском языке тогда еще не было. Оно входит в русскую дипломатическую лексику позднее, во время смуты и в связи с Лжедмитриями. Во всяком случае установлено, что термин *подданный* заимствован лишь в XVII в. из польского языка, где слово poddany является словообразовательной калькой латинского subditus (sub – «под», dit – «данн», us – «ый»)[32].

В кабардино-русских отношениях слово *подданство* впервые, пожалуй, встречается в 1676 г. В грамоте из Посольского приказа от 6 января сказано: «И тебе бы нашего царского величества подданному князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому... А как ты подданной наш... и тебе б, подданному нашему князю... на вечное и верное подданство учинить шерть...»[33].

И после в переписке Черкасского не сразу стали называть *подданным*. В начале апреля того же года (1676 г.) Каспулат Муцалович в челобитной указывает: «И с Казанского де дворца великого государя в грамотах подданным ево не пишут, а также и в городах о том не ведают, и чтоб ево писать впредь во всяких письмах подданным».

Просьба Каспулата уважена. Последовала воля царя: «А в грамотах великого государя ис Казанского дворца и во всяких письмах велеть князя Каспулата Муцаловича писать подданным...»[34].

Подданнические отношения Кабарды с Россией в XVII и XVIII вв. развиваются с различной политической интонацией, но в сторону

их постепенного ужесточения. Многое в судьбе Кабарды зависело от взаимоотношений России и Османской Турции: в то время как первая все более усиливалась, последняя теряла былые позиции могущественной империи.

Принятие русского подданства Каспулатом Муцаловичем не означало, что он представлял всю Кабарду (был владельцем нерусского населения г. Терки).

Дальнейшие три-четыре десятилетия внесли коренные изменения в характер кабардино-русских отношений.

1769 г. Астраханский губернатор Бекетов полагал, что «кабардинцы преданы к России более, нежели к Крыму», однако он убедился в другом – «кабардинцы ни нашего, ни Крымского подданства не искали, а хотели остаться по-прежнему независимыми», «сверх того, черный народ о подданстве Крыму и слышать не хочет, ибо крымцы питают против кабардинцев древнее мщение...»[35].

Конец 1772 г. Разъезд* де Медема захватил 12 кабардинцев. В связи с этим кабардинские князья в начале 1773 г. ему «объявили, что если сии захваченные 12 человек возвращены не будут, то они не признают себя подданными Российскими, и хотя по слабости их вредить России не могут, однако Всемогущий Бог милостив, уповаем на него, и всякому человеку, если сносить напрасно нападки, то лучше принять смерть». Генерал де Медем медлил с ответом, тогда «кабардинцы, соединясь с закубанцами, бесленейцами, кумыками, темиргойцами и пр. народами», сумели собрать 2500 всадников и расположились «не далее как в 30 верстах от Моздока». Де Медем, немного уступая кабардинцам в живой силе (2342 человека), «был вынужден согласиться возвратить им тех захваченных 12 человек». В те дни де Медем получает рескрипт императрицы: «...довольствоваться против кабардинцев оборонительными действиями и не подавать случая к раздражению»[36].

Ему предписывалось также «не раздражать более кабардинцев отклонением от них ингушевского народа, коего старшины сами признали, что платили им иногда подати баранами и железом».

1773 г. – это год активных дипломатических усилий кабардинских князей по объединению правителей народов Северного Кавказа против российских властей. Подполковник Стремоухов в том же году сообщал де Медему: «...подосланы кабардинские уздени к ногайским татарам, в подданстве нашем находящимся, с тем, чтобы уговорить их отложиться от России и соединиться с ними, на что и получили благоприятный отзыв от едисанского мурзы Джан-Мамбет-бея». Не ограничиваясь этим, кабардинские князья развернули активную дипломатическую деятельность. «Для возмущения против» русских властей они «отправили от себя посланцем Кильчука Кайсынова в Малую Кабарду, в Чечню, в Алексеевскую, Андреевскую, Костюковскую деревни и в Терки».

---

*Разъезд: здесь конный отряд, посылаемый для разведки, открытия или осмотра неприятеля, местности, для добычи языка (по В. Далю).

Обобщая все эти действия кабардинской знати, де Медем пришел к заключению, что «настоящая причина состоит во всегдашнем их к России недоброжелательстве и что без страха они не были и не будут никогда покорны»[37].

1772 г. Генерал-поручик Щербинин, заключая с Крымом трактат, «поместил особенную статью, в силу которой Большая и Малая Кабарды признаны подвластными России»[38].

1774 г. считается датой присоединения Кабарды к России. Турция по Кючук-Кайнарджийскому миру признала Кабарду относящейся к России. А как сами кабардинцы отнеслись к этому акту, лишавшему их политической самостоятельности? Генерал-поручик де Медем послал к ним майора Таганова, определенного «к делам Большой Кабарды», объявить о «турецком мире» и выяснить, «с каким они усердием известие о мире приняли».

Астраханский губернатор Петр Кречетников в 1775 г. донес Екатерине II: «...в Большой Кабарде находитца верных Вашему Императорскому Величеству и принявших то известие с охотою владельцев тридцать с несколькими узденями... Напротив того противных и откладывающихся от В[ашего] И[мператорского] В[еличества], а прилепляющихся к крымскому хану, состоит главной Хаммурза Росланбеков с несколькими сообщниками, коих считается до 15 человек». Последний, выслушав майора Таганова, «объявил, что де мы тому не верим, как возвратитца их посланник ис Крыма и о том мире уведомит, тогда верить с протчими согласны будут».

Другой источник повествует о восприятии Кючук-Кайнарджийского мира кабардинцами: «Артикулы Кайнарджийского трактата, до Кабарды касающиеся, прочтены в собраниях всех кабардинских владельцев, кроме некоторых противной стороны, которые не явились. Владельцы Малой Кабарды сим известием были обрадованы. Но Большой Кабарды владелец Хамурза Арсланбеков вызвался, что они не могут себя почитать подданными Российскими до тех пор, как не получат из Крыма подтверждения»[39].

Сильнейшим из противников Кючук-Кайнарджийского мира Петр Кречетников назвал князя Мисоста Баматова, который «всегда иметь может до 2000 человек; протчие ж, хотя равные по породам своим с ним, но уж все безсильнее его».

По замыслу губернатора, видных *русских* кабардинцев следовало «старатца утвердить в верности...», а «пребывающих в своих невежествах наказывать»[40].

Если под *сообщниками* Росланбекова, о которых писал губернатор, разуметь князей, то Кючук-Кайнарджийский мир, политически присоединив Кабарду к России, фактически разделил ее народ приблизительно на две части с некоторым перевесом у противников мира. Начиналась столетняя Кавказская война непокорных кабардинцев за свою независимость, основным результатом которой явилось исчезновение значительной части народа с исторической арены.

1779 г. Кабардинцы вступили в борьбу за свою независимость. Генерал-майор Якоби «сделал на Большую Кабарду поиск, по

собственному их (кабардинцев. – *С. Б.*) признанию, потеряли они до 3000 человек, в том числе лучших людей и князей их». Потерпевшие поражение прислали к Якоби своих представителей – «просить прощение». Но и в этих условиях они «объявили, что от самых времен царя Иоанна Васильевича они никогда не были Российскими подданными, а находились так, как кунак (гость или приятель) в покровительстве и что ныне желают покориться на тех же условиях». Ответ Якоби, вероятно, убедил кабардинцев, что Русь Ивана Грозного и Российская империя Екатерины II далеко не одно и то же, что традиционные родственные связи уступили место *бранной мышце* (Пушкин). Генерал-майор Якоби «вступил опять с войсками в пределы кабардинские». Потерпев поражение и на этот раз, кабардинцы «безпрекословно присягнули на подданство, как владельцы, так и черный народ»[41].

Русские власти и кабардинские князья характер своих взаимосвязей понимали различно, и обе стороны стремились их использовать по-своему. В связи с этим примечателен рапорт генерал-майора Дельпоццо Тормасову от 16 апреля 1811 г.: «Они (кабардинцы. – *С. Б*.) ищут власти владеть всеми горскими народами, покорившимися предкам их, неправильно, потому что сия часть непокорных им относится к силе и действию войск в тогдашнее время и покровительства им от Всероссийского государя»[42].

Дельпоццо отчасти был прав. Сами кабардинцы несколькими месяцами раньше в письме к императору указывали, что после установления связей с Иваном Грозным «народ кабардинский во всем пространстве Кавказских гор возвысился так, что живущие в горах по частям народы прибегнули в протекцию нашу»[43].

Русско-кабардинские отношения затронуты и в письме Тормасова военному министру Барклаю де Толли от 12 октября 1810 г.: «Устроение Кавказской линии – сие мудрое предначертание, необходимое для удержания сильного народа, состоящего хотя и в зависимости, но не в прямом подданстве, не могло быть принято ими равнодушно»[44]. Это *мудрое предначертание* сопровождалось распространением кордонной линии, строительством все новых крепостей и основанием новых военных поселений. Против последних выступал Барклай де Толли. Он «...один во всей империи осмелился открыто порицать перед императором это столь же нелепое, как и жестокое учреждение». Следует при этом подчеркнуть: Барклай де Толли называл военные поселения *жестоким учреждением* не из жалости к беззащитным кабардинцам, подвергшимся массовому разорению глазенапов и булгаковых, и к другим народам Северного Кавказа, а потому, что они причиняли государству «ужасные бедствия»[45].

Последний этап кабардино-русских отношений рассматриваемого периода связан с именем генерала Алексея Петровича Ермолова*. В первые годы его *проконсульства* на Кавказе, как

---

*Подробнее о его действиях см. в книге: *Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993.

признают и отдельные русские историки, «мирная цивилизация края составляла не одну лишь мечту». «Но, – продолжает анонимный автор П. У. (П. К. Услар? – *С. Б.*), – в книге судеб Кавказу предопределена была тяжкая, едва ли не безпримерная в летописях истории война». Он же в 1869 г. хладнокровно подвел итог общей борьбы адыгов: «Черкесы, которых знали греки еще за 25 веков тому назад, уложены на кладбище народов, рядом с лидийцами, фригийцами, гуннами...»[46]. Автор *забыл* добавить одно слово: *уложены свободными*.

Человеческая цивилизация до сих пор не знает ничего вечного, кроме самого мироздания. Однако не всем народам суждено распрощаться с исторической ареной. С нетленным знаменем свободы в руках, с которым адыги боролись за свою независимость, они навсегда остались в истории, чтобы воскреснуть в своих потомках и продолжить некогда прерванный путь.

ОБ ОДНОЙ КАБАРДИНСКОЙ ПОГОВОРКЕ

В 1863 г. почетные представители кабардинского народа на имя государя императора написали письмо: «Всемилостивейший государь! Всадники Варшавского дивизиона, взявшие с боя под Дебричином несколько орудий, на досуге учили нас не забывать таких дел и желать совершать их не в последний раз. Они готовы указать нам знакомую дорогу на Вислу, где в кампании 1831 года весь Кавказско-горский полуэскадрон без исключения получил Георгиевские кресты за взятие штурмом Варшавы; а народные наши предания заповедали нашим горам не жалеть жизни за Русского Царя, так указал отцам нашим Великий предок твой Иоанн III-й*, удостоивший племя наше своим родством. У нас говорят: «Сделать все можно, нельзя только расстаться с Баксаном и русским Царем»; река же Баксан составляет сердце Кабарды. По обычаям нашим, доселе сражались одни знатные наши люди, а народ оберегал их от нападений враждебных соседей свои дома и семейства; Твоими же, Государь, попечениями страна наша обильна, успокоена и обеспечена; повели, выйдем все – и князья, и дворяне, и вольные люди; – и тогда только пустим скакунов наших отдыхать на родных пастбищах, когда забывшийся в далеких от нас странах народ возвратится к милосердному Твоему прощению, а восстающие соседи сознают Твою справедливость.

Вашего Императорского Величества верноподданные почетные представители жителей Кабардинского округа. Подлинное подписали 93 человека князей, узденей и вольноотпущенников».

Кабардинцы вручили письмо исполняющему должность начальника Кабардинского округа, а он направил его исполняющему должность начальника Западного военного отдела генерал-майо-

**Иван IV* – в копии письма указан ошибочно Иван III.

ру Орбелиани с просьбой ходатайствовать «о представлении этого письма на Высочайшее Его Императорского Величества воззрение». В. В. Орбелиани в своем отзыве от 2 сентября 1863 г. отметил, что адрес кабардинцев на имя императора с выражением чувств и готовности идти в случае необходимости «сражаться с возмутившимися подданными на западе России, был поднесен членом Кабардинского суда штабс-капитаном Куденетовым» командующему войсками. Последний приказал немедленно снять копию с адреса и представить ее наместнику Кавказа. Одновременно испрашивалось у наместника разрешение «отправить ли прямо адрес к Его Величеству обыкновенным порядком или с депутацией от кабардинского народа»[1].

Из переписки можно заключить, что текст адреса составлен в августе 1863 г. и вскоре доставлен императору. Последний, вероятно, изволил предать всеподданнейший адрес кабардинцев широкой огласке, и уже до октября 1863 г. «Русский инвалид» опубликовал его. Тексты хранящейся в ЦГА КБР копии адреса и публикации в «Русском инвалиде» в основном совпадают, но имеются и некоторые различия. В копии указано, что «подлинное подписали 93 человека князей, узденей и вольноотпущенных». Вместо этого в публикации отмечено: «Следует рукоприкладство 88 представителей населения Кабарды». Как видно, количество подписавшихся редакция сократила на 5 человек и заменила названия сословий на более туманное и менее содержательное понятие «представители».

Текст адреса представляет во многом необыкновенную ценность. Прежде всего, отметим упоминаемую в нем поговорочную фразу, которая напоминает и в настоящее время в народе широко известное и в исследованиях со ссылкой на фольклорные источники часто цитируемое выражение, приписываемое Джабаги Казаноко и его старшему современнику, мудрецу Лиуану Бжихатлокову: «Кто Баксан и русских не покинет, народом останется»[2].

Приведем теперь вариант этого выражения, зафиксированный в письме кабардинцев: «Сделать все можно, нельзя только расстаться с Баксаном и русским Царем; река же Баксан составляет сердце Кабарды». Оба варианта совпадают в главном – они призывают к нерасторжимому единению с русскими. Однако второй из них несомненно более древний и сохранился в оригинале или близко к оригиналу и потому предпочтительней первого варианта. К тому же он конкретно указывает на русского царя (в лице которого имелась в виду конечно же Россия). Расстаться с Баксаном значило расстаться с Кабардой. Кабарда остается Кабардой только в случае, если ее народ не покинет Баксана, олицетворявшегося с сердцем Кабарды. Резюме: кабардинец может сделать все, но только нельзя расстаться – в первую очередь с Баксаном, т. е. с родиной, и Россией. Наш вариант выражения, давность которого равна 133 годам, менее подвергся неизбежной в среде бесписьменного народа обработке по сравнению с его поздними

публикациями и потому вправе претендовать на роль первоисточника.

В этой связи укажем также, что, по сведениям Измаила Атажукина, поговорка в качестве завещания оставлена потомкам князьями Мамбетом Атажукиным и Касаем Мисостовым и формулируется так: «Россию и Баксан чтоб никогда не оставить»[3]. В записи Измаила Атажукина, более ранней и более прозаичной, следует выделить одну особенность: фраза однозначно приписывается кабардинским князьям. Итак, на авторство выражения претендуют четыре источника: Лиуан Бжихатлоков, Джабаги Казаноко, «народные наши предания» и князья Мамбет Атажукин и Касай Мисостов. Разумеется, трудно кому-то из них отдать предпочтение.

Вместе с тем нельзя пройти мимо предписания генерал-майора Булгакова исполнявшему обязанности пристава Кабарды подполковнику Ребиндеру от 11 июня 1810 г.: «...внушите кабардинцам, что в будущее время гибель неминуемо их постигнет, если они не исполнят своего мне слова и не вспомнят к благу их заклинания, произнесенного пред смертию славным между ими Мисостом, чтобы не осмеливались оставлять Баксана и повиновения к Российскому Высочайшему Престолу» (АКАК. Т. 4. С. 872).

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНЦЕВ

Миграция народа (XIII — первая половина XVIII в.)

О кабардинцах XIII–XIX вв. не будет преувеличением сказать: история Кабарды – это история переселения кабардинцев. Отсюда несомненна исключительная важность вопроса переселенческого движения адыгов вообще, и кабардинцев в частности, который, увы, до сих пор специально не ставился.

Всестороннее исследование переселенчества кабардинцев – дело будущего, может быть, неблизкого. Глубже проникнуть в прошлое, полнее осмыслить внутренние мотивы и внешние признаки многовекового переселенчества – социально-политического феномена, сыгравшего в исторической судьбе потенциально перспективного народа роль и трагическую и сложную,– такова цель настоящих разысканий. Кроме того, через призму переселений предпринимается попытка воскресить в памяти потомков страницы родословной той или иной фамилии. Она базируется, главным образом, на архивных источниках и публикациях, ставших библиографической редкостью.

Существует мнение, что «о кабардинцах, как об особой восточной группе адыгов, можно говорить с конца XV века». Историк Р. Ж. Бетрозов, которому принадлежит этот ответственный вывод, не исключает, и это следует признать справедливым, возможность пребывания «части адыгов в пределах Центрального Кавказа в более древние периоды»[1].

В контексте раннего расселения адыгов на Центральном Кавказе сведения Семеона Броневского заслуживают пристального внимания. Он писал: «В 1282 г. Баскак Татарской Курского княжества, призвав черкесов из Бештау или Пятигорья, населил ими слободу под именем Казаков». Впоследствии они вместе с беглыми русскими, перебившись «ниже по Днепру», основали «разбойническую республику, которая прославилась потом под именем Запорожских козаков». В дальнейшем многие из тех черкес переселились на Дон, положив начало донскому казачеству, однако, вероятно, значительная их часть вернулась на свою Родину. «Сие обстоятельство, – пишет далее Броневский, – могло подать причину назвать вообще кабардинцев украинскими жителями, бежавшими из России, как мы находим упоминание о том в наших архивах». В этих архивах упоминалось: «В древние времена кабардинцы жили на Украине в Малой России и переехали оттуда сначала к городу Тереку, а потом поселились по Куме в урочище Пятигорском, почему и назвались Пятигорские черкесы»[2].

Подобные перемещения кабардинцев дали повод более поздним правителям Москвы, разумеется, без критического анализа обстановки, в соответствии со своими далеко идущими планами, даже заявлять, что кабардинцы – это бывшие русские.

П. Л. Юдин писал: «И хотя черкесы пятигорские приняли подданство России в 1552 г., а кабардинцы – в 1557-м, однако правительство Москвы считало их «старинными холопами государя», потому собственно, будто они бежали «из прародителей государя нашего отчины, из Рязанской земли, и в горах вселились».

Древние истоки этих сведений. В частности, они содержатся в грамоте царя Федора Ивановича его «брату и приятелю» турецкому султану Мураду от 6 июля 1584 г. Свой отказ снести город Терки царь объясняет тем, что он построен по просьбе кабардинских князей «для того, что изначала кабардинские и горские черкесские князья... были холопи наши резанских пределов и от нас збежали с Резани и вселились в горы, и черкасы горские со всею кабардинскою землею били челом отцу нашему, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и во всей воле его в царской учинились».

Обратим внимание: царь называет кабардинских князей «холопи наши». Первое адыгское посольство царь пожаловал, «а их з землями взял к себе в холопи». О посольстве 1555 г. также сказано, что «они холопи царя» и великого князя и «з женами и з детьми во веки». Посланец Темрюка Идарова Канклыч Кануков в 1557 г. бил челом, «чтоб их государь пожаловал, велел им собе служити и в холопстве их учинил»[3]. Отсюда можно сказать, что содержание понятия *холопи* во всех этих документах одно и то же, а именно: кабардинские князья предстают как выходцы из рязанской земли и царь их пожаловал как бывших своих соотечественников. А кабардинцам тогда было важно заручиться поддержкой Руси, а не доказывать свою этническую принадлежность, хотя они кое в чем были согласны и с такой точкой зрения.

По данным Люлье, собранным им в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в., «кабардинцы считали себя аравийскими выходцами». Переселившись оттуда, согласно этой версии, их предки «очутились в Крыму», подтверждением чему должно служить то, что «существуют там и поныне развалины замка, называемого Черкес-Кермен; равнина между реч. Бельбек и Кача называется Кабарда и Черкес-дюзь, т. е. черкесская равнина». Затем кабардинцы, по неизвестным причинам, переселились на Кавказ и избрали местом расселения Анапу. К этому времени (начало XV в.) относится славное царствование князя Инала Тегена, «которого кабардинские князья считают своим родоначальником». В борьбе против крымского хана переселенцы все дальше продвигались на восток и наконец «перешли к подошвам гор Бештау, где, по историческим данным, жили в XV веке»[4].

Согласно этим преданиям, в основном совпадающим со сведениями И. Ф. Бларамберга, предки кабардинцев после заселения нынешней территории обратно в Крым не возвратились, что, по-видимому, достовернее, хотя некоторые из них, конечно, могли возвращаться в места раннего обитания на Западном и Центральном Кавказе. Так, Ногмов пишет, что после смерти князя Идара князь Калуко Берсланович, уговорив своего отца и выбрав удобное время, успел увести из Кабарды до 200 семейств. Он поселился с ними на речке Орпе; их потомки, жившие там, называются бесленеевцами[5].

Процесс переселения кабардинцев на нынешнюю территорию, по существу, не изучен, однако известно, что сам этот факт крымские ханы приписывали себе. Так, в 1760 г. хан Крым-Гирей через своего представителя напомнил, что «кабардинцы издревле были подданные турецкие и на нынешние места поселены бывшим напред сего крымским же ханом Салат-Гиреем»[6].

Некоторые подробности о переселении кабардинцев содержатся в «Изъяснении о кабардинских народах...», которое датируется 1732 г. и составлено по преданиям. Кабардинцы по происхождению, ротмистр Иван Татаров и мурза Бий-Мурза Батырев, «что могут паметовать о кабардинцах», сообщали из крепости Святого Креста в Коллегию иностранных дел, что их соотечественники «немалое время» тому назад жили на Куме.

После одного из многих конфликтов между кабардинскими князьями князь Бекмурза «ушел в Крым и выпрося там от крымского хана войска, при котором был командир Сават-Гирей салтан, пришед черкесских всех князей и с их подвластными побрали в полон и перевели на Орб (Урп, Уруп. – *С. Б.*) реку и там их поселили». Хронологически эти события приходятся на конец XVII в., на то время, когда «в Терке были от черкес в аманатах Бек-Мурзы сын Давлет-Кирей (которому по крещению дано было имя Александр)».

Кабардинцы, на Урупе долго не оставаясь, перебрались на Кубань, с Кубани – на Бургусант, а оттуда перешли «на Бештоу (к Пяти Горам), где бывало и прежде их жилище». Из-за угрозы

со стороны Крыма кабардинцы вновь предприняли кочевье и «перешли в крепкое место в горы на реку Баксан, и поселясь домами, жили»[7].

О переселениях кабардинцев в начале XVII в. содержатся материалы в Посольском приказе за 1640 г. Посол князя Алегуки Шогенукова Биязрук Ахмаметов сообщал: «А кочюют де они, Алегуко з братьею, в Кабарде на отцове улусе». В следующем, 1641 г., кабардинцы Казиевой Кабарды вообще переселились на Кубань. Повод – убийство верноподданного русскому царю Кельмамет-мурзы Куденековича Черкасского и Тепсарук-мурзы Хорошаевича. «Новокрещены» Трофим и Марк Уручев в 1642 г. докладывали в канцелярию (приказную избу) терского воеводы, что Алегуко Шогенукович и Хатокшуко Казиевич, опасаясь гнева царя, переселились за Кубань. Документ уточняет: «Покочевали де Алегук и Ходожук мурзы Казыевы с своими людьми с старых своих кочевных мест в сход к Малому Нагаю за Кубань реку под Абазы».

По сведениям «новокрещенов», в 1642 г. Казиева Кабарда, оставив места своего проживания, т. е., по существу, территорию собственно Большой Кабарды, переселилась за Кубань. Кабардинцы за Кубанью находились в тот период несколько лет. За это время Алегуко Шогенукову и Хатокшуко Казиеву русские власти через своих посредников неоднократно предлагали вернуться на старые места обитания. В принципе согласившись переселиться обратно, Алегуко и Хатокшуко в 1644 г. заявили терскому воеводе М. П. Волынскому, что «до времени де им вскоре с кабаками своими итти на прежние свои кочевья нельзя, потому что крымские ратные люди в зборе и они от них имеют большое опасенье»[8].

Докладывая об этом государю, воевода обещал написать ему, когда князья «с улусными своими людьми прикочюют ближе к Терскому городу на прежние свои кочевные места». И вот Муцал Черкасский 25 июня 1644 г. сообщает М. П. Волынскому: «Кабардинские Алегука и Ходожука мурзы Казыевы с кабаками своими... с крымские стороны из-за Кубани-реки перешли на прежние свои кочевья ближе к Терскому городу на Куму-реку». Кабардинцы предприняли переселение, несмотря на угрозы *крымского царя*, что, если они «пойдут кочевать под Терской город», он «придет на них с ратными людьми войною и развоюет»[9].

Переписка обращает на себя внимание тем, что в ней говорится о кабардинцах, как о кочующих в пределах собственной территории. Однако они к 40-м годам XVII в. уже не были кочевниками в собственном смысле слова. *Перекочевание* их за Кубань, как отмечено выше, есть результат вмешательства извне. Тем не менее сам факт *перекочевания* говорит о степени оседлости народа, которая в ту пору не была и не могла быть постоянной. Следовательно, здесь можно говорить о том, что кабардинцы к 40-м годам XVII в. вели навязанный им полукочевой образ жизни.

Выселения из Кабарды наблюдаются и в XVIII в. После смерти

калмыцкого хана Аюки, т. е. после 1724 г., баксанские владельцы изгнали из Кабарды главных феодалов кашкатавской партии, а их подданных «перевели ближе к Баксану – на речки Нальчик и Черек»[10].

Конкретное географическое расположение населенных пунктов Кабарды довольно точно отражено в описании населенных мест Большой и Малой Кабарды, составленном геодезистом Степаном Чичаговым в 1744 г. В нем отмечены (названы или помечены цифрами) около 140 населенных пунктов (деревни и дворы). В том числе в Большой Кабарде: Нижние Абазы, Средние Абазы, Экепцокские Абазы, Верхние Абазы (все на Куме,) деревни Бабукова, деревня Ачабова (Ашабова), два двора князя Магомета Коргокина, двор князя Алия Исламова, двор князя Касая (Атажукина), деревня Ероштеева (Жерештиева?), деревня Куначева (Кунашева), деревня Дюменева (Думанова?), три деревни Кучмазукеевы (Кучмазукина) и Загоштева, три деревни Чипчевы (Шипшева) и Гланова (Тогланова?), деревня Кулат, деревня Казаншин (Казаншева), деревня Тыжева, деревня Кузуру, деревня Баматова, деревня Алескирова (Атласкирова), деревня Иругова, деревня Кутатева, деревня Суракова, двор князя Кара-Мурзы, деревня Гетежева, три деревни Чипчевы (Шипшевы), деревня Лескирова, деревня Утанова, двор князя Магомета Атажукина, восемь деревень Сидаковы, деревня Тыжева, деревня Танбиева (Тамбиева), деревня Кундентеева, девять деревень Кундентеевы (Куденетовы), деревня Карабова, двор князя Росланбека (Кайтукина?), деревня Мшико, деревня Батукова, пять деревень Кудентеевы (Куденетовы), 21 деревня князя Росланбека (Кайтукина?): Таува (Таова), Лагырс, Алепша (Алпшаова?), Шагопца, Амзеж, Багур, Магукова (Махокова), Вуку (Вукова), Тзулан, Казанука (Казанокова), Кандур, Уку, Карабой (Карабова), Мекеня (Макянова?), Жанюко, Аксай, Бей, Кошурокова, Колишпеева, Тамова, Салтанакова, деревня «каражаевцы христианского закону».

В Малой Кабарде: девять деревень Анзоровы, деревня Шоловатка (Шолохова?), деревня у Татартупа Кукулгаева (Коголкина?), деревня Алкабакова, деревня Кукулгаева («в Татартуцком ущелье»), деревня Дунжева, двор князя Алдигирея, пять деревень Муртазова, деревня Тузарова, деревня Канбекукова, деревня Елтюпова, деревня Батушева (Боташева), пять деревень Алемурзины, пять деревень Анзоровы, деревня Бутушева (Боташева), деревня Нарукова (Инарукова), деревня Чебатырева, деревня Челкаабакова, деревня Бештокова, деревня Насранова, двор князя Казия, деревня князя Баты-Мурзы, две деревни Андыров, деревня Баева, деревня Хапцова, деревня Ханова, деревня Пыштова и деревня Кургокина[11].

Судя по цифровым обозначениям на карте эти поселения располагались по долинам рек Большой и Малой Кабарды, включая их верховья. Спустя 80 лет не осталось и следа от названий многих населенных пунктов Кабарды середины XVIII в. Особенно разрушительными были годы усиления колониального режима: конец XVIII – первая четверть XIX в.

Феодальная, а точнее, княжеская междоусобица приводила к изгнанию или вынужденному оставлению многими кабардинцами своей родины. В «Описании кабардинского народа» за 1748 г. сказано: «А Большой Кабарды владельцы издавна один другого убивают и ис Кабарды выгоняют. И некоторые из выгнанных приходили в российские городы, а другие в Крым, а иные и к калмыцким ханам. И силою их по-прежнему в Кабарде возставляемы бывали»[12].

В годы противоборства баксанской и кашкатавской партий переселения кабардинцев имели место как внутри самой Кабарды, так и за ее пределы. Так, после 1724 г. баксанские владельцы изгнали из Кабарды главных владельцев кашкатавской партии, а их подданных перевели к Баксану. В 1740 г. Асланбек Кайтукин «ис тех абазинских деревень, имянуемых Лев и Терам, половину перевел на Кубань»[13].

В публикациях Лоовы и Трамовы впервые упоминаются у Главани. Среди абазинских племен он в 1724 г. указал на Лауказе (Лоу или Лоовы) и Трам, в которых насчитывалось 200 и 40 жилищ соответственно[14]. Свое название эти племена получили по фамилиям владельцев – Лоовых и Трамовых.

Междоусобицы кабардинских князей являлись практически неустранимой причиной их частых переселений и в 40–50-х годах XVIII в. Об одном из них документ повествует: «Что у подвластных Месусовых разграблено по выгоне их из Кабарды Кайтукиным и Бекмурзиным, оное им, Месоусовым, возвратить...»[15]

Переселения как повод выступления крестьян

Крестьянство в Кабарде, в отличие от князей, играло, и это надо подчеркнуть, стабилизирующую роль, отказываясь подчиниться владельцам, следовать за ними в их безрассудных и губительных для народа переселениях. В 1767 г. произошло наиболее массовое в XVIII столетии волнение кабардинских чагар. Майор Петр Татаров был послан «к отложившимся от кабардинских владельцев чагарам». Ознакомившись с событиями на месте, он доложил: «...числом до 10 000 называемые Токашевы, ис коих старшие, а именно Калабек Кепов, Муса Пшигатыжев и Мерем Бичеев с протчими, переправясь на итздешнюю сторону, объявили единственно, что они креститца, также в Моздок и Кизляр переходить не хотят. А кто из них пожелает, тем не возбраняют и не удерживают, но только до времени останутца противу Бештамаку по здешнюю сторону, для чего и мост делают. А потом жительство возымеют на прежних местах, и от своих владельцев по нежеланию с ними переселитца на реку Куму противитца будут»[16].

Перед этим от князя Касая Атажукина к ним прибыли тлекотлеши «для подговору к общему переселению, но они, почитая ласковые их позывы за обман», отказались. Затем чагары узна-

ли, что будто некоторые их «владельцы состоят при реке Чегеме и собирают войска для захвата их себе силою»[17]. Поэтому они обратились к русским властям с просьбой об их защите. Недовольство столь значительного количества чагар своими узденями было для русских властей счастливой возможностью «чрез то подать им случай остатца более в непослушании у своих владельцов», и они немедля заявили о полной их поддержке.

Что касается самих владельцев, то генерал-майор Николай Потапов еще не знал, «точно по Куме реке или инде где местах находятца. Кошами ль стоят, или домами обселяютца, или же к зиме оные строить намерены... О переселении их на реку Куму что они разсуждают, нет ли в них сожаления об отделении из своих мест, а не намерены ль паки возвратитца». Потапов особенно интересовался настроением знатных узденей Куденетовых и Тамбиевых, «в каком размышлении состоят, и не принуждают ли владельцов о перекочевании на прежние места, и оне, Танбиевы и Куденетовы, все ль ис Кабарды переселились или кои остались еще в Кабарде, и намерены ль к своим владельцам неперешедшие переходить»[18].

Князья, конечно, стремились переселить к себе тлекотлешей, которые в отличие от чагар сами не прочь были перебраться к «владельцам» и, как того требовали обычаи, разделить с ними их судьбу. Однако они не торопились. Отвечая на запросы генерал-майора Потапова, майор Татаров 11 июля 1767 г. сообщал: «..Куденетовы, Танбиевы и Бабуковы просят у владельцев, чтобы оставили их владельцы с их чагарами до весны на жительстве в нынешних местах по Баксану, Чегему, Нальчику и на Шалушке. А в будущую весну и они на Куму ко владельцам своим перейдут, но владельцы согласятся ль, неизвестно»[19].

Как видим, серьезных конфликтов между князьями и знатными узденями в тот тревожный год не было. Речь шла только о просьбе *тлекотлешей* к князьям разрешить им остаться до весны на прежних местах обитания, в чем некоторые историки видят конфликт между князьями и тлекотлешами. В. Х. Кажаров пишет: «...в 1767 году знатные уздени Куденетовы, Тамбиевы и Бабуковы отказались переселяться вместе со своими сюзеренами на Куму»[20]. Справедливости ради надо отметить, что по другому документу позицию этих трех фамилий (точнее их представителей) при желании можно представить как конфликт. Генерал-майор Потапов 3 октября 1767 г. рапортовал начальству, что они «еще и ныне ис Кабарды ко владельцам не переселились, а остались на прежних своих местах и вовсе переселяться не желают»[21].

Однако и эти сведения не меньше говорят о единстве субъектов социальной верхушки в Кабарде, нежели о конфликте между ними, особенно в контексте редкого в кабардинском обществе согласия, достигнутого, хотя бы на краткое время, под угрозой нараставшей с планами строительства крепости Моздок колониальной экспансии.

Само событие в отдельных исследованиях преподносится как

«одно из самых крупных антифеодальных выступлений» крестьян, «отказавшихся повиноваться своим владельцам»[22]. Оценка вписывается в традиционное русло критики феодализма.

Ставится вопрос: можно ли назвать это выступление антифеодальным в строгом смысле этого слова? Сначала остановимся на том, что означают термины *владелец* и *хозяин*, встречающиеся в документах и исследованиях.

Обратимся к требованиям чагар-повстанцев: во-первых, если «чагар с своим хозяином в чем-либо возьмет ссору, то от хозяина причиняемы будут чагарам какия обиды и нападения, которых не стерпя ежели чагаринин перебежит к другому владельцу, то теми владельцами содержаны били до того время, покуда оной по прежним примерам с хозяином смиритца»; во-вторых, «владельцы таких чагар принимали к себе и держали до учинения мира»; в-третьих, жены, отпускаемые чагарами «по нежеланию содержать, как напредь сего вольны», т. е. чтобы уздени их не удерживали «у себя в холопстве», а «поступано было по прежним обычаям безобидно»; в-четвертых, «равномерно и подать брали б с них умеренную, какову и прежде они платили» и, в-пятых, чтобы о «имеющихся у них чагар, собственных уже холопей, оставили в их воле и единственно всех своими холопями не зачисляли»[23].

Излишне доказывать, что требования не выходят за рамки феодального режима: чагары выступали лишь против усиления эксплуатации и стремились сохранить свои права «по прежним обычаям».

Далее. Отказывались ли чагары повиноваться своим владельцам? Под термином *владелец* подразумевается князь, а чагары не выступали в данном случае против князей, а добивались лишь их покровительства в борьбе против своих *хозяев*, т. е. узденей. Выступление не дошло до вооруженного столкновения именно потому, что князья взяли на себя роль арбитра между узденями и чагарами. Конечно, князья (владельцы) были не против того, чтобы поддерживать своих узденей, но ситуация требовала другого. Оказавшись меж двух огней – царскими властями и в целом безобидным для них выступлением крестьян, не ставивших целью ни перейти к русским, что было очень важно, ни *отложиться* от самих князей, которые смирились с их второстепенными требованиями. Князья (Касай Атажукин, Мисост Баматов, Джанхот Татарханов и другие) их требования «исполнять обещались и присягою уверили, а сверх того и подписку им, чагарам, с приложением своих печатей отдали»[24].

Здесь следует заметить, что в учебнике «История Кабардино-Балкарии» требования чагар существенно искажены. По первому главному пункту условия примирения чагар со своими хозяевами (узденями) в нем сказано, что «владельцы должны в случае притеснения крестьян не препятствовать, а разрешать им, как и в прежние времена, переходить к другим владельцам»[25]. Крестьяне, а точнее чагары, и раньше не имели права переходить к другим владельцам, тем более они такого принципа не выдвигали и теперь.

Вскоре после того, как «все чагара с теми владельцами Касаем

и протчими 4-го июля точно на реку Чегем к полному собранию к Бештамаку поехали», князь Джанхот Сидаков «зделанной теми чагарами мост с оставшимися людьми изломал». Майор Татаров доносил генералу Потапову: «Джанхот Сидаков с суровостью выговаривал мне, хотя я их чагар и подзывал бутто во здешнюю сторону, но не предуспел, а может, и российския люди в их руках будут»[26]. Переселения кабардинских князей на Куму накануне движения кабардинских чагар и сами эти события – результат усиления колониального режима, хотя выступление чагар было следствием усиления феодальной эксплуатации.

В такой обстановке князьям не было выгодно обострять отношения с русскими властями. Князь-валий Касай Атажукин оставался лояльным к России, что отразилось в его письме к Кизлярскому коменданту Потапову в ноябре 1767 г.: «Приношу мой поклон и притом объявляю, понеже, хотя мы и переселились к реке Куме, токмо к стороне Ея Величества не имеем злых намерений»[27].

В начале 60-х годов XVIII в. крещеный малокабардинский князь Кургоко Канчокин просил «о переселении его с подвластными в здешние границы», т.е. в район Моздока. По высочайшему указу, «состоявшемуся 9 октября 1762 года», «ему было разрешено переселиться на просимое место»[28]. Этот акт положил начало движению переселенцев, известных в истории под названием *моздокские кабардинцы*.

Подвластное население Кабарды, по-видимому, в немалой степени состояло из переселенцев – закубанских адыгов, оказавшихся в Кабарде добровольно или насильственно переселенных князьями. Как сказано в рапорте Астраханского губернатора И. В. Якоби от 20 ноября 1777 г., вознамерившиеся «отложиться от подданства» своих владельцев «старейшины черного кабардинского народа от всего подвластного общества» *неутешно жаловались* на то, что «князья и узденья их не только разоряют, но, отнимая жен и детей их, продают в отдельные горские жилища, в Крым и в самую Турецкую область...». Жалоба крестьян показательна в том смысле, что дает знать о характере частых переселений (выселений) подневольного народа. Однако она примечательна и констатацией того факта, что крестьяне «владельцам подданными почитаются по одной только земле, а не природные крепостные, ибо все их общество составило многолюдство из одних пришельцев из разных мест»[29].

Засилье феодалов заставило кабардинских крестьян покидать свои края, и к концу 80-х – началу 90-х годов XVIII в., в 1789 г., в Моздок переселился 381 человек, а за Кавказскую линию в 1790 г. перебралось до 1000 семейств[30].

Об уровне оседлости кабардинцев 70-х годов того же века можно судить и по их намерению переселиться в Грузию. Царь Ираклий обещал «дать им хорошие места и долины, к Имеретинским и Ахалцихским границам лежащие»[31]. Подкрепляя свои обещания конкретным действием, Ираклий «для встречи и принятия кабардинцев выслал в Дарьял военную команду...».

Передвижения населения в конце XVIII — 50-х годах XIX в.

В этот критический период переселенческое движение приобретает масштабный характер в связи с усилением колониальной политики самодержавия. Восстания кабардинцев, продолжавшиеся без длительного перерыва с 1794-го по 1805 г., поставили их перед реальной угрозой оставить свои родные места. В 1805 г. кабардинские владельцы писали Дельпоццо, тогдашнему приставу Кабарды: «...Кабарда не была бы уже Кабарда, и тогда же все были намерены разбежаться в разные места»[32]. Хотя кабардинцы в основной своей массе остались в Кабарде, значительная их часть все же переселилась за Кубань. По сведениям Сталя, «беглые кабардинцы – выходцы из Большой Кабарды (с 1804 г.)». Турецкие эмиссары всячески поддерживали в кабардинцах дух переселенчества. Об этом говорит фирман турецкого султана, присланный в 1808 г. в Кабарду и приглашавший кабардинцев к переселению в Турцию. Фирман, по словам В. Н. Кудашева, «имел успех. Часть кабардинцев вздумала было переселиться, но их удержали другие»[33].

К этому времени относится переселение некоторых закубанцев в Кабарду. По приглашению князей Кучука Джанхотова и Каспота Кильчукина в 1808 г. абазинцы Саралип Хаудов, Захочжуко Межеров, Усман, Измаил и Хашир Егановы «переселились... в числе 15 семейств в Кабарду»[34]. Поселившись на «землю при речке Мишик, ниже аула князя Камбота Кильчукина», они были в составе аула Хаудова, вошедшего при укрупнении населенных пунктов Кабарды в аул Клишбиева.

Новый этап массового переселения (первая половина XIX в.) кабардинцев связан с именем генерала Ермолова. Граббе писал, что «самые большие побеги кабардинцев за Кубань делались, начиная с 1816 и до 1822 года»[35]. По сведениям Хан-Гирея, в 1821–1822 гг. Большую Кабарду оставили 62 аула, что составляет приблизительно 40 % населения, или, по нашим подсчетам, примерно 24 тысячи кабардинцев, которые были «более беспокойными, но лучшими воинами»[36].

В ермоловское время, пожалуй, не осталось ни одного аула, не подвергшегося переселению. По сведениям В. А. Потто, «14 больших аулов в марте 1822 года по предложению Ермолова (мягко сказано! – *С. Б.*) переселились на плоскость – 945 домов по левому берегу Терека, по Уруху и Баксану»[37]. В июле того же года генерал-майор Сталь предписывал капитану Фирсову: «Кабардинскому узденю Бекмурзе Бабукову с 60 семействами по Малке пониже урочища Блегок по правому берегу прошу... не воспрещать в поселении»; «Кабардинскому узденю хаджи Темрюко Ашабову не воспрещать поселиться на Малке пониже урочища Блегок с двадцатью пятью семействами»[38]. Эта же участь постигла владельцев Мусу Асланкирова, Мусу Шорова, Хамурзу Шидакова и многих других.

В 1821–1822 гг. переселенчество в пределах исторической территории Кабарды приняло необычную форму, вызванную политикой давления на князей и узденей, проводившейся Ермоловым. Эти годы отмечены многочисленным бегством крестьян из не покоренной еще территории в места, подконтрольные русским властям. Уздень Шумахо Шогенов, подвластный князя Таусултана Атажукина, совершил побег к непокорным за Кубань. Перед этим он приказал своим крестьянам, проживавшим вместе с ним в ауле Таусултана Атажукина, следовать за ним. Исмаил Токов (Туков), Бавуко Калабеков, Брай Гиреев и Аслан Тугужев отказались подчиниться и решились также совершить побег, но с целью обратиться к русским властям. Путь к ним был труден и сопряжен с опасностью, но любовь к личной свободе заставляла отважиться на риск. Исмаил Токов в показаниях, данных им 19 июля 1822 г., в частности, отмечал, что он «вознамерился бежать в Россию, зная, что в оной добровольно выбегающих принимают», и уговорил двоюродных своих братьев Бавуко Калабекова, Брая Гиреева и Аслана Тугужева следовать за ним со своими семействами. Они пробирались к местам расположения русских поселенцев «11-ть дней, в ночи пешие бежали, в следовании были 9-ть ночей, а днями скрывались по лесам и в ущельях». Токов (Туков) изъявил желание жить «в поселенном на Куре Кошевом ауле», где имел родственников. Калабеков, Гиреев и Тугужев отправились в тот же аул[39]. В 1826 г. было дано предписание – водворить в Кабарду «азиатца Картула Балова, выбежавшего от карачаевцев». Таким же образом приходили к русским властям и многие кабардинцы.

Некоторые из «беглых» кабардинцев переселялись по личному указанию самого Ермолова. 2 января 1822 г. в сообщении коменданту г. Моздока подполковнику Котыреву говорилось, что корпусной командир «изволил выбежавшему из Кабарды» кабардинцу Гирею Урышеву дать из-под караула свободу и позволить жить, где пожелает. Урышев, убежавший от непокорного узденя Солемана Клычева, изъявил желание жить в г. Моздоке, поэтому конвойным командам предписывалось препроводить его «не в роде арестанта, а на свободе». Таким же образом в г. Моздок переселились: Усман и Бесленей Кайтуковы, совершившие побег от узденя Канчокова, принадлежавшего князю Таусултану Атажукину; Ислам, Тлост и Мата Урышевы – от узденя Хажи Тлоха Женокова, принадлежавшего Таусултану Атажукину; Мерем, Узму, Кардан и Шобат Меремовы и Масарбий Совнуков – от узденя Бекира Хапачева, принадлежавшего Таусултану Атажукину; Хачимахо Блихов и Кару (Къару?) Тхакохов – от узденя Юсупа Алтадукова; Кундет Блешуков – от узденя Тлекеча Хапачева; Исуп Тебатоков, Калмык Мусов и Ногой Огорлов – от узденя Дугулубга Тамбиева; Тлепш Калмыков, Исмаил Езоов – от узденя Бекара Махарова, принадлежавшего Камботу Хамурзину; Абрек, Хотокшуко и Хасан Хумахожевы – от узденя Захохова; Тобаго Жилехастов (Жилегастов), Махомет Хаигиреев – от узденя Софила Шадова; Аслангирей Бичев – от узденя Солемана Клычева; Тлепш

Бытов – от узденя Сидакова, принадлежавшего князю Исмаилу Касаеву; Изао Гукежев – от узденя Абраима Томыева, принадлежавшего князю Асламбеку Биясленову; Адамей Амашуков – от узденя Идарука Поунежева, принадлежавшего Асламбеку Биясленову; Дох Магометов – от узденя Ислама Амыкужева, принадлежавшего князю Мурзабеку Кашеву; Огурли Захушев – от узденя Кароха Кундетова; Уруспи Жетимов, Сабата Урышев и Машука Псунуков – от узденя Дугулубга Тамбиева.

Среди избравших Моздок местом жительства числятся также: Умахош Афичагов, Кара Алоков (вольный), Хачимахо Усманов, Ту Батов, Батырша Аисов, Ибрагим Биев, Мисарбий Кабардов, Губж Урышев, Цеукож Межиев и Харис Илкишев. В Бабуковом ауле (Бабуковской станице), что располагался близ Георгиевска, обосновались: Чишоко Бичев – совершил побег от узденя Мусы Шадова, принадлежавшего Таусултану Атажукину, Маремуко Дамов – от узденя Албека Темирзова, принадлежавшего князю Исмаилу Касаеву, Хасан Аталыков – от узденя, принадлежавшего князю Темирбулату Атажукину, Исхак Мамбетов – от узденя Мустафы Алтудокова, принадлежавшего князю Таусултану Атажукину. В аул Кошева (на Куре) переселились: Асlануко и Исхак Фицевы, совершившие побег от непокорного Даута Камбиева; Ильяс и Таусултан Псонуковы – от узденя Абраима Хутахова, принадлежавшего князю Темирбулату Атажукину; Тлекеч Амахошев – от узденя Мусы Канова, принадлежавшего князю Таусултану Атажукину; Пшико Пшиноков – от узденя Каспота Дерева, «живущего в российских границах». В аул Аджиева, «поселенный близ Бештовых гор», был отправлен Нашхо Кундетов, сбежавший от узденя Юсупа Алтадукова; Иохтаных Лоов с сыновьями Ибрагимом и Абдулою – от узденя Калга Тыжева, принадлежавшего князю Канамату Касаеву[40].

Мы привели составленный 8 мая 1822 г. «Список выбежавшим из Кабарды добровольно кабардинцам с показаниям [имен] владельцев и куда отправлены на жительство». Этот, разумеется, далеко не полный перечень показывает, что значительная часть беглых кабардинцев принадлежала узденям князя Таусултана Атажукина. Этот факт, наряду с другими свидетельствами, позволяет сделать вывод: одним из главных вожаков непокорных кабардинцев, а вероятно, и главным организатором их борьбы был князь Таусултан Атажукин.

В 1832 г. житель аула Султана Саламат Гирея абазинский уздень Тока Асланов переселился в Кабарду. Вместе с ним переселились крестьяне: Огурли Махо, Кунтат Хохо, Индрис Кусан, Хута Тахуна, Харцыз Колчора, Арболя Картулов, Гагач Каштым, Камса Тахуна, Колчора Коштым. Среди переселенцев числится уздень Абраим Амерханов, крестьянин Мерем Шумахов, уздень Бахта Мамбатов с семейством и крестьянами, уздень Чора Камбаков с семейством, уздень Аиса Слангиреев с семейством, уздень Исхак Хили с семейством и крестьянами, уздень Араим Алинкирев и другие – всего 114 человек. В 1834 г. по приказанию

командующего Кубанской линией генерал-майора Сергеева «беглые» кабардинские уздени Увжуко Метов, Унезуков и кабардинец Огурли Османов с их семейством из Кубани переселены в Кабарду. Конкретнее о них сказано в записке, принадлежащей, видимо, перу генерала Пирятинского. Он указывал, что бежавший от узденя Эльмурзы Бабукова Огурли Османов с женою, дочерью и двумя сыновьями, а также брат его Собан Османов «объявили желание поселиться в станице Бабукова». От узденя Жамбеча Магометова убежали вольный Унежука Жантемиров с сыном. А ушедший от князя Баткери Карамурзина вольный Увыж Метов с женою, двумя дочерьми и одним сыном «поселились в аул Гусина Тамбиева»[41].

О движении населения за 1825–1846 гг. и переименованиях аулов можно судить по информации генерал-майора Хлюпина от 26 января 1847 г.: «...после переписи кабардинцев в 1825 году другой не было, между тем как переселения следовали одно за другим, много сделалось изменений не только в народонаселении, но даже и в местах жительства аулов...»[42].

Корпусной командир барон Розен 16 декабря 1831 г. потребовал точные сведения о всех явившихся в Кабарду из-за Кубани горцах. В соответствии с этим предписанием майор Лещенко написал генерал-майору Горихвостову, чтобы он составил именной список тех людей, которые поселились в Кабарде «с объяснением, когда именно, где поселены и с чьего разрешения и оный поспешить представить...»[43].

В начале 1832 г. был составлен именной список «кабардинского народа, проживающего в городе Моздоке и отправленного по воле начальства на жительство в Вольной кабардинской аул, близ крепости Нальчикской поселенной». Исправляющий должность Моздокского коменданта майор Кудинов, препровождая этот список Горихвостову, сообщал, что упомянутые в нем кабардинцы высылались в Моздок с 1822 г., т. е. в период Ермолова. По сведениям Кудинова, в 1826 г. в Вольный аул переселились: Кандор Меремов, Шевбат Маремов, Сох Шебатоков, Тлеас Кяшев, Магомет Шидов, Шора и Кануко Доховы, Ислам Сабанов, Мет Лиев, Кунетых Лиев, Теуна Уначев, Машеко Псуукунов (?), Хацук Конов, Магомет Хабеков, Даут Ташуков, Добаго Машуков, Нагай Бештов, Огорли Тулатов, Медали Паунежев, Тлекеч Мусов, Кудинет Хапачев, Умахож Иритов, Атажуко Умахов и Абрек Умахов, Дебаго Машуков, Салах Гусаков, Уриш Теунов, Губернет Гогнуков, Хачемахо Таглегов, Урит и Баташ Дышековы, Хуцук Умаров, Даут и Харис Схабацевы, Теуна Тлыхопов, Карашуй Блешуков[44].

Бегство кабардинцев к русским властям иногда провоцировалось, как это ни покажется парадоксальным, самими узденями, разумеется, извлекавшими из этого немалую для себя материальную, а может быть, и иную выгоду. Об одном из таких случаев сообщал в 1831 г. Бесланеевский пристав сотник Калантаров. При допросе бесланеевского узденя Крым-Гирея Докшукова, подо-

зревавшегося в организации побега табунщика Хачимахо Машукова от кабардинского узденя Догожей Жакукова, выяснилось, что «действительно он подговорил вышеупомянутого табунщика Хачимах к побегу на жительство в Кабарду и вместе с тем угнать косяк лошадей с условием, что он, Крым-Гирей, в угоне онаго будет делать со стороны своей пособия с тем, чтобы получить от Машукова половинную часть лошадей, на что Эусмах (Хачимахо. – *С. Б.*) Машуков и согласился». Опасаясь какого-нибудь подвоха, Докшуков послал с Машуковым узденя Зекорея Едикулова. Замысел удался, и из угнанного косяка в 29 лошадей с жеребятами Докшуков получил шесть кобылиц с тремя жеребцами[45].

* * *

Переселения кабардинцев диктовались, конечно, не только причинами внешнего порядка. В известной мере они были обусловлены общественно-экономическим укладом и, в частности, связанной с ним полуоседлостью населения. Броневский свидетельствует: «Кабардинцы имеют привычку переходить с старых усадеб, коль скоро селения их засорятся от скопившегося навоза и других нечистот».

И. Ф. Бларамберг по этому вопросу: «Кабардинцы привыкли переносить свои деревни или аулы с места на место, по мере того, как территория аула загрязняется навозом и другими отбросами... Эта привычка, столь полезная для здоровья жителей, в то же время затрудняет точное описание их поселений». Последнее замечание говорит о природе кабардинцев. Но, предпринимая переселения, они руководствовались куда более вескими соображениями. Броневский и Бларамберг односторонни.

Вот что пишет академик П. С. Паллас: «Черкесы вообще, а кабардинцы в частности населяют селения, которые они покидают через определенный промежуток времени или по причине засорения, или вследствие отсутствия достаточной безопасности»[46].

В годы Кавказской войны у кабардинцев, разумеется, не могло быть прочной оседлости, напротив, она в значительной мере ослабла. Ее основную причину укажет Комиссия по правам личным и поземельным в 1865 г.: «Наружная, по-видимому, неоседлость кабардинцев, довольствующихся по большей части временными ничего почти не стоящими жилищами, непосредственно проистекает от малой уверенности в ненарушимости поземельной собственности; крутые меры Ермоловского времени, когда народ жил в балаганах и кочевал с места на место, оставили в нем неизгладимые следы подозрительности...»[47]. Комментарии излишни.

После похода Шамиля в Кабарду переселения и уход кабардинцев за Кубань, в Чечню и в горы становятся частым явлением. В частности, начальник Центра Кавказской линии генерал-майор Голицын 18 апреля 1846 г., т. е. вскоре после появления Шамиля в Кабарде, докладывал начальству, что «все аулы кабардинские между Череком и Урухом перетащили имущество в горы»[48].

Переселению внутри Кабарды и бегству к «непокорным» оказались подвержены главным образом те кабардинцы, которые оказались на занятой Шамилем территории и прилегающих к ней местностях. Жители более отдаленных мест переселялись ближе к линии военных укреплений. В журнале военных происшествий за 21 апреля 1846 г. отмечено, что начальник Центра Кавказской линии Голицын по просьбе «почти всего народонаселения на Малке» выдал билеты «на переселение семейств свои и имущества на линию».

Среди переселенцев *на линию* оказался аул Жантемирова. В 1846 г. его жителю узденю Паше Кармову было выдано свидетельство «в том, что он сего года в апреле месяце, во время нашествия в Кабарду с чеченским своим войском Шамиля, прежде всех своим семейством со всеми аульными и скотом рогатым и баранами прибыл к нашей Павловской станице и соглашался с нами вместе защищаться оружием в случае против шамильских нападений и с тем вместе сговорил и привел по левую сторону Малки жителей Лафишева аула тоже со всем их скотом и пробыл с оными до толе, пока Шамиль со своим войском возвратился в Чечню...»[49]. Эти факты подтверждают справедливость сведений генерал-майора Голицына.

Переселения в 50-х годах проявлялись в форме бегства к «непокорным» и от «непокорных». Такие кабардинцы в основном считались «находящимися в бегах в Чечне и за Кубанью». По требованию начальника Центра Кавказской линии Кабардинский временный суд в 1851 г. составил «Ведомость о бежавших кабардинцах к непокорным в Чечню и Закубань». Из аула Хату Анзорова к числу бежавших в Чечню относятся: корнет Исмаил Анзоров, уздень Эдык Тохов, Якуб Губечиков, Пижин Тохов, Махты Хачаодов; из аула Али-Мирзы Анзорова: узденья Ибрагим Тохов, Исуп Губечиков. Среди беглых немало выходцев из крестьян: Марем Локов (аул Анзора Анзорова), Эдык, Ноф и Тым Масаевы (аул князя Докшукина); Джамбот Хакулов (аул Атласкирова). «Беглые» уздени из других аулов: Тыж Жилетежев (аул князя Докшукина), Тым Гукежев (аул Казиева), Касай Тлостанов (аул Джанхотова), Мазан и Хажали Березговы (аул Хостова), Барак Сохов (аул Камбота Докшукина), Шу Шкашхов (аул Кильчукина), Хатакшуко Больжатов (аул Женокова). Перечисленные «беглые» кабардинцы находились в Чечне. За Кубань бежали: Эльжеруко Гунов, Исмаил Шогенов (аул Клишбиева) и уздень Ибрагим Муллов (аул Муллова). «Беглые» уздени Сохов, Шкашхов, Больжатов, Гунов, Шогенов и Муллов крепостных крестьян не имели[50].

Кабардинские уздени – владельцы аулов – часто жаловались на самовольное переселение их жителей. С подобной жалобой уздень Ибрагим Захохов обратился к начальнику Центра в 1848 г. Тот сообщил Кабардинскому временному суду, что жители аула узденя Захохова: Калехстан Захохов, Каирбек Ашибоков, Хажели Ашибоков и Даут Карданов переселились в аул Догужокова, а Емгот Ашибоков, Аиса Березгов, Магомет Такопсогов и Ислам

Жигов переселились в аул Женокова (аул позднее вошел в с. Муссы Кожокова). Начальник предписал суду «приказать им возвратиться немедленно на свое прежнее жительство»[51].

Середина 50-х годов XIX в. отмечена учащением выхода закубанцев на Куму и в Кабарду, что во многом связано с движением Магомета Амина. Подобные факты с целью принятия покровительства русских властей предпринимались представителями всех сословий. Приведем рапорт майора Дубяги, пристава Бесленеевского народа и закубанских армян, Грамотину (1856 г.): «Управление правого фланга Кавказской линии при отношении от 13 сего апреля препроводило ко мне добровольно вышедшего из гор под покровительство Русского правительства Кабардинского племени вольного сословия Арсламбека Ападжева с его крестьянами, а именно: Харук и Нажук – сей последний с женою и четырьмя малолетними детьми, которые пожелали поселиться на всегдашнее жительство во вверенном Вашему Превосходительству Центре аул кабардинских князей Касаевых. А потому выходца Апажева с прописанными крестьянами отправляя при сем к Вашему Превосходительству на зависящее распоряжение, честь имею доложить, что показание, отобранное от Апажева, находится в Управлении правого фланга...» Однако по желанию самого Ападжева (Апажева) после принятия им присяги на верное подданство он и его крестьяне были переселены в аул штабс-капитана князя Каспулата Дударукова [52].

В том же году кабардинский узДень Касай Назранов с тремя братьями, матерью, двумя сестрами и девятью его крестьянами обоего пола добровольно принял покровительство России и изъявил желание поселиться в ауле князя Касаева. Под поручительством узденя Ноха Бекбулатова в ауле Бибердова поселился «бесленеевского племени уздень Магомет Гучинов». По распоряжению начальника правого фланга Кавказской линии сын эфенди Магомета Дугорова, «выходец из гор», Адильгирей Дугоров в 1856 г. совершил побег к русским «с товарищем абазехом Гауном-Ту с тем, чтобы поселиться жить в ауле Бек-Мурзы Кубатиева». Майору Каражаеву из Баталпашинска предписывалось исполнить волю начальника. Тем временем бывший в плену рядовой донес властям, что Адильгирей имеет намерение «взять свою мать и опять бежать в горы, для того снабжен будто бы от Магомета Амина деньгами»[53].

Пристав Тахтамышевских аулов полковник Алкин докладывал в 1856 г. генерал-майору Грамотину: «2 числа сего месяца явился ко мне добровольно вышедший из гор бесленеевского племени уздень Мохож Тазартуков с 5 крестьянами обоего пола. Выходцу этому, согласно его желания, я дозволил проживать в ауле Султанском на Зеленчуке. На вопрос: «Которого года месяца и числа от какой причины и с каким намерениям отлучился ты от своего места», Тазартуков ответил: «До весны прошлого 1855 года проживал я на Урупе в ауле Тазартуковом, а во время весны по разрешению начальства со всем Бесленеевским племенем с стар-

шим моим братом Камбулатом, с женою его и 20 душами крестьян обоего пола переселился в аул Тазартуков в вершину Лабы, в коем и поныне проживал, но, не желая более быть там, избравши удобный случай, 5 дней тому назад взял из числа сказанных крестьян 5 душ женщин, бежал оттоль и вчерашнего дня прибыл на Большой Зеленчук в аул Султанский... Означенного брата с женою и крестьянами, оставшимися в горах, имею намерение в скорости выручить оттоль»[54].

К приставу полковнику Алкину в 1856 г. прибыл также «добровольно вышедший из гор от непокорных горцев башильбаевского племени узден Магомет Али Тахушинов». Ему было разрешено проживать в ауле князей Лоовых «при князе Эдыке Лоове, за поручительством сего последнего»[55]. К русским властям он добирался «один без всяких проводников дней 6...». Пешком с оружием он «бежал верховьями рек: Лабы, Урупа и Зеленчуков, прямо в аул Лоов на Учкульке»[56].

В 1856 г. из гор совершил побег к русским и узден Джамбот Бекизов (Башильбаевское племя) в аул Бибердова, узден Карабатыр Балов (Абазинское племя) в аул Дударукова, а бесленеевские уздени Асламбек Келешев и Закарья Пашев в аул Султанский, что на Малом Зеленчуке[57].

Добровольно вышел из гор «Башильбаевского племени узден Исхак Тамбиев». Ему разрешили проживать в ауле князей Лоовых «при уздене Тлауж Хацукове».

К присяге на верное подданство в том же году был приведен и вышедший из гор кабардинский узден Ерижим Пшуков[58]. Беглые крестьяне Хазир и Якуб Абазоковы, проживавшие в ауле подполковника Капланова, изъявили желание проживать в Малой Кабарде, в ауле старшины Алихана Андарукова.

Еще об одном переселении того же года в Малую Кабарду рассказывает рапорт пристава Карачаевского и Абазинского народов: «Абазеховского племени аула своего узден Магомет-Али Биданоков четыре месяца назад тому вышел от непокорных под покровительство наше и до настоящего времени проживал в ауле ногайского князя Едыка Абилова около Прочно окопа. Ныне изъявил желание поселиться в ауле майора князя Тугана Ахлова... Почтительнейше донося об этом Вашему Превосходительству, честь имею покорнейше просить не оставить разрешить уздену Биданокову переселиться на жительство в аул князя Тугана Ахлова по уважению, что с давнего времени в этом ауле он имеет знакомство; причем долгом считаю доложить Вашему Превосходительству, что выходец этот отлично исполнял должность лазутчика при господине начальнике правого фланга Кавказской линии. 13 марта 1856 г., аул Ахлова»[59]. 24 мая 1856 г. подполковнику Тамбиеву сообщили, что Биданоков «может поселиться в сказанном ауле».

Мотивы переселений были самые различные: малоземелье, острые конфликты, желание вернуться в родные места. Так, вольный кабардинец Хуран Березгов в 1854 г. просил генерал-майора

Грамотина переселить его с семьей в аул Жамбекова. В момент прошения он проживал в ауле Камбота Куденетова, куда «лет 28 назад, лишившись родителей по случаю смерти», переселился, чтобы «снискивать пропитание... и нанялся пасть баранов». Свое желание вернуться в аул Жамбекова Березгов объяснял тем, что там «покоится прах родителей моих и живут брат, сестра и вся фамилия наша». Начальство дало согласие на переселение просителя в аул Жамбекова (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1530, л. 1–2).

Прапорщик Жамбот Хакулов в 1854 г. в докладной записке отмечал: «Живя с давнего времени в ауле узденья Атласкирова и ныне по случаю стеснения [в] поземельном довольствии не желая в оном проживать, почему имею честь всепокорнейше просить... дозволить мне с семейством переселиться на новое место в аул Тогланов, живущий близ Нальчика...» (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1511, л. 1 об.).

По предписанию начальника Центра Кавказской линии Кабардинский временный суд докладывал, что на переселение «препятствий никаких не предвидется по тому уважению, как Хакулов, так равно и Тогланов состоят в Бекмурзиной фамилии».

В рапорте начальника Кабардинского округа от 27 марта 1854 г. исполняющему должность начальника Западного военного отдела Терской области сказано: «Вольный кабардинец Тоглан (Токлан) Загаштоков (старший член этой фамилии) в прошении своем, поданном воинскому в Нальчике начальнику 30 января 1863 г., объяснил, что, будучи причислен к вольным кабардинцам и живя в ауле Боровом около 60 лет, он никогда не имел спорной земли для пастьбы скота в пустопорожних местах на р. Чегеме». В 1862 г. между сыновьями Тоглана Загаштокова Умаром, Мусой, Измаилом и жителями аула Сасикова Тлостанби и Муссарби Вороковыми возник конфликт из-за пастбищ и сенокосных мест.

В связи с этим Загаштоков в 1863 г. «изъявил желание переселиться со всеми его родственниками в аул князя Касаева и получил на то согласие от князя Касаева». Начальство также дало согласие на это переселение, обязав при этом Загаштокова «отбывать должную повинность, как и прочие вольноаульцы» (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 1494, л. 20 об., 21, 30–31).

В начале 60-х годов продолжались частые переселения закубанцев и абазин в Кабарду. По разрешению графа Евдокимова «старший урядник Лабинского конно-иррегулярного эскадрона, туземец Верхне-Кубанского приставства Махмуд Шуков» в июне 1861 г. переселился с семейством в аул Хасанбия Атажукина[60].

Переселения нередко затруднялись отказом односельчан в приеме. В рапорте Кабардинского временного суда начальнику Центра Кавказской линии князю Эристову от 16 сентября 1859 г. сказано: «Вдова Аркуят Коцева занесла жалобу, что муж ее эфендий Кудинец Коцев назад тому 18 лет был приглашен жителями с[таницы] Бабуковской для исправления богослужения. В продолжение этого времени прижила детей: Магомета, Абдурахмана, Ахмеда, Хозеира, Зубеира, двух дочерей. Муж ее

эфендий Коцев в 1847 г. от холеры умер. Ныне же она желала переселиться в Кабарду к родным. Жители Бабуковской ст[аницы] по неизвестным причинам ей препятствуют, тогда как она с детьми не причислена к обществу Бабу[ковской] ст[аницы], почему просит о переселении ее с детьми в Кабарду, в [аул] Бабукова». Суд просил Эристова дозволить ей переселиться в аул Бабукова[61].

На правах вольноаульцев

Уздень Харис Ныров в 1865 г. проживал в ауле корнета Конова. В 1858 г. он числился в станице Бабуковской. В то время некоторые жители станицы оказали неповиновение властям и «несколько семейств были высланы в Россию». В их числе был Харис Ныров, который находился там пять лет. Вернувшись на родину, он в 1865 г. обратился к начальнику Кабардинского округа с просьбой заставить освободить бывших крепостных князя Казия Касаева – Тыму и Идриса, захвативших его родного брата Гирея и двух мальчиков в плен, а также вернуть деньги за выкуп брата и понесенные им другие убытки – всего 500 рублей серебром.

Начальник Верхне-Кубанского округа, в чьем ведении находились ответчики, направил запрос к исправляющему должность начальника Абазинского участка. Последний ответил: «Крестьяне Тыма и Идрис объявили мне, что, возвращаясь из гор под покровительство России, им все проступки и прежние преступления прощены, а потому я, по примеру прочих случаев, не считаю и их обязанными вступать в разбирательство с Ныровым за прежние дела. Разве по особому приказанию... Верхнекубанского округа».

Окружное начальство, в свою очередь, дало знать, что оно имеет «право заставить» крестьян удовлетворить предъявленный им иск. Основанием отказа Нырову в его просьбе являлось предписание главнокомандующего Кавказской армией от 4 декабря 1858 г., которое давало свободу «семействам холопьев, принадлежавшие Бабуковским казакам, высланным на жительство во внутренние губернии с выдачею им на то письменных видов и с дозволением поселиться в мирных горских аулах с согласия аульных владельцев, а при нежелании сих последних принять их к себе, зачислить тех холопьев в Кавказское линейное казачье войско навсегда с потомством».

Такое свидетельство в 1860 г. получили крепостные крестьяне казака той же станицы Аслан-Гирея Батырова (Мазан, его брат и члены их семей). У Мазана было желание поселиться в аул Атажуки Атажукина[62].

Другой пример. Исправляющий должность начальника штаба войск Кавказской линии и Черноморья в 1852 г. написал следующий рапорт начальнику Центра Кавказской линии: «...добровольно вышедший из гор под покровительство наше кабардинец Темиржан Карданов с семейством из 3-х душ мужеска и одной

женска и одним крестьянином, изъявил желание поселиться в Большой Кабарде в ауле князя Атажукина». Местному начальству предписывалось выяснить, примет ли князь майор Атажукин Карданова и даст ли он поручительство «за будущее поведение его». Атажукин принять в свой аул Карданова согласился, но за его поведение в будущем дать поручительство отказался, поскольку он не знал его раньше. Генерал-майор Грамотин докладывал, что он, в свою очередь, не возражает против переселения Карданова в аул Атажукина.

Однако Карданов поселился в Вольном ауле. К нему в 1853 г. переселился и его родной племянник Шоулох Мусов, также вышедший из гор от «беглого» кабардинского узденя Магомета Хутатова[63].

Передвижения аулов

По «Ведомости...» Якуба Шарданова в 1824 г. в Кабарде оставалось 105 аулов: 84 – в Большой Кабарде и 21 – в Малой Кабарде. А на карте, составленной в 1842 г., в Большой Кабарде было только 52 аула, а в Малой Кабарде и того меньше – всего 18 аулов. Перечислим названия аулов Большой Кабарды за 1842 г.: Тамбиева, Гетыжева (Гетежева), Кокова, Кучмазукина, Ашабова, Наурузова, Тохтамышева, Казаншева, Атажукина, Алтудокова, Шарданова, Кошерокова, Канахова, Зекова, Айдемирова, Шортанова, Вольный (Вольный аул), Джамботова, Кольчукина (Кильчукина), Абазова, Атпанова, Широтлокова, Кошева, Судакова, Иналова, Кунашева, Касаева, Тамбиева, Ельтарова, Тыжева, Маканова, Бабукова, Агубекова, Куденетова, Гукежева, Шенибова, Махарова, Хостова, Мисоста (Алхаса Мисостова), Кожакова, Алиева, Б. Барокова, Докшукина, Кохужева, Хату-Анзорова, Докшукина, Эльбуздукина, Магомет-Анзорова, Пшимахо-Анзорова, Анзор-Анзорова, Коголкина. Из описания 1744 г. можно сюда отнести и аул Караджа, видимо, «каражевцы».

В Малой Кабарде находились аулы: Шумаха Хвостова (Хостова), Барокова, Кунижева, Муртазова, Баташева, Эльтухова, Тузарова, Абаева, Булатова, Бековича-Черкасского, Хапцева, Астемирова, Инарокова, Ахлова, Псидаха[64].

Конечно, в таком катастрофическом сокращении количества аулов (население в них также сокращалось) повинна не только колонизация Кабарды, хотя это, разумеется, главная причина.

Ермолов, не гнушаясь никакими низменными средствами, даже если это повальная смерть целого народа, лишь бы они верно служили интересам своей колониальной империи, с поразительным злорадством и равнодушием к судьбам кабардинцев писал: «Моровая язва была союзницей нашею против кабардинцев». Ермолов признателен союзнице такого рода, как чума, в том, что она, «уничтожив совершенно все население Малой Кабарды и произведя опустошение в Большой, до того их ослабила, что они не

могли уже, как прежде, собираться в больших силах, но делали набеги малыми партиями»[65].

Согласно рапорту бывшего пристава Кабарды Дельпоццо генералу Тормасову, «кабардинцы от заразительной болезни остались совершенно бессильны, будучи потеряв из своей силы прежнего величия девять доль»[66]. Есть и другие аналогичные сведения об опустошениях, произведенных чумой в Кабарде, но сказанного достаточно, чтобы убедиться в ее катастрофических последствиях для судеб народа. Говоря о колониальной политике царизма, отдельные наши историки упускают из виду такой трагический фактор, как чума, свирепствовавшая именно в период усиления колониальной экспансии. Без этой страшной природной стихии, по существу, уничтожившей Кабарду как значительную военную силу, исход противостояния царских войск и кабардинцев был бы неясен.

Если даже накануне вторжения Ермолова в Кабарду оставшаяся десятая часть народа, а по существу, горстка от народа, все еще внушала опасения, то каково было бы русским властям, не будь той гибельной моровой язвы, которая, однако, с другой стороны, содержит одно утешение для чести кабардинского оружия: оно ушло в историю непобежденным. В подтверждение того, что Кабарда и в десятой своей части представляла собой военную силу, с которой приходилось всерьез считаться Ермолову, приведем его же свидетельство: «Водворившиеся повсюду в областях наших спокойствие, дружественные отношения с Персиею... доброе согласие с пограничными турецкими начальниками, дало мне возможность отправиться в Кабарду, которую предположил я занять войсками»[67].

Возвращаясь к переселениям аулов к 1842 г., следует особо подчеркнуть и то, что местонахождение их в Большой Кабарде изменилось по сравнению с 1744 г.: из ущелий и предгорий они были переселены на линию новых военных укреплений Баксан – Нальчик и далее по предполагаемой линии к Николаевскому военному укреплению. Это с юга. На западе самый крайний аул – Тамбиева – был расположен на правой стороне реки Баксан, недалеко от крепости Баксанской, находившейся на левой стороне этой реки. Далее за условную линию Баксан – станица Солдатская выходили только близлежащие аулы Кошева и Седакова. На востоке границей Большой Кабарды служил не Терек, а линия военных укреплений Николаевское – Александровское – Пришибское. За ней начиналась Малая Кабарда, аулы которой располагались в основном вдоль Терека и близ Малки. В долине реки Малки от станицы Солдатской до укрепления Каменный Мост не было кабардинских аулов, за исключением Аджикармова (Кармова), включавшего аулы Аджиева и Абезыванова, а также Трамова, находившихся на левой стороне реки близ Известнобродского карантина.

Здесь кстати подчеркнуть, что по «Ведомости исчисления кабардинского народа...», с поименным указанием князей, узде-

ней и количества вольного и крепостного люда, составление которой закончено 30 января 1825 г. с участием Я. Шарданова, на Малке располагались аулы: Темирбулата Атажукина, Хаджи-Атажуки Думанова, Мисоста Атажукина, Али Конова, Эльмурзы Бабукова, Жамбота Казаншева, Темрюко Ашабова, Асламбека Агубекова, Докшуки Хутатова. Как видно по списку 1842 г., все они были переселены в глубь Кабарды, ближе к военным укреплениям.

Кроме отмеченных карт с указанием населенных пунктов Кабарды и «Ведомостей...» Шарданова, есть еще несколько архивных материалов, датируемых более поздним периодом. Они свидетельствуют о некоторых изменениях в географии населения Кабарды.

В Центральном госархиве КБР хранятся перечни аулов Кабарды за 1847 г. (Большая Кабарда), 1858 г. (Малая Кабарда), 1862 г. (Большая Кабарда), 1865 г. (Большая Кабарда) и список названий аулов после их укрупнения в 1865–1866 гг. с указанием аулов, в них вошедших на правах отдельных кварталов и др. Все перечисленные архивные материалы опубликованы (часть из них – оригиналы – извлечена из других архивов) Х. М. Думановым[68].

Если рассмотреть список аулов Большой Кабарды за 1847 г., можно заметить возвращение некоторых аулов к местам прежнего расселения. Среди них аулы на Малке: Бабукова, Мусабия Атажукина, Лафишева, Джантемирова и Гетежева. Кроме отмеченных списков, в архиве сохранился перечень населенных пунктов Большой Кабарды за 1858 г.

По сведениям временно управляющего Большой Кабардой подпоручика Ладыженского, в 1858 г. в Большой Кабарде насчитывалось 89 аулов, за исключением Вольного и Борова аулов, которые административно входили (подчинялись) в кр. Нальчик. В том числе в Атажукиной и Мисостовой фамилиях 46 аулов: Камбота Куденетова, Мета Куденетова, Шоры, Казаншева, Бешказакова, Шогенова, Анзора Тохтамышева, Берта Тамбиева, Тыжева, Жамбота Тохтамышева, Пшемахо Эльтарова, корнета Седакова, поручика Дерева, Жанхота Отпанова, поручика Ибрагима Кунашева, юнкера Сасикова, Бекмурзы Наурузова, штабс-ротмистра Жамбекова, Мурзабека Тамбиева, Гетежева, прапорщика Кучмазукина, подполковника Касаева, Шипшева, полковника Батырбека Тамбиева, Адилгирея Гетежева, Иналова, Кошева, Лафишева, штабс-ротмистра Хасанбия Атажукина, Агубекова, Аджиева, корнета Трамова, Хаджи Ашабова, Бабукова, штабс-ротмистра Кармова, Хамурзы Наурузова, Кургоко Бжехокова, подполковника Атажукина, Бекмурзы Зекова, Барака Конова, Бекмурзы Атажукина, Заракуша Тамбиева, подпоручика Умара Куденетова, Думанова, Хажи Алтудокова, Перхичева, Абезыванова.

В Бекмурзиной и Кайтукиной фамилиях насчитывалось 42 аула: Тогланова, Кошерокова, Муллова, Куденетова, Даутокова, Шарданова, Куныжева, Атласкирова, Гукежева, Кудаева, Клишпиева,

Агзагова, Догужокова, Докшукина, Муссы Кожокова, Захохова (?), Казиева, Жанхотова, Таова, Жамботова, Хостова, Махарова, князя Пшемахо Жамботова, Докшукина, Урумова, Эльбуздукина, Асламурзы Анзорова, Коголкина, Муссы Женокова, Хату Анзорова, князя Хамурзина, Тембота Анзорова, Хатакшука Анзорова, Кайсына Анзорова, князя Тлостаналиева, Шуганы Кожокова (?), Магомета Казаншева, Макянова, Поунежева, Кази Хамурзина, Алпшаова, Алхаса Мисостова[69].

Теперь приведем составленный в 1859 г. «Список аулам, населенным в Кабардинском округе, с обозначением дворов в каждом...» (количество дворов дается в скобках): Вольный (140), Кармова (30), Бабукова (80), Ашабова (60), Трамова (24), Абезыванова (37), Аджиева (35), Агубекова (30), Хасанбия Атажукина (46), Лафишева (23), Кошева (60), Гетегежева (32), полковника Тамбиева (131), князя Иналова (60), Мурзабека Седакова (17), кн. Хамурзы Наурузова (30), Бжехокова (29), кн. Исмаила Атажукина (35), кн. подполковника Атажукина (35), Конова (40), Зекова (20), кн. Бекмурзы Наурузова (53), Жамбекова (49), Мурзабека Тамбиева (25), Заракуша Тамбиева (87), Шакманова (32), Кучмазукина (56), Гетежева (24), Тыжева (27), Жамбота Тахтамышева (20), князя Касаева (21), Эльтарова (14), Кунашева (26), Дерева (9), Отпанова (24), Нахо Шипшева (40), Карашая Седакова (19), Бешказакова (28), Мудара Тамбиева (45), Анзора Тахтамышева (40), Шогенова (45), Казаншева (25), Перхичева (9), Думанова (16), Алтудокова (31), Камбота Куденетова (30), Мета Куденетова (29), Атажука Куденетова (43), Докшука Куденетова (28), Муллова (24), Шарданова (47), Кунижева (20), Даутокова (15), Кошерокова (16), Тогланова (30), Клишпиева (35), Кудаева (22), Атласкирова (27), Гукежева (23), Агзагова (29), князя Кильчукина (30), Хаудова (22), Мисостова (26), кн. Магомета Джамботова (26), Поунежева (17), кн. Пшемахо Джамботова (42), Алпшаова (24), майора Докшукина (72), Захохова (36), Мусы Кожокова (39), князя Казиева (70), Жанокова (42), Догужокова (50), Джанхотова (46), Таова (22), князя Джамбота Докшукина (38), Казаншева (13), Хостова (42), Махарова (20), Шанибова (30), Макянова (30), князя Кази Хамурзина (11), Эльбуздукина (48), кн. Камбота Хамурзина (35), кн. Тлостаналиева (28), Шуганы Кожокова (45), Асламурзы Анзорова (46), Хатокшука Анзорова (63), Тембота Анзорова (25), Кучука Анзорова (55), Пшемахо Коголкина (66), Кайсына Анзорова (27), штабс-ротмистра Шипшева (9)[70].

В этом списке отсутствуют аулы Абукова, Жерештиева и Хагундокова, которые в этот период административно не входили в Кабардинский округ. Не упоминается и аул Борова. Тем не менее список интересен в том отношении, что представляет собой самый полный перечень населенных пунктов Большой Кабарды накануне переселенческого движения кабардинцев в Турцию. Вскоре навсегда исчезнут такие населенные пункты, как аулы Бешказакова, Магомета Джамботова, Пшемахо Джамботова, Махарова и

др., а около 60 аулов в ходе их укрупнения превратятся в околотки (кварталы) новых поселений.

Список имеет и другую важную особенность: указывает количество дворов в каждом ауле, что позволяет установить приблизительную численность населения. По нашим подсчетам, в Большой Кабарде насчитывалось примерно 3362 двора. Полагая, что на каждый двор в среднем приходилось по 6 душ*[71], население Большой Кабарды составляло около 22 тысяч жителей.

В июне 1858 г. Малая Кабарда вошла в состав Кабардинского округа. От Большой Кабарды Малая Кабарда отличалась этническим разнообразием. В 1859 г. она состояла «из 1060 дворов малокабардинцев, до 150 дворов осетин магометан и христиан, 225 дворов чеченцев и до 450 дворов кумык»[72].

Придерживаясь указанного выше принципа исчисления населения, считаем, что в Малой Кабарде проживало немногим более 11 300 человек, в том числе приблизительно 6400 кабардинцев.

Перечень аулов показывает, что в населении Большой Кабарды, кроме отдельных названий, существенных изменений не произошло. По сравнению с 1847 г. к 1859 г. количество аулов не увеличилось. Хотя следует отметить также, что в 1850 г. «вниз по Баксану» располагался аул Ольпанова. Это свидетельствует, что с воцарением мира в Кабарде установилась ее окончательная оседлость. За исключением отдельных разрешенных начальством и вызываемых экономической целесообразностью перемещений в пределах своей этнической территории, уже не было переселений, тем более за ее пределы.

В 40–60-х годах XIX в. в Большой и Малой Кабарде было немало аулов, названия которых исчезли в ходе реформы по укрупнению аулов. В докладе «О переселении аулов кабардинских узденей Анзоровых», составленном 10 сентября 1846 г., указано: «Земля № 63, примыкающая к Вольному Нальчикскому аулу, принадлежавшая бежавшим за Кубань узденям Гаджи Шолоху и Эль-кабанову, которою без разрешения начальства овладели узденя Дышековы, Абазовы, Шогеновы, Амалаевы и Дариевы, поселив на ней **небольшие свои аулы** (выделено нами. – *С. Б.*), но которая может по распоряжению начальства быть прирезана к Вольному аулу»[73].

---

*Здесь, по-видимому, ошибка. Она связана с тем, что понятие *двор* скорее всего более емкое, чем кажется на первый взгляд. В материалах Комиссии по правам личным и поземельным указано, что «на постройку жилища *кабардинскому двору*, состоящему из 3-х семей... нужно по правам народным отдельные дома с хозяйственными принадлежностями...» (ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 211). Таким образом, в понятие кабардинский двор следует включить три семьи: семья главы двора, семья крепостного крестьянина и семья сына главы двора. Об этом же говорят и сведения начальника Кабардинского округа за 1856 г., согласно которым «постройка дома одному семейному человеку из кабардинцев, имеющему женатого сына и одно холопское семейство, стоит 79 р[ублей серебром]. Постройка эта заключается в следующих службах: три сакли с кладовыми, кунакская, конюшня, баз, погреб для пчел и навес для арб...» (ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 205).

Предпринимались попытки основать новый аул, подобный Вольному аулу*.

Эта попытка была связана с планами начальства относительно будущего аула Магомет-Мирзы Анзорова, сделавшегося наибом Шамиля. Аул Анзорова предлагалось «обратить в аул вольный или предоставить подвластным его избрать для себя к переселению любые аулы», как было решено о подвластных Кожокова[74]. Это мнение возникло в связи с тем, что крепостных крестьян владельцев, перешедших к Шамилю, предлагалось переселить в Вольный аул. Полковник Петрусевич высказался за то, чтобы «теперешний Вольный аул оставить без всякого увеличения его на прежнем своем месте, где он весьма нужен для всех кабардинцев, приезжающих в Нальчик или по делам службы, или по своим надобностям, которым он служит всегдашним пристанищем для квартирования». Для нового Вольного аула, население которого состояло бы из подвластных «изменника» Магомет-Мирзы Анзорова и других, ушедших к Шамилю владельцев, предлагалось «завести другой Вольный аул и самым удобнейшим для поселения его» указывалось «место на левом берегу р. Урвань, возле самого поста Урванского», которым «неправильно владел изменник эфендий Березгов»[75].

Первую половину 50-х годов XIX в. можно охарактеризовать как время, когда, как отмечено выше, заканчиваются самовольные переселения аулов. В этот период наблюдаются перемещения лишь тех немногих населенных пунктов, географическое положение которых вызывало немалое затруднение у жителей. По этим соображениям в 1850 г. Кабардинский временный суд докладывал начальнику Центра Кавказской линии, что «эфендий Хажи Умар Шеретлоков поселился на... землю по левому берегу Черека с аулом узденя Догужокова с разрешения начальства, на общих правах в Кабарде, где вместе с тем расселен родной брат просителя г. Захохов...»[76].

Аулы не только переселялись с места на место. Некоторые из них вообще исчезали. О причине одного такого исчезновения рассказано в прошении узденей Муссы и Соина Машхожевых к генерал-майору Эристову от 5 марта 1851 г. Они указывали, что с давнего времени проживали у узденя Хажи Карабова. После его смерти осталась только одна дочь, которая 13 лет тому назад вышла замуж за корнета Батыр-Гирея Тамбиева. Между тем, «как не было никакого управления, в оном [ауле] воровство не прекращалось», и братья в ее отсутствие начали испытывать «все неудобства в жизни». Братья Машхожевы «всегда были преданными узденями покойного Карабова и осталась в память добродушия, единственная дочь его».

---

*Вольный аул сначала не облагался никакой повинностью. Житель аула Хашир Кашиев в 1842 г. напомнил властям: «Мы не несли никакой повинности начальству, а жили вольно. После же смерти Пирятинского... г-н Соколов начал облагать за вывозимый лес» (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 115, л. 38 об.).

С учетом изложенного, они просили разрешить им переселиться в аул Батыр-Гирея Тамбиева. Генерал-майор Эристов предложил суду удовлетворить просьбу узденей Машхожевых, «если нет никаких препятствий»[77].

Заслуживает внимания судьба аула Карабова. По-видимому, после смерти владельца аула, мужская линия которого пресеклась, жители его по различным причинам расселились и название аула само собой исчезло. Во всяком случае, в списках аулов Кабарды за 1859-й и 1865 г. аул Карабова уже не встречается. Как видно, переселенческое движение многолико: одни стремились как можно дальше отдалиться от владельцев, а другие просились к тем, кто этого не добивался.

В 1851 г. разрешили переселиться аулу Таова, называвшемуся также Темтировым, на Черек выше укрепления. Близ этого места получил право поселить свой аул и князь Пшемахо Джамботов.

Мотивы переселения аулов были различны. Часть земель – Хату, Магомет-Мурзы и Селим-Гирея Анзоровых – была отмежевана «под станицу Змейскую». В связи с этим полковнику Хату Анзорову предоставили возможность выбрать место для переселения, и он «в бытность свою в 1849 г. на Кавказе выбрал из них самое удобное, между реками Шокер и Урухом, на месте аула Селим-Гирея Анзорова, куда и переселили его в 1850 году»[78].

Аул Кармова, находившийся более двух десятков лет, с 1828 г., близ нынешнего поселка Прогресс и получивший, казалось, окончательную оседлость, был вынужден переселиться в 1853 г. к Каменномостскому укреплению. Причина – отмежевание аульной земли казакам Волгской бригады и «стеснительное положение в настоящем месте их жительства в поземельном довольствии», в котором они оказались[79].

Аул прапорщика Якуба Цымпова в начале 60-х годов переселился в Турцию. В ауле оставался один житель – уздень Чпагиро Цымпов. Вследствие этого он просился в аул Хасанбия Атажукина, и начальство в 1861 г. удовлетворило его просьбу[80].

В 1859 г. начальник Кабардинского округа Орбелиани получил на арабском языке письмо: «Ваше Сиятельство. Сын мой, капитан Магомет Безруков, как известно Вашему Сиятельству, находится в кр. Анапе на службе. Будучи я в престарелых летах, по неимению у меня другого сына, кроме него некому решительно смотреть за хозяйством моим и через это приходит незначительное хозяйство мое в совершенный упадок. По сим обстоятельствам, прибегая под покровительство Вашего Сиятельства, всеубедительнейше прошу не оставить ходатайствовать о переводе сына моего на службу в ближайшее место к жительству моему... Остаюсь с пожеланием Вашему Сиятельству всякого здравия и благополучия. Ваш покорнейший слуга Шуган Безроков».

Магомет Безруков в чине ротмистра находился в должности командира Анапского горского полуэскадрона. Орбелиани перед тем, как ходатайствовать за него, сделал запрос, желает ли он «перейти в Тенгинский полк». Безруков согласился быть прико-

мандированным к Сунженскому казачьему полку, а «если по каким-нибудь обстоятельствам того нельзя будет сделать, то в упомянутый Его Сиятельством Тенгинский пехотный полк»[81].

В 1864 г. Безруков в чине майора состоял «для поручений при командующем войсками Терской области». Из аула Пседаха он 4 марта того же года писал управляющему Мало-Кабардинским участком: «Терпя большой недостаток в поземельном от скопления пяти аулов, поселенных на реке Пседахе, я прошу Вашего ходатайства у высшего начальства в разрешении переселиться мне в числе тридцати дворов на р. Акбаш, ниже аула Боташева в 9 (?) верстах. Место, просимое мною, находится в пользовании Таусултановских аулов: Боташева, Муртазова, Кунужева, Кохужева и Ельтухова, жители коих изъявили полное согласие на мое поселение».

Управляющий участком поручик Хетагуров обратился к начальнику Кабардинского округа с ходатайством, в котором указывалось, что майор Безруков действительно находится в «стесненном положении» и что его переселение ранней весной никого не затруднит. Кабардинский окружной суд также доложил, что на переселение Безрукова с «подвластным его аулом в числе тридцати дворов препятствий не имеется, если на это согласны Таусултановские жители». 12 марта начальник Кабардинского округа разрешил майору Магомету Безрукову «в числе 30 дворов переселиться на землю Акбаш»[82].

Однако 31 марта 1864 г. Д. С. Кодзоков, возражая против этого переселения, писал князю Кобулову: «Переселение Безрокова, допущенное властью пристава, наделает хлопот, лучше приостановить, чтобы не пришлось переселять обратно». Далее Кодзоков прямо указывает Кобулову: «Запретить кочевание целыми аулами без ведома Комиссии». Это замечание фиксирует наличие в Кабарде переселенческого движения в первой половине 60-х годов XIX в. целыми аулами[83].

В 1866 г. значительная территория Кабарды была прирезана Ингушскому округу. Начальник Терской области 17 января 1867 г. предписал исправляющему должность начальника Ингушского округа: «На основании решения Его Императорского Высочества Главнокомандующим Кавказскою армиею... аулы, расположенные в Малой Кабарде на земле князей Бековичей-Черкасских: Псидах, Кесмем, Ахбарзой и Сагопш (Псыгобж, Псыгъуабжэ? – *С. Б.*), а равно и чеченцы, рассеянно живущие в Мало-Кабардинских аулах, имеют быть присоединены к Назрановскому участку вверенного Вам округа, а потому предлагаю Вашему Высокоблагородию теперь же принять от начальника Кабардинского округа в свое ведение выше поименованные аулы... Те же части свободной земли за исключением 3 тыс., которые были в непосредственном владении князей Бековичей, с лесными участками на Малгобеке и Псидахе, должны быть приняты в Ваше ведение. О порядке отдачи в арендное пользование земли, как свободной в настоящее время, так и могущей с весною текущего года очис-

титься от переселения малокабардинцев на левый берег Курпа, и о способе присмотра за лесами получите от меня своевременно подробные инструкции»[84].

Выполнив указание начальника области, исправляющий должность начальника Ингушского округа 30 января 1866 г. сообщал начальнику Кабардинского округа: «На основании распоряжения начальника области Пседах, Кескем, Сагопш и Ахбарзой 29 января приняты мной в свое управление...»[85]

Объединительная реформа аулов

В 1865–1866 гг. в Кабарде предприняли административную реформу по укрупнению аулов, что было делом сложным и хлопотным и для абсолютного большинства населения болезненным, но тем не менее исторически необходимым. Вообще переселение для кабардинцев не было чем-то необычным. Оно его особо и не обременяло, так как любому переселенцу оказывалась всяческая поддержка людьми и средствами передвижения. Комиссия констатировала: «Круговая помощь может быть и причиной удобоподвижности кабардинских аулов». Однако предстоящие переселения выходили «из ряда принятых в народе переходов»[86].

Достаточно сказать, что из 97 аулов Большой Кабарды на своих старых местах должны были остаться только 33 аула, а значит, переселялись 64 аула. Другими словами, как указывала Комиссия, «число переселяющихся дворов непременно надо положить в 2500». К тому же она считала возможным, что «цифра окажется еще выше по числу дворов холопьев, которых жилища хотя и числятся в одном дворе с владельцем, но постройкой своей требуют особых расходов»[87]. Замечание это, как отмечено выше, свидетельствует, что семья крепостного составляла часть одного двора.

1 февраля 1865 г. в Комиссии по разбору личных и поземельных прав Терской области совместно с начальником Кабардинского округа, участковыми начальниками и депутатами от кабардинского народа в течение шести дней обсуждался вопрос «О правильном расселении и образовании многолюдных аулов».

Комиссия определила: «Из существующих ныне 97 аулов образовать 33 и расселить их следующим порядком:

На реке Малке:

1-й *Аул Кармова*, к нему присоединяются аул Думанова и пять семейств абазинцев из бывшего Песчаного аула.

2-й *Аул Бабукова*.

3-й *Аул Ашабова*, к нему присоединяются аулы Аджиева и Трамова.

4-й *Аул князя Хасанбия Атажукина*, к нему присоединяется аул Агубекова.

5-й *Аул Лафишева*, к нему присоединяются пять семейств абазинцев из бывшего Песчаного аула.

6-й *Аул Кошева*, к нему присоединяются аулы князя Иналова и Герандука Седакова, если жители последнего не пожелают переселиться в Тыжев аул. Выбор места под новый аул будет определен депутатами с открытием ранней весны и, судя по удобству места, Иналов переселится к Кошеву или Кошев переселится к Иналову.

На реке Куркужине:

7-й *Аул Измаила Конова*, к нему присоединяются аулы: Абезеванова и Магомета Конова.

На реке Баксане:

8-й *Аул полковника князя Атажукина*, к нему присоединяется аул Герандука Шогенова.

9-й *Аул князя Бек-Мурзы Атажукина*, к нему присоединяется аул Зекова.

10-й *Аул князя Бек-Мурзы Наурузова*, к нему присоединяются аулы: князя Хамурзы Наурузова, Джамбекова и Мурзабека Тамбиева.

11-й *Аул Заракуша Тамбиева*, к нему присоединяются аулы: Берда Тамбиева и Шакманей.

12-й *Аул Кучмазукина*, к нему присоединяется аул Бжехокова.

13-й *Аул подполковника князя Касаева*, к нему присоединяются аулы Адиль-Гирея Гетежева, Эльтарова, Карашая Седакова, Дерева и Кунашева.

14-й *Аул Тыжева*, к нему присоединяются аулы Отпанова и Борова.

На реке Баксаненке:

15-й *Аул полковника Батарбека Тамбиева*, к нему присоединяется аул Гетежева, иначе называемый Бармамытова.

На реке Чегеме:

16-й *Аул Магомет-Мирзы Тохтамышева*, к нему присоединяются аулы Джамбота Тохтамышева и Казаншева.

17-й *Аул Кургока Куденетова*, к нему присоединяются аулы Сасикова и Батырша Куденетова.

18-й *Аул Камбота Куденетова* переселится в Алтудокова аул, куда примкнут аулы Перхичева и Шогенова...

На реке Шалушке:

19-й Аулы: Кунижева, Тлекеча Куденетова, Шарданова, Даутокова и Молова переселяются на Большую Шалушку, несколько выше дороги, идущей с Тохтамышева аула, и составят новый *аул Тлекеча Куденетова*.

На реке Кенже:

20-й *Аул Кошерокова*, к нему присоединяются аулы Актолы и Камурзы Шипшевых.

На реке Нальчике:

21-й Жители Вольного аула, просившие дозволения расселиться по другим Кабардинским аулам, расселятся по своему желанию; аулы же, находящиеся на р. Мишхеке, Агзагова, Кильчукина и Хаудова, соединясь с остающимися на месте вольноаульцами, образуют новый аул, который водворится по своему усмотрению несколько выше или ниже нынешнего Вольного аула.

22-й *Аулы Клишпиева*, Атласкирова, Кудаева и Гукежева, соединясь вместе, образуют один аул. Выбор места для аула предоставляется их усмотрению.

На реке Урвани:

23-й *Аул Догужукова*, к нему присоединяется аул Захохова.

24-й *Аул князя Мисостова*, к нему присоединяется аул Тогланова.

На реке Джамтхале:

25-й *Аул Муссы Кожокова*, к нему присоединяются аулы князя Бек-Мурзы Докшукина и Муссы Женокова...

На реке Псугонсу:

26-й *Аул Джанхотова*, к нему присоединяются аулы Казиева и Хостова.

На реке Череке:

27-й *Аул Докшокина*, к нему присоединяется аул Таова.

28-й Князь Джамбот Докшукин переселится на место бывшего Махарова аула, к нему присоединятся аулы Шугана Кожокова,

Алпшаова и Мекянова. Составленный таким образом аул будет именоваться князя *Джамбота Докшукина*.

29-й *Аул Шенибова*, к нему присоединяются аулы Казаншева и Паунежева. В этом же ауле поселится со своими подвластными ожидаемый из-за Кубани князь Беясланов.

На реке Аргудане:

30-й *Аул князя Тлостаналиева*, к нему присоединяются аулы: Эльбуздукина, Хамурзина и Эркенова.

На реке Лескене:

81-й *Аул Кайсына Анзорова*, к нему присоединяются аулы: Аслан Мурзы Анзорова и часть аула Тембота Анзорова.

На реке Урухе:

32-й *Аул Пшемахо Коголкина*.

33-й *Аул Хату Анзорова*, к нему присоединится остальная часть аула Тембота Анзорова.

Аулы Женуса и Юсупа Жерештиевых, Шипшикова, Урды и Хахандукова, населенные по преимуществу горцами, в случае переселения в Большую Кабарду Мало-Кабардинцев, образуют один аул, которому место поселения будет указано своевременно, в противном случае жители поименованных аулов расселяются по Кабардинским аулам; если же не согласятся на такое определение, то обязаны оставить Кабардинскую землю и возвратиться на свою родину»[88].

Этот последний пункт решения Комиссии заслуживает быть особо отмеченным. Имеется в виду обсуждавшийся ею вопрос о возможности переселения малокабардинцев в Большую Кабарду. На заседании Комиссии по правам личным и поземельным горского населения Терской области от 18 февраля 1865 г. отмечалось, что она в январе того же года предложила переселиться «проживающему в Малой Кабарде капитану Адильгирею Анзорову с Бороковым аулом в Большую Кабарду к другим своим однофамильцам Анзоровым». Анзоров заявил, что он от переселения не отказался, «если бы состоялось общее переселение Мало-Кабардинцев в Большую Кабарду»[89].

Переселение аула Борокова в количестве 130 дворов в Большую Кабарду «на новые нехлебородные места по Уруху или Лескену» могло нанести ему, по мнению Комиссии, прямое разорение. Однако Комиссия полагала «частные интересы кабардинцев всех вообще малоуважительными, когда бы могло состояться переселение в Большую Кабарду всех Мало-Кабардинцев, ибо только эта мера может удовлетворительно разрешить поземель-

ный вопрос для всей Терской области, а если это переселение вследствие других более важных соображений состояться не может, то единичные передвижения из Мало-Кабардинцев нельзя не считать вредною для всех полумерою, поддерживающею пагубную привычку туземцев к неоседлой жизни и недоверие к Правительственным требованиям»[90].

Как видно, Комиссия не исключала возможности переселения всех малокабардинцев в Большую Кабарду и даже склонялась к такому их *исходу*. Не возражал и капитан Анзоров, который в этом мнении был не одинок. Этот вопрос требует специального изучения, несмотря на то, что предполагавшееся переселение, которое лишило бы кабардинцев исконных их земель, не состоялось.

Об укрупнении аулов Кабарды и местах их нового поселения можно судить по «Ведомости аулам Мало-Кабардинского округа, переселившихся на новые места в 1866 году»:

№ п/п	Наименования новых аулов	Какие аулы переселенцев в составе новых
1	Борокова	Остался прежний
2	Хапцева (в урочище Нахич)	Хапцева, Азапшева, часть Пшикео
3	Булатова	Верхний, Нижний, Индарова, часть Бековича, Перхичева
4	Абаева (между бывшими аулами: Есенова и Христианским)	Абаева, часть Танашева, часть Бековича, часть Пшикео
5	Муртазова (между аулом Ново-Муртазова и Безорукова)	Кунышева, Старый Муртазова, часть Танашева
6	Эльтухова (между аулом Кухужева и Эльтухова)	Старый, Новый, Боташева
7	Исламова	Ельмурзы Инарокова
8	Ахлова	Инала Инарокова и Бештокова
9	Астемирова	Жогишева

(ГА КБР, ф. 40, оп. 1, 3, л. 192; ф. 40, оп. 1, д. 7, л. 66).

Переселение аулов в Кабарду

В докладе Кабардинского отдела комиссии по правам личным и поземельным от 23 января 1868 г. отмечено: «В последние семь лет на Кабардинскую землю приняты казаки упраздненной Бабуковской станицы, жители бывшего Кобанова аула, безземельные лезгорцы, кабардинские выходцы из-за Кубани, карачаевцы, поселившиеся в ауле Жерештиева, жители аула Абукова и жители бывшего Песчанова аула»[91].

Аул Песчаный

По плану поземельной комиссии абазинский аул Песчаный (или аул Нырова) должен был расселиться в количестве 20 дворов «по аулам в числе 5 дворов и подчинялись бы всем правилам общественного в Кабарде устройства». Потом этот план изменился, и решили 10 дворов из них поселить в аул Лафишева, 6 – в аул Кармова и 4 двора – в аул Хасанбия Атажукина.

В соответствии с этим было определено переселить в аул Кармова «пять семейств абазинцев из Песчаного аула», однако и этот план позднее изменился и решили: 10 дворов поселить в аул Лафишева, 6 – в аул Кармова и 4 двора – в аул Хасанбия Атажукина.

Окончательно вопрос был решен иначе. Как писал Кодзоков начальнику Кабардинского округа 21 апреля 1865 г., «абазинцы Песчаного аула поступили в состав Кармова аула не вразброс, а полностью». Количество переселенцев уточняет донесение начальника Баксанского участка от 16 июня 1866 г.: «...Абазинцы бывшего Песчаного аула в числе двадцати дворов поселились в аул Кармова...»[92].

В литературе этот вопрос получил иное освещение. Предположение поземельной комиссии Т. Х. Кумыков принял за совершившийся факт. В более поздней публикации материалов той же комиссии по данному вопросу также не принято во внимание окончательное его разрешение.

Бабуковские казаки

Командир бригады Терского казачьего войска 20 мая 1861 г. сообщил генерал-майору Орбелиани, что «все бабуковцы уже выселены в Кабарду и здесь остаются только те семейства, которые по желанию отправятся в Турцию и которым по убедительной их просьбе дан срок только до 20 мая, потому что на их место уже поселяется новая станица и они не могут здесь далее оставаться»[94].

Первоначально 67 бабуковцев изъявили желание переселиться

в Турцию, но в переписке фигурируют «64 семейства». На самом деле «отправилось не 64 семейства, а 45»[95].

Бабуковцы были приняты в Кабарду с одним условием, «а именно быть расселенными по аулам». Согласившись на это, «бывшие Бабуковские казаки водворились в Кабарде и избавились тем от зачисления их в государственные крестьяне»[96]. Бабуковские казаки в основном переселились в аул Бабукова, другие избрали местом жительства аулы: Кармова, Ашабова, Лафишева, Хасанбия Атажукина, Конова, Абезыванова. А по свидетельству корнета Калагирея Лиева, некоторые бабуковцы переселились и в Малую Кабарду[97].

По своей воле переселились в Кабарду и жители *Абазинского поселка*, располагавшегося «подле станицы Георгиевской». В 1866 г. они обратились к начальству с «просьбой об исключении их из казачьего войска с дозволением переселиться в Кабарду». В связи с этим начальник штаба Кавказского военного округа в 1867 г. сообщал начальнику Терской области, что «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: жителей Абазинского поселка Терского казачьего войска исключить из казачьего сословия, предоставив Его Высочеству переселить их в Большую Кабарду с нарезкою там необходимого под их поселком количества земли». А в следующем году начальник Баксанского участка представил начальнику Кабардинского округа составленный в 1866 г. посемейный список жителей поселка, переселившихся в вверенный ему участок с «отметкою, кто в каком ауле поселился». Этот документ уникален в том отношении, что аналогичные списки населенных пунктов Кабарды, составленные в тот же период, пока не обнаружены. Вероятно, не сохранились.

В списке отмечены 34 семейства. Из них в Ашабово переселились: Ахмат Асланов, Машуко Евсеев, Медали Узов (Озов), Бата Пшуков, Мурзабек Пшуков. Аул Касаева избрали местом жительства: урядник Ариш Узов, Шарахмат Узов, Алим-Гирей Узов, Сахид Баджев, Каспулат Шемазуков (Чемазуков), Ахмет Узов. В аул Конова направились: Кануко Хакупшев, Хачимурза Хакупшев, Айтек Шамазоков (урядник), Тлимахо Фоумитов. В различные аулы получили прописку: Уважуко Пшуков, Тем Шемазуков – в аул Иналова; Шахим Узов, Батта Абаев, Магомет (урядник) и Джамбот Ауговы – в аул Алия Тамбиева; Яхомгот Пшинуков, Уважуко Аргунов – в аул Кази Атажукина; Шу Какупшев – в аул Бабукова, Бав (Баж) Гаунов – в аул Заракуши Тамбиева; Камбулат Узов – в аул Камбота Куденетова, Огурли Жандаров – в аул Калишпиева; Хачибекир Макеров, Муса Анамуков, Уважуко Аргунов, Бекком (Бачкан) и Яхомгот (Камгот) Коковы – в аул Кучмазукина (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 802, л. 5–23, 37–38 об.).

Справедливость сведений начальника Баксанского участка о расселении Абазинского поселка по аулам Большой Кабарды в основном подтверждается посемейными списками за 1886 г.

Аул Кобанова

Поземельная комиссия в феврале 1865 г. заключила: «До сих пор живущий в Кабарде Кобанова аул, из 30 дворов, по соглашению с фамилиею Анзоровых, состоя, однако, в ведении Осетинского округа, может быть оставлен в том же положении, с тем лишь изменением, что отныне соглашение в пользовании Кабардинской землей и другими угодьями, Кобанов аул совершать с Кабардинским обществом с ведома окружного суда...»[98].

Аул Кобанова имел еще и ту особенность, что состоял «из двух народностей – дигорцев и балкарцев». Последние в количестве 20 дворов принадлежали фамилии Темирханова, имели свои родовые земли в горах под названием Харзына (Хазна), которые прилегали к границам Анзорова. Свое отношение к переселению балкарские таубии Темирхановы выразили в прошении к начальнику Терской области от 28 мая 1866 года: «...настоящее время начальник Кабардинского округа объявил нам, чтобы мы из настоящего жительства нашего переселились на принадлежащую нам землю в урочище Хазне». Свой отказ переселиться обратно в горы Темирхановы объясняли тем, что их предки с «незапамятных времен переселились в Большую Кабарду», что сами переменили «дух и обычай единоплеменников своих балкарцев» и считают «себя коренными жителями Кабарды... сроднившись с ними и переменивши свою национальность», то есть связали себя «родством с кабардинцами, с которыми свыклись, переменили некоторым образом обычай балкарцев, придерживаясь большей частью к духу этого племени»[99].

Не будучи вполне уверенными, что их просьба будет уважена, Темирхановы в этом случае просили наделить их землей «в ущелье р. Лескен, где, вероятно, окажется свободная земля».

По предписанию областного начальства начальник Кабардинского округа в июле 1866 г. сообщил, что Темирхановым «разрешено, согласно их желания, переселиться в аул Кайсына Анзорова с тем, чтобы, получив надел земли от этого аула, они предоставили жителям оного пользоваться и собственной их землею, находящеюся в урочище Хазна, с тем, однако, условием, что земля эта в случае желания их переселиться из Анзорова аула по-прежнему поступит в их собственность. Темирхановы, изъявив желание на первое условие, исполнить второе отказались»[100].

Начальник области признал условия, предъявленные к Темирхановым, справедливыми и предложил, в случае, если они изъявят желание переселиться в аул Кайсына Анзорова, их засвидетельствовать депутатами окружного народного суда, чтобы избежать возможные недоразумения в будущем.

Изъявили Темирхановы согласие на эти условия или нет, неизвестно, но в списке жителей аула Кобанова, перешедших в ведение начальника Кабардинского округа, они не числятся. Приведем этот «Список жителям Кобанова аула, бывшим подведомственными Дигорскому участку», составленный 14 октября 1866 г.[101]

№	Наименование старших членов семьи	Число		Их холопов		Отметка
		Муж. пола	Жен. пола	Муж. пола	Жен. пола	
1	Иналуко Кабанов	6	4	–	1	Баделятовы, имеют собственный надел земли 100 десятин и остаются иметь жительство при Караджаевом ауле
2	Мусса Гегиев	2	3	–	–	
3	Ильяс Комехов	3	2	–	–	
4	Кабол Царикаев	2	3	–	–	
5	Аслануко Каболоев	–	–	–	–	
6	Гамат Каболоев	20	13	–	–	
7	Туган Каболоев	–	–	–	–	
8	Асрако Каболоев	3	1	3	2	
9	Анзор Каболоев	2	6	2	2	
10	Алибек Царикаев	6	7	–	–	
11	Таглек Царикаев	7	2	–	–	
12	Кубади Кабалоев	9	7	–	1	
13	Генардуко Галациев	2	5	–	1	
14	Татархан Мызоков	2	4	–	–	
15	Иналук Гацалиев	3	5	–	–	
16	Дату Кебегов	2	1	–	–	
17	Гавис Гацалиев	5	3	–	–	
18	Смайли Комехов	6	4	3	2	
	Кумиячка его	–	1	–	–	
19	Ислам Мурзабеков	2	1	–	–	
20	Магомет Камурзаев	4	4	–	–	
21	Магомет Кайтмазов	1	1	–	–	
22	Кабал Сихенаев	8	3	–	–	
23	Кучук Галациев	8	8	–	–	
24	Касай Чехтисов	1	1	–	–	
	Итого...	104	89	8	9	

Аул Асламбека Анзорова

Теперь коснемся переселенцев, точнее, репереселенцев из-за Кубани. До 1864 г. эти кабардинцы проживали эа Кубанью в ауле Асламбека Анзорова, входившем в Абадзехский округ. По сообщению начальника Кабардинского округа от 11 мая 1864 г., Асламбек Анзоров был выселен в Большую Кабарду по приказу главнокомандующего войсками графа Евдокимова «за неповиновение властям и неспокойный характер». О переселении Анзорова ходатайствовали и родственники его, против чего не возражал и Кабардинский окружной народный суд[102]. О завершении обратного переселения в Кабарду закубанского аула Анзорова начальник Черекского участка 25 августа 1864 г. сообщал: «Из числа 60 семейств прибыло и поселились, как значится в отметке, сделанной мною в прилагаемом при сем списке, во вверенном мне участке в ауле подполковника Кайсына Анзорова 32 семейства с холопьями, в ауле Эркенова – 2 семейства, в ауле Калешпиева – 1. В Малой Кабарде в Бороковом ауле – 13 семейств и в ауле Хапцево 2 семейства – всего прибыло 50 семейств»[103].

Перечислим имена и фамилии переселенцев по списку. В ауле подполковника Анзорова: Асламурза Анзоров (крестьянин его Огурли), Шугаиб Дугов, Темрюко Тохов (крестьянин его Беслануко), Бекир Тлупов (крестьянин его Хапошхож), Едик Карданов, Адильгирей Запишев, Идрис Сосмаков, Черим Карданов, Махомет Жанжаков (крестьянин его Унажуко), Индрис Кожев (крестьянин его Хацу), Абдулах Шамполов (крестьянин его Альмас), Хажибий Сиухов (крестьянин его Тлипешау), Магомет Паритов (крестьянин его Мерем), Нагой Мамхегов (крестьянин его Июсуп), Хажибатыр Тохов (крестьянин его Капшею), Уважуко Апажахов, Даут Карданов, Едик Паритов (крестьянин его Тагир), Кад Кошев (крестьянин его Ильяс), Осман Карацуков; в ауле Борокова: Хамирза Анзоров (крестьянин его Пшихоп), Абдрахман Ахубеков, Алий Гучоов, Ибрагим Хатанов (крестьянин его Каншау), Бароко Зепишев (крестьянин его Аслануко), Ельбуздуко Зепишев (крестьянин его Тлебише), Биберд Гукожев (крестьянин его Пшихоп), Закирей Шоожев; в ауле Хапцево: Шупаго Шоугенов (крестьянин его Инус); в ауле Эркенова: Пшимахо Урумов (крестьянин его Пшихоп); в ауле Калишпиева – Июсуп Куныжев. Из жителей аула за Кубанью остались: Якуб Канжешу, Бекмурза Думанишев, Махмуд Думанишев (крестьянин его Тхашау), Сафиле Диду, вдова Мусульмат Сидакова (крестьянин ее Отагай). Оказалось неизвестным местонахождение Шумахо Шоугенова и его крестьянина Османа[104].

Всего в ауле проживало 432 человека, в том числе 225 мужчин и 207 женщин. В среднем на семью приходилось 7 человек. Однако это количество распределялось далеко не одинаково. Крестьянские семьи представлены значительно большим количеством членов семьи. У крестьянина Хамирзы Анзорова Пшихопа была самая большая семья: 18 мужчин и 13 женщин – всего

31 человек. За ним следует семейство крестьянина Пшимахо Урумова – Пшихопа: 16 мужчин и 9 женщин – всего 25 человек. В семье крестьянина Огурли проживало 24 человека: 10 мужчин и 14 женщин, а у крестьянина Тлипешау – 12 мужчин и 8 женщин. Эти семьи были скорее всего двух- и трехпоколенными. Во многих узденских семьях насчитывалось от 7 до 15 человек.

По неустановленным причинам в 1867 г. Асламбек Анзоров возвратился за Кубань. Вместе с ним вернулись туда 30 дворов, в том числе 24 двора из аула Кайсына Анзорова, куда, как выше отмечено, в 1864 г. переселились 32 семейства. Вероятно, одной из причин явилось переселение в тот же аул Кайсына Анзорова в 1867 г. 22 семейств лезгорцев[105].

Некоторые фамилии, возможно вернувшиеся в Абадзехский округ вместе с Асламбеком Анзоровым, зафиксированы в списке переселенцев из Малокабардинского участка за 1867 г. В нем отмечены Закарья Шаужев (Закирей Шаожев) с сыном Анзором 13 лет. У него был брат с именем, которое, вероятно, уже не встречается в наши дни, – Пшехиже (Пщыхъыжьэ). Вместе с Шаожевым вернулись за Кубань: Биберд Гукожев с братьями Алхасом, Касаем, Мисостом, Лостаном, дочерью Дзидзу, матерью Айшет и унауткой Коз. Среди вернувшихся Эльбуздуко и Бароко Запышевы. Вместе с последним возвратились его унаут и унаутка (домашние рабы). Цитируемый список подписал начальник Малокабардинского участка капитан Мазаракий 18 августа 1867 г., т. е. уже после завершения официальной кампании по отмене крепостного права. Поэтому обращает на себя внимание наличие в семействах унаутов. Этот факт – свидетельство того, что и после отмены крепостного права на практике старые порядки в той или иной форме существовали еще довольно продолжительное время.

О кабардинском происхождении многих жителей аула Асламбека Анзорова говорят документы. В 1822 г. жители аула Кошева Алимурза Шаожев, Мерем Вороков, Пшукож Эркушев, Даут Мидаллов, Хажби Кайтуков, Хачимахо Мазлоов, Инишхо Отаров, Батрез Урышев, Кумал Жашев, Башора Маремуков, Умар Кайсынов... – всего 14 человек с разрешения начальства отправились сроком на три месяца «на 40 воловьих арбах и двух верховых лошадях с оружием и пчелами, в сапетках для разведения оных близ постов Зольского, Этоцкого или Новоучрежденного, что под Лысою Горою, где за лутчее признают». Факт жительства упомянутого в перечне Шаожева в ауле Кошева, впоследствии вошедшем в аул Иналова, подтверждается и другими сведениями. В 1859 г. было заведено дело о конфликте между узденями – жителем аула Кошева Матгиреем (Маткиреем) Шавожевым (Шаожевым) и жителем аула Догужокова Исхама (Ислам?) Бодраковым. Участники конфликта вскоре помирились, в чем дали подписку начальству[106]. Но для нас здесь важно, помимо указания на сословное положение обеих фамилий, то, что Матгирей Шаожев проживал в Кабарде, а его родственник находился за Кубанью. Существующее в этой фамилии предание о том, что ее носители

являются выходцами из-за Кубани (информатор Мухамедин Хажмуратович Шаожев)*, как многие подобные родовые предания, непосредственно связаны с переселенческим движением кабардинцев.

В Адыгее существует аул Кошехабль, основанный в 1868 г. Утверждается, что его «название состоит из двух слов: «кощ», «кощын» – переходить, кочевать, «хабль» – аул, квартал. Кошехабль – «кочующий аул»[107]. Наименование аула, вероятно, в первую очередь связано с переселениями рассматриваемого аула Асламбека Анзорова. Такой вывод можно сделать, знакомясь с фамилиями, которые проживали в ауле Кошехабль в начале 70-х годов XIX в.

2 мая 1872 г. на главном аульном сходе жителей был составлен общественный приговор. В нем сказано, что к ним обратился житель селения Борокова Теун Запшев (Запишев) с просьбой отдать ему на воспитание мальчиков Каншао (13 лет) и Шолоха (10 лет). Дело в том, что эти мальчики остались сиротами после смерти родителей – отца Хаджали Мамхегова и матери Хава. Последняя приходилась Запшеву сестрой, и он на правах родного дяди решил забрать к себе детей, оставшихся «без всякой помощи к дальнейшей жизни». Сход удовлетворил просьбу Запшева с условием, что мальчики должны остаться в его семействе навсегда и он обязан их «воспитывать на таких точно правах, как родных своих». Приговор удостоверили своим «рукоприкладством»: Хаджи-Алле Назранов, Магомет Мирза Мамхегов, Якуб Канжешуев, Карбек Керяшев, Тохшуко Емиков, Вогаб Шапаров, Юнус Бурев, Закерия Туманишев (Думанишев), Даут Тлуупов, Сельман Широв, Сельман Турков, Сефир Наурзов, Умар Шебанов, Магомет Хапиштов, Магомет Шиков, Бекир Сенешоков, Магомет Хабпов, Хаджи Тлюпов, Асламбек Ападжахов, Вотереш Тутуков, Ханаш Тутуков, Губжук Бзыбов, Эфендий Ильяс Шаов, Эфендий Абдрахман Хотов. Приговор заверил аульный старшина Али-Мурза Анзоров.

Получив разрешение аульного схода, Запшев с племянниками вернулся в Кабарду. 15 февраля 1873 г. из аула Булатова пристав 3-го участка доложил Георгиевскому полицейскому управлению: «Житель Борокова селения Теуна Запишев малолетних племянников своих Каншао и Шолоха Мамхеговых с разрешения Майкопского уездного начальника привез уже к себе домой»[108].

Сравнивая списки жителей аулов Асламбека Анзорова и Кошехабля, легко заметить, что и там и тут встречаются одни и те же фамилии: Анзоровы, Мамхеговы, Апажиховы, Думанишевы, Тлуповы. Даже один житель зафиксирован в обоих списках – Якуб Канжешуев (Якуб Канжешу). Что касается самого Теуна Запшева, он оказался со своей просьбой в Кошехабле не случайно.

Его род ранее проживал в ауле Асламбека Анзорова и во

---

*В посемейном списке с. Куденетово II за 1886 г. отмечены Шаожев Исхак Хацукович – 13 лет от роду и две души женского пола. Исхак – дед Мухамедина Хажмуратовича.

время его переселения в Кабарду в 1864 г. частью обосновался в ауле Борокова. И в бытность Запшевых за Кубанью будущие родители сирот наверняка поженились, потому они и находились в том ауле у своих родственников по отцу. Эти факты говорят, что вторичные переселения вместе с некоторыми другими образовали аул, в наименовании которого отразилась их судьба.

Лезгорцы

В докладе поземельной комиссии отмечены также переселенцы-лезгорцы, жившие «на землях генерал-майора Туганова и подполковника Иналуко Кубатиева». От имени 42 дворов лезгорцев к командующему войсками Терской области 16 мая 1865 г. из ст-цы Аллагирской обратились с просьбой об определении им места жительства в Кабарде следующие доверенные – «старики»: Туган Тайсавов, Азамат Елеев, Зандор Хутов, Касполат Хутов, Гавис (Гадис, Джаис) Бетрозов, Башият Елеев, Халон Елеев, Совкуз Мирзаев, Бячор Бузоров, Каншао Хутов, Гавис Галачев, Куцык Голачев. Основное желание лезгорцев состояло в том, чтобы им позволили «образовать особенный аул» в Кабарде. В этом им было отказано[109].

Более подробные сведения о лезгорцах содержатся в рапорте управляющего Осетинским округом начальнику Терской области от 24 сентября 1865 г. В нем сказано: «В числе 100 дворов аула Дурдур (Туганова) находятся лезгорцы, природные дигорцы и аллагирские хехесы и как они все безземельны, то к наделению их землею... приняты следующие меры: 1) лезгорцам, которых 40 дворов, предложено переселиться в Большую Кабарду с тем однакоже, чтобы они, переселяясь, не нарушали принятый в Кабарде порядок расселения по аулам...». Дигорцам и аллагирским хехесам было отказано в переселении – по неимению земель в Кабарде[110].

Переселение лезгорцев затягивалось, потому что они «в числе 40 дворов не изъявили согласия расселиться по пяти или шести аулам Черекского участка». Рассматривая позицию лезгорцев, как вытекающую из «малой их неуживчивости», и отмечая, что их переселение окажется стеснительным для кабардинцев, последние вместе с тем в приговоре, составленном по этому вопросу, с легкой укоризной, но великодушно указывали: «Несмотря, однако, на все это, а также и на то, что лезгорцы не хотят видеть в нашем желании принять их добрую нашу волю помочь им, а требуют от нас земли, как будто им должную, что весьма мало с их стороны справедливо и нисколько не обещает от них доброго согласия, мы по-прежнему остаемся при готовности нашей принять их в наши аулы, куда из них кто пожелает».

Стремясь ускорить переселение лезгорцев, начальник Кабардинского округа 28 июля 1866 г. обратился к областному начальству с просьбой предписать начальнику Осетинского округа

препроводить к нему «эти семейства для водворения их в трех Анзоровских аулах», указывая при этом, что «поселение их в одном ауле решительно невозможно». 2 августа 1866 г. из военного управления Осетинского округа пришло разъяснение по запросу начальника Кабардинского округа. Сообщалось, что к переселению в Кабарду подлежат не 40, а 20 дворов. При этом был препровожден список, в котором значилось 21 семейство, проживавшее в аулах: Синзикау, Урстон, Карагац, Дурдур и Магометанском. В том числе: семь семейств фамилии Хаевых: Дзандар (с сыновьями: Саламан, Урусби и Карасей); Гоко (с братьями: Тего, Дзанцек, Иналук, Дзанхот, Айдарук и сыновья его – Асламбек и Аслангирей); Тасо (с сыновьями: Инал, Кост, Иналук, Мурзабек и Хаирбек); Ислам (с братьями: Исламурза и Аслангирей); Гаму (с сыном: Хаджи Амар), Габуз (с братьями: Махомат и Айдарук) и Канамат (с сыном: Мурзабек).

Среди переселенцев-лезгорцев семейства Елеевых: Басият (с сыновьями: Дзарахмет и Мундар); Азамат (с сыновьями: Папун и Дзанбулат); Холон (с братьями: Геоли и Цопе и сыном Мурэабек). В списке далее значатся Кагермазовы: Касай (с сыновьями: Бекмурза, Алимурза, Дзехи, Кайтмурза и Хазби); Койбал (с братом Мурзакуль и сыновьями: Бахта, Хосцау, Хаджимар и Магомет; у Мурзакула – сыновья Адильгирей и Тотрук). В числе других переселенцев: Бязар Бязаров (с сыновьями: Дзоба, Умар и Батгери); Савкуй Мурзоев, Биаслан и Туган Тайсаевы. О последнем из Тайсаевых из Дигории сообщалось начальнику Черекского участка, что «переселение лезгорцев в Кабарду утверждено начальством Терской области за исключением Тугана Тайсаева, который как христианин должен быть поселен в один из христианских аулов в Дигории...».

В списке переселившихся зафиксированы и три семейства Бетрозовых: самый старший из них Гауис – 65 лет (с сыном Дзарахматом; у Гауиса две жены: Дайхо – 30 и Девлеткоз – 25 лет). Далее следуют: Бата (с братом Нико и сыном Савкуй) и Гасай (с сыновьями: Гуиман, Дзагой, Куцук, Бек-Мурза и Ельмурза).

Для сравнения документов с преданиями (не в пример более древним) приведем семейное предание, бытующее в роду Бетрозовых (со слов Бетрозова Хажисмеля Амфоковича – в записи историка Руслана Бетрозова): «Примерно в 1866 году часть Бетрозовых переселяется в сел. Старый Урух (Хьэтуей)... Переселенцев возглавил Асланбек Бетрозов... Что касается причин выселения, то Асланбек объяснял это малоземельем в условиях высокогорья... наличием куначеских отношений между ним и жителями Кабарды. В числе ушедших из Донифарса вместе с Асланбеком были: Бэчмырзэ, Кущук и Дзагуей Бетрозовы. Самыми старшими среди пришедших в Старый Урух были Гауис и Гасай». Итак, предание в точности (хотя и не очень уверенно) сохранило год переселения Бетрозовых в Старый Урух, причина переселения также в главном соответствует действительности. Что касается имен самых старших переселенцев, то и они указаны

довольно точно: Гаyис и Гасай. Только имя главы переселенцев Асланбека в списке не значится. Имена некоторых других членов фамилии сохранились в памяти рода довольно точно: Бекмурза (Бэчмырзэ), Кущук (Куцук), Дзагой (Дзагуей). Следующему эа старшим из них – Дзагою в 1866 г. исполнялось всего 15 лет[111].

Предание о том, что некоторые из Бетрозовых проживали в ауле Донифарс (Донофарс), не беспочвенно. По данным за 1847 г., в нем находились Башиль и Нох Бетрозовы. Относительно непосредственных предков нашего информатора следует отметить, что Гауис и Гасай Бетрозовы в том же 1847 г. имели жительство на плоскости, в деревне Туганова[112].

Аул Абукова

В докладе поземельной комиссии сказано также о принятых в Кабарду абуковцах. Проблеме местожительства абуковцев и наделения их землей посвящены докладная записка и прошение доверенных общества селения Абукова к начальнику Георгиевского округа: эфендия Ахмета Бженикова, Закирьи Абитова и Долет-Гирея Барсукова от 15 декабря 1871 г. и 6 марта 1872 г. Они, «предвидя не в далеком будущем переселение свое с настоящего места жительства и оставление столь дорогих пепелищ и могил предков своих» и связанные с ним неудобства, и в частности, «не привычки... вообще к тому образу жизни, какой ведут наши соплеменники», просили отвести их «небольшому, но честному обществу» землю на Эшкаконе и Абуковском участке, чтобы «сохранить свой честный и трудолюбивый образ жизни». Окружное начальство препроводило докладную записку доверенных общества селения Абукова к начальнику Терской области, ходатайствуя наделить 49 дворов аула «из казенной земли по 30 десятин на двор во внимание к действительно хорошей их жизни и весьма порядочного поведения»[113].

Приведем имена и фамилии жителей аула Абукова за 1871 г.: Шелох Бжеников, Закирья Абитов, Тлимахо Бжеников, Хачимахо Бжеников, Аслан Шалов, Хажали Гоов, Уважуко Шенахов, Ильяс Губалов (Кубалов), Харис Оброко (Аброков), Магомет Псануков, Али Псануков, Камбот Гендугов, Мамыш Коков, Ахмет Чулако, Давлетгирей Амашуков, Огурли Лакушев, Умар Мекеров, Давлетгирей Барсуков, Индрис Вакачев, Нагой Теуважев, Исмаил Курашинов, Уразали Теуважев, Бот Теуважев, Шумахо Дугунов, Тох Нагоплежев, Теуна Аляпов, Машуко Кушхов, Миза Кушхов, Шамиль Кушхов, Кумаль Афаунов, Кумаль Бабугоев, Хатыр Бабугоев, Уважуко Бабугоев, Ильяс Бжахов, Абдула Бжахов, Бекмурза Бжахов, Боргустан Мажанов, Цыкуна Котов, Огурли Мекеров, Шу Мидов, Шубат Эльчапаров, Гула Беслинеев, Темрюко Гендугов, Долтуко Бестешхов, Альмако Тутеев, Бадзидза Навицов, Даус Гендоов[114].

Докладная записка доверенных аула Абукова вместе с этим

списком на 49 дворов его тогдашних жителей 31 декабря 1871 г. были препровождены начальству с ходатайством наделить их землей по 30 десятин каждый двор. Однако, как отмечено, в просьбе было отказано.

Последние переселения (60—70-е годы)

1 ноября 1863 г. с просьбой о наделении землей от имени 60 дворов вольноаульцев, не желавших расселяться по аулам Кабарды, обратились к наместнику Кавказа доверенные: Пшетыж Назранов, Ибрагим Яхтанигов, Закирей Ибрагимов, Мицук Жириков, Тлохурей Тутуков, Хажирет Тутуков, Даут Хасанов, Идик Нартыжев, Исмаил Тхамитлажев, Пшекан Шогенов, Пак Дигешев и Салеп Калмыков.

Комиссия сочла возможным оставить просителей в Вольном ауле, но признала необходимым «отчислить их от ведения начальника и передать на общем порядке подлежащему участковому начальнику, обратив и лежащую на них дровяную и подводную повинности в деньги, что будет служить первым шагом к обложению народа государственными податями». Недовольное таким решением абсолютное большинство просителей переселилось в другие аулы. Остальные жители в количестве 14 дворов (в некоторых документах – 11 дворов) 21 февраля 1865 г. вторично обратились к начальству оставить их в ауле своем и наделить их, «как прочих», землею. Под прошением поставили чернильные знаки перста своего старшины: Ибрагим Яхтанигов, Хажирет Тутуков и старики: Закир Ибрагимов, Пшекан Шогенов, Жуко Шогенов, Бий Хасанов, Ильяс Захуров, Пак Дигешев, Эдык Нартыжев, Гулла Шабоков, Нахо Ишев, Тлохурей Тутуков, Магомет Бейканов[115].

Решение комиссии, принятое несколько ранее – 28 февраля 1865 г., об этих вольноаульцах гласит: «...остатки вольноаульцев причислить к аулу Агзагова, имеющему составиться из нескольких других, ныне живущих в соседстве Нальчика, на Мишхаче, скудном водою; **с поступлением вольноаульцев, сохраняющих вполне раз дарованную им правительством свободу** (выделено нами. – *С. Б.*), в состав народный, само собою существовавший до сих пор порядок заведывания ими Нальчикским воинским начальником должен прекратиться, и они поступают вместе с другими жителями Кабарды в управление округа и участковых начальников, участвуя наравне с прочими кабардинцами в пользовании землями и несении податей и всех расходов»[116].

Процитируем прошение доверенных лиц аула Кошерокова к Лорис-Меликову от 21 ноября 1870 г.: «Во время разселения аулов в Кабарде аул наш по воле начальства был оставлен на настоящем месте жительства с присоединением к нему бывшего в низовьях р. Баксана аула Шипшева в числе 40 дворов и теперь составляем 100 дворов. В настоящее же время начальник Кабар-

динского округа объявил нам, что Ваше Превосходительство изволили предписать разселить теперь же наш аул по аулам Черекского участка». Доверенные далее обращали внимание начальника на то, что у них «в течение прошедших 3 лет» был падеж скота и что каждый из них лишился последней пары быков; а потому переселение окажется для них весьма пагубным. С учетом этих обстоятельств и родственных между ними уз доверенные просили оставить их аул «на настоящем месте жительства, во внимание того, что с освобождением холопей мы лишились рабочих рук, а прочие домовладельцы остались без средств к жизни по случаю падежа скота. Кайсын Тхашагоев, Нахо Шипшев, Магомет Шипшев, Губж Айвазов, Хаджи Индрис Тлупов, Мусса Пшиноков, Хаджиумар Кандохов, Алихан Ельканов, Ильяс Нагоцуов, Тыма Кечиров, Мыза Кештов и Эдык Планаов (Бланаов. – *С. Б.*)». На прошении наложена резолюция: «отказать»[117].

Укрупнение населенных пунктов Кабарды было обусловлено причинами экономического и административно-территориального характера. После его завершения увеличивается число переселенцев из одной административной единицы в другую. Этот вид переселения во многом объяснялся и родственными связями, и патриархальным укладом общественной жизни. Но не только.

18 августа 1867 г. из Малокабардинского участка переселилось 37 дворов в Псидахский участок Ингушского округа: Мурат Тохужев, Хажимет Хуштов, вдова Арухая Хуштова, Думахан Мальбахов, Инамас Сатубалов, Джамаль Бабажев, Айсар Джамалов, Саламгирей Лукожев, Имам Кучуков, Мисост Сидаков, Шовкара Дудаев, Маша Хаброков, Хадрак Хасанов, Каншау Хабраков, Балтиши Машоев, Харис Хатахшуков, Мамуко Минагулов, Загашта Хасанов, Заурбек Блянаов, Увжуко Гехов, Нажу Кавдухов, Кожар Хусенов, Дзадзу Кожаров, Тату Кожаров, вдова Паго Жанкишева, Заурбек Бесланов, Мамсыр Безереев, Темирбек Закиреев, Ильяс Жукаев, Иса Очеретлов, Умар Ямышев, Гулла Саляхов, Гукепш Мазахов, Исхак Арсланов, Батырмурза Даутов, Хангирей Закиреев. Все эти хозяева переселились со своими семействами[118].

Сохранился список жителей аула Шипшева, «бывшего при впадении р. Чегем в р. Баксан» и переселившихся в 1865 г. в аул Кошерокова: Магомет, Нахо, Умар, Исмаил Шипшевы (с ними переселились 6 семейств крепостных крестьян), Женус, Ильяс, Индрис Нагоцуовы, Джамбот Барагунов, Алихан Элканов, Хаджи Отар Кандохов, Мазан Кандохов, Исуп Матиев, Итат Мамиев, Тита Наурузоков, Заурбек Матиев, Тахир Шибзухов, Жака Шибзухов, Канамат Отеев, Губж Муцмеев, Шокара, Ибрагим, Тахир Харзоковы, Татлостан (?) Хамгоков, Кумал Бопиев, Мусса Кудаев, Индрис Багидов, Асламурза, Сатушев, Шужей Барагунов, Мудар и Жандар Баловы, Хажимет Тхагалегов – всего 40 дворов[119].

В 1868 г. из аула Камбота Куденетова в Нальчикский аул (7 ноября 1868 г.) переселялся Сосруко Емгагов с семейством, состоявшим из жены, сына и двух дочерей. Необходимость переселения

он объяснял тем, что «родные каждый имеет особое уважение, когда живут вместе». Он уверял начальство, что его «переселение послужит пользе правительства и пособию родных». По месту переселения требовалось согласие жителей. 2 ноября приговор от имени старшин (старших) Нальчикского аула подписали (приложили свои печати): Магомет и Ибрагим Шогеновы, Ибрагим Яхтанигов, Исмаил Медалиев, Иналуко Дышеков и Бата Бачоров[120].

Житель аула Исламова, что в Малой Кабарде, Муса Бешкоков с женой Кабза 19 сентября 1868 г. переселился в аул Наурузово. Переселение носило самовольный характер, но начальство не стало возражать «во внимание того, что у него в ауле Исламова решительно нет никакого хозяйства». В 1869 г. переселились: Нагой Жемухов и Эдык Коков – первый из аула Атажукина в аул Кучмазукина, а второй из аула Аргуданского в аул Конова (19 июня). В мае – августе того же года из аула Астемирова в аул Муртазово переселились: Жанхот Хажимахов, Баба, Индрис и Увжуко Гоныбовы, Тамбий Мальбахов, Хасан Буздов и Батоко Хажимахов. Из аула Астемирова тогда же переселились в аул Ахлова Хатакшуко Тутов, Жамбот Гоныбов, Хажибекир Хацымов и Пшемахо Хорошев[121].

Житель с. Кучмазукина Ингуш Хажиметов 14 августа 1876 г. просил управление Пятигорского округа выдать ему копию с увольнительного свидетельства его «с семейством от бывшей помещицы вдовы полковницы Соколовой» и копию с разрешения, выданного начальником Терской области в 1870 г., о зачислении его «с семейством в селение Кучмазукина»[122].

Начальство Баксанского участка 23 марта 1871 г. сообщило окружному начальству, что житель с. Касаево Бекмурза Озов с семейством, состоящим из пяти душ, переселился на жительство в с. Ашабово в декабре 1870 г.[123] 22 мая 1871 г. начальник округа разрешил «жителю аула Жанхотова Магомету Жутову переселиться с семейством в аул Догужокова». Хатакшуко Балкаров из аула Тыжева «переселился с семейством своим на всегдашнее жительство в сел. Тамбиево 2-го в ноябре месяце» 1871 г.[124]

Подведомственные станице Боргустанской из Армянского (Тамбиевского) поселка крестьяне Батырбей Барсуков, Уразали Теуважев и Кишуко Карданов 12 декабря 1867 г. обратились к полковнику Нуриду с прошением, в котором они напоминали, что по воле наместника Кавказа стали свободными с 1864 г. и «обязаны избрать для себя род жизни, к какому пожелаем обществу, в течение одного года». «По случаю происхождения нашего из кабардинского племени, – писали они, – мы избрали себе по жизни во вверенном Вам Кабардинском округе и первые из нас четверо* имеем приговор от общества жителей Ашабова аула, в котором мы желаем поселиться, а также и последний из нас избирает себе в оном место жительства». Далее они просили начальника причислить их к аулу Ашабова. Прошение было препровождено

*Так в документе.

начальнику Баксанского участка с тем, чтобы он доложил Кабардинскому окружному народному суду свое мнение, и тот 19 января 1868 г. сообщил суду, что к переселению пяти семейств «препятствий не имеет»[125].

В 1868 г. в должности народного эфендия Кабардинского окружного суда состоял Муртазали Алиев, который не считался кабардинцем. Поэтому он обратился к начальству с просьбой «о причислении его с семейством к сословию кабардинцев и дозволении поселиться ему в аул штабс-капитана Куденетова». Окружное начальство вошло с ходатайством к начальнику Терской области об удовлетворении просьбы, приложив при этом приговор общества аула Кургоко Куденетова за подписями 28 почетных его жителей[126]. Согласно посемейному списку Алиева, составленному в 1862 г., ему исполнялось 50 лет. Сыновья Булат и Али родились от его первого брака. Вторым браком Муртазали был женат на дочери Солтана Жанибек-Гирея по имени Ханиш Хани. От нее у него к 1862 г. не было детей. Да и в момент его переселения, 27 августа 1868 г., в аул Кургоко Куденетова семейство Муртазали состояло из жены Гошехан и сыновей Булата и Али. Вероятно, эфенди был женат три раза[127]. В 1871 г. Алиеву дали в потомственное владение 300 десятин земли. Однако участком земли самовольно пользовались жители аула Тамбиева и нанесли Алиеву, по его подсчетам, убытки «всего на сумму 1050 р. серебром». Это обстоятельство объяснялось тем, что Алиев выселился из Кабарды, должно быть, после наделения его землей, в 1871 г. и в 1872 г. проживал в с. Канглы Пятигорского уезда[128].

Согласно копии с рапорта начальника Дигорского участка начальнику Кабардинского округа от 19 июля 1868 г., жителю бывшего Кобанова аула Царгасату Смаили Комехову было приказано «явиться к начальнику Черекского участка для поселения в Анзоров (Кайсына Анзорова. – *С. Б.*) аул». При этом прилагался именной список семейства Комехова с «находящимися при нем не освобожденными еще холопами». В списке значатся: Смаили – 40 лет, жена Гасагус (ГъащIэгъусэ?) – 30, сыновья Бяслан – 7, Алимурза – 15, брат Смаили Заурбек – 35 и умершего брата Магомета дочери: Госабека – 13, Диссагет – 10 лет. Кроме них в списке названы имена пятерых крепостных крестьян[129].

В связи с прошением жителя аула Баранова Махмуда Хатанова управляющему Малокабардинским участком 14 августа 1868 г. было дано предписание переселить его с семейством в аул Кайсына Анзорова к родственникам. Все семейство состояло из двух членов: Махмуда (22 года, холост) и матери – вдовы (42 года)[130].

В том же году из «Балкарского общества» в аул Кошерокова переселился Джарашу Али Казиев. Из «Ачхоевского аула» Мерем Локаев переселился в с. Кайсына Анзорова. Из аула Вольно-Магометанского Дигорского участка в тот же аул в 1869 г. переселились Куденет и Гаус Гокаевы, а братья Асламбек, Бадзой, Гуацы и Папо Кабалоевы с семейством из Дигории в 1868 г. переселились в аул Кайсына Анзорова. Магомет Алымов из Чегемского

общества переселился в аул Исмаила Атажукина, Дадыш Каншаов – из аула Кучмазукина в аул Бабукова, Закирей Абитов – из аула Кармова в аул Абукова, Теуна Аманкулов – из аула Кучмазукина в аул Бабукова (1869 г.). По предписанию Кабардинского окружного суда от 1868 г. в аул Бековича-Черкасского переселились: Хажимет и Таувбулат Хуштовы, Гулла Абазов.

К 1868 г. вдова княгиня Наго Таусултанова проживала в ауле Боташева. Управляющий Малокабардинским участком в марте 1868 г. донес начальнику Кабардинского округа, что она самовольно переселилась в аул Атажукина. В связи с этим начальнику Баксанского участка предписывалось «вписать в посемейный список аула Атажукина в семейство умершего полковника Атажукина переселившуюся из Малой Кабарды вдову княгиню Наго Таусултанову». Наго переселялась к сыну Асламбеку Атажукину.

14 апреля 1868 г. начальнику округа дополнительно сообщили из Малой Кабарды, что вместе с Наго Таусултановой «самовольно переселился в аул Атажукина вольноотпущенник ее Хацу Кипов». Кипова исключили из списка жителей Малой Кабарды, но почему-то зачислили не в аул Атажукина, как следовало ожидать, а в аул Кайсына Анзорова.

В 70-х годах переселения из селения в селение оставались довольно частым явлением. С согласия общества с. Кошева житель Андийского округа с. Ансалты (Западный Дагестан) Аббас-Баци-Али-Оглы был «записан в посемейный список имения Касаева и водворен в том ауле». Об этом пристав второго участка Георгиевского округа 6 февраля 1873 г. донес начальнику того же округа[134]. Этот же пристав в ноябре 1872 г. получил предписание начальника округа объявить «кабардинцу Бекиру Мальбахову, что выставленные в настоящем его прошении статьи закона не относятся до кабардинцев, так как зачисление их и переселение зависит от администрации, принявшей за правило прописку и переселение сделать только с согласия общества, а потому предлагаю Его Высокоблагородию выполнить первое предписание мое, изложенное в надписи от 24 июля сего года за номером 7263 относительно переселения Мальбахова в селение Атажукина 3-е весною будущего 1873 г., и об исполнении донести»[132]. Мальбахов ранее проживал в с. Атажукино III. Имел желание переселиться в аул Куденетова.

В ноябре 1872 г. приставу первого участка сообщили, что выходец из кумык Махты Габачиев, по его же словам, «с давнего времени имеет вместе с семейством и родственниками своими постоянное жительство в селении Кучмазукина». Он был записан в посемейный список этого села, составленный еще в 1867 г. Габачиев «одиночно» временно проживал в с. Кошероково «для заработок по похуде посуды и кузнечеству»[133].

В 1872 г. возникла и переписка о переселении муллы с. Ашабова Цыкужа Апхудова в аул Хумаринский. Старший помощник Баталпашинского уездного начальника докладывал Георгиевскому окружному начальнику, что Апхудову можно разрешить пере-

селиться, «не ожидая разрешения начальника области», имея в виду, что общество аула Хумаринский наняло его исполнять обязанности муллы[134].

В донесении отмечено, что на переселение требовалось разрешение областного начальника. Разрешение испрашивалось не только для Апхудова. 19 августа 1872 г. Терское областное правление разослало окружным налогоплательщикам «циркуляр для точного исполнения». В нем указывалось: «Областное правление, усматривая, что циркулярные предписания г. начальника области от 30 мая 1866 г. за № 1727 не вполне соблюдаются, просит г.г. окружных начальников отнюдь на будущее время не разрешать туземцам переселяться из одного селения в другое, а о каждом таком заявлении входить с представлением в областное правление, от которого зависят дальнейшие по этому предмету распоряжения...»

Разрешение областного правления в сентябре 1872 г. испрашивалось и для Увжуко Ашашаева, обратившегося к начальнику округа с просьбой разрешить ему с семейством «переселиться из селения Нальчикского в таковое же Мисостово»[135].

Из аула Клычева (Баталпашинский уезд) братья Исхак и Ибрагим Абуковы в 1872 г. были занесены в посемейный список с. Тамбиева I, а Эльжеруко Захохов 14 июля получил разрешение из с. Джамбота Докшукина переселиться в с. Догужокова. 1 апреля 1872 г. жителю с. Астемирова Дзадзу Гедогоову разрешили переселиться в аул Ахлова.

20 июля 1872 г. окружной начальник писал приставу 1-го участка, что проживавший в ауле Кайсын-Анзорова Инал Иналов был «сослан навсегда» в Сибирь, но что он «возвратился на родину по какому-нибудь недоразумению». Начальник распорядился поселить Иналова в Хасауте, «во избежание могущего быть столкновения». Он опасался кровной мести со стороны отдельных жителей аула. Как доложил пристав участка в Пятигорское окружное управление 7 ноября 1874 г., Иналов «за присмотром» препровожден «для водворения в аул Хасаутинский», а жена Уца и малокабардинский брат Сулиман на время остались в селении Кайсын-Анзорова[136]. Этот факт примечателен как свидетельство того, что институт кровной мести все еще действовал и в 70-х годах XIX в.

Житель с. Муртазова Инус Тхаказитов 17 апреля 1879 г. обратился к начальнику Пятигорского округа с прошением. Касаясь своего места жительства, Тхаказитов указывал: «Нахожусь на жительстве в селении Муртазовом более 13-ти лет и на основании предписания Вашего от 8-го апреля 1877 года за № 4336 и по распоряжению пристава 3-го участка я исключен из посемейного списка с семейством из селения Ахлова и записан в селении Муртазовом, и в минувшем году Муртазовским обществом назначен я в конно-иррегулярный Кабардинско-Горский полк». Суть прошения заключалась в том, что старшина с. Ахлово Абдуразак Матежев требовал с него подати, а он отказывался от вторичной платы, поскольку уже уплатил таковую по новому месту житель-

ства. Разбирая конфликт между старшиной Матежевым, который конфисковал у Тхаказитова седло, начальник округа предписал вернуть истцу имущество. При этом учитывалось, что, по сведениям за 1876 г., брат Инуса, Осман Тхаказитов, с братьями проживает в селении Муртазовом, куда и обязан платить все повинности[137]. Прошения свидетельствуют, что Тхаказитовы до своего переселения в с. Муртазово, состоявшегося в 1877 г., проживали в с. Ахлова (ныне Нижний Курп).

В «могилу заблуждающегося и обманутого народа»

В конце 50-х – начале 60-х годов переселенческое движение принимает характер народной драмы: кабардинцы, как и другие адыгские народности, начинают гибельное переселение в Турцию, эту, по образному выражению Д. С. Кодзокова, – «могилу заблуждающегося и обманутого народа» (выделено нами. – *С. Б.*). Переселение адыгов, и в частности кабардинцев, за рубеж нами вкратце рассмотрено в другой книге*. Из нее мы приведем только один документ – «Сведения о численности переселившихся в Турцию кабардинских семейств и других в течение прошлых 1860-го и 1861 годах»[138]. При этом мы имеем в виду и то обстоятельство, что в книге документ был опубликован не полностью.

Название аулов	Число семейств	Число душ
1	2	3
Ротмистра Кизильбека Кармова	4	37
Узденя а. Бабукова	24	370
Юнкера Ашабова	20	250
[Узденя] Даута Трамова	1	3
Узденя Хамурзы Аджиева	2	10
Узденя Тлостана Агубекова	1	7
Князя Хасанбия Атажукина	13	175
Прапорщика Лафишева	10	150
Узденя Кошева	3	54
Узденя Бекмурзы Гетеж[ева]	5	40
Полковника Батырбека Тамбиева	8	89
Князя Иналова	12	170
Корнета Сидакова	7	80

**Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 234–275.

1	2	3
Узденя Бжехокова	6	95
Юнкера Бек[мурзы] Атажук[ина]	1	8
Подполковника Атажук[ина]	8	92
Корнета Конова	1	5
Князя Бек[мурзы] Наурузова	5	49
Штабс-капитана Жамбекова	9	78
Ротмистра Тамбиева	3	25
Поручика Заракуша Тамбиева	51	558
Шакманова	10	90
Прапорщика Кучмазукина	11	125
Поручика Тыжева	2	15
Узденя Тохтамышева	18	108
Подпол[ковника] Касаева	1	10
Узденя Эльтарова	7	59
Поручика Кунашева	10	100
Узденя Отпанова	3	35
[Узденя] Шипшева	2	15
Подпоручика Седакова	4	30
Узденя Бешказакова	13	115
[Узденя] Берта Тамбиева	7	109
[Узденя] Тохтамышева	6	80
Хаджи Кайсына Шогенова	22	200
Узденя Магомета Казаншева	4	38
[Узденя] Бекмурзы Перхичева	6	70
Узденя Думанова	1	10
[Узденя] Алтудокова	23	297
Поручика Кудинетова	15	116
Узденя Батраша Куденетова	20	190
[Узденя] Асламурзы Кудинетова	23	247
[Узденя] Измаила Кудинетова	20	156

1	2	3
[Узденя] Муллаева	10	160
Поручика Шарданова	5	57
Узденя Кунижева	3	179
Юнкера Даутокова	5	85
Майора Кошерокова	7	20
Узденя Тогланова	7	70
[Узденя] Клешбиева	17	120
[Узденя] Кудаева	15	110
[Узденя] Атласкирова	16	165
[Узденя] Агзагова	3	25
Юнкера князя Кильчукина	15	179
Подпоручика Хаудова	8	115
Корнета Муссы Кожокова	5	80
Прапорщика К. Джамботова	26	250
Прапорщика Джамботова	46	478
Узденя Альпшаова	12	117
[Узденя] Захохова	12	114
Поручика К. Казиева	19	463
Узденя Магомета Догужок[ова]	16	200
[Князя] Джанхотова	5	50
[Узденя] Казаншева	7	70
[Узденя] Таова	11	190
Князя Джамбота Докшукина	3	16
Узденя Хостова	27	217
Подпоручика Махарова	19	206
Узденя Шанибова	21	340
[Узденя] Макенова	17	180
Князя Казия Хамурзина	5	35
Узденя Ельбуздукина	8	95
Князя Тлостаналиева	7	95

1	2	3
Узденя Кожокова	2	19
[Узденя] Асламурзы Анзорова	18	175
[Узденя] Хатакшуко Анзорова	25	200
Узденя Тембота Анзорова	44	463
Есаула Анзорова	25	150
Прапор[щика] Коголкина	10	100
Подполк[овника] Анзорова	4	50
Узденя Тембота Анзорова	5	70
	941*	10 343*

Политика властей к переселению в Турцию менялась: от безоговорочной поддержки до ограничения и даже кратковременного запрета. Однако оно продолжалось, принимая форму «поклонения гробу пророка Магомета». Приведем только несколько примеров.

В ведомости о состоянии числа дворов в Малокабардинском участке за 1868 год отмечено: «Уволенные 4 двора в 1867 г. в г. Мекку на поклонение гробу Магомета оттуда не возвратились; уволенные в 1868 г. туда же 18 дворов, откуда тоже не возвратились». В 1867 г. уволились без возврата: Ельмурза Инаров, Исхак Тумов и юнкер Инал Инароков. В 1868 г. за ними последовали: Хажибекир Боташев, Берд Абазов, Магомет Казиев, Увжуко Казиев, подпоручик Алихан Индиров, Талиб Уртов, Махмуд Тхазазитов (Тхагазатов?), корнет Ельбуздуко Муртазов, Измаил Белгороков, Хаджи Белгороков, Хаджи Магомет Марунов, Сихид Шогеншаов, Увжуко Азов, Асламбек Азов, Хажимет Шегемов, Темрюко Огурлиев, Инал Азов и Исхак Ушев.

Итак, в течение двух лет Малую Кабарду под предлогом «поклонения гробу Магомета» покинули 22 человека. Возможно, кое-кто из них вернулся после 1869 г., хотя это маловероятно, поскольку они были исключены из числа дворов, внесших за этот год поземельную подать. Вместе с тем за ними сохранялось еще право вернуться на родину. Об этом можно судить по приказу наместника Кавказа. Адресованный начальнику Кабардинского округа, этот приказ от 20 августа 1869 г. по отношению к упомянутому выше Иналу Инарокову гласит: «Жителя вверенного вам округа юнкера милиции Инала Инарокова, уволенного 13 ноября 1867 г. с семейством в Мекку на один год и до настоящего времени не возвратившегося в пределы России, – считать лишенным настоящего звания и серебряной медали с надписью «За усер-

*Неверный подсчет. Должно быть 942; 10 268.

дие» для ношения на шее». Наместник далее указывал, что в случае возвращения Инарокова у него должны были отобрать «медаль и документы на медаль»[139].

По предписанию начальника Терской области от 20 октября 1870 г. 102 кабардинца были исключены из числа населения Кабарды «как невозвратившиеся из отпуска в г. Мекку». Приведем этот список.

№ п/п	Имена и фамилии
1	2
	Малокабардинский участок
1	Алимурза Хапцев
	Амероко Ансоков
	Ахмет Елканов
	Хаиб Кундров
	Асламбек Сеев
	Андула Тинов
	Гулла Кушхабиев
	Абубекир Шамурзаев
	Хажи Шамурзаев
10	Хатокшуко Кязов
	Мустафа Берекетов
	Пшемахо Абаноков
	Умар Егужоков
	Жамбот Амхутов
	Жамбот Шаншуков
	Магомет Бахунов
	Булат Мирзаев
	Исмаил Мирзаев
	Хабиш Доцерхаев
20	Мамурза Доцерхаев
	Хачимо Хаганов
	Хаб Хожеев
	Солиман Тляужев
	Мурзабек Тляужев
	Идрис Бецежев
	Мурзабек Каров
	Андрузак Мендахов
	Али Ансоков
	Тлекеч Бахунов
	Черекский участок
1	Шу Шогенов
	Али Шогенов

1	2
	Умар Шогенов
	Керим Гериев
	Женус Адегеунов
	Али Хавжоков
	Лукман Сохов
	Шухаиб Дзуганов
	Закирей Дзуганов
10	Закирей Карданов
	Камбот Сихов
	Эдик Алборов
	Бупет Нагуров
	Магомет Шогенов
	Темроко Турков
	Ахмед Берсиоков
	Махмуд Берсиоков
	Хаджи-Исхак Хуранов
	Махмуд Хуранов
20	Уважуко Тхамоков
	Керим Бешкоков
	Безруко Тохов
	Магомет Жанжаков
	Даут Карацуков
	Хаджи-Умар Железежев
	Заурбек Железежев
	Али Макаев
	Хацу Анзоров
	Бекмурза Гурфов
30	Магомет Хажидогов
	Якуб Цыцев
	Шухбан Губажев (Губижев?)
	Даут Хатефов
	Махмуд Жутов
	Саит Жутов
	Тлекеч Цыцев
	Мусса Алкашев
	Албахсит Кожоков
	Умар Сабаноков
40	Умар Губжоков
	Индрис Сруков
	Нурали Кунашев
	Исуп Бжекшиев
	Андуразак Дзамихов
	Ильяс Бешкоков
	Ахмед Мусакаров
47	Индрис Кагазежев

1	2
	Баксанский участок
1	Хаджи Мусса Кумыков
	Паго Токмаков
	Хаджали Хажи Кайсымов
	Хажи Ридуон (Эриван. – *С. Б.*) Ногмов
	Умар Чешев
	Али Хажи Кайсымов
	Музтафа Хажи Кайсымов
	Уважуко Кипов
	Маиль Лампежев
10	Исуп Дзугов
	Махмуд Шурдумов
	Эзао Калмыков
	Магомет Калмыков
	Ахмет Хажикайсымов
	Хазгирей Кумыков
	Исмаил Айвазов
	Бекир Батырдогов
	Аюб Бесланиев
	Матгирей Шидов
20	Асхад Бабуков
	Гафар Бугов
	Майрам Апанасов
	Исхак Есенкулов
	Туко Шурдумов
	Салиман Токмаков
	Адильгирей Коков

Кабардинцы, отмеченные в этом списке, отправились в Мекку в 1869 г. под предлогом «поклонения гробу пророка Магомета», но оказалось, что абсолютное большинство из них покидали родину навсегда[140].

Переселенчество адыгов, в том числе и кабардинцев, продолжалось с перерывами и разной степенью интенсивности вплоть до начала первой мировой войны. Эмиграционный процесс адыгов, и в частности кабардинцев, освещен во многих исследованиях, поэтому мы на нем здесь подробно не останавливаемся.

Навязанная кабардинцам политика (и усугубленная, и увековеченная ею княжеская междоусобица) нанесла этому известному своим бессмертным этикетом мужественному народу невосполнимый урон, не дав ему сформироваться как самостоятельное государство. Это же обстоятельство преградило народу путь к созданию своей, так необходимой для духовного развития письменности и достижению высокого уровня материальной культуры.

ПРЕДАНИЯ И ФАКТЫ ОБ ОДНОЙ КРОВНОЙ МЕСТИ

Кровная месть, освященная обычаями предков, служила одним из важнейших институтов общественной жизни кабардинцев. В XVII в. кровомщение становится опасным для судеб народа явлением. Именно к первой половине того «столетия относится предание о кровной мести между потомками князя Кайтуко. Для выяснения истинных причин кровавого конфликта между кабардинскими князьями необходимо хотя бы вкратце остановиться на том, кто из них какую позицию занимал по отношению к Руси и Крыму, а через него и к Турции.

Согласно опубликованным документам, Казий Пшеапшокович, отец родоначальника княжеской фамилии Атажукиных, в 1578 г., как и Мамстрюк Темрюкович, придерживался русской ориентации. В грамоте Ивана Грозного Мамстрюку Темрюкову за тот год сказано: «И ты б, Мамструк-мурза, с Казы-мирзою с Шиканшюковым (Пшеапшоковым. – *С. Б.*) шли на нашу службу, а взяли бы есте с собою черкас до трехсот человек и были б есте в Асторахань к Семеню дни»[1].

После кончины Ивана Грозного обостряется междоусобица кабардинских князей. Конфликт углубился в связи со смертью Камбулата Идарова (1589 г.), к которому царь обращается не иначе, как «черкасские земли начальнику кабардинскому», т. е. как старшему князю в Кабарде. По свидетельству терского воеводы А. И. Хворостинина от 3 июня 1589 г.: «...промеж ими смута была великая врось княжья, а на княженье де, государь, еще не посадили никово»[2]. А. И. Хворостинин далее сообщает, что между конфликтующими было достигнуто соглашение «нынешний год (1589-й. – *С. Б.*) владети у них Канбулатовым детем, а как год минет Канбулату, ино де, государь, быти у них на княженье Осланбеку-князю»[3].

Асланбек умер в том же 1589 г., и вопрос о княжеском престоле вновь стал открытым, а поскольку соблюдался принцип старшинства, главным князем должен был избираться младший брат Асланбека Жансох (судьба Тапшинуко и Кайтоко неизвестна). 14 октября 1589 г. «кабардинские черкасы Осланбеков брат Янсох-князь да Хотов, да Асланбеков же сын Янхот-мурза, да Мамстрюк, да брат ево Бетемрюк, да Елбузлук-мурза» со своими узденями прибыли в Терки с уверением, что они верны «прежнему договору» и «изобрали на большое княжение Осланбекову брату Янсоха»[4]. Далее отписка сообщает, что «Янсох-князь шерть дал за всю свою Кабарду», т. е. он стал большим князем, но не всей Кабарды, а той ее части, которая в лице перечисленных князей выступала за сближение с Русью.

Не получая необходимой поддержки в Кабарде, Жансох решил заручиться содействием Москвы. При этом он учитывал и то, что русские цари к концу XVI – началу XVII в. начали вторгаться во внутриполитическую жизнь Кабарды. В частности, требовалось,

чтобы «на княженье на большое без... государева указу никого не посадити»[5]. Пользуясь этим, Жансох, по-видимому, в 1589 г. совершил поездку в Москву. В родословной кабардинских князей о нем сказано: «Княжество дано ему на Москве при царе Федоре Ивановиче всеа Руси, как был на Москве, а в Кабарде княженства ему не давывали»[6]. Отказ части кабардинских князей, главным образом сыновей Пшеапшоки Шогенука и Казия, в законных притязаниях Жансоха посеял семена потомственного раздора в княжескую среду и послужил базой многочисленных кровомщений.

В контексте наметившегося противостояния княжеских группировок следует объяснять и убийство Казием Пшеапшоковичем Мамстрюка Темрюковича. Произошло оно около 1600 г. Родословная кабардинских князей лаконично повествует, что братьев Доманука и Мамстрюка «убили Казы-мурза з братьею, зазвав к себе меду пить, и держав их у себя два дни скованых и на третий день убили». Переступив законы священной веры адыгов – гостеприимство, Кази Пшеапшокович предательски убил одного из самых известных деятелей Кабарды. На причину смерти Мамстрюка та же родословная указывает: «А Мамстрюк добр был собою гораздо и дороден и боялись ево многие в Кабарде, в зависти ево и убили». Опасаясь мщения русских и родственников Мамстрюка, Кази после убийства «откочевал в Бесллене и жил там три годы. А Сунчелей да Куденек з братьею прибежали на Терек и с тех мест Сунчелей на Терке и остался»[7]. Таким образом, князь Кази предательским убийством заложил основы раскола Кабарды на Большую и Малую.

Переходя непосредственно к самому преданию о кровной мести, обратимся к Шоре Ногмову. Он пишет: «По смерти Казы, кабардинцы лишились многих храбрых предводителей, князья Шогеноко и Шужий были уже в преклонных летах, а оставшимися от разных князей детьми овладело корыстолюбие и зависть до такой степени, что между ними возникла непримиримая вражда и они стали ненавидеть друг друга, каждый желал владеть самоуправно... Между тем князь Хатожуко Казыевич, невзирая ни на какие препятствия, с твердостью и всеми силами старался об отыскании средств к уничтожению беспрерывных споров, распрей и буйств, возникших между кабардинскими князьями, узденями и чернью, собственно по интригам деда первых, старика князя Шужия. Благоразумием и усердием к общему благу он привлек к себе весь кабардинский народ, желавший быть под управлением одного старшего князя. Затем, по просьбе народа вступив в полное управление им, князь Хатожуко для искоренения зла употребил самые строгие и жестокие меры. Первым распоряжением его было истребление злонамеренных и корыстолюбивых князей, особенно поколения Жанцоха (Жансоха.– *С. Б.*)... Все эти князья были племянники князя Шужия... Старик этот воспылал местью за убийство его племянников...»[8].

Приведенный отрывок предания позволяет сделать поспешный вывод: князь Шужей – интриган и корыстолюбец, а князь Хаток-

шуко Казиев, будущий его убийца, – объединитель народа, в борьбе за прогрессивное дело не останавливается перед жестокими мерами и потому убивает поколение Жансоха.

Существуют и другие варианты предания в записи Зарамука Кардангушева и писателя Мухамеда Кармокова. Вообще следует отметить, что отношения потомков к истории своих предков часто различаются, доходя до диаметрально противоположного. Перефразируя великого философа, можно сказать: «история учит, что историю учат». Стремление во что бы то ни стало приобщить читателя к лелеемой автором мысли неизбежно приводит его к субъективным оценкам и тенденциозным обобщениям. Опасность выработки одностороннего взгляда на историю многократно возрастает, когда исследователь имеет дело с преданием, в котором всегда вымысла более чем достаточно.

Кармоков, опираясь на свой вариант предания, полемизирует с Кардангушевым. Он утверждает, что Атажукины выступали против подчинения Кабарды туркам и крымским татарам, что они боролись за свободу и установление государственности Кабарды. В отличие от Атажукиных роды Черкасских и Бековичей-Черкасских, хотя, вероятно, и не хотели для своего народа тех бед, которые ему принесла Кавказская война, однако, ослепленные властью, богатством и званием, которыми царь их наделял, не смогли разглядеть, какая бездна несчастий им была для него уготована. Словом, Атажукины предстают перед читателем как главные поборники за свободу, единство и независимость кабардинского народа. Что касается Шужея, то он изображен здесь еще уродливее, чем у Ногмова, – доносчиком «царских генералов».

Художественное проникновение в мир исторических событий есть вполне оправданное понимание автора, тяготеющего к чувственному восприятию и не ставящего перед собой иной цели. Другое дело историк. Он обязан объективно взвешивать все «за» и «против». При таком подходе предания могут нередко (конечно далеко не всегда) наводить на след подлинной истины, поэтому их не следует отвергать с порога, как это, в частности, сделано «правды ради», даже «несмотря на то, что в кабардинском фольклоре сохранилось предание о Шужее как о смелом, честном рыцаре». Пренебрежение преданием сыграло свою роль и в утверждении, что «Шужей занимался неблаговидным делом доносительства, являясь осведомителем Куденетовичей»[9]. После такой убийственной характеристики, данной Шужею, сама собой становится понятной, неизбежной и даже справедливо ожидаемой его смерть, от кого бы она ни исходила, а тем более от руки князя-объединителя Хатокшуко Казиева.

Итак, оба варианта предания оправдывают поступок Хатокшуко и порицают Шужея и его сторонников. Поэтому есть необходимость разобраться в том, где же все-таки правда.

Следует подчеркнуть, что и Ногмов характеризует Шужея неоднозначно. Когда турецкий султан Солиман, намереваясь «утвердить за собой адыхейские племена и всех их обратить в му-

сульманство», послал «многочисленное войско для завладения Астраханью», Кази, Шогеноко и Шужей «немедленно собрали отборное войско» и «без труда разбили утомленных неприятелей, взяли богатую добычу и много пленных». Это событие произошло, вероятно, в 1569 г. При этом мы имеем в виду, что после него, «через три года», крымский хан, по некоторым сведениям, в 1572 г., чтобы отомстить за поражение под Астраханью, «собрал еще сильнейшее войско». На Куме произошла битва, «которая превзошла жестокостью все бывшие до этого времени». Кабардинцы, предводительствуемые все теми же князьями — Казием, Шогеноко и Шужеем, заставили крымцев «оставить сражение» и «возвратиться в Тавриду». Этот успех кабардинцев Шора Ногмов справедливо объясняет тем, что они «сражались за свою родину, за славу имени, за жен и детей»[10]. Эти факты характеризуют Шужея не только как соратника Казия в недавнем прошлом, но и как выдающегося кабардинского князя, отстаивающего свободу, престиж и «славу имени» своего народа.

Новое поколение князей, идя дорогой отцов, получило в наследство эстафетную палочку родового конфликта. В противоборство вступили Алегуко Шогенукович и Хатокшуко Казиевич, с одной стороны, и сыновья Жансоха — Урускан-мурза, Ильмурза, Шужей — с другой. Какой же политической ориентации придерживались они? Продолжая политику своего отца, Хатокшуко Казиевич вместе с Алегуко Шогенуковым в начале 20-х гг. XVII в., а возможно и ранее, находились в подданнических отношениях с русским царем.

Однако к 1622 г. они становятся «непослушниками». В связи с этим, как свидетельствует Сунчалей Янклычевич Черкасский, вместе с ним против них направлен стрелецкий человек Моисей Черкашенин, «а с ним ратных людей конных стрельцов и новокрещенов и юртовских татар и терских узденей и окотцких людей». А в отписке терского воеводы С. И. Волынского за 1622 г. отмечено: «Казыевых детей Атокузуку з братьею и Алегука мурз повоевали и кабаки их и по полем хлеб и сена пожгли, а остальные де, государь, черкасы с Олегукою-мурзою и с Казыевыми детьми ушли в крепкие места»[11]. «Непослушникам» было велено, чтобы они признали свою вину перед государем и дали бы присягу в верности и аманатов в залог их верности. В обмен у государя, согласно отписке С. И. Волынского, испрашивалось царское «жалование» «свыше прежнево»[12]. Тем самым доказывается, что Алегуко и Хатокшуко перед описываемыми событиями были *послушниками*, т. е. приверженцами русского царя, и получали за это «жалованье». В результате переговоров Алегуко и Хатокшуко «добили челом и оманаты в Терский город дали». При этом «Казыя-мурзы большой сын Отокузука-мурза» поклялся «служити и прямити... неотступным навеки»[13].

Что касается позиции сыновей Жансоха, тот же С. И. Волынский в цитируемой отписке свидетельствует: «...и Несоховы (Жансоховы. — *С. Б.*) дети Ильмурза з братьею добили челом тебе,

государю, наперед сего и аманаты в Терской город прислали»[14]. Следовательно, у Хатокшуко не было особых причин отважиться на убийство Шужея из-за его политической ориентации. При этом следует заметить, что отписка С. И. Волынского повествует о событиях 1621 г., т. е., как увидим ниже, они имели место всего за пять лет до убийства Шужея.

Касаясь повода для убийства Шужея, Ш. Б. Ногмов пишет, что Шужей был стар, и, не считая себя достаточно сильным, чтобы одолеть молодого Хатокшуко, в его отсутствие устраивает состязания борцов, куда приглашает и его богатыря Созирахо. Побеждавшего всех своих соперников Созирахо во время одного из поединков Шужей заколол ножом. Хатокшуко узнал об этом и решил также коварно убить Шужея. Сначала он распространил слух, что желает помириться с Шужеем.

Старик Шужей обрадовался, однако, видимо, не очень веря Хатокшуко, «сам предложил, для утверждения братского союза и верности обета, отправиться в Жулат и там, по древнему обычаю, после клятвы в дружбе, переломать надвое стрелу». Хатокшуко согласился, но втайне от Шужея отправился в Жулат и, «помолившись перед Татартупом, произнес обет о непременном убийстве князя Шужея и, в подтверждение своего обязательства переломив надвое стрелу, положил ее в Татартуп». На следующий день оба князя отправились к месту клятвы и «по ложном уверении в дружбе они обоюдно переломили стрелы и отправились обратно с двумя слугами». Перейдя реку Чегем, Шужей по предложению Хатокшуко отправил своего слугу к своим аталыкам «для принесения какой-либо закуски и кумыса, а между тем соснуть». В этот миг Шужею изменила бдительность и, согласившись отдохнуть до возвращения слуги, он вскоре заснул. И тогда «Хатокшуко встал с своим слугой, убил Шужия саблей...»[15].

По сведениям Ногмова, можно было бы сказать, что смерть Шужея произошла на бытовой почве.

Предание о Созирахо существует и в публикации Хамида Кармокова. Источник его в предисловии автора к сборнику не указан, но в основном совпадает с вариантом предания в записи Кази Атажукина и, видимо, является его вольным пересказом. Атажукинский вариант вообще ставит под сомнение целостность сюжета предания. Бросается в глаза, что в нем переплетены два независимых друг от друга события, происшедших более или менее одновременно. Должно быть, убийство Созирахо (Созироко*) хронологически предшествует убийству Шужея. Хатокшуко не является прямым убийцей Шужея, но смерть последнего так или иначе лежит на его совести, поскольку без ведома князя его под-

---

*Фонетическое звучание многих адыгских имен и фамилий навсегда утрачено. У Ногмова встречаются два имени: Созироко (Сосрыкъуэ) и Созирихо. Часть слова Соз имеет тот же смысл, что и Сос. Возможно, героя предания звали Сосырыхэ, т.е. подобный Сосу, Сосрыкъуэ; Атажукин сохранил имя отца Созирыхо в форме Коал, что переводится как Къуал, но, кажется, вернее писать Къэуал.

властный, о котором будет сказано ниже, не посмел бы отважиться на традиционно недопустимое убийство князя узденем (у Ногмова – слугой). А когда свершился акт и народ справедливо связал его с именем Хатокшуко, вспомнилась относительно недавняя гибель Созирахо, которая сознательно могла быть приписана козням и прямому действию Шужея, который вряд ли опустился бы до столь постыдного для князя его ранга поступка, чтобы таким образом объяснить и оправдать неблаговидные действия одного из валиев Кабарды – Хатокшуко Казиева.

Не касаясь множества мелких различий, остановимся на главном отличии двух списков – ногмовского и атажукинского. Последний страдает отсутствием политических мотивов, лежавших в основе конфликта между двумя князьями. Согласно атажукинской версии, Шужей не был стар. Напротив, его признавали за «самого могущественного в то время князя, пользовавшегося первенством, и который был из рода Мисостовых»*. Он был храбр и силен, отлично владел оружием и никогда не мог быть захвачен врасплох. Относительно принятия Шужеем и Хатокшуко клятвы Кази Атажукин пишет, что Хатокшуко дал слово отомстить за Созирахо Коалова перед вскрытой им его могилой, а не отправившись, как излагает Ногмов, тайно в Джулат. Это ближе к истине, ибо осторожный Шужей не допустил бы, чтобы клятва была произнесена без его присутствия, хотя ее форме («клянусь и я не изменять раз уже мной сказанному») он не придал, что тоже маловероятно, должного внимания, и это стало для него роковым обстоятельством[16].

Документы раскрывают тайну действительных мотивов убийства Шужея. В 1626 г. 3 октября князь Пшимахо Черкасский бил челом царю Михаилу Федоровичу «на Казыевых детей на Олегуку да на Отожюку мурз Казыевых детей». В челобитной сказано, что Пшимахо привел в подданство «государевых непослушников Хотовых кобаков козларов Фогуку да Олегуку и их уздени». Алегуко и Хатокшуко, узнав о том, что Фогука и Олегука проехали в город Терки, «подняли крымских ратных людей и Малова Нагаю» и разорили 5 кабаков, принадлежавших тем козларам (тлекотлешам). После этого они взяли многих женщин и детей в плен и «в Крым к Шан-Гирею отослали»[17]. В то же время били челом царю «Илмурзины уздени Бек да Ильмурза на Казыевых детей на Олегуку да Отожюку мурз Казыевых детей». Уздени пятого сына Жансоха сообщали: «Убили де те Казыевы дети Ильмурзина брата Чюжеймурзу (Шужея. – *С. Б.*) за то, что де мы, холопи твои великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, а к Шан-Гирею (крымский царевич. – *С. Б.*) ни в чем не подалися...»[18].

Свидетельства Пшимахо Черкасского и узденей Илмурзы ясно указывают на политические ориентации двух враждовавших родов в 1626 г., когда, надо думать, и было совершено убийство

*Основатель фамилии князь Мисост приходился сыном двоюродного брата Шужея – Казия Пшеапшокова, и потому Шужей не мог принадлежать к роду Мисостовых.

Шужея, а именно: Алегуко и Хатокшуко выступали сторонниками Крыма, а Черкасские и их родственники, в том числе братья Илмурза и Шужей Жансоховы, ориентировались на русского царя. Тем самым видна тенденциозность в освещении Ногмовым роли Хатокшуко Казиевича как поборника единства Кабарды. Неубедительны и попытки других авторов, стремящихся представить Хатокшуко в роли борца за единство Кабарды, свободной от притязаний Руси и Крыма. Хатокшуко Казиевич, как и его отец, был, как и Черкасские, сторонником Руси, но менее последовательным.

По цитированной челобитной остается невыясненным вопрос об убийце Шужея. По Ш. Б. Ногмову и М. Кармокову, им был Хатокшуко Казиевич. На самом же деле убийцей является, как писал, опираясь на источники, Зарамук Кардангушев, уздень (а не слуга!) Хатокшуко – Плишуко. Кабардинский мурза Кельмамет Куденекович Черкасский в 1634 г. в своей челобитной указывал: «В прошлых, государь, годех, как бежал из Крыму колга Шин-Гирей-царевич и был в Казыевых кобакех у твоево государева непослушника у Олегуки да у Хатаужюко з братьею, и в то время зятя моего Урускан-мурзы Янсохова сына родной брат Чеужей-мурза, живучи в Казыевых кобаках, про Шин-Гирея и про их умышленья проведывал всякия их недобрыя думы и сказывал мне, холопу твоему, а я извещал твоим государевым воеводам. И сведав то, твой государев непослушник Хотаужюка с ним, Чеужей-мурзою, бился и порубил ево саблею немного. И после тово ево ж Хотаужюков уздень Плишука тово Чеужу-мурзу убил до смерти, и, убив ево, оттоле побежал, и ныне живет в твоем государеве Терском городе у князя Шолоха Черкаского»[19]. Далее Кельмамет Куденекович просил царя Михаила Федоровича распорядиться отдать ему узденя Плишуку, забрав его от князя Шолоха, чтобы поступить с ним по обычаям.

Из челобитной следует, что Урускан-мурза (очевидно, он же Ильмурзин) – сын Янсохова (Жансоха) – приходился родным братом Шужею и зятем Кельмамету Куденековичу. Естественно, родственные связи с Черкасскими, которые отличались последовательной ориентацией на Россию, в определенной степени должны были сказаться и на Шужее, который, «живучи в Казыевых кабаках», не без просьбы Кельмамета Куденековича, доставлял ему, а не «царским генералам», сведения о связях Шан-Гирея и «непослушников» государя с Олегуко и Хатокшуко. По делу об убийстве Шужея Кельмамет Куденекович свидетельствует, что конкретной причиной его смерти стали политические разногласия князей. Хатокшуко, узнав о связях Шужея с Черкасским, «бился и порубил ево (Шужея.– *С. Б.*) саблею немного», т.е. он не убил Шужея, а бился с ним и нанес легкую рану (иначе месть против князя-убийцы была бы неизбежна!). Убил же Шужея, как уже сказано, его уздень Плишуко*. Вероятно, опасаясь за жизнь сво-

*«Лучший кабацкий уздень» Хатокшуко – Плишуко в документах именуется иначе: Плепш, Тлыжюка (Лlыжьыкъуэ?), Тлепшюко (Лlыпщокъуэ?) (КРО. Т. 1. С. 110, 222). Видимо, два последних варианта ближе к подлинному имени.

его владельца, он долго скрывался и наконец был обнаружен – не где-нибудь, а в Терском городе. Это обстоятельство делает излишним ссылки предания на Созирахо, которого Шужей вряд ли стал бы убивать.

Собственно, для убийства Шужея, если оно, как писал Ногмов, действительно преследовало цель – объединить и упрочить единство Кабарды, не требовалось прибегать к столь изощренным уловкам: убить беззащитного человека не стоило бы труда. Вообще же с убийством старого, политически безжизненного и уже бездетного князя Шужея не могли окончиться, как далее пишет Ногмов, «все смуты и беспорядки между кабардинцами». Стремясь устранить Шужея, Хатокшуко преследовал более скромную цель – устранял со своего пути опасного для себя связного Кельмамета Черкасского. Можно сказать, что факт поединка Шужея с Хатокшуко позднее оброс красивыми легендами, одна из которых и приведена Ногмовым. По крайней мере, о Созирахо Кельмамет Куденекович не упоминает. Тот факт, что Шужей и Хатокшуко бились, т. е. сражались между собой, сводит к минимуму или даже на нет возможность столь нелепой неосторожности, как сон в критические минуты, которую приписывает ему предание и на которую он, умудренный враждой, вряд ли отважился бы, зная, что сто́ит вообще клятва недругов по отношению друг к другу.

После убийства Шужея Алегуко и Хатокшуко перестали быть (хоть и непоследовательно) *непослушниками* государя и перешли на его сторону. Подтверждая свое подданство царю, они в 1634 г. указывали, что не они одни виноваты перед ним, что вначале Шан-Гирей «был в Анзоровех кабаках, а из Анзоровых кабаков был у князя Нарчова Елбузлукова, а к ним приехал после всех и жил у Олегуки с полгода, а в их де черкасской вере того не повелось, что тех хто х кому приедет не пустить или, поймав, отослать»[20]. Таким образом, все непослушание Алегука и Хатокшуко объяснили чрезвычайно редко встречающейся в документах фразой – «черкасской верой», т. е. обычаями гостеприимства, которые не позволили им выдать гостя кому бы то ни было. Отсюда следует, что о принципиальной позиции родоначальника Атажукиных, отличной от ориентации Черкасского, говорить и не приходится. К тому же они ссылались на то, что «не одни оне» перед царем виноваты, имея в виду кумыкского Илдар-шевкала, его брата Бийбагомата и эндерийского владельца Салтан-Махмута. И позже Алегуко и Хатокшуко придерживались прорусской ориентации.

В статье, утвержденной царем Михаилом Федоровичем о порядке приведения к шерти Казиевой Кабарды, от 28 августа 1642 г. сказано: «Как Олегук и Ходождук мурзы под государскою высокою рукою будут попрежнему и для шертованья приедут на Терек, и воеводам велеть Алегуке и Ходождуку мурзам быти в съезжую избу и вины их, как они от государские милости отступили и з государевыми людьми бились, выговорить... А будет Алегука и Ходождука мурзы привезут с собою на Терек ама-

ната на перемену прежнему аманату, и того нового аманата взять на Терек, а старово отпустить»[21].

Документы четко фиксируют двойственную политику Хатокшуко Казиева и его двоюродного брата, валия Кабарды Алегуко Шогенукова. Тем самым становятся излишними рассуждения отдельных авторов о том, что Хатокшуко якобы был помощником (т. е. вторым после Алегука) валия Кабарды и что не в обычае кабардинцев было делиться властью валия с кем бы то ни было[22]. В 1631 г., т. е. вскоре после убийства Шужея, Алегука и Хатокшуко дали шерть царю. В отписке терского воеводы М. П. Волынского за 1643 г. сказано: «Алегук-мурза, во 140-м (1631-м. – *С. Б.*) году приезжал на Терек сам и тебе, великому государю, правду свою дал, на куране шерть учинил за себя и за братью свою (Хатокшуко. – *С. Б.*)... что им быть под твоею государскою высокою рукою в вечном холопстве»[23]. В отписке того же М. П. Волынского царю за 1643 г. говорится, что Алегуко и Хатокшуко «будут под твоею государскою высокою рукою в холопстве попрежнему вовеки безотступно и вперед твоему государеву указу ослушны не будут...»[24].

Как выше отмечено, князь Шужей и Хатокшуко в своих взглядах по отношению к Руси не обнаруживают принципиальной разницы. Однако в год убийства они придерживались различной ориентации. В опубликованных материалах кабардино-русских отношений XVI–XVII вв. имена Алегуко Шогенуковича и Хатокшуко Казиевича в последний раз встречаются за 1654 г. В том году Алегуко и Хатокшуко вручили грамоту царя Алексея Михайловича и посланные к ним от имени царя напомнили им, чтобы они, «памятуя к себе государьскую милость и жалованье и свою шерть, ему, великому государю, службу свою и раденье показали...»[25].

Как видно, в укрепление кабардино-русских отношений значительный вклад наряду с Черкасскими внесли и потомки князя Казия, хотя между собой они были раздираемы обычаем кровомщения. Алегуко Шогенуков и Хатокшуко Казиев в документах встречаются почти всегда рядом, в равнозначном смысле, что дает основание утверждать, что оба князя были валиями. При этом первенство формально, должно быть, отдавалось Алегуко, как старшему. В родословной кабардинских князей о сыне Казия Хатокшуко сказано: «...добр и дороден своею головою, ныне жив, владеет два их – Олегука да он – всеми кобаками»[26].

Варианты предания об убийстве Шужея, записанные Кардангушевым и Кармоковым, совпадают в том, что шестеро сыновей Жансоха, за исключением седьмого, Шужея, находившегося в городе Терки, были убиты Хатокшуко. Различие только в формах убийства. Выше отмечено, что пятый сын Жансоха Ильмурза не был убит. Об остальных родословные князей Кабарды указывают: «А у Янсохи-князя 7 сынов: 1 сын Сортман, бездетен, убили ево беслейцы, 2 сын Докчюка бездетен, убили ево нагайцы Большого Нагаю, 3 сын Кочкан-мурза, бездетен, убил брат ево двоюродный Татархан, 4 сын Клыч, убили ево под Шолоховыми коба-

ками, 5 сын Ель-мурза, живет в бегах от Алегуки в Ондрееве деревне, а Олегука у нево убил двух сынов, а он поднимал на Олегуку Большова Нагаю мурз и татар, 6 сын Ураскан-мурза, ныне живет с Ель-мурзою в Ондрееве деревне, а за ним родная сестра Килмаметева Куденекова сына Шупхан, 7 сын Чюжей-мурза, бездетен, убил ево Хотокжука-мурза Казыев сын, а сиживал Чюжей в оманатех на Терке»[27].

Итак, из семи сыновей Жансоха пятеро были убиты и только к убийству одного из них руку приложил Хатокшуко. При этом, вопреки утверждению автора родословной, убийцей Шужея был уздень князя Хатокшуко, что, конечно, по справедливому мнению Кардангушева, не исключает его согласия на этот акт. Вероятно, предание приписало Хатокшуко и действия Алегуко, который, как видно из документа, был убийцей двух сыновей Ель-мурзы (Ильмурзы), в связи с чем последний прибег к помощи ногайцев для отмщения. Ельмурза и Урускан последние годы находились в Андреевой деревне, наверное, во избежание встреч с кровниками – Алегуко и Хатокшуко, и умерли после 1642 г., когда, по мнению исследователей, и была составлена цитируемая родословная.

Материалы русско-кабардинских отношений вскрывают несостоятельность и другого предания, записанного Кармоковым, согласно которому Хатокшуко убил всех шестерых сыновей своего дяди Шогенукова. Об их судьбе та же родословная свидетельствует: «1 сын Алегука мурза, славной и дородной, ныне он жив, 2 сын Черегука-мурза, бездетен, умер своею смертью, 3 сын Анфока-мурза, бездетен, убили ево с Казыем вместе тотаровя Большого Нагаю, 4 сын Хапых-мурза, ныне жив... 5 сын Салтанбий-мурза, не женат, и ныне жив... 6 сын Пшимаха-мурза, бездетен, убил ево Олегукин уздень и сбежал в Ондрееву деревню»[28].

Отсюда ясно, что в отмеченном выше предании верно лишь то, что у Шогенукова было шестеро сыновей и что некоторые из них были убиты. Возможно, однако, что после составления родословной князей, которую мы цитируем, Хатокшуко убил кого-то из тех, кто оставался в живых. Но и тогда совершенно очевидно, что он никак не мог убивать, притом довольно нелепым способом, не в меру жестоких и заносчивых братьев, включая самого валия Алегуко Шогенукова[29].

По сведениям Мухамеда Кармокова, Шогенуковы, пригласив Хатокшуко Казиева к себе, угостили его самым оскорбительным образом: поставили на стол мясо зажаренной ими его же лошади! Этого, конечно, он Алегуко простить не мог. По его наущению Тамбиевы пригласили Шогенуковых на традиционный праздник, посвященный окончанию весенней пахоты. Под предлогом того, что хозяева не желают нарушать обычай гостей – сидеть самим отдельно от других, их сажают в специально для них построенное помещение из плетня, готовое в любой момент обрушиться (плетень был подрезан). После того как гости изрядно

выпили и расслабились, хозяева обвалили на них крышу и их, оказавшихся в западне, закололи мечами.

Хронологически это событие, по другому преданию, относится к началу XVIII в. По записи Яна Потоцкого, сделанной им в 1797 г., Шогенуковы были уничтожены «по причине своей гордости»: «Главы этого семейства не допускали, чтобы другие князья садились раньше их. Они не разрешали, чтобы лошадей других князей поили водой тех же речек, или, как минимум, выше по течению того места, где поились их собственные лошади. Когда им хотелось вымыть руки, они приказывали молодому князю держать перед ними таз. Они считали ниже своего достоинства посещать «поки», или собрания князей. И вот что из всего этого вышло. На одном из таких всеобщих собраний они были осуждены на уничтожение. Судьи взяли на себя роль исполнителей приговора, ими же вынесенного. Ничто не вышло наружу до момента исполнения приговора. Когда пришел фатальный день, все князья семейства Чеченшукхо (Шогенуковых. – *С. Б.*) были заколоты кинжалами с их детьми и беременными женами. Это событие... должно было произойти в первые годы восемнадцатого столетия, и о нем довольно часто еще говорят по всей Черкесии»[30].

Оба варианта предания совпадают в том, что все Шогенуковы были убиты, но оба допускают погрешность. Чем древнее запись предания, тем, несомненно, она правдивее. Так, у Потоцкого мы узнаем, в чем могла заключаться действительная причина убийства рода Шогенуковых и форму приведения в исполнение решения суда князей над ними. Правдоподобнее вариант предания Потоцкого в том смысле, что род Шогенуковых мог быть уничтожен только описанным им образом, включая беременных женщин и детей, что, конечно же, никак не вписывается в священный закон гостеприимства адыгов. Относительно даты этой кровавой резни Потоцкий близок к истине хотя бы уже потому, что род Алегуко Шогенукова упоминается в документах второй половины XVII в.[31] Так что уничтожение рода Шогенуковых, что, как видно, в действительности имело место, могло произойти на рубеже XVII–XVIII вв.

Изложенное убедительно указывает на степень достоверности многих положений некоторых преданий, в том числе – отдельных преданий из «Истории...» Шоры Ногмова.

В связи с преданием об убийстве Шужея в народе бытует выражение «ХьэтIохъуущыкъуей напэ» («Совесть Атажукиных»), что сказано слишком обобщенно и потому несправедливо. Фраза объективнее должна была бы звучать так: «ХьэтIохъуущыкъуэ напэ» («Совесть Атажукина»), исключая тем самым возможность распространения ее на всю фамилию Атажукиных, куда традиционно входит значительная часть кабардинцев. Касаясь этой непростой проблемы, Кази Атажукин отмечал, что убийство, совершенное его пращуром, «должно было наложить пятно на его имя»[32], и наложило, по крайней мере, в глазах значительной части народа. Во всяком случае, форма убийства Шужея (а не сам

факт!) не может быть отнесена к достоинствам князя, который претендует на роль рыцаря чести и которого стремятся представить объединителем народа.

Одни авторы вкладывают в понятия «ХьэтIохъущыкъуэ напэ» («Совесть Атажукина»), «ХьэтIохъущыкъуей напэ» («Совесть Атажукиных») вероломство и измену, а другие возводят это в ранг адыгского кодекса чести. И то и другое вряд ли соответствует действительности. Выражение «Совесть Атажукиных» порождено мрачной средневековой эпохой, погруженной в бессмысленный пожар междоусобиц, и, отвечая, так или иначе, закону кровомщения, не должно считаться примером подражания и воспитания потомства.

АБРЕКИ И АБРЕЧЕСТВО

Абреки и абречество обратили на себя внимание некоторых историков прошлого. «Между черкесами встречалось много таких лиц, которые выросли без призрения, без воспитания и религии и не имели решительно никакой собственности... они, кроме воровства, не имели никаких других средств. Это были бездомные бродяги...» – так однобоко, а главное, пренебрежительно характеризовал Н. Дубровин абреков[1]. Поверхностным был и взгляд советского историка С. К. Бушуева на абреков. Он считал, что у них «нет отчизны и друзей, кроме булатной шашки и коня»[2].

Абречество представляет собой социально-политический феномен в истории адыгов конца XVIII – первой половины XIX в. Этот важный вопрос до сих пор не стал предметом специального исследования. Причину возникновения абреков и объективную характеристику абречества мы находим у Хан-Гирея: «...в Кабарде составились из буйной молодежи скопища под названием абреков, то есть скрывающихся в чужих племенах и свою жизнь проводящих среди опасностей; впоследствии из этих скопищ составлялись сильные партии, принявшие название *хажъретов*, то есть людей, защищающих свою веру от иноверцев, и это название духовенство своими проповедями сделало священным в мнении народа»[3].

Ф. И. Леонтович несколько подробнее проследил эволюцию абречества. Абреками, по его данным, становились: изгой, «лишенный покровительства и защиты своего рода», любой другой, кто нарушал общественное спокойствие, включая «неповиновение отцу и вообще старшему в роде». Ряды абреков пополняли «не только отдельные лица, но и целые родовые союзы, вследствие вражды или по другим причинам выходившие из племенного союза и составлявшие из себя самостоятельные общества»[4].

Одними из первых абреков следует назвать тех, кто в результате поражения восстания кабардинцев в 1801–1805 гг. переселился за Кубань. К. Ф. Сталь писал: «Беглые кабардинцы – выходцы из Большой Кабарды (с 1804 г.)»[5]. Однако абречество стало замет-

ным социальным явлением позднее, и связано это с назначением Ермолова главнокомандующим на Кавказе. По сведениям Граббе, «самые большие побеги владельцев кабардинских за Кубань делались начиная с 1816 и до 1822 года»[6]. На это указывает и Дубровин: «...несколько кабардинских семейств, в разное время оставив свое отечество и со всеми своими подвластными переселившись в долины рек обоих Зеленчуков, образовали особые поселения, известные под именем абреков или беглых кабардинцев»[7]. О хаджиретах вскользь упоминал и П. Г. Бутков: «С 1835 года хищники приняли название хаджиретов»[8].

Столь категоричное указание на дату без ссылки на конкретный источник нам представляется сомнительным, но здесь важно другое – понятия хищник и хаджирет отождествлялись.

Как видно, по Хан-Гирею, хаджирет – это бывший или даже действующий абрек. Бутков не делал различий между хищником и хаджиретом, а Дубровин абреками называл «беглых» кабардинцев. Еще раньше в русских документах таких кабардинцев называли – *ветреник*, *мошенник* и т. д. Приведенные материалы позволяют сделать вывод, что для русских военных властей понятия: ветреник, мошенник, абрек, хищник, разбойник, хаджирет и «беглые» кабардинцы – синонимичны. Здесь следует особо подчеркнуть, что все они для нас, за понятным исключением, – борцы за свободу, веру и родину, как они себе это представляли.

Дубровин проговорился, отождествив, хотя бы косвенно, хищника и воина. Говоря о щедрости адыга, он указывал, что она служила важным условием, посредством которого бедный человек мог «снарядиться на войну или хищничество»[9]. По Дубровину, в данном случае война и хищничество тождественны. Следовательно, для него хищник и воин – понятия во многом равнозначные и даже совпадают.

Выше отмечено, что Дубровин сводил количество абреков (беглых кабардинцев) к нескольким семьям с их подвластными. Эта цифра явно занижена. Сталь свидетельствовал, что к 40-м годам XIX в. беглых кабардинцев насчитывалось всего 664 двора, в которых проживало 4700 душ[10].

Усмирение непокорной Кабарды Ермоловым в 1822 г. не означало окончательного покорения непокорных кабардинцев. Наиболее яркое тому свидетельство – восстание 1825 г. Но и после набеги на линию долго не прекращались. Ермолов ранее 8 января 1826 г. (судя по тексту, в конце декабря 1825 г.) дал предписание командиру Кабардинского пехотного полка подполковнику Булгакову: «Дошло до сведения моего, что отправленная от меня 22 числа сего месяца за № 114 из Екатеринограда летучая карта на имя корпусного штаба с посылкою под литерою ***К*** на дороге около поста Минаретского, посланная с 8-ю только донскими казаками, отбита хищниками. Почему я предписываю Вашему Высокоблагородию произвести по сему строжайшее исследование для поступления с виновным по закону и о последующем донести с представлением ко мне следственного дела. 8 генваря 1826»[11].

Предписание Ермолова было вызвано тем, что он, установив в Кабарде жесткий колониальный режим и опасаясь ответных мер, завел порядок, по которому все транспорты, отправлявшиеся из укреплений, построенных в Кабарде, должны «были [быть] всегда прикрыты пехотою». Однако военные власти не могло не тревожить, что механизм режима давал подчас серьезные сбои.

Начальник корпусного штаба генерал-майор А. А. Вельяминов в начале января 1826 г., следуя из Екатериноградской станицы до укрепления Аргудана, встретил до пятнадцати повозок Кабардинского пехотного полка, направлявшихся в Екатериноградскую. На некоторых из них находились женщины и дети. Караван повозок сопровождали лишь восемь конных казаков. Вскоре генерал встретил еще одну «воловью» подводу. Ее сопровождали три верховых казака. В связи с этим Вельяминов 5 января предписал подполковнику Булгакову: «Начальника Черекского укрепления за то, что не дал должного прикрытия вышеозначенному транспорту, извольте арестовать». Предписание начальника штаба заканчивалось написанным его рукой замечанием вопросительной интонации, граничащей с выговором: «Неужели недостаточно еще подтверждаемо было об ответственности?»

Вельяминов сообщил об увиденном генерал-майору Горчакову, а он поделился впечатлениями с подчиненным и налетел на Булгакова: «Странно для меня, что постыдные сии беспорядки, согласитесь со мною, происходят под глазами местного начальника. Не говорю, что я должен думать об отдаленных постах, где, конечно, служба и обязанности совершенно забыты...»

Горчаков строго предписал Булгакову, чтобы «транспорты, отправляемые из укреплений в Кабарде, всегда конвоированы были безопасным прикрытием пехоты»[12].

Озлобленные партизанскими действиями кабардинцев, царские власти обыкновенно беспощадно расправлялись с пойманными кабардинцами-абреками. Еще 20 апреля 1823 г. майор Якубович рапортует Подпрятову: «...пойманные закубанские узденья (абреки. – *С. Б.*) Тету Балагов и Хажимет Гедугожев сего числа в Екатериноград доставлены, кои содержатся под гаубтвахтным караулом, закованные в кандалы».

В журнале «входящим предписаниям от разных особ» за 11 февраля 1826 г. записано предписание генерал-майора Горчакова: «О ссылке в Сибирь кабардинца Али Аргишокова за дачу пристанища разбойнику Борею Апанасову и о даче свободы кабардинцам Саральпову и Хожерокову, как оказавшимся в том изобличенными». Это предписание записано не совсем верно. Его содержание уточняется другим предписанием, с которым Горчаков обратился 6 февраля 1826 г. к подполковнику Булгакову: «Оказавшимся виновным в даче способа сокрыться разбойнику Борею Апанасову по побеге его с Екатериноградской гообвахты кабардинца Али Аргишокова, Его Высокопревосходительство г. корпусной командир от 25 минувшего генваря № 295 предписал отправить в Сибирь на поселение. Кабардинцам же Саральпову и Хожероко-

ву в предержательстве ничем неизобличенных дать тот час свободу»[13]. Только в этой первой редакции фамилия Саральпова записана неверно, но выясняется, о какой станице говорится в предписании от 11 февраля и откуда сбежал Апанасов.

Многие формы наказания принимали особенно жестокий характер. 13 апреля 1826 г. генерал-майор князь Горчаков предписал Швецову наказать «кабардинского, узденя Али Мамхегова и крестьянина Бичоова за злодеяние шпицрутенами каждого чрез тысячу по пять раз» и выслать в Сибирь. Выселение в Сибирь Мамхегова и Бичоова не потребовалось. В донесении к Горчакову об исполнении предписания отмечено, что «оные померли»*[14].

В 1830 г. войска, расположенные в Кабарде, получили подкрепление в два батальона. Сообщая об этом Ушакову, начальник 22-й пехотной дивизии генерал-майор Фролов писал: «...предлагаю вам, господин подполковник, сделать по общему с ним (командующим Кабардинским пехотным полком подполковником Касприцким. – *С. Б.*) соображению верное исчисление войск к занятию всей Кабарды и Грузинской дороги для совершенного обеспечения границы, порученной вам дистанции и к решительному прекращению малейшего покушения хищников, донеся мне немедленно о таковом исполнении...» Батальоны прибыли в крепость Нальчик 12 ноября 1830 г. Этот факт, однако, не запугал кабардинцев. Уже 25 ноября подполковник Касприцкий получил информацию: «Партия хищников из 50 человек имеет направление на Нижнеджинальский пост ниже, близко оного, другая же партия из 500 человек взяла направление на Каменный мост, он же (кордонный командир подполковник Яков. – *С. Б.*) со всем резервом своим последовал по направлению к укреплению Каменного моста»[15].

Военных начальников Кабарды не ожидало ничего утешительного и за ее границами. Полковник Сарочан 6 декабря 1831 г. докладывал Горихвостову: «От приверженцев сейчас получил я сведения, что три дня тому назад приезжали из Кабарды в Чечню два неизвестных по имени кабардинских узденя к находящимся в оной кабардинским же абрекам и уверяли их, что они покажут такое место на Военно-Грузинской дороге, занимаемое русскими, которое разбить можно с небольшими силами без всякой со стороны своей потери. Вследствие чего несколько беглых кабардинских абреков, присоединя к себе до двухсот человек конных чеченцев, на сие число в ночи пустились из чеченских пределов, но к какому именно пункту, неизвестно»[16]. А 9 декабря того же года из Черекского укрепления его начальник поручик Морозинский докладывал: «Беглый Беслан Хамурзин с своими братьями и двумя стами человеками абреков открыт...»[17].

---

*Пройдет более тридцати лет, а мера наказания абреков останется по-прежнему чудовищной. За побег из Георгиевской тюрьмы со взломом окна арестантской камеры в 1858 г. абрек Индрис Тлепшев был приговорен военным судом «к наказанию шпицрутенами сквозь ста человек шесть раз и к ссылке в каторжную работу в крепостях на восемь лет» (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 1328, л. 9).

В связи с именем этого князя-абрека следует отметить одну сторону абречества: некоторые абреки обращались к начальству с просьбой об их прощении. Командующий Сунженской линией генерал-майор Горихвостов в 1834 г. писал полковнику Пирятинскому об одном из них – Умаре Ибрагимове. В доказательство того, что Ибрагимов раскаялся в своих действиях и «никогда побега уже в Чечню не учинит, выкрал убитого разбойника Беэсленя Хамурзина сына Джамболата» и доставил его генерал-майору Горихвостову. На этом основании, он, препровождая бывшего абрека к Пирятинскому, просил простить его и «позволить ему поселиться по-прежнему в Малой Кабарде по примеру как многие из абреков в минувшем лете прощены»[18]. Однако подобные примеры не делали в абречестве погоды.

Основная масса абреков продолжала вести борьбу. 19 августа 1829 г., как донес Эмануэлю командир Горского казачьего полка капитан Дыдымов, партия из 12 абреков прошла через кордонную линию и, оказавшись «на полях станиц Государственной и Прохладной», истребила казачий пикет и «увлекла с собою в плен 5 душ... и 10 лошадей».

В рапорте Дыдымова Эмануэль усмотрел явную «оплошность кордонной цепи». В предписании Ушакову от 27 августа он обвинял и войскового старшину Копытина, который в течение 10 дней не доложил ему «о сожжении 17 числа Солиманова поста с находящимися там лошадьми и казачьим имуществом, что, вероятно, учинено сими же горцами». Эмануэль обвинял и кабардинцев, которые не приняли мер по захвату абреков. Обобщая действия абреков, он далее писал Ушакову: «Впрочем, я должен заметить, что во многих уже местах вверенного вам кордона случаются прорывы хищников...»[19].

Вскоре Ушаков был смещен с должности начальника войск в Кабарде и кордона.

Абречество в 40-х годах

В сороковых годах XIX в. абречество как форма проявления непокорности властям становится заметным явлением, что в значительной степени можно объяснить движением Шамиля и закубанских адыгов. 16 декабря 1840 г. сообщалось «о нападении партии из 100 человек хищников на кош малокабардинца Магомет Хажокова» (Хажикова). За отличие в отражении этого нападения были представлены к награде поручик Арсланбек и прапорщик Хатакшуко Абаевы. Активизация действий абреков вызывала усиление противодействия против них. Будущий начальник Центра Кавказской линии Голицын в 1840 г. предпринял экспедицию в Малую Кабарду. Как раз «в 1840 г. в его отряде служил М. Ю. Лермонтов, который участвовал в экспедиции в Малую Кабарду»[20]. Более чем вероятно, что экспедиция связана с нападением «партии из 100 человек».

В том же 1840 г. адъютант Пирятинского поручик Абаев доносил своему начальнику, что «закубанский абрек узден Генардуко Шогенов, почитаемый главным возмутителем народа из всех закубанских абреков... с пятью товарищами из абреков же, сюда прибывшие, скрываются и доселе внутри Кабарды». «Пристанодержательство», т. е. прием и оказание содействия абрекам, строго преследовалось властями. Несмотря на это, *пристанодержательство* было частым явлением в Кабарде. Генардуко и его брат Аслангирей Шогеновы остановились у своего родственника узденя Ислама Шегебахова (был женат на матери Аслангирея Шогенова). Последний угощал абреков в своем доме ночью. У братьев Шогеновых, как сказано в документе, была одна «вредная цель» – разъезжая по Кабарде, внушать «легковерному кабардинскому народу разные несбыточные слухи – уверяя их между тем, что будто бы закубанцы отняли у русских всех тамошних крепостей и что возмутитель Шамиль по превосходству силы своей действует также удачно». Поручик Абаев высказывал опасение, что эти абреки «легко могут произвесть поколебания в народе, а впоследствии даже и самый бунт».

В то же время адъютант Пирятинского докладывал: «К поимке мошенников Зековых, с теми абреками участвующих, я ныне не нахожу никаких средств»[21]. Зеков был пойман, но его простили вместе с Куныжевым и Хатуковым. Однако они не отреклись от своих взглядов. Генерал Голицын в 1843 г. докладывал Гурко, что они нашли приют у первостепенного узденя из Малой Кабарды Магомета Булатова, Кучука Хапцева, Аслан-Мурзы Ансокова и Абдуразака Тенова. Голицын указывал, что «Магомет Булатов был один из закостенелых врагов российского правительства и влиянием своим на прочих причинил чрезвычайно много вреда...» В своем отношении к подполковнику барону Вревскому от 3 июня 1843 г. Голицын благодарил его «за избавление Малой Кабарды от закостенелого злодея, каков был Магомет Булатов, известный неприязненными чувствами к российскому правительству, питаемыми и распространяемыми им посредством соотечественников...»[22].

Даже малочисленные группы абреков нередко наводили страх на военную администрацию. Приведем выдержку из секретного журнала по Центру Кавказской линии, составленного в 1842 г. В ответ на рапорт майора Анастасьева начальник Центра упрекал последнего: «...я должен заключить, что вы в подведомственном народе не имеете ни доверенности, ни необходимого влияния: для заарестования 3-х абреков... требуете две роты пехоты, двести казаков и орудие. С таким отрядом можно забрать всех жителей Малой Кабарды, если бы были и непокорны. Вы должны мошенников заарестовать непременно мерами благоразумия... Когда Ваше Высокоблагородие не можете управлять вверенным народом как следует, прошу донесть мне, я могу иметь на это место другого офицера»[23]. Начальник Центра Кавказской линии, похоже, не очень-то верил своим словам. В том же году он пред-

писал капитану Северьянову: «...отправить из командуемого вами укрепления двадцать человек пехоты при офицере и моим именем приказать начальнику поста казачьего присоединить к нему двадцать пять казаков на хороших лошадях для занятия на нынешнюю ночь мест по указанию подателя этого предписания поручика Абукова. Так как распоряжением этим имею в предмете поймать пятерых хищников, скрывающихся в ауле князя Атажукина, то вы обязываетесь произвести ваше движение без малейшего разглашения и только командира казачьего поста допустить прочитать мое предписание»[24].

Выше отмечалось, что наказание абреков носило жестокий характер, впрочем, весьма в то время распространенный в царской России. Сохранился экзекуционный лист («Экзекуториальный лист») одного наказания, относящийся к 1844 г. Приведем его.

«Экзекуториальный лист

Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что на основании предписания командира Литовского егерского полка господина полковника и кавалера Артамонова от 13 числа сего месяца за № 199-м определенное командиром Отдельного Кавказского корпуса вольноотпущенному кабардинцу Абдулу Темербекову за побег, поджог хлебных скирдов и воровство наказание, изложенное в отзыве господина начальника штаба того же корпуса к господину временнокомандующему войсками Кавказской линии и Черноморья от 24 минувшего августа за № 994-м, прогнанием шпицрутенами чрез пятьсот человек два раза сего числа в присудствии нашем выполнено.

Октября 14 дня 1844 года»[25].

Лист подписали: майор Кульчицкий, поручик Иванов, прапорщик Глоба, лекарь в чине титулярного советника и другие — всего семь человек.

Абрек Абдула Темирбеков, житель аула Атажуко Абукова, находившегося на Баксане, был осужден на 10 лет в арестантские роты и выслан «на Аланду»*. Аиса Темирбеков неоднократно пытался освободить сосланного брата, но его усилия ни к чему не привели. Власти считали Абдулу виновным. Уговорив крестьянина Бирсова, он (было ему тогда 23 года) совершил побег в Чечню, потом, уже находясь под арестом, он ранил кинжалом двух караульных — Прокофия Овчарика и Василия Маковца. При этом сам получил «удар штыком в грудь», и все трое оказались в лазарете. По состоянию на 24 августа 1846 г. Абдула Темирбеков не подавал «надежды к выздоровлению», а 14 октября был подвергнут экзекуции**.

Наибольший размах абречество принимает в период похода

---

*Имеются в виду Аландские острова у входа в Ботнический залив (современная Финляндия).

**Бирсов же был сослан в Бобруйские арестантские роты сроком на 5 лет.

Шамиля в Кабарду. Действия Шамиля вообще для кавказской военной администрации были непредсказуемы, и потому она находилась в обстановке постоянной повышенной боеготовности. Генерал-лейтенант Нейдгардт 28 января 1843 г. направил военным начальникам секретную инструкцию, в которой прослеживаются и мотивы предписания Гурко Голицыну. «Основываясь на сведениях, получаемых со всех сторон, — писал он, — с достоверностью можно предположить, что Шамиль намеревается с наступлением благоприятного времени предпринять решительные наступательные действия, но неизвестно, в какую именно сторону». В секретной инструкции, пересланной Гурко Голицыну 5 февраля, командир Отдельного Кавказского корпуса, исходя из ситуации, предписывал своим подчиненным: «Строго наблюдать за исполнением всех воинских предосторожностей, иметь попечительное наблюдение за своевременным обеспечением войск, находящихся на отдельных постах: снарядами, запасами и, где предстоит надобность, дровами. Сохранять в возможной исправности сообщения, несмотря на зимнее и весеннее время. При войсках, которые могут быть употреблены для движения, иметь все в готовности к выступлению по первой надобности. Каждому в кругу своего управления неусыпно следить за духом, намерениями племен, аулов и лиц, более значительных или имеющих влияние на народ»[26].

Абречество поддерживалось и поощрялось мусульманским духовенством. Голицын в 1843 г. свидетельствовал: «...духовенство подучает народ к подаче начальству просьб, удовлетворение коих бывает большею частью невозможно, и отказы толкует ко вреду нашему, уверяя народ, что лишь только покорятся Чечня и Дагестан, правительство обратит всех горцев в казаки и лишит их права земельной собственности, а легкомысленный народ дает полную веру этим коварным внушениям»[27]. Голицын, докладывая все это начальству, объяснял тем самым факт укрывательства абреков мирными кабардинцами. Потому они равнодушно взирали, если не сказать большего, «на прорывы хищников, нередко проходящих с добычей близ мирных аулов, без выстрела жителей». Шариат со своей стороны, как докладывал Голицын, внушал «покорным горцам убеждение, что противудействие с их стороны партиям неприязненных горцев, как единоверцев их, богопротивно и что муллы даже не хотят над убитыми в делах с хищниками исправлять обрядов по мусульманскому обычаю». В подтверждение своих слов Голицын сослался на случай «с убитым при преследовании партии чеченцев Хаджи Астемировым»[28].

Действия духовенства помимо религиозного противостояния можно объяснить и субъективными причинами, и в частности составом служителей мусульманской религии в Кабарде. Возьмем тот же 1843 год. Видимо, не случайно по предписанию командующего войсками в том году были собраны сведения об эфендиях и муллах, перешедших в Кабарду из Дагестана и всего Левого крыла Кавказской линии. В Кенже был эфендием некто Али, про-

живавший в ауле Айдемирова, а до того занимавший «должность эфендия во многих других аулах». Эфенди аула Куныжева перешел туда из аула Кенже. Он также «сперва был эфендием в нескольких аулах». Любопытно прошлое этого человека, он в молодости потерял правую руку, которую отрубил ему за воровство шамхал Тарковский. Не более привлекательна и биография эфендия аулов Кучмазукина и Лампежева. Эфенди по имени Магомет «по случаю смертоубийства, им совершенного за 25 лет тому назад... бежал от кумыков и был после того эфендием во многих аулах». Его брат Сеид, эфенди аула князя Казиева, прибыл в Кабарду тогда же. Эфенди аула Кармова Хаджи Курман уже восемь лет находился в Кабарде, а Аземет, служивший в ауле Лафишева эфендием, «был товарищем и другом Кази-Муллы и, возбудив неудовольствие в кумыкском народе, прибыл в Кабарду после уничтожения своего покровителя». Шуаиб-эфендий исправлял свои обязанности в ауле Батырбека Тамбиева. О нем сказано: «Как и все почти предыдущие, прибыл из Кумыкских владений. Он находится в Кабарде до устройства укреплений». Другими словами, Шуаиб был эфендием в Кабарде еще до 1822 г. Эфенди аула Бековича-Черкасского Шураги (Кураги, Курага) раньше служил в ауле Шарданова и «пользовался в Большой Кабарде всеобщим уважением». В ауле Мисоста Атажукина был эфендием Магомет, ранее находившийся у Умара Шеретлокова и Якуба Шарданова. Эфенди аула Ахлова Балхост отличался как «человек безвредный в политическом отношении». Он был единственным из всех служителей культа, который не противоречил властям, но и о нем сказано: «несколько потворствует ворам». В аулах Коголкина, Хостова и Шанибова также эфендиями были выходцы из тех же мест: Холиза, Ираз, Сеид[29].

Многие из вышеперечисленных были женаты на кабардинках. Составом служителей мусульманского духовенства во многом обусловлена их деятельность по освящению борьбы с неверными в Кабарде и потворство в этих целях абречеству и абрекам.

Вопреки предпринимаемым строгим мерам власти постоянно получали тревожные сигналы с мест. Начальник Константиновского летучего (наблюдательного) отряда генерального штаба подполковник барон Вревский 11 марта 1843 г. сообщал Голицыну о своем затруднительном положении, в котором он оказался в связи с убийством Хаджи Астемирова и пристава Малой Кабарды штабс-капитана Ильина и просил его срочно прислать подкрепление[30].

О походе Шамиля в Кабарду русские власти узнали от кабардинцев. Со слов прапорщика Мусы Кугужева (Кохужев. – *С. Б.*) полковник Левкович 29 апреля 1846 г. докладывал Голицыну, что «он первый дал знать в Урухскую станицу, что Шамиль идет со своими силами в Большую Кабарду...»[31]. При первом же известии о приходе Шамиля в Кабарду на его сторону перешел известный наездник в Кабарде Магомет-Мирза Анзоров, один из приближенных Голицына. Переход к Шамилю им готовился исподволь. Еще до этого действия Магомет-Мирзы обращали на себя внимание

начальства. Под грифом «весьма секретно» генерал-лейтенант Гурко 4 января 1843 г. писал Голицыну: «До меня дошли слухи, что какой-то кабардинский князь* ездил для совещания к Шамилю... что кабардинцы занимаются и приготовляются к чему-то и что агенты Шамиля очень часто приезжают в Кабарду...» Голицын докладывал своему начальнику, что по имеющейся у него информации аул Магомет-Мирзы Анзорова, одного из членов Кабардинского временного суда, «приготовляется к измене Российскому правительству и собирается перейти к непокорным горцам».

Относительно же самого Магомет-Мирзы Анзорова Голицын выражал уверенность в его преданности, отмечая при этом его значительное материальное состояние и благородство образа мыслей и тесные связи с Шеретлоковым. Голицын считал последнего надежным, потому что он «ничего не выиграет и все потерять может от смут народных»[32]. Генерал-лейтенант Гурко оказался проницательнее Голицына в оценке Магомет-Мирзы Анзорова. Свое предписание от 4 января 1843 г. он заканчивал так: «...я нахожу, что весьма не лишне будет, если Вы чрез людей, испытанных в преданности, в состоянии будете устроить тайный, но бдительный надзор за его поведением»[33].

Тем не менее Голицын немного времени спустя, весьма лестно отозвавшись об Анзорове, включил его в состав депутации к императору, отправлявшейся к нему в 1844 г. Современник свидетельствует: «В гостеприимном, радушном и чрезвычайно приветливом семействе князя Голицына Анзоров был обласкан и принят как друг дома. Красивый, ловкий, умный, этот молодой человек с первой встречи производил самое приятное впечатление. Такое положение его при главном начальнике в Кабарде давало ему возможность знать о всех распоряжениях правительства и местных властей, и, будучи по своему роду одним из самых влиятельных лиц в Кабарде, он мог следить за успехами пропаганды Шамиля и настроением умов в народе. В роковой день, 18 апреля 1846 г., он вечером играл в карты с князем Голицыным с видом полного спокойствия, как кто-то его вызвал. Он бросил своих партнеров и не возвращался. Впоследствии узнали, что ему была подведена лошадь, он ускакал прямо к Шамилю, о котором через несколько минут доложили князю Голицыну»[34].

Перед тем, как получить отставку, 15 июля 1846 г. Голицын**

---

*По-видимому, имеется в виду уздень Магомет-Мирза Анзоров, Гурко 7 февраля 1843 г. в предписании Голицыну указывал на находившегося у Шуаиб-муллы «значительного князя Магомет-Мурзы Анзорова» с объявлением, что кабардинцы готовы восстать против русских и просили его «принять начальство над ними» (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 231, л. 63).

**Голицын был смещен с должности в связи с походом Шамиля в Кабарду и переходом на его сторону некоторой части кабардинцев, в том числе и тлекотлеша Магомет-Мирзы Анзорова, который по его рекомендации попал в состав депутации, отправленной в Санкт-Петербург в 1844 г. Гарданов ошибочно считал, что причиной отставки Голицына была его самостоятельная позиция по частным вопросам, которая противоречила требованиям Завадовского и Филипсона (Материалы по обычному праву... С. 375, 394).

получает предписание генерала Завадовского, в соответствии с которым тринадцать самых главных сторонников Шамиля в Кабарде были объявлены абреками, а их крестьяне – свободными по прокламации Ермолова. Список главных абреков позднее пополнился и составил 18 человек: подпоручик Магомет-Мирза Анзоров, прапорщик Магомет Кожоков, Магомет Темтиров, Магомет Куденетов, мулла Березгов, Джанхот Тохов, Бароко Кудабердоков, Закирей Кудаев, Ахмед Адегеунов, Индрис Настажев (Постожев?), Умар Женоков, Ильяс Тлеругов, Жамбот Албаров, Барак Сохов, Магомет Сасиков, Таусултан Куденетов, Исмаил Шогенов и Эльжеруко Кушхатлоков[35]. Первые пять человек по списку считались главными виновниками. Подпоручик Магомет-Мирза Анзоров был признан «как один из главных пяти виновников беспорядков и ясный соучастник неприятеля, подписавший призвание Шамиля в Кабарду»[36].

По сведениям начальника 15-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Гасфорта, во всех беспорядках, согласно народной молве, виноваты были более всего уздени: Али Боздоко (Эльбездуко) Булатов, Али-Мурза Хапцев, мулла Бей-Султан, который вел переписку с Шамилем. К ним молва причисляла и штабс-капитана Астемирова, «принявший будто бы от Шамиля титул наиба»[37]. Вскоре абрек Магомет-Мирза Анзоров переправился через Терек «с 30 человеками в Большую Кабарду ночью против 26 числа (апреля. – *С. Б.*) между Котляревской и Пришибем...» Он намеревался, «как говорят, собственно повидаться с матерью своею и приказать своим подвластным все продавать». Стремясь привлечь на свою сторону как можно больше кабардинцев, Магомет-Мирза при этом распространил слух, что «опять Шамиль придет в Кабарду» в сентябре[38].

Об отношении большей части кабардинцев к Шамилю в дни его похода в Кабарду говорит рапорт Голицына главнокомандующему корпусом от 29 апреля 1846 г.: «Масса народа не принимала ни малейшего участия во временном возмущении двух княжеских фамилий Бекмурзиных и Кайтукиных; вся сторона, подвергшаяся нашествию Шамиля, населилась опять в 1 день... список виновных составлен, из фамилии Анзоровых нет ни одного достойного милосердия; офицеры, получающие жалованье из двух вышеозначенных фамилий, за редким исключением, показали себя робкими и все почти были у возмутителя» (Шамиля. – *С. Б.*).

Рапорт Голицына дает небезынтересное представление о его распоряжениях и военных приготовлениях при первом же известии о появлении Шамиля в Кабарде. Он указывал: «Из пяти сотен Волгского Казачьего полка при двух орудиях, призванных мною в Нальчик при появлении Шамиля, оставлено в Нальчике до пятидесяти человек, полковник Беклемишев с остальными обращен к своему месту». После отступления Шамиля в Кабарде дислоцировались: «а) 5 батальон Ставропольского Егерьского полка, из него три роты в Нальчике, четвертая пополам в укреплениях Черекском и Баксанском, в) 4 батальон Кубанского Егерьского пол-

ка, налегке прибывший из Кисловодского кордона, куда он был назначен для занятия передовой линии в конце мая месяца, с) две роты Кавказского линейного № 6 батальона, д) Нальчикская инвалидная команда. Кавалерии четыре сотни Донского Казачьего № 11 полка, из которых лейтенантом Фрейтагом уведено в преследование Шамиля до ста пик»[39].

Шамиль покинул Кабарду 26 апреля 1846 г. Это видно из рапорта пристава Малой Кабарды штабс-капитана Дикова Голицыну: «Партия бунтовщиков Шамиля возвратилась из Большой Кабарды чрез Малую 26 числа сего месяца и при проходе через оную Шамиль требовал от малокабардинцев скота... но жители такового не дали по случаю тому, что Шамиль не мог делать притязаний, ибо в недальнем расстоянии шел отряд под командою полковника Миллера-Закомейского: и кабардинцы, присоединившись к нашему отряду, преследовали до Ачелука...»[40].

Военные власти в Кабарде принимали срочные меры по ликвидации последствий похода Шамиля и предупреждению возможных выступлений кабардинцев на его стороне. По предписанию временно командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерал-адъютанта Завадовского, новый начальник Центра Кавказской линии Хлюпин приступил к отбору кабардинцев в «Чеченский отряд». 13 июля он докладывал, что в отряд отправлены 6 офицеров и 104 всадника. В том числе: подпоручик Хамурзин, корнет Джамботов и прапорщик Казиев отправились «загладить вину свою в малодушии при нашествии Шамиля в Кабарду»[41]. Кроме того, Кабардинский временный суд 10 сентября 1846 г. доносил Хлюпину о своих действиях. В соответствии с его постановлением за пристанодержательство абреков виновные на первый раз подвергались штрафу 150 рублей серебром, а во второй раз должны были предстать уже перед военным судом. Суд принял это постановление под нажимом Хлюпина, тем не менее он выразил ему свое «душевное удовольствие» в связи с этим актом. Однако Хлюпин не забыл напомнить: «Не скрою, что вообще поведение кабардинцев, я не скажу всех, – да избавит меня Бог от этой горькой прискорбной мысли! – но многих, делаясь скрытным, неискренним, внушают Русскому начальству сильные подозрения».

Большая Кабарда была разделена на два участка. От станицы Александровской до Нальчика были ответственны Бекмурзина и Кайтукина фамилии, а от Нальчика до Известного брода – Атажукина и Мисостова фамилии. Временно командующий войсками Завадовский изволил «избрать одного князя из фамилии Бекмурзиной и Кайтукиной и одного из фамилий Атажукиной и Мисостовой, не из судей». Они – подполковник Атажукин и Бекмурза Тлостаналиев – были обязаны, каждый на своем участке, осуществлять полицейский надзор «для отвращения могущего случиться в Кабарде происшествия». Что касается населенных пунктов, то с их жителей брали подписку о том, что они не примут абреков, чтобы не подвергнуть себя «ответственности по всей строгости законов». Например, жители аулов поручика Анзорова, кор-

нета Хатакшуки и узденя Асламурзы Анзоровых дали соответствующую подписку. Среди подписавшихся: Сеит Шагиров, Асламирза Умов, Балюца Керефов, Исмаил Зарамышев, Умар Шогенов, Хажимет Меремуков, Магомет Даов и Карох Табухов. Кроме того, непосредственно в Нальчик вызывались жители Кабарды и давали аналогичные обязательства. В их числе: Жилягашта Тешов, Мамсир Алкашев, Исхак Архестов, Нюс (Жнюс) Жинжаков, мулла Мустафа Кумыков, Куденет Хамгоков[42]. В Кабардинский временный суд были вызваны и жители аула Магомет-Мирзы Анзорова. Они заверили Хлюпина в том, что «не будут иметь никаких сношений с абреками и чеченцами»[43].

Несмотря на строгие меры, принятые властями против абреков, они находили себе немало сочувствующих, тайных или явных сторонников. Начальник Центра Кавказской линии Хлюпин обращал внимание Кабардинского временного суда, что «некоторые из кабардинцев имеют связи с абреками, делают им убежище, не доносят об них, укрывают хищнические партии, даже находятся в переписке с Шамилем и его наибами».

Выполняя предписание Завадовского, Хлюпин к 20 января 1847 г. создал следственную комиссию для открытия и расследования *пристанодержательства* абреков в Кабарде. Председателем комиссии был назначен полковник Алехин. В нее вошли: капитан Хлюпин, майор Докшуко Касаев, корнет Джамбот Докшукин, аудитор Хрусталев и секретарь Кабардинского временного суда поручик Анзоров. Начальник Центра предписывал суду «исполнять все требования этой комиссии и содействовать к успешному окончанию возложенного на нея дела». Членам комиссии было предложено собраться на первое заседание 28 января 1847 г.[44]

В *пристанодержательстве* абреков обвинялись Карашай Шегибахов (скрывал абреков Шу Шуашхова и Умара Секрекова), Касай Тлостанов, Исмаил Фицов и Муко Бжеников (аул Кучука Джанхотова) – скрывали абреков Эдика Масеева, Трама и Солемана Гучапшевых; Эльмурза Кудабердоков прятал у себя абрека из Малой Кабарды Уважуко Хашакова. Кудабердоков подарил Хашакову четыре лошади, дал продовольствие и после двухсуточного нахождения абрека в его доме проводил гостя за Терек. Но не только этим примечателен Эльмурза Кудабердоков. Он был связным. Так, через него Хашаков «получил от мачехи Магомет-Мирзы Анзорова, Анзоровой, письмо к Магомет-Мирзе*»[45].

Лазутчики генерала Нестерова уверяли начальство в том, что князь Пшемахо Джамботов, уздень Эльжеруко Анзоров и Хаджи Коголкин повинны «в волнении народа кабардинского, нарушении порядка и сношении с Шамилем». Не избежал подозрения и под-

---

*Уважуко Хашаков (Хашакоев) в 1859 г. был пойман царскими властями и вместе с другим абреком – Каспотом Гукепшоковым сослан в Бобруйские арестантские роты на 15 лет с последующим отправлением в Сибирь. Они обвинялись в том, что в числе 20 абреков в 1857 г. напали на табун, принадлежавший Куркужинскому посту.

поручик князь Атажуко Атажукин. В 1848 г. были объявлены абреками Хажимет Афаунов (аул Абезываново), Магомет-Мурза Башигов (аул Женоково) и Джамбот Эркенов (аул Докшукина)[46].

В октябре 1846 г. главные сторонники Шамиля в Кабарде потерпели поражение. Начальник Центра Кавказской линии начал свой рапорт к Воронцову от 24 октября в следующих словах: «Спешу почтительнейше донести Вашему Сиятельству о счастливом и удачном истреблении партии абреков в пределах Большой Кабарды». Партия абреков и чеченцев, всего 21 человек, переправилась через Терек между Моздоком и ст. Павлодольской. Скрываясь несколько дней на линии, абреки вблизи ст. Государственной переправились через Малку. Кордонная стража их заметила. Команда казаков вступила с ними в схватку при переправе через реку, во время которой были убиты хорунжий Кудрявцев и урядник Реутов. Абреки сумели скрыться, но вскоре их обнаружили с помощью местных жителей «вверх по реке Урвани».

Когда Хлюпин получил известие о случившемся, из Нальчика на поиски абреков он направил команду казаков и под начальством «опытного и расторопного офицера ротмистра Давыдовского и роту пехоты Тенгинского пехотного полка при двух горных орудиях под командою капитана Хлюпина, с Урванского поста и Черекского укрепления конных казаков». Чтобы уйти от преследования, абреки разделились на две группы. 22 марта Давыдовский напал на след одной из них, который и привел его к аулу Аслан-Мирзы Анзорова, где абреки «успели скрыться и заперлись в одной сакле». Окруженным предложили сдаться. В случае неповиновения жители аула должны были их взять и выдать властям. Жители аула не решились взять абреков, поскольку некоторые из них принадлежали «к лучшим фамилиям», а те «отказались положить оружие и сдаться». В обстановке, когда ротмистр Давыдовский, «не полагаясь слишком на кабардинцев... не приступал к решительным мерам», абреки решили «умереть с отчаянием» или «оружием проложить себе путь».

Абрекам не удалось вырваться из окружения и почти все главные из них погибли: Магомет Куденетов, «призывавший Шамиля в Кабарду», Адегеунов (вероятно, Ахмед Адегеунов), Таусултан Куденетов, Зекренов, Сасыков и др. Хлюпин поручил кабардинцам самим разыскать остальных абреков, предупредив, что он не простит, «если они упустят их». Далее он отмечал тот необыкновенный факт, что многие кабардинцы приняли «в этом деле столько участья, сколько никогда в подобных случаях не обнаруживали они прежде, считая преступлением и тяжким грехом посягать на свободу и жизнь собратий, родных своих...»[47].

Оценивая ту же удачно проведенную операцию против сильной партии абреков, Хлюпин 26 октября 1846 г. рапортовал начальнику Главного штаба генерал-майору Коцебу: «...с времени еще учреждения в Кабарде русского правления не было подобного удачного случая и кабардинцы никогда не принимали так много и в такой степени усердно участие в содействии к уничто-

жению абреков, считая преступлением и тяжким грехом посягать на свободу и жизнь собратий, родных своих, которые как гости ищут покровительства, и они обязаны не только не выдавать их, но и защищать, в особенности в настоящем случае, когда между этими абреками были значительных фамилий с связями и родствами в Кабарде...» Хлюпин верно подметил отдельные стороны адыгского (дворянского) этикета, особенно важнейшей его статьи – гостеприимства, что обязывало кабардинцев не выдавать своих гостей – не из-за политической ориентации, а руководствуясь кодексом народной чести.

Вместе с тем он не разгадал подлинную причину столь понравившегося ему активного участия кабардинцев в поимке абреков, среди которых он указывал князя прапорщика Бекмурзу Докшукина, первостепенного узденя Мудара Тамбиева и бесленуорка Абдрахмана Куныжева. Бекмурза Докшукин, например, находился под следствием военного суда, и ему грозил суровый приговор за убийство князя подпоручика Хатокшуко Наурузова.

Перечень претензий властей к нему этим не ограничивался. Еще в 1831 г. ему, сыну тогдашнего председателя Кабардинского временного суда Магомета Докшукина, власти отказали в прощении «по тому, что он сверх учиненного им побега бывшего за Кубанью из ополчения в Чечню, приезжал оттуда в Кабарду на воровство и угнал у князя Асланбека Батокина конный табун». Кроме всего прочего, Бекмурза, по словам узденя его отца, Хабата Козготова, «был предводителем хищнической партии и при отгоне близ укрепления Дурдурского казачьего табуна». Тем не менее начальство оставило тогда ему надежду «на прощение, если исправится в поведении, обратится с раскаянием к правительству и окажет оному в знак приверженности свои услуги, превышающие его злодеяния»[48].

Такой шанс открывается теперь Бекмурзе, и, чтобы избежать справедливого приговора военного суда, ему необходимо было отличиться в сражениях с противниками русской военной администрации. К тому же у Докшукина могли быть личные счеты с кем-нибудь из абреков. В рапортах Хлюпина Воронцову и Коцебу возможны некоторые вполне объяснимые преувеличения. По ходатайству Хлюпина были награждены ротмистр Давыдовский, казаки Парфён Силкин, Дмитрий Фролов и Клим Денисов. И Хлюпин, разумеется, не был при этом обделен. Ему вскоре присвоили звание генерал-майора. Правда, не пришлось Хлюпину долго носить генеральский мундир: через несколько месяцев он умер от холеры.

О судьбе главного абрека, ставшего наибом Шамиля, – Магомет-Мирзы Анзорова – мало сведений. Из предписания штабс-ротмистру Тлостаналиеву от 7 апреля 1856 г.: «Семейство убитого абрека Магомет-Мирзы Анзорова, находившееся в Чечне, выселено в Кабарду и ныне находится в ауле Анзорова. Вследствие этого предлагаю... немедленно привести к присяге на верноподданство государю императору всех членов этого семейства...»[49].

Тлостаналиев доложил Грамотину об исполнении предписания 30 мая 1856 г.: «Вследствие предписания Вашего Превосходительства от 7 апреля № 537 я семейство убитого абрека Магомет-Мурзы Анзорова привел к присяге на верноподданство государю императору, которым составил список на обороте сего и присяжный лист, по которому приведены члены, за подписью муллы, господина генерал-майора Хату Анзорова, и моей при сем, к Вашему Превосходительству почтительнейше представить честь имею». К присяге были приведены: сын Магомет-Мирзы Анзорова Докшуко и крестьяне Темрюко Мошуков и Гуч Хашетлов[50]. Как видно, Магомет-Мирза Анзоров убит ранее 7 апреля 1856 г., вероятнее всего, в том же году, а один из пяти главных абреков – мулла Березгов – возвратился из Чечни, и власти простили его[51].

Кабарда, за незначительным исключением, не принимала участия в движении Шамиля. Когда Шамиль, все же надеясь привлечь Кабарду на свою сторону, вошел в ее пределы, кабардинцы в большинстве вместо ожидавшейся ощутимой поддержки оказали ему сопротивление. Кавказская казенная палата 30 апреля 1847 г. извещала начальника Центра Кавказской линии об указаниях наместника на Кавказе графа М. С. Воронцова от 13 ноября 1846 г. Он сообщал, что «государь император в воздаяние отличия, оказанного при вторжении Шамиля в Кабарду в апреле месяце 1846 года, высочайше повелеть соизволил» поощрить отличившихся воинских чинов. Первым среди награжденных значится полковник Мисост Атажукин, который в дополнение к своему жалованию (250 рублей серебром) стал получать еще 10 рублей серебром в год. В числе награжденных упоминаются также: Аслан-Бек Клишбиев, Темрюко Кучмазукин, Хатакшуко Шамурзов, «уруспиевский житель» Шампало Урусбиев, штабс-ротмистр Казильбек Кармов, поручики Ислам Тутуков и Ибрагим Кунашев, подпоручик Мет Куденетов, прапорщик Шужей Жентемиров. Кроме них, награждены денежными пособиями уздени: Тохшина Гетежев, Пшимахо Эльтаров, Хасламат Шайбаров, Ибрагим Майремуков, малокабардинец подпоручик Шопал Бамбатов и «простые» – Исак Каев, Тау-Султан Джантемиров, Хадхимет Шарбалов и др.[52]

Особо отмечены заслуги узденя Дударуко Тлостанова. Штаб Отдельного Кавказского корпуса 18 сентября 1846 г. сообщил исполняющему должность начальника Центра Кавказской линии: «Господин Главнокомандующий вследствие ходатайства Вашего Высокоблагородия от 26 августа... позволил назначить кабардинскому узденю Дударуко Тлостанову в единовременное награждение сто рублей серебром за оказанные им услуги нашему правительству и убытки, понесенные им при вторжении скопищ Шамиля в Кабарду»[53].

Абречество в 50-х годах

После смерти Хлюпина исполняющим должность начальника Центра Кавказской линии становится князь Эристов. Продолжая политику энергичного своего предшественника, он 18 ноября 1848 г. предписал суду, как выше отмечено, объявить абреками бежавших из Кабарды к «непокорным»: Хажимета Афаунова (аул Абезыванова), Магомет-Мурзу Башигова (аул Женокова) и Джамбота Эркенова (аул Докшукина). Они были объявлены «абреками, лишенными всех прав состояния», а жителей Большой Кабарды предупредили, что, «если кто будет принимать их у себя и скрывать, с того будет взыскано по всей строгости законов»[54]. Предписания подобного рода не оставались мертвой буквой.

В *пристанодержательстве* абреков обвинялись многие. В 1851 г. абреки Едик Масеев и Каншао Пшажев в доме Байрам Али Мальбахова взяли Сары-Мурзу Культиева из аула Бековича-Черкасского. По распоряжению генерал-майора Эристова Мальбахов Культиева «из Чечни выкупил». На выяснение всего, что было связано с «кражей» Сары-Мурзы, его брат узден Татархан Культиев израсходовал 112 рублей серебром, в том числе «заплатил докащику, открывшему виновного, 50 руб. (серебром)». Поэтому Культиев просил Эристова «приказать Мальбахову, как виновному в предержательстве абреков, заплатить означенные деньги». Однако с Мальбахова деньги не стали взыскивать, а Культиеву вернули исковую сумму «из штрафной малокабардинской суммы»[55].

Преемник Эристова генерал-майор Грамотин в 1852 г. через суд взыскал 87 рублей серебром с жителей аула Клишбиева «за предержательство абреков, взявших в плен поселянок Дудкину, Артемьеву и изрубивших унтер-офицера и рядового Кубанского егерского полка»[56]. В том же 1852 г. было заведено дело, в котором фигурировал бывший «в абреках Бата Коцев (он же и Хахов)»[57].

Беслен-уорк из аула Кучука Анзорова Инал Кудабердоков в 1847 г. бежал в Чечню. Прожив там более года, он решил «помириться с русскими» и заодно переселить из Чечни в аул Абаева семейство убитого царскими солдатами его родного брата. По пути в Кабарду он, не доезжая до аула, был взят и отдан под суд. Военный суд в составе подполковника Монаенко (презус), штабс-капитанов Мерис, Чарнецкого, Левисона (асессоры) и других принял сентенцию «наказать смертью» подсудимого Инала Кудабердокова. Приговор суда подлежал конфирмации высшего начальства. В этот момент прапорщик Хажи Атажуко Абаев поручился, что Кудабердоков «никогда не сделает преступления». Слово офицера сыграло свою роль, и неженатый 27-летний Кудабердоков был спасен. Эристов, учитывая, что в преступлении Кудабердокова не было «особого ожесточения», ходатайствовал заменить смертную казнь 15-летней ссылкой в отдаленные арестант-

ские роты. В 1849 г. Кудабердоков выслан в арестантские роты «на Аланде»[58]. Примеров, подобных приведенным, много.

В 40-х годах Шамиль активизировал свою проповедь шариата среди закубанских адыгов. После проповедников Гаджи-Магомеда (1842–1844) и перешедшего в 1846 г. к русским Салимана Эфенди Шамиль в 1849 г. направляет туда шейха Магомет-Амина. Имам Чечни и Дагестана, возлагая на бывшего «дагестанского пастуха» (Н. Дубровин) большие надежды, объявил его своим наибом. Кабардинцы были втянуты в борьбу наиба Магомет-Амина: одни – его сторонниками, а другие – противниками. Об одном из близких к Магомет-Амину кабардинцев вскользь упоминается в переписке 1856 г. Уздень Муса Отпаноков писал генерал-майору Грамотину 6 июня 1856 г.: «Месяца три назад ездил я с вольноотпущенником Магометом Кушевым в Абазехи к князю Асланбеку Аджигирееву в гости по билету Вашего Превосходительства. По прибытии туда Кушев (брат коего находился адъютантом у Магомет-Амина) сказал этому Амину, что будто бы я приехал в Абазехи лазутчиком, почему Амин приказал заарестовать меня, посадил в устроенную там гаубтвахту, где выдержал трое суток, и отобрать у меня все оружие, лошадь с 240 руб. серебром, но Аджигиреев и старики выпросили меня, и я отпущен...»[59].

По воле Грамотина, кабардинского узденя Магомета Кушева* Кабардинский временный суд распорядился объявить абреком, а имущество его – казенным. Но самое главное состояло в том, что он был обвинен в нарушении одной из важнейших статей адыгского этикета – навел напраслину на невиновного Отпанокова. Кушев просил как об особой милости у начальства разобраться с Отпаноковым по каким ему угодно законам. Прибегнув к покровительству князей Бекмурзы Казиева и Атажуко Атажукина, Кушев сумел снять с себя подозрение в связях с абреками, но большего добиться ему не удалось. Грамотин дал знать Кушеву, что его следовало подвергнуть наказанию «за долговременную отлучку», но что этого сделано не будет, если он немедленно удовлетворит требования Отпанокова, который добивался возмещения понесенных им убытков, когда оказался якобы по вине Кушева у Магомет-Амина.

Говоря о сторонниках Магомет-Амина в Кабарде, не следует забывать и о его противниках. 15 июня 1851 г. Эристов предложил Кабардинскому временному суду объявить «полную» благодарность наместника Воронцова «поручикам Асламбеку Клешпиеву, Ибрагиму Поунежеву, узденям Бекмурзе Шерухову, Заурбеку Мудранову, Абдрахману Куныжеву, Исмаилу Алтодукову и Елжеруко Даутокову». Состоя в кабардинской милиции, они проявили «усердие и храбрость» во время сражения отряда Эристова 14 мая 1851 г. против «скопища» Магомет-Амина. После док-

---

*Один и тот же человек в документах часто именуется представителем различных сословий.

лада Эристова М. С. Воронцову об успешном исходе столкновения с противником, последний «поручить изволил от имени его сиятельства изъявить полную благодарность» упомянутым милиционерам[60].

В начале 50-х годов последовала новая установка по ужесточению борьбы против абреков. 13 августа 1850 г. генерал-майор Эристов предписал суду: «Вследствие моего распоряжения по всей Кабарде назначены охотники против абреков и злонамеренных людей. Обязанность их будет состоять в преследовании и истреблении всякого злоумышленного человека. Поэтому денно и ночно они обязаны ходить по всем лесам, балкам и скрытным местам по всей Кабарде и открывать места, где могут скрываться абреки! Об этих обстоятельствах поставляя суд, предписываю объявить во всех аулах Кабарды, чтобы на будущее время из числа жителей в ночное время никто не оставался в лесах и скрытных местах для того, чтобы охотники, не зная его лично, кто он такой, – не могли бы принять его за абрека. По сделании распоряжения в самом поспешнейшем времени сим донести». О действии этого распоряжения можно судить по сообщению майора Занаревского Кабардинскому временному суду от 16 октября 1851 г.: «...ныне г. генерал-майор князь Эристов изволил заметить, что распоряжение это не исполняется, ибо 22 числа минувшего сентября кабардинец аула Атласкирова Цук Шебзухов, с заводной лошадью неизвестно куда следуя ночью, наехал на секрет, расположенный на большой дороге против денного пикета в окрестности Нальчика. По оклику секретных он вместо отзыва выстрелил из пистолета и потом сам был убит». По убийству Шебзухова не было возбуждено дело. Эристов лишь «изволил приказать подтвердить распоряжение, чтобы никто из кабардинцев не ездил ночью»[61].

Преемник Эристова генерал-майор Грамотин, усилив жестокость своего предшественника по борьбе с абреками, установил в Кабарде, по существу, казарменный режим для кабардинцев. Он разработал особые правила и 15 октября 1852 г. предписал суду: «Ежели кто-нибудь из жителей даст приют абреку в своем доме или снабдит его пищею, то владельцы и старшины аульные немедленно должны об этом донести экзекутору или офицеру, занимающемуся письменною у него частию... Если же владельцы и старшины не исполнят этого и впоследствии обнаружится, что виновник скрыт с умыслом, то с них взыскивается штраф по сто рублей серебром в общественную кабардинскую сумму и сверх того старшины выдерживаются один месяц на гауптвахте под строгим арестом... 2) Ежели случится преследование абреков и старшины аулов, соседних с местом происшествия, откажутся от преследования, для чего всегда следует иметь в каждом ауле с пяти дворов по одному конновооруженному всаднику во всей готовности, то штрафуются как владельцы и старшины, так и те, которым должно было преследовать, по пятидесяти рублей серебром с каждого... 3) Ежели же какой аул вовсе уклонится от пресле-

дования партии абреков, то каждый двор аула без различия подвергается штрафованию в 25 рублей серебром, а старшины сверх того будут выдержаны на гауптвахте две недели... 5) Давший приют или пищу абреку, впоследствии времени совершившему убийство, к какому бы роду или племени ни принадлежал убитый, тотчас по обнаружении в преступлении предается суду по уголовным российским законам»[62].

В 1857 г. упраздняется Центр Кавказской линии. Вместо генерал-майора Грамотина, которому подчинялась Кабарда, новым ее начальником становится генерал-майор Орбелиани. Приступив к исполнению своих обязанностей, Орбелиани в предписании суду от 30 ноября 1857 г. указал: «...я нахожу за полезнейшее, чтобы Кабардинский суд в действиях своих отнюдь от прокламаций генерала Ермолова не уклонялся...»[63]. Как видно, Орбелиани в вопросах управления Кабардой всецело вернулся к прокламациям Ермолова, которые, так или иначе, никогда не забывались и раньше. Что касается борьбы против абреков, Орбелиани верен духу и букве своих предшественников. В обращении к кабардинским князьям, тлекотлешам, горским таубиям, бадилятам и кабардинскому народу Орбелиани 30 декабря 1857 г. укажет: «Частое появление хищников ясно говорит, что злодеи эти имеют в народе друзей, дающих им пищу и убежище. Эти-то люди есть первое зло в Кабарде, – они гораздо виновнее самих абреков, потому что сии последние, не находя помощи в Кабарде, легко могли бы быть пойманы, и через то появление их значительно бы уменьшилось». Какими бы строгими ни были меры пресечения абречества, народ никогда не отказывался от их поддержки, а начальство не переставало изощряться в угрозах. И в этот раз Орбелиани угрожающе предостерегал: «Берегитесь быть виновными в укрывательстве абреков! Не имейте никаких сношений с ними! Ибо тот, кто окажется в деле этом виновным, к какому бы классу народа он не принадлежал, подвергнется суждению по полевым военным законам»[64].

Борьба властей против абреков и к концу 50-х годов XIX в. нисколько не ослабевала. Она даже усилилась в последний период войны с Шамилем. Одного подозрения часто оказывалось достаточно, чтобы отправить, по существу, невиновного человека в арестантские роты на десятки лет. Об одном из них прошение столетнего старика жителя аула Анзорова Али Канлова. «...Я приемлю смелость, – сказано в его прошении к Орбелиани от 12 июня 1859 г., – убедительнейше просить ходатайства Вашего Сиятельства о возвращении сына моего Хажибатыра, напрасно сосланного в Кронштадтские арестантские роты, и тем Ваше Сиятельство тогда 102-летнему старику предоставите вечно о благоденствии Вашего приносить Всевышнему теплые мольбы. При этом долгом считаю доложить Вашему Сиятельству, что напредь сего, так и до селе о хорошей жизни моей с детьми могут жители все подтвердить даже из под присяги»[65].

Старик просил освободить своего сына, отбывавшего 20-лет-

ний срок по обвинению в абречестве. Между тем Хажибатыр, по словам Али Канлова (Канлоов, Канлоев), не был виноват в предъявленном ему обвинении. Случилось так, что братья Хажибатыр, Кулам и их отец Али в 1857 г. в поисках вольности совершили побег в Чечню от узденя Гупишева. В следующем году Хажибатыру захотелось повидаться с оставшимися в Кабарде членами его семейства, и он вместе с проживавшим в Чечне другим «беглым», Гуком Танашевым, решил побывать на родине. По пути следования они возле аула Воронова вместе с случайно там оказавшимися абреками были схвачены, и без особого разбирательства их сначала посадили «на гаубтвахту в г. Моздоке, а оттуда отправили в Кронштадт». Судя по надписи на прошении, начальство намеревалось рассмотреть жалобу престарелого кабардинца, но, по-видимому, она, как и многие другие, осталась без удовлетворения.

С момента учреждения Кабардинского временого суда его председателем неизменно назначался кабардинец. С приходом к власти Орбелиани судебный орган стал называться Кабардинским окружным народным судом, а его председателем по совместительству стал сам начальник округа. В этой реформе не последнюю роль сыграла неудовлетворенность начальства действиями прежнего суда по борьбе с абречеством в Кабарде. Отстранение кабардинца от должности председателя суда, которую он постоянно занимал с момента его учреждения, и замена его русским военным начальством означали усиление колониального режима в Кабарде.

Непримиримая борьба против абреков продолжалась, можно сказать, до конца XIX в. Пример: в 1884 г. старшина с. Жанхотова Али Мизов и его односельчане Аслангирей Бекалдиев, Махмуд Кушхов, Альбахсит и Тембулат Кушханашховы были допрошены по поводу убийства в доме Якуба Тлостанова абрека Кайсына Перхичева. Этот абрек преследовался на основании распоряжения, инструкций начальства и в соответствии с народным приговором Большой и Малой Кабарды и горских обществ «относительно преследования, задержания и выдачи вообще всех абреков»[66].

КАБАРДИНЦЫ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

Феодальный период истории Российской империи богат успешными войнами, однако, Крымская (Восточная) война (1853–1856) оказалась крайне неудачной. Сокрушительное поражение в ней потерпел крепостнический режим, от которого он так и не оправился. Вместе с тем в ряде сражений россияне блеснули героизмом. При обороне Севастополя была одержана победа тактического характера, но все же главный успех был достигнут на Кавказском театре войны.

Крымская война началась 4(16) октября 1853 г. В этот день Турция объявила войну России. Первоначально бои развернулись

в Крыму и на Балканах. В них принимали участие отдельные выходцы из Кабарды.

Прапорщик Гельди Лафишев в 1854 г. находился «в конвое его Светлости» и участвовал «в деле с турками 28 мая при штурме кр. Силистрии»[1].

А отставной майор Беслан Абуков вспоминал: «13 октября 1854 года, раненный в ногу и в голову под Балаклавой, оставался 3 сутки с убитыми на поле сражения, был поднят английским офицером и отправлен в Константинополь военнопленным, откуда чрез 8 месяцев, в июле 1855 года, возвращен в Россию как неспособный поднять оружие. За отличие в этой кампании и полученные мною тяжкие раны удостоен ордена Св. Владимира с мечами...»[2].

Перед отправкой на войну Абуков служил в Киевском гусарском полку, и он вместе со своими однополчанами был направлен на фронт.

Хотя война началась не на Кавказе, все более неизбежно становилось столкновение противников на русско-турецкой границе. И Россия начала интенсивно готовиться к войне на Кавказском театре еще осенью 1853 г. 1 декабря 1853 г. генерал-майор Грамотин уведомлял Кабардинский временный суд: «Для довольствия войск на турецкой границе по распоряжению г. главнокомандующего корпусом назначено перевести из Владикавказского магазина в Душет 30 тыс. четвертей* муки». Далее Грамотин констатировал, что «на перевозку этого огромного количества хлеба во Владикавказском округе не находится желающих...», и предписал суду вызвать во Владикавказ желающих принимать участие в торгах. Но, как доложил ему суд, таковых среди вверенного ему населения не оказалось[3]. Вместе с вопросом доставки продовольствия и передислокацией воинских подразделений к местам будущих военных операций предпринимались конкретные шаги по формированию ополчения из горцев Северного Кавказа, и в частности из кабардинцев.

Генерал-майор Грамотин 17 декабря 1853 г. предписал Кабардинскому временному суду: «Начальник главного штаба войск, на Кавказе находящихся, генерал-адъютант князь Барятинский в предписании своем от 6 ноября № 1748 предложил мне назначить из вверенного мне Центра Кавказской линии одну сотню, которая поступит в состав 4 сотен, формируемых подполковником Кундуховым». Грамотин эту задачу возложил на председателя суда подполковника Касаева и потребовал от него назначить пять юнкеров. В случае отсутствия юнкеров генерал соглашался, чтобы выбор пал и на тех, у кого не было никакого звания, а 60 всадников предлагалось вербовать из числа «простых». Грамотин обращал внимание, что «если окажутся охотники (добровольцы. – *С. Б.*), то показать их по списку особо»[4]. Касаев обязан

---

*В казенной четверти 9 пудов с фунтами ржи (В. Даль).

был представить список ополченцев к 1 января 1854 г., однако он медлил.

Спустя почти два месяца после указанного срока, 23 февраля, Грамотин напомнил суду, что «необходимо всадников выслать в Нальчик непременно к 8 числу марта месяца сего года, ибо г. главнокомандующий изволил назначить срок выступления всех милиционеров из Владикавказа в Александрополь 18 марта». Грамотин надеялся «на исправный и поспешный выбор милиционеров» и выражал полную уверенность, что суд оправдает это доверие[5].

Грамотин стремился отличиться и был настроен оптимистично, однако суд не торопился оправдать его доверие. Во всяком случае, 16 марта 1854 г. из Центра Кавказской линии последовало строгое предупреждение: «Прошу Кабардинский временный суд представить немедленно к 18-му числу сего месяца список милиционерам, назначенным к войне с Турцией, неисполнение сего привлечет к неминуемой и строжайшей ответственности»[6].

И это предписание не выполнялось. 30 марта Грамотин дает новое представление суду собрать милицию по фамилиям и милицию из Атажукиной и Мисостовой фамилий отправить, «минуя Нальчик, под командою капитана Анзорова в Кабанов аул непременно 1 числа апреля, а из других 2-х фамилий (Бекмурзиной и Кайтукиной. – *С. Б.*) собрать милицию также к 1 числу в Кабановом ауле, где примет ее поручик Оливари»[7]. Точная дата отправления ополченцев на войну в документах не встречается, но ее приблизительно можно установить по отношению полковника Вольского Кабардинскому временному суду от 21 мая 1854 г.: «Кабардинский узден Магомет Бабугоев под расписку 21 января сего года позаимствовал из казенных центральных сумм тридцать рублей серебром... но, не исполнив сего под разными предлогами, отправился в Турцию...»[8]. Отсюда видно, что кабардинцы отправились на русско-турецкую границу ранее 21 мая 1854 г.

Вопрос участия Кабарды в военных действиях на русско-турецкой границе затронут исследователями. В частности, Хаджи Мурат Ибрагимбейли пишет, что со стороны кабардинцев «для участия в войне против Турции... в адрес русского командования посыпались рапорты и прошения...»[9]. Автор выявлял материалы для своей монографии и в фондах Центрального государственного архива КБР. Обращаясь к тем же документам, можно убедиться, что отдельные кабардинцы действительно подавали прошения и рапорты. В их числе прошение «служащих в милиционерной команде узденей» разряда беслен-уорк Магомета Бабугоева и Кельмурзы Альтудокова. Начальнику Кавказской линии генерал-майору Грамотину 4 декабря 1854 г. они писали: «Имея ревностное желание участвовать в военных действиях против Азиатской Турции, мы всенижайше просим Ваше Превосходительство не оставить разрешить нам отправлять туда в настоящее время»[10].

Зачисленные в милицию получали деньги на экипировку. Вот что писал узден Бекир Мальбахов из аула Агубеково от 17 марта 1858 г.: «В 1854 году я отправился в числе милиции в Турцию и

каждому милиционеру на пособие выдано было по 100 рублей серебром, я же от поручика Куденетова получил только 60 рублей серебром... Прошу распоряжения Вашего понудить Куденетова удовлетворить меня недополученными 40 рублями серебром»[11].

Материалы ЦГА КБР не дают достаточного основания утверждать, что в то время прямо «посыпались рапорты и прошения»[12].

Текст первоисточника при его передаче Х. М. Ибрагимбейли искажен. Для ясности приведем документ, часть его цитирована в рассматриваемой монографии этого автора (см. табл.).

Кроме них, в списке указаны абазинские уздени 2-й степени Умар Бижев, Якуб Купсергенов, Кардануко Коков, Исхак Лиев, Ахмет Гонов и Дуут Кужев. Сравнивая подлинник списка с именами милиционеров, приведенных в книге Х. М. Ибрагимбейли, следует отметить, что Муртах Цуков – это Муртаза Муков, Турк Тезиев – Турк Тегиев, Нашко Гукежев – Нашхо Гукежев, Эльбуздоко Захохов – Эльбуздуко Захохов. Погрешности, не влияющие на основное содержание текста, не так уж предосудительны, хотя имя каждого действующего лица истории должно быть сохранено подлинным и передано потомкам.

Список милиционеров, отправляемых для военных действий в Азиатскую Турцию[13]

№ п / п	Имена и фамилии	Из какого племени, какой степени уздень		Какие имеют награды
1	2	3	4	5
	Большой Кабарды офицеры			
1	Прапорщик Нох Оргеноков – убит*		Из кабардинских	
	Корнет Магомет Гукежев	Абазинцы		Имеет серебряную медаль за храбрость
	Юнкер Бекмурза Трамов			
	Юнкер Мурзабек Жанситов			
	Юнкер князь Туган Атажукин	Из кабардинских князей	I ст. узденей	
	Всадники			
	Аслан Мурза Анзоров			
	Хацу Анзоров			
	Муртаза Муков			

*Это и другие примечания в списке сделаны после войны.

1	2	3	4	5
	Мусса Отпаноков			Имеет серебряную медаль за храбрость
10	Турк Тегиев			
	Лостан Агубеков			
	Нашхо Гукежев			
	Эльбуздука Захохов		Из кабар-	
	Мурзабек Кокузоков		динских	
	Женхот Тлохуреев			
	Умар Мамышев			
	Мусса Кунашев			
	Кельмурза Алтудоков			Имеет золотую и серебрян. медали
	Магомет Бабугоев			Имеет серебряную медаль за храбрость
20	Маттгирей Бабугоев			
	Магомет Шогенов		II степени	
	Мурзабек Быжев			
	Хаташуко Айтов			
	Исмаил Ципинов			
	Магомет-Мирза Бармамытов			Имеет серебряную медаль за храбрость
	Асланоко Бармамытов		узденей	
	Закирий Лакашпашев			
	Мурзабек Катхалов			
	Каирбек Маготлов			Имеет серебряную медаль за храбрость
30	Ахмет Кушхов			
	Пшемахо Каров – в бегах			
	Салех Жамбеков			
	Салех Думазов			
	Эльмурза Шугунов			
	Ягъя Агошоков			
	Абдулах Молов			
	Каисин Мосеев			
	Сахид Шогенов			

1	2	3	4	5
	Мамсыр Евтеев			Имеет серебряную медаль за храбрость
40	Албаксид Муков		Вольноотпущенники	
	Бекир Кундухов			
	Кара Бодароков			
	Бек Мурза Кармов			
	Бата Госоков			
	Исхак Шхагожев			
	Исмаил Кумыков			
	Каншао Абазоков – бежал			
	Асламбек Гуков			
	Матгирей Жангириеев			
50	Абдулах Арачагов			
	Бати Желегапцев			

Отметим в книге и ошибки принципиального характера. Так, первостепенные уздени (тлекотлеши) Аслан-Мурза и Хацу Анзоровы причислены к горцам-холопам (крестьянам) так же, как Муртаза Муков, Турк Тегиев, Нашхо Гукежев, Эльбуздоко Захохов и Муса Отпаноков, а они в том же списке числятся узденями второй степени (беслен-уорки).

Среди 51 добровольца из Большой Кабарды, отправившихся на войну по данному списку, тринадцать всадников обозначены вольноотпущенниками, но из них нет ни одного горца-холопа. По своему сословному положению они, за редким исключением, просто не могли быть мобилизованы на войну. И сам список не включает в себя всех добровольцев, которых, согласно предписанию генерал-лейтенанта Козловского, должно быть не менее сотни. Один из участников войны командного состава, командир Терского казачьего полка полковник Чавчавадзе, 19 февраля 1854 г. писал Грамотину, чтобы он прикомандировал к милиции обратившихся к нему с желанием «участвовать в войне против Турции Умара Куденетова и прапорщика Абдрахмана Андрухаева»[14]. Как видно, эти кабардинцы изъявили свою готовность стать добровольцами еще до известного нам предписания генерал-лейтенанта Козловского о формировании сотни из кабардинцев.

Война не обошла стороной и Малую Кабарду. Мы не располагаем списочным составом добровольцев-малокабардинцев, но, как сообщал пристав Малой Кабарды Грамотину 2 января 1854 г., 23 добровольца были готовы отправиться на войну. В связи с этим уздени Асламурза Куныжев, Хажи Ендаров, Кайтуко Мирзаев и Ибрагим Тлеужев «желали лично объясниться о нуждах народа» с военными властями[15].

Рассмотрим еще одно положение из книги Х. М. Ибрагимбейли: «Горское ополчение из народов Центра Кавказской линии было на полном содержании царского правительства». Войны развязывают правители, а страдают и гибнут народы. В финансировании милиционеров из Кабарды участвовала, разумеется, и казна, но львиная его доля приходилась, конечно, на народ.

В 1855 г., 4 сентября, по воле командующего войсками на Кавказской линии предписано Кабардинскому временному суду: «Из числа позаимствованных в апреле месяце членами Кабардинского временного суда Центральных сумм, состоящих в распоряжении начальника Центра 4550 рублей (серебром. – *С. Б.*) для выдачи в пособие милиционерам, отправленным в нынешнем году на Кавказо-Турецкую границу, по настоящее время внесено: подполковником князем Касаевым – 1000 рублей, штабс-капитаном князем Алхасом Мисостовым – 1792 рубля 11 копеек, Хажи Ашабовым – 1000 рублей и майором Анзоровым – 138 рублей 30 копеек = 3930 рублей 41 копейка. Следовательно, не доставлено еще 619 рублей 51 копейка, тогда как деньги сполна, согласно подписи членов суда, должны были быть внесены в течение одного месяца...»[16] – комментарий излишен. Можно добавить две графы из «Ведомости лицам, состоящим должными в казенные суммы начальника бывшего Центра Кавказской линии»: «1) Взыскание с народа за милиционеров, отправленных в 1855 году в Турцию; 2) Подобное же взыскание за наем подвод под войска, следовавших в 1856 году из Закавказа». Наем этих подвод был поручен кабардинцу Сеиту Афову.

Неизвестно, во сколько обошлось участие одного милиционера на войне, но первоначально они получили по 100 рублей серебром. Сошлемся на один пример. В приведенном списке милиционеров значится Лостан (Тлостан) Агубеков. Его отец прапорщик Асламбек Агубеков в своей докладной записке начальству указывал: «В прошлом 1854 г. сын мой, Тлостан Агубеков, в числе прочих кабардинцев был отправлен для военных действий в Азиатскую Турцию, на окопировку (экипировку. – *С. Б.*) их было выдано каждому милиционеру по 100 рублей серебром»[17].

Подполковнику Индрису Кундухову было поручено сформировать из горцев четыре сотни. В это число входила и Кабардинская сотня, укомплектование которой было возложено на председателя Кабардинского временного суда подполковника Касаева, «известного по усердию своему штаб-офицера»[18].

Одним из активнейших деятелей ополчения был князь Атажуко Атажукин. Об этом говорит факт награждения его перстнем на 48 рублей серебром – «за усердие и успешное назначение из Большой Кабарды милиционеров на Кавказско-Турецкую границу, за содействие в споможении этим милиционерам от кабардинских жителей и вообще за полезные для нас действия в народе по настоящему смутному времени»[19]. Не случайно и то, что новый наместник Кавказа Н. Н. Муравьев в доме генерал-лейтенанта Козловского в Ставрополе 27 января 1855 г. принял майора

Атажука Атажукина в составе генералов, штаб- и обер-офицеров[20]. А в 1856 г. Атажукин изъявил желание быть начальником дружины, которая, при случае, предназначалась для отправки на войну, однако Грамотин «устранил его от оного вследствие того, что в течение 1854 и 1855 годов он был болен с мая и почти до сентября месяца».

К концу 1854 г. наместник Кавказа князь М. С. Воронцов вышел в отставку. Николай I назначил его преемником Н. Н. Муравьева. Шаг императора был продиктован критической военной обстановкой и желанием переломить ее ход в свою пользу. И надо сказать, этот шаг был лучшим из всех действий, предпринятых им в течение всей войны.

Новый наместник в начале 1855 г. еще находился в пути, а о его назначении и первых указаниях начальник штаба войск Кавказской линии генерал-майор Капгер сообщал подведомственным должностным лицам еще со 2 декабря 1854 г.

По пути следования к месту назначения Муравьев знакомился с состоянием воинских частей и давал различные приказания. 4 февраля 1855 г. в станице Беломечетской он отдал словесное приказание известному адыгскому писателю, в том году командовавшему Баталпашинским участком, полковнику Султану Казы-Гирею, «чтобы казаки отставные, льготные и малолетки были бы при встрече Его Высокопревосходительства с тем оружием, какое кто из них имеет, и на лошадях, у кого таковые есть...»[21].

Центр Кавказской линии оставил хорошее впечатление у Муравьева. В отзыве о его начальнике сказано: «В свой проезд через Центр Кавказской линии Его Высокопревосходительство с удовольствием изволил заметить полное знание начальника сей части генерал-майора Грамотина края и населяющих оный жителей, как равно доверенность, которую он умел приобрести между ними, что относит к особенному заботливость сего генерала к вверенному Его управлению края»[22].

Наместник прибыл в Нальчик 8 февраля. Переночевал в нем и на следующий день осмотрел в укреплении воинские подразделения и объявил выговор батальонному командиру полковнику Вольскому «за неисправное состояние строевой части, тем более что батальон этот имел более других средств заниматься фронтовым образованием». Затем Муравьев прибыл во Владикавказ. Здесь адъютант главнокомандующего штабс-капитан Ермолов* осмотрел «людей от Нальчикской инвалидной команды».

Прибыв в Тифлис, Н. Н. Муравьев начал готовиться к штурму считавшейся неприступной крепости Карс – «оплота Турции».

Крепость была «значительно усилена Европейским искусством» и обнесена «стеною с башнями, имела отдельную цитадель, которая представляла собой внутренний редут обширной системы

---

*Об этом офицере Е. В. Тарле пишет: «К Муравьеву примчался от Базина (генерал. – *С. Б.*) капитан Ермолов (сын знаменитого Алексея Петровича)», т. е. генерала Ермолова (Тарле Е. В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 9. С. 489).

укреплений, расположенных на обоих берегах р. Карс-Чая». Взятие Карса помогло спасти сильно подорванную падением Севастополя военную честь Российской империи. В достижение этой ответственной цели внесли достойный вклад и кабардинцы.

Источники свидетельствуют: «Краса кавказских наездников – стройный кабардинский уздень, всегда просто одетый, убранный оружием столь же неказистым на вид, как драгоценным по внутренней доброте, на своем крепком коне, размашисто выезженном коне для поля, бросается в глаза здесь, как и везде, посреди сотни людей»[23].

Разведка лучшего генерала всей кампании генерала Бакланова, по сведениям Х. М. Ибрагимбейли, «состояла в основном из кабардинцев, назначаемых и в боевое охранение, и в головной дозор». Очевидец вспоминал: «Отважные кабардинцы в одно мгновение врубились в толпу башибузуков. Иные турки успели проснуться лишь на мгновенье, чтобы сейчас заснуть вечным сном». Таких эпизодов в книге Х. М. Ибрагимбейли немало, но их могло быть больше, если бы им некоторые кабардинцы ошибочно не назывались представителями других народов.

Так, ссылаясь на источник, автор пишет, что после одного сражения потеря отряда полковника Дондукова «состояла в одном убитом офицере, осетине Нух Арганукове (командир 1-й горской сотни), который сам отомстил за себя, зарубив выстрелившего в него башибузука, в четырех раненых кабардинцах и четырех раненых охотниках»[24].

Мы располагаем документами, которые устанавливают подлинную национальность командира сотни офицера Органокова. Было бы достаточно напомнить, что по списку милиционеров, отправившихся на войну против Турции, значится из кабардинских 1-й степени узденей «Нох Оргеноков».

Однако есть и другой документ. Сохранилось прошение прапорщика Ноха Органокова генерал-майору Эристову, к этому прошению «по незнанию русской грамоты» 19 декабря 1851 г. он приложил именную печать. Из него видно, что он служил в Царстве Польском. А в предписании генерал-майора Грамотина Кабардинскому временному суду, датированном 1853 г., Органоков предстает с другой стороны[25]. Начальник требовал представления «списка» бежавшего за Кубань к непокорным подпоручика Ноха Органокова. Выяснилось, что он проживал в ауле узденя Магомета Догужокова и что семья бежавшего подпоручика Органокова состоит: «жена Оргенокова Хаджат, сын Салех 14 лет, дочь Хуж 10 лет...»[26]. Может показаться сомнительным, чтобы уздень, совершивший побег к «непокорным» в 1853 г., мог быть зачислен в ополчение в 1854 году. Процитируем рапорт подпоручика Ноха Органокова тому же генерал-майору Грамотину от 4 декабря 1854 г.: «Имея ревностное желание участвовать в военных действиях против Азиатской Турции, всепокорнейше прошу разрешения Вашего Превосходительства об отправке меня туда в настоящее время»[27].

Эти документы позволяют исправить ошибочные сведения источников и, спустя 140 лет после событий, восстановить историческую справедливость и вернуть имя погибшего смертью храбрых отважного командира народу.

Семейству Органокова в марте 1856 г. была назначена пенсия в 100 рублей серебром. В 1861 г. «вдова подпоручика Хадижет Органокова с семейством» переселилась «на всегдашнее жительство в Турцию» (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 1099, л. 18–19 об., 35 об.–36).

Можно сказать, что родственники Органокова проживали в Кабарде в 80-х годах XIX в. Мы имеем в виду посемейный список с. Мисостова за 1886 г., в котором отмечен житель Органоков Тату Усманович.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Вопрос о форме собственности на землю в Кабарде остается предметом острых дискуссий. Одни (К. Ф. Сталь, Л. И. Лавров, С. И. Месяц, И. Ф. Мужев) отрицают наличие феодальной собственности на землю, а другие (В. К. Гарданов, Г. Х. Мамбетов, Х. М. Думанов, В. Х. Кажаров) считают, что в первой половине XIX в. общинная собственность была вытеснена феодальной собственностью. Существует и третья точка зрения. Н. Х. Тхамоков, Б. Н. Кушева, Т. Х. Кумыков, Г. В. Анчабадзе, Е. Дж. Налоева, Т. Дж. Боцвадзе утверждают, что к началу XIX в. существовали как общинная, так и феодальная собственность на землю.

Все эти взгляды опираются на соответствующие документы и поэтому имеют более или менее оправданное право на существование. Приведем документ, проливающий свет на проблему.

Кабардинский временный суд 6 февраля 1834 г. докладывал начальнику Кабарды полковнику Пирятинскому: «Принадлежавшая по древним обрядам во владении отца просителя капитана Темирбулата Атажукина земля лежит по Баксанскому ущелью, одна часть между рек Баксаном и впадающею в оной Гунделенью, а вторая от оного вверх по ущелью, верстах в семи речки Ксанты, в Баксан впадающей, третья по реке Малке, в довольном расстоянии выше укрепления Каменного моста, и четвертая на вершине реки Подкумка, на самом том месте, где ныне Кисловодское укрепление, и выше онаго, но с мест оных все кабардинцы в 1822 г. бывшим корпусным командиром генералом Ермоловым высланы на плоскость, и ныне земли оные никем из кабардинцев не занимаются»[1].

Этот документ – неопровержимое свидетельство того, что характер землепользования кабардинцев принципиально изменился со времени установления Ермоловым в Кабарде российского законодательства – с 1822 г. Вместе с прекращением независимого от России внутреннего управления Кабардой князья перестали быть верховными собственниками своей территории, а следова-

тельно, перестали быть единственными владельцами своей земли. Отныне эта земля стала служить российским властям тем, чем она служила раньше кабардинским князьям, – средством осуществления своей политики, ее колониальным *кнутом и пряником*. И споры о частнособственническом характере землевладения в Кабарде должны вестись в основном с 1822 г. в контексте утраты ею своего традиционного экономического уклада и втягивания в Российскую империю в качестве одной из ее национальных окраин.

Другими словами, землевладение в Кабарде с 1822 г. перестает быть собственно кабардинским, начинает утрачивать общинный характер и начинает приобретать, скажем так, русско-кабардинский характер с преобладанием русского (частного) элемента.

Однако и до этого земля в Кабарде не была *чьей бы то ни было частной собственностью*. Она передавалась от отца-князя к сыну-князю по традиции, т. е., как выше отмечено, «по древним обрядам». Традиционное (патриархальное) общество не могло функционировать в форме частной собственности на основной источник существования. В данном случае в форме частной собственности на землю.

Убедительнее бытующих дискуссий о характере землепользования в Кабарде говорят документы. Природа землепользования в Кабарде до установления в ней российского законодательства стала предметом дискуссий и в конце XIX в. Отставной штабс-ротмистр Пак Тавкешев и Ислам Кипов в 1895 г. в прошении на имя императора писали: «...земля, леса и воды считались достоянием общенародным, никому отдельно не принадлежащим, и понятия о недвижимой собственности в Кабарде не существовало. Право собственности распространялось лишь на предметы, движимые или легко возводимые самим человеком. Такое понятие о праве собственности существовало до окончательного устройства кабардинцев и надела землей Правительством Российским»[2].

Авторы прошения далее указывали, что «если сословие пше не имело недвижимой (земельной. – *С. Б.*) собственности, то и другие уорки также не могли иметь ее и, следовательно, пользовались в этом отношении одинаковыми правами».

В материалах Ф. И. Леонтовича говорится, что «князья и старшины владеемой ими землею могут распоряжаться по своему произволу, т. е. дарить оную, *продавать* (выделено нами. – *С. Б.*), селить на ней не только крестьян и простой свободный народ, но и узденей»[3].

Князья, конечно, имели право дарить землю и селить на ней все подвластное им население, однако в материалах архива доермоловского периода не встречается сведений о продаже князем земли своему подвластному. И это неудивительно. Ведь если земля продана, то ее владетель уже независим от продавца, т. е. от князя. А этого князь никак не мог допустить. *Уэркътын* (даре-

ние узденю), узденьская дань, точнее, дарение, делающее того, кому дарят, узденем, а не, скажем, *уэркъщэн* (продажа земли узденю) – вот что лежало в основе отношений между князьями и узденями. Награждение это обязывало узденя нести службу. Например, беслен-уорки и уорк-шаотлухусы поддерживали с князьями и тлекотлешами «условия в отношении помощи и поддержки на случай войны, при этом всякий из беслен-уорк и уорк-шаотлухуса свободен был прервать свои отношения не только с другими уорками, но даже и с пше и устроиться лучше для себя»[4].

Частная собственность предполагает куплю-продажу. Такого права князь как владелец земли не имел. Наличие подобного права было бы вообще гибельно для существования кабардинских княжеств, ибо в этом случае князья рисковали остаться без собственной территории. Кабардинский князь был наследником земли по традиции и обязан был передавать землю своим наследникам. Земля служила кабардинцам тем общим фундаментом, на котором только мог строиться и существовать бессмертный этикет народа. И в этом смысле общественный строй Кабарды, несомненно, был выше навязываемых ей застойно-феодальных порядков. Земля служила князьям тем стержневым инструментом, который позволял надежно поддерживать механизм военно-патриархального строя – одного из самых важных условий того же адыгского этикета.

Несомненно, элементы феодализма имели место в Кабарде, под ними подразумевалась собственность князя или узденя на средства производства, неполную собственность на крепостных крестьян и полную собственность на унаутов (последнее – отголосок рабовладельчества у адыгов). Однако главным правом, свойственным феодалу, – осуществлять собственную государственную власть на своей территории – кабардинские владельцы в конце XVIII – начале XIX в. не обладали, поэтому в этот период их трудно считать феодалами в полном смысле, а Кабарду – феодальным обществом в обычном его понимании.

В Кабарде, как и у других адыгских народов, можно сказать, изначально был уникальным общественный строй, где образ жизни – этикет – представлял собой нечто более ценное, чем государство, и даже, по-видимому, был тождествен самому этносу.

В этом отношении есть смысл поспорить с Гегелем, который, видя в государстве объективизацию свободы в истории, считал, что «народы, которые не образовали государства, не принадлежат истории, они внеисторичны»[5]. Похоже, великий мыслитель не был знаком с разворачивавшейся в последние годы его жизни героической борьбой адыгов (черкесов) за свою свободу. Иначе он бы пришел в восторг, вероятно, философски воспел бы дух свободы народа, который приносил (и принес!) себя, свою жизнь в жертву священной и божественной для него свободе, увидел бы в народе шествие мирового духа. Признал бы, что адыги, которым не суждено было создать свое государство, но которым не чужда государственность, принадлежат истории. Весьма

показательно в связи с этим выражение К. Маркса: «Народы, учитесь у них (черкесов-адыгов. – *С. Б.*), на что способны люди, желающие остаться свободными»[6].

* * *

Князь Голицын в 1842 г. дважды обращался к командующему войсками на Кавказской линии с представлениями по вопросу о землепользовании в Кабарде. В них ставился вопрос об общем размежевании земель в Кабарде, т. е., по существу, ставился вопрос о введении юридически разрешенной частной собственности на землю. Действия Голицына были вызваны прошением поручика Атажуко Абукова о наделении его участком земли бежавшего к «непокорным» узденя Ашабова. В резолюции командующего сказано: «Я полагал бы составить комитет из доверенных лиц всех сословий Большой Кабарды под председательством особого чиновника от правительства». Командующий не предлагал немедленно и окончательно определить, какой участок земли следует отдать тому или иному князю или узденю. Предполагалось лишь предварительно обсудить эту проблему и составить правила, на основе которых со временем можно было бы приступить «к сему делу». Командующий желал выяснить через Голицына, «не возбудит ли этот комитет волнения в умах» и каким путем можно исполнить предлагаемое им размежевание.

Ответ Голицына, вероятно, согласованный с членами Кабардинского временного суда и другими владельцами, во многом дает ключ к пониманию всей проблемы землевладения в Кабарде. Отмечая, что создание комитета было бы встречено кабардинцами с благодарностью, Голицын указывал на него, как на средство прекращения «беспрестанных споров о земле мнимых владельцев участков». Голицын далее докладывал, что «достоверно участки эти не принадлежат никому, и нередко один и тот же из них присваивается семействами, между собою не состоящими ни в какой степени родства, чем ясно доказывается *неопределенность права на владение*...» (курсив наш. – *С. Б.*).

Заслуживает серьезного внимания следующее заключение Голицына: «Всякий клочок земли в Кабарде, кто бы им ни владел, считается принадлежностью князя...»[7]. Здесь важно то, что земля в Кабарде считалась собственностью князя, а точнее, княжеской фамилии. Правда, следует особо заметить, что и князь после покорения Кабарды, «нарушая присягу верности, может лишиться своей усадьбы». Факт монопольной, безраздельной принадлежности земли князю доказывался Голицыным и тем, что уздени, «которым земля даруется князьями, когда оставляют Кабарду, теряют на нее права свои, переходящие опять к самому князю, от кого они получили землю»[8]. Останавливаясь на примере «беглого» Ашабова, Голицын ставил вопрос: «Поступает ли в казну поместье узденя, бежавшего к непокорным, когда князь его остался верным Российскому правительству?» И сам же отвечал:

«Беспристрастно судя, следует отвечать отрицательно». Однако такое решение вопроса, что отвечало обычно-правовым нормам, не устраивало Голицына. Считая необходимым «положить пределы безнаказанному вероломству узденей», и допуская, что «владение их землею освящено давностью», Голицын ставил другой вопрос: «...почему не считать ее собственностью бежавших и в таком виде не завладеть ею?»

Вопрос риторический. И Голицын предлагает землю бежавшего Ашабова «счесть вещью, ему принадлежащею, и поступить с нею, как с конфискованным добром изменника». Это уже было колониальным вторжением в святая святых кабардинских князей – неограниченную собственность на землю. Единственной преградой на пути к общему размежеванию земель в Кабарде Голицын считал крупных землепользователей узденей Куденетовых, Тамбиевых, Анзоровых и других, «простирающих права на владение землею вопреки народному обычаю вышеупомянутому, что *земля дается на время, но не даруется узденям князьями, всегда имеющими беспрекословное право отнять то, чего дали*» (курсив наш. – *С. Б.*)[9]. В случае размежевания эти фамилии опасались потерять часть земель, которыми они пользовались. Это также доказывает лишь справедливость Голицына, считавшего землю в Кабарде «беспрекословным правом» князей.

Несколько лет спустя, в 1846 г., председатель Комиссии наделения землями Кавказского линейного войска, полковник Петрусевич составил ведомость, в которой обозначены 173 земельных участка. Деятельность Петрусевича поземельная комиссия в 1865 г. оценит его же словами: «...определение, наименование и границы всех участков... до того темны, что сам составитель ведомости указать, определить и найти их в натуре никогда не сумеет». Указывая на слабую сторону своей ведомости, Петрусевич и сам писал, что «он хотел на составленной им карте все исчисленные 173 участка означить особой краской так, чтобы карта эта служила указателем всех земель, которые по прокламации генерала Ермолова составляют казенную собственность, но как ни пространство, ни количество тех участков из словесных показаний народа определить нельзя, то представляю это дело, как чрезвычайно важное, распоряжению начальства и ограничиваюсь составлением одной только о них ведомости»[10].

Петрусевич и впоследствии другие военные чиновники в некогда более ясный вопрос о землевладении в Кабарде, и без того проблематичный, не только не внесли ясности, но и стали, вероятно преднамеренно, еще более его запутывать.

Сошлемся на документ. В 1848 г. в Кабарде находилась комиссия по разбору прав кабардинцев на вознаграждение за земли, отошедшие Владикавказскому казачьему полку. Комиссия расспрашивала «депутатов от княжеских фамилий, старожилов из подвластного и черного народа Большой и Малой Кабарды и дигорских старшин». Выяснилось их мнение «на счет существующих в Кабарде прав земельной собственности». Оказалось, что све-

дения депутатов «не согласны одно с другим». Проанализировав показания депутатов, комиссия констатировала: «Одни утверждают, что земля в Кабарде принадлежит обществу, другие, что она составляет собственность владельцев аулов, князей и узденей, а некоторые, хотя и допускают это, но утверждают, что владельцы аулов не могут располагать землею. С другой стороны, утверждают, что земли с давнего времени определены на участки и известны князьям и узденям по преданиям, а другие, что владельцы аулов переходили с одного места на другое и еще в недавнее время селились там, где удобнее»[11].

Сведения Сталя, относящиеся к 1849 г., более категоричны: «По понятиям черкесов земля принадлежит не лицу, но целому обществу... О продаже земли, передаче ее в наследство, уступке за калым не было никогда речи, и русские первые познакомили черкеса с мыслью, что землю можно превратить в деньги»[12].

Сведения о том, что о продаже земли и передаче ее в наследство и уступке за калым не было никогда речи, еще не говорят о том, что она всегда принадлежала «целому обществу», если, конечно, не допустить, что под целым обществом имеется в виду вся княжеская фамилия с составляющими ее компонентами – узденями и крестьянами, во главе со старшим князем этой фамилии – верховным собственником земли.

В 60-х гг. начальство предпринимает энергичные усилия, чтобы обосновать общественный характер землевладения в Кабарде и законодательно оформить это положение, рассчитывая в будущем использовать его в своих целях.

Начальник Кабардинского округа полковник Кобулов в 1865 г. извлек из архивов отмеченную выше ведомость полковника Петрусевича. Тоном, не допускающим сомнений, а тем более возражений, он заявил: «...сведения, составленные полковником Петрусевичем и препровожденные ко мне относительно частных поземельных владений в Кабарде, сколько мне известно, совершенно неосновательны: ибо в Кабарде частной поземельной собственности никогда не было»[13].

Между тем Кобулов, при желании, смог бы без особого труда найти примеры купли-продажи земли между кабардинцами из недавнего прошлого. Так, в 1851 г. «Уважуко Кучесоков продал собственную свою землю, находящуюся между местами Хакуною и Псиншоком, с указанием границ ее полковнику князю Атажукину за пятьсот руб. серебром». При этой купле-продаже были свидетелями: Абдрахман Куныжев, Сафар Шогенов, Магомет и Маил Гукетловы, Исмаил Апшев, Заракуш Тамбиев и другие[14].

Однако наличие этого и некоторых подобных примеров не могло служить достаточным основанием для опровержения высказывания Кобулова.

Судя по материалам 60-х годов XIX в., характер землевладения претерпел существенные изменения в сторону его обобществления.

21 сентября 1863 г. подпоручик Гетегеж Абаев писал Кобуло-

ву, что он, «имея давнишнюю кровную вражду с ингушевцами», подвергается с их стороны нападениям. Абаев просил переселить его с реки Псидах с его подвластными «в числе 60 дворов из Малой Кабарды в Большую, в Кайтукинскую фамилию на землю, бывше занятую аулом князя Пшемахо Джамботова». К прошению Абаев приложил следующую подписку почетных лиц Кайтукинской фамилии: «Дана сия князьями, узденями и вольными людьми Кайтукинской фамилии жителю Малой Кабарды подпоручику Гетегеж Абаеву в том, что на переселение его с подвластными из Малой Кабарды в Большую на земли, принадлежащие князю Пшемахо Жамботову, выселившемуся в Турцию, препятствий не имеется с нашей стороны, так как Жамботов выселен из нашей фамилии, а оставшаяся земля есть общая наша...» Подписались: штабс-ротмистр князь Докшукин, прапорщик князь Бекмурза Докшукин, прапорщик Муса Кожоков, поручик Канамат Догужоков, штабс-ротмистр князь Лостаналиев, уздени Канамат Кудашев, Нахо и Шу Шугеновы, Якуб Турков, Эльбуздуко Кожоков, Магомет Санашоков, Махмуд Жутов и другие.

Кобулов не возражал против переселения, но все же решил согласовать этот вопрос с начальством. Подписка почетных представителей Кайтукиной фамилии заинтересовала Д. С. Кодзокова, и на полях переписки он сделал надпись: «Иметь в виду при суждении о Кабардинской земле...»[15]. «Подписка» была созвучна мыслям и планам Кодзокова, занимавшегося в то время проблемой землевладения и землепользования в Кабарде. В этом контексте и следует понимать его краткую, но очень важную надпись, как свидетельство того, что Кодзоков в своих выводах о преимущественно общественной собственности на землю в Кабарде опирался на подобные факты.

Конечно, выражения: «оставшаяся земля есть общая наша», «земля принадлежит не лицу, но целому обществу» – и здесь не следует понимать в прямом смысле. Будучи общей, земля распределялась между входящими в эту фамилию владельцами далеко не одинаково. К 1863 г. форма землевладения претерпевала неизбежные изменения, однако она не могла стать вполне общественной. Мнение почетных лиц Кайтукиной фамилии по данному вопросу перекликается с уже упоминавшимися наблюдениями Сталя, сделанными им еще в 1849 г.

«Подписка» хронологически относится ко времени после 20 августа 1863 года, когда был составлен известный акт*, согласно которому «земля кабардинского народа» была объявлена общим

---

*Этот документ подвергается сомнению теми, кто выступает против общественного характера собственности на землю, при этом ссылаясь на материалы полковника Петрусевича. Между тем комиссия Кодзокова считала недействительными записи Петрусевича и в 1865 г. указывала, что «Воронцов, вопреки одобрения намерений Петрусевича генералом Завадовским, не придал, как и следовало ожидать от опытного и правдивого правителя, никакого значения компиляции сплетен, принятых Петрусевичем за документы» (ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 252об.–253).

достоянием кабардинцев и что они желают ею пользоваться на общинном праве владения, поскольку она «помимо *злоупотреблений* (выделено нами. – *С. Б.*) не составляла никогда частной собственности по понятиям народа и по характеру хозяйства, возможного только при общественном владении землей»[16]. Поэтому может сложиться впечатление, что «Подписка» была дана под влиянием этого акта, тем более что и акт подписан некоторыми из тех, кто дал «подписку», – прапорщиком князем Бекмурзой Докшукиным и корнетом Мусой Кожоковым.

Общественный характер собственности на землю, по крайней мере на неопределенную ее часть, прослеживается и в рассуждениях Я. Шарданова. В 9-й статье его «дополнительного проекта» говорится о принадлежащих кабардинцам общих неразделенных землях, а пункт 10-й того же проекта отмечает, что «некоторые кабардинцы имеют жительство с давних времен в аулах других фамилий, и по сему при размежевании земель нужно будет сделать опубликование, где они пожелают взять для себя землю»[17].

Внутренние переселения сильно тормозили процесс феодализации кабардинского общества. Приведем один пример, касающийся первой половины XIX в. Атажукины, как и выше отмечено, издавна проживали на Баксане, но в 20-х годах были переселены на плоскость и оставались и в 30-х годах на Чегеме и Череке. Разумеется, нельзя утверждать, что эта могущественная кабардинская фамилия в тот период феодально владела теми землями, которые ей так или иначе искони принадлежали. Общественно-экономический уклад навсегда был сильно деформирован установлением царского правления в Кабарде.

Эти и подобные факты противоречат выводам сторонников феодальной собственности на землю в Кабарде. С ними перекликается и (созвучное с выводами Якуба Шарданова) мнение Кабардинского окружного суда от 12 декабря 1864 г. Оно сводилось к тому, что «из кабардинских владельцев никто... не мог определенно указать, где чья земля и сколько кому принадлежит, ибо всегда на одну и ту же землю было несколько претендателей»[18].

Несомненно, что единой точки зрения на форму землевладения в Кабарде у ее жителей не было. Однако комиссия, вероятно не в ущерб своим интересам, предпочтение отдавала общественной собственности на землю, что, разумеется, не могло, в частности, исключить и частную собственность на нее у определенной части населения, по крайней мере, с момента установления российского правления. Можно сказать, что землевладение в Кабарде в конце XVIII – первой половине XIX в. носило переходный характер и представляло собой неизбежное в этом случае переплетение различных форм собственности: княжеско-фамильной (межфамильной), феодальной, частной и, не в последнюю очередь, общественной. Возможно, поэтому Кодзоков склонялся к обоснованию общественного характера собственности на землю в Кабарде. И

хотя Кодзоков, скорее всего, не был знаком с приведенным документом, у него были другие факты, которые убеждали его в этом. В частности, в материалах поземельной комиссии за 1865 г. явно прослеживается влияние упомянутой «Подписки» членов Кайтукиной фамилии. Документ гласит: «...неопровержымым доказательством отсутствия на плоскости Кабарды частной собственности... составляло то, что во время переселения в Турцию нескольких сот семейств кабардинцев различных сословий никто не продал ни одного аршина земли. Причина тому весьма понятная: как выходцы, так и оставшиеся на родине люди, вопреки нарушения взаимной связи вследствие различия принятого каждою стороною направления, не совмещали в правах своих произвола продажи и купли земли, на которой они совместно жили многие сотни лет, а земля вследствие такого общего и разительного сознания за убылью выходящего населения оставалась неделимою принадлежностью целого общества Кабарды». Комиссия считала, что вследствие «сознания общественности земли» были приняты в Кабарду жители бывшей Бабуковской станицы и закубанские кабардинцы. Перед ними ставилось лишь одно условие – «расселиться по аулам»[19].

Выводы комиссии в целом соответствовали действительности. Однако она ее нередко упрощала. На самом деле имела место продажа земли тем же князем Пшемахо Джамботовым, о котором говорилось в «Подписке». Например, Шуган Гилясов в 1870 г. писал Лорис-Меликову, что он «купил участок земли на так называемой местности «Акушей» от отправившегося в Турцию князя Пшемахо Жамботова за 225 рублей»[20]. Правда, эти исключения, судя по «Подписке», могут быть отнесены к отмеченным в Акте от 20 августа 1863 г. «злоупотреблениям».

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В КАБАРДЕ

В 1861 г. 19 февраля император Александр II издал манифест, согласно которому в России отменялось крепостное право. Однако эта отмена не была и не могла быть осуществлена по всей огромной империи одновременно.

На национальных окраинах России феодальные отношения сохранялись еще несколько лет. К числу таких окраин относился и Северный Кавказ. Царские власти приступили к реформе крепостного права в Терской области лишь во второй половине 60-х годов, а в самой области – с Кабарды. К тому были две веские причины: во-первых, продолжавшаяся Кавказская война и переселенческое движение горцев в Турцию, а во-вторых, Кабарда отличалась сравнительно более высоким уровнем развития крепостничества. Понятно, что от благополучной для российской администрации отмены крепостного права в Кабарде во многом зависела судьба крестьян Терской области. Достаточно отме-

тить, что, по сведениям Е. С-ва*, «численность зависимых в Кабардинском округе сравнительно с численностью их во всех остальных округах Терской области представляла отношение как 3,2:1»[1]. Всего безобрядных холопов в Терской области насчитывалось 4339 душ, из них на один только Кабардинский округ в 1867 г. приходилось 2395 безобрядных крепостных[2], включая сюда и бесправных в Балкарии. По другим данным, в одной Кабарде было 2469 душ унаутов[3].

Царизм придавал особое значение отмене крепостного права в Кабарде, так как от ее исхода во многом зависел ход реформы в Терской области. Поэтому царизм и приступил к отмене сословных прав на Северном Кавказе именно с Кабарды. И действительно, «освобождение крепостных в Кабарде повело за собою освобождение зависимых сословий и в прочих частях Терской области»[4].

Пестрая картина социально-экономического, политического и культурного уровня различных регионов России неизбежно порождала специфическую форму отмены крепостного права. Не могла быть исключением и Кабарда. Так, материальное благосостояние *большинства* кабардинцев «покоилось на угнетении меньшинства, так что встречались и такие семейства, в которых свободных 10—15 душ обеспечивали свое ничегонеделание трудами двух-трех холопов». Особенность сословного строя Кабарды, в отличие от России, по справедливому замечанию Е. С-ва, «заключалась главным образом в том, что там приносились в жертву материальные интересы немногих в пользу большинства, а здесь, в Кабарде, наоборот, должно было потерять большинство»[5].

Освобождение крепостных крестьян в Кабарде привлекает внимание историков с самого начала его осуществления. Уже в первом номере «Сборника сведений о кавказских горцах», изданном в Тифлисе в 1868 году, была опубликована статья «Крепостные в Кабарде и их освобождение». Она представляет собой незначительно отредактированный и несколько дополненный рапорт начальника Кабардинского округа А. А. Нурида и принадлежит перу неизвестного автора, печатавшегося под псевдонимом Е. С...в (Е. С-в). В этой статье давался довольно обстоятельный обзор сословного строя кабардинцев и изложены события, имевшие место в ходе отмены крепостного права.

В 1947 г. в Нальчике вышел сборник документов «Крестьянская реформа в Кабарде». Во введении к книге профессор Г. А. Кокиев дал краткую историографию вопроса и остановился на некоторых причинах отмены крепостного права. В последующие годы исто-

---

*По предположению Е. С. Тютюниной, под этим псевдонимом печатался «Е. И. Старцев, заведовавший в 1866—1868 гг. крестьянским отделением и бывший председателем посреднического суда» (См.: Тютюнина Е. С. Источники по истории Кабарды и Балкарии в русском кавказоведении (50—70-е гг. XIX в.)// Молодежь и общественные науки: Тезисы докладов и сообщений республиканской научно-теоретической конференции... Нальчик, 1985. С. 190).

рики в той или иной степени затрагивали проблему освобождения зависимых сословий в Кабарде, однако, она все еще основательно не изучена. Нами ставится задача – внести некоторую ясность в процесс «раскрестьянивания», имея в виду неоднозначную позицию самих крепостников, планы Терской администрации и точку зрения отдельных исследователей.

В литературе утвердилось мнение, что крепостное право в Кабарде отменено в 1867 г. На самом же деле основные меры по ликвидации феодальных отношений и начало практического освобождения крестьян относятся к 1866 г. В докладной записке о зависимых сословиях в Кабардинском округе, датируемой 1866 г., указано: «Не далее 1 $^{1}/_{2}$ года в большом сборе народа, говоря об ожидающей его будущности, правительство обнадеживало своими попечениями о будущем его состоянии, заверяя, что когда дойдет очередь до холопского вопроса, то владельцы будут заблаговременно призваны к совместному с правительственными властями обсуждению этого важнейшего в народной жизни вопроса»[6].

Как видно, вопрос об отмене крепостного права был поставлен в Кабарде еще в 1864 г. Обнародование планов о предстоящих реформах, как отмечалось в той же записке, было равносильно фактическому освобождению крестьян в том смысле, что они «по естественному чувству жажды свободы отказываются от исполнения своих обязанностей»[7].

В апреле 1868 г. с позволения императора создан комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа. Председателем его стал генерал-адъютант Карцев. 2 июля 1866 г. он сообщил начальнику Терской области М. Т. Лорис-Меликову: «Его Императорское Высочество главнокомандующий армиею в видах скорейшего и более правильного уничтожения крепостной и других родов зависимости в горских обществах Кавказа, изволил учредить особый, под моим председательством, комитет для обсуждения способов и средств, долженствующих лечь в основание освобождения лиц зависимых сословий. Распоряжение это 16 числа прошлого мая месяца удостоилось высочайшего государя императора утверждения»[8].

Создание особого комитета по освобождению крестьян означало практическое начало отмены крепостного права в Кабарде. Эту весть различные слои общества восприняли по-разному: от крайне враждебно настроенной части крепостников до восторженного абсолютного большинства зависимых крестьян.

На чрезвычайную важность и необыкновенную сложность вопроса отмены крепостного права не раз обращалось внимание начальника Терской области и кавказской администрации. В частности, «Докладная записка о зависимых сословиях в Кабардинском округе...» отмечала сословные права, глубоко укоренившиеся в сознании кабардинцев, без которых они просто не мыслили свое существование. По понятиям, привычкам и складу жизни кабардинского владельца никакое вознаграждение для него не могло

служить достаточным возмещением потери крепостного крестьянина. В качестве иллюстрации этого положения приводился пример, связанный с одним из наиболее просвещенных кабардинцев христианского вероисповедания – князем Алексеем Мисостовым, долгое время бывшим председателем Моздокского пограничного суда, который «под конец своей жизни впал в крайнюю бедность» и, «не имея ни одного холопа, дошел до того, что по недостатку дров по дням сидел в холодной сакле зимою и не имел горячей пищи, ночью, *украдкой от соседей* (выделено нами. – *С. Б.*), ходил он за дровами и водою, а целые дни просиживал, ничего не делая». Вековые привычки были настолько сильны, что «ни одна женщина, не только свободная, но и из обрядных холопов, не согласится жить и работать в чужом доме за плату, в какой бы она сама ни была бедности, считая такое занятие унизительным и свойственным служанке-унаутке». Своими сословными правами дорожили не только высшие слои, но зачастую и домашние рабы. В той же записке указывалось, что «все присужденные до сих пор к получению свободы служанки-унаутки не захотели сыскать себе пропитание наймом в услуги, а предпочитали проживать в холопских семействах, неся самые тяжелые работы без всякого вознаграждения потому только, что в народные нравы не проникло понятие платы за женский труд».

Начальник Кабардинского округа полковник Нурид, которому принадлежит цитируемая «Докладная записка», анализируя общественную жизнь кабардинцев в 1866 г., накануне отмены крепостного права, сделал однозначный вывод: «Невозможно без крайнего вмешательства приказать изменить жизнь, выработанную веками, не приготовив людей к восприятию желаемых изменений»[9].

И после отмены крепостного права сословные предрассудки долгое время оставались барометром взаимоотношений: крепостникам психологически было тягостно расстаться со своим прошлым и привыкнуть к свободе вчерашних крепостных крестьян. Историк Н. Ф. Грабовский писал: «Владельцы очень не любят своих бывших холопов и чтобы окончательно не видеть их, не раз просили начальство поселить их отдельно. Кроме неприятного напоминания о былом, прошлом, в этом случае руководит владельцами и сословное их самолюбие, они никак не могут помириться с мыслью, что жена какого-нибудь холопа Паго будет независимо жить обок с их женами, а пожалуй, чего доброго, вздумает еще, как ровня, вести знакомство с ними. – Ужасная обида!»[10].

В 1866 г. местная администрация приступила к практическому освобождению крепостных крестьян. Об этом, в частности, сообщается в статье Е. С...ва «Крепостные в Кабарде и их освобождение». По его сведениям, в ноябре 1866 г. в ответ на объявление начальника области «представителям рабовладельческого и крепостного сословий» воли его императорского высочества об освобождении крепостных представители обоих сословий отпра-

вили в Петербург депешу наместнику Кавказа. В ней говорилось: «Сегодня же приступаем к освобождению. Нетерпеливо ожидаем возвращения Вашего в край, чтобы успешным ходом дела освобождения оправдать лестный для кабардинского народа отзыв Вашего Высочества»[11].

Далее автор приводит более подробные данные, указывающие на точную дату начала практической отмены крепостного права. Он пишет: «Через 10 дней по приступлении к освобождению, т. е. 28 ноября, кабардинские депутаты удостоились получить следующую телеграмму от его Императорского Высочества: «Искренне благодарю всех депутатов за радостную депешу»[12].

Отсюда можно назвать и точную дату начала освобождения крестьян в Кабарде – 18 ноября 1866 г.

Слова представителей обоих сословий в основном подтвердились. Газета «Терские ведомости» потом опубликует: «За отличие как при приведении в исполнение правил и положений о прекращении сословной зависимости, так и при подготовлении населения к принятию этой реформы многие лица всемилостивейше были пожалованы награды». Единственного ордена св. Анны 3-й степени удостоился состоящий по армейской кавалерии ротмистр Казильбек Кармов. Депутат окружного суда, состоящий по армейской кавалерии полковник князь Атажукин получил подарок по чину с вензелевым изображением императора. Кроме того, Бекмурза Шарданов награжден 300 рублями серебром, Карашай Седаков, Хацу Абезыванов получили по 200, а Измаил Анзоров и Джамбулат Блаев – по 150 рублей[13].

Кроме того, начальник округа нескольких переводчиков, которые «своими стараниями весьма много способствовали успешному окончанию дела, склоняя как рабовладельцев, так и крепостных к обоюдному соглашению», представил к денежной награде. Это: узден Джамбот Тохтамышев, юнкер Таусултан Агубеков, поручик Исмаил Анзоров, прапорщик Джамбулат Блаев и юнкер Зарахмат Шакманов. Начальник Терской области разрешил каждому из них выдать 50 рублей[14].

Однако далеко не все феодалы поддержали отмену крепостного права «сверху». Значительная их часть встретила весть о предстоящей реформе враждебно. И это понятно. Относительно беззаботному и обеспеченному существованию, освященному вековыми их обычаями, приходил конец.

Пытаясь воспрепятствовать освобождению крестьян, группа князей и дворян воспользовалась благоприятным стечением обстоятельств – проездом наместника Кавказа Михаила Николаевича через Георгиевск. 6 декабря 1866 г. князь Бекмурза Атажукин, Берд Тамбиев и другие подали ему прошение, якобы от имени народа, о переселении в Турцию. Об этом полковник Нурид в начале 1867 г. получил сведения от полковника Атажуко Атажукина, который выражал возмущение тем, что «несколькими незначительными лицами подано его Высочеству от имени всего народа прошение о переселении в Турцию, что никто из действи-

тельных представителей Кабарды не знал этого и не разделяет желаний негодяев, осмелившихся действовать именем народа, что он считает себя оскорбленным как человек, с которым народ всегда советовался во всех своих предприятиях». Князь просил начальников начать следствие, а его самого назначить депутатом по этому делу. Нурид уверился в том, что «прошение подано незначительной шайкой фанатиков», и потребовал в Нальчик несколько подозреваемых лиц.

Первые попытки оппозиции сорвать отмену крепостного права провалились. Началось практическое освобождение крестьян. Даже те владельцы, которые неохотно, но, понимая неизбежность предстоящих преобразований, поддержали администрацию, начали обращаться к начальникам участков с просьбой, чтобы «до весны холопов *оставить* на временной работе за заработную плату, так как большею частию *кутаны и вообще хозяйство в самом отвратительном виде*». Начальник Баксанского участка поручик Роменский 17 января 1867 г. далее докладывал Нуриду: «Между тем холопья, несмотря на то, что я им неоднократно объявил, совершенно *не хотят ничего делать*...» Касаясь открытых противников освобождения крестьян, Роменский докладывал: «Вообще во всем участке, по достоверным слухам, большое настроение на счет Турции, [не] исключая и княжеских фамилий и во что бы ни стало, а весною дали присягу отправиться в Турцию».

А начальник Черекского участка Ладыженский 16 января 1867 г. отчитывался перед начальником округа, что он еще 13 января послал конвойного за владельцами крепостных Мурзабеком Кудабердоковым, Джамботом Коголкиным и Индрисом Тоховым. Начальник участка исполнял волю полковника Нурида, который решил пресечь неугодные начальству действия названных лиц. Однако они, не подчинившись указаниям властей, разъезжали по Кабарде, стремясь агитировать население против освобождения крестьян. Сначала они прибыли на Аргудан и попросили князя ротмистра Тлостаналиева присоединиться к ним и возглавить «белое движение». Тот долго не заставил упрашивать себя и «от себя дал знать князю Бекмурзе Атажукину о том же». Затем Мурзабек Кудабердоков посетил аул Мисостова, Нальчикский аул и другие населенные пункты, «везде прося об одном и том же». Выход из положения Роменский видел в том, чтобы «удалить на время из края» тех, которые «крепко мешают начатому делу».

Между тем князь ротмистр Тлостаналиев и Бекмурза Атажукин отправились на Шалушку. Здесь, в шести верстах от крепости Нальчик, их ожидали другие противники отмены крепостного права. Собравшиеся направили по два человека в Баксанский и Черекский участки. Они были уполномочены объявить, что на Шалушке находятся «все почетные лица», и предложить «всему народу собраться туда же»[15]. Съезд на Шалушке принял решение – прибыть в Нальчик и заявить начальнику округа «о желании целого народа идти в Турцию или же ходатайствовать об отмене освобождения зависимых сословий».

Начальник Кабардинского округа полковник Нурид начал принимать срочные меры по усмирению *бунтовщиков*. Он послал к ним на Шалушку подпоручиков Хацу Абезыванова и Бекмурзу Шурухова с целью убедить их разойтись по домам за исключением зачинщиков, которые были вызваны им в Нальчик на допрос: Мурзабек Кудабердоков, Ислам Килов, Индрис Тохов и Алхас Мамхегов. Однако шалушкинцы, более 200 человек, на требование полковника Нурида «приняли присягу не выдавать начальству тех людей, которые были требованы в Нальчик». «Не позволить никому ехать по одиночке в Нальчик, а если нужно, то поедет весь народ» – таков был решительный ответ восставших полковнику Нуриду.

Начальнику округа после этих слов ничего не оставалось, как вызвать всех их в Нальчик и попытаться заставить «понять всю несбыточность их надежды на переселение в Турцию». Один из владельцев – Тлекеч (ЛIыкIэщI) Шаков выразил общее настроение *бунтовщиков*. Шаков заявил, что они, «если не получат от его Высочества позволения на переселение, то доведут свою просьбу до Высочайшей особы государя императора и будут просить всех, кого можно, до тех пор, пока их всех не перевешают, так как без холопов им жить нельзя». Заключительные его слова «вся толпа подтвердила... громким криком: правда!»*[16]. В этот момент ротмистр Тлостаналиев вручил полковнику Нуриду петицию, в которой разъяснялось, что «прошение, поданное его Высочеству, подано с согласия всего общества и просит до получения ответа от государя наместника приостановить освобождение холопов и не взыскивать с тех людей, которые подали прошение».

Полковник Нурид, в свою очередь, назвал главных зачинщиков беспорядков и приказал им остаться в Нальчике для допроса, а остальным – разъехаться по домам. Толпа и тут не подчинилась. Тогда начальник округа пригрозил тем, что вызовет «солдат для усмирения непослушных». На это он услышал категоричное: «Требуйте!» Затем, по словам полковника Нурида, «шайка подняла дерзкий, неистовый крик и вышла вся из дома вместе с теми людьми, которым я приказал остаться». Кроме того, раздавались недвусмысленные угрозы в адрес посредников – милиционеров из кабардинцев, в том числе подпоручиков Абезыванова и Шурухова. Корнет князь Асламбек Мисостов заявил: «Вас нужно перерезать прежде, чем русских, не смейте мешаться в народное дело»[17].

Бунтовщики, не подчинившись приказу полковника Нурида, «удалились на Шалушку». За ними он послал своего помощника с новым требованием исполнить его приказ, но вместо этого ему дали знать о принятой ими новой присяге – «разорить до основания того из них, кто осмелится поехать в Нальчик один, а не целой

---

*В 1857 г. житель аула Баткирея Тамбиева уздень Кликеш Шаков писал: «...нахожусь старшиною в ауле вот уже 10 лет». По сведениям за 1863 г., он также был старшиной аула (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 592, л. 6).

толпой». Из дальнейшего доклада полковника Нурида начальнику Терской области становится ясным, что после принятия последней присяги «вся эта шайка вполне вышла из повиновения власти и разъехалась по аулам, дав обещание собраться на Шалушке после поста».

Таким образом, можно заключить, что в январе 1867 г. в Кабарде вспыхнуло невооруженное восстание значительного числа владельцев против отмены крепостного права. За спиной вожаков сопротивления нередко стояли значительные слои населения. Например, князь ротмистр Бекмурза Тлостаналиев «увлек с собою в партию непослушных весь свой аул»[18].

Тем не менее начальник Кабардинского округа полковник Нурид, очевидно учитывая напряженную обстановку, не рискнул прибегнуть к военной силе для усмирения повстанцев. Притом он принимал во внимание, что «присяга, принятая в пост, свято исполняется магометанами и насильственное принуждение нарушить ее может довести фанатиков до оступления и самое дело до кровавых последствий». Однако полковник Нурид вовсе не собирался отказаться от примерного наказания непослушных владельцев. Он только отложил свое намерение до окончания священного для мусульман поста рамазана, чтобы назначить «общий народный сбор», надеясь с его помощью «привести к повиновению шайку негодяев, не прибегая к оружию». В заключение цитируемого нами рапорта полковника Нурида начальнику Терской области Лорис-Меликову указывалось: «В шайке нет ни одного порядочного и влиятельного человека: все сволочь, между которой весьма достаточно мулл»[19].

С подобной крайне пренебрежительной характеристикой восставших, конечно, нельзя согласиться. Она понадобилась Нуриду, видно, для того, чтобы отвести от себя возможный упрек в свой адрес со стороны Лорис-Меликова. Начальник округа не был уверен в мирном разрешении конфликта и просил Лорис-Меликова дать ему предписание, как поступить в дальнейшем. Генерал Лорис-Меликов немедля откликнулся на просьбу начальника Кабардинского округа и 21 января 1867 г. одобрил действия и планы последнего.

Однако надежды полковника Нурида на назначенный на 27 января народный сбор не оправдались. Народный сбор сумел выработать лишь одну рекомендацию: отдать на обсуждение по шариату вопрос – следует ли повиноваться начальству. Непослушные владельцы уклонились даже от обсуждения этого вопроса и направились во Владикавказ – центр Терской области – для встречи с ее начальником Лорис-Меликовым, но им пришлось вернуться в Кабарду. Лорис-Меликов, уведомленный о событиях в Кабарде, «изволил тогда же (в конце января. – *С. Б.*) прибыть в Нальчик». Войска были приведены в боевую готовность, а при их появлении в Кабарде по приказу начальника области повстанцы разошлись, а «главные виновники сдались безусловно».

30 января 1867 г. Лорис-Меликов уже докладывал наместнику

Кавказа Михаилу Романову о событиях в Кабарде. Главную вину за организацию сопротивления властям он возложил на так называемую «партию переселения», которая, по его словам, «не решилась бы так *дерзко и настойчиво* (подчеркнуто нами. – *С. Б.*) заявлять свои желания, если бы усилившееся в последнее время стремление к уходу не было вместе с тем вызвано и подстрекательствами и приглашениями из Турции». В связи с этим начальник Терской области указывал: «Нельзя упускать из вида и того обстоятельства, что за уходом части населения та часть его, которая останется в наших пределах, никогда не отрешится от мысли, что уход в Турцию всегда возможен и что вследствие сего желание переселиться будет искренно или нет, но всегда заявляемо, как это ежегодно повторяется с 1861 года, каждый раз, когда население будет иметь какой-либо повод надеяться, что подобным заявлением оно отклонит осуществление каких-либо мер или реформ, которые правительство признает необходимым выполнить и которые могут показаться населению тягостными для него». Лорис-Меликов считал, что «частное переселение, удовлетворяя потребностям минуты, неминуемо затруднило бы... окончательное и прочное объединение кабардинцев с прочими подданными». Потому он предполагал: «или окончательный воспрет всяких частных переселений, или же общее выселение всего кабардинского народа».

Лорис-Меликову трудно отказать в понимании социальной природы народа вверенной ему области, но хотим особо подчеркнуть, что до столь чудовищной мысли, как выселение целого народа, не додумался даже известный своей жестокостью по отношению к кабардинцам граф Евдокимов. Вместе с тем Лорис-Меликов воздержался указать, по какому из двух сценариев следует идти в переселенческом движении кабардинцев. Однако был уверен в другом: «...оказанное дерзкое сопротивление распоряжениям ближайшего начальства должно быть... примерно наказано». Встревоженный неповиновением в Кабарде или, говоря языком начальства, «дерзким сопротивлением», начальник области признал «число войск, ныне расположенных в районе округа (Кабардинского. – *С. Б.*), недостаточным». Учитывая также, что, возможно, придется прибегнуть к силе для «заарестования главных нарушителей порядка», Лорис-Меликов распорядился стянуть к пределам Кабардинского округа «от различных частей 4 стрелковые роты, 3 сотни казаков и взвод конной артиллерии* с тем, чтобы, в случае надобности, части эти могли быть по первому востребованию начальника округа двинуты к Нальчику, или к тому пункту, куда укажет необходимость». В случае необходимости Лорис-Меликов намеревался прибегнуть к другому, старому, но

---

* Наименования воинских частей, стянутых к Нальчику, содержатся в «Ведомости деньгам, израсходованным во время неповиновения начальству кабардинцев»: дивизион Нижегородского драгунского полка, конно-казачья батарея, две сотни Волгского казачьего полка (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 80, л. 4).

внушительно действовавшему оружию – прокламации генерала Ермолова и «объявить нарушителей порядка абреками, признав немедленно свободными безвозмездно принадлежащих им холопов с находящимися при них имуществом»[20].

После того как «главные нарушители сдались безусловно», т.е. 1 февраля 1867 г., началось следствие. К 22 февраля уже был составлен список лиц, привлекавшихся к ответственности. Главными виновниками последних беспорядков и руководителями партии, оказавшей неповиновение начальству, были признаны юнкер князь Бекмурза Атажукин, тлекотлеш Берт Тамбиев и беслен-уорк Цура Тавкешев. Первым двум была назначена ссылка «в Россию под надзор полиции на неопределенный срок». Самая строгая мера наказания была определена Цуре Тавкешеву, как служившему «казаком в Бабуковской станице 10 лет».

Спасти Цуру Тавкешева, а заодно с ним и другого арестанта, эфендия хаджи Ислама Токмакова, старались его близкие и родственники. Уздени Шамаиль Хажикасимов, Джесуп Шихостанов, Исхак Меремкулов и Якуб Бугов «по долгу совести» удостоверяли своими подписями, что Тавкешеву исполнилось 70 лет. Племянник Тавкешева подпоручик Пак Тавкешев обратился к самому наместнику Кавказа с докладной запиской, в которой указывалось, что его дядя «вдов, на один глаз слеп, а другим мало видит... страдает сильнейшим ревматизмом»[21].

Но это не помогло. Ему не могли простить, что он, зная «более других преступность своих действий», оказал неповиновение начальству. За это он переселялся «в пример другим в Россию с семейством навсегда».

В числе других главных виновников (по списку): юнкер Бекмурза Наурузов, Мурзабек Кудабердоков, Ислам Кипов, ротмистр Бекмурза Тлостаналиев, прапорщик князь Эльмурза Докшукин, Асхад Бабуков, Хаджи Яхья Кумыков, Ахмет Алхасов, Шора Думаев, эфенди Хаджи Тагир Кушхов, Джамбот Коголкин, Увжуко Шереужев, Индрис Тохов, Тлекеч Шаков, Алхас Мамхегов, Исмаил Апшев и другие – всего 21 человек был назван главным организатором неповиновения властям.

Начальник округа полковник Нурид кратко характеризовал всех активных участников движения, делая примечания против их фамилий. Например, Асхад Бабуков: «По званию своему и по летам был одним из влиятельнейших людей в шайке...»; Хаджи Яхья Кумыков: «Один из главных подстрекателей народа искать переселения в Турцию»; юнкер Увжуко Шереужев: «Состоя на службе милиционером и нося высочайше жалованное кабардинцам знамя, осмелился придти ко мне для переговоров от шайки людей...»; мулла Магомет-Али Хавжоков (а. Тлекеча Куденетова): «Принимая деятельное участие во всех беспорядках, по званию своему имеет вредное влияние на народ. Арестовать в Нальчик на 6 месяцев»; Умар Хаудов (а. Нальчикский): «Когда толпа непослушных была в моей квартире (начальника округа. – *С. Б.*), то он осмелился грозить милиционерам убийством. Сослать в Геор-

гиевск на 6 месяцев»; Докшуко Анзоров (аул Хату Анзорова): «Участвовал во всех беспорядках, фанатик и возбуждает народ к переселению в Турцию. Арестовать в Нальчик на 6 месяцев»; юнкер Магомет Бабугоев (аул Камбота Куденетова): «Весьма долго служил в милиции, имеет знаки отличия, между тем принимал весьма деятельное участие во всех беспорядках. Сослать в Георгиевск на 1 год»; Эльмурза Тохтамышев (аул Магомет-Мурзы Тохтамышева): «Участвовал во всех беспорядках и был в числе пьяной молодежи, которая хотела броситься на Нальчик. Арестовать в Нальчик на 6 месяцев»; Айтек Кошев (аул Иналова): «Фанатик, сильно подстрекавший народ к просьбе о переселении в Турцию и участвовал во всех беспорядках»; Хажали, Уважуко, Хажимет и Исмаил Шалбаровы (аул Иналова): «Весьма богатые люди и имели сильное влияние на действия толпы, вышедшей из повиновения»; Каирбек Атажукин (аул Кази Ашабова): «Был в числе пьяной молодежи, бросившейся на Нальчик. Приказал мулле прочесть в мечети расписку возмутительного содержания. Выслать на службу в Россию»; Магомет Сидаков, Мусса Шогенов, Пшемахо Гетежев (аул Касаева): «Богатые люди и имели вредное влияние на действие толпы, вышедшей из повиновения власти»; Канамет, Аслангирей, корнет Бекмурза Кармовы и Магомет Паштов (аул Шу Кармова): «Богатые люди и вредно действовали советами на толпу непослушных»; корнет Шолох Алмов (аул Лафишева): «Долго служил казаком в Бабуковской станице, получил офицерский чин в казачьем сословии, между тем участвовал во всех беспорядках»[22]. Краткая, но содержательная характеристика, данная начальником округа основным участником движения, и меры наказания, предусмотренные для каждого из них, дополняют сложную социальную обстановку, сложившуюся в Кабарде в ходе отмены крепостного права.

Полковник Нурид 25 марта предписывал начальнику Черекского участка немедленно арестовать муллу Магомета Али Хавжокова, Магомета Карагулова, Мусу Хахпачева, Хатакшуко Жамбикова (аул Нальчикский), Жамбота Амфокова, Канамата Кудашева (отца будущего историка Владимира Кудашева) (аул Кучука Докшукина), Каспота Гурфова, Темрюко Тохова (аул Кайсына Анзорова) и Докшуко Анзорова, Исхака Шапарова (аул Бекмурзы Наурузова).

По Баксанскому участку предлагалось арестовать: юнкера Магомета Бабугоева, муллу Исхака Шапарова, прапорщика Батгирея Зекова, Пшемахо Губжокова (аул Иналова), Касая Карамурзина, Мусу Нагорова (аул Кази Ашабова), Эльмурзу Лампежева (аул Кучмазукина), Заурбека Тлибекова (аул Тыжева), Измаила Кучмазукина (аул Кучмазукина), Хаджи Умара Шарданова (аул Конова), Асланбека Тяжгова (старшина аула Лафишева), Хаджи Ногмова (аул Кармова) и Нашхо Капашарова (аул Бабукова).

Менее тяжким формам наказания подвергалось несколько сот повстанцев. Окружное начальство 27 октября 1867 г. представило в канцелярию начальника Терской области ведомость взысканных штрафов с лиц, «оказавших неповиновение начальству». Со-

гласно докладу поручика Роменского Нуриду, всего было взыскано 10 340 рублей. В том числе: по Баксанскому участку – 7310, а по Черекскому участку – 3030 рублей серебром. Взысканный штраф – основной показатель степени участия населенных пунктов в неповиновении властям. Исходя из этого, делаем вывод, что наибольшее упорство проявили аулы князя Тлостаналиева (Черекский участок) – 970 и Заракуша Тамбиева (Баксанский участок) – 900 рублей серебром штрафа. За ними следуют: аул Бекмурзы Атажукина – 785, аул Бекмурзы Наурузова – 780, аул Шу Кармова – 610, аул Магомет-Мурзы Тохтамышева – 550, аул Коголкина – 535, аул Ислама Конова – 520, аул Иналова – 511, аул Ашабова – 500, аул Асхада Бабукова – 430, аул подполковника Касаева – 365, аул Кайсына Анзорова – 340, аул полковника Атажукина – 330, аулы Тлекеча Куденетова и Пака Тыжева – по 290, аул Кучмазукина – 210, аул Кази Атажукина – 200 рублей серебром. Среди оштрафованных аулов числятся также аул Хату Анзорова (170), Эльмурзы Кожокова (150), Мисостова (140), Нальчикского (90), Жанхотова (70). Движением против отмены крепостного права было охвачено свыше 30 аулов Большой Кабарды[23].

Разумеется, от лиц, облеченных правительственными полномочиями, не следует ожидать восторженных эпитетов для характеристики тех, кто отказывается повиноваться их воле и принимает активное участие в так называемых беспорядках. В этом контексте надо воспринимать и отрицательные отзывы начальства об организаторах прокрепостнического движения в Кабарде.

Что касается тех, кто был арестован на срок до одного года, то они отсидели положенное время. Главных же организаторов неповиновения властям, которые отбывали более строгие меры наказания в России, выручило, можно сказать, одно счастливое для них обстоятельство. 7 мая 1869 г. наместник Михаил Николаевич, возвращаясь из Кубанской области, «изволил отправиться в аул Верхний Атажукин, где был назначен ночлег». Кабардинцы встретили высокого гостя со свойственным им традиционным гостеприимством, которое произвело на наместника сильное впечатление. Более чем вероятно, что в это время хозяева воспользовались редкой возможностью и попросили наместника помиловать сосланных в Россию их родственников и вернуть на родину, ручаясь за их дальнейшее поведение. Во всяком случае очень скоро последовало прощение, которое переписка связывает с пребыванием великого князя в с. Верхний Атажукин.

Начальник Кабардинского округа 17 мая 1869 года уже докладывал начальнику Терской области: «Его Императорское Высочество, главнокомандующий Кавказской армией, во время пребывания своего в ауле Верхнем-Атажукина изволил лично объявить кабардинскому народу о даровании прощения сосланным в Россию кабардинцам за оказанные ими неповиновение начальству в 1867 году»[24].

Отмена крепостного права означала и отмену связанных с ним обычно-правовых норм.

РОССИЙСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В КАБАРДЕ: ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРАВЛЕНИЯ

Командующий войсками Кабардинской линии генерал-майор Горихвостов в 1832 г. выразил неудовольствие воинскому начальнику Черекского укрепления поручику Морозинскому. Оно было вызвано жалобой жителя аула Кучука Жанхотова узденя Умара Вартанова (Ортанова), в которой поручик Морозинский обвинялся в том, что он, по словам Вартанова, требовал от него уступить ему пропавшего быка, угрожая в противном случае забрать у него оружие. В свое оправдание Морозинский сослался на 17-летнюю беспорочную службу, в продолжение которой он «никогда, нигде и ни от кого» не был подвергнут даже подозрению со стороны начальства. Поручик уверял Горихвостова, что докажет свою непричастность к этому делу показаниями свидетеля из аула Алегуко Докшукина – кабардинца Измаила Боркоева (Борукаева?). Кроме того, «явно ложное подозрение» Вартанова Морозинский объяснял общим психологическим настроем, согласно которому кабардинец «торжественно готов не только наводить таковые для пользы своей, единственно с негодования злодейской своей ненависти к российскому народу по преданию их, но при малейшей возможности и самую гибель»[1].

Поручик Морозинский, беспокоясь за свою карьеру, явно перегибал палку и действительно клеветал на Кабарду и кабардинцев, приписывая им некое заданное состояние негодования и злодейской потомственной ненависти к российскому народу. Он заодно выступал с теми, кто был весьма далек от понимания действительной природы кабардинцев и благожелательного отношения их к русскому народу. К тому же Морозинский находился в своей должности, по его же словам, самую малость – только «более году». Рассуждения, по Морозинскому, сами по себе никогда не шли на пользу кабардинско-русским отношениям, но подобная скверна крайне отрицательно сказывалась на них, когда она исходила от начальства.

В 1866 г. полковник Нурид предписал поземельному депутату Кабардинского округа барону де Форжету немедленно возвратить земельный участок под названием Бабугой, отобранный им, по словам князя Магомета Наурузова, у него и отданный жителям аулов Бекмурзы Атажукина и Аджиева. Барон де Форжет доложил Нуриду, что жалоба князя Наурузова несправедлива, в чем «убедился сам подпоручик князь Магомет Наурузов». Узнав о действительном положении дел, Нурид распорядился «объявить подпоручику князю Наурузову выговор за ложную его жалобу»[2]. Эта переписка говорит о том, что подача начальству ложной жалобы подвергалась наказанию. Перед нами пример метода администрирования, достойный подражания.

Другой пример. Жители с. Лескен 3-го участка Нальчикского округа 23 августа 1896 г. обратились к начальнику Нальчикского

округа с таким прошением: «В виду того, что у нас писарь из русских, не знающий осетинского языка и поэтому требующий всегда переводчика (без чего нельзя обойтись), приводящий общество в большое затруднение, всепокорнейше просим ваше высокоблагородие дозволить нам приискать писаря из осетин, которому и разрешить поступить к нам сельским писарем, переместив на другое место настоящего нашего писаря, и тем избавьте нас от многих крайних затруднений». В числе просителей значатся: Мурза Кабанов, Слангери Караев, Дзамболет Бериев, Дударуко Арсиев (Арсаев?), Хизир Елеев, Сламбек Амилаханов, Дзанхот Куцоев, Дзохой Дамбеков, Майрам Хоцаонов, Таули Айтегов, Дзанколил Ельбиев, Гасай Тайсанов, Хадзират Бетрозов, Ораз Дзоблаев, Хадзимат Дреев, Гвиман Бетанов, Совкуй Цамакоев, Дзардак Елканов, Габуза Хаев, Дзагола Гадзоов, Басиль Газанов, Хасако Марзоев, Дзахо Колоев, Слонико Ваниев, Абисал Цоков, Бола Леванов, Елиф Алиев, Хазимат Нардгериев, Кузух Цебоев, Гавис Агузаров, Габуца Тотоев, Дзаго Совкуев, Бекир Дзантуев, Бадаго Бадзиев, Сала Кодзасев, Турмец Макоев, Дзоба Тадиев, Госи Цебоев, Дзанхот Дзагуров, Дзанхот Одоев, Габо Харонов и другие – всего 103 подписи, которые включают в себя перечисленные фамилии.

Резолюция начальника округа гласит: «Запросить начальника 3-го участка, признает ли он просьбу заслуживающею уважения». Начальник участка штабс-капитан Мокрица 28 сентября дал отрицательный ответ. «В осетинском селении, и в особенности в таком, как Лескен, – указывал он, – писарь непременно должен быть русский». Начальник участка свое мнение обосновывал тем, что жители села и его выбранные лица отличаются «беспокойным нравом» и «всячески стараются избегать исполнить распоряжения начальства», и поэтому, по его мнению, «русский писарь скорее чем осетинский может... принять меры к понуждению старшины и др. к исполнению». Далее начальник участка отмечал: «Осетинские писаря, будучи сами туземцами, не могут идти против своих традиционных обычаев, которые во многом мешают к честному и к правильному исполнению своих обязанностей, а так как в этом селе и старшина и все должностные лица – туземцы-магометане, то все и будут служить не по закону, а по обычаю». Ставя русские законы выше обычаев народа и подчиняя последние первым, Мокрица откровенно докладывал окружному начальнику, что «русский же писарь может с покойной душой игнорировать туземные обычаи».

Другая причина отказа просителям заслуживает быть особо отмеченной. Признавая ее самой главной, Мокрица писал: «К Лескенскому селу в полицейском отношении причислен хутор последователей учения гр. Толстого, за которым установлен тайный полицейский надзор. Главным образом следит за ними писарь, который лучше туземцев понимает важность этого поручения».

Следует остановиться и на таком замечании Мокрицы. Сельские старшины, в большинстве своем не зная русского язы-

ка, видели «в своем писаре единственного себе помощника и даже руководителя». И наконец, Мокрица кроме всех перечисленных причин одну считал достаточно уважительной, чтобы оставить русского писаря в Лескене: «...в туземных селах интересно иметь хоть одного русского, какой бы он не был»[3].

Некоторые выводы. Как видно из прошения и ответа начальника участка, жители с. Лескен сто лет тому назад сами себя считали и назывались официально осетинами. Ответ участкового начальника представляет интерес как свидетельство взаимоотношений местного населения и русской администрации Нальчикского (бывшего Кабардинского) округа. Перечень фамилий просителей с. Лескен (ныне входит в состав Республики Северная Осетия – Алания) является ценным источником, позволяющим проследить родословную многих фамилий, являющихся в настоящее время кабардинскими.

Несколько слов из истории самого селения Лескен. Основанный к концу 80-х годов XIX в. как поселок Хаевский, населенный пункт переименован в с. Лескен указом правления Терской области от 9 декабря 1893 г.[4] Местом для нового поселения стал «земельный участок мерою 736 десятин 800 квадратных сажен»[5]. Осетины Навог (Наок) Цамакаев, Хазби Караев, Дзахо Одоев и другие купили этот участок у жителя с. Коголкина Умара Коголкина, которому он был высочайше пожалован в 1880 г.

КЛЯТВЫ (ПРИСЯГИ), ПОРУЧИТЕЛЬСТВА, ПОДПИСКИ

Клятвы (присяги) народа во многом свидетельствуют о его мировоззрении и обычаях. Как и у других народов, у адыгов существовали различные клятвы и другие формы духовного очищения. Повествуя об одной из них, Ш. Б. Ногмов писал, что между Кубанью и Тебердою находилось одно здание, которое называлось Хасэмывэ, что означало «камень заседания судей». В том здании имелся камень с изображением конского копыта и собачьей лапы. В нем было сделано тесное отверстие, через которое следовало пролезть человеку для испытания его в невиновности. Если подвергавшийся такому испытанию был виновен, «сколько бы ни был тонок, не мог пролезть, а невинный пролезал, хотя с большим трудом»[1]. Очевидно, в те далекие времена указанное тесное отверстие на камне служило как бы заменой впоследствии практиковавшейся клятвы.

Клятвы проникают в быт адыгов в условиях язычества и видоизменяются в период христианства и мусульманства. Касаясь верований адыгов (кабардинцев) в XVI в., Ногмов замечает: «Вероятно, что христианская вера, распространенная в древности греками между Черным и Каспийским морями, была еще в большой силе у нашего народа. Эта причина побудила его искать союза с русскими, как с единоверцами, и прибегнуть под покровительство царя Иоанна Васильевича[2]. В непосредственной связи с этим

союзом возникло получившее популярность выражение-клятва: «Тхаго Цар-Иван хоттуа» (Тхьэ Iуэ Цар-Иван хэту). Это означает одно: чтобы клятва показалась убедительной, следовало в ней упомянуть имя Ивана Грозного.

О наличии среди кабардинцев XVI в. христианства говорят документы. В посольстве 1552 г. в Москву прибыл князь Иван Елбузлуков (Елбэздыко?). Его принадлежность к христианской вере видится в имени Иван. А в 1553 г., во время посольства в Москву, черкесские князья «крест государю целовали», а их сыновей в 1555 г. крестили и дали им христианские имена. Позднее, в 1559 г., «все черкасы» били челом (просили), «чтобы их государь пожаловал... и велел их всех крестити». И царь в следующем году направил в Кабарду воеводу Вишневецкого «крестить их, кабартанских черкас»[3].

Сравнивая сведения Ногмова с челобитием кабардинцев, приходится ставить вопрос: как кабардинцы могли просить, чтобы их крестили, если они, хотя бы в значительном числе, были христианами, и как они настояли бы на своем крещении, если они исповедовали мусульманство? Следует заметить и следующее. Имена кабардинцев рассматриваемого времени не были ни христианскими, за некоторым, должно быть незначительным, исключением, ни мусульманскими. Это обстоятельство во многом говорит в пользу того, что кабардинцы в первой половине XVI в. не были подвержены определяющему их религиозный облик влиянию (христианства или мусульманства), а все еще тяготели к древнему языческому верованию.

В то же время турки стремились уверить Ивана Грозного в том, что кабардинцы – мусульмане. По крайней мере, на переговорах посланника царя в Турцию И. П. Новосильцева с великим везирем Мухаммедом Соколли, состоявшихся в 1570 г., последний заметил: «То все земля, Черкасы и Кумыки и Крымшевкалы, государя нашего, и вера наша ж»[4]. Возражая везирю, И. П. Новосильцев указывал: «От Кабарды до Бесленей верст с 500, и та земля далеко отошла от черкас, которые вашему государю приклонились и служат, а не владел тою землею, где город Терка стал, опричь Темгрюка, нихто»[5].

Возражения И. П. Новосильцева довольно основательно фиксируют политическое положение Кабарды. По крайней мере, ее части, против которой у везиря не нашлось убедительных аргументов. Однако в грамоте султана Селима Ивану Грозному, посланной ему около 30 июля 1570 г., сказано: «...и нашего величества князи наши холопи кабардинские земли искони вечные наши бывали...»[6]. Как видно, русский царь и турецкий султан по-разному, но каждый в свою пользу доказывали положение Кабарды.

«Крестная» миссия Вишневецкого не увенчалась особым успехом. Об этом свидетельствует шерть (присяга) кабардинцев русскому царю, данная в 1588 г. В ней отмечено: «Даю шерть по своей вере по мусульманскому закону государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси...»[7]. Здесь уже четко просле-

живается официальная вера, которую исповедовали кабардинцы, хотя в таком сложном социальном феномене, как религия народа, всего за 18 лет вряд ли могли произойти коренные изменения. При этом надо принимать во внимание, что к присяге в этот раз приведены «со всею Кабардою Черкасскою»: «Мамстрюк князь (сын Темрюка Идарова. – *С. Б.*); да Худенек-мурза Канбулатов сын Черкаской и эркасы Елбуздук с товарыщи»[8]. Здесь говорится о Канбулате Идарове (Камбулате Айдаровиче), которого документ называет начальником «Черкасской Кабардинской земли». Его сын и племянник в том году дали шерть по своей мусульманской вере.

Таким образом, можно утверждать, что кабардинская знать к концу XVI в. приняла мусульманство. Но означает ли это, что новая религия вытеснила язычество и христианство? Материалы русско-кабардинских отношений XVI в. и фольклора отвечают на вопрос отрицательно.

Фредерик Дюбуа де Монпере пишет: «Во все времена народы Кавказа склонялись к друидизму, т. е. во все времена они питали наибольшее уважение к старым деревьям, поскольку считали, что в них обитают невидимые божества»[9]. Адыги не могли быть исключением. Элементы друидизма у них присутствовали и в судопроизводстве. По этому поводу Н. Дубровин отмечал: «В прежнее время присяга происходила на посохе, вырубленном в священной роще, и присягающий начинал ее словами: «Я клянусь тем, кто создал эту ветвь...»[10].

Хронологические рамки этого прежнего времени можно установить строками известной кабардинской народной песни о предводителе крестьянского восстания Дамалее Мамсрукове:

Дэмэлей хахуэр ныдокI
НыкIэлъыдэкIыр мы
Зэпэбашым щIегьэкI[11]
(Дамалей мужественный уходит,
Тех, кто за ним следует,
Заставляет пройти через две скрещенные палки).

Слово **зэпэбаш** в кабардинском языке имеет два значения: одно – сошка, т. е. подставка для ружья при стрельбе с упора, другое – приспособление в виде двух скрещенных кверху палок (видимо, то же, что и посох у Н. Дубровина) служило для принятия присяги. Пройти (пролезть) через эти скрещенные палки, вероятно, срубленные в священной роще, или из почитаемого, ныне, к сожалению, уже неизвестного дерева, означало принять присягу (дать клятву).

Неоднократное нарушение этой или подобной присяги сурово наказывалось. Н. Дубровин пишет, что клятвопреступник, «признанный неисправимым, исключался из фамилии», а «чаще же всего преступника продавали в неволю или привязывали ему на шею камень и бросали в воду, от чего и произошло самое название пси-хядзь (псы-хэдзэ. – *С. Б.*), т. е. «брошенный в воду»[12].

Что касается времени, когда практиковалась подобная форма присяги, достаточно отметить, что восстание Дамалея произошло в 50-х годах XVIII в. (1754 г.).

О другой форме присяги языческого характера. С. Броневский свидетельствует: «Кабардинцы имеют великое уважение к остаткам старинного города Татар-тупа, лежащего в Малой Кабарде, на западном берегу Терека. Прежде сего у Татар-тупа совершались между кабардинцами все клятвы и договоры для вящей оных прочности»[13].

На берегу Терека, «выше соединения ее с рекой Малкой», Ногмов застал «в большом числе башни, или минареты», которые на кабардинском назывались *жулат*, что означает «часовня для подаяния доброхотных дателей». Характеризуя назначение этих строений, Ногмов писал: «По преданию они основаны нашими предками в древности и были посещаемы для очищения и принесения жертв. Если между союзниками или друзьями случалась ссора или нарушение слова, то оба отправлялись к жулату с луком и стрелами. По прибытии туда они становились один против другого, брали стрелу за концы и давали обещание, что между ними впредь никакой ссоры не будет, потом разламывали ее надвое и возвращались восвояси. Этот обряд назывался жулат»[14].

После завоевания нашего края монголо-татарами жулаты стали называться Татартуп, что означает «под татарами». Иначе – местность, занимаемая татарами, или местность татар. Само название Татартуп относилось к горе и урочищу, расположенным вблизи сравнительно недавно развалившегося Татартупского минарета, о котором А. С. Пушкин оставил воспоминание. По сведениям Хан-Гирея, в пещере горы «кабардинцы во времена грубого их язычества совершали клятвы»[15].

Кази Атажукин сказал еще точнее: «Поехать в Татартуп и там переломить стрелу... признавалось тогда за самую сильную клятву»[16].

Отметим еще один любопытный факт. В период восстания кабардинских крестьян 1767 г. на Чегеме, «у кладбища владельца Бекмурзы», состоялось важное «полное собрание» (хаса) кабардинцев Большой Кабарды. В нем принимали участие и Представители восставших крестьян, почему, вероятно, собрание названо полным[17].

Владельцы и уздени обещали, что на этом «полном» собрании они «учинят присягу». Но почему для принятия присяги избрано место у кладбища князя Бекмурзы? По сведениям новокрещеного ротмистра Ивана Татарова и мурзы Бий-Мурзы Батырева, «кои природою кабардинцы», «был у них, кабардинцев, старший князь Масаус Казыев сын, а по нем князь Тенз-бей, Бекмурза, Казий Масаусов и протчие»[18]. Как видно, полное собрание проводилось у кладбища не просто владельца Бекмурзы, а бывшего князя-валия Кабарды. Можно сказать, что могилам предков кабардинцы придавали сакральный характер, а особенно могилы князей-валиев считались священными; относились к ним, как к религиозному

культу, и использовали в качестве места принесения клятвы, присяги.

Места, почитавшиеся священными, использовались и для проведения собраний. По сведениям В. К. Гарданова, у Татартупа не только произносились клятвы, совершались жертвоприношения, но и отдававшиеся под его покровительство считались неприкосновенными, а также «здесь происходили собрания»[19]. Напомним, что полное собрание у могилы князя Бекмурзы происходило во второй половине XVIII в.

В русско-кабардинских связях в регулировании обычно-правовых отношений самих кабардинцев большую роль играли клятвы и присяги. Широко практиковалось составление текста клятвенного обещания.

6 февраля 1826 года генерал-майор Горчаков предписал подполковнику Булгакову: «На основании имеющихся у вас Высочайшего Манифеста с приложениями, предлагаю Вашему Высокоблагородию на верноподданство Его Императорскому Величеству Николаю Павловичу привести к присяге и всех судей Кабардинского временного суда, и мне донести с представлением присяжных листов». Процитируем выдержки из текста клятвенного обещания в переводе Якуба Шарданова с «турецкого диалекта»: «Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом и великим пророком Магометом пред святым Алкораном Его в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Николаю Павловичу Самодержцу Всероссийскому и Его Императорского Величества, Всероссийского престола наследнику Его Императорскому Высочеству великому князю Александру Николаевичу верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне. Господь Бог душевно и телесно да поможет, в заключение же сей моей клятвы целую Слово святого Алкорана. Аминь. По сей присяге присягали Кабардинского временного суда судьи: председатель подполковник князь Кучук Дженхотов, члены суда Али Мурза Коголкин, Бияслен Кудинетов, духовного звания кадий Умар Шеретлоков, секретарь суда капитан Шарданов, депутат от черного народа Мамбет Тозеплов».

Во время присяги присутствовал «начальник войск, в Кабарде расположенных, и командир Кабардинского пехотного полка подполковник Булгаков».

Власти не ограничивались приведением к присяге членов Кабардинского временного суда. 30 марта 1826 г. генерал-майор Горчаков предписал новому начальнику подполковнику Швецову, а немного позднее и Бековичам-Черкасским (подполковнику и

прапорщику) привести «к присяге на верность подданства Государю Императору Николаю Павловичу всех князей и узденей Большой и Малой Кабарды»[20].

Тексты клятвенных обещаний несколько менялись, что следует объяснить изменениями в религиозных представлениях народа. Приведем два клятвенных обещания и сравним их содержание. Текст одного из них гласит: «Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь перед всемогущим Богом и пред великим пророком Магометом и четырьмя справедливыми Его книгами: Инжыл, Таурат, Забур и Алкоран в том, что по которому делу я ныне призван и в чем спрашивать будут показать должен самую сущую правду, неправды ж отнюдь ни для вражды, дружбы, свойства, корысти ниже страха ради сильных лиц не показывать, в чем Бог да поможет душевно и телесно в сем и будущем веце, в том я пред Богом и судом его страшным ответ дать должен. В заключение же сей моей клятвы целую слово Алкоран. Аминь». Рядом с этим переводом помещался оригинал клятвы на арабском языке, а ниже – дата и подписи тех, кто давал клятву.

В данном конкретном случае 21 декабря 1846 г. по данному тексту присягали Вторго Волгского казачьего полка Бабуковской станицы старшины и почетные жители: Арамхута Мамхегов, Дзуа Мыхцев, Мусали Конахов, Аиса Мамхегов, Абдрахман Тавкешев, Герандуко Хуранов, Исхак Тяжгов, Мурзабек Думаев, Исхак Альмов, Адамей Купсергенов и Ильяс Аджиев, в том и подписались. К присяге их приводил эфендий Бабуковской станицы эфенди Шобан, при этом присутствовал Волгского полка есаул Солнушкин. Клятва давалась в связи с тем, что казак этой станицы Сагит Хамготов обвинялся в присвоении лошади казаков Георгиевской станицы Козьмы Шульгина и Федора Матюшенко. Почетные старики и старшины заверяли начальство, что «житель одной с ними станицы Сагит Хамготов поведения хорошего, никакими худыми делами не занимался, а ведет себя честно»[21].

Может сложиться впечатление, что данное клятвенное обещание не характерно для кабардинцев, поскольку по этой форме присягали бабуковцы, перешедшие в казачество и располагавшиеся вне Кабарды. Такое мнение было бы ошибочным. Мы располагаем аналогичным текстом клятвенного обещания, по которому присягали и кабардинцы, проживающие в самой Кабарде. Приведем его:

«Клятвенное обещание

Аз, ниже именованный, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом и великим пророком Магометом и четырьмя справедливыми Его книгами Инжил, Теврот, Зебур и Алкуран в том, что на сие призванное свидетельство в чем спрашивай буду что видел и слышал или знаю должен объявить самую сущую истинную правду не норова ради и дружбы, свойства, вражды ничего не должен прибавить, но так как пред Богом и судом его страшным всегда ответ дать должен, если же я против совести моей и присяги что

покажу ложно, то проклят буду от Бога и отрекусь от великого пророка Магомета, жены и детей [св]оих, прошу их, чтобы и оне [от]реклись глаголы, ум то[к]ак Бош ольсун*, о сущей же правде да поможет мне Бог всемогущий, в заключение ж сей моей клятвы целую слова Алькурана. Аминь!»

Это клятвенное обещание было составлено в 1843 г. по делу о покушении узденей Докшуко, Тогустана, Тлостанбека Еунышевых и Каспота Когужева из а. Таусултанова на корнета Инала Коголкина. Присягу дали Мусса Индыгулов, Али, Хаджали, Беслан, Тлогустан Алкашевы, Темир Хабеков, Навруз Гукежев, Мисост Шумахов, Магомет Гукежев. К присяге приводил Черючиев Алиев в присутствии помощника пристава Малой Кабарды[22]. Присяга составлена эфендием – выходцем из Дагестана Алиевым – тремя годами раньше вышеприведенной. Ее текст начинается церковнославянским «Аз» (я) и содержит названия тех же священных писаний. Любопытно, что в отличие от предыдущего клятвенного обещания данная присяга включает в себя момент отречения того, кто клянется, от жены и детей в случае дачи ложного показания, равно жена и дети отрекутся от мужа и отца.

Для сравнения с обеими клятвами приведем текст другой клятвы, практиковавшейся спустя 13 лет – с 1859 г.: «Клятвенное обещание. Мы, нижеименованные, перед Алкораном Всемогущего, не имеющего себе равного, Великого Бога клянемся и обещаемся, что все, о чем нас спросят, несмотря ни на дружбу, родства, свойства, вражды, корысти и страха без потворства какой-либо стороны, без участия, добавления и уклонения, без утайки точности покажем и скажем самую сущую правду, дабы на страшном суде всеобщего Воскресенья перед самим Всемогущим Богом смог дать ответы в оной Беляги, Веляги, Таллаги, будем отвечать по справедливости и покажем сущую правду, после каковой нашей присяги даем слово Алкорана – Амин Господи Миров»[23].

По этой присяге в присутствии следователя капитана Анцуты были приведены к присяге Даут Марзалиев, Пако Тогланов, Тыж Вармахов, Мазан Бежадугов, Хатох Байтуганов, Абахаит Тхакахов, Магомет Дышеков, Магомет Шогенов, Каншао Кушхов, Науруз Газов, Огурли Маканов, Ибрагим Хажуков, Алий Таашижев, Исуп Нагоев, Якуб Хацуков, Исуп Абазов, Маил Бахов, Салих Закеев, Заурбек Кяров и другие. Вышеперечисленные жители аула Тогланова дали присягу по следственному делу о смерти при до конца не выясненных обстоятельствах князя Михаила – брата князя Александра Мисостова.

При сравнении содержания двух основных видов клятвенных обещаний в первую очередь бросается в глаза, что тексты 1843 и 1846 гг. наряду с Кораном включали в себя Инжил (Евангелие), Таурат (Тору) и Забур, т.е. священные писания, предшествовавшие Корану. Отсюда может показаться, что спустя каких-то 10–

*_Бош ольсун_ – пусть умрет.

15 лет клятвенное обещание мусульман уже не упоминает о них и что присяга теперь дается именем Аллаха и одного Корана. Обратимся к документам. В 1859 г. производилось оштрафование жителей Кабарды и Балкарии за разные проступки. Для более полного охвата всех нарушителей требовалось, чтобы выбранные по населенным пунктам и обществам лица давали следующую присягу: «Клятвенное обещание. Мы, нижеподписавшиеся, клянемся Великим Богом, пророком его и книгами, посланными от милосердного Бога, в том, что не будем скрывать подлежащих людей оштрафованию от Бекмурзы Шарданова, а мы скажем ему, Шарданову, не скрывая никого из виновных нашего аула, кого только мы знаем, несмотря ни на дружбу, родство, в противном случае отрекаемся от Бога, пророка и от жены, от детей наших».

По такой присяге дали клятву «таубии Чегемского племени» Кучук Барасбиев, Тенгиз Бота Келеметов, Беслан Балкароков, Сарабий и Измаил Кучуковы, Салимгирей Балкароков, а из простого народа Мочай Сундуков, Мамат Трамов, Алий эфенди и другие; «Урусбиевские таубии»: Измаил Мисостов, Измаил Урусбиев и Закирей эфендий; «Балкарские таубии»: Али Махошев, Али Мисаков, Иса Токинов (?), Ченфил (?) Казаков, Темму Жанхотов, Арут Жаналдиев, Алибек Жоноков, Шалох Шаханов, Алимурза Абаев, Ерахмат Айдаболов и др. Под перечнем сделана пометка: «Из этих людей часть принадлежит сословию таубия, а часть простого звания»; «Хуламские таубии»: Умар и Исса Шакмановы, «из простых»: Этлух Кучмазов, Жижу Битиров, Умар Эболов, Бекмурза Бозов, Маило Элмазов, Коне Созаев, Таумурза Кургоков и хуламский эфендий Магомет; «Безенгиевские таубии»: Асланбек и Кайсын Суншевы, Машу Анов, Убук Шаваев, Рахай Будов, Кучук Рахаев, Кучук Канаев, Умар Башилов, Жумай Гучеев, Махмуд Толуров (Толгуров?) и эфендий Магомет Шафиг.

Если сравнить тексты клятвенных обещаний 1843, 1848 и 1859 гг., легко заметить, что, несмотря на несколько упрощенный вариант, они в главном совпадают: под «книгами, посланными от милосердного Бога», разумеются Таурат, Инжил, Забур и Алкоран. Как и клятва 1843 г., в присяжном тексте 1859 г. ложь влечет за собой отречение не только от Бога и его пророка, но и от жен и детей. А наличие в тексте клятвенного обещания необычного в таких случаях земного (мирского) имени – Бекмурзы Шарданова – объясняется тем, что он в 1859 г. занимал официальную должность у горцев. Князю Орбелиани от 2 февраля 1859 г. был адресован рапорт «Управляющего Балкарским приставством корнета Шарданова». Правда, список лиц, подлежащих к оштрафованию, представленный при этом рапорте, подписан несколько иначе: «Исправляющий должность управляющего Балкариею корнет Шарданов»[24]. Разночтение должности Шарданова для данного текста присяги существенного значения не имеет. Важно другое. До конца 50-х годов XIX в. в текстах клятвенных обещаний упоминались все четыре священных писания.

С конца 50-х – начала 60-х годов уже постепенно вытесняется упоминание о четырех священных писаниях и остается только один Коран. Об этом свидетельствует текст, по которому давали клятву депутаты чрезвычайно важного социального института – Комитета по разбору личных и поземельных прав Кабардинского округа. Приведем выдержку из этого клятвенного обещания: «Я, нижепоименованный, пред Алкораном Всемогущего, не имеющего себе равного Великого Бога, клянусь и обещаюсь...» 2 февраля 1862 г. по такому «присяжному листу присягали депутаты, выбранные народом в Комитет, учрежденный для разбора личных и поземельных прав туземцев Кабардинского округа»: штабс-ротмистр князь Атажукин, прапорщик князь Бекмурза Докшукин, ротмистр Мурзабек Тамбиев, прапорщик Кучмазуко Кучмазукин, подпоручик Шу Кармов, Пшемахо Дауто[ко]в, Увашуко Арипшев, Пшемахо Гукежев, Ахмет Захохов, Шуган Жилясов. Затем к ним присоединились прапорщик Хамурза Шаханов, Мусса Женоков, поручик Дохшуко Анзоров, поручик Заракуш Тамбиев, Эссимет Таматлоков, прапорщик Пшемахо Коголкин, Бекир Тохов и Бекмурза Зеков[25].

В дальнейшем тексты клятвенных обещаний все более упрощались. Например, клятвенное обещание от 2 марта 1883 г. начинается так: «Я, нижеименованный, пред Алкораном Всемогущего, не имеющего себе равного Великого Бога, обещаюсь и клянусь...»[26]. Как видно, здесь уже не упоминалось имени пророка. Отсутствие в клятвенном обещании начиная приблизительно с 60-х годов XIX века других священных писаний косвенно, но уже более убедительно показывает, что идеология ислама в Кабарде успела овладеть умами и сердцами большинства кабардинцев накануне окончания Кавказской войны и стала одним из катализаторов рокового для адыгов переселенческого движения в Турцию.

Форма присяги, действовавшей в 50-х годах XIX в., имеет свою историю. В 1856 г. шла переписка «О приобретении Алкорана в войсках и комендантских управлениях Закавказского края». Главный штаб войск на Кавказе сообщал, что в военном ведомстве практиковались различные формы, «по которым приводились к присяге чины магометанского исповедания, при определении на службу и при производстве в чины». В связи с этим по предложению военного министра было решено иметь одну общую форму присяги для магометан. В 1850 г. ее составил Оренбургский муфтий. Текст присяги с левой стороны страницы печатался на русском языке, а на правой половине – на общеупотребительном для нашего края арабском языке. Во время чтения текста присяги предназначенный для этого должен был «держать два перста правой своей руки на раскрытом Алкоране и по окончании клятвы целовать слова его».

В 1856 г. военный министр циркулярно запрашивал о возможности приобретения Алкорана «для всех войск, на Кавказе находящихся», т. е. для каждого полка и батареи Отдельного Кавказ-

ского корпуса. Один экземпляр Алкорана ценой в 3 рубля серебром был в 1859 г. приобретен начальником Кабардинского округа Орбелиани и хранился в Кабардинском временном суде. Для выяснения стоимости одного экземпляра Корана укажем, что за 2–3 рубля в 1859 г. можно было купить барана. Отметим также, что в 1851 г. экземпляр Корана стоил намного дороже. В своем прошении уздень Абдул Азиз из аула полковника Атажукина сообщал, что у него взяли книгу Куран, который стоит сто рублей серебром»[27]. По курсу рубля того года лошадь стоила 50 рублей серебром.

Возвращаясь к сути изложения, отметим, что для клятвы присяжный лист не всегда требовался. Так, в 1858 г. Хажи Умар Шеретлоков писал народному эфенди Хажи Кайсыну Шогенову: «Уведомляю Вас, что разбирались при мне Мансур Кешуков и Хажи Али Кошеев насчет пяти лошадей, по которому определено мною представить Мамсыру свидетелей. Буде он не найдет, то дать присягу Хажи Алию с посторонним присягателем». Ответчик Кошеев дал требуемую присягу, и на этом основании Шеретлоков решил, что «он не украл у Мамсыра лошадей, и тем кончено дело».

Подобного рода клятва называлась очистительной присягой. К ней прибегали в 1870 г. судьи Жамбот Хажиретлов, Хатох Тхакяшев и Якуб Хацуков после того, как их односельчанин Аиса Кумахов (Кумухов) заявил им, что он подозревает в захвате нескольких овец Бака Гадагурова, но не имеет свидетелей. Гадагуров в предъявленном обвинении не признался. Тогда суд предложил Гадагурову «очистить себя присягою с одним из двух назначаемых ему присяжников: Фицы Хамукова и Баты Гедагурова». Был назначен «срок принятия присяги через 15 дней», но Гедагуров досрочно явился в суд и дал присягу в том, что «Бака не воровал овец у Кумухова». Этого было достаточно, чтобы суд отказал Кумухову в иске[28].

По адату, лица, давшие ложное свидетельство, подвергались позорному наказанию. В 115-й статье полного собрания кабардинских древних обрядов 1844 г. сказано: «Лжесвидетелей сажают лицом к хвосту на лошадь или ишака и водят по многолюдной улице, называя его анафемою»[29]. Дача ложной клятвы решительно пресекалась и властями. В 1865 г. старшина аула Иналова Алимгирей Кертов подвергся наказанию «за принятую им ложную присягу для оправдания брата своего». Начальник округа распорядился «немедленно взыскать с него шестьдесят рублей серебром на удовлетворение обиженного... юнкера Хажимета Шалбарова». 12 августа 1865 г. было «сделано должное удовлетворение»[30].

Были случаи, когда лица, дававшие присяги, вводились в заблуждение теми, за кого поручались, и за это подвергались крупным штрафам, другие – взысканиям и порицаниям. Неудивительно поэтому, что люди нередко отказывались давать присяги и давали клятвы не давать их ни по каким делам. Отказ подобного рода мешал правосудию. Учитывая это, генерал-майор Орбелиани в

1857 г., обращаясь к князьям, тлекотлешам и всему кабардинскому народу, писал: «...некоторые лица... дают клятвы ни за кого ни по каким делам не присягать и тем у безвинных отнимают средства к оправданию. Подобные клятвы не могут быть угодными Богу, ибо дающие их, причиняя вред другим, чрез то согрешают. Я покорнейше прошу кабардинского и горского эфендиев, а в Дигории приходских священников подобным безумцам разрешать их клятвы и внушать им, что они противны духу и христианской религии и магометанскому закону»[31].

Институт поручительства играл заметную роль в общественной жизни кабардинцев. На поруки брались люди за самые различные поступки. Однако приходилось поручаться и за тех, которые еще ни в чем предосудительном не замечены, но заподозрены в намерении совершить таковое.

24 ноября 1851 г. Эристов предписал суду: «Покорно прошу оный суд донести мне немедленно, какое имеет семейство кабардинец Гафар Битов, представленный подполковником Тамбиевым на намерение бежать к непокорным, и может ли он по своему поведению иметь верных поручителей за себя». Эристов предлагал суду «отобрать немедленно поручительную подписку от кабардинца Тагира Битова и Али Штымова за содержащегося на гаубтвахте Гафара Битова в таком смысле, что если Битов учинит побег, то они ответят пятью стами рублей серебром каждый». 10 декабря 1851 г. Кабардинский временный суд получил поручительство от жителя аула подполковника Тамбиева кабардинца Тагира Битова и жителя аула Мета Куденетова Штымова[32].

Как видно, ручательство иногда оборачивалось значительными сложностями для поручителя. Тот, кто за кого-то поручался, обязан был нести всю ответственность за последствия, поэтому часто были случаи отказа от поручительства. Так, в 1831 г. «Таусултановой фамилии уздень Магомет Хапов», будучи абреком, раскаялся и дал присягу в верности. Однако начальство, не веря ему, требовало, чтобы кто-нибудь поручился за него. По этому поводу Бекович-Черкасский в своем рапорте отмечал, что уздень Кази Баташев отказался поручиться, так как «никогда ни по ком не поручался и теперь такового сделать не хочет»[33].

Случалось, что поручители от своего посредничества несли немалые материальные потери. Тагаурский осетин Адо Алагиров в 1830 г., приехав в Кабарду, к узденю Аиса Туркову, через его посредство «продал» в «Баксанской Осетии» старшине Мурзакулу Урусбиеву мальчика за 280 рублей серебром. Турков дал поручительство, что если мальчика отберут от Урусбиева, «то уплатит сказанные деньги Урусбиеву». Впоследствии оказалось, что «этот мальчик из свободного сословия» и «по разрешению начальства сказанный мальчик от Уруспиева отобран и возвращен родственнику его костенковскому жителю, кумыку по имени Шихию». Поскольку Турков был поручителем, с него и взыскали 280 рублей серебром. После этого Турков стал добиваться от Алагирова возмещения взысканной с него суммы, но получил

только 80 рублей и в 1851 г. обратился в суд с просьбой заставить его вернуть оставшиеся 200 рублей. Обсуждение жалобы Туркова закончилось следующей резолюцией князя Эристова: «...просьба... не может быть принята, потому что дело это решено, следовательно, и возобновить его не должно»[34].

Касаясь института поручительства, следует отметить одну его существенную природу: поручаться могли равный в сословном отношении за равного или представитель высшего сословия за представителя нижестоящего сословия. В качестве примера можно отметить конфликт между князьями Лоовыми и узденями Лафишевыми.

«Князь Калагирей Лоов с двумя его сыновьями отпущен из-под ареста без поруки, потому что в Лоовом ауле нет людей, которые бы заслуживали уважения взять князей на поруки», – так писал полковник Евдокимов своему начальнику 9 декабря 1844 г. Примечательны его рассуждения на этот счет: «Ваше Сиятельство изволит знать, что родовое значение не у одних азиатцев возвышает право [на] уважение. Сии же последние, находясь на самой низшей степени образованности, считают это преимущество дарованным от неба и нарушение прав их древнего обычая непростительным преступлением... Причиной вражды фамилии Лоовых с Лафишевым служит назначение сего последнего приставом в тот аул, которым владеет его же князь...» – корнет Лафишев уздень князя Калагирея Лоова[35]. Документ заслуживает, кроме всего прочего, внимания в том смысле, что дает определенное представление о взглядах полковника Евдокимова, будущего графа и командующего войсками, одного из самых коварных и жестоких проводников колониальной политики самодержавия, сыгравших роковую роль в судьбе адыгов.

О дальнейшей судьбе Лоова известно следующее. 31 октября 1847 г. исправляющий должность начальника Центра Кавказской линии полковник Беклемишев предписывал командующему кордоном Кисловодской линии подполковнику Иловайскому немедленно выслать в Нальчик «Лоова аула князя Калагирея Лоова для некоторого самонужнейшего дела». Иловайский переадресовал предписание местному начальнику хорунжему Павловскому. Последний 4 ноября того же года донес: «Требуемого по сей надписи означенного князя Лоова аула Калагирея Лоова, который в прошлом 1846 г. из оного аула в таковой же Лоов аул, что на Учкульке, со всем семейством переселился. А ныне по существующей болезни холеры, от которой помре»[36]. Переселение князя Лоова наверняка обусловлено конфликтом с Лафишевым и запятнанной, в глазах его подвластных, репутацией.

Дача свидетельских показаний не была обязательно сопряжена с присягой. Часто достаточной считалась положительная характеристика, данная опрашиваемым почетными жителями. В 1853 г. Кабардинский временный суд писал Занаревскому о разбирательстве жалобы узденя Хажи Кайсына Кайсынова на вольноаульца Бата Метова. Суд докладывал, что спор между ними рассматри-

вал эфенди Вольного аула на основании показаний представленных потерпевшим свидетелей – Бекира и Заурбека Кауфовых. Решение вольноаульского эфенди было представлено на утверждение народному эфенди Кайсыну Шогенову. Перед тем как принять окончательное решение, народный эфенди навел справки об образе жизни свидетелей Кауфовых «у почетных стариков Даута Губжева и Уважуко Акажева, которые показали, что могут быть достойными принять в свидетели». После личного опроса Кайсын Шогенов признал решение эфенди Вольного аула справедливым. С учетом этого обстоятельства суд просил Занаревского «понудить вольноотпущенника Бата Метова к удовлетворению Кайсынова»[37].

Еще один пример. Житель аула Мисостова вольный кабардинец Сайт Тенгизов 17 марта 1858 г. писал князю Орбелиани, что его родная племянница Фатия три года тому назад была «засватана вольным кабардинцем Хасаном Пшехофовым с назначением за нее калыма 250 руб. серебром». За невесту было заплачено в счет калыма 70 рублей. Спустя четыре месяца муж отправил жену в дом ее родителей, а сам женился на другой девице, в которую был влюблен. Шариатский суд по этому делу оправдал Фатию, «как она была невинная в честности», учитывая при этом и то, что муж «сделал с ней разводную за истечением 4-х месяцев», суд решил: «или взять жену или заплатить за нее прописанный калым, т. е. 250 рублей, серебром». Несогласный с мнением суда, Пшехофов стал требовать свидетелей. Когда они были представлены Тенгизовым, Пшехофов, находившийся под защитой князя Пшемахо Джамботова, назвал их «недобросовестными, потому что они пьют водку и курют табак». И Тенгизову пришлось подтвердить добросовестность своих свидетелей особыми свидетелями. Разбирательство кончилось подтверждением ранее принятого решения, а привести в исполнение приговор суда было поручено не кому-нибудь, а самому покровителю Пшехофова князю Пшемахо Джамботову[38].

Нахождение свидетелей было важнейшим элементом следствия, его отправной точкой. В 1842 г. возникло дело по разделу имения умершего корнета Сидакова. Следователь кабардинского егерского полка прапорщик Гришпановский и в том же году избранный народным депутатом штабс-ротмистр Казильбек Кармов отправились в аул Сидакова. Их цель состояла в том, чтобы найти свидетелей и допросить их. Они установили, «кто именно может свидетельствовать по этому делу». Ими оказались мулла Магомет Дадогов (Додоов) и вольные Харис, Исак и Есеней Цаговы, а также Шакура и Цука Батыровы.

Однако они «остались неспрошенными по случаю дальных отлучек из аула»[39].

При решении тяжебных дел практиковалась подписка истца и ответчика. Одна из них была составлена 7 декабря 1853 г. Подписка гласит: «Мы, нижеподписавшиеся аула Анзорова Шокара Тохов, Юнус Жинжаков, даем сию подписку Кабардинскому вре-

менному суду в том, что о поранении Индрисом Тоховым Муссы Жинжакова никаких мщений и драки не будет между ими. В случае нарушения кем-нибудь из них таковой подвергается оштрафованию двумя стами рублей серебром, в чем по неумению грамоты приложили перстьми своими чернильные знаки»[40].

Во второй половине XIX в. поручительство получает широкое распространение в связи с обращениями граждан в Кабардинскую общественную сумму. Чтобы получить определенную денежную сумму в долг, требовалось поручительство пяти человек. В списке должников за 1860 (1861) г. одни и те же лица проходят в одном случае как поручители, в другом – как должники. Например, при взятии долга корнетом Жогишевым поручались: Магомет-Мирза Тохтамышев, Закирей Тлебиоков и Магомет Конов. А когда, будучи поручителем, Магомет-Мирза Тохтамышев брал долг, за него поручились хаджи Нарджао Нашхов, уздени Индрис и Озермес Дышековы, Якуб Тхагапсоов и Пшекан Нашалоков[41].

Присяги играли заметную роль в охране нравственного кодекса кабардинцев и на рубеже XIX–XX вв. Они давались по самым различным компонентам общественного быта. Житель селения Аргуданского Каспот Татаров в 1900 г. жаловался начальнику Нальчикского округа на «односельца» своего Тута Караулова как на изменившего собственной присяге. В качестве примера Татаров сообщал: «Караулов в мечети принял присягу не курить никогда табак, между тем присяге этой изменил». Отметим, что в 1900 г. Караулов был избран помощником старшины. Кроме того, он был доверенным по разделу земельных угодий и, что интересно, «лицом в числе двадцати человек для указания порочных лиц»[42].

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗНАМЕНИ

Известно, что Николай I пожаловал кабардинскому народу знамя. Несомненно, что в период, когда кабардинцы не вели активных действий на стороне России, это монаршье соизволение было продиктовано каким-то серьезным политическим обстоятельством, которое не нашло сколько-нибудь достаточного отражения в исторической литературе.

28 февраля 1843 г. генерал-майор Голицын направил рапорт генерал-лейтенанту Гурко, в котором, в частности, было сказано: «Я получил на днях прошение Временного суда, оно ясно обнаруживает готовность почетнейших людей Кабарды доказать на деле правительству преданность...» (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 252).

Информируя об отзыве царя по этому поводу, наместник на Кавказе Нейдгардт извещает начальника Центра Кавказской линии Голицына: «Господин военный министр в отзыве от 21 прошлого сентября... сообщает мне, что государь император во внимание к засвидетельствованию моему о постоянном усердии и

преданности кабардинских жителей... всемилостивейше соизволил пожаловать им знамя»[1]. Наместник императора на Кавказе Нейдгардт свидетельствует, что знамя пожаловано кабардинцам не позже 21 сентября 1843 г., тем не менее В. Н. Кудашев писал: «2 марта 1844 года император Николай I пожаловал кабардинцам знамя»[2].

Нет ли здесь недоразумения? Сначала приведем копию опубликованной Кудашевым Высочайшей грамоты на пожалование знамени, обнаруженную нами в госархиве КБР: «Божиею милостию Мы, Николай Первый, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Нашим верноподданным кабардинским жителям. Постоянное усердие, преданность и всегдашняя готовность к поднятию оружия противу враждебных горцев, оказываемые кабардинскими жителями, обратили на себя особенное наше благоволение. В ознаменование коего Всемилостивейше жалуем кабардинским жителям почетное знамя, которое, препровождая при сем, повелеваем хранить оное, как знак Монаршего нашего внимания, и в случае надобности, употреблять при ополчении против неприязненных империи нашей народов. Пребываем императорскою нашею милостию к кабардинским жителям благосклонны. Подлинную подписал Николай I-й 2 марта 1844 года»[3].

Под текстом, опубликованным Кудашевым, подписано: «Высочайшая грамота 2 марта 1844 г. кабардинскому народу при пожаловании ему почетного знамени». Подпись под текстом не соответствует содержанию царской грамоты. В ней говорится о почетном знамени, которое препровождается «при сем», т. е. вместе с грамотой. В этом случае все становится на свои места: знамя пожаловано, как и писал Нейдгардт, не позднее 21 сентября 1843 г., а Высочайшая грамота подписана Николаем I 2 марта 1844 г.

По повелению Нейдгардта Голицын объявил в Кабарде, что император Николай пожаловал «кабардинским жителям» знамя. Голицын изо всех сил старался придать этому событию помпезный характер, и он во многом преуспел. Деятельность его по организации и проведению торжественных мероприятий изложена им в рапорте Нейдгардту от 14 декабря 1843 г.

Датой «народного празднества» было выбрано 6 декабря — день тезоименитства Николая I. На этом основании сделан не соответствующий действительности вывод, что Голицын написал рапорт «о праздновании царских именин 6 декабря 1843 г.»[4]. На самом деле к этому дню было приурочено празднование события, подобного которому не было в истории русско-кабардинских отношений. Голицын прежде всего собрал всех членов Кабардинского временного суда и сообщил им «о благоволении императора», а они сделали эту весть достоянием всего народа. В Нальчик были вызваны представители всех аулов Кабарды. На этой встрече они решили «ознаменовать событие, глубоко врезавшееся в благодарных сердцах жителей всей страны народным празднеством».

День 6 декабря был избран как наиболее подходящий повод «для изъявления пред лицом всех горских народов, прилегающих к Кабарде, признательности ее к обожаемому монарху». По заранее составленному плану в Нальчик стали съезжаться «бесчисленные толпы кабардинцев и старшин прочих племен со свитою». Среди приглашенных «старшин других народов» Голицын называл чегемцев, балкарцев, дигорцев и, особо заметим, малокабардинцев. Приглашенные размещались «частию в форштате, а частию в Вольном ауле».

Наступило 6 декабря 1843 г. Совершили молебен, и состоялся военный парад. Затем князь Голицын переправился через р. Нальчик, к Вольному аулу, где «более чем на квадратную версту расположены были массы гостей». Начальник Центра Кавказской линии поздравил их с царской наградой. Это сообщение было встречено «кликами восторга, потрясающими всю окрестность». Кабардинцы, гордящиеся своим гостеприимством, в тот памятный день удивили гостей. Голицын далее докладывал Нейдгардту: «Мед, пиво, хлеб и разные яства, изготовленные на азиатский манер сорока поварами кабардинскими, присланными князьями, в продолжение трех суток приводили в изумление всех присутствующих неимоверным изобилием своим».

С точки зрения застольного этикета адыгов достойно внимания, что к началу пиршества был подан знак. Каждая княжеская фамилия «занялась угощением определенных в ее ведение гостей». Кроме уже распределенных по четырем княжеским фамилиям гостей, была предусмотрена и «пятая часть». Беспрерывно подъезжавшие «новые толпы народа» прямо направлялись к этой части для избежания какого бы то ни было беспорядка. Для их обслуживания были намечены особые распорядители, назначенные «из почетных кабардинцев». Порядок угощения произвел неизгладимое впечатление на гостей, поскольку «при таком огромном сборище разнородных людей, оставил довольными с избытком от первого до последнего». Шора Ногмов писал, касаясь гостеприимства адыгов, что «несмотря на все бедствия и политические перевороты, эта обрядность не ослабела и ныне»[5]. За несколько месяцев до своей кончины Ногмов имел возможность присутствовать на этом зрелищном торжестве и более чем вероятно присутствовал. И личное впечатление, возможно, подсказало ему эти строки.

Угощение было организовано «по-азиатски», но с «примесью европейской роскоши, т. е. чаем». Останавливаясь на угощении чаем, Голицын сделал оговорку, что он, «видимо, входит в число жизненных потребностей у достаточных горцев». Отсюда можно заключить, что чай как компонент угощения в 1840-х гг. только входил в употребление, и им пока могли пользоваться лишь наиболее состоятельные слои общества.

Зашло солнце. Голицын пригласил кабардинских владельцев и старшин «числом до трех сот человек» в дом начальника Центра. Здесь им была предоставлена редкая возможность полюбовать-

ся европейскими танцами. А танцевали кабардинские и горские офицеры, проходившие службу в Санкт-Петербурге. Не обошлось, конечно, и без лезгинки. В десять часов вечера был дан праздничный фейерверк, изготовленный в Георгиевском арсенале. Он продолжался около часа. Неожиданное зрелище доставило неподдельную радость «всей массе пирующих», но она, как пишет Голицын, переросла в ликование, когда – «венец всего празднества» – в зале появилось вензелевое имя «высочайшего виновника торжества» – Николая I. Из уст присутствующих в зале вырвалось громкое «ура!», что «повторилось на том берегу реки могучим отголоском густой массы народа, числом *более семи тысяч человек*» (выделено нами. – *С. Б.*).

Так закончилось это грандиозное пиршество, о высоком организационном уровне которого свидетельствовал Голицын: «...народный пир... не ознаменован ни одним случаем, который бы обличал отсутствие порядка».

«Благоволение» императора к кабардинскому народу должно было «иметь полезное влияние на горские народы». Уверенный в своем предположении, Голицын так заключил свой рапорт Нейдгардту: «Кажется, я успел в этом...»[6].

Последующие события подтвердили правоту Голицына. Еще 19 ноября он доложил командующему войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Гурко: «Кабардинцы, принимая с чувством пламенной благодарности... знак к ним монаршей щедрости, усильно просят ходатайства моего о дозволении отправить в Санкт-Петербург депутацию от кабардинского народа для принесения у подножия престола Всеподданнейшей благодарности за оказанную им милость». Гурко 1 декабря 1843 г. доложил об этой просьбе императору. Военный министр 13 декабря сообщил Гурко, что «император... дозволил отправить в Сан-Петербург депутацию от кабардинского народа». Причем министр указывал и срок прибытия в столицу – «в течение января, к бракосочетанию Ея Императорского Высочества великой княгини Александры Николаевны».

В первых числах января 1844 г. началась подготовка депутации к отъезду. Владельцы всех аулов Кабарды и другие почетные лица, в том числе и горцы, съезжались в Нальчик «для присутствования при отъезде депутации».

Желание кабардинцев отправиться к царю возбудило «сильный гнев Шамиля». Накануне отъезда «в течение декабря месяца Шамиль прислал к эфендию Умару Шеретлокову письмо в виде воззвания к кабардинскому народу, обещая ему притти со всеми силами своими». По воле корпусного командира Шеретлоков написал Шамилю, что в ответ на его послание «поспешает» сообщить о том, что «завтра» едет с почетными кабардинцами «к Государю своему»[7].

Наконец в январе депутация отправилась в Петербург «при огромном стечении кабардинцев всех сословий».

В именном списке членов депутации, секретно приложенном

к рапорту Голицына на имя генерал-лейтенанта Гурко от 5 января 1844 г., значатся имена депутатов: майор Мисост Атажукин, прапорщик Алхас Мисостов, прапорщик князь Кайтуко Хамурзин, князь Пшемахо Касаев; уздени: поручик Батырбек Тамбиев, прапорщик Мет Куденетов, прапорщик Магомет-Мирза Анзоров, Магомет Коголкин, корнет Камбот Докшукин, народный депутат Давлет-Гирей Тамбиев, народный эфендий Умар Шеретлоков. Кроме них в список занесены кандидаты: штабс-ротмистр Куденетов, корнет Али Тамбиев и корнет Кучук Анзоров.

Депутацию сопровождали: переводчик зауряд-чиновник Калабеков, штабс-капитан Наттер и урядник Еремеев. Обслуживающий персонал был намечен в количестве четырех человек прислуги, а «пятый, особенный, народному эфендию для содержания в порядке всех принадлежностей к молитве по магометанскому обряду».

Голицын своеручно написал краткую, но содержательную характеристику на каждого члена депутации. Приведем некоторые из них.

Мисост Атажукин: «Человек скрытного характера и честолюбивый; сперва имел сношения с непокорными, но с тех пор, как улучшается домашний быт его и в хозяйстве вводятся перемены в Европейском вкусе, он, видимо, отстраняет себя от прежних связей и постигает, что помощию токмо Российского правительства может сохранить все, что имеет и приобрести более. В народе вес его значителен и по связям с лучшими фамилиями прочих племен горских, он чрезвычайно полезен, подвергаясь некоторому присмотру»[8].

Народный эфендий Умар Шеретлоков (Бекмурзина фамилия): «Вся Кабарда в продолжении двадцати лет привыкла видеть в нем посредника между начальством, и его привычка эта ослабевает, видимо, и участие эфендия в тяжебных делах (исключая духовных) день ото дня становится ничтожнее, не менее того он, как строгий исполнитель Магометанской веры и блюститель народных обрядов, чрезвычайно уважаем; с некоторого времени эфендий изменил прежние обычаи свои, фанатизм его превратился в терпимость...»

Поручик Батырбек Тамбиев: «Человек красноречивый и с большим влиянием в народе, состояние его довольно значительное и привычки по домашнему быту совершенно сходные с Европейскими... Ему, конечно, будет поручено прочими членами депутации вести речь, почему я считал бы нужным предупредить его особо по прибытии в С-Петербург о форме, в которой она должна быть изложена...»

Прапорщик Магомет-Мирза Анзоров: «Первый наездник по всей Кабарде», был воспитанником Хаджи Астемирова, ставшего «впоследствии при нападении на Моздок жертвою преданности к России». Магомет-Мирза обладал богатством и храбростью, которые «не только в Кабарде, но между всеми горскими племенами доставили ему в народе значение, ставящее его наряду с князьями».

Из характеристики корнета Камбота Докшукина, принадлежавшего к фамилии Кайтукиной: «Образован совершенно по-русски и кабардинец только по вере, преданность его к Российскому Правительству не подлежит сомнению; независимо от пользы, которые принесут депутатам наставления касательно обращения их посреди обычаев, им совершенно чуждых, Докшокин по обладанию в совершенстве Российским языком, необходимым будет во время путешествия...»*

За штабс-ротмистра Куденетова ходатайствовал сам Голицын, имея в виду, что он «офицер отличный во всех отношениях». Али Тамбиев отличался как «офицер, знающий превосходно Российский язык».

Примечательна и характеристика корнета Кучука Анзорова: «...брат его родной Хату временно командует Л[ейб] Гвар[дии] Горским полуэскадроном, сам Кучук лично известен Его Императорскому Величеству» (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 252, л. 14–15 об., 31–36 сб.).

Характеризуя членов депутации, Голицын, по его признанию, «руководствовался строгой разборчивостью, обращая, однако, преимущественно внимание на теперешнее поведение их и предавая забвению прежние погрешности, в которых они получили прощение». Характеристики отправлявшимся в Санкт-Петербург давались в обстановке секретности. Перечисляя, например, достоинства члена депутации Батырбека Тамбиева, Голицын, указав на его красноречие, обратил внимание начальства на то, что ему, без сомнения, будет поручено «вести речь», но умолчал о предмете его речи.

Принято считать, что целью депутации было «принесение благодарности у подножия Всероссийского престола за пожалованное кабардинцам знамя». Однако депутация ставила перед собой гораздо более важную для народа задачу, которую она задумала осуществить, воспользовавшись расположением царя. В решении этой чрезвычайно важной для Кабарды задачи исключительно ценную, определяющую роль сыграл князь В. С. Голицын – наиболее прогрессивный, гуманный и дальновидный представитель кавказской администрации в Кабарде. Своей главной задачей на предстоящей встрече с императором кабардинцы ставили возвращение в свое время отторгнутых от них земель между реками Этока и Золкой. Командующему войсками Кавказской линии и Черноморья Голицын 5 января 1844 г. писал: «Сколько я мог понять, то главная цель просьб депутации заключаться будет в Всемилостивейшем утверждении за Кабардою земель между речками Этокою и Золкою».

Касаясь истории этих земель, следует особо подчеркнуть, что Кучук Джанхотов до конца своих дней стремился вернуть терри-

---

*Камбот Докшукин в 1860 г. в возрасте 46 лет в чине майора погиб «при взрыве баркаса во время дела с горцами на восточном берегу Черного моря» (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 3, д. 32, т. 1, л. 1).

торию по рекам Малке, Золке и Этоке, некогда принадлежавшую его предшественникам и доставшуюся ему как преемнику-валию Кабарды. 28 августа 1829 г. он писал начальнику войск, в Кабарде и кордоне расположенных, Ушакову: «Бывший начальник Кабарды покойный полковник Коцарев предписанием от 2 января 1828 г., № 11, на основании повеления господина генерала от кавалерии и кавалера Емануэля дал суду знать, что с разрешения его сиятельства господина главнокомандующего Кавказским отдельным корпусом предписано комиссии, учрежденной для наделения казачьих войск землями, отмежевать из дач Волгского казачьего полка Этоцкое и Зольское соляные озера с 1040 десятинами земли кабардинцам... При отмежевании сем соленые озера, хотя и отданы по-прежнему во владение кабардинцам, но земли около оных для пастьбы скота сколько дано не означено и не отмежевано и что значит десятина земли, неизвестно. А потому народ кабардинский, сомневаясь, чтобы означенные земли опять не были у них отняты и отданы другим, просят суд, согласно прокламации бывшего корпусного командира, в 26 день июня 1822 г. состоявшийся, и неоднократных словесных обещаний не отнимать земель и другой собственности войти с представлением к начальству, дабы земли по Малке, Золке и Етоке, издревле кабардинцам принадлежащие, были отмежеваны в полное их владение и другой никто оными не пользовался»[9].

Этот жизненно важный для Кабарды вопрос никогда не снимался народом с повестки дня. Князья, уздени и крестьяне 1 июля 1842 г. просили военного министра А. И. Чернышева о возвращении им земли, лежащей между Малкой, Золкой и Этокой[10]. Стремясь склонить командующего к положительному решению старой земельной проблемы кабардинцев, Голицын далее писал: «Если бы мне позволено было в качестве местного начальника выразить мнение свое о землях между Этокою и Золкою, то я полагал бы отдать кабардинцам, тем более что они без нее существовать не могут и, сверх того, пользуются ею беспрепятственно. Неведение, в котором находятся жители Кабарды, о том, кому принадлежит помянутый участок земли, служило уже не раз поводом к вредным толкам зломыслящих. И на будущее время, если он не будет дарован кабардинцам, может произвести недоразумения, которыми воспользуются предводители непокорных племен горских». Говоря так, Голицын явно намекал на движение Шамиля и действия закубанцев, противовесом которых (или нейтральной стороной) он хотел бы видеть кабардинцев. Одно слово императора о пожаловании земли кабардинцам «на вечные времена», по справедливому мнению Голицына, могло надолго обеспечить спокойствие Кабарды.

Свой взгляд на кабардино-русские отношения Голицын закончил со свойственной ему гибкостью и красивым слогом: «Представляя мнение свое на благоусмотрение Вашего Превосходительства, я не выдаю его безошибочным, но считаю себя обязанным по совести и верноподаннической преданности к моему государю

обратить внимание начальства на все средства удержать край, вверенный управлению моему, в спокойствии и непоколебимой преданности к правительству, чего едва ли можно достигнуть совершенно, не даровав кабардинскому народу участка земли, им просимого и который никому, кроме его, не приносит никакой пользы. Отобрать землю всегда будет во власти нашей при нарушении кабардинцами слова, но по крайней мере с Всемилостивейшим пожалованием ее исчезнет последний предлог к посторонним внушениям и внутреннему волнению легковерного народа»[11].

Как известно, по высочайшему повелению в 1845 г. просимая земля была предоставлена в пользование кабардинцам, хотя этот участок еще несколько лет не был «за ними формально утвержден»[12]. Точное количество пожалованной в пользование земли и дата формального утверждения указаны на карте, составленной, видимо, в 70-х годах. Надпись на ней гласит: «Дача, Всемилостивейше пожалованная кабардинскому народу, из земель, состоявших в передовой кордонной линии, формальное оной утверждение границ учинено 1848 года в июле и августе месяцах старшим землемером Ларионовым, а внутренняя ситуация снята в 1823 году старшим землемером Смирновым. В даче этой состоит удобной и неудобной 51 638 десят. 2324 саж.»[13]. Голицын в это время уже был смещен, но несомненная заслуга его состоит в том, что он подготовил соответствующую почву для обеспечения благоприятного исхода поездки кабардинцев в Санкт-Петербург.

Вернемся к прерванной нити изложения. Николай I вручил депутации знамя и грамоту 2 марта 1844 г., что, по-видимому, хотел сказать и Кудашев, написавший, что в этот день оно было пожаловано.

Сначала это знамя доставили в Тифлис. По приказанию Нейдгардта Голицын за ним туда направил своего адъютанта штабс-капитана Данилова и корнета Тлостаналиева. Приняв знамя, они 25 апреля 1844 г. доставили его в Нальчик. Тем временем Голицын распорядился, чтобы «достойным образом принято было благодарною Кабардою новое доказательство Высочайшего Благоволения государя императора». Он вызвал в Нальчик недавно вернувшихся из столицы империи членов депутации. В Нальчик явились и все владельцы аулов. 3 мая они «расположились огромным лагерем против крепости на правом берегу реки Нальчика».

В «достопамятный день» 4 мая, как назвал его Голицын, «в девятом часу пополуночи кабардинцы собрались в доме начальника Центра, где вручено им... знамя». После церемонии вручения знамени «началось шествие до места, назначенного для парада и прочтения Высочайшей грамоты». Для участия в параде была назначена рота, которая встретила знамя троекратным «ура», отдавая честь в установленном порядке. Потом аудитор управления начальника Центра Кавказской линии огласил содержание грамоты. Его перевод текста грамоты «произвел в кабардинцах восторг невыразимый». После завершения чтения грамоты раздались три ружейных залпа. Они «сменились пушечными выстрелами в числе

ста одного, продолжавшимися во все время прохождения церемониальным маршем войска мимо знамени». Завершением всех церемоний в связи с пожалованием знамени кабардинскому народу явилось его установление в доме начальника Голицына на специально приготовленном почетном месте[14].

РЕФОРМЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАБАРДЫ 40-50-х ГОДОВ XIX В.

В доермоловское время мало сведений о наличии или строительстве постоянных мостов в Кабарде*. В тот период пользовались бродами и временными сооружениями. Установленная Ермоловым «в самом сердце Кабарды» военная линия требовала строительства прочных мостов для поддержания между крепостями надежных сообщений. Наведение мостов в Кабарде началось, вероятно, одновременно со строительством военных крепостей, т. е. с 1822 г. В воспоминаниях Ермолова, относящихся к 1824 г., отмечено: «Построены мосты чрез некоторые из рек»[1]. К началу 1840 г. эти мосты, за исключением построенного на реке Нальчик, частью пришли в негодность или были снесены разливами рек.

Вопрос о строительстве мостов, конечно деревянных, но более прочных, был поставлен в 1842 г. Новый начальник Центра Кавказской линии генерал-майор князь Голицын не позднее 13 августа 1842 г. известил Кабардинский временный суд о своем намерении: «Желая для пользы вверенного управлению моему кабардинского народа облегчить сношение жителей между собою *во всякое время года* (выделено нами. – *С. Б.*), я предполагаю выстроить мосты от Известного брода, что на Малке, до Александровского военного поселения». Суду предписывалось немедленно заготовить строительные материалы у берегов следующих рек: 1) на Малке – против карантина; 2) на речке Куркужин – по дороге от карантина к мосту, предполагаемому на Баксане; 3) на Баксане верстах в полутора выше укрепления; 4) на Чегеме – по дороге от нового моста на Баксане к мосту, предполагаемому на речке Шалушке; 5) на Шалушке – по дороге между Чегемом и Нальчиком; 6) на реке Урвань между Нальчикским мостом и речкою Абреком, где она впадает в реку Черек; 7) на речке Абрек; 8) на речке Черек; 9) на речке Аргудан и 10) на речке Лескен**[2]. Голицын предписывал суду немедленно поручить,

---

*См.: *Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 83.

**Большинство из этих мостов действовали лишь до первого широкого разлива рек. Начальник Баксанского участка в 1867 г. доносил, что арестованный за неповиновение властям при отмене крепостного права владелец Пшимахо Губжоков не мог быть доставлен в Нальчик «по случаю разлития рек и содержался на участковой гауптвахте» (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 3, д. 11, т. 2, л. 66 об.).

кому следует, измерить ширину рек и указать, сколько потребуется материала для их строительства[3].

* * *

Хан-Гирей писал: «...судя по народным вековым песням и преданиям, можно предположить, что хлебопашество введено в Черкесии с весьма древних времен, ибо в описаниях божеств мифологии этого народа мы видели, что в Черкесии чтили некоторого Созереша, покровителя хлебопашества». Однако он же относительно кабардинцев свидетельствовал, что они, «не взирая на все удобства своей земли, природою благословенной, мало радеют о хлебопашестве, о других же отраслях земледелия – садоводстве и прочее – никакого не имеют понятия»[4].

С деятельностью генерала В. С. Голицына как реформатора связаны некоторые преобразования в земледелии кабардинцев 1840-х гг. «Скудное хлебопашество по всей Кабарде, – писал он Кабардинскому временному суду, – должно было обратить внимание начальства на отыскание средств к улучшению его». Подготовив необходимый посевной материал, Голицын 26 августа 1842 г. предписал суду: «Объявить повсеместно, что князья и узденя первых двух степеней могут обратиться в управление Центра Кавказской линии для получения семян тех родов хлеба, которых посев здесь неизвестен, как-то: ржи, овса, ячменя и гречихи»[5].

Остановимся на этом замечании подробнее. Какой информацией пользовался Голицын, делая сомнительный вывод о том, что такие сельхозкультуры, как рожь, овес, ячмень и гречиха не засевались в Кабарде? Карл Кох, который, по мнению В. К. Гарданова, дал «очень удачную и весьма обстоятельную этнографическую сводку», совершил свое второе путешествие на Кавказ в 1843–1844 гг., т. е. в то время, когда в Кабарде находился Голицын, и, вероятно, встречался с ним. Поэтому его сведения должны бы заслуживать доверия. Адыги, конечно, издавна сеют рожь, овес, гречиху, ячмень и другие культуры*, но относительно кабардинцев Кох свидетельствует: «В Кабарде, в той части Черкесии, которую я объездил, рожь была совершенно неизвестна»[6]. На причину такого отношения кабардинцев к этим сельхозкультурам сам Кох указал, отметив, что его «переводчики только с большим отвращением ели ржаной хлеб»[7].

Что стоит за «обстоятельной этнографической сводкой» Коха? При отсутствии других источников пришлось бы согласиться с ним. Но в нашем распоряжении есть документ – доклад Кабардинского временного суда генерал-майору Горихвостову за 1829 г. В нем, в частности, указано: «...посев ржи кабардинцы напред сего хотя

---

*Броневский писал, что черкесы сеют «турецкую пшеничку (кукурузу), яровую пшеницу, полбу и ячмень» (Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия... С. 133).

и заводили, но не видя в оной никакой пользы, потому что по беспрестанным здесь весной и летом дождям и холода, бываемого по случаю недальнего расстояния снеговых гор, оная никогда не выспевала, опадая зеленою на землю, сгнивала на корне, оставшаяся же иногда от сего истребления зерна совершенно не приносила, почему посев таковой и оставили»[8]. Рапорт подписали: председатель суда Магомет Докшукин, Мисост Атажукин, Гусын Тамбиев и Якуб Шарданов. Они убедительно опровергают Голицына и Коха, утверждавших, что посев ржи в Кабарде был неизвестен до них. Что касается овса, то Кох был, по-видимому, прав, свидетельствуя: «...я не видел на Кавказе овса, и он, мне кажется, там и не нужен, так как лошади питаются ячменем»[9].

Еще одна культура получила распространение в Кабарде при Голицыне. Это картофель. Удовлетворенный тем, что удалось привлечь внимание кабардинцев к своим начинаниям, Голицын 27 августа предписывал Тамбиеву: «В конце зимы я прошу вас мне доставить также (т. е. наряду со сведениями по злакам. – *С. Б.*) подробно сведения насчет картофеля. Нет сомнения, что жители Кабарды оценят означенной меры пользу этого произрастания», которое представляет собой и «хлеб для людей и корм для скота в случае неурожая»[10].

Организация новых посевов и расширение уже практиковавшихся сельхозкультур была поручена народному депутату Девлет-Гирею Тамбиеву. 18 августа 1843 г. Тамбиев из укрепления Баксанского докладывал Голицыну, что он в тот же день получил его предписание об «усилении хлебопашества народами Большой Кабарды» и «приступил к счислению, сколько в каком ауле жителей пожелают произвести посевов», и по окончании этой работы немедленно представит «подробную ведомость». Мы не располагаем этой ведомостью, но известное нам предписание Голицына к Тамбиеву от 27 августа говорит о том, что он ее получил.

Любому князю и узденю первых двух степеней можно было получить семена озимых «до наступления зимы, как это делается обыкновенно в России». Требовалось только «ясное доказательство в том, что у него земля вспахана и приготовлена к посеву». Таким доказательством служит рапорт Тамбиева к Голицыну от 5 октября: «Аула Кучмазукина жители имеют желание произвести посев пшеницы не более шестидесяти четвериков, причем честь имею представить Вашему Сиятельству расписку, взятую от жителей...». Расписка была получена Тамбиевым 28 сентября. В ней указано: «Мы, нижеподписавшиеся, даем сию расписку г. народному депутату узденю 1 степени Тамбиеву в том, что просимая для посева пшеница шестьдесят четвериков получена». Расписку подписали Мартаз Кучмазукин, Кучмазук Кучмазукин и «выборные старики» Ислам Лампажев, Исхак Шараханов и Умар Аргишоков[11].

В этот же день расписку в получении пшеницы дали корнет Магомет Кодзоков и Шора Ногмов. Существует мнение, что последний получил ее «для организации опытного посева»[12]. Обратимся к документу, на основании которого сделан этот вывод:

«1843 года сентября 28 дня. Мы, нижеподписавшиеся, штабс-капитан Шора Бек-Мурзин Ногма и корнет Магомет Кодзоков дали эту расписку господину и кавалеру князю Владимиру Сергеевичу Голицыну в том, что мы взятую нами взаимообраз пшеницу, первый пятьдесят мер весом в каждой 12 $^{1}/_{2}$ фунтов, а последний девятнадцать мер вышесказанного веса, стоящую по 1 руб. 50 коп. ассигнациями каждая мера, обязываемся возвратить Вашему Сиятельству либо объясненное количество мер пшеницы, или же деньги, употребленные на покупку оной по 1 руб. 50 коп. ассигнациями за всякую меру при первом от нас истребовании и беспрекословно, в чем и подписуемся. К сей расписке Магомет Кодзоков, а вместо его неграмотного и за себя подписался штабс-капитан Шора Бек-Мурзин Ногма»*[13].

Расписки конкретно указывают, в связи с чем берется пшеница. Жители а. Кучмазукина брали ее «для посева», а Ногмов и Кодзоков брали «взаимообраз», т. е. они обязывались возвратить долг не после получения урожая, как это оговаривалось в условии Голицына, а по первому требованию – или пшеницей, или деньгами. Можно лишь предположить, что пшеница предназначалась для посева, но содержание расписки, в отличие от расписки жителей а. Кучмазукина, ничего не говорит об этом. К тому же Ногмов давал и другую, аналогичную расписку Голицыну двумя днями раньше, 26 сентября 1843 г. Угасающий текст скрывает первую половину расписки, но ясно читаются слова: «Гг. штабс-ротмистру Шоре-Бекмурзину 30 мер, поручику Хатажуко Абукову 60 мер, корнету Магомету Кодзокову 19 мер»[14].

Одной распиской Шора Ногмов смог бы получить столько пшеницы, сколько ему было необходимо. Зачем же ему понадобилось дважды давать расписку по тому же поводу? И не для себя Ногмов, вероятно, брал пшеницу. Ведь по состоянию здоровья он был вынужден подать в отставку и в 1843 г. не служил секретарем Кабардинского временного суда. Вряд ли он в этих условиях стал бы заниматься опытными посевами, отвлекаясь от главного детища своей жизни – научных трудов по грамматике и истории адыгов, книг, которые ему так хотелось успеть издать.

Попытки расширить в Кабарде посев сельскохозяйственных культур в 40-х годах и несколько позже особых успехов не имели. В связи с этим примечательны сведения П. А. Гаврилова за 1869 г.: «...что же касается других посевов, как например: ржи, гречихи, овса, конопли, льна и т. п., то пока они кабардинцам неизвестны»[15].

Этот вывод находится в полном соответствии с положениями доклада Кабардинского отдела комиссии по правам личным и поземельным за 1868 г. и, очевидно, представляет собой простую его перепечатку. Составитель доклада – русская администрация Кабарды в лице полковника Нурида, майора Масловского и поручика Финогеева, касаясь пасты, составлявшей основу продоволь-

*Со слов «К сей расписке...» написано Ногмовым.

ствия кабардинского народа и сделавшейся его «национальною пищею», объясняла этот факт неспособностью «кабардинцев к земледельческому трудолюбию». При этом они указывали, что просо не трудоемкая культура и она, посеянная «на целине и долголетних залежах в первые два года дает отличные урожаи».

Констатируя, что возделывание пшеницы «еще немногими принято», что кукуруза разводится «как огородная овощь», а «картофель мало известен, капуста и бураки – вовсе неизвестны», авторы доклада указывали, что рожь, гречиха, овес, ячмень, конопля, лен и т. п. культуры кабардинцам неизвестны. Администрация, делая такое «критическое разсмотрение», не утруждала себя поиском причин, лежавших в основе возделывания этих культур. Одна же из главных причин – постоянные войны, а Кавказская война закончилась в 1864 г., т. е. за две-три посевные кампании до составления цитируемого доклада Кабардинского отдела комиссии по правам личным и поземельным. Добавим еще одно важное условие, которое крайне отрицательно влияло на расширение посевных злаковых культур, – вынужденные в связи с этой «вековой войной» постоянные переселения кабардинцев с места на место, т. е. отсутствие прочной оседлости. И чтобы выжить в этих экстремальных условиях, кабардинцы были вынуждены засевать именно только ту жизненно необходимую культуру, которая при минимальных затратах труда могла дать максимальную урожайность.

* * *

Кабардинцы издавна бережно относились к дикорастущим фруктовым деревьям и, вероятно, следили за их состоянием в естественных лесных условиях. Почетные кабардинские уздени в начале 1841 г. обратились к генералу Пирятинскому с жалобой на военных поселян, что они «истребляют в лесу все почти фруктовые деревья». В связи с этим Пирятинский 14 февраля 1841 г. предписал смотрителю Александровского военного поселения поручику Бибикову «строжайше воспретить поселенцам порубку таковых деревьев»[16].

Истребление фруктовых деревьев принимало катастрофический характер. Этим объясняется предписание Пирятинского подполковнику Ильинскому того же числа: «Предлагаю... сделать со стороны своей распоряжение о строжайшем воспрещении порубки таковых деревьев...». Пирятинский обязывал Ильинского арестовать тех, кто при этом будет пойман, и донести ему для «взыскания с виновных по всей строгости». Слух об уничтожении фруктовых деревьев донесся и до командира корпуса, который также повелел прекратить порубки. Однако эти строжайшие указания не выполнялись. «Неоднократно мною предписывалось приказами по Центру Кавказской линии, – указывал Пирятинский подполковнику Алехину, – строжайше воспретить всем воинским чинам, дабы никто не осмеливался вырубливать фруктовых дерев под опасением за то взыскания».

Встревоженные действиями военных поселян, кабардинцы обратились снова к Пирятинскому через народного депутата Давлет-Гирея Тамбиева. Он доносил, что «при разъезде по Кабарде для обозрения разных противозаконных случаев» обнаружил в каждом дворе в большом количестве вырубленные фруктовые деревья: в укреплении Баксанском, у «женатых нижних чинов» 15-й егерской роты Кабардинского полка и гарнизонной артиллерийской команды; в укреплении Чегемском у казаков гарнизона и артиллеристов. После донесения Давлет-Гирея Тамбиева Пирятинский объявил подполковнику Алехину «за невыполнение воли начальства приличное взыскание»[17].

Такое варварское отношение к фруктовым и другим плодовым деревьям, которые, судя по реакции кабардинских князей и узденей на их уничтожение, составляли немаловажную статью в их экономическом благополучии, обратило на себя внимание нового начальника Центра Голицына. Этому способствовали и просьбы кабардинцев содействовать сохранению, улучшению и умножению исчезающих фруктовых деревьев. Следующим новаторским шагом Голицына явился его вклад в развитие садоводства кабардинцев.

27 августа 1842 г. в Кабардинский временный суд поступило его предписание для объявления «повсеместно, не минуя ни одного аула Большой Кабарды». Голицын сообщал, что он, «желая способствовать развитию садоводства и огородной промышленности в Кабарде... выписал из России отличного садовника с лучшими прививками всех сортов плодовых деревьев, а также огородными семенами самого высокого достоинства». Голицын решил «около крепости Нальчик устроить огород, в котором... означенный садовник будет преподавать поручаемым ему ученикам все, что касается до садового и огородного искусства, упражняя учеников на деле при неослабном надзоре». Голицын, конечно, знал, что мало кто из высшего сословия сам возьмется за такое «крестьянское» дело, как садоводство. Поэтому, как в случае с растениеводством, он приглашал князей и узденей первых двух степеней «отдать в заведение до 1 октября текущего (1842-го. – *С. Б.*) года по одному ученику из холопьев своих, избирая преимущественно молодого с острым понятием и буде можно с охотою к садоводству». Видимо желая ускорить набор учеников, он далее предупреждал, что «после 1 октября никто уже принимаем не будет».

Предписание указывало условия обучения учеников и содержало конкретные рекомендации по «выращиванию и уходу за семенами и саженцами дикорастущих плодовых деревьев – словом все, что нужно знать хорошему огороднику». Владельцы, отдавшие своих крестьян на обучение, получали возможность с января 1844 г. приобрести «прививки самых высоких сортов». «Таким образом, – обнадеживал Голицын, – через два года Кабарда может иметь все доселе ей неизвестные произрастания четырех частей света, а несколько позже и фруктовые сады, которые сделаются для нее источником изобилия и богатства».

Исполненный надежд, Голицын установил даже дату смотра успехов «по огородному искусству и хождению за фруктовыми деревьями» – 1847 г. Были определены награды победителям (князьям и узденям) и денежные премии – 250 рублей серебром, а их садовники получили бы по 50 рублей серебром. Говоря о таких перспективах, Голицын ставил перед владельцами условия: они должны были обеспечить направляемых на учебу учеников одеждой и питанием, а за обучение и инструменты «никто платить не должен ничего». Учеба начиналась 8 сентября 1842 г. и заканчивалась 1 октября следующего года. После этого срока они возвращались «каждый в свой дом, с полным огородным инструментом и обширным запасом семян всех сортов»[18]. Голицыну не довелось определить победителя «по огородному искусству». В 1846 г., в связи с походом Шамиля в Кабарду обвиненный в ослаблении управления вверенным ему участком Кавказской линии, он был удален с должности.

Деятельность Голицына вписывалась в планы наместника Кавказа по устройству рассадников разных деревьев и растений на Северном Кавказе. 25 января 1846 г. о предполагаемом их устройстве ему сообщил из Тифлиса генерал-майор Ольшевский. В своем рапорте от 6 февраля 1846 г. Завадовскому Голицын отмечал: «В течение четырех лет в Нальчике и во всей Кабарде рассаживаются плодовитые деревья и разная овощ в огромном размере, сады и огороды доведены всюду, и туземцы постигают необходимость подобного рода заведений. Между тем для вящего поощрения к этой общеполезной мере я бы предлагал еще учредить в Вольном ауле, что на правом берегу реки Нальчика, против крепости образцовый сад, в котором поместился бы огород, и назначить на этот предмет четыре десятины плодородной земли, которые обрыть широкой канавой и обнести тыном из хвороста. Разные фруктовые деревья, как-то: яблоко, груши, алыча и сливы, которыми изобилуют леса близлежащие, представляют весьма легкое средство пересадки в означенное место в данном состоянии, облагородить же рассадник прививками, из Крыма выписанными, весьма легко, что делается уже немалое время в общественном саду жителей Нальчикского поселения, жителей форштата и в аулах Кабарды. Для овощей необходимо выписать семян высших доброт от Вагнера в Риге...»[19].

Еще одним полезным начинанием вписал себя Голицын в историю Кабарды. С его именем связано открытие в Нальчике первых базаров. 14 августа 1842 г. он информировал Кабардинский временный суд, что по его ходатайству перед командующим войсками последний «изволил разрешить учредить в крепости Нальчик базары по четвергам, которые и откроются с 3-го числа будущего сентября месяца». Голицын обязывал суд «распоряжение это сделать известным народу и пригласить его на означенные базары, где они легко найдут сбыт своих произведений».

Весть об открытии базаров в крепости Нальчик по четвергам стала достоянием жителей Кабарды 24 августа 1842 г., но они

всего несколько раз могли собраться. Голицын 27 ноября 1842 г. дал новое предписание Кабардинскому временному суду о том, что базары по четвергам отменяются и что «учрежденные в крепости Нальчике базары имеют быть вместо четверга еженедельно по воскресеньям». О перенесении базарного дня с четверга на воскресенье было объявлено жителям Кабарды 26 января 1843 г.[20] На основании предписания Голицына можно установить, что первые базары открылись в Нальчике 3 сентября 1842 г.

После удаления Голицына и кратковременного пребывания в должности начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Хлюпина, скончавшегося от холеры, его место занял князь, полковник, впоследствии генерал-майор Эристов. Он пытался продолжить реформаторские начинания Голицына.

В начале 50-х годов Эристов обратил внимание на неприглядное состояние многих мечетей и взялся за их переустройство, стремясь повлиять на духовную жизнь народа. 16 января 1851 г. он обратился к Кабардинскому временному суду со своего рода прокламацией. В ней русский монарх, по словам Эристова, предстает щедрым, преследующим одну цель для Кабарды – «ее пользу и ее счастие».

Эристов полагал, что император, приняв Кабарду и соседние с ней народы «под высокий свой скипетр, даровал им законы, положившие начало гражданского устройства... мир и тишину... земледелие, скотоводство, промышленность, торговлю и просвещение». Между тем Эристов подвергал строгой критике служителей мусульманского духовенства: эфендиев и мулл. Он порицал их за то, что они видят в императоре и правительстве «притеснителей своей свободы и своих прав... не внушают народу любви к Богу, правительству, правил чести, пользу трудовой жизни». Перед тем как перейти к изложению своего замысла, Эристов констатировал: «В самые отдаленные времена древности постройка великолепных храмов, где люди собирались для прославления Бога, была первою потребностью каждого народа. Это мы видим у евреев, которым царь Соломон воздвигнул великолепный храм в Иерусалиме, лес для которого доставляли из отдаленных гор Ливана. После смерти Магомета первою заботою его последователей было устройство хорошо построенных мечетей. По завоеванию турками Греции султаны турецкие воздвигали великолепные мечети, стараясь украшать их добровольными приношениями. Таким образом, везде, где люди ни поселялись, первою заботою их было устройство молитвенных домов. Здесь же, в Кабарде, я вижу совершенно противное: мечети в запустении, никто не заботится о устройстве и поддержании их».

Прямой долг каждого правоверного – это заботиться о приличной мечети, а для этого Эристов указывает на несколько средств: «1. Каждый мусульманин отдает 10-ю часть всех своих доходов на содержание муллы и для раздачи бедным. Откладывая от этой 10 части постоянно какую-нибудь часть на постройку мечетей, получится уже весьма значительная сумма. 2. Богомоль-

цы, отправляющиеся на поклонение в Мекку, все более или менее люди достаточные, и потому полагал бы я возможным и совершенно справедливым обложить их пошлиною, не слишком обременительною, по присуждению народного эфендия, в пользу суммы, долженствующей собраться на постройку хороших мечетей в аулах. 3. Многие из кабардинцев, умирая, оставляют общие суммы для раздачи бедным в Мекке; деньги эти отдают какому-нибудь мулле, часто человеку недобросовестному, употребляющему их для совершенно других целей, а бедные получают только самую незначительную часть, а потому не гораздо ли лучше часть этих денег обращать на устройство мечетей здесь, в аулах, где правоверные, собираясь для молитвы, просили бы Бога о успокоении души усопшего»[21].

Эристов предлагал простые, не обременительные ни для кого, но выгодные для всех источники для строительства мечетей, заслуживающие внимания и сегодня. Взявшись конкретно за осуществление своих планов, Эристов 31 октября 1851 г. через Кабардинский суд объявил «всем жителям Кабарды, что если кто желает путешествовать в Мекку для поклонения гробу Магомета, то обязан внести пошлину – пятьдесят рублей серебром в пользу суммы, долженствующей собраться на постройку хороших мечетей в аулах Кабарды»[22]. Эристову удалось за короткий период собрать значительную сумму денег. Из полученных средств он уже 12 марта 1852 г. был в состоянии «начать постройку первой мечети, возложив только подвозочные средства на жителей».

В 1852 г. продолжалось поступление денег на строительство мечетей. Сохранился «Список жителям Большой Кабарды... которым выданы заграничные паспорты на путешествие в Мекку в 1852 году». В нем есть специальная графа – «сколько взыскано на постройку мечетей». В соответствии с отметками установленную сумму внесли: «мулла Кайсым Жагупов с семейством – 200 руб. серебром, эфендий Бекир Дишеков с семейством – 200 руб. серебром, мулла Харун Джамбеков с семейством – 250 руб. серебром, мулла Шехаиб Тохов с семейством – 200 руб. серебром, мулла Абдрахман Сеидов – 50 руб. серебром, Хаджи Умар Бердоков с семейством – 150 руб. серебром, Хаджи Исмаил Шогенов с семейством – 200 руб. серебром, мулла Асхад Жагупов – 50 руб. серебром, Хаджи Магомет Хатухов с семейством – 250 руб. серебром». Заграничные паспорта выданы также: мулле Ильясу Хакупшеву, узденю Хаджи Умару Хакулову с семейством и прапорщику князю Пшемахо Джамботову с женой, двумя служанками и двумя холопами [23].

Первую мечеть решили «построить на р. Чегеме, около древних памятников, для аулов, поселенных на реках Чегеме и Кишпеке». Желая привлечь как можно больше людей к строительству мечетей, Эристов предложил суду объявить «всем жителям по Кабарде, что закладка мечети будет в первых числах апреля сего года» (1852-го. – *С. Б.*). «Дабы эпоху начала постройки каменных мечетей сделать еще торжественнее, – указывал он далее в пред-

писании, – я назначаю ежегодно в день закладки первой мечети производить скачку на степи, прилегающей к Чегему»[24].

21 марта 1852 г. Эристов обратился в Кабардинский временный суд с прощальным посланием. «Служение мое в Кабарде всегда останется одним из лучших воспоминаний моей жизни, а имена моих благородных сотрудников никогда не истребятся из сердца моего, полного благодарности»[25] – этими трогательными словами Эристов завершил свое пребывание в Кабарде.

АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ (КОНЕЦ 50-х – 70-е ГОДЫ XIX В.)

Начальник штаба войск левого крыла Кавказской линии генерал-майор Зотов 3 декабря 1859 г. сообщил начальнику Кабардинского округа В. В. Орбелиани о существующем проекте по устройству округов левого крыла Кавказской линии. Кроме уже созданных окружных народных судов предлагалось «иметь в каждом участке участковые народные суды», которые подчинялись бы участковым начальникам. Участковые судьи, «равно сельские старшины, десятские или турюки», должны были содержаться за счет сельского общества. На каждые 50 дворов намечалось иметь одного старшину и одного десятского, т. е. полицейского служителя, помощника старшины.

По поручению командующего войсками Зотов обязывал Орбелиани доложить свои соображения на этот счет по Кабардинскому округу.

Выполняя это указание, Орбелиани 29 декабря 1859 г. докладывал: «...в числе главнейших условий удобного действия администрации во вверенном мне округе необходимо, чтобы Большая Кабарда, по огромному пространству и населению представляющая большие затруднения для управления одним участковым начальником, была разделена на две части рекою Шалушкою и управляема двумя отдельными участковыми начальниками и двумя участковыми судьями». Орбелиани предлагал и названия будущих участков: Баксанский и Черекский. Баксанский участок включал бы в себя Атажукинскую и Мисостовскую, а Черекский – Бекмурзинскую и Кайтукинскую фамилии[1].

Создавался и третий участок – Балкарский. Он охватывал общества «Балкар, Безенги, Хулам, Чегем и Уруспий». В июне 1858 г. в Кабардинский округ вошла и Малая Кабарда. Она также составила отдельный участок – Малокабардинский.

В соответствии с установкой начальства, структура вновь создаваемых участков выглядела так: один участковый кадий, по одному члену от каждой из двух княжеских фамилий и один депутат от простого народа – всего 4 человека. По Балкарскому участку выдерживался такой же принцип формирования участка, только здесь в его состав избирался один человек – от Безенги-

евского и Хуламского обществ, как «самых малочисленных и мало разнящихся друг от друга в народных обычаях». Другие балкарские общества выставляли по одному представителю в участок, имея в виду, что каждое из них «имеет друг от друга много различия в народных обычаях»[2].

В донесении генерал-майора Орбелиани сказано также о сельских старшинах, на содержание которых «на счет обществ по народному обычаю ничего не полагается, ибо они освобождаются от всякой общественной повинности». Вводимых десятских предлагалось освободить от общественной аульной повинности и получать им «по народному обычаю по 1 руб. серебром за каждую невесту, выходящую замуж за жителя другого аула, а также кожи и часть скотины, зарезанной обществом на общественные работы или богоугодные предприятия». Жалованье членам участковых судов обеспечивалось взиманием с каждого двора по 50 копеек серебром. Участковым кадиям предполагалось дать по 25 копеек серебром с каждого двора[3].

Баксанский участковый народный суд был открыт 8 октября 1860 г. в укреплении Нальчик. Судя по рапорту Черекского участкового начальника капитана Шипшева, и здесь был учрежден суд в том же году. Однако их работа налаживалась с большим трудом и не без перебоев. Сам начальник Кабардинского округа Орбелиани не очень одобрял реформу. В конце 1861 г. он докладывал командующему войсками в Терской области: «В настоящее время общество жителей вверенного мне округа прислало ко мне от себя доверенных с просьбой об уничтожении Участковых судов, служащих изложным бременем для народа». Поддерживая позицию доверенных, начальник сообщал: «Хотя эти суды приносят некоторую пользу, не бывает случая, чтобы сколько-нибудь важные дела вторично не рассматривались в Окружном народном суде, а содержание участковых судов ложилось бременем для народа».

Начальник округа надеялся, что его инициатива найдет поддержку, однако в начале следующего года начальник штаба Терской области уведомил его: «Как новые штаты о переобразованиях в Терской области имеют быть введены с 1-го мая сего года, то Его Сиятельство князь Дмитрий Иванович (Святополк-Мирский*. – *С. Б.*) не находит нужным для того времени делать какие-либо изменения прежнего порядка»[4].

2 мая 1862 г. начальник округа в спешном порядке предписал Баксанскому участковому начальнику: «...немедленно собрать распущенных в прошлом 1861 году по некоторым обстоятельствам членов Баксанского участкового народного суда... и потом тотчас же открыть участковый суд, донося мне о времени его открытия, если же из числа членов означенного суда или кандидатов их некоторые убыли, то на место их немедленно предложить народу избрать других лиц и представить их на мое утверждение»[5]. Пред-

---

*Командующий войсками Терской области.

писания такого же содержания получил и начальник Черекского участка.

В 1860 г. начальник Кабардинского округа получил инструкцию «к руководству» о порядке выбора и назначения кадиев, членов и кандидатов народных судов. В соответствии с ней в Кабардинском округе следовало создать три народных суда: окружной народный суд, участковый суд Большой Кабарды и участковый суд Балкарии. Председателем окружного народного суда назначался начальник округа. В его состав входили: главный кадий, четыре депутата от Большой Кабарды и два от Балкарии. Предусматривалось иметь на каждого из членов по одному кандидату. В Балкарском участковом суде председателем назначался начальник этого участка. В него входили один кадий и четыре члена – один от Балкарского общества, один от Хулама и Безенги и по одному от обществ Чегемского и Урусбиевского. Все члены суда должны были избираться только на один год, однако они могли быть переизбраны и на следующий срок.

Право избирать и быть избранным предоставлялось всем лицам мужского пола, «достигшим 18-летнего возраста» и имевшим право голоса. Порядок выбора был следующим: каждый аул назначал двух или трех доверенных лиц, которые собирались у участкового начальника. Они избирали не менее двух человек, которые могли занимать должность кадия, депутата и кандидата, причем «в число этих лиц могут быть избираемы кадии, депутаты и кандидаты, носящие это звание». Затем выбор этот утверждался участковым начальником, а он представлял «выборный лист» начальнику Кабардинского округа «для окончательного выбора»[6].

Первыми участковыми судьями и кандидатами в 1860 г. стали: ротмистр Мурзабек Тамбиев, кандидатом прапорщик Айтек Кошев (Мисостова фамилия); ротмистр Кизильбек Кармов, кандидатом Ахмат Лафишев (Атажукина фамилия); Пшемахо Даутоков (Бекмурзина фамилия); поручик Ибрагим Поунежев (Кайтукина фамилия)[7].

Указанная выше инструкция предусматривала также порядок избрания аульных старшин и десятских.

Старшина, помощник старшины и судья избирались из жителей села сроком на три года. На эти должности не могли быть избранными: лица моложе 25 лет, люди, телесно наказанные по суду, оставленные судом в подозрении, состоящие под судом и следствием. Не могли избираться также лица «заведомо развратного поведения». Избранное лицо не имело права отказываться от исполнения обязанностей – если ему было не более шестидесяти лет, если он не прослужил по выбору полный срок, «не одержим сильным телесным недугом» и если не может иметь постоянного пребывания в селении и не имеет никакого состояния[8].

В 1860 г. в Балкарском участке Кабардинского округа, как и в Кабарде, также состоялись первые выборы старшин и десятских. Назовем их имена: Аслан-Мурза Абаев – старшина, таубий Кас-

пулат Абаев, каракиши: Баучуу Чураев, Абрек Таумурзов, Жашу Гаукелов – десятские (в Балкарском ауле, 200 дворов); таубий Шаулох Шаханов – старшина, таубий Джанхот Джанхотов, каракиши Кокуй Мокаев, Кайракуш Жакоев, Кибен Базиев – десятские (в ауле Кош-Баршы, 200 дворов); Канымат Шакманов – старшина, каракиши Ешеу Созаев, Таумурза Кургоков – десятские (в ауле Хулам, 100 дворов); Асламбек Суншев – старшина, Таучу Рахаев, Муса Мотаев – десятские (в ауле Безенги, 200 дворов); Сараби Кучуков – старшина, каракиши Таку Гязов, Исхак Кудаев, Али Джансколов, Ибак Тудов – десятские (аул Чегем, 200 дворов); прапорщик Исмаил Урусбиев – старшина, Кукуз Жонкулов и Мазы Жонкулов – десятские («в Урусбии», 80 дворов)[9].

Обратимся еще к одному документу, в котором названы имена балкарцев, живших в середине XIX в. в Хуламском обществе. 24 мая 1850 г. хуламцы обратились к начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Эристову с прошением – докладной запиской, ходатайствуя о разрешении одного земельного спора. Этот документ подписали: старшина Магомет Шакманов, Канамат, Умар, Исса, Бадилят Шакмановы, из черных узденей (т. е. карауздeней, или настоящих узденей): Туман Алибеков, Абу Созаев, Мусса Акбаев, Амирхан Созаев, Тату Черданов, Жухуб Иваков, Огурлу Жаболов, Батмирза Бозиев, Итлук Кочмезов, Бараз Бозиев, Бекбий Чабдаров, Атта Темаланы, Гажа Малатов, Ешеу Созаев, Келемет Чабдаров, Мостай Гиргоков, Болят Гиргоков, Бекмурза Алибеков, Исуп Кагырмазов, Батырбий Кишилов, Кучук Дугаев, Мисирбий Магуляны и Умар Жаболов (ЦГА КБР, ф. 31, оп. 1, д. 3, л. 98–99 об.).

В 1861 г. проходили выборы доверенных лиц, которые затем в Нальчике избирали членов окружных и участковых народных судов. Они играли роль избранных, т. е. имели право выборщиков членов вышестоящих судов, и, таким образом, стояли у истоков формирования новых органов власти – участковых, позднее районных судов. Поэтому их имена заслуживают быть увековеченными. Приведем список избирателей (выборщиков), выбранных в марте 1861 г. «из всех сословий аула самими жителями» Большой Кабарды: поручик Заракуш Тамбиев, Безаруко Кокузоков, Загашта Шаков (аул Тамбиева); уздень Али Алоков, Кликеч Шаков, Магомет Шуртанов (аул штабс-ротмистра Мурзабека Тамбиева); Увужуко Жамбеков, Даут Мешежев, Бекмурза Жанов (аул Жамбекова); Ибрагим Кабардов, Хажимет Малухов, Сафар Малухов, Жанхот Лизамов, Хажи Али Шугушев, Огурли Хамжуев (аул Бжехокова); Измаил Апшев, Сафар Шугенов, Хажали Гукетлов (аул подполковника Атажукина); Бекир Жемухов, Али Апшев, Бекмурза Атажукин (аул Бекмурзы Атажукина); Бекмурза Зеков, Солеман Хасанов (аул Зекова); Измаил Конов, Теувеж Шокуев, Эфендий Пшихачев (аул Конова): Ахмед Афеунов, Ягья Карданов, Хусын Абезыванов (аул Абезыванова); Мазан Кардов, Ибрагим Наурузжанов (аул Барака Конова); Исхак Ципинов, Цикураша Шкахов, Якуб Канкулов (аул Ашабова); Якуб Бугов, Ма-

хомет-Али Хажикасимов, Умар Коцев (аул Бабукова); Канамат Кармов, штабс-ротмистр Ногмов*, Измаил Коков (аул Кармова); Жинус Жерештиев (аул Жерештиева); Махомет Шогенов, Есеней Коков, Давид (Даут) Трамов (аул Трамова); Хажи Муса Хажиев, Хамурза Хажиев, Мамуко Нагоев (аул Аджиева); Тлостан Агубеков, Исхак Шугенов, Магомет Дышеков (аул Агубекова); штабс-капитан Тутуков, Махмуд Кармов, Юсуф Зугов (аул Хасанбия Атажукина); Осман Гучинов, Салим-Гирей Кужев, Шалишба Хуранов (аул Лафишева); Айтек Кошев, Шитира Фицежев, Ислам Вороков (аул Кошева); Шора Апшев, Алимат-Гирей Кертиев, Аиса Архагов (аул Иналова); Маша Цагов, Жамбек Лампажев (аул Сидакова); Магомет Атласкиров, Хажи Ягья Кумыков, Муса Иритов, Али Касаев (аул Батарбека Тамбиева); поручик Бырмамытев, Увыжуко Кетоков (аул Бырмамытева); Умар Цагов, Теуна Багов (аул Кунашева); Мисост Эрежоков, Исхак Абрегов (аул Касаева); Пшемахо Эльтаров, Эссимет Тамалоков, Ибрагим Барсоков (аул Эльтарова); Якуб Сидаков, Бата Нагоев (аул Сидакова); Кей Ахмедов, Закирей Хромов (аул Дерева); Хажи Дишеков, Хажи Либееков (аул Тохтамышева); Солеман Балкаров, Маткерей Гошоков (аул Тыжева); Азамат Хамдохов, Мисост Шигебахов (аул Гетежева); Эльмурза Казаншев, Муса Шугенов (аул Казаншева); Хусин Бегидов, Эльжеруко Карашаев (аул Шугенова); Даут Алтудоков, Хажи Ильяс Алтудоков, Хажи Абдула Алтудоков (аул Алтудокова); Зекерей Перхичев, Сафиле Жуков (аул Перхичева); Умар Куденетов, Машуко Дишеков (аул Куденетова); Тембот Думанов, Шу Багов (аул Думанова); Исхак Маршанкулов, Киш Токмаков (аул Бешказакова); Айса Кебышев, Ильяс Хагежеев (аул Тохтамышева)[10].

Поначалу у новых органов власти не было помещений, и майор Коноплянский в 1860 г. писал, что открытие, например, судов в Нальчике связано с издержками. В их числе он назвал и «тот вечный недостаток, что жалобщики, иск которых простирается на незначительную сумму, не приезжают в Нальчик, так как издержки на проезд будут им стоить дороже самого иска». Начальник участка ходатайствовал «об устройстве в одном из аулов постоянного помещения для участкового начальника и членов участкового суда»[11].

Однако при Орбелиани строительство этих зданий, видимо, так и не началось. Затягивалось и строительство помещений для аульных управлений. Только в 1869 г. составлен их типовой проект. Он предусматривал: положения самого управления (старшины, помощника его, казначея, судьи), школу и арестантскую комнату. Вход в каждую из комнат осуществлялся через сени. Вблизи этого здания должен был располагаться запасный хлебный магазин.

Величина комнат зависела от количества жителей в аулах: аул с числом жителей более 200 дворов мог построить комнату в длину и ширину 10 аршин, от 200 до 150 дворов – 9, от 150 до 100 дво-

*Имеется в виду поручик Эрустан Ногмов.

ров – 8, от 100 до 50 дворов – 6 и аулу менее 50 дворов разрешалось иметь комнату в 5 аршин в длину и ширину[12].

В декабре 1863 г. состоялись перевыборы участковых судей. Абсолютное большинство вышепоименованных участковых судей и их помощников остались на второй срок. Об этом дали подписку выборные от каждой фамилии: подпоручик Исмаил Конов, уздень 1-й степени Закирей Перхичев, Цура Тавкешев и Машуко Дышеков (Атажукина фамилия); штабс-капитан Уважуко Жамбеков, уздень 1-й степени Пак Тыжев, аульный старшина уздень Тлекеч Шаков, уздень Бекир Батырдоков (Мисостова фамилия); Исхак Кудаев, Кайсын Эристаов, Уважуко Шереужев, Актола Шипшев, Уважуко Шогенов (Бекмурзина фамилия); Шу Мамхегов, Нашхо Шипшев, Шу Шогенов, Бекир Шогенов, Махмут Жутов (Кайтукина фамилия).

В январе 1867 г. по Малокабардинскому участку были избраны судьями Ельмурза Инароков и Ельбуздуко Балкаров, а кандидатами к ним соответственно поручик Заурбек Астемиров и Ибрагим Абазов.

В присутствии управляющего участком поручика Хетагурова «выборный лист» подписали: штабс-капитан Гасташев, прапорщик Блаев, Жамбот Мирзоев, Исуп Богатырев, Каспот Темруков, Саид Желаов, Эльмурза Хусейнов, Дарук Балкаров, Андрузак Жалаов, Бетуг Карашев, Майрем Танашев, Исмаил Барагунов, Ибрагим Кишиев, Залимгирей Батыров, Пшемахо Хуштов, Каспот Шекехачев, Мамсыр Секов, Ислам Сарахов, Мамсыр Фандзиев, Хажи Хапов, Магомет Амхутов, Солтан Алкашев, Бицу Анисоков, Хурей Каиров, Тембот Хейгошев, Индрис Винов, Апдрузак Метежев, Айдемир Саншоков, Мурат Теовов, Исмаил Белгороков, Исхак Хатхутов, Ибрагим Тлеужев, Тануг Пшиншев, Хажимет Козырев, Кази Кизов, Заурбек Каров и Увжуко Азов[13].

Начальник Кабардинского округа в 1870 г. докладывал начальнику Терской области о результатах административных реформ, проводившихся в Кабарде с 1867 г., когда по примеру Бакинской губернии было введено положение об аульных общественных управлениях. В том же году в Малой Кабарде приняли это положение «к руководству», а в 1868 г. оно стало внедряться и на других участках. Сначала старшины, их помощники и аульные судьи действовали «без назначения их жалования от общества за их службу». Новый порядок управления приживался медленно и с перебоями. В некоторых аулах «управление на выборных началах было посредственно, в остальных же аулах шло весьма слабо». Причину такого положения начальник видел в том, что отсутствовало понимание, как вести дела. Однако главное препятствие состояло в желании «просителей давать ход делам по прежде существующему в Кабарде правилу во всем руководствоваться мнениями почетных сословий».

В 1869 г. с началом постройки административных зданий, а в 1870 г. с освобождением выборных лиц от государственной и аульной повинности, нововведение начало успешно внедряться.

Этому способствовало и введение положения об аульных общественных управлениях. Заводились новые формы отчетности – специальные *Книги письмоводства* для записи совершаемых актов: купчих, закладных и других обязательств, купли и продажи скота, для записи разбираемых аульным судом дел, для записи прихода и расхода общественной аульной суммы, для записи родившихся и умерших, бракосочетавшихся и разводившихся, для записи сбора государственной подати, содержания окружного, аульного судов и почтовой повинности, для записывания штрафов, приблудного и найденного скота. Перечисляя все эти новшества, начальник округа уверял начальство области, что в дальнейшем новая форма управления будет все более совершенствоваться[14].

* * *

В ходе административно-судебной реформы, как выше отмечено, введена была должность старшины вместо ранее практиковавшегося названия владельца аула. Вступающие в должность старшины в 80-х годах давали клятвенное обещание. Принесение присяги требовалось также от сельских судей, их помощников и казначеев.

Старшина с. Бабукова князь Дударуков в 1883 г. докладывал своему приставу о «принятии присяги на должность помощника старшины урядником Мударом Зуховым». Текст этой присяги не сохранился, но можно не сомневаться, что он был единым для всех участковых сельских должностных лиц. Приведем текст присяги старшины с. Касаева поручика Пшемахо Касаева, принятой им 2 марта 1883 г.:

«Клятвенное обещание. Я, нижеименованный, пред Алкораном Всемогущего, не имеющего себе равного Великого Бога обещаюсь и клянусь, что при настоящем выборе меня на должность старшины обязуюсь по долгу принятой мной присяги исполнять все поручения и требования начальства по чистой моей совести и чести, без пристрастия и корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы, дабы на страшном суде всеобщего воскресения пред самим Всемогущим Богом с чистым лицом возмог дать ответ в оной, Валлаги Билляги Таллаги о Господи Миров»[15].

Такую присягу в том же году приняли старшины: князь Дударуков (с. Бабукова), Мисост Бориев (с. Хапцева), Бароко Анзоров (с. Борокова), Исмаил Тяжгов (с. Атажукина 3), Исмаил Елтухов (с. Боташева). Присягу принимали перед начальником округа.

Назовем имена и фамилии некоторых старшин и их помощников разных лет: Исхак Пхавакачев, помощник его Индрис Карданов (с. Кучука Атажукина) – 1872 г.; Махмуд Кармов (с. Атажукина 3) – 1872–1883 гг.; Зураб Хагундоков (с. Кармова) – 1874 г.; корнет Гетмишев (Гедмишхов) – 1874 г.

В связи с назначением старшин выясняются некоторые детали их биографии. В частности, помощник старшины с. Астемирова Шухаиб Уразиев в апреле 1883 г. рапортовал приставу 3-го участка: «...сего числа в час пополуночи, от кратковременной девяти-

дневной болезни – воспаления в легких умер старшина селения сего уздень Исмаил Астемиров»[16].

Начальник округа в 1883 г. сообщал приставу 2-го участка, что Терское областное начальство утвердило «в должности старшины селения Атажукина 1-го прапорщика князя Асламбека Атажукина, на место уволенного от этой должности по болезни Аслангирея Шогенова». Подчиненному предписывалось к 18 мая доставить в управление округа Атажукина «для привода его к присяге». Аслангирей Шогенов 7 марта подал рапорт начальнику округа с просьбой об увольнении с должности «по болезненному его состоянию и разным домашним обстоятельствам»[17].

В том же 1883 г. в должности старшины села находились: Али Мизов (с. Жанхотова), Женус Карданов (с. Догужокова), Мисост Бориев (с. Хапцева), Кази Ахлов (с. Ахлова), Эльмурза Мирзоев (с. Исламова), Бодраков (с. Аргуданское), Эдык Атажукин (с. Ашабова), Казильбек Кармов (с. Кармова), Заурбек Жогишев (с. Муртазова), П. Тхашагоев (с. Кошерокова), Магомет Дышеков (с. Куденетова 2) Кази Шогенов (с. Ашабова).

В 1884 г. князь Исмаил Атажукин был одновременно старшиной селений Атажукин 1 и Атажукин 2. Эту же должность в 1887 г. исполнял в с. Абукова Махмут Бжеников.

Старшины селений в разные годы: Абдуразак Матежев (с. Муртазова) – 1879 г., Адильгирей Жерештиев (с. Кармова) – 1899 г., Хабиж Абдрахманов (с. Кармова) – 1906 г., Матыр Хажимстович Кирешев (исполняющий должность старшины с. Тыжева) – 1909 г., Дагаза Исхакович Алмов (с. Лафишева) – 1909 г., Хаджи Хасана Балкаров (с. Тыжева) – 1909 г.

РАЗДЕЛ II

ХАМСАДА

История – живой источник бессмертия немногих ее избранных и неприступный замок забвения всей остальной массы. Иначе не скажешь, размышляя, в частности, об адыгских женщинах. Испокон веку черкешенками пленялись властелины и некоронованные особы стран Востока и Запада, прекрасные их достоинства воспевали великие русские художники слова. За право обладать черкешенкой щедро проливали кровь несметные количества рыцарей чести и неустрашимых ценителей женской красоты. Словом, адыгские женщины издавна известны цивилизованному миру, говоря словами Пушкина, как «чистейшей прелести чистейший образец». Однако среди них очень мало женщин, чьи имена сохранились в фольклоре и еще меньше – в памяти народа. В числе последних – дочь известного валия Кабарды Кучука Джанхотова – Хамсада (по первому мужу Таусултанова, по второму – Туганова).

Пожалуй, ничье имя в народе не произносится с таким интимно-трогательным чувством, как имя Хамсада. Ее женское счастье с любимым первым мужем оказалось быстротечным. Это связано с тем, что Хамсада вышла замуж за малоизвестного малокабардинского князя Татлостанова (Таусултанова) тайно, по обряду умыкания (похищение невесты у родителей без их благословения). Недовольные этим актом – вероятно, те, кто считал валия обесчещенным (а возможно, поклонники, добивавшиеся ее руки), – вызвали ночью мужа из дому, и он пал жертвой заговора.

Редкую посмертную судьбу-славу Хамсаде принесла широко известная народная песня, названная ее именем. Песня-плач Хамсады сложена ею самой. «Хамсада плачет и песню слагает» – так заканчивается песня.

Касаясь имени Карашая, первого мужа Хамсады, Зарамук Кардангушев – первый профессиональный исполнитель и исследователь замечательной песни – пишет, в соответствии с преданием, что в роду Татлостановых было два князя по имени Карашай: один сын Шолоха, а другой – тот, кто «украл» Хамсаду. Кроме этого, о первом муже Хамсады нам почти ничего не известно, если не иметь в виду, что, согласно песне, она была замужем за Татлостановым. Малочисленная фамилия Татлостановых на протяжении

нескольких поколений находилась под реальной угрозой прекращения мужской линии рода. По сведениям Хан-Гирея, род Татлостановых «трижды прекращался таким образом, что по смерти последнего члена оного жена умершего оставалась беременною, разрешалась от оной сыном, и нынешний единственный член сего рода, именем Карашай, родился по смерти отца таким же образом»[1].

Родословная кабардинских фамилий, в том числе наиболее известных деятелей Кабарды, – наименее изученный вопрос нашей истории. В этом убеждаешься сразу, как только возникнет потребность в имени и отчестве предка чуть ли не любой сколько-нибудь значимой личности. К примеру, неизвестно, как звали прадедов Шоры Ногмова, Хан-Гирея, Дмитрия Кодзокова и др. Неудивительно поэтому, что мы до сих лор не знаем, кто был отцом Карашая Татлостанова, упоминаемого Хан-Гиреем. В переписи населения Кабарды 1825 г. в фамилии Татлостановых зафиксирован князь Асланбек (Арсланбек) Таусултанов, которому исполнялось 35 лет, и его племянник, 10-летний Тепсаруко, находившийся в Георгиевске аманатом[2]. Тепсаруко, по-видимому, умер молодым. Кем же доводятся друг другу Карашай и Асланбек? Ответ на этот вопрос для нас долгое время оставался загадкой. Поиски увенчались находкой, позволяющей внести ясность в родословную рассматриваемого Карашая.

На родословную Таусултановых проливает свет разъяснение Кабардинского временного суда, данное им начальнику Центра Кавказской линии в 1842 г.: «Фамилия князей (Таусултановых, Татлостановых. – *С. Б.*) пресеклась и более не существует в живых, а остальные два их племянника – Малой Кабарды князь Беслан Ахлов и Большой Кабарды подполковник князь Айдемиров, рожденные от сестры Тепсарука, Дударука и Мусы Таусултановых. Из них первый умер без наследников, другой имел сына Асланбека, этот оставил по себе ныне умершего Карашая, дочь Наго и жену, ныне состоящую в замужестве за племянником их поясненным Айдемиром, третий, Муса Таусултанов, имел сына Батыр-Гирея, но и сей умер, оставив только одну дочь, ныне находящуюся в супружестве за прапорщиком князем Бекмурзою Касаевым».

Судьба отдельных представителей исчезнувшей княжеской фамилии прослеживается в прошении самого князя Бекмурзы Касаева начальнику Центра Хлюпину, написанном в 1847 г. Согласно прошению, Батыр-Гирей Таусултанов в первом браке имел сына Тепсаруко, уже известного нам по переписи 1825 г. племянника Асланбека, который содержался в Георгиевске аманатом. Он погиб «без вести в России». Следовательно, суд ошибался, сообщая, что Батыр-Гирей оставил только одну дочь. Вторым браком Батыр-Гирей женился на Фатимат Ахловой (по последнему мужу – Айдемировой) приблизительно в 1816 г., однако «не через долгое время был убит и сам князь Батыр-Гирей на поле брани». После его смерти родственник Батыр-Гирея, Асланбек

Таусултанов, женился на вдове Айдемировой. Касаев далее разъяснял: «...она прижила с ним: князя Карашая, умершего в С.-Петербурге в 1-м Кадетском корпусе, и дочь (Наго. – *С. Б.*), ныне состоящая в супружестве за князем подпоручиком Атажуко Атажукиным, бросив их, вышла в супружество за князя подполковника Айдемирова» (ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 61, л. 2).

Разъяснение Кабардинского временного суда не противоречит сведениям Хан-Гирея. В самом деле, Дударуко умер без наследников. А сын Мусы Батыр-Гирей умер, оставив одну дочь. Если допустить, что дочь Наго была старшим ребенком в семье Асланбека, а он умер, когда жена была беременна, то Карашай должен был остаться единственной надеждой на волоске висевшей мужской линии рода, со смертью которого фамилия пресеклась.

Когда и в каком возрасте умер Карашай? Ответ на вопрос дает возможность заключить, мог ли быть этот Карашай вообще мужем Хамсады – с точки зрения хронологии? Якуб Шарданов в 1839 г. в докладной записке к командующему войсками на Кавказской линии и Черноморья Граббе отмечал, что на наследственные земли, оставшиеся после смерти Кучука Джанхотова, расположенные в Малой Кабарде, «ныне малолетний князь Таусултанов имеет иск». Якуб Шарданов имел в виду именно Карашая Татлостанова. Анализ приведенных документов показывает: Карашай умер между маем 1839 г. и августом 1842 г. А поскольку мы теперь точно знаем, что Карашай к тому времени был малолетним, нужно сделать вывод, что он не был женат на Хамсаде Кучуковой. Это во-первых. Во-вторых, слова из донесения Кабардинского временного суда – «ныне умерший Карашай» – говорят, что молодой Карашай умер в 1842 г., т. е. незадолго перед рапортом суда начальнику Центра Кавказской линии. Из всего сказанного несомненно одно: рассматриваемый нами Карашай не мог быть мужем Хамсады.

К тому есть два веских обстоятельства. Первое. Ко времени первого ее замужества Карашая, как мы увидим ниже, еще не было на свете. Второе. Годы жизни Карашая совпадают с теми, когда мужем Хамсады был Туганов. Эти факты, однако, сами по себе не исключают возможность того, что в конце 10-х – начале 20-х годов XIX в., т. е. в годы первого замужества Хамсады, мог быть другой князь Карашай Татлостанов, не зафиксированный документами, а имя его не сохранилось из-за того, что он не оставил потомства.

Судя по тексту песни «Плач Хамсады», после первого замужества Хамсада готова была выйти замуж за некоего Хагабана. Среди тех, кого она могла представить себе в качестве второго мужа, был и представитель фамилии Атажукиных. Отец Хамсады Кучук Джанхотов распоряжается иначе. Он выдает свою непослушную дочь за ногайского князя Беслана (Бирислана) Туганова.

О втором замужестве Хамсады мы располагаем конкретными

архивными документами. Оставшись молодой вдовой, Хамсада по воле отца, как свидетельствует и песня, выходит замуж за ногайского князя Беслана (Бирислана) Туганова. Отношения между супругами – Хамсадой и Бесланом – стали предметом прошения озабоченных судьбой княгини кабардинских князей к начальнику Центра Кавказской линии Голицыну от 23 мая 1845 г. Подполковник Хажи Мисост Атажукин, подпоручик Алхас Мисостов, корнет Жамбот Докшукин и прапорщик Бекмурза Касаев указывали, что между Хамсадой и ногайским мурзой (князем) штабс-капитаном Бесланом Тугановым происходят постоянные разногласия. Согласно их мнению, Туганов, «не делая разводную, учинял ей разные обиды»*. Узнав об этом, «валий кабардинского народа» Кучук Джанхотов помирил свою дочь с зятем. При этом Тугановым «учинено было условие» (факт сам по себе примечательный), в подкрепление чего он дал подписку «1829 года ноября 25 дня». В качестве гаранта принятого на себя условия Туганов представил аталыка своего Тархана Тазаритокова и вместе с ним Жумала Ксакаева, Абыла Торкманова, Аталиба Байсова и абазинского владельца Магомет-Гирея Лоова. Условие было заключено «в присутствии Кабардинского временного суда»[3].

Однако Туганов нарушает принятое на себя обязательство перед Хамсадой, «впоследствии видя, что тесть его кончился смертью в том же году»**. В связи со смертью отца Хамсада, очевидно, вернулась в родительский дом. Однако не торопилась обратно к мужу. Командир Хоперского казачьего полка подполковник Канивольский 3 декабря 1832 г. докладывал Грамотину, что, по его сведениям, Хамсада в это время находилась в Большой Кабарде[4]. Этот факт – дополнительное подтверждение того, что супружеская жизнь Хамсады и Беслана сопровождалась частыми раздорами и длительной разлукой. Вторая женитьба мужа отравила сознание и душу Хамсады.

Обвиняя Туганова, кабардинские князья далее указывали, что он, «нарушив все свое обязательство, более прежнего расстроил ее здоровье бесчеловечными поступками и устроил так, что она

---

*В супружеской жизни Хамсады и Беслана Туганова был период, когда брак между ними был расторгнут. Кабардинский временный суд не без знания дела в 1832 г. докладывал начальству: «...в доме Кучука Джанхотова, в который вошел Алхас Мисостов по случаю женитьбы на младшей жене Кучука... живет у него же и старшая жена умершего с дочерью, бывшею в замужестве за ногайским мурзой Тагановым...» (ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 75).

В докладе суда один момент интересен с точки зрения брачного права. В случае, если у умершего мужа осталось несколько вдов, его близкий родственник по левирату мог жениться на одной из них, а не на всех. При этом другая вдова могла остаться в доме бывшего мужа. Отметим и то, что в данном случае первая жена Кучука Джанхотова, вероятно, была уже не в брачном возрасте.

**Мы не располагаем официальной хроникой о смерти Кучука Джанхотова. Существуют две даты его кончины: 1829 и 1830 гг. Прошение князей подтверждает первую. Трудно признать сведения неофициального характера за достоверную истину. Однако уже несомненно, что смерть постигла Джанхотова после 25 ноября 1829 г.

при старости лет окончит жизнь свою прежде времени». Князья перечисляли факты материального притеснения Тугановой, поставившие ее «наравне важнейшей преступницы», и, как таковой, ей не дозволялось встречаться даже с ближайшими ее родственниками — князьями Мисостовой фамилии. При этом Туганов, как писали князья, преследовал цель — лишить Хамсаду возможности поведать родственникам о своих обидах.

Разлад между Хамсадой и Бесланом авторы прошения рассматривали вообще как оскорбление чести кабардинцев. «Мы, князья Кабарды, — писали они Голицыну, — поставили поступки штабс-капитана Туганова, наносимые жене своей Хамсаде, дочери Жанхотовой, к общенародной безчести, принимая сострадание к беззащитной, приняли смелость представить на благожелательное воззрение Вашего Сиятельства всепокорнейше просить... заступиться во уважение бывшей нелицемерной преданности отца ее правительству и оказанных заслуг, не дайте в обиду княгиню Хамсаду Туганову...»

Историки обыкновенно один и тот же факт прошлого могут преподносить и объяснять по-разному, и каждый находит определенное обоснование своей точки зрения. Естественно, авторы документов прежде всего отражают взгляды тех, от кого они исходят. Отдавать предпочтение тому или другому источнику, тому или иному взгляду без скрупулезного их анализа — значит отдать предпочтение субъективному и принести объективное в жертву.

Попытаемся беспристрастно разобраться в содержании прошения князей с обвинениями против штабс-капитана Туганова. Начальник Центра Голицын, к которому адресовались князья, не решился лично распорядиться по существу поданного ему прошения. Обращаясь к временно командующему войсками Кавказской линии и Черноморья, он просил его «почтить в руководство предписанием», а тот поручил начальнику своего штаба истребовать через исправляющего обязанности начальника правого фланга Кавказской линии «объяснения противу посылаемой просьбы князей Большой Кабарды» от Туганова. Начальник штаба конкретно предписывал доложить, каким образом можно решить дело, согласно «местному усмотрению».

В соответствии с требованием начальства пристав Тохтамышевских аулов штабс-капитан Зергель взял письменное объяснение от Туганова. Ответ во многом примечателен, но особенно интересен в том смысле, что открывает до сего времени неизвестные страницы личной жизни Хамсады и ее брата Джамбулата Кучукова.

Беслан Туганов давал ответы по каждому пункту выдвинутого в его адрес обвинения. «Назад тому более 23 лет женат я на дочери кабардинского князя Кучука Джанхотова — Хамсад» — так начал Туганов свое объяснение. Уже одно это свидетельство бесценно. Оно, касаясь предания о Карашае и Хамсаде, рассеивает наслоение народного творчества. Как и выше отмечено, описанный нами Карашай никак не был бы назван Якубом Шардановым

малолетним, если бы он родился хотя бы в 1822 г. А княгиня-вдова, на наш взгляд, вышла за Туганова несколько ранее 1822 г. Не говоря уже ни о чем другом, маловероятно, чтобы Хамсада менее чем за год сумела перевоплотиться после утраты столь любимого мужа и решиться выйти снова замуж или что она была принуждена к этому отцом.

Но кроме этого у нас есть еще один документ. В 1840 г. узденъ Идрис Кодзоков, дядя Дмитрия Степановича Кодзокова по отцу, имея тяжбу с Хамсадой из-за крепостных крестьян, затянувшуюся более чем на десять лет, писал начальнику Центра Пирятинскому, что «лет 18 тому назад холоп его Тиж (Дыжь. – *С. Б.*) бежал под покровительство княгини Хамсады Тогановой». Идрис Кодзоков здесь точнее даже Беслана Туганова. И дело не в том, что он писал на пять лет раньше Туганова и мог запомнить больше подробностей. В 1840 г. он указал, что «18 лет тому назад», т.е. в том же самом 1822 г., Хамсада уже была женой ногайского князя. Отсюда видно, что вторая супружеская жизнь Хамсады началась раньше самого смутного для Кабарды 1822 г., т. е. в ту пору, когда Кучук Джанхотов был валием Кабарды. Обряд умыкания, будучи престижным для княжны, не делал чести валию, образ жизни которого считался образцом соблюдения самых строгих принципов адыгского этикета.

Кабардинские князья обвиняли Туганова и в том, что он незаконно использовал «калым за наследницу Кудаса, выданную в супружество за сына покойного генерал-майора Султана Менгли-Гирея... как она была дочь сына покойного подполковника Джанхотова, штабс-капитана Жамбота Джанхотова». Разъяснение Туганова по этому поводу показывает, что князья Кабарды умалчивали о сословном происхождении Кудас. Туганов пояснял: «За девицу по имени Кудас, незаконно прижитую от крестьянки жены моей Хамсады, которую она с малолетства приняла к себе, воспитание и содержание коей до возраста лет зависело собственно от меня, при выдаче ее в замужество за сына покойного генерал-майора Султана Менгли-Гирея калымом ее (1000 рублей серебром. – *С. Б.*) действительно я воспользовался, как следующим мне за содержание ее. Даже жена моя Хамсада тогда настоятельно просила меня калым этот употребить в собственную мою пользу».

Переписка открывает первую и пока что единственную страницу личной жизни Джамбулата, одного из руководителей последнего восстания «непокорных» кабардинцев, расстрелянного в крепости Нальчик по приказу генерала Вельяминова. Оказывается, у Джамбулата была дочь по имени Кудас. Однако остается не вполне известным ее происхождение. Кабардинские князья называли ее «наследницей», при этом не конкретизируя, что они подразумевали под этим словом. Отмечая, что Кудас – «дочь сына покойного подполковника Джанхотова, штабс-капитана Жамбота Джанхотова», князья, вероятно, имели в виду, что Кудас являлась наследницей Джамбулата? В этом случае, по нормам обычного

права, Джамбулат должен был состоять в законном браке, т. е. женат на княжеской дочери. А Туганов прямо указывал, что Кудас незаконно прижита от крестьянки.

Здесь следует разобраться в том, что должно означать в брачном праве кабардинцев «незаконно прижить». По-видимому, надо разуметь неравный брак, а не внебрачную связь, так как незаконным считался брак князя с девушкой некняжеского происхождения. Прижить – значит находиться с кем-либо в сожительстве, преимущественно внебрачном, и родить таким образом ребенка, что не исключает брачных связей. Поэтому нет достаточных оснований считать, что Кудас была внебрачной дочерью Джамбулата. Иначе трудно было бы объяснить калым в тысячу рублей, уплаченный за Кудас, как и то, что она вышла замуж за представителя именитого рода – сына генерал-майора Султана Менгли-Гирея – потомка крымских ханов. Заметим, что калым в тысячу рублей в два раза превышал сумму, установленную в 1807 г. для князей. Факт выплаты такой большой суммы за Кудас говорит в пользу того, что она хотя и родилась в незаконном браке, но не считалась внебрачной дочерью.

Не установлено, как звали зятя Джамбулата Кучукова. В архивных материалах за 1831 г. встречается корнет лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона Султан Гиреев. 2 июля он писал генерал-майору Горихвостову: «На отношение покойного отца моего генерал-майора Султана Менгли-Гирея...». Этим устанавливается, что Султан Гиреев – сын Султана Менгли-Гирея. Но стал ли Султан Гиреев зятем Джамбулата, мы сказать не можем, поскольку неизвестно, был ли он единственным сыном генерал-майора.

Мнения кабардинских князей и Туганова совпадали в том, что причиной семейных раздоров Беслана и Хамсады была вторая женитьба мужа. Князья требовали от Туганова, чтобы он, если «желает иметь Хамсаду женою, то не делать никаких истязаний, иметь по долгу супружеской обязанности, с той любовью, которою он расположен к другой своей жене».

В своем ответе Туганов указывал: «Когда я женился на другой жене, в то время Хамсада из неудовольствия за то ко мне, выпросясь у меня под благовидным предлогом на побывку к отцу своему князю Кучуку Джанхотову, начала со мною ссориться, но вскоре после того через посланного от меня аталыка Таркана Тузартукова ее со мною помирили и Тузартуков доставил ее ко мне».

После этого Хамсада не раз приезжала в Кабарду. Она, естественно, была на похоронах, вероятно, скоропостижно скончавшегося отца-валия. Хамсада проживала некоторое время у своих родных и после, что можно объяснить также раздорами с мужем. Об этом говорят данные за 1832 г. Разыскиваемый поручиком мурзой Бересланом Тугановым ее крестьянин по имени Апак в то время был обнаружен в «проживательстве в Большой Кабарде».

Размолвки с мужем Хамсады начались после того, как, по словам Туганова, с чем трудно не согласиться, он женился во второй раз. По этому поводу Туганов замечал: «Я иногда сердился на жену мою Хамсаду собственно по капризам ее ко мне, то на это я имел полное право как муж жены». Туганов здесь, более защищая себя, умалчивал о том, справедливы «капризы» Хамсады или нет. Как известно, в Кабарде многоженство было редкостью. Хамсада, конечно, знала такие случаи, и не понаслышке, а на примере собственного отца. Тем не менее вторая жена всегда была для первой жены крайне нежелательным сюрпризом, ударом судьбы по женскому самолюбию, особенно же для Хамсады, очевидно, считавшейся первой княжной Кабарды. «Капризы» Хамсады были и объяснимы, и понятны. По сведениям Сталя, «старшая жена при малейшем предпочтении, оказанном второй жене, считая себя обиженной, обыкновенно призывает на помощь своих родных, и начинается разбирательство».

Туганов, не скрывая характера своих отношнеий с Хамсадой и одновременно отклоняя одно из главных обвинений кабардинских князей, особо отмечал: «Но чтобы заводить с нею ссоры и какими-то бесчеловечными поступками с изнурением и обидами утеснять ее (как прописывают в прошении родственники ее, кабардинские князья), я не только что не поступал таким образом, но по совести благородного человека я никогда не мог иметь это в помышлении и содержать ее как невольницу и также не мог это сделать противно правилам нашего обычая».

Подводя итог претензиям кабардинских князей, Беслан Туганов, в свою очередь, обвинял их в том, что они пытаются «расстроить» его жену. По мнению Туганова, авторы прошения имели вполне определенную цель: «...если бы могли успеть развести меня с нею, тогда воспользоваться наследственным ее имением». Туганов особо негодовал на Алхаса Мисостова и Якуба Шарданова. Ответчик жаловался, что Мисостов «несправедливыми изворотами» настроил Хамсаду, чтобы крестьяне, доставшиеся ей после смерти отца, не были переселены в аул Туганова, находившийся около Баталпашинска (ныне Черкесск). Здесь Туганов явно преувеличивал возможности Алхаса Мисостова. Переселение крепостных крестьян, и шире – народа, за пределы Кабарды запрещалось обычным правом, завоеванным еще в XVIII в. «возмущением черни». Отличительная особенность этих крепостных крестьян состояла в том, что они, живя в Кабарде, оставались крепостными Хамсады.

Туганов далее обвинял Алхаса Мисостова еще во многих поступках, перечень которых содержит ценную информацию во многих отношениях, поэтому приводим этот документ: «...с возвращением князя Алхаса Мисостова от непокорных горцев назад тому 14 лет (1831 г. – *С. Б.*), тогда он не имел и пары голов, а теперь имеет до 3000 баранов и 500 штук лошадей и все это составил более похищением из имения жены моей, бывшего у него в распоряжении до раздела еще такового с сестрою жены

моей княгини Кабахан Наурузовой, выманил от жены моей одно ружье, стоящее с 5 душ крестьян, собственно мне принадлежащее, доставшееся от родного моего отца Росламбека Туганова, и одну саблю колчанку, подаренную от жены моей Хамсады, стоящее двух крестьян, а в каждый приезд его, Мисостова, к жене моей, изворотами плутовства стараясь вооружить, против меня жену мою и воспользовавшись этим случаем, вымогал постыдным образом от нея разными вещами, скотом и лошадьми тайно и без ведома моего, от чего я вынужден был никогда не допущать его в дом мой»[5]. В заключение своего объяснения Туганов просил: «Приказать разобраться во всем прописанном мною с претендующими на меня лицами по правам народного обычая и назначить место для разбирательства не в кабардинском народе – даже и не в том, где я проживаю, между ногайцами, а где будет угодно начальству между русскими...».

Ответ Туганова был направлен в Кабардинский временный суд для ознакомления авторов прошения к Голицыну. Начальство сообщало, что «если они захотят этим прекратить свой иск, то, отобрав сказку, считать дело закрытым, в противном случае от них должно поступить... противу объяснения князя Туганова». По материалам дела не видно, чтобы кабардинские князья были готовы идти на шариатское разбирательство, к тому же за пределами Кабарды, как требовал Туганов и в чем выражало свое согласие начальство. Видимо, ознакомившись с объяснением Туганова, князья поняли, что особых претензий к нему ими не может быть предъявлено, и прекратили тяжбу, посчитав ее недостаточно обоснованной затеей Хамсады и Алхаса Мисостова.

К тому же русские власти не дали бы в обиду исправно несшего военную службу Туганова. Этот факт доказывается рапортом прославленного отзывами Пушкина и Белинского Султана Казы-Гирея. В августе 1855 г. он, отмечая «мужественную распорядительность» капитана Туганова, доложил Грамотину: «Во время перестрелки с неприятелем, бывшей 19 числа сего же месяца, при отступлении вверенного мне Верхне-Кубанского отряда от деревянного карачаевского моста к позиции выше Касаева аула, контужен в левый бок пулею состоящий в Тахтамышевской милиции капитан князь Биереслан (Беслан. – *С. Б.*) Таганов...»[6].

Были ли дети от брака Туганова и Хамсады? Мы располагаем лишь одним указанием на то, что дочь Хамсады Тугановой была выдана замуж за кемиргоевского князя Айтекова. Если она дочь их обоих, то почему документ приписывает ее одной Хамсаде?

Вероятно, о внучке Хамсады идет речь в переписке штаба войск Правого крыла Кавказской линии от 24 августа 1859 г. В ней начальнику Кабардинского округа сообщалось о просьбе княгини подпоручицы Каншохо Карамурзиной «о понуждении проживающего в Джанхотовом ауле ога Аджи-Султанова, с семейством перешедшего к ней, Карамурзиной, по наследству от бабки ее, урожденной княгини Джанхотовой, разобраться с просительницей на основании существующих у кабардинцев обычаев и удов-

летворить ее подлежащими деньгами за получение окончательной свободы означенным ог Аджи-Султановым»[7].

Из двух дочерей Кучука Джанхотова в родном ауле крестьян имела только Хамсада. Так как в переписке сказано о бабке Каншохо Карамурзиной – княгине Джанхотовой, то можно сказать, что она и есть Хамсада. А тот факт, что упомянутый житель перешел к ней «по наследству», указывает на другое – Хамсады Джанхотовой к отмеченному времени, т. е. к 24 августа 1859 г., уже не было в живых.

Согласно рапорту прапорщика князя Мисостова князю Орбелиани от 11 июня 1858 г., Хамсада скончалась в 1858 г.: «Родная дочь полковника князя Кучука Джанхотова княжна Хамисат, состоя в замужестве за майором ногайским князем Хажи Бесленем Тагановым, назад тому истекло около пяти месяцев, как умерла; прослыша о таковом несчастии, муж троюродной племянницы моей Султан Жамбек-Гирей (душеприказчик Хамсады. – *С. Б.*), родной дочери покойницы княгини Каншохо, по мужу Карамурзиной, живущей вниз по Кубани...» (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, т. 1, л. 91–93 об.).

Что же касается второго и последнего мужа Хамсады – Беслана Туганова, то он в начале 1860-х гг. эмигрировал в Турцию.

ЯКУБ ШАРДАНОВ

Якуб Шарданов – видный общественно-политический деятель Кабарды первой половины XIX в. Политическое его значение состоит в том, что он был убежденным и непреклонным сторонником кабардино-русских отношений, в укрепление и дальнейшее развитие которых он внес весомый вклад. Якуб Шарданов осознавал эту свою роль и свое значение, поэтому он, никогда не выступая против независимости Кабарды, но понимая, в какой форме и в какой мере это возможно, стремился содействовать ее постепенному административно-правовому сближению с Россией без сильных социальных потрясений.

Шарданов несколько преувеличенно считал себя первым из своих современников, кто понял эту историческую неизбежность и целесообразность. Достаточно вспомнить деятельность Измаил-бея Атажукина и валия Кучука Джанхотова. В свое время Измаил-бей настойчиво, но безуспешно убеждал кабардинцев, что «необходимо жить в мире и под защитою сего великого государства», что, «не потеряв разума, нельзя думать раздражать сих сильных соседов»[1].

Год рождения Шарданова достоверно неизвестен. В исследованиях о его жизни встречаются две даты: 1787 и 1788 гг. Первая дата устанавливается по списку, составленному самим Якубом Шардановым в 1829 г.[2], а вторая приводится без ссылки на конкретный источник[3]. Однако есть другой документ – «Список узденей Большой Кабарды», составление которого закончено в

начале 1825 г. при активном участии самого Шарданова. В этой первой дошедшей до нас переписи населения Кабарды среди жителей аула Бияслана Куденетова зафиксирован Якуб Шарданов в возрасте 38 лет. Итак, оба рассматриваемых нами списка составлены при участии Шарданова. Судя по списку 1825 г., Якуб действительно 1787 г. рождения, но при более внимательном анализе его можно с большей достоверностью утверждать, что Шарданов родился в 1785 г. Говоря так, мы имеем в виду одно указание начальника Кабарды полковника Подпрятова от 9 января 1824 г. Согласно приказанию Ермолова, он предписал Кучуку Джанхотову: «Все аулы и дома привести в известность и представить ко мне».

Есть упоминание и о «вторительном повелении» Подпрятова от 30 января 1824 г. Имея в виду «сведения о аулах и домах», он напоминал Кабардинскому временному суду в лице его председателя: «до сих пор ничего не имею»[4]. Исходя из того, что Подпрятов в январе 1824 г. вторично напоминал об отсутствии у него сведений об аулах и домах, можно заключить, что перепись началась в 1823 г., а именно с аулов Бекмурзинской фамилии, куда входил аул Куденетова, где проживали Шардановы. Учитывая изложенное, можно считать, что Якуб Шарданов родился в 1785 г.

О дате смерти Шарданова существуют также различные мнения. По сведениям Х. М. Думанова, Якуб скончался 3 мая 1850 г. По свидетельству дочери Шарданова Хамисад (в замужестве Хакуловой), ее отец умер 3 июня 1850 г.[5] Т. Х. Кумыков утверждал, что Якуб Шарданов умер в 1849 г. Какая из этих дат соответствует действительности? Капитан Абисалов полковнику Попову (замещал отсутствующего начальника Центра Кавказской линии) писал 8 мая 1850 г.: «Подполковник Шарданов сего числа словесно мне объявил, что из его аула в ночь с 7-го на 8 число сего месяца бежали неизвестно куда пешие со оружием семь человек», а именно: Магомет Мафедзов, Ислам Жанхотов, Карабаш Аргишоков, Куденет Хамирзов, Магомет Алоков, Аслангирей и Умар Хакашевы[6]. Документ свидетельствует, что Шарданов здравствовал в 1849 г. Х. М. Думанов верно указал на год смерти Шарданова, но что касается месяца и дня его кончины, следует согласиться с Хамисад Якубовной.

Имя Якуба Шарданова в переписке кавказской администрации встречается чуть ли не в самом начале XIX в. В донесении генерал-майора Дельпоццо И. В. Гудовичу рассказано о нем, и не как о новичке, а как об опытном дефтердаре, уже успевшем оказать важные услуги властям. Вот что писал Дельпоццо Тормасову 15 декабря 1809 г.: «...осмеливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство имя Шарданова... сокрыть в тайне, поелику только он один и есть теперь верный и приверженный нам кабардинец...»[7].

В дальнейшем Якуб Шарданов верен прорусской ориентации, вероятно, доставшейся ему от отца как политическое завещание. С возобновлением деятельности мехкеме в 1806 г. Шарданов становится его дефтердарем, а в 1822 г., когда это учреждение

было заменено Кабардинским временным судом, он назначается его секретарем и до 1838 г. бессменно находится в этой должности.

Якуб Шарданов менее известен как просветитель. Между тем эта сторона его деятельности получила высокую оценку Д. С. Кодзокова. В этом смысле недостаточно аргументированно цитируется один и тот же источник в качестве оценки, данной молодым Кодзоковым опытному Шарданову. В одном случае Кодзоков называет его «прежним управителем всего народа»[8]. Кодзоков давал первую оценку Шарданову в 1838 г., когда тот был отстранен от должности секретаря Кабардинского временного суда, т. е. от должности управителя, а потому верно отражал обстановку. Ясно и то, что другая «оценка» – «управителя всего народа» – есть сокращенный вариант из того же существенно искаженного документа. Следует отметить, что указанное выражение Кодзокова не может служить оценкой вообще, оно указывает лишь на должность, которую занимал Шарданов. К тому же выражение, приписываемое Кодзокову, хронологически старше его самого. Еще Дельпоццо в 1808 г. опирался на Шарданова «как всей Кабарды правителя письменными делами»[9]. Выражения «прежний управитель всего народа» и «всей Кабарды правитель письменными делами» означают одну и ту же должность и являются, по существу, выражениями-синонимами.

А конкретная оценка, которую Кодзоков в действительности дал Шарданову, состоит в другом. Кодзоков назвал Шарданова «едва ли не умнейшим человеком в здешней стороне»[10]. В другом исследовании эти слова Кодзокова цитируются подробнее и несколько искаженно: «Я начал понимать несколько по-турецки и по-татарски, читаю на них порядочно, но это стоит больших трудов... Успехами своими я обязан Шарданову Я. – вали, наиумнейшему человеку в здешней стороне». Мы не располагаем этим первоисточником, но несомненно, что слово «вали» никак не вписывается в смысл текста, а вместе с буквой «Я» вносит в него путаницу. Последнее предложение цитаты в оригинале, на наш взгляд, записано в следующей редакции: «*Успехами своими я обязан Шарданову – едва ли не умнейшему человеку в здешней стороне*»[11] (выделено нами. – *С. Б.*).

Было бы ошибкой считать лестную эту оценку Кодзокова, данную своему учителю, преувеличением благодарного юного ученика. В то время Кодзоков, пробыв несколько лет в Москве, вернулся на родину, получив первым из кабардинцев университетское образование, что не мешало ему продолжать учиться у Шарданова различным языкам. Кодзоков, характеризуя Шарданова *едва ли не умнейшим человеком*, скорее всего имел в виду не только знание им многих языков, но и политическую образованность – твердую ориентацию на Россию.

В конце 1830-х гг. в Кабарде, а точнее в Кабардинском временном суде, разразился острый политический кризис. Среди членов суда обозначились два непримиримых взгляда: с одной

стороны, – одинокий Якуб Шарданов, робко поддерживаемый некоторыми его сторонниками, и с другой – группа народного кадия Умара Шеретлокова. Борьба между ними завершилась отстранением Якуба Шарданова от должности секретаря Кабардинского временного суда, которую он бессменно занимал со дня его основания, с 1822 г.

Удаление от службы для Шарданова было во многом неожиданным, и он это тяжело переживал. Шарданов откровенно писал: «Я не могу не скорбеть, что удален от должности с обидою... Непоколебимая верность Российскому правительству не спасла меня от интриги людей, враждующих против него»[12].

В Кабардинском временном суде возникло, на первый взгляд, необыкновенное по своей политической абсурдности положение: удален со своей должности известный деятель испытанной к России верности. Что это? Близорукость начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Пирятинского? Вряд ли. Он, конечно, не мог не знать, что в Кабарде необходимо опираться на таких людей прорусской ориентации, каким в первую очередь был Шарданов. Но в сложившейся неблагоприятной для Шарданова ситуации надо было жертвовать им, чтобы спасти проводимую им политику посредством его же противников.

Конфликт в Кабардинском временном суде привлек внимание не одного историка, но все еще полностью неясен ход событий. Поводом к развязке конфликта и удалению Шарданова послужило движение группы крестьян, имевшее место в 1838 г. Некоторые подробности об отношении Шарданова к этому событию содержатся в прошении кабардинцев Дамалея Батарбиева, Мусы Махошева, Созаруко Исмаилова, Кубана Урусова, Тлостанука Кабардова, Солемана Ширукова, Гуча Шемахова, Хамурзы Бадынова, Мусы Ципинова, Кабарды Пагова, Хасана Есенкулова, Матгирея Офоносова, Хасана Шакова и Кайтуко Бештокова. Кабардинский временный суд 27 января 1839 г. докладывал командующему Кабардинской линией подполковнику Короткову, что он направляет на его усмотрение прошение, поступившее в суд «от кабардинца Дамалея с товарищами».

Приведем текст прошения: «Во время нахождения черного народа в лесу при возмущении, в прошлом 1838 году бывшее (следует читать: бывшем. – *С. Б.*), майор Шарданов объявил, что условие, назад тому лет сто учиненное между владельцами и черным народом относительно прав, находится у него. По выходе народа и по прибытии на Нальчик он, Шарданов, показал бумагу, но как хотели оную дать прочитать постороннему, он сказал, что бумага та по делу узденей Тамбиевых с их подвластными, а народное условие у него дома. Во время собрания черного народа за рекою Малкою кабардинец Дамалей Батарбиев принес ему, Шарданову, бумагу на татарском диалекте, но он, прочитавши, сказал, что эта бумага по делу узденей Атлескировых с подвластными, причем объявил, что ежели черный народ будет держать его сторону, то он отыщет все условия. А вчерашнего числа не-

которые из черного народа прибыли на Нальчик для получения денег за вывезенный лес на военное поселение, но майор Шарданов прислал сказать, чтобы денег не получали до тех пор, пока возобновятся прежние народные обряды и условия, но народ, не слушая его, получить деньги за лес согласен. Обстоятельства сии объяснив Кабардинскому временному суду, покорнейше просим довести о сем до сведения начальника Кабарды. Генваря 27 дня 1839 года, К подлинному прошению вышеписанные кабардинцы за неумением грамоте приложили чернильные знаки. С подлинным верно. Поручик Наттер»[13].

Прошение позволяет сделать некоторые выводы.

Первый. Крестьяне, занятые на лесозаготовках в 1838 г., действительно были возмущены какими-то действиями администрации (Кабардинского временного суда или начальника Центра Кавказской линии) и требовали выдачи им «условия, назад тому лет *сто учиненное*», иначе называемое Каратекским (Каратерским)* актом.

Второй. Шарданов не имел прямого отношения к началу волнения крестьян. Достаточно вспомнить слова из прошения: «...при возмущении, в прошлом 1838 г. бывшем, майор Шарданов объявил», т. е. после того, как началось возмущение крестьян.

Третий. Шарданов, стремясь успокоить крестьян, что, естественно, не противоречило желанию властей, обещал им в своих интересах показать требуемое ими условие, если они выйдут из леса и будут «держать его сторону», очевидно, в борьбе против Умара Шеретлокова. Однако, когда они, поверив Шарданову, прибыли в Нальчик, ему не удалось ввести их в заблуждение показом другой бумаги, на что он, вероятно, рассчитывал, и, должно быть, настроил их против себя.

Четвертый. В тот момент, когда крестьяне писали прошение, Шардановым не были сданы дела назначенному «за секретаря» Шоре Ногмову, несмотря на неоднократные напоминания последнего. Этот факт позволяет сказать, что между ними возникли неприязненные отношения. Нежелание Шарданова сдать дела Ногмову, что все-таки состоялось 8 марта 1839 г., можно объяснить тем, что он воспринимал свою отставку временным недоразумением и надеялся вернуть себе утраченную должность. В этих условиях он, добиваясь поддержки возмутившихся крестьян, обещал им показать условия столетней давности, а когда те потребовали «бумагу» и не получили ее, то, убедившись, что Шарданов почему-то им говорит неправду, не только не стали поддерживать его, а перешли на сторону его противников. Интерес авторов прошения к требуемому ими условию отпал, когда стало ясно, что они могут «получить деньги за лес».

Шансов остаться у власти у Шарданова практически не оставалось. Вероятно, Шарданову не помогло и то обстоятельство, что

*Точнее, Каратерекский акт, по названию урочища Каратерек «близ нынешнего Екатеринограда» (См.: ИАН. 1994. С. 116).

Кабардинский временный суд в то время остался без председателя. Голицын позднее напишет: «За смертию князя Махомета Докшукина (конец 1838-го – начало 1839 г. – *С. Б.*) и пребыванием в Петербурге князя Айдемирова, Кабардинский временный суд оставался без председателя*». Новый председатель суда князь Айдемиров, если и не выступил открыто против Шарданова, возможно, не стал и поддерживать его. Во-первых, он, малоопытный в судебных делах, не прочь был бы держать подальше от себя влиятельного и авторитетного в судопроизводстве Шарданова, возможно, лично и ему неугодного. Во-вторых, он не мог не поддержать начальника Центра Кавказской линии Пирятинского**, который не был склонен поддержать оказавшегося в изоляции Шарданова. Последнему Шарданов не был угоден, хотя и был верен России, но в той ситуации «непоколебимая верность» побежденного в своей среде была менее предпочтительна лояльности победителей – группировки Мисоста Атажукина и Умара Шеретлокова, так или иначе овладевшей умонастроением народа.

В 1841 г., во время летней экспедиции в Чечню, погиб генерал-майор Пирятинский. После кратковременного пребывания генерал-майора Соколова начальником Центра Кавказской линии, на эту должность был назначен князь В. С. Голицын. Он приступил к сбору информации о деле Шарданова. Из полученных сведений он сумел сделать обстоятельный анализ и пришел к выводу, что Шарданову были «известны твердо обряды народные и уставы Алкорана». Относительно Мисоста Атажукина и Умара Шеретлокова Голицын заметил, что обряды часто объяснялись князем Мисостовым, а Алкоран толковался эфендием «для удержания в своих рядах над народом власти и влияния, которым поставлена преграда прокламациею генерала Ермолова».

Именно в этом следует искать основную причину острого политического конфликта, разразившегося в Кабардинском временном суде. Шарданов решительно выступал за «неукоснительное применение» прокламации Ермолова, твердо и последовательно сопротивлялся тому, чтобы «допускать приговор шариата там, где следовало руководствоваться прокламациею».

Ермолов, учреждая Кабардинский временный суд, во многом возрождал, по существу, отмененный в 1807 г. духовенством адат, чем нанес шариатскому суду сильный удар, от которого он так и не смог оправиться. Ермолов вспоминал: «В Кабарде учрежден суд из князей и узденей, на основании прежних их прав и обычаев,

---

*Айдемиров, наверняка, вступил в должность председателя Кабардинского временного суда лишь в марте 1839 г. 28 февраля 1839 г. Шора Ногмов докладывал начальству, что «до приезда князя подполковника Бекмурзы Айдемирова он не сможет дать требуемых от него сведений по делу о наследстве Кучука Джанхотова», потому что Айдемиров старейший в фамилии Бекмурзиных (ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 131 об.).

**Пирятинский назначен начальником Центра Кавказской линии приказом от 25 января 1839 г. Эта должность, вероятно, учреждена в 1831 г. (ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 146).

уничтожено вредное влияние глупого и невежественного духовенства...»[15]. Как показывает противоборство Шарданова с Шеретлоковым, Ермолов не смог уничтожить влияние мусульманской религии и даже сам посеял зерна этого противостояния введением в состав члена суда должности кадия.

Шарданов подрывал устои консервативно настроенных князей и верхушки дворян, что соответствовало духу прокламаций Ермолова. Приведем пример. Статья 24 древнего кабардинского обряда гласила: «Князья женятся на княжеских дочерях, а узденья на узденьских, вольные на вольных, холопья на холопках, чагары у чагаров берут, по желанию же родителей и холоп может брать у вольного, а чагары у холопьев».

Шарданов данную статью в 1838 (или 1839) г. предложил в следующей, существенно измененной редакции: «Князьям и узденям на будущее время можно дозволить жениться по желанию их на ком они хотят, лишь бы было согласие на то родителей, жениха и невесты». Честолюбивые кабардинские князья не могли согласиться с такой демократизацией брачного права. Понятно поэтому их ожесточение против Шарданова, который, хотя написал поправку после своей отставки, но и до этого стремился проводить близкую к этой позиции линию.

По мнению Голицына, действия Шарданова были «главными причинами вражды к нему эфендия, который решился отстранить во что бы то ни стало опасного соперника и, воспользовавшись отъездом его в Мекку, уговорил князя Атажукина, человека весьма ограниченного, и пронырливого корнета Батырбека Тамбиева собрать жалобы на Шарданова, представляя его народу готовым в пользу русских допустить всякое отступление от закона Магомета и уничтожение древних прав в Кабарде».

В этих словах выражены позиции противоборствующих сил в Кабардинском временном суде. Стремление Шарданова ограничить влияние шариата и внести изменения в обычном праве преподносилось Шеретлоковым и его группой попыткой угодить русским в ущерб кабардинского народа, чем им без особого труда удалось настроить людей против Шарданова. На самом деле борьба Шарданова и Шеретлокова была борьбой нового со старым, прогрессивных преобразований с костенеющим в невежестве консерватизмом и патриархальщиной.

Умару Шеретлокову удалось, «действуя попеременно орудиями религии и народного самолюбия» (Голицын), развернуть необъективную выгодную ему пропаганду, которая в патриархальной среде и получила нужный ему резонанс. Этому способствовало и то, что Шарданов отправился в Мекку*. Пока он по

---

*Временем отправления Шарданова в Мекку в литературе считается 1838 г., а архивный документ указывает на другую дату. По сведениям штаба войск Кавказской линии и Черноморья от 23 декабря 1836 г., «Магомет Шарданов уволен из полуэскадрона на родину для хозяйственных распоряжений на время отсутствия отца его майора Шарданова в Мекку» (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 18, л. 35). Отсюда можно заключить, что паломничество Шарданова относится к 1836–1837 гг.

мусульманскому обряду поклонялся гробу Пророка, ревнители ислама в Кабарде вели кампанию против него. Для достижения своей цели Шеретлоков не останавливался перед соблазном обогащения за счет другого, чего не следовало бы ожидать от человека, считающего себя праведником. От соблазна и народу устоять не удается. Шеретлоков обещал разделить «между приверженцами своими все то, что отнято будет у Шарданова». А у Шарданова действительно было что отнять. Но народный кадий Умар Шеретлоков дал бы фору чуть ли не любому мирянину в лихоимстве, в том числе, пожалуй, и Шарданову, но он, как выяснил Голицын, выставлял «привратно перед начальством поступки обвиняемого (точно, впрочем, не чуждые лихоимства)».

Ведя пропаганду против Шарданова, его противники не гнушались и низменными средствами. Характеризуя эту кампанию, Голицын в цитируемом докладе к П. Х. Граббе отмечал: «Многие, как обыкновенно водится, подписали акт, не зная, что подписывают». Мы не располагаем этим актом, но, видимо, о нем идет речь в предписании генерал-лейтенанта Гурко от 14 декабря 1842 г., которое обязывало начальника Центра Кавказской линии донести его предложение как «окончить дело о претензии на майора Шарданова кабардинскими князьями, узденями, черным народом, всего – 374 человеками, допустить его, Шарданова, разобраться с врагами его по их обычаям, не возродит ли это разрешение неудовольствия главных лиц в Кабарде или за лучшее полагаете дело по означенному предмету оставить без всяких последствий»[16]. Наше мнение основано на следующем. Голицын убеждал Граббе: «Вражда Кабарды на Шарданова есть вещь гадательная и существующая только на бумаге, т. е. в жалобе, принесенной начальству, и которой основания я имел честь объяснить выше».

Вероятно, об этой или аналогичной жалобе говорится в одной публикации. 31 июля 1838 г. Шеретлоков, корнет Атажукин и Александр Мисостов подали властям прошение, под которым поставили свои мизинцы 200 крестьян и вольных людей[17]. Видимо, эта петиция решила судьбу Шарданова.

Однако удаление Шарданова от его должности не означало, что он, как иногда утверждают, попал в опалу. В связи с отставкой Якуба его сыновья позднее указывали лишь на «откомандирование отца в скором времени в г. Ставрополь на службу к бывшему командующему войсками».

Голицын добивался возвращения Шарданова в свой аул. Он убеждал Граббе: «Пребывание его в ауле на Шалушке не может иметь никаких вредных последствий, особенно если ему при объявлении позволения возвратиться домой... он ни под каким предлогом не брал прямого или косвенного участия в делах, ко мне не ездил, а ежели узнает что, то извещал бы посредством верного человека». Ясно, что Голицын, как прежде его предшественники, рассчитывал на содействие Шарданова.

Голицын для начала предлагал Граббе «позволить Шарданову для опыта прожить дома три месяца, считая от 20 сентября до 20

декабря». «Опыт этот, – продолжал Голицын, – может вернее указать, было ли удаление это его из Кабарды следствием народного желания или интриг трех лиц – по прошествии назначенного срока я в состоянии буду представить на усмотрение Вашего Превосходительства самые тайные сведения о пользе или вреде пребывания майора Шарданова в своем доме». Это мнение высказано 6 сентября 1842 г., а уже 20 сентября Граббе предписывает Голицыну дозволить «майору Шарданову прибыть в Кабарду и жить в доме своем».

Тяжба против Шарданова прекратилась в начале 1843 г. Штаб Отдельного Кавказского корпуса 22 января ставил в известность генерал-лейтенанта Гурко о том, что «начальство, по неимению явных улик к обвинению Шарданова, поставлено будет в затруднение при решении дела по неудовольствиям на него кабардинцев». Этим же уведомлением Гурко предоставлялось право, согласно его же мнению, «оставить это дело без последствия». О своем решении наместник на Кавказе Нейдгардт доложил и военному министру[18].

Дело Шарданова закончилось тем, что в Кабарде он получил необыкновенный правовой статус. Когда в январе 1843 г. комиссия военного суда при Кабардинском егерском полку запросила через Кабардинский временный суд объяснения от майора Шарданова по делу об убийстве прапорщиком Бекмурзой Докшукиным подпоручика Хатакшуко Наурузова, председатель суда Айдемиров ответил, что «майор Шарданов не состоит в ведении суда»[19]. Айдемиров направил запрос комиссии, касающийся Шарданова, Голицыну. Это значит, что Шарданов в тот период непосредственно подчинялся только начальнику Центра Кавказской линии.

Князь Голицын о результатах своего предложения к Граббе 23 декабря 1842 г., т. е. по прошествии обозначенного им ранее трехмесячного срока, докладывал новому командующему Кавказской линией и Черноморья Гурко: «...имею честь донести, что пребывание майора Шарданова в Кабарде не произвело ни малейшего ропота в народе и даже между значительными лицами Кабарды. Князь Мисост Атажукин, Батарбек Тамбиев и народный эфендий Ширатлоков, которые [были] причиною всех изветов, возведенных на обвиняемого, поняли, что жалобою своею на него имели целью ввести в заблуждение правительство, и потому в ответ на предписание Вашего Превосходительства от 14 декабря... я имею честь доложить, что разделяю вполне мнение, в нем изложенное, о предании всего дела забвению, как не представляющего достаточных улик к наказанию обвиняемого, которого предполагаю нужным оставить на прежнем основании в Кабарде без допущения к участию в делах впредь до особого разрешения на это Вашего Превосходительства»[20].

В конце 1842 г. продолжалась переписка между различными инстанциями по делу Шарданова. В донесении «на щет разстройства князьями и узденями черного кабардинского народа» отме-

чалось, что «колебание в народе совершенно прекратилось и он исполняет беспрекословно все требования начальства»[21].

Такова в главном история обострившегося в 1838–1842 гг. конфликта в Кабардинском временном суде, охватившего практически почти все слои кабардинского народа. Еще раз отметим, что Шарданов был принесен в жертву его последовательной политике модернизации обычного права и неизбежного в этом случае одновременного ограничения влияния шариата на общественную жизнь, что означало бы утверждение в деятельности суда принципов, определенных для него его учредителем. Ставшего слишком одиозной личностью, Шарданова, раздражавшего в своем непомерном честолюбии феодальную знать и обманутого ею народа, начальство сочло более целесообразным убрать с должности, но не отреклось от него.

Дежурный штаб-офицер штаба войск Кавказской линии и Черноморья майор Кусаков 22 февраля 1839 г. предписывал Пирятинскому «объявить бывшему в Кабардинском временном суде секретарем майору Хаджи Якубу Шарданову, чтобы он немедленно прибыл в город Ставрополь и явился к Его Превосходительству Павлу Христофоровичу (Граббе. – *С. Б.*) для личных объяснений»[22]. Переведя Шарданова в столицу войск Кавказской линии и Черноморья – Ставрополь, власти даже увеличили его административный вес, поручив ему ответственную работу по изменению устаревших норм обычного права.

Царизм предпринимал подобные тактические шаги и по отношению к некоторым другим представителям военных и гражданских властей на Кавказе.

В отдельных исследованиях утверждается, что в период конфликта в Кабардинском временном суде в 1838 г. в Кабарде имело место восстание, бунт[23]. Это утверждение не подтверждается документально. Известно следующее. Начальник Центра Кавказской линии привлек к строительству военного поселения у Лескенской крепости более 5 тысяч крестьян, обещая им определенную плату за рубку и доставку леса к месту назначения.

Когда деньги стали выдавать нерегулярно, крестьяне, возмутившись нарушением условий, отказались работать и, как пишут, с оружием в руках скрылись в лесу, которое если и было у них, то носило характер национальной принадлежности. Во всяком случае, это оружие не было использовано крестьянами, и ни один из участников возмущения не был подвергнут наказанию, что было бы неизбежно в противном случае.

Возмущение, точнее «разстройство», «колебание» крестьян связано с действиями администрации и в этом случае не имело отношения к конфликту между Шардановым и Шеретлоковым. Однако обе стороны пытались воспользоваться этим событием в своих интересах: Шарданов – представлением крестьянам крестьянского (Каратерекского) акта, а Шеретлоков – усилением шариата, который в известном смысле требовал равенства верующих. Ставится вопрос: был ли у Шарданова акт столетней дав-

ности? Нельзя утверждать, что такового не было вообще, поскольку он сам говорил, что текст акта у него находится дома. Во всяком случае, наличие многих старинных документов у него засвидетельствовал командующий Сунженской линией генерал-майор Горихвостов в рапорте Вельяминову от 16 июня 1838 г. Он писал: «...особливо много таковых (бумаг. – *С. Б.*) передано чрез покойного Дельпоццо, которые и хранятся как документы службы майора Шарданова и прежде бывшего секретарем же отца его и, может быть, из опасения лишиться он отзовется (Шарданов. – *С. Б.*) неимением, но если г. полковник Пирятинский, неприметно получая для прочтения, воспользуется и спишет копии, то весьма много может найти таковых...»[24]. Вельяминов предписывал Пирятинскому: «...поименованные в нем бумаги немедленно собрать и доставить ко мне»[25].

Однако на этом основании трудно также верить тому, что Шарданов располагал таким документом, поскольку по нему, как можно было бы ожидать в противном случае, не решались, хотя бы и редко, дела в суде. Если бы и был акт у него под рукой, вряд ли он стал бы им руководствоваться, имея в виду, что его, видного представителя дворянства, не удовлетворяло и действовавшее народное условие 1807 года.

Шарданов пытался использовать против Шеретлокова все средства, ведь последний обвинял его в попытках свести на нет древние права кабардинского крестьянства. В этом смысле следует особо рассматривать слова Шарданова о том, что он найдет требуемый возмущенными крестьянами акт, если те поддержат его. Шариату здесь противопоставляется адат, который, без сомнения, тогда был больше по душе крестьянам, что, между прочим, может говорить о степени религиозности народа и отношении его к шариату.

Противоборство Шарданова и Шеретлокова не прекратилось и после отставки первого с должности секретаря суда. Приведем пример. В январе 1842 г. в Кабардинский временный суд поступило прошение, составленное не без влияния Умара Шеретлокова. Автор его, штабс-ротмистр Атажуко Куденетов, обвинял Шарданова в том, что он, будучи душеприказчиком умершего в 1830 г. Бесленя Куденетова, после смерти его ближайших родственников разделил наследство Бесленя «по произволу своему». В феврале 1843 г. суд своим решением потребовал пересмотреть дело, решенное Шардановым, для чего последний был обязан вернуть часть имущества покойного. Суд ставил в вину Шарданову и то, что он раздел имущества осуществил «без ведома Кабардинского суда»[20]. Шарданов обвинялся сразу по трем статьям: проявил личную заинтересованность при разделе имущества, не согласовал свои действия с начальством и не поставил в известность других членов суда.

Голицын дал возможность Шарданову объясниться по существу предъявленного ему обвинения. Шарданов указывал: «...эфендий (Шеретлоков. – *С. Б.*) – мой первый враг с тех пор, когда он

старался к заблуждению народа с помощью князя Мисоста против русских, к подаче на меня огромной просьбы, о каковых противных правилам действиях его я неоднократно доносил и высшему начальству».

Голицын убедился в справедливости слов Шарданова и предписал суду: «Внушить штабс-ротмистру Куденетову, что мне кажется домогательство его неправильно». Это был удар по престижу Шеретлокова. Шарданов остался доволен ходом судебного разбирательства и, полный благодарности, писал Голицыну: «...справедливою внимательностью Вашею оградили меня от наложенного неправильно взыскания и с тем вместе обнаружили нарушение порядка в делах членов»[28].

Шарданов обвинял по тому же делу членов суда в некомпетентности. В 1844 г. он укажет: «Члены суда, быв неграмотные, убеждаясь на кривые извороты врага моего эфендия Шеретлокова, согласились... на выдел этой вдове...» (разведенной ранее с Бесленом Куденетовым) [29]. Говоря о членах суда 1844 г., Шарданов, вероятно, намекал и на Ногмова, который в январе 1844 г. вновь занял место члена суда с отправлением секретарской должности[30].

Противостояние Шарданова и Шеретлокова закончилось в 1846 г. в пользу Шарданова, когда Шеретлоков за робкую поддержку Шамиля при его вступлении в Кабарду был удален в Калугу.

Шарданов мог торжествовать победу, однако надо отметить, что он никогда не был в опале. И в 1838 г., самом критическом для его карьеры, Шарданов пользовался расположением начальства. Достаточно было бы сказать, что он 15 декабря 1838 г. был награжден орденом св. Анны 3-й степени[31].

Есть и другие факты. По поручению Завадовского начальник его штаба Филипсон 6 июня 1846 г. предписывал Хлюпину ко времени прибытия капитана Ольшевского в Нальчик «пригласить туда майора Шарданова, от которого можно иметь более положительные сведения об адате, как от человека, знающего русский язык, нравы и обычаи кабардинцев и соседних с ними обществ». Капитан Ольшевский приезжал в Нальчик «для собирания сведений об адате между кабардинцами и соседними с ними обществами». Об отношении нового начальника Центра Кавказской линии Хлюпина к Якубу Шарданову говорит его обращение к Пятигорскому коменданту полковнику Принцу: «Выдав билет жителю Большой Кабарды майору Шарданову на свободное проживание в г. Пятигорске и Кисловодске для пользования минеральными водами, о чем уведомляя Ваше Высокоблагородие, имею честь покорнейше просить не оставить снестись с заведывающим кавказскими минеральными водами о дозволении господину Шарданову безденежно пользоваться ваннами и лекарствами с казенной аптеки в том внимании, что этот достойный штаб-офицер своею ревностью и усердием к нашему правительству вполне заслуживает, чтобы ему в настоящем случае была оказана помощь»[32].

К авторитету Шарданова надо отнести и тот факт, что его сын корнет Шарданов в 1846 г. был вызван наместником на Кавказе Воронцовым в Кисловодск в качестве «переводчика восточных языков» на время его пребывания в этом городе.

Завершением общественно-политической деятельности Шарданова и концом его жизненного пути явился 1850 г. 31 января того года он удостоился «монаршего благоволения»[33].Это была его последняя политическая оценка.

РОДОСЛОВНАЯ И ПОТОМКИ ЯКУБА ШАРДАНОВА

В 1850 г. Александр Мисостов написал прошение на имя наследника великого князя, в котором прослеживается родословная Шардановых. Добиваясь возвращения откупной суммы из наследства покойного Якуба Шарданова, он указывал, что его отец, Магомет Мисостов, отправляясь в 1793 г. в Моздок, где ему предстояло исполнять должность члена Моздокского верхнего пограничного суда, оставил в Кабарде «за 1500 рублей серебром выпущенного на волю Хажи Магомета Шарданова с сыновьями Умаром и Хажи Якубом, чтобы получить означенную сумму по возвращении своем на жительство в Кабарду».

Спустя несколько лет, Магомет Мисостов прибыл в Кабарду, чтобы «получить с вольноотпущенника Шарданова 1500 рублей серебром». Шардановы, по словам Мисостова, просили «взять их все имущество, а самих выпустить на волю», но Магомет Мисостов не согласился. Тогда они, «обратившись под защиту сильного князя и Валия подполковника Кучука Джанхотова... начали говорить, что по содержанию Алкорана дозволить принявшему христианскую веру переводить или переносить из Кабарды имущество к неверным невозможно». Это было возможно только после возвращения Мисостова в Кабарду, однако он, «не желая изменить присяги, данной на верность подданству и вере православной, согласился учинить разбирательство по шариату».

В тот период в должности народного эфендия находился Абдуль-Кадий. Он заявил Мисостову: «Допустить тебя на право владения величайший грех и не можете получить из Кабарды совершенно ничего».

Истец и впоследствии неоднократно обращался к высшим начальникам на Кавказе, но, как он писал, «милостивое русское правительство не могло в тогдашнее время поступить с виновными по законам, будучи Кабарда в смутных обстоятельствах».

Позже, во времена Ермолова, сын Магомета Якуб Шарданов находился «под покровительством Кучука Джанхотова», а сыновья к тому периоду умершего Магомета Мисостова еще «не могли постигать, как отыскивать собственного имения». В 1826 г. Александр Мисостов оканчивает в Ставропольском уездном училище курс наук и, вернувшись в Кабарду, затевает разбирательство. Однако эти попытки не дали Мисостову желаемого успеха, «как и

отцу, за исповедание православной веры». Тогдашний начальник Кабарды полковник Швецов приказал членам Кабардинского временного суда доставить ему «законное удовлетворение».

«В это время, – писал далее Мисостов, – сын вольноотпущенника Хажи Якуб Шарданов, будучи капитаном и секретарем в Кабардинском суде, объявил мне, что я платить за отца, брата и самого себя отпускной суммы не могу и не прощу тебе единственно за напоминание публично о родопроисхождении моем; и действительно мог сильно вредить мне во многих случаях». В 1828 г. Александр Мисостов поступил в сформированный в том же году лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон. В Санкт-Петербурге он обращается с тем же ходатайством к шефу жандармов графу Бенкендорфу.

В своем же прошении к наследнику великому князю в 1850 г. Мисостов напоминал, что его родной старший брат прапорщик Иван Мисостов был «убит кабардинцами в 1839 году, когда кабардинцы подали на майора Хажи Якуба Шарданова всенародное прошение», что последний в этот момент просил его не утруждать начальство о взыскании с него отпускной суммы, в чем оба «дали клятву перед Алкораном». По словам Мисостова, Шарданов нарушил клятву «по окончании с народом дела, получа чин подполковника».

В заключение Александр Мисостов просил наследника престола повелеть «выдать из имения к тому времени умершего подполковника Шарданова упомянутую сумму денег»[1].

Кабардинский временный суд, которому было предписано разобраться по существу дела, указал сыну Якуба Шарданова, корнету Магомету Шарданову: «Есть ли противу претензии князя Мисостова Вы имеете опровержение в удовлетворении его откупною суммою 1500 рублей серебром, в противном случае же дать в течение трех дней подробный и самый ясный отзыв».

Корнет Шарданов представил в суд ответ. В нем дано опровержение по всем главным пунктам претензий Александра Мисостова. Во-первых, у Якуба Шарданова не было брата по имени Умар. Во-вторых, его дед, Магомет Шарданов, со слов Якуба, «с 1701 года имел жительство в ауле Тлостана Куденетова, считался узденем Куденетова, получал от него, согласно обряда, узденьскую дань и служил в родовом суде и расправе дефтердарем, т. е. общим секретарем кабардинского народа, по хорошему знанию арабского, турецкого и персидского диалектов... и получив воспитание в Константинополе». После смерти Тлостана Куденетова и Магомета Шарданова Якуб Шарданов, по примеру его отца, становится узденем его сына Бесленя Куденетова. В 1822 г. Якуб назначается секретарем учрежденного Ермоловым Кабардинского временного суда и впоследствии возводится в дворянское достоинство и его имя вносится в дворянскую родословную книгу Кавказской губернии. «С 1701 года до ныне, – писал далее корнет Шарданов, – род наш проживает на Шалушке и пользуется с незапамятных времен узденьскими правами, и ныне

мы не имеем владельца по обрядам кабардинским, кроме Российского монарха».

Причина такого редкого явления объяснялась тем, что после Бесленя Куденетова, умершего в 1830 г., у него не осталось наследников. А в случае, если князь или тлекотлеш умирает без наследников, уздени их могут избрать «владельца с получением от него узденьской дани, а если нет, то они имеют право жить по себе...» В связи с этим Шарданов указывал: «Но мы не избрали себе владельца», тем самым решительно отвергая домогательства Александра Мисостова. Кроме того, ясно, что Магомет Шарданов никак не мог быть одновременно вольноотпущенным Мисостова и узденем Куденетова.

Вместе с тем в разъяснениях корнета Шарданова имеются и некоторые противоречия. В одном случае он пишет: «С 1701 года до ныне род наш проживает на Шалушке и пользуется с незапамятных времен узденьскими правами...». А несколько ниже: «С 1701 года дед мой, не имея у себя ни одного дитя, сделался узденем у Тлостана Куденетова, за полученные у него разные подарки в узденьскую дань по правам народа...»[2]. Выходит, Шардановы получили узденьские права то с незапамятных времен, то с 1701 г. Надо подчеркнуть: ни то, ни другое положение не аргументировано ничем, кроме как словами Якуба Шарданова, будто бы им сказанными, за точность которых трудно ручаться. А на таком сомнительном основании нельзя утверждать, что род Шардановых сделался узденьским с 1701 г. Отметим еще, что Магомет Шарданов никак не мог получить узденьскую дань в 1701 г. и служить дефтердарем в родовом суде и расправе, учрежденных в 1793 г., между этими двумя датами почти сто лет.

К тому же существует более взвешенный вывод Кабардинского временного суда, изложенный им в справке, датируемой 1851 г. и адресованной начальству: «Род Шардановых известен более ста лет узденем Куденетова». Следовательно, судя по этим сведениям, Шардановы сделались узденями не ранее 30-х гг. XVIII в. Неоднократные прошения Александра Мисостова закончились тем, что в иске ему было отказано, поскольку он «неосновательный и слишком давний». Мотивируя свое решение, суд отмечал: «...предки прапорщика князя Мисостова, так и сам он в продол-жении 25-ти летнего его нахождения в Кабарде претензии не объявляли». Тем не менее мы не решаемся утверждать, что сведения Александра Мисостова придуманы им самим, хотя в них наблюдаются преувеличения и неувязки.

* * *

Жительница с. Нальчикско-Клишбиевского Хамисад Якубовна Шарданова, по мужу Хакулова, 30 мая 1892 г. обратилась в управление межевой частью Терской области с заявлением, в котором она претендовала на участок земли, выделенный ее братьям. «По закону пользуюсь всеми правами на этот участок, которым

воспользовались братья мои», – писала она. Заявлением своим Хакулова желала узнать, пожалован ли участок земли всему семейству или конкретным членам его.

Управление межевой частью Терской области 7 июля 1892 г. удостоверило, что 28 декабря 1869 г. пожалован земельный участок «в вечную потомственную собственность» братьям Шардановым: штабс-капитану Магомету (460 дес.), штабс-ротмистру Бекмурзе (408 дес.), узденям Жамботу и Асланбеку – по 254 дес. земли. Получить ответ на свой запрос Хамисад Якубовне не довелось. 31 июля того же года сын ее Бекмурза Хакулов вместо «ныне умершей» матери через посредника подписался «в получении удовлетворения». Этот факт был засвидетельствован старшиной с. Нальчикско-Клишбиевского Али Шуруховым[3].

Из переписки ясно, что после Якуба осталось четыре сына и одна дочь. О других потомках Якуба Шарданова некоторые сведения содержатся в прошении жителя с. Шалушкинского Пыта (он же Кубати) Керефова от 3 апреля 1911 г.: «После смерти жителя с. Шалушкинского, потомственного дворянина Жамбота Шарданова, последовавшей 1 апреля 1895 года... остались прямыми наследниками: два сына – Асхад и Измаил Жамботовичи Шардановы, дочь Кясей Жамботовна и жена его Кокуна... 18 мая 1909 года Кокуна умерла, и после ее смерти к имуществу остались наследники: два сына ее Асхад и Измаил Жамботовичи Шардановы, дочь Кясей Жамботовна, урожденная Шарданова, по мужу Керефова. Наконец, 2 апреля 1910 года умерла и дочь ее... остались наследниками два брата Асхад и Измаил, я, родной сын ее, и две дочери, моя сестра Хадез-Паго, урожденная Керефова, по мужу Мляжева, и Кух, урожденная Керефова, по мужу Мальбахова, и кроме... наследников не имеется»[4].

У Якуба была и другая дочь по имени Фати. Она, будучи женой одного из Аджиевых, умерла при не до конца выясненных обстоятельствах в 1849 г. Фати Якубовна оставила потомство. Житель аула Аджиева 5 декабря 1862 г. писал: «...я с братьями Альби* 18-летним (ныне находящимся в конвое Его Величества), Сальби 13-летним и Мурабек 9 лет, происходим от матери нашей, дочери подполковника Шарданова и родного отца нашего, корнета Абдулла Аджиева, произведенного в 1842 г. и умершего (в 1857 г. – *С. Б.*) в чине штабс-ротмистра». Своим прошением Аджиев добивался причисления его к сословию дворян[5].

Аджиев Шухаиб Абдуллович, которому в 1886 г. исполнилось 48(50) лет, имел семью в составе: Юсуф (23 года), Исмаил (9 лет), Хаджи Кайсым (7лет) и Али (1 год). За главой семьи, которая включала в себя и 4 женщин, числился земельный участок в 271 десятину. В посемейном списке значится также Аджиев Сальби Абдуллович (38 лет) и сыновья его: Якуб (5 лет), Тембулат (1 год).

---

*По словам матери Шухаиба – жительницы аула Ашабова, вдовы Абдуллы Аджиева – Захирет, имя ее сына – Хажби, умер он, находясь в Санкт-Петербурге (ранее 1870 г.) (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 105, л. 2 об.–3).

В «Списке потомственным дворянам не казачьего сословия, проживавшим и проживающим в Терской губернии, утвержденным в сем достоинстве Правительствующим Сенатом и записанным в дворянскую родословную книгу Ставропольской губернии», составленном 31 декабря 1907 г., отмечены: «Шарданов Якуб Магометович, капитан (умерший). Сыновья его: Магомет, подпоручик, Бек-Мурза, корнет, Аслан-бек и Жамбот. Сыновья подпоручика Магомета: Мусса, Темир-Хан и Адиль-Гирей и Хан-Гирей... Сыновья Бек-Мурзы: Батар-Бек и Исмаил. Сыновья Жамбота: Асхат и Исмаил». Интересно, что в графе «какой местности дворянин», Шардановы отмечены относящимися к городу Георгиевску с 29 апреля 1858 г.[6]

После опубликования этого списка сыновья названных Шардановых, обеспокоенные тем, что их имена в нем не значатся, подали заявления об их причислении к дворянскому сословию. Окружное начальство дало ответ через старшину с. Шалушкинского от 24 мая 1908 г.: «Препровождая при этом три заявления жителей вверенного Вам селения: Исуфа Магометовича Шарданова, Исуфа и Берда Бекмурзовичей Шардановых и Магомета Асланбековича Шарданова, управление округа предписывает Вам объявить помянутым Шардановым, что в списке, опубликованном в №№ 63, 64 и 65 «Терских ведомостей» 1908 года, помещены потомственные дворяне Шардановы только те, которые утверждены в дворянском достоинстве указом Правительствующего Сената 29 апреля 1858 года за № 2897, а так как они родились после означенного времени, т. е. после утверждения, и их родители, а также и они до настоящего времени не озаботились причислением к дворянскому роду Шардановых, то они в вышесказанный список не внесены. Что же касается до их достоинства, изложенного в возвращающихся заявлениях о причислении их к дворянству, то они об этом должны сами непосредственно подать просьбы в Ставропольское дворянское депутатское собрание, приложив к ним все установленные законом документы»[7]. Дальнейшая судьба внуков Якуба Шарданова по мужской линии во дворянстве неизвестна.

К 1904 г. никого из сыновей Якуба Шарданова не осталось в живых. 16 апреля 1904 г. старшина с. Шалушкинского получил предписание: «Управление округа, препровождая при сем письмо в одном экземпляре, предписывает Вам по получению сего тотчас же вручить таковое капитану Магомету, корнету Бек-Мурзе, Асланбеку и Жамботу Якубовичам. Сыновьям Магомета: Мусе, Темиркану (Темир-Хану. – *С. Б.*), Адиль-Гирею и Хан-Гирею. Сыновьям Бек-Мурзы: Батарбеку и Исмаилу. Сыновьям Асланбека: Мурату и Касыму. Сыновьям Жамбота: Асхаду и Исмаилу Шардановым...».

Они приглашались в слободу Нальчик на съезд дворян Нальчикского округа «для обсуждения выработанных на совещании Губернских предводителей дворянства в городе Москве предположений о возможности объединения средств помощи со стороны

Российских дворян в облегчении бедствий, вызываемых настоящей войной*, а равно и для обсуждения вытекающих из этих предположений вопросов о размерах и видах помощи на помянутые нужды»[8].

Из перечисленных Шардановых в получении предписания расписались потомственные дворяне: Мурат Асламбекович, Исмаил Жамботович, Темирхан Магометович и Асхад Жамботович Шардановы. Об остальных Шардановых старшина селения Шалушкинского Мурат Шарданов сообщал: «Батырбек Бекмурзович Шарданов жительствует в гор. Екатеринодаре. Инженер путей сообщения и начальник 15 дистанции. Остальные: Хангери Магометович Шарданов и Касим Асламбекович Шарданов поступили охотниками в действующую армию на Дальнем Востоке. Умершие: капитан Магомет, корнет Бекмурза, Асламбек и Жамбот Якубовичи Шардановы, Мусса и Адильгирей Магометовичи Шардановы умерли, Исмаил Бекмурзович Шарданов умер»[9].

Краткие сведения о Магомете Якубовиче Шарданове. Родился в 1819 г. (По данным Т. Х. Кумыкова – 1818 г.) Получив образование «домашними средствами», в 1851 г. стал первым учителем «мусульманского закона Омарова учения» в только что открывшейся Кабардинской школе. От этой должности освобожден в 1860 г. и 1 августа 1861 г. назначен учителем мусульманского закона в Нальчикском окружном училище. В 1852–1858 гг. Магомет Шарданов – секретарь Кабардинского временного суда (в 1836 г. был исполняющим должность секретаря).

Магомет был женат на Кошехан Хатуховой, имел сыновей: Мусу (1851), Темирхана (1854), Адиль-Гирея (1856), Исмаила (1880) и Давлет-Гирея (1883)[10].

Один из внуков Якуба Шарданова, Магомет Асланбекович, умер до мая 1914 г. Прямыми и законными наследниками его движимого и недвижимого имущества оставались: родная мать его, вдова Дзу Аскеровна Шарданова, урожденная Мамхегова, законная жена его, Джалдусхан Магометмурзовна Шарданова, урожденная Тлогурова, дочери его: Фатимат, Нуржан, Дуалетхан Магометовны Шардановы, сыновья его: Муса, Бетал, Азарет, Ясин, Люта и Мухтар Магометовичи Шардановы[11].

В круг родственников Якуба Шарданова по линии его дочерей входят фамилии: Алавердовы, Кошероковы и Альтудоковы. В 1859 г. к начальнику Кабардинского округа Орбелиани обратились с прошениями Кошежей Алабердова, Хажибика Альтудокова и Кошенаго Кошерокова. Все они указывали, что их отец в 1836 г., по-видимому перед отъездом в Мекку, составил духовное завещание на русском и арабском языках, засвидетельство-

---

*Имеется в виду русско-японская война 1904–1905 гг. На съезд были приглашены из кабардинцев: прапорщик Темир-Булат, Мудар и Абубекир Кайсыновичи Анзоровы. Асслануко Мисостович, Камбулат и Темболат Хацуевичи Абезывановы, Султанбек (Сосланбек) и Хакяша Жогишевы (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 627, л. 28–29).

ванное начальством и Кабардинским временным судом, согласно которому «все движимое и недвижимое имение свое» он отдал четырем сыновьям: Магомету, Бек-Мурзе, Жамботу и Асланбеку. Этим же завещанием Якуб распорядился отдать каждой из своих дочерей «по одной служанке или стоющую цену», чтобы они более не считали себя наследницами имения отца. В качестве доверенных Кошежей Алабердова определила своего мужа Индриса Алабердова, а Кошенаго – своего мужа Алия Кошерокова.

Братья Шардановы не стали спорить с сестрами, и, согласно воле отца, они отдали требуемое от них по завещанию. Каждая из сестер давала расписку братьям при свидетелях. Кошежей приложила к расписке чернильный знак при свидетелях: уздене Али Мамхегове, Нашхо Бирсове, Нашхо Пшигусове, вольноотпущеннике Аисе Тлупове и др. Кошенаго Кошерокова также приложила чернильный знак, при этом были свидетели: Измаил Куныжев, Закирей Кодзев, Харис Хабытов, Хажи Хасан Карданов и Измаил эфендий Даов. Ту же процедуру расчета с братьями выполнила и Хажибика Альтудокова. Ее свидетели: Харис Хабытов, Идрис Мисроков, Аиса Тлупов, Хажи Хасан Карданов, Зак Лотоков, Мар Ашружонов, Юсуп, вольноотпущенник Шанибова, и Исмаил-эфенди Даов. Заметим, что количество свидетелей при подобного рода расписке не было строго установлено. В данном случае оно колебалось от пяти до восьми человек.

Якуб Шарданов первым браком был женат на Куныжевой, которая приходилась родной сестрой узденя Хажи Юнуса Куныжева. В 1840 г. ее уже не было в живых. О другой его жене, имя которой остается неизвестным, косвенно говорят документы в связи с абреком Хатакшуко Шардановым.

В 1858 г. было заведено дело «О разных поступках жителя Большой Кабарды Хатакшуко Шибзухова (он же Шарданов) и о ссылке его за них в Россию». Содержавшегося на гауптвахте в крепости Нальчик Шибзухова взял на поруки уздень Касим Еристаов, обязавшись отвечать «по строгости законов», если он совершит побег к «непокорным». Несмотря на условия своего освобождения, он вскоре совершил побег. Поэтому начальник Кабардинского округа Орбелиани предписал Терехову «кабардинского узденя Хатакшуко Шарданова, бежавшего в Чечню, объявить абреком». Однако через несколько месяцев Шарданов (под этой фамилией он в большинстве случаев проходит в документах) возвращается в Кабарду вместе с уведенным им мальчиком «аула Кошерокова Закирея Урдумова» (он же Аиса Шеватыжев) и, невзирая на добровольное возвращение, подвергается аресту. Но причина ареста выясняется из показаний самого Шарданова. По подозрению в присвоении чужой лошади он был посажен на гауптвахту и освобожден после уплаты «взыскания». Затем Шарданов отправляется в аул Таова, где проживала его мать, и берет «для поездки» из табуна его отца лошадь. Далее Шарданов показал: «...но брат мой, корнет Шарданов, прибыл с командою в сказанный аул и,

вероятно, хотел... отобрать у меня ее, я же, полагая, что меня хотят арестовать, скрылся...». Он вновь оказался в Чечне, в Галашках. Сюда к нему приехали Асхад Шеретлоков, Мурзабек Теков, Тлох Шибзухов и брат полковника Кундухова по имени Ислам. Они заверили Шарданова, что братья его желают разобраться с ним «за отцовское имение по шариату» и что начальство в этом случае простит его. Шарданов поверил им, но как только вернулся, арестовали его «по проискам братьев моих, которые не признают меня за своего родственника». К показанию «приложил чернильный знак перста своего тумак Хатакшуко Шарданов». Следствие над объявленным абреком Шардановым закончилось тем, что его осудили к ссылке «на безсрочное время на поселение в Сибирь».

В этой переписке привлекает внимание то, что отцом узденя Шибзухова-Шарданова наверняка был Якуб Шарданов и что у него была жена из фамилии Шибзуховых. Это видно хотя бы из того, что братья Шардановы не признавали в нем, в туме, своего брата. А то, что эти братья – сыновья Я. Шарданова, не приходится сомневаться, имея в виду, что из числа их фигурирует в показаниях Шарданова корнет Шарданов. В фамилии Шардановых офицерами были только члены семейства Якуба Шарданова, а среди них звание корнета как раз в 1858(1859) г. имел Бекмурза Шарданов.

В ауле Магомета Куденетова в 1847 г. проживал и другой представитель фамилии Шардановых – Исхак Шарданов. Входит ли он в круг родственников Якуба Шарданова, из документов неясно.

Род однофамильцев Шардановых упоминается в предписании генерал-майора Эристова от 12 января 1851 г. Кабардинскому суду: «Предлагаю разобрать претензию Исмаила Шарданова за холопьев его, находящихся у узденя Одоха Карамурзова...». В своем прошении к начальнику Центра кабардинский уздень Исмаил Шарданов жаловался, что крепостные крестьяне его, покойной матери в 1848 г. неправильно проданы кабардинцем Исупом Хатановым до того, как последний был отправлен в Россию, узденю Одоху Карамурзову, жившему в ауле Коголкина. Чем закончилось прошение, неизвестно. Неизвестно также, жителем какого аула был уздень Исмаил Шарданов[12].

ШАРДАНОВ И НОГМОВ

Вопрос о взаимоотношениях двух наиболее известных личностей истории Кабарды первой половины XIX в. в исследованиях вообще не ставился. Между тем его важность несомненна.

Впервые Шарданов и Ногмов могли более близко познакомиться в 1829 г., когда последний был приглашен в крепость Нальчик для обучения аманатов. В 1830 г. Ногмов уехал в Петербург и до 1837-го, за редким исключением, практически не про-

живал в Кабарде. Шарданов, который был вынужден уступить свое место Ногмову, конкретно о нем мало что высказывает, но есть суждения его относительно Кабардинского временного суда. В докладной записке, адресованной Пирятинскому в 1840 г., Шарданов указывал: «А что Кабардинский временный суд питает личность (хула, оскорбление. – *С. Б.*), то оно известно по начальству»[1].

Оценки Шарданова по тому или иному делу, рассматривавшемуся судом, касаются и Ногмова, поскольку он во многом нес ответственность за соответствие принимаемых судом постановлений нормам обычного права и прокламациям Ермолова. Приведем пример. В декабре 1841 г. Кабардинский временный суд рапортовал начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Соколову по жалобе Шарданова от 14 марта 1840 г., поданной еще его предшественнику генерал-майору Пирятинскому. Шарданов предъявил иск князю Джамботову и двум другим, одним из которых был вольный Муса К.

Шарданов ставил в вину Кабардинскому временному суду то, что тот, уличив похитителей, добившись от них признания своей вины и возвращения трех из четырех угнанных ими быков, не приступил к взысканию четвертого быка, который предназначался «к удовлетворению» его крестьянина Идара Мифецева.

Касаясь ошибок суда при разбирательстве этого дела, Шарданов 28 декабря 1841 г. писал генерал-майору Соколову: «Членами оного суда должно быть определено вору наказание, заключающееся в 100 ударах, а предписанием г. командовавшего войсками... представлено оному суду в руководство взыскивать с каждого вора 50 рублей серебром штрафу, каковым законам и Мусса подлежит. И наконец, и по закону Магомета тоже не избег бы наказания, называемого ход*, заключающегося тоже в ударах, или хапс, то есть изнурительному аресту»[2].

Приведя эти основательные доводы, Шарданов обращал внимание Соколова на то, что «как сии первые, так и последние законы нарушены и не соблюдены господами присудствующими». Шарданов далее писал, что их прямая обязанность, «в особенности же г-на секретаря (т. е. Шоры Ногмова. – *С. Б.*), не укрывая злодейств», сначала удовлетворить крестьян, а потом, изложив свое мнение, судебным порядком определить наказание и представить его на утверждение начальника Центра Кавказской линии. Шарданов далее указывал на то, что суд, не сделав всего этого, нарушил «законный обряд и честь» и, чтобы «закрыть свое бездействие неправое, решился донести несправедливо» на него[3].

---

*Орфография слова, по-видимому, утрачена. Его значение, на наш взгляд, сохранилось в выражении: «Хьэду узукIынщ», «Хьэд[э]усщ1ынщ». Видимо, о термине «ход» упоминается у Леонтовича: «Имеющий жену и уличенный в прелюбодеянии по закону лишается жизни, но тот же поступок, совершенный холопом, подвергает его наказанию ста ударами. Это называется ходтезир» (Леонтович Ф. И. Адаты... С. 254).

Шарданов даже предложил Соколову прямо от своего имени выслать экзекутора, чтобы он взял из имения умершего к тому времени Джамботова одного быка. Соколов «прямо от себя» не выслал экзекутора, но 23 января 1842 г. предписал суду «немедленно взыскать из имения умершего князя Заурбека Жамботова или вольного кабардинца Мусы К. одного быка и удовлетворить оным» Идара Мифецева.

Кабардинскому временному суду ничего не оставалось, как признаться в собственной некомпетентности или опровергнуть доводы Шарданова, что и было предпринято в рапорте к начальнику Центра Кавказской линии. В нем указывалось: «Но в правилах суда, известных ему, г. Шарданову, в ст. 22 изложено: «Когда князь умрет и останутся долги кому то бы ни было и он их при жизни не заплатил, то тот долг остается без платежа и наследники за то не ответствуют»[4]. Рапорт подписан председателем суда князем Айдемировым и секретарем (за секретаря) суда Шорой Ногмовым.

Отметим, что Айдемиров стал председателем суда после смерти Магомета Докшукина, и в 1841 г. у него было совсем мало опыта практической работы, поэтому он, надо думать, глубоко не разбирался во всех тонкостях обычного права и часто подписывал ту бумагу, что подавал Шора Ногмов, стаж которого едва ли превышал три года, или уточнял через него сложные обычно-правовые нормы. Однако можно сказать, что Айдемиров наверняка отсутствовал в тот период, т. е. 14 марта 1841 г., когда Шарданов подал жалобу начальству, и Ногмов стал заниматься ее разбором. Ведь 1 марта Айдемиров по его просьбе был уволен «домой для излечения болезни впредь до выздоровления...с тем, чтобы течение дел в суде производилось безостановочно и в небытность его»[5].

Ссылкой на статью обычного права кабардинцев Ногмов полагал полностью доказать несостоятельность доводов Шарданова. Но таким путем человека, которого стали считать «ученейшим мужем между Кавказскими племенами»[6], невозможно было одолеть. Впрочем, Шарданов был настолько уверен в своей правоте, что, как отмечено, прямо предложил Соколову от своего имени выслать экзекутора.

Усиливая свою позицию, Шарданов здесь мог бы напомнить существенное толкование этой самой статьи старожилами, и в источнике зафиксирована норма: «За то, что князь барантовал в наказание, не отвечает наследник, долги же его по наймам священны»[7].

Следовательно, статья 22 касалась только того случая, когда князь при жизни своей взял долг и умер, не успев вернуть его, хотя и это положение было спорным и бытовал неузаконенный, но, по-видимому, не совсем утративший свою практическую силу упомянутый обычай. Шарданов же подал жалобу не из-за взятого князем долга, а из-за того, что было присвоено при его участии. Поэтому он был прав в своем иске.

О МЕСТОЖИТЕЛЬСТВЕ ШОРЫ НОГМОВА И ЕГО СЕМЬИ

По преданию, местожительство Шоры Ногмова издавна оспаривали аул Кармова и Аджи-аул (Хажихабле). Бабуха Багова (в девичестве Макоева), из с. Каменномостского, в детстве (11–12 лет) некоторое время находилась в доме Шахима Кашежева, младшего брата Талиба Кашежева, который был женат на ее старшей сестре Ханифе. Ей часто доводилось слушать рассказы Псабиды и Талиба Кашежевых про старину. В 1984 г. мы со слов Баговой записали воспоминания почтенного 90-летнего старца Псабиды: «Аулы Кармова и Малка (Хажихабле. – *С. Б.*) оспаривали друг у друга Шору Ногмова. Побеждал аул Кармова». Багова любила повторять одно высказывание Талиба Кашежева о Ногмове: «Если бы в Кабарде был один муж, способный равняться с ним, Кабарда, возможно, победила бы (в смысле науки, образования. – *С. Б.*) Россию». А если при жизни Талиба Кашежева о нем самом шла молва, что «уже не было такого русского, который смог бы его чему-то научить» (информатор Джамаль Тхашоков, 93 года, с. Белокаменское. Записано в 1984 г.), то можно себе представить, до какой степени почитал народ имя Шоры Ногмова.

Отсюда понятно (и в известной мере похвально!) стремление соотечественников Шоры как-то обосновать свою конкретную причастность к имени выдающегося своего представителя. В связи с этим обращает на себя внимание и заметка учителя из с. Малка, опубликованная в газете «Адыгэ псалъэ» от 18 мая 1994 г. Однако вернуться к своим старым записям, взяться за перо нас заставило другое обстоятельство.

В 1994 г. вышло в свет новое, восьмое по счету издание «Истории адыхейского народа» (вступительная статья и подготовка текста Т. Х. Кумыкова). К изданию приложено несколько новых материалов, касающихся жизни и деятельности Шоры Ногмова. Среди них статья Агурби (в книге неточно – Амурби) Афаунова «О местожительстве и потомках Ш. Б. Ногмова», написанная 2 июня 1960 г. Статья опубликована без комментариев и особой нужды. Между тем она во многом страдает односторонностью, ошибочными суждениями и выводами. У неосведомленного читателя может сложиться неверное представление о действительном местожительстве Ногмова. Поэтому есть необходимость в объективном анализе основных положений статьи А. Афаунова.

Начнем с того, что мы располагаем архивным материалом – письмами, заявлением, перепиской, которые касаются поисковой работы уроженца с. Малка Агурби Афаунова о Шоре Ногмове. А побудило его к сбору информации о местожительстве Ногмова появление книги Г. Ф. Турчанинова «Шора Ногмов. 1844–1944 гг.». Ознакомившись с ней, Афаунов 17 мая 1960 г. обратился к Председателю Президиума Верховного Совета КБАССР с заявлением,

в котором отмечал, что она «изложена сугубо безответственно». Афаунов писал: «Благодаря незнанию топографии, местных языков и особенностей происхождений кабардинских сел, тов. Турчанинов сам часто не понимал, что писал. В результате тов. Турчанинов пришел к ошибке о местожительстве Шоры Ногмова – якобы Шора жил в сел. Каменномостском. Шора умер на 9 лет раньше до образования на том месте аула Кармова, где сейчас селение Каменномостское... Шора сельчанин аула Хажи-Кабак (Хажихабле) у горы Бештау до 1829 г., а с этого времени до 1844 (т. е. до смерти) он сельчанин же Хажихабля на левом берегу реки Малки, против сел. Малка, где сейчас хутор Прогресс. Здесь вместе были Кармахабле (теперешняя восточная половина сел. Каменномостское), Хажихабле (теперешняя восточная половина сел. Малка) и Абзеванова (сел. Куркужин), а вместе административно по-русски назывался аул Кармова (1829–1852 гг.)». Далее Афаунов сообщал о себе: «Три месяца без содержания изучаю литературу, памятники, кладбища селений Малки и Каменномостского, занимаюсь опросами старожилов многих сел, нашел некоторые личные вещи Шоры, но выдохся средствами». Афаунов для «исправления всей путаницы и, в частности, о сельчанстве Шоры» просил оказать ему материальную помощь и прикрепить его «к соответствующему учреждению».

Заявление Афаунова, по-видимому, было обсуждено в институте (КБНИИ). 1 июня 1960 г. по институту издается приказ «О записке зоотехника из с. Каменномостского Зольского р-на т. Афаунова А. Дз.*». В приказе отмечено: «Для изучения новых материалов о Ш. Б. Ногмове создается комиссия в составе тт. Шортанова А. Т. (зав. сектором фольклора. – *С. Б.*) и Ионе Г. И. (зав. сектором археологии. – *С. Б.*), которой поручено с участием т. Афаунова А. Дз. проверить все новые данные о Ш. Б. Ногмове и в октябре с. г. результаты внести на рассмотрение ученого совета института. Копию приказа послать в Совет Министров т. Костромичеву» (управляющий делами. – *С. Б.*). А директор института Х. Г. Берикетов 6 июня 1960 г. написал председателю Малкинского сельсовета С. Камергоеву письмо, противоположное приказу, посланному в Совет Министров республики. Берикетов сообщал: «В последние месяцы в институт обращается житель с. Каменномостское Зольского р-на Афаунов с различными сведениями о Шоре Ногмове. С этим делом он обращался и в Президиум Верховного Совета. Он требовал предоставления ему полномочия института на проведение исследований по биографии Шоры Ногмова. Настоящим сообщаем, что Институт не предоставляет ему таких полномочий. Что касается дальнейшего исследования по этому вопросу, то для этого назначена комиссия, которая займется этим делом осенью текущего года без привлечения Афаунова». Такое отношение Берикетова к Афауно-

---

*Афаунов – уроженец Хажихабле, околотка современной Малки. Одно время работал зоотехником в с. Каменномостском.

ву, вероятно, было продиктовано нападками последнего на Турчанинова – ранее сотрудника института.

Из переписки неясно, какой из документов – приказ или письмо к председателю исполкома – соответствует действительности. Одно несомненно: Афаунов прямо или косвенно был привлечен к сбору информации о Ногмове. Об этом свидетельствует Т. Х. Кумыков. В предисловии к последнему изданию «Истории...» он пишет, что «воспоминания А. Афаунова» (почему воспоминания? – *С. Б.*) относительно потомства Шоры Ногмова написаны по его просьбе.

В публикации Т. Х. Кумыкова отразилось содержание писем и заявления Афаунова, о которых шла речь выше. Афаунов, не допуская возражений, писал: «Шора никогда не жил и не был в сел. Каменномостском, он был хажхаблинец, он жил в Хажхабле». Афаунов, бесспорно, прав, когда утверждал, что Шора никогда не проживал в Каменномостском, поскольку это село основано в 1853 г., о чем, кстати сказать, и мы в свое время писали, одновременно высказывая и предположение, что он какой-то небольшой отрезок времени проживал в ауле Аджиева[1]. Но хажихаблинец ли Шора Ногмов, т. е. являлся ли он жителем аула Хаджи-Кабак, или Хажи-хабля? На этот вопрос однозначно архивные материалы и другие источники дают, в сущности, отрицательный ответ.

В государственном архиве Ставропольского края мы обнаружили документ – прошение кабардинского узденя Али Конова Кавказскому гражданскому губернатору от 3 сентября 1817 г. За незнанием Али Коновым грамоты под прошением «руку приложил таковой же уздень, под Бечтовою горою живущий, Шора Бекмурзин»[2]. Это одно из самых ранних упоминаний о Шоре Ногмове. Прошение же уточняет конкретное местожительство Ногмова. По-видимому, аул Ногмова к этому времени уже не существовал, поскольку он располагался на р. Джуце, а не «под Бештовыми горами», где жил Ногмов и которые включали в себя аулы Кармова, Аджиева и Абезыванова. Можно сказать, что Ногмов в 1817 г. административно относился к аулу Кармова. При этом мы имеем в виду одну запись, почти аналогичную той, что указана в прошении Конова. В переписи Якуба Шарданова 1825 г. отмечены четыре вольноотпущенника из аула Бабукова, «живущего в Кармовом ауле под Бештовыми горами узденя Шора Нагумова»*[3]. Это первое Документальное свидетельство о принадлеж-

---

*Крепостной крестьянин, отпущенный на волю по религиозным соображениям или выкупивший себя до отмены крепостного права, назывался азэтыжь (старый азат), что означает вольноотпущенник (по Хан-Гирею – пшитль-азат). Статья обычного права, относящаяся к 1822 году, указывает: «Отпущенные князьями и узденями люди на волю не вправе отходить из их аулов в другие, а должны жить в оных как сами, так и происшедшие от них дети». (См.: *Думанов Х. М.* Социальная структура... С. 174–175). Такие вольные люди должны были «жить там, где и господин будет находиться» (*Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. С. 125). Эти сведения Хан-Гирея никем не подвергаются сомнению, потому что они в целом соответствуют сословному положению вольноотпущенников. В то же время

ности Шоры Ногмова к аулу Кармова важно и в том смысле, что здесь, как и в прошении Конова, встречается то же самое выражение – «под Бечтовыми горами», с той лишь разницей, что конкретизируется аул, в котором он проживал.

Однако есть основание сказать, что, относясь административно к аулу Кармова и считаясь кармовцем, Шора Ногмов был владельцем собственного родового аула. Так можно понимать донесение Кабардинского временного суда, подписанное и самим Ногмовым, к Головину от 31 января 1839 г. Оно между прочими поселениями указывает: «Аул узденей Кармовых, родовой поручика Бекмурзы Ногмова, узденей Аджиевых, узденей Абзевановых жительство имели под Бештовыми горами близ Шотландской колонки, ныне поселены на левую сторону Малки близ поста Известного брода»[4]. Отсюда следует, что родовой аул Ногмова, вероятно переместившийся из Юцы к «Бештовым горам», был относительно самостоятельным населенным пунктом, административно входившим в аул Кармова вплоть до своего переселения к реке Малке близ Известного брода в 1828 г.

Если место жительства Шоры Ногмова с 1825 г. можно считать установленным документально, то этого не скажешь о более раннем периоде, начиная с 1821 г. Афаунов для доказательства принадлежности Шоры Ногмова к аулу Хаджи-Кабак не приводил убедительных аргументов. Он ссылался только на одно свидетельство миссионера Гендерсона. 26 сентября 1821 г. тот писал: «Пока мои друзья были заняты некоторыми делами по колонии, я отправился верхом в селение Хаджи-Кабак... чтобы навестить кабардинского узденя по имени Шора... Я был немедленно введен в дом и сердечно принят его тещей. Его (Шоры) молодой новобрачной нигде не было видно, и, как мне сообщила ее собственная мать, так будет вплоть до рождения ею первого ребенка...». Гендерсону не противоречит «Алфавитный список о роде кабардинского узденя Шоры Бекмурзина», составленный в 1821 г. Ссылаясь на него, Т. Х. Кумыков пишет, что Ногмов «жительство имел близ Константиногорских горячих вод». Касаясь места жительства Ногмова, Т. Х. Кумыков еще дважды замечает: «В сентябре 1821 г. Ногмов не состоял на службе, жил в а. Кошеве»[5], а Р. У. Туганов указывает, что «к концу 1821 г. Шора Ногмов переселился из аула Хаджи-Кабак, или Аджиева, в аул Кошева»[6]. Исходя из свидетельства Гендерсона и «Алфавитного списка» утверждается, что в 1821 г. Шора Ногмов одновременно жил и близ

нередки были случаи, когда вольноотпущенники жили не в том ауле, где жил их владелец, а в тех, которые принадлежали ему. Наблюдались и другие взаимоотношения владельца и его вольноотпущенников. Пример тому – вольноотпущенники Ногмова, проживавшие в не принадлежащем ему ауле Бабукова, расположенном в нескольких десятках верст от «Бештовых гор», где их владелец находился. Причину этого явления, по-видимому не единичного, трудно объяснить, но ясно, что они выполняли какие-то обязанности, свойственные вольноотпущеннику. Возможно также, что откупившиеся имели больше прав, чем отпущенные владельцами.

Константиногорских горячих вод, и в ауле Хаджи-Кабак, и в ауле Кошева. Какой же объективный вывод можно сделать из документов и суждений историков?

Цитируя Гендерсона, Т. Х. Кумыков находит, что миссионер посетил в ауле Хаджи-Кабак «дом Ногмова», но у него нет конкретных указаний на этот счет. Он просто писал, что поехал в аул Хаджи-Кабак, чтобы навестить Ногмова, находившегося здесь временно по какой-то причине, возможно связанной с женой (беременность, болезнь и т. д.), а это не означает, что Ногмов жил в этом ауле. Кроме того, Гендерсон свидетельствует только о том, что был введен в дом, где был принят тещей Ногмова, а не в дом самого Ногмова. Р. У. Туганов, стараясь избежать очевидного противоречия в документах, из которых у него выходит, что Ногмов в 1821 г. проживал в ауле Хаджи-Кабак и в ауле Кошева, «переселяет» его из одного аула в другой. При этом он не задается естественным вопросом, что за нужда толкала Ногмова под новый год переселяться в а. Кошева и переселился ли он туда? Отвечая на поставленные вопросы, следует сказать, что Ногмов на самом деле жил не в а. Хаджи-Кабак или в а. Кошева, а «вблизи Константиногорских горячих вод», т. е. принадлежал к а. Кармова!

В связи со статусом аулов Кармова, Абезыванова и Аджиева Кабардинский временный суд в 1848 г. вполне определенно разъяснял: «аулы Аджиева, Кармова и Абезыванова *жители вне Кабарды*...» (выделено нами. – *С. Б.*)[7]. В 1828 г. Шора Ногмов, как «житель вне Кабарды», переселяется на Малку, где теперь расположен поселок Прогресс. «...По случаю переселения аула нашего (Кармова. – *С. Б.*) из-под Бештовых гор к реке Малке, – писал он, – я обязан был с подвластными моими устроить на сем новом месте пристанище и для обеспечения моего семейства в пропитании хозяйство»[8].

Находясь на левом берегу реки Малки, кармовцы оставались «жителями вне Кабарды», как указывал суд, до начала 1850-х гг., т. е. до переселения к Каменномостскому укреплению на левый берег реки. Поземельная комиссия и в 1865 г. также разъясняла историю этих аулов. Она отмечала: «Аулы Кошева и Лафишева до сих пор нанимали постоянно земли у кабардинцев же. То же самое происходило с Аджиевыми, Кармовыми, Абезывановыми и другими, которых кабардинцы считают за пришельцев. Названные фамилии абазинского происхождения, но очень давно водворившиеся между кабардинцами и вошедшие в состав княжеских кабардинских родов»[9]. Аулы, находившиеся за Малкой, на нынешней территории, занимаемой поселком Прогресс, часть которой теперь административно входит в Ставропольский край, считались жителями «вне Кабарды», «пришельцами».

Кроме приведенного документа о жительстве Ногмова в «Кармовом ауле под Бечтовыми горами», в поддержку нашего мнения можно вернуться к той же переписи 1825 г. Если принимать во внимание, что список жителей Кабарды составлялся с сентября

1824 г., то естественно утверждать, что Шора Ногмов жил в ауле Кармова не только в 1824-м, но и в 1823 г. Что касается его места жительства в 1818–1822 гг., обратимся к сведениям первого биографа Ногмова Адольфа Берже. Он писал, что в «1818 и последующих 1819 и 1822 годах он состоял в распоряжении командующего второю частию кордона правого фланга полковника Победнова, исполняя разные поручения с отличным усердием и аккуратностью»[10]. Это значит, что Шора Ногмов находился и в 1821 г. на службе, иначе в 1822 г. вряд ли были бы сразу доверены «ему бумаги», что, как пишет Берже, удалось доставить «в отряд», т. е. в отряд войск Ермолова, находившегося в Кабарде. «Алфавитный список...» также свидетельствует, что Ногмов в 1821 г. находился на службе, иначе сам список не был бы составлен. Однако и этот факт не говорит о том, что Ногмов переселился в аул Кошева, а скорее всего, только о том, что он нес службу в ауле Кошева и имел постоянное место жительства в ауле Кармова.

Аул Кармова, как и аулы Аджиева, Абезыванова и Кошева, имел отличительную от других кабардинских аулов особенность. Касаясь этого вопроса, Х. М. Думанов пишет: «По неизвестным нам причинам в перепись населения 1825 года не вошли кабардинские аулы Кармова, Аджиева, Абезыванова и Кошева, которые в то время находились по реке Куме, между Георгиевском и Константиногорском»[11]. Причина этого явления, остающегося вне поля зрения историков, в том, что эти аулы, хотя и располагались на исторической территории Кабарды, находились за рекой Малкой, т. е. за границей, навязанной в тот период Кабарде.

Одним из таких жителей «вне Кабарды» считался и Шора Ногмов, которого генерал Эмануэль в 1829 г. направляет в крепость Нальчик для обучения аманатов. Здесь он становится, пожалуй, вторым, после Шарданова, кабардинцем, проживавшим в крепости, неся в ней службу. Конечно, и в этот короткий период, до 1 апреля 1830 г., когда Ногмов стал служить в лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне, он был жителем того аула, где находилась его семья. После Петербургского и Тифлисского периодов (1830–1837 гг.) Шора Ногмов возвращается в свой аул Кармова. Об этом свидетельствует дневниковая запись академика А. М. Шёгрена от 17 и 22 марта 1837 г.: «Выехал в колонию Карасс, чтобы нанять кого-либо, который повез бы меня в Кармов аул, чтобы навестить поручика Ногма... Наконец, предпринял я мою давно задуманную поездку, чтобы навестить поручика Ногма... Часа в два прибыл я к месту моего назначения в Кармов аул, где у меня верный Шора, верный дом».

Афаунов, зная об этом дневнике, безосновательно пытался в пылу полемики с Турчаниновым ниспровергнуть абсолютно объективную информацию академика Шёгрена. Причина проста: у академика речь шла о том, что Ногмов жил в ауле Кармова, а не в Хажихабле (Аджи-Кабак), как хотелось бы Афаунову. Он пишет: «Шёгрен к Шоре приехал в Хажихабле, расположенном на том месте хутора Прогресса, где со своей семьей и хозяйством жил

Шора». До своей последней поездки в Петербург Ногмов оставался со своей семьей в ауле Кармова. Например, в 1841 г. ему был выдан билет, по которому он приехал «в дом свой, состоящий в Кармовом ауле»[12]. Афаунов, который в своих поисках руководствовался преданиями, конечно, не мог знать об этом документе и о других приведенных нами бесспорных фактах о том, где в действительности жил Шора Ногмов, и потому, пытаясь как-то обосновать свою точку зрения, он искусственно соединяет аулы Кармова, Хажихабле и Абезыванова, каждый из которых, кстати, всегда имел своего старшину, в один населенный пункт, который до 1852 г. «административно назывался аулом Кармова». Стремление каким-то образом доказать свою причастность к выдающемуся имени, как отмечено выше, понятно, объяснимо и в какой-то степени похвально. Но на пути к истине есть граница, которую нельзя переходить.

«Все существует во времени и пространстве» – такой учебной фразой начинал Афаунов рассматриваемую нами статью. К сожалению, он не руководствовался этим верным ориентиром, иначе не соединил бы аулы, которые, будучи близкими соседями, всегда административно оставались самостоятельными, как это мы показали выше. Правда, в отдельных случаях встречались и объединенные названия двух смежных аулов. Например, на карте Кавказского края, составленной в штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1842 г., на той же географической точке обозначен аул Аджикармов. В этом слове объединены названия аулов Аджиева и Кармова. Однако такое название не подтверждается документами и, скорее всего, должно быть отнесено к ошибке картографа. В этом можно лишний раз убедиться, зная историю переселения аула Кармова к Каменномостскому укреплению в 1853 г.[13] О том же говорят и реформы по укрупнению аулов, когда аулы Аджиева и Абезыванова были переселены: первый – на правый берег Малки, а второй – на Куркужин.

Афаунов не соглашался и со следующим положением Берже: «После Шоры Ногмова осталось семейство, состоящее из жены, трех сыновей и дочери, в настоящее время оно живет в ауле Кармова, на Малке, близ поста у Каменного моста». Какой же довод противопоставляет историку Берже зоотехник Афаунов? Последний пишет: «В то время место аула Кармова у Каменного Моста была пусто, а аул Кармова был на территории хутора Прогресса, на левом берегу реки Малка, в 24 км от поста». Действительно, «все существует во времени и пространстве». О каком же времени писал Берже в своем предисловии к «Истории...» Ногмова? Он имел в виду 1860-й или 1861 г. – год издания им «Истории...».

Семейство Шоры Ногмова вместе со своими односельчанами-кармовцами переселилось к Каменномостскому укреплению в 1853 г. Оно проживало там и в 1860-х гг. Приведем примеры. Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев Кабардинского округа в 1862 г. рассматривал сословные права кабар-

динцев. Среди них первым числится «поручик Ерустан Ногмов (Кармова аула)»[14]. Как видно, хронологически это событие относится как раз к тому времени, когда Берже писал предисловие к «Истории...». Добавим к сказанному, что, по данным за 1864 г., Эриван и Эришид – младшие сыновья Ногмова – числятся в списке наиболее состоятельных конезаводчиков по селению Кармова. Этих примеров достаточно, чтобы доказать факт жительства сыновей Шоры Ногмова в ауле Кармова в 1860-х гг. Вместе с сыновьями проживала и вдова Ногмова, Салимат, – до 1869 г., т. е. пока младшие сыновья не эмигрировали в Турцию. С 1869 г. Салимат находилась у старшего сына Эрустана, переселившегося к этому времени в Ашабово, или у зятя Шолоха Альмова в с. Лафишево. Через два-три года она скончалась.

Здесь следует обратить внимание на одно положение из предисловия Эрустана Ногмова к изданной им «Истории...» своего отца. Вместо указанных выше слов Берже он писал: «Оно (семейство Ногмова. – *С. Б.*) живет в ауле Ашабово на Малке в 25–28 верстах от г. Пятигорска». Замечание Эрустана соответствует действительности, поскольку он под семейством Шоры имел в виду себя, свою жену и племянника Шамгуна, обосновавшихся в новом ауле. Однако эта поправка, связанная с самим Эрустаном, ввела в заблуждение Т. Х. Кумыкова. В последнем издании «Истории...» он, анализируя изменения, уточнения и исправления, внесенные Эрустаном в предисловие Берже, пишет: «...в своем биографическом очерке Берже писал, что в настоящее время семейство Ногмова «живет в ауле Кармово». А Эрустан в своем издании вместо с. Кармово написал с. Ашабово, «расположенное в 25–28 верстах от г. Пятигорска». И далее Т. Х. Кумыков пишет: «Эта существенная поправка, внесенная Ерустаном, дает возможность внести коррективы в установившееся положение о том, что Ш. Б. Ногмов жил в Кармове. Ведь до переселенческой реформы 60-х годов название Кармово носило нынешнее сел. Малка, куда Ш. Б. Ногмов еще в 1828 г. переселился с другими жителями из-под Бештау (Аджи аула – Хажихабла). Там он и жил до конца своей жизни. После переселений кармовцев из Ашабово (Малки) к Каменному Мосту селение стало называться Кармовым, а постоянным местом жительства Ногмовых осталось с. Ашабово. Поэтому поправка Ерустана к новому изданию «Истории...» Шоры Ногмова имеет принципиальное значение».

Приведенные нами выше документы опровергают эти выводы, ставшие возможным потому, что была воспринята на веру поправка Эрустана и сведения информаторов-любителей без основательного их анализа. Обратим внимание и на следующие моменты из суждений Т. Х. Кумыкова.

Нынешнее с. Малка никогда не носило название Кармова. В 1828 г. Ногмов переселился не с жителями Аджи-аула (Хажихабле), а с жителями аула Кармова. В нем семья Ногмова и проживала до его последней поездки в Петербург, за исключением перерывов, связанных с военной и гражданской службой. Кар-

мовцы не из Ашабова переселились к Каменному Мосту, а своим аулом, располагавшимся на месте теперешнего Прогресса, причем семейство Ногмова было в числе инициаторов переселения. В силу всего этого поправка Эрустана к предисловию Берже не может иметь никакого принципиального значения. Как издатель второго (третьего?) издания книги своего отца, Эрустан мог бы, и обязан был, сохранить полный текст краткого биографического очерка и внести в сносках поправки и изменения, казавшиеся ему необходимыми. Этим он оказал бы честь маститому историку Берже, которого он лично знал и которому всецело был обязан выходом в свет «Истории...» и... удержал бы нынешних биографов Ногмова от дополнительных ошибок и заблуждений.

В статье Агурби Афаунова есть среди других не затронутых нами искажений одно, которое должно быть исправлено. По его мнению, поручик Эрустан «умер примерно в девяностых годах прошлого века и похоронен в его родном ауле Хажихабла». Мы раньше уточняли дату смерти Эрустана. Он умер предположительно в 1904-м, а возможно, и годом раньше. Аджи-аул (Хажихабле) не может считаться родным аулом старшего сына Ногмова. Он родился в а. Кармова в 1827 г., когда тот располагался «под Бештовыми горами». Младшие братья его также родились в а. Кармова после переселения его на Малку. Единственная сестра братьев – Кульандам, старший ребенок в семье, – родилась в том же а. Кармова в 1826 г.

Приведем еще одну выдержку из статьи Афаунова: «Ерустам выпросил у своего родного брата Еришида Шоровича сына Шамгуна Еришидовича, и Ерустам Шамгуна усыновил. Шамгун парнем приехал из Турции в сел. Малка к Ерустаму». Верно, что Шамгуна усыновил бездетный Эрустан. Но выпросил ли он его у брата? Если да, то когда? Т. Х. Кумыков, ссылаясь на рассказы старожилов, пишет, что Шамгун родился в Турции. Недавно нами установлено и опубликовано, что Шамгун – уроженец с. Кармово. Ему было примерно 4 года, когда вместе с отцом Эришидом и дядей Эриваном отправился в Турцию, откуда он по неизвестным причинам вернулся к Эрустану спустя несколько лет[15].

Изложенное, на наш взгляд, позволяет прекратить затянувшийся спор (по крайней мере, на уровне науки) о том, жил ли Шора Ногмов в с. Каменномостском, основанном 9 лет спустя после его смерти. Скажем однозначно: Шора Ногмов в сел. Каменномостском никогда не жил. В то же время недопустимо отрицать, что Ногмов является односельчанином жителей с. Каменномостского. Аул Кармова, в котором жил Шора Ногмов и продолжало после его смерти проживать его семейство, переместился на 30 километров к истоку той же реки Малки и составил основу с. Каменномостского – «у поста Каменного моста», которое и по настоящее время в обиходе сохранило свое старое название – Къармэхьэблэ (аул Кармово).

Шора Ногмов, как следует из документов, жил в а. Кармова с 1823 г., но, вчитываясь в существо материалов, которыми мы

располагаем, можно сказать, что он переселился в этот аул вместе с немногими жителями родового имения – аула Ногмовых в 1817 г. и до конца своей недолгой, но необыкновенно ценной для адыгов жизни являлся его жителем. С этого времени только жителям а. Кармова, а впоследствии образовавшегося на его основе с. Каменномостского принадлежит честь быть односельчанами великого соотечественника – первого кабардинского историка и ученого Шоры Ногмова. И никто всерьез не посмеет оспорить эту честь не то что словом – морфемой.

МЛАДШИЕ СЫНОВЬЯ ШОРЫ

Письменный переводчик при межевой комиссии туземного населения Терской области поручик Ногмов 24 августа 1867 г. обратился к начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду со следующей докладной запиской: «В феврале настоящего года во время беспорядков в округе, сделанных толпой безрассудных людей, и мой родной брат Хаджи имел несчастье быть увлеченным в эту толпу и справедливо несет теперь это наказание, находясь в Георгиевске, в тюрьме. Я совершенно далек от того, чтобы оправдывать его безрассудный поступок, и душевно благодарен начальству за эту милостивую снисходительность, с которой оно определило ему меру наказания.

Ныне же меня невольно заставляет обратиться к Вашему Высокоблагородию с покорнейшею просьбой потому, что наша мать и жена брата моего Хаджи с малолетними детьми находятся в настоящее время в самом бедственном положении и безотступно просят меня, чтобы я обратился с просьбой о прощении его и возвращении на родину.

...Если вам угодно будет исполнить мою покорнейшую просьбу, то я употреблю все мои старания на то, чтобы брат мой загладил свой поступок, и внушу ему, как для него начальство снисходительно своею милостью. Поручик Ногмов».

К этой записке имеет непосредственное отношение другой документ – прошение начальнику Кабардинского округа «аула Кармова вдовы узденьши Салимат Ногмовой» от 21 ноября 1867 г. Вдова Шоры Ногмова писала: «Родной дядя (брат. – *С. Б.*) сыну моему Хаджи Ногмову поручик Урустан Ногмов докладной запиской настоящего года, поданной Вашему Высокоблагородию, в которой просил о прощении племянника (брата. – *С. Б.*) своего Хаджи за сделанный им поступок в толпу бывшей, которая оказала неповиновение начальству в феврале месяце настоящего года, за который он нынче сослан в крепость Георгиевск для содержания там под арестом в течение одного года. Ныне я как неимения (так в тексте. – *С. Б.*) никаких средств пропитать его жену и семейство, заключающееся из 3-х малолетних детей, с материнскою страстию желая семейству этому дать какое-либо пропитание, вторично, после поданной Вашему Высокоблагородию просьбы

поручиком Ногмовым, осмеливаюсь покорнейше просить начальнического снисхождения исходатайствовать сыну моему Хаджи за сделанный им поступок прощение, что я сыну моему дам понять милость начальства, а семейство будет поэтому не претерпевать до них ныне доходящих страданий. Если же возможно, то не откажите освободить его на предстоящий у нас пост уразу, на некоторое время, на что и позволю ожидать Вашего милостивого внимания. Узденьша Салимат Ногмова».

Оба документа проливают свет на дальнейшую судьбу семейства Шоры Ногмова и уже поэтому представляют интерес. Однако прошения ставят несколько вопросов. Они ничего не говорят о том, когда именно и за что был арестован Хаджи, т. е. Эриван Ногмов. Что подразумевает Эрустан Ногмов под «толпой безрассудных людей», о каких февральских событиях идет речь у него и его матери?

Арест Эривана был связан с его активным участием в известных февральских событиях 1867 г. А они, в свою очередь, были вызваны мероприятиями окружной администрации по отмене крепостного права в Кабарде. В связи с этим начальник Кабардинского округа 25 марта разослал предписания по всем ведомственным участкам о немедленном привлечении к ответственности лиц, оказавших наиболее активное сопротивление властям.

Предписание не было исполнено сразу, по крайней мере по отношению к некоторым из перечисленных. Например, Хаджи Ногмов был арестован лишь в июле 1867 г. В рапорте начальника Баксанского участка начальнику Кабардинского округа от 20 мая 1867 г. сообщалось: «Согласно предписания Вашего Высокоблагородия Пшемахо Губжоков и Хаджи Ногмов мною арестованы и отправлены к воинскому в Нальчике начальнику...».

В обоих прошениях Салимат Ногмова предстает как любящая мать и заботливая бабушка. Напрасно ожидала она долгих три месяца, что прошение ее старшего сына, известного в окружной и областной администрации офицера, поможет скоро освободить заключенного в Георгиевской крепости Эривана. Наконец она решилась лично обратиться к начальству с просьбой – «с материнскою страстию», с болью переживая за сына, сноху и малолетних детей. И ее голос был услышан полковником Нуридом. Об этом говорит предписание начальника Терской области от 31 января 1868 г. начальнику Кабардинского округа. Лорис-Меликов приказывал: «По докладе мне рапорта Вашего от 10 этого января, я разрешаю Вашему Высокоблагородию сосланных в апреле и июле 1867 г. в крепость Георгиевскую на один год кабардинцев Шору Думаева, Алхаса Мамхегова и Хаджи Ногмова освободить немедленно из-под ареста, о чем Вы имеете прямо от себя сообщить Георгиевскому плац-майору».

Итак, несомненно, что Эриван Ногмов враждебно воспринял мероприятия властей по отмене крепостного права. Об этом свидетельствует активное участие Эривана в февральских событиях, организованных частью кабардинских владельцев, и в связи

с этим последовавший его арест. Хотя Эриван и был освобожден досрочно, он все же принимает решение навсегда покинуть родину. Исходя из материалов поземельной Комиссии, председателем которой был Д. С. Кодзоков, мы несколько раньше писали, что младшие сыновья Шоры Ногмова переселились в Турцию в 1870 г. Недавно нами найден документ, который позволяет уточнить и дату их переселения и осветить некоторые другие вопросы, связанные с потомством Шоры Ногмова.

Имеется в виду прошение «жителей аула Кармова хаджи Ериона Шоровича Ногмова» к начальнику Кабардинского округа от 2 марта 1869 г. В нем сказано: «Имею желание отправиться с семейством, а именно: с женой Гоше (Гуащей. – *С. Б.*) – 30 лет, сын Шах-Гирей – 8 лет, дочери Шамхани – 6 лет, Зрумхан – 5 лет, брат Ирашид – 31 года, жена Даус – 25 лет, сын Пшемахо – 20 лет, Зима – 18 лет, Шамун (Шамгун. – *С. Б.*) – 3 лет, дочь Малхани – 2 лет и братом Одиль-Гиреем – 7 лет, в город Мекку для поклонения гробу пророка Магомета сроком на один год. О чем осмеливаюсь утруждать Ваше Высокоблагородие всепокорнейшею просьбою о снабжении меня с семейством моим на путевое следование заграничным паспортом, на каковой представляю при сем бланкетных и пошлинных денег десять рублей серебром.

К сему прошению подписуюсь, житель аула Кармова по неумению русской грамоты на арабском языке своеручно»[1].

Есть и другой посемейный список, в котором небрежной рукой и искаженно зафиксированы имена семейства двух братьев, отправляющихся в Турцию: «Аула Кармова хажи Ридуон Ногмов – 35 лет, с женою Кошей – 30 лет, сыновья Шамгери – 7 лет, дочерьми – Шамхани – 6, Мадинахан, брат Ришад – 33, с женою Даус – 32, сыновья: Адиль-Гирей – 7, Шамгун – 5, дочерью Малхани, братья Пшимахо – 20, Хижа –17».

В обоих списках упоминается Пшемахо и Зима (Зома, Хижа) то как сыновья, то как братья их. Можно сказать, что они и ни те, и ни другие, а бывшие крепостные, пожелавшие отправиться в Турцию вместе со своими хозяевами. А сыновьями или братьями они могли быть названы во избежание отказа или проволочек со стороны окружной администрации. Следует подчеркнуть и одно важное обстоятельство: у 35-летнего Эривана не могло быть 20-летнего сына. Иначе пришлось бы допустить, что он женился в 14 лет.

Эриван и Эришид Ногмовы со своими семействами отправились в Турцию 18 июня 1869 г. А вдова Шоры Ногмова, Салимат, проживавшая с ними, оставшись одна, переселилась, возможно, на время, в аул Лафишева (Псыхурей) к своему зятю Шолоху Альмову.

В списках есть одно имя, которое заслуживает быть особо отмеченным. Это Шамгун (Шамун), который указан в прошении Эривана. В 1869 г. ему исполнилось, по-видимому, 3 года. До сих пор не было доподлинно известно, кто был его отец. Предполагалось только, что он сын Эришида. Его имя было зафиксировано в посемейном списке с. Ашабова за 1886 г. В нем отмечено:

«Ногма Ерустам Шора, племянник его Шамгун». В это время ему исполнялось 19 лет («лета, данные по наружному виду»). Этот возраст соответствует возрасту Шамгуна, который указан в прошении Эривана. Сегодня мы уже можем твердо сказать, что вернувшийся из Турции племянник Эрустана Ногмова Шамгун есть сын младшего брата Ногмова – Эришида, потомки которого живут поныне в Кабардино-Балкарии. Судьба остальных переселенцев неизвестна.

Год смерти Салимат точно не установлен. По некоторым косвенным данным она, вероятно, умерла в 1871 г. Так, 18 мая 1871 г. Салимат и ее дочь Кульандам подают прошение начальнику Георгиевского округа, в котором они безуспешно добивались земельного участка из того надела, что предназначался семейству Шоры. Салимат числится и в списке лиц, получавших пенсию в том же году. Причем можно отметить то, что она последние годы своей жизни находилась у Эрустана. В этом нас убеждает примечание, сделанное в указанном списке к имени Салимат Ногмовой: «...имеет жительство в ауле Ашабовом».

А в списке пенсионеров Георгиевского округа, «коим назначены пенсионы с 1-го января 1872 года», по-видимому, переписанном в 1873 г., ее имя уже не значится. Зато в нем приводится много имен пенсионеров из списка 1872 г., и в частности княгини Кабахан Атажукиной, проживавшей в ауле Анзоровых.

Отсутствие имени Салимат Ногмовой в списке 1872 г. следует объяснить тем, что ее уже не было в живых.

* * *

В исследованиях (И. В. Тресков, Т. Х. Кумыков и др.), посвященных последней поездке адыгского историка в Петербург, фигурирует имя сопровождавшего его молодого человека – Клыча Какагажева. Согласно преданию, исходящему как будто от самого Клыча, умирающий Шора «передал» преданному спутнику свою фамилию.

Можно смело утверждать, что Шора Бекмурзин никак не стал бы распоряжаться как наследством тем, чего у него не было. А как известно, у Шоры при жизни не было официально за ним утвержденной фамилии *Ногмов*. Только в предпоследнем (1843) году жизни он возбудил ходатайство о присвоении ему родовой фамилии, но скончался, так и не дождавшись осуществления своей просьбы. В мае 1845 г. генерал-майор Голицын распорядился сообщить наследникам Шоры Бекмурзина, что по ходатайству наместника Нейдгардта император «Высочайше повелевать соизволил... штабс-капитана Шора Бекмурзина, именовать настоящую его фамилию Шоры Бек Мурзин Ногма» (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 364, л. 77–78).

Приписываемая Клычу фамилия Какагажев не могла принадлежать ему, поскольку среди его предков нет никого, кто был бы известен под такой фамилией или именем. Об этом го-

ворят и зафиксированное раньше родовое предание – о чем ниже – и новые документы.

Имя Дагаза или Кадагаза (Къыдэгьазэ) было довольно распространено в Кабарде. Оно, как и некоторые другие, давалось в надежде, что, наконец, прервется смертность новорожденных детей и наметится поворот к продолжению рода. Можно сказать, что имя Кадагаза (Кадагазов) было записано переписчиком как Какагажев, и в такой искаженной орфографии указано Головиным.

Обращаясь к начальнику Нальчикского округа, он, Дагаза, в марте 1869 г. писал: «Имею желание отправиться в город Мекку для поклонения гробу Магомета с семейством, а именно: с сыновьями Клишом, с женою его Лапом, его же сыновьями Батоко, Ережиб, дочерей его Хужа, Гошанашхо, Химсада, братья их Жамбот, Увжуко, Хатату, мать их Цика».

Посемейный список Дагазы Дагазова позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, он не совпадает с родовым преданием, опубликованным нами ранее[2], согласно которому у Клыча был дед по имени Теувеж. А если предание не совпадает с документальным свидетельством, предпочтение, естественно, отдается последнему. А мы знаем, что деда Клыча звали Дагаза. Конечно, может быть допущено, что Теувеж был не дед, а прадед Клыча. Во-вторых, указание в списке – «братья их Жамбот, Увжуко, Хатату» требует пояснения. По сведениям Эрустана Ногмова, у Клыча Дагазова (Дагазовича) были племянники, почему-то не зафиксированные в списке: Кяго и Жамбот Фицевичи и Увжуко Хапович. Следовательно, у Дагазы Дагазова было трое сыновей: Клыч, Фица и Хапа. Отсюда понятно, что под словами «братья их» в списке подразумеваются двоюродные братья сыновей Клыча – Батоко и Эржиба. По сохранившимся посемейным спискам 1886 г. видно, что Хатату также был сыном Хапы.

В брачном праве кабардинцев до сравнительно недавнего времени существовал принцип левирата, согласно которому на вдове умершего брата мог жениться его брат. Зная, что отцом Жамбота был Фица, а Увжуко и Хатату – Хапа и матерью всех братьев была Цика, следует заключить, что после смерти Фицы (допускается, что он был старше) на ней женился его брат Хапа, после смерти которого она вторично осталась вдовой. А тот факт, что Дагаза Дагазов подал прошение от имени всех 12 членов семейства, говорит о том, что он был хозяином большой трехпоколенной семьи, что вообще встречалось довольно редко.

В-третьих, в прошении указывалось, что Дагаза желает отправиться в Мекку всего на один год. Подобный срок обозначался многими из тех, кто так и не вернулся на родину. Поэтому велика вероятность того, что он намеревался навсегда оставить отчий край вместе с близкими ему молодыми людьми – Эриваном и Эришидом Ногмовыми и разделить с ними их судьбу. Ведь не случайно, что прошения Эривана Ногмова и Дагазы Дагазова написаны почти в одно и то же время, и, вероятно, сообща. Однако

поездка, надо полагать, не состоялась, имея в виду, что в более поздних посемейных списках зафиксированы почти все члены семейства Дагазы. Причина внезапного поворота событий пока остается неизвестной.

НОГМОВ И ЛЕРМОНТОВ

Лермонтовед С. А. Андреев-Кривич в 1949 г. высказал предположение, граничащее с утверждением: «Лермонтову бесспорно был известен Шора, так как нельзя предположить, что известный всем приехавшим на воды в 1825 году Шора остался неизвестен Лермонтову»[1].

Для отрицания этого предположения, как и для его утверждения, нет пока конкретных фактов. Но можно сказать, что Лермонтов в тот период, если интересовался, а в этом можно не сомневаться, фольклором кабардинцев и соседних с ними народов, то лишь как любознательный одиннадцатилетний мальчик.

Ногмов, конечно, не мог особенно интересоваться Лермонтовым, которого еще не было как поэта (первые стихи появятся спустя 3 года, в 1828 г.). Зато Лермонтов действительно мог быть наслышан о Ногмове, которого если не все приехавшие на воды, то во всяком случае офицерский слой города и светские круги общества могли знать или были о нем наслышаны. Тем более этот вывод справедлив, если принять во внимание, что Ногмов, как мы показали в главе «О местожительстве Шоры Ногмова», проживал в самом близком к Пятигорску ауле Кармова (современная черта города), но не в ауле Аджиева, на чем С. А. Андреев-Кривич упорно, но без достаточного основания настаивал.

К 1841 г. вероятность встречи Ногмова и Лермонтова многократно возрастает: хотя об этом периоде историки ничего не говорят. В подтверждение сказанного приведем свидетельство, выданное Ногмову 10 мая 1841 г. генерал-майором Пирятинским, находившимся в укреплении Назрановском. В копии свидетельства написано: «Дано сие состоящему по кавалерии поручику Бек-Мурзину в том, что по болезненному состоянию, для пользования минеральными водами уволен в г. Пятигорск по первое августа сего года, в удостоверение чего подписью моей и приложением печати герба моего свидетельствую». На свидетельстве сделана надпись Пирятинского: «Переписку эту и при оной билет и свидетельство за № 553, препровождая при сем господину поручику Шоре Бек-Мурзину, предлагаю его благородию о получении оных и отправлении своем из крепости Нальчикской, донести мне на сем же»[2]. Судя по надписи, Ногмов отправился именно в Пятигорск: владельцу билета разрешалось следовать только по указанному в нем маршруту.

Накануне дуэли Лермонтова Ногмов находился в Пятигорске. Через «крикуна» Тату Кушхова 9 июля ему приписано вернуться в Нальчик – «скопилось весьма много дел, о коих нужно сделать

надлежащее донесение по начальству»[3]. Должно быть, Кушхов вручил Ногмову предписание не ранее 10 или 11 июля. Однако он не торопился подчиниться начальству – редкий случай для исполнительного чиновника, каким был Шора. Что же его удерживало в Пятигорске? Формально у него было основание – время отпуска еще не кончилось. Но, по-видимому, это не самое главное. Кроме состояния здоровья, которое не внушало особого оптимизма, его, надо полагать, задерживали связи (общественные и личные) с пятигорчанами и не в последнюю очередь вероятное знакомство с Лермонтовым. Анализ документов позволяет сделать вывод: накануне, в момент рокового выстрела и после него Ногмов находился в Пятигорске. Об этом говорит повторное предписание управления Центра Кавказской линии Ногмову от 6 августа 1841 г., которым он обязывался немедленно явиться в Нальчик, ибо «многие дела, о коих нужно сделать надлежащее донесение начальству, лежат в Кабардинском временном суде без всякого исполнения». В противном случае Ногмову угрожали донесением командующему войсками на Кавказской линии[4].

Из изложенного следует заключить, что *страстному поэту* Ногмову не встретиться с Лермонтовым в маленьком курортном городке Пятигорске было куда более трудно, чем встретиться, что в дальнейшем поиски только подтвердят наше предположение.

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ НОГМОВА?

Помощник начальника Кабардинского округа князь Баратов располагал неизвестной нам рукописью Шоры Ногмова. 23 ноября 1861 г. он писал начальнику Кабардинского округа генерал-майору Орбелиани: «Не лишним считаю представить Вашему Сиятельству на рассмотрение Комитета записки Шоры Ногмова, заключающие в себе народные предания о некоторых известных туземных фамилиях»[1]. Следует обратить внимание на концовку рапорта: «По миновании же в них надобности имею честь покорнейше просить не оставить возвратить мне»[2].

Вернул ли Орбелиани «Записки...» Баратову? Вряд ли. Известно, что Ад. Берже в тот же период и несколько раньше собирал материалы о Шоре Ногмове и «официальным путем от начальника Кабардинского округа г. генерал-майора кн. В. В. Орбелиани»[3]. Возможно, Орбелиани счел нужным передать эти записки Берже. Во всяком случае, есть надежда, что эти «Записки...», текст которых не должен совпадать с текстом «Истории адыхейского народа», когда-нибудь отыщутся.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ ХАН-ГИРЕЯ

В Центральном государственном архиве КБР нами обнаружен автограф Хан-Гирея. На его след навел следующий рапорт пристава Малой Кабарды майора Бековича-Черкасского от 17 февраля 1834 г. к командующему Кабардинской линией полковнику Пирятинскому.

«Подвластный мне узден состоящий по кавалерии корнет Тотраз Шамурзов, представя вытребованную им из Кавказско-Горского полуэскадрона копию с аттестата об окончательном его удовлетворении жалованием по 1-е число майя 1832 года, просит о удовлетворении его по оному, сколько причитаться будет по настоящее время, моего куда следует представления. О чем имея честь Вашему Высокоблагородию донести с представлением означенной копии с аттестата, покорнейше прошу об отпуске ему, Шамурзову, следующего жалования, не оставить учинить начальническое Ваше распоряжение; отколь же по будущее время он, Шамурзов, должен получать таковое, снабдить меня предписанием».

Зная, что Хан-Гирей в 1832 г. находился на службе в лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне, мы предположили, что упомянутая копия аттестата могла иметь какое-то отношение к нему. И мы занялись поисками самой копии, так как она должна была поступить в канцелярию командующего Кабардинской линией. Поиски увенчались находкой. Приведем текст этой копии:

«АТТЕСТАТ

По указу Его Императорского Величества дан Лейб-Гвардии от Кавказско-Горского полуэскадрона состоящему по кавалерии корнету Тутразу Шемурзаеву в том, что денежным Его Императорского Величества жалованьем из оклада по 165 рублей 75 коп. в треть удовольствован сего 1832 года майя по 11 число. За повышение же сих чинов 51 рубль 50 $^{3}/_{4}$ коп. при полуэскадроне удержаны и по принадлежности отправлены, в чем и дан сей с приложением полуэскадронной печати июня 8-го дня 1832 г.

Подлинный подписал полковник Султан Замат-Гирей*.

С подлинным верно: ротмистр Хан-Гирей»[1].

Особая ценность данного документа состоит в том, что это, пожалуй, единственный автограф выдающегося адыгского историка, хранящийся в нашей республике.

Кроме того, этот документ освещает страницу истории малокабардинской фамилии Шамурзаевых (Шемурзаевых, Шамурзовых), один из которых, корнет Тотраз, был сослуживцем Хан-Гирея по полуэскадрону.

Позже Тотраз Шамурзаев фигурирует уже в чине поручика в одном письме о купле-продаже крепостных крестьян. В 1834 г. в

---

*Султан Азамат-Гирей.

Кабарду был послан некто Елжа Амиров «для продажи своей собственной служанки и мальчика». Об их принадлежности Амирову знали уздени Батырмырза Ераставов, Сарамурза Шогенов, Тотраз и Батраз Шамурзовы и др. На подлинном письме приложены печати узденя поручика Тотраза Шамурзаева и подпоручика Джанбека Аматова[2].

Фамилия Шамурзаев упоминается и в переписке за 1868 г. Штабс-ротмистр Мустафа Шамурзаев обратился в комиссию по правам личным и поземельным Терской области с просьбой причислить его к узденям первой степени и наделить его земельным участком наравне с другими подобными узденями.

По сведениям начальника Ингушского округа, Шамурзаевы в сословном отношении могли быть приравнены к кабардинским узденям первой степени, поскольку они происходят «из кумыцких сала узденей, с давних пор селились в ауле Бековича, входившем в состав Кабардинского округа».

Просьбу Шамурзаева рассмотрел Кабардинский окружной народный суд и отказал ему, указав, что «он происхождения не малокабардинского и там не проживал»[3].

Решение суда станет более понятным, если отметим, что аул Бековича-Черкасского в 1868 г. входил в Ингушский округ[4].

УМАР ШЕРЕТЛОКОВ

Умар Шеретлоков – известный представитель шариатского суда в Кабарде. О нем написано немало, но все еще нет обстоятельного анализа и оценки его деятельности. Шеретлоков работал в Кабардинском временном суде с 1822-го по 1846 г. – со дня основания суда и до своего удаления в город Воронеж. Выходец из крестьян, Шеретлоков в конце 1830-х – начале 1840-х гг. сумел стать одной из известнейших личностей в Кабарде. Он удостоился чести быть представленным Николаю I в составе депутации, которой было вручено знамя кабардинскому народу в 1844 г.

В состав депутации, конечно, должен был быть включен и Якуб Шарданов, но в период противостояния с Шеретлоковым, которого поддерживал влиятельный князь Мисост Атажукин, он в угоду молве был освобожден от занимаемой должности и уже не принимал активного участия в политической жизни.

Популярностью Шеретлокова во многом объяснялось включение его Голицыным в состав депутации. 5 января 1844 г. он, характеризуя народного эфенди Кабарды, писал командующему войсками Кавказской линии и Черноморья, что фанатизм, который он «застал в полном разгаре в Кабарде, приметно ослабевает». При этом Голицын имел в виду переговоры, которые он «счел нужным иметь с ним», Шеретлоковым. Последний тогда говорил Голицыну, что «прежнее предположение домогаться шариата во всех возможных случаях оставляется им и что ни он, ни другой кто не осмеляется об этом упомянуть ни слова»[1]. Признание

Шеретлокова в том, что он домогался «шариата во всех возможных случаях», очень важно. Оно показывает, что чрезмерные претензии Шеретлокова расширить сферу влияния шариата были главной причиной решительного сопротивления ему Шарданова.

Вопрос о мотивах включения Шеретлокова в состав депутации специально не исследован. Однако этот факт следует признать необыкновенным и неожиданным шагом и для самой царской администрации на Кавказе. Можно сказать, что при прежнем достаточно нелестном отзыве Голицына о Шеретлокове вряд ли он был бы включен в число намечаемых кандидатов для поездки к царю, если бы не одно внешне случайное обстоятельство.

Шамиль, конечно, был осведомлен о противостоянии между Шардановым и Шеретлоковым. Ему не могли не импонировать действия Шеретлокова по усилению позиций шариата в Кабарде, что сближало ее с идеологией имамата. И вот Шамиль передает Шеретлокову свое послание в ходе подготовки депутации к царю. Об этом Голицын сообщал Гурко 7 ноября 1843 г. «Народный эфендий Широтлоков, – писал он, – представил мне полученное им от возмутителя Шамиля послание, в котором он ссылается на письма его, Шеретлокова, и других значительных кабардинцев и обещает посетить их с войском, благодаря между прочим за то, что шариат предпочитается им другому роду обслуживания дел. Я приписываю эту хитрость Шамиля не иному чему, как злости его на кабардинцев за то, что они не имеют ни малейшей доверенности к его возмутительным внушениям. Видя бесполезность их, он надеется очернить в мнении Российского правительства людей, более других преданных настоящему порядку вещей»[2].

Голицын немедленно доложил генералу Гурко и наместнику на Кавказе Нейдгардту. Последний 25 декабря 1843 г. разрешил, чтобы Шеретлоков ответил Шамилю письмом. Текст его был следующего содержания: «В ответ на послание Ваше поспешаю известить Вас, что завтра едет* с почтеннейшими из кабардинцев к Государю своему»[3].

Через несколько дней, 8 января 1844 г., Голицын доложил о результатах его предписания: «Я требовал от кабардинского народного эфендия Умара Шеретлокова, чтобы он дал ответ Шамилю на письмо, которое он получил от него и препроводил его мне в подлиннике. Готовность эфендия исполнить буквально мое требование достойно особенной похвалы: не отговариваясь нисколько от оного... вручил ответ свой, с которого точную копию в буквальном переводе, сделанном врагом эфендия (Шардановым. – *С. Б.*), при сем я имею честь препроводить... присовокупляю, что подлинное письмо послано мною вместе с ним к начальнику Северного и Нагорного Дагестана (Клюге фон Клюгенау. – *С. Б.*) для скорейшего доставления по адресу»[4].

Приведем буквальный перевод письма: «Молю Бога, Бога такого, который всем милость делает, чрез такого Бога надеюсь

*Так в тексте. Должно быть: «еду».

быть неизменным! Сие от хаджи Умара, эфендия кадия кабардинского народа, ученому и начитанному Шамилю поклон. Бога Вам и да простит Он Вам. Аминь! А потом получил я письмо Ваше, но не могу отвечать на письмо Ваше, потому что отправляюсь с почетными кабардинскими людьми к нашему царю Московскому на поклон. Курбана 1259 года (переводил секретно Шарданов хаджи)»[5].

Начальство, видимо, не вполне доверяло Шеретлокову, поэтому оно, чтобы убедиться в том, что́ им написано Шамилю, решило прибегнуть к услугам давнего противника кади Якуба Шарданова, что, между прочим, говорит и об авторитете последнего по сравнению с Шеретлоковым. Письмо-ответ Шеретлокова Шамилю, несомненно, утвердило Нейдгардта в мнении, что его следует включить, хотя бы по политическим соображениям, в состав депутации кабардинских князей и первостепенных узденей, отправлявшейся к императору.

В исследовательской литературе существует взгляд, согласно которому в Кабарде «действовали известные проповедники мюридизма и шариата эфенди Умар Шеретлоков и князь Мисост Атажукин». Они находились в переписке с Шамилем и прилагали *все усилия* «к возмущению Кабарды, тайно подстрекали к тому же закубанцев»[6].

Если в Кабарде не было других проповедников мюридизма, кроме Умара Шеретлокова и князя Мисоста Атажукина, следует отметить, что в Кабарде, по существу, не было проповеди мюридизма. Проповедь шариата, которой по оплачиваемой царскими властями должности наравне с жалованьем секретаря Кабардинского временного суда занимался кади Умар Шеретлоков, не говорит о проповеди мюридизма. А его демонстративный ответ Шамилю и поездка в 1844 г. к царю недвусмысленно свидетельствуют о направленности и характере его религиозной деятельности: она *свободна* от мюридизма, т. е. газавата.

Во время похода Шамиля в Кабарду Шеретлоков проявил нерешительность, занял неугодную начальству позицию, и был арестован. Голицын 30 апреля 1846 г. предписал воинскому в Нальчике начальнику штабс-капитану Шмакову: «Во исполнение воли Его Сиятельства господина главнокомандующего я сего числа заарестовал народного эфендия Умара Шеретлокова и поместил его, за неимением свободной и безопасной гауптвахты, в дом адъютанта моего штабс-капитана Данилова, приказал нарядить караул, состоящий из тридцати человек днем, с прибавлением еще пятнадцати на ночь, которые, окружив весь означенный дом, должны неослабно блюсти за арестантом. На Вашем Благородии в качестве военного начальника лежит полная ответственность, дабы Умар Шеретлоков не мог освободиться из-под стражи, почему покорнейше прошу Вас проверять, сколько можно чаще, часовых и усугубить предосторожности на всех пунктах форштата, чтобы не могло быть сделано извне покушения на освобождение арестанта»[7].

Шеретлоков не был замечен в связях с Шамилем, за ним не было особой вины, но начальство сочло за лучшее временно удалить его из Кабарды и выслать в город Воронеж.

О дальнейшей его жизни нам мало известно. Мы знаем, что, по ходатайству наместника Кавказа М. С. Воронцова, император 18 марта 1848 г. разрешил Умару Шеретлокову оставить Воронеж, и в том же году он возвратился в Кабарду. Об этом говорит жалоба князя Хамурзы Эльбуздукина от 14 октября 1848 г. Он, в частности, писал: «Эфенди Шеретлоков, прибывший с Воронежской губернии на жительство в Кабарду, начал оказывать насилие. Он выстроил зимовник для скотоводства и набрал чужого сена немалое число ароб, признавая землю, принадлежащую мне, своей собственной»[8]. Умар Шеретлоков был женат на дочери узденя Тамо, ранее бывшей замужем за покойным Хажи Мусой Таовым. Земля, о которой говорил Эльбуздукин, принадлежала узденю Тамо. Поскольку мужская линия Тамо пресеклась с его смертью, земля, оставшаяся после него, принадлежала, по словам Шеретлокова, его жене. Князь ставил этот вопрос еще перед Голицыным, но он не был решен в связи с походом Шамиля в Кабарду. Сведения Эльбуздукина особенно ценны содержащимся в них указанием на то, что Умар Шеретлоков был женат на дочери Тамо. Чтобы понять, в чем состоит его значение, сначала проследим родословную Тамо.

Напцо и Тамо Боташевы из Таусултановой фамилии переселились в Большую Кабарду, где они получили землю в подарок от князя Эльбуздукина. Напцо стал родоначальником Напцовых, а Тамо – Тамовых. Фамилия Боташевых в сословной иерархии Кабарды издавна считалась принадлежащей к дижиныго, а в 1863 г. даже была причислена к тлекотлешам[9]. Что касается Умара Шеретлокова, то его родословная прослеживается в прошении крестьянина Тура Бадракова (Бодракова), с которым он в 1848 г. обратился к Беклемишеву. Бадраков жаловался на сыновей бывшего народного эфендия Хажи Умара Шеретлокова – вольноотпущенника первой степени узденя Магомета Шеретлокова, «который хвастливо именовался прозванием владельца своего, оставя он свое прозвание Гогутхова»[10].

В связи с этим отметим и другой факт. В 1825 г. в Кабарде существовал лишь один аул по имени Шеретлокова – это аул узденя третьей степени Умара Шеретлокова. В нем проживал и другой представитель этой фамилии – малолетний уздень третьей степени Магомет Шеретлоков. Свидетельство Бадракова порождает вопрос: может быть, об этом Магомете Шеретлокове упоминал Бадраков, имея в виду, что он преувеличил сословное положение? Если это было так, почему аул стал называться не именем Магомета Шеретлокова, а его вольноотпущенника Умара? Впрочем, возможно, что отец малолетнего Шеретлокова был тем самым, кто из рода Таовых когда-то назвал себя Шеретлоковым. Об этом в 1872 г. писал житель а. Конова уздень первой степени Жанхот Таов в прошении наместнику Кавказа: «Отец мой

Эдык Таов имел аул своего имени, впоследствии названный Шеретлоковым из одного лишь того, что брат его назван был этим именем*. Все это было еще почти, можно сказать, до смут, в Кабарде существовавших»[11] (т. е. до 1825 г. – *С. Б.*). Не исключено также, что Жанхот Таов имел в виду другого Шеретлокова. Как бы то ни было, женитьба мелкого узденя на девушке из высшего сословия есть явление исключительное, не допускавшееся обычным правом.

В связи с фамилией Шеретлоковых в Кабарде существует мнение, что она восходит к шапсугскому тлекотлешскому роду Шеретлуковых [12]. В этом случае пришлось бы допустить, что тлекотлеш мог сделаться мелким узденем, как эта фамилия зафиксирована в «Ведомости...» Я. Шарданова.

О месте жительства Умара Шеретлокова в конце 1840-х – начале 1850-х гг. Кабардинский временный суд в 1848 г. сообщал, что «эфенди Хажи Умар Шеретлоков поселился на... землю по левому берегу Черека с аулом узденя Догужокова с разрешения начальства на общих правах в Кабарде»[13]. Процитируем и другой опубликованный документ. Князь Бекмурза Казиев 1 июля 1851 г. писал генералу Эристову: «Проживающий в собственном моем ауле Казиева мулла из вольноотпущенных собственным моим узденем Шеретлоковым эфенди Шеретлоков занимает обязанность по обряду нашему наставником к богослужению...»[14].

В связи с жалобой князя Казиева Ч. Э. Карданов осторожно замечает: «...мне не удалось ответить на вопрос, идет ли речь о бывшем народном эфенди Кабарды Хаджи Умаре... или о его сыне мулле Исхаке Шеретлокове»[15]. По сведениям Кабардинского временного суда за 1849 г., Умар Шеретлоков поселился на землю рядом с аулом узденя Догужокова. Этот факт дает основание сказать, что Шеретлоков по каким-то причинам, может быть, из-за тяжбы с князем Эльбуздукиным, переселился на новое место «с разрешения начальства». А в жалобе князя Казиева речь идет о временно проживавшем в его ауле и исправлявшем в нем должность муллы старшем сыне Умара, Исхаке Шеретлокове, имевшем свидетельство на право быть муллой. Мы имеем в виду и просьбу Казиева удалить непослушного муллу из его аула «в другой аул». Если бы здесь говорилось об Умаре Шеретлокове, то наверняка было бы сказано, чтобы он вернулся в свой аул. К тому же зачем бы ему быть эфенди (муллой) в чужом ауле, когда он мог заниматься тем же в своем ауле?

Сам факт существования в том же 1851 г. аула Шеретлокова подтверждается документом. Генерал-майор Эристов сообщал Кабардинскому временному суду: «Бывший народный эфендий Шеретлоков просил дозволения моего переселиться выше около теперешнего своего аула»[16].

---

*До укрупнения аулов, т. е. до 1865 г., по Череку располагался и другой аул – Мусы Таова. Он назывался также Темтыровым. В 1857 г. переселился на Черек выше укрепления. Вошел в аул Докшукина.

Кроме того, когда в документах упоминалось об Умаре Шеретлокове, его имя обыкновенно сопровождалось титулом *народный эфендий* или каким-нибудь другим словом, указывавшим именно на его особу, например, *кадий Шеретлоков, Хажи Умар эфендий, Хажи Шеретлоков* и т. п. Кроме этого, в начале 1850-х гг. Умар Шеретлоков уже был в почтенном возрасте, чтобы наниматься муллой, да и вряд ли он после своей громкой должности пошел бы на это.

В 1858 г., до начала массового переселения кабардинцев в Турцию, составлялись обширные списки желающих отправиться в Мекку. В одном из них числится Хажи Умар Шеретлоков, которому исполнялось 90 лет[17]. Дата рождения написана по-русски, видимо, самим Шеретлоковым, и преувеличена лет на десять. По материалам Якуба Шарданова, он родился в 1780 г. Если и исходить из этого, Шеретлокову в 1858 г. было 78 лет, а в 1851 г. ему исполнился уже 71 год. И этого возраста достаточно, чтобы находиться на заслуженном отдыхе.

В литературе отмечено, что «во второй половине XIX века Умар Шеретлоков переселился в Турцию». Список желающих переселиться в Турцию, где отмечен Умар Шеретлоков, еще не говорит о том, что он в том же году переселился туда. Прошение Бекмурзы Иналова к Орбелиани от 31 мая 1860 г. устанавливает дату переселения престарелого Умара Шеретлокова в Турцию. Он писал: «20 лет тому назад, как родной отец мой, Асламбек Иналов, отдал на время в услужение ефендию Умару Широтлокову 2-х холопок по уважению к тому, как мать моя воспитывалась у него... ныне же он отправляется а Турцию»[18].

Несколько слов о сыновьях Умара Шеретлокова после их переселения. Канцелярия начальника Терской области 4 апреля 1866 г. сообщала начальнику Кабардинского округа: «Турецкий поверенный при Высочайшем дворе обратился в Азиатский департамент с нотой, в которой, изъясняя, что Хаминет Махмед-Али-Хаджи Омер и сын его, отправившиеся в Турцию по паспортам, выданным им в прошлом 1865 г. в Терской области, выполнили все формальности, нужные для приобретения подданства, и желают прибыть на родину для продажи своего имущества и взятия с собой семейства, прося навести справку, удобоисполнимо ли их желание. При этом Азиатский департамент в предписании дипломатической канцелярии наместника Кавказского присовокупил, что первому из вышеупомянутых лиц выдан паспорт за № 2735 на имя жителя Большой Кабарды Канамата Шеретлокова, а второму за № 5464 на имя сына Шеретлокова Аслан-Гирея»[19].

Канамат Шеретлоков, о котором здесь говорится, третий сын Умара Шеретлокова. Начальник округа, препроводивший полученный им отзыв начальнику Черекского участка поручику Ладыженскому, получил от него уведомление: «Семейство Канамата Шеретлокова, оставшееся за отъездом его в Турцию, состоит из жены его Фердаус – 45 лет, сыновей: Магомет-Гирей – 16 лет, Ибрагим – 9 лет, Хаджи Измаил – 8 лет и дочерей: Муслим – 7 лет

и Пашахан – 5 лет. На вопрос мой старших членов, желают ли они последовать за принявшим турецкое подданство Канаматом Шеретлоковым, ответили полным согласием. Холопья же Канамата Шеретлокова – два семейства, состоящие из 7 душ, ни под каким предлогом и ни при каких условиях не соглашаются следовать за своим господином. Факт этот может служить побудительной причиной к явке Канамата в Большую Кабарду для какого-либо рода окончательной сделки со своими холопами». На рапорте участкового начальника сделана такая надпись: «Ответить канцелярии, что препятствий к прибытию Канамата Шеретлокова никаких не имеется, а Ладыженского просить отобрать от холопей Шеретлокова подписку в том, что они ни под каким видом не последуют со своим господином в Турцию, и таковую представить в округ»[20].

«ПРЯМОДУШНЕЙШИЙ ИЗ КАБАРДИНЦЕВ»

«Давлет-Гирей Тамбиев – прямодушнейший из кабардинцев. Народ питает к нему неограниченную доверенность, которую он заслуживает вполне, исполняет с примерной добросовестностью трудные обязанности, сопряженные с званием депутата. Всякое улучшение по хозяйству принимается им с признательностью и сообщается народу. Скорым введением садоводства и посевов разного хлеба я обязан Давлет-Гирею Тамбиеву, и если край быстро подвигается на пути улучшений, то ему он в том много обязан», – так лестно отозвался в 1843 г. начальник Центра Кавказской линии генерал-майор князь Голицын об одном из наиболее известных в его время общественных и культурных деятелей Кабарды.

В госархиве КБР сохранилось немало прошений Тамбиева по самым различным вопросам общественно-политической и культурной жизни. Давлет-Гирей Тамбиев боролся за сохранность памятников материальной культуры на территории Кабарды. В частности, он 11 ноября 1841 г. просил начальство «приказать воинскому начальнику Минаретского укрепления, чтобы никто не смел из жителей ломать памятник, состоящий близ того укрепления, за поломку оного, кто это учинил, приказать поправить»[1]. Замечательный документ, свидетельствующий о высокой духовной и нравственной культуре передовых кабардинцев.

В другом своем рапорте из Баксанского укрепления Голицыну от 9 декабря 1845 г. Тамбиев писал: «Мать Ахмеда Кумухова Залиха жалуется мне, что по отправлении сына ее Ахмеда в Москву для обучения часовому мастерству семейство ее, состоящее из престарелой матери и жены сына ее Ахмеда с двумя малолетними дочерьми, не имеет совершенно никакого пропитания затем, что живут в отделе от отца Ахмеда Кумукова Магомета, о чем Вашему Сиятельству на благоусмотрение сим донести честь имею». Голицын посчитал, что изложенное Тамбиевым не касается его, и возразил: «Так [как] Ахмед Кумуков обучается для

пользы кабардинского народа, то народ и обязан поддерживать его семейство». В подобной обстановке другой не стал бы возражать начальству, которое редко переменяло свое решение, но Тамбиев не опустил руки и 3 февраля 1846 г. снова обратился к Голицыну: «...я вторично покорнейше прошу... ближайшего начальника определить или исходатайствовать, где следует, содержание семейству Кумукова»[2].

Переписка заслуживает внимания и в том смысле, что факт посылки человека в Москву для обучения часовому мастерству говорит, что среди кабардинцев в 40-х годах часы уже не были редким явлением.

Следует подчеркнуть, что Ахмет Кумыков был одним из первых, а пожалуй, и первым коренным часовым мастером в Кабарде. Говоря столь категорично, мы имеем в виду документ, датируемый двумя годами ранее описываемого времени. В 1843 г. по поручению командующего войсками составлен список служителей мусульманского духовенства в Кабарде и Балкарии – выходцев из Дагестана. В аулах Кучмазукина и Лампежева служил эфенди Магомет, переселившийся в Кабарду «по случаю смертоубийства, им совершенного за 25 лет тому назад». В списке отмечено, что он «единственный во всей Кабарде часовой мастер»[3].

Личность Кумыкова примечательна и в другом отношении. Вот что в 1859 г. сообщал Орбелиани коллежскому советнику Головинскому: «...по принятию мною в конце 1857 г. вверенного мне округа, я тогда же, смотря на оспопрививание как на меру, благодетельную для народа, распорядился вызовом охотников к обучению означенному искусству и отправил в Горский полк одного из кабардинцев, часового мастера Ахмета Кумыкова, который, пробыв в Екатеринограде под руководством полкового медика Приселкова слишком два месяца, возвратился оттуда в апреле 1858 г. с достаточным знанием, снабженный необходимыми для этого руководствами...» (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1882, л. 17).

Орбелиани – медику Приселкову от 8 апреля 1858 г.: «Получив лестный отзыв Ваш от 30 минувшего марта за № 51 об успехах узденя Кумыкова, который в столь короткое время под Вашим руководством приобрел познание в оспопрививании, я имею честь благодарить Вас за труд...» (Там же, л. 12).

31 октября 1857 г. Орбелиани обратился к командиру Горского казачьего полка Товбичу с просьбой «завести в Кабарде оспопрививателей». Зная, что уздень Кумыков учился два месяца, а об окончании учебы сообщалось 30 марта 1858 г., можно сказать – он приступил к занятиям в конце января 1858 г. Остается добавить, что уздень Ахмет Кумыков, пожалуй, первый аттестованный врач кабардинец, проживал в ауле Иналова (Там же, л. 9–10).

Вместе с тем нельзя забывать, что мир обязан черкешенке своей победой над оспой. «Как много мы обязаны... черкешенке, – вспоминал К. А. Гельвеций в 1758 г., – которая, желая сохранить свою красоту или красоту своих дочерей, первая решилась привить себе оспу! Может быть, нет ни одной основательницы мона-

шеского ордена, которая оказала бы миру столь же великое благодеяние и тем самым заслужила бы его благодарность» (см.: Культура адыгов / Сост. Х. М. Казанов. Нальчик, 1983. С. 184–185, 248, 252).

Возвращаясь к деятельности Тамбиева, укажем, что в списке лиц высшего сословия, куда было записано его семейство, о нем сказано: «В службе с 1822 г. и с того времени по 1852 г. народным депутатом по день смерти»[4]. В этой пометке верно то, что Давлет-Гирей службу начал в 1822 памятном году, а что касается времени его смерти и прекращения деятельности в качестве народного депутата, дата 1852 г. указана ошибочно. На самом деле Тамбиев вышел в отставку в 1842 г. На это указывает предписание Головина Граббе от 14 августа 1842 г.: «Узденя 1-й степени Давлет-Гирея Тамбиева, представляемого Кабардинским временным судом к увольнению по болезни, от звания народного депутата разрешаю уволить и утверждаю на его место в то же звание штабс-ротмистра Казильбека Кармова». Далее Головин сообщал о своем намерении ходатайствовать «о награде, испрашиваемой Тамбиеву за долговременную усердную службу»[5]. Повеление командира корпуса было сообщено Тамбиеву и Кармову в сентябре 1842 г.

В связи со смертью Давлет-Гирея Тамбиева 1 июня 1851 г. княгиня Кабахан Наурузова сообщала Эристову о бедственном положении сына Давлет-Гирея Тамбиева Атажуко* и дочери Мессерхан. Обращение княгини было вызвано тем, что братья Давлет-Гирея Батгирей и Мурзабек добивались переселения сирот с ними вместе в окрестности Старобаксанского укрепления**. Наурузова просила начальника разобраться и сделать распоряжение об оставлении сирот в собственном их доме и «того же аула (аул вдовы Тамбиевой. – *С. Б.*) кабардинца Ашира Алокова тоже оставить с ними вместе»[6]. Княгиня Кабахан обещала взять детей Давлет-Гирея «под свое видение», ввиду их бедности. «Бедное положение» детей – таким осталось наследство Давлет-Гирея Тамбиева – бессменного «депутата кабардинского народа».

В прошении к Грамотину от 10 августа 1853 г. Батгирей, касаясь семейства покойного, пояснял, что он «взял в замужество оставшуюся после него жену и принял к себе для воспитания и призрения сына и четыре дочери, из коих первый и две из последних глухонемые». Из слов Наурузовой неясно, почему она просила оставить Алокова вместе с детьми Давлет-Гирея. Батгирей указывал, что Али, Салиман и Керим Алоковы их вольноотпущенники. Ашир Алоков, будучи их родственником, по обычаю, должен был проживать там же, где и Тамбиевы.

---

*По данным за 1871 г. известно, что Атажуко был немым. На своем прошении он поставил печать отца, на которой написано: «Давлет-Гирей Тамбиев депутат кабардинских народов с 1822 года» (ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 23, л. 105 об.).

**У Давлет-Гирея была жена по имени Хани. После смерти мужа она просила начальство (Эристова) избавить ее от домогательства Батгирея, который, по ее словам, хотел сожительствовать с ней.

О дате смерти Давлет-Гирея. В 1847 г., «во время существования холеры в народе», Давлет-Гирей заключил со своим родным братом корнетом Батгиреем (Батыр-Гиреем) Тамбиевым «законный акт на арабском языке». Братья обязывались, в случае смерти одного из них, взять «на опекунство движимое и недвижимое имение до совершенного возраста малолетних детей». Давлет-Гирей Тамбиев – пожизненный «депутат кабардинских народов» – 12 ноября 1850 г. сообщил о заключенном им с братом договоре генерал-майору Эристову.

На этот шаг Давлет-Гирей пошел не только из-за холеры. Единственный сын его (18 лет) и дочь (13 лет) были «глухи и немы» (вспомним, Батгирей указывал, что две дочери глухи и немы). А по обычаям, при отсутствии «благонадежных наследников», как указывал Давлет-Гирей, «действительно следует принять на опекунство имение». Поэтому он сообщал начальнику, что «при живности своей утвердил предохранителем наследства» своего родного брата корнета Батгирея Тамбиева.

В момент подачи рапорта Давлет-Гирей был уже тяжело болен и вскоре скончался. Это видно из резолюции генерал-майора Эристова от 2 декабря 1850 г. на рапорте Тамбиева. Препровождая его в Кабардинский суд, он предписал: «Дознать через свидетелей: действительно ли прилагаемый акт о принятии имения под опеку составлен был с согласия умершего народного депутата и брата его, Батгирея Тамбиева?»[7]. Как видно, смерть Давлет-Гирея Тамбиева последовала между 13 ноября и 2 декабря 1850 г., скорее всего в конце ноября.

МАГОМЕТ И ДМИТРИЙ КОДЗОКОВЫ

Жизнь и деятельность Д. С. Кодзокова – видного общественно-политического и культурного деятеля Кабарды второй половины XIX в. изучены довольно основательно, но об отце его Магомете Кодзокове известно очень мало. В списке воинских чинов, служивших в лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне в 1832 г., наряду с оруженосцем Шорой Бек-Мурзиным (Ногмовым), числится юнкер Магомет Козухов[1]. Кто же скрывается под этой фамилией? Известно, что Магомет Кодзоков служил в полуэскадроне вместе с Хан-Гиреем и Шорой Ногмовым. Отсюда можно заключить, что Магомет Козухов и Магомет Кодзоков – одно и то же лицо. Фамилия Магомета Кодзокова в документах встречается по-разному. В перечне военных чинов, составленном не позже 1849 г., упоминается корнет Магомет Кодзоков, а рядом с этой фамилией в скобках сделана пометка: «Он же Козухов». Пояснение дает основание предположить, что фамилия Кодзоков была вторичным, русским, вариантом родовой фамилии Козухов (Кузуков).

Аул, в котором родился Магомет Кодзоков, неизвестен. Установлено, что он умер в «своем доме, в ауле Абукова», распо-

лагавшемся на реке Куме (ныне с. Первомайское Ставропольского края)[2]. По сведениям Мисоста Абаева, «Кодзоков (Дмитрий Степанович. – *С. Б.*) – сын простого бедного кабардинца аула Тамбиевского»[3]. Конечно, нельзя согласиться, что Кодзоков – сын простого кабардинца, иначе его отец Магомет не был бы допущен в состав Кавказско-Горского полуэскадрона, куда отбирались только представители высших слоев народа. Кудашев писал, что «Кодзоков (Дмитрий Степанович. – *С. Б.*) происходил из узденей второй степени (беслен-уорков)»[4]. Однако нет оснований не верить Абаеву, когда он утверждает, что Дмитрий Кодзоков родился в ауле Тамбиева, каковых, по сведениям Хан-Гирея, было шесть. А это уже означает, что Магомет Кодзоков в 1818 г., считающемся датой рождения его сына Лукмана, проживал в одном из аулов Тамбиевых. И все же это не означает, что Магомет Кодзоков жил в том ауле продолжительное время. В 1821–1825 гг. населенные пункты Кабарды часто переселялись с одного места на другое, а жители переходили из аула в аул.

Где же могли жить Кодзоковы? По сведениям шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, в 1838 г. «на Балке», т.е. на реке Малке, проживали Кармовы, Тамбиевы, Кодзоковы и Бекмурзины[5]. Понятие «на Балке» не столько широкое, сколько *длинное*. Говоря о Кодзоковых и Бекмурзиных, Бенкендорф, несомненно, имел в виду Магомета Кодзокова и Шору Ногмова, которых он знал лично по службе, а последний в 1838 г. и до последних дней имел *прописку* в ауле Кармово, располагавшемся на реке Малке близ Известнобродского поста. Нетрудно сделать вывод, что Бекмурзины и Кармовы, о которых писал Бенкендорф, были односельчанами. Логично было бы предположить, что и Кодзоковы (а заодно с ними и Тамбиевы, о которых писал М. Абаев), если не проживали с ними в одном ауле, все же находились где-то рядом, под «Бечтовыми горами».

В исследовательской литературе, кроме уверенного предположения, не подкрепляемого хотя бы косвенными данными, не сказано конкретно, каким образом и при каких обстоятельствах маленький Лукман попал в Москву. П. Бартенев ограничивался констатацией того, что «Мария Алексеевна привезла с Кавказа, куда ездила на воды, мальчика-черкеса Лукмана». По сведениям Шатилова, мальчика-черкеса «мать Алексея Степановича (Мария Алексеевна Хомякова. – *С. Б.*) взяла к себе на воспитание», а Ираклий Андроников, как и Бартенев, отмечал, что Мария Алексеевна привезла в Москву с Кавказа «мальчика-черкеса Лукмана»[6].

Мы можем внести в эту проблему пока лишь одну ясность: с каких именно «минеральных вод» был взят Лукман Кодзоков Марией Алексеевной.

Обратимся к документу. В 1834 г. хорунжий Солнушкин* док-

*Вероятно, начальник Беломечетского поста; в 1834 г. он занимал эту должность.

ладывал полковнику Пирятинскому, как он по его приказанию съездил на Известнобродский пост, что на Малке, для расследования обстоятельств одного происшествия, с которым были связаны жители Бабуковской станицы Бекир Калюв (Калов) и Куденет Купсергенов (Хупсергенов).

В донесении хорунжего Солнушкина нас в связи с этим интересует то обстоятельство, что оба они были временно задержаны «узденем Абезыванова аула Идрисом Козуковым и отданы начальнику поста Известного брода хорунжему Коновалову»[7]. Ниже будет сказано, что у Магомета Кодзокова был брат, которого звали Идрис. Упоминаемого Солнушкиным жителя аула Абезыванова узденя Идриса Козукова мы отождествляем именно с ним.

Известно и то, что аулы Абезыванова, Кармова и Аджиева до 1828 г. располагались «под Бечтовыми горами», а на Малку у Известного Брода переселились лишь в 1828 г. Следовательно, в ауле Абезыванова, находившемся вблизи Пятигорска, Кодзоковы проживали в 1824 г., когда, как установлено Т. Х. Кумыковым, маленький Лукман был взят с «вод». Теперь уже можно сказать, что Магомет Кодзоков и Мария Алексеевна познакомились на пятигорских водах, в результате чего малолетний Лукман был отдан Марии Алексеевне, а несколько позднее, благодаря контактам с русскими военными и, не в последнюю очередь, с гражданскими лицами, жители этих трех аулов Магомет Кодзоков, Шора Ногмов, Шу и Казыльбек Кармовы поступили на русскую военную службу.

Изложенным еще не вполне доказано тождество узденя аула Абезыванова Идриса Козукова и упомянутого узденя Идриса, брата Магомета Кодзокова.

Доказательство лучше, чем предположение. 17 октября 1839 г. при невыясненных обстоятельствах от выстрела из пистолета скончалась дочь Шарданова Фати, в замужестве Аджиева. К следствию по этому делу привлекался широкий круг лиц, в том числе немало жителей а. Кармова*, где проживала покойная. Представитель Кабардинского временного суда в 1843 г. составил в связи с убийством, как тогда говорили, *сказку*. В ней отмечалось: «Мы, нижеподписавшиеся почетные старики аула гг. узденей Кармовых, Абезыванова и Аджиева, удостоверяем... Почетные старики аула Кармова... Мустафа Кармов, Хачи Коцоков... Темирука Афаунов, Беслан Балов... Аиса Абидов, Теважуко Балагов... Бичир Машуков... Исакан Хажнагоев, Аширле Картов...». А удостоверяли они своими подписями добропорядочность вольных Бишара Тишкова («Башора сын Тишко»), «крикуна» Мустафы Бирсова и крестьянина Ашахмата Товажукова, которые давали показания [8].

Однако для нас здесь главное в другом. Среди почетных стариков аула Кармова значится Хачи Коцоков, он же «Хажи Индрис

---

*Аулы Кармова, Абезыванова и Аджиева на Малке располагались смежно, поэтому в документах и даже на некоторых картах назывались одним аулом Кармова, иногда – Аджикармова, т. е. аулы Аджиева и Кармова.

Асланов Кодзоков»[9]. Теперь приведем выдержку из письма Дмитрия Кодзокова А. С. Хомякову от 20 августа 1839 г.: «На днях ездил я в аул, отстоящий на 6 часов езды от Пятигорска... Я никак не ожидал такой радости и ласки, какими встретили меня дикие мои родственники... Дядя мой (хаджи и ефенди) не отходил, одним словом, все были рады и благодарны»[10]. «Почетный старик», т. е. узденъ из аула Кармова Хачи Коцоков («Хажи Индрис Асланов Кавдоков» (Кодзоков) – это Хаджи Кодзоков, а дядя Хаджи, о котором писал Дмитрий Степанович Кодзоков, – это Хаджи Идрис Кодзоков*, о ком будет рассказано несколько ниже. Следовательно, в 1838 г. родные Дмитрия Кодзокова проживали в ауле Кармова, куда входили аулы Абезыванова и Аджиева.

Об этом же говорит и билет, выданный в 1847 г. жителю «аула Кармова узденю Индрису Кодзокову»[11]. Однако более конкретно о месте жительства Кодзоковых свидетельствуют другие документы. Так, в хронике за 1847 г. есть сведения о выдаче билетов на право проезда узденям Каре Машукову, Асламбеку Апсову и кабардинцу Магомету Шогенову из «аула корнета Магомета Кодзокова». Они увольнялись в «Закубань в аул Хагундоков для продажи красного товару». Следовательно, где-то существовал аул, принадлежавший корнету Магомету Кодзокову.

Но где? На вопрос отвечает запись в журнале регистрации от 11 декабря 1847 г. В этот день был выдан «билет аула корнета Казокова на Малке» узденю Ахмеду Казокову. Он направлялся «верхом с оружием на Джегуту по своей надобности» сроком на 25 дней. Другой пример. В том же году несколькими днями раньше был выдан билет жителю «аула корнета Магомета Кодзокова» отмеченному выше узденю Асламбеку Апсову[12] (кстати, отсюда следует, что Кодзоков после отставки еще некоторое время проживал в Большой Кабарде).

Итак, можно считать установленным, что к 1847 г. у Кодзоковых был, как в то время говорили, аул своего имени, и, вероятно, в аул имени своего отца направился в 1839 г. Кодзоков из Пятигорска. А тот факт, что Кодзоковы в одних документах зафиксированы как жители аула Кармова, говорит лишь о том, что оба аула – Кармова и Кодзокова, равно аулы Абезыванова и Аджиева, – находились в районе нынешнего Пятигорска так близко, что часто между ними не делалось различий.

Владельцем аула Кармова был упомянутый Мустафа Кармов. Его сын, Казыльбек Кармов, известный в кругу офицеров Кабарды своей последовательной прорусской ориентацией, Магомет Кодзоков и Шора Ногмов не случайно одновременно, в 1830 г., вступили в лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон. Этим фактом объясняется и многое в доброжелательных отношениях Дмитрия Кодзокова к своему старшему современнику Шоре Ногмову и его сыну Эрустану.

Как отмечено, Магомет Кодзоков жил в ауле Абукова, но

*Отсюда можно сделать вывод: деда Дмитрия Кодзокова звали Аслан.

когда он туда переселился? Чтобы ответить на вопрос, надо проследить историю самого аула. В переписи населения Кабарды 1825 г. не значится аул Абукова, но в ауле князя Мисоста Атажукина, находившемся на реке Малке, проживало одно семейство узденя 2-й степени Хажи-Солемана Абукова, не имевшее ни крепостных, ни вольноотпущенников. Среди членов семейства Абуковых есть его племянник, будущий владелец будущего аула Атажуко, сын Мусы Абукова. Ему исполнялся 31 год. Когда Атажуко получил право основать свой аул, неизвестно, но это произошло позднее 1839 г. Атажуко Абуков 23 марта 1839 г. писал начальнику Центра Кавказской линии: «Я со своими подвластными моими холопьями... водворился на р. Чегеме во владения князей Атажукиных, которым вношу ежегодно за необходимую для хлебопашества и скотоводства землю значительный платеж»[13]. Вносить «ежегодно» плату за землю – значит пользоваться ею, по крайней мере, несколько лет.

Перепись населения, в которой указан аул Мисоста Атжукина на Малке, закончена в январе 1825 г., а в октябре того же года произошло крупное восстание, за которым последовали неизбежные переселения аулов и жителей из аула в аул. По-видимому, в это время или намного позднее Кодзоковы могли оказаться в а. Тамбиева, о чем писал Мисост Абаев. В 1844 г. а. Хатажука (Докшука) Абукова находился «на левом берегу реки Баксана выше укрепления Баксанского»[14]. В тот же период, предположительно в его же окрестностях, находился аул другого Абукова – прапорщика Магомета[15]. Во второй половине 40-х годов аул Абукова находился также на Баксане. Этот факт зафиксирован в отзыве начальника штаба отдельного Кавказского корпуса от 27 августа 1846 г. В нем говорится: «Состоящий по кавалерии штабс-капитан Атажуко Абуков, принадлежащий, как известно Вашему Превосходительству, по происхождению своему к алтыкнесекским (алтыкесекским. – *С. Б.*) абазинцам и проживающий теперь с подвластным ему аулом в Большой Кабарде на р. Баксане, подал г. главнокомандующему прошение о дозволении ему переселиться на свободную землю между Боргустанскою станицею и постом Хахондуковским, обязуясь при этом построить в Кисловодске каменный дом с железною крышею»[16].

Прошение Абукова сначала вызвало сопротивление начальника Центра Кавказской линии Хлюпина. Он опасался, что это переселение может подтолкнуть к таким же действиям и другие абазинские аулы, находившиеся в Кабарде и желавшие также перебраться на Кубань или на Куму. При этом Хлюпина беспокоила возможность того, что «абазинцы, составив новое общество между закубанцами и кабардинцами, легко могут способствовать тем и другим в вредных для нас сношениях».

Однако для Абукова было сделано исключение, учитывая его преданность России и заслуги. Из документов видно, что «Атажуко Абуков состоял при Ермолове вожаком в 1822 г. во время походов на Кубань и в Кабарду». В 1824 г. он также был «вожа-

ком у генерала Ермолова от Нальчика до Владикавказа при открытии новой Военно-Грузинской дороги». Во время восстания кабардинцев многие бежали за Кубань, а другие скрылись в Аргуданском, Чегемском, Баксанском, Нальчикском и Малкинском ущельях. Генерал Вельяминов выбрал Абукова посредником «для усовещания и склонения их к спокойству». Абуков также участвовал в 1829 г. «при движении российских войск под началом генерала Эмануэля» в Карачай.

К услугам Абукова в 1826 г. прибегал и полковник Швецов. Он послал его в Анапу «для разузнания, есть ли там турецкие войска». Абуков «поручение оправдал похвально и в совершенной точности, за что удостоился получить от генерала Эмануэля в подарок и в награду тридцать пять червонных». Использовал Абукова и полковник Коцарев, который в 1827 г. направил его к чеченцам, карачаевцам и закубанцам «для разузнания о их намерениях», за что он удостоился в том же году чина прапорщика. Кроме всего прочего, Абуков в 1829 г. был проводником Эмануэля «при следовании его к горе Эльбрусу». Положительно рассматривая вопрос о переселении Абукова на Куму, начальство принимало во внимание еще одно немаловажное обстоятельство. Вражда, которую испытывал подполковник Мисост Атажукин к Атажуко Абукову, могла вызвать «разные беспорядки»[17].

Просьба Абукова была удовлетворена, и он получил участок земли «между станицей Боргустанской и постом Хахондуковским». Ему разрешили переселиться «с его родственниками, холопьями, вольноотпущенниками его и теми из вольных, которые с давних лет проживают в его ауле, остались от бежавших или умерших без наследников и не принадлежащих никому из владельцев, проживающих в Кабарде»*.

Кодзоковы, возможно, находились в родственных отношениях с Абуковыми. Дмитрий Кодзоков писал А. С. Хомякову в 1839 г.: «Надо сказать, что я как старший в роде могу взять титул Бекмурзин и называться Абуковым. Ибо предок был Абук»[18]. Однако нельзя на этом основании категорично утверждать, что Абук, о котором говорил Кодзоков, и Абуковы — один и тот же род Абуковых.

Корнет Кодзоков вышел в отставку в 1846 г., а не в 1848 г., как пишет Т. Х. Кумыков[19]. Из штаба войск Кавказской линии и Черноморья 12 октября 1846 г. поступил запрос на имя начальника Центра Кавказской линии. «Немедленно отправить в штаб г. главнокомандующего формулярный список о службе спущенного из Горского казачьего полка в дом свой корнета Магомета Кодзокова». Вместе с тем сообщалось, что он «в числе других представлен к награде»[20].

Отставка Кодзокова и его соратников по лейб-гвардии имеет

---

*Аул прапорщика Магомета Абукова не переселился на Боргустан вместе с аулом Атажуко Абукова, а остался на Баксане (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 136, л. 9 об.).

свою предысторию. 11 мая 1846 г. временно командующий войсками на Кавказской линии и Черноморья генерал-лейтенант Завадовский сообщил начальнику Центра Кавказской линии: «Вследствие представления наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска и согласно разрешению г. главнокомандующего, я вместе с сим представил генерал-лейтенанту Николаеву спустить в дом свой прикомандированного к Горскому казачьему полку корнета Магомета Кодзокова, так как он на основании Высочайшего повеления, состоявшегося 6 сентября 1844 года, и не неся в линейном войске службы, имеет право на получения жалованья.

Сообщая об этом Вашему Сиятельству, для сведения присовокупляю, что генерал-лейтенанту Николаеву предложено отправить к Вам: формулярный список о службе означенного офицера, аттестат об окончательном удовлетворении его жалованием и другие письменные об нем сведения». На бумаге имеется надпись: «Объявить об этом корнету Кодзокову»[21].

Высочайшее повеление императора распространялось на тех офицеров, которые ранее служили в лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне и впоследствии прикомандированных к полкам Линейного казачьего войска. Они увольнялись «в дома свои, как оказавшихся для службы бесполезными, и по увольнению тому, что они и без службы в войске, на основании Высочайшего повеления, состоявшегося 6 сентября 1844-го года, имеют право на получение жалованья в домах». В числе таким путем уволенных и штабс-ротмистр Казильбек Кармов[22].

Изложенное свидетельствует, что Магомет Кодзоков вышел в отставку в 1846 г. Выйдя в отставку, он некоторое время проживал на Малке, в ауле, который носил его имя. Затем переселился в аул Абукова, который незадолго перед этим переселился на Куму, недалеко от Кисловодской крепости. По сведениям, собранным не позднее 1849 г., Кодзоков «на службе не состоит, а жительство имеет в Кисловодском кордоне в ауле майора Абукова»[23]. В аналогичных списках офицеров, которым выдавалось жалованье, составлявшихся ранее, относительно местожительства Кодзокова обыкновенно указывалось: «жительство имеет в Большой Кабарде». Об этом говорит указанная запись. В ней зачеркнуты слова: «Большой Кабарде» и сделана сверху надпись: «Кисловодском кордоне», т. е. указывалось новое местожительство Кодзокова.

О военной службе Магомета Кодзокова имеются лишь отрывочные сведения. Можно утверждать, что, оказавшись в Санкт-Петербурге и ознакомившись со столичными порядками, он стремился приобщить своих родственников к русской культуре. Это видно из предписания Вельяминова Горихвостову от 28 июня 1832 г.: «Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона юнкер Магомет Козухов, будучи из числа назначенных к возвращению на Кавказ, просит, дабы сын родного его брата Идриса, Харун, был прислан в Санкт-Петербург к помещению в корпус для воспита-

ния вместе с командою, имеющею прибыть для смены одной половины нижних чинов полуэскадрона той лошади, которая должна быть приведена собственно для Козухова»[24]. О дальнейшей судьбе Харуна упоминается в письмах Дмитрия Кодзокова. Эфенди Хаджи Идрис и Харун были постоянными советниками и спутниками Дмитрия в его поездках по аулам Кабарды [25].

В послужном списке Кодзокова дана его краткая характеристика: «В экспедициях против горцев – с 1822 г. В лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне – оруженосец с 1830 г. Награжден золотой медалью «За храбрость» и серебряной медалью «За взятие Варшавы». Корнет Кодзоков в 1840 г. прикомандирован к Владикавказскому казачьему полку. Бригадный командир Малороссийского и Владикавказского казачьих полков 21 марта 1840 г. сообщал генерал-майору Пирятинскому: «С разрешения господина командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории состоящего по кавалерии корнета Козукова я прикомандировал к Владикавказскому казачьему полку, согласно его желанию. Уведомляя о том Ваше Превосходительство вследствие представления вашего к Его Превосходительству Павлу Христофоровичу [Граббе] от 7 генваря, № 5, покорно прошу корнета Козукова отправить во Владикавказский казачий полк»[26]. Выясняется, что Магомет Кодзоков переведен по представлению Пирятинского, к которому он, должно быть, обратился с подобной просьбой. Кодзоков не торопился к месту назначения. Поэтому майор Круковский 28 марта 1841 г. просил выслать в полк корнета Кодзокова* «для употребления на службу»[27].

О семье Магомета Кодзокова известны незначительные сведения. Некоторые подробности о его жене содержатся в прошении вольного кабардинца Джамбулатова в Кабардинский временный суд от 10 июля 1841 г. В 1823 г. он совершил побег от известного абрека, кабардинского узденя Умара (Омара) Маргушева. Вместе со своим семейством из восьми душ он был представлен Ермолову. Джамбулатов сообщил о своем твердом намерении находиться «под покровительством российского начальства». По указанию Ермолова он был объявлен вольным и поселен в аул генерал-майора Султана Менгли-Гирея. Джамбулатов таким образом стал свободным, но, несмотря на это, он заплатил за «отпускную грамоту», которую ему дали его бывшие владельцы, не имевшие на подобный акт никакого законного права. Однако действия Джамбулатова имели некоторое основание: по устоявшемуся представлению у кабардинцев бывшие крепостные, освобожденные не по обычному праву – с выкупом или «во спасение души», – не чувствовали себя вполне свободными. Дело, однако, этим не закончилось. Бывшая владелица Джамбулатова «напоследок» вышла «в замужество за корнета Кодзокова». Он-то и начал тяжбу с Джамбулатовым, заявляя, что отпускная грамота

---

*В те же годы среди военных чинов был и другой корнет Кодзоков (Сопроков), по имени Тликеч.

его фальшивая и что он крепостной его жены. Джамбулатов, возражая истцу, представил два свидетельства, одно из которых было выдано штабс-ротмистром Султаном Арслан-Гиреем, и требовал судебного разбирательства, рассчитывая на успех. Из прошения Джамбулатова видно, что женщина, которая «напоследок» стала женой Магомета Кодзокова, имеет близкое отношение к узденю Умару Маргушеву, но пока неясно, кем они конкретно доводятся друг другу.

Ответ на вопрос содержится в другом документе. Крестьянин Бота Хусинов, сбежавший от непокорных русским абазехов, в своем прошении к Грамотину от 19 июня 1857 г. указывал, что сестра Умара Маргушева – Айшат живет на Боргустане и он желает быть ее крепостным. Обыкновенно такие побеги совершались для получения свободы, но Хусинов заявил, что сбежал не для того, чтобы его записали в список населения Вольного аула, как по заведенному властями порядку было предложено ему. «Прошу разрешить мне находиться во владении у означенной вдовы Кодзоковой», – заключал свою необыкновенную просьбу беглый крестьянин.

Изложенное позволяет сделать некоторые обобщения. В обоих прошениях фигурирует уздень Умар Маргушев. Джамбулатов писал о его сестре, вышедшей замуж за Кодзокова после 1823 г., а проживала она на Боргустане, но не в ауле Абукова. Магомет Кодзоков умер в 1849 г., и Айшат осталась вдовой. Следовательно, о ней идет речь в прошении Хусинова в 1857 г.

В связи с рассмотренными двумя прошениями встает вопрос о матери Дмитрия. Как установлено, он родился в 1818 г. В таком случае мы будем вынуждены признать, что Айшат, жена Магомета Кодзокова, вышедшая за него после 1823 г., как свидетельствует Джамбулатов, никак не может считаться матерью Дмитрия Кодзокова. Косвенным подтверждением этого вывода может служить и прошение самой Айшат Грамотину от 25 августа 1852 г.: «После смерти мужа моего осталась я с тремя малолетними детьми»[28]. Здесь вдова говорит лишь о трех малолетних детях, старшему из которых исполнилось 10 лет. Следовательно, Магомет Кодзоков женился на Айшат раньше 1841 г., что соответствует и тому времени, когда Джамбулатов подал свое прошение с упоминанием, что его бывшая владелица «напоследок» вышла замуж. Следует подчеркнуть также, что Дмитрий Кодзоков в 1839 г., в первый свой приезд в родительский дом, не застал в живых свою мать, ведь ее не было тогда среди тех, кто встречал его в Пятигорске[29].

Здесь уместно высказать одно предположение. Дмитрий Кодзоков, делясь своими впечатлениями от свидания с родными, состоявшегося в Пятигорске, пишет, по словам Т. Х. Кумыкова, что «он еще не видел их (мать и дядю Хаджи. – *С. Б.*), потому что не хочется оторваться от занятий»[30]. Но в другом письме говорит о своем дяде Хаджи, который от него «не отходил», и ни словом не упоминает о своей матери. Причину умолчания мы склонны объяс-

нить тем, что Лукман рано потерял свою мать. Не с этим ли печальным фактом связана и отдача столь малолетнего мальчика Марии Алексеевне? Иначе трудно объяснить, почему Дмитрий пишет о дяде и «забывает» о своей матери.

В Центральном госархиве КБР хранится документ о Дмитрии Степановиче Кодзокове, касающийся наименее изученного периода его жизни – пребывания в Пятигорске. В то время Кодзоков – первый кабардинец, закончивший Московский университет и воспитанный в доме основоположника славянофильства А. С. Хомякова, – безуспешно пытался выхлопотать себе какую-нибудь должность в системе управления. В 1841 г. он намеревался получить должность Карачаевского пристава.

19 февраля 1841 г. Кодзоков получил следующее уведомление: «Чиновнику 12 класса Кодзокову... Как уже сделано представление к начальству о назначении вместо Карачаевского пристава сотника Атарщикова Горского казачьего полка Сотником Мистуловым еще 26 ноября прошлого 1840 г. № 912, а потому в эту должность я представить вас не могу, почему поданное прошение от 13 числа сего месяца и свидетельство с № 2342 при сем к Вашему Благородию возвращаю»[31]. Теперь мы уже знаем, что Кодзоков 13 февраля подал прошение, вероятно, начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Пирятинскому о назначении его на должность Карачаевского пристава. Знаем также, что к прошению были приложены какие-то свидетельства, которые могли бы рассказать о многом...

* * *

Фамилию Кодзоковых носили и жители других аулов. По делу о нападении 20 абреков на табун, принадлежавший Куркужинскому посту, и убийстве казака Федора Троцко давал показания малокабардинец аула Ельмурзова крестьянин узденя Жинуса Козокова Бавуко Козоков. О другом Кодзокове в 1864 г. сообщалось: «По частным сведениям известно, что житель Большой Кабарды аула Анзорова Дзу Кодзоков (он же Турков), прикосновенный по разным исковым на него делам, переселился на жительство без разрешения начальства в Малую Кабарду в аул Борокова...»[32]

БЕСЛЕНЕЙ АБАТ И ПШЕКУЙ АХОДЯК

Горско-мусульманское ополчение под командованием генерала Эмануэля в октябре 1830 г. совершило экспедицию в Закубанье. В него вошли «ополчения»: кабардинское, закубанское ногайское, тохтамышское ногайское и закубанского бжедугского народа. Наместник Кавказа граф Паскевич-Эриванский 30 ноября 1830 г. наградил за «примерную храбрость» многих ополченцев. Среди них «шапсугские 1-й степени старшины: Бесленей Абатов и Убых

Абатов» и «Черченейского владения Пшекуй Аходяк». Им было присвоено звание прапорщика[1].

Два имени: Бесленей Абатов и Пшекуй Аходяк – напоминают названия двух нравоописательных биографических очерков Хан-Гирея: «Беслений Абат» и «Князь Пшьской Аходягоко». И действительно, герои первого очерка Бесленей и Убых Абатовы – родные братья[2]. Изгнанные из среды шапсугов по подозрению в пособничестве офицеру Генерального штаба братья в 1830 г. приняли участие в экспедиций против закубанцев. При этом Бесленей, значительней которого, по мнению Хан-Гирея, не было «между закубанскими черкесскими племенами», «находился при главнокомандующем»[3]. Другое имя, встречаемое в архивном материале, – Пшекуй Аходяк и князь Пшьской Аходягоко у Хан-Гирея – одно и то же лицо. Аходягоко, как и Аходяк, – представитель черченейского рода бжедугского племени адыгов, т. е. потомок бжедугского князя Черчана[4].

МАГОМЕТ И ТАУСУЛТАН АТАЖУКИНЫ

В списке лиц, возведенных в чин прапорщика, значится кабардинский князь Магомет Атажукин. Декабрист А. И. Якубович о нем вспоминал: «...неукротимый Таусултан и Ханука. Смерть первого от руки его брата Магомета Атажукина»[1]. О Таусултане Атажукине (абреке) говорит цидула*: «От Тохтамышевского поста, через Батал-Пашинск и Константиногорск по передовым постам до Екатеринограда, где предъявить господину Подпрятову. Сего числа получил я от приверженцев к нам известие, что известный разбойник Таусултан, жительствующий вершине Кубани по левую сторону оного на речке Агуре, будто бы на сих днях с 15 человек своими единомышленниками отправился в Кабарду с намерением учинить, где удастся, свое хищническое злодеяние, – о чем хотя и ожидается мною достоверное подтверждение, но я нужным почитаю предварить о сем все посты, в кордоне вверенному состоящие, предписываю гг. дистанционным и постовым начальникам и поясненных хищников в разъезде и секрете все меры осторожности и, где оные открыты будут, наказывать и истреблять их силою оружия нещадным образом. С Тохтамышевского поста отправлена в 8-м часу пополуночи 1 сентября 1822 г. Полковник Победнов»[2].

В неопубликованных документах первой половины XIX в. встречается только один князь по имени Магомет Атажукин. Должно быть, о нем идет речь у Якубовича. Дата убийства Магометом известного абрека Таусултана Атажукина приблизительно указана самим Якубовичем. Капитан Якубович действовал в отряде Коцарева на правом фланге Кавказской линии до 1825 г., когда оказался вовлеченным в заговор декабристов. Значит, Таусултан

*Письмо, послание, записка.

убит между 1822-м и 1825 г. На этот период указывает и родная сестра Таусултана Алижкопф: «Брат мой, Таусултан... учинил побег из Кабарды за Кубань на Теберду, где он через два или три года убит»[3]. Князь Мисост Атажукин, бывший командир Кабардинского ополчения в экспедиции Эмануэля, приходится Магомету Атажукину двоюродным братом, а отцом его был Ислам Атажукин, тот, чьим именем назван аул Исламова.

АТАЖУКО АТАЖУКИН

В материалах комиссии по разбору личных и поземельных прав горцев Терской области, которые были подготовлены незадолго до отмены крепостного права, отмечено: «...князей, которые бы образом жизни соответствовали прежнему понятию кабардинцев о княжеском достоинстве, в фамилиях Кайтукина, Бекмурзина и Мисостова нет никого, только в фамилии Атажукина есть еще один представитель древнего типа кабардинского князя, измененный, впрочем, влиянием своего времени. Со смертью же и этого представителя останется в Кабарде ничего не значущий княжеский титул...»[1]. В основном тексте не указано имя князя, но отмечено, что он умер в 1868 г. Очевидно, этой публикацией пользовался В. Потто, когда писал, что «в шестидесятых годах умер последний представитель древнего типа кабардинского князя Атажукин» и «в Кабарде остался только ничего не значащий княжеский титул»[2]. Потто не уточнял имени этого последнего представителя древнего типа кабардинского юнязя. Конкретного указания на этот счет нет и в процитированных материалах комиссии, изданных в 1870 г. в «Сборнике сведений о кавказских горцах», но в сноске отмечено, что он, Атажукин, умер в 1868 г.*

В материалах комиссии и у Потто говорится о кабардинском князе полковнике Атажуко Атажукине. На протяжении нескольких десятилетий он пользовался «огромным влиянием в народе», а в опаснейший период обострения переселенческого движения адыгов «его пример и влияние удержало кабардинцев от общего выселения в Турцию»[3].

Об Атажуко Ажатукине имеется мало сведений. Год его рождения можно установить по делу о земельной тяжбе, согласно которому, по показаниям самого Атажуко, ему в 1859 г. исполнялось 48 лет. Судя по этим данным, Атажукин 1811 года рождения[4]. Он рано лишился отца и «жил в доме двоюродного брата майора князя Атажукина» (Мисоста Атажукина. – *С. Б.*)[5]. Отца Атажуко звали Касай. Он, по-видимому, был сторонником просвещения народа. Вместе с Темирбулатом Атажукиным – шурином Кучука Джанхотова – он ходатайствовал о принятии Шоры Ногмова, «имеющего ревностное желание, на обучение российской грамоте»[6]. Имя его деда устанавливается по свидетельству

*Был и другой Атажуко Атажукин, валий Кабарды. Умер в 1810 г.

Мисоста Атажукина: «Узденья Аслановы, бывшие под управлением Дударуковых, достались в часть деда моего Хажи Темрюка Атажукина»[7]. Зная, что Мисост и Атажуко были двоюродными братьями, становится ясным, что дед Мисоста Темрюко также был дедом Атажуко.

Первые сведения об Атажуко Атажукине относятся к началу 30-х годов XIX в. В октябре 1830 г. было сформировано горско-мусульманское ополчение с участием кабардинцев, которое совершило экспедицию за Кубань. По ходатайству генерала Эмануэля граф Паскевич-Эриванский 30 ноября наградил отличившихся в экспедиции ополченцев. Среди них оказался и «Хатокшуко Атажукин», который был произведен в чин прапорщика[8]. В той же экспедиции участвовал и двоюродный брат Атажуко Мисост Атажукин. В чине поручика он командовал кабардинским ополчением, за что был возведен в чин штабс-капитана. Приблизительно в 1825 г. и, вероятно, в связи с восстанием кабардинцев Мисост Атажукин со своим аулом переселен с Малки на Чегем, где находился до 1830 г. После успешной экспедиции 1830 г. он наверняка понял, что начальство отнесется к нему благосклонно, если он обратится к нему с просьбой о переселении его на старое место жительства, где жил до переселения на Малку, – на Баксан. 6 ноября 1830 г. он писал Эмануэлю о своем стесненном положении и других неудобствах, испытываемых им на Чегеме, и просил разрешить ему вместе с жившим с ним Хатакшуко Атажукиным вернуться с его аулом из 67 семейств «выше крепости Баксанской, в старое наше жительство (называемое Хатукшукое)»[9]. Генерал Эмануэль, видимо, имел основания отказать Мисосту Атажукину, и аул в 1830-х годах не был переселен на Баксан. Достаточно отметить, что на карте, составленной в штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1842 г., аул Атажукина зафиксирован близ Чегемского укрепления, по правую сторону реки.

Подвластные Атажуко находились и среди «горцев», точнее, на купленной отцом Атажуко, Касаем, земле. Есть сведения, что Касай в 1793 г. купил земельный участок «в Чегемской Осетии у Балкароковых и Акеевых», а в 1803 г. – «землю, называемую Хунук Боат, в Чегемской Осетии у Кучуковых, верхняя граница ее именуется Нахитчальман, а восточная сторона простирается до р. Баксана... после смерти его земля эта поступила во владение сына его, князя Атажуко Атажукина, которою и владеет по настоящее время» (т. е. в 1865 г. примерно)[10].

В 1834 г. Атажуко Атажукин задумал жениться (его первый брак) на вдове генерал-майора Бековича-Черкасского, которую звали Сластамина (Слоетама). 29 мая 1834 г. он писал генерал-майору Пирятинскому: «Я, вознамерясь по летам моим жениться, и узнал, что Малой Кабарды жена генерал-майора князя Бековича-Черкасского вдовствует, почему и послал к ней... свататься»[11]. Князь выбрал сватом узденя первой степени Калгу Тыжева. От имени Атажуко Атажукина Тыжев сделал вдове предложение. Она дала согласие при условии, если, в соответствии с обычаями,

получит калым в 500 рублей и 6 душ крестьян. Атажукин согласился с условиями своей избранницы и «непременным положил на оной жениться». Жених отдал обусловленную сумму свату Калге Тыжеву при свидетелях: Асламбеке Агубекове, Шигибахове, Абрагиме Шугимове, Шу Мальбахове и Шхан-Гирее Ирюгове*. Все они прибыли в аул прапорщика Докшуко Касаева, «состоящий на реке Баксане», и был совершен обряд венчания «муллою Шугано-Афачаговым» (Афашаговым) [12].

У Сластамины Бекович-Черкасской был родной дядя**, Исмаил Касаев, живший среди «мирных» закубанцев. Узнав о сватовстве Атажуко Атажукина, он прибыл в Кабарду и отговорил свою племянницу (или сестру) от намечавшегося замужества. Для расторжения брака между Атажуко и Сластаминой Исмаил Касаев уполномочил подвластного кабардинского узденя – «карачаевского жителя» Али Жерештиева сообщить ей, чтобы она «без приказания его ни за кого не выходила в Кабарде замуж, и с тем вместе объявил, что он при удобном случае увезет ее за Кубань и там отдаст замуж за стоющего ее чермурчеевского (кемиргоевского? – *С. Б.*) князя Жембата Айтегова»*** [13].

В то же время Атажуко Атажукин считал вдову Бекович-Черкасскую уже своей женой. И, недовольный действиями Исмаила Касаева, он, сгущая краски, характеризуя его, писал Пирятинскому: «Исмаил Касаев, бежавший из Кабарды и ныне находящийся за Кубанью, прибыв сюда, повредил наше согласие с тем, дабы *сказанная жена моя* (выделено нами. – *С. Б.*) с ним вместе уехала за Кубань и там за кого-либо вышла в замужество». Сочетавшись браком не видя друг друга, что в то время было вполне естественным явлением, Атажуко Атажукин и Сластамина Бекович-Черкасская не стали мужем и женой. Атажукин жаловался Пирятинскому, что жена его, «уверясь наставлению дяди, от прибытия ко мне отказалась» и, сообщив об этом через того же Калгу Тыжева, дала знать ему, что готова «разбираться шариатом». Атажукин просил начальника Центра Кавказской линии предписать кому следует, чтобы жену его заставили прийти к нему как взявшую калым по обряду[14].

В этой обстановке Вельяминов предписал Пирятинскому: «Буде же сия вдова изъявила прежде согласие выдти за Атажукина и часть калыму от него уже получила, но теперь объявит Вам, что она не хочет выйдти за него в замужество, то прошу не делать ей никакого принуждения и дозвольте ей отъехать с братом ее Измаилом Касаевым, а Атажукину предоставьте ведаться с нею по шариату»[15].

---

*По другому источнику: Шоген-Гирей Иругов. Участвовал в экспедиции Эмануэля в октябе 1830 г. Награжден серебряной медалью (ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 213–215).

**По другим сведениям – брат.

***Вероятно, имеется в виду темиргоевский владетель Джембулат Айтеков, аталыком которого считали себя все абадзехи (*Дубровин Н.* Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 153).

Сластамина была согласна разбираться с Атажуко по полученной ею части калыма. Атажукин же отказался. Это дает определенные основания сказать, что после бракосочетания сосватанная должна была стать женой. В подтверждение этого вспомним слова Вельяминова: «прошу не делать ей никакого, принуждения». Значит, в подобном случае отказа сосватанной быть женой обычное право позволяло закончить дело принуждением. Неизвестно, чем закончилось разбирательство по калыму, но вмешательство Вельяминова сделало возможным, чтобы бракосочетание не состоялось. За кого вышла замуж Сластамина, мы не знаем, но она к 1840 г. была замужем. 13 апреля 1840 г. Якуб Шарданов писал: «Проживающий за Кубанью князь Исмаил Касаев... явился в Кабарду с предписанием о выпуске сестры его (ныне уже жены)...»[13] Сам же Исмаил Касаев умер в 1843 г.

В архивных материалах ясно не прослеживается, как сложилась дальнейшая семейная жизнь Атажуко Атажукина. Документ косвенно и немногословно свидетельствует, что он был женат и имел сына, юнкера Асланбека Атажукина[17]. В материалах поземельной комиссии упоминается имя княгини «Нахо (Наго. – *С. Б.*) Таусултановой (Атажукиной), переселившейся из Малой Кабарды в Большую для совместного жительства с сыном своим князем Асланбеком Атажукиным»[18]. Наго Таусултанова переселилась, вероятно, вскоре после смерти Атажуко Атажукина. Ведомость о переселениях их аула в аул Кабардинского округа даже уточняет дату ее переселения: «Из Боташева аула Малокабардинского участка 26 марта 1868 г. за № 922 переселилась вдова... Наго Таусултанова в аул пол[ковника] князя Атажукина»[19]. За заслуги отца «сын умершего полковника Атажукина», Асланбек, – «молодой человек с хорошими надеждами» – был награжден участком земли в 1500 десятин[20].

Некоторые подробности о родословной второй жены Атажуко Атажукина содержатся в переписке 60-х годов XIX в. В докладной записке начальника Кабардинского округа полковника Нурида начальнику Терской области от 10 февраля 1867 г. сказано: «Княгиня Наго Таусултанова (по мужу – Атажукина) дочь последнего из князей этого рода, весьма сильного и владевшего землями всей плоскостной Осетии, осталась по смерти отца малолетней, под опекой князя Ефима Бековича-Черкасского. За смертью последнего и сгоревших бумаг в Екатериноградском архиве, княгиня Таусултанова лишилась несколько тысяч рублей, составившихся за ее малолетство»[21]. Констатируя, родословную и положение Наго Таусултановой (которой исполнялось 45 лет), Нурид ходатайствовал о назначении ей «пожизненной пенсии в размере 200 рублей серебром», поскольку она, «получив развод от князя Атажуко Атажукина... осталась в настоящее время без всяких средств к существованию».

Факты, изложенные в докладной записке, по-видимому, собранные старшим адъютантом начальника округа историком поручиком Н. Ф. Грабовским, были не совсем точны. Исправляя

свою ошибку, он 14 декабря 1867 г. сообщил в канцелярию начальника Терской области: «Княгиня Наго Таусултанова, дочь не Шолоха, как это было по ошибке сказано... а внучка его, т. е. дочь сына Шолоха – Асламбека, последнего из рода кабардинских князей Таусултановых. Шолох, по показанию старейших малокабардинцев, умер лет сто, а Асламбек, отец Наго, лет тридцать тому назад»[22]. Некоторые из этих сведений также не совсем достоверны. В родословной Таусултановых Асланбек не был последним из князей этой фамилии. Им стал его сын Карашай, умерший в Санкт-Петербурге, где обучался в 1-м кадетском корпусе*. По свидетельству князя Бекмурзы Касаева, Карашай Асланбекович имел родную сестру, которая в 1847 г. состояла в «супружестве за князем подпоручиком Атажуко Атажукиным». Касаев не указывает ее имени, но другие источники устанавливают, что ее звали Наго.

Отметим еще, что Карашай и Наго родились в браке Асланбека и Фатимат, в девичестве Ахловой. Фатимат вышла замуж за Асланбека после смерти первого мужа Батыргирея Таусултанова, за которого она была выдана самим валием Кучуком Джанхотовым, приходившимся ей родным дядей. Случилось это, по словам самой Фатимат, «более 34 лет» назад, считая от 1850 г., а по сведениям генерал-майора Хлюпина, и того раньше – «более 40 лет», считая от 1847 г.

В первом браке у Фатимат родились сын Тепсаруко, отданный в аманаты и «погибший без вести», и дочь, ставшая впоследствии женой Бекмурзы Касаева. «Бросив их», вероятно, после смерти Асланбека, Фатимат в третий раз вышла замуж – на этот раз за Бекмурзу Айдемирова[23].

Третьим браком Атажуко сочетался с дочерью Кучука Джанхотова. Переписка за 1863 г. прямо указывает: «Ныне же княгиня Кабахан Наурузова вышла в замужество за подполковника князя Атажукова»[24]. Для Кабахан ее брак с Атажуко стал вторым, но их совместная жизнь продолжалась недолго: муж скончался в 1868 г.

Последние свои годы Кабахан Атажукина провела в имении своих родителей в ауле Жанхотова. В посемейном списке за 1886 г. значится: «Семейство умершего полковника Атажукина, Кабахан, княгиня»**. Соседские сердобольные женщины были единствен-

---

*По ошибочным сведениям Грабовского, у Наго был брат Кази, направленный «в 30-х годах в один из кадетских корпусов в Петербург, где он вскоре умер». См. также главу «Хамсада».

**В родословной кабардинских князей была и другая княгиня, вдова, по имени Кабахан, и тоже Атажукина. «Фамилия князей Кайтукиных, от которой осталась только я одна», – так она свидетельствовала в 1872 г. о пресечении мужской линии некогда могущественной ветви и всего рода Бекмурзиных. Отец Кабахан, Бекмурза Хамурзин, был послан в Санкт-Петербург изъявить от имени кабардинцев верноподданнические чувства царской династии во время коронации Александра I (ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 18, л. 189–190). Кабахан Атажукина вторым браком была замужем за Кучуком Атажукиным, после смерти которого вышла замуж за штабс-ротмистра Хасанби Атажукина.

ным утешением некогда самой известной в Кабарде, но теперь престарелой и одинокой княгини. По словам Зарамука Кардангушева, его мать Куако (КӀуакӀуэ) Умаровна, в девичестве Абазова, и другие поочередно отдавали часть приготовленной пищи старой княгине (Гуащэжь) и ухаживали за ней.

Общественная деятельность Атажуко Атажукина получила широкое признание. Из отзыва начальства о нем: «Отличается лично неограниченною преданностью правительству и все свое влияние обращает постоянно на поддержание в народе духа благонамеренности и безусловной покорности воле и действию начальства». Не только начальство было довольно Атажукиным. Он также «имел сильное влияние» и пользовался «большим уважением в народе». В 1857 г. Атажуко Атажукин получил звание подполковника и стал занимать видное место в военных кругах Кавказа. Он состоял «по политическим видам при господине главнокомандующем Кавказскою армиею»[25].

«ОБУЧАЛИ ДЕТЕЙ ШАМИЛЯ...»

Житель аула Хату Анзорова эфенди Нурали Оваринск, переселившийся в 1856 г. в Большую Кабарду, в 1866 г. просил начальника Кабардинского округа Нурида разрешить ему поездку в г. Калугу для свидания с Шамилем. До переселения в Кабарду Нурали и его отец жили в Аварии (отсюда и фамилия), где «обучали детей Шамиля арабской грамоте, чрез что имел знакомство с Шамилем». Оваринск, как житель Кабардинского округа, просил отпустить его на шесть месяцев. Желал он ехать из Пятигорска и непременно на дилижансе. Против поездки Оваринска не возражали ни старшина а. Хату Анзорова, ни Черекское участковое начальство, но Нурид не находил «в испрашиваемом свидании особенной надобности для просителя»[1]. Тем не менее начальник Терской области разрешил Оваринску отправиться в г. Калугу – даже на один год. Просителю был выдан билет такого содержания: «Предъявитель сего, житель Большой Кабарды аула Анзорова эфендий Нурали Оваринск увольняется для свидания с Шамилем в г. Калугу сроком от ниже писанного числа впредь на один год – почему прошу гг. начальствующих во время следования его туда и обратно к своему месту жительства чинить свободный пропуск и в случае надобности оказывать законное воспомоществование, в удостоверение чего и дан сей за подписью моей и приложением казенной печати Ставропольской губернии.

Укрепление Нальчик, сентября 8 дня 1866 г. Начальник Кабардинского округа полковник Нурид»[2].

Казалось, все было готово для осуществления заветной мечты Оваринска. И все же поездка не состоялась. Оказалось, что Оваринск обратился с подобной же просьбой, присовокупив к ней и просьбу о выдаче ему материального пособия, к помощнику главнокомандующего армией. Генерал-адъютант Карцев в пособии

Оваринску отказал, но высказался за поездку его по усмотрению начальника Терской области, а тот отменил свое же разрешение «на том основании, что получивши уже разрешение, он обратился с тою же просьбой» в вышестоящую инстанцию. И у Оваринска забрали билет.

Имя Нурали Оваринска встречается в связи с Магомет-Эмином, третьим и последним наибом Шамиля, направленным им к закубанским адыгам в 1848 г. Управляющий дипломатической канцелярией наместника Кавказа 28 октября 1866 г. сообщал: «...сын Магомед-Эмина обратился к чрезвычайному посланнику нашему в Константинополе с прошением, в коем, излагая, что отец оставил его без всяких средств к существованию, просит о доставлении ему разрешения и средств возвратиться в Кабарду, где он имеет богатого дядю по матери, который приглашает его к себе на жительство»[3]. Сын Магомет-Эмина воспитывался в Константинопольском военном училище, но оставил его по болезни.

Начальник Кавказского горского управления 7 ноября 1866 г. просил Лорис-Меликова распорядиться узнать, кто именно является дядей сына Магомет-Эмина, и дать заключение, можно ли позволить ему переселиться в Кабарду. По предписанию Лорис-Меликова начальник Кабардинского округа обязал начальника Черекского участка дать соответствующую справку. Последний 28 августа 1867 г. донес: «По тщательному дознанию оказалось, что дядя сына Мегмед-Амина, житель аула Хату Анзорова, аульный мулла Нурали Кумуков. Человек этот небогатый, но аульное общество в уважение честности и скромности муллы Кумукова охотно соглашается принять на жительство в свою общину сына Магомет-Амина с тем, чтобы он пользовался всеми правами одинаково с кабардинцами в поземельном довольствии...»[4].

Переселенцев из Дагестана кабардинцы, как правило, называли кумыками, и этноним этот за ними постепенно закреплялся в качестве фамилии. Тот факт, что Нурали был выходцем из Аварии, не мог помешать тому, чтобы жители аула Хату Анзорова нарекли его фамилией Кумыков. Анализ изложенных документов позволяет сделать вывод, что Нурали Оваринск и Нурали Кумыков – одно и то же лицо.

Становится понятно, почему Оваринск настойчиво добивался поездки в Калугу. Конечно, не потому только, что он когда-то учил детей Шамиля арабской грамоте. Будучи родственником, шурином Магомет-Амина, он входил в круг наиболее близких и доверенных людей вождя газавата. Об этих более тесных связях с Шамилем Оваринск, естественно, промолчал в своем прошении к Лорис-Меликову, чтобы начальство не отказало ему в просьбе.

АХЛОВЫ, БОГОТОВЫ

В 1825 г. из Большой Кабарды в Малую Кабарду переселился Аслан Боготов – «вольноотпущенник от Бобогаева (Бабугоева? – *С. Б.*). В 1869 г. он был убит тумой Ботой Ахловым в результате конфликта, возникшего из-за спорного сенокосного участка.

Дело это рассматривалось военно-судной комиссией при Владикавказском ордонанс-гаузе, которая, признав Ахлова тумой, приговорила его «лишить княжеского достоинства, прав состояния, сослать на жительство в Иркутскую губернию, где выдержать в каземате два года и запретить ему выезд в другие сибирские города в продолжении восьми лет». Свое постановление суд направил начальнику Владикавказского военного округа полковнику Гедлинскому «на дальнейшую ревизию».

Выяснение сословного положения Ахлова могло бы сыграть важную роль в его дальнейшей судьбе. Ведь непосредственным поводом к убийству Боготова явились показавшиеся Ахлову оскорбительными слова, сказанные им в том смысле, что Ахлов не князь, а тума. Полковник Гедлинский в процессе дознания в первую очередь выяснил происхождение Ахлова. По его сведениям, Ахлов был законным сыном князя Беслана Ахлова, «но рожден от холопки, на которой отец его был женат».

Гедлинский сделал вывод, что по народному обычаю Бота Ахлов пользовался всеми правами князя, и в связи с этим обвинил в самоуправстве пристава Ипполитова, приказавшего при аресте и отправлении в Моздок «связать князя, хотя он был и из туземцев». В своих суждениях он опирался на мнение вольноотпущенников: Нефа Уркуашева – молочного брата князя Боты Ахлова, которому была отдана отобранная у Боготова земля, Увжука и Эльжарука Дадовых, Иноса Теоникова, Ибрагима Кочегова, аульного «крикуна» Яхью Ралахова. Свидетелями по делу проходили: уздени второй степени Магомет Умуров, Бараме Элероков, Жандар Шурмалов, старшина аула Мамсыр Секов, Андрозик Матажев.

Претензии Аслана Боготова на спорный сенокосный участок не были беспочвенны. После его переселения в Малую Кабарду в аул Ахлова, владелец аула поручик Ахло Ахлов «по дружбе с Боготовым... дозволял ему косить траву из принадлежавшей их, Ахловым, двору». После смерти Ахло Ахлова его брат Бота Ахлов отнял у Боготова этот участок и «отдал своему родственнику Нефу Уркуашеву».

Далее события развивались так. Аульчане стремились уладить конфликт миром. Как бы от их имени «один из почетных в ауле старейшин», 80-летний Эдик Желихажев, советовал Ахлову: «...хотя не мое дело, но я скажу тебе, чтобы с Боготовым покончили дело насчет покоса». Ахлов не прислушался к голосу здравого рассудка, а Боготов, в свою очередь, заявил, что так как он прежде косил эту траву, то «...не даст Нефу косить». Ахлов ему

возразил: «...ты не наш, а выходец из Большой Кабарды, а у меня здешние, которым я скорее должен дать землю, а ты как переселенец, то не можешь и требовать от меня земли».

В этот момент, как выяснилось потом на суде, «по обычаю обругали Боготова». Вероятно, здесь имеется в виду неприятное и оскорбительное ругательное слово *хехес*. В ответ Боготов «Ахлова начал вдвое больше бранить при всех, чего никогда и никто (в данном случае имеются в виду вольноотпущенники. – *С. Б.*) не смел делать против их фамилии».

Крайне раздраженный неожиданной смелостью Боготова, Ахлов выхватил пистолет с целью убить *обидчика*, но его остановил Увжуко Дадов.

Однако дело этим не кончилось: Ахлов дал слово «при первой встрече отомстить Боготову, на что и Боготов ответил тем же».

После этого их роковая встреча произошла в ауле Ахлова, куда прибыл Ипполитов разбираться с ними. Враги столкнулись на дворе у пристава, и тут вспыльчивый и «способностей ума обыкновенных» Ахлов, «помня слово свое, данное у мечети, в испуге выхватил пистолет» и ранил Аслана Боготова, который вскоре умер. Это произошло в 1860 г.

Весть о случившемся разнеслась по Малой Кабарде. Первостепенные уздени осуждали поступок Ахлова. Почетные лица Малой Кабарды: майор Едык Астемиров, штабс-капитан Адальгери Анзоров, поручики Заурбек Астемиров и Каирбек Исламов, подпоручики Шабазгерий Танов и Эльбездуко Булатов, а также уздени второй степени Жанбор Мирзаев, Масир и Хатажоко Жилеготовы и Мамсыр Соков, выражая свою солидарность потерпевшему, выдали свидетельство его брату Умару Боготову, которого власти обвиняли в намерении убить Ахлова. В свидетельстве, выданном Боготову в ауле Хапцева, отмечено, что Ахлов «тумашний князь» и «должен быть наказан по всей справедливости русского закона... как преступник и весьма дурного поведения человек».

Пристав, не очень разбираясь в сословных порядках кабардинцев и, видимо, принимая во внимание мнение первостепенных узденей, арестовал Ахлова и посадил его в Моздокскую тюрьму.

После дополнительного разбирательства дела начались попытки освобождения Ахлова. И здесь в пользу Ахлова выдвигался аргумент – его сословное положение. Штабс-ротмистр Дударов указывал, что «Бота Ахлов есть действительно законный сын князя Беслана Ахлова... имел право взять от Боготова землю и отдать другому как свою собственную без всякого спора со стороны Боготова». Неф Уркуашев без присяги свидетельствовал, что «Бота Ахлов есть действительно законный сын князя Беслана Ахлова, который хотя и женился на крестьянке, но Бота родился после женитьбы». Владетельные права Ахлова подтверждали также жители аула Ахлова: Исак и Хатахшуко Мокуашевы, Там и Мурзабек Шумаховы и Майрам Барагунов, мулла Увжуко Кожов, мулла аула Ахлова Эльмурза Богатырев и юнкер Джамбулат Блаев.

Начальник Владикавказского округа в рапорте к командующему войсками указывал на другие, смягчающие вину Ахлова обстоятельства: народный обычай, согласно которому запрещалось вольноотпущеннику обругать князя-владельца, троекратное принесение Ахловым жалобы приставу на Боготова, оставление без внимания понесенное наказание Ахловым, который содержался десять месяцев в тюрьме. Военно-судная комиссия свое решение представила на усмотрение начальства. Кроме того, были признаны виновными аульный мулла Эльмурза Богатырев, племянник покойного Каирбек Унежев – «в обдуманном намерении убить подсудимого Ахлова». В таком же намерении обвинялся и брат убитого – Умар Боготов. Учитывая все это, начальник округа ходатайствовал дело «передать на разбирательство по народному обычаю». Однако и после этого не все сразу решилось. Во Владикавказском окружном народном суде дело не могло быть основательно разобрано, поскольку малокабардинцы в нем были представлены только двумя депутатами, «из коих один из узденьского, а другой из простого класса происходят, княжеского же происхождения ни одного нет». Поэтому начальник округа полковник Гедлинский предложил Святополк-Мирскому перенести дело об убийстве Боготова в Кабардинский окружной народный суд. Вместе с Ахловым на заседание суда требовались «прикосновенные»: Каирбек Унежев, Эльмурза Богатырев и Умар Боготов.

Чем закончилось разбирательство, неизвестно, но из того факта, что вместо исполнения приговора военного суда дело было передано на рассмотрение Кабардинского окружного народного суда, можно сказать: Ахлов, по существу, был оправдан [1].

Некоторые выводы:

1. Князья могли обвенчаться законным браком с крепостными крестьянками. Последний случай имел место и во времена Казия Пшеапшоковича, который был женат, как писал Александр Мисостов, на дочери чагара, то есть «простой холопке».

2. В Малой Кабарде выходцы из Большой Кабарды не пользовались одинаковыми правами с малокабардинцами.

3. Малокабардинцы, входившие в состав Владикавказского округа, в ряде случаев были лишены справедливого разбирательства.

4. Убийство Ахловым Боготова свидетельствует о явно выраженном господстве высшей знати кабардинцев над остальными сословиями.

КОРНЕТ АСЛАНБЕК (АСЛАМБЕК) АБАЕВ

В 1881 г. составлен послужной список корнета Абаева, умершего в октябре 1868 г. Службу он начал в лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне 24 декабря 1834 г., стал юнкером 18 октября 1837 г., произведен в корнеты 8 сентября 1838 г. В 1839 г. Абаев «отчислен по кавалерии с состоянием при Отдельном Кав-

казском корпусе и прикомандирован к Моздокскому казачьему полку, к коему прибыл мая 9». «В феврале 1846 г. он откомандирован от Моздокского казачьего полка на жительство»[1].

Выйдя в отставку, корнет Абаев «с 1846 года по день смерти, т.е. 22 октября 1868 года, нигде не служил». Из послужного списка следует только один вывод: корнет Абаев – кабардинец. Такое мнение может сложиться само собой, зная, что немало представителей известной кабардинской фамилии Абаевых находились на военной службе. Однако есть документ, позволяющий уточнить этническую принадлежность корнета Абаева. В 1880 г. старшина Балкарского общества прапорщик Мисаков выдал свидетельство «таубиям Кайтуко, Махаю и Цибою, детям умершего корнета Асланбека Абаева в том, что они на основании того, что отец их, Асланбек Абаев, еще в 1858 г. выселился в Кабарду, сельским правлением не помещены в общий список горских таубиев при представлении их на Высочайший надел земельными участками»[2].

Переселение балкарцев в Кабарду было не таким уж редким явлением, о чем говорят многочисленные современные кабардинские фамилии Кушховых, Балкаровых и др. Причины их переселения были самыми различными, но то обстоятельство, которое толкнуло таубия оставить родные места, наверняка в то время единственное.

Оно просматривается в докладе управляющего межевой частью в Терской области от 29 мая 1882 г. к начальнику Терской области, основанном на прошении «братьев Кайтуко, Махая и Цибоя Асламбековичей Абаевых, проживающих в обществе Балкарском», адресованном начальнику Пятигорского округа еще в 1881 г. Приведем извлечение из доклада, несколько сгущающего краски в описании событий, характеризующее корнета Асланбека Абаева: «...Вполне понимая значение образования для горцев, для примера разместил детей своих в учебные заведения Султанбека и Кайтуко Абаевых; хотел воспитать в России также дочерей, но фамильные родственники его восстали против этого, считая воспитание дочерей в России позорным и небывалым явлением в среде магометанского населения Кавказа, тогда отец их как бы украл свою же дочь из своего же дома и ночью под буркою вывез ее в слободу Нальчик и отдал в руки местного священника. За ним была сделана погоня и розыск в слободе Нальчике, но никак не предполагая, что она может быть в руках священника... фанатики вернулись назад, и девочка (Ханифа. – *С. Б.*) была отправлена в Тифлис для образования. Этот поступок его и вообще приверженность к русскому правительству... принудили его выселиться из гор в пределы Кабарды в 1858 году; там он был зачислен в число кабардинских узденей, наравне с ними пользовался землею, в Казиевом ауле, в 1868 году отец их умер, оставив семью в составе 5-ти сыновей и двух дочерей, но в семье не было руководителя, так как старшие два сына были вне дома: Султанбек и ныне находится в гор. Владикавказе, а из них Кайтуко был послан в Москву для личного образования в железнодорож-

ном училище. В Московско-Рязанском железнодорожном училище пробыл четыре года, окончил курс с званием ученого мастера в 1876 году. Старший из оставшихся трех братьев Кабеллек в последнюю турецкую (1877–1878 гг. – *С. Б.*) войну участвовал в Кавказском отряде в Кабардинском полку и был убит под Карсом...»[3]

Доклад лишний раз подтверждает ту истину, что пробить окно в новое всегда было (и остается) делом не только невероятно сложным, но крайне опасным для первопроходцев. Одним из них для своего народа, несомненно, был корнет Асланбек Абаев.

Сведения о корнете Асланбеке Абаеве, которыми мы располагаем, позволяют внести некоторые другие подробности и уточнения в его биографию. Выше отмечено, что Абаев «зачислен в число кабардинских узденей», но ни прошения сыновей Асланбека, ни доклад управляющего межевой частью области не уточняют, к какой именно категории узденей он был отнесен. Послужной список вносит ясность и в этот вопрос. В графе «из какого звания происходит» написано: «из кабардинских узденей 1-й степени»[4]. Этот факт конкретно свидетельствует, что горский таубий (балкарский князь) приравнивался к сословию тлекотлешей у кабардинцев.

О времени переселения Асланбека Абаева в Кабарду С. Н. Сафарян пишет: «На закате своих дней Асланбек Абаев сделает еще один шаг, имевший немаловажное значение для дальнейших судеб балкарского народа: он, представитель самого влиятельного рода в Балкарии, оставит родные горы и переселится с семьей в аул Кошерокова (ныне Кенже)».

В подтверждение своего вывода автор приводит выдержку из прошения Асланбека Абаева начальнику Кабардинского округа: «...наконец на долю мою пал жребий, что я уже самый последний отрасль из горских этих владельцев должен был для общего блага и, будучи окончательно приверженцем русскому престолу, оставляя уже старожилых домочадцев, из гор переселился с семьею своею на плоскость Большой Кабарды...»[4].

Этот вывод не состоятелен уже потому, что в прошении Абаева не содержится указаний на то, что переселение свое в Кабарду он предпринял «на закате своих дней». Кроме того, мы располагаем документом, который позволяет уточнить время переселения Абаева и выяснить некоторые неизвестные факты его биографии. Имеется в виду докладная записка Асланбека Абаева полковнику Нуриду от 19 февраля 1868 г. Он писал: «В 1861 году, вследствие домашних обстоятельств, я должен был переселиться в бывший аул князя Казиева. За уходом жителей этого аула в Турцию я должен был переселиться в аул Кожокова, из сего же последнего вследствие соединения из малых аулов в большие и затем перехода жителей аула Кожокова на другое место жительства я, считая более для себя удобным и безобременительным на будущее время, переселился в аул Кошрокова, но и тут, как я частно слышал, не предстоит постоянного места житель-

ства, ибо аул этот должен с весною переселиться на р. Шалушку.

Все эти переселения для домашнего исхода так слишком значительно обременительны для меня с семейством, что если и за сим последует это переселение, то я уже не в силах буду его выполнить...

Представляя это обстоятельство на усмотрение Вашего Высокоблагородия, убедительно прошу обратить на это Ваше внимание, и если только действительно окажется, что означенное переселение должно будет состояться, то благоволите сделать ходатайство о сделании мне на это какого-либо вознаграждения; без путя же этого, а также и постоянно болезненном состоянии и дряхлеющих лет моих возможности к тому совершенно никакой не представляется»[5].

Докладную записку Абаева полковник Нурид препроводил в Кабардинский отдел по разбору личных и поземельных прав – «на усмотрение». Дальнейшая ее судьба неизвестна, но здесь важно другое: Абаев, по-видимому, не совсем точен, указывая на 1861 г., как на дату своего переселения, хотя и этот год не может считаться *закатом* его дней. Как отмечено выше, в свидетельстве, выданном старшиной К. Мисаковым детям Асланбека (Асламбека) Абаева, сказано, что последний «еще в 1858 году выселился в Кабарду».

Докладная записка Абаева вскрывает несостоятельность утверждения С. Н. Сафаряна о том, что он из Балкарии переселился в аул Кошерокова. Абаев, как отмечено, писал, что он сначала переселился в аул князя Казиева, затем в аул Кожокова. Здесь он проживал до начала укрупнения аулов, то есть по крайней мере до 1865 г. И только потом он предпринял свое переселение в аул Кошерокова – на этот раз последнее.

Здесь следует обратить внимание и на другое положение биографа Асланбека Абаева. Он пишет: «В 1822 году отец будущего скрипача Султан-Бека Асламбек Абаев, как сын влиятельного таубия, девятилетним мальчиком был отправлен в Георгиевск... в качестве аманата...»[7] Отсюда следует, что Асланбек Абаев родился в 1813 г. А в отмеченном его послужном списке, в графе «когда родился», написано: «в 1816 году»[8].

Исходя из послужного списка, а не доверять столь авторитетному источнику пока нет оснований, Асланбек Абаев на три года моложе, чем принято считать. В этом случае Асланбеку в год смерти (1868) исполнилось не 55 лет, а 52 года.

После смерти Асланбека Абаева его семейство некоторое время оставалось в ауле Кошерокова. В 1869 г. в нем имели место своего жительства «дети умершего корнета Абаева – сыновья: Солтанбий, Кайтуко, Магомет, Нану и дочери: Пашахан и Ханифа».

КУНДУХОВ МУСА И КУДИНЕТОВ КУРГОКО

Среди Кундуховых одни были сторонниками сближения с русскими, а другие придерживались антирусской ориентации. В числе последних находился и Алхаст Кундухов. В обвещении Гудовича за 1807 год всем старшинам и народу Тагаурского ущелья, являвшемся ответом на их письмо к нему о содействии, содержалось требование – «оставить шалости». Фамилия Кундуховых принадлежит к тагаурским старшинам. Алхаст Кундухов – отец известного Мусы Кундухова.

Одно из наиболее ранних упоминаний о Мусе Кундухове относится к началу 40-х гг. XIX в. В 1840 г. он просил начальство отмежевать ему участок земли на 80 дворов. Просимый участок «на южной плоскости Кабардинских гор, в урочище Скуткох». Для такого рода просьбы надо было иметь основание. По отзыву начальства за 1841 г. штабс-ротмистр Муса Кундухов своей службой заслуживал «особенного внимания правительства». Достаточно отметить, что в чине подполковника в 1850 г. он был командующим Кавказско-конно-горским дивизионом.

Среди Кундуховых было немало офицеров: прапорщик Казболат Кундухов, штабс-ротмистр Индрис Кундухов... Последний в 1851 г. обратился с рапортом к начальнику Владикавказского военного округа генерал-майору Ильинскому. Кундухов напоминал Ильинскому «о самовольных поступках жителей Батоко-Юртовского аула, которые, несмотря на приказания начальства, пашут «чужую землю». Узнав о производимой пахоте, Индрис Кундухов послал к ним осетина Калмыка Чубиева. В ответ на его предупреждение Батоко-юртовцы набросились на него в азарте и избили до полусмерти. После этого Кундухов сам отправился к ним, но они не только не послушались, но единогласно стали угрожать ему, а «один из числа их осетин Кучук Джибилов вынул из чехла ружье и прицелился в намерении выстрелить» в Кундухова. Излагая все это, Кундухов просил «за буйные поступки взыскать по законам». По предписанию Ильинского майор Дударов 22 апреля 1851 г. «заарестовал и отправил во Владикавказскую крепость на гаубтвахту» Батоко-юртовских жителей: Кучука Джибилова, Кольцуко Ногова, Мисоста Кадиева и Алексея Дзохова. Арестованные должны были содержаться на гаубтвахте до тех пор, пока не удовлетворят Кундухова».

Муса Кундухов поселился там, где просил – «в урочище Скуткох, где обитали батоковцы – старшина Батоко Акмурзин, тагаурские фарслаги Тего Кусов, Беслан Кусов, Соста Хасанов, Хаджи Вомартаев и др. Они дали слово ни в чем не припятствовать Кундухову.

Муса Кундухов и Кургоко Кудинетов объединены здесь не случайно. Лорис-Меликов в 1869 г. писал и. д. начальника Кабардинского округа, что он одобряет распоряжения его помошника «относительно назначения пятнадцатидневного срока на выезд...

Асхада Бабукова в Турцию». Лорис-Меликов предписывал местному начальству (после ухода Бабукова)» объявить повсеместно в Кабарде, что с будущего года увольнение жителей в Турцию будет допускаться только для богомолья одиночное, без семейств и на срок не свыше одного года». Исключение было сделано для одного человека – Кургоко Кудинетова. Его имя фигурирует в рапорте и. д. начальника Кабардинского округа Вояковского Лорис-Меликову от 30 октября 1863 г.

Переселенческое движение кабардинцев Вояковский считал нравственной болезнью, но он указал и на ее причину. Она вызвана незаконченностью поземельного вопроса и расширением налогов из-за: введения земской почты, постройки аульных управлений и хлебных магазинов, найма писарей для аульных управлений и т. д. Население не доверяло властям и, полагая, что налоги будут увеличиваться с каждым годом, предпочитало переселение в Турцию своему неопределенному и ухудшающемуся положению.

Касаясь конкретно юнкера Кургоко Кудинетова, Вояковский отмечал, что его необузданное намерение переселиться «нужно отнесть прямо к его родственным связям с Муссою Кундуховым»*. К тому времени, когда Вояковский рапортовал Лорис-Меликову, Кудинетов уже отрекся от своего намерения. Учитывая это, он советовал начальнику области удовлетворить просьбу Кудинетова, просившего оставить его на родине, так как при этом случае «население придет к убеждению, что нельзя ожидать добра от переселения, когда родственник такого сильного, по их понятиям, человека, как Мусса Кундухов, отказался навсегда от мысли переселиться». Лорис-Меликов согласился с соображениями Вояковского и Кургоко Кудинетову разрешили остаться на родине.

ТОХТАМЫШЕВЫ И КУШХОВЫ

Из истории аула Тохтамышева (ныне Лечинкай)

Аул первостепенного узденя (тлекотлеша) Камбота Тохтамышева (Токтамышева) в середине 20-х годов XIX в. находился на Чегеме, ниже линии военных укреплений. Камбот Тохтамышев был подвластным «беглого» князя Али Атажукина.

Согласно переписи населения Кабарды 1825 г., в ауле проживали Бейтугановы, Гукежевы, Нашховы, Тлибековы, Шечехачевы и др. Среди его жителей числится и семейство 50-летнего третьестепенного узденя (уэркъ щауэлI гъусэ) Аслана Кушхова, подвластного Камбота (Тохтамышева). У него было два интересующих нас сына: Якуб и Жамбот. Первому исполнялось 8, а

*Кургоко Кудинетов был женат на дочери Мусы Кундухова.

второму – 4 года. Следовательно, Якуб – 1817-го, а Жамбот – 1821 г. рождения[1].

В 1830 г. Камбот Тохтамышев, вероятно, под действием владельца Алия Атажукина, совершает побег к непокорным русским властям кабардинцам, находившимся за Кубанью. После побега Камбота владельцем аула становится его младший брат Анзор Тохтамышев, который в ноябре 1841 г., находясь в чине поручика кавалерии, обращается к начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Соколову с просьбой о переселении его аула на новое место жительства выше по течению реки Чегем.

Просьба поручика была удовлетворена 1 мая 1842 г. командующим войсками на Кавказской линии и Черноморья. Об этом в июне 1842 г. сообщал исполняющий должность начальника Центра князь Голицын в Кабардинский временный суд. Поручику Тохтамышеву, «не в пример другим», т. е. в порядке исключения, было разрешено «с подвластными в числе 70 домов и 350 душ обоего пола переселиться с теперешнего места на новое, выше укрепления Чегемского, не далее, как на две версты»[2].

Из родословной Тохтамышевых

В 1853 г. княгиня Таужан Мисостова (в девичестве – Тохтамышева) разъясняла генерал-майору Грамотину, что у ее отца Асылануко Тохтамышева, кроме нее, третьего ребенка в семье, были: Мисост, Камбот и Анзор. Младший сын Анзор был рожден от другой матери, урожденной Анзоровой, а остальные от сестры Камбота Куденетова. После смерти Асылануко вскоре умирает и Мисост [3].

До середины 50-х годов XIX в. Анзор Тохтамышев и его племянник, сын Камбота Тохтамышева – Жамбот Тохтамышев, проживали в одном ауле*. Затем Жамбот отделился от дяди и стал жить собственным аулом на Кишпеке.

В 1858 г. Жамбот Тохтамышев обратился к начальнику Кабардинского округа В. В. Орбелиани: «Род наш происходит от родоначальника князей кабардинских, князя Инала. Место жительства князя Тохтамыша с подвластными было на сей стороне реки Кубань, где ныне обитают ногайские аулы. Впоследствии потомки князя Тохтамыша Иналова, сделавшись жестокие и самовластные и [в] нетерпении на то... даже князьями и подвластными, князья Атажукиной, Мисостовой, Бекмурзиной и Кайтукиной (фамилий), учиня с народом приговор на истребление этого племени, многие побиты силою оружия, а остальные добровольно согласились оставить достоинство и права князя и именоваться первостепенными узденями. Когда владение было поделено между победительны-

*Тохтамышевы-однофамильцы проживали в селе Атажукино III (ныне – Куба). Один из них, Пшемахо Тохтамышев, был женат на падчерице жителя с. Муртазово временнообязанного Белгарокова.

ми князьями, подчинившись в узденство князей Атажукиных, получили в дань земли, чтобы только таковая дань переходила по наследству тем только, кои будут признавать князей Атажукиных своими владельцами. Продать или заложить сказанную долю не представлено было роду»[4].

Перед нами документ о чрезвычайно редкой княжеской родословной, который по важности сопоставим лишь с аналогичным преданием о той же фамилии, зафиксированным Шорой Ногмовым и включенным им в свою «Историю...». Публикуемый нами текст позволит сличить оба варианта – подобное проверить подобным.

Для удобства читателя сначала процитируем выдержки из варианта предания, записанного Ногмовым: «...кабардинские князья, происходящие от Инала, перессорились между собой. Каждый из них хотел властвовать один над кабардинским народом.

После многих перемен междоусобная война кончилась изгнанием князя Тохтамыша и сына его Безруко, поселившихся близ реки Кубани, на речке, названной его именем – Тохтамыш. Изгнанные князья происходили от детей третьей жены Инала, а те, которые их вытеснили, были потомки старшего сына от первой жены Инала»[5].

В другом месте о тех же Тохтамышевых Шора Ногмов пишет: «Дурное поведение их возбудило двоюродных братьев составить заговор для истребления этого беспокойного и хищного дома. Но князь Кайтуко Тохтамышев, сведав как-то о тайном умысле братьев, немедленно бежал к реке Малка, где скрылся в приближнем лесе. Братья же его пали жертвами заговора... Через охотников, ездивших в этот же лес, народ узнал, что князь Кайтуко находится на реке Малке, скрываясь в густоте леса, и обитает в шалаше. Кабардинцы послали к нему 500 человек с предложением возвратиться и быть по-прежнему в своей земле князем, но с тем, чтобы ему быть с князьями и народом обходительным, благосклонным, учитывали и никого не обижали... Князь Кайтуко принял его и заключил условие, которое подтвердил клятвой... Место, где он скрывался, и доныне называется Кайтуко. Через несколько лет он добровольно отказался от княжества, почему ныне дом Кайтуков считается между первостепенными узденями. С того времени этот род потерял право жениться на княжнах и может брать в супружество только узденьских дочерей»[6].

Итак, оба варианта, дополняя и конкретизируя друг друга, совпадают в главном – род первостепенных узденей Тохтамышевых некогда составлял одну из ветвей родословного дерева адыгских князей, восходящую к самому Иналу от его третьей жены.

История Тохтамышевых доказывает: для того чтобы быть адыгским князем, необходимо было родиться им. Но родиться князем еще не означало, что при любых обстоятельствах пожизненно и наследственно гарантировано княжеское достоинство.

Предание о Жамботе Тохтамышеве ничего не говорит о том, по какой причине его предки оказались «на сей стороне реки

Кубани», а Ногмов дает довольно обстоятельную информацию: Тохтамышевы раньше проживали, в Кабарде. Жамбот Тохтамышев, в свою очередь, дополняет Ногмова по такому важному вопросу, как форма землевладения и землепользования в Кабарде. Потеряв права князей и сделавшись первостепенными узденями, точнее, тлекотлешами, Тохтамышевы, вероятно, это произошло в XVII в., получили в дань земли, только чтобы таковая дань переходила по наследству тем, кои будут признавать князей Атажукиных своими владельцами.

Здесь можно говорить о землевладении только по отношению к князьям, т. е. земля представляла собой нечто вроде фамильно-общественной собственности. Князь в условиях отсутствия центральной власти являлся верховным собственником земли в своей фамилии, т. е. своего «княжества». Земля давалась подвластным не в частную собственность, а как плата за службу, преимущественно военную. Достаточно было подвластному князя заявить о своем несогласии служить своему господину, как он лишался узденьской дани, которая включала в себя и землю. Подобные примеры очень часто встречаются в документах XVIII и даже XIX в. Здесь более справедливо было бы говорить о землепользовании, чем о землевладении, т. е. о частной собственности в Кабарде. Кроме того, напрашивается и такой вывод: поскольку Тохтамышевы подпали под узденство Атажукиных (эта фамилия в тот период была наиболее могущественная), все четыре фамилии действовали сообща, а раскол между ними произошел позднее. Не совсем убедительно предание, приведенное Ш. Б. Ногмовым о том, что Тохтамышевы были двоюродными братьями других княжеских фамилий Большой Кабарды. Однако если допустить такое близкое их родство, то получается, что Тохтамышевы, Атажукины, Мисостовы, Бекмурзины и Кайтукины происходят от третьей жены Инала.

Заметим и следующее. Упоминаемое у Ногмова выражение «хищный дом», по-видимому, принадлежит перу его первого редактора Адольфа Берже.

Конфликт между Жамботом и Анзором Тохтамышевыми

Определенное представление о взаимоотношениях между Анзором и его племянником Жамботом дает прошение вольных кабардинцев Хажи Женуса Конукоева, Бабука Тхазеплижева с братьями и Саида Хажикушева (Хажи Кушева) к Орбелиани весной 1858 г. Будучи жителями аула штабс-ротмистра Анзора Тохтамышева, они, «сломав сакли наши, и все, что нужное, перевезли на Баксан», к Жамботу Тохтамышеву. Узнав об этом, Анзор Тохтамышев «начал иметь придирки», считая, что они должны жить в его ауле, будучи «ему во многом должными». Переселенцы отвергали претензии ротмистра как неуместные, поскольку себя

считали «независимыми по вольности нашей, исключая русское правительство». Прошение Конукоева и других заканчивалось надеждой на то, что им будет дозволено, «как вольным, проживать в ауле Жамбота Тохтамышева без вредного владельца»[7].

Конфликт, обострившийся до полного разрыва Анзора с Жамботом и образования последним своего аула, имел длительную историю. Стремясь переломить его ход в свою пользу и желая поразить своего непослушного племянника одним верным ударом, Анзор 13 мая 1858 г. обращается к Орбелиани. Свой рапорт он начал издалека – с покойного отца Жамбота, который к их разногласиям не имел прямого отношения: «В 1830 году родной брат мой Камбот Тохтамышев бежал из Кабарды за Кубань. Оттоль в 1832 году в числе 700-тенной партии, вторгнувшейся в Кабарду, был ранен и взят под стражу для осуждения его законами. Был отправлен в Георгиевский ордононс-гауз содержать под гауптвахтным караулом. Заведя с собой семь человек главных преступников, бежал за Кубань, где, прижив одного сына Жамбота, сам умер»[8].

Краткая хроника последних лет жизни своего брата была извлечена Анзором Тохтамышевым на свет божий как материал, призванный скомпрометировать его непокорного сына и тем лишить племянника шансов на удовлетворение выдвигавшихся им справедливых требований по разделу общего имущества. Штабс-ротмистр Тохтамышев старался убедить начальника округа в том, что он всегда был заботливым дядей, всячески хлопотавшим о бедном малолетнем племяннике, впоследствии оказавшимся неблагодарным и «недостойным».

Свои доводы штабс-ротмистр подкреплял напоминанием о прокламациях Ермолова, которые лишали беглых владельцев имущества и крестьян. Рапорт заканчивался просьбой: «...устранить племянника моего Жамбота Тохтамышева от всякого надела с общего имения нашего землею и подвластными людьми».

7 июня 1858 г. рапорт штабс-ротмистра рассматривал Кабардинский суд, который вынес решение, словесно одобренное Орбелиани, – «до разрешения этого дела строго воспретить жителям аула выселяться из аула Анзорова в аул Жамбота Тохтамышева, выселившихся самовольно вольноотпущенников обратно переселить на прежнее место жительства»*[9]. Это означало, что Анзор мог почти торжествовать победу.

Однако решение, словесно одобренное судом, не означало еще, что оно утверждено начальником. Это оставляло шанс ответчику, Жамбот Тохтамышев был вынужден действовать оперативно. Ознакомившись с материалами суда, Орбелиани 14 июня вернул их обратно с предписанием: «Необходимо все обстоя-

---

*Решение суда не было выполнено. В 1865 г. проводилась реформа по укрупнению аулов, и «аул Джамбота Тохтамышева, назначенный в аул к родственнику его Магомет-Мурзе Тохтамышеву на Чегем, просился войти в состав соседнего аула Тыжева, объясняя, что они три года тому назад вышли с Чегема вследствие найденных неудобств. Просьба эта была удовлетворена по изъявлении согласия со стороны Тыжева аула» (ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 3, л. 409).

тельства по взаимной тяжбе дяди с племянником разобрать... а потом уже представить свое определение на мое утверждение». При этом Орбелиани прилагал прошение Жамбота, которое, относительно родословной Тохтамышевых, уже процитировано в начале нашего повествования. В изложении Жамбота, который, на наш взгляд, объективнее Анзора, его отец предстает в значительно более выгодном свете. Оказывается, Камбот, находясь под покровительством поручика князя Мисоста Атажукина, был «прощен начальством с дозволением возвратиться в Кабарду». Возвращаясь в Кабарду, он скоропостижно скончался в Карачае, оставив после себя малолетнего наследника и жену. Когда они прибыли в Кабарду, Анзор не принял их. И мать Жамбота была вынуждена выйти замуж за прапорщика Шу Кармова*. Он и воспитал пасынка. Затем, по ходатайству полковника Мисоста Атажукина, Жамбот поступает на учебу в Петербург.

Уорк-шаотлухусы правом такой женитьбы не обладали, но, в отличие от беслен-уорков, могли сидеть за столом рядом с князем из уважения к ним как к представителям тлекотлешей, «когда последние отсутствовали». Правда, здесь необходимо подчеркнуть упускаемое из виду обстоятельство. Правом сидеть с князем вместе обладали только те уорк-шаотлухусы, которые были подвластны тлекотлешам, а не князьям, а таковых было немало!

В тот момент Жамбот потребовал раздела имущества, но Анзору удалось уговорить Голицына и Мисоста Атажукина отложить дело до возвращения его на родину. Когда же Жамбот вернулся, Анзор, пользуясь тем, что к этому времени умер его покровитель Мисост Атажукин, замышляет отказать племяннику в его законном наследстве. Однако под давлением подполковника Атажуко Атажукина штабс-ротмистр Анзор Тохтамышев вынужден отдать племяннику Жамботу два семейства крестьян и 20 лошадей. Недовольный таким разделом, Жамбот переселяется собственным аулом на Баксан.

Рассмотрев претензии Жамбота по настоянию Орбелиани, Кабардинский суд в дополнение своего решения постановил, что «тяжбы между ими... происходят от раздробления аула, который до 1856 года составлял один аул, а потому для прекращения споров необходимо соединить в один аул». Жамбот обязывался обратно переселиться в аул Анзора. Но было специально оговорено, что, если Анзор будет притеснять племянника, Жамботу предоставлено право выселиться.

В такой напряженной обстановке в ауле Анзора Тохтамышева произошло событие, которое навсегда осталось в памяти народа.

---

*По тексту видно, что Тохтамышевы были в Кабарде если не первыми по своему социальному весу, то первыми по происхождению тлекотлешами. Поэтому примечательна женитьба беслен-уорка Шу Кармова на вдове первостепенного узденя, имея в виду, что, хотя беслен-уорки по обычному праву могли жениться на дочерях тлекотлешей, но тому были «весьма редкие примеры в Кабарде». Отметим также, что вдова, как правило, выходила замуж за родственника умершего мужа.

Смерть «в памятнике»

Каким бы подчас провинциальным ни казался серьезный конфликт, в нем, как в зеркале, почти всегда отражается социальная жизнь народа своего времени.

Одним из таких столкновений, завершившихся кровавой развязкой, была тяжба Тохтамышевых и их подвластных узденей Кушховых.

Этому событию народ посвятил песню, к нему не раз обращались Хасан Эльбердов, Зарамук Кардангушев, Заур Налоев, Адам Шогенцуков, другие исследователи.

Однако, как показывают наши «раскопки» в хранилищах старинных рукописей, многое в этой трагической истории до сих пор остается не только тайной. Отдельные ее стороны преувеличены, а другие подвергались неизбежному в устном народном творчестве искажению.

Кушховы из аула Тохтамышева известны в народе прежде всего по песне – «Жалоба Жамбота и Якуба Кушховых» («Къущхьэ Жамботрэ Екъубрэ я тхьэуоыхэ»), написанной, по сведениям Зарамука Кардангушева, гегуако Исупом Масаевым[10]. В ней братья Кушховы, конечно, положительные, а Тохтамышевы сплошь да рядом отрицательные герои. Подобные герои встречаются только в сказках и преданиях. Реальная жизнь куда сложнее и богаче. О ней мы и расскажем.

В самом начале 1857 г., 23 января, штабс-ротмистр Анзор Тохтамышев жаловался начальнику бывшего Центра Кавказской линии: «Проживающие в моем ауле подвластные мне узденя: Якуб, Жамбот и Пшемахо Кушховы: 1-й из них в 1855 году отправился с товарищем аула Ашабова – Пака Ципиновым... на реку Золку, где не удалось им никакой добычи, товарищ Якуба, Ципинов, был убит русскими, 2-й, Жамбот, в прошлом, 1856 году и в настоящее время принимает в свой дом приезжающих к нему из Закубанья абреков, где он был в бегах, и 3-й, Пшемахо (ныне находящийся под покровительством князя Пшемахо Джамботова), в декабре месяце прошлого года отправился на добычу...»[11]. Донося об этих поступках братьев Кушховых начальнику, Тохтамышев просил его «воспретить князю Пшемахо Джамботову принимать зловредных людей под покровительство».

Мы уже знаем, что Анзор Тохтамышев, пристрастно излагая факты и события, умел настраивать начальников к принятию соответствующих его интересам решений. И в этот раз генерал-майор Грамотин, которому была адресована его жалоба, сопроводил ее следующей резолюцией: «Князю же Пшемахо Джамботову объявить, что я же не раз лично советовал ему не покровительствовать дурных людей, а потому всякий поступок в подобных случаях подвергает его моему гневу, который может быть вреден для него».

Резолюция Грамотина была направлена против Жамбота Кушхова как «пристанодержателя» для абреков, т. е. против соучаст-

ника абреков – этих злейших врагов окружной военной администрации.

Образ жизни Жамбота Кушхова, как сообщника абреков, был той наживкой, которую, как бы между прочим, подготовил Анзор Тохтамышев Грамотину, чтобы тот на нее клюнул. Хотя он мог бы при других случаях охотно промолчать о том, что в его ауле некоторые жители не только благосклонны к абрекам, но и попустительствуют им, если бы не одно обстоятельство. Оно связано все с тем же переселением части жителей его аула в аул Жамбота Тохтамышева, среди которых был старший из Кушховых – Якуб. О намерении Якуба переселиться мы узнаем из его прошения к Грамотину, написанного в 1857 г. «Я однажды просил Ваше Превосходительство, – писал он, – дозволить мне переселиться из аула штабс-ротмистра Анзора Тохтамышева, но Кабардинским судом не сделано еще по этому предмету распоряжения»[12].

Якуб Кушхов ставил в известность Грамотина о том, что Анзор Тохтамышев, полагая, что хозяев нет дома, «подсылал людей ночным бытом, которые и зажгли в двух местах саклю» его. Но, оказавшись дома, Якуб, Жамбот и другие жители, прибежавшие на крик и ружейный выстрел, спасли семейство, а «имущество сгорело более как на половину».

В сложившейся ситуации Якуб благоразумно просил начальника «осчастливить» его переселением в другой аул. Направляя его прошение в суд, начальник предписывал, если изложенные в нем факты справедливы, немедленно переселить Кушхова, а потом строго и беспристрастно разобрать его дело. Разногласия между Анзором Тохтамышевым и Якубом Кушховым могли окончиться миром в случае выполнения предписания, но, на беду, в то время Грамотина сменил Орбелиани.

Как офицер Анзор Тохтамышев раньше успел сориентироваться в новой обстановке – смене начальника Кабардинского округа. Опередив своего противника, он 9 марта 1858 г. обратился к Орбелиани со следующим рапортом: «Из числа принадлежащих моей фамилии узденей Хажи Осман Кушхов по доброте своей был любим всеми членами моего рода, за верность обогатили его. По смерти Хажи Османа Кушхова оставшихся детей его я желал предохранить от недостойных поступков.

Наконец, когда возмужал сын его Якуб Кушхов, взяв с собою одного узденя аула Ашабова, Ципинова, отправляясь к рабочим на реку Золку, отбил быков от русских, где был убит сказанный Ципинов. Я, дознавши об этом, желая не навлечь на себя неудовольствие как на владельца аула, по чину и фамилии мне неприличное, Якуб Кушхов за наставления, мною ему сделанные, сделался врагом моим, не бывал у меня. В другой раз он взял с собой Атажукина аула Афачагова, и тот был убит, а когда не унимался от воровства, я счел за нужное довести до начальства во избежание ропота народа. После сего Кушхов, потеряв всякое доверие ко мне, и, несмотря на то, что все имения его есть

подаренные отцом моим в узденьскую им дань, всячески старался вредить мне.

Впоследствии, когда брат его, Якуба Кушхова, Жамбот был на злодеянии, где ранен крупной дробью неизвестно кем и доставлен в его дом, чувствуя неизбежную смерть, он возвел клевету на родного сына моего Эльмурзу, что будто бы он его подстрелил. Я, желая эту несправедливую клевету обнаружить, просил неоднократно разобраться по шариату. Кушховы на все вызовы, не являясь в суд, при встрече с сыновьями моими восстают силою оружием. Даже в среде Нальчика Якуб Кушхов бросился на меня с намерением убить»[13].

Свой рассказ Анзор построил так, чтобы сам он выглядел не только ни в чем не повинным, но и благодетельным владельцем «воров», «злодеев» и «неблагодарных» Кушховых. О содержании рапортов Анзора Тохтамышева легче судить, сравнивая их с нижеследующим прошением Якуба Кушхова от 18 марта 1858 г., т. е. написанным 9 дней спустя после донесения Тохтамышева. Прошение довольно пространно, но, надеемся, не утомит читателя.

Якуб писал: «Назад тому третий год, когда за украденную у вольного кабардинца Мета Таова лошадь было возведено им (Таовым. – *С. Б.*) подозрение на сына ротмистра Тохтамышева Эльмурзу, отец его, желая в отчистку себя иметь на меня и братьев моих вражду, сказал Таову, что оная лошадь уворована родным братом моим Жамботом Кушховым. Мы, чувствуя себя в оклеветании этом совершенно невинными, и как я старший из братьев, зайдя к г. Тохтамышеву в кунацкую, где с аула находилось много людей, просил убедительно предоставить в правоте нашей шариатское разбирательство и, если окажемся виновными, затем поставить нас быть плательщиками. Но ротмистр Тохтамышев, не принимая ничего в резон, вышедши из благопристойности, начал произносить скверноматерные слова. Я на удержание его, когда напомнил, что он и я уздени, стыдно и обидно переносить от одного другому подобные обиды, он вскочил с места, схватив меня за бороду и начал рвать. За таковой неприличный и оскорбительный поступок, хотя должен был я вооружиться, но случившимися соаульцами были оба удержаны и разведены врозь. Затем, когда я возвратился в дом свой, ротмистр Тохтамышев прислал ко мне двух стариков на приглашение к эфендию для разбирательства по шариату. Считая, что требование его есть законное, я поехал с ним. И когда лошадь моя по ходьбе опередила его (по адыгскому дворянскому кодексу чести подвластный в этом случае должен держаться несколько позади владельца. – *С. Б.*), он выхватил с нагалища ружье, хотел застрелить. В это время был он удержан ехавшими с нами товарищами.

По приезде нашем к эфендию Шогенову, я, объяснившись о правоте брата, просил г. Тохтамышева представить хотя бы и ложных двух свидетелей на уличение нас с обязательством, что мы обязуемся платить за лошадь, в какой бы ни была она цене. Он сделать того не мог, а эфенди приказал для легчайшей раз-

делки представить сына Тохтамышева Эльмурзу и брата моего Жамбота в назначенный срок для дачи им очных ставок. Из них Эльмурза добровольно сознался, что он украл сказанную лошадь Таова и обязался уплатить, говоря, хотя и была воля отца оклеветать Кушховых, но они во всем правы. При этом было много свидетелей, кои подтвердят и в настоящее время с под присяги.

Услыша о чистосердечном признании сына ротмистра Тохтамышева, он, как отец и сильно враждующее лицо противу нас, прогнав сына своего от себя, сам явясь в Кабардинский временный суд, занес жалобу, что для разбирательства по объясненному предмету Кушховы будто бы не желают являться в суд. Поэтому на вызов нас г. председатель (суда) прислал печать для удостоверения в небытность моего дома и за неявку на первый день оштрафовал тремя коровами... На другой день, приехавши в Нальчик, застал у г. Тамбиева (председателя суда. – *С. Б.*) одну корову, уже зарезанную, а двух подаренными русским, вероятно, в уплату его долгов. Подполковник князь Атажукин, случившись в это время, сказал, что Кушховы не виноваты, вы возвратите забарантованных коров. Г. полковник Тамбиев дал слово уплатить.

И на третью ночь, по приезду моем в свой дом, послышался голос рыдания женщины. Я, выскоча со спальни моей, увидел плачущую жену родного брата моего Жамбота. На вотпрос мой она, как жена его, по азиатскому обыкновению, не могла разъяснить о происшествии, а указала рукою под лапас. Я, бросившись туда, застал брата Жамбота подстреленным из ружья. Сколько ни спрашивал его, он не соглашался в эту минуту открыться, боясь, чтобы я не решился броситься в дом Тохтамышева и сделался жертвою их. Я взял в саклю его, раненного, и пригласил быть свидетелями муллу Ибрагима Дышекова и Хажали Дышекова. Вслед за ними пришли по выстрелу родной племянник ротмистра Тохтамышева, Жамбот Тохтамышев, и Камбот Тлибеоков. Они, выслав меня от раненого, спросили: не знаешь ли, кто именно подстрелил тебя? Брат Жамбот ответил: «Ныне я жив, быть может, через час или менее этого окончу жизнь. Греха на душу не возьму. Подстрелил меня Эльмурза Тохтамышев. Он, подошедши к окошке моей, сказал: «Жамбот, выйди сюда». Я вышел с ружьем, но без всякой опаски, зная его. Он стал под лапасом (имеется в виду лабаз – помещение для хранения продуктов питания. – *С. Б.*), где по полнолунии видя его и зная как изо всех Тохтамышевых первым любимцем моим, подошедши начал говорить. И в эту минуту сделал он с рук из ружья выстрел с намерением убить меня, так что я свое ружье невольно бросил на землю. А он бежал. Я вслед за ним проговорил: «Эльмурза, бог тебе не попустит».

После этих слов брата, переданных мне свидетелями, я наутро, отправлен в аул Клишбиева, пригласил лекаря Шурухова для пользования от раны.

Вследствие чего, доводя до сведения Вашего Сиятельства, все-

унижайше прошу, как беззащитный и русскоподданный, предоставить по изложенным предметам строжайшего исследования на основании законов и с оказавшимся виновным поступить силою уголовного порядка»[14].

Кроме стилистических и пунктуационных погрешностей, вообще свойственных не очень-то квалифицированным писарям, прошение, записанное со слов Якуба, не имеет броских изъянов и представляет собой повествование, в целом объективно отражающее действительность. Якуб Кушхов последовательно и аргументированно опровергает все домыслы, возведенные на него штабс-ротмистром Тохтамышевым и изложенные им в обоих донесениях к Грамотину и Орбелиани. При этом он в качестве свидетелей указывал на племянника штабс-ротмистра – Жамбота Тохтамышева и муллу Дышекова, не говоря уже о многих других односельчанах. Означает ли это, однако, что за Кушховыми не могло быть никакой вины? Нет, не означает. То, что им, как и многим их современникам, не было чуждо опасное и потому своего рода престижное занятие – конокрадство, подтверждают архивные материалы. Кабардинский окружной народный суд 19 июня 1858 г. предписывал корнету Седакову «взыскать с узденя Жамбота Кушхова или с брата его Якуба Кушхова за украденных двух лошадей по стоимости их деньгами и оными удовлетворить узденей Хагожеевых». Об исполнении предписания свидетельствует следующая записка: «1858 г. ноября 28 дня. Дана сия управляющему Большой Кабардой поручику Терехову в том, что получены мною один мерин и две кобылицы ценою в 80 рублей серебром, забарантованные от узденя Якуба Кушхова. В том и подписуюсь. Уздень Ильяс Хагажеев» (приложен чернильный знак перста)[15].

До убийства своего брата Жамбота Якуб ни разу не отказывался от шариатского разбирательства. Но в последнем прошении истец ни словом не обмолвился о таком решении дела, а настаивал с «виновным поступить силою уголовного порядка». Еще было не поздно удовлетворить вполне обоснованные претензии Якуба законным путем. Однако Орбелиани распорядился иначе. Он направил жалобу Якуба в Кабардинский суд для шариатского разбирательства. Этим актом он поставил Якуба Кушхова перед необходимостью прибегнуть к традиционной, правда, осуждавшейся официально, но, хотя и редко, все же наблюдавшейся кровной мести.

Шариатского разбирательства у Орбелиани добивался и не на шутку встревоженный и опасавшийся за свою жизнь штабс-ротмистр. В создавшейся ситуации он винил подполковника Атажуко Атажукина, который называл «Эльмурзу убийцей узденя Жамбота Кушхова». Он указывал, что все семейство Кушховых, сделавшись «самыми врагами, даже желают произвести со мною и детьми моими при первой встрече убийство, что может и случиться».

Якуб Кушхов все ожидал законной «расправы» над Анзором Тохтамышевым, но шли месяцы, а дело не продвигалось. Последний раз он из аула Тыжева, куда, видимо, переселился, напом-

нил В. В. Орбелиани о своем прошении в следующих словах: «В марте месяце прошлого года я подавал Вашему Сиятельству прошение о нанесенной брату моему Жамботу смертельной раны Эльмурзою Тохтамышевым и притом с сожжением дома моего, будто бы я украл лошадь у кабардинца Таова, которую похитил не я, а Эльмурза Тохтамышев... Я просил законного исследователя, но о нем еще по настоящее время ничего не знаю...»[16]

Потеря надежды на законное расследование обстоятельств убийства своего брата и наказание виновного заставляет Якуба решиться на кровную месть. Вскоре наступила развязка. Законы кровной мести допускали убийство непосредственного убийцы или его близкого родственника. Кушхов выбирает в качестве жертвы главного зачинщика смерти своего брата – Анзора Тохтамышева. Заключительная стадия их противостояния изложена Орбелиани в рапорте командующему войсками левого крыла Кавказской линии графу Евдокимову: «С начала 1857 года, – писал начальник, – жители Большой Кабарды штабс-ротмистр Анзор Тохтамышев и узден Якуб Кушхов по каким-то неудовольствиям имели между собой вражду. В апреле месяце того же года Кушхов ночью был подозжен, и он в этом подозревал Тохтамышева, а потом, спустя недели две, брат Якуба Пшемахо Кушхов был вызван кем-то ночью из сакли и смертельно ранен, подозрение его в этом случае пало на Тохтамышева же»[17]. Вступительная часть рапорта выдержана в тенденциозном духе, т. е. события освещены несколько искаженно, в пользу Тохтамышевых. Допущена и явная неточность: был убит не Пшемахо, а Жамбот Кушхов. Орбелиани, конечно, знал, что он был вызван не «кем-то», а Эльмурзой Тохтамышевым. Начальник округа далее излагает события в той форме, в которой они имели место.

Поступившие по этим делам с обеих сторон просьбы были переданы в суд, но Кушхов, уклоняясь от разбирательства, по вызовам суда не являлся. «17 же числа сего месяца (марта. – *С. Б.*) в два часа пополудни Якуб Кушхов, встретившись с штабс-ротмистром Тохтамышевым на Нальчикском форштате, сделал по нем из пистолета выстрел и убил его наповал. Сам же бросился бежать за форштатт, но преследуемый казаками и милиционерами и нагнанный переводчиком Николаевым, вскочил на кладбище в памятник, устроенный в виде часовни, заперся в нем и ни за что не хотел сдаться. Вследствие чего я приказал взять убийцу живого или мертвого. Памятник немедленно был окружен стрелками и казаками, которые начали стрелять только тогда, когда по многократным увещеваниям сдаться Кушхов вместо ответа грозился убить из щелей памятника первого, кто только близко подойдет. При известии, что ружейные пули не произведут желаемого, и, не желая подвести ближе солдат из опасения, чтобы кто-нибудь из них не был убит Кушховым, я приказал взять к месту происшествия орудие и ядром разбить памятник и этим способом достать убийцу живым или мертвым. После четырех выстрелов ядрами из орудий, Кушхов найден разорванным пополам». Так

окончил свою жизнь поборник справедливого возмездия Якуб Кушхов.

Одной из наиболее популярных народных песен и по настоящее время остается песня, посвященная братьям – Якубу и Жамботу. Последняя строка песни говорит, что мать Якуба, узнав о геройской смерти сына, попросила свою сноху, вдову Жамбота, по сведениям Зарамука Кардангушева, известную гармонистку – Нагураш, сыграть кафу. И она, словно на радостях, троекратно исполнила танец. Это была последняя материнская дань сыну и гимн спасшему фамильную честь узденьского рода Кушховых из аула штабс-ротмистра Тохтамышева. Сочинитель песни Исуп Масаев, надо думать, особо не преувеличил ее заключительные строки. Прощальные танцы матерей, посвященные павшим смертью храбрых на поле чести или в борьбе за свободу родины, были не таким уж редким явлением в Кабарде.

Эпилог

Со смертью двух основных действующих лиц трагической истории не закончилось противостояние Тохтамышевых и Кушховых. Ситуация все еще оставалась драматической. Она грозила в любой момент разразиться новым кровопролитием, Начальник округа генерал-майор Орбелиани 19 марта 1859 г., т. е. уже на следующий день после убийства штабс-ротмистра, чтобы исключить возможность нового кровомщения, особенно со стороны Кушховых, пишет майору Кундухову, приставу Малой Кабарды: «С сим вместе сделано мною распоряжение о переселении семейства убийцы Якуба Кушхова, также убитого вчера (отсюда устанавливается дата смерти Якуба. – *С. Б.*), по моему распоряжению в Малую Кабарду для устранения вражды, существующей с давнего времени между Кушховыми и Тохтамышевыми. Поэтому предлагаю Вашему Высокоблагородию по доставлении к вам семейства сказанного убийцы поселить его в ауле по вашему усмотрению и об исполнении донести мне своевременно». Из предписания ясно, что Якуб Кушхов убит 18 марта. Следовательно, в свою последнюю ночь он был оторван от близких, родных и друзей, провел ее в тревожном и бессонном одиночестве, во враждебном окружении, на кладбище, «в памятнике», как бы уже начав свою загробную жизнь, но без страха и раскаяния в содеянном.

В тот же день, 19 марта, Орбелиани предписал начальнику Баксанского участка майору Коноплянскому: «Для устранения мести со стороны Кушховых вследствие вражды с Тохтамышевыми предлагаю Вашему Высокоблагородию переселить немедленно семейство братьев и ближайших родственников убийцы штабс-ротмистра Тохтамышева Якуба Кушхова, также убитого, в Малую Кабарду, в аул по усмотрению майора Кундухова. Прочих же фамилии Кушховых, остающихся в Кабарде, обязать под-

пискою, что они не будут мстить Тохтамышевым, и таковую представить ко мне...»[18].

Орбелиани, видимо, поторопился с предписанием Кундухову выселить лишь одно семейство Якуба Кушхова и определить место его жительства по его усмотрению. Об этом говорит акт, составленный медиаторами 19 сентября 1859 г. Медиаторы, в присутствии начальника Кабардинского округа, постановили: «Так как главным условием для устранения между Тохтамышевыми и Кушховыми всякого неприязненного столкновения должно быть удаление кого-либо из них на постоянное жительство в другое место вне Кабарды, то мы нашли справедливым выселить Кушховых из Кабарды в течение месячного с сего числа срока со всем семейством и имуществом, предоставив им право избрать себе для жительства место по своему усмотрению, кроме Большой и Малой Кабарды, Карачая и Абукова аула, и чтобы после этого решения Тохтамышевы и Кушховы никакой вражды между собою не имели»[19].

Медиаторами были избраны: прапорщик князь Пшемахо Джамботов, поручик Заракуш Тамбиев, поручик Асламбек Тыжев, подпоручик Ахмед Махаров, Хаджи Беаслан Шихабахов и Хаджи Кайсын Эфенди Шогенов. О своем совершенном согласии с решением медиаторов с обязательством исполнять его в точности подписались: Магомет-Мирза, Эльмурза, Жамбот и Фокуш Тохтамышевы, а со стороны Кушховых – братья Якуба и Жамбота – Пшемахо и Аисса (Гиса) Кушховы. Решение было утверждено Орбелиани.

Примерно через месяц в соответствии с постановлением посреднического суда Кушховы, хотя и по выбору своему, но вынужденно направлялись в Военно-Осетинский округ. В связи с этим 24 октября 1859 г. Кабардинский окружной суд сообщал штабс-капитану Степанову: «Окружной суд предписывает Вашему Высокоблагородию с получением сего все семейство холопей Кушховых с их семейством отдать господину их Кушхову. Если же они добровольно не согласятся переселиться, то арестовать их и по этапу отправить в Военно-Осетинский округ для поселения вместе с их владельцем Кушховым. Депутат подполковник Кучук Касаев». Крестьяне изъявили желание последовать за своими владельцами.

Одновременно с подготовкой к переселению Кушховы и их покровители, вероятно, предприняли попытку подействовать на главную военную администрацию с надеждою изменить место ссылки. Этим следует объяснить отношение, адресованное начальнику Кабардинского округа из штаба войск 21 декабря 1859 г.: «Имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство донести г. Командующему войсками, найдете ли вы возможным и удобным переселить из вверенного вам округа кабардинцев Кушховых в Малую Кабарду, в аул князя Бековича-Черкасского или куда они сами пожелают?» В ответ на это Орбелиани 9 января 1860 г. докладывает командующему войсками Евдокимову: «Я нахожу

удобным переселить кабардинцев Кушховых в Малую Кабарду в аул Бековича-Черкасского, тем более, что Тохтамышевы на это сами согласились и дали подписку, что по переселении Кушховых туда прекращают всякую с ними вражду... с тем, однако, что Кушховы оттоль не были увольняемы в Большую Кабарду во избежание могущих произойти между ними встречи и столкновения»[20].

После переписки между Евдокимовым и Орбелиани Кабардинскому суду уже не стоило труда немедленно отменить собственное предписание штабс-капитану Степанову, сделанное им 24 октября 1859 г. На сей раз, 19 апреля 1860 г., предписывалось управляющему Большой Кабардой капитану Шипшеву: «С получением сего переселить Кушховых в аул Бековича-Черкасского и об исполнении донести суду. Депутаты: подполковник Касаев, ротмистр Балкароков...» Участковый начальник об исполнении предписания доложил 12 июня 1860 г.[21]

В настоящее время в селениях Терекское (Булатово) и Урожайное (Абаево) проживают представители фамилии Кушховых, переселенных из аула Бековича-Черкасского. Основанием для такого заключения является то, что в ходе укрупнения кабардинских аулов, проводившегося в 1865 г., жители аула Бековича-Черкасского расселились частью в аул Абаева, частью в аул Булатова.

Дальнейшая судьба переселенных Кушховых в документах не прослеживается. Возможно, они выехали в Турцию. Вместе с тем существует предание, согласно которому Кушховы, проживающие в с. Урожайное (бывшее Абаево), переселились в Малую Кабарду в связи с событиями, изложенными в песне о Жамботе Кушхове, и что они являются потомками детей Якуба Кушхова (информатор Хадис Кушхов со слов старейшин рода). Возможно, однако, что они однофамильцы.

Кровная месть, совершенная Якубом Кушховым 17 марта 1859 г. в Нальчике, заставила окружную администрацию принять меры предосторожности и ужесточить режим въезда в крепость Нальчик и нахождения в ней. «Последний неприятный случай по убийству штабс-ротмистра Тохтамышева, – указывал Орбелиани Кундухову 29 марта, – поставил меня в необходимость запретить кабардинцам въезд в крепость с оружием. Его не лишаются только те, которые будут иметь от меня на то билеты, но с тем, чтобы въезд последних на форштатт был не иначе, как через Московские ворота, где караульный унтер-офицер обязан осматривать каждого туземца, желающего въехать сюда с оружием, имеет ли он на это право. Въезд же без оружия в Нальчик, с оружием из оного разрешается во все ворота. Предлагаю обнародовать об этом распоряжении моем по всей Кабарде и горских племенах»[22].

Такие же предписания были даны и другим участковым начальникам. Данное распоряжение касалось и лиц, состоявших в милиции. 30 марта управляющий Большой Кабардой обратился к Орбелиани с рапортом: «Согласно данного предписания Вашего

Сиятельства от 29 марта... честь имею покорнейше просить не оставить приказать, кому следует выдать мне билеты для свободного въезда в укрепление Нальчик с оружием состоящим в ведении моем туземцам для служебных обязанностей по представленному при сем именному списку... милиционеров, состоящих при начальнике Кабардинского округа: зав. милицею, прапорщик Шерухов, прапорщики Жанситов, Хаудов; юнкера князь Кайсын Кильчукин, Кази Ашабов, Нох Хаупшев; урядники Ефим Николаев (известный читателю переводчик между Якубом Кушховым и его преследователями. – *С. Б.*), Яков Увыжев, узденья: Магомет Бабугоев, Джанхот Тлохуреев, Матгирей Бабугоев, Эльмурза Шугунов, Сафар Нагоев, Эльмурза Захохов, Джанхот Шипшев, Василий Теркунов, Христофор (?) Вороков, Шокара Нартыжев, Исуп Масаев»[23].

Комментарии

Некоторые из перечисленных милиционеров, как явствует из рапорта Орбелиани к Евдокимову, принимали участие в преследовании Якуба Кушхова. Однако особый интерес вызывает наличие в списке Исупа Масаева, известного как автора песни, посвященной братьям Кушховым. Теперь уже мы можем сказать, что Исуп Масаев не только современник Якуба и Жамбота. Он был свидетелем кровавого конфликта двух фамилий и, более чем вероятно, очевидцем расправы над Якубом, учиненной властями, не пожалевшими для этой цели и четырех выстрелов из орудия.

Житель аула Анзорова (Лескен II) Исуп Масаев, кроме лично увиденного, конечно, располагал определенной реальной информацией устного характера, что дало ему возможность сказать в песне о главном – убийстве трех основных участников трагедии, и в этом смысле ее текст соответствует изложенным нами выше фактам.

Но в песне и преданиях о противостоянии Тохтамышевых и Кушховых есть немало вымысла и домыслов. Сопоставление фольклорной версии и документального свидетельства события, кроме отмеченного выше, показывает:

1. Во второй половине 50-х годов Хасан Эльбердов*, по просьбе Заура Налоева, написал рассказ о Жамботе Кушхове»[2].

---

*В посемейном списке жителей аула Тыжева (Кишпек), составленном в 1886 г., записаны два домовладельца: Эльбердов Каирбек Матуевич и Эльбердов Увжуко Хажалиевич. В семье последнего появится на свет младший сын Хасан. Заур Налоев в 1993 г., издавая сборник избранных произведений Хасана Увжуковича, уступая завещанию покойного – старшего коллеги, хотя и не вполне разделял его мнение, заменил распространенную фамилию «Эльбердов» на «Эльбедов». Приведенный посемейный список и словарь адыгских фамилий профессора Джамалдина Кокова совпадают в написании данной фамилии, а именно: Эльбердов. Этот вариант соответствует первоначальной редакции родового имени, которое зафиксировано писарем через переводчика, очевидно, со слов отца Хасана – Увжуко (или Каирбека) и согласуется с орфографией, не признающей, как правило, исключений из правил.

Будучи ортодоксальным фольклористом, Эльбердов, как свидетельствует Заур Налоев, предпочитал первозданное предание его художественной передаче и стремился к сохранению подлинного текста. В данном случае такой подход к преданию чрезвычайно ценен, поскольку дает возможность сопоставить быль, зафиксированную в документах, с вымыслом в фольклоре, т. е. народным творчеством.

2. Многое в рассказе-предании Эльбердова уже невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть документально. Коснемся некоторых из них. Хасан Увжукович упоминает, что Якуб Кушхов был дорогим другом («И ныбжъэгъу лъапIэт») жителя аула Тохтамышева – Хаматы Бейтуганова. Нет оснований не согласиться с этим. Однако фактографическая база рассказа существенно обедняется, когда автор, стремясь придать Якубу Кушхову черты народного героя, уводит его в абреки. Мы уже знаем, что это противоречит подлинным событиям.

3. Зарамук Кардангушев, ссылаясь на предание, пишет, что Жамбот Кушхов совершил умыкание – похищение дочери узденей Тлибековых Нагураш в тот момент, когда между ней и штабс-ротмистром Анзором Тохтамышевым совершался обряд бракосочетания*. (По Хасану Эльбердову, бракосочетание происходило между Нагураш и Жамботом Тохтамышевым). Оба варианта должны быть отклонены. Говоря так, мы имеем в виду известные читателю рапорты Анзора Тохтамышева. Если бы подобное оскорбление честолюбивого и высокомерного первостепенного узденя имело место, то он ни за что не упустил бы случая выгодно для себя сообщить об этом начальству. Что касается позиции Жамбота Тохтамышева, то он лояльно относился к Кушховым на фоне затянувшегося неприязненного его отношения к своему дяде – противнику. Вообще, Тохтамышевы, согласно обычному праву, не стали бы добиваться бракосочетания с дочерью узденя, не равного себе по происхождению.

4. Нет необходимости далее останавливаться на других несоответствиях в преданиях о Кушховых, вполне естественных и объяснимых с точки зрения народа, влюбленного в своих героев. Отметим только, что субъект кровной мести Якуба Кушхова представлен в рассказе Хасана Эльбердова смутно и сбивчиво. Имя главного отрицательного героя, по рассказу, – майор Жамбот Тохтамышев. А он, хотя и окончил учебное заведение в Петербурге, где овладел русской грамотой, не имел военного чина. К тому же застрелен Якубом не Жамбот, а Анзор Тохтамышев, а он штабс-ротмистр.

5. В песне устами Якуба говорится о Жамботе, как о единственном брате, рожденном его матерью. Если это верно, остальные его братья, Пшемахо и Гиса, родились или от другой матери, или единоутробны.

---

*Анзор Тохтамышев в 1852 г. был женат на вдове Крымшокаловой, родной сестре братьев Атажука и Исмаила Куденетовых (ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 13 об.)

Вернемся к рапорту Анзора Тохтамышева от 9 мая 1858 г. и обратим внимание на то место, которое объективно указывает на родословную Кушховых. Однако перед этим подчеркнем: отцом Якуба и Жамбота до сих пор считается Алихан Кушхов. Такого мнения придерживался Хасан Эльбердов. Обстоятельнее родословную Кушховых прослеживает Зарамук Кардангушев: «Узденя Жамбот и Якуб жили в Балкарии на Верхнем Чегеме у тлекотлешей Барасбиевых. В детстве братьев их отец Алихан был убит Барасбиевыми. Когда братья возмужали, Барасбиевы выгнали их как неуживчивых. Мать у них была кабардинка, в девичестве Дышекова. Спустившись к подножью, они попросили Тохтамышевых, чтобы те разрешили им быть односельчанами. Тохтамышевы согласились принять их, если они согласятся признать себя их подвластными. Таким образом, Кушховы из Верхнего Чегема переселились в аул Тохтамышева».

Источники таких сведений не указаны авторами, но, несомненно, носят фольклорный характер. Имея счастливую возможность подвергнуть предание «экзамену» документального свидетельства, мы можем однозначно установить: отца Кушховых звали не Алихан. По переписи населения Кабарды 1825 г., отцом Якуба и Жамбота назван Аслан, однако возможно, что его имя Осман (Усман). Именно так называется он в двух документах: рапорте штабс-ротмистра Тохтамышева от 9 мая 1858 г. и в показании группы односельчан от 26 марта 1859 г. (см. ниже).

Что касается их этнической принадлежности, то документ недвусмысленно указывает: Кушховы родом из Карачая. Уздени Магомет-Мурза, Эльмурза и Жамбот Тохтамышевы писали Орбелиани 26 марта 1859 г.: «Отец убитого Якуба, Хаджи Усман Кушхов, переселился из Карачая к нам в аул, не имея у себя никакого имущества, кроме одного ишака и одной палки, и получил он от нас разные подарки с условием жить у нас наравне других наших узденей и оказывать нам услуги. Все имение их, как холопья, так и другое, куплены ими полученными от нас подарками». Достоверность отмеченных в данном прошении Тохтамышевых фактов не подлежит сомнению, поскольку за их объективность ручались и «свидетели по сему: Иса Кебышев, Ильяс Хагажеев, Хачимахо Крымоков, Ибрагим Хагаджиев».

В прошении Якуба Кушхова упоминаются Ибрагим и Хажали Дыщековы, которых он пригласил в качестве свидетелей последних слов смертельно раненного Жамбота Кушхова. Такое доверие к Дышековым, видимо, соседям Кушховых, вызвано особым обстоятельством. На это указывает и предание, рассказанное автору этих строк народной артисткой Российской Федерации Куной Дышековой. Она утверждает, что настоящая фамилия Якуба не Кушхов, а Дышеков, о чем поется и в песне: «Дэ дыкъэзылъхугъэри ДыщэкI Унагъуэти, ахэр мэунэ» («Мы родились в семье Дышековых, они зажили»).

Родословная Дышековых, по воспоминаниям народной артистки Куны Дышековой, выглядит так: Хажимирза – Салих – Мэкъуауэ.

Имя последнего – Макоо Дышекова – дважды встречается в изложении двух предписаний «начальника войск, на Кавказе расположенных», князя генерал-майора Горчакова за 1825-й и 1826 г. – «О доставлении в Ставрополь кабардинца Макоо Дышекова и о возвращении его (из Ставрополя. – *С. Б.*) по-прежнему в Кабарду на жительство, который приговорен был в солдаты»[25].

Макоо (Мэкъуауэ) Дышеков представляет интерес в том смысле, что он, согласно преданию, приходится то ли родным дядей, то ли двоюродным, но, во всяком случае, близким родственником Якуба и Жамбота Кушховых.

Есть также сведения, что о судьбе братьев Кушховых была написана пьеса Хабалой Дышековым из Чегема I.

БЕКОВИЧИ-ЧЕРКАССКИЕ В МАЛОЙ КАБАРДЕ

В 20-х годах XIX в. возник вопрос о земельном наследстве малокабардинской княжеской фамилии Мударовых, связанный с прекращением мужской линии этого рода.

О. Л. Опрышко, со ссылкой на библиографическую редкость – «Русскую геральдику» А. Лакиера, – опубликовал родовой герб князей Черкасских и изложил его основное содержание (*Опрышко О. Л*. По тропам истории. Нальчик, 1990. С. 194–195). Полное описание этого герба нами выявлено в Центральном государственном архиве КБР. В протоколе Кавказского депутатского собрания, составленном 8 ноября 1839 г. по случаю внесения рода князей Бековичей-Черкасских в Российскую дворянскую родословную книгу, отмечено: «В щите, разделенном на четыре части посередине, находится малый горностаевый щиток с державою, означенного золотом. В первой части, в красном поле, черкес в золотой епанче и в княжеской шапке с пером, скачущий на белом коне с золотою збруею, имеющий на плече золотое копье. Во второй части, а голубом поле, между трех шестиугольных звезд серебряных, изображены крестообразно две серебряные стрелы, остроконечием во верх поднятые, на которых поставлен щит красного цвета с серебряным на нем полумесяцем. В третьей части, в серебряном поле, натурального цвета лев, держащий в передних лапах натянутый лук с стрелою. В четвертой части, в золотом поле, видны два змия, перпендикулярно перевивающиеся, натурального цвета. Щит покрыт мантиею, принадлежащею княжескому достоинству, и шапкою с пером, имеющую вид чалмы, которая наложена на золотую корону. Сия шапка с пером изъявляет знаменитость родоначальника Черкасских князей Инала, который был султаном в Египте» (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 2, т. 2, л. 39 об.).

Небезынтересно подчеркнуть, что только в 1838 г. Ефим Бекович-Черкасский «вознамерился род свой причислить к дворянскому сословию, так как оный по сие время причисленным нигде не был и не внесен в родословную книгу». К дворянскому сословию

оставались непричисленными и родственники Ефима Александровича, проживавшие в Оренбургской губернии в городе Уфе.

Ефим Бекович-Черкасский добивался выдачи ему грамоты на княжеское достоинство, поэтому, наряду с другими документами, он представил и описание «Герба фамилии Бековичей-Черкасских, которой суть утвержден и значится в Российском Гербовнике».

Кавказское депутатское собрание решило, что оно «не может отвергнуть без уважения представленных просителем майором Бековичем-Черкасским доказательств о происхождении от княжеского достоинства, и по сему по разуму тех узаконений не должен он, проситель, лишиться породою данного ему права». Однако поскольку Дворянское собрание «не простирается до восстановления, а ограничено одним причислением к дворянству Губернии дворянина», оно отправило всю документацию в Геральдию – на утверждение (там же, л. 29, 30, 46 об.).

Основными претендентами на открывшееся наследство были признаны Федор и Ефим Бековичи-Черкасские (их мать Любовь Андреевна была урожденной княгиней Канчокиной, происходившей из фамилии Мударовых). Последним обстоятельством ловко воспользовался Ермолов в своих политических целях и составил акт передачи обширных земель пресекшейся фамилии. В акте сказано: «По восстановлении в Малой Кабарде порядка тишины, предпринимаемого с 1804 года... пригласил я в прошлом 1822 году известного в преданности по личным способностям и по происхождению из древней Кабардинской фамилии могущего для правительства быть полезным Лейб-гвардии полковника князя Бековича-Черкасского поселить в Малой Кабарде по правому берегу близ редута Александровского деревни, могущие служить на будущее время обороною сей части...»[1].

В докладе Ефима Бековича-Черкасского, составленном им в 1845 г. на имя графа Воронцова, обозначены границы земель Мударовых: «До 1800 года... владения фамилии Мударовой имели границы, начиная от впадения реки Курп в Терек до вершины реки Пога, по реке Кицик, по речке Архина на реке Моршодон, от сей до крепости Ларса, оттоль, переправясь через Терек, до вершины реки Канбулеевки до реки Осия, а от сей речки до такой же Мартаны, где добывалось в небольшом количестве железо, от Мартаны по правому берегу течения реки Терека до речки Ашкеши, ниже Наура».

В докладе приводились и названия поселений, подвластных Мударовой фамилии и находившихся на этой территории: Ахлова, Инарокова, Астемирова, Булатова, Верхний и Нижний Яндаровы, Хапцова, Азапшева, Абаева, Такашева, Шегерокова, Пишикяу, Агжунское, Пседахинское, Кожаковское и Межи Юртовское[2].

За наследство Мударовых многолетнюю и безуспешную тяжбу вел и Александр Мисостов. «По китабу и священными законами Российских государей, – писал он в 1863 г. наместнику, – я быть должен непременно наследником наравне Бековичу, как отцы наши родилися от двух родных сестер, дочерей Мударовых»[3].

Как видно из его прошения, он еще в 1857 г. обратился к генерал-майору Грамотину. Последний было сделал соответствующее распоряжение, но Бекович-Черкасский категорически отказался его выполнить «на основании адата, существовавшего назад тому за 180 лет». Дело в том, что по адату «происходящие по женской линии родственники не делаются наследниками недвижимого имущества», а Мисостов представлял женскую линию Мударовых.

Не помогла Мисостову и его апелляция к шариату, согласно которому, по его словам, «все народные дела разбираются и решаются». Он даже настойчиво просил наместника «священными законами России воспретить об адате, существовавшего во времена идолопоклонства». Заметим вскользь, что Мисостов далее сообщал небезынтересные сведения о родословной кабардинских князей. «Князья Мударовы и Ахловы, – указывал он, – действительно произошли от одного родоначальника князя Гиляхстана*, но со дня разделения его настало 16-е колено, где можно полагать более 3-х столетий»[4].

Мисостов преувеличивал, когда писал о своем ближайшем родстве с Мударовыми. В «Записках по земле князей Бековичей-Черкасских», подписанных в 1863 г. Кодзоковым и, вероятно, составленных им или при его руководящем участии, сказано, что «прямыми наследниками прекратившейся фамилии Мударовых» являлись Ахловы. Однако Ахловы как «виновники смут Малой Кабарды», по воле Ермолова, лишились права на наследство. Собственно, известный акт Ермолова о передаче земель Мударовых Бековичам-Черкасским последовал именно в связи с действиями Ахловых, направленными против властей[5].

Акт Ермолова был высочайше утвержден в 1825 г. Он позволил Бековичу-Черкасскому «переселить 70 дворов узденей черного народа, по азиатскому праву ему с матерью и братом подвластных, и до 15 семейств из бывших узденей из Бековичей, в смутное в Кабарде время выселившихся и на возвратное в оной жительство желание изъявивших»[6].

Позволение о переселении указанных 70 дворов было необходимо, поскольку они проживали в Кизляре. К аулу присоединились еще 15 семейств «чагар вследствие 22-летнего превращения их»[7].

Ермолов распорядился поселить Федору Бековичу-Черкасскому на местности «по правому берегу р. Терека, близ редута Александровского, деревни, могущие на будущее время служить обороною сей части Кабарды по снятии поста военного»[8].

Бековичи-Черкасские заселяли свою территорию выходцами из соседних народов. Так, в 1829 г. Федор пригласил назрановского старшину Чорока Амирханова в урочище Аучлак, а «после Берд Кушев с своими осетинами самовольно поселился... близ Лепшитл»[9]. Всего в деревне Бековича-Черкасского насчитывалось 100 дворов.

---

*Гилякстаней – «та часть Малой Кабарды, которая до 1822 года принадлежала двум фамилиям – Ахловым и Мударовым» (ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 3, т. 1, л. 16).

Интересные сведения содержатся в документе о младшем брате Федора – Ефиме Бековиче-Черкасском. По данным за 1839 г., ему принадлежали: «крепостных крестьян из азиатцев в Кизляре мужского пола 30, женского 15; в Малой Кабарде мужского пола 70, а женского 76, и вольноживущих в Кизляре подвластных мужского пола 50, женского 70; в Малой Кабарде мужского пола 2400, женского 2000, всего крепостных и вольноживущих 4611 душ»; Ефим Бекович-Черкасский обладал и значительным хозяйством: «В Кизляре четыре виноградных сада, из коих выделывается вина 400 бочек в год, в заводе два куба выгоняют кизлярской водки 50 бочек в один раз; снимается сарачинского пшена в год 6 т. мер; на ватаге ловится разной рыбы более 100 т. штук» (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 2, т. 2, л. 40 об.).

В 1846 г. во время похода Шамиля деревня Бековича-Черкасского была разорена. Ее жители переселились, кто в Кизлярский округ, в имение Бековича-Черкасского – Янглыюрт, кто в Большую Кабарду. Подполковник Бекович-Черкасский просил начальство «о срочном водворении» 110 семейств, ранее живших в его деревне, – в его имение. Однако начальство отказало ему, опасаясь, что вместе с новыми переселенцами в Янглыюрт там могут «водвориться безпорядки». К тому же и жители деревни из кабардинцев не признавали «право Бековича-Черкасского на владение ими»[10].

В связи с этим не убедительно сообщение Ефима Бековича-Черкасского приставу Малой Кабарды хорунжему Тургиеву от 29 декабря 1846 г.: «На продажу земли в Малой Кабарде, мне принадлежащей, я изъявил согласие на тех условиях, чтоб означенные 100 семейств были переселены в Кизлярское мое имение с теми правами, какие они здесь имели, на что получив разрешение наместника, я переселил их в мое имение»[11].

Часть жителей деревни Бековича-Черкасского – Абдрузак Магометов, Борок Темрюков, Айдемир Байрамов, Алебий Шанбиков, Алий Батрасов и Бекмурза Темиров – переселились в Большую Кабарду в аул Тлостаналиева. В марте 1847 г. они обратились к начальнику Центра Кавказской линии с просьбой дозволитъ им вернуться обратно и получили разрешение. В 1847 г. к начальнику Малой Кабарды также обратились с прошением уздени 2-й степени Мустапа Кутлянов, Стемео Бамбатов и «еще 6 семейств из узденей же, а именно: Умахан Шиков, Нарадил и Адиль Шиковы, Салават и Хадыр Султаналиевы и Атау Адрахманов». Они имели жительство в деревне Бековича-Черкасского. «А ныне его, Бековича, последовала смерть, – указывали они, – то нетерпеливо желаем опять возвратиться на прежнее место жительства в аул, называемый князя поручика Кучук Турлова». Начальство разрешило им переселиться в означенный аул, имея в виду, что там проживали их родственники [12].

С просьбой вернуться в деревню Бековича-Черкасского обратился к властям и поручик Перхичев, выселившийся оттуда в аул Кошева из-за конфликта с владельцем деревни. Вместе с

другими девятью дворами ему также разрешили вернуться обратно.

В Малую Кабарду должны были вернуться и некоторые ее жители, переселившиеся в Большую Кабарду в период похода Шамиля: Исмаил Туманов, Абдула Орокшиев, Магомет Балкаров, Шабаз-Гирей Хажоков, Сеит Урушов, Темрюко Ахаминов, Жава и Даут Ервасовы. Они проживали в ауле князя Бекмурзы Солтан-Алиева (первые два), остальные – в ауле Кургоко Анзорова. Хорунжий Тургиев просил начальника Малой Кабарды «о понуждении оных жителей к скорейшему возвращению на прежнее место их жительства»[13].

В начале 40-х годов деревня Бековича-Черкасского находилась уже на Тереке, между Екатериноградской и Моздоком, напротив Павлодольской станицы.

Говоря об ауле (деревне Бековича-Черкасского), следует отметить одну его отличительную особенность: с самого начала он включал в себя, как отмечено выше, несколько населенных пунктов. В частности, в 1858 г. в эту деревню входили аулы: Дадя, Кожука, Мичкиж, Сафара и Давлетгирея – всего 6 небольших поселений[14].

По данным за 1865 г., в ауле (деревне Бековича-Черкасского) проживали: 255 дворов кумыков, 107 дворов чеченцев и всего 79 дворов кабардинцев[15].

Малокабардинцы не признавали «за своих соплеменников 79 дворов кабардинцев, живущих в ауле Бековичей, а признают и принимают к себе только 34 двора, а 45 дворов называют Брагуновцами и перебежчиками из Надтеречного наибства и племени чеченского»[16].

Такая ситуация сложилась, по одним источникам, с момента основания аула Бековича-Черкасского, то есть с 1825 г., когда были приглашены «100 кумыкских семей из-под Кизляра* и во время Кози Муллы приходом Брагуновцев и Чеченцев из Надтеречного наибства, увеличенных впоследствии выходцами преимущественно из тех же мест, водворившихся в аулы Бекович и Псидахе...»[17].

На земле Бековичей-Черкасских находился аул Псидах, «составившийся первоначально из Надтеречных чеченцев и увеличенный впоследствии различными выходцами, по большей частью самовольно». В 1863 г. в Псидахе насчитывалось 187 дворов. На земли Бековичей-Черкасских переселились и ингуши, выселенные из Тарской долины и поселенные на Кескеме в 1861 г., «в числе 80 дворов». В 1865 г. они достигли «более 200 дворов». Всего ингушей и чеченцев, «водворенных, вследствие предшествовавших распоряжений начальствовавших в крае, на землю Бековичей

*Немало малокабардинцев, до наших дней сохранивших родовые предания о том, что их предки – выходцы из Кизляра. В частности, Кумыковы из с. Плановское (Боташево) считают, что подлинная их фамилия Тузаровы. До переселения в Кизляр их предки проживали в Дагестане. (Информатор Кумыков Галим Тикович, 70 лет, учитель.)

или пользующихся ею», доходило до 487 семей. Они проживали в аулах: Кескем, Псидах, Сагопш, Ах-Барзой, последний находился на месте переселившихся в Турцию аулов Бокова и Ачалуки[18].

О конфликтных взаимоотношениях князей Бековичей-Черкасских и князей Малой Кабарды говорится в указанной записке, подписанной Кодзоковым в 1863 г. Из нее видно, что акт Ермолова внес дополнительный раздор в среду князей. «Дело Бековичей» со временем сделалось серьезной проблемой. Как отмечается в документе, это дело «в течение 38 лет пребывает в темноте и служит предметом глухого враждования целого малокабардинского племени». Главная причина: князья Бековичи-Черкасские по своей родословной считались князьями Большой Кабарды, а занимали территорию в Малой Кабарде – около 100 тысяч десятин земли (98 511 десятин 250 саженей)[19]. Свою лепту в «глухое враждование» внесла и продажа в 1852 г. Бековичем-Черкасским земли около 40 тысяч десятин, которая была куплена для Сунженского полка. Расхищение кабардинских земель под тем или иным предлогом, в той или иной форме продолжалось более 100 лет.

ФАМИЛИИ В ИСТОРИИ

В душе каждого человека находится миниатюрный портрет его народа.

Г. Фрейтаг

Адыгеуновы и Кудабердоковы

Общественная жизнь Кабарды регулировалась обычным правом (адатом) до первой половины XVIII в. Со второй половины этого столетия, особенно с последней его четверти, шариат становится основным инструментом решения спорных вопросов. Царизм усмотрел в этом угрозу своим позициям в Кабарде и в 1793 г. устанавливает здесь родовые суды и расправы. Новые органы управления вызвали возмущение значительной части князей и дворян, усмотревших в этом акте ущемление своих, практически извне никем не ограничивавшихся прав над народом. Родовые суды и расправы послужили одной из причин возникновения крупнейшего антирусского восстания в Кабарде 1803–1805 гг. Царизм подавил восстание, но решил пойти на формальные уступки. Родовые суды и расправы были заменены духовным, шариатским, судом, который, однако, по важнейшим вопросам зависел «от Верхне-Моздокского пограничного суда».

Официальное установление (возрождение) мехкеме хронологически приходится на 10 июля 1807 г., когда «по настройству духовенства, с согласия князей и узденей, в отмену прежних обычаев по закону Магомета» заключено народное условие. Такого

рода условие, или общее соглашение, называется «маслагат» («маслахат»)[1]. «Народное условие» 1807 г. означало, что адат официально отменяется и на смену ему, обычному праву кабардинцев, приходит шариат, в то время как в духовном сознании народа наблюдались элементы христианства и даже язычества. Однако следует подчеркнуть, что «Народное условие» распространялось не на все слои населения. Статья 20-я содержала важное разъяснение: «В будущее время всякое дело в Кабарде решать по шариату, кроме черни, кои на то согласны». Смысл этого положения более конкретно разъяснен Н. Ф. Грабовским: «На будущее время всякое дело в народе решать по шариату, за исключением претензий князя с узденями, узденей с их крепостными, так как они, по желанию их, предоставлены разбирательству по древним обрядам»[2].

«Народное условие» действовало в Кабарде до 1822 г., когда на смену ему пришло «Наставление» Ермолова, которое легло в основу деятельности учрежденного им Кабардинского временного суда. Однако в «Наставлении» Ермолова одно положение в какой-то мере возвращало народу его прошлое судопроизводство. Согласно статье 9-й, все дела должны были разбираться и решаться по «древним обычаям и обрядам, приспособляя оные, поколику важность случаев позволит, к правам российским». Тем самым значительно ограничивался шариат. Таким образом, Кабардинский временный суд представлял собой своеобразное единство адата, шариата и российских законов с одной существенной оговоркой – на основе российских законов должны были решаться все сколько-нибудь «важные случаи».

Общественно-правовая жизнь кабардинцев на протяжении ряда десятилетий регулировалась Кабардинским временным судом. Однако имело место исключение, которое не может быть отнесено к разряду «важных случаев», но как необыкновенное явление, касающееся только родового обычая одной фамилии Адыгеуновых, представляет научный и даже практический интерес. Прежде чем перейти к истории рассматриваемого родового обычая, выясним, имел ли отдельный род (фамилия) право решать спорные проблемы, руководствуясь только своими традициями?

Пересмотр, обновление, развитие адата, как выше отмечено, решались маслагатом и были делом всего народа. Встречались и случаи (например, у осетин), когда «каждая отдельная община могла подвергать пересмотру существующие адаты». В исследованиях по обычному праву, кажется, не отмечены факты разрешения споров отдельной кабардинской фамилией на основе собственных родовых соглашений, не прибегая при этом к общественно-правовым нормам.

Подобное исключительно ценное явление имело место в фамилии Адыгеуновых, проживавших в ауле Даутоково, вошедшем в 1865 г. в состав аула Тликеча Куденетова (ныне Шалушка). Один из членов фамилии – Ахметек Адыгеунов – умер, не оставив после себя прямых наследников – сына или родного брата. Вос-

пользовавшись этим, дальний его родственник, Хажи Мисост Адыгеунов, стал добиваться выделения ему части наследственного имущества умершего. О домогательстве Хажи Мисоста узнал ближний родственник Ахметека – Даут Эфендий Адыгеунов со своими братьями. Даут Эфендий заявил, что Хажи Мисост «не наследывает имению этому по шариату... и не должен просить из такового части наравне их». Довод Даута Эфендия может показаться вполне аргументированным. Действительно, он был прав, предлагая решить возникший спор по шариату, как это практиковалось почти во всех подобных случаях. Однако на стороне дальнего родственника Ахметека – Хажи Мисоста была другая, и более весомая правда, чем правда ближнего родственника покойного – Даута Эфендия. Секрет претензий Хажи Мисоста на равную часть наследства состоял в том, что у него было на это право, согласно родовому акту, имевшемуся у Адыгеуновых с давнего времени, хотя он и не был их ближайшим родственником.

Акт содержал прямое указание потомкам рода Адыгеуновых: «Если из Адегеуновых кто-либо умрет и не останется наследниками родного брата или сына, то имение это должно делить по ровной части между дальними и ближними родственниками во всей фамилии Адегеуновых». Предъявив этот акт, Хажи Мисост представил «в подтверждение такового самых благонадежных людей свидетелями, а именно: Бекира Конжафова, Исмаила Хабакирова и прочих из аула Бабукова, которые были спрошены Исса Эфендием Шадовым». Они подтвердили достоверность показаний Хажи Мисоста Адыгеунова и предъявленного им акта, после чего «условие это утвердили общим согласием, чтобы таковое никогда не нарушать и охраняли бы и потомки их на будущее время...» А спорное наследство разделили между Даутом Эфендием, Хажи Мисостом и прочими Адыгеуновыми по «ровной части не по числу душ и *не по шариату, а учинен таковой раздел между ими по силе сказанного условия* (выделено нами. – *С. Б.*) при свидетелях Бекире Конжафове и Исмаиле Хабакирове».

В акте, написанном Иссой Шадовым на арабском языке и, вероятно, дополненном им по просьбе Адыгеуновых, содержалось категорическое предупреждение в адрес потомков: «Если же кто из Адегеуновых будет стараться, чтобы нарушить это постановление или будет производить какие-либо иски под предлогом покупки от умершего при жизни или подарка, то таковой лишается всех прав на получение части из имения и сверх того обязан заплатить Адегеуновым штраф 300 рублей серебром». При составлении Иссой Шадовым акта присутствовали в качестве свидетелей Батгирей Даутоков, Умар Блашев, Якуб Хакутов и другие. Документ об этом фамильном согласии – маслагате – был «засвидетельствован путешествующим в Мекку и находившимся в гостях у Иссы Эфендия – Магометом с приложением на подлинном в трех местах своей именной печати». Фамильное условие заканчивалось словами: «Акт сей писан Исса Эфендий Шадовым 1808 года»[3].

Родовое соглашение между Адыгеуновыми было заключено

годом позже известного «Народного условия» – в 1808 г. Последнее прямо не предусматривало возможности установления обособленных от народного условия родовых обычаев, но, как мы указывали выше, и не запрещало их.

Фамильное соглашение Адыгеуновых сыграло свою роль и в 50-х годах XIX в. Кабардинский временный суд в 1851 г. разбирал жалобу узденя Хажи Магомета Адыгеунова на узденя Пшемахо Адыгеунова. В соответствии с родовым обычаем он потребовал от Пшемахо отказаться от части присвоенного им целиком имущества другого представителя рода – Усмана Адыгеунова и получил отказ. Тогда Магомет обратился в Кабардинский временный суд с просьбой заставить Пшемахо вернуть ему ту часть наследства, которая досталась его отцу, Хажи Мисосту, при разделе имущества Ахметека и другого его родственника – Ильяса Адыгеунова. Суд не стал пересматривать ранее достигнутое соглашение по разделу имущества Ахметека и Ильяса. Но по наследству умершего Усмана определил, что его имение, состоящее из 17 крепостных крестьян, которыми завладел Пшемахо, следует «отдать в общий раздел между фамилиею Адыгеуновых».

Надо отметить, что решения Кабардинского суда приобретали силу закона лишь после их утверждения начальником Центра Кавказской линии. Поэтому суд направил свое решение на рассмотрение Эристову. Тот потребовал родовой акт Адыгеуновых и, удостоверившись в его наличии, 26 января 1852 г. предписал: «Предоставить тяжущимся последнее имение (Усмана. – *С. Б.*) разделить согласно с условием, или же все прежние имения разделить по шариату...» Несмотря на это предписание и указание сменившего Эристова генерал-майора Грамотина, дело это тянулось без окончательного решения до начала 60-х годов. 30 мая 1860 г. из канцелярии штаба войск начальник Кабардинского округа Орбелиани получил предписание «разделить поровну между всеми Адыгеуновыми, согласно заключенного издавна между ними формального условия, и тем более что имение первых двух (Ахметека и Ильяса. – *С. Б.*), как оказалось при допросе, было разделено по сему последнему условию, а не шариатом».

Предписание, направленное по приказу графа Евдокимова на имя начальника Кабардинского округа генерал-майора Орбелиани, доказывает, что в феодальной Кабарде, помимо общепринятых обычно-правовых норм, существовали и другие обычаи, заключавшиеся внутри отдельных фамилий и регулировавшие их отношения без обращения к другим судебно-правовым учреждениям.

Родовое соглашение (акт) Адыгеуновых – это необыкновенно редкий и ценный документ по изучению истории обычного права Кабарды первой половины XIX в. Оно показывает, что вместо шариата и даже вопреки ему существовали не вошедшие в опубликованные своды адатов адыгов фамильные соглашения, которые значительно обогащают наше представление об общественной жизни народа и подчеркивают ее чрезвычайное разнообразие, не поддающееся однозначному выводу.

Адыгеуновы были крупными собственниками и владельцами крепостных крестьян. Жители с. Шалушкинского – уздени Магомет и Тембот Адыгеуновы – 15 сентября 1871 г. писали начальнику Терской области Лорис-Меликову: «Назад тому более 25 лет отец наш Пшемахо Адыгеунов купил у Докшуко Куденетова землю в Кабарде ниже Герменчука под названием Позакего за шестьсот рублей серебром, и с того времени мы беспрепятственно пользуемся ею». При размежевании земли по укрупненным аулам в 1867 г. этот участок Д. С. Кодзоков оставил за ними. В период наделения представителей высшего сословия и лиц, имевших особые заслуги, земельными участками в частную собственность Адыгеуновы не вошли в предполагаемый список. Доказывая свое право на частную земельную собственность, братья Адыгеуновы ссылались на своего двоюродного брата Мазана Лиева, проживающего в Кубанской области в ауле полковника Магомет-Гирея Лоова, который, пользуясь своим сословным происхождением, получил 800 десятин земли. Кроме того, Адыгеуновы указывали, что они во время отмены крепостного права «освободили более 70 душ» и приложили к своему прошению «удостоверение от почетных лиц абазинского племени» об их этническом происхождении и родстве с Лиевыми.

Родовые соглашения заключались и между членами некоторых других фамилий. Узденъ аула Хату Анзорова Али Кудабердоков писал Эристову 30 ноября 1851 г.: «У нас, между нами, Кудабердоковыми, с давних времен положено условие, буде кто из фамилии нашей будет кем ни на есть убит, и за кровь получится плата, то таковые деньги поделить по равной части, или из нас кого (т. е. представителя другой фамилии. – *С. Б.*) убьет, тому давать пособие, что и было уже из нашей фамилии, были убиты три человека малокабардинцами Индаровыми, за которых от убийцев получили за кровную плату 1500 рублей серебром, каковые по условию нашему поделили по равной части». Своим прошением Кудабердоков добивался от Эристова, чтобы он заставил его родственников не отказываться от родового соглашения и дали бы ему денежное «пособие», очевидно, как человеку, с которого требовалась плата за кровь [4].

Уточним, что убийство совершено в 1840 г., причем разновременно и не Индаровыми, а «из узденей» аула Каншао Индырова, которые «произвели драку с жителями аула Кудабердокова». Опасаясь мщения, убийцы «удалились на жительство в Кабарду», а после согласились выплатить отмеченную выше сумму при условии, что им будет позволено вернуться в свой аул, в чем и была дана им подписка.

Алакаевы

Кабардинец Картул Алакаев по распоряжению Ермолова был арестован. Однако по представлению князя Горчакова от 28 декабря 1825 г. он отменяет свое решение. Сообщая об этом сво-

им подчиненным, Горчаков приказал «дать свободу во уважение заслуг, оказанных нам братом его Урышом»[5]. Конкретная причина снисхождения грозного генерала к Картулу Алакаеву неизвестна. Но он освободил не только его. Ермолов позволил вернуть в Кабарду и его сына. Распоряжение командующего войсками на Кавказской линии командиру Кабардинского пехотного полка Швецову гласит: «Доставить из Закубани сына узденя Картула Алакаева Мустафу...» Однако можно сказать, что эта милость связана с его братом – Урышом Алакаевым.

В связи с именем Урыша Алакаева прослеживаются и другие важные страницы прошлого Вольного аула. Начальник крепости Нальчик поручик Шмаков 18 апреля 1845 г. напоминал Голицыну о своем рапорте к нему, в котором говорилось о неповиновении жителей Вольного аула мулле Идрису Пачеву. Они «составили между собою против Пачева заговор и взяли один с другого присягу не ходить с Пачевым в мечеть, не давать положенного сбора и не допускать его ни к какому разбирательству и вовсе выгнать его из аула». Инициаторами неповиновения мулле Пачеву были Хашир Кайшиев, Инус Батов, Урыш Алакаев и Буран Тутуков. Шмаков предупредил их, что они понесут строгое взыскание за непослушание, но те настояли на своем, заявив: «пускай что хочет делает с ними начальство».

На следующий же день Голицын предписал Шмакову арестовать всех четырех поименованных в рапорте лиц и объявить им, что они «с семействами будут переселены в Россию». По предписанию Голицына Кайшиев, Батов, Алакаев и Тутуков были арестованы и посажены на главную гауптвахту крепости Нальчик.

Это обстоятельство вынудило Урыша Алакаева написать прошение самому наместнику Кавказа Воронцову. «Более 22 лет, – докладывал Алакаев, – я находился старшиною в Вольном ауле, и все время моего управления я старался во всей точности исполнять волю высшего начальства и соделать моих соотечественников верными и преданными Российскому Престолу. Ныне неизвестно мне, по каким причинам я удален от занимаемой мною должности». Алакаев просил наместника возвратить ему звание старшины Вольного аула, чтобы в последние годы жизни доказать свое усердие и преданность императору и «для пользы единственного своего сына». В заключение Алакаев сообщал, что к прошению прилагает аттестат, выданный ему бывшим командиром Кабардинского пехотного полка Швецовым. Это обстоятельство говорит о том, что он в 1826-м или 1827 г., в бытность Швецова командиром Кабардинского пехотного полка, т. е. фактическим начальником Кабарды, получил аттестат за оказанные им услуги. Другими словами, Алакаев и Урыш Алакаев, обратившийся с прошением к наместнику Кавказа в 1845 г., – один и тот же человек.

Наместник Кавказа переадресовал прошение Алакаева Завадовскому для проверки фактов, изложенных в нем, а тот предписал Голицыну разобраться и доложить свое мнение. В донесении Голицына Завадовскому затрагивается одна важная сторона ста-

туса Вольного аула. Он отмечал, что никому из вольноаульцев «не может присвоиться титул старшины, один из почетнейших между горскими племенами. Дела Вольного аула решаются стариками, из среды жителей самими ими избираемыми, и избранные называются стариками, а не старшинами, теряя и это название с прекращением лежащей на них судебной обязанности»[6].

Слово «старик» здесь следует понимать в значении нэхъыжь, что переводится как старший. В этом смысле Алакаев, конечно, писал правду. Прав был и Голицын, по незнанию отождествляя понятия старший и старшина. Между этими двумя понятиями, несомненно, есть разница в сословном отношении, но административно они мало в чем различались: оба отвечали за сохранение установленного порядка в том или ином вверенном им населенном пункте.

Конфликт между вольноаульцами и муллой Пачевым закончился тем, что вместо Алакаева и Кайшиева избрали «почетного старика Тау Тамбиева и к нему двух помощников: Магомета Хабекова и Идриса Агоева». Сопротивление властям способно заглушить любые прежние заслуги.

Из прошения Урыша Алакаева следует, что Вольный аул основан не позднее 1823 г., но это ошибка памяти – дату возникновения аула его жители в своих прошениях указывали с разницей в 2–3 года*. В частности, вольноаульцы Ибрагим Яхтанигов, Захуров, Бжехов и Нартыжев в прошении к Орбелиани от 7 марта 1859 г. писали: «С учреждением нашего аула, именно: в 1826 году, мы никому никогда никакой подати не платили и все жалобы или обиды решались всегда избранными нами из среды себя старшинами»[7].

В процитированных документах, являющихся, по существу, одними из самых первых о Вольном ауле, отсутствует упоминание его названия. Поначалу вольноаульцы именовались «кабардинцами под крепостью Нальчикской». Из предписания Горчакова за апрель 1826 г. ясно также, что аул под крепостью Нальчик уже существовал в то время, зимой же переселения такого рода быть не могло, а, по сведениям за 1825 г., список вольных поселенцев только составлялся. Изложенное дает основание считать, что Вольный аул основан в 1825 г. в апреле-мае, перед сенокошением и временем, необходимым для строительства жилищ на зиму.

Образование Вольного аула было сопряжено с рядом трудностей и не только для «верхов». Сами крестьяне, предназначенные для образования аула, психологически не были готовы к исключительному для себя положению в Кабарде. Они также опасались за свою веру не без воздействия распускавшихся слухов о том, что их запишут в казачество и вынудят переменить религию. Эту обстановку отражает предписание князя Горчакова к Швецову 25 апреля 1826 г.

Стремясь рассеять всякие сомнения, он приказал «объявить кабардинцам, под крепостью Нальчикскою поселенным, чтобы

*См.: *Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 226, 230–231.

они не сумневались в [не] принуждении их на перемену мусульманской веры, равно и о раздаче им из барантового скота и избрании в ауле муллы»[8]. И действительно, Горчаков 25 мая 1826 г. препроводил Швецову «денег 200 [руб. серебром] на постройку в ауле под крепостью Нальчикскою турлучной мечети». Обещая раздать поселенцам захваченный у беглых владельцев скот, Горчаков давал им знать, что их безопасность твердо гарантируется.

Бейтугановы

Первые письменные известия о фамилии восходят к 1807 г. В рапорте есаула Хоруева (Хуреева) к Пирятинскому, датированном 1834 г., сообщалось о донесении начальника Черноярской станицы хорунжего Гошокина. Последний докладывал о жалобе «той станицы неслужащего казака Киши Байтуганова». Она состояла в том, что дигорский старшина Мимболат Кубатиев должен был ему заплатить «за кровь убитого брата его Айтека Байтуганова собственно Кубатиева человеком». При разборе дела в качестве свидетелей присутствовали Али Бабочиев, Гуржабеков, Хадыр Майтызов, Иван Хоруев, дигорец из аула Кубатиева Докуз Еликоев. Тогда стороны условились, что Кубатиев заплатит Киши Байтуганову «без промедления времени триста пятьдесят рублей серебром», но ответчик не торопился удовлетворить истца. Поэтому Хоруев просил Пирятинского «старшину Мимболата Кубатиева понудить к непременному удовлетворению в полной мере казака Киши Байтуганова за кровь брата его».

Против рапорта Хоруева Мимболат Кубатиев 21 февраля 1835 г. дал показание. По его словам, в 1807 г. «мазурцы, собравшись в большом количестве», напали на аул Кубатиева. При отражении мазурцев Айтек Байтуганов был убит. Кубатиев в то время «имел от роду 8-ой год». Поэтому он отрицал факт разбирательства с Байтугановым при его участии и отказывался удовлетворить его за кровь, он был согласен разбираться «по народному обряду через сторонних»[9]. Чем закончился иск Киши Байтуганова на старшину Мимболата Кубатиева неизвестно.

* * *

О Бейтугановых из аула Тохтамышева и Кучмазукина

Дистанционный начальник хорунжий Солнушкин в 1831 г. докладывал генерал-майору Горихвостову, как он, преследуя шестерых абреков в окрестностях аула Кучмазукина, заметил «конновооруженного хищника» и бросился вслед за ним с командою казаков, но тот успел скрыться в ауле Кучмазукина. Солнушкин требовал от Кучмазукина выдать «хищника», но вместо этого тот «приказал всем жителям аула вооружиться, коих собралось не менее человек до 50-ти, а равно и сам взял ружье и протчие

снаряды, с намерением драться...» Несмотря на это, Солнушкин с казаками ворвались в саклю, где прятался «сказанный мошенник». Последнему удалось выскочить из нее к «своему собранию». Тут Солнушкин приказал связать его, «тогда он выхватил у казака кинжал с намерением зарезать его, но сего ему не удалось».

В этот момент Кучмазукин с узденем Пшемахо Алтеровым пытался освободить задержанного, но не смог ввиду того, что по сигналу Солнушкина из Баксанской крепости во главе с поручиком Вализаровым подоспели на выручку 50 пехотинцев и 20 казаков; последнему пойманный был отдан под надзор. Солнушкин, продолжая далее идти по следу шестерых абреков, взял с пчельника князя Асламбека Мисостова «двух человек кабардинцев: Пшемахо Седакова и Шербена Карачаева» и «еще одного с гумна, мимо коего вблизи следы хищников прошли, Таула Лампежева». Солнушкин решил, что они могут дать нужное ему показание, «потому что они, вероятно, видели тех хищников», и отправил их на пост Беломечетский.

В заключение своего рапорта Солнушкин, уточняя личность «хищника», писал, что, «когда выхватывал мошенник Усман Байтуганов у казака кинжал, жестоко обрезал себя у обоих руках пальцы»[10].

Солнушкин упорно добивался строгого наказания Усмана Байтуганова. В переписке не прослеживается, чем закончился суд начальства над задержанным, который обвинялся в самом опасном, с точки зрения военных властей, преступлении в *хищничестве*, или абречестве. Но Кучмазуко Кучмазукину, уже позже, каким-то образом удалось оправдать Усмана и освободить его из-под стражи. Вероятно также, что Байтуганов отсидел определенный срок. Так это или нет, но в 1847 г. он был на свободе.

По «Ведомости...» Шарданова было известно, что «Усман Бейтуганов» – уздень 3-й степени (уорк-шаотлухус), подвластный князя Мисоста Атажукина – проживал в ауле Кучмазуко Кучмазукина. В 1825 г. ему исполнилось 45 лет. В списке числится и его девятилетний сын Албахсит.

В 1864 г. в ауле Кучмазукина проживали Албахсит, Магомет и Асламбек Байтугановы. Можно утверждать, что они сыновья Усмана Байтуганова. При этом мы исходим из посемейного списка аула Кучмазукина за 1886 г. В нем записано семейство Байтуганова Магомета Усмановича (56 лет) с сыновьями Жанхотом, Шамсадином, Хазиром, а также братом Асламбеком и племянником Хакяша Хажиевичем. Главой другого семейства был Байтуганов Албахсит Усманович (70 лет). Он жил вместе с сыновьями Нахо и Темирканом. Выше сказано, что в 1825 г. Албахситу Усмановичу было 9 лет. В 1886 г. ему должно было исполниться 70 лет. Как видно, год его рождения в последнем списке зафиксирован довольно точно, что также говорит о том, что Албахсит и его братья – сыновья Усмана Байтуганова.

В посемейном списке 1886 г. по селению Кучмазукина также числятся: Байтуганов Дзу Маремукович, сын его Пыта и брат Та-

биш; Байтуганов Исхак Даутович, его сыновья Салих, Махмуд, Исмаил и Закирей, а также внуки Заурбек, Бекмурза и Хамаша Салиховичи.

Небезынтересно здесь отметить, что в этом же списке содержатся биографические данные об известном кабардинском просветителе Адаме Дымове. В семейство Герандука Измаиловича Дымова входили его сыновья: Гузыр, Абдул Гафар, Хажи Мустафа и Хажи Саит. Сыну Абдул Гафара – Адаму к 1 января 1885 г. исполнялось 9 месяцев. Составление списка закончилось к 1 октября 1886 г. Отсюда можно сделать вывод, что Адам Дымов, известный деятель Баксанского просветительского центра, сподвижник выдающегося Нури Цагова, год рождения которого, кстати, еще не установлен, родился в 1884 г., приблизительно в марте.

В указанной «Ведомости...» отмечен и другой представитель фамилии – Ислам Байтуганов (56 лет). В его семейство входили; сын Мазан (полгода) и братья: Харис (22 года), Исхак (13 лет) и Муса (8 лет). Глава этого семейства, видимо, тот самый Ислам Байтуганов, который в 1822 г. содержался на Екатериноградской гауптвахте и был туда доставлен, будучи схваченным солдатами из отряда Ермолова. Перед этим он проживал в «вершине реки Баксана в ауле владельца Мисоста Атажукина, узденя Махомета Тактамышева»[11].

Ислам Байтуганов, недолго оставаясь в ауле Кучмазукина, вернулся в аул Тохтамышева. Трудно установить дату его вторичного переселения. Косвенные сведения на этот счет содержатся в запросе комиссии военного суда при Георгиевском ордонанс-гаузе от 7 июля 1831 г. на имя генерал-майор Горихвостова. Для окончательного расследования дела «над подсудимым аула Тохтамышева узденем Харисом Байтугановым» требовалось дознать: где находится крестьянин Кучука Джанхотова – Хажитым Хавиясхов – «в абреках или на жительстве в своем ауле». Вместе с ним «для спроса» требовались: Камбот Тохтамышев, дигорский старшина Дударуко Мамсыров, Тлостан Гетаргов, живший на Баксане, и кабардинец из Вольного аула Ямгахов. Следствие велось в связи с исчезновением у переводчика из крепости Нальчикской четырех лошадей [12]. «Подсудимый» Харис Баитуганов – это брат Усмана Байтуганова, отмеченный в «Ведомости...» Шарданова. Следовательно, Ислам Байтуганов обратно вернулся в аул Тохтамышева не позже 1831 г., при этом можно полагать, что он жил вместе с братьями, в том числе и с Харисом.

Эти сведения подтверждаются и посемейным списком селений Кучмазукина и Тохтамышева за 1886 г. Имя Ислама Байтуганова не значится среди жителей селения Кучмазукина, а в списке жителей селения Тохтамышева отмечено семейство узденя Байтуганова Мазана Исмаиловича (61 год) с сыновьями: Хажибекиром, Заурбеком и Исмаилом. По «Ведомости...» Шарданова, у Исмаила Байтуганова был сын по имени Мазан. Ему в 1825 г. исполнялось всего полгода, а, по данным за 1886 г., Мазану Байтуганову

шел 61-й год, т. е. дата рождения указана практически точно. Это говорит о том, что Байтуганов Мазан Исламович и Мазан, сын Ислама Байтуганова, – одно и то же лицо.

В селении Тохтамышева в 1886 г. проживали также: Байтуганов Дзу Батович с сыновьями Алиханом, Хамидом и Эльдаром; Байтуганов Таш Батович с сыновьями: Батоко и Айтеком; Байтуганов Тимлаш Мазанович и Байтуганов Дзадзу Мазанович. В 1907 г. в с. Атажукино I проживали: Байтуганов Наша Жамбекович (44 лет) и его сыновья: Али (14 лет), Тагир (12 лет), Гузер и 4 женщины; Байтуганов Асхад Жамбекович (42 лет) и две женщины; Байтуганов Хаджимурат Жамбекович (39 лет), сын Тембулат (1 год) и одна женщина.

Урванская ветвь фамилии. О причине и времени переселения отдельных носителей фамилии в аул Тогланова, вошедший при укрупнении аулов (1865–1867 гг.) в аул Мисостова, довольно подробно говорится в прошении «узденьши Хамисады, дочери Байтугановой, по мужу Шаговой», к князю Баратову от 20 марта 1860 г. В нем сказано: «При выходе моем в замужество за узденя Даута Батырова, проживавшего в станице Бабуковской, родные и двоюродные братья без всякого моего согласия получили из калыма, мужем мне назначенного, три быка и две коровы. Я об отдаче оных когда начала просить, их аульный (аул Тохтамышева, ныне с. Лечинкай. – *С. Б.*) владелец, ныне покойный ротмистр Тахтамышев, защищая Байтугановых, как узденей своих, не представлял мне удовлетворения, с тем вместе, когда родные братья мои Хабаша и Хатех поселились на жительство в Туглановском ауле, г. Тахтамышев, не отдавая им поясненный скот, оставил двоюродным моим братьям Бате и Такко Байтугановым». Отметим, что, по «Ведомости...» Я. Шарданова за 1825 г., в ауле Тохтамышева проживал уздень 3-й степени Озрет Байтуганов и его сыновья Бата, Пак и Умар.

Хамсада далее отмечала, что в первом браке с Батыровым она родила дочь, «ныне состоящую в супружестве за прапорщиком князем Александром Мисостовым» (ЦГА КБР, ф. 24, оп. 1, д. 183, л. 68–70). Этот факт необыкновенен с точки зрения обычного права кабардинцев: муж – христианин, жена – мусульманка, узденьская дочь, хотя и *казачка*, муж – князь(тума). Однако для нас в прошении главное – это указание на родословную Бейтугановых, проживающих в с. Урвань. Она началась с переселения Хабаши и Хатоха Бейтугановых из аула Тохтамышева в аул Тогланова, жители которого до переселения в аул Мисостова располагались на реке Нальчик, «не далее трех верст от укрепления Нальчик»[13]. В ходе укрупнения аулов Кабарды аул Тогланова, как отмечено, составил квартал селения Мисостова (ныне Урвань).

Один из представителей фамилии – «Хатох Байтуганов» фигурирует в прошении княгини Гошесох, дочери Ахлова, по мужу Мисостовой, датированном 20 декабря 1859 г. Княгиня сообщала начальству, что ее муж, князь Жамбот Мисостов, приняв христианскую веру, предоставил ей возможность переехать в город

Петрозаводск, где отбывал ссылку, а «в противном случае предоставлял ей полную свободу в выборе себе другого мужа». Княгиня Гошесох отвергла предложение мужа, заявив: «Что же касается на принятие мною православной веры, могу сказать, что род мой не изменял магометанской вере и я изменить таковую из-под смертной казни не могу». Далее Гошесох просила начальника Кабардинского округа Орбелиани удовлетворить ее частью оставшегося не выплаченным ей калыма на сумму 600 рублей серебром. В *просительном письме* она также напомнила начальнику, что Жамбот Алхасович (по крещению Николай Александрович. – *С. Б.*) был должен двум ее аталыкам: Емнежу Шидову и Хатоху Бейтуганову[14].

Хатох проживал в ауле Тогланова. У него был родной брат, по словам Хатоха, по имени Нашхо, который «навлекал разные неудовольствия некоторых кабардинцев» и, наконец поссорившись с братом, «явился было под покровительство князя Александра Мисостова», а когда тот отказал в поддержке, ему все-таки удалось прибегнуть под покровительство князя Атажуко Атажукина. Этот случай имел место в 1851 г.[15] Дальнейшая судьба Нашхо неизвестна, но его защита таким влиятельным князем, как Атажуко Атажукин, сама говорит за себя.

В книге муллы аула князя Мисостова за 1869 г. содержатся сведения о том же Хатохе Бейтуганове. По заявлению доверенного Хатоха Бейтуганова аульный суд рассмотрел жалобу «его сестры Канитаты» – жены князя Лякиша Мисостова – на князя Таркана Мисостова об уплате ей калыма и следуемой части наследства. В ходе следствия выяснилось, что князь Таркан Мисостов «никакого состояния не имеет, за исключением полученного наследства матерью его». Суд постановил: «Доверенный Хатох Байтуганов должен представить двух свидетелей, которые бы выяснили: какое наследство осталось от князя Лякиша Мисостова князю Таркану Мисостову». У Бейтуганова свидетелей не оказалось, а потом дело расследовали Жамбот Хажиретлов, Хатох Тхакашев и Якуб Хацуков, Они определили: «Таркан Мисостов обязан уплатить 60 руб. серебром Канитате. Решением этим тяжущиеся остались довольны. Князь Таркан Мисостов уплатил 8 руб. серебром, а остальные 52 руб. обязан уплатить в будущем году». И далее: «Решавшие дело приложили именные печати. Писал по-арабски мулла Сайд 15 генваря 1870 года»[16].

В ауле Мисостова проживали два домохозяина из рода Бейтугановых, имевших *право подавать голоса*: Асхад Бейтуганов и Канамат Бейтуганов. В посемейном же списке за 1886 г. они не зафиксированы. Зато указано семейство Бетуганова Хамыты Хатоховича с братьями: Батом, Темботом и Ибрагимом. Обратим внимание и на правописание нашей фамилии. В документах она встречается по-разному: Байтуганов, Бейтуганов, Бетуганов.

* * *

Бейтугановы из селения Кармова (ныне Каменномостское)

Первые сведения об этой ветви рода Бейтугановых относятся к 40-м годам XIX в. «С 1848 года... переселены мы в числе прочих жителей из Кабарды в Тохтамышевское приставство и с поселением в верховьях р. Кумы по правой стороне,оной» – так в 1869 г., обращаясь к начальству Кубанской области, писали жители аула Хагундокова: владелец аула Зураб Хагундоков, Якуб Хагундоков, Беслан и Ильяс Лиховы, Магомет Кармов, Дженгот Куважуков, Шапак Кирженов (Куржинов), Каншау и Киля Баевы, Хасан Макоев, Умбрек Катов (Гятов), вдова Хуж Багова, вдова Молла Курашинова. В их числе приложил к прошению знак своего перста один из предков фамилии Нох (Нух) Бейтуганов[17].

О сословном положении перечисленных и некоторых других фамилий аула свидетельствует документ, датированный 1864 г. Аул Хагундокова в то время находился в верховьях реки Кумы, административно входил в состав Баксанского участка. Его жители испытывали большие затруднения из-за нехватки земли и были вынуждены платить деньги за пользование казенной землей в Кубанской области. В связи с этим в 1864 г. составили нижеследующий список домохозяев с указанием взимаемой за арендованный участок суммы денег:

Имена и фамилии	серебром руб. коп.
1 Юнкер Зураб Хахундоков	20
Узденя:	
2 Якуб Хахундоков	10
3 Юсуп Хахундоков	10
4 Беслан Лихов	6
5 Кайтуко Хахундоков	6
6 Хасын Маков	6
7 Джанхот Кувыжуков	6
8 Магомет Кармов	6
9 Ахмет Багув (Багов. – *С. Б.*)	6
10 Каспулат Катов (Гятов. – *С. Б.*)	5
11 Умрек Катов (Гятов. – *С. Б.*)	5
12 Хабрек Бесланеев	5
13 Кануко Куважуков	5
14 Талостан Хургунов (Киржинов. – *С. Б.*)	5
15 Шопак Куржинов (Киржинов. – *С. Б.*)	5
16 Каншао Баев	4
17 Безруко Уважуков (Куважуков. – *С. Б.*)	3
18 Аслан Шалов	2
19 Харис Шалов	2
20 Якуб Куважуков	2
21 Нох Бейтуганов	2[18]

Значащийся в этом списке последним уздень Нох Бейтуганов приходится прапрадедом автору этих строк.

В 1868 г. в ауле Хагундокова насчитывалось 46 дворов. В связи с укрупнением аулов хагундоковцы расселились: 29 дворов – в аул Кармова, 14 дворов – в аул Ашабова, 3 двора – в аул Абукова. В числе 29 домохозяев Нох (Нух) Закиреевич Бейтуганов переселился в аул Кармова и вместе с другими образовал квартал Хагундокова на месте упраздненного Каменномостского укрепления, где его потомки живут и по настоящее время[19].

В списке переселившихся из аула Хагундокова в аул Кармова из рода Бейтугановых значатся: Нух Бейтуганов (61 год), его сыновья Исмаил (25 лет), Муса (22 года) и дочь Кашемахо (18 лет). В семейство Нуха входили также его родные братья: Худ (58 лет), Салех (57 лет), жена последнего Ханбелек (35 лет) и сыновья его: Исхак (9 лет), Якуб (7 лет), Магомет (1 год). Четвертого брата Нуха звали Нашхо. Ему в год переселения исполнилось 56 лет[20].

В 1905 г. значительному числу кабардинцев в количестве 226 семейств было дано разрешение переселиться в Турцию. При этом властями ставилось одно непременное условие: переселенцы навсегда исключались из русского подданства и им не будет позволено возвратиться «ни в каком случае ни под каким предлогом, с возвратившимися же указано поступать по всей строгости законов, как с абреками». Строгость властей объяснялась тем, что вообще «переселенцы представляют из себя элемент религиозно-фанатичный, беспокойный, склонный с хищничеству, как к промыслу, а потому и нежелательный для оставления в крае» (см. более подробно: *Бейтуганов С. Н.* Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1991. С. 42–49).

В список нежелательных для края лиц, получивших официальное разрешение на переселение, попал и Муса Бейтуганов – прадед автора этих строк. Однако ему вскоре пришлось пересмотреть свое решение. Согласно родовому преданию, этот шаг был продиктован нежеланием его сыновей следовать в Турцию. Предание подтверждается документами. В посемейном списке переселенцев напротив имен сыновей Мусы: Аисы (Гисы), Мухамеда (Тыма) и Зулкарнея (Карнея) отмечено: «едут по требованию отца». Это обстоятельство оказалось сильнее других мотивов Мусы, и он 30 сентября 1905 г. обратился к начальнику 1-го участка Нальчикского округа с таким заявлением: «Согласно Высочайшего соизволения Государя Императора мне в числе других разрешено эмигрировать в Турцию с семейством с исключением навсегда из подданства России. Я переселиться в Турцию не желаю, а потому, представляя при сем обратно выданное мне проходное свидетельство Управления Нальчикского округа от 13-го августа с. г. за № 7804 и подписку о нежелании моем с сыновьями переселиться в Турцию, покорнейше прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия об исключении меня с семейством из числа эмигрантов».

В указанном выше проходном свидетельстве отмечено, что высочайшее соизволение императора последовало 5 мая 1905 г.

и «ему разрешено эмигрировать в Турцию для поселения в Сирийском вилайете по согласованию на то Турецкого Правительства, с исключением его навсегда из подданства России, вместе с его семьею».

На проходном свидетельстве (выдано 15 августа 1905 г.), которое давало «право свободно и беспрепятственно следовать с семейством до гор. Севастополя», где оно должно было быть предъявленным городскому полицейскому управлению «для дальнейшего с его стороны распоряжения», имеется выписка из посемейного списка: Бейтуганов Муса – 59 лет; сыновья его: 1) Аиса (Гиса) – 26 лет, 2) Магомет (Тым) – 24, 3) Зулкарней (Карней) – 14, дочь его Шарифа – 16, сестра его Гошемахо – 50.

Подписка о нежелании переселиться была дана в тот же день 30 сентября 1905 г. В ней сказано: «Мы, нижеподписавшиеся жители селения Кармово Нальчикского округа, Муса, Аиса и Магомет Бейтугановы, даем сию подписку в том, что мы переселиться в Турцию не желаем, в том и подписуемся» (далее следуют подписи на арабском языке) (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д., 696, т. 1, л. 125–127; Там же, ф. 693, п. 67 об.).

Из родословной фамилии. У Бейтуганова Гисы Мусовича родились: УэтІэ, Алий, Бигат, Гусман, Габидат, Амдулкади, Билял, Хабиба, Амдул, Салам, Люся (информатор Гусман Бейтуганов).

Бейтуганов Тым (Мухамед) Мусович имел тринадцать детей: Нагман, Хажикасим, Аминат, Сафият, Жанзиль, Назир, Галимат, Асият, Шухаиб, Фатимат, Башир, Ахмед (имя присвоено посмертно), Фаризат. У самого младшего брата Карнея (Зулкарнея) было также тринадцать детей: Сагидат, Хабиба, Хасен, Хусен, Гумар, Абдулгазиз, Султан, Фатимат, Амирэт, Галимат, Мухамед (Мадус), Гид, Ахмед (со слов моей бабушки Муслимат Бейтугановой (Куважуковой) записано в 1970 г.).

Гасташевы

Штатный смотритель Екатеринодарского войскового училища войсковой старшина Кучеров по поручению генерал-лейтенанта Гурко в 1845 г. закончил собрание сведений об обычаях адыгов, живущих на Кубани. В этом собрании о многоженстве отмечено: «Мужчина, какого бы он ни был сословия, может иметь у себя от одной до семи жен законных и семь наложниц, лишь бы в состоянии был содержать оных»[21]. Полковник Генерального штаба барон Сталь с 1846-го по 1849 г. на основе собранного им материала среди закубанских адыгов написал обстоятельный «Этнографический очерк черкесского народа». В нем отмечается: «..хотя многоженство дозволяется обычаем, но немногие черкесы имеют более одной жены. Причина тому – дороговизна содержания лишней жены, а главное – ревность жен и ненависть их между собою. Если у черкеса несколько жен, то каждая жена имеет особую саклю и особую прислугу»[22].

В обычном праве кабардинцев не содержится указаний относительно многоженства, однако материалы Кабардинского временного и Кабардинского окружного судов говорят, что и в Кабарде оно встречалось и не так уж редко. Но что было действительно редким явлением, если не единственным, так это докладная записка жительниц аула Булатова Гошемахо и Шахархан Гасташевых начальнику Кабардинского округа Нуриду от 24 июня 1869 г.: «Муж наш, – писали они, – ныне уволенный от службы из 1-го Сунженского казачьего полка капитан Сеит Гасташев, с первых чисел прошлого марта содержится под арестом при означенном полку. Мы же две женщины, будучи обремененными 6-ю душами детей, из которых старшему только 10 лет, бедствуем одни, не имея никакой помощи, а в особенности при настоящей рабочей поре, где мы, как непосвященные в знания полевого хозяйства, не можем распорядиться работами, и через это в будущем ожидает нас нищета. А потому мы решились утруждать особу Вашу, как начальника и покровителя всех несчастных, освободить мужа нашего, капитана Сеита Гасташева, если невозможно, так хотя на поруки целого общества нашего аула, для чего в случае надобности мы не замедлим представить поручительную подписку. Гошемахо Гасташева, Шахархан Гасташева».

Как выяснится, никакой вины за штабс-капитаном Гасташевым не было, и по конфирмации помощника главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанта князя Святополк-Мирского он был «освобожден от всякого преследования».

Докладная записка примечательна не только тем, что на ней стоят чернильные знаки пальцев двух жен Гасташева. Бросается в глаза и тот факт, что жены кабардинских дворян в конце 60-х годов XIX в., а значит, и несколько позднее, не занимались сельским хозяйством. Кроме этого, и сам Гасташев заслуживает быть упомянутым, поскольку в связи с его именем можно конкретнее проследить немаловажные события.

Но перед этим остановимся на том, где раньше могли проживать Гасташевы. В 1834 г. узденъ Гусин Хоконов из станицы Бабуковской давал показания по поводу купленного у узденя Таушина Каражаева крепостного человека, проживавшего в ауле Умара Шеретлокова. Сделка между продавцом и покупателем состоялась в станице Бабуковской при свидетелях – жителях той же станицы узденях Мустафе Паштове, Хажи Лиеве. Среди свидетелей значится и уздень Ислам Касташев[23]. Можно сказать, что Касташев и Гасташев одна и та же фамилия.

6 февраля 1846 г. штабс-капитан Гасташев, излагая свою биографию, писал Голицыну: «До поступления моего на службу Его Величества, будучи черкесом и по малому состоянию моему не имея благодетелей, сделался нетерпимым в народе. Каждый искал моей гибели. Вынуждаясь, бежал в Чечню, не зная о неограниченных милостях русских начальников! Не имею скрыть и то, чтобы я не делал оттоль важнейших преступлений. Но, к счастью моего существования, бывшее начальство из сострадания прости-

ло мои поступки. Я, желая выказать себя и оправдать доверие начальника, поступил на службу в Кавказско-конный казачий полк. Отправясь в город Варшаву, пробыл не менее 7 лет... Подобными деятельностями моими удостоился я получить чин офицера и возвратиться на родину. Сиятельнейший князь!.. Примите меня, столь нетерпимого соотечественниками, под защиту и покровительство Вашего Сиятельства, не дайте меня в обиду питающим на меня злобы и не оставьте осчастливить бесприютного, чтобы находиться впредь до определения моего в какой-либо полк при особе Вашем с назначением в экспедицию... Благодетельнейший и всесиятельнейший, не исключите меня от благоуважения Вашего Сиятельства осчастливить меня в просьбе и заставьте вечно Богу молить. Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга Сеит Гасташев».

Прошение написано известным почерком князя Александра Мисостова, но подписано самим Гасташевым. Голицын потребовал секретно навести справки и доложить, «каков проситель поведением и заслуживает ли просьба его уважения». Хорунжий Калабеков выяснил, что до поступления на службу Гасташев был «поведения очень неблагонадежного, а по прибытии из Варшавы никто из кабардинцев не заметил противузаконных поступков, ныне ведет себя довольно хорошо». После этого Голицын предписал хорунжему Калабекову: «...объявить просителю, что я возьму его с собою в экспедицию, в которую он имеет готовиться к 1 мая, и потом, увидев ревность к службе, буду хлопотать о нем»[24].

Голицын не успел осуществить задуманное – в апреле 1846 г. Шамиль вошел в пределы Кабарды. Но Гасташев фигурирует в прошении секретаря Кабардинского временного суда поручика Анзора Анзорова Голицыну, написанном 1 мая 1846 г. Заподозренный в связях с Шамилем, Анзоров, оправдывая себя, разъяснял, что он с дозволения Голицына «с крепости отправился в собственный аул» для того, чтобы выяснить, где находится его семейство. Найдя семейство свое в лесу, Анзоров просил бывшего с ним прапорщика Гасашева (Гасташева) сообщить Голицыну, что плачевное состояние жены и детей не позволяет ему отлучиться от них. Однако Гасташев по пути в Нальчик попал в руки людей из отряда Шамиля. Это заставило Анзорова решиться приехать к ним, и он просил наиба освободить невиновного Гасташева. Наиб отказался это сделать без ведома Шамиля. Тогда Анзоров, по его словам, «отважился прибегнуть с просьбой» к Шамилю, который сказал: «Ты, конечно, предан душою русскому правительству, забыв о своей вере, но не хотел до сего времени явиться ко мне. Я ныне прощаю с подтверждением, что ежели ты осмелишься быть со стороны русских, то рано или поздно не минуешь моих рук».

Анзоров уверял Голицына, что он находился у Шамиля «не более двух часов», но что ему удалось освободить Гасташева. В заключение Анзоров в своем прошении писал: «...льщу себя надеждой на Высочайшую Вашу Доблесть и нисколько не сомнева-

юсь в Вашем соболезновании в безвинном оклеветании на меня. Возлагаю все упования на особу Вашего Сиятельства как на справедливейшего начальника. За счастье считаю назвать себя Вашему Сиятельству покорным слугою»[25].

При Голицыне Анзоров еще оставался на своем посту, но вскоре с приходом к власти Хлюпина был вынужден подать в отставку. Новый начальник 2 июня 1846 г. писал суду: «Не находя никаких препятствий исполнить желание его, тем более, что я предписывал уже суду избрать вместо его другого, как за обнаруженный непохвальный и непозволительный поступок его»[26].

В прошении Анзорова написана фамилия не Гасташев, а Гасашев, но можно утверждать, что имеется в виду именно Сеит Гасташев. При этом мы исходим из послужного списка Гасташева, составленного в 1846 г. Сеит Гасташев, кабардинский узденъ, проживающий в Большой Кабарде, службу начал в Кавказско-Горском дивизионе 1 августа 1837 г. Имел серебряную медаль на Анненской ленте с надписью «За усердие», он «выбыл оттуда прапорщиком» 1 августа 1845 г.[27] Анзоров также писал о прапорщике Гасашеве. Зная, что среди офицеров не было человека по фамилии Гасашев, можно утверждать, что прапорщик Гасашев и прапорщик Гасташев – одно и то же лицо.

По данным за 1863 г. видно, что штабс-капитан Гасташев привлекался по следственным делам в качестве переводчика. Он находился на службе и в 1866 г. Из штаба войск Терской области 3 апреля 1866 г. поступило предписание на имя начальника Нальчикского округа; «Вследствие крайнего недостатка в строевом составе 1-го Сунженского полка наличных офицеров и ходатайства полковника Кехли, а также по приказанию командующего войсками, прошу... предложить штабс-капитану Гасташеву немедленно отправиться к сказанному полку для несения службы, с предупреждением его, что в случае нежелания он будет от полка отчислен»[28]. Неизвестно, чем закончилась переписка, но, судя по докладной записке двух жен Гасташева, он вышел в отставку к 1869 г.

Заслуги хаджи Сеита Гасташева не были забыты. Когда в 1870 г. рассматривался вопрос о наделении землей в частную собственность, комиссия определила, что такого права заслуживают кроме представителей высшей знати и те, «которые, не имея права по своему происхождению на получение земли в частную собственность, – достойны этой награды за усердную службу и преданность правительству, как, например, капитан Саид Госташев и другие»[29]. Под другими, в первую очередь, имелись в виду: поручик Шабас-Гирей Тенов, «старый ревностный слуга правительству и имеющий три раны, полученные им в делах противу неприятеля», «семейство недавно умершего поручика Перхичева, дед которого, а потом и он сам, причислены к Ставропольскому дворянству», и фамилия Шардановых[30]. В 1878 г. Гасташеву выделили участок земли в 200 десятин.

Сеит Гасташев, как отмечалось, оставил потомство. В 1915 г. был составлен список заказных пакетов, отправленных хозяйственной

комиссией кабардинского народа лицам, приглашенным для обсуждения и решения вопросов относительно разведения фруктовых садов. На это собрание приглашались: Паго Измаилович Тамбиев (инженер-технолог, г. Балаханы), Измаил Магомедович Шаков (врач Владикавказской железной дороги, г. Грозный), Гамид Измаилович Чежоков (судебный следователь, г. Кизляр), Гузеир Орышевич Сохов (кандидат на судебные должности, г. Екатеринодар), Пшемахо Тамашевич Коцев (помощник присяжного поверенного, г. Екатеринодар), Мисост Кучукович Абаев (помощник атамана Баталпашинского отдела, ст-ца Баталпашинская), Басият Абаевич Шаханов (помощник присяжного поверенного, г. Владикавказ), Владимир Николаевич Кудашев (г. Киев), Елизавета Эмильевна Хагондокова (г. Кисловодск), Атажуко Асламбекович Атажукин (г. Пятигорск). Среди этих именитых приглашенных вторым по списку значится Хаджи Исмаил Сеитович Гасташев, находившийся в то время во Владикавказе.

Исмаил Гасташев упоминается в составе семейства Гасташева Касима Сеитовича, проживавшего в 1886 г. в с. Булатова. Члены семейства: сыновья Хажикед (5 лет) и Хажмурад (2 года) и братья: Измаил (25 лет) и Кургоко (17 лет). Измаил в списке показан знающим русский язык. Семейство владело земельным участком в 200 десятин, доставшимся в наследство несомненно от Сеита Гасташева. В списке значатся и другие представители этой фамилии: Гасташев Мама Даович, его сыновья Нагой, Харун и Масхуд; Гасташев Дау Хажалиевич и его сыновья: Инус, Салих и Магомет[31].

Губжоковы

В 1830 г. плац-майор Кудинов был исправляющим должность Моздокского коменданта. Из его рапорта Ушакову, написанного по запросу последнего 18 декабря того же года, прослеживается родословная фамилии Губжоковых из аула Тамбиева, в 20-х годах находившегося на Баксане.

Кудинов докладывал, что фамилия Губжоковых (Гобжуковых) причислена по «ревизии* 1816 г. к новокрещенному обществу черкес, жительствующему в гор. Моздоке, каковое общество по воле государя императора должно поступить в состав Горского казачьего полка». Ушаков выяснил у Кудинова возможность переселения в Большую Кабарду узденей Бек-Мурзы и Мисоста Губжоковых, поэтому он сообщил, ссылаясь на волю «государя императора», что «невозможно дозволить переселение их на жительство в Кабарду без соизволения вышняго начальства»[32]. В числе «новокрещенных черкес», по сведениям Моздокской городской частной управы, состояли: Мисост Губжоков (15 лет), Росланбек, его брат (45 лет), Измаил Губжоков (60 лет), Кудинет

**Ревизия* – здесь: перепись для учета податного населения.

Губжоков (25 лет) и Давлет-Гирей Губжоков (15 лет). Кроме них в статистических данных за 1826 г. значились: «В числе черкес... Картул Губжоков, жена его Гужамахо, дети их, дочери Хуж, Фатимат и брат его Солеман».

Имя Губжокова в переписке не упоминается, однако оно может быть установлено свидетельством, выданным Бек-Мурзе и Мисосту Губжоковым в 1824 г. В нем говорится: «Дано сие (свидетельство, копия. – *С. Б.*) от Кабардинского временного суда жившим в г. Моздоке кабардинским узденям Бек-Мурзе и Мисосту Гобжоковым в том, что они происходят от предков узденей кабардинских Мисостовой фамилии, а на жительство в город Моздок с давних времен перешел из Кабарды отец их, умерший узден Кайтуко... Кр. Нальчикская, июля 19 дня 1824 г.»[33]. Свидетельство удостоверили Нажу Асленкиров, Али Конов, Беслан Куденетов, князь Мурзабек Хамурзин, подполковник князь Кучук Джанхотов. Скрепил секретарь Якуб Шарданов.

Ниже приводится родословное древо рода Губжоковых, составленное Мамсуром Губжоковым, муллой г. Моздока, в котором содержатся некоторые из упомянутых выше имен[34].

Уздень Какуш Губжоков
умре
Уздень Магомет Губжоков
умре

Кайтуко умре	Давлет-Гирей умре

Бекмурза 36 лет	Мисост 29 лет	Жандар 20 лет	Жамбек 18 лет	Якуб 36 лет

Асламбек умре	Куденет умре

Исхак 30 лет	Мустафа 25 лет	Ильяс 23 лет	Ахали 22 лет	Мамсур 18 лет

В числе «казачьей братьи» фигурируют: «Иван Гобжуков, у него братья Андрей, Матвей, Василий, Аким. У Ивана жена его Мария, у Андрея жена Анна, у Матвея жена Авдотья, у Василия жена Матрена. У Ивана сыны: Варлам, Егор и Михаил. У них мать Анна...» Городская управа при этом докладывала, что «какого года, месяца и числа к помянутым сословиям оные Гобжуковы причислены, того не видно»[35].

Разрешение на переселение Губжоковы получили, вероятно, только в 1840 г. В рапорте начальника Центра Кавказской линии генерал-адъютанту Граббе от 17 марта 1841 г. сказано, что «29 марта 1840 г. узденю Губжокову было дозволено из г. Моздока переселиться на Куру, в деревню помещика Ростованова». В деревне Ростованова Губжоков прожил десять лет, после чего он вновь поднял вопрос о своем переселении в Кабарду. Свое намерение

он объяснил начальству тем, что «по нездоровому там климату в течение одного года из семейства его померло три души». Просьба узденя Губжокова была удовлетворена. В предписании генерал-адъютанта от 7 апреля 1841 г. сообщалось: «Проживающему в деревне помещика Ростованова кабардинскому узденю Губжокову с семейством дозволяет переселиться в Кабарду на речку Баксан в аул узденя Тамбиева».

В ЦГА КБР хранится документ со строками, написанными на русском языке Бекмурзой Губжоковым. В прошении Айтека Кошева за 1846 г., в котором он изъявил желание «вступить в службу Его Императорского Величества и быть навсегда при главнокомандующих волонтером», сделана запись: «...уздинь Атек Кошв, авмисто его неграмтнаго [по ру]коданой прозби уздень Бекмурзе Губжоков ратписался»[36]. Читая эти последние строки, написанные 150 лет назад, следует иметь в виду, что в то время кабардинцев, умевших писать по-русски, было весьма немного. В этом их ценность.

О Губжоковых, принадлежавших Кайтукиной фамилии, говорится в рапорте Кабардинского временного суда Пирятинскому от 15 февраля 1834 г. В нем, в частности, отмечено: «Кайтукиной фамилии вольной кабардинец Исхак Губжоков принес сему суду жалобу, что назад тому два года находился он в работниках Черноярской станицы у асетинца... Пшарахова ценою за три рубли с половиною серебром, а также в городе Моздоке у новокрещенного черкеса Едика Тхишева работал пять недель ценою за три рубли серебром, которые Пшарахов и Тхишев ему, Губжокову, означенных денег по неоднократному его требованию не уплачивают...»[37].

Документ умалчивает о роде занятия и продолжительности нахождения Губжокова «в работниках» у Пшарахова, но дает знать: о его сословном положении, о том, что вольные кабардинцы в 30-х годах занимались отходничеством, и об экономических отношениях наемных работников и нанимателей. Наконец, попутно узнаем, что некоторые представители фамилии Тхишевых были христианами и проживали в г. Моздоке.

Жиркяговы

В результате военных экспедиций Ермолова в Кабарду многие непокорные кабардинцы бежали за Кубань, а некоторая их часть нашла прибежище в Чечне. Среди последних оказался житель аула Таова, подвластный князя Рословбека Батокина – уздень Аиса Жиркягов. По предписанию князя Горчакова, «находившихся в Чечне абреками Аиса Жиркягова и Даута Хошокоева» в 1826 г. «простили», но было решено «холопей им не возвращать». Возвращение Жиркягова из «бегов» было вызвано семейными обстоятельствами. Согласно установленному порядку, члены семей «бежавших» брались под особый контроль, переселялись в мир-

ные аулы, а их жены там часто выходили замуж за других. Так случилось и с Жиркяговым. В рапорте Кабардинского временного суда Ушакову от 13 августа в 1829 г. рассказывалось, что после побега Жиркягова в Чечню в 1824 г. в Кабарде остались его жена Гаша и дочь Фатимат. По воле Ермолова генерал-майор Вельяминов» 15 февраля 1825 г. предписывает отправить жену и дочь Жиркягова в Волгский казачий полк «для отдачи абазинцам, живущим на Чурсковых хуторах, где и вышла в замужество за абазинца Хаупшева». Вероятно, узнав о случившемся, Жиркягов в 1825 г. «из Чечни выбежал обратно» (суд не знал всех подробностей) и стал проживать в Кабарде.

Спустя несколько лет князь Рослямбек Батокин и Жиркягов просили суд «войти с представлением к начальству о возвращении Жиркягову его жены». Суд счел возможным удовлетворить просьбу князя, ссылаясь на то, что «вместе с ним же бежавшего узденя Хахундука (Хагундоков? – *С. Б.*) жена и сын согласно того же распоряжения господина корпусного командира и предписания генерал-майора Вельяминова была отправлена в Волгский казачий полк и вышла в замужество в 1827 году... возвращена прежнему ее мужу Хахандуке». Ходатайство суда было отклонено, но впоследствии Жиркягову все же удалось вернуть себе жену. 30 ноября 1830 г. генерал Эмануэль сообщает Ушакову, что «Малой Кабарды уздень Аиса Жиркягов – получивши жену свою и дочь, находившихся в Бабуковом ауле...».

После этого Жиркягов через генерал-майора Бековича-Черкасского стал добиваться возвращения холопа Хачимахо с семейством, сбежавшего от него в 1822 г., но в том ему было отказано в соответствии с известной прокламацией Ермолова. По справке оказалось, что Хачимахо переселился в Черноярскую станицу, «где по собственному желанию принял христианскую веру и зачислен в казачье звание».

Возвращение жены и дочери не заставило Жиркягова отказаться от жизни абрека. Генерал-адъютант Граббе в 1840 г. ставил в известность местное начальство о том, что в «пристанодержательстве» абреков замечены Магомет Кожаков, Магомет Тыхтыров, Бекмурза Зеков, Магомет Хатухов, Абдурахман Кунашев и Темир Кумахов. Граббе предписывал их «заарестовать и представить за строгим караулом в Ставрополь». В их числе был и Аиса Жиркягов (Жирчаков)[38].

Кажаровы

Происхождение фамилий нередко зависело от самых различных обстоятельств. Порой случалось и так, что представители даже из тлекотлешей получали иногда вторичную, обиходную фамилию, как, например, произошло с одним из Коголкиных. Об этом содержатся интересные сведения в рапорте пристава Таусултановской фамилии хорунжего Тефова генерал-майору Горихвос-

тову от 12 июля 1832 г. По предписанию последнего проводился отбор оруженосцев в лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон из «лучших фамилий» Кабарды. По представлению майора Бековича-Черкасского в этот список включили «Инала Коголкина как первостепенного узденя». Возражение генерал-майора Горихвостова против предложенной кандидатуры было вызвано тем, что уздень считался принадлежавшим к малоизвестной фамилии Кажаровых. Это видно из упомянутого рапорта хорунжего. Он писал: «...из числа оруженосцев, назначенных Малой Кабарды Таусултановой фамилии, уздень Инал Кажаров действительно называется Иналом Коголковым. А произошла фамилия его Кажаровым единственно от того, что как дед его Адильгирей Коголков с малолетства находился в плену у абазеховцев, и по выручке из оного, как он оставался наследником, оставшуюся после умершего родственника узденя Коголкова жену выдали также за него замуж и обладал ее преимуществом. Если же бы он не был родственником той фамилии, то по какому бы случаю он вступил в сей аул, имел бы над ним власть, а как находился в плену долгое время и имел ошибку свою в языке от кабардинского языка на абазехской и потому он позван... Иналом Кажаровым, а настоящее его же имя Инал Коголкин, ибо потомство его прежнее всегда состоит без всякой перемены Коголкиными, и, присовокупляя к тому, что таковые же уздени и его родственник Алимирза Коголков и Пшемахо Анзоров со своими аулами принадлежат к Таусултановой фамилии»[39].

Как видно, Коголков стал называться Кажаровым по той причине, что «имел ошибку свою в языке от кабардинского языка на абазехской», т.е. вместо родного кабардинского языка стал разговаривать на абазехском диалекте. Здесь следует заметить: фамилию Кажаров кабардинцы могли присвоить и, вероятно, присваивали некоторым из тех, кто говорил на непонятном или малопонятном им языке.

В конечном итоге Инал поступил на службу. Об этом в данной переписке ничего не сказано, но фигурирующий в документах за 1841–1843 гг. корнет Инал Коголкин – это Инал Коголков[40].

* * *

В документах ЦГА КБР встречаются и другие носители фамилии Кажаров. В июне 1863 г. житель аула Жамбекова уздень Али Кажаров написал прошение и. д. начальника Западного военного отдела, обвиняя казака Новопавловской станицы Черномазова в краже у него пары быков[41]. В том же году в сентябре с прошением к начальнику Терской области обратился кабардинец аула Атласкирова Али Кажаров по тому же вопросу[42]. Думаем, что здесь речь идет об одном и том же человеке. Правда, в одном случае Али Кажаров назван узденем, а в другом – «кабардинцем». Такое разночтение в документах – нередкое явление.

Имея в виду, что Кажаров обозначен как житель двух аулов в одном и том же году, но в разные месяцы, можно сказать, что аул Жамбекова и Атласкирова не одно и то же.

Аул Атласкирова позднее вошел в аул Клишбиева. Кажаровы из аула Жамбекова, можно думать, принадлежали к сословию узденей, или, по крайней мере, свободных. Об этом говорит прошение проживавшего в том ауле узденя Ислама Кажарова (1859 г.). В нем указывалось, что княгиня Кабахан и сын ее Магомет Наурузов купили у него две лошади[43]. Сделка подобного рода не могла состояться с крепостным крестьянином.

Несколько слов об этимологии фамилии Кажаров. Отдельные представители фамилии относят себя к персидской (иранской) народности Каджаров (Кажаров), что, разумеется, должно быть принято во внимание. Однако термин этот неоднозначен. Он имеет не только этническое происхождение, но и социальные корни. В письме кабардинских владельцев к кизлярскому коменданту Н. А. Потапову, написанном в 1767 г., сказано: «А когда из узденей или владельцев наших пришед к вам окрестился, мы б о таких людях претензии не имели. Единственное прошение наше состоит об отдаче и возвращении тукашуков и коджаров...»[44].

Отсюда следует заключить, что коджары в кабардинской сословной лестнице занимали ступеньку ниже узденей. Происхождение самого названия этих крестьян неизвестно, но связано с упомянутой народностью *каджаров (кажаров)*, оказавшихся в Кабарде, вероятно, в результате военных действий.

Что касается другой сословной прослойки под наименованием *тукашуков*, то они в том же письме названы *ясырями*, последние, как известно, являются пленными. Термин *тукашуки* напоминает название сословия токашевы (*токошевы*), подробный анализ которого дан Х. М. Думановым, но он не рассматривает их в связи с происхождением от *пленных*.

Оба сословия крестьян пока специально не исследованы. Термин *тукашуко*, как и *каджары*, мог стать названием некоторых фамилий. Так, в Бабуковской станице проживал мулла Токшоков.

Калмыковы

Начальник Центра Кавказской линии генерал-майор Пирятинский 6 апреля 1840 г. дал Кабардинскому временному суду предписание о Калмыковых. В нем говорилось, что Ислам Калмыков, который, «не желая служить (Кунашевым. – *С. Б.*), во время возмущения Кабарды бежал с семейством за Кубань, где и проживал 10 лет, а после возвратился опять в Кабарду и поселился ныне в ауле узденя Кошева». Здесь мы имеем редкий случай, когда крестьяне, пользуясь восстанием кабардинских князей и дворян, в поисках свободы бежали за Кубань, но этого было недостаточно для получения статуса вольного человека.

В 1825 г. был составлен так называемый «вольный список»,

куда заносились только те крестьяне, владельцы которых бежали за Кубань, а Калмыков в нем не числился. Исходя из этого, Пирятинский предложил суду вернуть Калмыкова с семейством Кунашеву[45]. Предписание начальника Центра подлежало немедленному исполнению судом.

Кардановы и Машуковы (аул Аджиева)

«...Семейство Кардановых лет около 50-ти бежало от своих владельцев с реки Урды и поселилось в ауле наших родителей около Бештовских гор, не имея тогда ни малейшего состояния, где прожив в таком положении несколько лет; и чрез посредство отцов наших после бегства за Кубань ногайцев они воспользовались оставшимся после них их рогатым скотом, баранами и лошадьми». После усмирения ногайцев начальство вернуло им оставленное имущество. Напоминая обо всем этом генерал-майору Эристову, Мусса, Шокара, Магомет и другие Аджиевы в 1851 г. указывали, что при их содействии ногайские князья «оставили им (Кардановым. – *С. Б.*) оный, как благоприобретенную собственность».

После этого Кардановы проживали в ауле Аджиева «несколько времени наравне с вольноотпущенными, за что получили в награду скот и лошадей». Аджиевы жаловались: «Не прошло одного года, как Кардановы по неизвестной нам причине в числе семи дворов уклонились от нас и причислились в ауле Кармовом».

Таким же образом с Аджиевыми обошлись их вольноотпущенники Хатыра, Огурли и Текир Машуковы, которые «назад тому лет шесть» переселились в аул Кармова, «где их скот и прочее хозяйство», оставив при этом свои семейства в ауле Аджиева. Аджиевы просили начальника «не оставить приказать остаться попрежнему в нашем ауле как Машуковым, так и Кардановым, поскольку они по обычаям не должны были переходить из аула своих бывших владельцев». Поводом к прошению Аджиевых послужило требование начальства представить сведения о числе крестьян и вольноотпущенников[46].

Род Кардановых из аула Аджиева вместе с некоторыми другими упоминается в рапорте Пятигорского окружного начальника Государственных имуществ начальнику Кабардинского округа от 26 февраля 1862 г. Заметив в *Бештовской местности* кабардинцев, самовольно пасущих овец, он предложил своему помощнику, коллежскому регистратору Путилину, взыскать с них деньги, но те *оказали в уплате следуемых денег упорство*. Тогда Путилин доставил к нему «заведывающих означенными овцами, именно: аула Бабукова Паго Токмакова, в заведывании по показанию находилось 800 овец, Шугана Коцева было 1750 овец, аула Аджиева Машур Карданова 100 овец и Кануко Хажинагоева 800 овец». За пастьбу овец по «кондициям, утвержденным г. Наместником Кавказским... за самовольную пастьбу мелкого скота на Ногайской степи предписано взыскивать по 3 коп. сер. с каждой штуки

и в штраф за самовольство по 3 к. с штуки, всего по 6 коп. сер. с каждой овцы и козы».

По распоряжению Пятигорского окружного начальника, городская полиция не смогла разыскать *заведовавших*, поэтому он обратился к генерал-майору Орбелиани с просьбой взыскать с них положенную плату: 48, 105, 60 и 48 рублей серебром соответственно[47].

Судя по билетам, выданным в 1861 г. Кануко Хажинагоеву и Шугану Коцеву сроком на 2 и 4 месяца, все они были «уволены» в Тамузлов Куру, Бейбулу, Карамык и Калаус, т. е. в места, указанные Пятигорским начальником.

В своем отзыве на запрос начальника генерал-майор Орбелиани отметил, что «кабардинцы пасли своих овец не самовольно в Ногайской степи, а земля эта отдана им была для пастьбы в наем Бештово Кумским жителем Султаном Дженибек Гиреем за 35 руб. серебром, и они вполне были уверены, что земля эта не казенная, а собственно принадлежащая названному ногайцу». Орбелиани далее разъяснял, что поголовье овец Коцева увеличено на 1000 штук и; что он находит справедливым взыскивать с них не 6, а 3 копейки серебром. Пятигорский начальник согласился[48].

Кешоковы

Архивные материалы первой половины XIX в. хранят молчание о родословной Кешоковых. В 1864 г. почти все жители Вольного аула были расселены по аулам Кабарды. При этом, вероятно, принимались во внимание прежние их места жительства. В списке вольноаульцев, переселившихся в аул Тлекеча Куденетова*, указаны «Мурзабек Кишоков, Айтек Кишоков и Жуко Кишоков»[49]. В документе фамилия передана ближе к оригиналу, чем принято писать сегодня. Например, фамилия *КӀыщ* пишется по-русски Кишев[50]. В фамилии КӀыщокъуэ тот же корень слова «кӀыщ» отвечает тому же принципу орфографии, и точнее было бы писать Кишоков, как и была она зафиксирована в первоисточнике.

Кешоковы, переселившиеся из Вольного аула в аул Тлекеча Куденетова, – предки известного писателя Алима Кешокова.

О взглядах и общественной работе его отца Пшемахо Кешокова среди литературных критиков идут дискуссии. Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Іуащхьэмахуэ» («Эльбрус») в 1989 г. опубликовал статью профессора КБГУ Андрея Хакуашева «КӀыщокъуэ Пщымахуэ» («Пшемахо Кешоков»). В статье констатируется: «Как известно адыгским читателям, после выхода в свет романов Алима Кешокова «Чудесное мгнове-

*В период административных реформ (1865–1867 гг.) из 93 аулов Большой Кабарды было образовано 33 крупных населенных пункта. К аулу Тлекеча Куденетова присоединялись аулы Куныжева, Шарданова и Даутокова (См.: *Думанов Х. М.* Вдали от родины. Нальчик, 1994. С. 22). После Октябрьской революции аул Тлекеча Куденетова переименован в с. Шалушка.

ние» и «Зеленый полумесяц», образ Астемира – главного героя обеих книг, прототипом которого был отец писателя, вызвал много споров. Даже о прототипе образа была опубликована отдельная статья в газете «Кабардино-Балкарская правда». Автор далее указывает: «В ней была предпринята попытка доказать, что образ и его прототип не имеют ничего общего. Однако тот факт, что подобные исследования несостоятельны, что *П. Кешоков не работал муллой* (выделено нами. – *С. Б.*), а, напротив, активно боролся против служителей мусульманского духовенства, подтверждают его публикации в газете «Карахалк» («Беднота»)[51].

В 1990 г. мы опубликовали в третьем выпуске литературно-художественного приложения к газете «Ленинский путь» – «Адыгэ псалъэ» («Адыгское слово») – заметку, которая документально опровергала точку зрения автора статьи. В ней рассказывалось о заявлении жителя селения Шалушка Псауна Жерештиева от 13 июня 1911 г., в котором отмечалось: «Односелец мой Пшимахо Кешоков состоит квартальным эфенди* в Куныжевском квартале нашего селения. Он исполняет свою должность и занимает этот пост...»[52]

Итак, можно считать документально подтвержденным опровергавшееся в статье утверждение, что Пшемахо Кешоков был муллой (эфенди)[53].

Попытки представить отца Алима Кешокова как активного борца против служителей мусульманского духовенства являются следствием отсутствия подлинных документов о его биографии. Кроме того, в недавнем прошлом господствовавшая идеология без разбора причисляла к врагам нового и передового проповедников, проводников религиозных учений и служителей культа. Этим также объяснялось желание отдельных исследователей представить Пшемахо Кешокова чуждым религиозных взглядов.

Килара Хаширова потомки

Сохранились летописные сведения о том, что Тимур во время своего второго похода на Северный Кавказ с целью джихада «взошел на Эльбрус»[54]. Эти слова, видимо, не следует понимать в том смысле, что Тимур организовал восхождение на Эльбрус, но исключить возможность, что некоторые из его воинов достигли вершины горы, нет достаточных оснований.

Первое достоверно известное в истории восхождение на вы-

---

*Эфенди и муллу иногда различают только по численности вверенного им населения: кому доверено селение – эфенди, а кто обслуживает квартал (хьэблэ, жэмыхьэт) и подчинен эфенди – мулла (*Калмыков Ж. А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 87). Такое понимание не совсем точно. Понятие эфенди охватывает не только людей духовного звания. В Турции это слово служит и вежливой формой обращения в значении «сударь». Мулла также понятие более широкое, которое давалось имамам мечетей и их заместителям.

сочайшую вершину Кавказа связано с экспедицией Эмануэля в 1829 г. Об истории этой экспедиции написано немало, но воспоминание сыновей первопроходца на вершину Эльбруса *кабардинца* Килара Хаширова до сих пор неизвестно широкому кругу читателей. Жители аула Кучмазукина уздени Герандуко и Хажби Киляровы* 25 ноября 1870 г. написали начальнику Кабардинского округа: «Покойный отец наш, Киляр, во время стояния на Кавказе лагерем с 8 по 11 июля 1829 г. командовавшего Кавказскою линией генерала от кавалерии Георгия Мануеля 10 июля всходил на Эльбрус вместе с посланными Российским правительством академиками: Купфером, Ленцем, Менетрием и Мейером, чиновником горного корпуса Вансовичем, Архитектором Минеральных вод Иосифом Бернадации (Бернардацци. – *С. Б.*) и венгерским путешественником Иваном** Бессе, но из них вершину Эльбруса достиг только отец наш Киляр. Их имена, как отца нашего Киляра, так и бывших с ним академиков, отлиты на чугунной плите, как первых, проложивших путь к достижению до того времени почитавшегося неприступным Эльбруса, и [она] привезена в Пятигорск. За эту услугу отца нашего русскому правительству он награжден был 100 рублями. Кроме того, по предложению начальства отец наш Киляр поступил на службу в Кавказско-Горский дивизион в Варшаве и прослужил в нем более 9 лет. А потому покорнейше просим ходатайства Вашего Высокоблагородия о наделении нас землею в частную собственность по усмотрению начальства, не по происхождениях нашему, а за услуги, оказанные покойным отцом нашим русскому правительству»[53].

Известно, что Килар Хаширов жил в Вольном ауле, т. е, он является вольноаульцем в собственном смысле слова. Некоторые подробности о семье Хаширова содержатся в прошении вольного кабардинца Герандуко (Кирендуко) Килярова за 1848 г. Он писал капитану Занаревскому, воинскому в Нальчике начальнику, что его односельчанин из Вольного аула, Аслан Шугенов, выдал свою дочь за крестьянина полковника Мисоста Атажукина. Во время церемонии проводов невесты родной брат Герандуко, Увжуко, был смертельно ранен. В его убийстве подозревался житель аула Мисоста Атажукина, А. Ш., но во время судебного разбирательства не было установлено убедительных доказательств его вины.

Суд постановил взыскать штраф с участников злополучной свадьбы в двух частях: с шестерых жителей аула Мисоста Атажукина – 200 руб. и 100 руб. – с жителей Вольного аула, стрелявших из ружей по обряду и имевших возможность случайно или нарочно попасть в Увжуко. Решение суда не выполнялось. Поэтому Герандуко в 1850 г. высказал жалобу Эристову: «Мать моя в

---

*Киляровы себя считали узденями, но, согласно сделанной на их прошении пометке, считались принадлежащими к сословию азат.

**Его имя встречается в написании по-разному: Ив. Бессе, Янош Бессе, Жан-Шарль де Бессе (См.: Хасэ. 1994; *Опрышко О. Л.* По тропам истории. Нальчик, 1990. С. 298–308; АБКИЕА. С. 329–337).

самых древности лет с малолетними детьми претерпевает крайнюю бедность и желает на эти деньги купить себе крестьян». Начальство потребовало от суда исполнить его же решение и «удовлетворить вольного кабардинца Кинардуко Килярова»[56].

В прошении Герандуко и Хабижа Киларовых они проходят как жители аула Кучмазукина. Как и когда они оказались в этом ауле? В начале 60-х годов XIXв. было принято решение расселить жителей Вольного аула по аулам Большой Кабарды, что и было сделано за исключением 11 семейств. Среди выселившихся из Вольного аула и переселившихся в аул Кучмазуко Кучмазукина значится Кирандуко Киляров. Сохранилось и удостоверение, выданное по этому поводу владельцем аула Кучмазуко Кучмазукиным: «1863 года сентября 5 дня я, нижеподписавшийся, даю сие удостоверение о том, что кабардинцев Вольного аула Кирандуко Килярова и Тепсаруко Хаширова принимаю в свой аул, состоящий на р. Баксане, и обязуюсь по требованию начальства доставлять в Нальчик и лежащие на нем повинности по семи рублей серебром в год взносить за них, Килярова и Хаширова, если они будут не в состоянии. В другой же аул Килярову и Хаширову без разрешения начальника Кабардинского округа не дозволять переселиться. В том и подписуюсь. Прапорщик Кучмазуко Кучмазукин...» Начальник Баксанского участка поручик Щелкачев 12 сентября 1863 г.[57] засвидетельствовал подпись Кучмазукина.

В посемейном списке аула Кучмазукина за 1886 г. значатся: Киляров Тепсаруко Умарович (38 лет) с сыновьями: Ельжеруко, Карабатыр и Батыр-хан; Киляров Хажбий Уважукович (42 года) с сыновьями: Бекмурзой, Хажигиреем и Хажимуратом; Киляров Шарамуко Умарович (34 года) с сыновьями: Батарша и Цуком; Киляров Хамляк Умарович (31 год) с сыном Хапаго.

Дальнейшая судьба Герандуко Килярова сложилась так. Около 1887 г. он с малолетним внуком Али отправился в Турцию и умер там в 1892 г. После смерти отца Хажбия, последовавшей 7 февраля 1897 г., Али, по зову старших братьев Бекмурзы и Хажигирея, 12 августа 1898 г. вернулся в с. Кучмазукино (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 429, л. 107–108).

Кудашевы

О родословной Кудашевых кабардинский историк Владимир Кудашев писал: «Из сословия пши происходят русские князья Алеуковы, Бековичи-Черкасские и просто Черкасские, Кудашевы, Мансуровы»[58]. Сведения Кудашева не подтверждаются имеющейся родословной кабардинских князей. Но в среде кабардинских узденей числятся Кудашевы. Житель с. Докшокова отец историка Канамат Кудашев писал Лорис-Меликову: «Мы происходим из почетных узденей Беслан-ворк и имели прежде аул своего имени и земли между рр. Яман-Су и Баксаном»[59].

«Канамат, сын Огурли, Кудашев» в 1845 г. в возрасте шести

лет был намечен для зачисления в военно-учебное заведение в Санкт-Петербург, однако при медицинском осмотре оказался «Каномат Кудашев по разным недугам не годным» (ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 1, л. 29). Документ примечателен тем, что он упоминает имя деда историка Владимира Кудашева, которое до сих пор оставалось неизвестным.

Брат Канамата Магомет-Мурза Кудашев, переводчик Нальчикского горского словесного суда в 1870 г., добиваясь земельного надела в личную собственность, писал, что по происхождению он «равняется» с узденями Шипшевыми, Догужоковыми и Клишбиевыми. «Я происхожу из узденей «Дижинуго», – заключал он[60]. Однако Магомет-Мурза несколько преувеличивал свое сословное положение. В выданном ему свидетельстве сказано, что Кудашевы «действительно происходят из кабардинских узденей и имели прежде имени своего аул»[61]. Канамат Кудашев в 1871 г. обратился к Лорис-Меликову с просьбой о наделении его земельным участком, в результате чего он получил 350 десятин земли[62].

В 1869 г. был составлен список лиц, получивших заграничные паспорта и уволенных в Мекку «сроком на один год с семействами и не возвратившихся оттуда». Среди них числился и уздень из аула Кошерокова Уважуко Тхамоков, который в 1869 г. также просил уволить его в Мекку на один год со своим семейством. Вместе с ним отправились и «зять его Канамат Кудашев, жена Гошехан, сыновья Эльбуздуко и Мурзабек».

Тхамоков остался за границей, а Канамат Кудашев, как отмечено в списке уволенных, возвратился вместе с семейством[63]. Интересно отметить, что отец будущего историка был зятем узденей Тхамоковых из Кошерокова.

Подчеркнем еще и то, что поездка в Мекку Кудашеву была разрешена властями, даже несмотря на то, что в числе активных противников отмены крепостного права он подвергался аресту. Плац-майор Георгиевской крепости 12 ноября 1867 г. сообщал: «Выдержав определенный шестимесячный срок заключения на главной Георгиевской гауптвахте кабардинского жителя узденя Канамата Кудашева... при сем... препровождаю»[64].

В госархиве КБР нами обнаружены два новых документа о Владимире Кудашеве. Клишбиев 22 декабря 1912 г. телеграфирует в Киев Кудашеву: «Ты выбран [членом] депутации. Вышли немедленно копии документов, наиболее характеризующих наши заслуги [в] смутное время*. Надо мне начать ходатайство сейчас же»[65]. В другой телеграмме Коцеву в Екатеринодар Клишбиев указывал: «Утверждены – депутатами только три: Кудашев, На-

---

*Эта работа частично проделана хорунжим Оренбургского казачьего войска Павлом Львовичем Юдиным. Ему были выданы деньги «за отыскание в Главном Московском архиве Министерства иностранных дел документов, относящихся к участию кабардинцев в событиях смутного времени, кончая воцарением государя Михаила Федоровича до поражения Заруцкого и Марины Мнишек» (ЦГА КБР, ф. 26, оп. 1, д. 38, л. 10).

урузов и ты»[66]. Следующие телеграммы адресованы Кудашеву, находящемуся уже в Петербурге: «Петербург. Археологический институт. Кудашеву. Назначены депутатом на празднество 21 февраля. Требуется формуляр, высылайте»; «Петербург. Гостиница «Москва». Кудашеву. Событие народом увековечено. Немедленно вышли свой формуляр. Требуется от выбранных [в] депутацию. Список составляю. Клишбиев»[67]. Последняя телеграмма должна была огорчить Кудашева: «Состав депутации [в] Тифлисе изменен. Вместо тебя командируется Хахондуков. Подполковник Клишбиев»[68].

Кунашевы и Цаговы

Во второй четверти XIX в. в Кабарде наблюдалось переселение аулов с одного места на другое. И это несмотря на то, что Кабардинский временный суд имел для руководства предписание начальника Центра Кавказской линии Пирятинского. Оно требовало строгого наблюдения «за кабардинцами, чтобы никто из них ни под каким предлогом своевольно без разрешения властей не переселялся на новое место». До Пирятинского дошли слухи о том, что «недавно пред сим из аула умершего прапорщика Бармамытова четыре семейства, оставив жительство свое на Малке, перешли внутрь Кабарды». Этот случай заставил Пирятинского 18 марта 1834 г. сделать вновь замечания суду и «предложить оному вновь о строжайшем наблюдении за кабардинцами, чтобы никто из них с настоящего поселения своего в другое место ни под каким предлогом своевольно не переселялся»[69].

Предписания оставались предписаниями, а в ряде случаев продолжались и самовольные переселения, «вопреки этого запрещения». Поэтому и.о. начальника Центра Кавказской линии Хлюпин 27 июля 1846 г. предупреждает Кабардинский временный суд, что нарушители порядка «будут немедленно возвращены на прежние свои места и подвергнутся оштрафованию парою быков каждый, а если сделает это владелец аула, то кроме большого штрафа подвергнется особому взысканию»[70]. Такого же рода угрозы исходили и от преемника Хлюпина – Эристова. В частности, он 11 апреля 1849 г. предлагал суду немедленно сделать распоряжение, согласно которому виновный в переселении, «кроме обратного выселения на прежнее жительство, будет оштрафован на пятьдесят рублей серебром»[71].

Несмотря на директивные установки властей и Кабардинского временного суда, переселения не прекращались. О причине одного из них рассказывается в прошении «всего общества аула Кунашева» начальству. Они указывали: «С давнего времени узденъ Камбий Цагов принадлежал к фамилии Атажукиной и не мог во всей Кабарде избрать для себя жительство, пришел в крайней бедности в аул еще предков настоящего владельца аула, где поселился, и посредством добродетели к нему жителей аула он

приобрел хозяйство, и ныне от него происходящие уже в 7 колене Умар, Шуган и Якуб Цаговы... через самолюбивую нравственность к удобству... переселились от нашего аула расстоянием не более в 25 саженей и принимают все меры, чтобы присвоить себе власть как владелец, а в случае какой-либо тяжбы между жителями они более стараются усилить неприятность и каждому преподают совет, чтобы переселялись к ним, за что обещают в будущем свое покровительство и защиту».

Непосредственным поводом для обращения общества аула Кунашева к начальству послужил один случай. По приказанию Эристова из каждого аула назначались «всадники для охранения своего отчества». Когда дошла очередь до Шугана Цагова, он не явился к Айтеку Кошеву, под командованием которого находились всадники из аула. Тогда Кошев «обарантовал» Цагова за ослушание, согласно заведенному порядку, одной коровой в пользу других всадников, требовавших «их удовлетворения».

Кабардинский временный суд давал разъяснения по возникшему между двумя фамилиями конфликту. Он доносил, что Кунашевы и Цаговы уздени «одинакового достоинства в степени, поэтому как один из Кунашевых старший не отбывал общественной повинности, так и старший из Цаговых избавлялся от оной, а так как теперь Кунашевы желают взять над ними власть, за что по несогласию, между ими вышедшему, Цаговы выселились из аула немного выше и, не будучи в числе Кунашева аула, за невысылку всадника из этого аула очередной подвергался штрафу по неудовольствию на Шугана Цагова, Пшемахо Кунашев указал на него...». Суд признал, что Цагов «невинно оштрафован», и приказал Кунашеву возвратить ему барантованную корову[72].

В данной переписке примечательно, до какой степени скрупулезности был доведен орк-хабзэ, т.е. кодекс чести кабардинского дворянства. Идти даже на малейшие уступки равному себе считалось недопустимым оскорблением достоинства представителя рода, и даже всей фамилии. Решение суда в пользу Цаговых было справедливым. Важнейшая судебная инстанция кабардинцев стояла на страже неписаных законов предков, нарушение которых было чревато непредсказуемыми кровавыми последствиями.

Мальбаховы

Первые письменные сведения о фамилии относятся к началу 30-х годов XIX в. Уздень по имени Соин Тлачафов (?) в своем прошении от 26 мая 1831 г. указывал, что он «во время возмущения в 1825 г. кабардинцев» совершил побег к непокорным закубанцам вместе со своим владельцем князем Магометом Атажукиным. Проживал он там на реке Уарпе, в ауле узденя Вукова. В 1831 г. Соин решил вернуться в Кабарду, где проживал на речке Чегеме в ауле Агубекова. «Беглый» уздень был лишен зрения,

поэтому он просил генерал-майора Горихвостова разрешить сопровождать его шестерым кабардинским узденям, его родственникам: Дауту Кадакоеву, Солеману Озрокову, Дауту Мамисохову, Асланбеку Шогенову и Шу Мальбахову[73].

Мальбаховы упоминаются и в рапорте командующего Кубанской линией генерал-майору Пирятинскому от 29 августа 1834 г. Командующий линией сообщал: «Во время бытности моей за Кубанью с отрядом для наказания Казильбековского аула выбежали ко мне кабардинцы, а именно: уздень Юсуп Тлеуков и крестьяне его, Кугутыж Малбохов с матерью, женою, 2-мя сыновьями и одною дочерью и брат Малбохову Захек с женою и Мачуко Чорабажев с женою, живущие прежде на речке Малке в ауле Шугана Чужокова, который при разорении горскими хищниками Солдатской станицы весь был взят в плен, которых я согласно имеющегося у меня предписания господина командующего войсками на Кавказской линии и Черноморья относительно поселения всех выбегающих к нам кабардинцев сзади наших укреплений между реками Баксаном и Тереком с сим вместе предписал командующему Хоперским казачьим полком есаулу Бирюкову немедленно отправить к вам...»

Генерал-майор Пирятинский предписал Кабардинскому временному суду «по прибытии оных водворить на место жительства должным порядком»[74]. В обоих документах прослеживается причина переселения Мальбаховых за Кубань. Выражения: «во время возмущения в 1825 г. кабардинцев» и «при разорении горскими хищниками Солдатской станицы» – относятся к одному и тому же событию – последнему крупному восстанию в Кабарде 1825 г. Отсюда следует, что Мальбаховы совершили побег за Кубань по необходимости – вместе с князем Магометом Атажукиным. Обратное их переселение в Кабарду – в места прежнего проживания – говорит о том, что они склонялись к пророссийской ориентации. Кроме того, прошение Тлачафова и переписка военной администрации устанавливают принадлежность Мальбаховых к фамилии князей Атажукиных. Отдельные представители фамилии позднее переселились в Малую Кабарду.

В посемейном списке с. Муртазово за 1886 г. указаны два семейства Мальбаховых: Мальбахов Магомет Геляхстанович (37 лет) с сыновьями – Жамурзой (8 лет), Асланбеком (5 лет); брат его – Канамат (34 года) и сын его Кубати (1 год). «Женского пола пять душ».

Упомянутый Кубати – отец известного политического и государственного деятеля Тимборы Кубатиевича Мальбахова (1917 г. р.). Второе семейство – Мальбахов Тамбий Геляхстанович (43 года) и сын его Хажиумар (11 лет). «Женского пола три души».

Фамилия Мальбаховых упоминается и в переписке, состоявшейся в 1847 г. между приставом Малой Кабарды хорунжим Тургиевым и начальником Малой Кабарды подполковником Эристовым по поводу «пропажи коляски Бековича-Черкасского» во время похода Шамиля в Кабарду. Документ свидетельствует о

многом. В частности, выясняется, что Малая Кабарда в тот период управлялась и приставом, и начальником. Это во-первых. Во-вторых, переписка вносит определенную ясность в сословное положение ряда фамилий. В их числе: «кабардинцы» Сеид Ушабиев (Ушахбиев, Кушабиев – вольноотпущенник Эльбуздука Булатова) и Бора Темижев; уздени Атажуко Азов, Едик Есеев, Андрузак Танов, Мата, Аважуко, Асламурза и Якуб Ансоковы, Гулла Багданов, Хром Шогенов и Умар Шогенов. В-третьих, в числе узденей отмечен эфенди офицера Хапцева, Бесултан Мальбахов, и «крестьянин ефендия Мальбахова Муса» (ЦГА КБР, ф. 8, оп. 1, д. 30, л. 1–5 об.).

По сведениям историка Бориса Касбулатовича Мальбахова, внука Жамурзы (посемейный список с. Муртазово за 1886 г.), у Бесултана (Бейсултана) предположительно было другое имя – Ибрагим. Он раньше имел жительство в ауле на Малке (ныне с. Куба). Отмеченный в том же посемейном списке Геляхстан (Гиляхстан) Мальбахов (как отец Магомета и Тамбия) – сын Ибрагима. Что касается родословной этой ветви Мальбаховых, фамильное предание относит их к бесленейским адыгам, где они носили фамилию Тузартуковых (Тузаровых) и считались узденями разряда дижинуго.

Мамышевы

Житель селения Нальчикского уздень юнкер Салех Мамышев (он же Махаров) 9 января 1872 г. просил исполнявшего должность начальника Георгиевского округа наделить его земельным участком. При этом Салех, как это делалось в подобных случаях, напомнил властям свою родословную. «Предки мои, – писал он, – издревле происходили из горских таубиев*, и лет пятьдесят тому назад дед мой Нашхо Мамышев переселился в Большую Кабарду, и тут он признан узденем беслян-уорк, отец мой Исмаил (род. в 1821. – *С. Б.*) был на службе и принял христианскую религию под именем Марко Афанасьев сын Афанасьев, числился в Горском казачьем полку и в чине сотника умер в 1864 году...»[75].

Достоверность содержания прошений, ставивших целью получение земельного надела в частную собственность, в ряде случаев страдает объяснимым преувеличением заслуг их родителей и стремлением обойти то, что могло для начальства служить поводом для отказа в просьбе. Достаточно было бы Мамышеву приоткрыть некоторые факты из жизни своего деда, и он не только не получил бы участка земли, но потерял бы и свое положение, о котором будет рассказано ниже.

---

*По свидетельству, выданному Салеху Махарову в 1862 г., он был признан происходящим из узденей второй степени (беслен-уорк). Документ подписали штабс-ротмистр Атажукин, Пшимахо Касаев, Коголкин, Кучмазукин и Кожаков (ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 18, л. 170). Непонятно, почему выходец из таубиев (а этот факт подтверждается ниже) приравнен только к беслен-уоркам.

В 1831 г. начальство поручило подпоручику Горшкову «обозревать Дигорию и Пять горских обществ» с целью «все видеть, что ему надо». В связи с этим командующий Кабардинским пехотным полком майор Егоров 24 июля 1831 г. донес: «Вследствие предписания Вашего Превосходительства от 14 сего июня... в свое время зделал распоряжение на щет вызова в Нальчик старшин от горских народов, а именно: Дигорских, Балкарских, Хуламских, Чегемских и Уруспиевских, из коих первые по позыву назад тому четыре дни прибыли в Нальчик, посланной же к балкарцам прапорщик князь Камбот Кильчукин, возвратясь сего числа, объявил, что старшины сего народа по случаю отправления в Георгиевск старшину их, содержавшегося в Нальчике под караулом Алибека Абаева с протчими балкарцами, от чего между народом происходит несогласие, принять подпоручика Горшкова и препроводить чрез их земли далее не соглашаются, и ни один из старшин даже приехать на Нальчик для личного объяснения не пожелал. Сверх того и потому, что находящийся в Чечне бежавший от них известной убийца казаков Нашхо Мамышев, прибывши в Балкарию, сжег у старшины Умара Кучукова, а у протчих хутора, изыскивает будто бы случай мстить всем преданным правительству нашему, а в особенности русским, а по сему опасаются принять к себе подпоручика Горшкова, дабы из партии Нашхо или из родственников, оставшихся после отправленных, как выше значится, в Георгиевск, кто-либо не учинил убийства»[76].

Здесь следует продолжить прошение Салеха Мамышева. В 1868 г. он, окончив Нальчикское окружное училище, просил бывшего тогда начальником округа Нурида о его зачислении в какую-нибудь гимназию для продолжения учения. «Но, – писал он далее, – к моему несчастию, я не мог поступить в гимназию, потому что мне отказали». Причина отказа Салеху в учебе, как нетрудно убедиться из донесения майора Егорова, в том, что его дед Нашхо считался абреком.

В прошении Салеха один момент остается непонятным: его дед – абрек, а отец Исмаил – сотник, к тому же он принял и христианство. Этот парадокс просто объясняется. Кабардинский временный суд докладывал Голицыну: «Назад тому лет 18 узден 2-й степени Нашхо Мамышев перешел на жительство к непокорным чеченцам, а что оставшиеся его два сына: Исмаил, в то время имевший от роду 8, и Мусса, 5 лет, взяты в числе аманатчиков в Россию», Мусса умер в сиротском отделении военных кантонистов Дмитриевского полубатальона, а Исмаил в 1841 г. поступил на действительную службу[77].

О сословном весе Мамышева среди балкарцев и кабардинцев дает представление донесение Кабардинского временного суда Голицыну от 7 февраля 1846 г. В нем, в частности, отмечено, что Исмаил «по принятии христианства наименован Марко Афанасьев, имеет: брата, пять сестер, двоюродных братьев, узденей: Хажи Магомета, Ахмета Мамышевых, Умара Мамышева, родных дядьев Хажи Жанхотова, Хамурза Шакманова, Магомета Шакма-

нова, Огурли Жиналова, Умара Кушукова, Умара Жиналова, Кайтуку Хамурзина, Жамбота Докшукина, Бек-Мурзу Сосналова». Ссылаясь на то, что перечисленные влиятельные родственники Афанасьева преданы русским властям, Кабардинский временный суд просил уволить его от службы волостного писаря и назначить писарем суда. В этом новом качестве вернулся в Кабарду Исмаил Мамышев (Марко Афанасьев, сын Афанасьев), что впоследствии дало его сыну возможность поступить в Нальчикское окружное училище.

Салех Мамышев окончил училище, проявив незаурядные способности. Об этом говорит копия его свидетельства: «Дана это свидетельство сыну узденя 2-й степени Махарова, Салеху Макарову, воспитывавшемуся на казенный счет в Нальчикском окружном горском училище с 10 ноября 1862 г. по 18 июня 1868 г., в удостоверение того, что он на окончательном испытании, происходившем в присутствии Педагогического совета училища, оказал следующие успехи в преподаваемых предметах: в мусульманском законе – хорошие, русском языке – отличные, истории – отличные, географии – отличные, арифметике – отличные, алгебре – отличные, геометрии – хорошие, чистописании – отличные. Во все время нахождения в пансионе училища он вел себя *весьма похвально*... Сентября 20 дня 1868 года»[78]. Свидетельство подписали: председатель совета начальник Кабардинского округа полковник Нурид, штатный смотритель училища надворный советник Адамов, законоучитель священник Николай Благонравов, учитель русского языка Романовский, учитель Юркевич, секретарь совета, учитель истории и географии, титулярный советник П. Чернов.

Свидетельство – редкий документ подобного рода. Оно указывает предметы, которые изучались в училище, продолжительность срока обучения и фамилии преподавателей. Следует заметить также, что начальник округа одновременно был и председателем педагогического совета, что, несомненно, поднимало авторитет учебного заведения.

Возвращаясь к прошению Салеха Мамышева (Махарова), заметим, что в просьбе о наделении его землей было отказано.

В 1865–1871 гг. велась обширная переписка по разделу наследства сотника Марка (Исмаила) Мамышева (Афанасьева), умершего 17 июня 1864 г. В ней фигурируют его родители: Нашхо и Фатимат Мамышевы. Марк был женат дважды. Вторым браком он женился на «Ирине, Моисеева дочери». У него от нее не было детей, а сама она, вторично выйдя замуж за капитана Латынина и опять оставшись вдовой, переехала в Москву. В первом браке Марк имел известного нам сына Салеха. Брат Марка юнкер Григорий (по другим сведениям «он не более, как сводный брат») также вскоре умер, оставив в браке с Марией Савельевной малолетнего сына. Имя его неизвестно.

Предание подтверждает родословную описываемых Мамышевых. Родоначальник фамилии Нашхо, его сын Исмаил (Марк Афанасьевич Афанасьев). У Исмаила был сын Салех, у Салеха – Ба-

расби, а у него родился Исмаил. Его сын Амурбек и внуки и ныне здравствуют (информатор Хасан Яхтанигов).

О Барасби Мамышеве имеются сведения за 1915 г. В том году умер житель с. Нальчикско-Клишбиевского Али Мамышев, после которого остались наследниками вдова Фатимат и дети Жанаф, Тамара, Соня и Магомет. Али находился в общем и неразделенном владении с братом ротмистром Барасби Мамышевым[79]. Судя по штампу на заявлении ротмистра Мамышева от 18 октября 1915 г., написанном в связи со смертью его брата, он, вероятно, служил в действующей армии в должности командира запасной сотни Чеченского конного полка. О дальнейшей судьбе ротмистра Мамышева О. Л. Опрышко пишет: «При управлении правителя Кабарды нес службу полковник Барасби Мамышев, в годы мировой войны воевавший на австрийском фронте в составе Чеченского полка, а в июне семнадцатого переведенный в Кабардинский...»[80].

Маршановы

Канцелярия начальника Терской области 24 мая 1866 г. сделала запрос начальнику Кабардинского округа. Требовались сведения «о том, когда кабардинец Бек-Мурза Маршанов сослан за абречество в Сибирь на всегдашнее поселение, а также где он в настоящее время находится». На предписание начальника округа по данному вопросу начальник Черекского участка 18 июня 1866 г. докладывал: «...во вверенном мне участке существовали две фамилии Маршановых. Одни – коренные жители Кабарды, которые в 1860 г. все переселились в Турцию, а другая фамилия – выходцы из Закубани, из которой есть в настоящее время один только дом Маршанова в ауле Жанхотова Асланбек».

Начальнику участка не удалось установить конкретные данные о Бекмурзе Маршанове. Опрошенные им старики сообщили только то, что «в бытность на Кавказе покойного фельдмаршала графа Паскевича из Закубани один из Маршановых был сослан в Сибирь, но имя его не припомнят». Однако начальник Баксанского участка, который занимался также установлением места жительства Бекмурзы, 14 июня того же 1866 г. донес начальнику Кабардинского округа, что «кабардинец Маршанов проживал в Черекском участке»[81].

О родословной «жителя аула Коголкина 1-й степени узденина Асламбека Маршанова» некоторые сведения содержатся в его «почтительном прошении», адресованном генерал-майору Эристову в 1851 г. Отца Асланбека звали Хусин. Он умер «назад тому более тридцати лет», оставив наследником малолетнего сына. Родная сестра Хусина была замужем за узденем Коголкиным, и после «постигшей ее скорой смерти» имущество по праву перешло сыну, но за которым тетя осуществляла надзор до его совершеннолетия, поступило «наследникам ее Пшемаху, Хажи, Махомету и Жамботу Коголковым».

Асланбек Маршанов жаловался на своих двоюродных братьев Коголкиных, которые «под разными изворотами провели более пятнадцати лет», не возвращая ему наследство, Эристов предписал суду разобрать претензию узденя Асланбека Маршанова, но, чем закончился иск, неизвестно[82].

Асланбек Маршанов, проживавший в 50-х годах в ауле Коголкина, скорее всего, и есть тот Асланбек Маршанов, который в 1866 г. имел жительство уже в ауле Кучука Джанхотова.

Налоевы

Этническая принадлежность и сословное положение Налоевых прослеживается в прошении «Дигорского осетина подвластного старшины Асламурзы Туганова Кавыса* Налоева командующему Кабардинской линией полковнику Пирятинскому от 22 декабря 1833 г.». Налоев отмечал, что дигорский старшина Генардуко Туганов в 1829 г., «будучи он еще неприятелем с русскими», его ограбил. Перечень захваченного имущества подчеркивает состоятельность Налоева. У него забрали 60 руб. серебром наличными, 40 баранов, два ружья, две коровы, быка и лошадь. В течение нескольких лет Налоев добивался от Туганова захваченного им имущества, но «никак не мог получить с него таковых». Причина заключалась в том, что Туганов оставался «неприятелем» русских. Впоследствии Туганов помирился и в залог этого отдал своего сына Аслангироя аманатом Пирятинскому. В связи с этим Налоев просил начальника заставить Туганова вернуть ему его имущество, из которого были «еще в целости ружья, лошадь, бык»[83].

Прошение конкретно не указывает на сословное положение Налоева, но следует обратить внимание на один существенный момент: подвластными осетинских старшин не могли называться зависимые – кавдасарды (кумиаки) и кусаки.

Приведем еще один документ. Вероятно, по жалобе другого представителя фамилии Налоевых было возбуждено дело, которое расследовалось несколько лет. Комиссия военного суда при Кабардинском егерском полку 12 января 1841 г. обратилась с рапортом к начальнику Центра Кавказской линии Пирятинскому.

**Кавыс (Кавис)* – один из предков Заура Налоева. По его сведениям, в Урухском ущелье обитало племя Астанти. После болезни, постигшей племя, уцелела только одна беременная женщина. Она разрешилась сыном, и ему в память о вымершем племени дали имя Астан. У него было три сына. От старшего сына Нало пошла фамилия Налоевых, а осетинские фамилии Цокти и Дзапарти – от младших его братьев Цокъут и Дзапарт. Существует и грузинская фамилия Джапаридзе. Предположительно, эта фамилия также восходит к имени Дзапарт, переселившегося в Грузию.

В Кабарду (Ст. Урух) первым из теперешних Налоевых переселился Джауис. Он приходится Зауру Налоеву прадедом, а Нало Джауису – прапрадедом. Ветвь родословной Налоевых от Заура Налоева выглядит так: Мухамед (отец) – Кубатий – Джауис (Кавис) – Джэщо – Алибек – Джега – Нало – Астан... – Мацуто.

Для завершения следственного дела над другим Тугановым – прапорщиком Аслан-Мурзою Тугановым – и подпоручиком Кургоко Абисаловым требовались сведения о службе означенных лиц и отзыв о них начальника «за две половины года до предания суду». Следовательно, дело было возбуждено в 1840 г.

Комиссия считала необходимой «очную ставку» между Тугановым и Абисаловым, с одной стороны, и «осетином Гебиш Налоевым» – с другой. Требовались и сведения об убитом Геги Налоеве – «от жителей Тугановой деревни не менее 24-х человек». Присяга такого количества людей об убитом 15 лет тому назад Геги Налоеве была нужна потому, что подсудимые Туганов и Абисалов характеризовали его зловредным «как для правительства, так и для самого общежития». Кроме того, Туганов дал показания, что он убил Налоева по приказанию командовавшего Кабардинской линией подполковника Ушакова. Укажем, что Ушаков командовал линией в 1829 г., а потому Налоев был убит не раньше этого времени. Давность совершения преступления в 15 лет устраивала подсудимых, и потому они настаивали на таком сроке давности события.

По словам Туганова, убийство Налоева последовало «за отбитие им, Геги Налоевым, у казаков препровождавшего ими под арестом к нему, Ушакову, дигорского старшины Мембулата Кубатиева». Налоеву ставилось в вину также похищение «мальчика-холопа», неповиновение Туганову «как владельцу и другие проступки, за что Туганов делал взыскания с Геги по просьбе отца его Гебиша Налоева». Обо всем перечисленном подсудимые просили Комиссию военного суда спросить под присягой у 24 жителей деревни Туганова. Комиссия, в свою очередь, «просила Пирятинского выслать для личного спроса»: прапорщика Мембулата Кубатиева, «осетинцев»: Козу Мамева, Хамурзу Кубежева, Учеума Музева, Гебиш Налоева, Кажи Налоева, и «особо 24-х человек жителей Тугановой деревни»[84]. Чем закончилось дело, переписка умалчивает, но судя по тому, что Пирятинский характеризовал службу подсудимых до предания их суду *добропорядочно*, можно сказать, что завершилось для них оно благополучно.

Относительно сословного положения Налоевых в материалах Комиссии военного суда можно почерпнуть некоторые сведения. Во-первых, сам факт разбирательства Налоевых посредством военного суда с могущественной осетинской фамилией – алдарами – говорит об их довольно весомом социальном положении. Отметим также, что Налоевы относились, по другим источникам, к разряду так называемых *могущих*. Будучи подвластными осетинского старшины, Налоевы скорее всего были сами *владельцами*, чему служат свидетельством продажа Геги Налоевым «мальчика-холопа» и, главное, отбитие им у казаков старшины Мембулата Кубатиева, неповиновение Туганову как владельцу. Действия как Кавыс Налоева, так и Геги Налоева показывают, что они вращались в кругу, близком к высшему сословию своего народа. Отношения Тугановых и Налоевых в какой-то мере напоминают отношения

князей и некоторых узденей у кабардинцев: для последних первые были владельцами, а сами – подвластными.

Крепостные и подвластные вообще существенно различались. Обращая внимание начальства на эту разницу, Ефим Бекович-Черкасский писал: «По-кумыцки название Чагар соответствует названию ох (ок, ог. – *С. Б.*), по обычаям кабардинских народов вообще, что означает состояние крепостного, подвластные же, не находясь в крепостном состоянии, все таки (подлежат? – *С. Б.*) полному и безусловному распоряжению моему»[85].

* * *

Точная дата и конкретная причина переселения Налоевых в Кабарду в документах не встречается, но можно сказать, что оно состоялось не позднее конца 40-х – начала 50-х годов XIX в. Как видно из документа, «дигорский старшина Гавис Налоев» в 1851 г. уже проживал в Большой Кабарде (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 939, л. 49–51). Как видим, документ довольно точно фиксирует сословное положение Налоевых.

Некоторые другие подробности о Налоевых содержатся в рапорте Черекского участкового начальника от 6 октября 1862 г. к Орбелиани: «Поручик Исмаил Анзоров донес мне, что житель его аула Каирбек Налоев, возвращаясь 1-го числа сего месяца из леса, куда он ездил за дровами, был убит находившимся у него в работниках дигорским жителем аула Шаота Умаром Асиевым»[86]. По факту убийства 16-летним работником своего хозяина – «кабардинца Каирбека Налоева» – было возбуждено уголовное дело. Из следствия выясняется, что брат убитого, Кубади, не желал «получить по обычаю удовлетворения законным путем» и намеревался мстить «убийством». Все же Кубади (в документе ошибочно Каирбек Налоев) в 1865 г. был «отправлен за караулом» во Владикавказ, в окружной народный суд, вероятно, для разбирательства[87]. Чем закончилась тяжба, неизвестно.

Томаевы, Масакаевы и Хетагуровы

26 апреля 1859 г. к начальнику Кабардинского округа Орбелиани написали прошение балкарские жители Осман, Гонай, Шу и Оразай Томаевы. Разъясняя свое происхождение, они указывали, что 36 лет тому назад их родная мать Зали, отправившаяся с мужем Гайсом Абаевым (Забоевым. – *С. Б.*) в деревню Захи, была захвачена в плен. Гайс пропал бесследно, а Зали впоследствии передали балкарскому старшине «Инегеру Масакаеву» «за 30 быков, полагая каждый бык по 10 рублей серебром». Братья Томаевы далее отмечали: «Когда же родились мы от нее и стали отыскивать свое родословие, то она нам объяснила, что мы жители Нарского участка, родопроисхождения из осетин православной веры». О своем положении Томаевым удалось поведать наместнику Кав-

каза графу Воронцову в 1848 г., когда тот находился в крепости Нальчик. Граф тогда приказал начальнику Центра Эристову освободить Томаевых от прапорщика Кучука Масакаева (Мосокаева), и они перешли под покровительство князя Бекмурзы Казиева до окончательного рассмотрения этого дела. Тем временем в 1857 г. умирает Зали, а разбирательство откладывается под различными предлогами.

В этих условиях Томаевы отправились в Осетию, чтобы навести справку о своей родословной. Почетные старшины и старожилы Нарского участка выдали им следующее свидетельство: «Мы, нижеподписавшиеся Осетинского округа почетные и старожилые старшины селений Рокки и Нари, пленникам из нашего участка селения Нари-Шу, Осман, Гала (Гонай. – *С. Б.*) и Оразай Тамаевым, что родная мать их Зали была в замужестве за Забаевым, и шедши из деревни Рокки в деревню Заки, где была увезена... и продана балкарскому старшине Юнагеру Масакоеву, от коей родились вышепомянутые четыре сына Тамаевы в доме Масакаева, а мать их умерла в прошлом 1857 году. В чем подписью и нашей свидетельствуем... Апреля 20 дня 1859 года». Свидетельство подписали Нарские старшины Леван Хетагуров, Луа и Андриа Бапуновы, юнкера из селения Рокки Дохчико Томаев, Михаил Шавлохов и Парса Санаков, а также старшины: Дударуко Томаев, Кулагар Абаев, Тасо Абаев и Хута Зораев. Небезынтересно отметить, что первым среди подписавшихся значится прапорщик Леван Хетагуров* – отец основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова[88].

Казалось бы, Томаевы имели полное основание ожидать справедливого для них окончания многолетней тяжбы. Однако Орбелиани распорядился иначе. Сославшись, в частности, на давность события, он отказал Томаевым в разбирательстве, заявив: «Я не могу возобновить дела о них».

Ципиновы

История отдельных фамилий связана с именами выдающихся личностей. К ним можно отнести Ципиновых. В 1822 г. владелец аула Ашабово Темрюко Ашабов сообщил властям, что на вершине г. Урды оставался подвластный ему «уздень Исхак Цепинов» с тремя семействами. По его просьбе штабс-капитан Якубович позволил переселить Ципинова на Малку.

Отмеченный в показании Темрюка Ашабова офицер Якубович был активным участником движения декабристов и декабрьского вооруженного восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Заговорщика А. И. Якубовича (1792–1845) в 1826 г. приговорили к 20 годам каторги. Оказалось, что судьбой ему было отпущено столько же лет жизни.

*В 1863 г. управляющим Малокабардинским участком был поручик Хетагуров, вероятно, Леван.

Шиковы

Житель аула князя Джамботова Дударуко Шиков в 1851 г. написал следующее прошение начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Эристову: «Отец мой Шора был Беслан-пшитль покойного родителя Джамботова, князя Татарханова, который назад тому 56 лет выпустил его с семьей своей на волю по выкупу на сумму 3200 рублей серебром, холопьями и скотом и потом в виде узденской дани возвратил отцу моему в числе 7 душ обоего пола в цене 1200 рублей серебром. После этого отец мой перешел на жительство в аул Кандоров, где я и отец мой нажили 1000 овец скота и прочего имущества... Джамботов, видя, что холопья мои возросли до 35 душ, возымел на меня разные притеснения, почему я просил в 1842 году, и по разбирательству Кабардинского суда в иске Джамботову отказано, меня признали узденем... но он возобновил свои стеснения»[89].

Вариант этого прошения попал в поле зрения исследователей. В нем после слов «1200 рублей серебром» следует: «Но в настоящем году Джамботов с помощью брата своего, князя Пшимахо Джамботова, и эфендия Хаджи Умара Шеретлокова, притесняет меня, отнимает овец и холопья, которые возросли до 35 душ»[90]. Как видно, разница, на первый взгляд, небольшая, на самом деле очень существенная. Имеется в виду, что Шора Шиков, получив узденьскую дань, переселился в аул Кандорова, где он и его сын прожили в общей сложности боле 50 лет. На основании своего варианта документа Х. М. Думанов сделал логически естественный вывод: «Данный документ показывает, что уорк-шаутлугус не мог уйти от наследников умершего сюзерена даже в случае притеснений»[91].

Процитированный нами вариант прошения позволяет сказать, что обычное право иногда нарушалось. Прошение Дударуко Шикова не самый удачный документ для подтверждения известного положения о том, что получивший узденьскую дань подвластный владельца не имел права переселяться в другой аул. Говоря так, мы исходим из другого прошения того же узденя Дударуко Шикова генерал-майору Эристову: «Родной отец мой, Шора Шиков, был чекаром (чагаром. – *С. Б.*) князя Татархана Женботова, но, как рожденный от узденьши, князь его выпустил на волю за три тысячи за двести рублей серебром. Потом этот князь упросил отца моего остаться в числе его узденей на правах узденей Кашоруковых и Кандоровых, подарил из отобранного имущества узденьскую дань, а отец мой, когда подчинился узденином князю своему, получил акт на арабском диалекте и прожил по праву узденя в ауле Кандоровом в повиновении более сорока лет...»[92].

Итак, Шора Шиков считался подвластным узденем Татархана Жамботова, но он, можно сказать, получил разрешение проживать в другом ауле, владелец которого, Кандоров, имел по происхождению своему одинаковые с ним права, потому что был рожден от узденьши. Иначе: Шора Шиков, согласно обычному

праву, не мог быть чагаром, а должен был считаться свободным и был признан таковым наверняка после того, как выяснились его права.

Эльчепаровы

В списке кабардинских милиционеров за 1844 г. с Мурзабеком Каширговым, Хабаном Медалиевым, Якубом Бароковым и Хафизом Хамнефовым значится всадник Хос Эльжапаров (Эльчепаров)[93]. Фамилия встречается и в предписании Беклемишева Кабардинскому временному суду за 1848 г. Начальник Центра Кавказской линии сообщил, что корнет Шуган Эльчепаров, проживающий в ауле Жантемирова на Малке, «простирает просьбу свою об оставлении в Кабарде абазинцев, а именно: аул Жантемирова – муллу Кармова, Абдрахмана Кадмышева (Гедмышхова. – *С. Б.*), Саина Хачемизова, Мусали Кармова и аула Цымпова – Ибрагима Кармова – всего пять дворов, которые сами не изъявили желания переселиться с прочими абазинцами на р. Куму». Беклемишев выяснял, «могут ли быть означенные абазинцы оставлены в Кабарде и на каком основании». Суд доложил Беклемишеву, что они могут оставаться в Кабарде, «если Эльчапаров вновь не будет проситься на Куму»[94].

У Шугана Эльчепарова был сын – «Магомет Шуганов, сын Эльчепаров». В 1851 г. он и «Ислам Зурабов, сын Хахондуков», – отец будущего генерал-майора Константина Хагундокова, отправились в Санкт-Петербургские учебные заведения. Обоим исполнилось 11 лет[95]. В 1859 г. в прошении к князю Баратову Эльчепаров об этом времени напомнит: «В 1850 году я отправился в Дворянский кадетский корпус, и после трехлетнего моего там нахождения я по болезни возвратился оттуда к родным»[96].

В 70-х годах XIX в. Магомет Эльчепаров служил переводчиком. В прошении «словесного переводчика при приставе 4-го участка Георгиевского округа жителя с. Атажукина 3-го из обер-фицерских детей Магомета Эльчепарова» от 7 августа 1871 г. прослеживаются некоторые данные об его отце. Шуган, по словам Магомета, служил в конвое Его Императорского Величества и в 1847 г. произведен в корнеты. После этого, примерно с 1853 г., он на Кавказе, где «постоянно на кордоне участвовал в военных действиях». Последние восемь лет своей службы Шуган Эльчепаров в составе Прочноокопской бригады Кавказского линейного (Кубанского) казачьего войска. В 1859 г. Шуган «при преследовании... неприятельских партий... по быстроте езды попал в овраг с лошадью, которая при падении придавила седлом его грудь, от чего чрез недолгое время он умер»*[97].

---

*Военная служба этого офицера и многих его соотечественников не соответствует представлениям некоторых современников о прошлом своих предков: Иваны, не помнящие родства, – явление отнюдь не исключительно русское.

Шуган Эльчепаров оставил «наследство» в 600 руб. серебром долга, но его сыновьям Магомету, Яхье и Хажумару пришлось их уплатить заимодавцам. Касаясь причин значительно большего долга, чем указанная сумма, Магомет Эльчепаров в прошении к князю Баратову откровенен: «Жизнь свою отец мой провел так, как должно черкесскому узденю, т. е. и дарил, и сам брал. Естественно, что при такой жизни и потребовались долги. Отец мой при своем нахождении на Лабинской линии женился на одной султанше-вдове, на которую он истратил все свое жалованье и все, что он получал от своих друзей»[98]. Здесь следует обратить внимание, что Шуган Эльчепаров был женат на *султанше*, т. е. на ханской дочери. Это почти равносильно тому, что кабардинский уздень, а Эльчепаров, можно сказать, был беслен-уорком, женился бы на княгине-вдове.

Само же прошение Магомета Эльчепарова сводилось к тому, чтобы Баратов избавил его и братьев от иска узденя Якуба Озрокова, который требовал возвращения суммы, которую он в свое время одолжил Шугану Эльчепарову.

С фамилией Эльчепаровых и Кедмышховых (Гедмышховых) связано судебное разбирательство, которое высвечивает одну из сторон сословных отношений кабардинцев. Житель Большой Кабарды уздень второй степени Абдрахман Кедмышхов через пристава Карачаевского и Абазинского народов есаула Тургиева в 1852 г. предъявил иск Азыко Эльчепарову, который задолжал ему 150 руб. серебром. Между истцом и ответчиком ранее было заключено соглашение, по которому Кедмышхову давалось право «взыскать из откупной суммы с вольноотпущенников его (Эльчепарова. – *С. Б.*) Оразаевых». Урядник Азыко Эльчепаров («выкрещенный из кабардинских узденей Василий Иванов Эльчепаров») служил в Варшаве, затем – Кубанском казачьем полку. Поэтому он, имея в виду, что еще в 1847 г. отпустил Оразаевых на свободу, заключил с Кедмышховым сделку «за 900 руб. серебром, назначив им выплатить ему эту сумму в четырехгодичный срок»[99]. Однако Эльчепаров просчитался. Оразаевы (Урузаевы) отказывались, вероятно, имея на то основание, выплатить требуемую сумму. Мотивы отказа в материалах четко не прослеживаются, но эта тяжба продолжалась до конца 50-х годов, а возможно, и дальше.

Взаимные претензии между Эльчепаровыми и Кедмышховыми (Гедмышховыми) и Оразаевыми показывают, что предоставление свободы принимало самые различные формы. Некоторые из них, как в данном случае, могли послужить прообразом отмены крепостного права в Кабарде и напоминают временнообязанных крестьян.

РАЗДЕЛ III

ВЕРА И ВЕРУЮЩИЕ

История верований адыгов разнообразна и менялась на протяжении веков: сначала они, как и другие народы, были язычниками, затем стали исповедовать христианство, впоследствии вернулись к многобожию в сочетании с элементами христианства и наконец приняли мусульманство, но не смогли полностью отказаться от суеверий и религиозных представлений предков.

Европейские авторы донесли до нас свое представление об отношении адыгов к различным верам. На рубеже XV–XVI вв. Интериано заметил, что «они исповедуют христианскую религию и имеют священников по греческому обряду»[1].

Относительно веры кабардинцев в середине XVI в. русский академик И. А. Гюльденштедт напишет: «В царствование Иоанна Васильевича была введена в Черкесскую землю греко-католическая вера... При безначалии и своевольном управлении истребилась христианская вера и не была заменена другою. Большая часть знатных привержена к магометанскому закону, но не имеет ни жрецов, ни мечетей, ни школ...» И вывод: «Народ живет без религии»[2].

Вот то состояние религиозности кабардинцев, когда Темрюк Идаров пошел на установление военно-политического союза с Русью. Кстати, само имя Темрюка Идарова, вероятно, носит отпечаток христианства. Интериано указывал: «Новорожденному дают имя того, кто первым из посторонних войдет в дом после родов, и если это грек, латинянин или вообще носит иностранное имя, то всегда прибавляют к этому имени [окончание] «ук»; например, Петро – Петрук, Пауло – Паулук[3] и т.д.».

К концу XVI в. Мартин Броневский зафиксировал фактическую смену христианства и возврат к древним религиям. В то время адыги еще назывались христианами, однако, «лишенные в дальнейшем храмов и [покинутые] священниками, они сохраняют лишь смутное представление о религии». Броневский здесь имел в виду пятигорских черкесов. «Большинство из них, – пишет он далее, – идолопоклонники... но гостеприимные и щедрые с чужестранцами...»[4].

В дальнейшем продолжался возврат к прошлому, но внутренне

не пройденному. Адам Олеарий (1600–1671): «Вера черкесов (кабардинцев. – *С. Б.*) почти языческая»[5].

В этот период многие черкесы еще считали себя христианами, что видно из слов Джиованни Лукка (XVII в.): «У них нет церковных обрядов, они христиане только по имени»[6].

Вместе с тем современник Олеария, Николай Витсен (1640 – начало XVIII в.), упоминает о наличии мусульманства у черкесов, «однако в таком искаженном виде, что они почти впали в язычество, подобно тем, которые настоящие язычники». Он же о пятигорских черкесах: «Они язычники или, так сказать, совсем выродившиеся христиане».

Я. Я. Стрейс в конце XVIII в. рисует нам такую же религиозность, но он наиболее конкретен: «Они считают себя мухаммединами, хотя на деле не более чем язычники. Они, правда, говорят, что верят в единого бога, но служат вместе с тем и черту, и идолам, уделяя последним больше внимания, чем служению и познанию истинного бога»[7].

Современник Николая Витсена, Ферран (ок. 1670 – после 1713), даже не смог определить, что за вера у адыгов: «По неимению у черкесов книг и жрецов нельзя решить, какая у них вера»[8].

Ксаверио Главани о верованиях адыгов в 1724 г. напишет: «О религии их я не могу ничего сказать, так как их верования смешанные: они чтут субботу, воскресенье и пятницу, празднуют пасху с христианами и байрам с турками, утверждая, что все хорошо; в обществе христиан они не соблюдают никаких постов, находясь же с турками, выдают себя за турок; так поступают они со всеми другими религиями»[9].

Абри де ла Мотрэ (ок. 1674–1743) считал: «Те, которые живут ближе к московитам, придерживаются греческой религии; соседи татар и персов – магометане, а те, которые живут по середине страны,– язычники...»[10].

К этому же времени относится и свидетельство П. Г. Бруса (1694–1751): «Их (кабардинцев. – *С. Б.*) религия – язычество; несмотря на то, что они обрезаны, они не имеют ни священников, ни алькорана, ни мечетей подобно другим магометанам»[11].

Из этих сведений можно было бы заключить, что по природе адыгов им был ближе дух язычества, воспитавший в них неукротимую жажду личной независимости, личной свободы, без которых они себя не мыслили[12].

Вторая половина XVIII в., особенно его последняя четверть, отмечена интенсивной исламизацией кабардинцев. Роберт Лайэлл (1790–1831), ссылаясь на книгу Глена, свидетельствует: «Нельзя не огорчиться, прочтя следующую выдержку. Миссионеры «к своему немалому удивлению и печали обнаружили, что магометане делали свою коммерцию, прося Завет, без малейшего намерения прочесть его, но, насколько можно было удостовериться, с единственной целью обзавестись обложками... для Корана и других книг, рекомендованных их наставниками»[13].

Характеризуя религиозность кабардинцев 30–40-х годов XIX в.,

И. Ф. Бларамберг сделал вывод: «Они все магометане... В Кабарде совершенно нет красивых мечетей, поскольку исламизм был привит здесь всего лишь лет шестьдесят тому назад...» Косвенным подтверждением заключения И. Ф. Бларамберга могут служить старинные здания церквей, сохранившихся на территории Кабарды вплоть до середины 70-х годов XVIII в. Астраханский губернатор Петр Кречетников в 1775 г. предлагал Екатерине II, «не замешкавшись, начать население в Татартупе, под протектом веры и возобновления разоренных церквей, кои неоспоримо там есть»[14].

Этот краткий экскурс в историю религиозных верований адыгов поможет читателю глубже осмыслить и понять содержание рассматриваемых ниже документов, характеризующих веру адыгов и верующих кабардинцев.

Русские мусульмане и кабардинцы-христиане

Переход из одной веры в другую в той или иной степени, присущ любому народу во все времена. В частности, мусульманство принимали русские, оказывавшиеся в среде кабардинцев по самым различным причинам. Об одном из таких случаев в 1853 г. давал показания житель аула Жантемирова Андрей Кречетов (Кречатов). В 1811 г. он отправился вместе с двенадцатью другими семействами из с. Арина Царевококшайского уезда Казанской губернии на Кавказ с целью там поселиться. Около г. Георгиевска на них напали черкесы и привезли «на речку Чигим», в аул Апожокова. Спустя три года, после неудачной попытки Кречетова бежать, владелец его, Хусын Кетыкучев, женил русского пленника на своей крестьянке. Спустя еще семь лет Кречетов принимает магометанскую веру. В 1852 г. русские власти переселили его на Уруп, а оттуда он вместе со своим владельцем перебрался на Куму, в аул Жантемирова. Там он проживал до того момента, пока русские власти не заинтересовались, почему он, русский, принял магометанскую веру. Пристав Карачаевских и Абазинских народов есаул Тургиев «предлагал сему пленнику» поселить его жить «между русскими народами». Кречетов отказался, сославшись на то, что ему уже 65 лет, он имеет жену, сына и двух дочерей. Еще он указывал: «Я теперь преклонных лет и слабого здоровья, то не имею желания обратиться в православную веру и останусь навсегда в магометанской по причинам более тем, что я не имею никакого родства, а обязан семейством магометанского закона»[15].

После отказа Кречетова вернуться к русским начальство усомнилось в истинности его показаний и решило выяснить, в том числе и запросом из Казанской губернии, «действительно ли справедливо показание... русского, исповедывающего магометанскую веру, по имени Андрея Иванова, сына Кречетова, в том, что он был взят в плен, а не дезертир...». Если же подозрение в дезертирстве не

подтвердится «и он по тщательному убеждению не согласится возвратиться к христианству, то так как совращение его с православной религии было вынужденное давним нахождением между магометанами», власти намеревались испросить у высшего начальства разрешения «об оставлении его, Кречетова, без преследований».

При дознании выяснилось, что ему «случалось частно быть у генерала Засса и других лиц за переводчика» и им всем было известно о его положении, но никогда русское начальство никаких препятствий ему не чинило. Заключая свои показания, Кречетов просил: «...ныне я при древности и по болезни не желаю нигде искать другого рода жизни, прошу начальство оставить меня окончить жизнь при теперешнем семействе и владельце, дающего мне дневное пропитание»[16].

В том же 1853 г. имело место противоположное заявление. Уздень Закирей Кушхов из аула Гукежева (позднее вошел в аул Клишбиева) в 1853 г. подал необычное прошение. Обращаясь к служителям Екатериноградской Николаевской церкви, он писал: «Будучи я в настоящее время от рождения моего в магометанской вере и ныне, по достижении совершенных 28 лет, признавая христианскую веру истинною, а магометанскую как заблудшею и не имеющую никакого совершенно основания к спасению жизни, а потому со всем моим усердием я с давнего времени имею желание присоединиться в православную христианскую веру и принять святое крещение». Прошение подписано его автором на арабском языке «с приложением обычной печати», т. е. чернильного знака его перста. Текст прошения написан не Кушховым, поэтому надо полагать, что негативная оценка магометанства принадлежит служителям церкви.

18 ноября 1853 г. Закирей Кушхов дал подписку в том, что он обязуется «исполнять все христианские таинст[ва] и обряды и от православной церкви [ни в] каком случае» не откажется. Как видно из выписки из метрической книги, «уздень Большой Кабарды аула Гукежева Закирей Кушхов, из магометан, 28 лет, просвящен св. крещением и наречен Петром». Таинство крещения совершено 22 ноября 1853 г. священником Дмитрием Урииловым. Восприемниками стали приходской священник Иоанн Семенов и Гликория Букановская[17].

О крещении Кушхова командир Горского казачьего полка полковник князь Чавчавадзе докладывал Грамотину и просил его выяснить, «нет ли за ним каких преступлений, которых избегая, он пожелал принять св. крещение». Эти слова говорят о том, что были случаи, когда горцы-мусульмане могли переходить в христианство во избежание наказания за какие-либо проступки.

Не все христиане, попадавшие в плен к кабардинцам, принимали мусульманство. Видимо, некоторая их часть оставалась при своем вероисповедании, и этот факт, похоже, никого особо не волновал. По показанию православного крестьянина князя Дадиани, жителя деревни Курзи, Ивана Беридзе, он, находясь в дерев-

не Тхики, был захвачен абхазским жителем Асалбием Моршанидзе и продан им Балбею, а им перепродан закубанцу Ибрагиму Женокову. Последний привез его в Кабарду и продал жителю аула Докшукина узденю Мудару Зееву, а от него начальство «отобрало» крестьянина, как принадлежавшего к «сословию вольных людей»[18] и отправило «к месту» его жительства.

* * *

Сведения о переходе из магометанской веры в православную в архивных материалах встречаются значительно чаще. Расскажем еще об одном из них.

Участник героической обороны Севастополя в Крымской войне 1853–1856 гг. бабуковец Мирзабек Тавкешев в 1872 г. написал «объявление» (письменное извещение) начальнику Георгиевского округа, в котором он отметил, что служил русским государям беспрерывно 20 лет. О своем боевом стаже Тавкешев напоминал не случайно. Он указал, что за это время «привык к русскому образу жизни и отстал потому от своих единоверцев – мусульман и по русскому религиозному настроению желал бы принять православную христианскую веру, чтобы иметь счастие принадлежать к истинным членам церкви Христоса». Тавкешев желал совершить таинство крещения не в Нальчике, а в каком-либо другом месте. Родственники, узнав о намерении Тавкешева, стали избегать его, и он оказался «в крайне бедственном положении», не имея постоянного пристанища. К тому же родственники угрожали ему. Сделавшись христианином, Тавкешев хотел получить «билет на свободное и беспрепятственное жительство в г. Таганроге». В этот город Тавкешев желал поселиться потому, что в противном случае его родственники могли убить его в отместку за переход в другую веру[19].

По «объявлению» Тавкешева завязалась переписка. В одном случае он назван жителем аула Бабукова, в другом – аула Конова, а в третьем – охарактеризован так, что не имеет никакой оседлости, а «постоянно шляется по русским соседним селениям, не занимаясь определенной работой», «не имея ни жены, ни детей, имея сам 47 лет от роду». По сведениям священника Григория Руднева, «закон же православно-христианский он полюбил потому, что, живя между христианами, он заметил великую разницу между магометанством и христианством».

По словам Тавкешева, он чувствовал сердцем, что христианский закон ему ближе. В то же время священник Руднев обнаружил, что Тавкешев «основных истин и правил нравственности святой православной церкви не знает». Слова священника ставят под сомнение искренность Тавкешева, поскольку он хвалил то, о чем не имел ясного представления, и хвалил, вероятно, по незнанию своему.

Не имея прав приступить к совершению его крещения без разрешения епархиального начальства, священник просил началь-

ника Георгиевского округа «связаться с Кавказской Духовной консисторией или испросить разрешения архипастыря, преосвященнейшего Феофилакта – епископа Кавказского и Екатериноградского»[20]. По приказанию начальника округа Тавкешева, находившегося в станице Александровской, должны были направить в управление, где пребывал священник Григорий Руднев. Чем закончилось «объявление» просителя неизвестно, однако можно предположить в связи с поездкой Тавкешева к священнику, что он достиг своей цели.

* * *

Жизненные обстоятельства, как выше отмечено, заставляли не только русских, но и кабардинцев переменять свою религию, причем независимо от сословий, к которым они принадлежали. В 1857 г. замеченный в связях с абреками князь Жамбот Мисостов, 26 лет от роду, по представлению Орбелиани был выслан и определен не на службу в Оренбургское войско, как он предлагал, а в Олонецкую губернию под надзор полиции. Сын Алхаса Мисостова Жамбот Мисостов в своих письмах из ссылки, жалуясь на превратности судьбы, часто упоминал и «любезнейшую сестру» свою Кабахан, и «дражайшего кормильца», узденя 1-й степени Эльбездуко Хатухова, прося его о материальной поддержке.

Находясь в губернском городе Петрозаводске, Мисостов ни в чем предосудительном не замечался, но в его личной жизни произошли изменения. Как сообщало начальство Олонецкой губернии, он в 1861 г. «принял христианскую веру, и таинство крещения совершено над ним». Но Мисостов был женат. Поэтому губернская канцелярия просила окружное начальство «отобрать от оставшейся в Большой Кабарде жены князя Мисостова сведение, не пожелает ли она также обратиться в христианскую веру». Орбелиани сообщил начальнику губернии генерал-майору Философову, что жена Мисостова «не прочь от принятия христианской веры, если бы ей достоверно было известно, что муж ее принял святое крещение добровольно, а не вследствие каких-либо угнетений, часто сопряженных с жизнью ссыльного». Жена требовала личного свидания с мужем, чтобы самой удостовериться в истинности его слов, а муж приглашал жену к себе, сам «не желая возвращаться на родину», дав «себе честное и благородное слово со времени прекращения надзора продолжать службу в России».

Что касается конкретного побудительного мотива к принятию Жамботом (по крещению – Николай Александрович) христианства, то этот акт все же был продиктован любовью к христианке. В высочайшем прошении от 7 августа 1862 г. он, не скрывая сношения с абреками, отмечал: «По прибытии в место ссылки, по собственному убеждению я принял святое крещение и, чтобы несколько облегчить свое одиночество, женился здесь на дочери коллежского асессора Шелегова». Мисостов в прошении указывал, что сперва он принял христианство, а потом женился, но

надо думать, что он, решив жениться, пошел на перемену веры. Иначе бракосочетание не могло состояться. Этим и следует объяснить отказ Мисостова приехать на родину для личного свидания с первой женой, которой он «предоставил полную свободу в выборе себе другого мужа»[21].

Мисостов написал прошение на имя императора не для того только, чтобы сообщить ему, что он принял христианство и женился на Шелеговой. Он добивался через него разрешения «взять из среды мусульман 5-летнего своего сына» по праву отца, «для научения его по правилам святой церкви». Отвечая на запрос терской администрации по данному вопросу, Орбелиани, в частности, докладывал: «Я затрудняюсь подать мнение свое о столь важном вопросе, примеры коего здесь еще не встречались, но полагаю, что разрешение его вполне зависит от высшего начальства».

Дело это, должно быть, не продвинулось дальше предположений. Тем более, что против прибытия Мисостова в Кабарду особого препятствия Орбелиани не видел. А по другим сведениям, Жамбот Мисостов был «освобожден вместе с женою во все российские губернии, кроме Кавказа...»

В супружестве князя Жамбота Мисостова с Гошесох Ахловой достойно внимания, с точки зрения брачного права князей, одно обстоятельство. Процитируем слова Гошесох, обращенные к Орбелиани: «После смерти мужа моего корнета Бек-Мурзы Мисостова, сын Алхаса Жамбот насильственным образом когда женился на мне, родной брат мой прапорщик Александр (Мисостов. – *С. Б.*), вступившись за обиду нанесенную, обязал Алхаса Мисостова выдать за калым мне 1000 руб. серебром...» В двух местах переписки Гошесох Мисостова называет Александра Мисостова своим родным братом, и в обоих случаях речь идет именно о прапорщике Александре Мисостове.

Мы знаем в то же время, что Александр Мисостов был тумой, т. е. Гошесох и он не могли быть родными братом и сестрой по женской линии. В этом случае брак ее был бы извинителен – отсутствуют кровнородственные связи. Если же они были родными братом и сестрой по отцовской линии, то получается, что в роду князей Мисостовых имели место браки между близкими родственниками: родная сестра Александра Мисостова была замужем, хотя бы и по обычаю левирата, но за сыном его двоюродного брата. Правда, здесь надо учесть, что Жамбот женился «насильственным образом», и за обиду, нанесенную Гошесох, Алхас был обязан уплатить калым. И все-таки обряд бракосочетания был совершен и размер калыма определен (1000 руб. серебром).

Княгиня Гошесох добивалась возвращения в свое время не выплаченного ей калыма и, кроме того, «удовлетворения» двух ее аталыков – Емнажа Шидова и Хатоха Байтуганова, которым Жамбот Мисостов также был должен деньги. Следовательно, с фактом возможного кровосмешения родственники новобрачных смирились. Впрочем, здесь особо удивляться не приходится, ибо

все кабардинские князья восходят к одному предку и княжеские браки предшественников, чем они ближе к пращуру, тем ближе по крови.

* * *

Обострение социальных противоречий иногда происходило на почве конфликтов между служителями мусульманского духовенства. Об одном из них рассказывается в прошении жителей с. Атажукина 3 Исмаила Кармова, Асламбека Паштова, Мамрея Каракотова и Хацу Пшукова. По желанию общества и с согласия народного кадия на очередной срок был оставлен сельским старшим эфенди хаджи Гиляхстан Кармов. О решении народного кадия и предписании начальника по этому вопросу было сделано сообщение в день курмана при совершении молебствия. «Вследствие этого, – сказано в прошении, – произошло дробление молящихся на две группы: большинство общества вошло в мечеть молиться с эфендием Кармовым, а несколько лиц остались на дворе с Калмыковым»[22]. Авторы прошения ставили в вину Хангери Калмыкову, что он отказался молиться, когда бывший эфенди Лукман Паштов предложил собравшимся «совершить благодарственное молебствие по поводу рождения наследника Его Императорского Величества». Отзываясь об особе государя «в высшей степени непочтительно», он, кроме того, уговаривал других не совершать молебствие, «громко начал выражать, что за православных и наследника не будем молиться, кто это выдумал закон?». По словам одних очевидцев (бывший старшина Азамат Каракотов), «якобы Хангери Калмыков не захотел сделать дуа», а другие (Мусса Коков) на заданные вопросы следователя отвечали, что ничего не знают. Эти последние, вероятно, давали показания не по существу, а по личным соображениям. Сам Калмыков говорил на допросе, что «не было с его стороны оскорбления наследника престола». И действительно, трудно усматривать в действиях Калмыкова оскорбление нового члена царской семьи. Вместе с тем несомненно, что этот конфликт носит не столько религиозный, сколько во многом политический характер, ибо отказ молиться за наследника престола выражал социальный протест части мусульманского населения, недовольного практикой совершения молебствия не только по случаю рождения наследника престола, но и по случаю кончины монарха и восшествия его на трон.

* * *

Политической ориентации служителей мусульманского духовенства русские власти всегда придавали особое значение. Полковник Пирятинский, в начале 1834 г., узнав, что эфендий Исуп Абитиев внушает народу пренебрежение «к выехавшим Лейб-Гвардии из Горского полуэскадрона гг. офицерам», немедленно предписал Кабардинскому суду пресечь подобную проповедь. Абити-

ев в предъявленном обвинении «признания не сделал», но все же был вынужден дать такую подписку: «...офицеров из кабардинцев, служащих в Гвардии, и прочих с подвластными их расстраивать и внушать им неуважение и гнушаться самих их и тому подобного разстройства впредь никогда делать не буду»[23].

В 50-х годах служители мусульманского духовенства подпадают под жестокий контроль управленческого аппарата. Так, начальник штаба войск левого крыла Кавказской линии 30 декабря 1857 г. предписывал начальнику Большой Кабарды и войск, в ней расположенных: «...потребовать от Кабардинского народного эфендия подробные сведения обо всех эфендиях и муллах, находящихся в Кабарде, с означением: 1. Кто из них по каким свидетельствам, с чьего разрешения и в каких аулах занимает должности? 2. В какой степени они по знаниям, преданности правительству и нравственности могут быть полезны на занимаемых ими местах?» Те эфендии, которые соответствовали требованиям начальства, получали удостоверения от него по представлению народного эфендия, а «оказавшихся бесполезными» следовало заменить другими. Эти меры были призваны усилить «духовный надзор за мусульманским духовенством в Кабарде и Балкарии»[24].

Приведем составленные в 1858 г. именные списки аульных эфендиев (мулл) в разрезе княжеских фамилий Большой и Малой Кабарды[25].

№ п/п	Наименование аула	Должность	Фамилия, имя	Сословное положение	Национальность	С какого времени в должности
1	2	3	4	5	6	7
			Атажукинская фамилия			
1	Аул народного эфендия (Шогенова. – *С. Б.*)	Аульный мулла	Даут Хахпажев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1858
2	Камбота Кудинетова	аульный мулла	Закирей Тлигажов (Лыгуащlэ. – *С. Б.*)	вольноот[пущенник]	кабардинец	1855
3	Анзора Тахтамышева	аульный мулла	Гибраим Дишеков	вольноот[пущенник]	кабардинец	1858

1	2	3	4	5	6	7
4	Мета Кудинетова	аульный мулла	Иналуко Мукожев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1849
5	Бекмурзы Атажукина	аульный мулла	Асламбек Жемухов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1851
6	Жамбота Тахтамышева	аульный мулла	Хаджи Яхья Хахажев	воль[ный]	кабардинец	1857
7	Хаджи Бешказакова	аульный мулла	Юнус Токмаков	узденъ	кабардинец	1849
8	Закирея Перхичева	аульный мулла	Умар Муготлов (Махотлов. – *С. Б.*)	узденъ	кабардинец	1853
9	Умара Кудинетова	аульный мулла	Хаджи Солομон Алловов (Алоев. – *С. Б.*)	вольноот[пущеник]	кабардинец	1841
10	От-Панова	аульный мулла	Магомет Орхагов	узденъ	кабардинец	1857
11	Агубекова	аульный мулла	Исхак Шугенов	узденъ	кабардинец	1828
12	Абаз Иванова (Абзеванова. – *С. Б.*)	аульный мулла	Хаджи Курман Умаров	вольноот[пущенник]	кумык	1831
13	Кармова	аульный мулла	Ильяс Какупшев (Хаупшев. – *С. Б.*)	вольноот[пущенник]	кабардинец	1847
14	Зекова	аульный мулла	Шужоко Дишеков	вольноот[пущенник]	кабардинец	1855
15	Асхада Бабукова	аульный мулла	Хажимет Тамбиев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1848
16	Ахмета Лафишева	аульный мулла	Идрис Дариханов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1858
17	Аджиева	аульный мулла	Хаджи Тагир Кушхов	воль[ный]	кабардинец	1857
18	Ильмурза Казаншева	аульный мулла	Измаил Губжев	воль[ный]	кабардинец	1855

1	2	3	4	5	6	7
19	Тембота Думанова	аульный мулла	Магомет Куготов	воль[ный]	кабардинец	1858
20	Хасанбия Атажукина	аульный мулла	Шухаиб Меремуков	вольноот[пущенник]	кабардинец	1851
21	Исмаила Ашабова	эфенди	Хажи Ильяс Зеусов	воль[ный]	кабардинец	1850
22	Атажуко Атажукина	эфенди	Шугана Афацогов (Афачагов.– *С. Б.*)	узденъ	кабардинец	1858
23	Алтудокова	мулла	Хаджи Ибрагим Нахушев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1858
Мисостовская фамилия						
1	Берта Тамбиева	аульный мулла	Хаджи Абдурахман Кайсинов	узденъ	кабардинец	1848
2	Уважуко Жамбекова	аульный мулла	Нурали Чанкалиев	узденъ	аварец	1858
3	Кунашева	аульный мулла	Тагир Алборов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1848
4	Асламбека Тижева	аульный мулла	Измаил Алоков	вольноот[пущенник]	кабардинец	1855
5	Куч Мазукина (Кучмазукин.– *С. Б.*)	аульный мулла	Дарук (Дударук) Архагов	узденъ	кабардинец	1855
6	Заракуша Тамбиева	аульный мулла	Хаджи Аслангирей Тлепшев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1836
7	Хаджи Абазова и Бекмурзы Батердукова (Батырдогова. – *С. Б.*)	аульный мулла	Жандар Кушхов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1856
8	Докшука Касаева	аульный мулла	Умар Шешев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1857

1	2	3	4	5	6	7
9	Кетежева (Гетежева. – *С. Б.*)	аульный мулла	Давид (Даут. – *С. Б.*) Бештоков	вольноот[пущенник]	кабардинец	1853
10	Бирмамытова	аульный мулла	Умар Желоков	вольн[ый]	кабардинец	1851
11	Дерева	аульный мулла	Долет-Мирза Пеков (Беков)	уздень	кабардинец	1856
12	Седакова	аульный мулла	Хаджи Магомет Тадохов	воль[ный]	кабардинец	1855
13	Бжекокова	аульный мулла	Исмаил Бекалдиев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1846
14	Айтека Кошева	аульный мулла	Хаджи Слам Шавкужев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1848
15	Батарбека Тамбиева	аульный мулла	Исхак Шанков (Чанков)	вольноот[пущенник]	кабардинец	1852
16	Бекмурзы Наурузова	аульный мулла	Исмаил Машежев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1857
17	Эльтарова	аульный мулла	Хамурза Гуков	вольноот[пущенник]	кабардинец	1848
	Бекмурзинская фамилия					
1	Трамова	аульный мулла	Закерей Канкулов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1856
2	Кликеш (Тиликеч) Кудинетова	аульный мулла	Зекерей эфенди Шаков	уздень	кабардинец	1857
3	Мулова (Молова. – *С. Б.*)	аульный мулла	Идрис Хатукоев (Хатукаев. – *С. Б.*)	уздень	кабардинец	1851
4	Даутокова	аульный мулла	Хаджи Магомет	уздень	кабардинец	1845
5	Шарданова	аульный мулла	Харис Хабитов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1828
6	Кошорукова	аульный мулла	Хаджи Муса Тлупов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1850

1	2	3	4	5	6	7
7	Бек-Мурзы Казиева	аульный мулла	Тагир Хажуев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1846
8	Кучука Джанхотова	аульный мулла	Хаджи Юсуф Карданов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1846
9	Мисостова	аульный мулла	Сохуз Кумахов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1848
10	Хостова	аульный мулла	Якуб Шеретлоков	уздень	кабардинец	1858
11	Атласкирова	аульный мулла	Исмаил Занилов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1857
12	Кудаева	эфендий аула	Хаджи Али Кудаев	уздень	кабардинец	1851
13	Клишбиева	аульный мулла	Исуп Бороков	вольноот[пущенник]	кабардинец	1828
14	Кучука Анзорова	эфендий аула	Екуп Жилахажев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1854
15	Асламурзы Анзорова	эфендий аула	Харрис Маремуков	вольноот[пущенник]	кабардинец	1853
16	Майора Анзорова	эфендий аула	Тагир Макоев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1857
17	Коголкиных	эфендий аула	Хаджи Мет Кунижев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1837
18	Тогланова	эфендий аула	Салих Хазиков	вольноот[пущенник]	кабардинец	1848
19	Казаншева	аульный мулла	Жамбек Хабитезов (Хабитежев. – *С. Б.*)	вольноот[пущенник]	кабардинец	1857
20	Тембота Куныжева	аульный мулла	Умар Биев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1853
21	Анзора Анзорова	аульный мулла	Халил Кумыков	вольноот[пущенник]	из кумык	1857
22	Пшимахо Гукежева	аульный мулла	–	сведения отсутствуют	–	–
23	Кайсына Кильчукина	аульный мулла	Исхак Хуранов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1846
24	Магомета Агзарова	аульный мулла	Ахмед Хасанозоков	вольноот[пущенник]	кабардинец	–

Кайтукинская фамилия						
1	2	3	4	5	6	7
1	Майора Докшукина	аульный мулла	Таут (Даут. – *С. Б.*) Карацуков	вольноот[пущенник]	кабардинец	1846
2	Магомета Догужокова	аульный мулла	Исхак Эфенди Шеретлоков	воль[ный]	кабардинец	1843
3	Хаджи Магомет Маканова	аульный мулла	Бикир Березгиев (Берзгов? – *С. Б.*)	воль[ный]	кабардинец	1857
4	Мусы Кожокова	аульный мулла	Давид (Даут. – *С. Б.*) Кишев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1857
5	Шугана Кожокова	аульный мулла	Дагир (Тахир. – *С. Б.*) Карашаев	уздень	кабардинец	1855
6	(…) Ильбуздукина	аульный мулла	Магомет Мулов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1833
7	Хамурзина	аульный мулла	Яхья Тлостанов	вольноот[пущенник]	кабардинец	–
8	Тлостаналиева	аульный мулла	Атажуко Бжехотлов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1855
9	Пшемахо Жамботова	аульный мулла	Хаджимет Зигалов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1857
10	Магомета Жамботова	аульный мулла	Мусса Шхашев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1856
11	Махарова	аульный мулла	Аюб Зепшев	вольноот[пущенник]	кабардинец	1855
12	Шанибова	аульный мулла	Хатохшуко Хавжоков	уздень	кабардинец	1856
13	Кази Хамурзина	аульный мулла	Ибрагим Исмаилов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1854
14	Тембота Анзорова	аульный мулла	Алим Шорагиев	–	из кумык	1856
15	Альпшаова	аульный мулла	Магомет Шегемов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1850
16	Таова	аульный мулла	Даут Мирзов	вольноот[пущенник]	кабардинец	1858
17	Князя Докшукина	аульный мулла	Заурби Жилетежев	уздень	кабардинец	1857
18	Жанокова	аульный мулла	Мурзабек Лостанов (Тлостанов)	уздень	кабардинец	1857

1	2	3	4	5	6	7
19	Шипшева	аульный мулла	Али Кумуков	–	сведения отсутствуют	–
20	Поунежева	аульный мулла	Ибрагим Мулов	–	сведения отсутствуют	–
21	Захохова	аульный мулла	Тагир Карданов	–	сведения отсутствуют	–

Приведем также «Список эфендиям Малой Кабарды», составленный в тот же период:

«1. Чаручи Мулла Казучиев на Тереке в ауле Бековича-Черкасского
2. Мусса Юнусов в ауле Дадя в ауле Бековича-Черкасского
3. Хаджи Хасен Камушов в ауле Кожуха, в деревне Бековича-Черкасского
4. Улубий Мисирбиев в ауле Мичкиш, в деревне Бековича-Черкасского
5. Маман Казыков в ауле Сафара, в деревне Бековича-Черкасского
6. Якуб Кируов в ауле Давлетгирея, в деревне Бековича-Черкасского
7. Алдам Кумуков в ауле Хакаша Пирхичева
8. Бата Конышев в ауле Пшекео
9. Асламбек Шортавов в ауле Мичкич на Псидахе
10. Пшегуса Шариев в ауле [Бор]окова
11. Абдуразак эфендий Мондохов аула Танашева
12. Мусса Харунов аула Алихана Эндерова
13. Блаша Нашев аула Эльбуздука Болатова
14. Ильяс Кандоров аула Кучука Хапцева
15. Хаджи Юнус Хожев аула Мшика Азепшева
16. Хасана Казов аула Уважука Эндероова
17. Эльмурза Багатыров аула Кази Ахлова
18. Салават Магометов аула Али Жогишева
19. Абдуразак Ширухов аула Инала Инарокова
20. Вазыр Ашугов аула Каирбека Исламова
21. Юсуп Емызов аула Эдыка Астемирова
22. Ибрагим Егажоков аула Асланбека Елухова
23. Абдул-Азиз Малбахов аула Заурбека Боташева
24. Хаджи Шета Кокушев аула Асланмурзы Куныжева
25. Магомет Мартуков аула Эльбуздука Мартазова
26. Абдуллах Ажамов аула Адильгирея Анзорова
27. Измаил Варитлов аула Салымгирея Анзорова
28. Дауд Балагов аула Атажуко Абаева
29. Юнус Жутов аула Хаджи Шабюха Эндерова».

Некоторые выводы:

1.В 1858 г. в Кабарде насчитывалось 114 аулов. В том числе 85 в Большой и 29 в Малой Кабарде.

2. В Мисостовой фамилии один аул носил имя сразу двух владельцев – Хаджи Абазова и Бекмурзы Батердукова. Другой пример подобного рода встречается редко.

3. В списке аулов Малой Кабарды примечательно то, что деревня Бековича-Черкасского имела одну особенность: она включала в себя 5 маленьких аулов: Дадя, Кожука, Мичкиш, Сафар и Давлетгирей. Вероятно, в административном отношении они составляли один населенный пункт.

4. Среди мусульманского духовенства одной только Большой Кабарды было немало узденей (17), что опровергает распространенное мнение о том, что его служители были только выходцами из крестьян.

* * *

Чрезвычайные обстоятельства часто толкают людей в объятия событий, ранее казавшихся невероятными и невозможными. Судьба кабардинской узденьши Фатимат, готовой принять христианство, тому подтверждение. В 1834 г. между вольноотпущенником Батыром Шокумовым, узденями Зехусом Вардановым, Желеготом Жилетежевым и Паго, братом Фатимы, произошла ссора, в которой был убит Жилетежев. Подозрение пало на Паго. Он был предан военному суду и содержался на гауптвахте в крепости Нальчик. Чтобы быть ближе к заключенному, «иметь частое свидание и доставлять ежедневно провизию», родители заключенного вместе с их дочерью Фатимат переселились в Вольный аул. К тому времени начальником Нальчикской крепости был майор Ростованов. Он вселил надежду в родителей Паго, что в силах помочь «безвинно страждущемуся». А тем ничего не оставалось, как поверить обещанию начальника, который, «будучи сребролюбив», стал вымогать «из последнего состояния» их и заполучил не менее 500 руб. серебром. Этого оказалось мало майору-взяточнику. Познакомившись с Фатимой, он однажды признался ей в любви, но, когда она стала отказываться от его домогательств, начал шантажировать тем, что если она не согласится выйти за него замуж, то он может сослать подсудимого брата в Сибирь. Девушка рассказала обо всем родителям и заявила, что никак не может согласиться на предложение. Майор клялся и божился, что он «женится по вере христиан». Неотступно уверяя, что ей будет обеспечено «вечное щастие» и вдобавок освободит брата, Ростованов смог «обольстить» ее.

Фатима, забеременев, со «слезами и поцелуями» просила Ростованова вспомнить обещание, дать ей возможность принять христианство и «обвенчаться заранее, чтобы не отстраниться в отечестве и не иметь поношения чести». Но майор не торопился выполнять свое обещание.

Между тем в 1838 г. Паго приговорили к наказанию шпицрутенами «через 500 человек три раза» и отправке в арестантские роты на пять лет. По конфирмации корпусного командира Розена приговор был приведен в исполнение.

Узнав, что начальник крепости их обманул, родители Паго стали писать в разные инстанции прошения, требуя теперь одного – понудить Ростованова вернуть деньги. И он был вынужден подчиниться. После того как начальство узнало о его проделках, он, расплатившись с родителями Фатимы, самой ей сообщил, что не собирается на ней жениться. А время родов приближалось. Стремясь как-то отвязаться от соблазненной им девушки, Ростованов решил прибегнуть к хитрости. «Ежели родишь ребенка, – уговаривал он ее, – секретно положи у порога квартиры моей, а я распущу слух по Нальчику, что младенец подброшен ко мне. С тем вместе наняв няньку, буду воспитывать как единоутробного первенца. Сама же ты не объявляй о любовном твоем ко мне сношении совершенно никому».

Прошение Фатимы командующему Кабардинской линией от 19 января 1839 г., которое нами рассматривается, само говорит о том, что потерпевшей нечего было скрывать: она стала открыто добиваться восстановления справедливости. Родив сына, Фатима отказалась следовать уговорам Ростованова и 19 января 1839 г. обратилась с прошением к командующему Кабардинской линией подполковнику Короткову. Фатима разъясняла начальнику, вероятно стараясь склонить его на свою сторону, что по обычаям народа «следовало бы недостойную убить каменьями», а по магометанскому закону «отдать тело на съедение псам» и что они сделали бы это, «если бы не русское правление в Кабарде». Если по прошению не видно, что Фатима отчаялась, то это связано с ее надеждой на милость русского начальства. Она уповала на «светлейшего Монарха, хранителя православной веры», что он ей даст случай «принять греко-российское исповедание и наградит законным браком с майором Ростовановым», а сына сделают христианином.

Касаясь своего положения, Фатима отмечала: «...примеру сего по сие время между кабардинцами не было, и ежели я и согласилась на убеждение Ростованова, [то] собственно верила клятве его как христианину и как русскому штаб-офицеру в надежде принять законный брак и союз любви». В случае отказа в своей просьбе Фатима просила разрешить ей обратиться к высшему начальству. Такого разрешения ей дано не было[26].

История обманутой и покинутой царским офицером кабардинки – свидетельство того, что она была готова пойти на все, даже переменить свою веру, только бы сохранить свою честь.

* * *

В 1846 г. возникла переписка, суть которой изложена в прошении первостепенных узденей Малой Кабарды Мамсыра, Хажи Атажуки, Асланбека и Гатагежа Абаевых, Кучука Хапцева, Хабиюха и Алимурзы Азапшевых, Эльмурзы Инарокова и Шугана Безорукова. Они писали генерал-майору Голицыну, что начальство разрешило им «разбирать все народные дела шариатом на

основании магометанского закона при избранном народом эфендии». Однако они констатировали, что у них народного эфендия «поныне в Малой Кабарде не имеется». Раньше эту должность, как они указывали, занимал эфендий Джанмурзов (вероятно, Варитлов). К 1846 г. среди малокабардинцев произошел раскол. «Теперь из числа собратьев наших, – писали они далее, – одни говорят изберем эфендием Бий-Султана, а мы иметь его никак не можем».

Причину отказа иметь Бий-Султана эфендием просители видели в том, что он, «будучи ветреным, кляузным и драчливым», не соответствовал высокому сану народного эфендия, и приводили пример, когда тот «за одну полтину серебра ранил человека из ружья выстрелом». Авторы прошения (*сочиненного* князем Александром Мисостовым 7 февраля 1846 г.) добивались от начальника отстранить Бий-Султана и назначить «эфендия справедливого, добросовестного с постоянным характером»[27].

Проблема народного эфендия в Малой Кабарде вновь возникла в конце 50-х годов XIX в. Старики аула князя Бековича-Черкасского в 1859 г. писали начальнику Кабардинского округа Орбелиани, что они примерно с 1822 г. проживают в Малой Кабарде в ауле князя Бековича-Черкасского и постоянно имели старшего кадия для рассмотрения «различного роду недоразумений вообще между жителями этого аула». Каждый двор аула платил кадию 50 копеек серебром. Должность старшего кадия аула на протяжении последних пятнадцати лет занимал Кураз Эфендий. Спокойствие жителей аула было нарушено в августе 1859 г., когда эфендий Джанмурза по согласованию с управляющим Малой Кабардой майором Кундуховым объявил им, что они должны заплатить ему, как кадию при Кабардинском окружном суде, по 50 копеек серебром с каждого двора.

Старики сообщали, что они отказываются платить Джанмурзе. Указывая на причину отказа, авторы прошения разъясняли, что мусульманская религия подразделяется на суннитское и шиитское направления, а сунниты, в свою очередь, – на мазхабы: шафии, ханифи, ханбали и малики. «Кабардинское племя, – отмечали они, – вообще принадлежит к разряду ханифи, а племена же кумыки и чеченцы, которыми населен аул князя Бековича, принадлежат к шафии, из разряда которого есть также Кураз Эфенди»[28].

После отказа жителей аула Бековича-Черкасского платить Джанмурзе (Жамурзе Варитлову) последний обратился с жалобой к начальнику Кабардинского округа. Вследствие этого в 1860 г. генерал-майор Орбелиани писал начальнику Военно-Осетинского округа полковнику Кундухову: «Житель Малой Кабарды эфендий Жамурза Варитлов, избранный народом главным кадием, за исправление этой должности, по народным обычаям должен был получить с каждого двора по 50-ти копеек серебром в год, между тем, исполняя должность эту с лишком полтора года, он до сих пор не получил означенного вспомоществования от Малой

Кабарды». Орбелиани предписывал Кундухову «удовлетворить эфендия Жамурзу Варитлова». Кундухов препроводил предписание Орбелиани к управляющему Малой Кабардой штабс-капитану Ипполитову. Последний доложил: «У кумык и чеченцев, проживающих в Малой Кабарде, был с общего их согласия выбран эфендием кадий князя Бековича аула Кураз, так как, принадлежа к секте Сафиа, они не могли и не желали иметь Джанмурза своим эфендием. Куразу же они постоянно давали то же содержание, которое давали кабардинцы Джанмурзе. Вследствие этого сделать новый взыск с кумык я считал несправедливым, а потому и жалоба Джанмурзы Варитлова осталась мною неудовлетворенной». По распоряжению Орбелиани донесение Ипполитова было объявлено Варитлову[29].

В связи с этой перепиской следует заметить, что часть малокабардинцев исповедовала один из четырех мусульманских мазхабов – шафии, по тексту – сафия. До сих пор наблюдается некоторое своеобразие в исправлении религиозных обрядов у отдельных малокабардинцев, например, плач мужчин при выносе из двора тела покойного. Можно предположить также, что в основе прошения малокабардинцев 1846 г. лежало противоречие, возникшее между ними на почве различия мусульманских направлений. Требование Варитлова к малокабардинцам позволяет сделать вывод, что должность народного эфендия (кадия) Малой Кабарды была упразднена в связи с назначением князя Орбелиани начальником Кабардинского округа и преобразованием Кабардинского временного суда в Кабардинский окружной народный суд.

ВЛАСТИ И ДУХОВНЫЕ СЛУЖИТЕЛИ

Мулла Аблекадыр Бесленеев, который с 1848 г. был муллой аула Ахмета Лафишева, в 1853 г. получил свидетельство Кабардинского временного суда, которое давало ему право быть муллой в ауле Зураба Хагундокова. Свидетельство не было заверено подписями членов суда, поэтому пристав Карачаевских и Абазинских народов есаул Тургиев обратился к Грамотину с рапортом, в котором высказал нецелесообразность такого назначения. При этом пристав докладывал, что в ауле Жантемирова «числится дворов 65, совокупных с Хагундоковыми, Лафишевыми и Бинашарова, где доселе управлял духовною частию эфендий Цымпов с имеющимся у него помощником, и потому Бинашарову в 5-ти и Хагундокову в 10-ти не более дворах, среди жантемировцев живущих, особых мулл и мечетей иметь почитается вовсе излишним и вредным, потому что служат к расстройству всяких общественных порядков».

Подробности нарушения «общественных порядков» пристав раскрыл в отдельном рапорте к Грамотину. Майор Хаджи Абуков, подпоручик Трамов, прапорщик Идрис Лоов и Давлет-Кири (Гирей) Клычев, узденъ Беслан Бинашаров и мулла Умар Емижев,

с одной стороны, и пристав Тургиев – с другой, находились в состоянии конфликта. Его причина состояла в том, что Тургиев поддерживал эфендия Хаджи Исхака Цымпова «за обычайные распоряжения» и «приверженность к русскому правительству», а другие предпочитали Цымпову муллу Сагида Биджева. Пользуясь отсутствием пристава, Абуков и его сторонники утвердили Биджева муллой, а Цымпова отстранили от должности. Тургиев, узнав о смещении Цымпова, сделал опрос населения, чтобы выяснить, сколько проголосовало за Биджева. Выяснилось, что в ауле Трамова 40 хозяев предпочитали Цымпова, а 9 – его соперника, в Жантемировом 55 – за Цымпова и 10 – за Биджева. В Лоовом ауле 64 хозяина высказывались за кандидатуру Цымпова, а 10 – против. В ауле Абукова «все жители, кои составляются из вольноотпущенников и крестьян Абуковых, подали голоса быть эфендием Биджеву, а пять дворов узденей пожелали Цымпова». Голоса абуковцев против Цымпова были наверняка продиктованы нажимом майора Абукова, и только уздени аула выступили против его кандидатуры. Действительно, как указывал пристав Тургиев, «в абазинском обществе произошло несогласие, от чего могут быть худшие последствия и даже самый бунт».

Чтобы разрядить напряженную обстановку, Грамотин предписал Тургиеву освободить от должности Биджева, который призывал жителей Лоова аула, чтобы «они старались удаляться от жительств христиан, будто совокупность есть великий грех для магометан, и успел склонить более 20 семейств и сам с ними подали прошения о увольнении их на всегдашнее жительство в Мекку...». Начальник Центра далее обязывал пристава Тургиева объявить выданный Биджеву «акт на избрание его эфендием, как бумагу, не утвержденную начальством»[1]. Назреваемый бунт был таким образом предотвращен. Из изложенного можно сделать некоторые выводы:

1. При подборе местных служителей духовенства учитывалась их лояльность к русским властям.
2. Количество населения в аулах сильно колебалось, доходя иногда даже до пятидесяти дворов, как это видно на примере аулов Беслана Бинашарова и Зураба Хагундокова.
3. Обострение конфликта на религиозной почве могло служить поводом к подаче прошений на переселение в Турцию.

ЭТНИЧЕСКИЕ КОРНИ ОТДЕЛЬНЫХ ФАМИЛИЙ

Этимология фамилий во многом вносит ясность в этногенез народа. По справедливому заключению известного лингвиста Дж. Н. Кокова, «внимательное изучение этнонимии народа будет способствовать преодолению распространенного предрассудка, основанного на представлении о генеалогической однородности того или иного этноса»[1]. И действительно, в значительном боль-

шинстве фамилии сами говорят о своем этническом происхождении. Приведем примеры: Мысрокъуэ (Мысыр – Египет), Къер (Каир), Мэсей (название племени *масай*, находившегося в дельте Нила), Булгъар (булгар), Къырым (Крым), Бэрэгъун (брагун), Абаза (абаза), Абазэхэ (абадзех), Багъны (баг), Бжьэдыгъу (бжедуг), Мамхэгъ (мамхег), Шапсыгъ (шапсуг), Шэрджэс (черкес), Балъкъэр (балкар), Къэбардэ (Кабарда), Авар (аварцы), Алэкъей (ногайский этноним *алакай*), Ерыстау (грузинский сословный термин *эристав*), Куржы (грузин, Грузия), Сонэ (сван, Сванетия), Къумыкъу (кумык), Гуэбэшы (кубачинец), Нэгъуей (ногаец), Къэзан (казанский татарин), Журт (еврей), Къэрэшей (карачаевец), Ингуш (ингуш), Шэшэн (чеченец), Къэжэр (каджары, персы), Урыш (грек), Урыс (русский), Щэрмэт (от *сармат*), Щам (Сирия), Къэрас (Карс) и т. д.[2]

Возникновение распространенной кабардинской фамилии Кардановых родовое предание связывает с эпосом «Нарты». «Род Кардановых (Кабарда) – читаем в одном издании, – считает Сосруко своим предком (при упоминании имени героя в знак почитания его все встают). У старшей женщины рода хранится «полотенце Сосруко» (которым герой перевязал свои раненые колени)»[3].

Указывая на происхождение фамилии Щоджэн (Шогенов), Ш. Б. Ногмов пишет: «От них (греческих епископов и священников. – *С. Б.*) произошли многие дворянские роды, которые говорят, что они происходят от *шогеня* Гирге, или от *шогеня* Рум, так как не все духовные были из Греков, но некоторые были из Латин»[4].

О происхождении некоторых других фамилий Ногмов пишет: «Скоро Тургуты (по Ногмову – «праотцы или соплеменники нынешних Калмыков») удалились от предков нашей земли, оставив в ней множество пленных, потомки которых и до ныне находятся у нас в полудиком состоянии»[5].

В прошлом к *соплеменникам калмыков*, наверняка, относились Ширитовы. По сведениям Кавказской Археографической комиссии, «шереты, так называемые по-калмыцки, а по-ногайски – хазлары, составляют отродье (ответвление рода. – *С. Б.*) калмык, поступивших в подданство турецкого султана Махмуда I (1730–1754 гг. – *С. Б.*) в числе 45-ти кибиток и принявших мухамеданскую веру...»[6]. Это событие произошло «во времена хана Калмыцкого Чатыря».

Шереты (шареты) в Крыму сначала находились «во владении Крымского хана Аслан-Гирея (Арслан-Гирея. – *С. Б.*), после покорения Крыма (1783 г. – *С. Б.*) отданы ген[ералу] Суворову», который «переселил их сначала на Молочные Воды, а после на Дону, где кочевали...»

В 80-х годах шереты возвращаются в Кавказскую область. 1788 г. они на правой стороне Кумы, а впоследствии (около 1800 г.) некоторые из них присоединяются к Бештовым ногайцам. В 30-х годах «орда сия» (около 200 кибиток) кочевала «на участке, отведенном Калаусо-Джемболуковским ногайцам»[7]. Естественно, что,

длительное время обитая в районе Бештау, отдельные представители калмыцкого племени шеретов (ширитов) переселились в среду кабардинцев, сохранив в качестве фамилии свое этническое название.

Многочисленные русско-турецкие (русско-иранские) войны не могли не сказаться на этническом составе кабардинцев, поскольку отдельные территории на длительное время оказывались включенными в Россию и в Кабарду попадало немало пленных турок и персов.

В годы Крымской войны ожесточенные бои за считавшуюся неприступной крепость Карс происходили у селений Чахмах, Къаны-Кой и Шорах. Фамилии Къаныкъуей (Канукоев), Чехмахов, вероятно, носят на себе отпечаток этих событий[8]. То же самое можно сказать и о фамилии Шерхов (Шэрхъ).

В Центральном государственном архиве КБР нами выявлены документы, рассказывающие об этнической принадлежности некоторых фамилий.

Этнический корень фамилий Алагировых и Вологировых прослеживается в сведениях за 1841 г. Они указывают: «...Алагир или Валаджир живут на северной покатости Кавказских гор, по верховьям рр. Уруха и Ардона». Небезынтересно, что это племя в первой половине XIX в. и позднее исповедовало и христианство, и магометанство, и язычество. Из того же источника: «Дигор и Аладжир подчинены начальнику Центра Кавказской линии. Покорны. Часть – христиане, некоторые – магометане. Остальные – язычники»[9], т. е. значительная масса племени исповедовала язычество. Документ указывает и на другой момент из истории этих фамилий: обе они однозначны.

Многие современные кабардинские фамилии имеют осетинское происхождение. Об их местах жительства 150 лет тому назад свидетельствуют документы. В 1847 г. был составлен «Семейный список дигорским народам с означением, в каком ауле... сколько в какой деревне старшин, число дворов с различением могущих семейств и немогущих, т. е. бедных, и названия деревням, и какой аул за чьим аманатом состоит».

В списке значится немало фамилий, впоследствии переселившихся на кабардинские земли и ставших составной частью населения Кабарды: Гули Созаев (могущий), Ельбуздук Калоев (могущий), Нафи Томаев (могущий), Бегаза Тоалегов (могущий) – все из деревни Бейбулата Кубатиева; База Баташов (могущий), Бадзи Созаев (могущий), Курман Сабиев (могущий), Аслангери Тогзаев (могущий), Дохчюко Макеев (могущий), Царай Сохов (могущий), Дзабе Авсарагов (могущий), Айтек Цалиев (могущий) – все из деревни майора Иналука Кубатиева. В деревне Жамбулата Абисалова: Абий Акаев (могущий), Ислан, Тити, Гуиман, Лийдза Кибизовы (могущие), Тотруко Икаев (могущий). В деревне Баде Битуева: Бици Макоев, Гавис Саракаев (могущие); в деревне Гулар прапорщика Кургоко Туганова: Кази, Туган и Исмаил Найфоновы, Цака Дзарасов (могущие); в деревне Моск Бича Карабуга-

ева: Темур Гогаев (могущий); в деревне Годола Заурбека Карабугаева: Басиль Алиев (могущий); в деревне Махчиск поручика Кургоко Абисалова: Биса Мичиев, Савлох и Саввай Икаевы (могущие); в деревне Нар Бекмурзы Кубатиева: Гагай, Геги и Мурта Сабановы (могущие); в деревне Задилеск поручика Генардуко Абисалова: Батырса Кантимиров, Дало Базиев, Абрек Карданов (могущие), деревни Кусс старшины Батырса Кантимирова: Марзакуль Таймазов, Майремкуль Цопанов, Гули Бицекуев, Айтек Калабеков, Касай Гасанов (могущие), деревни Донофарс: Гаго Колоев (могущий), Бази и Кайтук Кануковы (старшины), Кижин Хутов (могущий), Дам Тамбиев, Башиль Альчагаров, Царай Савкуев; деревни Лизгур: Орьк[?] Хараев, Георгий и Кази Караевы, Ног и Башил Бетрозовы (могущие). Все перечисленные семейства обозначены как «живущие среди гор».

На плоскости проживали (в деревне Туганова): Аделе Агузаров, Гаги, Кубани и Али Гардановы*, Гази Налоев, Гуло Цамакаев, Дзахой Сименов, Тасо Хутов, Гази Цебоев, Дзабо, Бад и Айтек Собановы, Адо и Албек Албеговы, Гавис и Гасай Бетрозовы, Гатай Кагармазов, Асламурза Царикаев, Кайтук Марзоев, Тыки Макоев, Геги Савкуев, Айдарук Макоев, Инал Тотруков (могущие). В деревне Кубади Текаева числилось всего 6 семейств, в том числе: Исуп Чегемов (старшина), Коймак Кагермасов и Алкац Каиров (могущие). В деревне Камбулата Кабанова насчитывалось 41 семейство. Среди них: Майрем Гатиев, Кансав Кибилоев, Афоко Каболоев, Курман Ацаканов (могущие). В числе *могущих* из деревни штабс-капитана Ислама Каражаева: Хамза и Туган Кертановы, Касай Сангуров, Дзабо Сабанов, Бузду, Галиов, Сабасгири Цориевы, Боби Каиров, Боби Чегемов (могущие). Все названные фамилии в залог своей верности русскому правительству давали аманатов[10].

Отдельные фамилии в прошлом стали известны самым высоким чинам на Кавказе. В их числе – Хабаловы. Как писал 25 февраля 1834 г. Мамсыр Хабалов, житель аула Камбилеевка, «во время проезда из Грузии в Россию бывшего господина корпусного командира генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского принес в Ардонском укреплении Его Сиятельству жалобу о своем притеснении, который позволил [бы] ему жить с братом своим, где они сами пожелают». Семейство и имения просителя находились у узденя Женакова, поэтому Хабалов просил коменданта ходатайствовать «о возвращении оного». Кабардинский временный суд не опровергал, что Хабалов «происходит от вольного состояния» и что Паскевич «по праву сему дал ему свободу», но был другого мнения о некоторых его родственниках[11].

Одна строка иногда исчерпывающе указывает на происхождение фамилии. В 1858 г. в ауле Кармова проживал «карачаевец Аслан Ештреков». Этот факт интересен еще и тем, что

---

*В деревне Битуева проживало также семейство Гета Гарданова (немогущий) – вероятно, один из предков известного историка В. К. Гарданова.

подтверждает предание, согласно которому современные жители с. Каменномостского Эштрековы в год переселения аула Кармова к Каменномостскому укреплению (1853 г.) уже располагались, видимо, кутаном на том месте двумя семействами. Отмеченный Аслан Эштреков, вероятно, одним из первых стал поселенцем той самой местности, куда позднее переселились кармовцы.

Осенью 1871 г. император Александр II побывал на Кавказе. В это время ему подали прошение. Его авторами были те, кто именовал «себя поверенными всех племен куртатинского народа: Темуркан Мазлаев, Таса Тебиев, Нов Цокалов, Савкуз Лазарев и Увужико Алкачов». Они добивались установления «для всех племен куртатинцев равных прав». Другое прошение подали «почетные лица общества народа кужского». Они ставили вопрос «о возврате земли, отобранной у кужцов межевою комиссиею». Эти прошения были снабжены заключениями наместника Кавказа, после чего «Его Величеству благоугодно было повелеть оставить оные без последствий»[12]. Как видно, в прошении фигурируют осетинские фамилии, встречающиеся в современной Кабардино-Балкарии.

Жакомыховы (Жекемуховы). Этническая принадлежность отдельных фамилий устанавливается в некоторых документах довольно основательно. В докладной записке зауряд-хорунжего Безобразова от 10 апреля 1850 г. упоминается узден Паша Джекимохов, проживающий в ауле Тохтамышевском, что на Кубани. В докладной записке сказано о сословном положении «Джекимохова», но умалчивается его этническое происхождение. К тому же не совсем ясно, идет ли здесь речь о Жекемуховых. В донесении пристава Тохтамышевских аулов полковника Соколова от 9 марта 1849 г. говорится, что «ногаец Тахтамышенского аула Паша Жекемухов и кабардинский узден Карамурза Азыков совершили побег к непокорным горцам». Можно сделать некоторые выводы. В данной переписке говорится об уздене Паше родом из Жекемуховых (Джекимоховых), ногайце по этническому происхождению и уздено по сословному положению[13].

1832 год Генерал-майору Горихвостову: «Вчера ввечеру прибыв ко мне, подвластный мне порутчик объявил, что аула Ашхойта бывший прапорщик (что ныне абреком) Еке, известный возмутитель и разбойник с давнего времени, собрал ныне партию мятежников – чеченцев до 1700 человек, – расположенную от Малой Кабарды в 70 верстах при речке Мисирси, направляется, изыскав удобный случай, учинить с оною нападение на Малую Кабарду»[14].

Этот рапорт содержит важные сведения о том, что абречество носило, скажем так, межнациональный, северокавказский характер, но мы приводим его здесь по другому поводу. К названию упоминаемого в рапорте чеченского аула Ашхойт, вероятно, восходит малокабардинская фамилия Iэщхъуэт (Ашхот, Ашхотов).

В 1834 г. в ауле Кудаево проживал «родом из Аллагирской Асетии узден Марек Сосланов». Обращаясь к Кабардинскому

временному суду, он отмечал, что «аллагирские асетины Кайтуко и Хатакшуко Паговы на собственной его земле сеют хлеб более уже двадцать лет»[15].

В 1853 г. житель аула Бековича-Черкасского «кумык Еламбай Унуч Мирзоев находился на пароме князя Бековича-Черкасского». За службу в качестве паромщика Мирзоев по ходатайству генерал-майора Эристова был «награжден серебряной медалью в петлице». В других рапортах он же упоминается «жителем Малой Кабарды из кумык Елембай Умуч Мирзоевым»[16].

От ногайцев происходит фамилия Ныров. Об одном из них упоминается в надписи Кабардинского временного суда от 24 марта 1841 г., где фигурировал живший на Куме «ногаец» Ариш Ныров [17].

В 1847 г. возникла переписка по поводу неправильной продажи одного мальчика. Войсковой старшина Хоруев докладывал начальнику Центра Кавказской линии Хлюпину о жалобе «балкарского жителя» Нетши Атабиева (он же «Балкарский старшина Атабиев»). Последний находился в конфликте с поручиком Метом Куденетовым, у которого он двадцать лет тому назад купил мальчика за 270 рублей серебром. Мальчик этот впоследствии «показал себя русским уроженцем», и бывший начальник Центра князь Голицын отобрал его у Атабиева. Случилось это в 1843 г. накануне отправления депутатов от кабардинцев к императору в Санкт-Петербург. Голицын тогда приказал Атабиеву разобраться с Магомет-Мирзой Анзоровым, у которого Куденетов купил мальчика, сразу после его возвращения из поездки в Петербург (Анзоров был включен в состав депутации).

Атабиев не торопился разбираться с Анзоровым, который года через полтора ушел к Шамилю. Поэтому Куденетов не считал себя обязанным заплатить за мальчика, поскольку «на основании шариата проданный должен возвращаться тем, от кого куплен». Суд 18 июня 1847 г. со слов Куденетова сообщил Хлюпину (а Голицын было приказал Атабиеву «ведаться с Анзоровым»), что «до побега его он упустил это», и добавил просьбу ответчика – «избавить его от невинного платежа, а Атабиеву предоставить разобраться с получившими имение Магомет-Мурзы Анзорова».

В это время Хлюпин умер, а занявший его должность полковник Беклемишев 14 сентября 1847 г. распорядился наоборот: «Мету Кудинетову безотговорочно удовлетворить Балкарского старшину Атабиева за неправильно проданного мальчика, предоставив ему самому ведаться к получению из имения Анзорова себе удовлетворения». И Куденетову ничего не оставалось, как дать Атабиеву расписку в том, что он требуемую сумму «обязуется уплатить непременно будущего июня месяца сего года в первых числах без всяких отговорок»[18].

Переписка представляет интерес в двух отношениях. Во-первых, свидетельствует об этнической принадлежности Атабиевых. Согласно авторитетному мнению суда, они относятся к собственно Балкарии, хотя, по другим сведениям, истец Атабиев есть «хуламский асетин», т. е. выходец из Хулама. Во-вторых, становится

более определенным сословное положение фамилии. Указание на то, что Атабиев «Балкарский старшина», говорит само за себя: старшинами в то время назывались балкарские таубии.

О фамилии Куловых. В 1864 г. Народный суд Осетинского округа рассмотрел свидетельство, выданное в 1863 г. Цидоху, Асахмату и Дзарыху Куловым двадцатью пятью представителями Куртатинского почетного общества. В их числе: поручик Барасби Тарханов, подпоручик Бадак Гусов, юнкера Гисо Гусов, Загул Гусов, Кавдин Елоев, Асламбек Череков, старшины: Мацко, Кочи, Амирхан Куловы, Бази Гапоев, Инар Карацоев, Хозби Созанов, Темур-хан Мазлоев, Тау Таучелов, Аслан, Льяс, Габо Кабаловы и др. Свидетельство гласит: «Дано сие Куртатинским почетным старшинам, Цидоху, Асахмету и Дзарыху Куловым в том, что они роду происхождения нашего Куртатинского старшинского звания, имеют в обществе нашем потомственные в горах хлебопашественные и сенокосные в большом количестве земли при каменных домах и пристроях, оставленные на время их отцом, ныне умершим...»[19]. Депутаты народного суда подтвердили свидетельство в том, что эти Куловы действительно «имеют родовые участки, хлебопахотные и сенокосные земли».

Необыкновенна фамильная судьба кабардинских «узденей Шиховых-Сарсаковых, они же Сатуевы». Стремясь получить земельный участок в частную собственность, они в 1870 г. обратились с просьбой в комиссию для разбора сословных прав к начальнику Терской области. В связи с этим Кабардинский окружной суд выдал Аджи, Магомету, Эжеу и Сармурзе Шиховым свидетельство об их принадлежности к сословию «тлакотлеш». Комиссия не оспаривала достоверность свидетельства, но выражала сильное сомнение в том, что «предки их давно (200 лет или более) переселились из Кабарды на Кумыкскую плоскость, где окончательно натурализованы». Комиссия далее сообщала: «В настоящее время Шиховы чистые кумыки, природный язык их – кумыкский, и они ничего общего с кабардинцами не имеют». В подтверждение своего мнения комиссия указывала, что во время переселения малокабардинцев на левый берег Курпа, они не последовали их примеру, «а предпочли остаться со своими соплеменниками в ауле Бековича». Что касается переселения Шиховых в Малую Кабарду, т. е. «в старый Бековича аул», факт этот, по мнению комиссии, объяснялся не тем, что «им была дорога старая родина, а от того, что генерал-майор князь Бекович-Черкасский, узденями которого были Шиховы, по предложению Ермолова поселился в Малой Кабарде для охранения этого края от непокорных горцев». Переписка по просьбе Шиховых закончилась тем, что этой фамилии, «несомненно пользующейся родовыми правами», начальник области предположил предоставить земельный надел в частную собственность[20].

СВЯЩЕННЫ ПРЕДКОВ ИМЕНА

По предписанию начальника Терской области в 1874 г. были составлены и представлены «Доверенности» аулов Большой Кабарды, касающиеся хода земельной реформы. Доверенные, составившие их, занимались жизненно необходимыми делами: заявляли и решали проблемы по наделению землей аульных обществ. В доверенные сельские общества избирали почетных стариков. В с. Ашабово были избраны: Эдик Атажукин, Якуб Канкулов и Карабатыр Аджиев; по с. Бабуково: Нашхо Капашаров, Шугана Халилов и Харун Коцев; по с. Коново: Бекмурза Тавкешев, Салиман Дзуов и Мустафа Кодзев; по с. Атажукино 1: Магомет Сижажев, Магомет Гукетлов и Маил Тыкинов; по с. Атажукино 2: Картул Хацуков, Мет Афачагов и Ильяс Куршев; по с. Наурузова: Сафилах Малухов, Маил Тлокошаов и Нагой Абаев; по с. Кучмазукино: Тлекеч Шаков, Жандар Согов и Осман Дишеков; по с. Заракуш Тамбиева: Ильяс Бешекуров, Магомет Абазов и Нагой Бжекшиев; по с. Тыжева: Уважуко Седаков, Мадгирей Гошоков и Хажали Лиев; по с. Кургоко Куденетова: Хаджи Машуко Дышеков, Куй Ахохов и Кара Дауров; по с. Камбота Куденетова: Али Гукепшоков, Исмаил Алтудоков и Муса Шегебахов: по с. Тохтамышева: Шухаиб Тхагапсоев, Муса Бейтуганов и Увжуко Кармоков; по аулу Шалушкинскому: Абдрахман Куныжев, Пшемахо Даутоков, Дула Назаров и др.[1]

Остановимся подробнее на селении Кармова. Это общество избрало трех доверенных лиц: Абдулу Шеруова, Гучипсу Лихова и Фицу Хамизова. Им поручили «заявлять управляющему межевой частию в Терской области поземельные нужды селения, решать миролюбиво поземельные споры с соседними селениями и частными собственниками». Составленную доверенность подписали: Хажипсеун, Исхак, Тлипс, Ильяс и Нашхо Луовы; Мазан, Кяго и Мисост Апиковы; Псеун и Каншау Соновы; Магомет Кештов; Сафар, Шухаиб и Ережиб Маргушевы; Индрис, Ибрагим, Харис Гауновы; Якуб Хахундоков; Хохундуко, Увыжуко, Солеман и Баг Баговы; Ахмет Кужев; Харис Базизов; Азрет и Эхия Вороковы; Тыма Гурижев; Мисост, Таукан, Пшеунетль, Абдрахман, Есеней, Асламбек и Ислам Думановы; Даут, Абрек, Хажимет и Кушук Земыхевы (Дзамыховы); Дамалей и Маша Хамызовы; Увыжуко, Паша и Магомет Камбиевы; Гулла, Аслангирей, Исмаил, Ногай, Суфа Гуготовы (Куготовы); Якуб, Хажигирей, Безруко, Шолох, Жанхот и Магомет Куважуковы (Гуважуковы); Шаой и Бату Шокаровы; Гулла, Татым, Увыжуко, Шу и Магомет Засежевы (Дзасежевы); Хажиумар Пара; Абраш Кумышев; Батоко, Бот, Кизильбек, Аслангирей, Фица, Мисост, Шухаиб, Мусса, Берд, Шу, Канамат, Бекмурза Кармовы; Керим, Салих, Харис, Махмуд, Афица, Хасин, Кеш, Харульх и Айтек Гашежевы (Кашежевы); Шехир Эштреков; Жамбот Жутов; Лукман Алмов; Бату и Кятыра Пшеуновы; Шомахо, Псебыда, Шухаиб, Ильяс, Муса и

Хауце Таувы (Таовы); Нахо, Индрис и Боран Мурзакановы; Магомет Паштов; Клиш и Кяго Дагазовы (Ногмовы); Исхак, Хажбекир и Бекмурза Хамыковы (Хамуковы); Канамат Шынахов; Огурли и Мет Абыдовы; Ильяс и Али Жамановы; Бекмурза, Индрис и Хафиз Хамнафовы; Асхад Балагов; Исмаил и Аслангирей Коковы; Хамшик Каратуов; Хамгот и Нохуш Бшеновы (Бишеновы); Исмаил Дауров; Эльмурза Тачоов; Исмаил Канзиев; Исмаил и Магомет Ужевы; Шухаиб Хачимахов; Мустафа, Сахид и Езао Ныровы; Исхак, Юсуп и Хамгот Хоконовы; Карашай Абреков; Султангельды Карашаев; Дагаза, Шугана Азубековы; Увыжуко Назуов; Жамбот Сатушиев; Увыжуко и Хажали Шогеновы; Асхад Машуков; Нух, Худ и Салих Байтугановы; Ахмед Калажоков; Каспулат и Умберек Гятовы (Гатовы, Кятовы); Магомет, Умар, Тыма и Хасин Макоевы; Каншау и Киллар Беевы; Фица Шалов; Талестан Хургуев; Теувеж и Кеч Бекановы; Хажи Ильяс и Хажи Беаслан Лиховы; Шу Пак (Щопакъ) Киржинов; Кадагаза Кырымуков[2]. По просьбе неграмотных за них расписался старшина Зураб Хагундоков.

Пора задаться вопросом: какой смысл в передаче имен и фамилий всех хозяев, подписавших доверенность, каких составлялось много в каждом населенном пункте? Во-первых, здесь, в отличие от других населенных пунктов Кабарды, впервые наиболее полно представлены жители данного села с учетом переселившихся дворов к аулу Кармова в ходе укрупнения аулов. Во-вторых, конечно, небезынтересно потомкам перечисленных хозяев воскресить в памяти рассказы старожилов, а главным образом, извлечь для себя из забвения имена своих предков, живших более 120 лет назад, в 1874 г. В-третьих, этот список наглядно свидетельствует, что немало фамилий, в прошлом проживавших в с. Кармово (ныне – с. Каменномостское), впоследствии переселились в другие места жительства. К ним относятся: Кужевы, Базизовы, Машуковы, Абрековы, Карашаевы, Каратуовы, Назуовы, Дауровы, Таовы. В-четвертых, в 1874 г. некоторые современные фамилии назывались иначе. Например, Хамнафовы стали называться Мусовыми. В-пятых, следует отметить и такой факт. Среди носителей фамилий Шериевых в том году в селении проживал один – Абдулла Шериев – отец известного Астемира Шериева и его братьев. Это говорит о том, что остальные их однофамильцы приняли новое родовое имя несколько позднее. В-шестых, потомки жителя села Хажиумара Пара сегодня пишутся Вороковыми. В свое время мы, ссылаясь на информаторов, писали, что «Вороковых, жителей села, в обиходе называли прозвищем – Паровы (ПІарэхэ)»[3]. Новый документ позволяет внести в этот вопрос ясность: Паровыми называли, и не только в обиходе, лишь некоторых из теперешних Вороковых. В данном списке наряду с Хажиумаром Пара значатся Азрет и Эхия (Ахия?) Вороковы. Это свидетельство того, что в 70-х годах XIX в. в с. Кармово проживали и Вороковы, и впоследствии ставшие называться этой фамилией Паровы.

Предание связывает возникновение фамилии Пара с именем Хаджибатыра. Однажды на скачках его конь прискакал первым и

болельщик армянин якобы воскликнул: «Пара (т. е. друг) победил!» Восклицание на некоторое время закрепилось за Хаджибатыром в качестве фамилии[4]. Справедливость предания можно подтвердить тем, что Хаджибатыр и Хажиумар были родными братьями. В посемейном списке с. Кармова за 1886 г. записаны: Вороков Хажимар (Хажиумар) Долтукович и его сыновья: Карабатыр, Аисса, Суфа, Муса; Вороков Хажбатыр Долтукович и его сыновья Хизир, Лукман. В 1874 г. братья наверняка составляли одно семейство, и все его члены могли быть названы фамилией Пара.

Житель села Талестан Хургуев – это искаженное Талостан Хургунов, который зафиксирован среди жителей аула Хагундокова за 1864 г. вместе с другим представителем той же фамилии по имени Шопак Куржинов (в данном списке – Шу Пак Киржинов). В фамилии Куржинов, на наш взгляд, сохранилась этническая принадлежность ее носителей: курж (куржи) – это название грузин. Антропологические признаки данной фамилии, как и некоторых других их односельчан (например, Куважуковы, Гурижевы), подтверждают наше мнение.

В-седьмых, в списке числятся теперь уже не встречающиеся и напрочь забытые имена: Хажипсеун, Афица, Харульх, Кяго, Хафиз, Езао. В-восьмых, такие фамилии, как Базизовы, Назуовы, Каратуовы, Ужевы, Канзиевы уже сегодня не встречаются.

И наконец, среди жителей села отмечены Клиш Дагазов (Кадагазов) и Кяго Дагазов. Как известно, Клиш (Клич) в 1844 г. сопровождал Шору Ногмова в Санкт-Петербург. Следовательно, в 1874 г., т. е. спустя 30 лет после смерти Шоры, Клиш носил свою родовую фамилию – Дагазов. По фамилии Ногмов Клиш зафиксирован в посемейном списке с. Кармова за 1886 г. Значит, новую фамилию он принял между 1874 и 1886 гг.

Движение населения и изменения в фамилиях с. Кармово аналогичны почти для всех населенных пунктов, и если мы ограничиваемся одним селением, то это потому, что пока не располагаем материалами для подобного анализа по другим селениям.

ДВОЙНЫЕ ФАМИЛИИ

Немало было кабардинцев, которые в XIX в. носили двойную фамилию. Приведем примеры. Полковник Пирятинский в январе 1834 г. предписал помощнику пристава Малой Кабарды прапорщику Абаеву выслать к поручику Кабардинского пехотного полка Кузмину «узденей Ильяса Хан Базарова (он же Бзиков) и Марсека Афаунова». Как видно из рапорта прапорщика Абаева, предписание полковника Пирятинского было вторым по счету, поэтому он сообщил, что был готов и по первому предписанию исполнить волю командующего «без отлагательства времени, если бы предстояла возможность». Помощник пристава в свое оправдание указывал, что «узденья сии отлучились без всякого ведома в неизвестные места до получения» им первого предписания[1].

К числу носителей двойных фамилий относится и житель аула Кошерокова Кайсын Хашукоев (он же Кошероков). Обращаясь к начальнику Кабардинского округа с просьбой наделить его земельным участком, Кошероков в первую очередь указывал, что происходит «из рода старейшей фамилии Кошероковых». Причем эту мысль Кайсын в коротком по объему прошении подчеркивал дважды. Выражая недоумение тем, что он не включен в «список высшего сословия в Кабарде, имеющим право на надел частной собственностью по происхождению», составленный 1 августа 1868 г. в Кисловодске, Кошероков еще раз напомнил, что он принадлежит к «старейшей фамилии Кошероковых». Возможно, Кошероков несколько преувеличил «давность» своей фамилии, назвав ее старейшей, но он был признан принадлежащим к сословию узденей разряда «деженуго». Наряду с другими Кошероковыми автор прошения также был включен в список частных земельных собственников.

Двойные фамилии не были в Кабарде редкостью и в начале XX в. Например, областное правление 7 августа 1908 г. просило объявить Каспоту и Тембулату Туковым, проживающим в с. Астемировском, что прошение их о перемене настоящей фамилии Туковых на Таовых «оставлено без последствий, так как удостоверение, выданное сельским старшиною, не является настолько веским данным, чтобы по нему можно было сделать соответствующее распоряжение»[2].

* * *

Фамилии, которые по родопроисхождению на первый взгляд кажутся «чужими» друг другу, могут иметь общего предка. Так, прапорщик Кучмазуко Кучмазукин в 1851 г. докладывал генерал-майору Эристову, что с подвластного узденя Мазана Аргишокова по определению суда взыскано «тысяча пятьсот рублей серебром за кровь на удовлетворение Кучмазукиных, Бжехоковых и Хатуховых, как все эти происходят от одного родоначальника»[3].

СОСЛОВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФАМИЛИЙ

Самая лучшая родословная — это услуги, оказанные родине и человечеству.

Жак Делиль

К вопросу о сословиях

Древнегреческий мыслитель Антисфен (444–366 гг. до н. э.) вошел в историю общественного сознания как основатель философской школы киников (кинизма). Он был, «по слухам, нечистокровный» (сын фракийской рабыни). По сведениям Диогена

Лаэртского, когда Антисфена «этим попрекнули, он сказал: «Матерь богов – тоже фригиянка...» А сам Антисфен, высмеивая тех афинян, которые гордились чистотою крови, заявлял, что они «ничуть не родовитее улиток или кузнечиков»[1].

Как видно, споры о сословном положении уходят в глубокую древность, однако некоторые из великих личностей не придавали своему происхождению особого значения. Наполеон говорил: «Я никогда не заглядывал ни в один из моих родословных пергаментов; они всегда находились в руках брата Иосифа, нашего семейного генеалога... Я один из тех людей, которые все сами по себе, по предкам же ничто»[2].

В отличие от Наполеона, Пушкин, художественный гений земли русской, чрезвычайно гордился своей сословной принадлежностью. Эта подчеркнутая гордость Пушкина за свою старинную аристократическую родословную вызывала в великосветских кругах противоречивые толки, доходившие иногда до прямого оскорбления в официальной печати. О таком выпаде Пушкин 24 ноября 1831 г. написал шефу жандармов Бенкендорфу: «Признаюсь, дорожу тем, что называют предрассудками; дорожу тем, чтобы быть столь же хорошим дворянином, как и всякий другой, хотя от этого мне выгоды мало; наконец, я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшемся мне от них». Признание Пушкина было вызвано публикацией в официальной газете «Северная пчела» за 1830 г. сатирической статьи «Второе письмо из Карлова», принадлежавшей перу Булгарина. По словам Пушкина, в ней «говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин в дворянстве». Статья, выходя за рамки литературного жанра, прозрачно сообщала, что мать этого литератора – «мулатка, отец которой, бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома». «Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, – писал далее Пушкин, – это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра».

На фельетон Булгарина Пушкин ответил, «притом очень круто», стихотворением «Моя родословная». В нем Пушкин, *бояр старинных потомок*, не скрывал, что ставит себя выше новой светской власти. Он недвусмысленно намекал на тех, кто в недавнем прошлом *торговал блинами* (А. Д. Меншиков, светлейший князь, генералиссимус, сын придворного конюха), *ваксил царские сапоги* (И. П. Кутайсов, граф, по национальности турок, камердинер Павла I), *пел с придворными дьячками* (А. Г. Разумовский, граф, из украинских казаков. Морганатический супруг Елизаветы Петровны) и т. д. При желании, Пушкину было бы нетрудно указать еще на графа П. А. Зубова, вся заслуга которого в том, что сделался фаворитом Екатерины II, светлейшего князя А. В. Суворова, отец которого служил денщиком, и т. д.

Следует здесь отметить и другую важную черту сословных взглядов Пушкина: он не пренебрегал и выходцами из крестьян,

если только они служили императорской России и составляли ее славу. Полемизируя с Радищевым, он пишет: «Ломоносов был великий человек... Он создал первый университет, он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»[3]. Гордясь своим происхождением, Пушкин тем не менее называл «архангельского мужика» первым университетом России. Однако тон Пушкина резко меняется, когда он пишет о крупных представителях простонародья. «Пугачев сделался добрым исправным плательщиком оброка, – пишет он П. В. Нащокину, имея в виду гонорар за свою «Историю Пугачева». – Емелька Пугачев оброчный мой мужик!» Восклицательная интонация носит здесь явный оттенок нескрываемого пренебрежения к Пугачеву, но не как к мужику-казаку, а как к предводителю крестьянского движения, самозванцу, выдававшему себя за императора Петра III.

Критиковал Пушкина за его сословные представления и К. Ф. Рылеев. Еще в 1825 г. он писал ему: «Ты сделался аристократом: это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь ради бога Пушкиным. Ты сам себе молодец». Пушкин ответил: «Ты сердишься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (NБ. Мое дворянство старее)»[4].

К. Ф. Рылеев, придерживавшийся прогрессивных общественных взглядов и подвергавший критике феодальную Российскую монархию, принципиально возражал Пушкину: «Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлетним дворянством: но несправедливо... Преимуществ гражданских не должно существовать, да они для Поэта Пушкина ничему не служат ни в роли невежды, ни в роли знатного подлеца, не умеющего ценить твоего таланта... Чванство дворянством непростительно, особенно тебе. На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь Поэт и гражданин»[5].

К. Ф. Рылеев, с его взглядами на сословный строй, не пришелся бы ко двору и в Кабарде, но Пушкин вполне вписывался в представления кабардинской, и шире адыгской, знати, в среде которой он в этом отношении особо не был бы замечен. О сословных представлениях адыгов Н. Дубровин пишет: «Уздени всегда гордились своим происхождением и твердо отстаивали свои права. По понятиям черкеса, дворянина может создать только один Бог, и потому черкесы никогда не оказывали особенного уважения к жалованным дворянам, признавая их ниже себя»[6]. Отсюда следует: черкесский родовитый дворянин считал Бога непосредственным своим творцом, отличая себя тем самым от жалованных дворян, не говоря уже о простонародье, и даже не задумывались над тем, кто являлся их создателем.

Касаясь прав и обязанностей сословий адыгов, Хан-Гирей писал: «Права, которые родоначальники княжеских фамилий присвоили себе, желая через то сделать достоинства своих родов святынею неприкосновения, равно и обязанности и других классов в отношении к высшему сословию, столь многоразличны и

неопределительны, что собрание подробных и ясных сведений об них делается почти невозможным...»[7].

Свет на эту мало исследованную проблему проливают сведения Джорджио Интериано (вторая половина XV – начало XVI в.). По его свидетельству, зихи, сами себя называющие адыга, «держатся того мнения, что никто не должен считаться благородным, если о нем имеются слухи, что он когда-либо занимался недостойным делом, хотя бы то был [человек] из самого древнего, даже царского рода»[8].

Во времена Интериано, в XVв., адыгское общество, как он упоминает, разделялось на классы (разряды): знатных, вассалов и сервов (рабов). Это говорит о том, что феодализм у адыгов тогда был сформирован.

Разделение кабардинцев на сословия, по сведениям Ногмова, восходит к князю Беслану Кайтуковичу. Беслан (Берслан) был «одарен умом решительным, характер имел строгий и благородный. Он ввел между кабардинцами разные обряды и разделил народ по степеням узденей на пять классов: 1) *Тлохотлешъ*; 2) *Дижинуго*; 3) *Ходзь*; 4) *Пшиш-орк или Берслан-орк* и 5) *Уорк Сщаотлухгусса*. Общее же всем название было *уорк*. Крестьяне были разделены на четыре класса: 1) *Пешкеу* (пшикеу. – *С. Б.*), т. е. «княжеский»; *2) окго* или *тлаоксъшао*, т. е. «крепостной»; 3) *длагунпитъ* или *длъхокотль*, т. е. «крестьянин» и 4) *унаут*, т.е. «дворовый человек»[9]. Сословная реформа князя Беслана была выражением современного ему общественного строя кабардинцев.

На гребне XVI–XVII вв. Эмиддио Дортелли д'Асколи (конец XVI – начало XVII в.) указывает: «Чиркасы гордятся благородством крови... Благородный чиркас роднится лишь с благородным и равным себе лицом, тщательно избегая уронить свое звание»[10]. Здесь уже можно сказать об упрочении сословных порядков.

В XVIII столетии социальная картина все более меняется в сторону ее дальнейшей феодализации. Рейнеггс (1744–1793) свидетельствует: «Дворянин даже среди узденей уважается более или менее, в зависимости от древности его рода. Они столь ревностны и заботливы в отношении этой прерогативы, что в браках всегда аккуратно прослеживают генеалогию своих предков. Дочь из древнего рода редко отдается сыну новоиспеченного узденя»[11].

Исключительную гордость кабардинских князей и дворян за свою родословную предельно емко выразил академик Клапрот: «Так как гордость знати нигде так не проявляется, как у черкесов, то у них не бывает неравных браков». Вслед за Клапротом Бларамберг утверждал, что князья «гордятся своим происхождением и не желают признавать, что кто-либо может быть равным им». Он далее почти повторяет Клапрота: «Ни у одной нации не развито так чувство дворянской гордости, как у черкесов, и потому там никогда не бывает случая неравного брака»[12].

Неравные браки, как увидим ниже, случались и довольно часто, но Бларамберг прав в том смысле, что они не допускались обычным правом.

Честолюбие части адыгской знати часто переходило границы возможного. Хан-Гирей рассказывает, что первостепенные дворяне Докузиевы считали себя вправе «требовать от убийцы члена своего дома в числе пени: пару сапог, наполненных золою из сожженной шелковой материи; ось под телегу из дерева, черкесами называемого *шебар*, которое редко бывает толще обыкновенной восковой свечи; ручного льва...»[13]. Предъявляя заведомо невыполнимые требования, Докузиевы подчеркивали неограниченность «достоинства своего рода», а Хан-Гирей отсюда заключал, что невозможно «пояснить удовлетворительно родовые права высшего класса в Черкесии». Та же самая ситуация, возможно даже более обостренно, наблюдалась и в сословной Кабарде. Даже спустя несколько десятилетий после отмены крепостного права вопрос о сословных правах не снимался с повестки дня, что говорит об их особой важности в феодальной Кабарде.

Подчеркивая необычайную гордость адыгских князей и дворян (узденей) за свою родословную, было бы несправедливо и необъективно обойти молчанием взгляд представителей других сословий на свое происхождение. В унисон с другими авторами Дж. А. Лонгворт, свидетельствуя, что уздени «упорно цепляются за свое достоинство и никогда не допускают смешение крови путем браков с тлекотлешами», в то же время замечает: «Однако последние, не стремясь загрязнить ее смешением, в то же время не признали ее хоть в малейшей мере лучше своей собственной, отказавшись признать за ней право на большую компенсацию, нежели за свою собственную»[14]. Дж. А. Лонгворт здесь конкретно не говорит о кабардинцах, но сказанное более всего следует относить к ним, поскольку феодализм у адыгов получил наибольшее развитие именно в Кабарде.

Каждое сословие у кабардинцев воспитывало у своих потомков гордость за свое происхождение и в душе чувствовало себя не в пример *чище* других.

После учреждения в Кабардинском округе Комитета для разбора личных и поземельных прав кабардинцев возник вопрос, «как принять туземные сословия в сравнении с русскими». И вспомнилось, что еще при жизни Николая I к нему обращались с просьбой «о признании кабардинских пше князьями, а узденей дворянами». Тогда он «приказать изволил отложить это признание до той поры, пока кабардинские высшие сословия будут вести себя сообразно с их фамильным достоинством»[15]. До конца 60-х годов XIX в. в Терской области существовала «Комиссия для разбора личных и поземельных прав туземного населения». 30 декабря 1869 г. ее преобразовали в «Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей». По указанию наместника Кавказа, на эту Комиссию в 1871 г. возложили «возможно точное уяснение сословного строя горских племен и обществ, насколько это необходимо для определения того, какие из горских сословий могли бы быть признаны соответствующими разрядам высшего сословия, существующего в империи»[16]. К 1895 г. в соответствии

с выводами этой комиссии сословия пши, тлекотлеши и дижинуго должны были получить права потомственных дворян.

Против такого решения единогласно выступили все бесленуорки и уорк-шаотлухусы Большой и Малой Кабарды. От их имени в 1896 г. обратились к императору с прошением: отставной штабс-ротмистр Тавкешев, узденъ Ислам Кипов (Большая Кабарда), Эльмурза Мирзаев и Увжуко Жилаготов (Малая Кабарда). По их мнению, Комиссия пришла к своему заключению, исключительно руководствуясь устными показаниями депутатов, «большинство которых считало себя принадлежащими к высшим сословиям и потому, преследуя узкие эгоистические цели, отнеслось пристрастно к этому вопросу и не дало возможности Комиссии расследовать в точности сословные отношения уорков и их права»[17].

Авторы прошения не собирались, да и не могли ввести в заблуждение царя, они добивались лишь одного: доискаться до истины, которая могла послужить их интересам. Поэтому их взгляд на сословный строй кабардинцев может во многом расширить, уточнить и конкретизировать привычные представления по столь важной проблеме истории Кабарды. Относительно действительного значения наименований первостепенных узденей прошение разъясняет: «Самый перевод этих названий с достаточной ясностью указывает на происхождение этих названий, так, например: тлокатлеш в буквальном переводе означает многочисленный, т. е. большой род; диженуго означает в буквальном переводе позолоченное серебро. Это название не обозначает принадлежности к высшему как-бы сословию, а означает лиц из уорков, которые получали от князей оружие, оправленное в серебро за оказанный князю с его вооруженной силой приют»[18].

Некоторую ясность в происхождение сословия дижинуго вносит источник, согласно которому князьями, тлекотлешами и дижинуго «права... приобретались только рождением. Сословие диженуго пополнялось, впрочем, и выходцами из других черкесских или вообще горских племен, но... только в том случае, если у себя на родине они принадлежали к классу... равным с сословием диженуго» (Кавказский календарь. Тифлис, 1916. С. 257).

Х. М. Думанов, полемизируя с рядом ученых (В. К. Гарданов, Т. Х. Кумыков и др.), верно замечает, что термин «лӀакъуэлӀэш» («лӀакъулъэщ») не переводится как «рожденный от могущественного», поскольку в слове отсутствует какое-либо указание на рождение кого-нибудь. Вместе с тем нет также достаточного основания заключить, что «лӀакъуэлӀэш» производная от «лӀакъуэлъэщ», где часть слова «лъэщ» означает «сильный», «могущественный»[19].

Можно утверждать, что значение компонента «лӀэщ» утрачено. Остается согласиться с нашими предками, для которых было достаточно ясно, что «лӀэщ» указывает на многочисленность рода или фамилии. Что касается этимологии понятия «дижинуго», то его толкование исследователями в главном совпадает с мнением авторов рассматриваемого прошения (следует при этом отме-

тить, что они дают дополнительную и очень важную информацию о том, что из себя представляло это самое «позолоченное серебро». Оказывается, последнее не что иное, как подарок князя в виде оружия, оправленного в позолоченное серебро. (Иначе: дыжьыныгъуэкӀэ гъэщӀэрэщӀа фоч. Или: дыжьыным гъуэ (дыщэ) хэлъхьауэ, тегъэлъэдауэ, гъэцӀуууауэ). Оба термина «тлакотлеш» и «дижинуго», и в этом нельзя не согласиться с авторами прошения, еще не говорят о том, что их носители принадлежат к высшему дворянству. Однако, конечно, дело не в одних названиях, а в том социальном весе, который ими впоследствии был приобретен и о котором умалчивалось в прошении. К сказанному следует добавить, что прошение к царю всех беслен-уорков и уорк-шаотлухусов Большой и Малой Кабарды не было удовлетворено.

Будущее сословных прав кабардинцев обсуждалось на протяжении десятков лет, включая первые годы XX столетия. Командующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант князь Голицын 20 июня 1897 г. докладывал министру юстиции – «на зависящее распоряжение», что по данному вопросу необходимо «сообразоваться с теми правительственными мероприятиями, кои последовали после покорения Кавказа»[20].

А что это за мероприятие, можно себе представить по заключению бывшего министра юстиции, статс-секретаря Набокова. В 1884 г. он указывал, что это «население подчинено России силою оружия, после продолжительного и упорного сопротивления, и Правительство в отношении к нему не связано никакими договорами и обещаниями о распространении на высшие его классы преимуществ благородного Российского сословия...»[21].

На уровне министра и даже Государственного Совета предлагалось: вообще прекратить разбор сословных прав горцев Северного Кавказа, распустить существующую в г. Владикавказе для этой цели Комиссию и «присвоить всему туземному населению покоренных областей (Терской и Кубанской. – *С. Б.*) права состояния сельских обывателей, не возбраняя горцам в частных между собой сношениях именоваться теми местными прозвищами (пше...), на которые они по фамильным своим преданиям считают за собою право»[22].

Согласно отчету за 1906 г., в Нальчикском округе оставалось всего 272 дворянина, в том числе 47 в слободе Нальчик, где проживали и представители коренных национальностей. В частности, проживали в селениях: Шалушкинское (52), Булатово (39), Хапцево (24), Астемирово (18), Куденетово 1 (14), Кайсын-Анзорово (14), Ахлово (10), Абаево (9), Коново (9), Муртазово (9), Бекович (8), Коголкино (6), Атажукино 1 (3), Ашабово (3), Кармово (3, в том числе 2 женщины), Наурузово (2, обе женщины), Атажукино 3 (1), Боташево (1)[23]. Эти сведения свидетельствуют о главном: процесс сословного деления Кабарды прекратился к началу XX в. Кроме того, подсчеты показывают, что в Малой Кабарде дворян было больше (118), чем в Большой Кабарде (107), т. е. сословные представления малокабардинцев оказались более консервативными.

После восстановления наместничества на Кавказе, в 1904 г., сословный «вопрос был отложен для дополнительного сношения с наместником». Этим, скорее всего, завершилось определение прав бывшей сословной кабардинской знати. С началом первой русской революции и последовавших социальных потрясений вернуться к сословному вопросу было некогда, некому и поздно.

Перед тем как приступить к изложению сословных положений кабардинцев, остановимся на социальном статусе отдельных фамилий, засвидетельствованных Ногмовым, рассмотрим понятия аульный владелец, права сословий тума и пшекау.

Подписано Ногмовым

Все, к чему прикоснулось перо Ш. Б. Ногмова, с течением времени приобретает для каждого адыга особый смысл. В определенной степени это относится и к тем документам, которые подписаны Ногмовым, когда он работал секретарем (исполняющим должность) и членом Кабардинского временного суда. В немногих фактах они рассказывают многое о фамилиях, об их сословном положении, месте жительства того или иного представителя рода, дают другие важные сведения. Приведем несколько рапортов Шоры Ногмова начальнику Кабардинского округа Короткову.

«Кабардинский узденъ Теувеж Шокуев просит съездить с тремя товарищами за Кубань чрез Карачай на верховых лошадях с оружием сроком на три месяца. О чем Вашему Высокоблагородию Кабардинский временный суд донести честь имеет и покорнейше просит уволить узденя Шокуева с товарищами, а на проезд снабдить вашим билетом. За секретаря поручик Бек-Мурзин. 14 генваря 1839 г.»[24].

«Вольный кабардинец, живущий в ауле узденя Шенибова, Исхак Тхазеплов просит позволения съездить в Карачай для обучения грамоте на верховой лошади, с оружием сроком на три месяца, о чем Вашему Высокоблагородию Кабардинский временный суд донести честь имеет и покорнейше просит в означенное место его, Тхазеплова, уволить и на свободный проезд, снабдить билетом. 19 генваря 1839 г. За секретаря поручик Бек-Мурзин»[25].

«Атажукиной фамилии вольный кабардинец Аиса Мастафов объявил сему суду жалобу, что Лоова аула вольный абазинец Баис Айтеков за взятую им у Мастафова сестру в замужество не уплачивает калыма 90 руб. серебром, почему Мастафов и просит содействия сего суда... 24 генваря 1839 г.»[26].

«Кабардинского временного суда рапорт. Вольной кабардинец, живущий на речке Малке в ауле Шужева*, Соломан Абуков с товарищем просит съездить за Кубань в аул узденя Келеметова чрез Известнобродский карантин для взятия калыму... 24 генваря 1839 г.»[27].

*Имеется в виду аул узденя Шужея Жантемирова.

«Кабардинский узден Хачимахо Пшидов просит позволение съездить за Кубань в аул узденя Чижокова пешей при нем пара волов для взятия своей матери через Известнобродский карантин без оружия, сроком на один месяц. 24 генваря 1839 г.»[28].

«Живущий в ауле узденя Борова [крестьянин] Мерем Кошоков пешей без оружия просит позволение отбыть за Кубань в аул князя Касаева чрез Известнобродский карантин для свидания с родною дочерью, сроком на три месяца... 20 генваря 1839 г.»[29].

«Кабардинский узден Таркан Аганов с 1-м товарищем просит позволения съездить в Карачай для собственной надобности сроком на один месяц верхами с оружием, о чем Вашему Высокоблагородию Кабардинский временный суд донести честь имеет и покорнейше просит узденя Аганова с товарищем уволить и на проезд снабдить билетом... Генваря 7 дня 1839 г.»[30].

«Майор князь Хажи-Мисост Атажукин объявил сему суду, что подвластного ему узденя уже умершего Магомета Катханова сестра Куяна была в замужестве Волгского казачьего полка Бабуковской станицы за хорунжим (что ныне сотник) Мисров Хурановым, с которым прожила лет 11, а назад тому года 4 он, Хуранов, женился на другой...» Кабардинский временный суд просил «о понуждении сотника Хуранова к возвращению бывшей жене его служанки и лошадей и о последующем снабдить предписанием. 24 генваря 1839 г.»[31].

«Кабардинский узден Исхак Муллов с четырьмя товарищами верхами, с оружием просят позволения съездить за Кубань в аул узденя Трамова... 11 генваря 1839 г.»[32].

«Послано главному приставу Закубанских народов майору Венеровскому. Узден Мыртаза Вуков от должной абазинскому узденю Мурзабеку Исмаилову лошади не отказывается, но как он выбежал из-за Кубани без всякого имущества, а осталось таковое у родного брата его узденя Керокона Вукова, живущего в Султанском ауле за Кубанью, почему предоставляет просителю Исмаилову получить от означенного брата его следующую за лошадь цену... 17 генваря 1839 г.»[33].

«Кабардинский узден Магомет Пертов с двумя будущими* просит позволения съездить за Кубань в аул князя Касаева на верховых лошадях через Карачай для собственной надобности, сроком на один месяц... 28 генваря 1839 г.»[34].

«Кабардинский узден Лукман Гамов просит съездить с одним при нем будущим через Известнобродский карантин за Кубань в аул князя Келеметова для взятия калыму, сроком на два месяца... 19 генваря 1839»[35].

«Кабардинский узден Аиса Батырдогов с одним товарищем верхами с оружием просит позволения съездить за Кубань в аул князя Айтекова для привозу усватанной невесты, сроком на два месяца... 4 генваря 1839»[36].

«Билет. От Кабардинского временного суда живущим на реч-

*Сопровождающими.

ке Малке в ауле узденя Трамова вольным кабардинцам Сафару Кокову, Мусе Кокову, уволенным с оружием на лошадях в аул Покорившей, что на речке Куме, для собрания там долга, равно и хлеба, сроком на десять дней, коему прошу господ начальников благоволить свободный пропуск через Известнобродский карантин... Генваря 29 дня 1842»[37].

О праве аульного владельца

Кабардинские жители Каспот и Кучук Абуковы 5 июня 1870 г. обратились в Комиссию по разбору прав личных и поземельных туземного населения Терской области с просьбой «собрать надлежащие сведения о том, имел ли отец право на владение аулом, по которому мы полагаем, что и дети его могут претендовать на включение в число тех, которые получают право на дачу иметь в собственность участок земли»[38]. По смыслу просьбы Абуковых они вряд ли сомневались в том, что их отец имел право аульного владельца. Между тем Комиссия, в свою очередь, обратившись за разъяснением этого вопроса в народный суд, получила следующий ответ: «...Абуковы происходят от абазинцев, принадлежали князьям Жантемировым и были узденями князей Жантемировых. По переселении же в Кабарду жили в ауле Атажукина, а поссорившись с ними, переселились к аулу Атласкирова, а оттуда в Бургустан, где отцу их дана была правительством земля во временное пользование. По уходе же его в Турцию земля перешла во владение старшего сына его майора Бияслана Абукова – брата Каспота и Кучука, а потом отдана ему в собственность. Абуковы никогда не пользовались значением аульных владельцев и не имеют своих узденей». Решение суда заверено подписями председательствующего майора Мазаракий и членов: ротмистра Исламова, капитана Куденетова, поручика Хатахшуко Анзорова и юнкера Дышекова[39].

Ответ суда ставит два вопроса: во-первых, неясно, почему Абуковы поссорились с Атажукиными; во-вторых, и это главное, непонятно, в связи с чем Абуковы, относящиеся к сословию беслен-уорков и имевшие немалый авторитет у русских властей в лице подполковника Атажука Абукова, не пользовались правами аульных владельцев. При этом следует отметить, что Абуковы имели свой аул (и не один) в Кабарде вблизи аула Атласкирова. Что касается указания на то, что Абуковы не имели своих узденей, то этот факт стал основанием для отказа им в праве называться аульными владельцами. Отсюда следует заключить, что называться владельцем аула и иметь право аульного владельца не одно и то же.

По этому вопросу в литературе существует другая точка зрения. В. Х. Кажаров, справедливо критикуя В. К. Гарданова, утверждавшего, что владельцами аулов были только первостепенные уорки, придерживается другой позиции: «Самого поверхностного

взгляда на «Списки узденей» 1825 г. («Ведомость исчисления кабардинского народа...» Шарданова. – *С. Б.*) достаточно для того, чтобы убедиться в обратном. Согласно этим спискам, уздени из 2-й, и 3-й, и 4-й степеней выступали аульными владельцами»[40].

Но при внимательном рассмотрении этой сложной проблемы обнаруживается, что быть владельцем аула и иметь право аульного владельца – далеко не тождественно.

Не совсем конкретен в суждении по этой проблеме Х. М. Думанов. Он пишет: «Уздень с правами аульного владельца жил отдельным селом вместе со своими крепостными крестьянами. Обычно аульными владельцами с вытекающими отсюда правами становились уздени, которые имели много крепостных крестьян и скота»[41]. Уздень с правами аульного владельца мог жить и не отдельным селом, а наличие большого количества крепостных и скота также не было достаточным условием, которое давало узденю право аульного владельца.

Здесь следует, кроме отмеченного, конкретнее указать на сословное положение, считавшееся необходимым, чтобы иметь право аульного владельца. На это условие документ четко указывает: «...право владения аулами, проистекающее из той особенности народного обычая, что такие фамилии имели подвластных, не принадлежащих к сословию холопов, и собственных отпущенников»[42].

Различие между крепостным крестьянином и подвластным подчеркнуто в сообщении Управления штаба командующего войсками на Кавказской линии, Черноморья и Астрахани от 2 декабря 1830 г. к начальнику войск в Кабарде подполковнику Ушакову. Речь шла о беглых кабардинских крестьянах, изъявивших желание поселиться в ауле генерал-майора князя Бековича-Черкасского. Начальство просило Ушакова «удостовериться, действительно ли означенные в ней азиатцы имели жительство в Кабарде, в холопстве или только в подвластности состояли у узденя Апаже-Хажи, у кого сей последний был в зависимости...»[43].

Чтобы получить право аульного владельца, требовалось иметь подвластных из свободного сословия (узденей) и собственных вольноотпущенников, не исключая, разумеется, и крепостных крестьян. А немалое число владельцев аулов не имели права аульного владельца, поскольку не располагали подвластными из свободного сословия. Наш вывод основан на следующих фактах.

Княжеским узденем 2-й степени, т. е. беслен-уорком, считал себя житель аула Кармова Есеней Думанов. На этом основании он 12 сентября 1870 г. просил начальника Кабардинского округа ходатайствовать о нем для включения его в список собственников земли. Начальник распорядился «навести справку в делах комитета». В связи с этим на прошении Думанова сделаны пометки: «Пшекео», «Отказать», «Оставить без последствий по неимению прав аульного владелъ[ца]»[44]. В том же 1870 г. Абуковым было также отказано в праве называться аульными владельцами, хотя они признаны беслен-уорками. В случае с Думановым мы сталкиваемся с другим подобным фактом: будучи фактически владель-

цем аула, т. е. живя в ауле, носящем его фамилию, Есеней не имел права аульного владельца.

Другой пример. Житель аула Догужокова Эльбоздуко Захохов в прошении к начальнику Кабардинского округа называл себя узденем 1-й степени: «Я первоначально был владельцем имени своего аула», – писал он. Просьба о наделении его землей аргументировалась именно этим обстоятельством. Согласно резолюции начальника округа, прошение Захохова решили «оставить без последствий». Причина отказа – в лаконичной надписи на прошении: «Захоховы пшекео». В просьбе о наделении землей отказали и жителю аула Касаева Айтеку Кунашеву. Он считал себя выходцем «из княжеских узденей Мисостовой фамилии», т. е. узденем 2-й степени и имеющим право на потомственное владение земельным участком. Мотив отказа тот же, что Думанову и Захохову: «Оставить без последствий, так как аульного права владения не существовало». Кунашев был признан относящимся к узденям пшекео (пшекау)[45]. Резюме: Захоховы, как Абуковы и Думановы, имея «имени своего аул», не являлись по обычному праву аульными владельцами.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть: не только часть узденей разряда беслен-уорк, уорк-шаотлухуса и пшекау, но даже сословие беслен-пшитль могли в отдельных случаях иметь право владения аулом. Вот, что по этому поводу Комиссия по правам личным и поземельным отмечала в 1867 г.: «Из прочих (неблагородных. – *С. Б.*) сословий: беслен-ворков, ворк шаотлухуса, пшекеу и даже беслен-пшитль, право владения аулами принадлежало фамилиям: Седакова, Дезева (Дерева? – *С. Б.*), Шарданова (потомков Якуба), Шу Кармова, Аджиева, Лафишева, Абезыванова, Бармамытова, Шогенова, Кудашева, Жамбекова и Пауныжева» (ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 10а, л. 11, 11 об.)

Как видно, даже *беслен-пшитлъ*, не говоря уже о средних и мелких дворянах, могли иметь, правда в исключительных случаях, право владения аулом, однако это обстоятельство только подтверждает обычай, который давал представителю того или иного сословия это право. Но подобные факты обобщению не подлежат.

Говоря о мотивах отказа отмеченным и некоторым другим узденям в праве называться аульными владельцами, процитируем один ценный документ. Комиссия Кодзокова констатировала, что при объединении аулов «весьма немногие остались в прежнем своем положении, без добавки, другие же составились из двух, трех и даже четырех малых аулов». В связи с этим возникла необходимость предоставления некоторых преимуществ тем аульным владельцам, которые в ходе укрупнения аулов лишились своих традиционных выгод. В частности, начальник Терской области счел возможным наделить таких владельцев участком в размере одной десятой той земли, которая отводилась новому аулу.

Приступив к реализации указания начальника области, Кодзоков столкнулся с затруднением, поскольку мнения членов комиссии по этому вопросу разошлись.

Одни утверждали, что «если аул составился из двух-трех фамилий или аулов – то десятина угодий должна следовать только одному старшему по летам, несмотря на одинаковую степень их происхождения». Другая часть считала, что «справедливее разделить эту десятину между владельцами двух или трех аулов, составивших ныне один аул, обращая при том внимание, существует ли за такими представителями право владения аулом, ибо многие из них, вследствие разстройства сословных порядков, происшедших первоначально от ухода части кабардинцев за Кубань и впоследствии от переселения в Турцию, неправильно воспользовались званием владельцев». Комиссия «по многим причинам» сочла второй вариант «более справедливым»[46].

Этот документ указывает, что право аульного владельца многие присвоили себе *неправильно*, т. е. против норм обычного права, воспользовавшись ослаблением феодальных порядков в Кабарде, начиная с 1822 г., т. е. со времени наиболее интенсивного переселения кабардинцев за Кубань, а впоследствии – их уходом в Турцию. Поэтому уздени, имевшие право аульного владельца в соответствии с обычаями, не признавали такого же права за теми, которые позднее сделались владельцами аулов, поскольку они не отвечали необходимым для этого требованиям.

Тума

Все кабардинские женщины, от тлекотлешей до крепостной крестьянки, были равны в одном случае: если они были женами князей, их дети считались тумами. Рожденный от князя и женщины некняжеского происхождения у адыгов не признавался князем. В статье «Привилегированные сословия Кабардинского округа» сказано: «Собственно в Большой и Малой Кабардах существуют следующие сословия... пши, вид его тума...»[47].

Тумы этого рода в сословной иерархии стояли выше тлекотлешей, но полных княжеских прав не имели. Однако обычное право включало в сословие тума более широкий круг людей, рождавшихся в неравном браке. «Можно думать, – писал Ф. И. Леонтович, – что и вообще весь класс средних узденей образовался из потомков лиц, происшедших от неравных браков князей и тляхотлешей. По черкесским адатам, неравный брак понижал сословное положение рожденных в нем лиц»[48].

Мнение Леонтовича подтверждается статьями адата кабардинцев. К разряду или классу княжеских узденей (беслен-уорк) были «**причислены по приговору** (выделено нами. – *С. Б.*) незаконнорожденные от князей, называемые тумак»[49]. Н. Ф. Дубровин, касаясь сословия княжеских узденей, писал, что «к этому сословию принадлежали и незаконнорожденные дети князей – тума, происшедшие от неравного брака князя с дворянкою»[50]. На положение части беслен-уорков обратил внимание и В. Н. Кудашев. Он отмечал: «Княжеские уздени называются беслен-уорк.

Сюда причислены, по приговору, и незаконнорожденные от князей, называемые тунак (тума)»[51].

Понятие тума (тумак) не ограничивалось княжескими узденями, а распространялось и на более широкие слои мелких дворян. Интересно, что «от князей незаконнорожденные тумаки, причисленные к разряду 3-й степени узденей», т. е. уорк-шаотлухуса, иногда в правах равнялись с самими князьями! Этот исключительный случай зафиксирован в адатах кабардинцев. Например, если подобные тума (тумаки) отправятся «по собственному делу и будут обижены во время следования, то получают штраф наравне с узденями 3-й степени, если же они занимают экзекуторскую должность и посланы от суда, то в пользу их взыскивается за обиду, им нанесенную, **штраф наравне с князьями**» (выделено нами. – *С. Б.*)[52].

Тумы, рожденные от князя, могли приобретать княжеское достоинство. Для этого было «необходимо тумам быть признанными настоящими князьями своей фамилии за ровных себе, и совершением каких-либо подвигов приобрести народное уважение». «Поэтому-то, – отмечается в упомянутой статье, – в прежние времена все тума отличались наездничеством, щедростью*, отвагою в набегах, ловкостью в воровстве, и каждое мгновение права свои на княжеское звание готовы были подкрепить силою оружия. Последним типом тума этого рода, без сомнения, был известный наездник и абрек князь Таусултан Атажукин»[53].

Кроме этого, дети княжеского тумы могли приобрести «полное княжеское достоинство, если отцы их вступали в брак с природными княжнами»[54].

Предпринимались попытки и третьим путем добиться доказательств признания своего права на княжеское достоинство тумами христианского вероисповедания. Первым и, пожалуй, единственным примером этого рода является домогательство братьев Александра и Петра Мисостовых. Комитет по правам личным и поземельным 6 февраля 1862 г. отказал им в этом праве. Свое решение Комитет мотивировал тем, что братья Мисостовы родились в незаконном браке их отца Магомета Мисостова и дочери первостепенного узденя Мета Тамбиева.

Прапорщик Александр Мисостов обратился в Комитет, недовольный его решением. В специальном прошении он разъяснил историю своего отца и родословную кабардинских князей. Его отец, Магомет Мисостов, по крещении Алексей, «по выбору кабардинского общества» был назначен председателем Моздокского пограничного суда и находился в этой должности с 1793-го по 1823 г. Александр, как он писал в прошении, родился от законной жены его отца после принятия им христианства. Мисостов далее указывал, что Кабардинский суд питал к нему неудовольствие «за разноверие», поэтому пытался доказать, что он и его братья не князья, а уздени.

---

*В первоисточнике вместо этого слова следует: «храбростью» (ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 754, л. 4).

Опровергая обвинение в незаконнорожденности, выдвинутое против него и брата, Александр Мисостов подходил к вопросу о брачном праве прогрессивно и толковал его в более широком смысле. «Я осмеливаюсь сказать, – указывал он, – что все дети, рожденные в законном браке, считаются детьми законными». Свои рассуждения Мисостов подкреплял ссылкой на церковный обряд, который узаконивает родопроисхождение подобных ему христиан по мужской линии, если они рождены в законном браке. Мисостов ссылался и на мусульманскую религию, согласно которой «дети законных супругов есть законные, а незаконнорожденными называют тумаков, произшедших от родителей, не связанных законными узами». С точки зрения христианской и мусульманской морали Александр Мисостов приводил веские аргументы, позволявшие ему называться князем, но его противники могли руководствоваться, когда это было в их интересах, нормами обычного права. И на этот случай у него был неотразимый довод в свою пользу. Мисостов в заключение своего прошения указывал князьям: «...если кабардинцы, вопреки всех священных законов, желают родовое достоинство выводить по женской линии, то нужно знать, почему именовались князьями наследники общего родоначальника нашего князя Казия князья: Атажуко, Мисост и Жамбот, которые родились от одной матери – дочери узденского чагара Тогуз Лакова, т. е. простой холопки»[55].

Разъяснения Александра Мисостова о родословной кабардинских князей заслуживают особого внимания историков, при этом следует учесть то немаловажное обстоятельство, что он занимался разысканиями по истории адыгов и оставил неоцененное по достоинству рукописное наследие. Свидетельство Александра Мисостова говорит о том очевидном факте, что князья Большой Кабарды Атажуко, Мисост и Джамбот по позднее сложившимся сословным порядкам (в отличие от малокабардинских князей) должны считаться тумами! Вполне вероятно, что этот мотив был одним из источников междоусобиц князей Большой и Малой Кабарды. Последние в сословном отношении, по-видимому, по *чистоте* крови ставили себя выше.

Аргументы Мисостова не были приняты во внимание Комитетом. Видимо, этим объясняется докладная записка его брата штабс-капитана Петра Мисостова, написанная им в мае 1862 г. и адресованная уже главнокомандующему Кавказской армией Григорию Дмитриевичу Орбелиани. Докладная записка, на наш взгляд, написана также Александром Мисостовым от имени своего брата или при его непосредственном участии, но более основательно, чем прошение, с которым она в целом совпадает.

В записке отмечено: «В кабардинском народе в числе княжеских фамилий существовала фамилия Мисостовых, из которых и я происхожу, хотя официально не утвержден в княжеском достоинстве, как и все кабардинские князья, но от них, как не служивших в русских регулярных войсках, никогда не требовались документы на княжеское достоинство... Если кабардинцы и вооб-

ще комитет не признает меня в княжеском достоинстве потому только, что отец мой был женат на дочери узденя 1-й степени и как он, так и я, христиане православного вероисповедания, не имеем грамоты на княжеское достоинство, то на этом же самом основании и все прочие князья кабардинские должны быть не князьями, потому что родоначальник всех кабардинских князей князь Казий был женат на дочери узденского чагара (все одно, что холоп) Тогуз Локова и от того брака произошли князья Атажуко, Мисост и Джамбот, – и кроме того, и они, подобно мне, не имеют грамоты на княжеское достоинство»[56]. Отзыв главнокомандующего на докладную записку Петра Мисостова неизвестен, но он ограничился, судя по окончательному мнению Комитета, формальной резолюцией разобраться по существу просьбы.

Вопрос о княжеском достоинстве братьев Мисостовых обсуждался несколько лет, но так и не был решен. В журнальном определении поземельной комиссии от 18 февраля 1865 г. сказано: «Штабс-капитан Петр и брат его Александр Мисостовы, домогающиеся постоянно по всей Кабарде земель и княжеского достоинства, прав ни на то, ни на другое не имеют, потому что Петр, Александр и Михайло Мисостовы, сыновья Магомета Мисостова, рождены от матери узденьши, по народным в Кабарде обычаям лишаются прав на отцовское происхождение»[57].

Кабардинский временный суд занимал по вопросу о княжеском достоинстве Мисостовых двойственную позицию. В одном случае он признавал их право быть одними из законных наследников Кучука Джанхотова, а в другом – отказывал им в этом праве. Шора Ногмов 28 февраля 1839 г. разъяснял начальству: «Князь Александр Мисостов собственно принадлежащей ему земли не имеет, а что надеется получить в наследство по смерти подполковника князя Кучука Джанхотова, то по обрядам ему ничего не следует потому, что еще отец его отделился (от Кучука Джанхотова. – *С. Б.*) совсем и по своей воле переселился в город Моздок»[58].

И Комитет, надо сказать, не всегда достаточно глубоко вникал в суть предмета и нередко принимал решения недостаточно обоснованные. В данном случае он не разобрался в происхождении каждого из братьев Мисостовых. Между тем есть документ, уточняющий сословное положение одного из братьев – Михаила (Михайло). В 1842 г. он писал начальнику Центра Кавказской линии Соколову: «Кабардинский князь Атажука Адильгиреев, не отделя следующую законную часть из имения отца своего родной своей сестре, а моей матери, умер назад тому около 20 лет, а мать моя, имея жительство в городе Моздоке, умерла также в 1833 году...»[59]. В доказательство близкого родства Михаила (Михайло) к Александру и Петру можно сослаться на его прошение к Голицыну, в котором он, считая себя обделенным при разделе наследства Кучука Джанхотова, указывает: «Братья мои, князья подпоручик Алхас, Александр и поручик Петр и Бекмурза Мисостовы...» Прошение Михаила Мисостова убедительно свидетельствует: по отцу и матери он является кабардинским князем, а не

тумой, следовательно, Магомет был женат дважды. Михаил в 1829 г. обучался в Ставропольском уездном училище, хорошо читал и писал по-русски; исполнилось ему в то время 15 лет[60].

Несостоятельность отдельных выводов Комитета по сословным правам кабардинцев доказывается и тем, что Михаила Мисостова, о котором говорилось в его определении от 18 февраля 1865 г., уже давно не было в живых. Обстоятельства его загадочной смерти и следствие по этому делу, совпавшее с рассмотрением Комитетом их прав на княжеское достоинство проливают свет на отношение князей к христианам Мисостовым и затрагивают отдельные стороны обычного права. Поэтому следует остановиться на этом хотя бы вкратце.

Прапорщик Александр Мисостов 1 сентября 1857 г. писал генерал-майору Грамотину: «...вчерашнего числа голы костей брата нашел голову, лопатки, одно ребро и мозговые кости, а узденъ Хатох Байтуганов, бывши со мною, вытянул из-под кустарника черкеску, вовсе не порванную волками, а, как видно, снята человеком. Это заставило меня сильно подозревать о смерти брата в убийстве...»[61].

Следствие затягивалось, поэтому Александр Мисостов в 1861 г. обратился к начальнику Терской области. Затяжной характер следствия он объяснял тем, что подполковник Касаев якобы выступил в качестве покровителя подозреваемых узденей Жамбота Очеретлова, Заурбека Шогенова* и вольноотпущенника Науруза Шаранова. Иначе, по словам Мисостова, дело можно было расследовать за одну неделю, так как эти лица и подлежащие к опросу люди проживали вместе с ним в ауле Тоглановом, находившемся «не далее трех верст от укрепления Нальчик»[62]. Одержимый «трудной ломотной болезнью» вдовец Александр Мисостов, похоронивший в 1858 г. свою жену (в девичестве Тохтамышева), просил Лорис-Меликова поторопить следствие. «Я имею от роду 60 лет**, дряхлый и потерял физические силы»,– жаловался он. В этих условиях время работало на его противников, и он боялся, что после его смерти убийство брата может остаться «без всякого взыскания».

В одном из первых прошений по делу об убийстве его брата Александр Мисостов обращал внимание на одну возможную его причину – «магометане считают убить христианина безгрешным». В условиях конфронтации с кабардинскими князьями, не желавшими признавать его княжеского достоинства, и с учетом хода следственного дела Александр Мисостов, как прежде, уже не настаивал на привлечении к суду подозреваемых. Теперь он добивался лишь удовлетворения за кровь брата. 31 мая 1858 г. Ми-

---

*В Ведомости исчисления кабардинского народа за 1825 г. числится принадлежавший первостепенному узденю Баткирею Тогланову уздень 3-й степени десятилетний Заурбек Шогенов (Материалы Шарданова Я. М. С. 16).

**В 1861 г. Александру Мисостову было 60 лет, значит, он старше Михаила на 16 лет. Отсюда можно заключить, что отец Александра Мисостова вторым браком женился на дочери князя Адильгиреева. Умер Магомет в одиночестве.

состов пишет начальнику штаба войск Левого крыла Кавказской линии полковнику Зотову: «Истинное желание мое состоит в прекращении следственного дела, не предавая убийц суду... приказать произвести мне удовлетворение за кровь брата моего 3000 рублей серебром, как карачаевцы за двух князей Атажукиных, равному мне по роду происхождения, уплатили, т. е. подполковнику кн. Атажукину в недавнее время»[63].

Александр Мисостов не преувеличивал. К периоду убийства его брата в Кабарде практиковалась плата за кровь князя на эту сумму. В 1858 г. 13 декабря суд разъяснял Орбелиани: «По шариату всякое убийство, как умышленное, так и неумышленное, не дает никому права на самоуправство с убийцей, а непременно оно должно быть исследовано по порядку шариата и потом шариатом назначалось кровомщение, т. е. Кисас, или вознаграждение за кровь убитого платою, т. е. Диот. За неумышленное убийство ни в каком случае убийца не подвергается Кисасу... а только Диоту...» И далее: «В Кабарде Диотом в полное удовлетворение за умышленное убийство свободного сословия платится родственнику убитого 1500 рублей, а холопу по стоимости убитого холопа, т. е. от 150 до 200 рублей, за неумышленное же отнюдь не более половины, но может быть и менее»[64]. Как видно, исковая сумма Александра Мисостова за княжескую кровь не переходила границы существовавшей нормы обычного права.

Позиция прапорщика Мисостова в исследовательской литературе расценивается как факт, свидетельствующий о том, что обязательная кровная месть к этому времени уже была заменена и князья теперь удовлетворялись платой за убитого[65]. Это замечание во многом справедливо. Конечно, институт кровной мести в 50-х годах XIX в. уже был подвергнут необратимой деформации под воздействием установленного Ермоловым законодательства в Кабарде.

Но в данном конкретном случае необходимо обратить внимание на одну существенную особенность рассматриваемого убийства: сыновья князя Магомета (Алексея) Мисостова, к числу которых относился убитый Михаил, не считались кабардинскими князьями, равными себе, а признавались только тумами. Это во-первых. Во-вторых, Мисостовы не пользовались авторитетом князя в ауле Тогланова, где они жили. Александр Мисостов 17 мая 1858 г. жаловался, что собравшиеся в мечети «выгнали из мечети родного сына его – Тархана, с нанесением ему обид и с помощью эфендия Хожукова предложили всем собравшимся на богомолье, чтобы никто из них не смел заходить в дом Мисостовых и не принимать скот в их стадо, а верховую лошадь – в табун, в случае смерти из семейства Мисостова не хоронить»[66].

В-третьих, вина подозреваемых не была доказана следствием. Поручик Грабовский, которому было поручено проверить объективность следствия, докладывал начальству: «...как видно из дела, Очеретлов не имел вражды с князем Мисостовым и, следовательно, не имел причины убивать его. Соображая все

изложенное, я не нахожу достаточно данных к обвинению Жамбота Очеретлова в убийстве им князя Мисостова и, принимая во внимание, что положительное расследование этого случая теперь, за истечением одиннадцати лет, представляется более или менее невозможным, я полагал бы: Жамбота Очеретлова избавить от всякой ответственности по этому делу». Александр Мисостов, предчувствуя, что следствие, несмотря на все его старания, закончится подобным заключением, стремился получить, не будучи и в этом совсем уверенным, плату за кровь.

В конце концов его опасения сбылись. Не дождавшись окончания следствия, он скончался 8 марта 1866 г. Точку по делу об убийстве Михаила Мисостова поставил Лорис-Меликов. 14 апреля 1869 г. начальник Кабардинского округа получил его предписание: «Разрешаю... следственное дело о найденном в 1857 г. мертвым князя Михаила Мисостова по неоткрытию причин его смерти оставить, согласно мнению Вашему, без последствий, за поведением же кабардинца Жамбота Очеретлова, привлеченного к делу по подозрению в убийстве, учредить строгий полицейский надзор»[67].

Пшекау

В феодальной Кабарде существовало немногочисленное сословие, игравшее, однако, важную социальную роль. Оно известно под названием пшекау (пщыкӀэу, пщычо).

В «Этнографическом очерке черкесского народа», написанном бароном К. Сталем в 1849 г., упоминаются дворяне 3-й степени – уорк-шаотлухуса, или дворовые княжеского дома, пожалованные в уздени князьями за особые заслуги. В примечании к этому сословию отмечаются два разряда, или класса, людей: «дворяне 3 степени (уорк-шаотлехуса)» и уздени пшехао (пши – князь, хао – сын), которых можно назвать княжескими отроками, конвоем князя[68].

Сначала попытаемся внести некоторую ясность в этимологию слова уорк-шаотлухуса (уздень 3-й степени).

По сведениям Клапрота, место и роль третьестепенных узденей сводились к следующему: «Третий класс состоит из вольноотпущенников князей и узденей, которые тем самым стали также узденями, но в отношении военной службы они всегда остаются под властью своих прежних господ» (АБКИЕА. С. 260).

Эта характеристика вносит определенную ясность в содержание сословного термина «уэркъ-щауэлӀгъусэ» (уорк-шаотлухуса), который обыкновенно переводится так: уэрк – «дворянин», щауэ – «жених», «молодой человек», лӀыгъусэ – «напарник», «сопровождающий», т. е. уорк-шаотлухуса – мужчина, сопровождающий, уорка.

В такой трактовке неубедителен смысл слова «щауэ» в значении жених или *молодой человек*. Во-первых, известно, что же-

них и молодой человек – не одно и то же: не всякий молодой человек считается женихом и не всякий жених является молодым человеком.

Во-вторых, женихом мужчина бывает весьма краткий период своей жизни и так быстротечно не могла ограничиться обязанность узденя третьей степени.

На наш взгляд, более основательна другая интерпретация термина «щауэ», который переводится как *витязь* (Адаб Баксанского культурного движения/Разыскал, исследовал и подготовил к печати З. М. Налоев. Нальчик, 1991. С. 394). В этом случае яснее обозначается социальная роль этого разряда узденей – военная служба «под властью своих прежних господ» – витязей (зекӀуэлӀ).

Более подробно значение сословия пшекау представлено в полном собрании кабардинских древних обрядов, составленном в 1844 г. при участии начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Голицына. Статья 48 этого собрания гласит: «Узденья пшехау, т. е. княжеские, исполняют все то, что князь прикажет. Они не суть холопья, но и не ровнятся с настоящими узденями, они служат князю ежедневно, безотлучно, наблюдая домашний порядок, унимая по приказанию князя всякие невежества и дерзость, наблюдая, чтобы все были послушны»[69].

В сведениях европейских авторов, посетивших адыгов, сословие пшекау вообще не упоминается, что, конечно, не говорит о том, что такое сословие не существовало: оно могло скрываться у них под другим названием.

Якуб Шарданов, перечисляя названия степенных узденей, писал: «3-е степенные личные княжеские узденья, называемые пшекау»[70]. А Хан-Гирей после первостепенных (первостатейных), или великих, вассалов указывает: «Второстепенные, или пшьчеу. Самое учреждение названия этого разряда дворян «княжеская ограда» дает нам понять его начало: князья, видя силу первостепенных дворян, покорствовавших им тогда только, когда собственные их выгоды того требовали, водворили у себя дворян второго разряда, дабы тем, заменяя услуги первых, оградить себя силою нового класса»[71].

В исследованиях, посвященных сословию пшекау, почему-то не затрагивается одно существенное замечание Хан-Гирея. А он четко указывал, что *пшъчеу* не что иное, как «княжеская ограда», т. е. дает то же определение, что встречается в новейших исследованиях. Этимологизируя термин «пшекау», Х. М. Думанов пишет: «Пщы» – «князь», «кӀэу», «чо» – плетневая ограда, т. е. княжеская ограда»[72].

Таким образом, подтверждается положение Хан-Гирея. Относительно социальных корней *пшъчеу* Хан-Гирей пишет, что они возникли отчасти из желания «князей отличить щедрыми наградами усердных слуг», т. е. социальная среда, из которой выросли пшьчеу, – это сословие крепостных. И это не описка! В другом месте Хан-Гирей пишет почти то же самое: «Второстепенных дворян было много, и делились они на два разряда, с маловажными

различиями в преимуществах. Это, можно сказать, посредники между князьями и первостепенными. Один из разрядов носил название – княжеская охрана (пшьчеу), этот разряд мы назвали бы третьестепенными, если бы решились давать каждому предмету особенную нумерацию»[73]. В адатах кабардинцев сословие пшекау так высоко не ставилось. Правда, Хан-Гирей здесь описывает сословный строй бжедугов, который мог иметь и некоторые свои отличительные особенности. Функции *пшъчеу* у Хан-Гирея и функции, скажем так, *пщы уэрк* у кабардинцев во многом сходны: и там и тут они второстепенные дворяне, вассалы князей. Различие в словах.

Шора Ногмов более категоричен. Он, как выше отмечено, прямо указывал: «Крестьяне были разделены на четыре класса: 1) Пешкеу (пшекеу. – *С. Б.*), т. е. «княжеский»; 2) окго или тлаоксьшао, т. е. «крепостной»; 3) длагунпит или дльхокотль, т. е. «крестьянин» и 4) унаут, т. е. «дворовый человек»[74]. Обратим внимание: Ногмов делал различие между крепостным и крестьянином, ставя первого выше второго.

Аналогичны и «сведения наивернейшие» начальника Пятигорского округа о сословиях Кабарды, которые он в 1879 г. доложил своему начальству: «Собственно в Кабарде три сословия, которые имеют подразделения: 1. Пши (князь-господин). Это сословие высшее, не имеет подразделений. 2. Уорк (благородный – дворянин). Это сословие подразделяется: а) Тлокотлеш, б) Деженуго (потомственные дворяне), в) Беслан-уорк (княжеский узДень), г) Уорк-шаотлухуса (независимый – узденьский уздень). 3. Пшитль (холоп). Это сословие подразделяется: а) азат (вольноотпущенник), б) пшикео (придворный князя), в) беслен-пшитль (княжеский холоп), г) пшитль (холоп), д) унаут (безправный)»[75].

Как видно, пшекау (пшикео) и здесь отнесено к сословию крестьян, с чем нельзя всерьез не считаться. Его отличие от сведений Ногмова лишь то, что сословие пшекау оказалось, вероятно ошибочно, после вольноотпущенников.

Следует здесь подчеркнуть одно важное обстоятельство, оказавшееся незатронутым в исследовательской литературе: пши, тлекотлеши и дижинуго, в отличие от узденей других степеней: беслен-уорков, уорк-шаотлухуса и пшекау, были признаны в начале 70-х годов XIX в. наследственными, т. е. потомственными князьями, тлекотлешами и дижинуго[76].

Касаясь сословия пшекау, следует обратить внимание и на такой момент. В материалах Шарданова об узденях пшекау сказано, что «они не вроде холопьев, но и не ровня с узденями», а в «Постановлениях о сословиях в Кабарде», приложенных Шорой Ногмовым к своей «Истории...», отмечено, что пшекау «не вроде холопов, но и не ровнятся узденям». Есть ли у Хан-Гирея, Шарданова и Ногмова в этом вопросе противоречия? На наш взгляд, все они говорят об одном и том же. Человек, который «не равняется узденьям», так или иначе относится к крестьянам. Шора Ногмов четко отличал их от крепостного состояния, в котором

пребывали другие категории крестьян. Пшекау – уздень постольку, поскольку он пшекау. Видимо, этим объясняется, почему пшекау у русских и европейских авторов вообще не упоминаются, а их функции отождествляются с функциями бейколов.

Кудашев придерживался такого же мнения, что и Шора Ногмов. По его мнению, сословие пшекау формировалось из вольноотпущенников и являлось как бы переходной ступенью «от класса пшитль к классу уорков»[77].

Мнение о том, что в сословие пшекау возводили из вольноотпущенников, косвенно указывает на хронологические рамки возникновения пшекау и делает более понятным, почему Хан-Гирей, говоря о пшекау (пшьчеу), считал, что это «новый класс». Заслуживает внимания вывод Т. Боцвадзе, что сословие пшекау в первой половине XIX в. переживало процесс становления. Вольноотпущенники, по Хан-Гирею, «уволенные или пшитль-азат», были тем сословием, из которого в основном возводилось в достоинство пшекау.

О возникновении самих вольноотпущенников Хан-Гирей пишет: «По смерти значительного и с состоянием человека, по завещанию его или даже и без этого, наследники умершего отпускают обыкновенно людей на волю». Данный обычай Хан-Гирей связывал с распространением ислама в среде адыгов, но делал это, в отличие от современных историков, с достаточной осторожностью. «Это обыкновение, магометанскою религиею одобряемое и, вероятно, введенное при принятии черкесами этой религии...»[78] – так характеризует Хан-Гирей возникновение сословия вольноотпущенников. Как видно, он говорит о том, что обыкновение отпускать крепостных крестьян на свободу без выкупа одобрялось мусульманством, значит, оно могло иметь место и раньше. Но, самое главное, Хан-Гирей указывает лишь на вероятность того, что это обыкновение получило распространение с принятием адыгами ислама.

Для Кабарды обычай отпускать крепостных мог стать заметным явлением лишь с последней четверти XVIII в. Отсюда следует, что и сословие пшекау в феодальной Кабарде в основном стало заметным явлением в это время. Материалы Леонтовича в главном соответствуют сведениям Хан-Гирея. Характеризуя третьестепенных, или низших, узденей как младших дружинников князей и тлекотлешей, известных под разными названиями, Леонтович пишет, что «пшехао (пшехау, пшихао, пшиш-уорк, пше-унаогг и оркшаотлехуса объединяются одним общим понятием – «младшая дружина, составлявшая служебный двор или дом») князей и тлехотлешей – низшие дружинники, бывшие телохранителями родовых глав, также исполнявшие их поручения по родовому наряду... Вся эта молодь состояла в большинстве, если не исключительно, из простолюдинов, возводившихся князьями в уздени за какие-либо заслуги. Они жили в ауле своего владельца, составляли его служилую дворню» (дом или двор)[79].

Еще одно толкование понятия пшекау встречается у Якуба

Шарданова: «Узденья пшекау, то есть княжеские, все то исполняют, что князь прикажет, они не вроде холопьев, но и не равняются с узденьями и служат князю, ежедневно безотлучно исполняют домашний порядок и унимают по приказанию князя всякие невежества, случиться могущие»[80]. Эта статья в различных работах цитируется с некоторыми отклонениями. Например: «Узденья пшикеу, т. е. княжеские, используют все то...», «наблюдая домашний порядок» (Х. М. Думанов). В изложении Кабардинского временного суда от 17 декабря 1847 г. вместо слова «наблюдая» написано: «соблюдая» (у Шарданова и Ногмова – «исполняют»)[81].

Другой вариант этой же статьи адата, приводимый судом, вместо слова «унимая» употребляет слово «унижая», что, на наш взгляд, точнее передает назначение пшекау, т. е. обязанность «унижать» в глазах народа того, кто замечен в проявлении невежества и дерзости[82].

В исследовательской литературе нет единого мнения по поводу социальной среды, из которой выдвигался пшекау. Материалы адата, с которым согласны отдельные ученые (Б. Джимов, Т. Боцвадзе), дают основание сказать, что они формировались, главным образом, из числа бейголей – княжеских дружинников. В. К. Гарданов вообще не делал различий между пшекау и бейголями (бияколами, биеколями). Он писал: «...существовала категория незнатных, но особенно близких к князю уорков... К такой категории уорков относились так называемые бияколи или пшекау, являвшиеся третьестепенными вассалами (узденями) адыгских князей. Эта категория уорков составляла личную охрану князя... Биеколь-пшикау, таким образом, были главной опорой княжеской власти...»[83]. Далее историк стремится подкрепить свой вывод ссылками на Хан-Гирея, который рассуждает только о «должностном классе», именуемом «биеколь»[84].

Функции пшекау и бейголей и среда, из которой они формируются, почти совпадают. Хан-Гирей пишет: «Каждый князь может иметь несколько таковых (бейголей. – *С. Б.*), пожаловав в это звание людей из простого класса народа. Биеколы необходимы для власти князей... Князья, желая, чтобы их воля всюду исполнялась беспрекословно, этих биеколов уполномачивают, так сказать, представлять особу их самих, то есть князь за обиду, биеколу наносимую, вступается, как за самого себя, следствием же этого бедные земледельцы, видя в биеколах особы самих князей, пред ними трепещут, а сии варвары свирепствуют в полном смысле этого слова в аулах, подвластных князьям»[85].

Из рассуждений Хан-Гирея можно заключить, что сословие (или прослойка) биеколов уже не относится к простонародью, что дало ему основание по существу причислить его к дворянам. Он даже прямо указывает: «Князья имели еще и привилегированных служителей (бияколь), это сподручники князей, грабившие во имя их несчастный народ»[86].

Таким образом, вывод В. К. Гарданова, отождествляющего узденя пшекау и пшекау-бейголя, во многом соответствует дей-

ствительности. Пшекау-бейголи (бейголи-пшекау) – это та прослойка, которая непосредственно принадлежала князьям и только им, а бейголи вообще – это те, которые принадлежали узденям преимущественно первых степеней.

На сословное происхождение и социальную роль бейголей, против кого они *свирепствовали* и кого именно грабили, конкретно указывал Клапрот: «Часто некоторые из этих последних (сервов. – *С. Б.*) получают свободу; их называют тогда «бегаулиа», и они должны выполнять распоряжения своих господ, направленные как против дворян, так и против сервов» (АБКИЕА. С. 261).

Особенность бейголей, как видно, состояла в том, что они выполняли волю «своих господ», направленную не только против крепостных крестьян, но также и против подвластных дворян.

В «Очерке сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей» пшекау отнесены даже к пшитлям, т. е. зависимым крестьянам. В нем отмечено: «Пшикеу (княжеская ограда). Сословие это образовалось из вольноотпущенников (азет). Пшекеу, обязанные исполнять волю князей, находились у них в полнейшем подчинении, за что с стороны князей пользовались особенным их покровительством, простиравшимся до того, что в случае убийства кем-нибудь пшекеу, кровомщение, как бы за своего родственника, брал на себя тот князь, у которого состоял на службе убитый... Звание пшекеу наследственно...»[87].

Сведения Хан-Гирея и архивный материал имеют немало общего: 1) Пшекау и бейголи – выходцы из простонародья, т. е. из людей лично уже независимых, имея в виду, что вольноотпущенник еще не есть человек вполне свободный. Они возведены в эту степень по воле князей; 2) Пшекау и бейколы, последние в большинстве случаев несут службу князю и пользуются с его стороны покровительством. И те и другие осуществляют свои функции в аулах, подвластных князьям, и исполняют их волю, за что народ «трепещет» перед теми и другими. В то же время понятия пшекау и бейголь не тождественны. Если пшекау были «оградой» только князей, то бейголи служили «оградами» тлекотлешей, дижиную и даже некоторых беслен-уорков[88]. Эту мысль можно подтвердить отмеченными выше сведениями Клапрота. Отсюда следует также, что бейголи не были дворовыми, как это иногда утверждается со ссылкой на С. Броневского[89]. Еще конкретнее на сословное положение бейголей указывает И. Ф. Бларамберг: «Крепостные весьма часто обретают свободу, и тогда их называют «бегаулиее»; в этом случае они обязаны выполнять приказы своего бывшего хозяина, направленные против дворян и крепостных»[90].

Чтобы попасть в разряд бейголей, необходимо было получить личную свободу, и лишь после этого – приказы от своего бывшего владельца. Судя по Бларамбергу, функции узденей-пшекау и бейголей (бейколишхо), в сущности, сводились к одним и тем же обязанностям.

Вывод об аналогичности социальных функций пшекау и бейко-

лов подтверждается и документами. В показаниях Бату Тхакачева, данных им Кабардинскому временному суду в 1849 г. в связи с прошением узденя Кары Кудаева, сказано: «Кудаевы как были их пшекеу под названием бекольишхо, которые также пользуются правами узденей, но более в зависимости от князей, но беслень-пшитлями Кудаевы никогда не назывались... после смерти бекольишхо до введения шариата князья владели их имением, если не оставалось от них детей...»[91].

Судя по этому документу, бейколишхо, а не просто бейголи (бейколы), были узденьями, или, точнее сказать, пользовались правами узденей. Наименование бейколишхо иногда приравнивалось к названию пшекау. Хан-Гирей дает такую характеристику бейколишхо: «В иных владениях есть биеколы из дворян, второстепенных и их называют – биеколишхо (великие биеколы), с каким названием сопряжены разные обязанности, например, когда в доме князя совершают тризну или торжественную поминку... или по каким-либо другим случаям бывает торжественное угощение народа, они смотрят за порядком и проч.»[92]. Бейголи могли иметь своих холопов. Княгиня Кабахан Наурузова разъясняла по судебному делу, связанному с прошением узденя Кары Кудаева, что Кудаевы «состояли в звании бегаул, которые имели своих холопьев и имущество, которое более составлялось из подарков, получаемых от своих князей...»[93]. В силу того, что Кудаевы, как уздени, относились к разряду пшекау, один из них «по разделу их между братьями князей Бекмурзиных... достался князю Джанхотову». Этот факт говорит о том, что уздени-пшекау могли быть разделены по наследственному праву князей. Уздень Бату Тхакачев по упомянутому делу показал, что Кудаевы назывались и бейколишхо и пшекау, «но беслень-пшитлями Кудаевы никогда не назывались»[94].

Таким образом, узденями-пшекау, пшекау-бейколами (бейколишхо) могли стать выходцы из бейголей и вольноотпущенников. Однако это не значит, что эти слои были единственными поставщиками узденей-пшекау (бейколишхо). В условиях всевластия князей, т. е. до 1822 г. и несколько позже, в это достоинство могли возводить и людей несвободного или, точнее говоря, более закрепощенного состояния, в том числе, конечно, и беслен-пшитлей. Здесь есть резон говорить больше о том, кому из них отдать наибольшее предпочтение, но категорически нельзя отказать им в праве быть средой, из которой черпался этот разряд узденей.

Изложенным не исчерпывается роль бейголей в адыгском (кабардинском) обществе. В начале XIX в. бейголи представляли собой значительную социальную силу. В отношении Гудовича к Кочубею от 21 марта 1807 г. сказано: «Кабардинский народ составляется... из трех станов (сословий. – *С. Б.*): князьков, узденей и черного народа, но есть еще между ними из черного народа, не работающие в поле, называемые бегаулы, или род холопей при князьках и узденях, составляющие самую большую и важную часть вооруженных людей» (АКАК. Т. 3. С. 630).

Этот документ может служить наиболее полным первоисточником при характеристике бейголей. Во-первых, бейголи выходцы «из черного народа», т. е. уже не собственно холопы, а «род холопей». Во-вторых, бейголи свободны от черной работы, т. е. они «не работающие в поле». В-третьих, и это самое главное, бейголи составляли «самую большую и важную часть вооруженных людей».

В подтверждение социального веса бейголей нелишне сослаться и на рапорт Дельпоццо к Гудовичу от 15 февраля 1807 г.: «...буде кто не явится в сей поход из званий узденей и бегаульев назначенных, взысканием по 50 р. с. и двумя быками штрафа» (Там же. С. 617).

Как видно, размер штрафа за отказ участвовать в военной экспедиции был равен для узденей и для бейголей.

Положение пшекау в документах освещается по-разному. Один из них указывает: «В настоящее время (начало 60-х годов XIX в. – *С. Б.*) сословие пшекау хотя и не смешивается с азетами, но в народе не имеет ни малейшего значения»[95]. Другой документ приблизительно того же времени заключает: «Малочисленный класс (пшекау. – *С. Б.*) хотя потерял прежнее свое значение, но вследствие своей зажиточности в глазах кабардинцев уважается теперь наравне с беслен-уорками и уорк-шаотлухусами»[96]. Характеризуя сословие пшекау накануне отмены крепостного права, следует отдать предпочтение второму документу, за исключением того, что пшекау в нем считается малочисленным классом. Согласно приблизительным статистическим данным, в 1862 г. в Кабарде насчитывалось 36 дворов пшекау, в которых проживало 178 душ. Много это или мало? Для сравнения укажем, что в том же году других сословий (классов) имелось: 26 дворов князей (121 чел.), дижинуго – 30 (149 чел.), беслен-уорков – 33 двора (212 чел.) и 43 двора тлекотлешей, в которых насчитывалось 219 душ[97].

Из перечисленных разрядов, или классов, владельцев пшекау по численности дворов уступают только тлекотлешам. Следовательно, о пшекау надо говорить как о социальном слое, имевшем вес в обществе вплоть до отмены крепостного права.

Наиболее известным и влиятельным представителем узденей-пшекау следует признать Думановых. История этой фамилии позволяет проследить некоторые, пока не затронутые стороны феномена сословия пшекау.

Командующий войсками Кавказской линии и Черноморья генерал-адъютант Граббе 24 июня 1840 г. предписал начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Пирятинскому рассмотреть прошение, с которым к нему обратился поручик князь Кучук Атажукин. Атажукин добивался возвращения 11 семейств крестьян, некогда получивших свободу по решению суда. Он доказывал, что крестьяне эти составляли наследственную собственность его отца – Темирбулата Атажукина, «который отдал их во владение подвластным узденьям его Думановым»[98]. Этот факт еще не давал права лишить свободы крестьян, однажды ее получивших, но Кучук Атажукин привел один веский довод: «Думано-

вы, изменив правительству, бежали за Кубань в 1822 году». Но это обстоятельство не могло служить достаточным основанием для отмены судом собственного решения, что случалось крайне редко. Ведь сотни и тысячи крестьян, принадлежавших беглым их владельцам, были освобождены, согласно прокламации генерала Ермолова, о чем сообщал Граббе, составив список о вольных людях, предоставленный при рапорте от 23 февраля 1825 г. № 106*. Причина, на основании которой Кучук Атажукин требовал возвращения отобранных от него в его малолетстве крепостных крестьян, состояла в том, что Думановы были узденями-пшекау его отца. По обычному праву, подвластные князьям уздени имели собственных и даруемых крепостных, а «последние должны оставаться у них до того только времени, пока они будут жить с князьями»[99].

По запросу начальника Центра Кавказской линии выяснилось: «Думановы не только подвластные, но и непосредственно подлежали отцу просителя капитану князю Темир-Булату Атажукину, и холопья эти (11 семейств крестьян. – *С. Б.*) были отданы в дань Думановым отцом и предками просителя, и что Думановы, изменив правительству, бежали за Кубань в 1822 году, а крестьяне возвращены капитаном князем Атажукиным при самом их побеге... и жили у него до 1825 года и в 1825 году были записаны в вольный список, сходно прокламации генерала Ермолова, по неосмотрительности членов суда... Холопья эти действительно отцом и предками просителя подарены Думановым, и что Думановы сами считаются собственностью князя под названием пшикеу, поэтому по всем кабардинским правам и обряду поручик князь Атажукин не должен лишиться этих холопьев, как Думановы не хотели жить при князе и учинили побег»[100].

Дело по прошению Кучука Атажукина закончилось предписанием Кабардинскому временному суду от 7 мая 1841 г. «сделать надлежащее распоряжение о возвращении поручику кн. Кучуку Атажукину неправильно отсужденных... от крепостного права 11 семейств крестьян, приказав оным семействам быть в полном повиновении у владельца своего...»[101].

Сословные права и сословные споры

Постоянная борьба за свои сословные и, шире, социальные права и защита отвоеванных прав были одним из важнейших, если не самым важным, вопросов общественной жизни кабардинцев.

И здесь главным законом и регулятором сословных прав выс-

*Список о вольных людях, или «вольный список» (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 41, л. 6), был составлен в 1825 г., чтобы собрать в один аул крестьян, «объявленных вольными и проживающих в аулах...» (ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 274, л. 56 об.). Рапорт суда позволяет сделать вывод, что Вольный аул не был заранее задуман, а является следствием «освободительной» тактики Ермолова и основан в 1825 г., иначе он был бы помещен в перепись населения Кабарды 1825 г. Уже 25 мая 1826 г. ставился вопрос «о постройке в ауле под крепостью Нальчикской турлучной мечети» (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 2, л. 8).

тупало обычное право. А это уже означало, что отсутствовали письменные доказательства того или иного человека о его принадлежности к определенному сословию. Даже князья не имели документов на княжеское достоинство. В таких условиях были неизбежны постоянные споры о сословном положении фамилий. Судебные разбирательства по ним тянулись иногда несколько лет и нередко оканчивались без ясного доказательства. Тяжущиеся стороны обыкновенно придерживались противоположных взглядов: одни доказывали свои права, другие оспаривали их претензии.

Кумаховы. Вольные кабардинцы из аула Анзорова Исхак, Мамсур, Огурли и Харис Кумаховы 8 мая 1842 г. обратились к начальнику Центра Кавказской линии Голицыну с прошением. Указывая на свое сословное положение, они писали: «Первостепенные кабардинские узденя Ильяс и Абрахим Кудеевы неизвестно по какой причине по смерти нашего родителя, отобрав имение его от нас, состоявшее из 25 душ крепостных людей, 300 баранов и разных вещей, и сверх того неправильно присвоивают нас, якобы мы происходим из крепостных людей, собственно им принадлежащих, и по этому случаю взыскали с нас назад тому 35 лет скотом, разными вещьми и деньгами, всего 1600 руб. сер. вроде откупа. Но не довольствуясь тем, что завладели имением нашего покойного родителя и получили от нас 1600 р. сер., ныне, считая нас собственно принадлежащими им крепостными людьми, требуют, чтобы мы непременно переселились в их аул и отдались бы в их собственное распоряжение». Идя навстречу Кумаховым, Голицын предписал Кабардинскому временному суду «доставить просителям справедливое удовлетворение», но неизвестно, чем закончился иск[102].

Долткуловы (Эбоовы). В браке женщины вольного происхождения и крепостного крестьянина дети рождались вольными. Случалось и так, что женщины узденьского происхождения выходили замуж за крестьян. В таком случае дети от этого брака не признавались узденями. Уруспий Долткулов (Уруспий Эбоов, Эбуов) в 1847 г., докладывая Хлюпину о своей родословной, писал, что родная бабка его была «дочь узденя Эбоова, имела у себя воспитанника в давних годах из кабардинских узденей Карабовых». Надеясь получить подарки от Карабовых, она переселилась к одному из них, но прожила у Карабова недолго, тот умер. Другой родственник Карабова, воспользовавшись этим случаем, выдал дочь бабки Долткулова по имени Чанслу за крепостного Магомета Куденетова.

Уруспий Долткулов, будучи сыном Чанслу, добиваясь восстановления своих сословных прав, сумел разыскать свидетелей. Обращаясь к Хлюпину, они писали: «Имея честь уведомить вас, что действительно род Эбоовых происходит издревле от узденей, никогда и ни в какое время они не были холопьями или вольноотпущенниками, но они с незапамятных времен носят звание узденьского, не имеют они у себя господина или владельца и никому не принадлежат они кроме бога...» Свидетельство подписали:

Огурли, Кайтмырза и Ерахмед Айдаболовы, Бекбы и Умар Кочуковы, Ибраим, Кожук и Бида Келеметовы, Кучук Баймурзов, Шолох Шаханов. Кроме них подписали «из членов суда балкарского: Карох, Миста, Кайсын Сундиовы, Бида Жубов, Хажи Жанхотов, Батырбек Муков, Хажигирей, балкарский эфенди Гази, Сагид Эфендий, кадий Бек-Мурза Газиев, Магомет, Алимурза Абаевы». Они прямо указывали Хлюпину: «...вы имеете высокий ум и подумайте, может ли быть холопом происходивший от означенных узденей Эбоовых родом человек или узденем». Хлюпин один не решился *подумать* над вопросом и препроводил прошение Долткулова (Эбоова) и свидетельство, выданное ему балкарцами, в Кабардинский временный суд. А суд разъяснил, что «дети, рожденные от отца крестьянина по обычному праву не могут получить права узденей, а должны быть вольные...»[103].

* * *

Тлостановы. По вопросам о сословных правах кабардинцы обращались даже в самые высокие инстанции – к особам царствующего дома. Князь Александр Мисостов 21 сентября 1850 г. написал наследнику императорского престола Александру Николаевичу прошение. В нем прослеживается родословная Тлостановых. Излагая историю сословных отношений своих предков с узденями Тлостановыми, князь указывал, что его отец Магомет Мисостов в 1793 г. оставил в Кабарде несколько подвластных людей. И среди них – «чагар своих Тлеужа Тлостанова с двумя сыновьями Мызою и Асланом». Касаясь внуков Тлеужа Тлостанова, Александр Мисостов называет Увыжуко, Пшемахо и Якуба Тлостановых, которые в 1849 г. подали прошение генерал-майору Эристову. В нем братья отмечали, что дед их, Тлеуж Тлостанов, получил вольность от деда Александра, Мисоста Татарханова, и что он напрасно добивается права над ними. Несмотря на показания трех свидетелей, ссылку на решение Кабардинского временного суда за 1826 г. и предписание генерал-майора Эристова последнему, члены суда, защищая ответчиков, «дело оставили нерешенным», т. е. решили в пользу Тлостановых. В то же время суд констатировал, что «Тлостановы действительно были чагарами деда просителя князя Мисостова, но получили ли они от своего владельца независимую вольность или сами уклонились по нахождению князя Магомета Мисостова в Моздоке, по давности лет никто не помнит, и нельзя открыть истину»[104].

В связи с прошением Мисостова Эристов потребовал от суда подтверждения или опровержения приводившихся в нем фактов. И вот уздени Увыжуко и Якуб Тлостановы пишут Эристову о своем действительном сословном положении: «Назад тому более полутораста лет, как дед наш уздень же Тляуж Тлостанов жил в ауле князя Мисостова и когда не пожелал там жить, то, по обычаю кабардинцев, оставя жилище и совершенно все имущество, с одним семейством перешел на жительство в аул узденя Куде-

нетова. И этот из сожаления к такому положению вознаградил дарами всю потерю, т. е. дал людей и устроил все нужное для жительства. В 20-летнее их в ауле этом жительство родились наши отцы, и когда дед помер, то они, по собственному их произволу отдав Куденетову все прежнее вознаграждение, переселились в аул князя Кучукова (ныне Псыгансу. – *С. Б.*), в котором родились и мы. В этом ауле отцы наши, живя несколько лет, по разделе померли. И из нас Увыжуко уже в 1846 г. по случаю прихода в Кабарду Шамиля, будучи в горах, остался жить в ауле князя Казиева (позднее вошел в аул Джанхотова, т. е. в с. Псыгансу. – *С. Б.*) Якуб и доныне жительствует на прежнем месте в ауле Кучуковом».

Такова краткая история сословного положения и перемещения узденей Тлостановых. Братья Увыжуко и Якуб возмущались: «Теперь князь Тликеч (Александр. – *С. Б.*) Мисостов не знаем почему присваивает нас к своему аулу и не только просит, но даже повелительно приказывает нам в противность нашего желания переселиться в его аул, угрожая притом, что если мы не исполним его приказаний, то неизбежно отберет от нас все имущество и сделает несчастными». Тлостановы при этом подчеркивали, что они «узденя и, пользуясь постоянно правом свободы», считают действия князя Мисостова «за сильное и безпричинное утеснение». Тлостановы были готовы подтвердить свои слова авторитетными свидетелями – Алхасом Мисостовым и Метом Куденетовым.

Справедливость отдельных положений прошения Тлостановых подтверждается документально. Одно из первых сведений об этой фамилии встречается в донесении подполковнику Булгакову в 1825 г. в форме жалобы Залихи Кармовой «на узденя, подвластного кабардинскому князю Кучуку Джанхотову, Мызу Тлостанова, который неправильно завладел семейством ее в 12 душах...»[105]. Фамилия Тлостановых приводилась Мисостовым наряду с фамилиями Шардановых, Туговых и Ямгаховых, к которым он также предъявлял претензии. Все доводы Мисостова против них Кабардинский временный суд признал передергиванием фактов. Он отклонил, например, претензии против Туговых на том основании, что они «более 60 лет известны людьми вольными», а Шардановы доказывали, что они почти с начала XVIII в. являются узденями первостепенных узденей Куденетовых, а не князей Мисостовых. Что касается Ямгаховых, то они считались вольными по прокламации Ермолова.

Один из Тлостановых, Шухаиб, фигурирует в переписке 1841 г. 13 марта начальник Центра Кавказской линии уведомил начальника штаба полковника Траскина: «Вместо муллы Муртазали Алиева изъявил согласие поступить в Кавказско-Горский полк Большой Кабарды мулла Шухаиб Тлостанов»[106].

* * *

Киловы, Кобечиковы, Оракеевы. Архив Кабардинского временного суда показывает, что даже тлекотлеши не всегда были сведущи в сословных правах своих узденей и вольноотпущенников. В 1850 г. поручик Кучук Анзоров, переселившись за Терек «в Таусултановы аулы... просил суд приказать узденьям и вольноотпущенникам Анзоровым переселиться к нему тем, которые достанутся ему после раздела». Прошение Анзорова затрагивало сословные права фамилий Киловых, Оракеевых и Кобечиковых. Они заявили, что «не вольноотпущенники и не холопья Анзоровых, а самые родовые узденя и действительно принадлежат Анзоровым, но никогда не было и примеру, чтобы Анзоровы делили узденей...». В ходе разбирательства Кучуку Анзорову разъяснили, что «по обряду узденя ни в каком случае не подлежат разделу между братьями их, вольноотпущенники остаются при них же и узденя сохраняют право остаться при том владельце по их желанию». По материалам дела к Анзорову переселилось лишь «семейство вольноотпущенника Хажимета Шоумахова»[107].

К концу 50-х – началу 60-х годов XIX в. в Кабарде настолько обострились социально-экономические и политические отношения, что власти были вынуждены учредить специальный Комитет по разбору личных и поземельных прав населения Кабардинского округа.

Кабардинский окружной народный суд 11 сентября 1859 г. доносил начальнику округа Орбелиани, что во исполнение его предписания от 30 июня назначены депутатами: князь Хасанби Атажукин и уздень Шу Кармов (Атажукинская фамилия), князь Бекмурза Касаев и уздень Тахушина Гетежев (Бекмурзинская фамилия), князь Бекмурза Казиев и уздень Пшемахо Гукежев (Мисостовская фамилия), князь Джамбот Докшукин и уздень Магомет Догужоков (Кайтукинская фамилия). В Комитет назначены также депутатами от вольноотпущенников: Хасан Есенкулов и Шугана Желясов. Депутатами в Комитет от Пяти горских обществ были избраны: Хамза Шаханов (Балкария), Иса Шакманов (Безенги), Кайсын Суншев (Хулам), Кучук Барасбиев (Чегем), Исмаил Урусбиев (Урусбий). От «простых» горцев в Комитет вошли: Келемет Жабулов (Хулам), Абрек Жангуразов (Балкария), Кайсын Газов (Чегем) и Солтан Тилов (Урусбий).

Как видно, Комитет был учрежден в Кабардинском округе не позднее 11 сентября 1859 г. Однако его открытие откладывалось. Это обстоятельство осложняло и без того непростую обстановку в Кабарде, характеризовавшуюся начавшимся переселением кабардинцев в Турцию. В докладной записке от 19 августа 1861 г. помощнику командующего войсками Орбелиани отмечал, что в 1861 г. двумя потоками в Турцию отправились 498 семейств. Но не это беспокоило начальника. «Значительнейшие люди из остающихся, – писал он, – здесь явно ропщут, что права кабардинцев, как сословные, так и поземельные, и быт их не определяются». Обращаться к начальству с настоятельными

просьбами кабардинцев заставляли «родившиеся между ними потребности к промышленности», т. е. потребность в новом экономическом укладе. Между тем отсутствие ясности в поземельном вопросе и личных правах тормозило развитие общественно-экономической жизни Кабарды. Этим объяснялась необходимость открытия Комитета. Потому и Орбелиани настойчиво добивался его открытия в Кабарде.

После своей докладной записки Орбелиани пригласили к командующему войсками, и он в начале октября 1861 г. выехал во Владикавказ. Ему наконец удалось убедить начальство в необходимости открытия учрежденного еще в 1859 г. Комитета. И вот 18 ноября 1861 г. начальник округа сообщал генерал-майору Радецкому: «Комитет открывается завтрашнего, т. е. 19-го числа этого месяца». А 20 ноября 1861 г. Орбелиани посылает в Комитет, учрежденный в Кабардинском округе «для разбора личных и поземельных прав туземцев», программу его действий. Это значит, что 19 ноября 1861 г. был открыт Комитет, т. е. он начал действовать именно в этот день.

Программа предусматривала «первоначально разбор личных прав туземцев по происхождению, а потом прав поземельных». Комитету предписывалось начать выяснение сословных прав с князей – «с жителей Большой Кабарды и по окончании разбора их приступить к разбору народов, населяющих Балкарский участок...» В своих действиях Комитет обязан был руководствоваться: грамотами Екатерины II и Александра I, данными кабардинскому народу, статьями законов, относящимися к кавказским горцам, прокламациями генералов Гудовича, Тормасова, Ртищева, Ермолова и другими бумагами кавказского начальства, касающимися сословных прав горцев, народными обычаями, по описаниям представленными генералу Ермолову, списком князей и узденей, составленным по предписанию Ермолова, показаниями народных депутатов, основанными на народных преданиях, свидетельствами и протоколами Кабардинского суда и историческими сведениями.

2 февраля 1862 г. первые депутаты Комитета дали присягу: Атажуко Атажукин (вместо него его доверенное лицо), Бекмурза Атажукин, Мурзабек Тамбиев, Кучмазуко Кучмазукин, Шу Кармов, Пшемахо Даутоков, Уважуко Арипшев, Пшемахо Гукежев, Ахмет Захохов, Шуган Жилясов. Впоследствии присягнули Эссимет Таматлоков, Пшемахо Коголкин, Бекир Тохов, Бекмурза Зеков, Заракуш Тамбиев и Дохшуко Анзоров[108]. Комитет посвятил 69 заседаний исключительно разбору личных прав и выдал к 12 марта 1863 г. 2923 свидетельства (более 42 дел на каждое заседание), начиная с 19 ноября 1861 г.[109]

Следующая далее таблица показывает число дворов и душ обоего пола в Большой Кабарде, сословные права которых были разобраны к марту 1863 г.[110] (см. с. 410, 411).

Кроме того, в Комитете по делам личным и поземельным Кабардинского округа находились списки 587 дворов, сословные права которых еще не были разобраны. По подсчетам этого Коми-

тета, в Большой Кабарде в 1863 г. насчитывалось всего 3510 дворов (20 850 человек), «за исключением жителей Вольного аула и крепостных»[111].

Апшевы, Афашаговы, Булатовы, Гедгафовы, Гукетловы, Жемуховы, Кармоковы, Сижажевы, Тикиновы, Шетовы, Шибзуховы, Шогеновы, Шурдумовы. Одними из последних для подтверждения своих сословных прав к начальнику Кабардинского округа и председателю окружного народного суда В. В. Орбелиани обратились с прошением жители аулов Атажука Атажукина и Бекмурзы Атажукина: Исмаил Апшев, Асланбек Жемухов, Мет Афашагов, Магомет Гукетлов, Едик Гедгафов, Маш Тикинов, Науруз Шибзухов, Умар Шогенов, Хаджи Сижажев, Аиса Шурдумов, Барак Кармоков, Ислам Шомахов, Ибрагим Шетов и Заурбек Булатов. Ссылаясь на существующие родовые предания, они писали 12 декабря 1862 г.: «...предки наши лет около 150 [тому назад] были узденями князя Темрюка Атажукина, от которых происходя, и мы всегда пользовались правами ворк-шаутлухуса княжеской фамилии... князей Атажукиных»[112]. Уверенность просителей в своей принадлежности к узденям, кроме изложенного, выражалась и в том, чтобы Орбелиани дал им возможность для ее подтверждения «доставить положенное число свидетелей».

Рассматриваемое прошение было вызвано тем, что Комитет по разбору личных и поземельных прав своим решением от 19 ноября 1861 г. причислил их к сословию вольноотпущенников (азет). Возмущенные таким решением, авторы прошения недвусмысленно указывали: «...ни мы и ни отцы наши не были отпущенниками на волю». Начальник округа направил прошение в Комитет для надлежащего распоряжения, но он даже не приступил к его рассмотрению по независящим от него причинам. Дело в том, что из всех 90 аулов Большой Кабарды, «вызванных» Комитетом, «отказались от разбирательства только два аула князей подполковника Атажуки и юнкера Бек-Мурзы Атажукиных». Неповиновение властям Орбелиани не оставил без наказания: он оштрафовал жителей этих аулов «за неисполнение требований оного Комитета». Подчиняясь предписанию, Атажуко Атажукин сообщил своему участковому начальнику: «Штраф с двух моих аулов за неявку в Комитет пятьдесят руб. серебром при сем препровождаю». Вместе с тем он дал знать, что будет жаловаться командующему войсками Терской области ввиду несправедливости взыскания[113]. Из слов Атажукина ясно, что он не считал себя виновным в неявке аулов в Комитет. Следует заметить также, что он называл себя владельцем сразу двух аулов. Случай исключительный.

Мотивы решения Комитета о причислении вышеуказанных просителей к сословию вольноотпущенников в документах не прослеживаются. Однако материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, проливают свет на сословную принадлежность указанных в прошении жителей.

Сословия	Фамилии Бекмурзиной				Фамилии Кайтукиной			
	дворов	муж.	жен.	итого	дворов	муж.	жен.	итого
Пше	6	15	13	28	5	20	11	31
Тлекотлеши	18	53	50	103	7	14	12	26
Деженуго	9	24	24	48	8	21	17	38
Беслен-ворки	5	9	11	20	7	30	19	49
Ворк-шаот-лухусы	173	576	527	1103	180	541	457	998
Пшекеу	10	31	27	58	10	26	21	47
Азет	429	1338	1206	2544	431	1413	1198	2611
Всего	650	2046	1858	3904	648	2065	1735	3800

«Беглый» князь Магомет Атажукин* в 1851 г. получил разрешение начальства переселиться из-за Кубани в Большую Кабарду. Князь Эристов предписал суду «немедленно переселить на Малку между аулами Бабукова и Трамова» подвластных Атажукину жителей. Атажукин объявил суду, что «в ауле князя Атажуки Атажукина проживают пять семейств, подвластных**, принадлежащих ему, а именно: Эдыка Кедгафова, Магомета Сижажева, Бата Кедгафова, Хамурзы Кримухова и Исмаила Апшева»[114]. По указанию Эристова суд должен был решить: «у кого в аулах из князей Атажукиных означенные крестьяне должны жить».

Узнав о домогательствах князя Магомета Атажукина, жители аула Атажуки Атажукина Бата Гедгафов, Магомет Сижажев, Мустафа Шомахов и Сафар Шогенов 21 марта 1851 г. обратились к Эристову с прошением. Они, разъясняя свои права, писали: «В настоящем ауле князя Атажукина мы, в числе 40 дворов, подвластные разным лицам фамилии князей Атажукиных, имеем жительство с давних времен». Просители напоминали начальству, что Магомет Атажукин «старался силою оружия» переселить их за Кубань, но они, «будучи твердо в верноподданстве России и имея притом преданного престолу владельца капитана князя Темирбулата Атажукина, отстояли его домогательства» (Темирбулат Атажукин умер около 1825 г., значит, это событие относится к последнему восстанию кабардинских владельцев 1825 г.).

*В роду Атажукиных было несколько князей по имени Магомет. Один из них, по сведениям Н. Дубровина, в 1846 г. убит бесленеевским князем Адиль-Гиреем Кононовым (*Дубровин Н.* Черкесы (адыге). Нальчик, 1991. С. 201).

**Следует подчеркнуть, что встречающееся в архивных материалах понятие «подвластный» не означает, что тот, к которому оно относится, является крепостным. Под понятиями «подвластный», «принадлежащий» чаще всего скрывается уздень, подвластный князю или тлекотлешу.

Фамилии Мисостовой				Фамилии Атажукиной				Всех			
дворов	муж.	жен.	итого	дворов	муж.	жен.	итого	дворов	муж.	жен.	итого
9	20	20	40	6	12	10	22	26	67	54	121
10	27	26	53	8	22	15	37	43	116	103	219
9	26	18	44	4	13	6	19	30	84	65	149
11	31	38	69	10	35	39	74	33	105	107	212
99	304	225	559	251	717	595	1312	703	2138	1834	3972
9	20	18	38	7	22	13	35	36	99	79	178
588	1763	1684	3447	604	1999	1776	3775	2052	6513	5864	12377
735	2191	2059	4250	890	2820	2454	5274	2923	9122	8106	17228

В прошении приводится длинный перечень «злодеяний» Магомета Атажукина, который в порядке мести за непослушание совершал против «просителей» набеги – «отнял у Магомета Сижажева две служанки, которые и ныне находятся у него с прижитыми детьми, сверх того брата Сижажева Кару продал противу всякого обряда убыховцу и он же, Атажукин, пригласил партию закубанцев, ограбивших ст. Солдатскую, в Кабарду с намерением перегнать нас за Кубань, но и тут мы твердо защитились, причем Магомет Атажукин лишил Кедгафова 800 баранов, употребив на пищу хищнической партии, у Шу Апшева угнано 700 овец и 40 штук скота, у Шогенова 900 баранов и 80 сапеток ульев, у Ахметова 1100 баранов, 6 штук скота и 40 кобылиц, у Шетова 300 баранов и 20 штук скота, у Умара Апшева 200 баранов и 40 штук скота, при этом же случае без вести пропали два брата Крымоковых, семейство же их лишилось 700 баранов, 50 штук скота и 25 кобылиц, у Дикиновых заграбили 5 душ крестьян». Прошение обращало внимание Эристова и на то, что «бывший в то время начальник Кабарды», видимо Подпрятов, вызвав их в Нальчик, объявил им, что они навсегда освобождаются от беглых «князей Атажукиных по силе прокламаций генерала Ермолова», с предоставлением права селиться там, где пожелают, однако они, «не желая разделиться, как связанные между собою родством, остались в одном и том же ауле».

Ознакомившись с ходатайством, Эристов сделал «надпись»: «Не принадлежащих Атажуке не разрешается переселить на новое место, где Атажуко селится, что же касается до Магомета, я тоже не могу разрешить без высшего начальства к нему переселить». В предписании суду от 5 января 1852 г. Эристов объявил свое решение: «Вследствие прошения, поданного мне князем Магометом Атажукиным 9 декабря истекшего года, предлагаю суду объявить ему, что я не могу против воли подвластных посе-

лить их к Магомету Атажукину в аул, равно переселить их в Вольный аул также не могу, ибо оный составлен из одних бывших крепостных крестьян». Согласно надписи и предписанию, Эристов отклонил претензии Магомета Атажукина, но в рассмотренных документах отсутствует ясное указание на авторов прошения, хотя прослеживается, что они не крепостные. Тем не менее можно уверенно сказать, что они принадлежат к узденям. Основанием для такого вывода служат другие документы.

Обыкновенно при принятии в аул нового жителя требовалась подписка о согласии этого аула. Начальник Кабардинского округа Кобулов в 1865 г. получил, по его требованию, соответствующую подписку от полковника Атажуко Атажукина. Последний писал: «От полковника князя Атажукина и старшины аула его мы принимаем на жительство в наш аул наравне других жителей Муссу Курджинова (ногайца. – *С. Б.*) с согласия на то его и наше». Под этим соглашением поставлены печати полковника Атажукина и аульного старшины Исмаила Апшева, а также жителей аула Сафара Шогенова и Магомета Гукетлова[115]. Как выше отмечено, в числе семейств, переселения которых добивался беглый князь, обозначено имя Исмаила Апшева. Если бы он принадлежал к крестьянам, не имел бы в условиях феодальной Кабарды права быть старшиной аула*. В числе других подписавшихся под соглашением значатся Сафар Шогенов и Магомет Гукетлов, которые в сословном отношении равны старшине Исмаилу Апшеву.

Фамилия Гукетлова встречается в переписке 40-х годов в связи с известным абреком князем Таусултаном Атажукиным. По показаниям двоюродной сестры князя Мисоста Атажукина, Алишкопф, ее брат Таусултан, «употребив силу, отнял у Гукетлова семейство Айшеды в 1822 году». После убийства Таусултана это семейство из 3 душ досталось его сестре Алишкопф. Гукетлов добивался возвращения отобранных у него крепостных, выставляя при этом в качестве свидетелей узденей: Аслануко Каншоова, Соина Быкова, Исупа Туркова, Беслана Купова и Инуса Гадацимова[116]. Судебное разбирательство по делу Гукетлова говорит о том, что он наряду с другими также принадлежит к сословию узденей.

Приведем еще пример, связанный с Ибрагимом Шетовым, одним из тех, чья подпись стоит в прошении атажукинцев от 12 декабря 1862 г. Командир Кабардинского егерского полка 4 декабря 1841 г. просил начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Соколова «сделать распоряжение о продаже имения описанного узденя Шетова и брата его мулы Магмета Шетова за 50 рублей серебром...»[117].

Таким образом, приведенные материалы не оставляют сомнений в том, что все фигурирующие в претензиях князя Магомета Атажукина и прошении лица, несмотря на отсутствие сведений,

---

***Исмаил Апшев* – в списке лиц, уволившихся в 1869 г. в Мекку на «один год и не возвратившихся оттуда» (*Думанов Х. М*. Вдали от родины... С. 74).

прямо указывающих на сословную принадлежность некоторых из них, являются узденями*. Уздени в свой круг по такому важному спорному делу не могли включить представителя другого сословия, из опасения поставить объективность своего иска под сомнение.

* * *

Вазовы, Коковы, Мажоковы, Мацевы, Пшуновы, Шогеновы (аул Трамова). Ашабовы и Трамовы «имели» спор «за сенокосную и хлебо-пашественную землю». Постепенно он перешел в конфликт, который мог иметь и более серьезные последствия. С целью его мирного урегулирования командующий войсками Правого крыла Кавказской линии генерал-лейтенант Козловский 10 июня 1857 г. предписал начальнику бывшего Центра Кавказской линии генерал-майору Грамотину переселить одного из Трамовых, Бекмурзу, с «своим аулом из Кабарды» на правый берег Большого Зеленчука ниже Каменномостского укрепления[118]. Недовольные таким ходом событий жители аула Трамова Ибрагим Пшунов, Даут Пшунов, Харис Пшунов, Каму Вазов, Мату Мацев, Якуб Хапцов, Магомет Шугенов, Дзу Шогенов, Батей Шогенов, Патыж Аджиев, Есеней Коков, Сафар Коков, Исуб Коков, Дамакай Коков и Бата Мажоков 10 августа 1857 г. написали прошение генерал-майору Грамотину.

В прошении прослеживается история переселений аула Трамова. Раньше он находился «по низовьям р. Черека», куда он был перемещен с реки Кумы. Затем аул переселен «по правую сторону р. Малки назад тому 30 лет», т. е. в 1827 г.[119] Известно, что по обычному праву кабардинцев в случае переселения владельца на другое место вместе с ним переселялись его уздени, вольноотпущенники и крепостные. Бекмурза Трамов требовал от подвластных следовать за ним. Последнее обстоятельство и побудило жителей аула Трамова обратиться к начальству. Разъясняя свои права, они указывали, что пользовались «землею фамилии Атажукиных» наравне с узденями их фамилии. Не считая себя «подлежащим Трамовым», авторы прошения добивались от начальства «шариатом разобраться», если он кого-либо из них будет «признавать собственным».

Кабардинский окружной народный суд 21 октября 1857 г. отказал Трамовым в иске. Он доложил Орбелиани, что «Трамовы все издавна жили и имели аул на Малке, и в этом ауле они не имели собственных холопей... и потому нет возможности требовать, чтобы по одному лишь произвольному желанию его аул, считающий себя неподвластным Бекмурзе Трамову, тоже был выселен из Кабарды, а потому претензии Трамова противу аула не может быть...»[120].

Маршенкуловы. Кабардинский окружной народный суд 18 июня

---

*В связи с этим отметим, что среди однофамильцев Афашаговых в документах 40-х годов XIX в. встречаются «уздень Пшемахо Афочагов» (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 90, т. 1, л. 80).

1862 г. выдал свидетельство, в котором говорилось: «Дано сие от Кабардинского окружного суда жителю Большой Кабарды Бешказакова аула Исламу Маршенкулову в том, что члены суда единодушно признали его принадлежащим к сословию ворк-шаутлухуса (княжеской фамилии)». Такое же свидетельство было выдано и брату Ислама – Исхаку Маршенкулову. Этот документ интересен тем, что уорк-шаутлухуса обычно считается принадлежащим тлекотлешам, т. е. первостепенным узденям, а здесь прямо указано, что Маршенкуловы были уорк-шаутлухусами княжеской фамилии.

Тхакаховы. Родословная одной из ветвей этой фамилии засвидетельствована князем Атажуко Атажукиным в 1862 г.:

«Свидетельство. Дано сие от меня в том, что из фамилии Кармовых поколения Тхакахова действительно до настоящего времени считались беслан-ворками фамилии князей Атажукиных, т. е. княжескими узденями; которые всегда получали к этому Достоинству дань от князей Атажукиных, в чем подписью свидетельствую. Декабря 2 дня 1862 года. Кр. Нальчик. Подполковник князь Атажукин».

Род Тхакаховых встречается и в Бекмурзиной фамилии. В переписке за 1851 г. упоминается «вольноотпущенник аула князя Александра Мисостова Амфоко Тхакахов». Здесь важна не только информация об одном из Тхакаховых и его месте жительства. Пожалуй, это первое упоминание об ауле князя Александра Мисостова. На самом деле речь идет об а. Тогланова, находившемся в черте современного Долинска.

Сословное положение некоторых Тхакаховых выясняется из рапорта Кабардинского временного суда генерал-майору Горихвостову за 1832 г. В нем сказано о разбирательстве жалобы «вольного кабардинца Тхакагова» – Елыга Тхакахова на узденя Ибрагима Тхагачева, «а потому суд, вызвав просителя и ответчика, добровольно их примирил...».

Прошение вольноотпущенника из а. Алхаса Мисостова Хабаша Тхакахова генерал-майору Эристову от 29 мая 1851 г. вносит некоторую ясность в историю этой фамилии. «Род наш принадлежал, – рассказывал он, – покойному полковнику князю Кучуку Джанхотову чагарами и при живности его получили от него вольность, на что имели от него акт на арабском диалекте с приложением именной его печати, и навсегда проживали в ауле Тогланова, который поселен был допрежде сего на р. Урвани, и по желанию жителей онаго аула с дозволения начальства аул Тогланова в 1845 году переселился выше укрепления Нальчикской на р. Нальчике, где и поныне проживает все мое родство, а я остался в ауле князя Алхаса Мисостова»[121].

Окружной народный суд в 1862 г. также признал узденями разряда уорк-шаотлухуса: Исмаила Анемукова (а. Тембота Анзорова), Бекмурзу и Муссу Дыговых (а. Куденетова и Лафишева соответственно). Определены «принадлежащими к сословию вольных кабардинцев: Салиман Гошоков (а. Борова), Бекир Шаоцуков

(он же Жамурзов) из а. Бешказакова, Исхак Пхавакажев (а. Докшукина). Признаны вольноотпущенниками: Якуб, Аиса и Ибрагим Жабатыровы, Жандар и Мудар Баловы, Омар, Темирхан и Кайсын Гошоковы (а. Борова), Пак Паков (а. Асламурзы Анзорова), Али Мажукажева (а. Докшукина), Асламбек Ашинов (а. Таова), Жандар Муков (а. Джанхотова), Абрек Гятов (а. Тембота Анзорова). Суд также выдал жителю а. Анзорова Исмаилу Кушхову свидетельство о том, что «он происходит от иноплеменников и в Кабарде водворился давно и пользуется совершенною свободою».

Сословное положение представителей двух фамилий зафиксировано следующими двумя свидетельствами:

«Я отпустила на волю родного сына подателя сего Дауда Докова Хатыжа и дочь его Тезару, в том свидетельствую с приложением именной моей печати. Княгиня Кабахан, дочь полковника князя Кучука Джанхотова.

Я отпустила на волю подателя сего Уважуко Бекалдиева с сыном и дочерью, в том свидетельствую... Княгиня Кабахан, дочь полковника князя Кучука Жанхотова». В обоих случаях на расписках написано: «Аула кн. Бек-Мурзы Наурузова». Документы датируются 1862 г., т. е. за 5-6 лет до отмены крепостного права они стали свободными.

Вороковы, Шапсуговы. Кабардинский окружной суд 8 ноября 1862 г. выражал свое мнение по претензии прапорщика князя Магомета Наурузова, который, обратившись в Комитет, жаловался на вольных кабардинцев – Увжуко Ворокова, Сулеймана и Закирея Шапсуговых*. Кабардинский суд, предупреждая поспешное принятие решения Комитетом, просил его «до разбирательства в сем суде вышеозначенной претензии князя Наурузова не причислять вышеупомянутых кабардинцев к свободному сословию»[122].

Нагудовы. Кучук Докшукин и Асламурза Анзоров обратились к депутатам комитета с претензией на «Кабардинский суд о неправильном признании Нагудовых свободными». В связи с этим Кабардинский суд 23 ноября 1862 г., разъясняя Комитету сословное положение Нагудовых, отстаивал свою точку зрения. Суд отмечал, что хотя депутаты, состоящие при Комитете, недовольны свидетельством суда, выданным Нагудовым, они «объявили весьма слабое основание к тому, чтобы помешать Комитету к признанию Нагудовых азетами». Суд при этом указывал, что если он по истечении 4-месячного срока на апелляцию «выдал свидетельство о свободе кого-нибудь, то, значит, объявил ту личность свободной, взяв на свою ответственность перед своим начальством это объявление... на основании и прав Кабардинского суда и основных законов государства лица, однажды объявленные свободными, не могут быть никем обращены в рабство ни самим судом, ни высшим присутственным местом».

---

*В прошении Наурузова названы еще: Мурзабек Жамурзов, Тлигур Ильясов и Чук Губашиев.

Суд далее отмечал: «Когда депутаты видели, что у Нагудовых есть свидетельство суда о свободе, ясно изложенное, что суд признает их свободными, то следует им довольствоваться этим». Кабардинский окружной суд упрекал Докшукина и Анзорова в том, что они не должны были затруднять своими просьбами ни Комитет, ни суд, а обратиться прямо к начальнику Терской области. Тем самым суд ясно дал знать, что он не подотчетен Комитету и что депутаты при Комитете «не обличены никакою властию, кроме подания свободного разумного голоса по вопросам, данным членам Комитета»[123].

Известно, что Кабардинский временный суд до своего упразднения (1858 г.) подчинялся начальнику Центра Кавказской линии.

При его реорганизации начальник Кабардинского округа одновременно становился и председателем Кабардинского окружного народного суда. По делу о Нагудовых выясняется новый статус Кабардинского окружного суда: он и его председатель имели свое начальство, а именно начальника Терской области.

Сомгуровы. Выяснение сословного положения принимало самые разнообразные формы. Иногда оно уточнялось посредством самого Комитета. Об одном из них говорит докладная записка поручика Хатакшука Анзорова от 18 января 1862 г. Он писал: «При составлении посемейных списков жителям аула Асламурзы Анзорова и ныне переданных в Комитет, один житель помянутого аула, именно Басият Сомгуров, отмечен узденем, а родные братья его Батоко, Шепшуко, Мембулат, Теки, Али-мурза и Ибрагим неизвестно по каким причинам отмечены вольноотпущенниками, но как мне положительно известно, что и сии последние действительно происходят из узденей. Докладывая об этом оному Комитету, имею честь покорнейше просить в списке, доставленном в оный Комитет, исправить означенную ошибку тем, чтобы было отмечено противу Батоко, Шепшуко, Мембулата, Теки, Алимурзы и Ибрагима, что они узденского происхождения, а не вольноотпущенники»[124].

* * *

С отменой крепостного права существенно изменился общественно-экономический строй Кабарды. В новой социальной обстановке в правительственных кругах «возникло убеждение о необходимости устроить между кабардинцами сословия частных землевладельцев, к числу которых отнести отличившихся своею родовитостью и известных своими или отцов их заслугами»[125]. Тем самым отменялся известный акт от 20 августа 1863 г., согласно которому «земля кабардинского народа составляет общее достояние»[126].

Складывалась новая, буржуазная по своей сути, форма землевладения, основу которой составляли в недавнем прошлом наиболее привилегированные феодалы.

Начальник Терской области Лорис-Меликов 1 августа 1868 г.

приступил к конкретному обсуждению вопроса о «назначении частной собственности между кабардинцами». В нем принимали участие председатель поземельной комиссии Кодзоков, начальник Кабардинского округа и вызванные Лорис-Меликовым «несколько почетных кабардинцев». Они представили список тех лиц, которые по происхождению своему и по общественным пониманиям могут рассчитывать получить «в собственность землю». В этот список попали 126 семейств. Начальник области 15 октября 1868 г. поставил вопрос перед начальником округа: «Не пропущены ли в списке... такие личности из кабардинцев, которые по происхождению или похвальной службе своей или отцов достойны назначения им участка земли». В дополнительный список были включены еще 28 семейств. Всего 154 владельца были признаны достойными быть частными собственниками земли в Кабарде [127].

Однако к концу 1870 г. оказалось более ста новых соискателей[128], которые предъявили свои права на земельные участки. Назовем имена некоторых из них.

Гогузоковы. «Слабое мое здоровье по случаю преклонных моих лет привело весьма ограниченное мое состояние в совершенное расстройство, так что я положительно не имею средств к пропитанию себя с семейством, состоящим из 5-ти сыновей» – так начал свое прошение от 23 августа 1870 г. житель а. Тамбиева уздень Безруко Гогузоков. Добиваясь для себя участка земли в частную собственность, Гогузоков приводил факты из своей биографии. Будучи «всегда верноподданным правительству и дорого ценя милости его», Безруко отдал своего старшего сына Таусултана «для воспитания в Россию». Дослужившись до чина штабс-ротмистра, он умер в 1857 г. Безруко ранее указывал, что со смертью Таусултана исчезли все его надежды на поддержку со стороны детей. Более того – и они «вместе с отцом переносили ту же горькую участь в жизни». Оставалась последняя надежда у старика – милость начальства. В отличие от некоторых соотечественников, Гогузоков в своем прошении был очень скромным. Он просил обсудить вопрос о его сословных правах под личным наблюдением генерал-майора Вояковского. «Не смею и думать просить наградить меня наравне с прочими, – заключал он, – но хотя бы незначительным участком всему моему семейству для поддержания лишь в будущем ограниченных средств моих к жизни».

Относительно сословного положения Гогузокова комиссия отметила: «Происхождение их не было определено, по отзывам считают беслен-уорк, имели отдельный аул, но владеть свободными людьми не владели». Резолюция начальника: «Включить в список, определив надел одинаковый с Гетежевым»[129]. Гогузокова предварительно признали имеющим право на 100 десятин земли.

Однако дело Гогузокова этим не закончилось. Комиссия по разбору личных и поземельных прав по приказанию Вояковского рассмотрела сословное положение Гогузокова и определила: «Гогузоков не имеет права на надел ни по службе, ни по проис-

хождению, так как наделы назначались князьям, тлекотлешам, деженуго, беслан-уоркам, владевшим аулами и по заслугам личным и умерших отцов, причем добавила, что Гогузоков происходит из беслан-уорков, не владевших аулами». После такого заключения авторитетной комиссии, казалось, не на что было надеяться, но Гогузоков в августе 1871 г. вторично подал прошение Вояковскому. К прошению он приложил «Свидетельство почетных кабардинцев о происхождении их, просителей (братьев Безруко, Магомета, Мурзабека, Асланбека, Шокара и Эдыка. – *С. Б.*), из сословия деженуго»[130]. Как представитель сословия узденей разряда деженуго Гогузоков имел неоспоримое право на земельный участок, но Вояковский и вторично отказал ему в просьбе. Тогда Гогузоков, видя, что «оставлен в забвении», решился обратиться 15 июня 1873 г. к начальнику Терской области с изложением краткого содержания сути своего иска. Лорис-Меликов распорядился ответить Гогузокову, что «означенная просьба его будет рассмотрена особою, имеющею быть назначенною для того, комиссиею по окончательном наделении землею жителей Большой Кабарды, коим таковая уже пожалована в частную собственность из кабардинских земель»[131].

Несколько позже Гогузоковы (Кокузоковы) вошли в список тех, «коим предположены наделы в потомственную собственность». Согласно этому списку, братья Безруко и Магомет Гогузоковы наделялись участком в 300 десятин – «на левой стороне р. Кураты, по смежности аульной дачи Кармова и участка Асламурзы Анзорова»[132].

Определение комиссией сословных прав Гогузоковых обращает на себя внимание. Во-первых, оно показывает, что Гогузоковы «имели отдельный аул», который «после присоединен к аулу Тамбиева 1-го» и который кроме как в этой переписке встречается, пожалуй, только у Хан-Гирея (Кокузоккоай, на Баксане). Во-вторых, указание на то, что Гогузоковы, будучи беслен-уорками, не владели свободными людьми, подсказывает мысль: беслен-уорки, владевшие отдельными аулами, как правило, владели свободными людьми, что, конечно, для данного случая несравненно важнее, чем быть просто владельцем крепостных, ибо крепостными крестьянами часто владели и сами крепостные крестьяне.

Каншаовы. Братья Кази, Эдык и Асламбек Каншаовы также принадлежали к беслен-урркам и «имели прежде свой аул под названием Каншавой на р. Куркужине и свои земли под названием Бермамыт... Джицу и Ксанты»*. Аулы Гогузокова и Каншаова, как и некоторые другие, не встречаются в опубликованных списках аулов Кабарды, но факт их существования подтверждается приведенными прошениями и отзывами поземельной Комиссии[133].

---

*В фольклоре известна пещера под названием Каншаой: «Къанщэуей бгъуэнщIагъым, Къанщэуей бгъуэнщIагъым щIыхьэр щIокIуадэ» (Кто входит в пещеру Каншаой, тот не возвращается). Слова этой песни были услышаны автором от своего отца Нагмана Бейтуганова. Видимо, эта пещера находилась на принадлежавших фамилии землях.

Кунижевы. Отдельные прошения узденей о наделении их землей особенно ценны в том отношении, что раскрывают неизвестные или малоизвестные стороны обычного права кабардинцев. К их числу относится докладная записка корнета хаджи Исмеля Кунижева от 27 июля 1870 г. Отмечая свое участие «в походах... под начальством князя Эристова, генерала Козловского, князя Барятинского» и награждение орденом св. Анны 4-й степени, Кунижев указывал, что он командовал «в продолжении 4-х лет милициею в Кабарде». Далее Кунижев обращал внимание Лорис-Меликова: «...по происхождению своему я принадлежу к сословию кабардинских узденей, имея при этом аул, никому не подчинявшийся, кроме меня и родственников, и носивший название моей фамилии»[134].

В другом прошении за тот же год Кунижев выражал недоумение тем, что, прослужив более 15 лет в отрядах, получив ранение в правую руку, удостоившись чина корнета и ордена св. Анны 4-й степени, не получал от казны никакого содержания, а главное, не включен в список частных владельцев. К изложенному он напомнил о своей принадлежности к сословию узденей 2-й степени, многие из которых получали земельные участки. На прошении наложена резолюция: «Отвечать, что чин корнета не дает еще окончательного права на получение в собственность земли». При этом начальство, по-видимому, уточнило и сословное положение просителя. Выяснилось, что Исмель Кунижев относится к узденям 3-й степени, т. е. принадлежал к сословию уорк-шаотлухуса[135].

Здесь следует подчеркнуть необыкновенное положение – статус а. Кунижева, который, по словам бывшего владельца, никому, кроме как ему, не подчинялся, включая князей и тлекотлешей.

Еще о категории людей, «не принадлежащих никому» или «никому не принадлежащих». Этот факт, зафиксированный в переписи населения Кабарды 1825 г. и указывающий на малочисленную (в несколько человек) прослойку людей в обществе, дает повод отдельным исследователям зачислять их в разряд пока еще не закрепощенных свободных людей[136]. Однако, скорее всего, «никому не принадлежащие» – это крепостные крестьяне по своему сословному положению, но освободившиеся от владельца в связи со смертью последнего или пресечения его рода.

Следует отметить также, что «никому не принадлежащие» встречались и среди узденей. Таким, например, был житель аула Азапшева Муса Балагоев, «3-й степени уздень, никому не принадлежащий». Существование категории никому не принадлежащих узденей допускалось адатом. Сыновья Якуба Шарданова 3 июня 1851 г. писали в Кабардинский временный суд, что если «род князя или первостепенного узденя пресечется, то оставшиеся его узденья избирают себе владельца с получением от него узденской дани, а если нет, то они имеют право жить сами по себе, но мы не выбрали себе владельца»[137].

Подобное обстоятельство, по-видимому, порождало «никому не принадлежащих», которые таким редким путем становились свободными.

Шипшевы. После объявления начальником Терской области Лорис-Меликовым о предстоящем наделении землей в частную собственность, в адрес начальства буквально посыпались прошения. Одним из первых докладную записку подал командующий 13-м конным полком Кубанского казачьего войска подполковник Шипшев. 6 декабря 1866 г. он просил командующего войсками Кубанской области графа Сумарокова-Эльстона ходатайствовать о нем. При этом Шипшев сообщал о своей фамилии следующее. Фамилия принадлежала, по его словам, «к одним из замечательнейших в Кабарде», она «владела огромными участками земли на рр. Баксане, Гедуко, Куркужине, Зейко, Курата, в верховьях Бургустана и Кенжи». Одно замечание Шипшева следует особо отметить как имеющее отношение к выяснению вопроса о формах землепользования в Кабарде. Он указывал: «Число десятин упомянутых мною земель потому я не могу назвать, что инструментальная съемка в Кабарде только недавно произведена, и мы сами прежде никогда не были знакомы с определением количества земли десятинами. Границы земель, которыми владели Шипшевы, были известны народу, и мало кто из дворянских фамилий в Кабарде имели такое огромное поземельное пользование, как фамилия Шипшевых». Здесь Шипшев говорит о землевладении и землепользовании, но, видимо, точнее сказать, имея в виду эту дворянскую фамилию, о землепользовании.

Далее Шипшев не без гордости за свою фамилию сообщал, что деяния Шипшевых «упоминаются во многих народных преданиях и героических песнях Кабарды». В подкрепление этого Шипшев затронул вопрос о личных заслугах своего отца и родных братьев. «...Отец мой, Актола, участвовал во всех походах бывшего наместника Кавказского покойного фельдмаршала светлейшего князя Воронцова в Чечне и Дагестане и был ранен в Даргинском походе. После того, во время последней войны России против соединенных держав Англии, Франции, Турции и Сардинии (1853–1856. – *С. Б.*), он находился в составе Кабардинской милиции в Азиатской Турции под Карсом вместе с братом моим Заурбеком, который впоследствии служил в Собственном конвое Его Императорского Величества, второй брат мой, Измаил, участвовал во многих партизанских действиях в составе Джубгского отряда и в общем представлении за покорение Западного Кавказа представлен Вашим Сиятельством к званию юнкера, а третий брат мой, Магомет, по неимению службы живет в Кабарде»[138].

Подполковник Шипшев был включен в список немногих частных собственников из первостепенных узденей, которым спроектирован надел земли в 1000 десятин. Кроме него, по 250 десятин отводилось Карамурзе, Шужею, Нахо, Омару и Мурзабеку Шипшевым[139].

Перхичевы. Другой малокабардинский первостепенный уздень –

Ахло Перхичев, в отличие от Шипшева, доказывал свое преимущество вообще перед всеми соотечественниками. Процитируем его прошение в сословно-поземельную комиссию Терской области от 24 февраля 1871 г.: «Предки мои, по происхождению своему принадлежа к кабардинским 1 степени узденям, издавна были известны русскому правительству и с отличием служили ему. Отец мой, поручик Хакяша, умерший в прошлом 1870 году, был известен начальству как самый усердный и преданный из туземцев русскому правительству слуга. Кроме этих обстоятельств, род мой имеет пред другими то преимущество, что он признан потомственным русским дворянином...»[140].

Перед нами редкий случай, когда кабардинский уздень первой степени (дижинуго) перешел в русское дворянство. Следует заметить особо, что, по мнению Перхичева, этот факт давал ему «пред другими преимущество». Из тех других он, вероятно, не исключал и князей, хотя прямо на это и не указывал.

Киповы. Почти все претенденты на земельную собственность возвышали свое сословное положение на одну-две ступени.

Братья Ислам и Барак Киповы из а. Бабукова в прошении от 21 сентября 1870 г. писали: «Издревле происходим мы из кабардинских почетных 2 степени узденей, мы всегда были преданы русскому правительству и пользовались влиянием в народе...». Начальник округа отказался включить Киповых в список частных земельных владельцев на том основании, что они относятся к разряду узденей 3-й степени, т. е. к уорк-шаотлухусам.

Очеретловы. Уздень Жамбот Очеретлов из а. Мисостова Черекского участка 22 августа 1870 г. обратился к начальнику Кабардинского округа с просьбой о наделении землей. Свое право на земельную собственность Очеретлов аргументировал тем, что по происхождению он равен Даутоковым и Тоглановым, т. е. принадлежит к узденям первой степени, или тлекотлешам. Очеретлову отказали в просьбе. Одна из причин, если не главная, – это сословное его положение. На прошении сверху зачеркнутых слов «уорк-шаотлухуса» сделана пометка «беслен-уорк»[142].

Кенжекуловы. На звание тлекотлешей претендовали также Матгирей, Азамат Гирей и Магомет Гирей Кенжекуловы. Их мать Хамиш была «в замужестве за Асхадом Лешкеновым. Лешкенов добивался для своих пасынков права называться тлакотлешами». Других сведений о Кенжекуловых в документах не встречается.

Хагундоковы. В докладной записке майора Ислама Хагундокова начальнику Терской области Лорис-Меликову от 30 апреля 1870 г. отмечено: «Из числа туземцев Кабардинского округа, удостоенных наделом в собственность землею, изъят родитель мой уздень 1-й степени Зураб Хагондоков»[143]. Хагундоков, как и многие другие кабардинцы, несколько преувеличивал свое сословное положение, вероятно, больше из желания приобрести значительный участок земли, чем от непонимания действительной своей социальной принадлежности. Различные источники по-раз-

ному указывают на сословное положение Хагундоковых. В ответ на запрос начальства, вызванный прошением Ислама Хагундокова на имя императора Александра II за 1864 г., поземельная комиссия разъясняла: «Фамилия Хагундоковых принадлежит к кабардинским узденям Атажукинской фамилии разряда беслен-уорк...»[144]. По сведениям этой комиссии, Хагундоковы – уздени 2-й степени. Есть и другой документ – «Ведомость прошений, препровожденных канцелярией начальника области к начальникам Кабардинского округа (по приказанию начальника области) в комиссию для проверки и заключения». Она составлена, по-видимому, в 1869–1870 гг. Согласно ведомости, юнкер Зураб Хагундоков (возведен в чин в 1864 г.) отнесен к уорк-шаотлухуса, т. е. является узденем 3-й степени[145].

Шогеновы. Выходцами «из княжеских 2-й степени узденей Мисостовой фамилии» назвали себя братья Мусса, Магомет и Генардуко Шогеновы из а. Касаева в прошении на имя начальника Кабардинского округа в 1870 г. Отмечали они также, что их родной старший брат Исхак Шогенов в 1851 г. был отправлен в Санкт-Петербург – в конвой императора и произведен в чин корнета. Эти сведения понадобились братьям Шогеновым для обоснования своего права на земельный надел в частную собственность. В прошении карандашом сделана пометка: «уорк-шаотлухуса». Этого было достаточно, чтобы начальник отказал просителям, а Шогеновы – повторно обратились к начальству, но теперь уже вшестером.

Они, несколько дополняя свое прежнее прошение, 17 августа 1871 г. писали начальству: «...предки наши издревле происходили из почетных кабардинских узденей, и этим званием мы именовались до настоящего времени и при разборе прав туземцев вследствие поданной нами просьбы о происхождении и не получая никакого ответа об отказе, мы, оставаясь в полной надежде, что в числе прочих также признаны и мы, как и прочие. Но между тем в настоящее время мы узнали, что из этого звания мы исключены по неизвестной нам причине, почему кабардинское почетное дворянство, выдав нам удостоверение о действительном нашем происхождении, каковое при сем представляем, покорнейше просим ходатайства Вашего Превосходительства об утверждении нас в звании узденей».

Удостоверение нами не обнаружено, но можно утверждать, что таковое действительно было выдано. В «надписи» на прошении узденей Шогеновых сказано: «Копию настоящего прошения препровождая в Терско-Кубанскую сословную комиссию, канцелярия начальника области просит к возвращению прилагаемого при сем удостоверения почетных жителей Большой Кабарды о происхождении односельцев их Шогеновых представить генерал-адъютанту Лорис-Меликову подробное свое по изложенному здесь предмету заключение»[146].

Дауровы. В числе подателей прошения на получение земельного участка значатся и Дауровы из а. Кургоко Куденетова. Его

жители Мазан, Алимгирей, Адильгирей и Магомет Дауровы 4 сентября 1870 г. писали начальнику округа: считая себя обделенными, они, кроме своего происхождения «из почетной фамилии узденей», указывали на военные заслуги своего отца Безита. Он начал службу в 1828 г. в «Волгском казачьем полку». За свои заслуги Безит был награжден знаком отличия Военного ордена св. Георгия, серебряной медалью на Георгиевской Ленте с надписью «За усердие» и золотой медалью на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость». Кроме того, Безиту присвоили чин хорунжего.

В прошении далее отмечены заслуги старшего из братьев – Мазана Даурова. Не находясь на действительной службе, он принимал участие в «действующих войсках», исполняя возлагаемые на него начальством «поручения». Так, в 1845 г. он ездил «за Кубань» «для дознания» о посланных туда людях от Шамиля. Полковник Волков, и. д. начальника Лабинской линии, посылает его в 1845 г. «лазутчиком для вывоза из плена от закубанцев полковницы Махиной»*. Полковник Евдокимов в том же году поручил ему вызвать из-за Кубани «10 прощенных абреков». Командир 6-й бригады полковник Беклемишев в 1846 г. после похода Шамиля в Кабарду дает Мазану Даурову ответственное задание: узнать, «куда последует Шамиль со своим скопищем». В 1847 г. Дауров – уже на действительной службе в составе 2-го Волгского казачьего полка.

В ходе одной из операций под ним убили лошадь. В 1850 г. «также убита под ним лошадь». В третий раз «под ним убита лошадь в 1851 г.»[147].

По словам братьев Дауровых, им было объявлено, что «по забранным справкам и рассмотрении в Кабардинском окружном суде» они признаны узденями 2-й степени. Перечисляя все свои заслуги и подчеркивая свое положение, Дауровы еще раз напоминают начальству, что они лишены тех прав, которыми пользуются равные с ними по происхождению[148]. Действительно, военные заслуги отца и сына Дауровых перед царскими властями заслуживали быть отмеченными земельным участком, однако им было в этом отказано. Причина выясняется в «Ведомости прошений...», составленной в 1869–1870 гг. Вопреки утверждениям самих Дауровых, они были причислены к узденям 3-й степени. Такими же узденями, согласно той же ведомости, были признаны просители Шу Аджиев (аул Ашабова), Магомет Адыгеунов, Айтек и Муса Алтудоковы (аул Камбота Куденетова), Муса, Магомет и Генардуко Шогеновы (аул Касаева), Хатох Тхакачев (аул Мисостова), прапорщик Карачай Тяжгов (аул Бабукова), вдова Захирет Тавкешева (аул Бабукова), Шуган Бабугоев (аул Камбота Куденетова), Тлекеч Шаков (аул Кучмазукина), Ислам и Барак Киповы (аул Бабукова), прапорщик Хамгот Мидов, Асламбек,

*Более подробно о ней см.: *Бейтуганов С*. Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 95.

Аслангирей и Татлостан Жанситовы (аул Нальчикский), Исмаил и Мазан Пшуковы (аул Атажукино 3), Хатакшуко Жамбеков, Пак Жилетежев, Нахо Гукежев (аул Нальчикский), Магомет Паштов (аул Кармова?).

Рассмотрев заявления просителей, поземельная комиссия заключила: «Не имеют права. Если наградить просителей, то придется дать наделы всем остальным уорк-шаотлухусам, которые еще не подали прошений»[149].

Мазановы. Правда, некоторым уорк-шаотлухусам все же удавалось получать сравнительно небольшие участки земли в частную собственность. На прошении жителя аула Жанхотова Тембота Мазанова сделана надпись, вероятно, кем-нибудь из комиссии: «По происхождению уорк-шаотлухуса, прав к наделу никаких». Тем не менее начальник округа наложил резолюцию: «Иметь в виду, если по распределении наделов окажется остаток».

Впоследствии оказалось, что Мазанов имеет право на 100 десятин земли. Решение властей продиктовано службой отца Тембота – Иналуко Мазанова: дослужившись до чина поручика, он удостоился ордена св. Анны, в подтверждение чего Тембот приложил к своему прошению удостоверение[150].

Следует подчеркнуть, что заслуги на военной службе некоторых лиц нередко заставляли начальство закрывать глаза и на скромное сословное положение, что видно из следующего примера.

Поунежевы. Жители аула князя Докшукина Гетегеж, Магомет и Асламбек Поунежевы добивались права на земельную собственность на том основании, что их двоюродный брат Шамиль Поунежев получил таковое. Комитет разъяснил братьям Поунежевым: «Шамиль получает землю, назначенную его отцу, как офицеру и заслуженному в обществе человеку, а не по происхождению. А потому нет причины других Поунежевых включать к наделу». В «Ведомости прошений...» братья Поунежевы отмечены принадлежащими к сословию узденей пшекау, а на прошении самом они отнесены к сословию азет[151].

Махотловы. А вот другому кабардинцу, всаднику 2-го разряда 1-й сотни Терской постоянной милиции Каирбеку Махотлову (Маготлову), более чем 20-летняя служба не обеспечила права быть собственником земельного участка. Здесь, по-видимому, решающую роль сыграло сословное положение просителя (азет). В «Ведомости прошений...» напротив просителей: Каирбека Махотлова, Герандуко и Хажби Киляровых, эфенди Татирова, Индриса Тохова и Мала Тхожева – написано: «Не имеют права, и надел их землею вызовет бесчисленное множество прошений»[152].

Эта формулировка ясно указывает на подчеркнуто классовый характер земельных реформ в Кабарде. Этим же характером следует объяснить позицию официальных властей, в большинстве случаев понижавших сословное положение и умалявших боевые заслуги просителей, чего, надо полагать, не было бы, если бы не было у последних претензий на частную земельную собствен-

ность. Справедливость такого взгляда подтверждается тем фактом, что сословные права кабардинцев уточнялись в начале 1860-х годов, хотя, конечно, в ряде случаев не исключена их «забывчивость». Однако все это – проявление более общего: политики Кавказской администрации, лежавшей в основе внедрения частной собственности на землю в Кабарде.

Остановимся еще на нескольких прошениях.

Мидовы. Вот что писал прапорщик Хамгот Мидов: «Издревле фамилия наша считалась происхождением из узденей 2 степени и всегда пользовалась преимуществом наравне других одинакового с нами происхождения». Мидову было важно убедить начальника округа, что его отец имеет заслуги перед правительством. А он при походе Шамиля в Кабарду «находился при русском отряде и с большим усердием исполнял все возлагаемые на него поручения». В частности, Беклемишев посылал его нарочным к начальнику Центра Кавказской линии Голицыну, за что Мидов получил золотую медаль. В свою очередь, Хамгот Мидов поступил на службу в 1851 г. В прошении далее отмечено: «В 1864 г. ... за отличие был произведен в прапорщики, а во время нахождения в отряде на берегу Черного моря подо мной была убита лошадь, и с нею я упал с обрыва и ушиб правую ногу, от чего болью этою страдаю до настоящего времени и сделался даже калекою, но болезнь эту переносил с надеждою, что правительство не оставит меня без внимания». Надежды Мидова не оправдались. Он был причислен к сословию уорк-шаотлухуса, а этот разряд узденей, за редким исключением, лишался права на земельный надел. Отметим и прежнее место жительства Мидова. На прошении сделана надпись: «Из числа жителей Бабуковской станицы»[153].

Бегидовы из аула Куденетова считали себя первостепенными узденями. Один из них, Эльдар Бегидов, указывал, что братья его отца «продолжали службу в офицерских чинах в С.-Петербурге». Эльдар жаловался, что землю получают не только его родственники, но и лица «ниже по происхождению». Поэтому он просил «благосклонного ходатайства начальника Кабардинского округа». В просьбе ему отказано, хотя был признан узденем разряда беслен-уорк. Надпись на прошении гласит: «По происхождению беслен-уорк. Права на владение аулом не было»[154].

Замечание Комитета высвечивает уже отмеченное обычно-правовое положение беслен-уорков: часть из них, не будучи аульными владельцами, могла иметь право аульного владельца.

Шуковы. Житель с. Хасанби Атажукина, отставной старший вахмистр бывшего Лабинского конно-иррегулярного полуэскадрона, юнкер Махмуд Шуков в сентябре 1870 г. обратился с просьбой о наделе земельным участком к начальнику Терской области Лорис-Меликову. «Происходя из абазинских 1-й степени узденей, – писал он, – я в 1849 г. поступил на службу Его Императорского Величества всадником в Кавказско-конно-горский дивизион и в том же году участвовал в Венгерской кампании. 25 июля 1856 г. за отлично усердную службу произведен в векеля, в 1854 г.

по случаю расформирования дивизиона, прибыв на родину, участвовал безпрерывно в военных действиях на Западном Кавказе...» После этого с 1861 г. Шуков находится старшим вахмистром Лабинского конно-иррегулярного полуэскадрона. За боевые заслуги получил серебряную медаль для ношения на шее, знаки отличия Военного ордена 2-й и 4-й степеней и звание юнкера, 28 сентября 1862 г. был ранен. По выходе в отставку в связи с ранением ему назначили пенсию 34 рубля 32 копейки серебром в год. Перечисляя все эти заслуги, Шуков просил за 20-летнюю свою боевую службу наделить его участком земли, «хотя не в пример прочим». При болезненном состоянии и «обремененности семейством», которое состояло «из жены и двух малолетних детей», Шуков обращал внимание начальника области на то, что «хозяйство... составляет единственную опору в жизни». «И потому,– заключал Шуков,– подобная милость, как надел землею, от которого зависит существование моего семейства, еще сильнее утвердит во мне то чувство постоянной благодарности правительству, которое пребывает во мне, и усилит постоянную готовность жертвовать всем для блага России». Оригинал прошения собственноручно подписан самим Шуковым, что позволяет сказать, что некоторые мысли, изложенные в нем, подсказаны писарю им самим на русском языке. 8 апреля комиссия уведомила канцелярию начальника области, что «юнкеру Махмуду Шукову проэктирован уже в частную собственность участок земли в количестве 150 десятин»[155].

Казановы. Собственноручно подписанную докладную записку от 2 декабря 1870 г. представил Лорис-Меликову и отставной корнет Шахим Казанов. Уволенный «от службы без всякого от казны пособия» корнет Казанов не без горечи прямо указывал: «Проведенная 28-летняя служба... ничего не дала мне к существованию моему за исключением потери как в физических отношениях, так и в материальных средствах». На запрос канцелярии начальника области ответил председатель комиссии статский советник Д. С. Кодзоков: «...отставной корнет Шахим Казанов, житель Кабардинского округа, по мнению комиссии, ни по происхождению, ни по заслугам не имеет никакого права на частный поземельный в Кабарде надел, тем более что проситель принадлежит к сословию бывших бабуковских казаков»[156].

В отзыве Кодзокова заслуживает внимания указание на то, что бабуковские казаки рассматривались им как сословие, которое в этом качестве в исследовательской литературе пока не изучено.

Кармовы. За получение земельного участка велись не только споры о сословном положении конкретной фамилии, но и доказывались преимущественные права между самими родственниками. Жители аула Атажукино 3 поручик Ильяс Кармов и Махмуд Кармов были внесены в список частных землевладельцев. Узнав об этом, другой Кармов – Пшизабий – 25 сентября 1871 г. подал прошение начальнику Терской области. Пшизабий доказывал, что у Ильяса Кармова, умершего четыре года тому назад, кроме

него, нет другого родного брата и что они до его смерти жили совместно. Пшизабий Кармов на этом основании добивался, чтобы вместо неродного Ильясу Махмуда Кармова в список включили его. Более того, он указывал, что Махмуд «есть только однофамилец». Участковое начальство путем опроса стариков односельчан выяснило только то, что о конкретных родственных связях их «никто из них не знает, так как все Кармовы пришельцы из абазинцев, но Махмуд Кармов обещал выставить свидетелей Казильбека, Шу и Фица Кармовых и Зураба Хагандохова».

Не ограничиваясь этим, Махмуд Кармов обратился к генерал-майору Вояковскому с докладной запиской. Касаясь родословного дерева Кармовых, он указывал, что Ильяс действительно его «брат в третьей степени родства, так как дед его Джелган и дед Ильяса Токо были родные братья, а их сыновья Карох и Дадыр – двоюродные братья, а он, Махмуд, и Ильяс, «следовательно, троюродные». Пшизабий Кармов, по словам Махмуда, приходился Ильясу не родным, а двоюродным братом: отец Пшизабия – Бата, Карох и Дадыр были родными братьями. О времени переселения Кармовых в Кабарду можно судить по тому, что Джелган и Тока «в давнее время, до переселения еще из Абазы на жительство в Кабарду, несколько лет жили в одном семействе». Карох был малолетним, когда умер Джелган. Оставив его, малолетнего, «в сиротстве», Тока с Дадыром и Бата переселяются в «станицу (аул) Бабуковскую и там зачислились в казачье сословие», а Карох впоследствии переселился в аул Атажукина 3 «на настоящее место жительства»[157].

В доказательство своего права на землю Махмуд сообщил, что на протяжении 12 лет был аульным судьей, а в последние 6 лет находится в должности старшины аула. Свое почетное положение в обществе Махмуд доказывал еще и тем, что в 1860–1861 гг. его родные сыновья Измаил, Исхак (впоследствии известный просветитель) и племянник Зубаир были определены казенно-коштными воспитанниками в Ставропольскую гимназию. Говоря о своих заслугах, Махмуд Кармов воспользовался и «компроматом» против родственника. Он отметил, что отец Пшизабия участвовал в «происходившем в 1867 г. кабардинском бунте», который, как известно, был направлен на срыв планов администрации по отмене крепостного права. Махмуд характеризовал Пшизабия и как человека, «не пользующегося никакими правами в сравнении с другими заслуженными и почетными кабардинцами».

Спор был решен в пользу Махмуда Кармова. Пшизабию ответили, что Ильясу и Махмуду Кармовым отведен земельный участок в частную собственность «во внимание к заслугам... чего проситель не имеет». Однако Пшизабий Кармов на этом не успокоился. Опровергая последнее обвинение родственника и некоторые другие положения докладной записки Махмуда Кармова, Пшизабий 17 ноября того же 1871 г. обратился к начальнику Терской области. Он, в частности, о себе указывал: «В 1855 году во время турецкой кампании находился два года и во время взятия

Карса при вылазке штурма я был в охотниках». Это свидетельство важно для нас и в другом отношении. Среди кабардинцев, участвовавших в Крымской войне на Кавказском театре боевых действий, в переписке того времени не фигурирует Пшизабий Кармов, а он, как сам свидетельствует, был ее участником и даже штурмовал крепость Карс. Укажем также здесь и другого, не отмеченного нами в отдельном очерке, участника той войны – сотника Бота Тавкешева. В послужном списке этого офицера сделана следующая запись: «Имеет знак отличия Военного ордена св. Георгия... и бронзовую медаль в память Турецкой войны 1853–1856 годов на Андреевской ленте». В просьбе о наделении землей житель «Шелушинского аула» прапорщик Заурбек Мудранов также отмечал, что он «в 1855 году находился на Турецкой войне».

Что касается очередного, третьего по счету, прошения Пшизабия, начальство области также отказало ему выделить земельный участок на том же основании, что и прежде.

Здесь следует подчеркнуть, что некоторые удостоверения, выдававшиеся «почетными кабардинцами», не всегда соответствовали действительности, и мы, цитируя их, конечно, не упускаем из виду это важное обстоятельство. Например, Пшизабию Кармову удалось предъявить начальству удостоверение, «не без труда» взятое им от 23 лиц бывших жителей Бабуковской станицы: подполковника Тяжгова, прапорщика Андрухаева, юнкера Шукова, унтер-офицера Лиева, узденя Хамурзы Аджиева, урядника Тавкешева, урядника Хуранова, урядника Даурова, узденя Нартокова, Салимана Меремкулова, князя Калагирея Дударукова, урядника Паштова, Бота Лиева, Ильяса Хожева, Канамата Тохова, Каспота Доова (Даов), сельского судьи Челабия Хагукова и др. Они удостоверяли, что Махмуд Кармов Ильясу Кармову «только однофамилец». Докладная записка, подписанная Махмудом «своеручно», восстанавливает родословную братьев Кармовых, которую в случае надобности могли бы «подтвердить многие действительно почетные кабардинцы».

Выдача свидетельств и предъявление начальству других документов о сословном положении и заслугах кабардинцев продолжались и в 70-х годах в связи с их прошениями о наделении землей.

Абазовы. В 1848 г. высшее начальство на Кавказе выдало удостоверение узденю Тликеч Абазову. В нем отмечено: «Государь Император по представлению г. Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом всемилостливейше соизволили пожаловать жителю аула Таусултанова узденю 1 степени Тликеч Абазову золотую медаль с надписью «За усердие», для ношения на шее на Анненской ленте за отличное усердие и преданность правительству, о чем объявлено в отзыве г. военного министра г. Главнокомандующему от 20 июля 1848 года № 3054. В удостоверение чего подписом и приложением казенной печати свидетельствую, г. Тифлис, сентября 29 дня 1848 года. Подлинное подписал по-

мощник начальника главного штаба Свиты Его Величества генерал-майор Гогель»[158].

Свидетельство Тликеча Абазова, проживавшего в 1872 г. в с. Боташева, в том же году заверено Георгиевским окружным начальством. Следует добавить: среди малокабардинских узденей первой степени фамилия Абазовых не значится. Этот факт лишний раз подтверждает, что в деятельности Кабардинского временного и окружного судов, а также Комитета по разбору личных и поземельных прав кабардинцев в установлении их сословной принадлежности имелись недостатки.

Свидетельство о своих заслугах, с надеждой на получение земли в частную собственность, представил и бывший всадник Лабинского иррегулярного эскадрона Селиман Хажнагоев. В нем сказано: «...он, состоя в этом эскадроне, т. е. с 1 декабря 1862 года по 1 марта 1866 года, вел себя честно и к службе усерден, в походах и делах против неприятеля находился в 1863 и 1864 годах, получил следующие награды: за отличие в делах с горцами при движении в отрядах Адагумском и Шебском под начальством Его Императорского Высочества, Главнокомандующего Кавказскою Армиею награжден знаком отличия Военного ордена 4 степени под № 425-м мусульманский... и крест, установленный за службу на Кавказе...»[159].

В свидетельстве Хажнагоева привлекает внимание награждение его знаком отличия Военного ордена с обозначением слова *мусульманский* и установленным специально за службу на Кавказе крестом.

Приведем еще выдержки из свидетельств о сословном положении ряда кабардинцев, выданных им в начале 70-х годов XIX в.

«Дано это от почетных кабардинских князей и узденей жителю селения Наурузова Хацу Ирюгову в том, что действительно он с братьями Исламом и Адамиевым происходят из кабардинских узденей Беслен Ворк и равны тем узденям, которым назначены в надел участки земли. В том подписом нашим свидетельствуем». Далее следует 27 свидетелей.

«Дано это от почетных кабардинских князей и узденей жителю селения Султан Алиева (Аргуданский) узденю Алхас Мамхегову в том, что он действительно происходит из почетных кабардинских узденей Беслен Ворк и равен тем узденям, которые пользуются наделом земли в частную собственность». Подписались 15 свидетелей.

«Дано это от почетных кабардинских князей и узденей Хамурзе Аджиеву в том, что действительно происходит из кабардинских второй степени узденей Беслен Ворк, почему имеет право просить землю наравне прочих кабардинских узденей». Далее следует 29 подписей.

«Дано от общества Большой Кабарды родным братьям служащим казакам Тиру, Мат-Гирею и неслужащему Аслан-Гирею Тажговым... в том, что они издревле из кабардинских второй степени узденей, рождены от отца их Тара Тяжгова, который назад

тому более семидесяти лет со всем его семейством и родовыми холопами, оставив пределы древних в Кабарде жилищ своих, не по каким-либо другим причинам, но единственно из преданности России, перешел в Кавказскую область и поселились постоянным и твердым жительством в станице, именуемой ныне Бабуковскою». Свидетельство выдано в 1855 г. и заверено Павловским станичным правлением Горского полка в 1856 г., а Кабардинский окружной народный суд в 1858 г. его подтвердил[160].

* * *

Обращался к начальству с просьбой о наделении землей и всадник 3-го разряда 1-й сотни Терской постоянной милиции юнкер Бата Бахов. Он, в частности, указывал: «Я неоднократно участвовал в экспедициях... за отличие, оказанное в таковых, удостоился получить знак отличия Военного ордена...». На прошении Бахова наложена резолюция: «Иметь в виду при разборе прошений».

Выходцем «из кабардинских узденей деженуго» назвал себя житель с. Иналово Умар Бжехоков в таком же прошении от 2 января 1872 г. Он жаловался, что все его родственники удостоились высочайшей награды, а он, «как круглый сирота и находясь в крайнем положении», устранен от надела землей. Резолюция о нем гласит: «Иметь в виду при разборе прошений». Такая же резолюция наложена и на прошениях узденя из аула Докшукино Ахмеда Хавжокова и узденей второй степени из Нальчикского аула Бекмурзы и Ибрагима Эгановых.

В общий список лиц, чьи прошения подлежали рассмотрению, был включен и житель с. Коголкина уздень 2-й степени Доль Озмачеков. «Имея уже более 74-х лет и имея у себя престарелую старуху (жену) и жену умершего сына моего с тремя малолетними детьми, я не в силах дать им какое-либо при старости лет моих пропитание» – таков был один из мотивов его прошения[161].

Житель аула Нальчикского Исхак Кудаев претендовал на земельный участок на том основании, что его фамилия «происходит из узденей 1-ой степени».

Жанхот Таов, житель с. Конова, переселился в 1868 г. из Кубанской области по ходатайству подпоручика Барака Конова (сестра Конова была матерью Таова). Последнему отказывали в земельном участке в Кубанской области как переселившемуся в Терскую область, но и здесь ему отказали в прошении «за недостатком вообще свободных земель в Кабарде».

До своего переселения за Кубань Таовы проживали в Кабарде. В одном из прошений Жанхот указывал на свою родословную: «Род наш издревле пользовался в Кабарде благородною фамилиею из первостепенных узденей, и отец мой, Эдык Таов, имел аул своего имени, впоследствии названный Шеретлоковым из одного лишь того, что брат его назван был этим именем; – все это было еще почти, можно сказать, до смут, в Кабарде существо-

вавших». Вскоре после «смут» отец Жанхота умер, и он, оставшись «малолетним и не имея уже никакой роли в посредничестве бывших подвластных людей, по внушению матери перешел на временное жительство за Кубань»[162]. Прошение интересно и тем, что содержит некоторые подробности об истории аула Шеретлокова. По сведениям Якуба Шарданова, в 1825 г. в Черекской долине находился аул узденя третьей степени Умара Шеретлокова в несколько дворов, где проживал и другой однофамилец – узденъ третьей степени Магомет Шеретлоков. Имея в виду различия в сословном положении Шеретлоковых, можно сказать, что в одно время было два аула Шеретлоковых: тот, о котором писал Жанхот Таов, мог бы быть назван аулом Шеретлока Таова, названный впоследствии именем владельца. Что касается *смутного времени*, вероятно, имеются в виду 1821–1822 гг.

Не так уж много известно кабардинцев, внесенных в российскую дворянскую родословную книгу. Процитируем документ, подтверждающий факт причисления, кроме выше отмеченного Перхичева, еще одного жителя Кабарды к российскому дворянству:

«Грамота
Кавказской области

От областного предводителя дворянства и окружных дворянских депутатов, собранных для составления дворянской родословной книги, данная дворянину хорунжему Жамбеку Думаеву сына Думаева. Разсмотрев... предъявленные от него, Думаева, о дворянском его достоинстве доказательства, признали оные согласными с предписанными на то правилами, в следствие коих он и род его внесен в дворянскую родословную Кавказской области книгу во вторую ея часть...»

Грамота выдана в 1837 г. и подписана Кавказским областным предводителем дворянства Георгием Ростовановым, депутатом от дворян Ставропольского округа поручиком Василием Криворучковым. Среди подписавшихся и депутат от дворян Кизлярского округа коллежский регистратор Михаил Серебряков и др.

Как видно, Жамбек Думаев получил свою фамилию по имени отца Думая. Согласно послужному списку, он родился в 1795 г., был женат, имел сына по имени Магомет, дочерей Гаго, Кабахан, исповедовал мусульманство[163].

Сословное положение представителя фамилии Мудрановых прослеживается из документа, выданного жителю аула Докшуки Куденетова узденю векелю Заурбеку Мудранову. Он подтверждает, что Мудранов почти со времени вступления Эристова в должность «состоял в милиционерской команде при управлении начальника», «вел себя честно, к службе был весьма усерден, в поручениях чрезвычайно исполнителен, а в поисках и истреблении абреков был расторопен и неутомим». Некоторые другие под-

робности военной службы Мудранова содержатся в следующем свидетельстве:

«По Указу Его Величества Государя Императора Николая Павловича

Самодержца всероссийского

и проч., и проч., и проч.

Объявитель сего служащий в Кавказско-Горском Дивизионе всадник Заурбек Мудранов, исповедания магометанского, прибыл и зачислен на службу в бывший Кавказско-Конно-Горский полк (что ныне дивизион) всадником 1837 года августа 1 числа из Кабардинских второй степени узденей и в продолжение оной вел себя хорошо и служил усердно, за что Всемилостивейше награжден серебряною медалью на Анненской ленте с надписью «За усердие» для ношения на шее, о чем объявлено в приказе по Армии от 11 февраля 1844 года. В штрафах и домовых отпусках не бывал, ныне же с разрешения господина Главнокомандующего действующею армию за выслугою лет уволен на родину; во свидетельство чего по состоянию дивизиона по воле Его Светлости Господина Генерала Фельдмаршала под моею командою и дан сей ему от меня за подписом и приложением полковой казенной печати в штаб-квартире полка Царства Польского в г. Хохачеве. Апреля 25 дня 1846 года.

Подлинный подписал: командир Закавказского Конно-мусульманского полка полковник князь Бебутов».

В последующем Мудранов – участник «в Венгерской войне»», а «в 1855 г. находился в Турецкой войне».

Свое право на земельный участок прапорщик Мудранов доказывал в прошении от 5 января 1872 г. Он указывал, что, «дошедши до глубокой старости, ныне с девятью малолетними детьми» переносит «все крайности» и с трудом изыскивает дневное пропитание[164].

Говоря о свидетельствах, выданных Мудранову, отметим, что он принадлежал к сословию узденей беслен-уорк. В 1852 г. был векелем. Арабское это слово означает: уполномоченный, доверенный, представитель, но неизвестно, в чем конкретно выражалась его должность.

Пхавакачевы. Старшина с. Докшокина (Старый Черек) Исхак Пхавакачев в своем прошении начальнику Георгиевского округа от 5 сентября 1872 г. сообщал некоторые сведения из своей военной жизни на Кавказе в 1854–1857 гг. После того как Пхавакачев был вынужден оставить службу по состоянию здоровья, он избирался «в своем ауле судьею» и в этой должности прослужил 6 лет. Пхавакачев оказал услугу начальству в ходе отмены крепостного права «в начале 1867 г., когда в Кабарде происходило между народное волнение». Вследствие этого Пхавакачев «неминуемо со стороны их подвергся грабежу и разорению своего

имущества». Проситель указывал также, что он «без всякой пользы от правительства, лишь за плату рабочим по 1 руб., вывез 1550 сажен хворосту, необходимого при устройстве плотины по отводу р. Уруха в другое русло».

На том месте, где река Черная впадает в реку Урвань, Пхавакачев «более 36 лет занимал под хутор свой участок земли». Здесь он намеревался «устроить для себя мукомольную мельницу, для чего уже и изготовил необходимый лес». В связи с этим он просил начальника округа оставить этот участок земли ему в потомственное владение. Прошение было представлено начальнику Терской области, а оттуда из канцелярии поступил запрос – дать свое заключение по просьбе Исхака Пхавакачева.

Прошение узденя Пхавакачева окончилось для него безрезультатно. 10 октября 1873 г. начальник округа получил от начальника Терской области ответ следующего содержания: «Так как означенный участок уже Высочайше пожалован в частную собственность князьям Докшукиным, то оставить оный в его пользовании не представляется возможности»[165].

Кушховы (аул Ашабова). 7 января 1872 г. состоялось полное собрание кабардинских князей и узденей. Одно из его решений гласит: «Дано сие (свидетельство. – *С. Б.*) эфендию селения Ашабово Хаджи Тагир Кушхову в том, что он происходит рожденным от его родителей, которые из древних кабардинских узденей ворк шовотлухуса, по достоинству и усердной его отца Умара Кушхова к службе и богуслужению и преданности к России в 1822 году произведен в достоинство кабардинского народного ефендия и за его отличное благоустройство в Кабарде неоднократно был награждаем подарками по Высочайшему повелению Государя Императора чрез главнокомандовавшего в то время Отдельным Кавказским корпусом генерала от инфантерии Ермолова. Ефендическое Або, которое и ныне у него хранится в память родителя, и кроме сего разными вещами, следовательно, ефендий Хаджи Тагир Кушхов вполне есть не только что из природы кабардинских узденей, а настоящий ефендический сын, ныне ему от роду 60 лет, а в должности ефендия 30 лет, имеет при себе четырех сыновей, из коих 1-й Магомет – 30 лет, ефендий, 2-й Исуф – 25 лет, тоже ефендий, 3-й Касым 12 лет и 4-й Хамзет 8 лет»[166].

* * *

Просьбы о наделении землей исходили не только от частных лиц. Иногда представители целых аулов обращались с подобными ходатайствами. В их числе прошение от имени общества аула Докшукина, которое в 1870 г. подали доверенные: аульный судья Ислам Гугутлов, Мусса Зуганов, Исхак Пхавакачев, «помощник» (?) Ибрагим Иванов. Они жаловались на то, что аульная земля «почти вся каменистая и порастающая дерном так, что нет на ней настоящего урожая жизненных припасов». Прошение было адресовано начальнику Терской области, и они напоминали ему, что

когда он в 1867 г. был в Нальчике для усмирения «бунтовщиков», выступивших против отмены крепостного права, то изволил им помочь земельными угодьями. Причина столь доброго жеста в то тревожное для областного начальства время объяснялась необыкновенными обстоятельствами – «неучаствовании в бунте в 1867 г.» жителей аула Докшукина[167].

Мотивы прошений кабардинцев о наделении их землей были самыми различными. Диктовались они и уязвленным самолюбием.

В 1875 г. сын Тлекеча (Александра) Мисостова, юнкер Тархан Мисостов, обратился к начальнику Терской области с докладной запиской, в которой он, конечно, напомнил начальству, что его дед, Магомет Мисостов, «прослужил 32 года» в Моздокском суде, что отец и его родные дяди майор Петр Мисостов и капитан Иван Мисостов «всегда были преданы правительству». Юнкер сообщил также, что «считает себя весьма обиженным противу других князей, совсем не равных с ним ни по заслугам, ни по преданности правительству предков его»: Атажукиных, Наурузовых и Хамурзиных. Юнкер просил «об уравнении» его с ними[168].

Претензий подобного рода было немало. Аналогичное прошение исходило и от братьев Наурузовых. Сыновья Хатакшуко Наурузова–Мисост, Бекмурза и Магомет, требовали от начальства дать сверх уже назначенных им 20 десятин земли еще участок только для того, чтобы сравняться с Асланбеком Атажукиным или хотя бы с узденем Кайсыном Анзоровым. В качестве основания для своих притязаний братья напоминали: «Мать наша, княгиня Кабахан, оставшись вдовою, сохранила за собою право, как жена первенствовавшего в Кабарде князя, так ровно и дочери бывшего кабардинского валия»[169].

Побудительная причина данного прошения станет яснее, если приведем сословное различие князей и узденей первых трех степеней. В 1851 г. Кабардинский временный суд докладывал генерал-майору Эристову: «Уздень 1 степени, если находился в поездке с князем в других пределах, то они, хотя моложе летами от других 2 и 3-й степени узденей, садились с князем и с ним кушают; получают от князя преимущественно от других подарки и занимают всегда почетное место. Дочери их отдаются в замужество за таковых же первостепенных узденей, а бывают случаи и за 2 степенных, но за 3 степенных никогда не выдают; а на дочерях последних не женятся. Во время же нахождения внутри Кабарды старшие по летам 2 и 3 степени садятся с князем, – на ночлегах 1 степени (уздень) занимает место почетное; старшему по летам, несмотря на степень узденей, оказывают уважение и уступают почетное место»[170].

Гетежевы принадлежат к наиболее древним кабардинским фамилиям. Упоминание о них встречается в одном из преданий о вожаке крестьянского восстания Машуко, т. е. к началу XVIII в. По сведениям Талиба Кашежева, «на том самом месте, где в настоящее время находится станица Горячеводская, стоял аул Кардана Гятежева». Этот Кардан стал приемным отцом найденного

ребенка и нареченного именем Машуко. Уже будучи взрослым, Машуко решил удалиться в горы, но перед тем, как навсегда оставить приемных родителей, он, возможно, в знак благодарности, подарил им «чашу неописанной красоты». К этой чаше и чевяку, принадлежавшему также Машуко, «кроме членов Гятежевского рода, никто не может прикасаться: от одного прикосновения можно сделаться калекой».

Кашежев свидетельствовал, что чаша «хранится до сих пор в семействе Гятежевых». В связи с этим Л. Г. Лопатинский в 1881 г. писал: «Сохраняется ли в настоящее время какая-нибудь чаша в роде Гятежевых, и где она теперь живет, эта семья, об этом я не мог собрать никаких сведений».

Из района Машука аула Гетежева в первой четверти XIX в. вместе со многими другими аулами переселен на правую сторону Малки и находился, например, в 1842 г. недалеко от Баксанской крепости, по соседству с аулами Тамбиева и Кучмазукина.

В ходе реформы по укрупнению аулов аул Гетежева частью вошел в аул Кучмазукина, частью в аул Касаева. Об этом сказано в прошении «узденей, проживающих в ауле Кучмазукина Бек-Мурзы, Тургока, Заурбека, Батырбека и Кучука и проживавшего в ауле князя Касаева Пшемахо Гетежева» начальнику Кабардинского округа от 31 августа 1870 г.: «При настоящем наделении участков земли мы устранены от этого надела, тогда как род фамилии нашей издревле происходит из почетных узденей и пользовались правами владельцев аула, а при расселении кабардинских аулов аул наш разделен на две части, одна часть вместе с нами переселилась в аул князя Касаева, а другая в аул Кучмазукина...»[171].

Спустя год Пшемахо Гетежев вторично напомнил, теперь уже начальнику Терской области, о своей просьбе, присовокупив к ней «свидетельство о происхождении» своем. В нем сказано: «Дано сие от почетных кабардинских князей и узденей жителю селения князя Касаева Пшемахо Гетежеву в том, что действительно он происходит из почетных кабардинских узденей (Беслен-Ворк) и равен тем узденям, которые пользуются наделом участков земли в частную собственность. В том и подписью своей удостоверяем. 9 августа 1871 года. Поручик князь Касаев, поручик Тамбиев, Темрюко Кучмазукин, поручик Деров, поручик Кунашев, Отпанов, Тяжгов и др.»[172].

Можно утверждать, что во всех сословиях, не исключая и князей, существовала некая внутрисословная градация, т. е. одни из представителей одного и того же разряда узденей считали себя выше и значительнее других. В этом смысле характерен следующий документ.

Алтудоковы. Исмаил и Айтек Алтудоковы 18 декабря 1873 г. обратились к Лорис-Меликову с прошением, в котором отмечалось: «Принадлежа по происхождению своему из узденей так называемых уорк-шаотлухуса и будучи с более лучшими правами, чем лица этого класса, удостоившиеся получения в частную

собственность надела земли, мы утруждали Ваше Превосходительство просьбою в 1871 году о предоставлении нам права на получение земли в частную собственность, но не имея на эту нашу просьбу до настоящего времени резолюции, мы вторично покорнейше просим о сравнении нас с уорк-шаутлухусами, которые получили наделы земли и которые по правам кабардинского народа стоят ниже нас.

Права эти имеют два вида. Первый заключается в том, что хотя Алтадуковы и происходят из вышесказанного класса, но владели всегда отдельным аулом, носившим наименование Алтадуков. Старший из рода нашей фамилии управлял аулом и в этом отношении мы были равноправны с лучшими фамилиями Кабарды. Второй же вид состоит также в равноправности нашей с прочими узденями высшего сословия относительно права порядка пользования землею. Фамилия наша имела издавна свой район земли...»[173].

Оказывается, представители одного и того же сословия имели различный социальный статус. Хотя Алтудоковы были узденями разряда уорк-шаотлухуса, они пользовались преимуществами перед подобными себе по сословию, как владельцы аула своего имени. Алтудоковы указывали, что в этом отношении они «были равноправны с лучшими фамилиями Кабарды», что их фамилия имела права на пользование землей и «имела издавна свой район земли».

* * *

Добиваясь признания своих сословных прав, многие жители Кабарды обращались к начальнику Терской области. Поэтому он 14 января 1874 г. сообщал начальнику Георгиевского округа: «В последнее время поступило ко мне несколько заявлений жителей вверенного Вам округа, принадлежащих по происхождению к уорк-шаотлухусам о том, что некоторые из них наравне с тлекотлешами и деженугами пользовались в прежние времена правами аульных владельцев, однако до сих пор не удостоились получить земельного надела. К числу таких фамилий относятся Алтудоковы, Токовы и другие». При этом начальник области исходил из того, что «было бы нежелательно ронять в глазах населения значение упомянутых выше фамилий».

По распоряжению начальника области создали «Комиссию по рассмотрению просьб о неправильном назначении земель в собственность из кабардинской территории» под председательством начальника округа. По предложению начальника области в нее вошли: полковник Кайсын Анзоров, капитан Камбот Куденетов, Заракуш Тамбиев и еще два лица по усмотрению начальника округа. В окончательный состав Комиссии вошли представители всех свободных сословий: от пшекау – Якуб Шенибов, от уорк-шаотлухуса – Эльмурза Мурзаев и Абдрахман Куныжев, от беслан-уорков – Казильбек Кармов, от сословия дижинуго – Пшемахо

Даутоков, от тлекотлешей – Заракуш Тамбиев, Камбот Куденетов, Каирбек Исламов и Кайсын Анзоров, сословие князей было представлено Магометом Наурузовым[174].

С 20 декабря 1874 г. в течение объявленных семи дней в Комиссию поступило «о наделе землей в собственность 487 прошений». Она заключила, что «долженствующих получить землю в собственность наравне со своими родственниками, уже получившими таковую, находится очень много»[175].

В 1875 г. эта Комиссия под председательством начальника Пятигорского округа подполковника В. А. Мазаракий разбирала просьбу вдовы Анны Степановны Анзоровой о наделении сыновей ее, Алексея и Александра Анзоровых, землей наравне с другими Анзоровыми.

О происхождении ее мужа из тлекотлешей она представила Комиссии свидетельства на поручика Захара Анзорова, умершего в 1866 г. и находившегося на службе «до 30-ти лет и в том числе 22 года в офицерском чине».

Члены Комиссии, за исключением князя Магомета Наурузова, отказались признать Анну Анзорову принадлежащей к фамилии Анзоровых. Они ссылались на то, что «никогда не слышали, чтобы кто из Анзоровых проживал в г. Моздоке и тем более, что в свидетельстве значатся подписавшие лица, не бывшие в 1811 году в Верхнем пограничном суде». Кроме того, Каирбек Исламов и Шабас-Гирей Тенов свидетельствовали, что отец Захара, Алексей, «как в Моздоке, так и в Малой Кабарде всегда назывались фамилиею Шумаховых и были в родстве с вольноотпущенниками аула Исламова – Шумаховыми». В отличие от других членов Комиссии, князь Магомет Наурузов настаивал причислить Анну Анзорову к сословию тлекотлешей, «признавая копию свидетельства, выданного Верхним пограничным судом, достаточным доказательством».

Князя Наурузова поддерживал и председатель Комиссии В. А. Мазаракий. Заседание Комиссии не сумело прийти к единому мнению о сословном положении Анны Анзоровой, но постановило представить начальнику Терской области выписку из протокола заседания и просить его расследовать, «признать ли копию свидетельства за № 18 действительным документом о происхождении семейства Анны Анзоровой, или признать его недействительным согласно мнению девяти членов Комиссии».

Ответ начальника Терской области неизвестен, но, думается, он поддержал мнение своего представителя. Однако заседание Комиссии показывало: сословные споры иногда, а возможно, и чаще, доходили до такой степени накала, что делалось неизбежным противостояние местных властей и высшего сословия.

Рассмотрев права беслен-уорков и уорк-шаотлухуса, она признала «одноправными 157 фамилий, в коих состоит 402 двора», а «для спокойствия народа» высказалась, «несмотря на долгие обсуждения... об уменьшении числа собственников», назначить этим сословиям надел не менее 20 десятин земли[177].

«Комиссия...» проделала значительную работу. Тем не менее ожидаемого спокойствия народа не наступало. Борьба за сословные права продолжалась... «Предки мои, происходя из Кабардинских узденей «Ворк», имели собственные свои земли и владели холопьями до дня введения 1 декабря новых реформ » – так начинается прошение юнкера Магомета Бабугоева из с. Куденетова 1 от 30 мая 1877 г. к начальнику Терской области. Перечисляя свои военные заслуги, Бабугоев отмечал, что он «поступил в службу Его Императорского Величества в 1844 г., в продолжение которой был в походах и делах» на Кавказе «и в 1854 и 1855 годах против турок». Бабугоев награжден двумя серебряными медалями: «одну за храбрость, для ношения в петлице на Георгиевской ленте, а другую за усердие, для ношения на шее на Станиславской ленте». Звание юнкера Бабугоеву присвоили в 1862 г. «Происхождение мое известно всей Кабарде, а служба может быть засвидетельствована имеющимся послужным списком», – продолжал он далее в собственноручно подписанном прошении[178].

Описывая свое происхождение и заслуги, Бабугоев обращал внимание областного начальства на то, что неоднократные прошения к начальнику округа об уравнении его прав «с другими главными фамилиями» и наделение землей в частную собственность не дали положительного результата.

Прошение Бабугоева попало в канцелярию начальника области, а оттуда – «по принадлежности в Межевое Управление этой же области». Последнее обратилось к начальнику Пятигорского округа, куда в то время входила Кабарда, вероятно, склоняя его «к удовлетворению» прошения Бабугоева.

29 июля 1877 г. подполковник Полозов, собрав сведения о просителе, доложил в Межевое Управление: «Юнкер Магомет Бабугоев действительно происходит из кабардинских узденей «Ворк», предки которого владели собственными землями и холопьями, и, кроме того, Магомет Бабугоев лично приобрел заслуги от правительства, как значится в приложенном послужном его списке, а потому подлежит наделению землей наравне с узденями второй степени от 150 до 200 десятин»[179].

Магомет Бабугоев не уточнял, к какому разряду узденей он принадлежал. Об этом умалчивал и подполковник Полозов, но он приравнял Бабугоева по его заслугам к узденям второй степени, т. е. к сословию *бесленуорк*.

В послужном списке всадника 1-го разряда 10-й сотни Терской постоянной милиции юнкера Магомета Бабугоева, «составленном 30 мая 1877 года», имеются такие сведения: от роду 56 лет, женат на девице Шаго (ЩӀагъуэ?), имеет сыновей: Уважуко – 12 лет, Хабиж – 3 года и дочерей: Лана – 17 лет, Коз (Къыз?) и Самирхан, которой исполнялся один год [180].

Юнкеру Магомету Бабугоеву был отведен земельный участок в 200 десятин. В посемейном списке с. Куденетова 1 за 1886 г. значится семья Бабугоева Аважуко Магометовича, который владел наследственной землей в 200 десятин. В том же списке зна-

чатся родственники Магомета Бабугоева. Бабугоев Пшемахо Аисович с сыновьями: Батой, Салихом, Каспотом, Кучуком, Хажиумаром; Бабугоев Шугана Шамахович с братом Алимгиреем и племянником Хапаго Шамаховичем.

* * *

Сословное положение ряда фамилий четко зафиксировано в свидетельствах, выданных их представителям. Единственный недостаток этих документов лишь в том, что разбирательства по ним остались «за кадром». Приведем несколько свидетельств, которыми мы располагаем:

«Свидетельство.
Дано сие от почетных кабардинских князей и узденей жителю Георгиевского округа селения Мисостова узденю Асламбеку Хакулову в том, что он действительно происходит из узденей 2 степени (Беслен-Ворк) и имел прежде собственную землю. В том и подписуемся. Сентября 1871 года. Князь Асламбек Мисостов, Тархан Мисостов, Камбот Кудинетов и др.»[181]

«Свидетельство.
Дано это от почетных кабардинских князей и узденей жителям Георгиевского округа селения Мисостова Жамботу и Темботу Ачиретловым (живущим отдельно) в том, что они действительно происходят из почетных кабардинских узденей (Беслен-Ворк) и равны тем узденям, которые при настоящем размежевании земли пользуются правом надела в частную собственность земли. В том и подписью своей удостоверяем. Августа 16 дня (1871 г. – *С. Б.*): князь Асламбек Наурузов, князь корнет Мисостов, поручик Анзоров, князь Атажукин и др.»[182]

«Свидетельство.
Дано сие от почетных кабардинских князей и узденей жителям Нальчикского селения Асламбеку и Аслангирею Жанситовым в том, что они действительно происходят из кабардинских узденей (Беслен-Ворк) и равны тем узденям, которые по происхождению своему получают надел земли в частную собственность. В том подписью своей удостоверяем. 22 июля 1871 года». Подписали: полковник Анзоров, князь Тембот Мисостов, Камбот Куденетов, князь Асланбек Мисостов и др.»[183]

«Свидетельство.
Дано сие от почетных кабардинских князей и узденей жителю Нальчикского селения Хамурза Нартыжеву в том, что он действительно происходит из кабардинских узденей (Деженуго) и равен тем узденям, которые получают в частную собственность участки земли. В том подписью своей удостоверяем. 22 июля 1871 года: князь Бекмурза Иналов, юнкер Султан Агубеков, князь Пшемахо Касаев, поручик Ногмов, Пшемахо Гетежев, Жамбот

Тохтамышев, Хажи Сижажев, князь Бекмурза Наурузов, корнет Гедмишхов, князь Темрюко Атажукин, поручик Бырмамытов, ротмистр Казыльбек Кармов и др.»[184]

Рассмотрим еще несколько свидетельств, указывающих на сословные права истцов.

«Свидетельство.

Дано сие от почетных кабардинских князей и узденей жителю селения Джанхотова Хатакшуко Жамбикову в том, что он действительно происходит из узденей (Беслен-Ворк) и равен тем узденям, которые при настоящем размежевании земли пользуются правом надела земли. В том подписью и приложением именных печатей и чернильных знаков свидетельствуем. 10 сентября 1871 года: князь Асламбек Мисостов, юнкер князь Тархан Мисостов, штабс-капитан Асламбек Шипшев, поручик Бекмурза Шереужев, поручик Анзоров и др.»[185]

Сословные споры не обходили стороной даже такую бесправную категорию, как унауты (домашние рабы). Некоторым из них, по-видимому, все же удавалось подняться на заветную ступеньку выше – в сословие крепостных крестьян. Во всяком случае, попытки такого рода предпринимались. Одна из них прослеживается в прошении узденя Мисоста Шигабахова из аула Гетежева. В 1853 г. он «заявил» иск на узденя Магомета Анзорова, который отказывался вернуть просителю служанку, отданную по праву наследства его жене братом ее узденем Жико Эльжероковым. Свой отказ Анзоров объяснял тем, что «служанка имеет иск быть холопкой», т. е. рабыня претендовала на права крепостной крестьянки. Анзоров, выдав служанку за крепостного человека, предлагал Шигабахову взять 150 рублей серебром калыма. Шигабахов не захотел взять предложенную сумму. При этом он сообщал весьма редко встречающуюся в документах сравнительную стоимость служанки и крепостной крестьянки. Шигабахов отмечал, что служанки продаются за 300–400 рублей серебром – больше «вдвое против холопки». Проситель аргументированно доказывал, что Анзоров вообще не имел права выдавать эту служанку за холопку, поскольку ее мать у него же также состояла служанкой. Грамотин распорядился «беспрекословно возвратить служанку или разделаться с просителем миролюбиво, удовлетворив его деньгами», и Анзоров возвратил требуемую от него служанку ее господину.

Цена в 400 рублей серебром, и даже больше, указана жителем аула Мудара Тамбиева узденя муллы Абдрахмана Кайсымова в его прошении к генерал-майору Эристову от 9 января 1851 г. Князь Пшемахо Джамботов хотел купить у него «из рода унаут служанку Кураму» за 400 рублей серебром, но Кайсымов отказался, «имея в ней при доме самую крайнюю необходимость»[186].

Заключая рассмотрение сословных прав и сословных споров, приведем одно судебное разбирательство, которое возвращает

нас к 30-м годам XIX в. Отметим, что тогда Малая Кабарда имела своего народного эфендия. Этот факт указан в рапорте Кабардинского временного суда Пирятинскому за 1834 г. «Вольный кабардинец Ибрагим Машков», проживавший в ауле Анзорова в 1819 г., отдал вольному малокабардинцу Мусе Тумову пятнадцать рублей серебром – «на сохранение». В конфликте этом привлекает внимание то, что спор, который между сторонами «был разбираем шариатом чрез народного эфендия малокабардинцев Магомета Шурагиева»[187].

Здесь следует подчеркнуть и такой момент, касающийся вообще шариатского разбирательства. Выходец «из акушинских узденей» Гази Эфендий, служивший эфендием в Балкарии в 1846 г., отмечал: «Если я делаю шариатское разбирательство между просителем и ответчиком и по шариату в пользу чью не будет решено дело, таковой остается на меня недовольным»[188].

Видимо, и после разбирательства жалобы Ибрагима Машкова возникла подобная ситуация. Потому для вынесения окончательного решения Шурагиев направил тяжущихся в Кабардинский временный суд, что свидетельствует об отсутствии в Малой Кабарде подобного суда.

Остановимся и на следующем. В рапорте, исходящем от такого авторитетного в сословных вопросах учреждения, как суд, Тумов дважды отмечен и как вольный, и как уздень. Здесь, конечно, могли иметь место небрежность писаря и невнимательность секретаря суда, однако не исключено и другое: сословное положение многих жителей Кабарды было спорным и оставалось таковым вплоть до отмены крепостного права. В качестве иллюстрации неясности сословного положения ряда даже известных фамилий служит ответ Кабардинского окружного народного суда графу Евдокимову. В 1860 г. на запрос последнего: «Признают ли кабардинцы узденями первой степени: Перхичевых, Безоруковых, Исламовых и Лоовых» – суд сообщил: «...в какой узденской степени состоят Перхичевы, Безоруковы, Исламовы и Лоовы, то члены Кабардинского временного суда в точности не знают»[189].

А за десятки лет перед этим, в 1825 г., некоторые из перечисленных фамилий (Перхичевы и Исламовы) были известны как дижинуго, т. е. признавались первостепенными узденями[190].

Здесь следует подчеркнуть один важный момент: не все свидетельства о сословном происхождении признавались Кабардинским судом как действительные. В качестве иллюстрации приведем документ.

В 1858 г. князь Баратов писал в Кабардинский временный суд: «Представленные войсковым старшиною Тяжговым при рапорте г. начальнику Кабардинского округа от 18 числа сего месяца за № 11-м шесть свидетельств о происхождении: Яхья Кечева, Тяжговых, Фумутовых, Хаджиевых, Шухостановых и Мулловых, препровождая при сем в Кабардинский временный суд, имею честь покорнейше просить оный по надлежащем удостоверении, что они происходят из кабардинских 2-й степени узденей, сделать на

них засвидетельствование...». И суд ответил: «...лица, подписавшие прилагаемые при сем свидетельства по молодости лет и малознанию подобных вопросов, не заслуживают в строгом смысле доверия, и поэтому суд возвращает: эти свидетельства без засвидетельствования. 15 сентября 1858 г. Нальчик» (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 2, д. 2, л. 20–21).

Решение суда нельзя принять бесспорным, поскольку почти все перечисленные фамилии впоследствии были причислены к узденям разряда беслен-уорк.

Войсковой старшина Тяжгов князю Орбелиани (1858 г.): «Полковое правление Горского казачьего полка, возвратив мне шесть свидетельств, выданные кабардинским обществом, фамилиями Тяжговой, Фумутовой, Хаджиевой, Кечевой, Шухостановой и Мулловой в том, что мы происходим из кабардинских второй степени узденей, – даю знать, что Ваше Сиятельство не изволили утвердить таковые, ибо суд отозвался, что подписавшиеся в них лица, по молодости лет, не могут удостоверить о нашем происхождении.

Вследствие чего, дополнив ныне означенные свидетельства подписью с приложением именных печатей еще семи человек почетных старожилов-кабардинцев, – я осмеливаюсь вновь представить таковые, на благосклонное внимание Вашего Сиятельства...»

Свидетельства были выданы узденям: Джусупу Шухостанову, братьям Закачу и Тираму Фомутовым, Яге Кечеву, Муссе Муллову, Тире, Матгирею и Аслангирею Тяжговым, братьям Усману, Ильясу и Лаки Хаджиевым (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 2, т. 1, л. 209 об.).

Сословные положения кабардинцев зачастую были настолько запутанны, что даже Комитет, созданный специально для этой цели, нередко оказывался просто не в состоянии их определить.

Так, из Комитета 7 мая 1862 г. направили в Кабардинский окружной суд список жителей Большой Кабарды, положение которых депутаты отказались разбирать «одних за незнанием, к какому сословию должно причислить, а других большею частью из сословия – Азет – по претензиям прежних их владельцев». Председатель Комитета просил всем им назначить срок явки в суд, чтобы «на основании свидетельств от окружного суда определить их на принадлежность к известному сословию»[191]. Ниже приводится этот список.

«Список жителям Большой Кабарды, которых депутаты отказались разбирать»

№	Имена и фамилии	Какого аула	По какой причине не разобраны
1	2	3	4
1	Поручик Ерустан Ногмов*	Кармова аула	За незнанием, к какому сословию должно причислить
	Майор Хаташуко Кошероков	Кошерокова аула	
	Шу Блинахов		
	Ямниш Шадов		
	Тахир Устов		
	Мудар Балов	Актолы Шипшева аула	По претензии князя Хасанбия Атажукина
	Мулла Нурали Кумуков	Алтудокова аула	За незнанием, к какому сословию должно причислить
	Бекир Мамхегов	Батырша Куденетова аула	
	Гуки (?) Екашоков	Казаншева аула	
	Оскар Кумуков	Гукежева аула	
10	Ослан Болказов	Кургоко Куденетова аула	
	Гулла Болказов	Кудаева аула	
	Ислам Болказов	Жанхотова аула	По претензии Бекира Тохова
	Магомет Архестов	Кургоко Куденетова аула	По претензии Бек-Мурзы Зекова
		Шугана Кожокова аула	
	Бата Архестов	Тлекеч Куденетова	
	Кижу Киченов	Кудаева аула	
	Заурбек Жапов		За незнанием, к какому сословию должно причислить
	Каншоко Шиков	Догужокова аула	
	Анзор Нашхов	Жанхотова аула	
	Юнус Карданов	Догужокова аула	
20	Якуб Карданов		
	Касай Карданов	Жанхотова аула	
	Карданов	Таова аула	По претензии ротмистра …

*О сословных правах Ногмова см.: *Бейтуганов С.* Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1989. С. 78–79.

1	2	3	4
	Шеуцуков Жандар Муков Жох Калмыков	Жанхотова аула	По претензии кн. Кабахан Атажукиной
	Ислам Фицев	того же аула	(по претензии) подпоручика Жанситова
	Мазан Магометов	Казиева аула	За незнанием, к какому сословию должно причислить
	Бекир Шаоцуков (он же Жамурзов) Исхак Маршанкулов	Бешказакова аула	
30	Ислам Маршанкулов		
	Асламбек Ашинов	Таова аула	По претензии Канамата Кудашева
	Исхака Пхавакачев	майора Докшукина аула	По претензии Кучука Докшукина
	Булет Нагудов		По претензии Асламурзы Анзорова
	Маша Мирзов		Тлогурова претензия
	Нидриз Тхаголегов Магомет Пшеуков		За незнанием, к какому сословию должно причислить
	Гусса Маремоков	Хостова аула	Претензия Асхада Лескенова
	Осман Бавоков	Мисостова аула	Претензия князя Тлостаналиева
40	Исхак Кайтыноков	Эркенова аула	Претензия Юсупа Эркенова
	Эльтажуко Кайтынов	Эркенова аула	
	На всех Желетежевых	Эльбуздукина аула	Претензия князя Бекмурзы Докшукина
	Исхак Текужев Юсуп Текужев Шужей Тукежев Шу Шиков	Хамурзина аула	За незнанием, к какому сослвию должно при-причислить

1	2	3	4
	Ентыр Куготыжев	Шугана Кожокова аула	По претензии Молодугова
	Ибрагим Варадинов	Кн. Тлостаналиева аула	За незнанием, к какому сословию должно причислить
	Мудар Сзиев	Кн. Докшукина аула	
	Тиук Темирканов	Муссы Женокова аула	
50	Салиман Алтудоков*		
	Алимирза Алтудов	Кайсына Анзорова аула	
	Пак Паков	Асламурзы Анзорова аула	За незнанием, к какому сословию должно причислить
	Исмаил Шогенов	Шугана Кожакова аула	
	Ильяс Шарданов	Мисостова аула	
	Басият Самгуров		
	Ботоко Самгуров		По претензии Темирханова
	Пшеапшоко Самгуров	Асламурзы Анзорова аула	
	Ибрагим Самгуров		
60	Моухож Кумахов		
	Нидрис Кумахов	Мисостова аула	
	Каирбек Кумахов		По претензии Ислама Кудаева
	Нахо Кумахов		
	Хатокшуко Кумахов	Асламурзы Анзорова аула	
	Мусса Кумахов		
	Солиман Гошоков		
	Темирхан Гошоков	Борова аула	За незнанием, к какому сословию должно причислить
	Кайсын Гошоков		
	Омар Гошоков		
70	Маил Кушхов		
	Халит Кушхов		
	Шухаиб Емоков	Тембота Анзорова аула	
	Албахсит Емоков		
	Исмаил Аннемуков		
	Хажибекир Аннемуков		

В том же списке и жители аула Сасикова, переселившиеся из Бабуковской станицы: Гучина Конахов, Пелюан Карданов, Шемахор Седзов, Сосруко Тагушинов, Хаджимахо Ажиев, Докшуко Мусов, Магомед-Гирей Агешев (вольноотпущенник), Махмут Хоконов (уорк-шаотлухуса) и Каирбек Хуранов (уорк-шаотлухуса)[192].

*В списке узденей Кабарды, составленном в 1825 г., в ауле Шу Инарокова числится уздень 3-й степени Дудоруко Алтудов (См.: Материалы Я. М. Шарданова... Нальчик, 1986. С. 236). По преданию, в окрестностях г. Баксана близ объездной дороги стоит старинный надгробный памятник, принадлежащий фамилии Алтудовых. Проживающие в с. Старый Лескен (с. Кайсына Анзорова) Алтудовы и Алтудовы из Сармакова – родственники. (Информатор Камбулат Алтудов, 1926 г. р., отец Юрия Алтудова. Со слов Мусы Абубекировича Алтудова, с. Сармаково.)

Хатажуко Кошероков причислен к сословию дижинуго, Шу Блинахов, Солиман Алтудов, Алимурза Алтудов, Исхак Маршанкулов, Ислам Маршанкулов, Исмаил Анемуков и Хажибекир Анемуков признаны принадлежащими к уорк-шаотлухусам. В отношении Нурали Кумукова, известного и как Нурали Оваринск, сказано: «Так как он аварец, то ему объявлено, чтобы он доставил свидетельство о своем происхождении от местного начальства». Бекир Мамхегов, Гуки Екамоков, Оскар Кумуков, Бекир Шаоцуков (он же Жамурзов), Исхак Пхавакачев, Маил Кушхов, Халит Кушхов, Шухаиб Емиоков, Албахсит Емиоков и Солиман Гошоков причислены к вольным кабардинцам. Вольноотпущенниками признаны: Оскар Кумуков, Аслан Болказов, Гулла Болказов («согласно отношения комитета»), Ислам Болказов, Кижу Киченов, Шеуцуков, Жандар Муков, Жох Калмыков, Асламбек Ашинов, Булат Нагудов, Пак Паков, Темирхан Гошоков, Омар Гошоков. По решению Комитета судом исключены из списка без других уточнений: Осман Бавоков, Исхак Кайтынов, Эльжаруко Кайтынов, Ентыр Куготыжев, Нидрис (Индрис) Кумахов[193]. Касаясь последних четырех лиц, Комитет 18 декабря 1862 г. сообщал суду, что «права их по происхождению определены», т. е. они были признаны свободными.

Приведем другой такой же «Список жителям Большой Кабарды, которых депутаты комитета отказались разобрать»[194].

№	Имена и фамилии	По какой причине не разобраны	Какого аула
1	2	2	2
1	Гула Нагоев	За незнанием, к какому сословию должно принадлежать	Жамбота Тахтамышева
	Ильяс Чашев	По претензии Алхаса Кучмазукина	Кошева аула
	Индрис Каров	По претензии Асламбека Хакулова	
	Ислам Каров		
	Мусса Афонов	За незнанием, к какому сословию должно причислять	
	Алим-Каш Афонов		
	Индрис Афонов		
	Мейрем Афонов		
	Индрис Балказов	По претензии Бекира Тохова	Аула Хажи-Бекира Гетежева
	Цагозеш Балказов	По претензии Нартпиева	Аула князя Бек-Мурзы Наурузова
10	Солимана Шапсугов		
	Закирей Шапсугов	По претензии кн(язя)Бек-Мурзы Наурузова	
	Уважуко Ворокова		
	Гуч Губшиев		
15	Магомет Ордоков	По претензии князя Магомета Адильгиреева	Иналова аула
	Ибрагим Жамбеков		
	Магомет Кумуков	За незнанием, к какому сословию должно причислять	Иналова аула

1	2		2	2
	Огурли Нагоев вдова	переселившиеся из Бабукоевской станицы	За незнанием, к какому сословию должно причислять	Иналова аула
	Хаир Нагоева			Иналова аула
20	Якуб Купчиев		За незнанием, к какому сословию причисять должно	Кн(язя) Хамурзы Наурузова аула
	Умар Хачадоков		За незнанием, к какому сословию причислять должно	Кучука Анзорова аула
	Гука Татаров		По претензии Пшемахо Коголкина	
	Фица Кумахов		По претензии Исхака Кудаева	Батырбека Тамбиева аула
	Шамиль Кмахов			
	Мазан Кумахов			
26	Цу Кумахов			

Этот список также был направлен в Кабардинский окружной народный суд, но на нем отсутствуют подписи членов суда. Исключением стал Гулла Нагоев: он исключен из списка по «отношению» Комитета. Но судя по тому, что на сопроводительном отношении Комитета к суду по этому списку дана резолюция: «Вызвать немедленно для разбирательства», можно сказать, что их сословное положение было рассмотрено.

По предписанию генерал-майора Орбелиани, полученному судом 13 мая 1862 г., последний обязывался рассматривать дела, по которым Комитет по правам личным и поземельным не мог принять решения. В связи с этим между этими двумя учреждениями нередко возникали разногласия при определении сословного положения кабардинцев.

В рапорте к начальнику Кабардинского округа от 15 ноября 1862 г. суд указывал: «Комитет, не основываясь на выданных судом свидетельствах, вновь разбирает права кабардинцев, которым уже выданы свидетельства, и причисляет их к сословиям, согласно своего заключения».

У Комитета были свои претензии к суду. В том же 1862 г. он ставил суду в вину факт выдачи жителю аула Берда Тамбиева Гучу Бакову свидетельства «на происхождение его из сословия азет». Комитет добивался, чтобы суд рассматривал дела только тех, «коих депутаты отказываются разбирать за незнанием о сословном происхождении». Баков не относился к таким лицам.

Другой пример. Житель того же аула Магомет Губжев был признан Комитетом принадлежащим к сословию азет. Недовольный решением, он «обратился в суд за свидетельством и, получив таковое, представил в Комитет». Комитет не согласился с мнением суда и вернул выданное им свидетельство обратно.

Тогда, 15 декабря 1862 г., Губжев обратился с прошением к генерал-майору Орбелиани. Разъясняя свое действительное сословное положение, он писал: «Принадлежа к сословию ворк-шаотлухуса, я при разбирательстве прав моих в Комитете, учережденном во вверенном вам округе, не признан в этом сословии, и причислили меня к сословию вольноотпущенников; считая себя в этом обиженным, я для подтверждения того, что действительно принадлежу к сословию ворк-шаотлухуса, доставил в Комитет от Окружного суда свидетельство, но депутаты Комитета и это не хотят принять в основание, а поэтому осмеливаюсь просить распоряжения Вашего Сиятельства о дозволении мне доставить положенное число свидетелей для подтверждения сословных прав моих. Уздень Магомет Губжев».

Казалось бы, начальник округа не должен был усомниться в достоверности выданного судом свидетельства узденю Губжеву. Однако процитируем его резолюцию: «Комитет единодушно признал его вольноотпущенником, и свидетельство выдано судом не по сношению с ним, Комитетом: поэтому я не считаю себя вправе пересмотреть дело просителя, единодушно признанное депутатами Комитета»[195].

На чьей стороне истина: Комитета, суда или начальника? Чтобы не ошибиться в ответе, достаточно вспомнить, что к авторитету суда, как отмечалось выше, Комитет прибегал всякий раз, когда он испытывал затруднение по тому или иному делу о сословном положении. Этот факт лучше всякого другого аргумента доказывает, что последнее слово в сословном споре принадлежало именно Кабардинскому суду. На этом вполне логичном основании мы можем позволить себе, как нечто подобное нередко практикуется в наши дни, отменить решение Комитета, принятое им 125 лет тому назад, и резолюцию начальника округа, наложенную им на прошение Губжева без достаточной аргументации.

В жизни адыгов дух свободы в конечном счете всегда одерживал верх над другими чувствами. Крепостной, который располагал достаточной материальной базой, не останавливался перед затратами, чтобы приобрести личную свободу.

В прошении «кабардинца аула Догужокова Индриса Карданова» генерал-майору Грамотину от 4 июня 1857 г. сказано, что его отец «Дудоруко Карданов с женою Мелаханом в числе семи душ детей обоего пола были чагарами, а не холопами». Он принадлежал узденям Тамовым, мужская линия которых пресеклась, но освободился от притязаний наследницы рода со всем семейством, внеся все свое имущество: «700 баранов, 35 штук рогатого скота, 5 лошадей и разного товару, что могли поднять на две лошади, одним словом сказать, все домашнее имущество». Кроме этого, он уплатил 800 рублей серебром. Муж наследницы Тамовых, по имени Айшед, майор Докшукин дал расписку о вольности Карданову «тому назад 21 год», то есть еще в 1836 г.

Даже отсутствие достаточной для выкупа суммы не останавливало людей в их стремлении к свободе. Кабардинский суд

19 декабря 1862 г. сообщал в Комитет: «Членам Кабардинского окружного народного суда положительно известно, что житель Вольного аула Шакара Белефов действительно занимал из Кабардинской общественной суммы деньги на выкуп своего семейства на волю. Зная очень хорошо, что Шокара Белефов выкупил свое семейство из рабства, члены суда находят, что претензия его на происхождение из сословия *Азет* совершенно справедлива»[196].

Сословные порядки и сословные представления не могли исчезнуть вместе с отменой крепостного права. В той или иной форме они проявлялись до Октябрьской революции и после.

Старшина с. Тамбиева 2 урядник Нахо Емзагов в 1898 г. представил начальнику Нальчикского округа протокол, в котором отмечено: «...я приказал помощнику моему Каномату Нагаеву взять Болкарова (Али. – *С. Б.*), посадить в карцер, но помощник на мое приказание не обратил никакого внимания и на вторичное мое приказание ответил, что Болкарова он не может арестовать потому, что Болкаров старше его по летам, и второе, что Болкаров стоит выше его по происхождению» (ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 495, т. 1, л. 28–29).

В 1908 г. Али Болкаров был старшиной с. Тамбиева 2 (там же, д. 749, л. 57).

КАБАРДИНСКИЙ ВРЕМЕННЫЙ СУД И ОБЫЧНОЕ ПРАВО

Введение Ермоловым в Кабарде русского законодательства не привело и не могло привести к немедленной ликвидации вековых норм обычно-правового регулирования спорных вопросов и проблем. Напротив, учрежденный Ермоловым в Кабарде Временный суд и суд по обычному праву еще долго сосуществовали, постепенно вытесняясь первым, правда, не без рецидивов последнего.

Русская военная администрация на Кавказе стремилась к решительному пресечению самовольства князей. Один из таких случаев имел место в 1832 г. Вольноотпущенный князя подпоручика Наурузова, младшего зятя Кучука Джанхотова, Магомет-Гирей Малухов подал на имя генерал-майора Горихвостова жалобу. Как можно судить по рапорту Кабардинского временного суда генерал-майору Горихвостову, князь Наурузов был должен Малухову семь рублей серебром, одну лошадь и одного быка. Несмотря на просьбы Малухова, Наурузов не возвращал долг. Более того, князь вместо платежа выстрелил в Малухова и пробил «на нем пулею» черкеску. Это было нарушением прокламации Ермолова, которой руководствовался суд. Поступок князя подлежал военному суду, но председатель Кабардинского временного суда князь Магомет Докшукин и члены суда сумели как-то помирить истца с ответчиком.

Суд, докладывая о своем решении генерал-майору Горихвостову «на его усмотрение», отмечал, что за выстрел в Малухова князя следовало предать военному суду. Однако суд, принимая во внимание, что потерпевший простил князя, а ему «строгость прокламации... еще не совершенно известна и во уважение молодых его лет» решил взыскать с Наурузова «штраф скотиною по сто рублей серебром и строго подтвердить впредь себя от таковых поступков удерживать». При этом суд все же указал, что предосудительный по русскому законодательству в Кабарде поступок находится в соответствии «с прежними обычаями кабардинцев»[1].

Голицын также стремился ограничить всевластие князей, которые по старой памяти вершили свой суд в обход Кабардинского временного суда и начальника Центра Кавказской линии. В 1842 г. он писал суду о жалобах кабардинцев, в которых сообщалось о штрафах, налагаемых на них «посторонними лицами». Голицын потребовал от суда прекратить подобный беспорядок и одновременно предписал: «Князю Магомету Жамботову предлагаю объявить выговор и приказать, чтобы он взятых самовольно у узденей Аисы Танова и Кары Кужева быков и коров немедленно возвратил им под опасением строгого взыскания, и князю Алхасу Мисостову приказать отдать быка, взятого им у Ибрагима Тягажова под предлогом штрафа, и экзекутору прапорщику князю Хамурзину объявить, что, собирая штрафы быками, ему не следовало от Тягажова вместо быка брать шашку, и поэтому чтобы он шашку возвратил хозяину»[2].

Однако вековые обычаи и традиции, какими бы они ни были архаичными и не казались начальству недопустимыми, не могли быть уничтожены административными наскоками. Одни начальники в Кабарде сменялись другими, а обычное право время от времени посягало на исключительные прерогативы Кабардинского временного суда, предоставленные ему «Наставлением» Ермолова.

Грамотин в 1853 г. писал суду: «... мне очень жаль, что князья вмешались в дело, которое могло кончиться смертоубийством, один из них позволил себе производить барантовку самопроизвольно, тогда как на этот предмет есть суд и экзекутора, а потому прошу суд кабардинца Алимурзу Жакулова, обвиненного лишь только за то, что он обнажил оружие в Нальчике, арестовать на три недели с посажением на гаубтвахту в Черекском укреплении. Князьям: Хамурзину за самовольную барантовку, вследствие которой возникло дело, и Жамботову, позволившему себе отдавать приказание об отобрании лошадей и оружия у тавлинца Хамурзина, объявить выговор и о исполнении его донести мне».

Этот факт говорит о том, что почти на всем протяжении деятельности Кабардинского временного суда правосудие осуществлялось на основе норм обычного права князьями и другими представителями высшего сословия.

Хотя официальные власти преследовали и наказывали все-

дозволенность, допускаемую князьями, которая постепенно прекращалась, однако ее рецидивы по старой памяти наблюдались довольно часто. В 1854 г. «народный крикун» Мисост Бадраков жаловался в суд на князя Камбота Хамурзина, поймавшего в аульном табуне его лошадь, которую князь «подарил осетину Бебер-ду Федорову»[3] (Фидарову?).

НЕКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ

В Кабарде существовала одна традиция, которая современному читателю может показаться довольно странной. Как свидетельствуют документы первой половины XIX в., кабардинки были обязаны уклоняться от разговоров с русскими мужчинами. Обычай так строго соблюдался, что его нельзя было нарушить даже в том случае, когда требовалось давать показания по следственному делу. Эта норма обычного права зафиксирована в связи с княгиней Кабахан Наурузовой.

13 ноября 1841 г. хорунжий Шорин доносил начальству, что «он два раза ездил в аул к вдове княгине Джанхотовой для снятия с нее показания, но в ответ получил, что по закону ихнему женщины с русским мужчиною не должны иметь никакого разговора». Хорунжий просил дать ему указание, «как должно ему поступать с следствием сим»[1].

Обычай не допускал и появления кабардинки, в данном случае замужней женщины, в судебном учреждении. 20 февраля 1834 г. Кабардинский временный суд докладывал генерал-майору Пирятинскому: «По предложению Вашего Высокоблагородия от 19 февраля за № 327 хотя и следовало кабардинку Сатанею, бывшую с князем Бесланом Хамурзиным в Чечне, выслать для допроса, но как она вышла в замужество аула князя Магомета Докшукина за узденя Мусу Месайтаова, то, по народным обрядам, в суд для вопроса явиться ей невозможно». Суд просил начальника «командировать при депутате офицера или писаря для снятия показаний с означенной кабардинки Сатаней в аул князя Магомета Докшукина»[2].

Не являться в присутственные места было также нормой обычного права для кабардинской женщины. 27 ноября 1845 г. был пойман абрек Уважуко Шогенов. В его задержании участвовали уздень аула Трамова Харис Трамов, хорунжий Калабеков, казак Герасимов и житель аула Трамова Каспот Шахов. «За отличное усердие, оказанное ими при поимке Шогенова», ее участники были награждены деньгами, 150 рублей серебром предназначались и для убитого при поимке абрека Каспота Шахова. Для получения денег в Нальчик приглашались наследники покойного. В связи с этим Кабардинский временный суд 7 сентября 1846 г. докладывал Хлюпину: «...для получения всемилостивейше пожалованных денег наследники убитого вольного кабардинца аула Каспота Шахова прибыть в Нальчик не могут. *Мать их, жена убиенного,*

также по азиатскому обычаю, как женский пол, на вызов отказалась, выслав доверенным родного брата убитого ее мужа, Шахима Шахова (выделено нами. – *С. Б.*)»[3].

Расскажем еще об одном случае подобного рода, когда при необходимости допроса кабардинки члены суда выезжали по месту ее жительства. В 1843 г. члены Кабардинского временного суда ротмистр Захохов и прапорщик Магомет-Мурза Анзоров были командированы к «Марье Кармовой». В суд «занес жалобу» ее влиятельный брат – ротмистр Кизильбек Кармов. Жалоба состояла в том, что житель аула Лафишева Н., принадлежавший к вольному сословию, оклеветал Марью, сказав, что он якобы имел с ней любовную связь. Кармов потребовал судебного разбирательства. Дело в том, что девушка, заподозренная в незаконной связи с мужчиной, подлежала нравственному осуждению и лишалась возможности престижно выйти замуж. Кармов указывал прямо, что клевета оставляет его сестру без «надежды на выдачу в замужество».

Выехавшие по месту жительства Марьи члены суда удостоверились, что «она в взводимой клевете невинна», поскольку в «доказательство подтвердила по обрядам присягою». Н. предстояло опровергнуть доказательство Кармовой. Для этого он должен был представить свидетельство, «но он того не представил». Суд решил: «Девица Мария доказала свою невинность присягою, а кабардинец Н. к оправданию своему ничего не представил то за несправедливое безславие приговорили наказать телесно ста ударами розог»[4].

Пока шло разбирательство, ответчик был отпущен Батырбеком Тамбиевым, который покровительствовал ему, в Малую Кабарду, к Бековичу-Черкасскому, под его покровительство. Донося об этом начальнику Центра Голицыну, суд просил его принять меры «для приведения сего решения в исполнение». На рапорте суда Голицын сделал надпись: «Предписать секретно приставу Малой Кабарды, чтобы он немедленно представил вольного кабардинца Н. в Нальчик за караулом». Чем закончилось предписание – неизвестно, но сам факт столь строгого осуждения свободного человека за такой поступок говорит об обычном праве, которое стояло на страже чести и доброй репутации девушки.

* * *

В 1848 г. вдова княгиня Кабахан Наурузова «занесла жалобу» в Кабардинский временный суд. Она обвиняла крестьян в том, что «если кто из них едет на линию для продажи леса или заработков, не спрашивают у нее на это позволения и в случае надобности не посылают жен своих к ней на ночлег и что они требуют каких обрядов, ей совершенно неизвестно». Крестьяне оправдывались тем, что «многие из них недавно достались по наследству княгине Наурузовой и по неизвестности им всех повинностей, какие они должны исполнять, поэтому вышло между ими несогла-

сие». В связи с этим конфликтом суд разъяснял, что крестьяне «всех кабардинских князей не подлежат тому обряду, которым пользуются» прочие крестьяне кабардинских узденей. Первые «должны исполнять все требования своего князя, но и сей последний в таком случае не обременяет своими налогами, обходится с ними снисходительно»[5].

К судебному разбирательству имеет непосредственное отношение подписка, которую дали суду уздень Безруко Кокузоков и прапорщик Куденетов. Они поручались «ответствовать» в течение одного года за Мусу Тхаказитова и Умара Тлижукова с их семействами, «если мера налогов не будет превышать возможности и в случае их побега или кого-либо из этих семейств»[6].

Приведем еще пример, указывающий на различия в положении и правах княжеских и узденьских крестьян. В 1851 г. крестьяне кабардинца Дударуко Шикова Ток и Соин сообщили Кабардинскому временному суду, что они отданы новым владельцам князьям Магомету и Камботу Джамботовым. Они просили, чтобы за ними сохранили права, «какие они имели у Шикова, именно... выдавать дочерей своих в замужество по их желанию, брать себе жен и чтобы детей от них не разровнять». Князья не соглашались оставить им те права, какими они пользовались у Шикова, требовали от них «равняться с другими их холопьями», которые не имеют никаких прав.

Суд признавал, что крестьяне, поступая к князьям, должны лишиться прав узденьских крестьян, какими они пользовались, но, «принимая во внимание то, что князья Джамботовы получили тех холопьев против их желания», члены суда постановили «оставить холопьев Тока и Соина с их семействами при тех правах, какие имели у Шикова, с тем, однакож, чтобы они исполняли все работы наравне с другими Джамботовыми холопьями». Начальник Центра Кавказской линии утвердил постановление суда[7].

Из решения суда видно, что права крестьян узденей и князей различались, но не совсем понятно, в чем конкретно выражалось это различие. Другое решение суда проливает свет на этот вопрос. Как известно, обычное право допускало брачные связи между крепостным крестьянином и женщиной свободного происхождения, причем жена и ее дети в таком браке считались свободными. Следовательно, жена и дети подобного семейства не подлежали продаже, если они принадлежали узденю. Ситуация менялась, если женщина свободного происхождения оказывалась под властью князя и длительное время не давала знать об этом властям. Пример: крепостной князя Пшемахо Касаева женился на женщине свободного происхождения и прожил с ней 16 лет. После этого Касаев продал их алдару Дударову. Тогда она и заявила о своем происхождении, видимо, будучи недовольна новым владельцем. Князь Касаев подал в суд встречное прошение, в котором он просил «его не лишать княжеского обряда». Кабардинский временный суд в 1851 г., рассмотрев это дело, нашел, что поскольку до ее продажи она «о вольности претензии не показывала... в

продолжении более 30 лет... и как она попала под власть князя, то по обряду если бы она была вольного происхождения, лишается права на отыскание свободы»[8].

Касаясь брачного права кабардинцев, затронем одну его в прошлом довольно распространенную, но и в наше время встречающуюся норму – обычай умыкания. Этот вопрос рассмотрен многими историками[9] и, можно сказать, исследован довольно обстоятельно. Однако архивные материалы позволяют вносить в него некоторые дополнения и уточнения.

В 1851 г. генерал-майор Эристов в связи с участившимися случаями похищения девушек предложил Кабардинскому временному суду «принять строгие меры к устранению подобных своевольных поступков» и донести ему, «какое суд сделает распоряжение». В проекте постановления суда, предложенного начальнику Центра «на благоусмотрение», признано «преступлением всякого рода насильственный увоз девиц». Преступлением считается увоз девицы даже в том случае, если она засватана и совершен накях, но при похищении из дому выбиты дверь и окна. Этот вид похищения подлежал «штрафу по прежнему примеру» 50 рублей серебром. Соучастники похитителя подвергались штрафу по 20 рублей. Если же девушку похищали «по согласию ее без ссоры и драки, в таком случае не подлежит штрафу».

Строгим мерам пресечения предлагалось подвергнуть тех, «кто незасватанную девицу или хотя он сватался, но родители ее или она сама не пожелала выйти в замужество за него, и увлечет ее насильно из дому, с двора, в поле или с дороги во время поездок...». В данном случае с похитителя взимался «штраф на сумму 200 рублей серебром» (вместо отмеченных в литературе 100 рублей). Для этого вида похищения суд предлагал различные меры наказания для различных социальных слоев. Если похититель был «благородного происхождения, то выдержать на гаубвахте шесть месяцев, а если простого звания, наказать розгами в 100 ударов». Несостоятельных, т. е. бедных, похитителей предлагалось «выдержать один год на гаубвахте на своем продовольствии». Суд также предлагал в случае, «когда во время насильственного увоза не засватанных, т. е. без начеха из числа преступников, ворвавшихся в дом, на двор или напавших на поле, в дороге, если кто будет убит защищавшими девицу, в таком случае родственники убитого лишаются права искать законного удовлетворения»[10]. Последний пункт постановления особо свидетельствует об угрожающих формах, которые порой принимало похищение невест, поэтому более чем вероятно, что генерал-майор Эристов его утвердил. Во всяком случае известно, что за убийство участника похищения «обычное право не требовало «лъы уасэ» – плату за кровь, хотя были нередкими случаи, когда родственники убитого прибегали к кровной мести»[11].

Заслуживает внимания обычай, касающийся долгов, оставшихся за умершим узденем. В 1849 г. в судебном порядке рассматривалась жалоба кабардинца Аиса Туркова. Он просил вернуть долг,

который был за осетином Адо Алагировым, умершим к тому времени. В ходе разбирательства выяснилось, что Алагиров перед смертью завещал отпустить трех крепостных крестьян на волю «без всякого выкупа, лишь только для спасения души», и действительно они жили «ни от кого независимо». А согласно мусульманскому закону подобное завещание приводилось «в исполнение по уплате всех справедливых долгов, лежащих на покойном, неуплаченных при его житии». Поэтому, «по смыслу шариата», удовлетворение жалобы Аисы Туркова суд возложил на трех вольноотпущенников покойного узденя Адо Алагирова[12].

* * *

Отношения князя и беслен-уорка, тлекотлеша и уорк-шаотлухуса были одними из наиболее существенных факторов общественного устройства Кабарды. Они строились на основе подарка, называемого «уэркътын», напоминающего «феод». Он включал в себя движимое и недвижимое имущество. Подарок обязывал получившего его нести определенные повинности, однако в случае ссоры с князем беслен-уорк мог отказаться от взятой на себя перед ним обязанности. При этом он имел право переселяться к другому князю или тлекотлешу, не утрачивая приобретенной степени узденства. Для этого достаточно было возвратить князю полученный от него подарок. Однако такие случаи наблюдались чрезвычайно редко. Документ свидетельствует: «Обыкновенно ссора князей со своими беслен-уорками содействием сторонних людей оканчивалась примирением. Необходимость же примирения происходила от того, что по понятиям кабардинцев оставление беслен-уорком своего князя составляло неизгладимый позор как для того, так и для другого»[13].

Архивные материалы нередко грешат против истинного положения. Примером того, что не все ссоры князей и беслен-уорков оканчивались примирением, может служить прошение князя Асланбека Мисостова в Кабардинский временный суд: «Не могу не довести до сведения сего суда два примера, из которых суд сей усмотрит, что... получали удовлетворение даже по таким искам, на которых давность более могла распространяться, а именно: 1) дед князя Кази Хамурзина князь Бек-Мурза Хамурзин около ста лет назад сделал подарки узденю Захохову, о возвращении которых сын князя Бек-Мурзы Хамурзина князь Безруко Хамурзин, живший более 60 лет, не искал, а внук названного Кази Хамурзин простирал иск о возвращении ему подарков, сделанных его дедом узденю Захохову, и по разрешению суда получил удовлетворение...»[14].

Другой обряд касается конфликта беслен-уорка с узденем 1-й степени. Пристав Малой Кабарды штабс-капитан Диков в 1845 г. докладывал Голицыну о конфликте между жителями аула Абаева Мирзоевыми и владельцами аула Абаевыми. Кайтуко Мирзоев просил Дикова разрешить ему с братьями в количестве 8 семейств

переселиться в аул поручика Исламова. Причина смены места жительства заключалась в следующем. Абаев был недоволен на Мирзоевых за то, что они «дали между собою присягу, чтобы все, что случится, воровство или кто примет абреков, доводить до сведения начальства». Диков просил Голицына, если не будет особых препятствий, переселить Мирзоевых согласно их просьбе. Голицын уведомил Дикова, что он не возражает против их переселения, если по обрядам оно допускается. Руководствуясь предписанием Голицына, Диков выяснил, что уздени 2-й степени, а к ним принадлежали Мирзоевы, могут переселиться к другому узденю первой степени, если они подвергаются притеснению и возвратят полученную узденьскую дань. Поручик Асланбек Абаев сначала согласился на предложение Дикова «идти на шариат», а затем передумал, но отказался разобраться с Мирзоевыми и по адату.

Мотив его отказа заслуживает быть особо отмеченным. Он заявил, что «уздень с узденем адатом никогда не разбирается, а только может уздень с своим или с другим каким-либо холопом разбираться адатом»[15]. Нелишне здесь отметить, что слова Абаева вскрывают несостоятельность взгляда Н. Дубровина по такому важному вопросу, как роль и место адата и шариата в судопроизводстве адыгского народа. Он пишет: «Укоренившаяся в народе одинаковая законность судов, по адату и по шариату, допускала произвол, предоставляя тяжущимся выбор того или другого»[16].

Установленный порядок разрешения конфликта между Абаевым и Мирзоевыми не оставляет сомнения в том, что существовали вполне конкретные случаи, которые требовали разбирательства по адату или шариату. В данной ситуации Голицын предписал Дикову объявить Абаеву «кончить непременно дело это по народным обычаям, и если он за сим покажет неуместное сопротивление... переселить Мирзоевых по желанию их к Исламову». Абаев, вероятно, не соглашался. Это видно из того, что три человека из рода Мирзоевых были ранены в стычках с Абаевыми. Тем временем вскоре после похода Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г. Голицына уволили, а 21 апреля Хлюпин получил донесение, что «малокабардинец Кайтуко Мурзаев с своими братьями переселились к поручику Исламову». По-видимому, эти Мирзоевы имели свой аул. В материалах за 1873 г. фигурирует известный своей общественной деятельностью Жамбот Мирзоев. О нем сказано: «До соединения аулов был владельцем аула, имеет влияние в народе и всегда как почетный избирается народным депутатом и ходатаем по их делам. Со дня же освобождения зависимых сословий состоит депутатом от владельцев в мировом посредническом суде и много способствует к большим уступкам владельцев в пользу временнообязанных»[17].

Купля-продажа крепостных крестьян совершалась в соответствии с обычно-правовыми нормами. Статья 25 дополнения кабардинских обрядов – «Преимущества узденей Куденетовых» – гласит: «Когда чагар, имея холопьев, и с позволения своего гос-

подина захочет продать их, тогда избирает трех покупщиков, в числе коих и был бы сам господин, и предоставляет волю холопу, кому оной назначит себя в продажу»*. Якуб Шарданов, рассуждая об этой статье, писал: «Как чагар не должен иметь холопьев, то и обряд этот следует вовсе уничтожить»[18]. Тем не менее чагары продолжали иметь холопов и обряд не уничтожался.

Практическая реализация права этого рода крепостного крестьянина выбрать себе покупателя прослеживается в докладной записке поручика Хатокшука Анзорова от 6 марта 1851 г. «Назад тому до 3-х месяцев, – писал он Эристову, – как я купил у вольноотпущенника, принадлежащего моему узденину Докшуке Пиритову, у Магомета Гетежева холопей и заплатил ему все сполна деньги, всего серебром 316 рублей. Ныне купленной мною холоп не повинуется, говоря, что господин его должен был представить 3-х покупщиков, и к кому он захочет, тому должен быть продан. Действительно, это так, но в таком только случае, если холоп продается в посторонние руки, а если подвластный мой хотел бы продать холопей, а я, имея в них надобность, и уплачу ту сумму, что дают посторонние, то ни холоп, ни продавец его, кроме меня, другому продать не вправе. Основываясь на эти обряды, я и купил означенного холопа»[19].

Крестьяне, принадлежавшие не только чагарам, но и вольноотпущенникам, имели право выбора из трех положенных покупателей наиболее для себя подходящего. Однако этот обряд действовал только в том случае, когда крепостной продавался в чужие руки. Если бы господин непосредственного владельца крепостного крестьянина, имея желание купить его, давал бы за него равную с другими двумя покупателями сумму, то этот владелец, равно и продаваемый им крестьянин, не имели права не подчиниться его воле.

* * *

Некоторые нормы обычного права, вероятно, не зафиксированы в дошедших до нас документах. Князь Баратов в рапорте начальнику штаба войск Левого крыла Кавказской линии полковнику Зотову от 18 января 1859 г. писал: «В Кабарде есть много лиц, с которых следует делать взыскание на уплату частных и казенных претензий. Между тем некоторые из них не имеют никакого состояния, кроме небольшого числа холопей». Баратов просил уведомить начальника Кабардинского округа Орбелиани, «можно ли у несостоятельных должников отбирать холопей их, продавать и с публичного торга для удовлетворения казенных и частных претензий...». Запрос был передан на обсуждение Кабардинского окружного народного суда. Последний 30 мая того же года доложил: «...по существующим издревле народным обычаям от несостоя-

---

*Ш. Ногмов излагает часть статьи после слов «в числе коих» в следующей редакции: «...должен находиться сам господин, и предоставляет более самому холопу назначить себя в продажу кому-либо» (ИАН. 1994. С. 168).

тельных должников холопья отбирались, но не было примера, чтобы они продавались с публичного торга».

Порядок отбирания крепостных крестьян был такой. Сами крестьяне в течение одного месяца должны были найти человека, который выкупил бы их. Если они не смогут найти такого человека, за ними оставалось право «из своей собственности уплатить за себя выкуп и быть свободными». В связи с этим окружной народный суд принял на себя «обязанность отыскать покупщика и, продавая крепостных несостоятельных должников, возвращать вырученные деньги казне и частным кредиторам»[20].

Другая норма обычного права просматривается в прошении муллы Даута Курашинова Эристову за 1848 г. Суть его в том, что Курашинов, имея жительство на реке Боргустане в ауле Абукова, дал в долг полковнику Мисосту Атажукину товаров на сумму в 50 рублей серебром. В качестве свидетеля Курашинов указывал на майора Абукова и других жителей аула. Прося содействия Эристова, Курашинов писал: «Так как я при старости и древности моих лет остался в бедном *положении и не могу содержать свое семейство, а к его Высокоблагородию не осмелюсь просить своей собственности...*» (выделено нами. – *С. Б.*)[21]. Судя по словам Курашинова, лица не княжеского происхождения не напоминали князю о своем долге, пока он сам не вернет его, считая такой поступок оскорбляющим как достоинство князя, так и самого заимодавца.

* * *

Еще об одном, пожалуй, неизвестном обычае продажи крепостных крестьян. В ауле князя Кайсымова в 1850 г. проживал вольный кабардинец Огурли Сеинов. Его родной брат Али Сеинов находился «в подданстве у узденя Умара Сеинова», жившего на реке Мишхике. Последний решил продать Али князю Кайсымову. В связи с этим Огурли подал прошение Эристову, из которого выясняется важная норма обычного права кабардинцев. «По нашим обычаям, – разъяснял Огурли Сеинов, – делается продажа холопов различно: князь имеет право продать своего холопа равному себе, и то если согласен будет сам холоп; уздень также не может продавать своего холопа в высшее рабство, тем более без согласия на то крестьянина». Опираясь на эту норму обычного права, вольный Сеинов просил начальника Центра Кавказской линии воспретить узденю Сеинову продать его брата князю Кайсымову.

Препровождая прошение в Кабардинский временный суд, Эристов предложил ему удовлетворить просьбу Сеинова, «если домогательство его на этот предмет справедливо»[22]. Решение суда неизвестно, но вряд ли Огурли Сеинов стал бы обращаться к самому начальнику, если бы не было обычая, согласно которому князья должны были продавать своих крепостных равным себе, т. е. князьям, а уздени не имели права «продавать своего холопа в

высшее рабство». Иначе говоря, уздень не имел права продавать своего крепостного не равному себе узденю или князю, хотя, конечно, и те и другие часто «забывали» о своих правах, когда это им было выгодно. Отметим также, что одни и те же фамилии в феодальной Кабарде могли носить и уздени, и вольные, и крепостные.

* * *

Материалы по обычному праву кабардинцев издавна привлекают внимание исследователей. Однако до сих пор нет полного свода обычно-правовых норм кабардинцев. Такое положение объясняется не только тем, что актуальная сама по себе эта проблема не стала предметом специального исследования. Задача осложняется еще и тем, что не все нормы обычного права, как мы заметили выше, выявлены. В частности, не зафиксированная опубликованными источниками норма встречается в ниже рассматриваемом судебном разбирательстве.

В 1849 г. в Санкт-Петербурге умер штабс-ротмистр «из кабардинцев» Кази-Магомет Дударов. У покойного была жена по имени Гуаша. Она состояла с ним в браке десять лет, наслаждаясь «спокойствием, щастием и дружбою всех родных покойного мужа». Умерший штабс-ротмистр имел и брата Ильяса, который жил с ним нераздельно. Поэтому Гуаша не без оснований стала опасаться, что имущество ее мужа перейдет к ее деверю. Вскоре у Дударовых совершается кража на крупную сумму – 8 тысяч рублей серебром. Среди украденных вещей находилась и фамильная реликвия – «налокотники и нарукавники из чистого булата самой древней работы, оправленные золотом, подаренные грузинским царевичем Араклием»*, стоимостью в «две души мужеского пола». В краже заподозрили крепостного человека Мусу. Его вину доказали быстро и простым способом. В то утро земля была покрыта инеем, ему приказали «снять башмаки и начали примеривать по следам, и одни следы пришлись по... башмакам». Муса был выходцем «из кумык – из Андреевской деревни». В 12-летнем возрасте он оказался похищен у родителей «и продан Салиман-Эфендию, а сим последним продан или подарен умершему Кази-Магомету Дударову». Он понимал «твердо, что ожидает кривоприсяжника, и у Шамиля лгунам отсекают голову, а здесь ссылают в Сибирь по шариату...». И Муса признался в предъявленном ему обвинении, но добавил, что он согласился на кражу «по просьбе вдовы Гуаше, обещавшей дать ему свободу и кроме того подарок от братьев». Мусе «так хотелось получить свободу, что если бы что не предполагала сделать госпожа его, то он на все бы решился», чтобы «отправиться на родину к отцу своему».

Следствие продолжалось 9 лет. Все это время Муса сидел в тюрьме. Наконец было определено, что его преступление под-

*По-видимому, имеется в виду царевич Александр, сын Ираклия II.

лежит «наказанию шпицрутенами через сто человек пять раз». Однако приговор не был приведен в исполнение благодаря амнистии, объявленной в манифестах нового царя Александра II от 27 марта 1855 г. и 26 августа 1856 г. По «делу Мусы» привлекались к ответственности Албот и Иналуко Инароковы. Было решено их «предать военному суду с содержанием на гауптвахте с тем, чтобы суд постановил заключение и о вдове Гуаше (вышедшей замуж за корнета Дударова)...».

Вдову Гуашу допрашивал подполковник Шостак. Не касаясь подробностей допроса, приведем во многом любопытный заключительный аккорд их диалога: «После всех ваших, подполковник, вопросов всем нам и после всех наших ответов я желаю знать, в каком вы остаетесь убеждении? Неужели вы сопричтете и меня в участницы этого постыдного поступка?». Ответ мой: «Я не так молод, чтобы тут же дал вам утешительный ответ. Знайте, что зрелость возраста и опыт не ходят нигде с повязкою на глазах». Видевши женщину не первой молодости, но привлекательной наружности, истомленную образом жизни и корысти, по врожденности своей говорящую и отвечающую на все вопросы точно как звенит колокольчик без остановки, я не мог иначе отвечать ей. Ответ мой был переведен буквально. Она призадумалась, замолкла – и поклонилась».

Вернемся к нити изложения. При Владикавказском ордонансгаузе действовала комиссия военного суда. Для проведения суда над братьями Инароковыми были приглашены: презус – Тенгинского пехотного полка майор Бетаки, асессор – того же полка прапорщик Грабовский* и др. Узнав о намерении властей, князья и уздени от имени «полного общества Малой Кабарды» обратились к «командующему линией Военно-Грузинской дороги» и следователю по данному делу подполковнику Шостаку с прошением. Они заявили: «Узденя Инароковы с самой природы есть поведения хорошего и ни в каких противузаконных поступках нами замечаемы никогда не были». Уздени просили начальство разрешить им судить Инароковых по «своим народным обычаям». Они хотели уверить начальство, что показание крестьянина Мусы, согласно которому было предъявлено обвинение Инароковым, «никак нельзя принимать справедливым». Примечателен довод, на основании которого просители старались доказать несостоятельность показания Мусы: «Из нас всякий имеет подобных холопьев, – писали они,– и если каждый из них мог бы говорить в сторону своего господина, то на это нет в азиатских *народах обычаев, чтобы принимать слова холопьев в резон в каких-либо тяжебных делах...»* (выделено нами. – *С. Б.*)[23]. Прошение подписали: корнет князь Ахлов, капитан Эдык Астемиров, подпоручик Элихан Индаров (Алихан Эндаров), прапорщик Эльбездуко Астемиров, поручик Каирбек Исламов, Мусса Исламов, Кайтуко Хажи Мирзаев, Молко Мальбахов, прапорщик Хажи Абаев, под-

---

*По-видимому, отец историка Н. Ф. Грабовского.

поручик Асланбек Абаев, Эльмурза Инароков, Хажи Шабиюх Индиров, Касы Боташев, Хажи Тембот Булатов, Кайтуко Жилахажев, Эсуп Тобеев, эфендий Жамурза Варитлов, хажи Ухов, корнет Эльмурза Азапшев и др.

Не принимать слово крепостных крестьян в качестве довода в судебном разбирательстве – вот норма обычного права, о которой напоминалось в прошении и которая не зафиксирована в опубликованных материалах. Часть авторов прошения была вызвана в ст-цу Ардонскую. И здесь в 1851 г. они дали присягу в том, что Инароковы «как до сего, так и ныне пользовались всегда отличным уважением жителей всей Малой Кабарды, будучи преданы Российскому правительству и участвуя в походах и делах против неприятеля». На присяжном листе сделана пометка: «К присяге приводил и собственноручно здесь на арабском языке подписался малокабардинский эфендий Малбахов»[24]. Она, между прочим, дает возможность сказать, что Малая Кабарда имела своего главного эфенди.

* * *

Еще об одной полузабытой обычно-правовой норме. После смерти председателя Кабардинского временного суда князя Бекмурзы Айдемирова к начальству стали обращаться его кредиторы с просьбой возместить числящиеся за покойным долги.

В ответ на подобные претензии Шора Ногмов напомнил положение обычного права: «...до сих пор не слышно ни от кого из жителей Кабарды о претензии за долги покойного и по обрядам кабардинским, естьли по смерти князя останутся долги и он не заплатил их при жизни, остаются без удовлетворения».

Это положение более или менее известно, но далее Ногмов приводит обычно-правовую норму кабардинцев: «Расписка же в долгах между кабардинцами никогда не бывает». Эта статья – лучшее свидетельство существовавшего у кабардинцев образцового нравственного кодекса.

Другая норма обычного права выясняется в связи с фамилией Буздева. В 1860 г. житель а. Ахлова Пшемахо Буздев обратился с прошением к начальнику Военно-Осетинского округа. Он отмечал, что пять лет тому назад он «увезен был в плен абреками Малой Кабарды: Омаром Таушевым, Махомет Урумовым, Джанхот Азапшевым и Маж Кодзоевым». Спустя время он был выкуплен его односельчанами. В этом случае выкупленный по обычаям был обязан возместить выкупную сумму, а так как Буздев был «одинокий и бедного состояния», то ему пришлось заработать должных 90 рублей серебром и вернуть тем, кто его выручил из плена. Буздев указывал, что абреки эти «сделались» потом «мирными» и жители аула, опять-таки по обычаю, присудили, чтобы они уплатили потерпевшему 90 рублей серебром. Просьба Буздева состояла в том, чтобы принудить Кодзоева заплатить причи-

тающуюся с него сумму, как это ранее сделано другими бывшими абреками.

Указывая на одну статью обычного права адыгов, Бларамберг писал: «Черкесы не терпят оскорблений или грубых эпитетов в свой адрес. Если подобное случается между двумя князьями или дворянами, они вызывают друг друга на дуэль, но человек более низкого происхождения или крестьянин могут поплатиться своей жизнью»[25].

Этот обычай распространялся и на женщин.

В 1879 г. Кайсын Анзоров обратился к начальству с запиской: «Ко мне прислана жена Кургоко Куденетова, она дочь Муссы Кундухова и приходится мне родственницей через Тугановых. Она говорит, что ее ни за что понесла весьма дурными словами, сопряженными и с ругательством, жителька Куденетова аула жена Кармова*. Она считает за себя глубоко обиженною. Я обращаюсь к Вам с моею глубокою просьбою, примите в ней участие и доставьте удовлетворение, естьли она точно крайне обижена. Этим Вы много меня одолжите. Ваш всегда покорный с[луга] К. Анзоров»[26].

Дело это рассматривалось Горским словесным судом 11 февраля 1880 г.

Он донес начальнику Пятигорского округа, куда входила Кабарда в тот период, следующее: «... при рассмотрении настоящего дела суд не мог применить к оному прежний обычай, существовавший в среде кабардинского населения [по] оскорблению лиц высшего происхождения подвластными им, так как по обычаю требовалось бы или убийство оскорбителя, или же продажи** всей семьи в дальние края, в чем суд предлагал сторонам окончить дело примирением». Хан Хагундокова, обвинявшаяся в оскорблении Ханбекиры Куденетовой, также заявила, что она «была сильно оскорблена Ханбекир Куденетовой в ее же доме»[27]. Для урегулирования конфликта суд назначил уполномоченным князя Асланбека Атажукина, который принял сторону Куденетовой, и в результате было принято решение, чтобы «Хагундоков с семейством своим переселился в другой аул».

В объяснении суда заслуживает внимания упоминание о норме обычного права, которое запрещало оскорбление «лиц высшего происхождения подвластными» под страхом убийства или продажи «в дальние края». Данное судебное разбирательство доказывает, что хотя позиции князей и дворян к началу 1880-х гг. сильно пошатнулись, они так или иначе сохраняли свое привилегированное положение.

Джорджио Интериано записал одну сторону обычного права адыгов, которая подчеркивает важную черту характера народа: «И несколько раз в году, когда они (дворяне. – *С. Б.*) справят себе новое платье или красную шелковую рубаху, какие у них в

---

*В материалах суда она названа женой Ибрагима Хагундокова.

**Это слово написано вместо зачеркнутого – выселение.

обычае, то сейчас же все это выпрашивается в дар вассалами. Если же откажутся отдать или покажут свою неохоту, то это у них считается величайшим позором. И потому стоит только попросить у них что-либо подобное, как они сейчас же предлагают (взять)...». Исключение распространялось только на три предмета: обувь, оружие и коня, «которых никогда не дарят»[28].

Этот же обычай, бытовавший у адыгов несколько веков, зафиксировал Н. Дубровин: «Примеры скупости были весьма редки между черкесами; да и нельзя было быть скупым, когда в обычае народа укоренилось правило, что порядочный человек должен подарить вещь нуждающемуся по первому его слову или намеку. Стоило похвалить чекмень, бурку, лошадь или другую вещь, как черкес тотчас же дарил вам ее»[29].

В перечень имущества, которое могло служить предметом дарения в XIX в., уже входила лошадь, что исключалось во времена Интериано, но, видимо, здесь ошибки нет: за века в обычаях многое изменяется неузнаваемо. Обычай обычаем, но адыгам все же удавалось уклониться от проявления такой, подчас невыгодной и ущербной для себя, щедрости. Для этого они нередко одевались не в самое лучшее, что могло бы стать предметом похвалы. Были и другие способы, исключавшие необходимость дарения своей вещи другому лицу. Об одном из таких способов рассказано в рапорте следователя поручика Кузьмина.

В 1834 г. Якуб Шарданов доложил Пирятинскому, что он информирован посторонними лицами о плети, разысканной следователем поручиком Кузьминым в ауле узденя Алежука Докшукина.

Эта плеть, по-видимому, имела какое-то отношение к убийству прапорщика Камбота Кильчукина, совершенного в 1832 г. Поэтому Пирятинский предписал следователю донести ему подробности об этой находке. Из рапорта последнего видно, что в 1833 г., во время свадьбы сына князя Магомета Докшукина, Бекмурзы, вольный кабардинец Ильяс Серюков (Серчэ? Серков?) нашел плеть и отдал ее вольному кабардинцу Ильжеруко Сихову. За этой плетью приезжал к Сихову ее хозяин – уздень Жембот Кличев, но тот, «полагая что-либо важное заключается в сей плети, то возвратил оную обратно Ильясу Серютову» (Серюкову). Следствие установило, что плеть найдена при свидетелях уздене Шугане Аважукове и вольном кабардинце Емгаже Ашибокове, но вопрос был в том, когда она найдена: до или после убийства князя Камбота Кильчукина. Для нас же здесь важно другое. На костяной ручке плети на арабском языке была сделана надпись: «Жембот. Плети оной никому никогда он не отдаст и не подарит»[30].

Надпись на плети означала, что ее владелец несменяем. Можно предположить, что эта надпись на ручке сделана возлюбленной Жамбота или по ее просьбе. Во всяком случае, подобные маленькие хитрости служили преградой для тех, кто злоупотреблял обычаем.

29*

* * *

Между узденем из аула Докшука Куденетова Карткожаком Каровым, работавшим по найму в Малой Кабарде, и малокабардинскими узденями Аслануко Бацежевым и Исмаилом Куантовым возник конфликт. Кабардинский временный суд в 1834 г. ходатайствовал за Карова, а Бекович-Черкасский защищал Бацежева и Куантова.

Каров доказал свою правоту, выставив «таракашала, каковым и был избран от него уздень Инаруко Шанов».

Кабардинский временный суд в рассматриваемом рапорте к полковнику Пирятинскому употребляет новое для него слово «таракашала». Значение его понятно по смыслу текста: свидетель клятвой своей оправдал невинно подозреваемого.

Это же слово употребил и пристав Малой Кабарды Бекович-Черкасский. Касаясь того же шариатского разбирательства, в котором участвовал эфенди Шерагиев, пристав писал Пирятинскому, что он приказал «разобрать по адыгскому обряду шариатом». При исполнении чего требовалось от него, Карова, «тхаруко шахатль по его выбору...»[31].

Как видно, слова «таракашала» и «тхаруко шахатль», вероятно, можно было бы перевести как «тхьэрыIуэщIалэ» и «тхьрыIуэлI», т. е. мужчина, который дает клятву в оправдание кого-либо.

Норма стоимости продажи крепостного. В 1850 г. народный эфендий Шогенов обратился в Кабардинский временный суд с жалобой на узденя из аула Тохтамышева Озермега Нашхова, у которого он купил холопа за 280 рублей серебром, но который не стоил более 170 рублей. Шогенов просил суд возвратить ему переплаченную сумму в 110 рублей. Нашхов отказывался под тем предлогом, что условие продажи было обговорено при свидетелях. Шогенов сам даже просил уступить холопа за 280 рублей, на что продавец «долго не изъявлял согласия». Нашхов был согласен отдать деньги покупщику с тем, чтобы тот возвратил ему крепостного крестьянина.

Кабардинский суд признал жалобу Шогенова справедливой. При этом суд исходил из нормы обычного права, о которой, можно полагать, не знал и сам народный эфенди. Дело в том, что обычай народа запрещал продавать холопов, кроме ясырей, больше, чем за 160 рублей. За нарушение этой нормы продавец и покупщик крепостного подвергались штрафу, сделка объявлялась недействительной. Однако в данном случае суд принял «во уважение носимого эфендием звания [народного эфендия]» и оставил за ним купленного крепостного, а с Нашхова взыскал переплаченную сумму, «не подвергая обоих штрафу».

Судебное разбирательство это могло и не состояться, если бы проданный крестьянин не сообщил суду, что «бывший господин его Нашхов продал его эфендию противно обряду свыше положенной суммы 160 рублей серебром, и что таковая сумма (280 рублей серебром. – *С. Б.*) платится за тех, кто не подлежит адату, и что таковой продажей впоследствии могут [его] лишить

адата, почему просил, чтобы продажа [была] сделана согласно обряда»[32].

Рассматриваемый документ ценен не только в том смысле, что дает конкретное представление о порядке продажи различных категорий крепостных крестьян, а главное – указывает на то обстоятельство, что по адату крепостной имел больше прав и Нашхов опасался лишиться его.

Весьма важной статьей обычного права кабардинцев являлся вопрос о телесных наказаниях. В связи с этим показательно дело, рассмотренное Комитетом по разбору личных и поземельных прав Кабардинского округа в 1862–1863 гг. Комитет указал на то, что он «совершенно против употребления телесных наказаний как между кабардинцами, так и вообще всеми туземцами округа». При этом Комитет исходил из того, что «телесное наказание с применением к преступникам в глазах кабардинцев и вообще горцев слишком позорно и бесчестно, доказательством чего служат неоднократно повторяемые случаи самоубийства и сумасшествия наказанных». Комитет далее указывал на причину столь трагических последствий телесного наказания: согласно обычному праву кабардинцев, «наказанный и не отомстивший за себя или не лишившийся жизни навсегда считается отчужденным от общества и опозоренным». Принимая такое решение, Комитет, в частности, руководствовался тем обычаем, который запрещал «показываться женщине в народе с обнаженной какой-либо частью своего тела», так как в рассматриваемом деле была замешана женщина, которой грозило телесное наказание (ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 757, л. 52, 52 об).

* * *

Время возникновения отдельных норм обычного права можно проследить по архивным материалам. Об одной из них говорится в документах поземельной комиссии за 1865 г. Касаясь различных постановлений, утверждаемых высшей властью, комиссия сочла необходимым включить в их число и узаконить то, чтобы «обязанности пастухов и караульщиков коней, пчельников и сенокосов поручались беднейшим семействам аула, как не в состоянии нести повинностей, дабы этою мерою сколь возможно избавлять общество от обременения неимущими своими жителями и предоставить сим последним платою за их труд средство выйти в два, три года из бедности, служащей нередко одним предлогом ленивым людям не работать и быть избавленными от общественных и даже аульных расходов»[33].

Таким проницательным взглядом на общественную жизнь, который актуален и сегодня, кабардинцы не только уменьшали количество беднейшего населения, но, включая их в число налогоплательщиков, облегчали себе тяжелое бремя налогов, распределяя их на возможно большее число народа.

По-видимому, в исследовательской литературе неизвестный

обычай упоминается в приказе начальника Георгиевского округа от 8 января 1870 г. следующего содержания: «Между горскими племенами Терской области существует обычай, – писал он, – по которому родители, виновные в насильственной смерти своих детей или зависимых от них родственников, вследствие ли дурного обращения с ними или принудительных мер к выходу лиц женского пола в замужество, не подвергаются никакой ответственности на том только основании, что за кровь умерших таким образом детей некому требовать удовлетворения». На основании предписания начальника Терской области и «имея в виду, что означенный выше обычай не соответствует современному состоянию даже горского общества», начальник округа Вояковский приказал «объявить при полных сборах обществ в каждом ауле, что родители, виновные в насильственной смерти своих детей или зависимых от них родственников, будут подвергаемы наказаниям на основании общих законоположений Империи»[34].

ОБ ОДНОЙ ОБЫЧНОЙ ПРАВОВОЙ НОРМЕ

В феодальной Кабарде сословные права менее привилегированных слоев населения, не говоря уже о различных категориях крестьян, сплошь и рядом нарушались. В материалах Кабардинского временного и Кабардинского окружного народного судов имеется немало примеров подобного рода. В 1857 г. из штаба войск Левого крыла Кавказской линии был сделан запрос на имя командующего войсками по просьбе жителя Малой Кабарды аула Астемирова Кацу Тапханова, «отыскивающего свободу» своей дочери, находящейся в «рабстве» у узденя Большой Кабарды Тоху Хажиба. Для выяснения всех обстоятельств дела требовалось знать «действительно ли дети женщины свободного состояния, вышедшие замуж за холопьев, признаются по обычаю кабардинцев холопьями».

По предписанию начальника округа Орбелиани, суд ответил: «...женщин свободного состояния, вышедших замуж за холопьев по обычаям народа и по шариату не признают холопьями, и происходящие от такового брака дети пользуются вольностию; по сие время не принято за правило в Кабардинском суде выходящих вольноотпущенниц замуж за холопьев обращать в рабство»[1].

Аналогичный вопрос возник в 1862 г. Князь Пшимахо Касаев в 1859 г. купил служанку по имени Ханифа с сыном Куралеем. Спустя два с половиной года Ханифа объявила князю, что она «вольного происхождения и не желает служить» ему. А при купле служанки между продавцом Безруко Коголкиным и Касаевым не было «сделано законной покупки», т. е. не был составлен законный акт. А в связи с этим Касаев просил Орбелиани приказать Коголкину принять обратно служанку с сыном, а деньги (800 рублей серебром) вернуть ему.

Ханифа в 1862 г. также обратилась к Орбелиани с просьбой

предоставить ей возможность разобраться по шариату о своем происхождении. Она указывала, что после смерти ее отца Пшегусы осталась с матерью Бизазою и четырьмя братьями и «принадлежали в узденьстве» Айтеку Конокову, т. е. «осталась в свободном состоянии». Коноков по праву сильного «раздробил это семейство и роздал в разные руки». Ханифа 4-летней девочкой сначала попала к ногайскому князю Хаджи Береслану Туганову. Находилась Ханифа у него 20 лет, потом новый владелец продал ее князю Алхасу Мисостову, а тот, спустя 12 лет, отдал в счет калыма князю Магомету Джамботову, а он – Хаджи Безруко Коголкину. Родственники Ханифы, «спустя 30 лет после раздробления этого семейства», сумели посредством покровительства князя Мисоста Наурузова добиться признания своих прав после разбирательства по шариату и были обращены «в первобытное состояние».

По примеру других членов семейства, Ханифа надеялась добиться признания своих сословных прав. Как видно из переписки, к выяснению происхождения Ханифы подключился и народный эфендий Жамурза Варитлов, который послал за Кубань Ислама Батыргова с письмом «о возобновлении свидетельства свидетелей (Брам Талишеров (Тхацуков) и Идрис Шибзухов.– *С. Б.*) по претензии Тлостанпила (видимо, сына Ханифы. – *С. Б.*) о узденском происхождении матери его». Шариатское разбирательство установило, что «действительно мать бабушки просителя Тлостанпила есть дочь Хажи Хазгирея Ошхунова из жителей аула Сидова (Шидова. – *С. Б.*), который считался узденем наравне других узденей, и та женщина также происхождения узденского... и никогда род их не был в рабстве даже во время идолопоклонства, и мы признали их свидетельство законным».

Относительно родственников Ханифы, которым удалось ранее доказать свое право считаться свободными (среди них был и житель Абазехского округа Терчемуко Шибзухов), то по сведениям, полученным из этого округа, одни свидетельствовали, что они относятся к крепостным, а другие – к свободным. Здесь противоречия не было, так как считавшие их крепостными исходили из положения по мужской линии, а другие – из положения по женской линии. Абазехский эфенди Хажи-Бекир, опираясь на показания свидетелей Умара Маргушева, Экира Лахадугова, Шабана Тукова, Аслануко Дохова и Исмаила Жанокова, сообщил Варитлову, что «рассматриваемое семейство равнялось с теми, которые отыскивали свободу во время князя Адилгирея и Исхака эфендия при установлении ими... между кабардинцами шариатского управления, основывая свои вольности на происхождении от свободных матерей, происшедших от узденей, по которому и решено тогда же считать вольными из числа их только тех, которые заплатят за себя откупную сумму, а оставить тех при известных своих правах у владельцев своих, которые не скупились».

Ханифа была признана за откупившуюся. Поэтому ее родственникам предоставили права выкупить ее у Безруко Коголки-

на. Желающих внести плату среди них не нашлось. Будучи свободной по обычному праву, Ханифа оставалась крепостной до 1867 г., т. е. до отмены крепостного права вообще. Мать с сыном получили свободу за 300 рублей серебром — с платой в год по 60 рублей[2].

ИЗ КРЕСТЬЯН — В УЗДЕНИ

Корпусной командир, генерал от инфантерии генерал-адъютант барон Розен, 1 декабря 1833 г. на основании докладной записки, поданной ему корнетом Кучуком Атажукиным, предписал начальнику Кавказской линии Вельяминову надлежащим образом рассмотреть претензию князя и «доставить удовлетворение». Вельяминов предписал Пирятинскому разобраться по существу дела через Кабардинский временный суд.

В докладной записке Атажукин сообщал, что «крестьянин мой кабардинец Хамурза Ахматов по воле покойного отца моего переселился в чегемский народ» и был там «...управителем и, обзаведясь, просил позволения отца моего основать там свое жительство на том условии, что имение, могущее остаться после его смерти, должно поступить в нашу пользу как законных владельцев, по кончине же моего означенного Хамурзы дети его переселены на Баксан, особливо более старший Тахо Ахматов, не только не выполнили завещания отца своего, сделанного на точном правиле магометанских обычаев, но начали оказывать явное неповиновение... Прошу предписать воинскому в Кабарде начальству войти в разбирательство сей моей претензии и удостовериться в справедливости оной...»[1].

Во время судебного разбирательства ответчик Тох Ахматов заявил, что его отцу с семьей при предоставлении свободы Темирбулат Атажукин «оставил при нем, отце его» имущество, которым тот располагал. И в подтверждение своей правоты он показал составленный при этом акт. Переведенный Якубом Шардановым акт гласит: «Во имя Бога сей акт будет изъяснять о будущем, что князь Темирбулат Атажукин действительно отпустил на волю... Хамурзу с детьми и с женою, а потом имущество их подарил и оставил им с тем быть ему узденем для Бога, надеясь, будет Бог довольным и зделал условия остаться им при нем узденем так, как узденя Измаила Багова и Солемана Шогенова равняли им обрядом и достоинства их были б одинакие. При свидетелях Каншао Думанове, Аслан Шируков и при Алие и Атажуко, а Бог лучший свидетель, нежели прочие свидетели. Июня 1119 года, а по русскому счету 1803 года». На подлинном приложена печать Темирбулата Атажукина[2].

Документ интересен во многих отношениях: во-первых, по давности акт может считаться одним из первых из дошедших до нас; во-вторых, акт свидетельствует, что князья могли возводить в достоинство узденей крепостного крестьянина; в-третьих, по-

добный акт совершался в надежде в будущем попасть в рай; в-четвертых, Исмаил Багов и Солеман Шогенов сделались узденями подобно Хамурзе Ахматову.

Кабардинский временный суд, докладывая Пирятинскому о ходе разбирательства дела, писал 3 марта 1834 г., что следовало бы допросить свидетелей, означенных в акте, но это невозможно, поскольку все они померли, и потому не может вести дальнейшее разбирательство до прибытия в Кабарду истца Атажукина.

Крестьян возводили в разряд узденей за совершение социально значимых поступков. Шора Ногмов писал, что охотник по имени Ортано за успешную разведку в стан хана-уцмия, *опасного врага кабардинцев*, «был награжден повышением в знатное достоинство»[3].

Другим поводом для возведения в достоинство узденей была победа на состязаниях борцов, которые по сведениям Кази Атажукина являлись «в старое, давнопрошедшее время самым любимым народным зрелищем». Подобно боям гладиаторов в Риме, «борьба никогда не оканчивалась благополучно», но она поощрялась и организовывалась князьями, считавшими «борцов необходимою принадлежностью своей свиты». Атажукин далее указывает: «Борцы княжеские были калмыки, которых, как славившихся своею силою, крали малолетними и воспитывали особенным образом для этой цели. Вот почему между теперешними узденями много таких, которые, говорят, происходят от таких калмыков, пожалованных своими князьями за заслуги в уздени»[4].

ПЕШКОМ ИЗ ТУРЦИИ

Исполняющий должность начальника Кабардинского округа полковник Кобулов 14 декабря 1863 г. написал рапорт исполняющему должность начальника Западного военного отдела Терской области. Кобулов докладывал, что уздень Цекуна Абазов 9 декабря явился к нему «без всякого письменного вида».

Абазов был с теми, кто в 1861 г. переселился в Турцию, однако он, как и многие эмигранты, понял, что их обманули. Он был уполномочен шестью семействами «отправиться в Кабарду и просить содействия своих соотечественников к возвращению их на родину». Турецкие власти отказались снабдить Абазова соответствующими документами на его возвращение. Но это не остановило его. Он решил осуществить свое намерение и «отправиться из Турции пешком без всякого письменного вида, перешел границу, не будучи никем остановлен, и прибыл в Тифлис». В Тифлисе у Абазова не было знакомых и, не решаясь обратиться к властям города, он прибыл в Нальчик к Кобулову.

Не зная, что предпринять в подобной ситуации, Кобулов просил дать ему предписание, как поступить с узденем Абазовым[1]. Однако и областное начальство оказалось не в состоянии давать конкретные указания на этот счет и, в свою очередь, обратилось

к наместнику Кавказа. Из управления наместника 18 марта 1864 г. поступил циркуляр, предназначенный для начальников губерний и управляющих отдельными частями Кавказского и Закавказского края. В нем, в частности, отмечено: «По окончании последней войны с Турциею между магометанскими народами, живущими в Ставропольской губернии, распространился слух о том, что будто правительство наше при заключении мира обязалось предоставить подданным магометанского исповедания право к переселению в Турцию на жительство. Как ни нелеп был этот слух, однако же магометане, прельщенные надеждою на лучшую жизнь и большие выгоды в единоверной стране целыми аулами начали обращаться с просьбами об увольнении их с семействами в Мекку для богомолья, скрывая под этою религиозною причиною тайную цель поселиться навсегда в Турции. Вскоре затем народы эти, обманутые в своих надеждах, стали изыскивать все способы для возвращения на родину...». Казалось бы, власти должны были воспользоваться с выгодой для себя этим обстоятельством и предоставить такую возможность желающим вернуться. Но царская администрация еще раньше, в 1861 г., приняла «все возможные меры для воспрепятствования их намерению, и, между прочим, по сношению об этом с императорскою миссиею в Константинополе циркулярно предложено консульствам нашим на Востоке безусловно отказывать... желающим возвратиться в отечество...». Касаясь конкретного случая с Цекуной Абазовым, начальник Главного управления наместника Кавказа сенатор, статс-секретарь барон А. Николаи предписывал: «Сделать зависящее распоряжение, чтобы проживающие в Турции горцы не были пропускаемы в наши пределы не только без паспортов от Русского правительства, но и с паспортами, невизированными нашими консулами»[2].

Из материалов переписки не видно, чем закончилось дело с Абазовым, но в них встречается немало фактов, говоривших о возвращении на родину обманутых переселенцев. Канцелярия начальника Терской области 13 ноября 1863 г. сообщала исполняющему должность начальника Западного военного отдела: «Сего числа прибыл во Владикавказ по билету, выданному из канцелярии по управлению Кавказскими горцами... возвратившийся из Турции житель Кабардинского округа Джамботова аула Юсуф-Огурли-оглы с семейством, состоящем из 3-х душ мужского и 3-х женского пола. С разрешения помощника начальника области, кабардинцу этому выдан от канцелярии начальника области новый билет... на свободное следование от Владикавказа до аула Джамботова». Канцелярия просила «о водворении названного семейства на прежнем месте его жительства»[3].

Начальник Кабардинского округа полковник Кобулов предписал Черекскому участковому начальнику немедленно исполнить распоряжение областного начальства. Исправляющий должность начальника Черекского участка подпоручик Ладыженский 10 декабря 1863 г. доложил полковнику Кобулову: «Юсуф-Огурли-оглы, он же Хахев, в заведуемый мною участок прибыл, а так как аул

Джамботова переселился весь в Турцию, то Хахев водворен на жительство в ауле Догужокова»[4].

В посемейном списке аула Догужокова за 1886 г. отмечены семейство Хахева Камбота Юсуфовича (30 лет) и брат его Пыта (25 лет). Как видно, Юсуф Огурлиевич Хахев – родоначальник Хаховых, проживающих в настоящее время в с. Аушигер (Догужокова). До переселения в Турцию он проживал в селении князя Джамботова, эмигрировавшего в полном составе.

Носители фамилии Хаховых проживали и в ауле Гетежева, который в ходе укрупнения аулов, проводившегося в 1865–1867 гг., частью вошел в состав аула Касаева, частью в аул Батырбека Тамбиева. В переписке за 1848–1850 гг. встречается житель аула Гетежева Уважуко Хахов[5].

КАБАРДИНО-ГОРСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Культурные связи Кабарды с соседними народами архивные материалы XIX в. фиксируют крайне редко. Тем ценней каждый документ подобного рода. Капитан Абисалов 2 марта 1851 г. Эристову: «Дигорский старшина Уруспий Абисалов, находясь у князя Кайтуки Хамурзина по делу для узнания кабардинского языка...»[1]. Вопросам адыго-осетинских языковых связей посвящено исследование профессора Б. Х. Балкарова «Адыгские элементы в осетинском языке». В нем отмечено, что «весь адыгский лексический материал в осетинском распадается на две неравные части: большая часть отмечается в одном дигорском диалекте, а меньшая – в обоих диалектах одновременно». Этот факт можно объяснить более тесными связями Дигории с Кабардой. Естественно, что дигорский старшина не был единственным, кто приезжал в Кабарду «для узнания кабардинского языка». Точно так же могли находиться кабардинцы в Дигории, и шире – в Осетии, и у других горцев для обучения их языкам.

Наблюдались культурные связи и между адыгскими народами. В 1853 г. генерал-майор Евдокимов из Прочного Окопа сообщал, что бесленеевский житель Ахмет Шукаров просит отправить его «в Кабарду на один год для обучения грамоте». Генерал-майор Евдокимов в 1853 г. писал Грамотину: «Бесленеевские жители аула князя Джамбота Конокова Мерземек Афесижев и Ахмет Шукаров просили разрешения моего на отправление в Кабарду на один год для обучения грамоте...». Далее Евдокимов отмечал, что он приказал выдать им билеты и сообщал об этом «для надлежащего сведения», а управление Центра Кавказской линии предписало суду исполнить указание начальства[2]. Здесь конкретно не говорится, какой грамоте хотели учиться Афесижев и Шукаров, но можно сказать, что они, как и Уруспи Абисалов, имели в виду открывшуюся в тот период Кабардинскую школу.

Горцы, судя по имеющимся документам, придавали важное значение изучению кабардинского языка. В 1847 г. был выдан

билет узденю Темботу Отпанокову вместе с Касаем Тлостановым. Они должны были отправиться во Владикавказский округ, «в деревню Кумбалай для отвоза туда мальчика Жантемира Альботова, находящегося в Кабарде для наук черкесского языка»[3].

Кази Атажукин, вернувшийся из Ставропольской губернской гимназии «по нежеланию своему оставаться более в гимназии», уволенный в отпуск в Большую Кабарду в декабре 1857 г. и окончательно не оставивший военную службу, к этому времени еще не успел заметно развернуть свою педагогическую деятельность. Следовательно, следует признать, что практические попытки внедрить кабардинскую письменность предпринимались и до него.

Нелишне здесь отметить следующее.

Отдельные авторы без ссылки на конкретный источник утверждают, что «Ставропольскую гимназию Атажукин окончил в 1857 г.»[4]. Начальник штаба войск Левого крыла Кавказской линии сообщал начальнику Большой Кабарды 5 декабря 1857 г.: «...прошу Казы Атажукина считать из вышеозначенного пансиона (Ставропольской губернской гимназии. – *С. Б.*) исключенным»[5].

Атажукин сам просил «исключить» его из учебного заведения – «не чувствуя в себе более расположения продолжать курс гимназический и желая поступать в Собственный Его Императорского Величества конвой». Начальство, удовлетворив его просьбу в одном, отказало в другом – «за неимением мест в конвое»[6].

Вызывает возражение и принятая дата рождения Кази Атажукина, которую один документ ставит под серьезное сомнение. Кабардинский временный суд в феврале 1850 г. докладывал начальнику Центра Кавказской линии полковнику Эристову, что поручик князь Хасанбий Атажукин «изъявил желание отдать [на учебу] племянника своего князя Кази Атажукина и 1-й степени уздень поручик Асламбек Тыжев сына своего Али Тыжева, имеющие первый 11, а последний 12 лет возраст»[7]. В литературе утвердилось мнение, что Кази Атажукин родился в 1841 г. Из сведений Хасанбия Атажукина следует, что Кази Атажукин 1839 г. рождения, и не считаться с этим нет достаточного основания. К тому же новая дата делает более понятными существенные факты педагогической и просветительской деятельности Кази Атажукина.

УБИЙСТВО БЕЗ ОТМЩЕНИЯ

Кабардинский временный суд 9 марта 1844 г. рассматривал дело по жалобе состоятельных крестьян Агурли, Хахандуко, Усмана и Псаунуко Казаровых, узденей братьев Жандара, Тлекеча и Шужея Шаковых, а также Бжикшиевых, проживавших в ауле Давлет-Гирея Тамбиева. Касаясь истории взаимных претензий трех фамилий, Казаровы объяснили суду, что они сначала находились у Сафиль Кершенова, после смерти которого «лет тридцать тому назад», т. е. в 1824 г., перешли к узденю Исмаилу Шакову, а спустя 14 лет – к узденю Мусе Бжикшиеву. По показаниям сына

Исмаила – Тлекеча Шакова, его старший брат Жандар и Бжикшиев «за равное число (крестьян «более 19 душ». – *С. Б.*) договорились разменяться». Однако Бжикшиев дал Шакову «менее числом душ и все заключающие из одних женского пола». Поэтому Жандар решил вернуть своих крестьян, но его просьбы в суд остались без должного удовлетворения. Причиной, по его словам, «был секретарь майор Шарданов ..., что он захочет, то и делает в суде». Действия Шарданова объяснялись тем, что сын Мусы Бжикшиева Паго был женат на его дочери.

Шаковы, будучи обиженными, обратились к подпоручику Хатакшуко Наурузову с просьбой о помощи. Так оказался вовлеченным в пагубный клубок давних противоречий младший зять Кучука Джанхотова. Шаковы прибегли к покровительству Наурузова неслучайно. Как-то в бытность Казаровых у Бжикшиева Тлекеч Шаков в отмщение за то, что тот не возвращает его крестьян, поджег их дом и в пожаре сгорело имущество в 250 руб. серебром. По возникшей тяжбе состоялось шариатское разбирательство. Оно постановило возместить причиненный ущерб, но не им, а Бжикшиеву.

В связи с этим Казаровы прибегли к помощи подпоручика Хатакшуко Наурузова. Казаровы имели на это основание, согласно древнему, но пока не изученному основательно, институту обычного права – институту покровительства. Казаровы, еще раньше возмущенные жестокостью Бжикшиева, обратились к Кучуку Джанхотову с просьбой быть их покровителем и он согласился. После смерти Джанхотова покровительство перешло к его зятю Хатакшуко Наурузову. Поэтому Казаровы в трудную для них минуту отправились в его аул с жалобой на Бжикшиева. Наурузов был обязан заступиться за покровительствуемых им крестьян. Он поехал «в аул Бжикшиева» и застал некоторых Казаровых, подвергнутых наказанию по приказу узденей Эльмурзы Хапачева (он же Тамбиев) и Мусы Бжикшиева.

Для приезда на выручку к Казаровым у Наурузова были свои причины. Он раньше не раз обращался к суду и начальнику Центра Кавказской линии вернуть Казаровых к Шаковым. Как-то раз Эльмурза Хапачев, действовавший заодно с Бжикшиевым, и Хатакшуко Наурузов встретились в суде. Хапачев «в присутствии всех понес честь Наурузова». Вскоре после этого к Наурузову приехал член суда прапорщик Напцев «подстрекать» его: «Ты князь сам и по правам оным и нашим древним можешь ехать в дом закованных (крестьян. – *С. Б.*) и велеть расковать». Напцев затем поехал к Хапачеву и сказал ему: «Я приведу вам защитника – сына князя валия Бекмурзу Докшукина*, вы пошлите подстрекнуть Наурузова, что хотите на ручательство отдать закованных у вас... он в то же время приедет и как приедет, вы его убьете».

---

*После смерти Кучука Джанхотова председателем Кабардинского временного суда стал князь Магомет Докшукин, которого народ по привычке еще называл валием, но реальной властью он уже не обладал. Последним валием Кабарды был Кучук Джанхотов.

По совету Напцева дали знать Наурузову, чтобы он приехал на выручку Казаровых. Наурузов, не медля, «не говоря никому из узденей своих, сел на лошадь, взявши свое оружие, и поскакал» к аулу, где Хапачев жил. Правда, князья Касаевы и Иналовы вскоре пустились вдогонку за Наурузовым, но было уже поздно.

Наурузов, прибыв в аул, направился в саклю, где находились Казаровы. В этот момент Эльмурза начал прицеливаться в Наурузова, но он опередил его своим выстрелом и убил его: то была месть за то, что Хапачев «понес честь» князя. Совершив убийство, Наурузов вскочил на коня, но тут его окликнули вышедшие из сакли и наблюдавшие за его действиями князь Бекмурза Докшукин, Паго Бжикшиев и Пак Хапачев. Наурузов спешился и направился к ним навстречу, видимо, желая объясниться, так как он наверняка узнал, что у Эльмурзы был в гостях князь Докшукин. Однако дело до переговоров не дошло. Все трое из трех ружей выстрелили одновременно в Наурузова и убили наповал. Это случилось в 1837 г. Убийцы Наурузова некоторое время скрывались в лесу. Шарданов, вернувшись из Мекки, взял к себе зятя Паго Бжикшиева, Пак (Муса) Хапачев бежал за Кубань, а князь Бекмурза переселился в Дигорию.

Следственное дело об убийстве князя подпоручика Хатакшука Наурузова продолжалось с перерывами 13 лет – до 1849 г.

Обстоятельства убийства рассматривала комиссия военного суда при Кабардинском егерском полку. Комиссия 25 февраля 1842 г. докладывала начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Соколову о ходе следствия. Из него видно, что доклад капитана Лутковского, подписавшего его «за презуса», был вызван прошением князя Бекмурзы Докшукина к Соколову и предписанием последнего комиссии военного суда. Соколов, судя по содержанию доклада комиссии, предписывал ей донести о ходе следствия. Лутковский писал, вероятно, несколько сглаживая вину Докшукина, что неизвестно, кто из троих убил Наурузова. Он ссылался на показания крестьянина Баксанукова, который утверждал, что «Докшукин выстрелом ранил его, Наурузов же убит выстрелами Хопачева и Бжикчиева». К этому времени Хапачев находился «в бегах», а Бжикшиев был убит еще 24 марта 1841 г. Князья подполковник Айдемиров и майор Атажукин просили Соколова отдать им на поручительство Бекмурзу Докшукина. По этому вопросу Лутковский, не выказывая своего мнения, предоставлял решить его по усмотрению начальника Центра Кавказской линии.

По более достоверным сведениям генерал-майора Хлюпина от 2 июня 1847 г., Паго Бжикшиев в 1840 г. содержался на Нальчикской гауптвахте. Имея в виду, что он находился у своего тестя, можно сказать, что Шарданов, рассчитывая его спасти, по ходу следствия отдал в руки властям. Однако Бжикшиев был убит 24 марта 1840 г. при попытке к сопротивлению во время побега с Нальчикской гауптвахты. Хапачев и в 1847 г. по-прежнему скрывался.

В 1846 г. наметился положительный сдвиг в деле Бекмурзы Докшукина в его пользу. Это связано с тем, что он отличился «при истреблении партии абреков из 21 человека в пределах Большой Кабарды». Этот факт привлек к себе внимание начальника Центра Кавказской линии Хлюпина. 18 ноября 1846 г. он обратился в вышестоящие инстанции с ходатайством о награде Докшукина за его заслуги. В тот период Докшукин еще находился под следствием. Потому Хлюпин для него «испрашивал о награде, если окажется виновным в вышеупомянутом деле, дозволения разобраться по шариату».

Хлюпин получил ответ через помощника начальника главного штаба свиты его высочества генерал-майора Гогеля. Он извещал, что главнокомандующий изволил разрешить ему «выйти с представлением», когда будет окончено дело князя Докшукина военным судом. Хлюпин ставил Кабардинский временный суд в известность, что «ныне дело это кончено и князь Докшукин найден виновным». На основании данного ему разрешения он предписал суду содействовать. В соответствии с этим суд 31 декабря 1848 г. констатировал, что, хотя по решению военного суда Докшукин оказался виновным, но «во уважение его заслуг начальству угодно было допустить это дело кончить по древним кабардинским обрядам или шариату». В связи с этим в суд были вызваны княгиня Кабахан – вдова Хатакшука Наурузова и князья Мисостовой фамилии. Услышав решение властей и суда, они заявили, что не согласятся разобраться с Бекмурзой Докшукиным иначе, как «по русским законам»[3].

Мисостовы были настроены непримиримо. Разуверившись в справедливости военных властей, они искали случая отомстить Докшукину. Вскоре совершилось покушение на него. Как сообщал новый начальник Центра Кавказской линии генерал-майор Эристов Кабардинскому временному суду 10 марта 1849 г., на жизнь Докшукина «малолетний князь Хамурза Наурузов из мести за кровь своего убитого родственника подпоручика князя Хатакшуко Наурузова обнаружил покушение убить... князя Докшукина». Эристов напоминал суду: «Хотя по древним обычаям кабардинского народа в прежние времена и дозволялось родственникам мстить за кровь убитого, но так как со времени присоединения Кабарды к России кабардинцы за преступления важные, как-то: убийства, измены и тому подобные судятся не по шариату или древним обычаям, а по российским законам, по коему и покушение к убийству подвергает виновного строгому наказанию». Эристов, опасаясь обострения конфликта, предписал суду «немедленно отдать всех лиц мужской фамилии Мисостовой на поручительство в том, что они не будут мстить за кровь убитого подпоручика князя Хатакшуко Наурузова прапорщику князю Бекмурзе Докшукину и родственникам последнего, а согласно российским законам предоставить начальству определить меру наказания виновному»[4]. Кабардинский временный суд, по-видимому, невольно повинуясь воле начальника Центра, объявил князьям Наурузо-

вым, что «если кто осмелится обнажить оружие против Докшукина, взыскать 1500 рублей серебром».

Некоторые выводы. По Кючук-Кайнарджийскому миру Кабарда по существу была присоединена к России, но в вопросах внутреннего управления она сохранила относительную самостоятельность вплоть до установления родовых судов и расправ в 1793 г. Об этом мог и не знать Эристов. Однако он в целом верно цитировал положение, разработанное еще Гудовичем в 1791 г., согласно которому «важные преступления, как-то: измена, убийство и разбой» были изъяты из ведения обычного права и должны были рассматриваться по законам Российской империи. До введения шариата и русских законов Кабарда управлялась обычаями народа – адатом. С введением родовых судов и расправ, а затем и Кабардинского временного суда не исчезли ни шариат, ни адат. Существовал и другой способ разрешения споров – посреднические суды или медиаторский суд. Наличие такого многообразия судов осложняло и запутывало вынесение справедливых приговоров не только, когда дело касалось простонародья или средних слоев общества, но и высшего сословия.

По данному следственному делу князь Бекмурза Докшукин подлежал строгому наказанию как признанный военным судом виновным. И это строго соответствовало самими же русскими властями установленным порядкам. Но в законы Его Величества мог вмешаться его величество случай. Подобным случаем явилось отличие подсудимого Бекмурзы Докшукина в истреблении партии абреков из 21 человека, возможно, им самим специально задуманное, чтобы таким образом спастись от неминуемого возмездия за убийство князя. Власти, в прямое нарушение собственных законов, что никогда не позволялось Кабардинскому временному суду, передают дело на рассмотрение по обычному праву или шариату. Расчет русской администрации прост: оба суда были правомочны выносить смертные приговоры, а ограничивались штрафными санкциями. Эристов, в одном случае уклонившись подвергнуть виновного наказанию по русским законам, угрожал их применением в том случае, если бы Мисостовы осмелились, вопреки его предупреждениям, мстить Докшукину за кровь Хатакшука Наурузова.

Материалы следственного дела по истории убийства князя Хатакшуко Наурузова позволяют сказать и то, что крестьяне имели возможность уклоняться от «своих обязанностей» продолжительное время, в данном случае – в течение 24 лет». Этот факт, наряду с подобными не так уж редко встречающимися фактами, говорит о том, что в Кабарде феодализм не достиг высокого уровня – «золотого века дворянства» на Руси. Здесь только домашний раб (унаут) не мог иметь зависимого от себя человека, но таковых, т. е. унаутов, в Кабарде накануне отмены крепостного права было мало.

ПРОМЫСЛЫ. ОТХОДНИЧЕСТВО

Кабардино-русские экономические связи проявлялись в самых разнообразных формах. Одной из таких форм была продажа квалифицированного труда мастеровых людей. Командир Кабардинского пехотного полка 8 июня 1833 г. выдал билет «подвластному владельца подполковника Кучука Джанхотова узденю Исмаилу Куденетову». Ему позволялось «производить серебрянную работу в городе Кизляре и в ногайских аулах» сроком на шесть месяцев». Жители а. Иналова вольные кабардинцы Ильмурза Тагавсоов (Тхагапсоев) и Куй Гобжуков получили в том же году, в июле, билет «на три месяца проживание иметь в Моздокском уезде для работы, где таковая ими приискана будет». Такое же разрешение получили уздень Тлепш Ажгиреев с малолетним сыном Килю и кабардинцем Исмаилом Мисостовым. Они направлялись «в Моздок и окрестности онаго для работы сроком... на один месяц»[2]. В двух последних случаях неизвестен конкретный вид работы, какую желали избрать себе обладатели билетов, но вряд ли они собирались на сезонную работу[3]. В исследованиях отмечается, что кузнечных и серебряных дел мастера отправлялись по билетам, выдаваемым начальством, в русские города и селения и работали в течение нескольких месяцев кряду. Конечно, на заработки отправлялись не только представители отмеченных профессий. Наибольшую заинтересованность русские, пожалуй, проявляли к седельщикам. Еще Броневский отмечал, что «казаки весьма уважают черкесские седла и стараются снабжать себя оными».

И. Ф. Бларамберг писал конкретнее: «Их (кабардинцев. – *С. Б.*) седла и другие изделия из кожи знамениты своей долговечностью и легкостью, так что казаки на Линии стараются обзавестись рамами от черкесских седел». Эти и многие другие свидетельства показывают, что спрос на изделия мастеров-седельщиков был значителен. Целыми группами они направлялись в города России на довольно продолжительный срок. Например, крестьяне Кайтукиной фамилии Бшен Ашинов, Ильяс Тхакахов, Жамбек Еукожев, Шокара Бшенов, Марем Мирзаканов, Солеман Сохов и Даут Тлепшоков в 1834 г. через Кабардинский суд просили у начальства позволить им «съездить в город Ростов для седельной работы» сроком на четыре месяца. Наблюдались поездки и в более отдаленные края. 21 августа 1829 г. Кабардинский временный суд докладывал Ушакову: «Кабардинского князя Магомета Докшукина подвластный Магомет Тхазеплов с пятью будущими (служитель, товарищ, попутчик. – *С. Б.*) на трех арбах просит позволение съездить в Новочеркасск для седельной работы сроком на четыре месяца»[7].

Приведем еще документ, характеризующий промысловые связи кабардинцев с другими народами Кавказа. 30 июня 1853 г. Эдессийский Армянский суд рассмотрел отношение Кабардин-

ского временного суда на имя Моздокского отдельного заседателя. В нем указывалось, что «аула Коголкина Исмаил Блиев... назад тому семь лет отправился он с братом своим в селение Дербентское для кузнечной работы»[8].

Эти и другие материалы говорят об активной промысловой деятельности многих кабардинцев в первой половине XIX в.

* * *

В экономической жизни кабардинцев довольно распространенным явлением было отходничество. Этим видом работы занимались и крепостные, и свободные, и даже уздени. Крестьянин Есий Кудинетов в 1832 г. находился «в работниках города Моздока у священника». По договору, священник обязался уплатить Кудинетову «за работу шести рублей серебром».

Вольный кабардинец Кайтукиной фамилии Исхак Губжоков в 1834 г. подал жалобу на жителя с. Черноярской Бажия Пшерахова, который будто бы должен был Губжокову 3,5 рубля серебром. При разбирательстве оказалось, что в 1831 г. к Пшерахову нанимался на работу Губжоков, но не Исхак, а его родной брат. По условию, за уборку сена Пшерахов был обязан уплатить три меры пшеницы, стоимостью 80 копеек серебром за меру, но «вместо таковой по желанию брат его получил от Пшерахова полсть ценою за 2 р. 50 к. и остался тем в полной мере доволен».

Сыновья кабардинского узденя Хажили Гедгафова – Шужей и Паше, проживали у жителя с. Бабуковской Бекира Алхасова «в работниках». Они занимались пастьбой овец, что видно из того, что они «с коша его на речке Малке состоящего неизвестно куда отлучились».

«Вольный кабардинец» той же Кайтукиной фамилии Исхак Абазоков в 1834 г. через Кабардинский временный суд предъявил иск моздокскому жителю Кетоо Бугулову, у которого он работал «одну зиму с условием тем, чтобы получить с него, Бугулова пять рублей серебром». Случилось так, что Абазоков отправился в лес на арбе Бугулова, за дровами, но на возвратном пути неизвестно от чего один бык пал». Сославшись на это, Бугулов отказывался выплатить обусловленную при найме сумму. Суд просил Пирятинского удовлетворить иск Абазокова, найдя, что он «ничем не виновен».

Другой «вольный кабардинец Бата Межохов» из Бекмурзиной фамилии в 1833 г. «нанялся в Бабуковской станице для содержания при въезде в оную у ворот караула на шесть месяцев». Бабуковцы обязались заплатить Межохову тридцать рублей серебром, но от уплаты части договорной суммы они отказались. По иску Межохова Кабардинский временный суд ходатайствовал перед полковником Пирятинским «о удовлетворении просителя».

Вольный кабардинец из а. Куденетова Исхак Игалехов в 1834 г. жаловался суду на жителя с. Бабуковской узденя Умара

Хажиметова. Последний должен был Игалехову за пастьбу баранов одиннадцать рублей серебром, но отказывался удовлетворить его. Кабардинский временный суд ходатайствовал перед полковником Пирятинским решить спор в пользу истца.

Два следующих документа привлекают внимание тем, что показывают условия, на которых нанимались пасти аульный скот. Вольный кабардинец, принадлежащий Атажукиной фамилии, Якуб Бирсов в 1834 г. через Кабардинский суд предъявил иск жителям с. Черноярской, чтобы они по договору заплатили ему «с каждого двора по мерке проса, по мерке пшеницы и от каждой штуки скота по 10 копеек деньгами». Суд просил полковника Пирятинского «предписать кому следует, понудить жителей станицы Черноярской к удовлетворению просителя Бирсова».

Узден Карткожак Каров, принадлежащий к Бекмурзиной фамилии, в 1832 г. находился «по бедности своей на работе Малой Кабарды в ауле узденя Аджи Танашева пастухом и за то получил с жителей того аула двадцать пять рублей серебром».

Судебные тяжбы и разбирательства с требованием условий найма нередко продолжались по нескольку лет. Так, вольный кабардинец Даут Пшиунов в 1830 г. «нанимался... в работники во все время уборки хлеба Бабуковской станицы у жителя Борана Борова». По условию найма, Боров должен был заплатить Пшиунову пятнадцать мер проса, но он по какой-то причине отказался это сделать. Поэтому Пшиунов в 1834 г. просил Кабардинский временный суд содействовать ему, а тот – полковника Пирятинского «учинить... с кем следует сношение».

Другой пример связан с именем крестьянина Огурли Орышукова, принадлежавшего Кайтукиной фамилии. По сведениям Кабардинского временного суда, он в 1831 г. находился «в работниках для пастьбы баранов Бабуковской станицы у узденя Умара Хажиметова с условием тем, что за пастьбу таковую получить с него, Хажиметова восемь рублей серебром». Сделка была совершена при поручителе уздене Бекире Алхасове из той же станицы. Суд в 1834 г. просил полковника Пирятинского взыскать долг Хажиметова или поручителя за него Алхасова и вернуть Орышукову.

В 1835 г. исполняющий должность комиссара Прохладненской карантинной заставы коллежский асессор Тарановский жаловался на нанятого им из Вольного аула Хабота Маргушева. Условия найма – 60 рублей серебром в год.

ТОРГОВЛЯ

Торговля кабардинцев в 40-х гг. XIX в. развивалась довольно интенсивно. В 1831 г. житель а. Иналова, располагавшегося на Баксане, уздень Магомет Дадохов «с девятью будущими верхами с оружием» просили «позволения съездить в Тифлис для продажи 60 лошадей сроком на один месяц...». Штабс-капитан

Аносов в 1831 г. докладывал Горихвостову, что «жители Карачаева проезжают по тракту через укрепление Каменный мост человек по 10-ти и 20-ти в Кабарду для покупки проса...». Поездки такого рода, как можно судить по тексту донесения, были нередки. Сведения штабс-капитана Аносова – свидетельство того, что кабардинцы в начале 1830-х гг. имели довольно развитое земледелие, что позволяло им продавать излишки зерна, находясь даже у себя.

В январе 1834 г. Прохладненская кордонная застава рапортовала полковнику Пирятинскому, что в декабре 1833 г. ею отобраны «даваемые для проезда на Кавказскую линию кабардинцам в крепости Нальчикской билеты на возвратном пути чрез Прохладненскую карантинную заставу». Всего были отобраны за месяц 11 билетов. Судя по надписи на билетах, они в основном выдавались для удовлетворения нужд населения в торговле. Рассмотрим несколько билетов.

В с. Черноярскую и г. Моздок «для покупки товару и для получения одной собственной лошади» сроком на пятнадцать дней в 1833 г. билет был выдан «живущему на речке Урвани в ауле узденя Мусы Таова узденю Алию Кушхажиеву с одним будущим вольным Магометом Исмаиловым». Вольный Хасин Шогуров с Тагиром Шогуровым из а. Агубекова, располагавшегося на Чегеме, в том же году приобрели билет для поездки в г. Моздок. Цель их поездки отличается от цели абсолютного большинства торговцев – братья намеревались продать фрукты.

Вольный кабардинец Умар Тхаголеков с Сеитом Баксановым и Кардагазом Урушуковым из а. Куденетова, расположенного на Шалушке, взяли 16 декабря 1833 г. билет до г. Моздока «для продажи шишек, набранных в лесах кабардинских и для покупки товару». Эти два примера показывают, что дары природы использовались кабардинцами в качестве предмета торговли.

Житель а. Бабукова, находившегося в 1833 г. на Чегеме, крестьянин Током Мидренов уволился в Моздок «для взятия в оном собственных лошадей». Здесь важно и то, что Мидренов взял с собой для «продажи одного седла и сукна кабардинского изделия».

Вольный кабардинец из а. Алежуки Докшукина Хатуов «на одной арбе без оружия 8 декабря 1833 г. уволился в Моздок «для покупки товара и одной лошади и столько же рогатого скота сроком на 20 дней».

Через ту же Прохладненскую карантинную заставу в феврале 1834 г. вернулись в Кабарду обладатели 14 билетов: уздень Бекмурза Батырдоков с Салиманом Кубатовым из а. Тамбиева, что на Баксане. Цель – покупка товаров; вольный кабардинец Шебачук Пшизабиев и Огурли Теважуков отправились в г. Георгиевск для продажи товаров. Вольный кабардинец Усман Даутов «на двух санях» съездили в г. Моздок для продажи сала и покупки «двух штук» рогатого скота. Для продажи сена в г. Моздок на восьми арбах отправились жители а. Айдемирова Уважуко Тем-

ботов, Кургоко Балов и др. Уздень Даут Токанов с Бекиром Жемуховым уволились в Моздок «для продажи ста овчин, пяти бурок, пяти полстей и покупки товару и двух лошадей». Вольный Исхак Безгенов из а. Кокова, что на Кишпеке, и вольный Долткирей Аброков из а. Кудаева отпросились в г. Моздок: первый – для покупки товара, второй – «для продажи 2 пуда меду и покупки товару». Несколько необычной была цель поездки в Моздок кабардинцев Шабот Алежукова, Брай Шубакова, Жуко Шогенова и Фицы Куфажукова. Они отправлялись туда на четырех арбах «для отвозу туда трех порожних бочек и привозу оттуда маркитаской водки и рыбы». Как видно, кабардинцы вели заметную торговлю в г. Моздоке, а основной статьей торга были продукты животноводства.

В 1834 г. выданы билеты: жителю аула Кучука Джанхотова вольному кабардинцу Дзуа Тлепшеву «с одним будущим Мусою Пшиковым верхом без оружия». Уволены в деревню помещика Растованова «для собственной надобности сроком на десять дней». Для покупки товару сроком на двадцать дней «отпущены в том же году в г. Моздок вольный кабардинец Аслан Бештоов с Солиманом Субоноковым, а Калмык Хуранов туда же с той же целью – на пятнадцать дней». Он проживал в а. Атажукина, располагавшемся в 1834 г. на Череке.

Средства передвижения отдельных увольнявшихся в другие места подчас неожиданны. Так, вольный Якуб Бирсов из а. Куденетова, что на р. Чегеме, «пешком, без оружия» отправился в город Екатериноград «по собственному делу к майору Макарову сроком на двадцать дней». Кабардинцы Дабаго Машуков и Хожук Амешуков также «пешими, без оружия» пошли в деревню помещика Ростованова «для взятия там из табуна одной лошади».

«На двух арбах с медом без оружия в Моздок продавать мед сроком на 20 дней» получили билет до Моздока уже известный нам Муса Лампежев вместе с узденем Жандаром Кучас (Кучасовым?). Этот факт говорит об «урожае» меда за 1847 г. Из аула Мустафы Кармова (он же аул его сына Казильбека Кармова) уздень Ильяс Абсов (Апсов) с 26 другими верховыми выехали в Тифлис для продажи 22 лошадей. Кроме того, они взяли с собой 26 заводных оседланных лошадей «для привоза товара». Так же, как и кармовцы, сроком на один месяц в Тифлис отправились жители а. Заракуша Тамбиева уздень Абрек Закиреев вместе с другими в количестве 17 верховых. Им предстояло продать 14 лошадей. Для доставки товара оттуда тамбиевцы взяли с собой 16 заводных лошадей. Согласно надписи пристава Малой Кабарды хорунжего Тургиева на билете жителя а. Баташева черкеса Закирея Кумыкова, он возвращался «вместо своего места жительства с купленными 8 штук рогатого скота». Из а. Мусабия Атажукина в Тифлис в том же 1847 г. направились уздень Якуб Цимпов, Смаил (Исмаил) Катханов, Хасын Хагондук, Умар Бесленеев, Абрек Катхан(ов), Тагир Цимп(ов) и Нахуш Цимпов. Цель поездки – продать пять лошадей и делать покупки. Уздень Али Алоков (а. Дев-

лет-Гирея Тамбиева) с Джанхотом Балкаровым, Мусой Цебековым (Себеков?), Ильясом Эмзаговым – всего четыре человека, также избрали местом покупки товара г. Тифлис. Они отправились в Закавказье сроком на один месяц. На тот же срок для той же цели туда же отправились жители а. Магомет Мурзы Анзорова: уздень Умар Алкаш(ев), Кавдуг Магометов (Магомедов), Мусса Жанжаков, Бек-Мирза Харузов, Смаил Казов, Смаил Кабажуков, Шухаиб Деков.

Продажа товаров собственного изделия – сравнительно редкая статья в торговле кабардинцев. Именно для продажи «полстей и бурок сроком на один месяц» направились в октябре 1847 г. в Тифлис жители а. князя Эльбуздукова: уздень Цыкуш Бадраков, а вместе с ним: Кара Хажиков, Бек-Мурза Хабалоков, Шокара Бандоков, Хатакшуко Дегем, Исмаил Ерчев, Шу Мамхегов, Бара Шенчегоков, Бдак Мамхо и другие – всего 14 человек. Для продажи полстей и бурок в г. Моздок в ноябре отправился и житель а. Ахмета Лафишева кабардинец Уважуко Тлупов с одним будущим. Правда, он гнал с собой для продажи и сто баранов. Узденья Алажуко и Мусса Афичижевы из а. Кучмазукина также получили билет до Моздока «для продажи полстей, бурок и овчин». «Уздень Орус Мурза Умаров с одною женщиною на 1-й арбе без оружия в Моздок продать 1-ну черкеску и 2 шубы и купить товару сроком на 10 дней» – билет с такой записью получен Умаровым из а. князя Жамбота Докшукина. Шуган, Магомет и Шу Бабугоевы из аула эфенди Шугенова в октябре 1847 г. отправились в г. Моздок на арбе и без оружия «продать шерсть баранью». Срок – 15 дней. 17 октября того же года уздень из а. Айдемировой Шу Шарданов отправился в Тифлис «верхом с оружием... для покупки красного товару». «Для покупки хлеба сроком на 15 дней во Владикавказ был отпущен кабардинец из Вольного аула Пака Дигешев. Хажи Хамурза Алтудоков получил билет до Владикавказа для продажи 60 быков. Кабардинцы Салеман и Темрюко Куныжевы из а. Клишпиева на одной арбе отправились в Моздок для продажи 60 баранов. 60 баранов предстояло продать там же и узденю из а. Иналова Исхаку Озрокову вместе с товарищем Исупом Архаговым. Для покупки товара и «для продажи бурок и черкесок сроком на пятнадцать дней» в Моздок 11 декабря 1847 г. направились Гулла Гожоков и Бекир Хостов из а. Борова. Другие представители этой же фамилии из а. Алхаса Мисостова Огурли и Ильяс Куныжевы взяли билет до Моздока «для покупки товару».

Важной статьей торговли кабардинцев была, как известно, продажа крепостных. В рассматриваемом году «уздень из аула княгини Наурузовой Кеч Жинов с одним будущим – Добжей Жиновым – отправился в Малую Кабарду для продажи холопа Огурли».

Дагестанцы вели с кабардинцами оживленную торговлю. Так, Андреевский житель Абдуазиз Диитов в 1847 г. по билету, выданному Кумыкским приставством, 30 декабря «возвращался в место жительства своего с покупленными в Кабарде 560-ю баранами».

Приведенные факты убедительно говорят о развитых экономических связях Кабарды со всеми народами Центрального и Восточного Кавказа, а также Грузией в первой половине XIX в.

Однако количество выдаваемых билетов далеко не соответствовало экономическим потребностям населения. Об этом красноречиво говорит рапорт секретаря Кабардинского временного суда корнета Анзорова генерал-майору Голицыну от 15 апреля 1846 г.: «Жители Большой Кабарды неоднократно беспокоят меня о выдаче им из Кабардинского временного суда билетов на следование в пределы старой линии для произведения там вольной распродажи разного леса... они объявили, что во время привоза в Нальчик лесу *в получении билета встречают великие затруднения* (выделено нами. – *С. Б.*), не зная русского языка, тем более не в положенные дни получить билетов никак не могут, чрез что остаются на двое и трое суток без приюта и продовольствия...».

Препятствия подобного рода испытывали и те, кто намеревался посетить Кабарду. Временно исправляющий должность начальника правого фланга Кавказской линии генерал-майор Ковалевский 22 апреля 1846 г. из Прочного Окопа писал Голицыну: «Согласно отношения ко мне начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории № 506 о том, чтобы сообщать Вашему Сиятельству посредством почты о каждом увольняемом мною в Кабарду, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что жительствующий в ауле прапорщика Крымгирея Докшукова узден Исмаил Алтудеев (вероятно, Алтудов. – *С. Б.*) с двумя товарищами Сыт Натабжевым и Индрис Ханажевым в месте с сим уволены мною для собственной их надобности сроком на два месяца по билету за № 64 в Большую Кабарду».

АТАЛЫЧЕСТВО

Н. Дубровин писал: «Князья и дворяне тотчас после рождения отдают мальчика на воспитание одному из достойнейших своих подвластных, а чаще всего к одному из лиц, принадлежащих другим обществам. Воспитатель ребенка носит название аталыка...». Статья 81 кабардинских адатов гласит: «В Кабарде князь и узденя по большей части не воспитывают детей при себе, а отдают их до совершеннолетия к аталыку или кормилице, которые не учат ничему, а делают их чуждыми родителям и даже к ним не послушными».

Отсюда можно утверждать, что князья сами не выступали в роли аталыков. Однако встречаются документы, доказывающие обратное. В 1854 г. войсковой старшина Тургиев доносил начальнику Центра Кавказской линии, что «из непокорных закубанцев житель аула Атажукина узден Исмаил Тлепшуков... явясь к нему в Теберде, просил ходатайства о дозволении ему переселиться на всегдашнее жительство в Большую Кабарду в аул князя Бек-

мурзы Казиева». В связи с просьбой Тлепшукова генерал-майор Голицын предписал выяснить через Кабардинский временный суд, «не встретится ли каких препятствий на переселение в аул Казиева закубанца Тлепшукова, который прибыл уже в Кабарду и ему дозволено отправиться в аул княгини Казиевой, его воспитавшей с детства».

Что это, противоречие между адатом и документом? Исчерпывающий ответ содержится в статье 98 обычного права кабардинцев: «Князь, убив в ссоре своего узденя, обязан сына его или брата (малолетних) взять в дом и содержать на всем своем иждивении до совершенного возраста». Отсюда можно заключить: муж или ближайший родственник княгини Казиевой, убив одного из своих узденей Тлапшоковых, сделался по обычаю аталыком его сына или малолетнего брата.

ОБРЯД ПРИМИРЕНИЯ

В 1849 г. в а. Шогенова возник конфликт между узденями Бабугоевыми и Шогеновыми. Его характер частично раскрывается в прошении на имя генерал-майора Эристова узденя Магомета Бабугоева, написанном в 1850 г. В прошении говорится, что родной брат Бабугоева, Пшемахо, с согласия дочери узденя Бекира Шогенова, т. е. по обряду умыкания, женился на ней. Не отказываясь от уплаты всего калыма в 400 руб. серебром, Бабугоевы предложили «до первого случая возможности» взять 200 руб. серебром. Бекир Шогенов отказался получить означенную сумму – «требовал более». По его настоянию Бабугоевы «охотно согласились» на шариатское разбирательство, однако «вопреки правил родственник Шогенова Хаджи Бекира народный эфендий по неспокойному... характеру» истца отказался от своего намерения. После этого к разбирательству взаимных претензий сторон приступил эфенди Махотлов, но Шогенов, не дождавшись окончательного решения, в ссоре ранил в руку старшего брата Магомета – Ислама Бабугоева.

В тот период Магомет Бабугоев состоял в милиции управления Центра Кавказской линии и решил использовать свое служебное положение в обострившемся конфликте. Он просил Эристова «поступить по силе российских законов» и в заключении прошения отметил: «Со времени поступления в команду милиционеров определил уже себя более русским правилам и российским законоположениям, почему осмеливаюсь льстить себя надеждою на милость Вашего Сиятельства в начальническом внимании к моему положению».

Эристов посчитал конфликт незначительным и потому не подлежащим рассмотрению по российским законам и отправил прошение для разбирательства в Кабардинский временный суд. Заседание суда состоялось 18 января 1851 г. Показания Бекира Шогенова дополняют и конкретизируют прошение Магомета Бабу-

гоева. По словам Шогенова, Пшемахо Бабугоев «без согласия его увез дочь его, после же назначено калыму на сумму 400 рублей серебром, брат его Ислам обязывался уплатить сполна, потом стал уклоняться». Когда дело разбиралось по шариату, о чем писал и Магомет Бабугоев, возникла ссора, в результате чего Ислам получил ранение в руку. И Бабугоевы предъявили встречный иск к Шогеновым.

Кабардинский временный суд, рассмотрев жалобы сторон, определил: «чтобы в счет назначенного калыма уплатили Хажи Бекиру Шогенову 50 рублей серебром деньгами и на сто рублей разным скотом... к 15 числу февраля, а Шогенов за нанесенную рану должен наварить бузы, зарезать барана и помириться с Бабукоевым и отдать ему одну лошадь 4-х лет среднего достоинства через 10 дней». К решению суда Ислам Бабугоев и Бекир Шогенов приложили чернильные знаки своих пальцев, что означало их согласие с мнением суда. Постановление суда было утверждено генерал-майором Эристовым.

Постановление Кабардинского временного суда важно как пример функционирования у кабардинцев института примирения конфликтующих сторон. А прошение Магомета Бабугоева позволяет установить и другой факт: народный эфенди Кабарды Хаджи Кайсын Шогенов, сменивший в 1846 г. народного эфенди Умара Шеретлокова, был родом из а. Шогенова, носившего его имя (в 1865 г. часть аула вошла в состав а. Камбота Куденетова).

ПОВИННОСТИ

Виды повинностей, существовавших в Кабарде, во многом проливают свет на характер общественной жизни народа. Материалы заседания поземельной комиссии от 15 января 1865 г. содержат интересные сведения на этот счет.

Выбранные от народа депутаты поставили «вопрос о том, какие повинности отбываются кабардинцами для удовлетворения нужд, как целого народа, так и аульных обществ». Выяснилось, что народ отбывает около 20 повинностей: на содержание окружного и участковых судов, аульного муллы, пастуха аульного стада, аульного табунщика, пастуха аульных телят, караульщиков проса, кукурузы и бахчей и сенокосного места, аульного кузнеца, караульщиков местных пастбищ, аульного крикуна, ночного караульщика баран-коша, ночного караульщика табуна, пастуха на хуторах в зимнее время, ночных караульщиков пасек, народного кади (определенный процент с даваемого калыма в зависимости от его денежного выражения, связанного с сословным положением невесты) и др. Кроме перечисленных, встречается повинность, которая называется куныж*. Ее отбывали все, за исключением

*Повинность *куныж*, по видимому, с того же рукописного первоисточника иногда читается несколько иначе, а именно – куным (*Думанов Х. М.* Социальная структура... С. 216–217)

владельцев. Предназначение куныж – «угощение важных проезжих, останавливающихся на степи, близ аула, или в проезде начальствующих или в поездку аульных старшин и депутатов по требованию начальства».

Таким образом, подобное гостеприимство, носившее не столько личный, сколько общественный характер, материально обеспечивалось повинностью с населения.

МЕЖСОСЛОВНЫЕ БРАКИ

Браки между представителями различных сословий были довольно обыкновенным явлением среди кабардинцев. Об одном из них говорится в прошении «моздокского жителя из грузин Павла Жугунова» моздокскому отдельному заседателю П. А. Александрову от 4 июня 1845 г. Родной брат матери Жугунова Мамсур Урушев имел постоянное жительство в деревне статского советника Егора Евстафьевича Ростованова. Отпущенный на волю, он женился «на кабардинской узденьке Ероштеевой». Их сын Абрек был женат на казачке. В этом браке родилась дочь Залиха. Со временем Мамсур, его жена и сын Абрек умерли. Мать Залихи «вышла замуж с имением, заключающимся в доме, дворе, скоте и шести душах крестьян, которые были куплены из Кабарды на собственные покойного Мамсура деньги».

Далее Жугунов указывал, что сделка о купле крепостных людей «была написана на имя жены Мамсура узденьки Ероштеевой, потому что Мамсур отпущенник и не имел права иметь крестьян»*. Воспользовавшись этим, дальний родственник Ероштеевой Джамбот Акулов (Хакулов?) начал требовать имение, оставшееся после смерти Абрека. В этих условиях малолетняя Залиха могла остаться, по мнению Жугунова, без средств к существованию. Просьба его сводилась к тому, чтобы забрать имущество покойного Абрека. Жугунов также докладывал заседателю, что Акулов и другие хотят отстранить его, ближайшего родственника Залихи, от наследства по той причине, что он христианин, а Залиха магометанка. Жугунов стремился склонить заседателя на свою сторону тем, что он желает «приняв ее к себе и ее обратить в христианскую веру». Чем закончилось прошение Жугунова, неизвестно, но в данном случае это не имеет существенного значения.

* * *

После отмены крепостного права стали допускаться браки, которые раньше считались незаконными. В 1881 г. житель с. Кармово князь Сарабий Сринов писал в Нальчикский словесный суд: «Года два с половиною [тому назад] я просватал свою дочь за жителя селения же Кармова Батырбека Журтова и накях был совершен в 1000 руб. при свидетелях Шухаиба Нырова, Фица Хами-

*В обычном праве кабардинцев подобная норма не встречается.

зова, Анзора Эдыкова, Зао Хоконове и накях совершил эфендий Альбазов, но означенный калым он вполне не платит». Князь Сринов сетовал: «Хотя я отдал замуж дочь свою за [представителя] непривилегированного сословия* по крайней бедности моей, но калым по кабардинскому обычаю за княжескую дочь должны платить 1000 р.».

Как видно, с 1870-х гг. князья стали выдавать своих дочерей замуж, руководствуясь более соображениями материальной выгоды, чем сословными интересами, но при этом они никогда не забывали о своем происхождении.

Заключать браки приходилось и при обстоятельствах, о которых в документах архива встречается диалог следующего содержания: «Однажды я был в Нальчике и увидел, что Нох Ж. покупает товар в лавке. Я спросил, для чего ты покупаешь? Он отвечал, хочу жениться на М. Я сказал, что о ней ходит дурная молва. Нох отвечал, что он бедный человек и только и может жениться на такой девушке, а за хорошую потребуют калым».

КАЛЫМ

К. Ф. Сталь писал: «калым есть плата, вносимая женихом в дом родителя невесты, – обеспечение против непостоянства мужа, который по неудовольствию или невозможности жить с женою, захочет отправить ее в родительский дом. Тогда калым есть имение отринутой жены и средство ее жизни». Как видно, калым выполнял важную социальную функцию по отношению к женщине. Размер калыма был довольно большим и потому его снизили в 1807 г. приблизительно с 3500 рублей серебром до 500 рублей серебром за княжескую дочь, до 100 руб. серебром за вдову вольного происхождения, т. е. калым был сокращен в среднем в семь раз.

И в сокращенном виде калым все же оставался довольно внушительным, он выплачивался с трудом, а иногда тяжба из-за неуплаты его тянулась годами. Выходцам из простого народа калым был просто не под силу. В 1826 г. кабардинец Усман Шебатов увольнялся «к проживанию в ауле Султана Менгли-Гирея, где он засватал за себя невесту, за которую вместо калыма обещевается работать в доме тестя 10 лет».

АРАБО-НЕГРЫ В КАБАРДЕ

В связи с фамилией Тлостановых, Каширговых, Таркановых, Шампаловых и некоторых других выясняется, что паломничество в Мекку иногда сопровождалось вывозом оттуда местных жите-

*Журтовы принадлежали к узденям 3-й степени, но князья в этот период, видимо, относили эту категорию уже к разряду непривилегированных.

лей. Подобные случаи отразились в переписке канцелярии по управлению мирными горцами штаба войск Кавказской линии и Черноморья.

30 апреля 1849 г. она сообщала исполняющему должность начальника Центра Кавказской линии: «Бывшие в Мекке для поклонения гробу Магомета жители Большой Кабарды Дударуко Тлостанов, Асламбек Каширгов, Даут Тарканов, Пшемахо Беев, Умар Хакулов и Магомет Куныжев, на возвратном пути чрез Александропольский карантин вывезли с собою восемь африканских негров мужского и женского пола, купленных ими, по их показаниям, в Мекке. Александропольский уездный начальник от 2 сего апреля... донеся об этом господину командующему войсками присовокупил, что по силе положения совета главного управления Закавказским краем, состоявшегося в 1845 году, подобные люди должны быть передаваемы покупщикам за подписками в том, что они по достижении ими 25 летнего возраста должны освободить их на волю, каковые подписи от них и взяты».

Приведем одну такую подписку: «1849 года апреля 1 дня я нижеподписавшийся житель Большой Кабарды узден Дударуко Тлостанов, даю сию подписку господину Александропольскому уездному начальнику в том, что купленных мною в турецком городе Мекке африканских негров: мальчика Амана – 13, двух девок, Трунчи – 12 и Зафрани – 8 лет я обязываюсь... по достижении ими двадцатипятилетнего возраста освободить на волю для избрания другого рода жизни, в противном подвергаю себя взысканию по всей строгости законов, в чем и подписуюсь».

Купленную эфенди Куныжевым девочку четырнадцати лет звали Зафрани, а Каширгову попался мальчик по имени Фераш (14 лет). Приобретенные Хакуловым таким же путем невольники были в возрасте от 12 до 17 лет. В 1852 г. был составлен список негров и негритянок, находившихся в Кабарде. В нем содержатся данные об их владельцах, аулах их проживания, времени вывоза из Аравии и возрасте. В Бекмурзиной и Кайтукиной фамилиях негры и негритянки проживали в аулах: Казиева (узден Хаджи Биев), Джанхотово (уздени Хаджи Тлостанов и Хаджи Исуп), Джамботова (узден Хаджи Куныжев), Махарова (узден Хаджи Кушуков), Куныжева (узден Хаджи Шолох). Интересно отметить, что почти всем им была дана одна фамилия – Арапов, а одну назвали Абдрахмановой. Среди женских имен попадаются отмеченные выше, но несколько искаженные женские имена: Прунжа (Трунчи), Саварана (Зафрани), а мужчины получили обычные адыгские имена: Гулла, Ахмет, Озармаз, Хорах.

В Атажукиной и Мисостовой фамилиях негры находились в аулах: Седакова (узден Хажи Дадохов), Тамбиева (узден Яхья Берхамов), штабс-ротмистра Атажуки Куденетова (Хажи Алоев). В Малой Кабарде один негр проживал у Хаджи Моргоева.

Судьба некоторых из этих арабов (африканских негров) или их потомков прослеживается в документе 60-х гг. XIX в. До начальника Терской области Лорис-Меликова дошла жалоба араба Аль-

маза. Он сетовал на неправильное присвоение «его в рабство сыном Сулеймана Эфенди, хаджи Абдул-Кады Шампалоовым». 17 ноября 1865 г. Лорис-Меликов писал окружному начальству в Нальчик: «Я нахожу, что названный араб неправильно находится в рабстве у Шампалоова, так как все арабы, вывезенные из заграницы... подлежат освобождению из рабства... Предлагаю вам араба Альмаза немедленно освободить из рабства Шампалоова, выдав ему на право свободы свидетельство». Предписание было выполнено к 10 декабря того же года.

Антропологические признаки отдельных представителей этих арабо-негров и поныне наблюдаются в республике. Возможно, отголоском этих переселенцев является сохранившаяся фамилия Арап. Однако можно сказать, что абсолютное их большинство вернулось на свою родину вместе с переселенцами в Турцию.

НА ОТГОННЫЕ ПАСТБИЩА

В докладе Кабардинского отдела комиссии по правам личным и поземельным от 9 января 1868 г. отмечено: «Кабардинское скотоводство на основании имеющихся данных – является в следующем виде: табунов – 17, из них один Малокабардинский, известный теперь под именем Балкарова. В табуне бывает от 1000 до 3000 голов; принимая среднюю цифру – 200, получим до 34 тыс. табунных лошадей. Овец вместе с малокабардинскими насчитывается до 700 тысяч; численность рогатого скота может быть определена до 120 т. голов. Кроме этой массы животных, ежегодно пасущейся между Золкою и Этокою и по горным хребтам между Баксаном и карачаевскую границею, в населенных пунктах Кабарды останется множество верховых лошадей, быков, коров, телят, коз и овец».

Более подробно о коннозаводчиках говорится в рапорте старшего члена комиссии от 19 октября 1867 г. В Черекском участке располагались четыре табуна: Мисостова, Шогенова, Докшуки Анзорова и Аслан-Мурзы Анзорова. Через Черекский участок весной и осенью проходил «Малокабардинский табун известный под именем Балкарова». Кроме того, существовали «конные заводы Магомета и Пшемахо Коголкина». Они составляли часть табуна Аслан-Мурзы Анзорова и паслись «на земле Кайсына Анзорова». Частью табуна Докшуки Анзорова являлся конный завод Джамбота Анзорова: они паслись на землях аула Хату Анзорова. Конные косяки Шардановых в 1867 г. паслись отдельно от табуна Мисостова, куда они входили.

Весной, обычно около 20 апреля, эти четыре табуна переправлялись на Золку. Пути следования табунов на летние пастбища представляют интерес для любителей и специалистов топономики. Отправная точка – от дороги «трех памятников», «пересекающей почтовый тракт из Александровской станицы на Черекский пост в 70-ти саженях от сигнального кургана, находящегося вбли-

зи аула Кучука Докшокина». Дорога эта шла в одну сторону на бывший аул Эльмурзы Кожокова, а в другую – через Мисостова аул выходила на другую дорогу, известную под именем «Сихогур» (?). Она тянулась далее ниже аула Клишпиева к урочищу «Земляной мост» (тытламыдж) – тIылъамыж? От этого моста табуны следовали к Чегему, где они переходили реку ниже а. Кургоко Кудинетова, и по дороге к «куль-табе» пересекали Баксан между аулами Тыжева и Заракуша Тамбиева. Дальнейший путь следования: по постовой дороге на Куркужин и затем на Малку. Последнюю переходили ниже а. Аджиева. Потом, пройдя до 2-х верст по казачьей земле, достигали Зольских и Этокских пастбищ.

Прогон отар на пастбища (Золку и Этоко) за незначительным исключением совершался тем же путем, но на обратном пути они задерживались на казачьих степях, арендуя их до конца ноября или середины декабря – «смотря по погоде». Развитию коневодства мешало отсутствие достаточного пастбища» весной-осенью. Например, конные табуны Баксанского участка «числом 12» оставались на казачьих степях Кумской, Государственной и других станиц, а также Ставропольской Палаты государственных имуществ с конца «летних пастбищ» до конца ноября или половины декабря «смотря по погоде», до марта и возвращались в «Кабарду на самое короткое время».

ПЕРВЫЙ ПАСПОРТ

Шеф жандармов и командующий императорской главной квартирой граф Бенкендорф 26 октября 1838 г. сообщал командующему войсками на Кавказской линии и Черноморья некоторые данные о вольном кабардинце Абрусе Наурузове. Выходец из а. Трамова, Наурузов был схвачен непокорными кабардинцами и увезен ими за Кубань, но при первой возможности сбежал от них. На обратном пути его вместе с некоторыми другими взяли в плен русские. Те притворились больными и по приказу Ермолова были отпущены. Это случилось в 1824 г. В 1833 г. он попал в Санкт-Петербургскую полицейскую команду, а в 1836 г. переведен в лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон денщиком служившего там ротмистра князя Айдемирова. За невиновность Наурузова ручались «жители и владельцы на Балке (Малке. – *С. Б.*), где проживают родственники Абруса, а именно: Кармовы, Тамбиевы, Кодзоковы, Бек-Мурзины...». Бенкендорф излагал биографию Наурузова, «предполагая ходатайствовать о возвращении денщика Абруса Наурузова на родину». Не вполне доверяя тем, которые были «готовы подтвердить присягою свидетельство о совершенной его невинности», шеф жандармов просил командующего Граббе «приказать удостовериться на месте: действительно ли он взят был в плен нашими войсками описанным образом, и за что именно записан в военную службу, тогда как товарищи его возвращены в свои домы». Граббе переадресовал

поручение Бенкендорфа командующему Кабардинской линией подполковнику Короткову 25 ноября 1838 г., а тот – секретарю Кабардинского временного суда Шоре Ногмову. Последний 18 февраля 1839 г. ответил: « Во исполнение предписания вашего высокоблагородия суд имеет честь донести, что Трамов аул жительствовал на речке Гурмыке*, а в 1821 году по воле начальства переселен на Мару, отколь жители в числе сорока человек приезжали на жительство для забрания проса и прочего, где российскими войсками были забраты, из коих старые и неспособные обращены в дом, а вольной кабардинец Абруз Наурузов с прочими вольными отдан в военную службу».

Кроме того что рапорт принадлежит Ногмову, он важен и в том отношении, что содержит сведения о перемещении а. Трамова, разоренного Ермоловым еще в 1818 г. как прибежище непокорных кабардинцев. Обращает на себя внимание и речка под названием Гурмыка (в русской транскрипции, вероятно, Карамык (Сабля)), которая, кажется, более нигде не упоминается. Похоже, имя речки звучит по-кабардински и производно от слова Гурымыкъ, что может означать – своенравность, непредсказуемость.

На основе справок Ногмова Бенкендорф получил необходимые ему сведения о Абрузе Наурузове и он счел возможным «всеподданнейше испросить всемилостивейшего соизволения на увольнение кабардинца Наурузова от службы в 1840 г., Наурузову исполнялось 40 лет. Ему дали паспорт, который он обязан был предъявить по месту жительства и который имеет мало общего с современным паспортом: Паспорт (пашпорт) Наурузова до мельчайших подробностей определял его социальный статус в феодальном обществе как человека, не принадлежавшего ни к какому сословию. Учитывая необыкновенный характер паспорта, приведем некоторые выдержки из него: «По указу его величества государя императора Николая Павловича самодержца всероссийского и прочая и прочая и прочая. Объявитель сего служивший при состоящем по кавалерии подполковнике князе Айдемирове денщиком Абруз Наурусов сын Наурусов имеет на левом рукаве из желтой тесмы нашивку в один ряд за безпорочную десяти летнюю службу. От роду ему ныне сорок лет, исповедания магометанского... По таковому высочайшему соизволению Наурузов от военной службы отставлен и отпущен по его желанию на собственное пропитание, где жить пожелает во всяком городе, уезде, или на прежнем жительстве у своих родственников. Во время жительства на родине, или где изберет таковое, может он заниматься всякого рода мастерством по собственному его избранию на общем основании с прочими обывателями, он обязан вести себя честно и добропорядочно, одеваться благопристойно, боро-

*По сведениям, данным Кавказскому гражданскому губернатору из Константиногорска 20 августа 1817 г., а. Трамово в 1816 г. был переселен «с сей стороны за границу на речку Бугунту, где ныне оной находится» (ГАСК, ф. 87, оп. 1, д. 808, л. 8).

ду брить, по миру не ходить и от всяких законам противных поступков воздерживаться, и как гражданскому, так и местному начальству повиноваться и никому никаких озлоблений не делать под опасением наказания по силе государственных узаконений. Равным образом и ему Наурузову во уважение безпорочной службы и добропорядочного по отставке жития оказывать в случае надобности всякое содействие в справедливых его требованиях и уважение приличное заслуженному воину. Если же от кого-либо причинена ему будет какая обида или притеснение, то должен он приносить жалобу: в городе гражданскому, в уезде земскому начальству, которые обязаны доставить ему справедливую защиту и удовлетворение по законам. В том месте, где денщик Наурузов изберет для себя жительство, должен он объявить сей пашпорт: в городе городской, а в уезде земской полиции. Ежели денщиком Наурузовым по отставке прижиты будут дети мужеска пола и он не будет иметь постоянного водворения в казенном селении или на отведенных казенных землях, то всех сих детей нигде в ревизию не записать, в подушный оклад не полагать и в Статскую службу и в другие звания ни в каком случае не определять под опасением неминуемого по законам ответствия. Но по достижении ими узаконенного возраста на основании высочайшего указа в 6 день декабря 1828 г. на имя управлявшего главным штабом его императорского величества по военному поселению последовавшего, обязан он Наурузов представить их в ближайший баталион или полубаталион военных кантонистов без всякой утайки и непременно по истечении положенных лет за чем должно иметь наблюдение и местное начальство. Буде же он Наурузов по отставке своей водворится где-либо в казенном селении или на отведенных от казны землях, в таком случае то селение, начальства приписать его Наурузова по силе мнения Государственного Совета высочайше утвержденного в 15 день июня 1816 года к своей волости и иметь его на счету точно так как казенного крестьянина, внеся его и семейство какое по отставке прижито будет, в следующую первую ревизию.»

«И САМАЯ КРЕПОСТЬ ПОСТРОЕНА НА КЛАДБИЩЕ»

Штабс-капитан князь Шаховской в 1834 г. докладывал барону Розену: «Кабардинцы были одним из сильнейших народов Кавказа... но в начале XIX в. появилась чума и, свирепствуя 14 лет кряду, истребила более пяти шестых оного». Шаховской умолчал о том, что причиной уничтожения кабардинцев как многолюдного народа была не только чума. Ермолов по этому поводу откровенен: «Моровая язва была союзницей нашею против кабардинцев, ибо уничтожив совершенно все население Малой Кабарды и произведя опустошение в Большой, до того их ослабила, что они не могли уже как прежде собираться в больших силах...».

Итак, русские войска, по признанию самого Ермолова, в «со-

юзе» с чумой в первой четверти XIX в. нанесли Кабарде урон, от которого она так и не смогла оправиться, прекратив свое существование как относительно самостоятельный субъект международных (межгосударственных) отношений. С конца 20-х годов чума перестала свирепствовать в Кабарде, но она все еще давала знать о себе и после – вспышками* и испарениями от захоронений.

О последнем явлении лекарь Алюмнов 22 августа 1829 г. докладывал 39 Егерского полка майору Давыдову. Обнаружив необыкновенное заболевание людей в укреплении Урухском, он писал: «Сим честь имею донести, что таковое зло скрывается более в воздухе... Самое укрепление построено на прежде бывшем кладбище, от чего испарения как от болот, равно и от гниения тел при теперешней жаркой температуре времени способствуют наиболее к развитию болезни у людей большею частию рекрут, изнуряемых беспрестанною конвоировкой транспортов по Военно-Грузинской дороге...». Щемящие душу подробности Алюмнов изложил в рапорте Ушакову от 24 августа того же года: «... С прочих же сторон, где имеется твердая почва земли, находятся *почти на каждой четверти версты или и того менее кладбища азиатские и, как говорят, чумливые*» (выделено нами. – *С. Б.*). Под азиатскими кладбищами подразумеваются кладбища, где похоронены кабардинцы.

Алюмнов далее свидетельствовал: «И самая крепость построена на кладбище же, ибо видел собственными глазами вырываемые кости при рытии погребов». Анализируя причину заболевания военных, Алюмнов указывал, что «испарения как от болот, равно и от гниения трупов при теперешней жаркой температуре времени застаиваясь в воздухе, заражают оный, чем расстраивают здоровье людей, большею частию рекрут, не привыкших еще к здешнему климату». В качестве меры предупреждения подобных заболеваний лекарь Алюмный предлагал «перенести укрепление по крайней мере на расстояние 3-х верст выше по реке Уруху... или возобновить прежде бывшее укрепление, или... чаще переменять людей».

О КАБАРДИНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ СУММЕ

В 1822 г. уздень Кизильбек Шенибов совершил побег к непокорным за Кубань. После него осталось «269 рублей серебром (по курсу 1076 рублей)». Часть этой суммы была израсходована на различные нужды. В связи с этим генерал-лейтенант Вельяминов 2 февраля 1834 г. писал полковнику Пирятинскому: «Но как имущество после упомянутого бежавшего узденя Шенибова дол-

*«В 1830 г., в холеру он Шогенов умер...» (ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 159, т. 2, л. 66). По сведениям пристава Малой Кабарды Бековича-Черкасского, за 10 дней, с 18-го по 28 октября 1830 года подверглись «действию эпидемической болезни холеры» 616 человек, из них выздоровели только 48, умерло 568 человек, в том числе 252 женщины».

жно поступить в ведение Барантовой комиссии, потому предписываю Вашему Высокоблагородию израсходованные из вышеупомянутой суммы... пополнить из денег, присланных на сей предмет...»

Можно полагать, что сумма Барантовой комиссии впоследствии переименована в Кабардинскую общественную сумму. Следовательно, основу Кабардинской общественной суммы могла составить баранта, взятая с кабардинских князей и дворян, бежавших во времена Ермолова к непокорным за Кубань и другим соседним народам.

ПО ЭТАПУ

Воинский начальник укрепления Нальчикского полковник Занаревский 11 августа 1865 года обратился к начальнику Кабардинского округа с рапортом: «Доставленного ко мне при рапорте начальника Прохладненского этапа от 5 августа за № 1179 арестанта Паго Кошбаева, который при сем за строгим караулом с конвертом за № 725, шнуровою тетрадью, запискою об одежде, и партионным списком препровожден, прошу предписать, на какой счет должен довольствоваться Кошбаев».

Полковник Занаревский 4 сентября 1865 года получил из управления Кабардинского округа запрошенное им предписание: «Арестанта Паго Кошбаева, содержашего в Нальчикском остроге следует довольствовать кормовыми деньгами на собственный его счет». Указанная выше шнуровая тетрадь выдана Кошбаеву 13 июля 1865 года. В ней сделаны следующие отметки: «1865 г. июля 13. записано на приход кормовых денег, отпущенных из Ставропольского губернского правления до укрепления Нальчик, полагая в сутки по 10 к. на 24 дня всего два рубля сорок копеек»; «июля 20. выписаны в расход кормовые деньги, выданные на Ставропольском этапе одному человеку от Ставрополя до станицы Саблинской на 7 дней по 10 копеек в сутки с 20 по 27 число. Итого семьдесят копеек»; «На Саблинском этапе выписаны в расход кормовые деньги тому же арестанту на 8 дней с 27 июля по 4-е число августа по 10 к. в сутки...»; «август 5. на Прохладненском этапе выписаны и выданы деньги тому же арестанту с 4 по 13 августа, ? а всего девяносто копеек».

В партионном списке в графе: «При каком статейном списке, или открытом листе» отмечено: «При конверте начальника Армянского Армавирского аула за № 725 к начальнику Кабардинского округа».

Переписка относительно Паго Кошбаева не содержит сведений, в связи с чем он был арестован. Однако она позволяет выяснить, что из себя представлял этап, в частности, от Ставрополя до Нальчика. Арестанту предстояло преодолеть весь путь за 24 дня. Расстояние от Ставрополя до Нальчика было разбито на этапы: Ставропольский (от Ставрополя до станицы Саблинской) на этот

участок пути отводилось 7 дней; Саблинский этап был рассчитан на 8 дней, а Прохладненский этап на 9 дней.

Вероятно, Кошбаев преодолел путь быстрее, чем полагалось. Он должен был прибыть в Нальчик 13 августа, а уже 11 августа военный начальник укрепления Нальчикского пишет начальнику Кабардинского округа, что к нему от начальника Прохладненского этапа доставлен арестант Паго Кошбаев. Воинский начальник просил снабдить его предписанием, «на какой счет должен довольствоваться Кошбаев». Ответ начальника: «Арестанта Паго Кошбаева, содержащегося в Нальчикском остроге, следует довольствовать кормовыми деньгами на собственный его счет».

В ГОСТИ

В старину принимать гостя, впрочем, как и сейчас, было делом не простым, однако не труднее, чем отправиться в гости. Исполнение традиционной обязанности адыга, связанной с возведенным в ранг религии гостеприимством, осложнялось тем, что с усилением колониального режима чуть ли не каждый шаг кабардинца фиксировался властями и совершался только с их позволения. Приведем несколько примеров. Билет сроком на 15 дней в декабре 1847 г. был выдан кабардинцу из аула Тохтамышева Келемету Канкулову. Он направлялся в а. Борокова с двумя женщинами на одной арбе «с оружием» для свидания с родственниками. С той же целью достал билет и крестьянин князя Казиева Доль Казиев в декабре 1847 г. Он увольнялся в Малую Кабарду в аул Булатова на 15 дней. Выдавались билеты и на большие сроки. Узденъ Хажи Мурза Хачетлов из аула Магомет Мурзы Анзорова на одной арбе с оружием, с четырьмя женщинами и одной девкой отправился в Малую Кабарду в аул штабс-капитана Астемирова. Срок — один месяц. А уздень Кайсын Кодзоков из аула Заракуша Тамбиева взял билет на 40 дней. Длительный срок в этом случае, видимо, объясняется дальностью расстояния. Кодзоков собирался навестить родственников, проживавших в ауле Бабукова, располагавшемся за Кубанью.

Поездки вызывались самыми разнообразными причинами. Например, уздень Хатокшуко Бешказаков с Инусом Токмаковым и Бичир Мазодеховым были вынуждены отправиться в Малую Кабарду в аул Абаева «для свидания с больною сестрою». На эту поездку отводилось 20 дней. Из а. Клишпиева в «аул Алхотов» отправился Асламбек Ширух для оповещения узденя Кундухоева о смерти его тещи, проживавшей в а. Клешпиева. Случались, конечно, поездки и в связи с похоронами. Так, из аула Макянова, впоследствии выселившегося в Турцию за исключением 3-х семейств, 18 человек отправились в аул Астемирова «для поминовения родственников». Среди них уздень Абдрахман Соитов, Умар Хабекиров, Харис Томахов, Ибрагим Подехежев, Абдула Соитов, Индрис Бленаов, Абрек Межеков, Тимур Шалоков, Урис Мисост, Ибрагим и Абрек Макановы.

Вместе с ними отправились и шестеро женщин: девятеро верхом, остальные разместились на трех арбах. В октябре 1847 года жители аула князя Тлостаналиева совершили такую же печальную поездку. Кабардинцы Исмаил Бжехотлов, Магомет Татаров, Магомет и Мусса Жигуновы, Бекмурза и Бороко Цопановы, Абакир Кумуков и семеро женщин во главе с муллой Нетша Шудуловым отправились в Малую Кабарду в аул Таусултанова «для свидания и поминовения умершего родственника».

О КАБАРДИНСКОЙ МИЛИЦИИ

Вопрос о кабардинской милиции не исследован. Точная дата ее организации остается невыясненной, но источником формирования, на наш взгляд, стала Бабуковская станица. Прапорщик Бот Абезыванов, добиваясь права на частную земельную собственность, в 1872 г. напоминал начальству: «...сам я лично состою на службе по милиции с 1831 года»[1].

Первые сведения о бабуковцах относятся к первой половине XVIII в. В 1783 г. бабуковцы переселяются к Георгиевску; в 1821 г. генерал Ермолов из части бабуковцев основал Бабуковскую станицу, в которой действовал «постоянный конный отряд численностью в сто сабель, подчиненный командиру Волгского казачьего полка»[2] и преобразованный затем в казачью сотню. Бабуковская станица, как отмечено выше, упразднена в 1861 г. Значительная часть ее жителей эмигрировала в Турцию, а часть было принято решение расселить по аулам Большой Кабарды. О том, какая фамилия в каком ауле оказалась, можно себе представить по «Именному списку Волгского казачьего полка Бабуковской станицы служащим воинским чинам...», составленному 30 октября 1831 г.

Перечислим имена и фамилии жителей этой Бабуковской станицы (точнее 102 казаков) по данному списку с указанием, где кто проходил службу. Хорунжий Джанбек Думаев (в графе «где находятся» указано: «при станице начальником»). В летучем отряде находились: хорунжий Мисироф Хуранов, урядники: Солеман Абаев, Осман Афиндеев, казаки: Абрагим Мамхегов, Мусса Какупшев (Хакупшев), Ильяс Хуранов, Беткан (?) Дигов, Осман Бугов, Гоча Хатов, Чирюк Киригуов (Карашуев?), Келимет Нартуков, Али Мыхцов, Курманалий Абаев, Хамгот Дауров, Дишуко Ажиев, Исхак Альмов, [Асл]анбек Гогов, (Дж)афар Хуранов, Чауп Хуранов, Аиса Мисходзев, Ислам Купов, Солеман Ниров, Асланбек Лиев.

Несли службу «при посту Известном броде»: Харис Гогоноков, Даут Мамхегов, Огурли Кармов, Кара Карданов, Курманали Коков, Бана (?) Хуранов, Исхак Тяжгов, Долтуко Карашаев, Солеман Алебердов, Исмаил Хажиев, Нагой Кунахов, Индрис Шкахов, Аиса Дыгов, Исхак Купсергенов, Кургоко Хамготов, Ачим[ахо] Какубжев, Индрис Шереметов. Находились «на посту Пробежном»: Гуп Анемуков, Аисса Жириков, Инал Гогов, Бекир Багов,

Мусалий Жуготанов, Кама Абаев, Ислам Какубжев; «при посту на Беломечетском»: Куль Нибазов, Чич Паштов, Трама Учхунов (Ошхунов), Клыч Мидов, Исхак Меремкулов, Аслануко Келеметов, Чужей Абаев; «при посту Соленобродском»: Бот Котепахов, Хусин Пшуков, Бакир Тяжгов, Быта Пшуков, Даут Пшуков, Цура Тавкешев, Адрахман Тавкешев, Чусуп Сухостанов (Шухостанов), Албек Фомутов, Тука Гочев (Гучев), Бата Кармов.

Казак Мидов 2-й был прикомандирован к хорунжему Хуранову, Исхак Хаджуков служил «у Георгиевского коменданта за переводчика», Огурли Какубшев – «при посту Бабуковском», а Аслангирей Купов – «при сотне в наряде казаком». Пятеро урядников: Ардашуко Хажиметов, Безит Дауров, Тепсаруко Хуранов, Хуранов (имя неразборчиво), Магомет Тяжгов обозначены в списке состоящими «при станице налицо». В этом же качестве пребывали казаки: Сана (?) Хуранов, Тату Котов, Магомет Шеретлоков, Дамай (?) Купсергенов, Тембот Казанов, Мамсир Хатов, Сикан Дауров, Хадис Магометов, Калагирей Вошодугов (Оршокдугов?), Нахо Куджев, Аюб Тлянчев, Якуб Батыров, Харис Карданов, Ильяс Коцев, Адашуко Мидов, Тамбий Коцев, Жендар Хапцов, Исмаил Коцев, Мусса Хамготов, Албора Паштов, Аиса Хажпаков. И шестеро бабуковцев: Исмаил Мирзаканов, Жаншара Кештов, Хажимахо Бермамытов, Тамач Жириков, Мусалий Хаджуков и Абраим Абезыванов – зафиксированы как «налицо пешие» казаки[3].

Этим перечнем не исчерпывается все население Бабуковской станицы. Достаточно отметить, что в 1859 г. в ней проживали: Закачу Каров (43 лет)*, Якуб Огузов (Угузов, 59 лет), Шолох Касточков и др. (ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 589, л. 150–151, 184).

Следует отметить, что представители некоторых современных кабардинских фамилий служили и в других станицах. Например, к «воинским чинам, состоящим налицо и находящимся в разных командированиях» по станице Георгиевской в 1831 г., относились: Василий Чемезуков (у подполковника Якубовича, кордонного начальника Кисловодской линии), Федор Канымготов (на посту Новоучрежденном), Семен Чемезуков («при станице налицо»). Против фамилий Тимофея Чемезукова и Карпа Кономготова сделана пометка: «В Царстве Польском с 13-го ноября минувшего 1830-го года»[4]. Эта запись означает, что они вместе с Шорой Ногмовым, Хан-Гиреем и другими принимал участие в подавлении восстания в Польше в 1830–1831 гг.

Список бабуковцев и некоторых лиц из местного населения дают конкретные представления о том, кто из них и чем занимался. В 1831 г. и, разумеется, позже они несли службу по постам кордонной линии. Возвращаясь к свидетельству прапорщика Абезыванова, можно сказать, что бабуковская сотня была прообразом и первоначальной формой кабардинской милиции, так как он в то время не мог состоять «на службе по милиции», кроме как в Бабуковской станице, о чем говорит и тот факт, что

---

*_Закачу Каров_ – прапрадед руководителя Архивной службы КБР А. Х. Карова.

фамилия Абезывановых упоминается в списке наряду с другими бабуковскими казаками. Возможно даже, что Абраим и Бот Абезывановы – одно и то же лицо.

В составе милиции управления Центра Кавказской линии за 1846 г. можно встретить некоторые фамилии составлявших бабуковскую сотню. Отличительная особенность этой милиции главным образом в том, что в ее состав входили и высшие слои и вольные сословия кабардинского общества. Для наглядности приведем список милиционеров 1846 г.:

Князья:	Подпоручик и кавалер Кайтука Хамурзин
	Корнет Джамбот Докшукин
	Прапорщик Бек-Мурза Казиев
Уздень:	Прапорщик Темрюко Кучмазукин

В с а д н и к и

Бекмурзиной фамилии

Уздени:	1. Харпис Трамов –	аула Трамова
	2. Магомед Акзаов –	Акзаова
	3. Мусса Отпоноко –	Отпонокова
	4. Мисост Кайшероков –	Кайшерокова
	5. Исуп Шуашхов –	Шуашхова
	6. Магомет Кудай –	Кудаева
	7. Магомет Хостов –	Хостова
	8. Идрис Тох –	Анзора Анзорова
	9. Хажимед Поунижев –	Поунижева
	10. Закирей Тлекошпаше –	Докшуки Кудинетова
	11. Исуп Губежик –	Магомет Мурзы Анзорова
	12. Пшемахо Шендуко –	Анзора Анзорова
	13. Эльжеруко Саго –	Докшоки Кудинетова
	14. Исмаил Докшоко –	Докшокина
Вольные:	15. Исмаил Джамбеков –	Атласкирова
	16. Али Гецук –	Казиева
	17. Сеид Барий –	того же
	18. Умар Барий –	того же
	19. Аюб Цуго –	князя Бек-Мурзы Казиева
	20. Каильбек Маготлов –	князя Кайсинова
	21. Пшемахо Тлостанов –	князя Алхаса Мисостова
	22. Ибрагим Кабарда –	Пшемахи Коголкина
	23. Бата Еголах –	Докшуки Кудинетова
	24. Хаджи Коншао –	узденя Гукежева
	25. Гобаше Ткохако –	Огланова
	26. Конуко Трама –	Ефендия Шеротлокова
	27. Пшон Куниж –	Вольного аула
	28. Тасу Цаголо –	Туганова

Итого: узденей – 14
вольных – 14

Кайтукиной фамилии

Уздени:	1. Турк Тижев–	аула князя Джамбота Докшукина
	2. Мисост Напцев –	Напцева
	3. Асълануко Махоко –	Махокова
	4. Паго Махаров –	Махарова
	5. Алхас Мамхегов –	Тпанокова
	6. Якуб Арип –	князя Алхаса Мисостова
	7. Ибрагим Поунижев –	Поунижева
	8. Исмаил Шогенов –	князя Магомета Джамботова
	9. Джамбот Элькенов –	князя Тлостаналиева
	10. Исмаил Бжехотл –	князя Джамбота Докшукина
	11. Абрахман Олоко –	Казаньшева
	12. Шокара Бодрако –	князя Эльбуздукина
	13. Эльмурза Турк –	князя Джамбота Докшукина
	14. Магомет Хожев –	Анзора Анзорова
	15. Каспот Комишев –	узденя Магомета Кожокова
	16. Магомет Турк –	Напцева
	17. Осман Агуноков –	узденя Эльмурзы Докшукина
	18. Магомет Башило –	Кудаева
	19. Бат Фица –	князя Кайтуки Хамурзина
Вольные:	20. Цикул Бодрако –	князя Эльбуздукина
	21. Дзуго Тлепш –	князя Магомета Джамботова
	22. Сосуп Тлепш –	то же
	23. Даут Киржин –	князя Джамбота Докшукина
	24. Исмаил Таош –	узденя Эльмурзы Докшукина
	25. Али Мурзов –	то же
	26. Бекир Хандохо –	Напцова
	27. Якуб Отпанов –	князя Кайтуки Хамурзина

Итого: узденей – 19
вольных – 8

Атажукиной фамилии

1. Эльжеруко Даутоков –	аула Даутокова
2. Ахмет Багов –	Жентемирова
3. Ильяс Зухо –	Бабукова
4. Уважуко Ерестиев –	Кудаева
5. Ильяс Хабцов –	Куденетова
6. Керим Хапцов –	Камбота Куденетова
7. Маткирей Бабугай –	то же
8. Магомет Бабугай –	то же
9. Нагай Шугено –	Исмаила Куденетова
10. Магомет Шошен –	Камбота Куденетова
11. Бек-Мурза Шурухов –	Калишпеева
12. Али Шадов –	Казаньшева

	13. Хажели Кипов –	Мета Куденетова
	14. Инус Такмак –	Ашабова
	15. Харун Коц –	
	16. Махмуд Пшуко –	Бабукова
	17. Курман Алмов –	Кармова
	18. Якуб Дгагобехов –	Тахтамышева
	19. Шугана Хажи Кулов –	Бабукова
Вольные:	20. Али Карданов –	Кармова
	21. Темрюко Кунукай –	Тохтамышева
	22. Умар Дышев –	то же
	23. Даут Губжов –	Казаншева
	24. Хажели Боров –	Хатокшуки Куденетова
	25. Абдрахман Хахпаче –	подполковника Атажукина
	26. Шовкара Ажеон –	Конова
	27. Тагир Гукетлов –	
	28. Исхак Карго –	Хатокшуки Куденетова

Итого: узденей – 19
вольных – 9

Мисостовой фамилии

Уздени:	1. Кучмазука Кучмазукина –	аула Кучмазукина
	2. Асламбек Коголкин –	Коголкина
	3. Актоло Шипшев –	Шипшева
	4. Заурбек Сидаков –	Сидакова
	5. Мусса Кунашев –	Кунашева
	6. Хажи Батыр Кубатов –	Кубатова
	7. Асланука Бармамытов –	князя Касаева
	8. Исхак Болкаров –	Тыжева
	9. Исхак Шогенов –	Мудара Тамбиева
	10. Паго Коофов –	то же
	11. Осман Мамсыр –	Батырбека Тамбиева
	12. Али Касай –	Заракуша Тамбиева
	13. Магомет Бадроко –	князя Эльбуздукина
	14. Махмуд Хавов –	княгини Наурузовой
	15. Мусса Афачажев –	Кучмазукина
	16. Хатух Джамбеко –	то же
	17. Эльмурза Нафалов –	Кармова
	18. Ибрагим Болгаров –	Тыжева
Вольные:	19. Ибрагим Дегежев –	Кожева
	20. Бата Маилов –	Заракуша Тамбиева
	21. Тагир Гожемахо –	
	22. Едык Цагов –	Седакова
	23. Каншао Абазоков –	Тижева
	24. Умар Карданов –	то же
	25. Аслануко Хондохов –	Тогланова
	26. Тагир Шибзухов –	подполковника Атажукина
	27. Аслангирей Тагижев–	

Итого: узденей – 18
вольных – 9[5]

Основной обязанностью милиционеров в мирное время являлась борьба против абреков.

В военное время из числа милиционеров формировались воинские подразделения (см. главу: «Кабардинцы в Крымской войне»).

Списки милиционеров хранят немало тайн о родословной конкретных носителей фамилий. Остановимся на одном из них. Как отмечено, в приведенном списке милиционеров Кайтукиной фамилии значится узден Осман Агуноков (Агноков), проживавший в ауле узденя Эльмурзы Докшукина (Старый Черек). А в посемейном списке аула Нижне-Кожоково (Нижний Черек), составленном в 1886 г., указан узден Аганоков (Агноков) Адалгирей Османович с малолетними сыновьями Зутом и Темерханом. Среди членов семьи числится и одна душа женского пола, вероятнее всего, жена Адалгирея, следовательно, его матери в том году уже не было в живых.

Сведения о семейном и сословном положении Адалгирея (в обиходе – Лаша) Агнокова мы сообщили Зауру Налоеву, и он включил их в свою книгу, вышедшую в свет в 1991 г.[6]

Агноков вошел в нашу адыгскую историю как выдающийся гегуако (народный стихотворец, певец народа). О его творчестве издано несколько книг. Но все еще мало известно о его родословной, а сословное положение, особенно более позднего периода его жизни, ставится под сомнение и даже отождествляется с положением крепостного, хотя серьезных доводов для этого не существует. Дело в том, что женщина свободного происхождения, согласно обычному праву кабардинцев, выйдя замуж даже за крепостного, что случалось довольно часто, не только сохраняла свою свободу, но и свободу рожденных от него детей.

Поэтому о сословной (крепостной) зависимости Лаши Агнокова речи быть не может, хотя социальное его положение могло напоминать состояние малоимущих слоев населения.

Два приведенных факта местожительства отца и сына Агноковых указывают на два населенных пункта. Как это могло случиться? По фольклорным сведениям Зарамука Кардангушева, Осман Агноков умер, когда сыну его исполнился год. Его вдова вторично вышла замуж за жителя аула Нижне-Кожоково. Так малолетний Адалгирей (Адальгарий) оказался в другом селении. Как видно, есть объяснение на первый взгляд несколько противоречивому факту, и отцовство Османа Агнокова, по-видимому, не оставившего других наследников, несомненно.

Список милиционеров 1846 года, – года похода Шамиля в Кабарду, в котором обозначен Осман Агноков, свидетельствует, что он вместе с представителями высшей кабардинской знати участвовал в боевых операциях, часто предпринимавшихся милицией. И ранняя его смерть (судя по преданиям, приходится приблизительно на 1852 г.) может быть объяснена как следствие боевых действий, в которых он по долгу службы обязан был участвовать. Конечно, нельзя категорично исключить смерть милиционера и по какой-либо другой причине.

СКАЧКИ

Скачки, как состязания на лошадях, восходят к глубокой древности. Известно, что они проводились в честь языческих богов (Сезорес – Созереш, Созырэщ) и христианских святых (Илья, Мариам и т. д.)[1].

История скачек в Кабарде, по существу, не изучена. Между тем конные соревнования среди кабардинцев были довольно распространенным и любимым зрелищем. Скачки также служили одной из основных форм развития коневодства и одновременно показателем его уровня, особенно в условиях, когда лошадь практически не использовалась как тягловая сила, а являлась средством защиты и нападения в эпоху непрерывных войн и конфликтов.

С. Броневский пишет: «Ристание состоит в скачке на лошадях, в обгоне до условленной цели, или в военных эволюциях... Смелые наездники в Кабарде приучают своих лошадей бросаться стремглав с утесов и с крутых берегов рек, не разбирая высоты...»[2] Конские скачки в 50-х годах XIX в. проводились «с Высочайшего разрешения» – один раз в год в городах: Тифлисе, Шемахе и Ставрополе. Им придавалось большое значение «в видах поощрения к улучшению конских пород в крае». Они проводились в различные сроки (с марта по октябрь), чтобы желающие могли, не ограничиваясь местными соревнованиями, участвовать во всех таких крупных состязаниях[3].

Конские скачки, проводившиеся в г. Ставрополе, ежегодно приурочивались ко дню св. Троицы «для распространения и улучшения заводов». За первое место на скачках 1859 г. был установлен императорский приз – серебряная ваза в 500 рублей серебром (заменена денежным призом в 500 рублей, «как более заманчивым для тамошних состязателей»). Второй приз значительно меньше первого и составил всего 150 рублей серебром. На скачки допускались лошади, «родившиеся в России, Царстве Польском, а также Карабахская, Кабардинская, Нагайская, Трухменская» и другие породы лошадей. К скачкам не допускались лошади до четырехлетнего возраста. Скакун должен был преодолеть расстояние «шесть верст с перескачкою»[4].

Регулярно устраивались и состязания местного значения. В 1872 г., например, состоялись Нальчикские конные призовые скачки. В них могли принимать участие «лошади туземных заводов без различия пола», т. е. жеребцы, кобылы и мерины.

Победителей ожидали три приза: 200, 100 и 50 рублей серебром. По условиям скачек ездок должен был «обязательно проскакать десять верст (пять кругов), после первых трех кругов $^1/_2$ часа отдыху». Скорость скачек: первые три круга за 8 $^1/_2$ минуты, а последние три круга – за 5 $^1/_2$ минуты.

Вес седока вместе со сбруей был определен – не менее 3 пудов 20 фунтов. Если же седок вместе со сбруей не достигал

установленной тяжести, недостающее добавлялось «свинцом и дробью». Иногда этот вес достигал 4 пудов и более. Лошади, оставшиеся «за флагом» после первых трех кругов, лишались права на приз и в последующих двух кругах не участвовали. В случае, если возникал спор «по единовременному прибытию к первому флагу, когда невозможно будет различать, кто действительно был впереди», давался «один круг перескачки». Получавшим призы выдавались свидетельства за подписью председателя и членов комиссии.

В скачках участвовали 35 лошадей кабардинских и некоторых других заводов. Из них 17 лошадей остались «за флагом» после трех кругов. (Столб с флагом располагался «от призового столба назад в 110 саженях».) Первый приз выиграла лошадь жителя с. Ашабова Магомета Аджиева – десятилетний светло-гнедой мерин «завода собственного». Обладателем второго приза стал Исуп Бесленеев из с. Бабукова. Он был владельцем светло-гнедого семилетнего мерина «завода Султановского». Третий приз «выскакал» Шолох Бжеников из с. Абукова. Возраст его гнедого мерина одиннадцать лет.

Кроме них, в скачках принимали участие лошади: князя Асламбека Атажукина (2 лошади, они представляли заводы Лафишева и Хагундокова). Лошадь завода Хагундокова осталась за флагом. Князь Исмаил Атажукин выпустил на скаковую дорогу также двух лошадей, и обе собственного завода. Среди владельцев скаковых лошадей: Элен Тыкинов (Дикинов) – лошадь собственного завода, два закубанца: князь Келемет Туганов и Шабала Дигов – у первого свой завод лошадей, а последний представлял марку завода лошадей князя Лоова, генерал-майор Абдрахманов и Закирей Шакманов (заводы Гусарева и Шеримбейского соответственно).

Другие участники скачек: Каспот Гукепшоков (завод Мисостова – за флагом), урядник Иван Сагустанов (завод Хапцева), Исмаил Конов (завод Шолоха), карачаевец Ахмет Баташев (завод Атажукина), другая его лошадь представляла завод Хубиева (осталась за флагом), Индрис Хаджиев (завод Сижажева), подполковник Магомет Безруков (завод Хагундокова), Торкан Тамбиев (завод Тыжева), Магомет Урусбиев (завод Мисостова и собственный завод), Кяго Шефадугов (завод Шогенова), поручик Карашай Седаков (собственный завод), Атласкир Жилов, урядник Матвей Вараламов (завод Аванова), Женус Жерештиев (собственный завод), карачаевец Закирей Абитов, Жанус Боташев (завод Лоова), Салех Нагоев и купец Адам Аванов (собственный завод)[5].

ОСНОВАТЕЛИ АРХИВА КАБАРДЫ

Конец XVIII века – это хронологический рубеж, с которого начинается накапливание документов и материалов по истории Кабарды самими кабардинцами.

Моздокский Верхний Пограничный суд, родовые суды и расправы, шариатский суд Мехкеме и сменивший его Кабардинский временный суд были основными учреждениями, где могли накапливаться материалы по истории и обычно-правовым нормам кабардинцев. Членами, секретарями (дефтердарями) этих «присутственных мест» были Магомет Шарданов, сын его Якуб Шарданов.

Командующий Сунженской линией генерал-майор Горихвостов в 1833 году докладывал генерал-лейтенанту Вельяминову: «В Кабардинском временном суде имеется бумаг едва ли не вдвое против представленных мною прокламаций, о которых секретарь майор г. Шарданов лично говорил мне, о некоторых из бумаг с переводом я сам читал». Среди них Горихвостов назвал «Высочайшие грамоты старинныя и нашего времени от всех почти Главнокомандующих в этом краю». Эти грамоты носили характер основополагающих документов по урегулированию общественно-политической жизни кабардинцев. В частности, некоторые грамоты содержали положения, которые указывали, где пасти табуны и стада в линии и некоторые привилегии.

Они исходили от Министерства иностранных дел за подписями графа Румянцева и Голицына. Горихвостов свидетельствует, что «много таковых (положений, грамот. – *С. Б.*) передано через покойного Дельпоццо, которые хранятся, как документы Службы майора Шарданова и прежде бывшего секретарем же отца его».

Здесь очень важно указание на то, что отец Якуба Магомет Шарданов оставил свои бумаги сыну на хранение. А Якуб бережно и по долгу службы хранил документальное отцовское наследие. Об этом говорит одно замечание Горихвостова. Он докладывал Вельяминову, что если будет сделан запрос на хранящиеся бумаги, Шарданов, возможно, «отзовется неимением». И на этот случай советовал, что если Пирятинский, «неприметно получая для прочтения воспользуется и спишет копии, то весьма много может найти таковых, уже переведенных, не говоря о множестве нужных бумаг, находящихся у г. Шарданова без перевода».

Генерал-майор далее констатировал наличие многих бумаг у Шарданова, которые противоречили повелению Вельяминова «о запрещении кабардинцам пасти стада свои в линии».

Рапорт генерал-майора говорит о том, что отец и сын Шардановы были первыми хранителями некоторых из дошедших до нас документов по истории Кабарды. Следовательно, их следует признать основными архивами Кабарды.

В этом контексте примечателен один эпизод из биографии Якуба Шарданова. В 1838 году вышедшие из повиновения кабардинские крестьяне стали настаивать, чтобы им был выдан так называемый Каратекский, точнее Каратерекский, акт, якобы составленный при «возмущении черни» в XVIII веке. Как известно, этот акт, по словам самого Шарданова, хранился у него и даже обещал выдать его возмутившимся, если они его поддержат в борь-

бе против Умара Шеретлокова и его окружения. Если действительно этот акт хранился у него, то он, вероятно, мог попасть к нему не через кого-нибудь другого, а от отца – Магомета Шарданова. Отметим и следующее. Рапорт Горихвостова к Вельяминову примечателен и в том отношении, что служит свидетельством постепенного усиления местными начальниками колониального режима в Кабарде, закрывавших глаза на более ранние и менее жестокие для нее установки «сверху».

ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ КАБАРДИНЦЕВ

В 1862 г. император Александр II изволил создать комитет для организации сбора средств на сооружение Триумфальной арки в Тифлисе. По замыслу императора арка «на вечные времена служила бы памятником чувств, с какими народ встретил и приветил доблестного вождя за совершенный им подвиг»[7]. Александр II имел в виду своего наместника на Кавказе А. И. Барятинского, который в 1859 г. пленил Шамиля. В том же году 4 сентября грузинское дворянство приступило к реализации повеления императора. Но этого было недостаточно. Официальные круги рассчитывали, что в этой акции «может быть и другие народы Кавказа, которые равно избавлены от бедствий, пожелают участвовать».

Кабардинцам искони свойственна благотворительность. Не остались они безучастными и к призыву императора России. Согласно подписному листу по округу было собрано всего 45 рублей 54 копейки серебром. В их числе: подполковник Атажукин – 5 руб., ротмистр Кизильбек Кармов – 2 р., подполковник Анзоров – 3 р., корнет Шарданов – 1 р., поручик Куденетов – 1р. и прапорщик Шерухов – 1 р. (ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 61, л. 1–4).

К 30-летию со дня смерти М. Ю. Лермонтова также проводился сбор пожертвований на памятник поэту. По ходатайству наместника Кавказа великого князя Михаила император 23 июля 1871 г. «соизволил на открытие по империи подписки для сбора добровольных приношений на сооружение в городе Пятигорске Ставропольской губернии памятника поэту Лермонтову». Наместник циркулярно сообщая об этом начальникам губерний, областей и округов, предписывал Казенным палатам принимать «могущие поступить на означенный предмет от разных мест и лиц денежных приношений во всех подведомственных им казначействах». В списке лиц, изъявивших по Кабарде желание внести свой вклад на содержание памятника, значатся: майор Анзоров – 1 р. серебром, Бекмурза Шарданов – 1 р., Бекмурза Шурухов – 50 копеек и Умар Сеинов – 50 копеек серебром. (ЦГА КБР, ф. 3. оп. 1, д. 114, л. 1, 12).

О НАЛЬЧИКЕ

Сколько лет Нальчику?

Немало книг и статей рассматривают историю возникновения г. Нальчика, но до сих пор нет единого мнения о его «возрасте». Одни утверждают, что столица Кабардино-Балкарии основана в 1818 г. (А. С. Кабанов, Р. А. Бураев), другие настаивают на 1822 г. (Е. С. Тютюнина, В. Я. Пеннер, Н. В. Пеннер, Р. У. Туганов, Т. Х. Кумыков), третьи заключают, что Нальчик намного старше, что он как поселение существует с 1745 г. (Х. М. Думанов, Г. Х. Мамбетов). Высказываются и иные соображения.

Однако анализ существующих источников убеждает, что есть более объективная дата возникновения г. Нальчика. Нелишне здесь отметить, что газета «Ленин гъуэгу» 10 февраля 1990 г. опубликовала сокращенный перевод нашей заметки под заголовком «Сколько лет Нальчику?».

На основе переписки валия Кучука Джанхотова с русскими властями, содержащейся в Актах Кавказской археографической комиссии и впервые пущенной в научный оборот, мы пришли к выводу, что населенный пункт, ставший основанием (побудительным мотивом) для выбора места главной в Кабарде крепости Нальчик, существовал, по крайней мере, уже в 1809 г.

Для такого заключения есть все основания. Они восходят к первым попыткам русских властей установить в Кабарде принципиально новый орган власти внутреннего управления, действие которого в главном соответствовало бы их стратегическим интересам.

По предложению Гудовича в начале 1793 г. обнародовано высочайшее повеление о родовых судах и родовых расправах в Большой и Малой Кабарде: так, родовые суды «для владельцев с их подвластными, кроме узденей, и... по родам владельцев расправы для узденей с их подвластными»[1].

С учреждением новых органов власти, естественно, возник вопрос и об их месте нахождения. По сведениям В. М. Аталикова, «резиденция обоих судов (имеются в виду суды для Большой Кабарды. – *С. Б.*) должна была находиться на берегу Баксана, где был разбит специальный лагерь»[2].

Суды, ограничившие всевластие высшей кабардинской знати в вопросах внутреннего управления, вскоре вызвали резкий протест значительной ее части, который вылился в крупное восстание, продолжавшееся с перерывами до 1806 г. В том году было учреждено Мехкеме – шариатский суд, но он, как и родовой суд и расправы, в главных вопросах судопроизводства подчинялся властям.

Местонахождение этого нового суда прямо указано в документах. Первоначально созданные отдельно для каждой из трех традиционных княжеских фамильных группировок, суды открылись: «в Кучмазуковых кабаках на р. Баксане, близ Кызбуруна горы»

(Атажукина и Мисостова фамилии, 1 апреля 1806 г.), «на р. Череке, в Докшукиных кабаках» (Бекмурзина и Кайтукина фамилии, 1 июня 1806 г.), «в Ахловых кабаках»[3] (Малая Кабарда, 1 мая 1806 г.).

Однако такая разрозненность продолжалась недолго, вероятно, до установления единой власти валия Кучука Джанхотова в Кабарде – до 1809 г. Именно к этому времени, возможно и несколько раньше, Кучук Джанхотов избирает для пребывания объединенного Мехкеме местность на реке Нальчик, как географический центральный пункт в Кабарде. Разумеется, выбор места для нового суда был согласован с владельцами всех княжеских фамилий: оно лежало на границе Атажукиной и Мисостовой фамилий, с одной стороны, и Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий – с другой.

В материалах Актов Кавказской археографической комиссии прямо не прослеживается, где конкретно находились Мехкеме и валий, но есть довольно прозрачные указания на этот счет. В частности, известно письмо Кучука Джанхотова генерал-майору Булгакову за 1810 г. Валий писал: «Когда Глазенап был в Кабарде по Высочайшей Е. И. В. воле, учредил в Кабарде суд, а потому постановлен кадий, а я, именованный, назначен валием с тем, чтобы никто из нас от своего места не отлучался, ради сохранения правил»[4].

Другой документ за 1810 г. – кабардинские князья пишут генерал-майору Булгакову: «...по обряду Мухамедданскому учрежден суд и избран валием Кучук Дженхотов, а по сему званию валий никуда отлучаться не должен...»

Координаты упоминаемых в этих письмах мест жительства валия, его подвластных и окружения уточняются в рапорте генерал-майора Булгакова Тормасову, относящемуся к 1809 г. В рапорте генерал-майор приводил сведения из донесения Таганова к нему: «...оттоль (из аула Казанщева на Череке. – *С. Б.*) он поехал через вершины рр. Басканижа, Чегема, Баксана и Шкалуха на р. Нальчик к старшему кабардинскому владельцу Кучуку Джанхотову, где, оставшись, разослал с ним находящихся двух верных азиатцев...»[5]. Это означает, что в 1809 г., когда Таганов побывал на Череке, по-видимому, чтобы повидаться с Кучуком Джанхотовым по поручению генерал-майора Булгакова, валия не оказалось в его родном ауле. А он, судя по содержанию одного рапорта Булгакова к Тормасову, написанного ориентировочно в 1808 г., находился на Череке. Тогда генерал предложил валию переселить 2000 крестьян в Малую Кабарду, обещая, что весь переселенный им «народ будет поручен его управлению». Предлагал это же Булгаков, «будучи еще на Череке, но он уклонился...»[6], т. е. Кучук Джанхотов не позднее 1808 г., видимо, еще находился на Череке.

Этот факт подтверждается письмом Кучука Джанхотова, отправленным генерал-майору Дельпоццо из ур. Нальчик 13 марта 1809 г.[7]

«Ур. Нальчик», несомненно, то место, откуда писалось письмо кабардинскими князьями к Булгакову в 1810 г. Здесь важно уточнить значение слова урочище. По В. Далю, урочище (уречище) употреблялось в смысле: «полоска земли при речке», «береговые луга, пашни, покосы». В рассматриваемом значении более подходит другое содержание слова: уречье, приход, околоток. В последнем смысле и следует понимать содержание понятия урочище: оно означает населенный пункт.

Также подчеркнем: Кучук Джанхотов рассматривал урочище Нальчик как своего рода резиденцию валия Кабарды. Окончательное его переселение на реку Нальчик следует отнести к 1820 г. Полковник Коцарев докладывал генералу Эмануэлю, что Кучук Джанхотов «в начале возмущения кабардинцев, живши со своими подданными в числе многих аулов против Екатеринограда, удалился оттоль в 1820 г. в горы, к вершине Нальчикского ущелья, чем побудил и весь народ, оставя равнины, укрыться в горах...»[5].

Отсюда можно заключить, что за два года перед основанием крепости Нальчик Кучук Джанхотов уже имел на этом месте свой постоянный населенный пункт.

Ермолов в 1822 г., перенеся новую линию военных укреплений с реки Малки *в самое сердце Кабарды*, конечно, решал и задачи административного характера. Учредив Кабардинский временный суд, он назначил его председателем главу упраздненного Мехкеме – Кучука Джанхотова, с которым он, разумеется, обсуждал и вопрос, где находиться суду. И князь Джанхотов, конечно, должен был указать на тот самый географический центр Кабарды в его фамильном владении, где раньше заседало Мехкеме, – урочище Нальчик. А поскольку новый орган власти и недели не просуществовал бы без охраны со стороны власти, то необходимо было здесь же заложить главную крепость в Кабарде, в которой с самого ее основания расположился Кабардинский временный суд.

Изложенное позволяет сделать вывод: урочище Нальчик в источниках с 1809 г. упоминается как политико-административный центр Кабарды, а в последующем, примерно с 1820 г., оно становится местом постоянного поселения валия Кучука Джанхотова.

Отсюда следует, что Нальчик в переписке кабардинских князей и русских властей как населенный пункт называется уже с 1809 г., и этот год может быть признан датой основания главного города нашей республики.

Первые кабардинцы и балкарцы в Нальчике

Одновременно с возникновением крепости Нальчик учрежден Кабардинский временный суд, располагавшийся в Нальчике. Секретарем суда был Якуб Шарданов. Члены суда собирались по мере надобности, но секретарь суда исполнял свою обязанность

без перерыва. В связи со своим служебным положением одновременно с русскими военными в крепости Нальчик обосновался и Якуб Шарданов. Среди прочих казенных строений за 1829 г. упоминается новопостроенный дом в крепости для майора Шарданова[9]. Отсюда можно заключить, что до этого Шарданов жил в другом, старом помещении. Новый дом Шарданова был турлучный «в двух комнатах с деревянным полом и потолком»,

В этот же период (1828–1829 гг.) Шора Ногмов, будучи учителем в аманатской школе, находился в крепости. Среди учеников этой школы, разумеется, были кабардинцы и балкарцы. Кстати, во многих публикациях, касающихся деятельности Шоры Ногмова в его бытность секретарем Кабардинского временного суда, указывается здание, сохранившееся по ул. Советской, в котором он якобы работал[10].

В связи с этим примечательна ведомость «казенному строению, состоящемуся в крепости Нальчикской и военном форштадте», составленная 14 февраля 1839 г., т. е. во времена, когда Ногмов работал в суде. В ней обозначен «дом, занимаемый командующим Кабардинской линией подполковником Коротковым, рубленый, в 7 комнатах, пол и потолки деревянные и крытый камышом». Если дом высшего военного чина крепости был рубленый и крыт камышом, то понятно, что остальные дома в лучшем случае были построены из такого же строительного материала. В рубленых домах располагались: канцелярия, казарма Кабардинского егерского полка, главная гауптвахта, баня. На военном форштадте располагался и рубленый дом из четырех комнат, крытый камышом, начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Пирятинского. Единственным строением из камня был погреб роты гарнизонной артиллерийской бригады – «погреб в земле с каменными стенами». Остальные дома были турлучными. В их числе: дом, занимаемый аманатами, нижняя гауптвахта, а крыша дома, занимаемого архивом кордонной канцелярии, была к тому же крыта сеном.

О здании, в котором располагался Кабардинский временный суд в 1839 г., когда в нем работал Шора Ногмов, в ведомости указано: «...дом, занимаемый Кабардинским временным судом, турлучный, в 3-х комнатах, полы и потолки деревянные, крытые камышом»[11]. Отсюда ясно, что кирпичное здание, о котором идет речь в публикациях как о доме, в котором работал Шора Ногмов, не соответствует действительности. Другое дело, что здание могло быть построено на месте старого.

О кабардинском населении крепости Нальчик в 40-х годах XIX в. можно судить по предписанию начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Голицына от 23 декабря 1845 г.

Ссылаясь на сведения военного начальника крепости Нальчикской, он указывал: «...члены суда держат при себе по несколько человек лишних и вовсе ненужных людей и оставляют у себя на квартирах ночевать посторонних лиц». В связи с этим Голицын предписывает суду «объявить всем кабардинцам, имею-

щим квартиры в Нальчике по обязанностям службы, чтобы они не смели ни под каким предлогом пускать ночевать к себе посторонних кабардинцев, князей, узденей или черного народа, какого бы племени они ни были; вообще, на дворе своем каждый вправе иметь только прислугу и без оружия»[12].

Проживание кабардинцев в Нальчике и в дальнейшем во многом было связано с деятельностью Кабардинского временного суда. Приведем «Список членов Кабардинского временного суда, квартирующих у жителей Нальчикского фордштата» за 1846–1847 гг.

Князь Касаев снимал квартиру у унтер-офицера Назаренко с 1 января по 1 февраля 1847 г. С ноября 1846 г. по 1 февраля 1847 г. квартиры в Нальчике снимали также: Батырбек Тамбиев – у мещанина Атабегова, Алхас Мисостов – у рядового Краснова, Хажи Напцов – у рядового Шепелева, Кайсын Шогенов – у рядового Гуляева, Камбот Куденетов – у мещанина Дутова и др.[13]

Председатель суда подполковник Касаев в 1855 г. писал генерал-майору Грамотину «о самоуправствах» Алхаса Мисостова. Он обращал внимание начальника на то, что под воздействием Мисостова «народные сборы делаются все с большею и большею смелостью и уже *два раза большая половина Кабарды собиралась даже в самом Нальчике»* (курсив наш. – *С. Б.*)[14].

Подполковник Касаев после выхода в отставку поселился в Нальчике, и уже в 1857 г. суд извещал генерал-майора Грамотина, что «штаб-офицер этот не только не исполняет требования суда, но даже и не отвечает на бумаги, проживая в Нальчике и вмешиваясь в дела, которых в бытность председателем не успел окончить по своему желанию».

В том же году воинский начальник в Нальчике писал: «...полагаю на несколько лет дозволить Багову (Усман Бахов. – *С. Б.*) переселиться в один из аулов кабардинских и потому более, что по промышленности своей («серебряного дела мастером». – *С. Б.*) постоянно живет в Нальчике»[15].

О составе народонаселения Нальчика говорит и тот факт, что в 1842 г. здесь было запланировано строительство мечети[16].

В 1857 г. в Нальчике постоянно проживал Умар Мамышев «с братом его хорунжим Афанасьевым (он же Мамышев)...». О последнем источник уточняет: «происходит из балкарцев»[17].

О Марке (Исмаиле) Афанасьеве (Мамышеве) содержатся сведения и в материалах за 1858 г., а в журнале Нальчикского слободского управления за 1867 г. записано: «Покойный Мамышев (он же Афанасьев) деревянный дом («об комнатах». – *С. Б.*) под железною крышею, состоящий на Воронцовой улице, приобрел покупкою от торгующего в Нальчике 3-й гильдии купца Андрея Дутова»[18]. После смерти Мамышева в доме проживала его мать Фатимат Мамышева, урожденная Шогенова, из аула Асламурзы Анзорова.

Проживание кабардинцев в Нальчике носило постоянный или временный характер. Так, жительница укрепления Нальчик, от-

ставная солдатка Пелагея Захарова 5 ноября 1859 г. в своем прошении В. В. Орбелиани отмечала: «Стоял у меня на квартире подпоручик Измаил Анзоров с платою трех рублей серебром в месяц» и простоял «полтора года..»[19].

Из прошения мы узнаем, что, по сведениям Захаровой, «квартплата» в Нальчике, как и в 1846–1847 гг., оставалась неизменной – 3 рубля серебром (стоимость барана), т. е. по нынешнему курсу приблизительно 500 деноминированных рублей.

Последние годы своей жизни в слободе Нальчик провел князь Атажуко Атажукин, о чем говорит и приобретенный им в 1867 г. сад, названный впоследствии его именем. Отметим еще, что в 1872 г. начальнику Георгиевского округа написано прошение от «жительствующего в слободе Нальчик отставного майора Эдика Кожохова»[20].

В последующем кабардинское и балкарское население в Нальчике быстро возрастало.

Когда Нальчик стал городом?

В 1838 г. при крепости Нальчик образовано военное поселение из женатых нижних чинов Кабардинского егерского полка. В 1862 г. военное поселение преобразовано в слободу, а в 1871 г. упраздняется сама крепость Нальчикская и ее население поступает в гражданское ведомство.

Когда слобода получила статус города, в имеющихся документах не прослеживается. Известно, что по обращению жителей слободы терское областное начальство в 1884 г. ходатайствовало «о возведении этой слободы в город того же наименования»[21]. Однако это ходатайство осталось на бумаге, и вопрос о преобразовании слободы в город не получил своего разрешения до 1917 г.

В официальной переписке за 1919 г. упоминается: «Нальчикское слободское правление», «Старшина слободы Нальчик» и т. д. А правитель Кабарды рассылал свои приказы и указания из слободы Нальчик.

Первые месяцы 1920 г. Нальчик все еще назывался слободой. Временный народный комиссар Нальчикского округа Искендеров 12 марта 1920 г. обращался к населению со своими призывами также из слободы Нальчик. Но, видимо, только по старой памяти. В протоколе объединенного заседания командующего войсками Нальчикского округа, другого командного состава, а также Нальчикского городского народного Совета от 11 марта 1920 г., в частности, отмечено: «2) Временным комендантом **гор. Нальчика** избрать гражданина Ивана Бобиева...» (выделено нами. – *С. Б.*)[22].

Отсюда можно заключить: Нальчик стал называться городом после восстановления Советской власти в Кабардино-Балкарии не позднее марта 1920 г.

РАЗДЕЛ IV

УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В КАБАРДЕ

Учреждение родовых судов и расправ

История установления русского правления в Кабарде давно привлекает внимание исследователей, но этот вопрос основательно никем еще не изучен.

По интересующей нас проблеме профессор Т. Х. Кумыков пишет: «До конца XVIII в. в Кабарде... административная и судебная власть принадлежала местным князьям. Поэтому с конца XVIII в. царское правительство начинает сосредотачивать управление Кабардой в руках царских чиновников. Прежде всего было введено приставство»[1].

Эта точка зрения до сих пор не подверглась пересмотру. Поэтому ее следует рассматривать подробнее.

Итак: «...до конца XVIII в. в Кабарде... административная и судебная власть принадлежала местным князьям». Данное положение в основном справедливо относительно судебной власти. Но не слишком ли оно категорично, когда идет речь об административной власти?

Если под неоднозначным термином «администрация» разуметь орган исполнительной власти или управления – нет. Если же иметь в виду его второе значение, понимаемое как должностное лицо, представляющее чьи-либо интересы, – да.

Во второй части приведенной цитаты Т. Х. Кумыкова, к слову сказать, в потенции содержится отрицание того, что утверждается в первой ее части. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно, забегая вперед, отметить, что к введению приставства царизм приступил не «с конца XVIII в.», а не позднее 60-х годов того же столетия.

Администрация царя в той или иной форме начинает проникать в Кабарду уже с XVI века (миссия Андрея Щепотьева 1555 г. и др.). С переменным успехом, но с возрастанием своего влияния, Россия внедрялась в Кабарду до 1739 года, когда Белград-

ский мир, по выражению В. Н. Кудашева, прервал «естественную историческую связь Кабарды с Россией»[2].

Перед этим злополучным миром Кабарда находилась «в протекции или же в подданстве Российской империи»[3]. Важно подчеркнуть, что в тот период ни Россия, ни Кабарда не делали особых различий между протекцией (покровительством) и подданством.

Вспомним, что Белградский мир завершил русско-турецкую войну 1735–1739 годов, в ходе которой Кабарда воевала все три года на стороне России[4]. Относительно Большой и Малой Кабарды Россия и Турция договорились: «...Быть тем Кабардам вольным, и не быть под владением ни одной, ни другой империи, но токмо за бариеру между обеими Империями служить имеют»[5].

Белградский мир был расценен В. Н. Кудашевым актом «политической ошибки»[6] России. Субъективная оценка, но в ней есть и доля правды. Она состоит в том, что условия мира не соответствовали успеху русского оружия, следствием чего, в частности, явилась «вольность» Кабарды, навязанная ей вопреки ее желанию. Вольность эта, не будучи завоеванием кабардинского народа, обернулась для него беспрецедентной в мировой истории трагедией, а для России – тяжелой борьбой за его покорение, продолжавшейся без малого 80 лет (до 1825 г.).

В целом же Белградский мирный договор не может быть признан политической ошибкой России – он выражал ее действительную силу*.

Соотношение военной мощи между дряхлеющей, но все еще довольно сильной Турцией и быстро прогрессировавшей Россией объективно вскоре должно было измениться в пользу последней. Поэтому понятно, что статус Кабарды и кабардинцев, как вольного народа, определенный по Белградскому договору, не мог быть сколько-нибудь прочным и длительным.

Каждая из двух империй, естественно, стремилась склонить чашу весов в свою сторону. Что касается России, то, по замечанию историка Н. Ф. Грабовского, она, «задавшись один раз целью прочно утвердить свое господство на Кавказе, не могла действовать иначе, не во вред своим интересам, и потому существование Кабарды, как независимой страны в нашем соседстве, имевшей влияние на подвластных ей ближайших народов – осетин (тагаурцев), ингуш и карабулаков, считавшихся в то время и подданными России, немыслимо было»[8].

Вместе с тем Россия, опасаясь преждевременных осложнений с Турцией, старалась соблюдать условия Белградского мира, и всячески избегала, даже в переписке, упоминать о кабардинцах, как о своих подданных.

Когда в 1760 году начались новые раздоры князей из-за господства в Кабарде, Россия, узнав, что некоторые из них прибегают к содействию Крыма, приняла меры предосторожности.

---

*Характеризуя Белградский мир, В. О. Ключевский писал: «Россия не раз заключала тяжелые мирные договоры; но такого постыдно смешного договора, как белградский 1739 г., ей заключать еще не приходилось и авось не доведется»[7].

Иностранная коллегия 18 июня 1761 года предписала астраханскому губернатору, в чьем ведении находилась Кабарда, «отправить в Кабарду нарочного сведущего человека внушить владельцам, дабы они не только на предложение хана Крымского склонились, ибо как с нашей стороны, так и с Турцией по трактату оставлены они ни от кого независимыми»[9].

В роли «сведущего человека» в Кабарду отправился (или уже здесь находился) майор Татаров. Он в своей переписке неосторожно, по старой памяти, назвал кабардинцев подданными России. Этого было достаточно, чтобы Коллегия немедля указала на недопустимость подобных непродуманных поступков. «...Писать письма и называть в них кабардинцев Российскими подданными запрещено, – предупреждала она, – почему и те письма, которые уже была отправлены, велено всячески стараться, не допустя до Порты, возвратить»[10].

Майор Татаров находился в Кабарде не для одного разового поручения, иначе он не стал бы «сведущим». Об этом говорят разыскания историка В. К. Гарданова. Он писал: «В мае 1761 г. находившийся в Большой Кабарде майор Петр Татаров получает известие, что у Хаммурзы Арсланбекова происходит очередная ссора с братьями из-за раздела «отцовской пажити»[11].

Эти сведения позволяют заключить, что майор Татаров в начале 60-х годов XVIII века (а может быть, и раньше) уже выполнял в Кабарде посреднические функции и был предшественником пристава!

Сменившего майора Татарова, или его преемника, имел в виду капитан Гастотти, когда он, спустя девять лет, писал в Коллегию иностранных дел, что «находящийся там (в Кабарде. – *С. Б.*) офицер всячески имеет возбуждать чернь»[12].

Строительство Моздокского военного укрепления (1763 г.) серьезно осложнило кабардино-русские отношения. После ряда неудачных сражений с русскими кабардинцы в 1767 году «предприняли переселение в верховье р. Кумы»[13].

Все это происходило на фоне начавшейся русско-турецкой войны (1768–1774), в ходе которой многие кабардинцы, трезво «признавая неоспоримо всю силу русского оружия и все дурные последствия, какие может повлечь за собою победа русских над турками», обратились к России с просьбой «о принятии их под свое покровительство, обещая возвратиться на старые места своего жительства к р. Баксану»[14].

В 1769 году непокорные кабардинцы потерпели крупное поражение от генерала де Медема на р. Эшкакон, что заставило их признать себя подданными России.

Тогда же кабардинцы, как пишет Н. Ф. Грабовский, попросили де Медема «о назначении к ним правителя-офицера»[15]. Просьба эта относилась к разряду тех, чего добивалась сама Россия. И правительство «назначило приставом к ним (кабардинцам. – *С. Б.*) состоявшего при Коллегии иностранных дел секунд-майора Дмитрия Таганова, пользовавшегося у кабардинцев уважением, так как

он был внуком некогда влиятельного Мусы-Мурзы Султанаульского»[16].

Кабардинцы в тот период не добивались установления над собой власти правителя, как, по-видимому, Н. Ф. Грабовский выдает желаемое за действительное. Они просили скорее всего об офицере, который был бы наделен посредническими функциями, как это уже практиковалось раньше.

На эту мысль наводит отношение генерал-лейтенанта Кнорринга к министру финансов графу Васильеву от 20 марта 1802 года, в котором ретроспективно упоминается о жаловании, выделявшемся «по именному указу от 3 ноября 1769 года, при кабардинских делах подполковнику с находящимися при нем»[17].

Правдивая и конкретная информация о том, как формировался институт приставства в Кабарде, содержится в представлении капитана Михаэли Гастотти. Вице-канцлер Н. И. Панин характеризовал его как в кабардинских «делах очень употребленного и потому довольно об них и сведущего»[18].

Капитан Гастотти в 1770 году писал в Коллегию иностранных дел: «Доныне вторая партия сильняе (так в тексте. – *С. Б.*) бекмурзовой, которая, предавшись России, подвержена стала немалым досадам от второй. Посему можно бы уговорить посланного от первой партии (Бекмурзиной. – *С. Б.*) депутата, чтобы он для большей безопасности и для решения случающихся между ими споров, выпросил одного офицера с командою. А как имеется уже при них один штаб-офицер, то отрядить только к нему одну команду из ста человек или более, и снабдить его хотя двумя пушками, для собственной же его безопасности, может он в жилищах Бекмурзов заложить для себя небольшую крепостцу. Он останется при них под видом примирителя несогласий их, но в самом деле всегдашним бичем, коего и тени они довольно страшиться будут, по-видимому, справедливым решением, что и со мною самим случалось в мою там бытность...»

И далее. «Но находящийся там офицер всячески имеет возбуждать чернь быть благонадежною по причине прошений своих»[19].

Капитан Гастотти дал ясно понять Коллегии иностранных дел, что в интересах России возможно и необходимо иметь в Кабарде своего представителя – штаб-офицера с отрядом «изо 100 человек или более», вооруженном пушками. Причем капитан Гастотти предлагал добиться внедрения штаб-офицера с его командой дипломатично – через самих же кабардинцев. Не представляло особого труда добиться, чтобы кабардинцы сами обратились с подобной просьбой. И эту роль мог брать на себя один из представителей Бекмурзиной фамилии. Вероятно, им стал находившийся в тот период в столице России Кургоко Татарханов, который несколько позднее, вместе с Джанхотом Сидаковым*, и привезет с собой Жалованную грамоту Екатерины II 1771 года.

*У Шоры Ногмова вместо Джанхота Сидакова указан князь Жанхот Мисостов[20].

Идеи дальновидного капитана Гастотти легли в основу грамоты, сделавшись, таким образом, как замечено историками, главным принципом «во всей последующей политике русского царизма в Кабарде»[21]; и не только в Кабарде, но и на всем Кавказе. «Грамота к кабардинским владельцам» — так назывался этот документ официально — не содержала конкретных указаний относительно будущего уже находившегося в Кабарде штаб-офицера, которого, несмотря на это, уже можно считать приставом.

Однако вместе с Жалованной грамотой было подготовлено высочайшее повеление, носившее секретный характер и адресованное генералу де Медему. Второй пункт повеления гласил: «Нужно необходимо, дабы в Кабарде всегда две равносильные партии находились, и чтобы кабарднцы привыкли иметь у себя пристава российского, к чему все способы изыскивать должно»[22].

Секретное повеление Екатерины II означает, что 1771 год должен быть принят датой официального признания царизмом практически уже в Кабарде существовавшего приставства.

* * *

Второй этап становления русской администрации в Кабарде — учреждение родовых судов и расправ — стал возможным в результате русско-турецкой войны 1768—1774 годов.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор, завершивший эту войну, значительно усилил международное положение России, Турция признавала независимость Крымского ханства, Черное море открывалось для русского торгового флота, устанавливался протекторат над Молдавией и Валахией.

Кроме того, потомки Петра Великого, спустя 63 года, наконец сумели отомстить за «Прутскую неудачу» первого своего императора: Азов возвращался России.

Кючук-Кайнарджийский договор рассмотрел и кабардинский вопрос. Присоединение Кабарды к России Турция формально ставила «в зависимость от согласия Крымского хана»[23]. Это означало фактическое признание ею присоединения Кабарды к России, так как Крым еще в 1772 году был вынужден признать власть России над Кабардой и более уже не мог препятствовать ее желаниям, о чем и Турция не могла не знать.

Позиция Турции относительно Кабарды свидетельствовала о ее дипломатической тонкости. Ставя решение кабардинского вопроса в зависимость от бессильного крымского хана, Турция на будущее время не связывала себя какими-либо конкретными обязательствами. Это означало также, что Османская империя негласно оставляет кабардинский вопрос открытым, что впоследствии неоднократно подтверждалось.

После Кючук-Кайнарджийского мира Кабарда в вопросах внутреннего управления около двух десятков лет пользовалась автономией. Русско-кабардинские отношения в основном определялись Жалованной грамотой Екатерины II, соблюдение которой контролировалось и осуществлялось приставом.

С течением времени приставу становилось все сложнее добиваться от княжеских группировок исполнения своих требований и требований начальника Кавказской линии. Роль пристава-надзирателя, «примирителя» враждующих между собой княжеских фамилий изживала себя. Одновременно назревала необходимость в новых дополнительных органах власти, способных поставить вопросы внутреннего управления кабардинцев под жесткий и эффективный контроль Кавказской администрации, без чего включенная в Россию Кабарда оставалась ею неуправляемой.

Случай, который в будничные дни истории едва ли был бы всерьез воспринят, накануне ее крутых поворотов может сыграть решающую роль. Нечто подобное имело место и перед учреждением в Кабарде родовых судов и расправ. Этот случай связан с именем впоследствии известнейшего валия Кабарды, а тогда обыкновенного князя Кучука Джанхотова...

Кабардинский пристав А. Е. Ураков 26 февраля 1791 года писал, что выходец из рода кабардинских узденей капитан Бегидов в сопровождении 6 человек приехал в Кабарду, в деревню Аджили «для взятия женщины за человека, у него живущего, которую он из той деревни тайно и вывез». Однако родственники украденной, узнав о случившемся, вместе с другими жителями той деревни вскоре догнали Бегидова на дороге. Завязалась стычка, в ходе которой кто-то из группы Бегидова убил одного из преследователей.

В то время на Чегеме проходило собрание кабардинцев. Молодые его участники, узнав о случившемся, «поспешили прибыть на место драки и там, как капитана Бегидова, так и с ним бывших 5 человек черкес, умертвили»[24].

Подробности происшедшего изложены в ордере генерал-аншефа* Ивана Васильевича Гудовича (1741–1820) Уракову от 1 марта того же 1791 года. И. В. Гудович через пристава направил «кабардинскому обществу лист, требуя, дабы убивший капитана Бегидова владелец Кучук Джанхотов, по силе данных в 1779 году с клятвенною присягою обязательств, лишен был за сие дерзкое преступление имени и преимущества владельческих и чтобы общество Большой Кабарды сделало ему, по общему о том исследованию как убийце строгое и должное наказание при приставе Уракове или прислало бы его к нему, ген. Гудовичу, для поступления с ним как с убийцей»[25].

В своем предписании Гудович в качестве правовой базы для привлечения Кучука Джанхотова к ответственности сослался на присягу кабардинцев 12-летней давности. Это требует пояснений.

В 1779 году кабардинцы подняли крупное восстание, направленное на уничтожение русских военных крепостей (в одном только бою участвовало до 15 тысяч кабардинцев!). В том же году восставшие потерпели поражение. В декабре кабардинские князья в очередной раз были вынуждены присягать на верность России.

---

*Генеральский чин в русской армии в 1716–1796 гг. Заменен чином генерала по родам войск (напр.: генерал от инфантерии).

Вместе с присягой они дали письменное обязательство. Один из его пунктов гласил: «Во всех взаимных между собою домашних обидах должны искать правосудия у старшего владельца Джанхота Татарханова и у российского при Кабардах пристава, а самим не управляться; особливо избегать кровомщения, которое противно Богу и преданиям Магомета»[26].

Налицо было нарушение Кучуком Джанхотовым и присяги, и письменного обязательства кабардинцев 1779 года, за соблюдение которых был прежде всех других ответствен не кто иной, а его отец – валий Джанхот Татарханов.

Обвинение в дерзком преступлении, предъявленное Кучуку Джанхотову, как убийце узденя, а главное, капитана русской службы и представителя хорошо известной своей приверженностью к русским фамилии Бегидовых*, угрожало ему таким наказанием, которое могло бы вместе с телом покойного похоронить и надежды 29-летнего князя на серьезные перспективы в карьере.

Однако в тот период на Кабарду русские порядки еще не распространялись, а клятвенное обязательство кабардинцев 1779 года, на что ссылался Гудович для наказания Кучука Джанхотова, не могло иметь реальной силы.

На повеление Гудовича кабардинские князья и уздени единогласно ответили, что «они все, а не один Кучук Джанхотов, в убийстве Бегидова участие имели, так как, будучи узденем, приехав к ним ночью, не только что взял силою женщину, но и убил их человека, которого они, как разбойника, убить велели»[28].

Перед нами ординарное событие в жизни кабардинского народа конца XVIII века. Но в этот раз оно дало повод Уракову сделать важное для Гудовича обобщение: «Никто в Кабарде не властен не только владельца, но и узденя по обычаям их, таким образом, как требовалось (Гудовичем. – *С. Б.*), наказывать, а более лишить чести и выдать к наказанию, как у них во всем единогласие»[29].

Итак, адыгское обычное право, призванное освящать личность князя и играть перед его неприкосновенной (для всех других сословий) особой роль прислуги, спасло Кучука Джанхотова от неминуемого, по представлению русских, правосудия, но тем самым поставило себя под прицел царской администрации в лице генерал-аншефа Гудовича.

Главнокомандующий Кавказской линией всерьез должен был задуматься над тем, что без установления в Кабарде элементов российских законов нельзя ожидать исполнения присяги кабардинцами на верное подданство России.

Мотивы, побудившие Гудовича к установлению в Кабарде родовых судов и расправ*, изложены в всеподданнейшем рапорте Кнорринга от 12 июля 1802 года (№ 20): «Предместник мой ген.

---

*Имея в виду крещеных кабардинцев – бригадира Ивана Петровича Горича (Большого) и его младшего брата генерал-майора Ивана Петровича (Меньшого), историк П. Г. Бутков писал, что «кабардинский уздень Коргоко Бегидов – брат обоих Горичей»[27].

от инфантерии граф Гудович, донеся... императрице Екатерине Алексеевне, 16 января 1792 года, что народ обеих Кабард, почитаемый подданными державе Всероссийской, обязавшийся присягою во всем зависеть от главного начальника, на Линии поставленного, не перестает следовать прежним своим развратным обыкновениям и потому часто требует большого внимания и заботы, нежели все независимые горские народы, — представил мнение свое об учреждении в обеих Кабардах, особо для владельцев с их подвластными и особо для узденей, родовых судов и расправ... кои судили тяжбные дела и малые проступки по их обыкновениям, а за важные преступления, как-то измену, убийство и разбой — по законам Империи»[32].

На предложение Гудовича последовал рескрипт от 28 февраля 1792 года. Императрица, «изобразив, что безначалие, вкореняющее беспорядки, наглость и хищничество, как в Большой, так и в Малой Кабарде есть причиною, что сей подданный самодержцам Всероссийским народ не мог еще быть обращен ни к какой пользе Империи, но буйством своим наносил единые беспокойства и заботы, соизволила... приступить к предположению... об учреждении между кабардинцами судов»[33].

Безначалие, «наглость и хищничество» кабардинцев были следствием усиления антирусского настроения в Кабарде, вызывавшегося, в свою очередь, быстрым распространением в народе мусульманской религии. Поэтому введение родовых судов было прежде всего направлено на подрыв влияния мусульманского духовенства. «Необходимость учреждения судов, — писал Н. Ф. Грабовский, — особенно выражалась тем, что вся судебная часть начала переходить в руки мулл, первых злейших и опаснейших врагов России, стремившихся всеми силами мусульманского фанатизма ослабить упрочение русской власти в Кабарде»[34].

Принимая решение установить в Кабарде новую форму правления, Екатерина II, конечно, не случайно вспомнила один из районов, смертельно напугавшего ее крестьянского восстания Е. И. Пугачева — Оренбургскую губернию, где раньше были «с пользою заведены... между киргизцами расправы»[35].

Над проектом суда Гудович начал работать с 1791 года. Основные его положения сводились к следующему: «Оные суды должны судить тяжебные дела и малые проступки подсудных им кабардинцев по их обыкновениям и быть подвластны Верхнему Пограничному Суду, в который на сии суды должны идти апелляции. Важные преступления, как-то измена, убийство и разбой, до сих Судов не принадлежит, а должны быть рассматриваемы прямо в Верхнем Пограничном Суде по законам Е. И. В.»[36].

Представленный Гудовичем на рассмотрение проект судов в структурном отношении предусматривал создать «в Большой

---

*По сведениям С. Броневского, «все сие установлено на основании Родовых судов, учрежденных в средней Киргиз-Кайсацкой орде»[30]. Термин «киргиз-кайсаки» введен в оборот русскими в XIX в.[31] (*Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 82, 162).

Кабарде два родовых суда для владельцев (князей. – *С. Б.*) с их подвластными, кроме узденей, и два по родам владельцев расправы для узденей с их подвластными»[37].

Один родовой суд учреждался для Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий, другой – для Атажукиной и Мисостовой фамилий, третий суд предназначался для Малой Кабарды. Были предусмотрены также три родовые расправы соответственно.

Назначение судов – «введение кабардинцев в вящую зависимость к Империи» и «обуздание их крутых нравов». Для этого предполагалось направить их деятельность «на поселение в них людскости, познания»[38].

Предложение Гудовича получило одобрение. В высочайшем повелении от 19 января 1793 года сказано: «Вследствие доклада поднесенные от ген. Гудовича примерные положения сим родовым Судам и Расправам* и сверх того Верхнему Пограничному Суду в Моздоке предполагаемому Высочайше утверждены и открытия сих мест и заполнения их людьми способными и достойными, возложено на него же, ген. Гудовича, попечение»**[39].

Получив позволение Екатерины II, И. В. Гудович принялся за реализацию собственного предложения. Поначалу дела у него, как свидетельствовал и сам Гудович, шли успешно. В 1794 году он сообщил Уракову: «Со времени открытия родовых Судов и Расправ в Большой и Малой Кабардах по июль месяц сего года находилась совершенная тишина и спокойствие и во всех частях по Судам и Расправам, зависящее по делам исполнения».

Слова Гудовича подтверждаются донесением Кнорринга царю от 1 июня 1802 года. «Я осмеливаюсь всеподданнейше донести, что средства сии (суды. – *С. Б.*) весьма приметно смягчили уже правила кабардинцев»[41].

Учреждение и на первых порах нормальное функционирование родовых Судов и Расправ во многом было обусловлено активной поддержкой этого начинания Гудовича князьями. Их услуги, как общее правило, царизмом были оценены по достоинству. На представлении Гудовича 6 января 1795 года последовало монаршее повеление: «...Владельца Бекмурзина рода Кучука Джанхотова[42], показавшего особливое усердие к пользам службы Ея И. В. Всемилостивееше наградить соизволила чином премьер-майора с произвождением по типу жалованья». В следующем году Кучук Джанхотов, в числе других, удостоился очередного чина «за отличное усердие», при учреждении родовых Судов «ко благу кабардинского народа установленных всемилостивейше пожалованы владельцы: Бек-Мурзина рода премьер-майор *** Кучук Джанхотов и Атажукина рода секунд-майор **** Росламбек Мисостов следующими чинами...»*****[43].

**Расправа* – разбирательство, суд, приговор и исполнение (В. И. Даль).

**В. Кудашев датой открытия Судов и Расправ ошибочно считал 1792 г.[40]

****Премьер-майор* – второй штаб-офицерский чин в русской армии. Учрежден в 1797 г.

*****Секунд-майор* – первый штаб-офицерский чин с 1797 г.

*****Чин подполковника оказался последним в военной карьере будущего

Родовые суды и расправы, как новые органы царской власти в Кабарде, пытаясь поставить под свой контроль обычно-правовые нормы, вторглись в святая святых кабардинских князей: впервые законодательно ограничивался княжеский произвол. Им запрещалось: «отлучаться за границы России без дозволения главного воинского начальника в крае, *мстить самовольно убийцам* (выделено нами. – *С. Б.*), укрывать преступников под видом обычая гостеприимства... созывать общественные собрания (хаса. – *С. Б.*) без особого на то повеления и распоряжения, родовых судов и расправ»[44].

Князья с таким положением долго мириться не могли... И действительно, обстановка в Кабарде, которую И. В. Гудович вначале не без удовольствия характеризовал как совершенную тишину и спокойствие, вскоре нарушилась громом восстания кабардинских князей 1794 года. Командующий войсками на Кавказе и на Кубани внезапный поворот событий объяснял привычкой кабардинцев к злодеяниям. Гудович 22 сентября 1794 года, по свежим следам, информировал Уракова: «Так как народ сей издревле к злодеяниям привыкший, не почувствуя от того пользы своей и монаршего попечения о благе их, в прошедших июле и августе месяцах, некоторые из кабардинских владельцев и узденей, – одни по недоразумению и ветрености, а другие по закоснелости нравов, делали запрещенные против учреждения в Большой Кабарде родовых Судов и Расправ сборища и произносили на оных между собою собраниях разные нелепые слова и советы, а в числе сих людей особливо участвовали в том и заседатели учрежденных Судов и Расправ»[45].

Указывая на причины возмущения народа, Гудович частично был прав, когда он отмечал неразумение одних, ветреность других, закоснелость нравов третьих и привычку к злодеяниям остальных. Наряду с этим И. В. Гудович, возможно, по незнанию или преднамеренно, но упустил самое главное в перечне причин восстания. Законодатель (а им в данном случае выступал Гудович) обязан учесть все возможные последствия своей деятельности, если законы издаются для исполнения, а не для выяснения способностей людей действовать в их обход, что, впрочем, было характерно для России* и наблюдается поныне.

Учреждение судов имело и своих активных противников. Среди них выделялся князь Атажуко Мисостов. На собраниях кабардинцев он произносил, по мнению И. В. Гудовича, «разные нелепые слова и советы, клонящиеся к явному ослушанию начальства, за-

---

князя-валия, а Росламбек Мисостов, будучи в то время на чин ниже Кучука Джанхотова, в 1798 г. становится подполковником, а в 1800 г. полковником.

*Иллюстрацией этой точки зрения служат, в частности, высказывания передовых деятелей России. П. А. Вяземский (1792–1878): «У нас самодержавие значит, что в России все само собою держится»; П. И. Полетика (1778–1849), дипломат: «В России от дурных мер, принимаемых правительством, есть спасение: дурное исполнение»[46].

мыкающие в себе измену, и подущая к тому других, делая присягу...».

Смысл всех этих собраний заключался в следующем – «вместо родовых Судов и Расправ, по собственному желанию всех кабардинцев, в сходственность Высочайшего Ея И. В. повеления, сделать один духовный суд...»[47].

Восставшие кабардинцы, как отмечалось в переписке высокопоставленных чиновников, «не переставали наносить нам во весь год (1795. – *С. Б.*) беспокойствие набегами на наши границы, требуя, чтобы родовые Суды и Расправы из Кабарды были выведены, а вместо того учрежден бы был духовный по их обычаям»[48].

Восстание продолжалось и в 1796 году. В донесении к императрице от 25 июня Гудович констатировал, что кабардинцы «с подвластными своими под горами до 2000 чел. и перешед поспешно из Кабарды выше форпостов р. Малку под горами, подошли на самом рассвете к Константиногорской крепости...» Первая атака была отбита русскими. Второе же «дерзкое намерение» остановлено «другою партиею благонамеренных, составленных из всего Бек-Мурзина рода Джамбулатовых, побуждаемых к удержанию злонамеренных особливым усердием сего рода Мисостовых и других владельцев из рода Кайтукиных, которые тогда же просили подкрепить их пехотою для усмирения волнующихся, обещаясь сами против их вооружиться, что им было и обещано»[49].

Императрица, встревоженная восстанием в Кабарде, принимала срочные меры для изоляции его руководителей и активных участников.

В «сношении» графа Зубова* к Гудовичу от 10 января 1795 года сказано: «Вследствие сего Ея И. В. повелеть изволила поименованных ген. Гудовичем в донесении владельцев: подпол. Атажуко Хамурзина и Измаила Атажукина и родного брата сего последнего премьер-майора Адильгирея Атажукина же отправить в Екатеринославль (Днепропетровск. – *С. Б.*) с произвождением содержания, доколе благоугодно будет Ея И. В. иное о участии их учинить определение»**[51].

Начало XIX столетия в России ознаменовалось цареубийством. Жертвой заговорщиков, действовавших не без ведома наследника престола Александра I, пал император Павел I. Вместе с ним «умолк рев норда сиповатый, закрылся темный страшный взгляд» (Державин), и ненадолго повеяло умеренным либерализмом нового императора, обещавшего править по духу и сердцу бабушки Екатерины II. То было «дней Александровых прекрасное начало» (Пушкин).

Легкое дуновение либерализма донеслось и до Кавказской линии, внеся в это чисто военное учреждение элементы граждан-

---

*Граф Зубов (1771-1804) «в 1796 году... был назначен главнокомандующим войск, отправлявшихся на Кавказ для приведения в исполнение химерического проекта П. А. Зубова – завоевать всю Переднюю Азию до Тибета»[50].

**Адиль-Гирей в 1798 г. «совершил побег через Крым, Анапу и Закубанье в Кабарду»[52].

ского устройства, что сразу же отозвалось глухим ропотом в среде военных чиновников. Их отношение к этим нововведениям выразилось в всеподданнейшем рапорте генерал-лейтенанта Кнорринга от 12 июля 1802 года (№ 20). Кнорринг доносил, что он 28 мая получил предписание Государственной коллегии иностранных дел «для сведения и руководства». В нем говорилось об «инструкции, данной кол. с. Макарову, определенному главным приставом при кочующих в Астраханской губернии, в ближних к ней местах кабардинских, трухменских, ногайских, абазинцах и прочих народах, кроме калмык»[53].

В подчинении главного пристава должны были находиться, кроме четырех названных, еще семь приставств, что видно из следующего пояснения Кнорринга: «Но теперь, по назначению главным приставом над народами сими кол. с. Макарова и *семи других, коих отыскать ему предоставлено*...» (выделено нами. – *С. Б.*).

Коллежский советник Макаров (штатское, гражданское, должностное лицо) был поставлен «в непосредственную зависимость Государственной коллегии иностранных дел, а частные приставы в единое его наблюдение»[54].

Главному приставу позволялось к командующему на линии «относиться только в таких случаях, когда нарушаемая тишина востребует военных мер»[55].

Изъятие Кабарды из военного ведомства было для Кнорринга полной и неприятной неожиданностью. В своем письме к Д. П. Трощинскому, написанном одновременно с всеподданнейшим рапортом, он сообщал: «...Я неожидаемо получил из Государственной коллегии иностранных дел предписание и копию Высочайше конфирмованной инструкции, данной кол. с. Макарову об определении его, независимо от меня, главным приставом при Кабардах* и при всех других кочующих на Кавказской линии народах». Кнорринг прямо указывал, что инструкция «во многих частях нарушает утвержденное уже здесь издавна устройство с пользою для службы доселе удерживающееся»[56].

Не прошло и двух месяцев после его всеподданнейшего рапорта, в котором Кнорринг дерзнул изложить свой взгляд на намечавшиеся перемены в управлении Кавказом, как он, ставленник Павла I, был отозван – «не любит споров властелин» (Пушкин).

Мотивы отставки Кнорринга изложены Александром I в рескрипте к его преемнику, генерал-лейтенанту, князю Павлу Дмитриевичу Цицианову** от 8 сентября 1802 года. В нем говорится:

---

*Должность главного пристава «при Кабардах» логически предполагает наличие местного (рядового) пристава, но в документах такая штатная единица не прослеживается.

***Цициановы* – древний грузинский княжеский род. Фамилия восходит к Захарию Панаскетели, возведенному царицей Тамарой Великой (1184–1207) в достоинство князя. Цици Панаскетели племянник супруги царя Вахтанга IV княжны Сити-Хатун. Панаскетели был главнокомандующим грузинскими войсками в конце XV в. Потомки его стали называться Цици-Швили (т. е. сыновья Цицы). Паата Евсеев Цицианов эмигрировал в Россию в 1725 г. в свите царя Вахтанга VI, низложенного с престола иранцами. Павел Дмитриевич Цицианов – его внук[57].

«По дошедшим ко мне жалобам и неудовольствиям на управляющих в Грузии ген. л. Кнорринга и д. с. с. Ковалевского, признал я нужным... возложить на вас должности с званием и инспектора Кавказской линии, Астраханского губернатора, управляющего там и гражданскою частию и главноуправляющего в Грузии соединенные. Ревность и усердие ваше ручаются мне, что вы удержите и сохраните его в надлежащем положении»[58].

«С дерзостным челом явился пылкий Цицианов» (Пушкин) – заря «Российского владычества над странами кавказскими»[59] и ревностно взялся не только сохранить и удержать край, господином которого он сделался вдруг – по мановению царя, но и расширить свое владение.

Вскоре ему пришлось убедиться, что гражданские чиновники, не так давно поставленные во главе приставств на Северном Кавказе, могут служить ему, если не во вред, то помехой.

И Цицианов принялся реформировать управление. Свои соображения на этот счет он представил царю 9 февраля 1803 года. «Посредник между главным Российским начальством и кабардинским народом, – информировал он Александра I, – есть чиновник под именем пристава при кабардинском народе, – слово пристав в азиатском народе никакого почтения и уважения к себе не привлекает... А потому слово начальник по мнению моему предпочтительнее пристава, так как и название **Кабардинская область** вместо **кабардинского народа** (выделено Цициановым. – *С. Б.*) есть необходимое потому, что сие последнее название само собою напоминает им, что оный есть как будто отдельное тело от Российской империи»[60].

Обрусевший грузинский князь, стремясь *губить, ничтожить племена*, жаждал немедленно изъять из официальной лексики даже понятие «кабардинский народ», чтобы таким путем вытравить из памяти кабардинцев сознание о себе как о самостоятельном этносе (народе).

Цицианов считал необходимым поставить начальником Кабардинский области (так он в том же рапорте стал называть Кабарду) офицера чином не ниже генерал-майора.

Необходимость подобного назначения Цицианов объяснял тем, что кабардинцы «все имеют военные чины и не имеют никакого уважения к статским, предпочитая войну и силу всему»[61].

На случай одобрения своего предложения Цицианов заранее предложил и свою кандидатуру на должность начальника Кабарды – отставного полковника Дельпоццо, для которого он одновременно испросил и звание генерал-майора. «Нынешнего же пристава при кабардинском народе Н. С. Стемпковского, – предрешал он его судьбу, – яко неспособного к сей должности и не могущего заменить военного человека место удалить»[62].

Тем временем волнения, продолжавшиеся в Кабарде с перерывами с 1794 года, вспыхнули с новой силой в 1803 году. Поводом к нему послужило предпринятое Цициановым в том же году строительство Кисловодского военного укрепления на месте, пред-

ставлявшим собой стратегический узел связи Кабарды с закубанцами, а через них с Турцией и Крымом.

Кабардинцы, расценив этот шаг как реальную угрозу своей территориальной целостности, и без того значительно урезанной Моздокской и Константиногорской крепостями, «решительно и наотрез отказались выбрать судей»[63], на чем давно и также решительно, но без видимых успехов, настаивала Кавказская администрация.

Узнав об этом, Цицианов 4 апреля 1804 года обратился к «кабардинским почтенным князьям, узденям и эфендиям» в небывалой для столь высокопоставленного должностного лица неприкрыто грубой форме. Напомнив гордым кабардинским князьям, что за целый год «в родовые суды новых судей не выбрано», Цицианов начал торопливо задавать им вопросы, словно провинившимся новобранцам: «Где присяга? Долго ли не истребить ветреников? Или вы думаете, я похож на моих предместников? Или вы не наслышались, что я здесь наделал, кого покарал и сделал данниками... Сколько побил и сколько полонил?» И далее он, дав волю эмоциям, пошел вразнос: «Кровь во мне кипит, как в котле, и члены все мои трясутся от жадности напоить земли ваши кровию преслушников... Ждите, говорю вам, по моему правилу штыков, ядер и пролития вашей крови реками. Не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная ваших семейств кровию выкрашенная; две дороги показал я вам, а ваше дело выбирать лучшую и через неделю получения сего предписания дать ответ»[64].

Категорическое требование «немедленного выбора судей в родовые суды» Цицианов снабдил предписанием к генерал-лейтенанту Глазенапу, которым тот обязывался «строго наказать кабардинцев, если они не исполнят этого требования к 28 числу апреля» (1804 г. – *С. Б.*)[66].

Это был ультиматум. Кабардинские князья, естественно, ответили восстанием, или они, говоря официальным языком русских источников, авторы которых часто не очень ограничивали себя в выборе пренебрежительных выражений, когда речь шла о неприятелях, – «остервенились».

Однако, как пишет Грабовский, «после нескольких жестоких сражений «кабардинцы были вынуждены» изъявить покорность и выбрать судей»*[66].

По поводу первых военных операций Глазенап торжествующе докладывал Цицианову 15 и 16 мая 1804 года. В первом из них сообщалось: «Потери их в порохе и свинце, великое число убитых и раненых и лишение толикого числа панцырников будет служить для них вечным памятником, ибо, наконец, стреляли они уже глиняными пулями». А во втором генерал излишне категоричен: «Победоносное российское войско столь страшное сделало

---

*Грабовский здесь не совсем точен. Князья, как увидим ниже, изъявили покорность, выбрали судей и даже «обязали присягою»[67], но так и не приступили к исполнению обязанностей.

впечатление на кабардинцев, что их теперь можно с справедливостью почесть вновь покоренным народом»[68].

Глазенап выдавал желаемое за действительное, поскольку в марте следующего года он был вынужден вновь совершить новую кровавую экспедицию, в результате чего, кроме уничтоженных запасов хлеба и сена, было сожжено 80 населенных пунктов*[69].

Вопреки рапортам генерал-лейтенанта Глазенапа кабардинцы не считали себя побежденными. Напротив, в июле того же года они, предводительствуемые полковником Росланбеком Мисостовым, принудили русский отряд «отступить назад». Успех воодушевил кабардинцев. Глазенап вновь вступает в Кабарду «с сильным отрядом». Но, пишет далее Грабовский, «привести свое намерение в исполнение не успел, так как в то же время большая часть кабардинских владельцев, под предводительством Росланбека Мисостова, собрав громадные толпы кубанцев, вторглась внутрь линии и вывела оттуда за Кубань всех абазинцев с их имуществом. Кроме того, ворвавшийся на линию неприятель окружил все военные посты от Прочного Окопа до Константиногорска, прекратив таким образом всякое сообщение по линии». «Вообще, здесь нужно заметить, – подводит Грабовский итоги этому кабардино-русскому единоборству, – что 1804 год был едва ли не самым тяжелым годом в борьбе России с Кавказом...»[73].

Установление духовного (шариатского) суда

Установление духовного суда в Кабарде по своему драматизму и трагизму относится к исключительным явлениям прошлого. Это событие не только затронуло каждого кабардинца, но и так или иначе определило его судьбу и судьбу его родины на такой исторический отрезок времени, который не исчерпывается и сегодняшним днем.

Однако приходится с сожалением констатировать, что данная многоплановая проблема, несмотря на ее давнюю актуальность, остается одной из наименее исследованных страниц истории Кабарды.

Распространение ислама и введение шариата в Кабарде Шора Ногмов связывал с именем Адиль-Гирея. В своей «Истории...» он

---

*Цицианов имел слабость играть в справедливость и прикрываться маской приверженца ведения войны «по-европейски». «Я, – заявлял он,– должен соблюсти справедливость, которая со мною не разлучается»[70]. По случаю сожжения села Энзели (Северный Иран) Цицианов 14 сентября 1805 г. сказал, что оно «есть действие варварской войны, а не европейской»[71].

Сожжение 80 кабардинских деревень, учиненное по повелению Цицианова годом раньше, изобличает в нем сторонника варварской войны. В это число населенных пунктов, вероятно, следует включить и деревни, сожженные самими же кабардинцами, о чем они сообщали Дельпоццо: «Вы сами видели, сколько мы сами собою сожгли деревень наших, единственно для того, дабы оставить сии места навсегда»[72]. Однако данный акт «самосожжения» является следствием вторжения Глазенапа и должен быть отнесен к его злодеяниям.

вскользь заметил: «Адиль-Гирей, обучавшийся арабскому и татарскому языкам, стал обращать народ к исламу, поставил мулл и построил мечети»[1].

В другом месте он также предельно краток: «...Адиль-Гирей Хатожукин с эфендием Исхаком Абуковым ввел между кабардинским народом шариат»[2].

Оба утверждения не подлежат сомнению, но хронологические рамки того и другого не указаны. Это дает отдельным историкам определенное основание рассматривать введение шариата в непосредственной связи с Адиль-Гиреем и принятием «Народного условия» 1807 года.

Свет на проблему проливает одно замечание Хан-Гирея: «Со времени господствования в Кабарде магометанской религии все гражданские дела были разбираемы духовенством по шариату до 1799 или до 1794 года»[3].

Отсюда следует, что духовный суд практиковался в Кабарде в 1794 году, следовательно, он установлен раньше. Но когда именно?

По интересующему нас вопросу ценную информацию дает Семеон Броневский. «В 1785 году, – пишет он, – появился у чеченцев проповедник из дервишей, по имени Ших Мансур, подосланный Портою для возмущения горских народов против России, под предлогом распространения магометанской веры. Он выдал себя за пророка и с таким рвением отправлял свое послание, что в течение шести лет успел и в том и в другом предмете, обратив решительно в магометанство черкесов и чеченцев. С того времени выстроены у них мечети и умножились духовные чины Имамы, Кадии, Муллы... Черкесы, признав магометанскую веру Сунской секты за господствующую, должны были ввести суд и расправу по Алкорану...»[4].

Согласно Броневскому, Мансур за 6 лет обратил Кабарду в ислам, а он этим занимался с 1785 года. Выходит, что новая религия стала господствующей в 1791 году.

Если, как писал Хан-Гирей, «со времени господствования» ислама дела разбирались по шариату, то духовный суд, можно сказать, введен в Кабарде в 1791 году.

Нелишне здесь отметить, что во многом сходные с Броневским данные приводит и академик А. Л. Нарочницкий. По его сведениям, «в Чечне в 1785 г. под знаменем ислама вспыхнуло движение против России во главе с бывшим пастухом Ушурмой (Мансуром), который объявил себя имамом... В основном Ушурма опирался на помощь Османской империи»[5].

В обоих документах, на наш взгляд, речь идет об одном и том же религиозном деятеле. Во-первых, начало его деятельности относится к 1785 году. Во-вторых, и тот и другой носят одно и то же имя – Мансур. В-третьих, совпадают год и место ареста Ушурмы (Мансура): 1791 год, Анапа.

Только о дальнейшей судьбе Мансура оба автора говорят поразному, хотя в том и другом случае сказано, что он умирал в неволе. С. Броневский: «Лжепророк Ших Мансур взят был в плен

в Анапе в 1791 году и умер на Соловецком острову (на Белом море. – *С. Б.*) в заточении»[6]. А. Л. Нарочницкий: «...Российские войска при содействии кабардинской конницы в 1791 г. овладели Анапой... Было взято много пленных, в том числе Ушурма, – его отправили в Шлиссельбургскую крепость, где он и умер»[7].

Участие кабардинцев во взятии Анапы дало академику основание заключить, что «кабардинцы... не поддержали его (Ушурму – Мансура) и не хотели выступать против России»[8].

Ошибочность этого вывода выясняется из рапорта пристава Уракова Гудовичу от 8 февраля 1791 года, в котором фигурирует не кто иной, как Кучук Джанхотов, «правосудия» над которым как раз в те дни тщетно добивалась Кавказская администрация за убийство им капитана Бегидова.

Пристав доносил: «Владелец Кучук Джанхотов по согласию прочих владельцев секретно отправил письма к находящемуся за Кубанью Ушурме, с уверением, что и они совершенно готовы к возмущению, коль скоро турки покажутся к берегам Кубани, объявляя неудовольствие свое к России на отгон из табунов в Линии нашей пасшихся владельцев Коргоко Карамурзина 300, Асланбека Алиева 50 лошадей»[9].

Высказывания Броневского и Хан-Гирея, уточняющего Шору Ногмова, а также разыскания академика А. Л. Нарочницкого позволяют сделать вывод, что ислам стал господствующей религией в Кабарде (во всяком случае, для феодальной верхушки) на рубеже 80–90-х годов XVIII века, а точнее примерно в 1791 году.

Вместе с установлением господства идеологии ислама наметился и механизм его правового функционирования – шариат. Но он был упразднен в 1793 году с учреждением родовых судов и расправ.

Введение родовых судов и расправ не обескуражило мусульманское духовенство. Напротив, оно всячески и не без успеха тормозило и бойкотировало деятельность новых, во многом чуждых и народу, несмотря на их предпочтительность, судов.

Непрекращавшаяся борьба за восстановление шариатского суда с новой силой развернулась в 1799 году. Два фактора способствовали этому: очередные выборы судов и возвращение Адиль-Гирея – духовного вождя народа – в Кабарду.

Деятельность Адиль-Гирея в тот период освещена в донесении Кнорринга от 12 июля 1802 года Александру I: «В 1799 году... один из беспокойных владельцев Большой Кабарды Адиль-Гирей Атажукин, содержавшийся в Новороссийске, бежав в отечество свое, рассевал тут развратный образ своих мыслей, и тогда по истечению трехлетия требовался выбор в родовые суды и расправы новых судей, от чего Атажукин убеждал их отклониться, дабы поставить Кабарду в прежнее независимое положение»[10].

Движение за возврат к духовному суду в этот раз проходило (возможно, так было и раньше) под воздействием идеи равенства – одного из трех лозунгов Великой французской буржуазной революции.

Принцип индивидуальной свободы – основа образа жизни кабардинцев. Но к восприятию идеи равенства по-французски, без чего невозможна сущность этой личной свободы, Кабарда, как верно заметили Т. Х. Кумыков и Р. У. Туганов, совершенно не была готова[11].

Адиль-Гирей и его сподвижники – «девять ветреных владельцев и много узденей» – и не стремились к равенству всех кабардинцев. Они добивались лишь «равенства между владельцами и узденями», т. е. демократии для феодалов, или феодальной демократии. «Почему де нам оного (равенства. – *С. Б.*) между собою не иметь, когда оное существует во Франции»[12], – говорили они, даже не предполагая, что равенство по-французски предполагает равенство всего народа, чего бы они ни за что не допустили.

Однако само упоминание о революционной идее было ненавистно царизму, который сколачивал союз монархических режимов в Европе против Франции с первых дней революции, казнившей короля и грозившей перекинуться в Россию.

Неслучайно Екатерина Великая считала, что великий трибун великой революции Мирабо «не единой, но многие висельницы достоин»[13]. Нет сомнения, что императрица не поскупилась бы на виселицу «для казни» и самой революции. Павел I, при всем неприятии своей матери, был с ней солидарен в смысле усиления могущества монархии.

Если взять Кабарду, то в ней было немало влиятельных противников царизма. Среди них партию первой скрипки играл князь Адиль-Гирей Атажукин.

Предположительно можно сказать, что Адиль-Гирей был обращен в ислам в годы пребывания Мансура в Кабарде. Не исключено, что они могли быть и лично знакомы. Находясь в ссылке, Адиль-Гирей, «не разумея российского языка» и сблизившись с имамом по имени Абдель, с которым он совершил побег[14], еще более проникся как духом мусульманства, так и ненавистью к России. В донесении Кнорринга Павлу I от 25 мая 1800 года содержится свидетельство о религиозной деятельности Адиль-Гирея Атажукина.

14 мая на р. Баксане съехались почти все кабардинские владельцы и их уздени, «по всегдашнему обыкновению своему конновооруженные, более 2000 человек, и до 500 человек было с ними посторонних жителей из многих племен кавказских народов». Это был съезд всей Кабарды. Он обсуждал предложение Кнорринга о немедленном выборе судей в «Высочайше утвержденные родовые суды и расправы и об истреблении из мыслей своих намерений, клонящихся к учреждению духовного суда». Предложение Кнорринга о немедленном выборе судей объяснялось тем, что «больше нежели две трети всего кабардинского собрания и самые сильнейшие владельцы еще в минувшем году, по пронырствам Адиль-Гирея Атажукина, взявшего личину известного в прошедшей с турками войне Шиха-Имам-Мансура, при-

сягнули ввести в области своей в прямое действие духовный суд непременно»[15].

Собрание продолжалось до 17 мая, но его участники к единству взглядов так и не смогли прийти, а обнаружилось «большое в рассуждениях их несогласие»[16].

Съезд Кабарды, редкий по количеству его участников, а возможно, и единственный по представительству на нем тех 500 «посторонних жителей», присутствовавших, должно» быть, на правах наблюдателей, закончился вмешательством извне. Как докладывал Кнорринг 12 июля 1802 года (№ 20), «одно появление в ней (Кабарде. – *С. Б.*) трех батальонов рассыпало сии затеи, и кабардинцы беспрекословно подданство свое утвердили вновь присягою, выбрали судей и доселе обретаются довольно в спокойном положении»[17].

Спокойствие продолжалось недолго. В следующем, 1803 году, начался новый, последний этап борьбы за духовный суд, а по существу борьба за свободу действий феодальной верхушки в Кабарде.

Итак, у нас еще нет исчерпывающего ответа на вопрос: кто и когда ввел духовный суд в Кабарде?

На этот счет существует несколько взглядов. Хан-Гирей: «...Князь Цицианов, уничтожив упомянутый суд (родовые суды и расправы. – *С. Б.*), учредил махчематство»*[18].

Кудашев точнее. На его взгляд, «Цицианов *согласился* (выделено нами. – *С. Б.*) на уничтожение родовых судов и расправ и на замену их сословными судами мехкеме»[20].

Грабовский был несколько иного мнения. Он утверждал, что генерал Глазенап под угрозой возможного вовлечения в восстание пока колеблющейся части населения согласился «наконец исполнить давнишнюю просьбу кабардинцев об упразднении родовых судов и расправ»[21].

С мнением Грабовского совпадает содержание письма князя Кучука Джанхотова, адресованное генералу Булгакову в 1810 году: «Когда Глазенап был в Кабарде, по выс. Е. И. В. воле учредил в Кабарде суд, а потому постановлен кадий...»[22]

Все, что ни делалось Кавказской администрацией, видимо, преподносилось ею, как высочайшая воля императора, но в данном случае Кучук Джанхотов был прав: Глазенап причастен к истории учреждения духовного суда, но шариатский суд им не установлен.

Кучук Джанхотов знал правду, когда он писал Булгакову, что духовный суд в Кабарде есть воля императора.

Начальный этап становления рассматриваемого суда проясняет рескрипт царя Цицианову от 31 июля 1804 года: «Весьма нужно было бы обратить внимание ваше на способы, какие нам дей-

---

*Указав на притеснение царскими властями кабардинцев, выразившееся в строительстве Кисловодского укрепления, Хан-Гирей умолчал, очевидно, по политическим мотивам, о последовавшем за ним восстании. «Однако ж они не приступали к неприязненности»[19], – писал он, явно искажая действительность.

ствительно могли бы послужить к водворению сколь возможно там спокойствия, употребя на то вооруженные действия или переговоры, основанные на пользе народов сих. Я буду ожидать соображений ваших по сему предмету, предоставляя собственному вашему усмотрению, нужно ли будет в Кабарде иметь судей, коих выбор, сколько из рапортов генерала Глазенапа судить можно, был один из поводов восстания их. Должно, конечно, что они исполнили то, что им однажды повелено было, но когда совершенное спокойствие водворится, то неудобно ли действительно будет оставить их иметь прежнюю расправу кадиев, сохраняя, впрочем, в Кабарде то влияние со стороны нашей, которое определением туда генерал-майора Дельпоццо вы предлагали»[23].

В рескрипте царя содержится важная для нас информация. Оказывается, генерал Глазенап впервые дал знать Александру I, что выборы в родовые суды и расправы являлись одной из причин восстания кабардинцев, скрытно намекнув тем самым на ответственность Цицианова за события в Кабарде. Далее. Александр I дал знать Цицианову, что «когда совершенное спокойствие водворится» в Кабарде, тогда можно «будет оставить их иметь прежнюю расправу кадиев».

Здесь следует подчеркнуть один момент. Царь для установления спокойствия, т. е. для подавления восстания, рассматривал как равнозначные два варианта: «вооруженные действия или переговоры», ставя на первое место силовое давление, о чем свидетельствовали последующие действия Глазенапа.

Понимание царем выхода из тогдашней обстановки и его интерпретация в некоторых исследованиях никак не согласуются. В одном из них поспешно утверждается: «Царское правительство, убедившись в невозможности чисто военными методами покорить Кабарду, пошло на уступки и согласилось на упразднение родовых судов и расправ»[24].

Народ, не покоренный «чисто военными методами», не может быть покорен (захвачен) уступками. Это во-первых. Во-вторых, факт присоединения Кабарды к России, а значит, факт утраты ею своей независимости, был признан Кючук-Кайнарджийским миром 1774 года. В-третьих, в данном случае речь шла об усмирении восстания и установлении гражданского порядка в Кабарде, считавшейся верноподданной, часть населения которой, в том числе и официальные ее представители, действительно считала себя таковой.

В условиях, когда Глазенап, не уступая монголо-татарам в жестокости, но значительно превосходя их в средствах, трижды пронесся по Кабарде огнем и мечом, императора не очень беспокоило, который из двух видов суда – родовой или духовный – приживется в Кабарде. Для него важно было другое: сохранить над ней свое господство – «влияние со стороны нашей».

Отсюда несомненно, что вывод, согласно которому введение духовного суда объявляется «первой крупной победой кабардинского народа в его колониальной борьбе»[25], не соответствует

действительности и продиктован эмоциями, а не является беспристрастным и глубоким анализом прошлого.

Рескрипт царя предоставил Цицианову право вершить судьбу двух судов, предпочитая, при определенных условиях, «прежнюю расправу кадиев». Наместник же, пользуясь этим правом, не прочь был склониться к возрождению родовых судов, поскольку он раньше заявил князьям, что заставит их выбрать судей, и, очевидно, было неловко переменить тон, который к тому же мог быть воспринят ими как уступка.

Сначала дело, казалось, шло к возрождению родовых судов. 14 марта 1805 года «благонамеренные» (так назывались кабардинцы прорусской ориентации) «родов Бекмурзина и Кайтукина владельцы, уздени и прочие почетные кабардинцы до 2000 чел.» собрались на р. Шалушке с целью «возстановить Суды и утвердить Суды и утвердить спокойствие». В этот момент генерал Лихачев, который был ими приглашен «для переговоров в их собрание, и объявил им, что они теперь имеют над собою главного начальника – самим Г. И. определенного, ген.-м. Дельпоццо»[26].

Решившись воспользоваться неожиданным назначением, князья попросили генерала Лихачева пригласить к ним на собрание нового своего начальника генерал-майора Дельпоццо.

Начальник Кабарды прибыл на собрание 16 марта. В этот день Дельпоццо и кабардинцы впервые познакомились. Генерал-майор прежде всего предложил кабардинцам «для своей пользы и спокойствия удовлетворить требуемую от них, учиненную в прошлом году на Чегеме обязанность, без всякого отягательства».

Далее Дельпоццо обнадежил князей: «...Когда они установят суды и выполнят имеющуюся на них претензию, могут ожидать от всемилостивейшего Государя нашего великие милости». В свою очередь он обещал, что «всякие их справедливые требования удовлетворяемы будут в точности и отнюдь ни от кого обижены и притесняемы не будут»[27].

Дельпоццо, докладывая Цицианову об этих своих переговорах с кабардинцами, отметил: «Тут все владельцы и собрания казались быть очень довольны и обрадованы и тотчас объявили, что они на все требования от них к выполнению приступить, как тому время позволит, согласны и готовы, а в удостоверение того в следующие дни, сделавшие при мне клятвенные обещания и подписанную ими присягу учинили»[28].

По внушению полковника Измаил-бея Атажукина князья Атажукиной и Мисостовой фамилий 24 марта прибыли вместе с ним в станицу Прохладную, резиденцию Дельпоццо (начальник Кабарды не имел местопребывания в Кабарде), и также согласились выполнить требования русских по Чегемскому обязательству 1804 года. По словам Дельпоццо, они «тут же хотели учинить клятвенное обещание, но по случаю неимения при них грамотного, который бы мог написать оное на их языке, выпросили для приведения в порядок разстроенных домашних их дел на две недели сроку, после чего непременно обещались приехать все

владельцы и уздени, выбранные в Суды, и учинить присягу...»[29].

Таким образом, между новым начальником Кабарды и ее князьями была достигнута договоренность о восстановлении родовых судов и расправ, оставшаяся, однако, не только не реализованной, но и для Атажукиной и Мисостовой фамилий не оставшаяся даже на бумаге! (Этот последний факт Цицианов не простил Дельпоццо и в первом же предписании поставил ему в упрек.)

Резонно спросить: почему не приступили к отправлению своих обязанностей суды, восстановленные с таким трудом? Причина носит скорее субъективный, чем объективный характер.

Дело в том, что князья, дав клятвенное обещание и присягу о своем согласии исполнить все принципиально требуемое от них, одновременно подали Дельпоццо прошение, в котором они предлагали и свой вариант судоустройства.

Князья просили разрешить им «выбрать судей с каждых двух родов из первых фамилий по 8 владельцев и 12 узденей с 20 бегаульями, кои бы оставались навсегда безсменно и без получения от нас (казны. – *С. Б.*) жалованья; а для Судов сих и жилище выстроить в тех же самых местах, где и прежние Суды были домы, в которых находиться им безотлучно»[30].

При всей своей относительной самостоятельности как начальник Кабарды Дельпоццо не обладал достаточной властью, чтобы узаконить просьбу князей. Поэтому он позволил им (возможно, посоветовал) обратиться к Цицианову с прошением, сопроводив его 26 марта 1805 года своим ходатайством – «с испрошением утверждения»[31].

В прошении князей, узденей, эфендиев и кадиев отмечалось: «По велению вашему генерал Глазенап прибыл к нам с войском и потребовал, чтобы среди нас для расправы были по-прежнему суды. Мы согласно вашему повелению приготовили судей, но просим вас покорнейше о следующем: эти суды были прежде у нас, но от них ничего доброго ожидать нельзя. Мы фамилии Жембулатова уздени и кадии между собою имели совещание и нашли удобным, чтобы 8 беков и 12 узденей назначены были для расправы среди нас: *только они в состоянии исполнять службу Российского правительства*, и искоренить воровство, разбой, плутовство и мошенничество, и *вообще они в состоянии исполнять всякое требование*»[22] (выделено нами. – *С. Б.*).

Комментируя прошение кабардинцев на имя Цицианова и обосновывая причину своего одобрения их просьбы, Дельпоццо писал: «...сей выбор их судей по примечанию моему может быть надежнее, ибо выполнению дел способнее, паче потому, что духовенство как то в прежних имело оное великую силу выполнять свои прихоти, да и судьи ничто иное значили, как только одно наименование оных, впрочем, никаких дел в исполнение привести силы не имели. Сей же просимый ими выбор судей я своим мнением одобряю с тем, чтобы оной состоял также под властью верхнего пограничного суда»[33].

Отваживаясь фактически ходатайствовать за кабардинцев, пре-

следуя, разумеется, прежде всего интересы России, Дельпоццо, вероятно, уже знал о существовании рескрипта царя от 31 июля 1804 года к Цицианову, который разрешал ему вводить «расправу кадиев», т. е. духовный (шариатский) суд.

«Сверху» против духовного суда не было помех, «снизу» обосновывалась его целесообразность. Далее гнуть свою линию Цицианову уже не было смысла. Ведь введением шариатского суда кабардинские князья обязывали и себя «исполнять службу Российского правительства», а большего царь от них и не требовал.

Еще одно немаловажное обстоятельство говорило в пользу духовного суда. Прошение кабардинцев предусмотрительно предлагало, чтобы членам избиравшихся судей «от казны Е. И. В. жалованья не производилось, а вместо оного довольствовались бы положенным по их обычаям взыскиваемым с виновников штрафом»[34].

На прошение кабардинцев Цицианов ответил приказом от 9 мая 1805 года. Сменив гнев на «милость», он указывал: «Споспешествуя пользам Кабардинской области, хотя вы по ветрености и своим беспутствам того и не заслуживаете, я согласен, чтобы в то время, как вы учините присягу на верное подданство Е. И. В. учредить на просимом вами основании родовые Суды и оставить на тех правилах выбор судей. Входя однако ж в большие выгоды ваши, признаю нужным, чтобы сии родовые Суды состояли в зависимости от Верхнего Моздокского Пограничного суда, дабы в случае, ежели бы обиженный не получил удовлетворения, мог перенести дело свое в пограничный Суд»[35].

В своем прошении к Дельпоццо кабардинцы допустили оплошность, не сказав о том, в каких связях духовный суд будет находиться с Моздокским судом. Вероятно, они считали само собой разумеющейся независимость нового суда. Однако ошибкой князей немедленно воспользовался Дельпоццо и предложил Цицианову: «...Как о сем Суде (Моздокском. – *С. Б.*) они в прошении своем ничего не упомянули, то и нужно, чтобы сверх выбираемых ими судей, непременно выбрано было в верхний пограничный суд по прежнему положению с переменою в каждые 3 года»[36]. Как видно, Цицианов одобрил рекомендацию Дельпоццо и использовал в качестве основы своего приказа. Таким образом, и в условиях шариатского суда ключевые позиции управления все же оставались за Кавказской администрацией.

* * *

Начало деятельности начальника Кабарды генерал-майора Дельпоццо заставляет всерьез задуматься над ролью русской администрации на окраинах России вообще, и в частности в Кабарде.

Издавна существует распространенный взгляд, согласно которому понятия «Кавказская администрация», «Царская администрация» (или: «Султанская Турция», «Крымское ханство») целиком

отождествляются, в зависимости от ориентации тех или иных деятелей и историков, с политикой безудержного насилия, слепой ненавистью ко всему нерусскому. Спору нет, все это имело место сплошь да рядом. Нет нравственного оправдания тем злодеяниям, и они справедливо осуждены историей.

В то же время такой взгляд, если был бы вполне извинителен как ошибка, как недоразумение, то как политика таит в себе постоянную опасность взрыва, поскольку она, закрывая глаза на все многообразие, например, кабардино-русских отношений, способствует формированию однобокого тенденциозного восприятия прошлого народов.

Как мы уже знаем, Дельпоццо не сразу пришел к мысли о целесообразности введения в Кабарде духовного суда. Поначалу он, очевидно по настоянию Цицианова, стремился принудить кабардинцев к открытию судов, из-за чего загорелось их восстание, и ему даже удалось, в принципе, добиться цели.

Но тут случилось нечто неожиданное для кабардинцев и непредвиденное для русских властей. Согласившись на все их требования, дав им клятвенное обещание и приняв присягу (в который раз?!) на верное подданство, кабардинцы удовлетворили амбиции представителей царя. Одновременно с принятием присяги князья подали прошение Цицианову, который, приняв его, как оказалось, свел на нет победы русских войск над восставшими.

Дальнейший ход событий прослеживается в рапорте Дельпоццо от 3 августа 1806 года. Назначение графа Гудовича на Кавказ для Дельпоццо было не самым лучшим вариантом. Начальник Кабарды, конечно, знал, что родовые суды, упразднение которых связывалось с его именем, вводились в свое время по инициативе Гудовича*. Граф также, очевидно, располагал достаточной информацией о действиях и дальнейших намерениях Дельпоццо.

Обосновать целесообразность (и даже необходимость) перемены судов перед новым наместником и тем самым предупредить возможные с его стороны упреки в своей адрес – такова была нелегкая задача, стоявшая перед Дельпоццо. Поэтому он включил в свой первый рапорт Гудовичу текст прошения кабардинцев, с которым они обратились к нему, увидев, что новый начальник в отличие от его предшественников добивается справедливого разрешения застарелого военного конфликта.

В обращении князья указывали Дельпоццо: «В[аше] пр[евосходительство]! Это правда, что русские нас научили обманывать и испортили только наши нравы и потому более, что когда Суды учреждены, то в них судили одни муллы, а князья и узденя хотя и были судьями, но как не из лучших были и первых выбираны, то их никто не слушался, а муллы сами делали, как хотели; а строгого взыскания за невыполнение дел не требовалось и потому от часу далее народ наш научился обманывать и воровать, а претензию

---

*Ермолов прямо утверждал: «Он (Дельпоццо. – *С. Б.*) был причиною уничтожения родовых судов» (Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М, 1991. С. 312).

взыскивали с нас не так, как в. пр., а со всех – и правых и виноватых, а посему наделали еще больше воров и врагов России. И потому в. пр. говорим чистосердечно и признаемся вам, что ежели бы не были вы в то время наш начальник, когда в последний раз войска (были. – *С. Б.*) в Кабарде и не слышали в тогдашнее время ваших наставлений, которые нас до самого сердца тронули, то Кабарда не была бы уже Кабарда, и тогда же все были намерены разбежаться в разные места: но услышав, что вы наш отец, защитник и покровитель, то и остались по-прежнему. Вы сами видели, сколько мы сами собою сожгли деревень наших единственно для того, дабы оставить сии места навсегда, и вы теперь не подумайте, чтобы мы с какими ни есть другими мыслями к вам приехали, но единственно только для того, дабы чистосердечно возблагодарить вас за те милости, которые вы для нас стараетесь делать... избавили нас от такого бремя, которого мы не в состоянии были выполнить и 20 лет»[37].

Рассуждения кабардинцев, по расчетам Дельпоццо, должны были расположить Гудовича к духовному суду. В самом деле, по мысли начальника Кабарды, если все неприятие кабардинцами русских происходит исключительно от ненавистных им родовых судов и расправ, то достаточно их заменить столь князьями трогательно просимым и самих ко многому обязывающим судом, чтобы установить спокойствие и соответствующий порядок.

Подводя итог первоначальной деятельности Дельпоццо, следует сказать, что он объективно подходил к русско-кабардинским отношениям, что отличало его от всех его предшественников. Поэтому он был оценен кабардинцами по достоинству и встречен ими с одобрением, что утвердило начальника Кабарды в мысли активно содействовать упразднению родовых судов и учреждению духовного суда.

Духовный суд в Кабарде в оценке современников

Выше мы видели, что шариатский суд введен в Кабарде Кавказской администрацией с позволения царя. Этот суд имел своих сторонников и противников. К последним в первую очередь относится назначенный вторично, после убийства Цицианова в Баку (8 февраля 1806 года), главнокомандующим на Кавказ граф И. В. Гудович.

Свое отношение к нововведению он выразил в предписании к Дельпоццо от 12 августа 1806 года: «Из рапорта в. пр. видя, что приглашаемые мною через вас кабардинские владельцы, как вы пишете, заняты междоусобием и, ссылаясь на оное, против чинимых от вас позывов на приезд их ко мне делают отговорку, я по таковому поступку их не могу ничего иного заключить, как то, что сие суть плоды тех перемен Судов, утвержденных прежде блаженный жизни императрицею Екатериною Великою, которым они повиновались и друг другу не грубили; а о теперешних хотя вы меня и уведомляли, что оные учреждены и они не только им

не повинуются, даже моему призыву чему удивляясь, по управлению сим народом побуждаюсь еще вам предписать об объявлении оным владельцам, дабы они, не уклоняясь, выполнили мое требование для их собственной пользы мне непременно надобно с ними поговорить и объясниться»[1].

Гудович дал понять Дельпоццо, что он на него возлагает ответственность за ухудшение обстановки в Кабарде, связывая его с переменой судов.

С годами Гудович все более убеждался в отрицательном характере деятельности суда. Свой взгляд на него он досконально изложил Куракину 16 мая 1808 года: «При сем случае считаю обязанностию, – подчеркивал он, – изъяснить В[ашему] с[иятельству] мое мнение, что наиболее подает теперь повод кабардинцам к непостоянству, хищничествам и к упорству последовать правилам для прекращения заразы. Прежде учреждены были для разбирательства их дел Родовые Суды и Родовые Расправы, в судьи же избираемы были кабардинские владельцы и узденья, которые наибольшее имели влияние на простой народ. Для чего всякое воровство и хищничество было спрашиваемо к удовлетворению или отыскиванию виновных от Родовых Судов, а судьи во власти своей над народом тотчас и почти всегда исполняли требования начальства почему и в то время было лучшее устройство и лучший порядок, но теперь с уничтожением Родовых Судов вся власть перешла в руки неблагомыслящего России духовенства, которому предоставлен Суд. Духовные во всей Азии, а кольми паче в Кабарде всегда имели немалое действие над народом, который много в них верует. С предоставлением же им права разбирать все дела духовным судом можно сказать, что они вовсе поработили кабардинцев. Итак, все теперь зависит от кабардинского духовенства, которое, быв не чуждо корысти, располагает народом, составляющим наибольшую силу Кабарды, по своему произволу удерживая в суеверии, дабы заразы (т. е. чумы. – *С. Б.*) не опасаться. От сего-то происходит безпорядок и наклонность к хищничествам и непокорности следовав предписаниям к прекращению заразы. Когда владельцы и узденья занимали места в Родовых Судах, то подвластные их, опасаясь взыскания и власти их владельцев, удерживались от воровства; теперь же и самые владельцы подпали под такую власть духовенства и своевольство оного, что даже опасаются духовных, в чем некоторые из самих владельцев признаются»[2].

Мнение Гудовича о своем детище – родовых судах и расправах в Кабарде – можно было бы считать слишком преувеличенным, если бы не всеподданнейшее донесение генерал-лейтенанта Кнорринга от 5 июля 1799 года. Со слов генерал-майора Арсеньева 1-го, «над обоими Кабардами надзирание имеющего», Кнорринг отмечал дерзкое намерение руководимых Адиль-Гиреем Атажукиным кабардинских князей и узденей «установить в Кабарде духовный суд, который бы правилами корана решал все народные тяжбы и который бы совершенно ослаблял действие

учрежденного Императорским Величеством в Кабарде **родовых судов и расправ, до сего времени с довольным успехом удерживающих порядок в кабардинцах и умножающих зависимость их к Высочайшему Вашего Императорского Величества Престолу**»[3] (выделено нами. – *С. Б.*).

Гудович с годами все более утверждался в своем мнении об отрицательном характере деятельности суда. Он предлагал Куракину единственный, на его взгляд, способ удержать Кабарду под властью России в условиях установившейся во внутреннем ее управлении теократии.

«Следовательно, – убеждал он Куракина, – при нынешнем управлении в Кабарде один предлежит теперь способ к учреждению порядка и устройства – тот дабы сколь можно иметь духовенства преданного и верного России, которое действовало согласно с намерением и видами Российского начальства». При этом Гудович считал благоприятным то обстоятельство, что «наиковарнейший а неблагомыслящий из духовных эфендий Исак, уговоривший народ к ослушанию противу принимаемых мер о прекращении в Кабарде заразы, и наисуеверный владелец Адиль-Гирей сами умерли от заразы»[4].

Анализируя доклад Гудовича Куракину и его ранние высказывания, следует сделать вывод: главнокомандующий в отличие от Дельпоццо считал, что родовые суды и расправы были для Кабарды благодеянием, а мехкеме порабощением кабардинцев.

* * *

Духовный суд рассматривался по-разному и самими кабардинцами.

Измаил-бей Атажукин, образованнейший кабардинец своего времени, ответственность за новое обострение противоречий между Кабардой и Россией возлагал на духовенство. Он заключал, что усиление неприязни кабардинцев к русским есть следствие «возникшего несвойственного нашим обычаям влияния от наших духовных, из коих знатнейшие получают за то от Порты важные награждения, влекут ослепленный народ фанатизмом веры к неповиновению постановлениям власти, и оное, усиливаясь, опровергает древнюю нашу конституцию, подчиняя все состояние шариату или духовной тирании, коя прямая цель против обязанностей к России»[5].

В характеристике, которую дал адыгскому мусульманству (адыгеисламизму) Измаил-бей Атажукин, следует выделить два момента. Первый момент. Он считал, что ислам не вполне соответствует, скажем так, *адыгской религиозной демократии*, пантеон которой издревле был представлен элементами христианства, мусульманства и язычества, которая, освещая неистребимый дух индивидуальной свободы черкеса, и служила ему, как нельзя лучше, питательной средой.

В Кабарде ислам начал доминировать над христианством бла-

годаря своей ярко окрашенной политической направленности. Глобальная борьба против христианства, которую взвалил на свои плечи ислам, в Кабарде соединилась, как и на всем Северном Кавказе, с борьбой против христианско-колонизаторской России.

Второй момент. Османская Турция, в отличие от царской России, не стесняла свободу Кабарды строительством военных крепостей. Правда, это объяснялось не отсутствием желания иметь их, а тем, что не хватало сил. Тем не менее данное обстоятельство через пропаганду турецких эмиссаров и религиозных деятелей придавало привлекательность исламу и содействовало, наряду с введением родовых судов и строительством Кисловодского укрепления, его широкому распространению в Кабарде.

Измаил-бей Атажукин с тревогой указывал, что ислам, основные проводники которого в Кабарде (Адиль-Гирей Атажукин – его родной брат и Исхак Абуков) получали за это награды от турецкого султана, «опровергает древнюю нашу конституцию».

Под «древней нашей конституцией» Измаил-бей, очевидно, подразумевал адыгский этикет (адыгэ хабзэ), т. е. адыгский феодализм. Взгляд Измаила Атажукина на мусульманство нельзя объяснить какими-то личными мотивами. Его рассуждения находятся в соответствии с свидетельствами его современников.

Семеон Броневский: «...Черкесы всегда были наклонны к христианству, и доныне дозволенных церквей почитаются в иных местах за убежище ненарушимое. Еще в начале 18 столетия они не имели точного вероисповедания, и по собственному показанию кабардинцев, не более 80 лет минуло, как они совершенно отпали от Греко-Восточной церкви и прилепились к магометанству, сначала князья, а потом и черный народ, который не имел однакож точного понятия о новопринятом Законе, и по недостатку духовных чинов не отправляли надлежащих обрядов»[6].

Шора Ногмов хронологически подтверждает сведения Броневского. Он писал: «Окончательно она (христианская вера. – *С. Б.*) уничтожена в 1717 году.... В подтверждение вышесказанного можно присовокупить еще следующие факты. Уздень Исмаил Шогенов имел в своем доме рукописную книгу, которая принадлежала его предкам... Он был последний из умевшего читать ее и скончался в 1830 году в глубокой старости. Покойный академик Шегрен, которому я посылал несколько листов из этой книги, утверждал, что она писана на греческом языке...»[7].

Религиозные верования народов и даже отдельных индивидов не возникают и не исчезают вдруг. Поэтому взгляд Ногмова относительно указания определенной даты ликвидации христианства в Кабарде следует признать ошибочным. Это подтверждается и указом Коллегии иностранных дел Российской империи за 1732 год. В нем говорится: «И ныне в тех обеих Кабардах князья и уздени и другие военные люди обретаются в Махометанском законе, а подданные их земледельцы и крестьяне, которые живут в деревнях, есть благочестивые церкви и священники»[8].

Спустя еще много десятков лет кабардинцы оставались полу-

христианами-полумусульманами. В качестве иллюстрации характера и уровня религиозности народа во второй половине XIX века можно привести документ, по времени касающийся жителей аула самого Ногмова, переселившегося позже в сел. Кармова.

Неизвестный автор под псевдонимом «А. Б» опубликовал в газете «Терские ведомости» (1881. № 6) заметку, в которой упоминается житель сел. Кармова «Дагаза, вольноотпущенник Ногмова, каковой фамилией и именовался при жизни». Достигнув редкого на Северном Кавказе мужского долголетия, он умер в 1879 году в возрасте 127 лет. Со слов очевидцев, автор писал, что Дагаза Ногмов «помнил, когда на Кубани стояло турецкое войско под начальством Батал-паши, основателя настоящего уездного города Баталпашинска (Черкесск. – *С. Б.*) и самого пашу он знал лично». И далее: «Когда старик этот был молодым, то часть кабардинцев были христианами, так что когда в семействе варилась пища, то котел разделяли пополам доской и в одной половине варилась баранина, в другой свинина, так как молодежь была обращена в магометанство, старики же держались христианской веры. При этом муллы запрещали этим старикам молиться при всех, в особенности при детях».

Можно верить, что Дагаза Ногмов лично знал Батал-пашу и помнил, когда его войско стояло на Кубани. Событие, о котором идет речь, произошло в 1789 году, следовательно, воспоминания о том, когда в разделенном котле кабардинского семейства варилась и пища молодых мусульман, и еда старых христиан, относится к 70–80 годам XVIII века, т. е. в основном совпадает с тем временем, когда завершалась исламизация Кабарды.

Точку зрения Измаила Атажукина на мусульманскую религию разделял и Хан-Гирей. Он порицал князей за то, что «родовой расправочный суд» – «мудрое это нововведение» – было упразднено по причине его несоответствия мусульманской вере [9].

Оценка, данная духовному суду в Кабарде представителями Кавказской администрации и самих кабардинцев (Измаил-бей, Хан-Гирей и др.), свидетельствует о слабой источниковедческой базе ряда исследований по важнейшим вопросам нашей адыгской истории.

Иначе трудно объяснить, например, имеющее непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме, безапелляционное утверждение, что мехкеме «без сомнения явилось первой крупной победой кабардинского народа в его антиколониальной борьбе»[10].

Для такого вывода нет достаточного основания. 25 мая 1800 года кабардинцы требовали, «чтобы не препятствовано им было в учреждении духовного суда, и что, имея его, они не намереваются избегнуть подданства»[11].

Эта мысль ими неоднократно повторялась, но она еще не говорит о том, что кабардинцы горели желанием находиться в «вечном подданстве». Двумя неделями раньше, 12 мая, тот же Кнорринг доносил царю, что он путем принуждения князей к выбору судей в родовые суды намеревается «привесть в бездействие и предна-

мереваемое ими еще с прошедшего лета установление духовных судов, в чем по затеям известного Адиль-Гирея Атажукина не что иное кроется как некоторое безрассудное отклонение себя от зависимости к державе В. И. В.»[12].

Различие в понимании роли и назначения мехкеме соответствовало интересам владельцев и сложной политической обстановке в Кабарде.

Мехкеме пришло на смену родовых судов и расправ. Изменилась ли к лучшему общественная жизнь Кабарды? Согласно Шоре Ногмову, «установление этого положения принесло большую пользу народу; каждый боялся совершить что-либо противозаконное»[13].

«Народное условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев», на основе которого разбирались дела по шариату, вероятно, увидело свет под «редакцией» Адиль-Гирея Атажукина. Оно предусматривало такие наказания: «За воровство не более рубля серебром – лишение левой руки; свыше рубля до 100 рублей ассигнациями – отрубление правой руки и левой ноги; за развратное поведение – смертная казнь. Убийцы предавались также смертной казни»[14].

Действительно, было из-за чего бояться: в Кабарде вводились драконовы законы*.

Хан-Гирей, наверное, учитывал, это обстоятельство, не разделяя оценки, данной Шорой Ногмовым духовному суду. Он предпочитал шариату упраздненные суды и с сожалением констатировал: «Кабардинцы мудрое это нововведение, почитая противным их вере... просили об его уничтожении»[15].

Характеризуя духовный суд, Хан-Гирей сделал вывод: «...Важность перемены состояла почти в одном только названии»[16].

Есть основание сказать, что Хан-Гирей – «европеец по уму и образованию, философ и человек по душе и сердцу»[17] – рассматривал мехкеме шагом назад в судоустройстве Кабарды, с чем трудно не согласиться.

Дата учреждения мехкеме в Кабарде остается не до конца выясненной. Согласно взгляду исследователей, «взамен родовых судов и расправ в 1807 году был учрежден духовный суд (мехкеме)»[18].

Но мы располагаем документом, который устанавливает точную дату учреждения мехкеме. В рапорте Дельпоццо к Гудовичу от 3 августа 1806 года этот вопрос изложен с исчерпывающей полнотой.

Начальник Кабарды докладывал наместнику Кавказа:

«Суд сего года апреля с 1-го числа совершенно открыли на р. Череке в Докшукиных кабаках... Мисостова и Атажукова фамилии хотя также не малое время находились в несогласии и не

---

* *Дракон (Драконт)* – древнейший греческий законодатель. Составил для Афинской республики первые писаные Законы (621 г. до н. э.). Кража полевых плодов наказывалась смертью, как святотатство, кощунство или преднамеренное убийство.

приступали ни к какому установлению благоустройства, но напоследок и оные последовали примеру Бекмурзиной и Кайтукиной фамилий и точно на таких же правилах по их обыкновениям судей выбрали и минувшего июня с 1-го числа совершенно Суд открыли в Кучмезуковых кабаках на р. Баксане, близ Кызбурун-горы... Малой Кабарды Гелазсангова фамилия, хотя и всегда в покорности пребывающая и никакой противности не оказывающая, однако ж открытием Суда также не делала, смотря на поступок Большой Кабарды, но минувшего мая с 1-го числа и оная точно таким же порядком судей выбрана и Суд открыла в Ахловых кабаках...»[19].

Принимая во внимание, что рапорт составлен 3 августа 1806 года, а суды открыты, как явствует из документа, «сего года», то очевидно, мехкеме на всей территории Кабарды официально начало функционировать с 1 июня 1806 года*.

Относительно принятия «Народного условия» в 1807 году. Этот факт вводит в заблуждение исследователей, наводя их на мысль об открытии духовного суда в том же году.

Задержка с принятием закона могла произойти по той причине, что его положения требовали дополнительного обсуждения и согласования во всех княжеских фамильных группировках. Кроме того, напряженная внутренняя обстановка в Кабарде, связанная с попытками Гудовича втянуть ее в войну с чеченцами, а также непрекратившаяся еще чума не благоприятствовали съезду. Это последнее обстоятельство отразилось и в данном заголовке самого документа, принятого 10 июля 1807 года – «...после прекращения в Кабарде заразы».

---

*Б. А. Гарданов, анализируя тот же документ, пришел к ошибочному утверждению, что «учрежденные Гудовичем судебные учреждения в эти годы перестали фактически действовать в Кабарде и были с большим трудом восстановлены лишь в апреле–июне 1806 г.»[20].

РАЗДЕЛ V

«ПОГОВОРИМ О БУРНЫХ ДНЯХ КАВКАЗА...»

«Между ими вовеки миру не бывать»

Политическая история адыгов – это история практически беспрерывных войн и распрей различных княжеских группировок и ориентации. Характеризуя касаков (кашаков), известных в русских источниках под названием касоги*, арабский ученый-энциклопедист Масуди (конец IX в. – 956-й или 957 г.) писал, что «аланы более могущественны, чем кашаки, которые могли бы справиться с аланами, если бы их не защищали крепости, на морском побережье». Причину относительной слабости кашаков Масуди объяснял тем, что «они не допускают назначить над собой царя, который объединил бы их»[1].

Междоусобие адыгов, особенно кабардинских князей, и полтысячелетия спустя, в XVI веке, не только не сделалось историей, не только не ушло в прошлое, как могло случиться при благоприятных условиях, но и превратилось, с установлением Темрюком Идаровым военно-политической связи с Русью, в искусственно извне поддерживаемую политику, которая оказалась губительной для будущего свободолюбивого народа.

Василий Александрович Потто**, ссылаясь на Шору Ногмова, заметил: «...Скончалась Мария Темрюковна, а вместе с нею порвалась до некоторой степени и та живая связь, которая соединяла нас с кабардинскими черкесами. Царь по-прежнему благоволил своему тестю, но многие кабардинские князья отпали от Москвы, и при их содействии крымцы в следующем же 1570 году нанесли жестокое поражение Темрюку»[2]. Отсутствие сильной центральной власти – отличительная особенность Кабарды и в последующем. В борьбе за верховную власть кабардинские князья, будучи сами не в состоянии основательно одолеть друг друга, постоянно прибегали к помощи извне. И эту помощь оказывали им их сосе-

---

*Касоги считаются одним из этнообразующих предков адыгов.

**В. А. Потто (1836–1911). Русский военный историк, ген. лейтенант. С 1889-го – начальник военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа.

ди – Россия и Турция, стратегические интересы которых сталкивались на Кавказе. Кабардинцы, по мнению сподвижника Петра I Александра Бековича-Черкасского, «народ лучший в войне кроме регулярного войска»[3].

Понятно поэтому, что от исхода внутреннего противостояния князей в Кабарде зависело многое и в противоборстве двух колониальных империй. Петр I увидел в Кабарде возможный противовес Кубанской орде, образовавшейся в результате дробления Ногайской орды и зависящей от Турции. Это обстоятельство побудило Петра I направить в 1711 году в Кабарду князя Александра Бековича-Черкасского. Последнему удалось привести часть кабардинских князей к присяге – «по их вере». Однако другая часть владельцев, не без усилий крымских ханов, склонялась к Турции. В силу этого Александр Бекович-Черкасский убеждал Петра I торопиться с принятием решений.

После гибели Бековича-Черкасского посредником Петра I в его связях с Кабардой становится астраханский губернатор, генерал-адъютант А. П. Волынский. Кабардинские владельцы не замедлили обратиться к нему за содействием. Волынский в 1721 году писал: «...потом пошли в Кабарду по призыву Араслан-бека и князь Александровых братьев (Александра Бековича-Черкасского), понеже у них две партии, и тако у противной разбили несколько деревень, также и скот отогнали, чем больше привели их между собою в ссору, и, в том их оставя, а себя не богатя, возвратились на Дон»[4]. В его же донесениях императору рельефно просматривается междоусобное состояние Кабарды того времени. Прорусски настроенные кабардинцы стремились через А. П. Волынского «искоренить или, по последней мере, противных князей выгнать вон, а им в Кабарде остаться одним»[5].

В 1721 году А. П. Волынский докладывал Петру I об обстановке в Кабарде: «...Между ними вовеки миру не бывать, ибо житье их самое зверское, и не токмо посторонние, но и родные друг друга за безделицу режут, и я чаю такого удивительного дела мало бывает или и никогда, понеже по исследованию дела не сыскался виноватый ни один и правого никого нет, а за что дерутся и режутся, истинно ни один не знает, только вошло у них то в обычай, что и переменить невозможно». Свое мрачное пророчество о кабардинцах и описание их трагического противостояния Волынский закончил самой важной для Петра I информацией: «Только одно могу похвалить, – сообщал он, – что все – такие воины, каких в здешних странах не обретается, ибо, где татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двух сот»[6].

В. Н. Кудашев о том же периоде писал: «В 1725 году князь Рослан-Бек Кайтукин поссорился с владельцами родов Атажукина и Мисостова. Желая одержать верх над своими противниками, князь Рослан-Бек призвал крымского хана Бахто-Гирея в Кабарду, присягнул на верность крымскому хану и отдал ему в жены свою дочь»[7]. Среди многих других случаев обострения конфликтов между кабардинскими князьями, в неутешительном перечне ко-

торых здесь нет необходимости, мы особо выделяем этот, потому что с переходом Кайтукина на сторону Крыма «в Большой Кабарде образовалось две партии»[8], противоборство которых на целое столетие определило политическую жизнь Кабарды.

В конце XVIII в. над адыгами, в том числе и кабардинцами, нависла серьезная угроза. На этот раз в немалой степени в лице своих же соотечественников, вернувшихся на родину далеких предков после многовекового пребывания за «границей». Любопытна их предыстория. Н. А. Добролюбов, анализируя этнический состав Кубанского казачества конца XVIII в., указывал, что оно частично состояло из «1000 душ мужского пола, добровольно вышедших из-за Кубани черкес и татар», и 500 запорожцев, вернувшихся от турецкого султана[9]. Последнее обстоятельство позволяет поставить вопрос: почему эти запорожцы после ликвидации Сечи ушли ранее в Турцию? Должно быть, здесь сыграла свою роль общность веры. Тогда можно предположить, что эти запорожцы частично не славянского происхождения. Свет на проблему проливает Семеон Броневский. Ссылаясь на исторические известия, он писал: «В 1282 году Баскак Татарской Курского княжества, призвав черкесов из Бештау или Пятигорья, населил ими слободу под именем Казаков. Сии, совокупясь с русскими беглецами, долгое время чинили всюду разбои, укрываясь от поисков над ними по лесам и оврагам»[10]. Эти черкесы и беглые русские в поисках безопасного места перебрались «ниже по Днепру». Тут построили они себе городок и назвали его Черкаск, по причине, что большая часть из них были породою черкасы, составя разбойническую республику, которая прославилась потом под именем Запорожских казаков»[11].

О дальнейшей истории запорожских казаков тот же Броневский сообщал: «Когда турецкое войско в 1569 году приходило под Астрахань, тогда призван был с Днепра из Черкес князь Михаиле Вишневецкий с 5000 запорожских казаков, которые, совокупясь с донскими, великую победу на сухом пути и на море в лодках над турками одержали. Из сих черкесских казаков большая часть остались на Дону и построили себе городок, назвав его также Черкасским, что и было началом заселения донских казаков, а как вероятно, что многие из них возвратились также на родину свою к Бештау или Пятигорью, то сие обстоятельство могло подать причину назвать вообще кабардинцев украинскими жителями, бежавшими из России, как мы находим упоминание о том в наших архивах»[12].

Наверняка можно утверждать, что Броневский имел в виду архивы Коллегии иностранных дел, извлечение из которых И. Ф. Бларамберг включил в свои «Исторические сведения о кабардинцах». Документ повествует, что «в древние времена кабардинцы занимали часть Украины и Малороссии, а затем обосновались в верховьях реки Кумы в окрестностях Бештау, откуда они получили название «пятигорских черкесов»[13].

Сам Броневский интерпретирует этот документ следующим

образом: «В древние времена кабардинцы жили на Украине в Малой России и перешли оттуда сначала к городу Тереку, а потом поселились по Куме в урочище Пятигорском, почему и назывались Пятигорские черкесы»[14].

Из сведений Броневского можно сделать вывод, что Запорожская Сечь, образовавшаяся в XVI веке в нижнем течении Днепра, т. е. «ниже по Днепру», и до 1654 года представлявшая собой казачью «республику», ведшую упорную борьбу с крымскими татарами и турками и сыгравшая крупную роль в освободительной борьбе украинского народа в XVI–XVII веках, в своей основе состояла из упоминаемых Броневским запорожских казаков[15]. Подобный вывод подтверждается и некоторыми другими источниками, в числе которых сведения И. Ф. Бларамберга (1800–1878) и В. А. Потто.

Таким образом, можно сказать, что Запорожское казачество, образовавшее костяк Кубанского казачества, состояло частью из потомков некогда уведенных «из района Бештау или Пятигорска» черкесов, первоначальное поселение которых было впоследствии разрушено курским князем Олегом[16], не говоря уже о «добровольно вышедших из-за Кубани черкес». Следует особо подчеркнуть, что с переселением этих казаков, а именно с 1792 года, началась активизация колонизаторской политики царизма на Северном Кавказе, и в частности в Кабарде. Резюме: борьба против адыгов осуществлялась при активном участии в ней их же дальних или близких соотечественников.

С течением времени междоусобие кабардинских князей не только не прекратилось, но на рубеже XVIII–XIX веков в его орбиту активно втянулись, не без содействия враждующих группировок, турецкие султаны, русские цари, ведущие страны Европы. Состояние адыгов в XIX веке, по И. Ф. Бларамбергу: «К счастью, они никогда не могут собрать эти силы (более 60 тысяч воинов) воедино по причинам внутренней вражды и полнейшего отсутствия дисциплины и средств для содержания в течение определенного времени такой массы людей. Не будь этих препятствий, они представляли бы большую угрозу для своих соседей, имея в виду и их воинственный характер; они были бы просто непобедимы в своих краях...»[17].

Аналогичных, по сути, взглядов придерживался и Ермолов. «Должно приписать одному несогласию живущих за Кубанью народов,– писал он впоследствии, – что они: (закубанцы. – *С. Б.*) далеко внутрь линии нашей не делают набегов, на что, по многолюдству их, легко бы могли решиться»[18]. Подобная точка зрения нам представляется оригинальной, но не бесспорной. Рассмотрим ее конкретнее.

Допустим, адыгским (кабардинским) воинам удалось бы собраться в большом числе, что «можно было сделать весьма легко человеку, известному успехами в предприятиях и храбростию»[19]. В этом случае адыги могли оказаться совершенно беспомощными! Дело здесь состоит в следующем. «Народ, – заметил Хан-

Гирей, – живущий в вечной войне, казалось бы, должен соделаться большим знатоком в военном искусстве, однако черкесы, на войне взросшие и войною же воспитанные, лишь соделались неподражаемо воинственными, проворными, ловкими, терпеливыми и отважными, но вовсе или мало приобрели познания в военном деле. Все их военное искусство состоит в том, чтобы неожиданно быстро нападать на неприятеля и, подобно парфянам, заманывать его в засады притворным бегством»[20].

Несколько конкретизируя свою мысль, Хан-Гирей далее констатировал: «Если черкесы мало приобрели познания в искусстве больших военных действий, то они затем отменно хитро действуют в малых нападениях»[21].

Русское военное искусство, в развитии которого кабардинцы, и это следует подчеркнуть, бесспорно, сыграли заметную роль со времен Ивана Грозного (а может быть, и раньше!), было в основном рассчитано на ведение войны крупными силами. Располагая к тому же несравнимым по своей разрушительной мощи вооружением, русские имели все шансы на успех в любом большом сражении против кабардинцев.

Таким образом, в невозможности сосредоточения всех своих боевых сил воедино при относительной малочисленности черкесов, как ни парадоксально, заключались их сила и *счастье*! Впрочем, Бларамберг, противореча самому себе, также справедливо утверждал: «Их никогда нельзя победить окончательно и полностью, так как они постоянно появляются и исчезают»[22]. Отсюда очевидна недостаточная обоснованность и первого утверждения Бларамберга. Разобщенность адыгов, которую он считал счастьем для их соседей, в числе которых прежде всего следует разуметь русских, на деле была их несчастьем: противник, которого можно было заставить сложить оружие, соберись он однажды в полном составе, оказывался непобеждаемым, поскольку та самая разобщенность исключала возможность его разового уничтожения.

Кабарда была объята двойной междоусобицей. Как пишет Кудашев, к «борьбе среди владельцев Большой Кабарды присоединилась вражда между собой Большой и Малой Кабарды»[23]. Объективно Малая Кабарда стояла перед необходимостью «искать покровительства России»[24]. Такую же необходимость испытывали и приверженцы России в Большой Кабарде. Это обстоятельство объединяло часть Большой Кабарды с Малой Кабардой. К 20-м годам XIX века Кабарда, как и сотни лет назад, представляла собой народ, навсегда разделенный «ужасным законом крови, законом кровной мести», в результате чего в течение веков жила ненависть родов друг другу.

* * *

С конца XVIII века в Кабарде последовательно осуществлялась политика самодержавия, сводившаяся к тому, чтобы «твердо стараться разъединять кабардинский народ и поддерживать в нем

существование двух равносильных партий»[25]. Ко времени Ермолова эта политика уже более не соответствовала возросшей мощи царизма. Перед новым наместником встала новая задача. Ее можно сформулировать так: используя исчерпавшую себя цель как средство, т. е. всячески поддерживая приверженную России группировку князей, добиться установления ее безраздельного господства в Кабарде, подчинив последнюю таким путем своей власти.

Кудашев недостаточно обоснованно считал, что «политика центрального правительства относительно кабардинцев миролюбивая, доброжелательная, основанная на строгом соблюдении данных кабардинскому народу обещаний». И только «у местных русских властей, которым была поручена защита русских интересов на Кавказе силою оружия», по его убеждению, эта политика «не находила поддержки»[26]. Да, местные власти, выходя из инструкций, нередко допускали излишние жестокости, за что они подвергались мягкому наказанию царя, но этот факт доказывает только то, что их действия вписывались в колониальную политику самодержавия.

Что стоили подобные упреки царей, если, например, наиболее либерально настроенный из них Александр I, по характеристике Пушкина, не более, чем «властитель слабый и *лукавый*» (выделено нами. – *С. Б.*).

«Хищники»: факт или вымысел?

После победы над Наполеоном и заключения союза монархов Европы на Венском конгрессе (1814–1815) царизм получил возможность значительно активизировать, свою колониальную политику на Востоке. Ключом к нему был многоликий, разделенный на сторонников и непримиримых врагов России, Кавказ. Россия, ослабленная после сравнительно недавней гигантской схватки, еще не была в состоянии к ведению крупных военных операций в регионе, где скрещивались коренные интересы ведущих держав мира. Между тем вопрос о необходимости покорения всего Кавказа в России не подлежал обсуждению. В этом вопросе в высших слоях царило единогласие. Речь могла идти только о формах и методах его реализации. Предстояло, не так уже вызывающими сильную тревогу горцев, малыми силами делать то, что под силу крупным военным формированиям. Задача необыкновенно трудная. Кто ее осилит? Император останавливает свой выбор на Ермолове. Он – лучшая гарантия успеха русского оружия в «теплой Сибири».

Указ о назначении Ермолова командующим отдельным Грузинским корпусом издан 29 июня 1816 года. Эту весть он встретил как исполнение своей давней мечты. «Всегда, – вспоминал Ермолов, – желал я чрезвычайно сего назначения и тогда даже как по чину не мог иметь на то право»[1].

С 1818 года полномочия Ермолова распространялись на огромную территорию. Став наместником Астраханской и Кавказ-

ской губерний, он фактически сделался *царем* Юга России, т. е. проявлял непредусмотренную Александром I самостоятельность. Из воспоминаний Д. В. Давыдова: «...Он присвоил себе права, превышавшие власть»; «Сам назначил начальников на Кавказскую линию, в Абхазии и Дагестане. Оставшись вполне довольным образом действий Шамхала Тарковского, он священным именем государя наградил его семью тысячами подданных, таким же образом он наградил Асланхана Кюринского ханством Казикумыхским, заключавшим в себе не менее пятнадцати тысяч жителей, и Бековича (Бекович-Черкасский. – *С. Б.*) и Татар-хана наградил обширными землями в Кабарде»[2]. Ермолов рискнул самовольно отправить Н. Н. Муравьева в Хиву, «требовал от хана, чтобы он ему писал как старшему, прикладывал свою печать сверху». Хивинский хан обращался к Ермолову не иначе, как к «Великодушному и великому повелителю стран между Каспийским и Черным морями»[3].

Ермолов впервые лицом к лицу столкнулся с Кабардой в 1822 году. Оставаясь одним из наиболее воинственных народов Кавказа, она переживала не лучшие свои времена: былое ее могущество было на исходе. Тому имелось несколько причин. Об одной из них – рапорт Дельпоццо Тормасову от 16 апреля 1811 года. Он докладывал: «...кабардинцы от заразительной болезни остались совершенно бессильны, будучи потеряв из своей силы прежнего величия девять доль»[4]. Более поздний документ говорит о том же. Согласно рапорту штабс-капитана князя Шаховского барону Розену от 24 декабря 1834 года, «кабардинцы были одним из сильнейших народов Кавказа... но в начале XIX века появилась чума и, свирепствуя 14 лет кряду, истребила более пяти шестых оного»[5]. Грозный бич рода человеческого в свой последний, XIX век, оказался, по-видимому, наиболее свирепым относительно Кабарды. И все же главная причина драматической ее картины состояла в другом – постепенном, но возраставшем с конца XVIII века, установлении режима царского правления, что неизбежно вело к утрате столь священной для каждого адыга личной свободы. С того времени в кабардино-русских отношениях наблюдается заметное похолодание. С переходом царизма от взаимовыгодных связей к открытой конфронтации с Кабардой естественно, что кабардинцы вовсе не собирались стать безропотными наблюдателями изменявшейся не в их пользу обстановки: начиналась их отчаянная борьба за независимость. Неизбежность обострения кабардино-русских отношений была предопределена благоприятным поворотом событий для русских: заключением в 1783 году Георгиевского трактата с Грузией и вхождением последней в состав России в 1801 году.

Освященные браком Ивана IV и Марии Темрюковны русско-кабардинские военно-политические связи, продолжавшиеся более двух веков, в перспективе были исчерпаны. Историческая ситуация на Кавказе принципиально изменилась. Если до этого у России на всем Юге была лишь одна надежная опора – мусульманская

Кабарда, то отныне ее роль значительно выгоднее могла собой заменять Грузия – единоверно-христианская. Вероисповедание, как известно, в то время оставалось одной из важнейших статей межгосударственных отношений. Складывалась необыкновенная ситуация: Грузия, находясь в Закавказье, была, с точки зрения веры, а значит, во многом и на деле, целиком обращена к Санкт-Петербургу, тогда как Кабарда, будучи на Северном Кавказе, молилась Богу, располагаясь к русской столице спиной, в прямом и переносном смысле, а лицом – к Мекке, точнее к Турции.

В новых условиях, когда Россия все более укреплялась, а прежнее могущество Османской Турции становилось все более проблематичным, уже не было необходимости особо «церемониться» с Кабардой. Колониальные устремления требовали соединения оказавшихся разрозненными частей теперь уже, в сущности, единой империи. Дряхлеющая Турция далее не могла успешно противостоять экспансии царизма. Тем не менее не так-то просто было реализовать представившуюся возможность...

Исследователи истории Кавказской войны, хронологические и географические рамки которой, кстати, далеко однозначно не установлены, обыкновенно обходят молчанием Кабарду. Между тем именно Кабарде придавалось ключевое значение в стратегических планах самодержавия. Об этом можно судить и по одному письму А. С. Пушкина. Вернувшись с Кавказских минеральных вод, где он находился два месяца на лечении, и имея возможность конкретно познакомиться с состоянием дел в Кабарде, Пушкин 24 сентября 1820 года пишет из Кишинева своему брату: «Дикие черкесы напуганы: древняя дерзость их исчезает... Должно надеяться, что эта завоеванная сторона... скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах – и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии»[6]. Молодой Пушкин обнаружил глубокую проницательность, увидев в черкесах (Кабарде) преодоленную преграду «в будущих войнах» России, которая, по его мнению, делала реальной цель, оказавшуюся даже для Наполеона не более, чем химерой.

Ермолов, как и Пушкин, полагал, что Кабарда – это «завоеванная сторона», но в отличие от поэта наместник Кавказа заблуждался, во всяком случае, на первых порах, относительно роли и места Кабарды на Кавказе и в колониальной политике России. Он расценивал набеги кабардинцев на Кавказскую линию не более, как «несносные шалости», к которым можно было относиться терпеливо, поскольку был «занят гораздо опаснейшими злодеями Чеченцами» и Дагестаном – «сею важною воинственною страною». «Когда пьют кровь змеи, – писал он А. А. Закревскому, – тогда жало комаров не так чувствительно. Так разумею я кабардинцев. По сему смотрится с большим равнодушием на их разбои»[7].

Однако очень скоро Ермолову пришлось пересмотреть свой взгляд на Кабарду.

Из отношения Ермолова к генерал-лейтенанту Канкрину от 31 августа 1824 года, написанного в крепости Нальчик: «По возвращению моем в Грузию из С.-Петербурга в декабре 1821 года, я нашел здесь множество дел, требовавших немедленных распоряжений и ожидавших моего разрешения; с наступлением следующей весны потребно было принять деятельнейшие меры к укрощению безпокойств, возникших по сию сторону Кавказа, и обезопасить границы наши от производимых горскими народами хищничеств, почему с мая месяца по сентябрь 1822 года находился я сам с отрядом войск в Большой Кабарде и в верхних частях Кубани...»[8].

Ермолов в своих воспоминаниях более обстоятельно высказался о Кабарде перед его назначением на Кавказ, но так и не сумел возвыситься над собственной тенденциозностью. Упорное сопротивление, оказанное русским кабардинцами на протяжении последних двух-трех десятилетий, Ермолов объяснял не столько их храбростью, хотя он им в этом очевидном качестве не посмел отказать, сколько многолюдством. Касаясь прошлого и настоящего кабардинцев, он писал: «...Кабарда, некогда многолюдная... (кабардинцы. – *С. Б.*) почитаемые храбрейшими между всеми горцами, нередко, по многолюдству своему, отчаянно противостояли русским в кровопролитных сражениях. С давнего времени были кабардинцы подданными нашими... среди них имел пребывание чиновник в качестве пристава, учреждены были суды... Но давно уже нарушение присяги сделалось действием обыкновенным, давно наши наказуют измены и оные возрождаются беспрерывно»[9]. В этих условиях Ермолов, военный и полководческий талант которого высоко ценился в России, предстал перед Кабардой.

По Хан-Гирею, цель Ермолова в Кабарде – «выселение их аулов на равнины и очищение подножья гор от скопища грабителей, производивших набеги на русские границы, чтобы там прекратить беспорядки»[10].

Причину своего прибытия в Кабарду Ермолов 28 июля 1822 года объяснил князю Волконскому*: «Доселе я смирял другие враждующие народы, и теперь только дошла очередь до непокорствующих и мятежных кабардинцев»[11].

Ермолов при этом имел в виду не всех кабардинцев. Он указывал, что предпринимает ввод отряда войск в Кабарду «для охранения от разорения благонамеренных владельцев и вообще простого народа, с добросовестностью прибегающего под защиту войск наших»[12]. Кроме того, «отказав в просимой помощи», Ермолов опасался «уничтожить доверенность, потеря коей могла иметь следствия невыгодные»[13].

Но была, конечно, значительно более веская причина, заставившая Ермолова лично заняться Кабардой. Ею, как пишет Грабовский, явилась «медленность в исполнении предписания главно-

---

*Волконский Петр Михайлович, князь, начальник Главного штаба, конфидент Александра I.

командующего и очевидное желание кабардинцев уклониться от исполнения этого предписания»[14]. Предписывалось же кабардинцам ни много ни мало – выселиться с гор, из своих труднодоступных убежищ. Таким путем власти рассчитывали ликвидировать «разбойничьи шайки беглецов», которые «с большим ожесточением и ненавистью преследовали и истребляли все, что имело вид или носило название русского»[15].

Первого января 1821 года Ермолов приказывает Кацареву, подполковнику артиллерии, «офицеру расторопному и деятельному» (Ермолов), «вступить в Кабарду и стараться наносить возможный вред хищникам». Однако Кацарев, при всем своем немилосердии, не достиг поставленной перед ним цели – «по малочисленности войск». Это обстоятельство побудило Ермолова, имея к тому же и конкретный повод, о чем будет сказано ниже, самому начать военные действия в Кабарде. Об этом он потом вспомнит: «...В Екатеринограде собрал я отряд войск и 22 мая (1822 г. – *С. Б.*) вступил в Кабарду»[16]. В отличие от своих предшественников, ограничивавшихся карательными экспедициями, которые, как бы они ни были разорительны для кабардинцев, не приносили царским властям желаемых результатов, Ермолов приступил, как уже отмечено, к строительству «нового ряда укреплений... в самом сердце Кабарды: на Тереке, Нальчике, Чегеме, Баксане и в верховьях Малки – «у Каменного моста, где лучшие проходят за Кубань дороги»[17].

Задолго до прибытия в Кабарду Ермолова по его же приказу войскам здесь было совершено злодеяние – сожжение Трамова аула. В то время он располагался «верстах в десяти от Константиногорска» и считался одним из «мирных» аулов, вместе с тем наносивших «ощутительный вред» военным поселениям, поскольку «хищники» в нем находили себе приют. Об одном из случаев укрывательства, имевшем место в ночь на 4 мая 1818 года, сотник Астахов донес Ермолову. Последний воспользовался случаем, чтобы уничтожить «Трамов аул – это гнездо разбоев и вечной чумы...», рассчитывая, очевидно, что этот случай послужит другим поучительным примером. Аул окружили ночью, а жителям приказали удалиться. Вскоре он «зажжен был с четырех сторон, имущество разграблено, стада и табуны – на удовлетворение жителей Кавказской линии»[18]. О некоторых подробностях разорения аула свидетельствует сам Ермолов: «...По приказанию моему разрушен до основания, взято до 2 тысяч лошадей и весь скот»[19]. Жителям «оного только было позволено вывести жен своих и детей»[20].

Сожжение Трамова аула не могло остаться незамеченным главным валием Кабарды Кучуком Джанхотовым. И он, очевидно, выразил свое неудовольствие в связи с случившимся. В ответ на его упрек Ермолов пишет Кучуку Джанхотову 11 июня того же года: «...Почитаете вы наказание Трамова аула собственным вас неуважением и думаете, что поступлено с ним несправедливо». Ермолов оправдывал свои действия тем, что дал подобное приказа-

ние, лишь «будучи полтора года снисходительным», как он полагал, «подлым и мошенническим поступкам народа кабардинского, что возчувствуют сколь гнусно изменять добровольно данной в верности присяге и наскучив переносить неуважения властей»[21].

Уничтожение Трамова аула не привело к разрыву отношений наместника с валием. В письме к Кучуку Джанхотову от 5 июля 1818 года Ермолов убеждал его: «...Даю вам слово, что не имею в помышлении ни малейшего вреда народу кабардинскому и он может быть в полном спокойствии. Слову моему верить не опасно». Свою позицию по отношению к кабардинцам Ермолов изложил и в письме к валию от 14 августа того же года: «...Из расположения и поведения их увижу, надобно ли будет быть их врагом или верным приятелем. Я то и другое умею, но не скрою от вас, что последнее мне гораздо приятнее: пусть узнают они меня и тогда найдут средства быть мною довольными, ибо я ничего не требую от них, кроме собственной их пользы».

Те же мотивы звучали также в его письме от 23 августа: «...Одно мое желание, чтобы они были спокойны, чтобы умели из меня сделать себе доброго приятеля и внушили в меня своими поступками то уважение, которое слишком 20 лет тому назад имел я к кабардинцам вообще и, всеконечно, к князьям их»[22]. Итак, основное оправдание своему приказанию о сожжении Трамова аула Ермолов находит в том, что кабардинские князья изменяли «добровольно данной в верности присяге». Что же из себя представляла присяга кабардинцев? Ермолов рассматривал ее как меру подчинения кабардинских князей, а они только как тактическую уловку, как средство ведения войны.

Особенность этого рода присяги кабардинцев отмечал и Дельпоццо, правда, не без свойственной ему тенденциозности 30 апреля 1809 года он докладывал Тормасову: «...Возобновление присяги для кабардинцев ничего не значит, поелику они в течение всего времени нахождения под Российскою Державою в подданстве сколько раз оную утверждали, столько и изменяли»[23].

Н. Ф. Грабовский также анализировал природу кабардинской присяги «на верное подданство». Он указывал: «Повторение верноподданнических присяг и подтверждение различных обязательств производились так часто, что естественно должны были утратить в глазах кабардинцев всякое практическое значение и в конце концов привели к тому, что на присягу и обязательства кабардинцы стали смотреть, как на исполнение ничего не значащей, хотя, быть может, приятной русским, формальности»[24].

Кабардинцы и русские по-разному воспринимали характер русско-кабардинских отношений. Иоганн Густав Гербер в 1728 году писал: «Черкесы обеих частей Кабарды... во всякое время оказывали большую склонность к России, и многие из их князей со своими людьми считали себя ее подданными, однако это было только на словах, и их свобода благодаря этому нисколько не пострадала»[25]. Следовательно, князья себя называли подданными лишь постольку, поскольку их Всевластие у себя дома не нару-

шалось. Более того, покровительство России обеспечивала их господство над другими народами.

Приятная русским формальность принятия кабардинцами очередной присяги на верное подданство была не очень приятна последним, но давала им возможность отстаивать свою независимость, поэтому их особо не обременяла. А Ермолов, воспитанный на других представлениях светскости и офицерской чести, воспринимал частые нарушения присяги как состояние нравственного упадка народа, и в своих действиях против него исходил из такого понимания. Ермолов убежден: «Кабардинский народ дошел до той степени упадка, что нет прежних свойств его и в сражениях уже нет прежней смелости, которою кабардинцы отличались от других народов»[26]. Рассуждая так, Ермолов, видимо, преследовал цель – оправдать суровые методы ведения войны. Однако подобный взгляд относительно упаднического состояния кабардинцев, как народа, не соответствовал действительности.

Фредерик Дюбуа де Монпере, отличавшийся большой эрудицией и научной добросовестностью, посетил Черкесию в 1832 году. Вот что он писал об этом народе: «Черкесов обычно представляют себе как некое сборище разбойников, дикарей, не имеющих ни веры, ни закона: это мнение ошибочно. Нынешнее состояние Черкесии вызывает у нас в памяти представление о цивилизации времен первых королей в Германии и Франции. Это образец феодальной, рыцарской, средневековой аристократии или героической аристократии в античной Греции»[27].

Кабарда наряду с другими адыгами была известна цивилизованному миру своим знаменитым детищем – адыгским этикетом (орк-хабзэ), который, по свидетельству Адыль-Гирея Кешева, «ни в чем не уступал известным десяти тысячам китайских церемоний»[28]. Кешев, к сожалению, не указывает на конкретные слагаемые адыгского этикета. О значительном количестве одних только блюд говорят данные Н. Дубровина. «...В 1827 году натухажский старшина Дешеноко-Темрюк, угощая посетившего его анатолийского сераскира Гассан-Пашу, подал ему за обедом сто двадцать блюд. Чисто лукуллов пир!»[29] – восклицает историк. Вряд ли Ермолов интересовался такой стороной общественной жизни Кабарды, которая как раз подчеркивала высокий уровень нравственного состояния народа. Не будем излишне строгими к суровому генералу. Он, как русский своего времени, просто мог и не подозревать, что существует этикет, обязательный для всякого члена адыгского общества. Пушкин с досадой отмечал, что природные обычаи на Руси были уничтожены Петром I, а установленный Екатериной II новый этикет ослаблен Александром I, и считал, что его «во всяком случае не худо бы возобновить»[30]. Как бы то ни было Ермолов, говоря об упадочническом состоянии кабардинцев, был в некоторой степени прав. Но ответственность за это кабардинские князья возлагали на русскую администрацию! В 1806 году они в следующих словах возражали Дельпоццо, упрекавшему их в «порче нравов»: «Это правда, что русские нас

научили обманывать и испортили только наши нравы»[31]. Эту мысль кабардинцы подчеркивали постоянно. Н. Дубровин отмечал: «По словам туземцев, кабардинцы, имевшие большое влияние на облагоражение нравов, давшие черкесам свой дворянский обычай (вуор*-хабзэ) и свои моды, в последнее время наделили закубанских черкесов (читай: адыгов вообще. – *С. Б.*) всякого рода обманами, изменами, неисполнением обещаний и присяг, и народ, некогда честный (князей, которых величали – намазыры и зеуеныры**, – т. е. благочестия и рыцарские) стал, по выражению абадзехов, таагапсе – богообманывателем»[32].

С мнением кабардинских князей созвучно воспоминание Ермолова, осуждавшего того самого Дельпоццо, который «чрезмерною кротостию своею и снисхождением, оставляя вины без наказания, наконец, попустил их на самые преступления»***[33]. «Он был, – писал далее Ермолов,– причиною уничтожения родовых судов, и с сим вместе начались разврат и беспорядок».

Хан-Гирей также отмечал, что «добрые нравственные качества кабардинцев, достойные для других горцев подражания, постепенно ослабевали и, наконец, можно сказать, потонули в потоке разврата»[35]. Только он, в отличие от кабардинских князей, не увязывал это явление с внешним влиянием. Вероятно, здесь свою роль сыграло предназначение «Записок...». Как известно, они были написаны для императора Николая I.

Ермолов искажал истину и даже несколько противоречил самому себе, утверждая, что в сражениях кабардинцев «уже нет прежней смелости». Не в былой военной славе признавался он Александру I, обосновывая необходимость перенесения военной линии на левый берег Терека. Всеподданнейшее «испрашение» диктовалось, по его словам, пятилетним напрасным поиском средств «воздержать кабардинский народ от разбоев и делаемых на Кавказскую линию нападений...»[36].

Не из-за одной прежней смелости кабардинцев запретил он им аталычество – этот древний обычай народа. Он не мог не заметить, что «кабардинцы в большинстве случаев посылали своих сыновей в отуреченное Закубанье, откуда те, вырастая, вывозили суровую и непримиримую ненависть к христианской России»[38].

Нельзя пройти и мимо вывода, сделанного по тому же вопросу И. Ф. Грабовским. «Даже железная воля и удивительная энергия этого знаменитого на Кавказе деятеля (Ермолова. – *С. Б.*), – писал он, – не в состоянии были окончательно побороть расходившейся не в меру хищнической натуры кабардинцев»[35]. Все же Ермолов давал сравнительно высокую оценку военному искусству кабардинцев. В своих воспоминаниях он подводил итоги: «Впрочем и доселе кабардинцы почитаются из храбрейших горских народов»[39].

**Вуор* – уэркъ (дворянин).

**«*Намазыры и зеуеныры*» – нэмэзрэ зауэнрэ.

***В этой связи выглядит небесспорным утверждение Кудашева о том, что «несомненно, взгляды и политика Дельпоццо в значительной степени имели влияние и на А. П. Ермолова»[34].

Еще об одном, с виду не примечательном, порицании, сделанном однажды Ермоловым. Неблагоприятный исход одной схватки казаков с кабардинцами настолько возмутил Ермолова, что он указал на «трусость как казаков, так и фейерверкера с его товарищами, ибо восемь человек не могли оградить хищников, которых было всего шестеро»[40]. Дело здесь, по-видимому, было не в одной только «трусости». На войне иногда бывает так, что терпят неожиданно жестокое поражение и те воины, которым никак нельзя отказать в храбрости: вероятно, равными малыми силами русские солдаты преимущественно терпели поражение от кабардинцев, привыкших к подобной тактике ведения боя. Иначе сопротивление их было бы сломлено в считанные дни.

Иного мнения придерживался А. А. Бестужев-Марлинский: «Двое казаков не струсят четверых наездников (черкесов. – *С. Б.*), в равном числе всегда победители»[41]. Здесь, кажется, уместно было замечание Наполеона. «Два мамелюка безусловно превосходили трех французов; 100 мамелюков были равны по силе 100 французам; 300 французов обычно одерживали верх над 300 мамелюками, а 1000 французов всегда побивали 1500 мамелюков»[42]. Эта характеристика вполне применима к данному случаю. Кабардинцы, в частности их князья, единокровные тех, знаменитых мамелюков, в силу своей личной отваги, были достойны одерживать верх во всяком сражении, в котором с обеих сторон принимали участие по нескольку десятков воинов. А при возрастании числа противника, хотя бы до нескольких сот, сила единой боевой дисциплины русских неизбежно должна была сказаться. Именно сила общей дисциплины, наряду с другим, обеспечивала русским превосходство и над более значительным числом кабардинцев. К тому же на вооружении первых была «пушка вместо пистолета у кабардинцев»[43].

* * *

Как выше изложено, Ермолов считал, что кабардинский народ переживал состояние упадочности, характеризовавшееся отсутствием «прежних свойств его». При этом он, очевидно, исходил, говоря словами Н. Ф. Грабовского, из «расходившейся не в меру хищнической натуры кабардинцев». Оставим в стороне загадку о том, какой уровень «хищничества» считался Н. Ф. Грабовским «мерой», но, вероятно, Ермолов имел некоторое основание для такого вывода. Говоря так, мы, в частности, исходим из сведений Якоба Рейнеггса (1744–1793). Он скончался накануне обострения кабардино-русских отношений, и потому его информация, несомненно, беспристрастна. Рейнеггс писал: «...Ни Большая, ни Малая Кабарда не обладает более их древним величием; обе близки сейчас к упадку»[44].

Вместе с тем слишком категоричный вывод Ермолова об упадочном состоянии кабардинцев вызван главным образом резким обострением кабардино-русских отношений. Обвинение Ермоло-

вым непокорных кабардинцев в «хищничестве» было равносильно тому, если бы они, в свою очередь, усмотрели хищничество в героизме Ермолова, который в решающий момент Бородинского сражения, удержав батарею Раевского, помог Кутузову удержать рубеж обороны русской армии и выиграть затем всю кампанию.

Хищническими стали называться такие же действия кабардинцев, проявление которых по отношению к врагам России всегда восхвалялось и всячески поощрялось. Переоценка ценностей в изменившихся условиях легко объяснима. Народы сотворены так же, как и составляющие их индивиды: они не могут быть одинаково приятными и в дружбе, и в ненависти.

Хищническим назывался способ ведения войны, который был вызван конкретными условиями, но не соответствовал лучшим боевым традициям кабардинцев. Адыль-Гирей Кешев резюмировал: «...Немногочисленные, разъединенные вечною враждою племена не могли не чувствовать слишком живо громадной разницы в собственных ничтожных средствах к защите с подавляющим превосходством и неистощимыми средствами противника, — самый способ ведения войны, принявший с самого начала партизанский характер, не разбиравший средств к достижению предложенной цели, извратив рыцарские понятия древнего черкесского наездничества, заставил адыгские племена употреблять в видах самосохранения и возмездия много таких уловок, которые не вытекали вовсе из духа народа и считались бы им при других обстоятельствах унизительными для чести наездника. Но все-таки не корысть и не кровожадность, а жажда подвигов и не умиравшая в сердце народа любовь к независимости и свободе одушевляли адыгов в продолжительной борьбе за политическое свое существование»[45].

Любовь к свободе и независимости, как нравственная категория, теснейшим образом связана с чувством Родины, без которой она просто не существует. В этом смысле поражает несуразность «находок» некоторых исследователей. Вот, например, к каким выводам пришел «специалист» по истории Кабарды С. К. Бушуев. Комментируя одно произведение М. Ю. Лермонтова, он заключал: «В стихотворении «Прощание» (1832 г.) он правильно подметил, что у черкесских абреков нет отчизны и друзей, кроме булатной шашки и коня»[46]. Крайне тенденциозная трактовка поэта не позволила С. К. Бушуеву поставить вопрос: «Почему кабардинские (черкесские) абреки дружат с шашкой и конем?» В таком случае он мог бы заметить, что эта «дружба» навязана абреку извне и вызвана тем, что у него есть Родина, независимость и свобода, которая, почти всегда висящая на волоске, для него дороже всего на свете. Причем в доказательство этого Бушуев и другие могли бы обратиться к «Измаил-бею» того же искаженного им М. Ю. Лермонтова:

Аул, где детство он провел,
Мечети, кровы мирных сел —
Все уничтожил русский воин.

Нет, нет, не будет он спокоен,
Пока из белых их костей
Векам грядущим в поученье
Он не воздвигнет мавзолей
И так отмстит за униженье
Любезной родины своей [47].

Очевидно, что Лермонтов признавал за черкесами наличие у них родины, и не просто Родины как таковой, а «любезной родины».

Недоумение вызывает и подход С. К. Бушуева к анализируемому им источнику. В стихотворении М. Ю. Лермонтова речь идет о молодом лезгине, а не о черкесе...

К слову сказать, отождествление представителей одного народа Кавказа с другим и субъективное обобщение их обычаев, уклада общественной жизни имеет свою традицию. В. Г. Белинский в статье, посвященной творчеству М. Ю. Лермонтова, изображает сына мирного князя, татарина Азамата, как «прототипа черкеса, без преувеличения и без искажения. Он головорез, проворный на все»[48]. И далее критик, не без успеха, внушает неискушенному читателю, что черкес будто бы «разбойник по рождению, для которого нет ничего в мире дороже оружия и лошади».

Так преподносилась просвещенной светской публике «вся философия черкеса», а на деле злая карикатура на него. Злая, потому что знакомство с ней сослужило недобрую службу, формируя предубежденное отношение, увы, не одного поколения русских к черкесам. Создавая «философию» черкеса из вторых рук, великий критик не рискнул указать на конкретный источник осуждаемых им в образе Азамата и Казбича действий. А за ним далеко ходить не надо было. Именно Печорин исподволь провоцировал Азамата, неискушенного в тонкостях светских интриг, на кражу собственной сестры в обмен на Карагеза. А Казбич, охваченный жаждой мести, так же, как и Азамат, по простодушию своему, не подозревая о хитросплетениях и не замечая главного виновника, смертельно ранит несчастную Бэлу, и без того выстрела уже обреченную, а также убивает, оставшегося безымянным, ее отца, вся вина которого лишь в том, что Бэла – его дочь, а Азамат – сын.

Здесь одно обстоятельство заслуживает быть отмеченным. Среди части русского офицерства на Кавказе бытовало преступное обыкновение – валить жертвы светских интриг на черкесов. Это упадочное и по своей нравственной природе явление нашло свое отражение в романе «Герой нашего времени». «Убитого – на счет черкесов»[49] – таково было непременное условие дуэли между Печориным и Грушницким. Оно, с одной стороны, защищало победителя поединка от преследования по закону (официально дуэли запрещались), а с другой – подобный слух срабатывал, возбуждая и поддерживая страсти против черкесов.

Может сложиться впечатление, что, обобщая один эпизод, и то художественного происхождения, мы перегибаем палку. Увы,

нет. Историк В. Б. Кобрин замечает: «Новая жена царя... дочь кабардинского князя Темрюка Айдаровича Кученей, получившая при крещении имя Мария, чужачка, – не связана так с придворными группировками, как покойная Анастасия (первая жена Ивана Грозного. – *С. Б.*). Но именно о ней, «черкешенке» Марии Темрюковне, усиленно ходит слух, что она нашептала царю злой совет – учредить опричнину (вот как далеко уходят корни стремления списать отечественные беды на козни иноземцев!»)[50].

При этом было бы необъективно умолчать и о том, что стремление списать свои беды на других не является только специфически русской «болезнью»: она, как и людям, свойственна всем народам.

Вообще обвинения кабардинцев в «хищничестве» не выдерживают серьезной критики. И Наполеон, как известно, сетовал на то, что русские, называвшие их, кстати, устами М. И. Кутузова, также хищниками, пользуются против него якобы недозволенными на войне приемами – партизанской войной (вспомним, что Адыль-Гирей Кешев квалифицировал подобные приемы адыгов партизанской войной).

М. И. Кутузов не раз указывал, что «в борьбе против захватчиков нет средств, достойных осуждения». Главнокомандующий, в ответ на жалобы начальника главного штаба французской армии маршала Бертье о незаконных методах ведения войны, заметил: «...Трудно остановить народ, ожесточенный всем тем, что он видел... народ, готовый жертвовать собою для родины и который не делает различий между тем, что принято и что не принято в войнах обыкновенных»[51]. Как видно, партизанские методы ведения войны – не изобретение кабардинцев, ранее они в них особой нужды не испытывали. Значит, русской военной администрации в Кабарде грех было жаловаться на свое же детище, верой и правдой служившее России в борьбе с Наполеоном, и окрестить его, когда оно обернулось против них, «хищничеством»...

Против термина «хищник» выступал и Кудашев. Он критиковал Н. Ф. Грабовского за то, что тот «склонен вообще все столкновения кабардинцев с русскими объяснять коварствами кабардинцев», и «проговаривается, между прочим, такими серьезными словами, как хищническая партия». Грабовский, к слову сказать, не отличался каким-то особым неприятием кабардинцев. Он просто верно шел по стопам предшественников. Грибоедов, например, свое стихотворение, считавшееся им одним из лучших и начатое в укреплении «Каменный мост на Малке», так и озаглавил: «Хищники на Чегеме». Кстати, понятие «хищник» в русских источниках XVIII–XIX веков, видимо, пришло на смену ставшему малоупотребительным термину «поганый» (нехристианский, языческий). Нечто подобное наблюдалось и в античном мире. В частности, словом «варвар» древние греки и римляне пренебрежительно называли вторгавшихся к ним чужеземцев, в их числе были, по сведениям Н. М. Карамзина, и «северные дикие народы», среди которых предки славян [52].

Возражая доводам Н. Ф. Грабовского, Кудашев писал: «...Если

отнесемся ко всему хладнокровно и беспристрастно, то должны будем признать, каким громадным стеснением в жизни кабардинцев должна была служить одна только крепость Константиногорская, не говоря уже о других». Кудашев отмечал, что «колонизация была не мирная, не культурная, а боевая, военная, что заранее уже определяло настроение поселенцев, вовсе не миролюбивое по отношению к кабардинцам. Последние отвечали тем же»[53].

Понятия «хищник», «хищничество» имеют свою историю. Любопытны сведения Н. Дубровина: «С 1835 года хищники приняли название хаджиретов: воровство в русских пределах считалось делом душеспасительным; смерть в наших границах давала павшему в бою венец шатира или мученика». Отсюда вывод: термин «хищник» в русских источниках и его адыгское истолкование «хаджирет» – одно и то же. Смерть хаджиретов на войне за веру, по их представлениям, давала право называться шагидом – мучеником, что должно было обеспечить им место в раю. Подобное понимание, восприятие войны нашли свое отражение и в старинной кабардинской песне, посвященной, вероятно, Кавказской войне. Ниже приводится текст песни и его подстрочный перевод с небольшими сокращениями.

Дунеижьым щыдгъэщІэжынум дыхулІэ
Шэитыфlу дызэрылІэнур нэхъыфІщ.
Дудеижьым батэр догъэш,
Елъэрышэ лъагъуэм дырокlуэ.
Дэ дыздэкlуэр джаурыдзэ фlыцІэти дахохьэ
Джаурыжьыр мэш бэв пхырти щІыдогъэкl.
Дунеишхуэр мы жэщтеуэти
Къыттеуам джаурыдзэ фІыцІэр
Тенджызышхуэм идохулІэж.
Зы шу закъуэ имыкІыфу хыдогъэкlуадэ,
Лъы бахъае гущэр пшагъуэ борэнти къоув.
Ухыхьэну псэм и жагъуэщ
Дэ ди жагъуэр дызэрызауэрщ.
Дызауэурэ ди гъащІэ псор етхьэкІащ,
ДымыувыІэххэурэ ди гъащІэр къытщІэзэрыхьащ,
Илъэсишэ зи иІалъэ зауэм ди гъащІэр дэдухащ*.

На старом свете доживать (недостойно) жизнь нам не подобает.
Лучше, что мы умрем добрым шаитом**.

---

*Информатор Даил Бейтуганов, житель сел. Каменномостское, 87 лет. Песня записана 20 апреля 1986 г.

***Шаит (Шахид)* – мученик, павший за веру. Приобщается к сонму святых. В народе до сих пор сохранилось выражение «Щэит сын» (Шаита надгробный столбик-памятник). Обычно он изготавливался из дерева. Существовало поверье, что кусочек от такого памятника может быть использован при заболеваниях. Житель сел. Вольный Аул знаток фольклора Аскерби Беров рассказывает, что он не раз видел у дороги около сел. Нартан подобный памятник, без малого растасканный по отдельным кусочкам суеверными людьми.

Зарамук Кардангушев пишет, что надгробный столбик на могиле предводителя крестьянского восстания в Кабарде Дамалея, похороненного в местечке КІунэ и ТІыгъэ (около сел. Сармаково), был разнесен по щепкам до основания

На этом свете мы делаем важное дело,
Едем мы вереничною тропою.
Мы шли против черного войска гяуров и вклинились в его ряды.
Гяуры словно проса сноп, мы их косим (режем).
Старый (большой) свет, как ночное нападение.
Напавших на нас гяуров черное войско
Мы прижали к большому морю.
Ни одному всаднику не дали переправиться, всех утопили.
Пар крови, как густой туман, встает.
Войти в него сердцу неприятно.
Нам неприятно, что мы воюем.
Воюя, мы всю жизнь свою прожили.
Непрестанно воюя, мы всю свою жизнь провели.
С окончанием столетней войны окончилась и наша жизнь.

Бесспорно, что «жажда подвигов, которой», как писал Адиль-Гирей Кешев, хаджирет был преисполнен, в известной мере (о том свидетельствует и песня) возбуждалась религиозными представлениями о бессмертии души. Венец мученика-страдальца за веру и обещанное праведнику блаженное существование в раю могли служить источником вдохновения непокорных кабардинцев, идущих на смертный бой.

В то же время Дубровин крайне односторонен, оракульски сводя источник борьбы непокорных кабардинцев к их религиозному, мусульманскому сознанию.

Убедительным опровержением этого служит песня, известная под названием «Большое ночное нападение». Приведем интересующее нас извлечение из нее:

Дунеижьым щытлъэгъуа хабзэр диIэжкъым,
Хъункъым! – жари ди Къэбэрдейр мэхасэ;
Зэхуосри бжыщхьэ гуэрэнти мэув.
Къэбэрдейр Жанхъуэтыпщым федэIукъым:
– Фи Iэмышlэм къимыхуэххэнум фыщIокъу.
– Дунеижьым щыдгъэщIэжынум дыхулIэ.
Напэ диIэу дызэрылIэнур нэхъыфIщ!

Мы лишились чести, что видели на этом старом свете.
Не потерпим (такое!) – сказав, совещается наша Кабарда;
Собираются, образуя большой лес копий.
Кабарда, вы Джанхота-князя не слушаетесь:
Вы стремитесь достичь невозможного.
Нас мало, чтобы противиться большому (могучему) государству!
Стоит ли нам (еще) жить в этом недостойном мире!
Лучше, что мы с чистой совестью умрем!*

после того, как пустили слух, возможно кто-то из его врагов, что он представляет собой целебное средство от малярии[54].

*Песня о «Большом ночном нападении», возможно, является предшественницей цитированной песни, название которой остается пока неизвестным. Некоторым основанием для этого может служить тот факт, что безымянная песня, в отличие от основного варианта «Большого ночного нападения», проникнута религиозными мотивами.

Как видно, основной вариант «Большого ночного нападения» совершенно свободен от какой бы то ни было религиозности*.

Следовательно, набеги кабардинцев на русские военные укрепления не воспринимались ими тогда, к 70-м годам XVIII века, «делом душеспасительным», и они не могли помышлять о венце шахида.

Духовная жизнь и политический дух бесписьменного народа ни в чем так полно не выражаются, как в его фольклоре, лирическим пластом которого является народная песня. Она убеждает: несмотря на то, что мусульманство благодаря своей воинственности и демократичности оказало заметное влияние «на жизнь и судьбу черкесов», оно не смогло «переделать радикально твердо установившиеся начала народной жизни»[56].

А.- Г. Кешев считал, что характер адыгской песни – лучшее доказательство того, что «главнейшим побуждением адыгского племени к войне остались все-таки врожденная склонность его к подвигам молодечества и **желание сохранить свою независимость**» (выделено нами. – *С. Б.*)

Мусульманство принялось на адыгской почве благодаря «подстрекающей силе» адыгской старинной народной песни. Между адыгской песней и исламом было общее: оба проникнуты воинственным духом. «Более подходящего союза нельзя и придумать»[57], – замечает по этому поводу А.- Г. Кешев.

Но была и разница. Во-первых, ислам требовал «от прозелита отречения от всех иных побуждений к войне, кроме упования быть причтенным по смерти к избранным обитателям дженнета», а песня в качестве высшей награды обещала адыгу «имя героя-наездника». Во-вторых, ислам, как идея, нуждался в верующих, а адыги, как борцы за свою свободу, нуждались в освящении этой борьбы.

В характере старинной адыгской песни прослеживаются союзнические отношения адыгов и ислама, позволявшие им сохранить относительную самостоятельность. Формально приняв ислам, адыг не сделался мусульманином по существу. Не подчинившись духом Корану, он обрел в его лице недостававшую ему идеологическую оболочку.

Важнейшие нормы адыгского этикета были освящены в народе и соблюдались как религиозный обряд. Ж.-Ш. де Бесс в 1838 году свидетельствовал: «Клятвопреступление наказывается самым ужас-

---

Общими же между двумя песнями являются: 1. В обеих песнях есть интересующие нас почти одни и те же строки: «Дунеижьым шыдгъэшIэжынум дыхулIэ. Напэ диIэу (шэитыфIу) дызэрылIэнур изхъыфIщ». 2. В безымянной песне, так же как и в другой, речь идет о ночном нападении.

*В одном из вариантов песни есть строка: «ШэитыфIу дызэры – лIэнур нэхъыфIщ» – «Лучше, если нам безгрешными умереть». Эти слова дали Зауру Налоеву повод заключить: «Очевидно, как автор, так и участники события осмысливали эту кампанию, как войну против иноверцев...»[55] Вывод вполне соответствует как данному, так и записанному нами вариантам, но не должен быть распространен на основной текст песни.

ным образом... Князья являются хранителями подобного общественного договора по праву своего превосходства, праву, которое **религиозно** соблюдается их подданными» (выделено нами. – *С. Б.*). (АБКИЕА. С. 339.)

Другой пример касается гостеприимства – наиболее почитаемого компонента адыгского этикета.

Французский путешественник и дипломат Абри де ла Мотрэ, побывавший в Черкесии в 1711 году, заметил: «Гостеприимство – наиболее соблюдаемая статья их религии, или, вернее, их религий, потому что у них имеется несколько религий. (АБКИЕА. С. 130.)

Какой религии мы обязаны гостеприимством адыгов? Ведь во времена Абри де ла Мотрэ адыги исповедовали «несколько религий»: христианство, мусульманство и язычество. Анализируя общее состояние религиозности, он отмечал: «Те, которые живут ближе к московитам (очевидно, кабардинцы. – *С. Б.*), придерживаются греческой религии, среди татар и персов – магометане, а те, которые живут посередине страны, – язычники, так как первые – только смешивают некоторые черты московитской или магометанской веры со своими языческими обрядами...» (АБКИЕА. С. 130.)

Духовная жизнь народа, в основном характеризуемая многобожием, говорит в пользу того, что гостеприимство восходит к язычеству. Этот вывод находится в соответствии со сведениями Хан-Гирея об истоках гостеприимства и характера его религиозности. «Во времена язычества, – писал он, – черкесы кроме божеств имели и святых нартов... Из них Саусрок был более всех чтим: в известную зимнюю ночь совершали в честь его пиршества, причем относили в гостиный дом лучшую пищу и питье для Саусрока... Разумеется, Саусрока не бывало, но случайно заехавший гость заменял его, и пирующее семейство, приезд гостя почитая за хорошее предзнаменование, с радостью угощало его. Таким образом и само суеверие соделывало черкесов хлебосолами» (*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 98).

В то же время было бы ошибкой сводить гостеприимство адыгов к религиозной основе. Его следует объяснить общественным строем народа, образом жизни адыгов. Броневский указывает: «Общая склонность к рыцарскому странствованию произвела естественным образом всеобщее почтение к гостеприимству». Соглашаясь с этим утверждением, Хан-Гирей пишет, что «безопасность гостя... утверждена родовыми правами, обратившими особу гостя в некую святыню» (*Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 301).

Следовательно, две главные опоры адыгов: клятва, гарантом которой выступали князья, и гостеприимство были возведены в ранг обычно-правовой нормы. Можно сказать также, что своему обычному праву (адату) адыги в основном придавали черты религиозности. Его основополагающие статьи не только не были поколеблены исламом, а, напротив, укрепились благодаря ему.

На такую взаимосвязь язычества и ислама обратил внимание Хан-Гирей. Гостеприимство, по его мнению, – «священная доб-

родетель, с незапамятных времен укоренившаяся в домашнем быту черкес, была и язычеством поддерживаема, и не только не ослабела от введения между черкесами магометанской веры, но и даже упрочилась. Известно, что эта религия поставляет гостеприимство в число высоких добродетелей человека» (Там же. С. 302).

Таким образом, *адыгеисламизм* – это вера, в которой сочетались отдельные весьма важные обряды язычества и мусульманства, причем в нем наблюдались и некоторые, правда, несущественные признаки христианства.

Примечательно, что в клятвах адыгов до сих пор можно заметить отголоски времен язычества и христианства. Слова «тхьэ», «гуащэ» (бог, богиня), под которыми подразумевались представители языческого пантеона: ЗекIуа**тхьэ**, **Тхьэ**гъэлэдж, Пса**тхьэ**, Мэзы**тхьэ**, Псыхъу**эгуащэ** и др., не совсем исчезли из нашего языка. С принятием ислама, требующего от праведника безраздельной веры во всемогущество единого бога – Аллаха, должно было исчезнуть даже само упоминание языческих богов. Однако слово «тхьэ» удержалось в лексиконе адыгов, став синонимом слова Аллах, разумеется, постепенно утратив свой языческий смысл. Вместе с тем в памяти потомков сохранились имена некоторых древних своих покровителей. Автор этих строк не раз слышал от своих односельчан выражение: «Мы емыщыр согъэпц! (согъэпэж)» – «Клянусь этим Емишем»*, указывая при этом на овцу или какой-нибудь другой домашний скот.

В клятвах адыгов проскальзывает и такая формулировка: «Къэхь Теурат, къэхь Инджыл, къэхь КъурIэн» – «Клянусь Торой, Евангелием и Кораном». Эта фраза и ныне, видимо, несет определенную религиозную смысловую нагрузку, являясь отзвуком той далекой эпохи, когда наши предки считались полухристианами-полумусульманами: принимая ислам, они еще в какой-то степени оставались верными своей старой религии, которая также не смогла полностью подчинить сознание адыга своей духовной власти.

Чистая совесть и честь, отождествляемые с любовью к независимой Родине, – вот из чего черпали кабардинцы силу в неравной борьбе!

Победа во всякой войне – мечта всякого воина. В этом смысле адыгский воин не мог быть исключением. Однако не единой победой был жив адыгский воин. Выходя на поле чести, он был одержим неукротимой волей к утраченной свободе.

Гегель указывал, что «самосознание, которое предпочитает жизнь свободе, вступает в отношения рабства»[58]. Величие духа адыгов в том и состоит, что они не предпочитали жизнь своей свободе.

Организаторы «Ночного нападения» 1779 года – князья Хамурза Кайтукин и Мисост Атажукин – холодным рассудком понимали, что им не уготована победа и, что очень вероятно, придется сложить свои головы. Но, будучи «невольниками чести»,

---

**Емиш* – покровитель мелкого рогатого скота.

они и их соратники не могли примириться с потерей былой независимости: если уж не торжествовать победу, то по крайней мере не смириться с неволей, разделив участь тех, чья судьба — это жизнь «без торжества, без примиренья» (Лермонтов).

Хаджирета всюду подстерегала внезапность изменений обстановки, которая могла в мгновение вознести его имя на пьедестал народного героя или навсегда погрузить в пучину вечного забвения. Он жил жизнью, полной драматизма. Иной она у него просто и быть не могла. Критическая ситуация есть необходимая, порождаемая самим хаджиретом, мера его существования: рабский покой перед угнетающей силой для него — уже смерть.

Жизнь и судьба хаджирета как-то непроизвольно напоминают стихи А. С. Пушкина из маленькой трагедии «Пир во время чумы»:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит.
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог![59]

Эти строки написаны вскоре после последнего пребывания поэта на Кавказе (1829 г.), во время которого он, судя по путевым заметкам, основательнее, чем раньше, знакомился с Кабардой. Не образ ли жизни кабардинца-хаджирета (абрека), не этот ли «пир во время чумы» вдохновили Пушкина на стихи, потрясающие воображение непостижимым проникновением в глубинную сущность человеческой психики? Не рискуя впасть в особое заблуждение, мы, с большой долей вероятности, могли бы позволить себе ответить на вопрос одним словом: «Да!»

Можем ли мы сегодня позволить себе нещадно осудить непокорных кабардинцев, обвинив их в политической недальновидности, исходя из одной лишь обреченности их борьбы? Неужели нет им и им подобным нравственного оправдания перед судом истории, что могло бы искупить их вину? Есть! Прислушаемся к Ф. И. Тютчеву:

Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

. . . .

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец[60].

РАЗДЕЛ VI

КУЧУК ДЖАНХОТОВ

Из родословной Джанхотова

В истории кабардино-русских отношений первой половины XIX века неповторимую и весьма значительную роль сыграл подполковник Кучук Джанхотов, занимавший продолжительное время трон главного князя Кабарды. Все более выдвигаясь на передний план политической арены, ему довелось быть очевидцем смены многих императорских главнокомандующих и наместников на Кавказе: Кнорринга, Цицианова, Гудовича, Тормасова, Ртищева, Ермолова, застал он и Паскевича.

Политическая ориентация Кучука Джанхотова, которую можно было охарактеризовать как умеренно прорусскую, в какой-то мере объясняется влиянием на его фамилию рода Бековичей-Черкасских – радикальных сторонников России. На тесную связь между двумя княжескими родами указывает переписка Кабардинского временного суда с командующим войсками 3-й дистанции Центра Кавказской линии генерал-майором Горихвостовым по делу о наследстве Кучука Джанхотова.

Ефим Бекович-Черкасский, младший брат Федора, не позднее 15 апреля 1831 года обратясь к генерал-майору Горихвостову с иском на часть наследства покойного Джанхотова, писал, что «дед его, оставивший имение свое в Кабарде, переселился на жительство в Кизляр, чему прошло более ста лет»[1].

Горихвостов адресовал иск Ефима для разбирательства Кабардинскому временному суду. Последний через своего секретаря Якуба Шарданова представил следующее разъяснение: «Капитан Бекович, узнав, что суд по просьбе его части из имения князя Джанхотова назначить ему не может, словесно просил В[аше] Пр[евосходительство] приказать суду не приступить к разделу сказанного имения ближайшим наследникам до того времени, пока он получит доверенность от брата своего господина ген.-м. князь Бековича-Черкасского, бывшего опекуном сего имения, то суд и в сем случае находит препятствие...» Вместе с тем секретарь суда предложил такой вариант: «Ежели г.-м. князь Бекович-Черкасский на получение из сказанного имения части представит яс-

ные доказательства, в таком случае получившие ныне имение умершего князя Джанхотова должны возвратить ему из оного ту часть, какая будет следовать без отговорочно, в чем имеют быть взяты от всех законных наследников подписи и храниться в суде при деле»[2].

Получили Бековичи-Черкасские требуемую ими долю наследства покойного валия или нет, неизвестно, да это и не столь существенно. Важно другое. Документ устанавливает, что Кучук Джанхотов и Федор Бекович-Черкасский находились в таких близких отношениях, которые позволили последнему предъявить иск на наследство первого. Однако он не указывает на конкретную форму родства между двумя фамилиями. В связи с этим необходим краткий экскурс в родословную Кучука Джанхотова.

Князья Магомед Коргокин и Касай Атажукин в 1753 году писали императрице Елизавете Петровне: «Прапрадед наш Инал, а Иналов сын Беслан, Бесланов сык Кайтоко, Кайтоков сын Бешабчюк, Бешабчюков сын Кази». Далее отмечается интересующая нас ветвь: «Того же Казия сын Джанбулат. Джанбулатов сын Кайтоко. Кайтокин сын Арсланбек, Арслан-беков сын нынешний Хамзе»[3].

Об означенном в родословной Джанбулате (Джанбулатове) Казиеве из опубликованных источников известно, что «от Джанбулатовой фамилии произошли все те черкесские князья, которые ныне находятся в России под названием Алеуковых и Бековичев»[4].

Федор Бекович-Черкасский вел свой род от Эльмурзы, брата сподвижника Петра Великого Давлет-Гирея Бекмурзина (после крещения – Александр Бекович-Черкасский), которому Джамбулат Казиев приходился дедушкой, а потомок родного брата Темрюка Идарова – Андрей Камбулатович Черкасский, взявший его, малолетнего, в свой дом – «шестиюродным дедом»[5].

Кем же доводился Кучук Джанхотов князьям Бековичам-Черкасским? Для ответа на этот вопрос сначала приведем выдержку из грамоты Петра I от 4 марта 1711 года. Обращаясь к кабардинскому князю Татархану с «милостивым словом», император разъяснял, чем оно вызвано: «Доносил нам, великому государю, брат, ваш князь Александр, который в службе нашей обретается, что вы имеете желание под нашу, царского величества высокодержавною руку поддатись и тем себя и подданных ваших испод ига турского и хана Крымского свободити»[6].

Князь Александр, ходатайствовавший за своего старшего брата Татархана перед Петром I, и есть интересующий нас Александр Бекович-Черкасский – один «из образованнейших людей своего времени» и отличных способностей[7], который несколько лет спустя, в 1717 году, погибнет, выполняя ответственное поручение императора. Накануне своей трагической кончины Александру Бековичу пришлось испить горькую чашу – гибель своей жены и детей. Пушкин писал: «Бекович в сие время (Хивинский поход. – *С. Б.*) получил известие, что жена его (урожденная княжна Голицына...) утонула с двумя своими детьми в Волге. Он впал в уныние и обезумел»[8].

Кстати, Пушкин не очень лестно отозвался о нем. «К несчастью, Бекович был легковерен, упрям и несведущ, и предприятие великое с ним вместе погибло»[9], – писал он, более скорбя о неудачей закончившемся походе, чем о погибшем предводителе и других его участниках.

Был ли Пушкин справедлив в характеристике, данной им соратнику Петра I? Последний поход Александра Бековича-Черкасского в совершенно неизвестную русским Хиву, полную опасностей, должен быть расценен как подвиг безгранично преданного императору крещеного кабардинца. Легковерному и несведущему Петр Великий не доверил бы «предприятие великое», а без упрямства, т. е. упорства и настойчивости, не отваживаются на рискованное дело. Как-никак выбор Петра I говорит сам за себя.

И, словно в подтверждение этого, Пушкин, ссылаясь на предание, пишет, что Петр I, не очень скорбевший о неудачах, «на одре смерти жалел о двух вещах, что не отмстил Турции за Прутскую неудачу, а Хиве за убиение Бековича»[10].

Смерть легковерного и несведущего, по прошествии стольких лет, с горечью не вспомнилась бы воинственному императору, тем более на смертном одре: Александр Бекович достоин был внимания и доверия Петра Великого.

В «Истории Петра» Пушкина есть несколько слов о брате Александра Бековича-Черкасского – Эльмурзе: «20 сентября (1722 г. – *С. Б.*) прибыл Петр с армией к Сулаку. Там заложил он новый город... назван крепостью Св. Креста... Петр повелел в крепость Св. Креста* перевести гарнизон и жителей терских и поселенных близ него черкес Нижней Кабарды** (Ахочинская*** слобода, 300 семей, – старшина Эльмирза, брат Бековича)»[16].

---

*Крепость просуществовала до 1735 г. Вместо нее в том же году основана крепость Кизляр, куда переведены гарнизон и жители Св. Креста[1].

**Термин, вероятно, принадлежит Пушкину. Должно быть, подразумевалась Малая (Нижняя, судя по бассейну р. Терек) Кабарда, в отличие от Большой (Верхней) Кабарды, называвшейся иногда также Великой Кабардой. Термин «Верхняя Кабарда» употреблял Грибоедов. 27 ноября 1825 года он пишет Кюхельбекеру: «Здесь многие, или лучше сказать все, о тебе вспоминают: Вельяминов, с которым я до сих пор слонялся по Верхней Кабарде...»[12].

Встречаются и другие названия: Средняя Кабарда (Таусултанова фамилия). Малая третья Кабарда (Ахлова фамилия)[18]. История Ахочинской (Окочанской) слободы – этой исторической территории Кабарды – известна лишь фрагментарно. Слобода, можно сказать, служила центром кабардино-русских связей.

***Известно, что в начале XVII в. вне пределов Кабарды, в районе г. Терки, при содействии Русского государства возникло кабардинское княжество Сунчалеевичей Черкесских[14].

Возникновение княжества связано с именем князя Сунчалея, который, оставив Кабарду, «в 1603... поселился со своими уорками в Терском городке». В 1615 г. был пожалован князем «над окочаны и над черкасы», служившими «в Терском городке... Кабардинское княжество Сунчалеевичей просуществовало одно столетие. Об этом говорит их посредничество между Россией и народами Северного Кавказа, продолжавшееся до конца XVII века»[15].

Ахочинская (Окочанская) Кабарда, старшиной которой был Эльмурза Бекович-Черкасский, была как бы отголоском кабардинского княжества Сунчалеевых.

Эти сведения соответствуют разысканиям историков. Например, профессор Т. Х. Кумыков пишет, что Эльмурза «дослужился до генерала, участвовал в Персидском походе Петра I в 1722 г., постоянно проживал в Кизляре, командуя иррегулярным войском»[17].

Вспомним также цитированное выше прошение Ефима Бековича-Черкасского к Горихвостову, где он говорил, что дед его (Эльмурза) переселился в Кизляр более 100 лет тому назад.

Родословную Кучука Джанхотова невозможно полно себе представить без князя Асланбека (Рослан-бека) Кайтукина, двоюродного брата Александра Бековича-Черкасского и Эльмурзы. С именем Кайтукина принято связывать политическое размежевание Большой Кабарды на Баксанскую и Кашкатаускую группировки. Во время Персидского похода Петра I Кайтукин предпринял попытку воспользоваться пребыванием императора на Сулаке для усиления позиций своей, Кашкатауской, партии. Переговоры между Петром I и Кайтукиным, в которых в качестве советника последнего принимал участие Джабаги Казаноко, велись в «лагере при реке Сулаке»[18] 19–22 сентября 1722 года.

Однако усилия Асланбека Кайтукина, кроме обещаний со стороны Петра и первоначального его намерения оказать содействие, не дали ожидаемых князем результатов. В «Описании кабардинского народа», относящемся к 1748 году (Кайтукин умер в 1746 г.), по этому поводу отмечено: «...Владелец Росланбек Кайтукин в 1722 году в дербентском походе приезжал сам и просил е. и. в. об обороне от баксанцев и хотя то ему было обещано, но за тогдашним состоянием персидских дел действительно оного не учинено»[19].

Петр I не решился на прямую поддержку Аслан-бека Кайтукина, ограничившись грамотой от 2 января 1723 года, адресованной, кстати, двоюродным братьям: Аслан-беку, Татархан-беку, Батуку и Кайсыну. В ней говорилось: «И по нашему указу, по тем ево, Арслан-бековым прошениям, о чем он требовал, по всем показано ему удовольство и обнадежены вы нашею... милостию и протекциею...»[20].

Император России не шел дальше обещаний не только потому, что Баксанская партия была могущественней Кашкатауской, но и в связи с тем, что князья этой партии принимали участие в Персидском (Дербентском) походе.

По уточненным данным историка В. Н. Сокурова, «из кабардинских князей со своими отрядами в нем принимали участие Эльмурза Бекович и Асланбек Кельмаметов из рода Татлостановых»[21]. В то же время в родословной кабардинских князей, составленной С. Броневским, к имени князя Мисостовской фамилии Касая Атажукина сделано примечание: «Служил во время Персидского похода в 1722 году при Петре Великом»*[22].

---

*П. С. Паллас в родословной кабардинских князей о нем же пишет: «Кассай служил при Петре Великом, участвовал в экспедиции против персов»[23].

Между двумя этими фактами нет противоречий. Касай Атажукин мог принимать участие в походе в составе одного из двух отрядов, вероятнее вместе с Асланбеком Кельмаметовым.

Этот и другие факторы, включая известные связи Кайтукина с крымскими ханами, очевидно, повлияли на Петра I во время, а особенно после переговоров с ним на Сулаке.

* * *

Сулакские переговоры кабардинского князя и императора России закончились безрезультатно: Асланбек Великий* не смог убедить Петра Великого оказать себе помощь в «обороне от баксанцев».

Позиция императора определила в целом протурецкую ориентацию Кайтукина на последующие годы, пока он не сделался главным князем Кабарды в 1737 году.

Должно быть, к этому времени относится излюбленное выражение Аслан-бека Кайтукина: «Между этими двумя морями (Каспийским и Черным) и одному князю тесно»[25]. Эта фраза, напоминающая высказывание Тамерлана: «Все пространство населенной части мира не заслуживает того, чтобы иметь больше одного царя»[26], – говорит немало о политике одного из известнейших кабардинских князей. Асланбек Кайтукин, очевидно, не собирался подчинить Кабарду ни Турции, ни России, а надеялся увидеть ее границы между двумя морями.

Александр Бекович-Черкасский (до крещения Давлет-Гирей Бекмурзин) является родным братом «Татархана Бекмурзина сына»[27].

Татархан вместе со своими подвластными принял подданство России под влиянием своего крещеного брата. С тех пор Черкасская ветвь Бекмурзиной фамилии держалась прорусской ориентации, отличаясь от других большим постоянством, но нередки были и случаи переориентации. Об одном таком случае говорится в донесении Астраханского губернатора Л. Соймонова от 31 декабря 1736 года. Тогда генерал Левашев привел Аслан-бека (Рослан-бека) Кайтукина «со всем своим народом к верности и к присяге», в подтверждение чего был взят его сын в аманаты. Однако вскоре после этого «оной Рослан-бек со всеми своими братьями, в том числе Бековичевы три брата, по-прежнему к хану крымскому отъехали...»[28].

Спустя год у братьев Бековичей («Бекмурзиными детьми»): Татархана, Касима и Батуко – возникает обида на Аслан-бека, который, как отмечено в письме кабардинских князей вице-канцлеру А. И. Остерману в 1737 году, «в верное подданство пришел, и все мы с согласия признаваем ево за старшего и главнейшаго бека». Тот же документ указывает, что и «Бекмурзины дети» вернулись из Крыма, «чтоб те Бекмурзины дети жили по-прежнему»[29].

---

*По сведениям Хан-Гирея, Аслан-бек Кайтукин был прозван Великим[24].

Следует при этом заметить, что среди упомянутых братьев Бековичей не было Эльмурзы Бекмурзина, о котором источник в скобках сообщает: «А брат их ко двору, ея императорского величества поехал».

Из сыновей Бекмурзы главными князьями Кабарды избирались двое: Татархан и Батоко (1746–1749).

Татархан, дед Кучука Джанхотова, стал главным князем Кабарды в 1732 году. Согласно выписке из ведомости, составленной генерал-майором Ерошкиным в конце апреля 1732 года, «Татархан-бек Бекмурзин сын определен по выбору всех владельцев на место умершего в нынешнем же 1732 году старшего владельца Исламбека Месоустова»[30]. А у Татархана было трое сыновей: Коргоко-бек, Джанхот-бек (отец Кучука) и Мисост-бек. В 1769 году по старанию «доброжелательного владельца» Джанхота Татарханова Касай Атажукин, Джанхот Сидаков, Куденетовы, Тамбиевы и «народ все преклонились и присягали во всю жизнь быть в протекции Е. И. В. и верности»[31]. Присяга оказалась кратковременной.

С именем капитана Коргоко Татарханова, старшего брата Джанхота, косвенно связано новое разделение кабардинских князей по политическим мотивам. Оно вызвано грамотой Екатерины II, данной кабардинцам в 1771 году. В начале 1772 года Коргоко Татарханов направляется в столицу России «посланником» от имени родственников Джамбулатовой фамилии, видимо, по своей «присяжной должности»[32].

Вернувшись на родину, он в донесении к командующему корпусом на Северном Кавказе И. Ф. де Медему писал: «...Присланная к кабардинскому народу от ея величества грамота со мною на собрании прочтена, которую та Джембулатова фамилия... довольны, и остаются в верноподданстве Е. И. В. по-прежнему». Коргоко далее обращал внимание де Медема на то, что Касай Атажукин и Мисост Боматов* «по прочтении той высочайшей грамоты, оказав себя недовольными, ис под власти ея отложиться намерены»[35].

Реакция кабардинских князей на грамоту Екатерины II, определявшей основные принципы кабардино-русских отношений на многие десятилетия, была диаметрально противоположной. Джанхот Татарханов вместе со своими братьями Коргоко и Мисостом остались, несмотря на известное ущемление их прав, верноподданными России. В справедливости сказанного можно убедиться

---

*Грабовский характеризовал Мисоста Боматова как «отчаянного и злейшего противника присоединения Кабарды к России»[33].

Мисост Боматов – отец полковника Рослан-бека Мисостова, персонажа поэмы М. Ю. Лермонтова «Измаил-бей». Он умело руководил военными действиями «остервенявшихся» (другого слова царские офицеры не находили для обозначения мужества своих противников) «громадных скопищ кабардинцев» и «громадных толп кубанцев» (Грабовский), когда они в 1804 г., вошедшем в историю «едва ли не самым тяжелым годом в борьбе России с Кавказом», нанесли ряд чувствительных поражений генералам Глазенапу и Лихачеву[34].

по рапорту генерала де Медема от 11 июня 1774 года: «...кабардинские владельцы Джанхот Татарханов и Девлет-Гирей Касаев, оказывая себя усердными и верными к России, просили неотступно майора Криднера выступить против неприятеля, для защищения верных нам кабардинцев от крымского войска, уверяя, что большая часть кабардинцев пристанут к нашей стороне, коль скоро увидят Российскую силу»[36].

Захват Крыма Россией в 1783 году заметно ослабил кабардинско-крымские связи, а следовательно, укрепил положение кабардинских князей прорусской ориентации. Как выясняется из письма этих князей к командующему Кавказским корпусом П. С. Потемкину в 1783 году, они и подвластные им уздени «весьма обрадовались» принятию в подданство крымских жителей Таманской крепости. По этому случаю князья изъявили желание участвовать в готовящемся русскими Закубанском походе и просили П. С. Потемкина отпустить находившегося при нем Джанхота Татарханова для того, чтобы, посоветовавшись с ним, подготовиться к походу в назначенное время [37].

Беглое знакомство с политической родословной Бекмурзиной фамилии кабардинских князей позволяет сделать важный вывод: ее представители во многом сделали возможным усиление позиций России в Кабарде. Создавалась более благоприятная для князей прорусской ориентации обстановка.

В этих условиях начиналась деятельность Кучука Джанхотова.

Первые годы валия

Мы располагаем лишь одним документом, который указывает на дату рождения Кучука Джанхотова. Это «Список Большой Кабарды князьям и узденьям», составленный 5 августа 1829 года. В нем зафиксирован возраст последнего кабардинского князя-валия. Ему в то время исполнялся 71 год*[38]. Следовательно, Кучук Джанхотов, согласно этому списку, родился в 1758 году.

В документах кабардино-русских отношений имя Кучука Джанхотова впервые встречается в рапорте бригадира Ивана Большого Горича (из кабардинского рода Бегидовых) от 3 января 1788 года командующему Кавказским корпусом П. А. Текели. Совместно с кабардинцами Горич 24 декабря 1787 года предпринял поход против закубанцев, производивших набеги на Кабарду. В походе наряду с другими кабардинскими князьями «без чинов» принимал участие и «Кучук Татархан Жанхотов».

Это значит, что Кучук Джанхотов в начале своего долгого и трудного жизненного пути предстает перед нами как рядовой участник русско-турецкой войны 1787–1791 годов.

В начале XIX века, самого драматического для кабардинцев,

---

*Документ предоставлен автору кандидатом исторических наук Валерием Сокуровым.

Кучук Джанхотов был в числе трех наиболее известных владельцев Кабарды. Из всеподданнейшего рапорта начальника Кавказской линии генерала Кнорринга от 15 февраля 1802 года: «Поколику же и кабардинцы на закубанцах, как равно и закубанцы на кабардинцах имеют свои претензии и желают при случае сем между собою расчесться, то со стороны кабардинцев, по соглашению моему с ними, назначаются вышеозначенные три кабардинские владельца: Атажуко Хамурзин, Рoсламбек Мисостов и Кучук Джанхотов»[39].

Рапорт особо примечателен тем, что с первых своих шагов в политике Кучук Джанхотов предстает перед нами в той главной миротворческо-посреднической роли, которой он остался верен до конца своих дней.

В декабре 1802 года новый наместник Кавказа князь Цицианов в предписании к Атажуко Хамурзину, Росламбеку Мисостову и Кучуку Джанхотову обращал их внимание на то, что «кабардинские ветреники* ...сожгли один дом из числа казенных домов, построенных для Родового суда и родовой Расправы родов Мисостова и Атажукова, а у прочих всех выломали двери и окны»[40]. Эту «дерзость в Кабарде» Цицианов связывал с отсутствием в Кабарде упомянутых «первенствующих владельцев» и там же требовал и немедленного возвращения из Закубанья.

Как видно, Кучук Джанхотов в 1802 году входил в число первостепенных князей Кабарды.

Князем-валием Кучук стал не позднее 1806 года. В своем письме к генерал-майору Дельпоццо от 18 ноября 1806 года он напоминал: «Бывший же, по Кабарде старший владелец Атажук Хамурзин, о чем и В[ашему] пр[евосходительству] небезызвестно, волею Божиею помре, а я по нем оставшись ныне по старшинству, ведомству моему порученные народы во всем к послушании состоят»[41].

Кучук Джанхотов не был послушным исполнителем чьей бы то ни было воли. В начале своего княжения ему пришлось столкнуться с тем, что в 1806 году царские власти готовились «напасть на чеченцев и разорить их в корень»[42]. В тот период отношения между Кабардой и Чечней были также крайне напряженными. Увод скота, захват подвластных людей, прием «наделавших в Кабарде разные шалости в абреке узденей» были тому причиной.

Главный пристав Кабарды Дельпоццо решил воспользоваться благоприятной для себя обстановкой и стал склонять Кучука Джанхотова и «прочих старшин Джембулатовской фамилии... к приготовляемому Российскими войсками чеченцев наказанию». Для обсуждения предложения главного пристава Кучук Джанхотов собрал князей, узденей и представителей духовенства. На собрании некоторые князья, «а особливо духовенство, согласия своего не объявили, а предоставили владельцу Кучуку Джанхотову сде-

*Слово ветреник, можно сказать, предшественник термина хищник, которым царские власти обозначали противостоящих им адыгов.

лать с чеченцами политический оборот». Принимая такое решение, собрание исходило из того, что «чеченцы с кабардинцами имеют один закон*, против которого весьма запрещается им иметь на единомышленников своих неприятельское действие». Поэтому было решено «послать к ним прежде посланника, который бы требовал от них за все... немедленного удовлетворения».

Князь Батоко Джамбулатов возглавил посольство кабардинцев в Чечню. Когда он огласил предъявляемое к ним требование, чеченцы, как «народ... не имеющий у себя никакого единоначалия, а всякий сам по себе, то оные посланному владельцу Батоке Джембулатову, не сделав никакого удовлетворения, во всем отказали». Надежды кабардинцев на мирное разрешение конфликта не оправдались; «Политический оборот», казалось, был исчерпан. Чеченцы сделались «неповинующимися одинаковому их законопостановлению, и кабардинцы начали «готовиться» единогласно к отмщению вооруженною рукою». Обо всем этом Кучук Джанхотов своим посланием поставил в известность Дельпоццо, а тот 17 декабря 1806 года представил его командующему Кавказской линией Ивану Васильевичу Гудовичу (1741–1820), чтобы он мог удостовериться «разсмотрением оригиналом».

В заключение своего рапорта Дельпоццо сообщил Гудовичу: «С владельцами – же Мисостовой и Атажуковой фамилии полк. Измаилом Атажуковым и майором Девлет-Мурзою Касаевым о сем же имел я недавно личные переговоры, которые объявили мне, что они и вся их фамилия во всем оном берут свое участие с отменным желанием, как скоро только на то будет Джембулатова фамилия согласна...»[43].

К тому времени, 2 января 1807 года, Гудович получает повеление Александра I, которое обязывало его прозондировать степень готовности кабардинцев к несению боевой службы, и если таковая окажется удовлетворительной, то их «употребить на время нынешних неприятельских действий», когда «враг тишины и спокойствия (Наполеон Бонапарт. – *С. Б.*) вызывает на брань»[44].

Гудович 4 января 1807 года всеподданнейше донес, что он, «мало полагаясь на искреннее желание кабардинцев итти на прямую войну далеко от своих жилищ», все же предписал Дельпоццо «удостовериться в истинном их на сие расположении...»[45].

В упомянутом предписании Гудович, ссылаясь на повеление Александра I и во исполнение его воли, особо указывал Дельпоццо: «Уверьте притом их, что, когда только пожелают они служить и представят отборных и хорошо вооруженных воинов своих на время нынешних неприятельских действий, то будут от щедрот Е. И. В. пожалованы чинами и снабжены жалованьем: каждый из князей, поставивших 1000 чел. подполковничьим чином с жалованьем 2000 р., за 300 чел. майорский – с жалованием 1000 р.».

Результаты зондажа Дельпоццо в Кабарде были неутешительными для командующего Кавказской линией, но соответствовали его

*Речь идет о мусульманской религии.

предварительным соображениям, высказанным им в донесении к царю. Рапорт Дельпоццо окончательно убедил Гудовича в его пессимистическом прогнозе: «...кабардинцы не желают или лучше не имеют в теперешнем своем положении никакой возможности употребить себя на службу Е. И. В. противу французов». В то же время безрадостную свою констатацию Гудович обернул весьма важным поручением для пристава. «Остается мне сказать только, – предписывал он ему, – что они (кабардинцы. – *С. Б.*), имея всю удобность показать усердие свое в экспедиции на чеченцев, не откажутся собраться в довольном числе хороших воинов и, присоединяясь к нашим отрядам, вместе действовать к наказанию чеченцев, что поручаю в особенное старание В[ашему] пр[евосходительству]»[46].

Поручение Гудовича относилось к разряду исключительно трудных, особенно учитывая, что обращение самого царя к кабардинцам не подействовало на них должным образом. Поэтому Дельпоццо, прибыв в Большую Кабарду, усердно взялся за его выполнение. На собрании владельцев всех фамилий ему удалось, как о том рапортовал Гудовичу, добиться «противу чеченцев действовать всею Кабардою военною рукою, как по долгу обязанности к России, так и по уважению к начальству, сего требующему»[47].

Итоги своих усилий Дельпоццо изложил Гудовичу 11 марта 1807 года: «...Наконец, – писал он, – кабардинцы обеих фамилий в числе 25-ти владельцев с прочими первой степени узденьями и другими разного званья людьми более 3000 человек (видимо, по 1000 человек от каждой из трех фамилий Большой Кабарды. – *С. Б.*) 19 числа того же февраля через р. Терек переправились и прибыли со мною на р. Сунжу не в дальнем расстоянии выше Козачьего броду или против Карабулакских деревень. 21 числа Малой Кабарды также обеих фамилий в числе 4-х владельцев человек до 500 прибыли туда же 25 числа». Итак, Кабардинское войско составило «слишком 3500 человек».

К прибытию кабардинцев на Сунжу карабулаки, за исключением одной деревни (Гуды), были уже покорены генерал-лейтенантом Мусиным-Пушкиным. Тогда Дельпоццо стал настаивать на выступлении кабардинцев против чеченцев, но они неожиданно отказались выполнить требования пристава, ссылаясь на уже известную «противность закона своего». Причина внезапной перемены позиции кабардинцев в решающий момент объяснялась тем, что они в первый же день пребывания на Сунже «уже имели с чеченцами, приехавшими нарочно к ним для переговоров, условие, которые обещались им во всех их претензиях сделать удовлетворения». Эту информацию Дельпоццо получил от владельцев и узденей, «менее к закону приверженных». Сам же пристав заметил, что «к ним и аманаты из некоторых чеченских деревень доставлены, которых они с собою в Кабарду повезли»[48].

Срыв царских планов вторжения в Чечню совместно с кабардинцами по вине Джанхотова вызвал у Гудовича сильное раздражение. В предписании к Булгакову от 20 марта 1807 года он от-

метил: «Сожалею крайне, что кабардинцы, которые по рапорту ген.-м. Дельпоццо были совсем готовы вместе с нашими войсками против чеченцев, не были в сем деле употреблены». Гудовичу было от чего крайне сожалеть. «Вся цель моя была та, – признавался он далее, – чтобы *сии два народа поссорить между собою и привести во вражду друг против друга** (выделено нами. – *С. Б.*), чем самым со временем их ослабить». Гудович так и не смог разобраться в подлинных причинах того, почему кабардинцы сорвали экспедицию в Чечню. «Но если так случилось; что они не были в сем деле, – писал он Булгакову, – то я полагаю сему ту причину, что они, не находя для себя никакой пользы и, зная, что поживиться им будет нечем, когда чеченцы свой скот, имущество и семейство успели укрыть в горы, не захотели за ничто с ними драться, и таким образом сие полезное ожидание осталось без успеха»[50].

Отказ кабардинцев от совместного с русскими войсками похода в Чечню подорвал авторитет Дельпоццо. Желая отличиться особенным старанием перед начальством, пристав отличился в другом – своими победными реляциями на стадии подготовки военной экспедиции, которой он чересчур был доволен. «Успех моему желанию соответствовал», – сообщил он Гудовичу 15 февраля 1807 года. Многообещающая военная операция, от успешного исхода которой во многом зависела и личная карьера Дельпоццо, провалилась перед самым ее началом по вине кабардинцев. Этого Дельпоццо никогда не смог бы им простить, и, как увидим ниже, он в дальнейшем исподволь обострял и без того натянутые кабардино-русские отношения, последствием чего стала кровавая булгаковская экспедиция 1810 года. Вместе с тем этот отказ примечателен как свидетельство того, что Кабарда и после первых крупных военных поражений от царских войск в 1803–1805 годах оставалась все еще настолько сильной, чтобы чувствовать себя независимой в принятии самостоятельных решений по такому важнейшему показателю суверенности народа, как вопросы объявления войны и заключения мира.

Кучук Джанхотов решился было на совместную с русскими военную экспедицию против чеченцев после того, как они отвергли его справедливые требования, предъявляемые через посла Батоко Джембулатова. Однако он сумел резко изменить курс, когда чеченцы, осознав нависшую над ними грозную опасность, в последний момент согласились принять недавно ими же пренебрежительно отвергнутые требования. Как видно, политическая деятельность Кучука Джанхотова была подчинена прежде всего обеспечению безопасности Кабарды, защите ее чести. Важно по этому поводу заметить следующее. Когда Дельпоццо и Кучук

*Любопытно сравнить принцип Гудовича с позицией известного нам капитана Гастотти, которого мог и не знать Гудович, но который рекомендовал правительству: «Надлежит всегда возбуждать распри и несогласия между кабардинцами, и всячески не допускать, чтоб обе партии примирились прежде, нежели то потребно будет»[49].

Джанхотов, переправившись через Терек, очутились на земле карабулаков, то оказалось, что они были уже покорены отрядом генерал-лейтенанта Мусина-Пушкина.

Связавшись с ним нарочным, Дельпоццо выяснил, что непокоренным остается сел. Гуды. Генерал-лейтенант дал команду разорить селение, если оно не покорится и не даст аманатов. По предложению кабардинцев, к жителям сел. Гуды отправились посланцы, но к согласованному сторонами времени те не явились. На второй день Дельпоццо начал требовать силой покорить село. Князья же настойчиво отговаривали своего пристава не торопиться взяться за оружие, уверяя, что задержка объясняется слишком большой разбросанностью жителей сел. Гуды и что они обязательно придут. Наконец на третий день, 24 февраля, жители непокорного села явились, приняли присягу на подданство и дали аманата из владельческой семьи. Благодаря твердой позиции кабардинских князей карабулакское село было спасено от неминуемого разорения.

Русско-кабардинско-чеченские отношения 1806–1807 годов привлекли внимание историков. Процитируем выдержку из одного исследования: «По приглашению царских властей кабардинцы приняли участие (чисто символическое) и в походе в Чечено-Ингушетию в 1807 году. На этот раз участие в походе было небескорыстным. Дело в том, что кабардинская феодальная верхушка считала карабулаков (часть ингушского народа) в своей зависимости и получала с них небольшую дань. С принятием ингушским народом подданства России карабулаки, естественно, отказались от этой хотя бы и чисто номинальной зависимости. Поэтому участие кабардинцев в походе необходимо расценивать, как легальную попытку их восстановить статус-кво, что и было достигнуто при походе кабардинского отряда к границам Ингушетии по добровольному соглашению. В Чечню же, несмотря на сильное давление царских властей, кабардинцы не пошли. Более того, встретившись нелегально с представителями чеченского народа, они подтвердили ранее заключенный договор о союзе и взаимной помощи, который братский чеченский народ свято выполнял»[51].

По этому же поводу в другой книге отмечено: «Иногда царское правительство созывало собрания (хаса. – *С. Б.*) для того, чтобы склонить кабардинцев к совместным военным действиям против других народов и государств. Кабардинские князья и дворяне, проявляющие строптивость во всем, что касалось их независимости и привилегий, оказывались самым неожиданным образом солидарными с Россией, когда им предоставлялась возможность на других испытать силу своего оружия. Это сулило награды от правительства, богатую добычу в случае успеха, а также давало возможность отличиться молодым наездникам. Последнее обстоятельство порой являлось, чуть ли не главным побудительным мотивом участия в подобных мероприятиях, учитывая роль «славы» в иерархии ценностей кабардинского феодального общества»[52].

Приведенные выше документы и суждения наводят на следующие обобщения:

1. Царские власти не приглашали кабардинцев к участию в походе, а требовали его от них «как по долгу обязанности к России, так и по уважению к начальству сего требующему». Поэтому никакого чисто символического участия со стороны кабардинцев не могло быть в предполагавшемся, но не состоявшемся совместном военном выступлении России и Кабарды против Чечни.

2. О восстановлении своего статус-кво над карабулаками кабардинские князья в тот период не могли всерьез помышлять, видя, что генерал-лейтенант Мусин-Пушкин успел уже их покорить. Кабардинцы от Дельпоццо добивались лишь одного: мирного разрешения конфликта между оставшимися непокоренными жителями сел. Гуды, стремясь, очевидно, таким путем, сохранить над ними некоторую власть.

3. Действительно, царские власти оказали нажим на кабардинцев с тем, чтобы они выступили против Чечни, но отказались от этого вовсе не потому, что на тайной встрече с чеченцами обе стороны якобы подтвердили ранее достигнутое соглашение, а потому, что чеченцы пошли на уступки, отказ от которых был причиной их согласия на участие в совместной экспедиции.

4. Говоря о кабардино-чеченских связях, следует заметить, что одной из причин вторжения Булгакова в Кабарду в 1810 году явился отказ кабардинцев от предъявленного к ним требования обязаться удерживать чеченцев от набегов и «доставляли бы от них к нему российских беглых и пленных»[53].

В качестве предлога для отказа кабардинцы сослались на то, что «чеченский народ после изнурения нашего есть гораздо нас сильнейший... а потому мы принудить их к исполнению его требований бессильны...». Зная подлинные мотивы подобных действий, к которым были причастны и непокорные кабардинцы, чеченцы отвечали им взаимностью, что подтверждается одним письмом Ермолова к Кучуку Джанхотову от 11 июня 1818 года: «Со всем уважением к особе вашей и желая вам добра, уверяю вас, что кабардинцы скоро заплатят нам долги и разбойников я достану: разве по обыкновению прибегнут они под покровительство милостивых для них чеченцев»[54].

Суммируя изложенное, можно сделать один несомненный вывод: Дельпоццо ошибался в основном своем суждении, уверяя Гудовича, а следовательно, вводя его в заблуждение, что Кучук Джанхотов будет действовать «как по долгу обязанности к России, так и по уважению к начальству, сего требующему».

Джанхотов, Кильчукин и царевич Александр

Должность кабардинского князя-валия требовала от всякого, кто ее занимал, поддерживать дипломатические отношения с представителями русской военной администрации. Не мог быть ис-

ключением и Кучук Джанхотов, по его же выражению, «как его императорского величества подполковник». В то же время он резко не противопоставлял себя непокорным, «немирным» кабардинцам. Проницательный взгляд Кучука Джанхотова вычерчивал рискованную, опасную своей необычностью линию, пролегавшую «бездны мрачной на краю» (Пушкин), но линию, которая одна могла служить опорой к самосохранению Кабарды, как сравнительно многочисленного народа с уникальной военной и, особенно, обычно-правовой организацией гражданской жизни (адыгский этикет).

При неизбежных колебаниях в такой насыщенный драматизмом напряженный период Кучук Джанхотов был вынужден лавировать между двумя непримиримо враждебными сторонами, благоразумно более склоняясь к России. Но и с другой стороной, которую было бы справедливо назвать *Непокорной Кабардой*, он был связан общностью крови и веры и не мог душой не переживать за ее судьбу, ибо ее судьба так или иначе оказывалась судьбой и *Джанхотовой Кабарды*.

О взглядах и практических действиях Кучука Джанхотова тех лет можно судить и по свидетельству Клапрота. В 1807–1808 годах, совершая путешествие по земле адыгов, он посетил племя махошевцев. Клапрот писал, что наиболее известный князь племени Хопач из фамилии Бахарсука, популярный «благодаря своим грабежам на русской границе», находился в тесной дружбе с кабардинским князем «и начальником Кучуком, но с Рослан-беком из дома Мисост он разошелся». Следовательно, все три князя несколько ранее находились в дружбе!

Двойственность характера не есть мягкотелость и бесхребетность, а, напротив, является выражением масштабности взгляда, свойственного деятелю, достойному называться крупной личностью. Генерал-майор Иван Петрович Дельпоццо (1739–1821) был убежден, что Кучук Джанхотов имел «отменную твердость характера». «В нем я никогда не заметил, – писал он Гудовичу 15 февраля 1807 года, – чтобы он чем-нибудь подал случай о нем сомневаться: у него всегда в возможном и невозможном решительный и твердый ответ»[55]. Недреманное око пристава в течение нескольких лет не смогло обнаружить в деятельности Кучука Джанхотова ничего, на его взгляд, предосудительного, и он был уверен, по крайней мере до 1807 года, что тот лишь испытывал к «Российскому правительству отличную и совершенную преданность».

Такое заключение о Кучуке Джанхотове подтверждалось отношением валия к России и характером его политической деятельности в Кабарде в тот период, о чем можно судить по докладу Дельпоццо к Гудовичу от 21 марта 1807 года: «...переводчик хорунжий Дыдымов, возвратясь от Кучука, объявил его объяснение в следующих словах: турок в Кабарде был и приезжал в Мисостову фамилию, к эфендию Исаку и владельцу Адиль-Гирею Атажукову точно о том самом, чтобы возмутить Кабарду против

России, но есть ли от паши к ним бумага, он по причине несогласия их фамилий с Мисостовою и Атажуковою, которые им ни в чем не открываются, наверное не знает; только заверяет, что ежели бы оное было или что дурное, мог бы знать через своих преданных тайных приятелей самых ближних, около эфендия Исака и владельца Адиль-Гирея Атажукова всегда находящихся, о которых дружбе со мною они совсем не имеют сведения и открывают им самые секретные дела... А в разсуждение того, чтобы Кабарда не возмущалась и не предалась туркам действовать вместе против России военною рукою, обнадеживает с совершенною преданностью, что сего никак воспоследовать не может, ибо, говорит он, – «мы испытали уже несколько раз обольщаться турецким золотом и довели себя тем до совершенного раззорения, так что ежели бы не столько была милосердна Россия, то бы мы уже давно в корень были истреблены и при теперешних наших бедных обстоятельствах, когда Бог нас наказал и моровая язва истребила почти половину народа, до того дошли, что ежели бы Россия не помогла нам хлебом, то бы мы и последние померли голодною смертию. Правда, что молодые люди сему случаю много радуются, однако ж они глупы, ничего не знают, и я в своих фамилиях воли им не дам и моя сила заставить исполнить мою волю»[56].

Твердость характера, трезвая оценка событий, решительность в действиях – вот некоторые слагаемые того, что политику валия волей или неволей более или менее ровно поддерживали известные владельцы его Джембулатовой фамилии: Мамед Докшукин, Кайтуко Докшукин, Джембулат Хамурзин, Рosламбек Бесленев, Батоко Джембулатов и Мамед Казиев.

И только «один бородач» – князь Каспулат Кильчукин вызывал у Дельпоццо сомнение. Тут Дельпоццо был прав. Вскоре мятежный владелец возглавил *Непокорную* Кабарду и стал неофициальным, но фактически признанным ее верховным князем. Каспулат Кильчукин и в недавнем прошлом не взирал спокойно на русскую военную администрацию в Кабарде. Вот что Дельпоццо писал по этому поводу Гудовичу 3 августа 1806 года: «Каспулат Кильчукин и Магомед Докшукин... в прошедшее 3-летие всю Кабарду бунтовали» и имели «на себя от всей Кабарды влияние»[57].

Главой непокорных кабардинцев Каспулат Кильчукин становится после смерти «совершенных владык» своей фамилии князя Адиль-Гирея Атажукина и эфендия Исака (Исхака), скончавшихся не позднее 2 ноября 1807 года. В тот день Булгаков писал Гудовичу: «Имею честь почтеннейше донести... что кабардинский владелец Адиль-Гирей Атажуков и почетнейший Исак-эфендий, находясь в Теберде, от заразительной болезни померли... Теперь же в Кабарде, как доносит ген.-м. Дельпоццо, более имеет влияние над народом владелец подполк. Каспулат Кильчукин»[58].

Знал ли Каспулат Кильчукин, перейдя в оппозицию к России, с противником какой силы он себя противопоставляет? Должен был знать и, очевидно, знал, хотя бы уже потому, что имел чин под-

полковника*, обязывавший его взвешивать силы сторон. В этом случае такой ответственный шаг не мог быть оправдан одной лишь горячей ненавистью. И действительно, Каспулат Кильчукин стремился обеспечить себе достаточный противовес, опираясь, не без основания, на содействие грузин и Персии. В своих расчетах он исходил из двух факторов. Первый состоял в том, что антирусски настроенные грузины и Персия были его потенциальными союзниками. Второй немаловажный фактор заключался в том, что грузинский царевич – глава противников России в Грузии – был его родственником!

Этот факт выясняется из письма, написанного 18 ноября 1806 года и адресованного генерал-майору Дельпоццо. Оно написано Кучуком Джанхотовым (или исходило от него), судя по тому, что на подлинном, как указывает документ, отмечено: «Сего года, мая месяца, кабардинские владельцы и узденья послали к В[ашему] пр[евосходительству] бумагу об уздене владельца Каспулата (Кильчукина. – *С. Б.*) Джантемире Окоове, который ездил к зятю владельца Каспулата царевичу Александру...»[60].

Из истории кабардино-грузинских родственных связей. Грузинские цари и кабардинские князья находились в родственных отношениях. По разысканиям историка-писателя О. Л. Опрышко, эти связи восходят к XVI веку: 1) 1589 год – Алкас Джанмурзин – внук Килехстана «Александру царю по родству дядя»[61]; 2) 1640 год – царь Мегрелии Левон II Дадиан просит дочь Алегуки Шогенукова – двоюродного брата Джамбулата Казыева «за сына своего за большого Александра»; 3) известный царь-законодатель Картли Вахтанг VI (1675–1737) был женат на кабардинской княжне Гиляхстанова рода, получившей после крещения имя Русудан[62].

В начале прошлого века из ответов на вопросы главнокомандующего Кнорринга были составлены «Сведения о Грузии 1801 года». В справке отмечается: «Женского же полу никто, кроме царской дочери Тамары и ея ж дочери Русудан, не принимал Грузинского царства»[63].

По данным О. Л. Опрышко, Тамара была дочерью Вахтанга VI и Русудан[64]. Она, выйдя замуж за царя Теймураза II, стала первой (и также последней) женщиной-царицей Кахети.

Ираклий II (1720–1798), царь Картли-Кахети, объединенных, не в последнюю очередь, усилиями женщин-цариц, был сыном Теймураза и Тамары. Политика Ираклия II, завершившаяся установлением покровительства России над Картли-Кахети (а не присоединением, как принято утверждать), во многом можно объяснить позицией его матери Тамары, предки которой – кабардинцы с давних времен находились в тесных связях с Россией.

У Ираклия II было пятеро сыновей: Георгий, Юлон, Мириан,

---

*Заметим также, что присвоение чинов обер- и штаб-офицеров не всегда было связано с исполнением воинских обязанностей. Так, в 1774 г., сражаясь против царских войск, окончил свою жизнь князь Кургоко Татарханов, «тот самый, который возвратился в 1771 году из С.-Петербурга с грамотою и который за оказанное прежде усердие к России пожалован был в капитаны»[58].

Александр и Парнаоз. После смерти отца престол достался Георгию XII, который обратился к Павлу I с просьбой о принятии его царства на определенных условиях в состав России. Осознав, что действия Георгия XII лишают его братьев шансов на царский престол и привилегий, они, опираясь на Персию, развернули против него борьбу. Наиболее видной фигурой антирусских сил Грузии стал царевич Александр – правнук кабардинской княжны и грузинской царицы Русудан. Он-то и стал зятем Каспулата Кильчукина.

Документ важен не только тем, что он устанавливает конкретную форму родственных связей между грузинским царевичем Александром и впоследствии непримиримым врагом России, кабардинским князем Каспулатом Кильчукиным. Письмо высвечивает и тот факт, что между ними велась опасная для России тайная переписка. Каспулат Кильчукин «ежедневно неотступно» добивался от Кучука Джанхотова освобождения своего узденя, который на обратном пути от царевича Александра был пойман шамхалом Тарковским. Настойчивость Кильчукина, вероятно, объяснялась не столько заботой о личной свободе арестованного Джантемира Окоова, сколько тем, чтобы, спасая и опытного своего связного, одновременно не дать раньше времени уличить себя в подобных связях. Отмеченный в том же письме факт о том, что «владелец Каспулат Кильчукин пребывает к России верным», иначе Кучук Джанхотов не стал бы ходатайствовать об его освобождении – надо думать, связан с его секретной подготовкой к войне против русских.

Предпринимавшиеся Каспулатом Кильчукиным антирусские акции были обречены на неудачу. Призрачность его замыслов предопределялась тем, что он делал ставку, в сущности, на битую карту – царевича Александра.

Резко отрицательную характеристику царевичу Александру дал Ермолов. «Царевич, знаменитый трусостью, – вспоминал он, – никогда ни малейшей не подвергался опасности, но сие не препятствовало ему иметь приверженных людей, и при всяком новом появлении его готовы были многие из дворян к славным подвигам, желали, чтобы возвратил он престол праотцев своих его»[65]. Не лишенному авантюрных замашек царевичу Александру удавалось перед персидским шахом и наследником престола Аббас-Мирзой поддерживать себе репутацию человека, незаменимо способного рано или поздно отторгнуть Грузию от России. Царевич выдавал переписку предшественников Ермолова с ним и их стремление переселить его с гор как показатель его реальной силы. Ермолов быстро раскусил «наглые царевича обманы и приказал прекратить с ним всякое сношение»[66]. Александр не замедлил отреагировать на действия Ермолова гневным письмом, обвинив его к тому же в попытках лишить его жизни. Наместник, понятно, в долгу не остался, ответив царевичу, что «человек знаменитый, как он, развратною жизнию, глупостию и трусостию, в самых молодых летах своих лишенный за бегство к неприятелю благо-

словения отца, опасным быть не может». «Я гроша не дам ни за жизнь, ни за смерть подобного подлеца»,– заключил он свой исчерпывающий отзыв о нем. Хлесткая характеристика, но она позволяет понять, что разногласия между царем Ираклием II и беглым царевичем Александром были выражением различных взглядов высших слоев грузинского общества на характер русско-грузинских связей.

В 1801 году сбылось то, чего более всего опасались противники политического курса Ираклия II и его старшего сына Георгия XII (1746–1800), которому было суждено стать последним царем Картли-Кахети. По манифесту Александра I от 12 сентября 1801 года, Восточная Грузия (Картли и Кахети) была присоединена к России. Царствующая династия Багратидов лишалась престола, управление переходило к русскому наместнику. В 1803–1804 годах на тех же условиях присоединена и Западная Грузия: Мингрелия, Гурия и Имеретия.

Этот акт вдохнул политическую жизнь в имя царевича Александра, который, объединяя вокруг себя антирусски настроенных грузинских феодалов, более четверти века вел упорную и безуспешную борьбу против России, апогей которой приходится на русско-иранскую войну (1826–1828), во время которой он командовал 23-тысячным войском, наступавшим на Тифлис. Но удача была не на его стороне... Таков был зять Каспулата Кильчукина, по мнению его противников и сторонников. Разумеется, тесть смотрел на зятя своими глазами. Их объединяли не только родственные отношения, но и, что не менее важно, политические устремления: оба были противниками России.

Посланцы царевича Александра с «возмутительными бумагами» находили себе приют у владельцев Каспулата Кильчукина и Рослам-бека Бесленова»[67]. Кабардинцы в 1808 году на эти «возмутительные бумаги» отвечали приветственными письмами. В одном из них, письме «беев, эфендиев и прочих чиноначальников» к Аббасу-Мирзе, отмечалось: «...Мы под управлением неверных Россиян быть не желаем, а охоту имеем служить обладателю вселенной родителю нашему Бабахану, в чем нет ни малейшего сомнения, ибо в горах Кавказских рассеянно живущие народы суть мусульмане враги Россиянам. Известно также и то, что мы благостию Божиею поднесь подданными России не были и живем в крепких ущельях, Богом устроенных...» Это письмо, подписанное Каспулатом Кильчукиным, Мамедом Докшукиным и другими ближайшими к нему князьями, было равно личному посланию. Аналогичное письмо, подписанное Каспулатом Кильчукиным, Мамедом Докшукиным и др., было адресовано и к царевичу Александру.

«...Изъявляем вам, родственнику нашему, – подчеркивали они, – когда услышали, что издревле управляемое вами царство Грузинское и столицу старого Тифлиса завладели неверные Россияне и тебя самого с подданными твоими выгнали, душевно и телесно мы все о том скорбели и соболезновали, что одному

Богу известно»*[68]. Судя по данному письму, непокорные кабардинские князья никогда не признавали присоединения Грузии к России и поддерживали своих коллег за хребтом Кавказа в их борьбе за независимость, рассчитывая при этом на взаимность, проявлением чего отчасти являлись те самые «возмутительные бумаги». Факт присылки посланцев от персидского шаха и грузинского царевича был отмечен в рапорте Дельпоццо Булгакову от 14 апреля 1808 года. «Сего числа, – писал он, – получил я от владельца подполковника Кучука Джанхотова сведение, что назад тому третий день приехали из Персии посланцы, которые присланы от персидского царя и грузинского царевича Александра в Кабарду с возмутительными бумагами... однако ж к нему, Джанхотову, еще не явились, а находятся у владельцев Каспулата и Рослам-бека Бесленева»[69].

Якуб Шарданов долго снабжал русскую администрацию важной информацией о связях непокорных и покорных кабардинцев с турками и персиянами. Втайне от Кучука Джанхотова он поставил в известность Дельпоццо и о «возмутительных бумагах».

27 июня 1808 года Дельпоццо доносил Гудовичу: «Кабардинский дефтердер узден Якуб Шерденов, который во многих случаях правления моего показал важные услуги, донесением о вредных намерениях кабардинцев против России, достойных внимания, а особливо доставлением с присылаемых в Кабарду от Турецкого и Персидского дворов возмутительных бумаг копии и, важнее всех оных, ответа от всей Кабарды персидскому владетелю, именуемому шаху Баба-хану, сыну его и прочим (имеется в виду и царевич Александр. – *С. Б.*) писаных, заслуживает уважения, справедливую признательность и награждения»[70].

То обстоятельство, что Каспулат Кильчукин скрыл от Кучука Джанхотова прибытие персидских посланцев, на наш взгляд, говорит о том, что антирусская позиция первого к этому времени окончательно оформилась. Начало этому переходу было положено год тому назад. 3 апреля 1807 года Дельпоццо рапортовал Булгакову: «...Владелец Каспулат Кильчукин единственный в Большой Кабарде партизан и много имеющих от всех уважение и на умы легкомысленные действия, вчерашнего числа приезжал ко мне на берег р. Малки и с великим огорчением относился на таковые поступки запрещения о прогулке их подвластных людей в наши границы... Дельпоццо осторожно намекал Булгакову на пагубность лишения кабардинцев пропусков к источникам их существования, но во время встречи с Каспулатом Кильчукиным он пытался уверить его, что отказ в пропуске вызван заразительной болезнью, эпидемией чумы в Кабарде и что от этого запрета есть польза и для кабардинцев. На эти разъяснения Кильчукин не без иронии заметил приставу: «Эта польза для нас весьма выгод-

*В. А. Потто пишет, что царевич Александр, «удалившись в Тавриз, дожил свой долгий и мятежный век частным человеком». Умер в 1844 г. Похоронен в Тавризе.

ная... Хотят, чтобы мы все померли голодной смертью. Разве Государь и начальство хотят совершенно нас истребить и мы Государю совсем уже не надобны? Пусть так! Бог знает, что будет! Мы по сему случаю напоследок не будем в силах удержать нашего народа от каковых-либо внутри Кабарды и в границах Российских вредных покушений»[71]. Излишне доказывать, что упрямая позиция жестокого генерала Булгакова толкнула Каспулата Кильчукина в лагерь противников России.

Если всего каких-нибудь полтора месяца тому назад, 15 февраля 1807 года, Дельпоццо относительно Каспулата Кильчукина не имел ничего против, кроме как сомневался в его лояльности, то теперь, с 3 апреля того же года, в нем обозначился резкий поворот против – нет, не к России вообще, – к бесчеловечной булгаковской военной администрации.

16 марта 1810 года Дельпоццо докладывает главнокомандующему на Кавказе Тормасову: «...Будет известно, чем кончится развязка между кабардинцами обеих фамилий, – помогать одна другой или остаться каждой при своем интересе: между тем Кайтукиной фамилии владелец, всегда непримиримый враг наш, Каспулат Кильчукин через владельца Таушина Айдемирова приказал мне кланяться и сказать, что он объявляет войну России»[72]. Тормасов понимал, что необходимо оказать поддержку Кучуку Джанхотову, имея в виду его «немалую силу и влияние в Кабарде» и расположенность «к усердию и верности» российскому престолу. Он считал полезным «владельца сего стараться всемерно поддерживать в таком расположении через обещание всегдашнего покровительства и наград... с предоставлением ему особенных выгод». Тормасов надеялся использовать авторитет Кучука Джанхотова для удержания «важнейших владельцев от безрассудного их предприятия возстать против власти и силы оружия» России.

Перед Джанхотовым стояла задача – привлечь на свою сторону тех князей, «кои слепо предались влечению строптивого их духа или, по крайней мере, наклонить черный кабардинский народ переселиться в наши (русские. – *С. Б.*) границы»[73]. Интересно заметить, что местом возможного переселения крестьян предполагались «богатые пустопорожные места внутри Линии», как наиболее выгодный вариант. В случае, если крестьяне откажутся от этого, им разрешалось поселиться «хотя бы... в Малой Кабарде близ нового редута, на что им будет позволено и представляться большие выгоды».

Тормасов велел Булгакову довести до сведения подполковника Джанхотова все эти соображения и обещать, что «весь переселенный старанием его народ будет поручен его управлению»[74]. В ответ на предписание Тормасова Булгаков 18 июня 1810 года писал из Георгиевска, что Джанхотов «уклонился разновидными предлогами и немало не изъявил желания (сколько проникнуть можно было в правила его) способствовать пользам нашим». Убеждая Тормасова в своем мнении о двуличности кабардинского князя, Булгаков указывал: «Кучук Джанхотов есть человек хит-

рый, умеющий двулично оказать себя и тем прикрывающий интересные виды свои и способствующий много к возбуждению неблагонамеренному нам прочих дикого нрава кабардинских владельцев, имеющих однако же твердость характера, по которому исполнение слова более ожидать должно от них, чем от Кучука». И далее: «Кучук Джанхотов двуличными своими поступками закрывал свои соглашения на всю неблагонамеренность к нам с прочими владельцами. Он (как кажется) более соединял дерзновенные мысли кабардинцев, обуревающие противовозстать нам»[75].

Вместе с тем Булгаков делал определенную ставку на Джанхотова: «Но за всем тем, – писал он, – его ласкать должно, знав его совершенно. Не показывая прямую ему цену... противопоставлять ему его единоверцев, которые, как кажется, настоящий его весь знают»[76]. Как видно, Тормасов и Булгаков в своих мнениях о Кучуке Джанхотове придерживались различных точек зрения. Характеризовать Кучука Джанхотова, как «двуличного», Булгаков имел формальный повод. В 1809 году велась переписка между Булгаковым и Джанхотовым относительно приезда последнего в Георгиевск – ставку командующего войсками на Кавказской линии.

Причины этой поездки в литературе трактуются по-разному. Существует, например, такое мнение: «После смерти главного князя Кабарды полковника Мурзабека Хамурзина на его место в 1810 году был избран Кучук Джанхотов. Генерал Дельпоццо предложил Кучуку приехать в Георгиевск для встречи и обсуждения некоторых вопросов, относящихся к кабардино-русским отношениям. Но протурецки настроенные князья вместе с духовенством смогли уговорить последнего отказаться от встречи»[77]. Документы позволяют несколько подробнее осветить этот вопрос. В феврале 1810 года кабардинские князья написали письмо Сергею Алексеевичу Булгакову, являвшееся ответом на его письмо, адресованное Кабардинскому суду. В письме, в частности, отмечается: «...Изволяете от нас требовать, дабы мы выслали в Георгиевск нашего валия Кучука Джанхотова для принятия нужных от вас наставлений, служащих ко благу и спокойствию народа кабардинского; а как в Кабарде – по Высочайшей воле... великого государя, по обряду закона мухамедданского учрежден суд и избран валием кн. Кучук Джанхотов, а по своему званию валий никуда отлучиться не должен и, если не будет на своем месте, то закону противно. Впрочем, он никаких дурных предприятий не имеет, яко истинный и преданный слуга всепресветлейшему, державнейшему государю, обязавшийся присягою, кою не нарушает и противного ничего не делает. Но что ваше высочество изволили его к себе требовать, к тому мы его не допустили по изъясненным причинам, ибо Е. И. В. (его императорского величества. – *С. Б.*) подполковник, все дела народа нашего возложены на него, а потому он ни на одну неделю от нас отделиться не может, но ежели отлучится, то во всем последуют остановки и замешательства...»[78].

Кабардинские князья в данном случае открыто настаивали на недопустимости поездки своего валия, руководителя, учрежден-

ного по воле императора духовного суда – мехкеме, к тому же обязанного верноподданнической присягой. Почти в то же самое время и сам князь-валий направил по тому же поводу два письма: одно С. А. Булгакову, другое – Дельпоццо. Булгакову Джанхотов выражал свое неудовольствие тем, что отказ его от поездки к нему был расценен им как нарушение обязанности перед государем. «Сие меня крайне огорчает, – писал он, – поелику я во весь мой век Государю изменником и нарушителем обязанности моей не был, да и во всю мою жизнь того не сделаю»[79]. Касаясь некоторых сторон своей прежней деятельности, князь напомнил, что, когда генерал Глазенап был в Кабарде (1805. – *С. Б.*), то по воле императора им был учрежден суд, «а потому постановлен кадий, и я именованный назначен валием...». Джанхотов извещал Булгакова, что он не прочь был бы явиться в Георгиевск, «но народ не пускает». Не упустив случая упомянуть, что он никаких «дурных предприятий» не имеет, Джанхотов предложил Булгакову: «...Буде что угодно от народа кабардинского требовать, то извольте писать, по оному все будет выполнено и я, елико в силах содействовать, не премину: если же народ будет ослушиваться, я не премину о том особу вашего высочества уведомить»[80].

Письмо Джанхотова к Дельпоццо выдержано в более резких тонах. В нем он, повторив верность свою и усердие к присяге, что было известно и приставу, резко заявил: «...я никогда нарушителем клятвы не был, и изражением Булгакова будучи огорчен, осмеливаюсь сказать: если Булгаков генерал Государев, а я подполковник и владелец кабардинский, но о поступках моих вам все известно, а ему, Булгакову, неведомо»[81]. Эти слова звучали как бы укором в адрес Дельпоццо, который, видимо, скрывал от Булгакова некоторые действия князя, и не без цели. Джанхотов письмо закончил следующими словами: «Впрочем, предаю на благоразумие ваше».

Ответ Джанхотова был встречен Дельпоццо в штыки. Пристав Кабарды писал Булгакову 6 февраля 1810 года о Джанхотове: «Судя по сему письму ко мне от него же, подполковника Джанхотова писаному... могу заключить дерзость его несовместную с верноподданническою обязанностию... По сему замечательно, *что он есть первое орудие, руководствующее народ к возмущению...*» (выделено нами. – *С. Б.*). Из рапорта ясно видно, что Кучук Джанхотов отказывался от поездки к Булгакову в Георгиевск, опасаясь, что его просто могут арестовать. «На убеждение переводчика, – читаем далее в рапорте Дельпоццо, – чтобы он ехал в Георгиевск, отвечал: разве для того я пойду, чтобы меня арестовали, как майора Таушина Айдемирова?* В Абазе мне нечего ожидать лучшего, когда и теперь уже называют изменником»[82].

Дельпоццо характеризовал Джанхотова перед Булгаковым в

*Движение мысли валия требует серьезного внимания. Джанхотов имел достаточное основание думать, что русская администрация часто воспринимала его таким же, если еще не хуже, как и представителей оппозиции.

самом для него невыгодном свете, а главное – не совсем соответствовавшим его позиции образом. В целом же письмо, адресованное Джанхотовым к Дельпоццо, преподнесено им Булгакову, как «дерзновенное изъяснение», и даже как оскорбление его особы. Дельпоццо резюмировал: «Рассматривая со вниманием содержание письма, писанного ко мне вл. Джанхотова, с каким дерзновением он изъясняется мне в оном на особу вашего выс-а, я осмеливаюсь доложить мнение мое таковое, чтобы отныне впредь всякие отношения письменные в Кабарде совершенно прекратить: нельзя уже более иметь противоположности с их стороны к нам, как и по сим замечаниям является, и нужно принимать меры к отвращению злого их намерения решительные»[83]. Правда, Дельпоццо несколько позднее, 17 марта 1810 года, в рапорте Тормасову писал, чуть ли не противоположное тому, что сообщил Булгакову. Оказалось, что он, Джанхотов, «объясняется в письме своем действительно справедливо и открывает злонамерение кабардинцев».

Приведенная переписка позволяет поставить вопрос: на каком основании Булгаков и Дельпоццо составили себе мнение о Кучуке Джанхотове, как о двуличном? Кто им мог дать прямой повод усомниться в его верности к русскому начальству? В качестве варианта ответа на вопрос можно сослаться на рапорт полковника Измаила Атажукова* Булгакову от 29 сентября 1809 года. Полковник обращал внимание генерала на то, что духовенство, «почасту удостоверяя обманно выбранного в Кабарде по духовенству главным начальником полковника Кучука Джанхотова и других, подобных ему, в верности к России нарушают свои обеты, а через то и Кучук Джанхотов изустными своими уверениями нередко обманывает непредвидимо и главного кабардинского пристава...»[84]. Не обвиняя Джанхотова, имевшего определенный вес у Булгакова и Тормасова, в преднамеренном обмане русских, Атажуков тонко намекал на то, что на валия рискованно твердо положиться, поскольку его вводят в заблуждение его же соотечественники, и тем самым, не замечая подвоха, он «обманывает непредвидимо» начальство.

Измаил Атажуков имел в высших кругах репутацию давнего горячего сторонника России. И, несмотря на его разногласия с Булгаковым, мог в какой-то степени повлиять на действия последнего. Достаточно привести выдержку из рапорта Булгакова к Тормасову от 2 октября 1809 года, т. е. спустя всего 6 дней после рапорта к нему Измаила Атажукова. «Я весьма уверен и ни мало в том не сомневаюсь, чтобы он (Кучук Джанхотов. – *С. Б.*) ложно не уведомлял о поведении кабардинцев и, наконец, он, чуждаясь усердности к нам, пользы наши и благо его соотечественников считает для себя посторонностью, преклоняясь к одной собственной пользе»[85].

Нет сомнения, что между Кучуком Джанхотовым и Измаилом

*Имеется в виду Измаил-бей, герой одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова.

Атажуковым возникли серьезные разногласия, если не вражда. Об источниках этих противоречий мы можем судить лишь гипотетично.

Похоже, что противостояние двух видных князей проявилось наиболее резко накануне, во время и после известного народного собрания кабардинцев на Баксане, состоявшегося 1 июля 1809 года. Можно сказать, что к этому собранию Измаил Атажуков готовился специально. Он добивался позволения Булгакова отправиться на Баксан, чтобы переговорить со всеми собравшимися кабардинскими князьями «для некоего прочного и твердого положения, относящегося к совершенному устроению всего их народа». Перед собранием стояла одна главная задача – общий выбор «себе старейшего, который бы управлял ими совершенно». Измаил Атажуков, конечно, был осведомлен о том, что будет рассматриваться на собрании. Но не только. Исследователи ставят вопрос: «Не был ли сам Измаил-бей инициатором народного собрания кабардинцев?»[86]. При этом не ставится под сомнение обоснованность вопроса. Отсюда логично поставить и другой вопрос: «Не добивался ли Измаил Атажуков тайно или явно своего избрания на должность главного князя в Кабарде?»

Вспомним в связи с этим такое же собрание, состоявшееся по его же инициативе в 1805 году, на котором прозвучал его пророческий призыв к своим соотечественникам: «Остановитесь, несчастные народы, войдите в себя, размыслите, сочтите, что вы можете противу сильнейших, предварите общую погибель, посоветуйтесь при теперешнем собрании и сделайте без отлагательства всеобщее постановление, как отвратить опасность, нам угрожающую». И Атажуков тогда первым поклялся: «Я первый клянусь Кораном, что все, что вами для блага нашего народа постановлено будет, обязуюсь защищать, не щадя крови и жизни моей, противу злонамеренных, нарушающих общее наше спокойствие». Кажется, нельзя яснее выразить свои желания. Выполнять все, что будет решено собранием, – такую задачу всерьез мог взвалить на свои плечи только тот, кто занял бы место князя-валия. Измаил Атажуков просил собрание торопиться, так как «опасность близка и время драгоценно». Заканчивая речь, Измаил Атажуков еще рельефнее напоминал: «...Твердо помните, что не только целый народ, но даже и одна семья без хорошего начальника оскудеет и исчезнет»[87]. Он говорил довольно прозрачно и, надо полагать, не прочь был видеть себя в роли этого начальника.

Измаил Атажуков имел определенные шансы претендовать на кабардинский престол и как представитель древней влиятельной княжеской фамилии, и как полковник русской службы. Кроме того, направляясь в 1804 году в Кабарду, он имел рекомендацию царя – высочайший рескрипт, который, конкретно не указывая на род службы, «в которую он может быть употреблен», оставлял за местным начальством право использовать его по своему усмотрению. Объективно лучше Измаила Атажукова кандидатуры быть избранным «начальником» Кабарды в тот период не было. В этом

нас убеждает его речь, которую в какой-то мере можно воспринимать как кабардинский вариант знаменитого «Слова о полку Игореве». Если неизвестный автор XII века не мог быть вполне уверен в успешном исходе битвы над врагом, если бы даже сбылось невероятное и объединились бы враждующие между собой русские княжества, то Измаил Атажуков в XIX веке предлагал в относительно сходной ситуации единственно правильный путь (в этом он был единомышленником Джанхотова), идя по которому Кабарда лучше сохранила бы себя, предотвратив безумное кровопролитие и без того уже растерзанного народа. При всем различии между двумя этими *Словами* есть и нечто общее: оба не были и не могли быть услышаны их соотечественниками в свое время (многие и в наше время!). Н. М. Карамзин с горечью писал: «Смелые, но безрассудные князья наши с горстью людей выходили в поле умирать героями. Батый, предводительствуемый полумиллионом, топтал их трупы и в несколько месяцев сокрушил государство»[88].

Но русские все же смогли извлечь урок из прошлого своего бессмысленного героизма, сокрушившего их государство. Великий Александр Невский понял суровую необходимость «склонить выю» перед Золотой Ордой ради того, чтобы спасти русский народ от полного уничтожения»[89].

Впору бы и непокорным кабардинцам, воинственным «невольникам чести», вспомнить суровый, но проникнутый заботой о настоящем и будущем своего народа мудрый наказ-завещание Жабаги Казаноко: «Не потворствуйте душе» – «Псэм фыдэмылажьэ», «Ветру (эмоциям) не давайте себя увлечь» – «Жьым зевмыгъэхь», «Гневом подстрекаемый в поход не ходи» – «Губжь къыспкърошасэ жыпӀэу уемыжьэ»[90].

Никакое явление общественной жизни не уходит в прошлое так, чтобы при случае не вернуться. Предостережения Жабаги Казаноко, мудрейшего из адыгов, имели и имеют пророческое значение для всех народов и всех времен. Но, как гласит другая кабардинская народная мудрость: «К голосу разума глух тот, кому суждено несчастье» – «Унэхъунум гуо макъ и тхьэкӀумэм ихьэжыркъым». Судьба вещей Кассандры везде одна и та же: прорицать опасность, но не быть услышанной.

Будучи князем-валием, Кучук Джанхотов имел основание опасаться соперничества Измаила Атажукова как по чину, так и по своей политической позиции. Оба они были известны «по преданности своей к России», но последний отличался большей последовательностью, призывая придерживаться традиции предков, благоразумие которых «советовало нам жить под защитою сего великого государства». Он настойчиво предупреждал, что, «не потеряв разума, нельзя и думать раздражать сих сильных соседов», которых насчитывалось «тридцать шесть миллионов, почти третья часть, которых могла взяться за оружие». Кабардинца, подобного себе, Измаил Атажуков считал «усердным России и полезным Кабарде». Но, будучи горсткой мудрых провидцев,

Измаил Атажуков, Кучук Джанхотов и их единомышленники были бессильны вскоре остановить гибельное погружение значительной части народа в пучину ненависти к России и кровной мести, освященное мусульманской религией и обычаями предков.

Конфликт между двумя князьями – Кучуком Джанхотовым и Измаилом Атажуковым – с течением времени усугубляется. Свидетельство тому – «Письмо кабардинских эфенди генерал-майору Дельпоццо», предположительно относящееся в 1808 году. Оно гласит: «Для решения имеющейся между Кучуком Джанхотовым и Измаилом Атажуковым претензии просим ваше превосходительство выслать к нам в суд сказанного Измаила, яко кабардинца...»

Подробности «претензии» князей, может быть, навсегда останутся тайной за семью печатями. Одно можно предположить: яблоком раздора между ними мог стать и враг Измаила Атажукова, его двоюродный брат полковник Рослам-бек Мисостов. Говоря так, мы имеем в виду рапорт Глазенапа Цицианову от 18 мая 1804 года из лагеря «при Чегеме». Анализируя отношение князей к России после своего разорения Кабарды, генерал отмечал: «Из кабардинских князей многие остались к нам приверженными полк. Рослам-бек Мисостов и подполк. Кучук Джанхотов».

В всеподданнейшем рапорте генерала Кнорринга от 15 февраля 1802 года, как уже отмечено, фигурируют оба князя. Документ указывает на то, что между Рослам-беком Мисостовым и Кучуком Джанхотовым в недавнем прошлом существовала общность интересов и, возможно, взглядов. А Измаил Атажуков не мог бы этого простить Кучуку Джанхотову, если бы даже следов былых связей не осталось и в помине, что, впрочем, нельзя утверждать абсолютно. Понятно, что в этих условиях всякое ослабление Кучука Джанхотова Измаил Атажуков, вероятно, рассматривал, по крайней мере, как своего рода месть, не говоря уже о возможной перспективе сделаться валием.

Две противоборствующие политические партии, два их главных князя, две Кабарды – так можно расценивать действительное состояние кабардинского народа в первой четверти XIX века. Документы указывают, что «бунтующая фамилия Мисостовых» искала помощи и содействия того самого Каспулата Кильчукина, который, вспомним, через майора Айдемирова некогда объявил Дельпоццо, что он находится в состоянии войны с Россией. Кильчукин принадлежал к одной из влиятельнейших княжеских фамилий в Большой Кабарде – роду Кайтукиных.

В 1809 году кабардинцы предпринимают попытку, оказавшуюся первой и последней, выбрать «себе старейшего, который бы управлял ими совершенно». Это означало, что власть традиционно избиравшегося верховного князя не распространялась на всю Кабарду, а превратилась лишь в один из источников раздора князей. Следовательно, управлять Кабардою «совершенно» мог бы только новый институт власти. Его созданию и было посвящено известное всеобщее собрание кабардинцев на Баксане, состоявшееся 1 июля 1809 года.

Всеобщий съезд кабардинцев (хаса) в конечном итоге выбрал двух князей-валиев – Кучука Джанхотова и Атажуко Атажукова, что можно расценить как компромисс между конфликтующими политическими направлениями в Кабарде, как своеобразный дуумвират.

Но и новая структура власти была обречена. Атажуко Атажуков, представлявший собой *официального* главу противников прорусской ориентации, не изменил своим взглядам и продолжал гнуть прежнюю линию. Убедительным доказательством тому служит его твердое намерение напасть на кордонную линию во главе 1000 непокорных кабардинцев, т. е. первым нарушить важнейший пункт с таким трудом достигнутой договоренности. Однако осуществить свой замысел новый князь-валий не успел. 25 сентября 1809 года Атажуко Атажуков перед самым выступлением внезапно скончался при загадочных обстоятельствах – «умер чумою, как утверждают».

Выбор двух князей-валиев не только не прекратил княжеские усобицы, но даже резко обострил их. Дело в том, что Баксанское собрание оставило «без уважения» фамилию Мисостовых, добивавшуюся избрания своего князя валием. В связи с этим Измаил Атажуков докладывал генералу Булгакову, отпустившему его на это собрание согласно его же просьбе: «...3-й же и последний между ними род Мисостовых оставлен ими без уважения»[91].

Представитель фамилии Мисостовых формально не попал в главные князья не только в силу своей малочисленности. На самом деле свою роль в этом, видимо, сыграл Измаил Атажуков, как враг Рослам-бека Мисостова. Как бы там ни было, исход собрания оказался достаточным, чтобы взбунтовался род Мисостовых. А так как они действительно были слабы в силу своей малочисленности, то искали содействия с другой могущественной фамилией. Выбор пал на Каспулата (Каспота) Кильчукина, который только мог мечтать об этом. Дельпоццо в отчаянии писал Мусину-Пушкину: «Если действительно случится, что Кайтукина фамилия будет помогать Мисостовым, то мне для усиления отряда войск взять совсем негде»[92]. Если иметь в виду, что Кильчукин, по словам пристава Дельпоццо, «столь знаменитый в Кабарде», что на него (как отмечено выше) «вся нация имеет влияние», то нетрудно заключить, что он стоял во главе непокорных кабардинцев.

Однако переориентировка (или ориентировка?) Каспулата Кильчукина на Персию через покровительствуемого ею его зятя – грузинского царевича Александра Ираклиевича – не могла прибавить ему популярности. Влияние Турции на Кабарду было несравненно сильнее, чем Персии. Несмотря на то, что обе империи исповедовали мусульманство, Персия, как указывал Измаил Атажуков, «хотя и магометанского закона, но нам противного раскола»[93].

Единоверие (суннитское. – *С. Б.*) Кабарды с Турцией по сравнению с Персией «противного (шиитского. – *С. Б.*) раскола» и стародавние традиционные узы и связи между ними делали шан-

сы Каспулата Кильчукина на упрочение своего положения в оппозиции весьма призрачными.

И все-таки роль лидера непокорных кабардинцев давала ему возможность пойти на не до конца взвешенное и крайне опасное объявление войны России. Этот шаг, предпринятый Кильчукиным в условиях затянувшейся русско-иранской войны (1804–1813), был, по-видимому, согласован с грузинским царевичем Александром, а возможно, и спровоцирован им. Такое предположение можно высказать, исходя из ответа Бея-Арсланова царевичу Александру от 5 апреля 1813 года. «...Мы, – писал он, – по прежним еще поведениям вашим сделали движение против отрядов Российских войск (Булгакова. – *С. Б.*) и имели сражение, но много мы потерпели, о чем всем известно и теперь готовыми находимся»[94]. Этот же князь в письме к персидскому шаху Фетх-Али-шаху напоминал о том же: «Мы узнали, что... по несказанной милости вашей, изволили обещать помочь грузинскому царевичу Александру; за сие благодарим вас всепокорнейше и весьма рады, ибо он нам родня. Мы пред сим сражались с русскими за него, и теперь сколь скоро узнаем о прибытии вашем, то с войсками, уже готовыми у нас, явимся там, где от вас повелено будет»[95]. Каспулата Кильчукина к этому времени, видимо, уже не было в живых.

Как только Дельпоццо поставил в известность Булгакова об объявлении Кильчукиным войны России, тот посоветовал ему арестовать Кильчукина. Это видно из рапорта Дельпоццо. Имея в виду Кильчукина, он 8 декабря доложил Булгакову: «Выманить из Кабарды и поймать я не нахожу никакой удобности». К этому он в свое оправдание присовокупил, что в 1794 году генерал-фельдмаршал Гудович, находясь «в самой Кабарде с сильным отрядом войск, сколько ни употреблено было разных способов к поимке его (Кильчукина. – *С. Б.*), но однако же ничего к успеху оного не подействовало». На сей раз Булгаков предписывал «выманить из Кабарды» и поймать Кильчукина, не останавливаясь и перед подкупом близких ему лиц.

Дельпоццо считал, что «по вызову ни под каким предлогом он сам не придет». Кильчукина всегда окружали не менее 30 узденей и других владельцев. Поэтому Дельпоццо опасался, что попытки захватить его повлекли бы за собой немалые потери со стороны русских. И, в-третьих, главный пристав Кабарды не решался на подкуп Кильчукина, считая этот вариант совсем бесполезным, ибо никто из кабардинцев не заслуживал достаточного его доверия – предать таким образом «владельца столь знаменитого в Кабарде, на которого вся нация имеет влияние».

Пристав Дельпоццо и генерал Булгаков

В 1809 году резко обострились отношения Булгакова и Дельпоццо и к приязненной, т. е. дружественной к русским, партии во главе с валием Кучуком Джанхотовым. Ответственность за это

во многом лежит на совести главного пристава Ивана Петровича Дельпоццо.

Несколько слов о нем. Когда в 1805 году генерал-лейтенант Глазенап по повелению Цицианова вступил в Кабарду, она пребывала «в возмущении и от повиновения Российскому правительству совершенном отпадении уже третий год».

3 августа 1806 года Дельпоццо в рапорте к Гудовичу отмечал: «В прошлом 1805 года марте месяце, для приведения в повиновение и спокойствие вступил в их пределы (Кабарду. – *С. Б.*), с отрядом войск уже в 3-й раз... При сем отряде войск (Глазенапа. – *С. Б.*) находился яко будущий их начальник и я»[1]. Следовательно, Дельпоццо был главным приставом Кабарды в 1805 году. Можно даже уточнить день, когда Дельпоццо впервые прибыл в Кабарду. Генерал-майор Лихачев 16 марта 1805 года объявил кабардинцам: «...завтрашнего дня прибудет сюда ген.-л. Глазенап и с ним вместе будущий ваш начальник, самим Г[осударем] И[мператором] над вами поставленный...»[2].

Исходя из этого, можно сказать, что Дельпоццо приступил к исполнению своих обязанностей в Кабарде 17 марта 1805 года.

Кудашев, характеризуя Дельпоццо, отмечал, что он был пропитан недоверием и злобой к кабардинцам. Враждебный взгляд Дельпоццо на Кабарду и кабардинцев Владимир Кудашев объяснял личными мотивами пристава.

Согласно источнику, «21 сентября 1802 года отставной полковник Дельпоццо, живший в новозаведенной крепостце Ивановской, в 55 верстах от Кизляра, по дороге к Моздоку возвращался домой из гостей. Почти на глазах кордонных смотрителей он был взят в плен кабардинцами»[3]. Мы не располагаем источником, которым пользовался Кудашев, но данный факт пленения Дельпоццо зафиксирован и в всеподданнейшем рапорте начальника Кавказской линии генерала Кнорринга от 27 сентября 1802 года. Однако в рапорте говорится о чеченцах. Приведем выдержки из него: «Отставной полковник Дельпоццо, жительствующий домом своим при самой реке Тереке между крепостью Шелковскою и селением Шелковским... пошел по надобности своей в Паробичевское селение... И при переходе им леса сего дорогою через оной лежащего подверг себя хищнической чеченской партии в лесу около дороги себя скрывавшей... Все хищники сии, число которых простиралось более 20 человек, были из чеченских деревень... расположенных теми деревнями своими в прямую линию от реки Терека, за 80 и более верст, между сильнейших ущельев и гор... [За] Дельпоццо, который теперь содержится в одной деревне их Гребенчуковскою называемой, требуют выкупу 20 000 руб. сер., состояние которого и третьей части суммы сей в себе не заключает»[4].

На этот случай также обратил внимание писатель и архитектор Н. А. Львов. В два раза преувеличив выкупную сумму, он писал: «Дельпоццо и теперь у этих злодеев, и на него они 40 тыс. руб. просят»[5].

Под злодеями Н. А. Львов подразумевал черкесов. Как и мно-

гие его соотечественники, он не отличался познаниями в полиэтническом составе населения Северного Кавказа и или перепутал чеченцев с кабардинцами, или был введен в заблуждение какими-то заинтересованными лицами.

В этих источниках общее только то, что указывают на одну и ту же «жертву» – Дельпоццо. Но если Кудашев приписывал ее кабардинцам, то Кнорринг, обязанный доложить царю обстоятельную информацию, считал пленение делом рук чеченцев.

Наконец, всеподданнейший рапорт Цицианова от 9 февраля 1803 года вносит в этот вопрос полную ясность. Он предлагал царю на должность начальника Кабарды «отставного полков. Дельпоццо, от чеченцев из плена освобожденного», с пожалованием ему чина генерал-майора[6].

Вместе с тем, объективности ради, надо подчеркнуть: отношение пристава к кабардинцам первоначально, как выше отмечено, носило вполне благожелательный характер, что, по-видимому, было бы менее вероятным, если бы он ими был пленен незадолго перед этим.

Кудашев, критикуя далее Дельпоццо, продолжал: «...Становится неудивительно, если люди подобного характера и убеждений не могли установить мирных и справедливых отношений к кабардинскому народу»[7]. В справедливости этих слов не приходится сомневаться, хотя Кудашев, в целом верно оценивая многие события в истории Кабарды, не рассматривал ее всю аналитически обобщающим взглядом.

18 марта 1810 года Кучук Джанхотов и Дельпоццо встретились в станице Прохладной. Из разговоров с валием пристав сделал вывод, что вся Кабарда «имеет общее согласие к волнению и намерению в скором времени противу границ российских действовать неприятельски». Дельпоццо далее донес Булгакову, что все кабардинцы, кроме подвластных валия, «отложились и никакое внушение его владельцам фамилий, в коей он находится старшим, не могло подействовать к разрушению единомыслия с фамилиею Мисостовою». Единственным обнадеживающим фактором пристав считал расположение к нему валия, который обещал «о всяком намерении злоумышленников давать предварительное сведение».

Было бы необъективно представлять себе дело таким образом, что и в среде антирусской партии все было гладко и во всем царило единодушие. В апреле 1810 года перед Дельпоццо возник несколько неожиданный и для него самого реальный шанс разрядить напряженность. Приведем его рапорт к Булгакову от 13 апреля 1810 года, т. е. за 2 дня до экспедиции: «Старший владелец Кайтукиной фамилии Мухамед Докшукин, противной партии второй возмутитель, прислал ко мне сказать, что он, хотя живет в горах и в крепких местах, однако же воевать против России не намерен и что все братья его дали ему присягу во всем его слушать (но сие можно понимать в противном смысле) и что он первый соглашается, в чем есть на нем Российская претензия, оную удовольствовать, которая уже и готова»[8].

Прояви генерал-майор Дельпоццо здравый рассудок в критической ситуации, каким в 1820 году в Малой Кабарде блеснул уже известный читателю майор Тарановский, все могло уладиться миром. Но проследим, что он ответил посланцу второго по значимости князя «противной партии: «Эти слова я всегда от всех слышал и теперь, когда вы увидели деятельность Российского начальства и движение войска, страх на вас наводящего... Я с вами теперь не могу иметь никаких расчетов, я не в силах ничего делать для вас и принимать от вас: теперь вы совершенно зависите от власти начальствующего над войсками Российскими... генерала от инфантерии Булгакова – просите его»[9]. Таким образом, пристав сделал все от него зависящее, чтобы подогревать низменные страсти генерала Булгакова, запас которых у него, кажется, был неиссякаем. Булгаков сам был настроен агрессивно и не нуждался в особых подстрекательствах Дельпоццо, но его указание на то, что военные приготовления нагнали страху на кабардинцев, чего на самом деле, должно быть, не было, подстегнуло кровавую экспедицию.

30 апреля 1810 года из лагеря на Череке Булгаков рапортовал главнокомандующему Тормасову, что он «поспешил сделать движение войск в Кабарду... 16-го сего месяца перешел Баксан и тот же самый день лично сделал поиск...». Об итогах «поисков» Булгаков доносил: «...кабардинский народ доселе никогда таковой чувствительной не имел потери... они потеряли много имущества, которое сожжено с двумястами селений»[10]. Результаты экспедиции в журнале комитета министра были отмечены как «чувствительное наказание горских народов и кабардинцев». Однако выражалось сомнение в том, что они окончательно усмирены. Как указывалось в том журнале, жители «более 200 сожженных деревень, будучи лишены всех жизненных способов», следуя почитаемому ими священному закону мести, должны были возобновить борьбу. Неслыханный для России в XIX веке акт варварства вызвал негодование даже в ее высших военных кругах. В пространном и во многом не лишенном проницательности и внешнего доброжелательства к кабардинцам отношении к военному министру Барклаю де Толли, Тормасов пытался снять с себя ответственность за злодеяния Булгакова. «...Я никак не мог дать согласия моего на предположенную генералом от инфантерии Булгаковым экспедицию против Закубанцев и кабардинцев»[11], – писал он 12 октября 1810 года.

Документы изобличают иезуитство Тормасова. Процитируем далее тот же рапорт Булгакова к нему от 30 апреля 1810 года: «...Я находился в нерешительности до получения предписания В[ашего] выс[окопревосходительства], в коем предоставлять изволите местным моим соображениям действия в Кабарде. Мысль моя теперь есть та только, чтобы укротить кабардинцев, привести их к повиновению и послушанию»[12], – писал он своему начальнику, ободренный его попустительством.

Тот же Тормасов ходатайствовал о награждении Булгакова

орденом[13]. Однако никто в высших военных кругах, кончая императором, не хотел, по крайней мере открыто, порочить свою репутацию одобрением генерала-изверга. Выражением императорской воли был отказ военного министра Барклая де Толли: «Булгаков, – возражал он Тормасову, – употреблением непомерных мер жестокости и бесчеловечия перешел границы своей обязанности. Если верить известиям, то экспедиции против кабардинцев и закубанцев состояли в совершенном разграблении и сожжении их жилищ: жестокие сии действия возбудили только к нам ненависть их: и вообще обращение его с соответственными с нами народами более служит к отвращению их от нас, нежели к установлению в том краю спокойствия»[14]. В рассуждениях военного министра о жестокостях Булгакова более слышится не скорбь о тысячах загубленных и оставшихся без крова детей, женщин и стариков, а беспокойство императора о том, что булгаковщина отвращает кабардинцев от русских. Именно это последнее обстоятельство явилось основной причиной удаления начальника Кавказской линии Булгакова в 1810 году. В том же году был вынужден сменить должность главного пристава Кабарды на пост начальника Владикавказской крепости и генерал-майор Дельпоццо, во многом способствовавший подготовке и осуществлению кровавой экспедиции.

Кучук Джанхотов и Ртищев

Заканчивая беглый обзор материалов, касающихся Кучука Джанхотова, а их в нашем распоряжении не очень много, следует подчеркнуть, что последний кабардинский князь-валий, при всех своих неизбежных колебаниях, всегда ориентировался на Россию. В этом его политическая мудрость и источник критического отношения к нему его противников. Кучук Джанхотов – сложная и противоречивая личность. Одна сторона его политической деятельности имеет для нашего времени совершенно исключительное значение. Кабарда, покровительствуемая Россией, на протяжении ряда веков выступала почти на всем Северном Кавказе чуть ли не в роли царизма в миниатюре. И теперь, в середине 10-х годов XIX века, Кабарда в лице верховного представителя своего княжеского престола, отказываясь от притязаний над соседними горцами, решилась пойти на их освобождение! Нет, этот миролюбивый жест не был продиктован одним лишь давлением извне, хотя оно в той или иной форме имело место. Военных и иных особых насильственных акций царские власти в тот период не предпринимали. Обратимся к документам. Дигорцы Али и Хамурза Черкесидзе, Заур-бей и Девлетуко Баделидзе – «старшины, имеющие всю власть и влияние на народ», 20 сентября 1815 года обратились с запиской к генералу Ртищеву. Она была следствием договоренности, достигнутой между правителем Рачинского уезда, принадлежавшего Имеретии, и архиепископом Рачинским

Ноколаоз-цминдели в 1814 году. В записке старшины, в частности, указывали: «Хотя мы и Рачинцы, доселе питая друг на друга злобу и ненависть, стремились о причинении друг другу вреда и через то многие христиане уведены и проданы в Черкесию, но как ныне покровительствует нас десница Государя Императора, то просим покорнейше предложить начальнику Черкесского народа генералу (?)* Кучуку Джанхотову прибыть в дом Мамеда и Замбулидзы Кубадисшвили, куда и мы не преминем прибыть для истребления сего зла и водворения общего спокойствия». При этом просители констатировали: «*Между нами и Черкесиею заключено перемирие через него же, генерала Джанхотова* (выделено нами. – *С. Б.*), но чтобы мы обе стороны могли навсегда пользоваться тишиною и спокойствием, то просим написать означенному Джанхотову о заключении между нами и Черкесами совершенного мира»[2]. Ртищев, отвечая на одно из пяти писем Кучука Джанхотова, в котором князь докладывал ему об исполнении его поручения относительно прекращения вражды между Кабардой и Осетией и вступления последней в состав России, писал: «Имею удовольствие ответствовать, что для меня весьма приятно изъявить Вам через сие мою искреннейшую благодарность за оказанное вами в сем случае старание, которое отношу к отличной преданности и усердию вашему на пользу службы Е. И. В., о чем я и не премину засвидетельствовать перед всемилостивейшим и великим нашим Г[осударем] И[мператором] и испрошением приличного за сие награждения, как для В[ашего] с[иятельства], так и для рекомендуемых вами узденя Куденетова и переводчика»[3].

24 августа 1814 года «правитель Кабарды подполковник Кучук-бей Джанхотов» написал письмо к Ртищеву. «Я прочел присланную вами присягу обществу Дигор, – сообщал Джанхотов, – и каждому из них: и старшинам, влиятельным, военным и поселянам по одиночке растолковал содержание ея от начала до конца, и они на собственном языке произнесли все ея слова и клялись на Коране. Они также клялись на основании русских законов и дали обещание и клятву... Ныне присяжный лист с отметкою моею же удостоверения, как свидетеля возвращаем к В. выс-у. Это Дигорское общество впервые изъявило согласие на подданство и рабство, да увеличит великий Аллах число покорных и подданных!.. Судя по этому, можно предвидеть, что многие горцы также изъявят покорность, ибо ваша щедрость и похвальные ваши деяния от одного из них предаются другому».

---

*Кучук Джанхотов не стал генералом. В переписке Ермоловского времени он числится подполковником. Впоследствии ему, надо полагать, присвоено звание полковника. По свидетельству Жана-Шарля де Бесса, 3 августа 1829 г. генерал Эмануэль «давал большой обед». На банкете кроме «генералов на службе в Константиногорске и гостей его превосходительства во время экспедиции на Эльбрус» присутствовала группа кабардинских князей и узденей. Среди них – «Кучук-Янбот, старшина Большой Кабарды и почетный полковник, то есть не находящийся на действительной службе, но получающий оклад полковника»[1].

Как видно, Ртищев совместно с Джанхотовым предпринимал определенные усилия, направленные на принятие горцами подданства России, и добивался существенных результатов. Это говорит о том, что язык запугивания, угроз и войн не являлся самым эффективным средством достижения целей в отношениях с кабардинцами. Джанхотов сумел заслужить полное доверие дигорцев. Так расценил Ртищев записку, поданную на его имя дигорцами в 1815 году. Они извещали, что между ними и кабардинцами «заключено ныне перемирие через посредство Кабардинского владельца полк. Джанхотова, к которому дигорский народ, имея собственную доверенность, просит и ныне, чтобы по случаю вступления их в вечное подданство Российской империи употребить... сего же самого владельца к заключению полного мира между обоими народами»[4].

Доверие дигорцев к Джанхотову Ртищев в предписании к Дельпоццо расценил как доказательство «благородных правил и справедливости, делающих ему особенную честь». Ртищев обязывал пристава прибегнуть к посредничеству валия и для достижения согласия «между собою обоих народов и к истреблению всех прежних неудовольствий». Дальнейшее развитие этого уникального явления в русско-кабардинских связях первой четверти XIX века прослеживается в рапорте Дельпоццо к Ртищеву от 29 января 1816 года. Кучук Джанхотов, явившись без вызова к Дельпоццо вместе с дигорскими старшинами в Прохладное, заявил, что он «в восстановлении между всеми горскими народами прочного спокойства, основанного *на взаимной дружбе* (выделено нами. – *С. Б.*), охотно принимает на себя посредство к прекращению всех бывших между кабардинским и дигорским народом враждебных несогласий»[5].

В переписке Ртищева, Дельпоццо и Джанхотова кабардинский валий предстает как активный политический деятель своего времени, стремившийся к установлению взаимопонимания между горцами и кабардинцами, которое исключало бы произвол сильного над слабым. Действия Джанхотова, вероятно, оказали свое влияние на формирование уже нам известных гуманистических идей Хан-Гирея. В то же время нельзя упускать из виду одно обстоятельство, которое могло предопределить политику Кучука Джанхотова. Он, по-видимому, представлял себе, что Кабарда уже не та, что прежде, и что ей рано или поздно придется окончательно расстаться со своим былым господством. А, содействуя принятию горцами подданства России и войдя, таким образом, в доверие к ним и русским, Джанхотов мог реально рассчитывать на единственно возможную и выгодную роль влиятельного посредника, особенно среди горцев, без чего и тем и другим трудно было бы обойтись в обозримом будущем. Принимая на себя посредническую миссию, Джанхотов, должно быть, попутно решал и важную для себя задачу – выбивал опору из-под недавних своих противников – непокорных кабардинцев, позиции которых именно в горах были несравненно сильнее, чем у валия. Какими бы

причинами ни руководствовался Джанхотов в этих действиях, можно с большой долей вероятности сказать, что он оказал влияние на развитие духовности передовых людей своего народа. По крайней мере, гуманистические взгляды Хан-Гирея очень созвучны политике Джанхотова, и он, в определенной степени, может считаться одним из его предшественников.

Обстановка в Кабарде не внушала особых опасений, и Кучук Джанхотов имел основание смотреть в будущее с некоторым оптимизмом. Политический авторитет его становился все более весомым в глазах Ртищева, кабардинских владельцев пророссийской ориентации и горцев (осетин). Важным показателем успешной деятельности валия было и наблюдавшееся относительное затишье в стане непокорных князей. Положение Джанхотова казалось как никогда устойчивым. Каким-то чудом, спасшись от «очередной заразы» с двойным дном – опустошительной моровой язвы и монголо-татарского нашествия в булгаковском исполнении, Кабарда, в уцелевшей одной десятой части своего населения, еще могла рассчитывать на возрождение, но ни народ, ни ее главный князь не могли предположить, что самые тяжкие утраты их еще ожидают...

Кучук Джанхотов и Ермолов. Последние годы валия

Ермолов сменил Ртищева. Ситуация на всем Кавказе вскоре начала обостряться. Стоило конфронтации захлестнуть наметившийся, пусть неровный и хрупкий, но мирный лад в кабардино-русских отношениях, и боль «*на дне старинной раны зашевелилася, как змей*». Возникший было проблеск возвращения кабардино-русских отношений на круги своя погас.

Отношение Ермолова к Джанхотову поначалу складывалось, если не сказать приятельски, то, во всяком случае, доброжелательно. В своих первых письмах к валию Ермолов стремился, что называется, попасть в тон, обращаясь к нему не иначе, как «любезный приятель», «добрый приятель мой!», «любезный друг» и т. п. Нередко, однако, этот тон принимал раздраженно-властный характер и даже обнажался до оскорбительно-пренебрежительного оттенка («сей пустой и ничтожный старец»), но никогда их взаимное общение не доходило до полного разрыва.

Деятельность Джанхотова новый наместник считал критерием приязненного отношения русской администрации к кабардинцам. По случаю разорения аула Трамова, Джанхотов в письме к Ермолову выразил свое неудовольствие. В ответном письме от 11 июня 1818 года Ермолов подчеркивал: «Верная Г. И. (государю императору. – *С. Б.*) служба ваша, о которой говорите вы в письме вашем, всегда была мною уважаема и с самого прибытия моего сюда я искал вам доказать оное»[1]. Позднее, разрешая кабардин-

ским владельцам, изъявлявшим желание переселяться на плоскость, Ермолов требовал от них надежного ручательства. Подобным ручательством он признавал, по его словам, «прежде их не совсем худое поведение, как например, Кучука Джанхотова и ему подобных»*.

Говоря «прежде», Ермолов, должно быть, помнил, что Джамбот Кучуков, «сын его, любимец Алексея Петровича» (Грибоедов), сопровождал его в Персию, входя в состав свиты.

Ни один кабардинский князь-валий не находился в такой критической ситуации, в какой оказался Джанхотов. Самое трудное заключалось в том, что судьба свела его с самим Ермоловым, настоящую силу которого кабардинцы, вообще, похоже, еще не вполне осознавали, по-видимому, ошибочно представляя его себе одним из таких же генералов, какими были его предшественники. Этот стратегический просчет лежал в основе того, что непокорные владельцы не очень-то считались с жесткими требованиями безукоризненного соблюдения стародавних верноподданнических обязанностей. Ошибка непокорных в оценке Ермолова была косвенно обусловлена самим наместником. Его «вина», как ни парадоксально, состояла в том, что он был на протяжении полутора лет (для Ермолова довольно продолжительное время) «чрезмерно снисходительным» к «мошенническим» (любимое словцо Ермолова) действиям, «напрасно ожидая, что князья возчувствуют, сколь гнусно изменять добровольно данной в верности присяге». Неоднократные требования-призывы Ермолова сохранить верность к присяге могли ввести в заблуждение какого угодно противника (не исключено, что преследовалась и такая цель). Немудрено, что одержимые жаждой мщения кабардинцы могли посчитать их за проявление слабости нового главнокомандующего.

«...Я буду употреблять совсем другие меры, нежели до сего времени», – предупреждал он Джанхотова в 1818 году, по прошествии этих полутора лет, считая его если не главным, то одним из виновников того, что аул Храмова превратился в «притон разбойников». Ермолов порицал князя: «...Никогда... посредством вашим не выдан ни один мошенник к наказанию и, конечно, не от того, чтобы в них был недостаток, когда и между хорошими и известными фамилиями таковые находятся»[2].

Осуждение действий Джанхотова Ермоловым следует особо подчеркнуть, как существенную черту, характеризующую Джанхотова-политика. В оценке людей и обстановки в целом Ермолов проникал в самую суть. *Постиг* и *оценил* он и душу Джанхотова, в чем ему потом не раз с раздражением приходилось убеждаться. Обратимся к письму Ермолова к Джанхотову от 22 ноября 1821 года. В нем содержался ответ на просьбу валия вернуть всех баранов, захваченных, вероятно, у кабардинцев в результате какой-то опе-

---

*Таким узденям, как Анзоровы, переселение разрешалось только в том случае, если каждая подобная фамилия давала аманатов, а принадлежащие им аулы переселялись близко к новоустановленному кордону.

рации. «Я... приказал ген[ерал]-м[айору] Сталю возвратить Вам часть баранов, – писал он из Моздока, – всех возвратить не могу, ибо они принадлежат и вашим собственным, и прочим мошенникам, которым у вас всегда прием приятельский. Угождать Русским и угождать разбойникам в одно и то же время невозможно»[3].

Вот она, глубинная социальная природа кабардинского князявалия, постоянная в своей двойственности и противоречивости – природа, отличающая необыкновенно сильного духом и интеллектом от посредственности смертельно опасного для народа безрассудного героизма.

Угождать России, чтобы спасти и сохранить Кабарду – только в этом Джанхотов видел свое главное призвание на ответственном посту в столь напряженный и воистину поворотный для судеб народа момент.

* * *

Много трудностей выпало на долю Кучука Джанхотова. Довелось ему пережить и смерть двоих старших сыновей: «...старший утонул на переправе через Кубань; второй погиб где-то в окрестностях Георгиевска». Однако, как уже сказано, самое тяжелое испытание ожидало его. И было оно связано с тем, что на стороне противников России, в конце концов, оказался один из его сыновей – Джамбулат. Потто считал, что Джамбулат для Кучука – «единственная радость и утешение в старости, его гордость и надежда, единственный преемник древнего славного имени». Джамбулат не оставался единственным «преемником» отца. Чтобы разобраться в этом, необходимо обратиться к делу о наследстве Кучука Джанхотова, которое, между прочим, помогает осветить некоторые стороны его личной и семейной жизни.

В 1834 году рассматривалось дело по иску корнета князя Кучука Атажукина. Предстояло разделить имение его деда князя Мисоста Атажукина, которое после смерти владельца «осталось во владении отца его капитана Темирбулата Атажукина без раздела с родною сестрою своею Султаним, бывшею в замужестве за умершим князем полковником Кучуком Джанхотовым». Кабардинский Временный суд докладывал Пирятинскому, что «кроме просителя корнета князя Кучука Атажукина, сестры его Жан Хажихан, и тиотки вдовой княгини Султаним Джанхотовой, к имению капитана князя Темирбулата Атажукина суд никаких других наследников не находит».

Имя другой жены Кучука Джанхотова фигурирует в предписании командующего войсками Кавказской линии и Черноморья Гурко от 31 марта 1843 года генерал-майору Голицыну: «...Ваше сиятельство в рапорте от 30 августа 1842 г. № 471 объяснили, что выделенная часть из имения Кучука Джанхотова умершей второй жене его Хании отдана под расписку эфендия Шеротлокова до явки из-за Кубани княгини Хании брата и сестры; но кто именно они таковы, по какому случаю находятся за Кубанью,

где именно, то есть между покорными или непокорными народами, – в рапорте вашем ничего не сказано...»[4].

В ответ на предписание начальника Голицын разъяснил: «...Выделенная же часть из имения князя Кучука Джанхотова умершей второй жене его Хании, находившаяся в ведении эфендия Шеротлокова, по случаю неявки к сему имению никого из ближайших родственников и нахождения в числе некоторых (следует читать: непокорных. – *С. Б.*) закубанцев сына ея и брата, поступает в раздел между оставшимися двумя женами Джанхотова – вдовою княгиней Джанхотовой и находящейся ныне в замужестве за князем Алхасом Мисостовым, коими крестьяне уже разделены».

В докладе Голицына содержится информация сразу о трех женах Кучука Джанхотова. Вдовая княгиня Джанхотова, о которой говорил Голицын, и вдовая княгиня Султаним Джанхотова, о которой идет речь в рапорте Кабардинского временного суда Пирятинскому, можно сказать, одно и то же лицо. На наш взгляд, Султаним и была первой женой Кучука Джанхотова. Будучи дочерью Мисоста Атажукина и сестрой братьев Темирбулата Атажукина и Росланбека Мисостова, она, кажется, старше других жен ее мужа. Потому она, наверное, осталась «вдовою княгиней», поскольку вторично не вышла замуж до 1843 года, через многие годы после того, как умер Кучук Джанхотов. Логично думать, что Султаним – мать Хамисад, Кабахан и Джамбулата, второе, обиходное имя которой, как видно из народной песни «Хымсад», – «Щэхугъуей гуащэ». Вторую жену Кучука звали Хани. Интересуясь судьбой одной из жен валия, профессор Б. А. Гарданов вопрошал: «...Странно, откуда появилась третья жена Кучука Джанхотова...»

Как бы вопрос ни казался трудным, на него, в конечном счете, находится довольно убедительный ответ: Кучук Джанхотов был трижды женат. Маловероятно, чтобы первая жена Кучука была матерью Пшемахо. Ясно, что он также не сын второй жены – Хани. Остается допустить, что та женщина, которая была «в замужестве за князем Алхасом Мисостовым», является матерью умершего молодым Пшемахо и третьей женой Кучука Джанхотова, Пшемахо и оказался единственным преемником последнего валия.

Вернемся к последним дням Джамбулата Кучукова. Предсмертные часы его жизни в литературе описываются по-разному. Писатель и литературовед Ю. Н. Тынянов писал, что Ермолов в присутствии Кюхель-бекера, Якубовича и Грибоедова приказал расстрелять Джамбулата.

Воспоминания Ермолова опровергают эти домыслы. Убийство Джамбулата произошло в конце октября 1825 года, вскоре после известного восстания кабардинцев 1825 года, активным участником которого он был. А Ермолов 20 ноября еще находился в станице Червленной. И только известие о вспыхнувшем восстании заставляет его приехать в Екатериноград. «Желая обстоятельнее знать о происшествиях в Кабарде, – писал он, – отправился я в Екатериноград, где дожидался меня начальник Корпусного штаба

(Вельяминов. – *С. Б.*). Из Червленной станицы выехал я 20 ноября рано поутру»[5].

Свидетельство очевидца А. С. Грибоедова восстанавливает хронологию и действительную картину событий в подробностях. 27 ноября 1825 года он писал В. К. Кюхельбекеру из Екатериноградской: «Кабарду Вельяминов усмирил, одним ударом свалил двух столпов вольного, благородного народа. Надолго ли подействует? Но вот как происходило. Кучук Джанхотов в здешнем феодализме самый значительный владелец... Сын его, любимец Алексея Петровича (Ермолова. – *С. Б.*) был при посольстве в Персии, но не разделял любви отца к России, в последнем вторжении закубанцев был на их стороне и вообще храбрейший из всех молодых князей, первый стрелок и наездник и на все готовый, лишь бы кабардинские девушки воспевали его подвиги по аулам. Велено его схватить и арестовать. Он сам явился по приглашению в Нальчикскую крепость в сопровождении отца и других князей. Имя его Джамбулат, в сокращении по-черкесски Джамбот. Я стоял у окна, когда они выезжали в крепость, старик Кучук, обвитый чалмою в знак того, что посетил святые места Мекку и Медину, другие не столь знатные владельцы ехали поодаль, впереди уздени и рабы пешие. Джамбот в великолепном убранстве, цветной тишлой сверх панциря, кинжал, шашка, богатое седло и за плечами лук с колчанами. Спешившись, вошли в приемную, тут объявлена им воля главнокомандующего. Здесь арест не то, что у нас, не скоро даст себя лишить оружия человек, который в нем всю честь полагает. Джамбот решительно отказался повиноваться. Отец убеждал его не губить себя и всех, но он был непреклонен: начались переговоры; старик и некоторые с ним пришли к Вельяминову с просьбою не употреблять насилия против несчастного смельчака, но уступить в сем случае было бы несогласно с пользою правительства... Солдатам велено окружить ту комнату, где засел ослушник: с ним был друг его Канамат Касаев...

Вот уже месяц, как она («кровавая сцена». – *Грибоедов*) происходила, но у меня из головы не выходит»[6].

По сведениям В. Потто, Вельяминов, зная неукротимый характер Джамбулата, «приказал приготовить заранее 25 солдат с заряженными ружьями»[7]. Джамбулата и князей ввели в дом Кабардинского суда. «Вельяминов приказал ему снять оружие»[8].

Сравним свидетельство А. С. Грибоедова и сведения В. Потто с вольным художественным изложением Ю. Н. Тынянова: «Кучук Джанхотов был самый богатый владелец от Чечни до Абахезов (Абазехов. – *С. Б.*) – его имя гремело. Старый Кучук был большой дипломат, он вовсе не хотел рисковать скотом и пастбищами. Поэтому он был в дружбе с Ермоловым»[9].

Исследователь прошлого, включая и художника слова, не вправе искать в нем ни хорошего, ни плохого. Он обязан, прежде всего, стремиться найти то, что было, и изложить его. То, что могло случиться, но не случилось – это не история, а досужий вымысел, пусть даже художественно захватывающий. История только то,

что было. И художественная правда не противостоит историческим фактам. Грибоедов объективно и недвусмысленно указал, что старым Кучуком Джанхотовым руководила «в дружбе с Ермоловым» не страсть к наживе и богатству, а «любовь к России», не разделенная с ним его сыном.

А Ю. Н. Тынянов, переходя грань художественно допустимого вымысла, когда речь идет об истории народа, и, переворачивая наизнанку его прошлое, вкладывает в уста Джамбулата слова, призванные характеризовать его в глазах несведущего читателя как нравственно выродившегося князя. В действительности Джамбулат был представителем побежденных, но все еще духом несломленных непокоренных кабардинцев, в котором они видели последний шанс в своей отчаянной борьбе за свободу. Наверное, именно поэтому писатель заставляет Джамбулата сказать Ермолову: «Шакал, трус, собака, подлость вашего превосходительства»[10].

Ю. Н. Тынянову подобный прием понадобился не для чего иного, кроме как облить грязью Джамбулата и обелить его убийцу... А им был генерал Вельяминов, по приказанию которого был убит Джамбулат, что повлекло за собой конец древнего могущественного рода Джамбулатовых, так много сделавшего для укрепления мирных кабардино-русских связей.

Приведенные выдержки из романа Ю. Н. Тынянова «Кюхля» основаны им на цитированном письме А. С. Грибоедова к В. К. Кюхельбекеру, что, конечно, было хорошо известно и Ю. Н. Тынянову! И уже по одному этому факту ясно: Кюхельбекер никак не мог быть очевидцем убийства Джамбулата. Письмо А. С. Грибоедова исключает и саму возможность нахождения Ермолова в тот момент в крепости Нальчик. Значит, и Ермолов лично никому не приказывал застрелить Джамбулата. Приказ, по Тынянову, последовал якобы «за оскорбление публичное верховной власти», что также не соответствует действительности[11].

Однако Джамбулату была объявлена воля главнокомандующего Ермолова об его аресте, но конкретных указаний о его дальнейшей участи в случае его поимки он не давал. Секретное предписание самого Ермолова Вельяминову от 31 октября 1825 года ставит точки над i: «Я получил рапорт вашего превосходительства о смерти кабардинцев Джамбулата Кучукова и Канамата Касаева и не могу усомниться, чтобы подозрения насчет поведения их и намерении не были основательными, ибо наглое неповиновение их и дерзкая решительность сопротивляться оружием обнаруживают чувство виновности и отчаяния в прошении. Ослушников, прибегнувших к оружию, нельзя было щадить и оставить без наказания, но, сколько ни справедлива мера сия, найтись могут люди неблагонамеренные, которые кривым истолкованием действий начальства постараются внушить недоверчивость к оной и при настоящих беспокойствах возмущать народ, слепо повинующийся своим владельцам, коих изменнические свойства, слишком известны... Извольте сделать, по мере возможности, рас-

поряжение, которое препятствовало бы побегу за Кубань. Хотя меры крутые нередко бывают неприятными, но с таким изменническим и неблагодарным народом, каков кабардинский, сама необходимость заставляет употребить их»[12].

Ермолов выгораживал Вельяминова. Сопротивление оружием в данном случае обнаруживало не чувство вины, иначе Джамбулат просто так не явился бы в крепость Нальчик. К молодому, отчаянно храброму князю – «расторопному владельцу» (Ермолов) был предъявлен ультиматум, выполнение которого, по справедливому замечанию Грибоедова, оскорбило бы его честь. Это было равносильно удару ножом в спину. Тем не менее ответственность за гибель Джамбулата Вельяминов лицемерно пытался переложить на кабардинцев.

Вскоре после «кровавой сцены», 28 октября 1825 года, он обратился к кабардинцам с воззванием, которое было написано в ответ на их письменную жалобу.

При всей своей односторонности, это воззвание дает более или менее объективное представление о позиции и взаимоотношениях Джамбулата и Кучука, с одной стороны, председателя Кабардинского временного суда и русской администрации – с другой. Генерал писал из Екатеринограда: «Кабардинцы! Я получил письмо ваше, объясняющее опасения ваши. Боязнь ваша ясно показывает, что вы чувствуете себя виновными. Вы ищете скрыть сие невольное признание в жалобах на наказание, понесенное князем Кучуком Джанхотовым, который лишился последнего сына. Понимаю, что горесть старца могла заглушить в нем на время чувство правосудия. Но вы не отцы убитого Джембулата; вы не можете иметь столь сильной горести в оправдание неосновательных ваших жалоб. Кому из вас неизвестно предосудительное поведение Джембулата, неукротимый нрав его, всегдашняя готовность к ослушанию против правительства? Вы знаете, как оно было к нему снисходительно; вы знаете, что сделанный им в Екатеринограде поступок ему прощен; вы знаете, что бегство его в горы ему прощено; вы знаете, что начальство не желало его погибели, но для общей пользы народа хотело только лишить его возможности производить в земле безпорядки. Если неукротимость Джембулата заставила его броситься к оружию и умереть, то кого должны обвинять в этом, как не самого его? Положим, что догадки правительства насчет Джембулата были ошибочны. Разве не мог он объяснить свою невинность, не прибегая к оружию? Напротив того, поступок его невольно заставляет думать, что не мог он оправдаться. Кто из вас может ручаться, что не имел он намерения бежать за Кубань, когда сам отец его уверен был в сем расположении сына своего к побегу? Кто из кабардинцев осмелился бы похитить табун кн. Кучука, столь много между вами уважаемого, если бы сын его не имел участия в сем похищении? Вы знаете все это и почитаете себя вправе жаловаться на меры, кои начальство нашло нужными для смирения Джембулата.

Кн. Кучук лишился последнего сына; потеря сия, конечно, для

него чувствительна. **Но не от него ли зависело предупреждать в Кабарде безпорядки? Он никогда не хотел сего чистосердечно** и Провидение наказало его лишением сына» (выделено нами. – *С. Б.*).

* * *

Мужская линия влиятельной княжеской фамилии Кабарды – рода Джамбулата Казиева, которой принадлежал скипетр верховной власти около 20 последних лет ее многовековой истории, – пресеклась со смертью Джамбулата Кучукова, нареченного таким именем, вероятно, в память о своем пращуре.

Итак, русская военная администрация обвинила Кучука Джанхотова в неискренности, а непокорные кабардинцы ополчились против него, считая его приверженцем России. Психологически достоверный портрет Кучука Джанхотова пытался нарисовать В. Потто, подметив, что в нем «перегорел огонь опрометчивой и необузданной юности и уступил место холодному рассудку»[13].

Может показаться, что перед нами то душевное состояние, которое с такой чарующей силой изобразил Пушкин:

Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина.

Но не будем торопиться. В. Потто далее замечает, что для Кучука Джанхотова «никакая жертва не могла казаться великою, когда дело шло об отвращении бедствий от его любимой родины»[14]. Холодным рассудком Кучука Джанхотова, сопряженным с любовью к родине, следует объяснить и одно его письмо, которое предубежденному взгляду покажется, чуть ли не безрассудным, поскольку оно адресовано убийце его сына – Вельяминову. «Генерал! Ты изъявил желание доказать мне свое доверие, – писал он. – Вот теперь представился к тому случай. Тебе дорога на линию кажется опасною, и ты потребовал себе конвой из Екатеринограда. Прошу тебя, доверься моим пятистам кабардинцам, которых я тебе посылаю. Они проводят тебя до Екатеринограда»[15].

Как следует воспринимать этот эпизод? Может быть, Кучук был безразличен к судьбе сына или различие во взглядах навсегда разъединило их противниками? На подобные раздумья нас наводит цитированное письмо А. С. Грибоедова В. К. Кюхельбекеру от 5 декабря 1825 года: «Мне было жаль не тех, которые так славно пали, но старца отца. Впрочем, он остался неподвижен, и до сих пор не видно, чтобы смерть сына на него сильнее действовала, чем на меня». Грибоедов, конечно, мог не знать, что, согласно адыгскому этикету, отцу в таких случаях не подобает, тем более на глазах у посторонних, отдать себя во власть родительских чувств. Но одно невольное движение старого Кучука, зафиксированное Грибоедовым в том же письме, передает нам его душевное состояние в эти последние минуты Джамбулата. «Вдруг раздался выстрел, – пишет Грибоедов, – Кучук вздрогнул и поднял глаза к небу...» Это вздрогнуло сердце отца, любившего своего

сына, а в нем и последнюю свою надежду, ускользнувшую от него вместе с его жизнью...

Отношение Кучука Джанхотова к Джамбулату Кучукову есть не только проявление чувства отца к сыну. Оно во многом говорит о двойственной противоречивой природе бывшего валия к наследнику, который, возможно, все еще верил в независимую Кабарду. В этом смысле ценно предписание генерала Эмануэля к подполковнику Ушакову от 6 сентября 1829 года: «Кабардинский князь подполковник Кучук Джанхотов еще в прошлом 1827 году жаловался мне на разные притеснения и обиды, чувствуемые им со стороны России, – по случаю убийства сына его, [а] на кошу – его баранщиков с отгоном баранов, за леса и за земли. Вследствие сего, тогда же мною были собраны сведения посредством бывшего в Кабарде начальника полковника Кацарева и майора Тарановского в рапортах за № 2 и 24, с которых, препровождая у сего копии, поручаю вашему высокоблагородию о причинах, по коим произошли сии случаи, объявить ему...»[16].

Из рапорта полковника артиллерии Кацарева видно, что Кучук Джанхотов написал о притеснениях русской администрации в Кабарде, как только Ермолов был отозван с Кавказа – 20 сентября 1827 года, подчеркивая тем самым свое негативное отношение к его деятельности. Ответа на свои жалобы Кучуку Джанхотову пришлось ждать почти полтора года! Однако, кроме холодной констатации фактов, за подлинность которых во многом (но не во всем!) можно ручаться, князь так ничего и не услышал от Эмануэля.

Сначала остановимся на причине убийства баранщиков Кучука Джанхотова и захвата его овец. Кацарев объяснял это событие действиями бывшего валия. 8 января 1828 года он* доносил Эмануэлю в ответ на его предписание, что Кучук Джанхотов в «начале возмущения кабардинцев, живши со своими подданными в числе многих аулов против Екатеринограда, удалился оттоль в 1820 году в горы к вершине Нальчикского ущелья, чем побудил и весь народ, оставя равнины, укрыться в горах, оттоль удобнее было им безнаказанно производить злодеяния на линии»[17].

Подчеркивая связь Кучука Джанхотова с мятежниками, Кацарев далее указывал: «...Сын его Джембулат в том же году с собранною им партией отбил у мирных ингуш за прежние их разные воровства у отца его – всех баранов. Вероятно, эта причина заставила бывшего кордонного начальника полковника Подпрятова с отрядом войск разорить кош Джанхотова и перебить бывших в оном пастухов и забрать баранов, а сына Джанхотова Джембулата, арестовав, содержать под караулом»[18]. (Вспомним, что он был освобожден в 1822 году из Темнолесской крепости по приказу Ермолова.)

Подробности убийства чабанов и захвата овец русским отрядом изложены в рапорте майора Тарановского от 14 февраля

*«Суровый Кацырев» (В. Потто) умер 7 марта 1828 г.

1829 года. Кроме того, он содержит важные подробности о военных силах, располагавшихся в 1820 году на границе Кабарды и готовых в любой момент обрушиться на нее.

Майор Тарановский из г. Урмия докладывал: «В 1820 году в сентябре или октябре месяцах бывший тогда кордонный командир полковник Подпрятов, не знаю по какому повелению, в самое смутное время в Кабарде при многих от них разбоях, выступил с отрядом войск за Малок в Большую Кабарду к наказанию непокорных российскому правительству, и господин Подпрятов с большим числом войск и артиллерии остался сзади меня с командою казаков и с вожаком от него данным азиатом имени и прозвания коего задолго прошедшим времени не припомню, отправил к речке Тягему (Чегему. – *С. Б.*) для отгона с кошей скота, кои только отыскан будет. Я, исполняя волю его в полной мере, а паче и словесное приказание в случае разбойнического на малую мою команду нападения произвести оборону оружием, я, подъезжая к кошам, на рассвете встретил двух едущих из оных кабардинцев. А дабы они не могли подать известия на помощь и тем самым зделать неуспех, тогда приказал я их взять с собою, приближаясь к кошам, зачел собирать с оных скот; в то время находящиеся при оных азиаты стали стрелять из ружей, ранили тяжело из команды моей волжского казачьего полка 4-х казаков. Тогда я и в оборону приказал действовать ружейным огнем противу непокорных и сим только случаем имел способ их действия удержать и отбить скот, а людей команды моей спасти от нанесения смертельности оружием.

Скот был действительно рогатой... малое число, баранов большое количество, коего я не поверял, да и время не было, ибо я по отбитию оного торопился соединиться с полковником Подпрятовым, боясь, дабы разбойники, собравшись, не нанесли мне с малою командою вреда не более как после того чрез полчаса на самом рассвете прибыл я с отбитым скотом на постонахождение с войсками полковника Подпрятова, и в тот же день под командою его с войсками и отбитым скотом возвратились в селение Солдатское. Сколько при том случае побито кабардинцев, осмелившихся вооружиться равно и не побитых при том случае... не припомню. А сам никого и никому умерщвлять не приказывал, кроме что вынужден к тому был, в чем кабардинцы были сами виною»[19].

Майор Тарановский выполнял приказ Подпрятова, а тот подчинялся указанию генерал-майора Сталя, который вряд ли рискнул бы отдать распоряжение напасть на кош самого валия без ведома Ермолова. Именно к 1820 году относится знакомый читателю резко отрицательный отзыв Ермолова о Кучуке Джанхотове, как о пустом и ничтожном старце, «который не только потворствует окружающим его мошенникам, но и даже в сыне своем не умеет обуздать наклонность к разбою».

Был ли так бессилен валий Кабарды перед собственным сыном? Недовольный ужесточением политики русской администра-

ции, связанным с назначением Ермолова на Кавказ, и отказом от сравнительно мирного характера русско-кабардинских отношений, установившихся при Ртищеве, Кучук Джанхотов, скорее всего, не очень-то и добивался обуздать сына. У самого валия иногда брал верх все еще не угасавший мятежный дух его молодости.

Не упускал Кучук Джанхотов и случая напомнить начальству о разорении Трамова аула в 1818 году, совершенном по приказу Ермолова. Извещая Эмануэля о причинах, предшествовавших этому событию, Кацарев сообщал, что «все хищничества и разбой производятся поблизу Георгиевска и в уезде оного... с помощью, соучастием и укрывательством жителей Трамова аула».

Нетрудно догадаться, какое впечатление сложилось у Эмануэля после рапортов майора Тарановского, особенно полковника артиллерии Кацарева о председателе Кабардинского временного суда Кучуке Джанхотове. Жалобы о расхищении земли и леса в интересах военных укреплений, естественно, так же, как и другие вопросы, остались без должного внимания, на что все еще надеялся Джанхотов. Все, что изволил Эмануэль сказать Кучуку Джанхотову, заключалось в том, чтобы «о причинах, по коим произошли сии случаи, объявить ему». Это то, в чем он менее всего нуждался.

Прошение бывшего валия к Эмануэлю прояснило бы многое во взглядах позднего Кучука Джанхотова, и, может быть, оно когда-нибудь отыщется в архивах. Мы, увы, не знаем, в чем конкретно выражалась жалоба отца по поводу убийства сына. Вероятно, он осуждал непосредственного убийцу и даже намекал на него. Кацарев, который должен был знать и наверное знал подробности, трижды давал уклончивый ответ на запрос генерала: «Нащет убийства сына Джанхотова я изо всех расспросов ничего не мог узнать в обвинение его кроме того, что он не хотел по требованию господина генерал-майора Вельяминова 3-го явиться к нему без оружия, вероятно, однако были важнейшие причины, кои побудили лишить его жизни...»[20].

Трудный, но дальновидный шаг Джанхотова, выразившийся в его письме к Вельяминову, оказался все же недостаточно весомым, убедительным, чтобы войти в доверие к местной администрации. Ему никак не могли простить поступок сына, в котором считали и его (как знать!) в чем-то замешанным.

Эти документы, пожалуй, последнее прижизненное упоминание об отношении местных властей к Джанхотову. Они говорят о том, что бывший князь-валий так и остался у них на подозрении до конца дней своих.

Только такой деятель национального масштаба, каким был Кучук Джанхотов, благоразумно сочетавший в себе интересы Кабарды и России, мог спасти кабардинцев, как народ, от физического истребления и дальнейшего полного исчезновения. Такую неоценимую и неоцененную до конца ни современниками, ни потомками роль сыграл для своего народа Кучук Джанхотов. Лишь такая личность, как Кучук Джанхотов, была в состоянии выразить

подлинные интересы народа в принципиально изменившейся ситуации. В этом следует искать ответ на вопрос, почему Ермолов, при всей своей неоднозначной оценке последнего валия кабардинского народа, решился назначить его первым председателем им созданного Кабардинского временного суда и тот остался на этом посту до конца своих дней*.

Остаток жизни Кучук Джанхотов, по всей видимости, провел вблизи крепости Нальчик. По сведениям полковника Петрусевича (1846 г.), около («ниже») крепости Нальчик «имел жительство с своими подвластными, занимавшими значительное пространство земли, князь полковник Кучук Джанхотов». В дополнение к сказанному Петрусевич заметил: «Вероятно, без всякого права захватили его землю Колишпеевы и Жамбековы». Следовательно, валий «имел жительство» возле места, избранного для строительства крепости Нальчик, в сторону сел. Клишбиева (ныне сел. Нартан), на левом берегу р. Нальчика, в черте современного Нальчика.

Кучук Джанхотов с давних пор, в летнее время, располагался «кошем» в урочище Нальчик («ур. Нальчик»), т. е. здесь находилась, скажем так, летняя резиденция валия Кабарды. Сведения об этом содержатся в Актах Кавказской археографической комиссии за 1808–1810 годы. Однако располагаться кошем – это значит иметь лишь временное жительство.

Урочище Нальчик стало постоянным местонахождением Кучука Джанхотова в 1820 году, когда, согласно известному читателю рапорту полковника Кацарева к Эмануэлю от 8 января 1828 года, валий удалился «в горы, к вершинам Нальчикского ущелья». 1820 год, на наш взгляд, и следует считать датой основания Нальчика. При этом следует сказать, что местность для строительства главной крепости в Кабарде была избрана не случайно, а с учетом пожелания Кучука Джанхотова. Она находилась рядом и была как бы продолжением и развитием бывшей фактической столицы Кабарды – поселения и теперь еще формального валия, но фактически председателя будущего Кабардинского временного суда. Новые органы власти и их носители нуждались в укреплении своей безопасности.

Последний день Кучука Джанхотова, по-видимому, пришелся на 1830 год.

Кабахан Наурузова, младшая из двух дочерей Кучука Джанхотова, в 1846 году обратилась к начальнику Центра, генерал-майору Хлюпину с просьбой. В ней, в частности, отмечено:

*Неисповедимы пути к фольклору. На своих и чужих он людей подчас не делит. Н. Дубровин писал: «Замечательно, что черкесы не пренебрегали и своими врагами, отличившимися храбростью или смелостью: про них также слагались песни. Так, черкесы воспевали подвиги генерала Вельяминова, которого называли кизил-генералом или Генерал-плижор, т. е. красный генерал, по причине его рыжеватых волос»[21]. Несколько странно, что ни Кучук Джанхотов, ни сын его Джамбулат не одарены устным народным творчеством – песней. В то же время не такое уж героическое и не столь трагическое событие в личной жизни, как второе замужество дочери Кучука Джанхотова Хымсад, увековечено в памяти народа одной из красивейших песен.

«...князь Кучук Джанхотов владел этими холопьими до постигшей его смерти, т. е. до 1829 года...»[22]. А в прошении унтер-офицера Петра Мисостова командующему Кабардинской линией генерал-майору Горихвостову за 1832 год указано: «В прошлом 1830 году двоюродный брат родного отца моего, а мне дядя, кабардинский князь подполковник Кучук Джанхотов волиею божиею помер...»[23].

В обоих случаях дата смерти упоминается по прошествии определенного времени. Какая из них соответствует действительности? Если исходить из того, что Петр Мисостов вспоминал о событии всего лишь два года спустя, то Кабахан Наурузова восстанавливала в своей памяти факт 17-летней давности. Допуская, что оба просителя не пользовались документальным свидетельством, следует отдать предпочтение Петру Мисостову и считать датой смерти Кучука Джанхотова 1830 год. К этому нас склоняет и предписание генерала Эмануэля начальнику войск в Кабарде подполковнику Ушакову от 16 ноября 1830 года: «Соглашаясь в полной мере с заключением Кабардинского временного суда, изъясненном в донесении к вашему высокоблагородию оного от 24-го числа августа за № 46, представленном ко мне при рапорте вашем, от 31 числа прошедшего августа за № 1652, я предлагаю вам по содержанию оного немедленно сделать надлежащее распоряжение относительно допущения опекунов к имению покойного владельца полковника князя Кучука Джанхотова тех лиц, коих суд назначил. Что же касается до назначения такового со стороны генерал-майора князя Бековича-Черкасского, то о сем вместе с сем я дал ему надлежащее предписание, до того же прикажите означенным опекунам, чтобы они не приступали к приведению в известность имения»[24].

Как видно, Кучука Джанхотова 24 августа 1830 г. уже не было в живых, а 26 октября 1829 г. он заверил решение очередного суда своей печатью. Следовательно, смерть наступила между двумя этими датами. Характер предписания Эмануэля, не терпящего отлагательства, и указание на то, что к разделу наследства – «приведению в известность имения» – еще не приступили, говорят в пользу того, что Кучук Джанхотов умер в 1830 году.

Кучук Джанхотов похоронен на родовом кладбище в селении своего имени (ныне Псыгансу), где покоятся останки его отца Джанхота и деда Татархана. *Владык последнее жилище* последнего кабардинского князя-валия было выложено из тесаного камня. Над гробницей возвышалось оригинальное сооружение в форме колоннады, венчавшейся крышей. В 1935 (1936) году оно было разрушено по указанию председателя колхоза селения Псыгансу – потомка одного из крестьян Кучука Джанхотова. Правда, по словам Зарамука Кардангушева, он впоследствии жалел о содеянном. Вместе с тем этот акт вандализма сродни и тому факту, что места захоронения Татархана, Джанхота и Кучука – видных князей-валиев Кабарды прорусской ориентации – остаются до сих пор заброшенным уголком родной земли.

Отношение Кучука Джанхотова к России А. С. Грибоедов, лично

знавший его, назвал одним словом: «Любовь». Отношение Кучука Джанхотова к Кабарде Потто охарактеризовал двумя словами: «Любимая родина». Здесь есть кажущееся противоречие, но это переходящие друг в друга стороны единого целого. Политическая мудрость Кучука Джанхотова явилась последним прибежищем двух, на первый взгляд, разнородных, но нерасторжимых по глубинной природе своей чувств: любовь к родной Кабарде и к не чуждой России.

При жизни Кучук Джанхотов, несомненно, подвергался нападкам «справа» и «слева». Нередко от него отворачивались его же сторонники. Единственное, что могло поддерживать Кучука в трудные моменты, это сознание того, что он делает необходимое и спасительное для Кабарды дело.

Кучук Джанхотов понимал, что люди творят свою историю. По преданию, на вопрос русского царя: «Что есть ваша история?» — он афористично заметил: «Наша история — это наши старики».

Перефразируя эти слова, можно сказать: Кучук Джанхотов — это история Кабарды, основным действующим лицом которой он оставался около четверти века драматичнейшего периода ее развития.

«ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ РОЛЬ» РОССИИ

Я не умею любить свое отечество с закрытыми глазами, с поникшим челом, с зажатым ртом.

П. Я. Чаадаев

В кавказоведении в качестве методологии утвердилось положение Ф. Энгельса, высказанное им в письме к К. Марксу от 23 мая 1851 года. «...Россия, — писал он, — действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[1]. Историки, приводя эту цитату, вплоть до настоящего времени, опускали слова: «...несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь»*. Печально известный «советский» прием искажения прошлого путем выхватывания фактов из источников. Его цель, в частности, — механически устранять «дурные стороны» колониальной политики самодержавия. Но, как указывал К. Маркс, «тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению». Маркс относил к мелко-буржуазным и взгляд типа: «Наполеон — великий человек, он сделал много добра, но он при-

*См.: История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.)/ Ответственный редактор серии, книги и автор использованной главы академик А. Л. Нарочницкий. М., 1988. С. 48.

нес также много зла»[2]. Такой взгляд неизбежно впадает в сконструированную обыденным сознанием дилемму: сохранить хорошую сторону и упразднить дурную.

Господство крупнейших колониальных империй прошлого: Англии, Франции, Испании, Португалии или России – могло различаться степенью подлости, а специфически национальная «грязь» – большей или меньшей чистотой, но от этого оно нигде не переставало быть ни подлостью, ни грязью. Первоначальный колониализм всюду преследовал одни и те же цели: грабеж, насилие, захват, эксплуатацию. Конечно, свою цивилизаторскую роль царизм не везде и не всегда играл ровно. Наблюдались значительные изъятия как по территории, так и в смысле временных границ. В частности Кабарда, как и другие народы Северного Кавказа, в результате окончательного их присоединения к России – «бранной царице», превратившись в задворки огромной империи, оказалась, по образному выражению В. И. Ленина, «в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории»[3].

Кавказоведческая литература однозначно подчеркивает прогрессивное значение Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и некоторых других деятелей России для края, но уравнительно не приемлет военных, к числу которых относится и Ермолов. С точки зрения современного здравого; рассудка этот взгляд и объясним, и понятен. Но есть и другая сторона медали. Эти лучшие представители русской культуры находились под покровительством таких генералов, как Ермолов. Следовательно, Ермолов и Пушкин, например, не так уж и противоположны. Более того, как мы видели выше, они составляют единое диалектическое целое в пределах Российской империи. Ермолов – проводник Пушкина; без первого нет последнего. Однако и Пушкин пассивно не следует за Ермоловым, а вдохновляет его. Было бы непростительной оплошностью и лицемерием недооценивать вдохновляющего воздействия высокого художественного слова на военных. Денис Давыдов писал поэту Языкову, «последней звезде Пушкинского созвездия» (П. А. Вяземский): «...Вы мой нравственный отец и командир; один стих ваш – и я в огне боев, весело и безотчетно»[4].

Кажется, здесь не может быть двух мнений. Тем не менее общеизвестны слова А. И. Герцена: «Все те, которые не умеют отделить русское правительство от русского народа – ничего не понимают. По счастью, Зимний дворец – не вся Россия, даже не весь Петербург...»[5]. Спору нет, есть глубокий нравственный смысл в такой постановке довольно сложной проблемы. Но с точки зрения большой политики, обыкновенно мало считающейся с принципами нравственности, не так-то легко представить себе подобную «хирургию». Ведь для разделения России на Зимний дворец и остальное надо, если всмотреться, сначала установить, где кончается царизм и начинается народ. Ключ к пониманию и разрешению этой проблемы оставил Ф. М. Достоевский. Великий писатель убежден: «...Везде по всей России в каждом месте была вся Россия... Задачи были совсем одни и те же, как и у всех русских

в Москве или Петербурге, в Риге или на Кавказе, или даже где бы то ни было»[6]. Выводы писателя восходят к Пушкину:

От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..[7]

Тем самым явственнее обозначаются роль и мера ответственности Зимнего дворца (царя), царских сановников и царедворцев и остальной России – народа.

Кивать на царя и высшее военное начальство, когда речь идет о колониальной политике России, и замалчивать роль царя в духовной жизни русского народа, к которому он, естественно, прилагал определенное усилие – это не путь к воссозданию действительно многоликой картины прошлого. Пушкин свидетельствует: «Не могу не заметить, что со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно»[8].

Общеизвестно, что выдающиеся русские поэты воспевали царей. «С Державиным умолкнул голос лести – а как он льстил?» – писал Пушкин А. А. Бестужеву в 1825 году. Пройдет всего три года, и он в стихотворении «Друзьям» скажет о своем отношении к Николаю I:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувство выражаю,
Языком сердца говорю,
Его я просто полюбил,
Он бодро, честно нами правит[9].

Можно быть великими сыновьями России одного времени и иметь различные и даже противоположные суждения об одном и том же царе. Пушкин полюбил Николая без лести, а Чаадаев, его друг, им же объявлен сумасшедшим. Герцен же ненавидит Николая «с той испепеляющей душу силой, с какой можно ненавидеть только тирана»[10].

Пушкину следует верить всегда! Нет оснований не верить ему и в том, что «с Державиным умолкнул голос лести». Первый поэт России «не льстец... царю», а, следовательно (сомнения прочь!), из собратий по перу он ближе всех к Николаю I – жестокому судье его друзей-декабристов. Император не остается в долгу. Он отказывает Пушкину в просьбе направить его в «Турецкую армию», оберегая «царя скудного царства родной поэзии»[11] (Николай I).

Между тем стихотворение встретило отрицательный отклик в среде поэтов. Н. М. Языков (1803–1846), друг Пушкина, один из лучших поэтов России, «его избранник и подручник, и собутыль-

ник молодой», писал: «Стихи Пушкина «К друзьям» – просто дрянь. Этакими стихами никого не выхвалишь, никому не польстишь, и доказательством тонкого вкуса в ныне царствующем государе есть то, что он не позволил их напечатать»*[12]. Другое мнение о том же стихотворении высказано в примечании к нему в десятитомном собрании сочинений Пушкина (1981). Взгляд, достойный «проницательности» эпохи «застоя», обнаружил, что и «хвалы... высказанные в первых пяти строфах стихотворения, носят скрыто иронический характер»[14]. Мог ли быть Пушкин удовлетворен подобной интерпретацией своей принципиальной позиции? Скорее всего, потребовал бы от ее авторов немедленного удовлетворения – дуэлью. Отношения Николая I и Пушкина не были и не могли быть всегда безоблачными, как и всякие отношения вообще, но в них ясно прослеживается преобладание взаимного доброжелательства двух царей: Российской поэзии и Российской империи.

Исследуя вопрос об отношении народа к царю, Ф. Энгельс писал: «Русский народ... устраивал, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против дворянства и против отдельных чиновников, но против царя – никогда... Наоборот, царь представлялся крестьянину земным богом... до бога высоко, до царя далеко, восклицает он в отчаянии»[15].

* * *

Известный ученый академик А. Л. Нарочницкий, ссылаясь на некоторые нетипичные факты истории, пришел к заключению, что «русскому простому солдату была совсем не свойственна жестокость, проявления которой нередко требовали некоторые царские офицеры и генералы» (Ермолов, И. Ф. Паскевич. – *С. Б.*)[16]. Можно согласиться с тем, что были и такие простые солдаты, которым не свойственна жестокость. Но излишне особо доказывать, что такими солдатами Кавказ не мог быть завоеван: они могли служить, главным образом, лишь блуждающей мишенью воинственных горцев. В людях проявляется только то, что им свойственно. Солдат – не исключение: что проявляется в нем по требованию начальства, то у него в крови.

По случаю назначения великого князя Михаила Николаевича наместником Кавказа граф Соллогуб** произнес приветственную речь, избранную В. А. Потто эпиграфом для своей истории о Кавказской войне. «Вы теперь близко увидите, – акцентировал

---

*Когда Бенкендорф представил стихи Николаю I, тот сделал надпись: «Это можно распространять, но нельзя печатать». Таким путем Николай I, с одной стороны, заслужил признательность в светском обществе, а с другой – дал лучший повод к его широкому распространению в рукописи[13].

***В. А. Соллогуб* (1814–1882) – граф, секундант А. С. Пушкина в его несостоявшейся первой дуэли с Дантесом. В 50-х гг. на Соллогуба было возложено описание военных действий русских войск «за Кавказом».

он, – как живет и умирает кавказский воин, с каким самоотвержением совершает он свой подвиг и сколько неизвестных историй героев молча легло для защиты знамени и долга»[17].

Кавказский воин – кавказцы, казаки, – комплектовался не из обыкновенной простой русской среды. Исчерпывающую суть вопроса информацию мы находим у Н. А. Добролюбова. По его данным, Черноморские (Кубанские) казаки – важная составная часть колониальных сил царизма – потомки запорожцев, или Запорожской Сечи, ликвидированной царизмом в 1775 году за связь с пугачевским восстанием. Большинство из них было вынуждено сложить оружие и расселиться по ближайшим губерниям. Но мирная их жизнь продолжалась недолго – до 1783 года, когда река Кубань была объявлена границей между Россией и Турцией на Кавказе. Тогда пришлось вспомнить про запорожцев и призвать их к старому ремеслу.

Н. А. Добролюбов пишет: «Правительство, имея в виду заселение этой границы народом, привыкшим к постоянной войне, обратилось к бывшим запорожцам с призывом на службу... только на новом месте. Казаки, разумеется, с радостью встретили этот призыв и в 1792 году переселились на Кубань в числе 13 000 человек. Затем вследствие особых мер к ним правительство присоединило еще в виде отсталых до 700 семейных и бессемейных казаков, находившихся на поселении в разных местах Новороссийского края. Это составило коренное население казацкого Черноморья. К нему с течением времени присоединилось до 500 запорожцев, убежавших к султану, около 52 000 добровольных переселенцев мужского пола из губерний Полтавской, Черниговской и Харьковской и до 1000 душ мужского пола добровольно вышедших из-за Кубани черкес и татар*. Всего войсковой состав простирался тогда до 73 000 мужского и 50 000 женского пола душ»[18]. Это была значительная военная сила. Перед ней ставилась задача: «...служить защитою южных пределов Европейской России от вторжения неприязненных нам обитателей Кавказа»[19].

На рубеже XVIII–XIX веков те же защитники южных рубежей России назовут себя «вратарями Кавказа»[20]. В этом новом качестве казаков застал Пушкин в 1820 году. 24 сентября он пишет брату: «Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает... Видел я берега Кубани и сторожевые станицы – любовался нашими казаками. Вечно верхом, вечно готовы драться; в вечной предосторожности!»[21].

---

*Распространено мнение, что «черкесское вооружение (народная форма черкеса. – *С. Б.*) перенято даже офицерами черноморских казаков и на всей Кавказской линии» (АБКИЕА. С. 335).

Наличие черкесского вооружения (черкесской одежды) у казаков еще не говорит о том, что оно всеми ими заимствовано. Как мы заметили выше, часть казаков состояла из адыгов, перешедших не так давно в это сословие, а немалое число других были потомками предков, некогда принадлежавших к адыгскому этносу. Следовательно, эти казаки носили не заимствованную, а свою, национальную (народную), одежду.

Можно заключить: Зимний дворец охватывал чуть ли не всю Россию, и почти вся Россия видела себя в Зимнем дворце: горстка эмигрантов-революционеров и им сочувствующих не делали в ней погоды.

Царизм, как видно, проводил на Кавказе целенаправленную политику отбора, привлечения, обучения и поощрения военных людей. Одна из центральных военных фигур на Кавказе – т. н. кавказец. Он – типичный герой-офицер, пользовавшийся многими льготами: ранняя пенсия, чин, положение в обществе. Среди кавказцев были и опальные декабристы. Они, как писал Ермолов Николаю I, в каждом действии были впереди, не уступая ни одному из солдат ни в трудах, ни в опасностях...[22] Декабристы, как разжалованные в солдаты, так и офицеры, были достойны друг друга в сражениях с горцами. Несмотря на различные обстоятельства, при которых они оказались на передовой, те и другие направлялись на Северный Кавказ «на ловлю счастья и чинов». При этом они, как выразился Ермолов, надеялись, что «небесконечен гнев великого государя»[23].

Характер уже немолодого кавказца ярко обрисовал М. Ю. Лермонтов в рассказе «Кавказец». Как отмечено в исследованиях, этот образ близок к герою его же стихотворения «Завещание», отождествляемого с М. Ю. Лермонтовым. Об этом можно судить и по письму поэта к С. Н. Карамзиной за 1841 год – год создания рассказа: «Пожелайте мне счастья и легкого ранения. Это самое лучшее, что только можно мне пожелать»[24]. Вот как предстает типичный кавказец в рассказе: «Кавказцу уже сорок лет, ему хочется домой, и если он не ранен, то поступает иногда таким образом: во время перестрелки кладет голову за камень, а ноги выставляет на пенсион. Это выражение там освящено обычаем. Благодетельная пуля попадает в ногу, и он счастлив»[25]. Та же самая мысль выражена в мемуарах ссыльного декабриста Н. И. Лорера (1795–1873). Он вспоминал слова своего командира, капитана Масловича: «Я и сам всякий раз, что бываю в деле, всегда желаю, чтобы меня ранили для пенсиона. К несчастью, это не случается... Вот я так и маюсь здесь на Кавказе 20 лет, а что проку в побрякушках, которые я получил за все это время? Чин капитана да Станислава на шею – из них ведь шубы не сошьешь... А будь я ранен, получил бы пенсион, вышел бы в отставку и зажил бы паном»[26]. Перед нами несколько различных взглядов на кавказского воина. Кажется, они противоречивы, но каждый по-своему прав.

Относительно Герценовского «простого солдата». Верный его портрет мы находим у Пушкина: «Русский солдат, на 24 года отторженный от среды своих сограждан, делается чужд всему, кроме своему долгу»[27].

Образ «простого солдата» как нельзя лучше представлен в рассказе Л. Н. Толстого «Как умирают русские солдаты» (1853 г.): «Отрадно видеть человека, смело смотрящего в глаза смерти, а здесь сотни людей всякий час, всякую минуту готовы не только

принять ее без страха, но гораздо важнее – без хвастовства, без желания отуманиться, спокойно и просто идут ей навстречу...»[28].

Итак, утверждение графа Соллогуба, наблюдения Пушкина, Лермонтова и Толстого говорят об одном: кавказский воин-офицер в целом однозначен.

В самом деле, он, с одной стороны, «на ловле счастья и чинов» и сочтет за счастье получить рану, иногда инспирированную, обеспечивающую ему выгодную отставку, с другой – проявляет готовность к самопожертвованию в честь знамени и долга. Некоторое различие в стане русских воинов все же есть. Но не это главное. Главное – что их роднит: на пути к цели им предстоит пройти через горнило войны, столкнуться лицом к лицу с противником-кабардинцем (черкесом). А он находится на драматической развилине: покориться или лечь костьми. И если случится выбрать, то немирный черкес, не задумываясь, предпочтет славную смерть постыдной неволе – обители, созданной рабами для самих себя.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЕРМОЛОВА В КАБАРДЕ

Мы выше рассмотрели краткую историю установления русской администрации в Кабарде до назначения Ермолова главнокомандующим на Кавказе. Что же внес нового в общественную жизнь Кабарды Ермолов? Согласно «Энциклопедическому словарю» Брокгауза и Ефрона, «гражданское управление краем обнаружило в Ермолове выдающиеся способности администратора и государственного человека»[1].

На протяжении многих сотен лет общественный строй кабардинцев оставался почти неизменным. Внутреннее их управление, изложенное самими кабардинскими князьями и узденями, нашло отражение в отношении Дибича к Паскевичу от 4 февраля 1829 года. Они объясняли: «Права кабардинцев многочисленны: оные вообще разделяются на княжеские и народные. Княжеские права ведутся еще со времен переселения родоначальников теперешних князей в Кавказские горы из Аравии. По силе оных особы княжеские неприкосновенны и оными же предоставляется князьям власть над имуществом и самою жизнью своих подвластных, народные права руководствуют узденей и простой народ в общежитии. Сии права до времен царя Иоанна Васильевича и именно до 1554 года почитались священными и неприкосновенными»[2].

Нарушение своих «священных и неприкосновенных» прав князья и уздени связывали с началом проникновения русской администрации в Кабарду. «До введения в Кабарде русского правительства, говорили они далее, – все гражданские дела решались по шариату эфендием или кадием, но в 1792 году Г. Императрица Екатерина Алексеевна учредила в Большой и Малой Кабарде родовой расправочный суд на кабардинских правах. Народ, понимая сей суд противным мухамеданскому закону, просил в 1801 или

1802 году об уничтожении оного бывшего тогда кабардинским приставом полк. Дельпоццо. Сей доводил о том до сведения князя Цицианова, который уничтожил сей суд, учредил вместо оного для разбирательства народных дел мехкеме или шариат, каковым и разбирались все дела до 1822 года. В первый день сентября месяца оного года ген[ерал] Ермолов прокламациею сему народу данною, запретил шариат и вместо оного, противно мухамеданскому закону, открыл в Кабарде временный суд, предоставя духовному разбирательству следующие только дела: 1) до веры и совести касающиеся; 2) по несогласию мужей и жен; 3) ссоры между родителями и детьми; 4) вообще дела, не имеющие улик, ясных доказательств и письменных свидетельств. Народ кабардинский, издревле приобыкший решать все гражданские дела по шариату, просил об уничтожении оного суда, но прокламациею в 9-й день августа 1822 года данною в просьбе сей совершенно отказано, через это многие князья, уздени и черный народ произвели в Кабарде бунт, при котором многие бежали за Кубань, где и теперь находятся»[3].

Законодательная деятельность Ермолова в Кабарде затронута в работах ряда историков. Профессор Т. Х. Кумыков, в частности, справедливо указывает: «Постановление Ермолова об отмене трех шариатских судов, безусловно, имело положительное значение. Оно способствовало ликвидации феодальной раздробленности, межфеодальной борьбы и оказывало полезное влияние... на общественную жизнь кабардинцев».

Вместе с тем многие аспекты данного вопроса все еще ждут своего исследователя. Коснемся некоторых из них.

Ермолов добивался уменьшения не только власти кабардинских владельцев над простым народом, но «даже управления нашего», т. е. стремился управлять Кабардой с наименьшими издержками для России. В этом он видел одну из главных задач суда и потому столь много внимания уделял его укреплению.

Первая из прокламаций, обращенная к кабардинцам, составлена Ермоловым в Тифлисе 14 января 1822 года. В ней содержится призыв: «Убеждаю народ кабардинский не верить обольщениям своих владельцев. Они обманывают вас и первые оставят в крайности. Не спасут их твердые места, в которых думают они укрыться, и нет таковых, куда бы ни прошли войска наши! Не защитят вас мошенники, которые ничего не думают, кроме подлого воровства и разбоев. Не отмщеваю я простому народу и в последний раз обещаю ему жизнь покойную, счастливую и свободную. После поздно уже будет»[4]. У Ермолова были свои соображения обещать простому народу «жизнь покойную, счастливою и свободную». Свободную, разумеется, лишь от непокорных ему владельцев, а не от царского правления. Трудно сказать, насколько такая «свобода» могла стать счастьем для крестьянина-беженца, но обеспечивала ему относительно спокойную жизнь, а она была мечтой крестьян, измученных нескончаемой кровавой междоусобицей князей. Многие крестьяне могли бы просто «перебежать» к рус-

ским, если бы до них дошла прокламация Ермолова, но одни из них не могли знать о ней в силу ряда причин, а другим мешал заслон владельцев.

Из отношения Дибича к Паскевичу от 4 февраля 1829 года: «...Беглецы владельцы были в опасности лишиться всех своих крестьян, но они успели, однако же удержать их угрозами в том, что они сами возвратятся в Кабарду и бежавшим будут мстить смертью».

Этому способствовал и адыгский этикет (орк-хабзэ) – своеобразная *религия* кабардинцев. Он настолько освящал права князей и важнейших узденей, настолько крепостные уверовались в законности прав своих владельцев, что даже «грозные прокламации Ермолова, в которых предписывалось народу преследовать князей и дворян, бежавших к горцам, причем обещалась свобода, оставались одною мертвою буквою»[5].

Спустя всего несколько дней после первой прокламации, 25 января 1822 года, Ермолов предписывает Сталю: «...Поручите начальникам войск в Кабарде ласковое с простым народом обхождение и употребление всех, дабы внушить ему доверенность к нам. Наказание должно постигнуть одних несущих оружие»[6]. Отсюда ясен первоначальный план Ермолова: сражаться лишь против тех, кто несет оружие. Еще один документ. В письме к князю Волконскому от 1 сентября 1822 года Ермолов отзывается о кабардинском простом народе как о «кротком, добром и трудолюбием полезном»*[7].

Анализ приведенных источников позволяет сделать вывод, что Ермолов объективно, независимо от своей главной цели – окончательном подчинении Кабарды – сыграл положительную роль по отношению к простому народу. Этот, на первый взгляд, парадокс объясняется тем, что простой народ был естественным союзником царской администрации в той степени, в которой она боролась против ненавистных ему феодалов. И Ермолов освобождал крестьян не из сострадания к ним, а, рассматривая этот акт как самое уязвимое место владельцев и стараясь без лишних жертв со своей стороны схватить их за эту ахиллесову пяту. Но далее пути Ермолова и крестьян неизбежно должны были разойтись. Крестьяне не искали себе нового господина, а им становился царь.

Останавливаясь на прокламациях Ермолова, следует отметить, что идея освобождения крестьян от непокорных царской администрации князей и узденей не принадлежала Ермолову. Она, в частности, выдвигалась Дельпоццо, главным приставом Кабарды, в рапорте Тормасову еще 12 марта 1810 года. Дельпоццо предлагал Тормасову издать «от своего имени прокламацию, чтобы владельцы и узденья, преданные престолу... немедленно переселились с подвластными на отведенное место». Иначе подвластный им народ «принимается под покровительство и совершенное

---

*Много позже Д. С. Кодзоков о своих соотечественниках заметит также, что «добродушие и доверчивость... составляют основания их характера»[8].

подданство Российской империи... навсегда без возврата владельцам и узденям»[9]. Дельпоццо, советуя Тормасову об этом, исходил из реальной ситуации. Она была такова, что, по его сведениям, «действительно черного кабардинского народа есть намерение удалиться от тиранского ига господ их владельцев и узденей и желание переселиться в наши границы без всяких злых намерений». По тому же вопросу Дельпоццо сообщал генерал-майору Мусину-Пушкину: «...Сей народ сряду 3 года просил меня о том через нарочных депутатов и по одиночке»[10]. Однако Тормасов не рискнул на подобный шаг, опасаясь усугубить недовольство князей.

В 1822 году Ермолов огласил свои прокламации. Отныне основная политическая и общественная жизнь в Кабарде должна была осуществляться в соответствии с ними. Прежде всего, они были призваны существенно ограничить права князей. Они лишались: «1) права грабить имущество подвластных; 2) права отнимать жен их; 3) права расторгать семейства для продажи в разные руки мужа, жены и детей; 4) права убивать самовольно тех и других по неудовольствиям или нередко за малейшие проступки. Кроме того, уничтожен обычай, по которому узденья и чернь не смели защищать своей жизни и поднимать рук своих на князей даже в то время, когда сии явно нападали на них с оружием в намерении умерщвлять»[11].

На основе прокламаций Ермолова им был учрежден Временный суд, которому было суждено сыграть значительную роль в Кабарде.

Учреждение Кабардинского временного суда было, по сути дела, возрождением ликвидированных в 1806 году родовых судов и расправ, вместо которых тогда же был узаконен духовный (шариатский) суд. Призванный обеспечить управление Кабардой после ее присоединения к России, суд преподносился Ермоловым (и с этим следует согласиться с известными оговорками), как шаг навстречу желаниям простого народа. По этому поводу Ермолов 25 января 1822 года предписал Сталю: «Издавна известно Вашему превосходительству, что простой народ кабардинский, наскучив разбоями своих владельцев, за которые нередко претерпевал разорение, *желал уменьшения власти их, даже управления нашего...* (выделено нами. – *С. Б.*). Я посылаю при сем экземпляры прокламаций на арабском и татарском языках и прошу Ваше превосходительство изыскать средства раздать их»[12].

Суд располагался в крепости Нальчик. Он состоял «из трех старших князей, избираемых из трех уделов, или владений, составляющих Большую Кабарду, и из такого же числа младших князей; из двух дворянских старейшин, одного старшины из льфекотлов или вольных земледельцев, одного кадия или духовного судьи, одного письмоводителя или секретаря и одного глашатая»[13].

Учреждение Временного суда, подчиненного воинскому начальнику Кабарды, означало упразднение, уничтожение власти главного князя (валия) Кабарды. Однако привычное слово валий было сохранено. Этим именем теперь стал именоваться «стар-

ший из трех присутствующих князей», т. е. тот князь, который избирался председателем суда.

Хан-Гирей признавал, что Кабардинский временный суд – «благоразумное устройство». Тем не менее, а возможно, именно потому, он не мог понравиться определенной части кабардинцев. По убеждению Хан-Гирея, для этого имелось одно веское основание – новое учреждение названо русским словом «суд», а не арабским «махчеме». «И кровью ознаменовались, – сожалел он, – народные предрассудки, которыми не благоразумие, а безумство пренебрегает»[14].

Даже одно незнакомое учреждение, особенно в условиях патриархальной замкнутости, может повлечь за собой крайне нежелательные последствия, как было, например, при установлении родовых судов и расправ в 1793 году. Кабардинский временный суд – это второе, переработанное и дополненное издание родовых судов и расправ,– не получил в народе, мягко говоря, сколько-нибудь заметной поддержки. И это несмотря на то, что между двумя событиями лежало расстояние без малого в 30 лет, когда общество подверглось необыкновенно тяжкому испытанию.

Неприятие извне навязываемого народу общественного порядка, конечно, не есть специфически адыгский феномен. Указывая на глубинные корни подобного явления, Гегель писал: «...Государственный строй не есть нечто созданное: он представляет собой работу многих веков, идею и сознание разумного в той мере, в какой оно развито в данном народе. Поэтому государственное устройство никогда не создается отдельными субъектами. То, что Наполеон дал испанцам, было разумнее того, чем они обладали прежде, и все-таки они отвергли это как нечто им чуждое, потому что они еще не достигли необходимого для этого развития»[15].

Адыгский этикет, ключевым звеном и основным недостатком которого было освящение прав людей княжеского происхождения, являлся воплощением общественно-экономического уклада Кабарды. Поэтому кабардинцы в условиях продолжавшегося фактического всевластия князей и их ближайшего окружения не были готовы к принятию более прогрессивного, феодально-демократического устройства. В связи с этим неудивительно, что владельцы – противники Кабардинского суда всячески старались не допустить нормального его функционирования, а при возможности и вовсе ликвидировать. (Духовенство активно поддерживало усилия владельцев, естественно, преследуя и свою цель – сохранить привилегии, которых оно могло лишиться, если всерьез не препятствовать деятельности суда.) Начали они действовать от имени самого суда. В 1823 году члены суда: Бей-Арслан Куденетов и Наджу Арсланкеров обратились к Ермолову с прошением «о введении по-прежнему шариата... для облегчения народа». Отвечая на прошение, Ермолов 30 октября 1823 года констатировал: «Всегда старанием моим было, и самим собою лучший еще подаю пример, уважать закон мусульманский и потому не сделал я ниг-

де постановлений оному противных*. Таков и суд, учрежденный мною в Кабарде и во многих других мусульманских провинциях, из коих ни одна не менее Кабарды, а несравненно многолюднее. Там допускается шариат в одних тех случаях, как и в Кабарде, и распространять действия его нет никакой необходимости»[16].

Основательно ознакомившись с сословными порядками в Кабарде и ролью в них мусульманского духовенства, Ермолов пришел к выводу, что «одно загрубелое в невежестве духовенство, каковое всегда было в Кабарде, составленное по большей части из удаленных крепостных людей, могло в угождение владельцев и узденей, не заботясь о защите простого народа, переменять настоящий смысл закона»[17]. Это обстоятельство было ловко использовано Ермоловым для усиления позиций Кабардинского временного суда, не подрывая крепостнических устоев тех же самых князей и узденей. Предостерегая их от попыток «введения по прежнему шариата», Ермолов, в противном случае, угрожал «допустить обширнейшее действие шариата», т. е. в отличие от прошлого распространить его на все слои общества, что было бы крайне невыгодно владельцам.

«...Справедливо было бы, — указывал он, — распространить оное на все вообще состояние, т. е. и на простолюдинов, из коих не исключается и собственно владельцам принадлежащие люди». Ермолов угрожал просителям, членам суда... удовлетворением их просьбы. Однако, будучи сам крепостником, Ермолов стремился удержать знать от опрометчивых с ее стороны шагов. «Прежде, нежели согласиться на исполнение представленного мне прошения, — предупреждал он ее, — хочу я знать, известно ли было об оном простому народу, который по точному смыслу шариата должен быть свободным и, как все прочие состояния, иметь равное право на справедливость и силу законов»[18]. Ермолов, конечно, не забыл присовокупить к этому, что «благосостояние всех вообще служит всегдашним попечением правительства», проводя, таким образом, определенную параллель между принципами ислама и имперской политики.

Кажется, все говорило за то, что настала пора объявить «благосостояние всех вообще кабардинцев». Тем более что оно соответствовало принципам ислама, правительства и Ермолова, полномочного представителя правительства, уважающего «закон мусульманский». Свои настоящие взгляды относительно крепостничества в Кабарде Ермолов предельно ясно выразил в словах: «Уравнение состояния не может обещать Кабарде спокойствия и порядка». Он твердо уверял власть имущих: «Не желает правительство отнять выгоды у владельцев и узденей, им справедливо принадлежащих, а потому войду в обстоятельнейшее рассмотрение, как, не допуская решительно излишнего действия шариата, совершенно бесполезного, согласить выгоды владельцев с выго-

---

*Ермолов сознательно умалчивал тот факт, что запретил правоверным мусульманам паломничество в Мекку, к чему отрицательно отнесся и Ф. Бекович-Черкасский.

дами простого народа. Скоро надеюсь я быть в Кабарде и при себе дело важнейшее окончу». Что и говорить, Ермолов вполне откровенен. Об уравнении всех слоев кабардинского общества у него не могло быть и речи: за князьями и узденями сохранялись их права и привилегии. Он добивался другого: ограничить их в своих возможностях настолько, чтобы чувствовали себя подвластными учрежденному им детищу — Кабардинскому временному суду. А суд был призван, прежде всего, закрепить завоевания Ермолова в Кабарде, и в этих целях «доставлять обиженным защиту и оказывать всем правосудие»[19].

«Оказывать всем правосудие» — вот главный прогрессивный смысл Кабардинского временного суда. Такая задача перед судебным учреждением в Кабарде реально ставилась впервые. Шариатский суд — мехчеме — не охватывал своим правосудием простой народ. Как свидетельствует Ермолов, подлинный смысл шариата — равенство всех мусульман перед Аллахом — так или иначе скрывался от народа, не распространялся на крепостных и рабов, и они оставались за пределами правосудия вообще, подвергаясь, следовательно, произволу владельцев, ограничивавшемуся лишь не всегда для них обязательным обычным правом. Такое положение имело место не только до учреждения Кабардинского временного суда, но и в первые годы его деятельности. Это подтверждается рядом документов, в частности, отношением Подпрятова от 9 марта 1824 года к Кучуку Джанхотову — «главному президенту в суде»[20].

Для содержания членов суда было признано необходимым взимать с каждого двора так называемые порции — «хлебом, скотом, дровами и сеном». Члены суда, в обход администрации, скрывали количество аулов и дворов в них. Подпрятов был поставлен в известность и о том, что княжеские крестьяне (надо полагать, они имели некоторое предпочтение перед узденскими крестьянами) посылались для сбора этих «порций». А некоторые княжеские крестьяне отличались грубостью, рвачеством, брали большие нормы. В то же время не выполнялась установка — допускать к сбору лиц, «из узденей в суде находящихся» с тем, чтобы их посредством обеспечить «порядок и справедливость». Однако распоряжения Подпрятова, несомненно руководствовавшегося установками Ермолова, не только не исполнялись, но наблюдался сбор «порций» и в тех случаях, когда судьи находились дома, а не заседали, как было определено. Злоупотребление должностных лиц суда отягощали, говоря словами Подпрятова, «народ налогами противно правилам и здравому рассудку». Потому Подпрятов предписывал председателю суда Кучуку Джанхотову «принять меры к устройству общественного блага в народе и удерживать все прежние беспорядки насилия и самовольства, коих Российское правительство не терпит, а желает народ оградить полною защитою от обид сильных и тем дать устройство и преимущество каждому постоянно, а не угнетать человечество, как прежде было»[21].

Документ представляет особый интерес с точки зрения изучения и понимания некоторых основных ориентиров установленного в Кабарде Ермоловым русского правления. Нет оснований не доверять искренности Подпрятова, когда он говорит, что «желает народ оградить полною защитою от обид сильных и тем дать устройство и преимущество каждому постоянно, а не угнетать человечество, как прежде было». Подпрятов, конечно, понимал, что его предписание, как и некоторые другие, может остаться на бумаге. Поэтому он предупреждал Джанхотова, что ему не хотелось бы, будучи снисходительным к нему, «учинить начальству (Ермолову. – *С. Б.*) представления» и просил не доводить его под конец своего правления до того, чем он прежде не занимался – «наводить вам от начальства по моим представлениям неприятности».

Опасения Подпрятова оправдались. Его предупреждение осталось не принятым во внимание Кучуком Джанхотовым. Очевидно, этим и вызвано предписание Ермолова Кабардинскому временному суду от 31 августа 1824 года. «Два года, как учрежден Кабардинский временный суд собственно для счастья кабардинцев, – разъяснял он, – но до сего времени народ не пользуется еще правосудием и защитою от притеснения: сильнейшие действуют, как хотят, и жалобы лежат без решения; судьи, не думая о своих обязанностях, редко бывают в суде, а дело отправляют в домах, и духовенство допускается в разбирательство дел гражданских, несмотря на мое запрещение»[22]. Это вынудило Ермолова подтвердить запрет на сбор т. н. «порций» с народа для членов суда, введенный еще Подпрятовым «до того времени, пока члены суда не станут заниматься судами как должно,– пока не приведутся в известность подати и повинности, отбываемые подвластными холопьями владельцам и узденям, и, наконец, пока не будут составлены подробные списки: 1) о владельцах и их детях мужского пола по фамилиям и именам; 2) таковые же об узденях и 3) ведомости, сколько у каждого владельца или узденя состоит семейств или дворов подвластных и сколько холопьев...»[23].

Выполнением этого предписания явилась «Ведомость исчисления кабардинского народа...». Работа над ее составлением продолжалась 5 месяцев и была закончена 30 января 1825 года. Ведомость подготовлена Джамботом Кучуковым и Биясленем (Бесленем) Хамурзиным – «двумя расторопными владельцами» (Ермолов) и Якубом Шардановым, секретарем суда.

Много времени уделял Ермолов укреплению роли Кабардинского временного суда. 19 сентября 1824 года он – в укреплении на Урухе. К тому времени начальство в Кабарде сменилось. Место Подпрятова занял подполковник Булгаков. В тот же день круг его обязанностей был очерчен Ермоловым. Раздосадованный тем, что суд, вместо того, чтобы служить надежным рычагом русской администрации в управлении Кабардой, стал новым источником наживы его не очень послушных членов, Ермолов требовал от Булгакова строго следить за производством дел. В качестве ориентира он дал знать Булгакову: а) «заседающий в суде всегда со стороны

сильных и нет простому народу защиты»; б) «князья и сильнейшие из узденей, храня взаимно один другого выгоды и, желая присвоить себе власть, отягощают простой народ». В этих словах можно было бы усмотреть желание сгустить краски, чтобы внушить новому начальнику необходимость силового давления. Но есть воспоминание отставного генерала, не продиктованное тактическими соображениями: «...Закон мусульманский, хотя признает все вообще состояния свободными, но священные особы, удаляясь сего правила, полное действие шариата допускали в разбирательстве дел между князьями и знатнейшими фамилиями узденей, а простой народ, когда требовала польза знатнейших и богатых, всегда был утесняем и бедный никогда не получал правосудия и защиты»[24].

Очевидно, Ермолов критиковал отсутствие правосудия для простого народа в феодальной Кабарде, князья и знатные слои которой, прикрываясь шариатом, действовали вразрез с основным догматом ислама – идеей о равенстве всех мусульман. Может быть, Ермолов, справедливо критикуя жестокость кабардинских князей и близкой ей знати, сравнивал здешние сословно-классовые отношения с крепостничеством в самой России? Мы не располагаем конкретным сравнительным анализом обеих форм проявления феодализма. Свет на эту проблему может пролить одно положение Н. Г. Чернышевского: «Крепостное право, – писал он, – конечно, заключало в себе возможность многих злоупотреблений и... очень хорошо известны случаи жестокости или алчности, или цинического насилия, проистекавшие из крепостного права. Но при всей их многочисленности надо согласиться со словами бывших адвокатов крепостного права, что все эти вопиющие нарушения закона были исключением из общего правила и что огромное большинство помещиков составляли люди вовсе не злые и не преступавшие прав, какие давались им над крестьянами законом или утвердившимся под влиянием закона обычаем»[25].

Конечно, крепостник крепостнику – рознь. И феодальная Кабарда знала немало случаев соблюдения обычно-правовых норм регулирования общественной жизни. Но, когда дело касалось высшей знати, то оно, как показывают документы, почти всегда решалось в ее пользу*.

И если Чернышевский, характеризуя крепостничество в России, считал нарушения закона исключением, то искажение шариата в Кабарде было возведено в ранг законодательства для крестьян и лишь как исключение могло соблюдаться для владельцев. Политика князей, от которых зависело решение суда согласно прокламации, была рассчитана и на хитрость. Не совершая требуемого от них правосудия, члены суда стремились «возбудить в народе ропот и заставить его желать учреждения прежнего шариата».

Ермолов далее указывал Булгакову, что «мусульманские

---

*См.: *Думанов Х. М.* Якуб Шарданов. Нальчик, 1988. С. 38–39; *Бейтуганов С. Б.* Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1989. С. 55–56, 61, 98–100.

священники стараются делать вредные внушения правительству, устрашая народ нелепыми вымыслами, как-то: обращением в казаки, рекрутским набором, тягостными налогами и повинностями». Антирусски настроенные владельцы сознательно вводили в заблуждение людей. В плену предрассудков оказывались и князья. Так, один из сбежавших князей, Арслан-Бек Биесленов, был принят Ермоловым в 1824 году. Делясь своими впечатлениями от этой встречи, он потом рассказывал, что «получил совсем другое понятие о русских, что он раньше не бывал ни у одного из русских начальников»[26].

В еще большем заблуждении пребывал «черный народ». Ему внушали: «...все прежние обычаи земли нарушены», «одно учреждение шариата может восстановить их в прежнее состояние». Не только священники тайно разбирали дела простого народа, но и сами члены суда, скрываясь в своих домах, по своему усмотрению рассматривали поступавшие к ним жалобы. Ермолов требовал прекратить подобную практику и изъявил категоричную волю: шариатский суд не должен существовать. В предписании к Булгакову Ермолов повторил некоторые положения уже нам известного своего указания Кабардинскому временному суду от 31 августа 1824 г., но добавил существенный пункт: «Во всем, что принадлежит до зависимости простолюдинов, не весьма полагаясь на показания князей и узденей, требовать сведения от депутатов черного народа».

О роли Кабардинского временного суда в жизни кабардинцев и отношении к нему крестьян, владельцев и духовенства на восьмом году его существования, можно судить по отношению Дибича, к Паскевичу (1829 г.). В нем приводились замечания Эмануэля по данному вопросу: «К учреждению в 1822 году Временного кабардинского суда побудили кавказское начальство сильные жалобы простого кабардинского народа на угнетения, претерпеваемые оным от неправильного разбирательства дел шариатом, которые, несмотря на несовершенное действие кабардинского суда, прекращены уже, и доверенность, с которою чернь предается оному, явно доказывает, полезное влияние сего суда на общественную жизнь кабардинцев. Князья сами совершенно уверены в том, что разбирательства оного всегда основываются на правилах, предписываемых Алкораном, и на правах сих и что решения оного всегда беспристрастны, но, привыкши по шариату, быть во всех делах правыми, не желают подвергать себя такому суду, который судит их точно так, как и подвластных их. Духовенство же кабардинское, происходящее обыкновенно из последнего класса людей, чтобы не лишиться прибыточной власти своей над народом и выгод, которые доставляют оному безотчетные действия шариата, постоянно требуют от князей возобновления оного, угрожая проклятием повинующимся суду неверных»[27].

Спустя 33 года после установления Кабардинского временного суда наместник Кавказа Муравьев также писал о его значении его же «отцу»: «Я был в Нальчике, где устав ваш и прокламация

служат единственным руководством для дел, встречающихся не только между кабардинцами, но даже между племенами, живущими в горах»[28] (по словам того же генерала, и в Чечне был учрежден суд в «подражание... Кабардинского суда»).

Кабардинский временный суд, контролируемый военной администрацией, занял место кабардинского валия. Неограниченному произволу князей и узденей был положен конец одной из статей прокламации Ермолова. Она провозглашала: «...Отныне впредь уничтожается власть лишать рабов жизни. Кто из владельцев и узденей нарушит сие, будет жестоко наказан, а семейство лишенного жизни получит свободу»[29]. Только одна эта статья прокламации могла бы искупить грехи законодательства Ермолова перед кабардинцами, жизнь и смерть которых всецело зависели от деспотических владельцев.

ВОЛЬНЫЙ АУЛ

Мысль об освобождении крепостных крестьян от непокорных владельцев давно входила в планы царской администрации в Кабарде. Еще в 1810 году 12 марта пристав Кабарды Дельпоццо предлагал Тормасову: «...Нужно, дабы ваше высочество издали от своего имени кабардинскому народу прокламацию... чтобы владельцы и узденья, преданные и верные российскому престолу, тотчас переселились со всеми подвластными к нашим границам». А подвластных непокорных князей и узденей Дельпоццо добивался «принимать под покровительство и совершенное подданство Российской империи и переселять во внутренние границы здешней линии навсегда, без возврата владельцем и узденем их»[1].

Дельпоццо удалось убедить Тормасова, и вскоре последовало булгаковское нашествие в Кабарду, которое разорило ее, но не сумело добиться переселения. Булгаков был вынужден доложить Тормасову, что «черный народ (2000 семей. – *С. Б.*) не совсем желает уклониться владельцев своих и сего выводить должно... как военнопленных – силою оружия».

Отрицательная реакция высших военных чиновников и самого царя на кровавую экспедицию Булгакова заставила кавказскую администрацию временно снять этот вопрос с повестки дня, поскольку он мог быть решен только силой.

С назначением Ермолова на Кавказ борьба царизма против непокорных князей и узденей в Кабарде вступает в решающую фазу. Освобождение крестьян, принадлежавших беглым крепостникам, становится главным инструментом управления Кабардой.

Касаясь этой стороны деятельности Ермолова, Т. Х. Кумыков пишет: «В своей прокламации к кабардинскому народу он объявил свободу и независимость крестьянам... обещал наделить их землею и выгодами. Это была лицемерная политика, игра на освободительных тенденциях кабардинского крестьянства»[2].

Позволительно спросить: что тут лицемерного? Обвинять кого

бы то ни было в том, что составляет достоинство человека вообще, – значит затруднять выяснение того, в чем состоит его несомненная вина. В данном же случае Ермолов действительно сдержал свое обещание крестьянам.

По сведениям Т. Х. Кумыкова, освобождены около трех тысяч крестьян[3] (приблизительно одна десятая всего населения).

По предписанию Ермолова, для освобождения крестьян был выделен земельный участок вблизи крепости Нальчик. Участок принадлежал узденьям Багирзовым, бежавшим за Кубань. Из сведений полковника Петрусевича: «Начиная от кр. Нальчика вниз по правую сторону р. Нальчика земля принадлежала узденям Багирзовым; ныне владеет ею Вольный аул»*.

В истории Кабарды Вольному аулу принадлежит исключительное место. Дело в том, что он был единственным «островком» свободных крестьян в Кабарде.

О возникновении и основном статусе аула говорят многие документы. В частности, доклад комиссии по разбору личных и поземельных прав горцев, подписанный Кодзоковым 2 февраля 1865 года, гласит: «Вольный аул образовался во времена генерала Ермолова из разного рода, холопей, освобожденных от рабства правительством за государственную измену тех лиц, коим они принадлежали. Аул этот, водворенный близ укр. Нальчика, в административном отношении подчинен был ведению воинских начальников и таким образом выходил из общего управления Кабардою. Вероятно, цель такового распоряжения начальства состояла в оказании надлежащей защиты вольноаульцам возможных притеснений их бывших господ»[5].

О названии аула. По этому вопросу существуют различные взгляды. Согласно одному из них: «Брамтэ (Брамта)... прежнее название Вольного аула на п[равом] б[ерегу] Нальчика... Термин брамтэ... бырамыты... адыгам известен со значением «беглый раб, крепостной, бежавший от владельца без выкупа»[6]. В карачаевском языке барамта означает: 1) помеха, преграда, препятствие; 2) захват, задержание[7].

Наименования *Вольный аул* и *Брамтэ*, как названия рассматриваемого поселения освобожденных крестьян, возникли одновременно. Однако название *Брамтэ* было обиходным, т. е. неофициальным. Документы указывают на двойное наименование аула. В рапорте майора Алехина генерал-майору Горихвостову (1831 г.) упоминается житель «Вольного аула (называемого баранта)»[8] кабардинец Каму Дохов (слова *брамтэ* и *баранта* здесь употреблялись в одинаковом значении)**.

---

*По другим источникам, «выбранный для поселения участок принадлежал беглым узденям Шавапцевым»[4].

**Смысл слова «баранта» наиболее полно встречается у Н. Дубровина: «Князья в прежнее время, за украденную у них вещь или за отгон скота, отплачивали барантою (represailles), т. е. наездами в чужое имение, где захватывали, что попадется в руки: вещи, скот и людей»[9]. Ермолов в данном случае производил захват крепостных крестьян у владельцев в отместку за их побег за Кубань.

Вольный аул – это рукотворный *памятник*, воздвигнутый Ермоловым самому себе – невольному освободителю его жителей. В этом отношении справедливо утверждение о том, что Ермолов «играл» на освободительных тенденциях крестьян.

Наименование барамта (баранта) применялось и к аулу Борова, располагавшемуся на левой стороне Чегема. Одно прошение к начальнику Центра Кавказской линии Голицыну от 6 июля начиналось так: «По прокламации генерала от инфантерии Ермолова Вольного Барантова – Борова аула вольного кабардинца Исмаила Гошокова»[10]. Надо только подчеркнуть различие между Вольным аулом и Вольного Борова аула. Последний получил статус вольности в связи с бегством князя Касаева за Кубань, которому этот аул «издревле» принадлежал. Другими словами, аул Борова считался вольным, т. е. не принадлежащим князю Касаеву, как беглому владельцу. Крестьяне князя Касаева наравне с теми, кого переселяли в аул Борова, также считались свободными по прокламации Ермолова, но среди его жителей были и крепостные, владельцы которых не последовали примеру беглого князя. Касаев, сделавшись потом мирным князем, добивался возвращения аула себе, но из документов не видно, чем закончились его домогательства.

Направляясь на Кавказ, Ермолов-крепостник менее всего мог бы представить себе, что он освободит хотя бы одного крепостного. Но такова ирония истории: она заставляет своих героев делать то, что не входило в их первоначальные планы, поскольку без этого цель вообще недостижима. Одни, стремясь к высоким идеалам, ради которых, собственно, затеяли дело, а другие против своей воли, т. е. как бы попутно, вынуждены делать добро. Здесь примечательна мысль Гегеля о том, что люди «осуществляют свой интерес, но тем самым осуществляется еще нечто более далекое, что хотя и заключено внутренне в этом интересе, однако не заключено в их сознании и в их намерении»[11].

Нечто подобное неизбежно должно было иметь место и в случае с Ермоловым. Поэтому выглядят тенденциозными попытки умалить или возвеличить то, что осуществляется помимо намерений той или иной выдающейся личности. Обстоятельства определяют кажущиеся невольными и случайными действия политиков, их результаты носят объективный характер, и работают на перспективу так же, как и то, что «заключено в их сознании».

Мотивы поступков имеют огромное, с точки зрения нравственности, значение, но главное все же – их последствия. В данном случае важно то, что противоборство между непокорными кабардинскими князьями и Ермоловым вынудило последнего на первый в Российской империи шаг – освободить несколько тысяч крепостных крестьян. При этом «освободительная» политика Ермолова в какой-то степени переходила границу им же предусмотренного – подрывая устои недавно казавшегося незыблемым кабардинского (и вообще горского) крепостнического режима.

Сословный статус вольноаульцев достаточно не изучен. В. К. Гар-

данов писал, что «внесение в список жителей Вольного аула производилось по приказу начальника Центра Кавказской линии и являлось официальным подтверждением того факта, что данное лицо получило свободу»[12]. Несколько иного мнения придерживается Т. Х. Кумыков. Он отмечает: «Подобного рода «беженцы», оседавшие в селах, принадлежавших князьям и дворянам, зачислялись в разряд «свободных» людей. Укрепление экономической власти князей и дворян привело к тому, что они стали распространять свою власть и на «свободных» крестьян, требовали от них несения повинностей за пользование землей и за оказываемое «покровительство». Так происходило второе закрепощение крестьян»[13].

Более подробно данный вопрос рассматривает Х. М. Думанов. Склоняясь к мнению В. К. Гарданова, он пишет: «В юридическом отношении они были свободны и не связаны с бывшими владельцами никакими условиями». Поэтому, в отличие от других вольноотпущенников, они считались свободными»[14]. Относительно повинностей вольноаульцев Х. М. Думанов далее замечает: «За пользование ею (землею. – *С. Б.*) на общинных правах вольноаульцы несли некоторые повинности: заготавливали сено для лошадей чиновников кавказской администрации, каждая семья должна была доставлять в крепость Нальчик по одному возу дров»[15].

Вышеперечисленные авторы, дополняя друг друга, дают определенное представление о социально-экономическом положении Вольного аула. Они, с одной стороны, были свободны от бывших владельцев, хотя последние тайно или явно не оставляли своих домогательств на бывших крепостных, а с другой – новоявленные хозяева, не будучи крепостниками, стремились распространить свою власть над ними и преуспели.

Однако немало вопросов социального положения вольноаульцев остается невыясненным. В настоящих заметках предпринимается попытка внести большую ясность в некоторые из них.

Принято считать, что Вольный аул – это населенный пункт, в котором насчитывалось 200 дворов. Эта цифра требует пояснения. Вначале количество вольноаульцев не превышало и трех десятков дворов. В 1863 году они писали Лорис-Меликову: «Назад тому лет более 40 по уходе наших владельцев к непокорным... дана нам свобода, и мы переселились в Вольный аул, при переселении этом было нас не более дворов 30, где мы пользовались землею, которой было для нас вволю, после этого населилось еще из разных мест, так что в настоящее время находится 200 дворов»[16].

Как видно, сведения о том, что вольноаульцев в одно время насчитывалось 200 дворов, почерпнуты из верного источника, но эта цифра не учитывает изменения населения аула. Если в момент образования Вольного аула в нем насчитывалось «не более дворов 30», то через несколько лет количество его жителей многократно увеличилось.

В отношении Дибича к Паскевичу (1829 г.) сказано: «...С 1822 года

по сие время выбежало из гор и из-за Кубани кабардинских подвластных крестьян до 500 душ, из коих 320 поселены в так называемом Вольном ауле при укреплении Нальчикском, а последние живут по желанию своему, в аулах разных владельцев»[17].

Население Вольного аула в 320 жителей также не является его наибольшей численностью. Поземельная комиссия в докладе начальнику Терской области 13 февраля 1865 года, слишком категорично утверждая, что прокламация Ермолова никогда не оставалась «мертвого буквою», указывала: «Лучшим еще доказательством применяемости прокламаций служит Вольный аул в тысячу душ населения, образовавшегося из освобожденных правительством» крестьян[18].

Пополнение вольноаульцев осуществлялось по мере бегства крестьян от непокорных владельцев и обращения их с соответствующей просьбой к русским властям. Таких примеров на протяжении нескольких десятилетий было, конечно, множество. Приведем лишь один из них, как типичный случай бегства крестьянина и принятия его в число жителей Вольного аула. Согласно показанию крестьянина Ченали Шемахова от 29 января 1834 года, он раньше проживал в ауле узденя Ислама Жерештиева, располагавшемся на Баксане. Вместе с родным братом Огурли и своим узденем Жерештиевым он бежал за Кубань, и «имели жительство у непокорных русскому правительству абазинцев...». Ченали совершает побег из-за Кубани и сдается русским властям в Боргусанте, а те препровождают его в Кабарду, где он несколько суток содержится на гауптвахте. Комендант крепости 6 февраля разрешает ему переселиться в Вольный аул, предварительно взяв от его поручителей подписку о том, что они обязуются «за все его поступки ответствовать».

Интересно отметить, что в 1834 году управление Вольным аулом осуществляли 5 старшин: Кандор Маремов, Хашир Кошиев, Брай Чириев, Буран Анцев и Гусин Хисов[19]. Они и двоюродный брат Ченали Шемахова Кануко Дохов и подписались под обязательством, что сделало возможным освобождение еще одного человека в Кабарде от крепостной неволи.

В связи с делом Ченали Шемахова можно проследить процедуру зачисления беглых крестьян в список жителей Вольного аула. Начальник Нальчикской крепости штабс-капитан Евдокимов 27 февраля 1834 года рапортовал начальнику Кабардинской линии Пирятинскому: «...Согласно предписанию Вашего высокоблагородия от 25 февраля выбежавшего из Закубани кабардинца Ченали Шемахова я поселил в нальчикском Вольном ауле, с приведением на верноподданство к присяге»[20].

Свободный статус Вольного аула практически постепенно сводился на нет. Не случайно его жители в 1863 году просили князя Святополка-Мирского, чтобы он ходатайствовал «у высшего начальства для нас, согласно выданной нам прокламации Ермоловым, свободу на прежде данных постановлениях». Но времена были уже другие. Если при Ермолове права вольноаульцев охранялись

от поползновений бывших владельцев начальником крепости Нальчик, то в начале 60-х годов сам он предпринимает попытки выступить в роли их прежних хозяев. 22 апреля 1861 года начальник крепости Нальчик обратился к «командующему войсками» с таким рапортом: «Близ Нальчикского укрепления поселен аул под названием *Вольный*, жители которого состоят из холопей освобожденных правительством после бегства в разное время кабардинских владельцев и поселены тут на правах вольноотпущенников, поэтому их надо считать в таком отношении к правительству, в каком находятся вольноотпущенники к своим владельцам»[21]. Рапорт был вызван просьбой вольноаульцев к начальнику крепости «по примеру прочих кабардинцев... о дозволении им переселиться в Турцию». Начальник крепости добивался от высшего начальства, возможно, не без воздействия заинтересованных князей и узденей, не торопиться удовлетворить их просьбу «впредь до положительного разъяснения вопроса, много ли жителей останется в Кабарде по уходе желающих переселиться в Турцию и в каком положении будет находиться как Кабардинский округ, так и Нальчикский форштатт»[22]. Начальник крепости был обеспокоен тем, что «переселение жителей Вольного аула в высшей степени затруднило бы как начальство, так и русское народонаселение в Нальчике», поскольку, как он утверждал, «освобождаемые правительством после бегства владельцев своих холопья есть почти единственный промышленный класс жителей в Кабарде, который доставляет... средства начальству при надобности перевозки больных нижних чинов и арестантов, а жителям Нальчика для построек и ремонтирования здания, а также дров, сена и разные съестные припасы»[23]. Начальник крепости для реализации своих предложений предлагал высшему начальству воспользоваться «правом приобретенным правительством над жителями Вольного аула освобождением их из крепостной зависимости правительством», чтобы не разрешить им хотя бы на время переселение в Турцию.

Вольноаульцы никогда не были юридически вполне свободными: место одного владельца занял другой – военная администрация.

Юридическая свобода вольноаульцев от бывших владельцев, служившая одной из основ внутреннего управления в Кабарде, исключала возможность «второго закрепощения крестьян», хотя их свобода все более становилась иллюзорной. К моменту отмены крепостного права они оказались перегруженными всякого рода повинностями, но все же оставались формально свободными, ибо не подлежали вторичному освобождению.

Вышеизложенным не исчерпывается своеобразие вольноаульцев, как особого слоя социальной структуры Кабарды. Отличительная сословная их особенность состояла в том, что они, согласно документам, были причислены русскими к узденям! В прошении к начальнику Центра Кавказской линии Голицыну мулла Вольного аула хаджи Индрис Пачев в 1846 году, указывая на свои разногласия с его жителями, требовал, чтобы дела свои они

рассматривали «по шариату, а дочерей своих выдавали в замужество за узденей кабардинских, а также брали бы жен из означенной фамилии с совершением браков по истинному нашему закону»[24]. Уздень Индрис Пачев жаловался, что вольноаульцы «не хотят никакого шариатского правосудия, ни даже русского, а будут разбирать дела природными адатами».

Обращает на себя особое внимание заявление жителей аула, согласно которому они, как свободные, не считали себя подлежащими «закону шариата». Индрис Пачев разъяснял им, что «они лишились прежних владельцев согласно прокламации генерала Ермолова и сделались узденями милостию императора Всероссийского престола и имеют право свободно выдавать дочерей и брать жен».

Конфликт между муллой и вольноаульцами был разрешен главным эфенди Шогеновым, «коим присуждено на основании милости государя императора именоваться узденями»![25]

Индрис Пачев не добивался для вольноаульцев возведения их в достоинство узденей, что было не под силу ему. Он требовал, чтобы в соответствии с тем, что вольноаульцы «сделались узденями милостью императора», платили «за венчание» три рубля серебром вместо одного рубля, на чем они упорно настаивали*.

Раз вольноаульцам присуждено «именоваться узденями», то они, по логике, должны были согласиться с требованиями муллы Индриса Пачева. Однако для нас важно другое – сословное положение вольноаульцев, которые уже не были крестьянами в собственном значении этого термина, хотя иногда они причисляются к вольноотпущенникам, находившимся «на положении свободных крестьян».

Командир Волжского казачьего полка 14 декабря 1831 года докладывал начальнику Центра генерал-майору Горихвостову: «Предписание вашего превосходительства ко мне от 9 сего декабря... последовавшее о жителях командуемого мною полка Бабуковской станицы Женшора Кештова, Мазана Кештова, Исмаила Мирзаканова, Хавроша Канговшева**, Тамача Бекирова, Шермат Абезыванова, подавшим прошение вашему превосходительству о дозволении им переселиться на жительство в аул вольных кабардинцев, предписал я начальнику той станицы хорунжему Думаеву объявить означенным просителям».

Содержание предписания Горихвостова неизвестно, но тот факт, что перечисленные бабуковские уздени, сделавшиеся в свое время бабуковскими казаками, изъявили желание переселиться в Вольный аул, говорит о том, что начальство намеревалось предпринимать какие-то меры по вовлечению вольноаульцев в казачество. По крайней мере, этот вопрос затронут в отношении Дибича к Гудовичу от 4 февраля 1829 года. В нем сообщалось: «Кабар-

---

*По адату, за венчание невесты крестьяне платили 1 руб. серебром[26].

**По-видимому, Гонгапшев. По преданию, Кештовы, Мирзакановы и Гонгапшевы, что прослеживается и в документе, потомки родных братьев.

динские князья и уздени из негодования за то, что чрез предоставление в вышеозначенном случае вольности холопы пользующиеся теперь оною, верно покорствуют нашему правительству и из предосторожности, чтобы свободная и покойная жизнь их не внушила и собственным крестьянам их желания насчет перемены тягостного их состояния, распространяют тайно слухи, что кабардинцы, поселенные в Вольном ауле, непременно будут записаны в казаки: однако же сие, по замечанию моему, нисколько на них не действует, и я надеюсь даже со временем наклонить их к принятию казачьего звания, которое во всех отношениях предпочтительнее для них прежнего рабства»[27].

Говоря о социальном положении вольноаульцев, нужно отметить, что здесь мы сталкиваемся (на непродолжительное время) с особой категорией людей, законодательно изъятых из сословного строя Кабарды (вспомним, что аул «выходил из общего управления Кабардой»), пользовавшейся большими правами, например, в вопросах бракосочетания*, чем свободные крестьяне, но не достигавшей до уровня узденей. Этот особый сословный слой кабардинцев, судя по данным документам, можно было бы назвать вольноаульскими узденями (брамтэ уэркъ).

Почти полвека, с 1822-го по 1860-е годы, тысячи освобожденных крестьян, защищаясь от домогательств и засилий бывших своих господ, прибегали к прокламациям Ермолова, как последней спасительной пристани. Так, вольноаульцы были вынуждены неоднократно напомнить властям имя своего покровителя в 60-х годах XIX века. В 1863 году они обратились с прошением к начальнику Терской области князю Святополку-Мирскому. «В 1822 году мы, – объясняли они свою «родословную», – первые, желая остаться в верноподданстве России, остались в ауле при крепости Нальчикской до настоящего времени. Вследствие этого получили от бывшего тогда корпусного командира генерала от инфантерии и кавалера Ермолова нашему народу прокламацию на свободное состояние с тем, чтобы не требовалось от нас никаких отбывок – также была отрезана нам земля по числу нашего народа достаточное количество, и *действительно мы пользовались этою свободой и землей 21 год* (выделено нами. – *С. Б.*), а с 1844 года и по настоящее время началась требоваться от нас подводочная отбывка, также населились на земли наши другие аулы, кои заняли всю нашу землю... Так мы для хлебопашества и сенокошения покупаем себе землю у других кабардинских князей...»[28].

Слова вольноаульцев подтверждаются документами. В 1846 году вблизи Вольного аула построены мечеть и служебные дома для судей. В связи с этим начальник Центра Кавказской линии 3 июля

*С уверенностью можно утверждать одно: вольноаульцы не выдавали своих дочерей за крепостных крестьян. Когда Голицын направил прошение Пачева с доброжелательной резолюцией к воинскому в Нальчике начальнику, тот обратился к старшинам (в 1846 г. их было трое) Вольного аула за справкой. Они разъяснили, что «дочерей из Вольного аула за холопов после объявленного предписания в 1843 году не отдавали».

1846 года предложил Кабардинскому временному суду «распорядиться назначением караула для охранения от воров домов и мечети, строющихся на правой стороне р. Нальчика и назначенных для помещения судей»[23]. Стремясь уклониться от исполнения предписания, суд просил Хлюпина «возложить этот присмотр на жителей Вольного аула, которые живут поблизости к этим зданиям». Суд свое мнение мотивировал тем, что «жители оного никакой повинности не отбывают, пользуясь землями кабардинскими». Хлюпин посчитал доводы суда необоснованными, «потому что мечеть построена для моления в ней... не одних людей Вольного аула, а для всего кабардинского народа». Возражая суду, Хлюпин далее напомнил, что если жители Вольного аула «не несут никакой повинности, то это потому, что и вся Кабарда не обложена никакою особенною повинностию». Хлюпин отклонил и намек суда о том, что вольноаульцы пользуются кабардинскими землями. «Да разве они не кабардинцы, – заключил он, – кто исключал их из народа кабардинского?» Вместе с тем Хлюпин дал промашку, предоставив суду возможность договориться с Вольным аулом «принять на себя эту обязанность за самую умеренную и ничтожную» плату. Этого позволения было достаточно, чтобы мало-помалу свести на нет дарованную Ермоловым вольноаульцам свободу, что и отразилось в их уже известном нам прошении к князю Святополку-Мирскому.

Вольный аул, как особая административная единица, был упразднен в 1865 году. Кодзоковская поземельная комиссия так обосновывала свое решение; «В настоящее время, когда в таком покровительстве нет никакой надобности и когда в Кабарде вводится новый порядок пользования землею, особенность быта Вольного аула продолжаться не может»[30].

Вольноаульцы сами добивались расселения по аулам Кабарды. По данным той же комиссии, «за исключением 11 семейств», все жители Вольного аула «просили начальство о дозволении расселиться» по аулам Кабарды.

В связи с этим комиссия определила: «1) 11 семействам, список которых находится в деле под № 97, дозволить остаться на месте с тем, чтобы они вошли в состав того аула, который предназначен образовать близ укрп. Нальчикского...; 3) прочие же вольноаульцы обязаны раннею весною (1865 года. – *С. Б.*) расселиться по новым кабардинским аулам *с сохранением свободы, дарованной им правительством*»[31] (выделено нами. – *С. Б.*).

Вместе с упразднением статуса Вольного аула не упразднялся и статус вольноаульцев. Материалы поземельной комиссии свидетельствуют, что «прокламации Ермолова в части освобождения крестьян от узденей и князей-беженцев действовали до отмены крепостного права».

За бывшими жителями Вольного аула сохранялась предоставленная Ермоловым свобода. Существенный момент для сопоставления сословного положения вольноаульцев и вольноотпущенников: первые имели право переселяться в другие населенные

пункты, а вторые должны были находиться в ауле отпустившего его на свободу владельца. Уже это одно различие говорит о том, что сословное положение вольноаульцев было выше сословного положения вольноотпущенников.

Как выше сказано, в 1865 году Вольный аул в собственном первоначальном смысле слова был ликвидирован, но его название не исчезло с географической карты Кабарды. Оно закрепилось за тем населенным пунктом, который при укрупнении аулов был «предназначен образовать близ укр. Нальчикского», по существу, новое поселение вместе с теми жителями старого Вольного аула, которые по различным причинам отказались переселиться.

С тех пор, когда по прокламации Ермолова с плеч крепостных крестьян «искусственно» свалилось ярмо крепостничества, бывших владельцев не оставляла злоба на них – даже после отмены крепостного права. Владельцы не могли простить ни тем крестьянам, которые не последовали за беглыми владельцами, ни тем, кто впоследствии от них сбежал.

Согласно свидетельству В. Н. Кудашева, «население в 200 дворов, известных под названием вольноаульцев, которое, несмотря на совершенную свою невинность в постигшем их несчастьи их владельцев, пользовались всегда незаслуженным нерасположением других кабардинцев, которое продолжается отчасти и доныне»[32].

РАЗДЕЛ VII

«НЕ РАЗ ВСПОМНЯТ СВОЮ РОДИНУ...»

Предания о происхождении кабардинских князей

Истина и справедливость в важных и маловажных делах одинаково священная...

Хан-Гирей

Переселение адыгов, и в частности кабардинцев, в Турцию хронологически принято обозначать рамками 1859–1866 годов. Этот взгляд верен в том смысле, что основной поток переселенцев относится к данному периоду. Однако трагедия адыгов в ее разных аспектах охватывает значительно больший исторический отрезок времени. Она продолжалась и после указанного периода.

Переселенческое движение адыгов в широком смысле, на наш взгляд, восходит (психологически) к преданиям старины глубокой о происхождении адыгских князей и адыгов.

«Кабардинцы, как и прочие черкесы, – писал Хан-Гирей, – не знают летосчисления, и времена прошедших их событий у них теряются во мгле забвения: не только не известно им, когда и самые важнейшие происшествия совершились в отдаленные эпохи, но даже и близкие события, достойные внимания, превращаются в темные предания»[1].

В этих условиях предания приобрели огромную силу воздействия на формирование психологии, сознания и памяти народа о своей исторической родине. Поэтому предания о происхождении адыгских князей в контексте рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, имеют ключевое значение.

Незадолго до «хиджры» адыгов, в 40-х годах XIX века, предание о генеалогии их князей было популярным в народе и даже использовалось в официальной переписке.

Подполковник князь хажи Мисост Атажукин 9 января 1845 года писал начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору князю Голицыну, что «народ кабардинский родом выходцы столичного града Египта, которые могли быть выгнаны силою оружия

турецких султанов – Баязита и сына его Селима»*. Комментируя документ, Б. А. Гарданов заметил: «Выводя кабардинцев из Египта, князь Мисост Атажукин спутал вопрос о происхождении кабардинского народа с вопросом о происхождении кабардинских князей. Согласно довольно распространенной в первой половине XIX в. легенде, кабардинские князья выводили свой род из Египта. Легенда эта сравнительно позднего происхождения; в XVIII в. она еще не была известна в Кабарде и возникла, по-видимому, в самом начале XIX в. Она была навеяна сообщениями о черкесских владетелях в Египте, почерпнутыми из книжных мусульманских (арабоязычных и туркоязычных) источников, в которых излагалась история черкесской «мамлюкской» династии в Египте (1382–1517 гг.). Пытаясь связать себя с египетскими владетелями, кабардино-черкесские князья при содействии мулл и создали легенду о том, что их древнейший родоначальник является выходцем из Египта и потомком тамошних властителей. В действительности же, как известно, египетские мамлюки ведут свой род от кавказских черкесов»[3].

Утверждение Б. А. Гарданова о недавнем происхождении предания адыгских князей противоречит фактам. Родословная адыгских князей зафиксирована в русских источниках XVIII века. В 1784 году кавказский генерал-губернатор П. С. Потемкин составил краткое историко-этнографическое описание кабардинского народа. Согласно собранным им сведениям, кабардинские князья «род свой выводят от одного князя, называвшегося Кес, который, как сказывают, выехал из Аравии и учинился владельцем всех горских народов»[4].

В Актах Кавказской археографической комиссии, относящихся к началу XIX века, упоминается аналогичное предание о родословной «племен черкесского народа». Легенда гласит: «Черкесы ведут свой род от двух братьев: Чер и Кес, вышедших из Аравии, из племени Курейш»**[5].

О широком распространении этого предания говорят многие источники.

В 1808 году академик Г.-Ю. Клапрот посетил Кабарду. «Из устных сообщений старейшин этой нации, – писал он, – я собрал следующие сведения об их происхождении или, вернее, о проис-

*Мисост Атажукин не пользовался письменным источником. Тем более интересно, что предание довольно точно сохранило имена исторических личностей, живших 300 лет тому назад. Так, академик Берже в комментариях к «Истории...» Ногмова отмечал: «После падения последнего царя из династии черкесов в Египте, Консогори в войне с турецким султаном Селимом I (1389–1402. – *С. Б.*), полководцы Консогори избрали себе царем, из племени черкес, Туманбая. Селим разбил Туманбая, взял его в плен и повесил в 1517 году»[2].

**Не случайно адыгские князья связывали свое происхождение с племенем курайш: пророк Мухаммед происходил из того же племени. Легенда лучше всяких аргументов располагала адыгов к принятию мусульманства. Она могла быть использована (и наверняка использовалась) вожаками переселенческого движения в качестве приманки для верующих: ведь им внушали переселиться не куда-нибудь, а на священную Землю пророка и свою «прародину».

хождении их князей. Их первого основателя звали Арапхан, и он, должно быть, был князем из Аравии... За Арапханом следовал его сын Хурпалайя, оставивший после себя также сына Инала, известного по имени Рэф*, т. е. раскосый, который рассматривается князьями из Большой и Малой Кабарды как их общий предок. Он оставил после себя пять сыновей: Тау-Султан, Ахлау, Мудар, Беслан и Камуква, которые после его смерти отделились друг от друга и поделили между собой подданных...»[6].

Отсюда видно, что это происхождение князей не идет дальше XVI века.

В 1825 году кабардинцы, жалуясь на Ермолова, писали начальнику главного штаба кавказских войск Дибичу, что кабардинские князья и народ родом из Египта, что переселение состоялось «тому назад 1093 года», т. е. в 732 году. Далее в жалобе указано: переселение состоялось спустя 150 лет после Магомета, т. е. в 782 году[7].

Ознакомившись с вариантами предания о происхождении адыгских князей, обратимся к мнениям исследователей на этот счет.

Семеон Броневский: «Князья же, которые, как они сами себя выводят, суть пришельцы из Аравии и называются по-черкесски Пши, а по-татарски Бей... По собственным преданиям жителей, Кабарда в древние времена находилась под управлением одного князя по имени Инала, который вел свой род от Кеса, а сей вышел из Аравии и покорил черкесов. А как известно, что в половине столетия, Мослема, брат калифа Ецида III, выгнал казаров из Мидии и Армении, победил их в собственных их землях и утвердил власть аравитян в городах кавказских, то **предание сие получает некоторую основательность**»[8] (выделено нами. – *С. Б.*).

Хан-Гирей со ссылкой на «предания самих кабардинцев», которые, «несмотря на баснословие, их помрачающее, содержит важные истины», писал об их происхождении: «Князь-аравитянин, именем Арап-Хан, принужденный обстоятельствами оставить свое отечество, прибегнул к покровительству константинопольского императора, который оказал ему, по расчетам политическим, большие почести. Арап-Хан, с дозволения императора, поселился с своими подвластными в Крыму, на берег речки Кабарта, от названия которой эти поселенцы получили и свое наименование.

По смерти Арап-Хана сын его Абдан наследовал ему и спустя некоторое время с подвластными своими из Крыма переселился к Кавказским горам. Во время этого переселения у Абдана родился сын, который был назван Кес.

По смерти Абдана Кес наследовал ему и с успехом предводительствовал кабардинцами. Адед-Хан, сын Кеса, наследовал отцу и имел наследником Хурфелая; сын и наследник этого последнего есть тот знаменитый Инал». И далее: «Пребывание кабардин-

---

*Родоначальник кабардинских князей обыкновенно известен под названием Инал Нэф (Инал *Слепой*). Имя Инал *Рэф*, т. е. Инал *Назэ* (Инал *Косой*), заслуживает большего доверия.

цев в Крыму, кажется, не подвержено сомнению... но действительно ли предки кабардинского поколения, жившие в Крыму, были аравитяне? Несомненное решение этого вопроса никакими свидетельствами не доказывается, но как история черкесского народа имеет некоторую связь с аравитянами... то и **предание это получает некоторую основательность**»[9] (выделено нами. – *С. Б.*).

Таким образом, Хан-Гирей почти в тех же словах выражал свое согласие с Броневским. Но пребывание адыгов в Крыму подвергал сомнению еще Клапрот. В 1808 году он писал: «Рейнеггс и Паллас придерживаются того мнения, что эта нация, первоначально населявшая Крым, была оттуда изгнана в места их теперешнего поселения... Однако я не вижу в этом оснований для того, чтобы считать, что черкесы пришли из Крыма. Мне кажется более вероятным считать, что они одновременно жили как в долине севернее Кавказа, так и в Крыму, откуда они, вероятно, были изгнаны татарами под предводительством хана Бату»[10].

Приведем еще предание о родословной адыгских князей, записанное Шорой Ногмовым, в изложении Адиль-Гирея Кешева:

«Сыновья хана Ларуна, вышедшего из Вавилона в Египет, Черкес и Бикес навлекли на себя гнев турецкого султана Исхака и были убиты в войне с ним. Ближайшие родственники их, Туман-бай и Араб-хан, бежали с семействами своими и остатками войска в окрестности Александрии. Султан послал за ними отряд. Туман-бай погиб в возгоревшейся до тла войне, а Араб-хан, переплыв морем Византию, с созволения императора Византийского поселился по р. Кобарги в Тавриде.

Через несколько времени Араб-хан умер. Сын его Абдан-хан, когда турки стали нападать на границы империи, боясь мщения султана Исхака, бежал на судах к западному Кавказу и пристал к Суджук-Кале. Обитавшие там адыгейцы приняли его с товарищами ласково и созволили жить с собою. По смерти Абдан-хана, сын его Кес своими способностями и мужеством успел так привязать к себе адыгов, что они признали его своим князем. От внука его произошел Инал»[11].

Должно быть, к этому времени относится предание, записанное Адиль-Гиреем Кешевым о том, что тлякотлеши (первостепенные уздени) Тамби, Куденет и Анзор «управляли кабардинцами до прихода арабских выходцев и уступили им власть за подарки».

Уступка собственной власти правителя за подарки – явление исключительное. Предание есть предание, но влияние докняжеских владельцев адыгов было, наверное, внушительным, имея в виду свидетельство Клапрота, относящееся к 1808 году: «Еще и теперь называют многих черкесов – кабарда, а именно узденей (дворян) из рода Тамби у реки Кишбек, впадающей в Баксан; на их языке «кабарджи» обозначает кабардинского черкеса»[13]. С этими сведениями перекликается предание о Кабарде Тамбиеве, записанное Талибом Кешежевым.

Еще мнения. Владимир Кудашев: «О происхождении кабардинцев из Египта легенда ничего не говорит; она говорит о слия-

нии только с адыгским народом пришельцев египтян, да об египетском происхождении родоначальников кабардинских князей»[14].

Г. А. Дзагуров: «По сохранившимся у черкесов преданиям, предки их выселились из Египта и Анатолии... Надо допустить, что указанные предания в основе верны»[15]. Руслан Бетрозов: «Если верить преданиям, в XV в. князь Инал (бывший предводитель мамлюков и затем вернувшийся на родину из Египта) проводил политику объединения черкесов (так гласит легенда), но Инал – мамлюкский султан – погиб в Египте. В предании речь идет, возможно, о другом Инале»*[16].

Предания о происхождении адыгских князей содержат неизбежные различия в частностях, но в главном они говорят об одном: предки их – выходцы из Аравии, Египта и Ближнего Востока.

Вместе с происхождением князей предания содержат и сведения о древнейших этнических корнях самих адыгов. Они подтверждаются научно. Исследователи утверждают: «Хеттский народ сложился в результате непрочного объединения нескольких племенных групп, частично различного происхождения. Древнейшим этническим субстратом были хатты, или протохетты, говорившие на языке абхазо-адыгской группы и, по всем данным, тесно связанные с Кавказом»[19].

И если это положение говорит лишь об общем в языке абхазо-адыгов и протохеттов, тесно связанных с Кавказом, то абхазский ученый Ш. Р. Инал-Ипа считает, что «лингвистические данные, фольклор и история указывают на происхождение адыго-абхазов из Малой Азии во II тыс. до н. э.»[20].

Общность абхазо-адыгских языков и хаттского (протохеттского) языка в лингвистике признается пока что лишь вероятной. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М., 1990) указано: «Мысль о родстве Х(аттского) я(зыка) с абхазско-адыгскими языками поддерживается сходством их глагольных структур, но неясность фонологического облика формантов хаттского языка, приблизительность сведений об их значении и к тому же три тысячи лет интервала между сравниваемыми языками делают это сопоставление несколько неуверенным, однако исследования Вяч. Вс. Иванова, по-видимому, устанавливают материальное родство Х(аттского) я(зыка) с зап(адно)-кавказскими».

(Не в этой ли связи следует рассматривать арабское слово «нэмыс», которое далекие предки адыгских князей, как родную речь, принесли вместе с собой в адыгский мир, где оно стало символом нравственно-правового кодекса арабского мира?)

---

*В преданиях встречаются два Инала. Один – среди династии черкесских мамлюков. По данным Г.-Ю. Клапрота, «в ее рядах имеется уже в 1453 году некий Иналь, который, таким образом, старше, чем третий основатель рода кабардинских князей»[17].

Рассуждая о том же пращуре адыгских князей, З. М. Налоев пишет: «Нет ничего невероятного в том, что родоначальник адыгских князей и мамлюкский султан Ашраф Сейф-од-дин Инал (царствовал в 1453–1461 гг.) –одно и то же лицо. Тогда его княжение у адыгов падает на вторую половину XV в.»[18].

Нартские сказания также дают материал, устанавливающий связь адыгов с арабами. «По принятии черкесами магометанской веры, – указывал Хан-Гирей, – некоторые из святых или слывших у них такими во времена их язычества, в особенности из нартов, обратились в знаменитых воинов и других богатырей аравийской истории. Например, рассказывают, что из нартов черкесских **Альбечкоко Тутариеш** был тот же, что в повестях аравитян «Хамзе Пеглеван»; что халиф Абубекир тот же, которого они называли **Орземед**; что халиф Алий, зять Магомета, тот же, что и Метрез; что какой-то из египетских царей или фараонов был тот, которого они именовали **Саусрокко**» (*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 99).

Гордясь своим происхождением и всячески оберегая чистоту своей крови, адыгские князья, подобно Антисфену, не замечали, что они «ничуть не родовитее улиток и кузнечиков». Они стремились подчеркивать свою исключительность во всем. Даже их язык, называемый «щакобзе», не имел «никакого сходства с черкесским. Простому народу говорить на этом языке не разрешается». Этот факт, по мнению Фредерика Дюбуа де Монпере, мог служить «доказательством того, что в черкесской нации существует несколько этнических элементов и что черкесские князья и знать являются пришельцами»[21].

Но есть и другая правда, менее распространенная и менее популярная, сторона преданий о происхождении кабардинцев. Броневский писал: «В архиве Государственной Коллегии Иностранных дел находятся сведения: 1) что в древние времена кабардинцы жили на Украине в Малой России и перешли оттуда сначала к городу Терку, а потом поселились по Куме в урочище Пятигорском, почему и назывались Пяти-горские черкесы; 2) что земля сия принадлежала тогда России и что Пяти-горские черкесы исповедовали христианский Греческий закон; 3) что черкесы родом рязанцы ушли в горы еще при великих князьях»[22].

Как известно, Шора Ногмов, ссылаясь на предания, отождествлял адыгов с антами, т. е. со славянами. Он писал: «...Настоящее родовое название нашего народа есть то, которое уцелело в поэзии и в преданиях, т. е. *ант*, изменившееся с течением времени в адыге или адыха»[23].

В рассматриваемых преданиях для нас здесь (а не вообще!) важно не то, имели они под собой действительную основу или нет. Важно другое: кабардинцы частью (в том числе все князья) воспринимали Аравию, Египет (с 1517 г. – в составе Османской империи) и Малую Азию (Турцию) как свою историческую родину, а частью таковой считали территорию славян, т. е. относили себя к предкам русских. В том и другом случаях кабардинцы места своего расселения могли психологически воспринимать чуть ли не как чужую для себя землю. Внутреннее состояние, усугублявшееся ежегодным паломничеством в Мекку значительного числа адыгов, вечные переселения большого количества населенных пунктов от Сунжи до Закубанья, отсутствие твердой оседлости,

казавшаяся вечной Кавказская война – все это могло стать необходимой базой начала переселенческого движения при соответствующем внешнем толчке. Таким толчком явились неудачи горцев в Кавказской войне, и особенно поражение Шамиля.

Начало переселенческого движения

Средневековье адыгов – это история их последовательного переселения с побережья Черного моря на Центральный Кавказ (XI–XVвв.). Затем наблюдаются их постоянные перемещения в XVI–XVIII веках.

Известно, что «в 1614 году кабардинские князья протурецкой ориентации Алегуко и Хотождука переселились с берегов Баксана за Кубань, надеясь на поддержку Крыма в их борьбе с потомками Шолоха. В сущности, тогда переселилась почти вся Кабарда, начиная с реки Баксан»[24].

Переселенческие движения кабардинцев прослеживаются и в «претензиях» к ним крымского хана Крым-Гирея. В 1760 году он прислал в Большую Кабарду нарочного с объявлением, что «как кабардинцы издревле были подданные турецкие и на нынешних местах поселены бывшим напред сего крымским же ханом Салат-Гиреем, почему и подати им, ханам, платили, а по сему и он, хан Крым-Гирей требовал от кабардинцев такого же исполнения, с тем, чтобы наперед они переселились за Кубань, в противном случае угрожал принудить к тому силою... Но кабардинские владельцы ни в чем хана не послушали и от предложений его, не убоясь их угроз, отказались»[25].

В 70-х годах XVIII века кабардинцы не прочь были совершить переселение в Грузию. Об этом – рапорт генерала Якоби от 4 декабря 1778 года. В нем сообщалось: «Открылось сомнение, оказавшееся от разных допросов, якобы царь грузинский Ираклий (Ираклий II. – *С. Б.*) прислал нарочных подговаривать и наклонять Малую и Большую Кабарду переселиться в Грузию, где он обещал дать им хорошие места и долины, к Имеретинским и Ахалцихским границам лежащие. По сему подозрению грузины Иван Бочвелов, дворянин Тархан и армянин Зураб задержаны в Моздоке»[26].

Такая попытка действительно могла иметь место. Кючук-Кайнарджийский мир, завершивший русско-турецкую войну 1768–1774 годов, определил политический статус Кабарды. Статья 21 этого договора юридически окончательно оформила присоединение Кабарды к России.

В этих условиях, как указывает источник, «сознавая свою слабость и в то же время, не желая подчиняться нашему владычеству в крае, кабардинцы решили эмигрировать в Грузию, куда их призывал Ираклий, желавший воспользоваться воинственностью этого народа для защиты своих южных пределов»*[27].

---

*В указанный период кабардинцы действительно предпринимали попытки к переселению. Н. Ф. Грабовский пишет: «500 семейств задумали пробраться в

Автор цитируемого источника ставит вопрос: «Почему генерал Якоби тогда воспротивился этому переселению, так легко, по-видимому, разрешавшему вопрос о безопасности нашей границы, – неизвестно, но агенты царя Ираклия были арестованы и кабардинцы вынуждены остаться на своих местах»[29].

Ответ, кажется, прост. Россия не была заинтересована в усилении Грузии за счет воинственных кабардинцев, в которых сама еще нуждалась. В этом случае становились менее вероятными поиски сближения с русскими со стороны грузин. Действия же Якоби были одним из слагаемых политики России, вскоре сделавшей возможным заключение Георгиевского трактата, установившего ее покровительство над Грузией.

* * *

Начало переселенческого движения вызвано установлением в Кабарде русского правления в форме родовых судов и расправ и строительством Кисловодского военного укрепления. Справедливо усмотрев в этих актах царизма наступление на свои неограниченные права и территориальную целостность, кабардинские владельцы подняли восстание в 1794 году, продолжавшееся с перерывами до 1805 года.

Кабардинцы проиграли ряд крупных сражений, и восстание в конечном итоге потерпело поражение. Это обстоятельство повлекло за собой переселение части кабардинцев за Кубань.

Известно, что река Кубань служила границей между Турцией и Россией, одновременно разделяя адыгов между двумя империями. Поэтому переход этой границы был не чем иным, как первым этапом переселения в пределы Османской империи.

Мы не располагаем конкретными данными об общем количестве кабардинцев, переселившихся в этот период за Кубань, однако, документы указывают на подобные факты. В рапорте Дельпоццо Цицианову от 6 июня 1805 года содержатся сведения о том, «сколько в нынешнее лето вышло из-за Кубани уведенных в прошлом годе бунтовщиком, бывшим полковником Росланбеком Мисостовым кабардинских узденей с их подвластными». В том же рапорте сообщалось: «Уздени Хаундоковы с 60 семей поселились у узденя Могукова по вершине Кумы; оных же еще осталось за Кубанью 40 семей»[30].

В 1805 году уздени Маргушевы также оказались со своими подвластными – 100 дворов – на Большом Зеленчуке[31]. Многие из переселенцев, например, из аула Хагундокова, навсегда остались за Кубанью. Таких примеров немало.

Доказательством твердого намерения кабардинцев покинуть отчие края служат слова князей, с которыми они обратились к

Ахалцихский пашалык. Все это замышлялось с ведома грузинского царя Ираклия, который для встречи и принятия кабардинцев выслал в Дарьял военную команду...»[28].

Дельпоццо в 1805 году. Они писали: «...Говорим чистосердечно и признаемся вам, что ежели бы не были вы в то время (имеется в виду 1805 г. – *С. Б.*) наш начальник, когда в последний раз войска в Кабарде и не слышали в тогдашнее время ваших наставлений, которые нас до самого сердца тронули, то Кабарда не была бы уже Кабарда, и тогда же все были намерены разбежаться в разные места.

Вы сами видели, сколько мы сами собою сожгли деревень наших, единственно для того, дабы оставить сии места навсегда...»[32].

После подавления восстания переселенческое движение кабардинцев не прекратилось. По данным Кудашева, «фирман турецкого султана, присланный в 1808 году в Кабарду и приглашавший кабардинцев к переселению в Турцию, имел успех. Часть кабардинцев вздумала было переселиться, но их удержали другие»[33].

Кабардинцы, переселившиеся за Кубань в первые годы XIX века, известны под названием «беглых кабардинцев». Этот термин одним из первых употребил И. Ф. Бларамберг.

«Со времени волнений в Кабарде в 1807 году, – пишет он, – значительная часть этой народности укрылась в Кавказских горах. Те, кто искал убежища у кубанских черкесов, занимают в настоящее время долины Верхнего Урупа и Верхнего Улу-Инджика. Именно эти беглые кабардинцы всегда возглавляли ватаги разбойников, совершавших набеги на русскую территорию; связи, которые они сохранили со своими соотечественниками, проживающими в долинах, облегчают эти нападения»[34].

Значительный этап переселения кабардинцев связан с действиями Ермолова.

Подводя итоги своей экспедиции в Кабарду, Ермолов во всеподданнейшем рапорте от 29 июля 1822 года сообщал: «Мятежники старались препятствовать, но, будучи слабы от недостатка единодушия и предупреждаемы быстрым войск движением, повсюду боязливо сопротивлялись. Главнейшие изгнаны в отдаленнейшие горы за пределы земли кабардинской, некоторые бежали за Кубань, – и подданные Порты, слабо ею управляемые народы приняли к себе подобных им разбойников»[35].

Этот период освещен Хан-Гиреем следующим образом: «Экспедиция, около 1821 года посланная в Кабарду для выселения их аулов на равнины и очищения подножья гор от скопища грабителей, производивших набеги на русские границы, чтобы там прекратить беспорядки, ускорила падение кабардинцев, которые в это время, так сказать, распались на две части: одна из них, составляемая более беспокойными, но лучшими воинами, переселилась за р. Кубань к бесленеевцам и другим закубанским черкесам, и там живут они ныне (не позднее 1835 г. – *С. Б.*), рассеявшись между тамошними племенами; одни из них уехали в Турцию и Египет, а другие возвращаются постепенно в Большую Кабарду»[36].

Размышляя над этим же периодом, Кудашев отмечал: «Во

время генерала Ермолова из Кабарды многие по дикости своей, другие из опасения только новизны покидали родину и скрывались к непокорным»[37].

Хан-Гирей оставил нам довольно подробные данные о количестве беглых кабардинцев. Им составлена «Таблица, показывающая число и названия аулов из Кабарды переселившихся к закубанским черкесам во время беспокойств, происходящих в Кабарде в 1821–1822 годах»[38].

В таблице дается перечень названий 62 аулов Большой Кабарды. По сведениям того же Хан-Гирея, перед переселением во всей Кабарде насчитывалось 176 аулов, в том числе 156 в Большой Кабарде и 20 аулов в Малой Кабарде[39].

Малая Кабарда не была вовлечена в переселение, следовательно, в Большой Кабарде осталось 94 аула, т. е. 40 % ее селений, не считая последствий восстания 1824–1825 годов, покинуло Кабарду в 1821–1822 годах.

Согласно приблизительным подсчетам Хан-Гирея в течение двух лет за Кубань переселилось 12 400 человек. Насколько верна эта цифра? Вряд ли возможен точный ответ. Дело в том, что о численности кабардинских селений первой четверти XIX века нет единства взглядов. Хан-Гирей считал, что в каждом ауле проживало, как минимум, 40 дворов.

По наблюдениям Клапрота, относящимся к 1807–1808 годам, «сорок или пятьдесят домов, обычно расположенных вкруг, образуют селения, по-черкесски – «куадже»[40]. А по переписи Шарданова 1825 года средняя численность селений – приблизительно 60 дворов.

Что касается количества членов семьи, то Хан-Гирей, вслед за Броневским, брал за основу цифру «5», но допускал «в каждом семействе по 6-ти душ».

Профессор Т. Х. Кумыков пришел к выводу, что «семья из 5–6 человек не характерна для кабардинской семьи первой половины XIX века»[41], но не приводит конкретных данных для первой четверти прошлого столетия.

В порядке компромисса, кажется, можно остановиться на цифрах «55» (количество дворов в ауле) и «6» (количество душ в семье). Тогда получим, что в 1821–1822 годах Кабарду покинуло приблизительно 20 тысяч жителей 20460).

Второй этап переселенческого движения кабардинцев

Авторитетный источник справочного характера об этом периоде истории Кабарды сообщает: «Кабардинцы – воинственная отрасль черкесского племени (адыге), самая многочисленная и единственная, не задета по окончании Кавказской войны выселением в Турцию»[1].

Перед нами пример неосведомленности авторов словаря по предмету исследования или сознательного искажения фактов. Об

этом свидетельствует секретная переписка начальника Кабардинского округа генерал-майора князя Вахтанга Вахтанговича Орбелиани и командующего левым крылом Кавказской линии генерал-адъютанта графа Николая Ивановича Евдокимова, цитата из которой уже известна в литературе. Она посвящена переселенческому движению кабардинцев 1859—1861 годов и проливает свет на многие мрачные стороны драматической и многоплановой страницы нашей истории.

Переписка представляет исключительную ценность для углубленного изучения истоков и начального периода переселенческого движения кабардинцев. Прежде чем приступить к рассмотрению переписки, приведем ее в хронологической последовательности, учитывая и то, что она небольшая по объему.

Граф Евдокимов князю Орбелиани от 11 апреля 1860 года: «Бедственное положение горцев, переселившихся с правого крыла в Турцию, и беспорядки, которые они себе дозволяют в местах их жительства, заставляют Турецкое правительство не желать дальнейшего переселения в пределы Турции туземцев Кавказского края. С другой стороны, г. Главнокомандующий, в видах человеколюбия, считает необходимым прекратить начавшееся переселение, во всяком случае положительно воспретил следование в Турцию сухопутьем через Закавказский край. Имея в виду, что Ваше сиятельство вошли уже с представлением об увольнении в отпуск в Турцию слишком 400 семейств... покорнейше прошу Вас объявить жителям вверенного Вам округа, что на отправление богомольцев в Турцию сухим путем разрешения не может быть дано, что желающие могут отправиться только морем чрез Тамань. Вообще желательно бы было дело так повести, чтобы задержать от следования в Турцию людей благонадежных, а фанатиков и людей беспокойных отправить морем.

Сведения о тех, кто пожелает идти, я желал бы иметь в скорости с тем, чтобы делать своевременное сношение о принятии их на суда Черноморской компании. Порядок следования с Тамани Вам должен быть уже известен. Вполне убежденный, что Ваше сиятельство устроите дело сообразно с желанием г. Главнокомандующего, я прошу Вас принять уверения в совершенном моем почтении и глубоком уважении»[2].

Начальник штаба Евдокимова генерал-майор Зотов сделал к письму графа следующую приписку: «Чтобы убедить народ, что настоящее запрещение не есть насильственная мера правительства русского, а вынуждено желанием Турецкого правительства и нашим человеколюбием, Главнокомандующий желает, чтобы народу предложено было, по **выбору народ**а послать в Турцию депутацию, которая бы на самом деле убедилась в бедственном положении переселившихся в Турцию горцев».

Князь Орбелиани 13 апреля 1860 года пишет Евдокимову: «Письмо Вашего сиятельства от 11 апреля №185 имел честь получить сегодня, но еще до получения этого письма я, по приказанию вашему, переданному мне лично в бытность мою в последний

раз в кр. Грозной, тотчас по приезде в Нальчик приступил к мерам ограничения числительности желающих переселиться в Турцию. Я надеюсь, что успею вполне согласовать меры, указываемые мне В[ашим] с[иятельст]вом с обстоятельствами и духом жителей вверенного мне округа и устроить дело совершенно в видах В[ашего] с[иятельст]ва и г. Главнокомандующего, а кабардинцам показать только долг благорасположения и человеколюбия начальства. Для этого на днях мною собраны будут аульные владельцы и старшины, я поговорю с ними и о результатах моих действий донесу Вашему сиятельству с нарочным».

Об исполнении предписания Орбелиани 17 апреля докладывает Евдокимову: «Вчерашнего дня по вызову моему собрались у меня аульные владельцы и старшины и с ними явились многие из желающих переселиться в Турцию. Руководствуясь наставлениями Вашего сиятельства, данными мне в Грозной, и инструкцией, изложенною в письме Вашем от 11 сего апреля, я в самых сильных и убедительных выражениях объяснил им бедственное положение горцев, переселившихся с правого крыла в Турцию, [о] нежелании нынешнего правительства дальнейшего переселения туда Кавказских горцев, вследствие беспорядков, которые они дозволили себе делать в Турции, и напротив этого человеколюбие и великодушие нашего правительства, соболезнующего в их бедствии. Затем я объявил: 1) что из 450 семейств, получивших уже разрешение отправиться, могут пользоваться этим разрешением кто только пожелает, но никто из них не может быть отпущен сухим путем, а непременно через Тамань морем, и что они отнюдь не должны медлить своим отправлением с выездом из Округа до 10 мая. Позже этого срока они теряют право на отпуск в нынешнем году. Я не сказал им, что правительство наше препятствует им в переселении, вполне надеясь, что одни только закоснелые фанатики отправятся морем и ни один из благонамеренных людей не решится предавать семейство свое случайностям морского путешествия, столь страшного, по мнению кабардинцев, а короткий срок я объявил под предлогом, будто за этим сроком в нынешнем году должны быть сроки для таких же переселенцев из жителей других округов, но только в виду еще более ограничить численность переселяющихся, ибо, как полагаю, весьма немногие успеют в этот срок быть совершенно готовыми к путешествию; 2) что кто же из этих 450 семейств не успеет предпринять в этот срок путешествие, а то и те, которые хотя не получили разрешение, но желают отправиться в Турцию, не могут быть отпущены в нынешнем году, а должны созволения в будущем году; 3) чтобы вполне были убеждены в бедственном положении в Турцию переселяющихся горцев с правого крыла, я предложил им, чтобы оставшиеся после этого срока... по выбору отправили депутацию в Турцию, которые могли бы на самом деле убедиться в этом.

Выслушав меня после некоторого совещания, те, которым был разрешен отпуск, просили дозволить отправить несколько чело-

век из среды особенно желающих переселения к Вашему сиятельству с просьбою о разрешении им отправиться сухим путем. Хотя я предупредил, что сухим путем не могут быть отпущены собственно потому, что как за Кавказом все земли суть частные собственности и путешественники не будут иметь продовольствие для огромного количества скота, который будет следовать с ними и возбудят неудовольствие землевладельцев, то, впрочем, желая убедить их, что распоряжение это истекает от высшего начальства, я созволил им явиться к Вашему сиятельству, при этом докладываю, что мне, избранные для представления Вам просьбы этой суть главы фанатиков, увлекающих и волнующих народ. Те же, которые желают также переселиться, но еще не получили разрешения, изъявили непременное намерение составить депутацию для отправления в Турцию, чтобы самим убедиться в тех действиях, которые ожидают их по словам нашим в Турции.

Докладывая об этом Вашему сиятельству, имею честь присовокупить, что если бы вопреки моего ожидания все 450 семейств успеют приготовиться к отправлению в этот срок, то полагаю необходимым предъявить свои права к удержанию отправляющих с тем, чтобы я мог из них уволить только одних фанатиков, а остальных задержать под предлогом непозволения владельцев в Кабарде. Так как одной из главнейших мер ограничения числа переселяющихся, сопряженных с добровольным действием их, есть короткий срок, но если бы в этот срок никто не успел приготовиться, то дозволить мне тогда выбрать по указанию благонамеренных здешних владельцев от 60 до 100 семейств безпокойных фанатиков и отправить их морем в продолжение весны и после назначенного срока. При этом имею честь убедительнейше просить не давать разрешения на отправление сухопутно, ибо неохотно решаются на морское путешествие.

В заключение долгом считаю донести, что мною объявлено всем заниматься хлебопашеством, и на нынешний год никому не ожидать разрешения на переселение кроме тех, кто из 450 семейств будет готов к путешествию к 10 мая».

Переписка между графом Евдокимовым и князем Орбелиани шла в течение четырех месяцев беспрерывно. На последнее письмо Орбелиани от 13 апреля граф ответил уже 21 того же месяца: «Одобряя распоряжение Вашего сиятельства по делу о переселении горцев вверенного Вам Округа, покорнейше прошу Вас объявить депутатам, отправляющимся в Турцию, что по прибытии туда они обязаны испросить и согласие Турецкого правительства на переселение, без чего никому не дозволено будет трогаться с места. Депутацию эту Ваше Сиятельство отправите во Владикавказ, откуда генерал-майор Зотов сделает распоряжение об отправлении их в Тифлис. Дабы иметь возможность уволить безпокойных и удержать тех, которые изъявили желание переселиться только по наущению фанатиками, я разрешаю Вам принимать от владельцев просьбы об удержании отправляющихся, а также выбрать по указанию преданных нам старшин от 60-ти до 100 се-

мейств самых безпокойных фанатиков и отправить их морем по истечении назначенного вами срока».

Граф Евдокимов князю Орбелиани от 26 апреля 1860 года: «Вчера приезжали ко мне кабардинцы, желающие переселиться в Турцию, с просьбою о дозволении сухопутного следования, на что и получили от меня решительный отказ. Затем они просили, чтобы тех крестьян, которые не хотят идти с владельцами, дозволяемы были продавать лицам, остающимся здесь, жалуясь при этом, что вначале суд допустил эту продажу, а теперь воспрещает. Я хотя ответил на эту жалобу одобрением действий суда, однако поспешаю сообщить Вам следующее мое мнение. Запрещение продажи крестьян может остановить... именно тех людей беспокойных, которых следовало бы стараться удалить. Поэтому смягчить приговор суда на это дело так, чтобы допустить продажу крестьян на условии, чтобы крестьяне от нового их владельца имели право откупиться за определенную судом или взаимному согласию владельца с крестьянами сумму...»

Князь Орбелиани графу Евдокимову от 30 апреля 1860 года: «Письмо Вашего сиятельства от 26 апреля я имел честь получить 29 утром и спешу доложить, что запрещение продавать холопей желающим из кабардинцев отправиться в Турцию было сделано, вследствие 6-го пункта письма начальника Главного штаба к Вашему сиятельству от 21 апреля прошедшего года... сообщенного мне в копии. Что же касается до меры, выраженной Вашим сиятельством в этом письме относительно дозволения продажи крестьян на условии, чтобы крестьяне от нового их владельца имели право откупиться за определенную судом или по взаимному соглашению владельца с крестьянами, сумму, то она, откровенно смею доложить, неудобна – во-первых, потому, что на этих условиях не найдется покупщиков холопей, во-вторых, потому, что замедлится отправление фанатиков, которых я уже отобрал до 80 семейств и стараюсь выслать как-нибудь из Кабарды в Тамань в назначенный срок, т. е. около 10 или 15 мая; но если я не успею к этому времени выслать всех выбранных фанатиков, которые без холопей не захотели [бы] отправиться в Турцию, то во избежание черезмерной насильственной меры к их отправлению, я предприму к разрешению этого вопроса по обстоятельствам другие средства, о которых заблаговременно доложу Вашему Сиятельству. С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего сиятельства покорнейший слуга Орбелиани».

Начальник Главного штаба графа Евдокимова генерал-майор Зотов князю Орбелиани от 16 мая 1860 года: «Кабардинец Эдык Тохов, получивший в прошлом году из вверенного мне штаба заграничный паспорт на следование в Мекку, явился ко мне с объяснением, что его отца и других таких же кабардинцев заставляют следовать непременно чрез правое крыло вместе с теми, которые отправляются с пропускными только билетами. Поэтому имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что лица, получившие уже

заграничные паспорта, не должны быть стесняемы в выборе пути, который они находят удобнейшим для отправления в Мекку...»

Рапорт князя Орбелиани графу Евдокимову от 25 мая 1860 г.: «Руководствуясь инструкциями и наставлениями Вашего сиятельства, данными мне по поводу отправления кабардинцев в Турцию, я сделал следующие распоряжения: призвал к себе предварительно из благонамеренных и заслуживающих полного доверия жителей и предложил им в присутствии моем принять присягу в том, что все то, о чем я их буду спрашивать, они должны показать совершенно справедливо и беспристрастно, не объясняя однако ж заблаговременно вопросов, которые я намерен был им сделать; таким образом, по указанию этих людей я записал имена главнейших фанатиков, увлекающих и волнующих народ и решил непременно отправить их в Турцию, назначив для этого самый кратчайший срок; список избранным к отправлению в Турцию предъявлен был впоследствии членам Окружного суда и другим благонадежнейшим и преданным нам людям, которые единственно объявили, что выбор сделан весьма удачно.

После этого я объявил сроки такими, чтобы они были готовы к выступлению 15 числа этого месяца, и сборный пункт им назначил на р. Малке; срок этот продолжен был впоследствии, по случаю сильного разлития реки до 18 числа, и когда мне дали знать, что путешественники собираются, то, чтобы ускорить отправление их, я сам вместе с членами Окружного суда выехал на Малку, для выдачи билетов и окончательного разбирательства претензий как отправляющихся, так и равно и тех, жалоб на них со стороны остающихся в Кабарде. 22 числа все дела по возможности в присутствии моем были окончены, билеты розданы и путешественники в числе 80 семейств в тот же день выступили в Турцию двумя партиями: 66 семейств с проходными билетами через Кубанскую область на Тамань, а остальные 14 семейств с заграничными паспортами, выданными им в прошлом году, сухопутьем через г. Тифлис. О времени выступления первой партии я заблаговременно доносил г. генерал-лейтенанту Филипсону*, испрашивая распоряжения его превосходительства о высылке ко мне маршрута, по которому должны следовать путешественники через Кубанскую область; но начальник штаба войск означенной области сообщил мне, что отправляющиеся в Турцию свободно могут избрать себе путь по Кубанской области и везде им будет оказано законное содействие; независимо от этого о вспомоществовании путешественникам в свободном следовании и об отводе им на пути пастбищных мест, я просил заблаговременно начальника кордона Кисловодской линии, командира Владикавказского линейного казачьего полка. Из числа холопьев кабардинцев, отправившихся в Турцию, некоторые не изъявили желания следовать с своими владельцами, и потому последние, по убеж-

---

**Г. И. Филипсон* – генерал, командующий войсками, атаман Черноморского казачьего войска.

дению моему, поручили их родственникам своим, оставшимся в Кабарде.

Почтительнейше донося об этом Вашему сиятельству и представляя у сего перечневый список членам семейств кабардинцев, отправившихся в Турцию, имею честь доложить, что после отправления фанатиков все народонаселение успокоилось; я объявил жителям, чтобы они непременно принялись за хозяйство и желающие переселения отнюдь не надеялись бы отправиться в Турцию до возвращения оттуда депутации; депутация эта, как мне известно, едва ли состоится, потому что часть народа не желает этого».

Граф Евдокимов князю Орбелиани от 30 мая 1860 г.: «На донесение Вашего сиятельства об отправлении из вверенного Вам Округа 66 семейств в Турцию морем через Тамань и 14 из них с прошлогодними заграничными паспортами по военно-грузинской дороге в Закавказский край поспешаю уведомить Вас, что сии последние появлением своим в Военно-Осетинский округ произвели волнение в переселенцах сего Округа направлявшихся на Тамань и потому начальник моего штаба генерал-майор Зетов возвратил их из Владикавказа обратно в Нальчик...»

(25 мая 1860 г.*) Граф Евдокимов князю Орбелиани: «Не имея до сих пор положительного сведения о движении народа, желавшего отправиться на богомолье в Турцию, – я покорно прошу Вас уведомить меня с этим же нарочным: остаются ли на местах люди, записавшиеся прежде на переселение, или они еще рассчитывают отправиться в Турцию. В этом последнем случае я очень интересуюсь знать, сколько именно из всего вашего округа собирается семейств, желающих этого переселения, и когда именно думают они выступить?

Покорнейше прошу вас, князь, принять уверение в чувствах искреннего моего к вам уважения и совершенной преданности, с которыми имею честь быть Вашего сиятельства покорнейший слуга».

Граф Евдокимов князю Орбелиани от 30 мая 1860 г.: «Одобряя вполне распоряжения генерала Зотова, покорнейше прошу Ваше сиятельство распорядиться отправить их немедленно чрез Кубанскую область для дальнейшего следования в Турцию морем вслед за первым эшелоном.

В заключение долгом считаю просить Ваше сиятельство принять к немедленному руководству на будущее время, что переселенцы, если бы вы нашли нужным выслать еще кого-либо в Турцию, ни под каким предлогом не были отправлены иначе, как морем чрез Тамань во избежание того вредного влияния на народ военного Осетинского округа, какой произвели появившиеся из Кабарды 14 семей».

(30 мая 1860 г.) Князь Орбелиани графу Евдокимову: «Письмо Вашего сиятельства от 25 мая я имел честь получить 28 числа и спешу доложить вам, что отобранные мною фанатики в числе

*Дата установлена по содержанию нижеследующего письма Орбелиани к Евдокимову от 30 мая 1860 года.

80 семейств уже отправились из Кабарды по тракту на Тамань для следования в Турцию 22 мая, как я уже имел честь донести рапортом моим от 25 числа за № 732 раньше же этого времени, по случаю сильного разлития реки, они не смогли отправиться. Хотя в этом же рапорте (от 25 мая 1860 г. – *С. Б.*) я донес Вам, что остальное народонаселение Кабарды успокоилось и принимается за хозяйство, но ныне по дошедшим до кабардинцев, как полагаю, через Дигорию слухом, что будто бы в Военно-Осетинском округе дозволено отправиться всем, кто только того пожелает, вновь поколеблена решимости остаться в Кабарде тех, на которых уже были получены билеты в числе 442 и которые за уходом фанатиков, было на некоторое время успокоились. Они явились ко мне и просили о дозволении им отправиться в Турцию без всякой предварительной посылки туда депутации. Отказав им в просьбе на основании данных мне Вами инструкций, я позволил однако выбрать из среды себя четырех человек для явки с этою просьбою к Вашему сиятельству.

Вопрос, сделанный мне в письме Вашем о том, что остаются ли на местах эти люди, записавшиеся прежде на переселение, или они еще рассчитывают отправиться в Турцию, наводит меня на мысль, что правительство вновь, предположило отпустить, кроме фанатиков, и других кабардинцев, и если это справедливо, то позвольте доложить Вашему сиятельству, что следует разрешить просьбу остальных из числа 442 семейств потому, что с уходом их никто из кабардинцев не останется здесь, не исключая даже тех, которые до сих пор были против этого переселения, и последующей за ними также без предварительной посылки в Турцию депутации, если это будет дозволено начальством, и у этих идет между собою совещание: отправить ли депутацию или также проситься на переселение без посылки депутации.

Но если в видах правительства было только удаление беспокойных фанатиков, то смею просить Вашего сиятельства отказать в просьбе четырем посылаемым к Вам выбранным положительно и наотрез, и тогда, надеюсь, все успокоится; в противном же случае и та часть народонаселения, которая еще не записалась в число просящихся в Мекку, постоянно будет думать, что правительство не желает ограничения численности переселяющихся, и будет постоянно и настойчиво требовать дозволения на переселение. При этом убедительнейше прошу Вашего сиятельства снабдить и меня решительным приказанием, как действовать мне далее в этом вопросе, который требует положительного разрешения, ибо чрез эту неопределенность все дела останавливаются в своем течении до такой степени, что почти нет возможности делать что-нибудь другое в Округе, не относящееся до переселения туземцев».

Граф Евдокимов князю Орбелиани от 3 июня 1860 г.: «Любезный князь Вахтанг Вахтангович! На письмо Ваше от 30 мая спешу ответствовать следующее: Я усматриваю, что желание остальных фанатиков переселиться в Турцию Вас как будто оза-

бочивает. Как будто Вы не желали бы увеличивать числа переселенцев, увольнением всех тех 442-х, которые первоначально записались и на которых высланы уже билеты. Мне кажется, что если уж желать пользы для правительства и покою для народа, так надо именно пустить все эти семейства, потому что они распродали все свое имущество, не перестанут жаловаться на сделанную им остановку, в движении к которому они уже приготовились. Поэтому вреднее для нас, если они будут остановлены, чем-то, если бы движение их увлекло с собою еще несколько десятков. Недавно в ст. Прохладной убита женщина. Об этом Вы, конечно, уже знаете, и к этому я могу лишь присовокупить, что во всей Терской области давно уже нет никаких убийств и что случай в Прохладной служит ясным выражением, как искренна к нам преданность кабардинского народа. Скажите ж после этого должно ли нам жалеть об уходе кого-либо в Турцию из кабардинцев? Уменьшение вредного народонаселения избавит нас от многих хлопот и освободит слишком 4 сотни казаков, занятых теперь ограждением линии от народной преданности кабардинцев. Итак, не жалейте об уходе 442 семейств, но если бы их ушло и вдвое больше, так от этого ущербу для края не будет.

Прошу лишь ни под каким видом не увольнять через Закавказье и при увольнении показывать вид, будто Вы увольняете желающих против начальства и единственно из снисхождения к поступающим к Вам просьбам. Из Кабарды ко мне никто не приезжал. Напрасно Вы полагаете, что в Кабарде могло бы восстановиться спокойствие после ухода первых 80 семейств. Эти люди не перестанут поджигать народ к движению посредством письменных сношений, пока не уйдут все те, кто желает уйти, а потому лучше уже... чтобы этот процесс совершился скорее, ибо в противном случае народное волнение потянется на несколько лет и во все это время мы должны будем находиться в напряженной бдительности. Что же касается до угрозы, будто уйдет все народонаселение, то если бы это свершилось, так оно, кроме удовольствия, принесло бы нам еще существенную пользу, освободив от народа к нам недоброжелательного. Впрочем, я в том уверен, что ежели князья кабардинские пожелают остановить народ, то, во всяком случае, большая часть Кабарды останется при них и без сомнения останутся люди им послушные, а, следовательно, и способные к восстановлению желанного нами порядка. Вспомните любезный князь, что для противодействия желанию народной массы мы должны приготовить вооруженную силу на всякий случай. Силы наши повсеместно заняты теперь серьезным делом. Поэтому гораздо вреднее отвлечь самую незначительную часть их, чем отпустить несколько десятков лишних семейств. Пусть с богом едут желающие и имеющие к тому средства, хотя бы число их противу прежнего и увеличилось...»

Приписка к письму графа Евдокимова князю Орбелиани от 3 июня 1860 г.: «Если собственно ко мне явиться кто-либо с просьбою о переселении, то я непременно откажу. Вам же разрешаю...

даже сверх того числа некоторые высланные билеты именно для того, что бы Вы могли поступать на этот случай по своему усмотрению».

Начальник штаба графа Евдокимова генерал-майор Зотов князю Орбелиани от 27 июня 1860 г.: «Милостивый государь князь Вахтанг Вахтангович! Хотя Вашему сиятельству уже известно желание графа Николая Ивановича, чтобы отнюдь не задерживать кабардинцев, желающих переселиться в Турцию под предлогом поклонения гробу Магомета и избирающих для этого морской путь, но так как ходят по всей вероятности вполне неосновательные толки о препятствиях, встречаемых переселенцами со стороны властей, то граф поручил мне снова покорнейше Вас просить принять всевозможные меры к облегчению отправления желающих, разумеется, если они покончили со всеми свои расчеты. Настоящее движение в Кабарде показывает, что народ этот вполне надежный и на собственное удержание пользы не принесет, а, напротив, раздражат их против нас. Чем больше их уйдет, тем меньше останется у нас тайных врагов.

Исполняя поручение графа Николая Ивановича, прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности И. Зотов.»

(28 июня 1860 г.) Граф Евдокимов князю Орбелиани: «Согласно представлению Вашего сиятельства, изложенному в рапорте вашем от 22 июня за № 962 я разрешаю отправление в Турцию 37 семейств, список которым приложен был при вышеозначенном рапорте и вместе с сим прилагаю г. начальнику штаба вверенных мне войск выслать в распоряжение ваше кроме 37 просимых Вами проходных билетов еще 500 для тех из жителей, которые могут впредь изъявить настойчивое желание к переселению».

(14 июня 1861 г. Ставрополь.) Граф Евдокимов начальнику Кабардинского округа: «Сопровождающий транспорт кабардинцев, отправляющихся в числе 321 семейства на переселение в Турцию, переводчик Туков объяснил, что означенный транспорт сего дня, т. е. 14 июня, имеет дневку в Прочном окопе, присовокупил, что 9 числа настоящего месяца чрез Прочный окоп уже проследовало таких переселенцев из Большой Кабарды 71 семейство и что на третий день праздника Курман из Большой Кабарды выступает в Турцию транспорт в числе 400 семейств. Интересуясь иметь по объясненному предмету официальное сведение от Вашего сиятельства, имею честь покорнейше просить с этим же нарочным донести мне, когда, какой транспорт и в каком числе семейств уже выступил в нынешнем году из Кабарды на переселение в Турцию, а равно объяснить, действительно ли собираются к отправлению туда же 400 семейств, объясненные Туковым и сверх того, не оказывается ли между жителями Большой Кабарды еще большого числа желающих совершить такое же переселение в нынешнем году. Причем обязываюсь просить Ваше сиятельство при увольнении кабардинцев на переселение руковод-

ствоваться прежними моими по сему предмету указаниями, отнюдь не стесняя их в исполнении этого желания».

Граф Евдокимов князю Орбелиани от 14 июля 1860 г.: «В видах сохранения большой правильности при отправлении в Турцию туземцев вверенного Вашему Сиятельству Округа и во избежания могущих встретиться недоразумений, покорнейше прошу Вас обо всех отправляемых за границу заблаговременно мне доносить, дабы я смог своевременно сноситься с Главным штабом Кавказской линии и тем дать ему возможность о числе отправляемых семейств сообщить Турецкому правительству.»

(17 июня 1861 г.) Князь Орбелиани графу Евдокимову: «Во исполнение предписания В[ашего] с[иятельст]ва от 14 сего июня за № 866 имею честь почтительнейше донести, что после объяснения жителям вверенного мне округа приказания Вашего сиятельства, переданного мне лично в г. Владикавказе по возвращению вашем в апреле месяце сего года из г. Тифлиса о том, что желающие переселиться в Турцию могут отправиться туда только в течение двух следующих месяцев, т. е. мая и июня, по прошествии еще этого времени переселение вовсе прекращается – кабардинцы подали мне с 1 мая и по настоящее время до 600 просьб, в которых испрашивают разрешения на всегдашнее переселение в Турцию; впоследствии чего я предположил отправить переселенцев двумя партиями: одну в конце минувшего мая, а другую в конце настоящего месяца. Первая партия выступила из Кабарды 27 мая в сопровождении переводчика Тукова в числе 163 семейств кабардинцев и 46 домов бабуковцев из записавшихся на переселение по исключении их из казачьего сословия. Со второю партиею наберется около 300 семейств кабардинцев, которые должны выступить, как сказано в конце этого месяца, потому что тотчас после Курмана я не мог назначить им срок отправления по невозможности разобрать к этому времени многочисленные жалобы на переселенцев со стороны остающихся жителей. В настоящее время кабардинцы все еще продолжают подавать прошение о переселении их в Турцию, но не в таком уже количестве, как прежде.

При этом имею честь доложить, что при увольнении жителей вверенного мне округа в Турцию я ни на минуту не упускаю из виду инструкций и указаний Вашего сиятельства, данного мне по этому предмету, и вполне соображаюсь с вашими мыслями».

Начальник Кабардинского округа генерал-майор князь Орбелиани 22 февраля 1862 г. представил в Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев записку: «Вследствие отношения оного Комитета от 9 февраля сего года – имею честь при сем препроводить сведения о числе семейств кабардинцев, переселившихся в Турцию в прошлых 1860 и 1861 годах с показанием из какого именно аула и сколько душ отправилось на переселение»[3]. Упомянутый список сохранился, но он озаглавлен несколько иначе: «Сведения о числе переселившихся в Турцию кабардинских **семейств** и других (выделено нами. – *С. Б.*) в течение прошлых 1860 и 1861 годах»[4].

Название аулов	Число семейств	Число душ
1	2	3
Ротмистра Кизильбека Кармова	4	37
Узденя А. Бабукова	24	370
Юнкера Ашабова	20	250
Узденя Даута Трамова	1	3
Узденя Хамурзы Аджиева	2	10
Узденя Тлостана Агубекова	1	7
Князя Хасанбия Атажукина	13	175
Прапорщика Лафишева	10	150
Кошева	3	54
Узденя Бекмурзы Гетеж[ева]	5	40
Полковника Батырбека Тамбиева	8	89
Князя Иналова	12	170
Корнета Сидакова	7	80
Узденя Бжехокова	6	95
Юнкера Бек[мурзы]Атажук[ина]	1	80
Подполковника К. Атажук[на]	8	92
Корнета Конова	1	5
Князя Бек[мурзы]Наурузова	5	49
Штабс-капитана Жамбекова	9	78
Ротмистра Тамбиева	3	25
Поручика Заракуша Тамбиева	51	558
Шакманова	10	90
Прапорщика Кучмазукина	11	125
Поручика Тыжева	2	15
Узденя Тохтамышева	18	108
Подпол[ковника] Касаева	1	10
Узденя Эльтарова	7	59
Поручика Кунашева	10	100
Узденя Отпанова	13	35
[Узденя] Шипшева	2	15
Подпоручика Седакова	4	30
Узденя Бешказакова	13	115
[Узденя] Берта Тамбиева	7	109
[Узденя] Тохтамышева	6	80
Хаджи Кайсына Шогенова	22	200
Узденя Магомета Казаншева	4	38
[Узденя] Бекмурзы Перхичева	6	70
Узденя Думанова	1	10
[Узденя] Алтудокова	23	297
Поручика Кудинетова	15	116
Узденя Батраша Куденетова	20	190
[Узденя] Асламурзы Кудинетова	23	247
[Узденя] Измаила Кудинетова	20	156
[Узденя] Муллаева	10	160
Поручика Шарданова	5	57
Узденя Кунижева	3	179
Юнкера Даутокова	5	85

1	2	3
Майора Кошерокова	7	20
Узденя Тогланова	7	70
» Клешбиева	17	120
» Кудаева	15	110
» Атласкирова	16	165
» Агзагова	3	25
Юнкера князя Кильчукина	15	179
Подпоручика Хаудова	8	115
Корнета Муссы Кожокова	5	80
Прапорщика К. Джамботова	26	250
Прапорщика Джомботова	46	478
Узденя Альпшаова	12	117
» Захохова	12	114
Поручика К. Казиева	29	463
Узденя Магомета Догужокова	16	200
» Джанхотова	5	50
» Казаншева	7	70
» Таова	11	190
Князя Джамбота Докшукина	3	16
Узденя Хостова	27	217
Подпоручика Махарова	19	206
Узденя Шенибова	21	340
» Макенова	17	180
Князя Казия Хамурзина	5	35
Узденя Ельбуздукина	8	95
Князя Тлостаналиева	7	95
Узденя Кожокова	2	19
» Асламурзы Анзорова	18	175
» Хатакшуко Анзорова	25	200
Узденя Тембота Анзорова	44	463
Есаула Анзорова	25	150
Прапорщика Коголкина	10	100
Подполковника Анзорова	4	50
Тембота Анзорова	5	70
	941*	10343*

Приведенная переписка сама по себе представляет документальное повествование о начальном этапе массового переселенческого движения. Тем не менее ряд вопросов должен быть рассмотрен дополнительно.

В начале переписки выясняется, что после прибытия первого потока переселенцев с Западного Кавказа в Турцию и учинения ими «беспорядков» в местах их расселения Оттоманская Порта в одно время была не прочь прекратить переселение горцев. Этим

*Неверный подсчет. Должно быть: 942 и 10 268 соответственно. По данным Н. Ф. Грабовского, в 1860 и 1861 гг. эмигрировало меньше – 881 семейство. Он пишет: «В 1860 году выселились из Кабарды в Турцию 347 семейств, а в следующем, 1861 году – 534 семейства, т. е. в течение 2-х лет удалилась из Кабарды почти 1/8 часть населения ее» (*Грабовский Н. Ф.* Указ. соч. С. 210).

объясняется намерение главнокомандующего Кавказской армией* генерал-фельдмаршала А. И. Барятинского (1814–1879) «в видах человеколюбия... прекратить начавшееся переселение».

Было ли «человеколюбие» главнокомандующего искренним? Ответ в какой-то степени прослеживается в отзыве А. И. Барятинского русскому посланнику при Оттоманской Порте князю Лобанову-Ростовскому от 9 марта 1860 г. В нем говорится: «От 27 ноября прошлого 1859 года я имел честь сообщить вашей светлости, о некоторых распоряжениях моих, имевших целью до некоторой степени остановить или, хотя замедлить движение переселенцев с Кавказа в Турцию. Несмотря на все препятствия, противопоставляемые этим переселенцам, командующий войсками Левого крыла доносит мне, что до 3-х тысяч семейств жителей вверенного ему края просят об увольнении их в Мекку на богомолье. Для доставления возможности пользоваться собственными средствами, я разрешаю переселенцев этих отправить через Закавказский край, а для безостановочности и порядка при следовании их, устанавливаю особые правила, копия коих при сем прилагается».

Согласно этим правилам, подведомственные главнокомандующему начальники обязаны «стараться отправлять переселенцев сколь можно малыми частями, направляя партии в три пункта Турецких пограничных областей: Баязет, Карс и Ардаган». Второй пункт правил гласил: «Отправлять этих людей из каждого округа партиями в числе не более 100 семейств и для перевозки жен, детей и имущества, какое необходимо будет им взять с собою, дозволить иметь на каждое семейство не более двух арб, запряженных каждая парою волов. Кроме этого, продовольствия во время пути, положа круглым числом по 5-ти душ – по 5-ти фунтов, а на 100 семейств – 12 пудов 20 фунтов в сутки, или же две штуки рогатого скота, весом каждая в 6 пудов 10 фунтов и соображая приблизительно, что для отправления из домов до дня перехода через Турецкую границу понадобится до 30 дней, дозволить брать с собою запасного скота на каждую партию до 60 штук с тем, чтобы этот же самый скот должен служить как для пищи, так и для замены павшего или усталого под обозом во время пути».

Было ли известно об этих распоряжениях А. И. Барятинского местным властям? Должно быть. Во всяком случае, генерал-майор Зотов, начальник штаба левого крыла Кавказских войск, опасался возмущения переселяющихся в случае отказа удовлетворить их просьбу. Он указывал, что эта «насильственная мера» вызвана позицией Турции.

Естественно, что начальник Кабардинского округа генерал-майор Орбелиани руководствовался установками «сверху». Получив указание Евдокимова, он тут же «приступил к мерам ограничения численности желающих переселиться в Турцию» (см.

---

*Отдельный Кавказский корпус был переименован в Кавказскую армию.

письмо князя к графу от 13 апреля 1860 г.). Орбелиани «в самых сильных и убедительных выражениях объяснил им (кабардинцам. – *С. Б.*) бедственное положение горцев, переселившихся с правого фланга в Турцию, нежеланий нынешнего правительства дальнейшего переселения туда кавказских горцев...».

«Человеколюбие» главнокомандующего отнюдь не распространялось на тех, кто желал бы отправиться в Турцию морем, т. е. на фанатично настроенных переселенцев, которых не останавливал опасный путь через Черное море, ставшее кладбищем многих из них. Поэтому Евдокимов 21 апреля 1860 г. предписал Орбелиани «уволить безпокойных и удержать тех, которые изъявили желание переселиться только по наущению фанатиков». При этом он требовал, чтобы депутаты, которых специально будут направлять в Турцию по делам переселенцев, испросили согласия правительства на переселение, «без чего никому не дозволено будет трогаться с места».

Слово «фанатик» в русских источниках ранее не употреблялось по отношению к кабардинцам. Оно постепенно вошло в употребление, сменив слово «хищник», бывшее в «моде» во времена Ермолова. С каким же социальным явлением связано возникновение термина как выражение настроения определенной группы людей, в целом не свойственного национальному характеру народа?

Согласно толковому словарю, фанатик – это «человек, до исступления преданный своей религии, вере». Значит, фанатизм привнесен в среду кабардинцев извне, вместе с мусульманской верой, которая, как всякая вера или идеология, для своего существования и распространения нуждается в формировании сознания людей, определяющего их деятельность.

О причинах возникновения фанатизма на земле адыгов рассуждал Адиль-Гирей Кешев: «Мусульманство внесло в черкесское общество весьма заметные преобразования. Оно сообщило сильный толчок и дало несколько отличное от прежнего направление и господствующей наклонности черкеса – воинственности. Направление это мы уже назвали фанатизмом, хотя в строгом смысле черкесы не успели поравняться в отношении религиозной ревности даже с некоторыми кавказскими племенами, например, с кумыками, дагестанцами, чеченцами и ближайшими своими соседями – ногайцами»[5].

Дух свободы и независимости, исстари пронизывавший господствующую наклонность адыгов – воинственность, в значительной степени был вытеснен религиозным фанатизмом. Он, исподволь аккумулировавший центробежный потенциал в народе, а не мусульманская религия как таковая, что должно быть особо отмечено, послужил (в сочетании с преданиями об исторической родине, ежегодным паломничеством немалого числа людей, полуоседлостью, неуверенностью в завтрашнем дне, усугублявшейся затянувшимся на многие десятилетия неблагополучным военным фактором) первотолчком к переселению.

Сторонники переселения муссировали слухи о том, что «чер-

кесская кровь течет в венах султана. Его мать, его гарем – черкесские, его рабы черкесы, его министры и генералы – черкесы. Он глава нашей веры, а также расы»[6].

Вряд ли вожаки движения за переселение ясно осознавали, что же представляла собой Турция, каковым было действительное отношение Порты к адыгам вообще. Крым-Гирей в 1866 г. по горячим следам переселенцев писал: «Трудно поверить, до какого педантизма турки охарактеризовались в отношении к нам в былые годы. К горцам они никогда не были искренни и едва-едва удостаивали их звания людей... Турки, по словам горцев-старожилов, видели в нас только одно – механическое орудие против соседственной России, и цель господства их на Кавказе не заключалась в видах просвещения отсталых братьев человечества».

В ходе усиленной психологической «обработки» изнутри, когда народ в своей значительной части не прочь был переселяться, достаточно было открыть границу, чтобы избавиться от неугодного населения. А таким представителям царизма на Северном Кавказе, как Евдокимов, подобная ситуация была только на руку.

В оправдание своей агрессивной позиции в переселенческом движении Евдокимов счел достаточным сослаться на отмеченное выше убийство женщины в Прохладном, видимо, совершенном кем-то из кабардинцев. Этому частному случаю он придал такое политическое звучание, что заслонило давние кабардино-русские боевые связи. Было предано забвению почетное знамя, пожалованное кабардинскому народу самим Николаем I всего 15 лет тому назад. Не принималось во внимание и то обстоятельство, что в Кабарде газават не получил весомой поддержки. Причиной было не только то, что черкесы не успели поравняться с дагестанцами и чеченцами в отношении религиозной ревности, но, видимо, в убежденности кабардинцев в том, что героическая борьба Шамиля против России была изначально обречена.

3 июня 1860 г. Евдокимов пишет генерал-майору Орбелиани: «Случай в Прохладном служит ясным выражением, как искренна к нам преданность кабардинского народа». «Скажите ж, – спрашивал граф князя, – должно ли нам жалеть об уходе кого-либо в Турцию из кабардинцев?» И сам же давал ответ-наставление: «Итак, не жалейте об уходе 442 семейств, но если бы их ушло и вдвое больше, так от этого ущербу для края не будет».

«Итак, не жалейте об уходе»,– резюмировал Евдокимов. Значит, Орбелиани действительно жалел об уходе кабардинцев в Турцию? По крайней мере, он желал удержать тех, кто еще не был втянут в соблазн переселения, стараясь с этой целью как можно скорее удалить «фанатиков».

Позиция Орбелиани, близкая к оппозиции высшим военным властям, выглядит на общем фоне несколько странной.

Вахтанг Вахтангович Орбелиани (1812–1890), известный грузинский поэт-романтик XIX века, дослужился до звания генерал-лейтенанта. Принадлежал к древнему грузинскому княжескому роду.

В родословной князя есть для нас важный момент: он – внук (по матери) грузинского царя Ираклия II[7]. Мы уже писали, что царь Ираклий II был внуком кабардинской княжны Гиляхстанова рода – Русудан. Нет сомнения, что Вахтанг Вахтангович гордился своим происхождением и хорошо знал генеалогическое древо рода Орбелиани. Кабардинские князья также не могли не знать о родственных связях двух княжеских фамилий, и, конечно, не обходилось без частых бесед на эту тему. К тому же князь Орбелиани обладал редким для своего чина и должности человечным характером. Об этом говорят прошения к нему «простолюдинов», среди которых о нем шла молва, как о милостивом правителе. Одна старая женщина обращалась к князю в следующих выражениях: «помощник бедных»; «если Вы столь правосудны, как я слышала, и столь милостивы по вашему человеколюбию»[8].

Родственные связи с кабардинскими князьями и человечность поэта-романтика брали в Орбелиани верх. Этим следует объяснить позитивную роль, которую старался играть князь Орбелиани, хотя должность начальника Кабардинского округа была для этого слишком скромной.

Фальсифицируя историю кабардино-русских отношений, Евдокимов стремился воздействовать и на высшее начальство в своем духе. 14 августа 1860 года он пишет начальнику главного штаба Кавказской армии генерал-адъютанту Милютину: «...Кабардинцы в 1846 году призвали к себе Шамиля и приняли открыто его сторону. Общее же стремление народа на переселение в Турцию, в прошедшем и настоящем годах, служит новым доказательством против верноподданнических чувств этого народа...»[9].

Почва к переселению с обеих сторон была готова. Его начало стало вполне возможным в 1859 г., с поражением Шамиля, и неизбежным после назначения Евдокимова командующим войсками Терской и Кубанской областей, имевшего отдельных помощников по управлению каждой из них. Несколько позже, но не позднее октября 1861 г., Терская область выводится из ведения Евдокимова, и он становится командующим войсками Кубанской области – главном театре переселенческого движения адыгов.

В этих условиях от личности Евдокимова зависело многое в судьбах переселенцев и движения в целом.

Некоторые штрихи к его биографии. Евдокимов родился на Кавказе, происходил из семьи простого солдата. Получил самое скудное образование, но обладал природным умом. «Ведаясь» с кабардинцами, он приобрел «отличное знание» их характера [10].

Евдокимов начал службу в 1821 г. С 1831 г. в чине штабс-капитана несколько лет является комендантом Нальчикской крепости, затем (1844–1845 гг.), будучи полковником, командует Волжским казачьим полком. В 1850 г. Евдокимов командир 2-й бригады и 19-й пехотной дивизии и начальник правого фланга Кавказской линии, а в 1855 г. назначается начальником ее левого фланга. А. И. Барятинский, хорошо зная Евдокимова по прежней службе, выдвигает его своим главным сподвижником в 1857 г.,

что приводит к поражению Шамиля. Одним из основных достижений А. И. Барятинского как раз считается выбор таких сподвижников, как Д. А. Милютин и Н. И. Евдокимов, увенчавшийся «блестящими результатами»[11].

Знания, полученные Евдокимовым в своей «высшей школе», где он изучал характер и обычаи адыгов, преподавателями которой были сами кабардинцы, пришлись как нельзя кстати. Они легли в основу его лицемерной политики в переселенческом вопросе. В предписании к генерал-майору Орбелиани от 3 июня 1860 г. Евдокимов требовал: «...При увольнении показывать вид, будто вы увольняете желающих против начальства и единственно из снисхождения к поступающим вам просьбам».

Противодействовать переселению Евдокимов даже считал для себя небезопасным, потому что в этом случае должен был заранее приготовить вооруженную силу.

В рапорте к Евдокимову от 30 мая 1860 г. генерал-майор Орбелиани указывал на существующую угрозу, что «уйдет все народонаселение» в Турцию. Граф успокаивал князя непринятием мер по предотвращению угрозы. Он говорил, что такой исход начавшегося движения доставил бы ему удовольствие и, кроме того, принес бы «существенную пользу, освободив от народа, к нам недоброжелательного».

Но Евдокимов сомневался в возможности подобного «счастливого варианта». «Впрочем, я в этом уверен, – писал он, – что ежели князья кабардинские пожелают остановить народ, то во всяком случае большая часть Кабарды останется при них...»

В этот драматический период единственной реальной преградой ко всеобщему переселению могли стать только кабардинские князья и их ближайшее окружение, все еще пользовавшиеся влиянием и авторитетом в народе. В обстановке, когда царская администрация еще не предпринимала активных мер содействия движению, а ограничивалась пока провокационными методами, многое в переселенческом движении зависело именно от них. Критические периоды истории народа требуют от его представителей особой проницательности, выдержки, умения обеспечивать единство народа с думой о его близком и далеком будущем.

К чести для Кабарды, такие люди нашлись. Влиятельные представители народа, умеренно исповедовавшие тот же ислам, смогли во многом нейтрализовать действия фанатиков и противопоставить им антипереселенческую кампанию, удержавшую людей от полного переселения кабардинцев в «могилу заблуждающегося и обманутого народа» (Кодзоков).

Первым среди них следует назвать полковника Атажуко Атажукина. Вот предельно краткая, но емкая характеристика, данная ему в 1869 г. (посмертно): «В течение 30 лет пользовался особым вниманием начальства и огромным влиянием в народе. Все реформы, произведенные в последнее время по вопросам поземельным, податным и холопским, обязаны ему своим благополучным исходом». Далее следует более всего интересующая нас

фраза: «...Его пример и влияние удержало кабардинцев от общего выселения в Турцию»[12] (выделено нами. – *С. Б.*).

Имя этого выдающегося князя незаслуженно стерлось в неблагодарной памяти потомков и ныне известно лишь немногим исследователям.

Его имя впервые встречается в прошении поручика Мисоста Атажукина* к Эмануэлю от 6 ноября 1830 г. В нем сказано: «Так как теперешнее мое жительство в Кабарде на реке Чегеме состоит в даче, принадлежащей первостепенным узденям Куденетовой фамилии, чем они, будучи стеснены, крайне обижаются, и для меня весьма малая земля неудобна для жительства моего, а потому всепокорнейше прошу вашего высокопревосходительства позволить мне при времени переселиться со всем моим аулом из 67-ми семейств, состоящими на реке Баксан выше крепости Баксанской, в старое наше жительство (называемое место Хатукшукое), где есть по сие время разные садовые обзаведения, мечети и протчие принадлежащие мне – и по близости то место к горским народам преданным России могу я переселить к себе людей, принадлежащих по наследству вместе со мною живущему брату моему Хатукшуке Атажукину, которые по дальности нашего аула проживают в горских народах, на что остаюсь в ожидании милостивейшего вашего высокопревосходительства резолюции»[13].

Кроме важных подробностей о перемещениях аула князей Атажукиных, прошение содержит ценную информацию об их политических взглядах. Переселение Атажукиных, в том числе и Атажуки Атажукина на Чегем, относящееся, должно быть, к 1822 г., говорит о том, что они придерживались прорусской ориентации.

Непререкаемым авторитетом пользовался в народе и полковник Дохшуко Касаев (умер 24 октября 1870 г.). За год перед смертью он удостоился лестной оценки: «По летам, происхождению и способностям занимает ныне первое место между кабардинскими князьями». Штабс-ротмистр Джамбот Докшукин отличался «репутациею весьма хорошею». Поручик Кази Атажукин признавался надеждой кабардинских князей. О нем сказано: «Образованием своим и отличным направлением приносит много пользы в настоящее время».

К началу 1870-х гг. отдельно от своих сыновей: прапорщика Магомета и юнкера Бекмурзы Наурузовых – жила дочь Кучука Джанхотова, Кебахан. В истории Кабарды, в отличие от истории России, неизвестен случай, чтобы женщина оказывала значительное влияние на общественную жизнь. В этом смысле княгиня Кебахан – явление исключительное. Отзыв о ней за 1869 г. гласит: «Княгиня Кебахан пользуется особенным уважением и

---

*В роду Атажукиных несколько князей носили имя Мисост. Наиболее известный из них – Мисост Боматович Атажукин, отец Темирбулата и Росланбека. На их родной сестре Султаним был женат валий Кучук Джанхотов.

немало влияет на общественное мнение». О дальнейшей ее судьбе нет конкретных сведений. Последние годы жизни Кебахан, похоже, провела в родном селении. В посемейном списке селения Жанхотова за 1886 г. зафиксировано: «...семейство умершего полковника Атажукина, Кебахан, княгиня». Очевидно, что княгиня – дочь Кучука Джанхотова, а, следовательно, она жила до глубокой старости и, вторично оставшись вдовой, оставалась одна до конца жизни.

Эти князья, несомненно, сыграли большую роль в ослаблении переселенческого движения, но все же самая лестная характеристика досталась не им, а тлекотлешу полковнику Кайсыну Анзорову. О нем сказано: «Снискал огромное влияние в обществе, которого он в настоящее время лучший представитель».

Из данной фамилии немалый вес в обществе имел и Хатау Анзоров – «сын генерал-майора Хату Анзорова, пользовавшегося особенным благоволением в бозе почивающего императора Николая I»[14].

Благодаря им и им подобным, Кабарда была спасена «от общего выселения в Турцию».

Вместе с тем было немало владельцев, усиленно пропагандировавших идею переселения в Турцию. 8 августа 1862 г. был составлен список владельцев, покинувших Кабарду. Среди них: юнкер князь Кайсын Кильчукин, князь Бекмурза Казиев, подпоручик Кази Хамурзин, князья: прапорщик Пшемахо, Ислам, Джамбот, Канамат и Камбот Джамботовы, а также штабс-капитан Мет, подпоручик Умар и Асламурза Куденетовы[15].

Указанные фамилии противников и сторонников переселения имеют основополагающее значение для анализа сведений о переселенных 1860–1861 гг., представленных генерал-майором Орбелиани в комитет для разбора личных и поземельных прав 22 февраля 1862 г.

В переселенческое движение был вовлечен 81 населенный пункт Большой Кабарды, в которой в 1864 г. насчитывалось 97 аулов. Многие из них представлены минимальным количеством семей-переселенцев: от 1 до 4 дворов, а из 20 аулов выселилось более половины жителей.

Сопоставим два селения и попытаемся выяснить некоторые побудительные мотивы сторонников и противников переселения.

Из аула штабс-ротмистра Кизильбека Кармова переселились лишь четыре семейства (37 душ), а в соседнем ауле узденя Асхада Бабукова – 24 семейства (370 душ). Чем объясняется такая большая разница? Не секрет, что в условиях крепостничества многое в жизни населения зависело от позиции владельца. А Кизильбек Кармов находился на службе с 1830 г., участвовал вместе с Ногмовым под началом Хан-Гирея в польской кампании, отличился и при взятии Ахульго – одной из крепостей Шамиля, имел награды и поощрения.

В силу всего этого Кизильбек Кармов выступал за укрепление русско-кабардинских связей. Об этом говорит и фольклор, в ко-

тором со стороны противников России сохранилось неодобрительное двустишье о нем:

Джаур Iуэху къыкъуэкIмэ зи нэр къикIэжыр
Къармэжым и къуэкIэ Къармэ Къызылбэчт[16].

Если действия (военные) гяуров (русских) кому-то возвращают зрение,
Это Кармова сын Кармов Кизильбек.

(*Подстрочник*)

У Кармова не было причин переселяться в Турцию и агитировать односельчан оставить родину.

В соседнем ауле Бабукова иначе складывалась обстановка. Она связана с именем владельца аула Асхада Бабукова.

Житель селения Бабукова Хажели Жангериев 27 июня 1859 г. писал Орбелиани: «...Асхад Бабуков, узнав, что желающим кабардинцам от начальства предоставлено право переселиться в Турцию, то почти прежде всех высказывается, что он не хочет быть подданным русскому правительству, а желает отправиться в Турцию (как в оной окончил жизнь свою отец его Эльмурза*, теперь находится там в живых родной брат его Исмаил), тем на днях приобретенный мною ему конный табун продал торгующему в Нальчике Нахичеванскому купцу из армян Моисею Таманшеву за четыре тысячи рублей серебром, продает также и прочее имущество. Да и прежде он, вероятно, не был предан русскому правительству, он имеет себе жену из непокорных закубанских народов, мать которой в прошлом, 1858 году приезжала к нему, и он решился подарить ей одну служанку и тогда же проводить опять за Кубань»[17].

Жангериев, рассказывая о Бабукове, привел типичные мотивы многих переселенцев-владельцев. Несмотря на то, что Бабуков не переселился в Турцию (за упорное сопротивление властям при отмене крепостного права «был сослан в Россию, возвращен»)**, он своими приготовлениями к переселению, бесспорно, способствовал вовлечению в это движение других бабуковцев.

Помимо Асхада Бабукова, на жителей его аула оказывали влияние и бабуковские казаки – жители упразднявшейся Бабуковской станицы. 17 июня 1861 г. генерал-майор Орбелиани доложил графу Евдокимову, что 27 мая наряду с другими «выступили из Кабарды... и 46 домов Бабуковцев (Бабуковской станицы. – *С. Б.*) из записавшихся на переселение по исключении их из казачьего сословия...».

---

*Эльмурза семь раз совершал паломничество в Мекку.

**Отмена крепостного права вызвала отрицательную реакцию значительной части владельцев. По сведениям Н. Ф. Грабовского, они «в числе около 400 человек, в феврале месяце 1867 года, затеяли было нечто вроде неповиновения начальству... Последствием этой последней вспышки... было временное удаление из края внутрь России нескольких, наиболее агитировавших личностей...». Бабуков – одна из этих «личностей».

Переселенцы из упраздненной Бабуковской станицы, которую предстояло расселить по Кабарде, не могли не оказывать воздействия на своих родственников из аула Асхада Бабукова. Приводить подобные примеры нетрудно, так как их немало.

Списки населенных пунктов, представленные генерал-майором Орбелиани в Комитет по делам личным и поземельным, показывают также, что больше всех переселенцев в «активе» трех древнейших тлекотлешских фамилий Анзоровых, Куденетовых и Тамбиевых: 1108, 869 и 781 человек соответственно, или около третьей части всех переселенцев. Наибольшее рвение проявили Анзоровы, преимущественно как следствие их участия в движении Шамиля. И еще один, но исключительно важный факт: ни один населенный пункт Малой Кабарды не значится в списке переселившихся аулов!

Документы и материалы, касающиеся переселенческого движения в Кабарде 1859—1861 гг., позволяют заключить, что массовое переселение адыгов в Турцию не было фатальной неизбежностью. Несмотря на скрытые провокационные действия царской администрации, направленные на раздувание махаджирства, все же была возможность, разгадав ее коварную политику, выиграть самый тяжелый бой — за народ, и удержаться на земле, где покоились священные останки сложивших за нее голову героических предков.

Отношение современников к движению за переселение из Кабарды вообще не могло не отразиться в фольклоре. В истории общественной мысли адыгов известно имя Лиуана Бжихатлокова — предшественника Жабаги Казаноко. Ему приписывается изречение: «Бахъсэнрэ урысрэ зымыбгынэр, жылагъуэу къэйэжынщ» — «Кто Баксан и Россию не покинет, народом останется»*. Огромно патриотическое значение этой мудрой мысли. Недаром ее часто повторял Жабаги Казаноко, очевидно, стремясь удержать людей от гибельного для народа переселенчества.

Одна народная пословица, обращенная, видимо, непосредственно к переселенцам конца 1850-х — начала 1860 гг., напоминая изречение Бжихатлокова, выражена в более категоричной форме: «УщымылӀынум, уи хэку уикӀыж» — «Когда не быть тебе мужественным, покинь отчизну». Пословица осталась в памяти народа вечным, горьким укором для тех организаторов, кто в тяжелую годину на свой страх и риск предпочел чужбину истерзанной и более чем когда бы то ни было нуждавшейся в своих сыновьях и дочерях родине.

Стала ли судьба десятков тысяч первых переселенцев, закончившаяся трагедией, уроком для оставшихся на родине? Состояние кабардинского (и шире — адыгского) народа во многом точно

*Фраза переводится и так: «Кто Баксан и русских не покинет, народом останется» (*Бгажноков Б. Г.* Этика Ж. Казаноко и духовная атмосфера Кабарды в XVIII столетии //Жабаги Казаноко. Нальчик, 1988. С. 39). Данный вариант, думается, полнее передает смысл изречения.

передает другая пословица: «Истамбылыжьым имыкӀыр щӀолӀэ, икӀар йолӀыхь» – «Кто не переселился в Стамбул, жаждет его, а кто переселился, мучается».

Переселенческие волны, то спадая, то вновь набирая разрушительную силу, еще много десятилетий подтачивали устои Отечества адыгов.

Первые годы XX в. отмечены новым этапом эмиграции кабардинцев и горцев в Турцию. По данным начальника Нальчик-ского округа полковника Михаила Андреевича Страхова, в начале столетия свою родину покинули 3382 человека. Ниже приводятся более конкретные «Сведения о числе душ обоего пола Нальчикского округа, переселившихся в Турцию за 1900, 1901 и 1902 гг.»:

Из каких селений переселились	Число душ		Всего
	М.	Ж.	
1	2	3	4
1[-го] участка			
Селение Ашабова	37	35	72
« Атажукина 1	56	40	96
« Атажукина 2	50	41	91
« Атажукина 3	80	63	143
« Бабукова	10	8	18
« Иналова	133	122	255
« Кармова	48	38	86
« Касаева	109	98	207
« Кучмазукина	170	142	312
« Конова	72	55	127
« Лафишева	44	40	84
« Наурузова	5	3	8
« Тамбиева 1	92	109	201
« Тамбиева 2	9	7	16
« Тыжева	90	78	168
« Хасаут	60	51	111
Поселок Хабаз	47	49	96
Итого:	1112	979	2091
2[-го] участка			
Общества Балкарского	13	6	19
Селения Гунделеновского	229	197	426
Общества Урусбиевского	24	24	48
« Хуламского	2	3	5
« Чегемского	138	145	283
Итого:	406	375	781
3[-го] участка			
Селение Кайсын-Анзорова	16	17	33
« Хату-Анзорова	16	18	34
« Аргудановского	26	17	43

1	2	3	4
Селение Докшокова	2	2	4
« Догужокова	9	4	13
« Куденетова 1	81	73	154
« Куденетова 2	35	41	76
« Нижне-Кожокова	2	–	2
« Мисостова	12	17	29
« Нальчикско-Клишбиевского	59	51	110
« Шалушкинского	4	8	12
Итого:	262	248	510

Эмиграционный процесс продолжался и после. На этот раз переселенческую кампанию возглавил представитель Анзоровых – Татлостан Анзоров. О том, как было организовано очередное переселение, дает основательное представление отзыв Турецкого Императорского консульства в Севастополе от 10 октября 1903 г. начальнику Терской области. В нем говорится: «Вследствие ходатайства жителей сел. Хату-Анзорова Терской области Татлустана Анзорова и Кануко Шерегова пред Турецким Правительством о принятии 260 семейств в подданство Турции имею честь сообщить вашему превосходительству, что господин министр иностранных дел Турции предписанием от 17 октября... сообщил мне, что по указу его императорского величества султана ходатайство 260 семейств, поданное уполномоченными их Анзоровым и Шереговым, исполнено и разрешено 260 семействам из вверенной вам области переселиться в Сирию (Турция), где отведено им место для постоянного жительства».

Копия с отзыва в срочном порядке была препровождена к начальнику Нальчикского округа, а он предписал начальнику 3-го участка, куда входило селение Хату-Анзорова, доставить в Нальчик список 260 семейств, изъявивших желание переселиться в Турцию. Об исполнении предписания окружного начальника начальник участка капитан Передерей доложил в секретном рапорте от 5 ноября 1903 г. Рапорт имеет большое значение для понимания форм и методов, к которым прибегали организаторы переселения. Поэтому мы считаем целесообразным привести извлечения из него. Капитан Передерей писал: «Старшина сел. Коголкина Сафарби Анзоров рапортом от 2 ноября... донес мне, что прибывший в октябре месяце из Турции житель сел. Хату-Анзорова Татлостан Анзоров стал среди населения вербовать желающих переселиться в Турцию, и под его влиянием число эмигрантов начало быстро расти, так что даже в селении Коголкино записалось в список Анзорова до 20 семейств. При этом донес, что с каждой семьи, желающей переселиться в Турцию, взыскивается Анзоровым в свою пользу 10 рублей.

С получением рапорта я выехал в сел. Хату-Анзорова и Коголкино и путем расследования установил следующее: жители сел. Хату-Анзорова Татлостан Анзоров и Кануко Шерегов в июле

месяце 1902 года самовольно выбыли в Турцию. О действиях Анзорова и Шерегова старшиною сел. Хату-Анзорова было донесено вашему высокоблагородию рапортом от 13 июля 1902 года...

Затем названные лица возвратились на родину 10 октября сего года, о чем старшиною было донесено в управление округа рапортом от 14 октября...

Списка семействам, предназначенным к переселению в Турцию, на руках у уполномоченных Анзорова и Шерегова не оказалось, и по заявлению последних список этот оставлен ими в Константинополе. При этом Анзоров заявил, что сможет предоставить список только 20 октября».

Далее Передерей подробно изложил, как удалось Анзорову добиться согласия Порты на переселение 260 семейств. «Для успешности дела, – указывает Передерей, – Анзоров решался прибегнуть к особым способам агитации. Отец Татлостана Кучук Анзоров имел родного брата Хату Анзорова. И Кучук и Хату умерли, причем Хату Анзоров был генерал-майором русской службы. У Хату Анзорова были два сына Сулиман и Эльмурза. Сулиман, будучи юношей, переселился в Турцию приблизительно 35 лет тому назад. Приняв турецкое подданство и вступив на военную службу, он не раз писал на родину к брату Эльмурзе и просил последнего переехать к нему. Но Эльмурза остался неуклонен и умер на своей родине. Тогда Сулиман Анзоров стал взывать с такой же просьбой к своим братьям. Татлостан Анзоров, поехав в 1902 году, остановился у двоюродного своего брата Сулимана Анзорова и обратился к его содействию по вопросу о переселении в Турцию 260 семейств. Сулиман Анзоров, состоя уже генерал-адъютантом турецкой службы и состоя на должности начальника дивизии, оказал приехавшему близкому родственнику своему громадное содействие. Возвратившись из успешной поездки, Т. Анзоров привез всем Анзоровым в подарок от С. Анзорова большие портреты самого султана (Сулимана. – *С. Б.*) в парадной генеральской форме с собственноручными его надписями на русском языке и ценные вещи. Кроме того, Т. Анзоров привез портрет одного генерала, состоящего переводчиком у султана, также в блестящей парадной форме. И эти портреты брата и генерала-переводчика показываются Т. Анзоровым своим соотечественникам и при этом рассказываются им всякие легенды о райском житье в Турции.

Слабохарактерные кабардинцы невольно подчиняются влиянию нафантазированного Т. Анзорова и охотно дают ему свои подписи. Кроме того, до сведения моего дошло, что при агитации запугивали кабардинцев тем, что с 1 января заберут их в солдаты».

В рапорте изложена позиция начальника участка в переселенческом вопросе. «Всячески старался я, – докладывал Передерей, – успокоить население от неосновательных слухов и доказать им, что те лица, которые не послушают добрых советов начальства и переселятся в чужую страну, не раз вспомнят свою родину где были схоронены их предки; и ту землю, которая много столетий

кормила их». Трогательное увещевание. Но с чем оно связано? Продиктован ли жест доброй воли свойствами характера капитана Передерея? Вопрос не праздный, поскольку русская администрация не так давно тайно и явно занимала противоположную позицию в движении адыгов за переселение в Турцию.

К концу XIX в. политика царизма в переселенческом вопросе претерпела существенную корректировку. Секретное предложение главнокомандующего гражданской частью на Кавказе от 1 августа 1902 г. возвращает нас к истокам нового этапа эмиграции адыгов. В нем отмечено: «С 1893 года среди мусульманского населения Кавказского края стало усиленно, обнаруживаться стремление к оставлению своего отечества и отправлению в пределы соседней единоверной Турции, носившее, до того времени периодический, в зависимости от случайных причин, характер». Главнокомандующий указывал, что император отныне повелел «вменить местным начальствам в обязанность при поступлении к ним сведений о возникающих среди мусульманских подданных стремлений к переселению в Турцию принимать все зависящие меры к успокоению населения и разъяснения ему последствий такого переселения, т. е. «ненормального явления».

Секретное предложение главнокомандующего служило руководством для местных органов власти. Видимо, частично этим и объяснялась позиция капитана Передерея.

Новая вспышка переселенческого движения кабардинцев наблюдалась и в 1913–1914 гг. Передовые представители народа выступали против него. Среди них выделялся Нури Цагов.

Недавно вышло в свет неизвестное произведение просветителя «Как исчезают адыги». Впервые оно было напечатано в 1913 г. в газете «Гъуазэ» («Ориентир»), которая издавалась в Турции. Без всякого преувеличения можно сказать, что уже одна эта небольшая по объему заметка ставит ее автора в один ряд с выдающимися представителями общественно-политической мысли адыгов.

Вернувшись на родину предков из Турции, Цагов как бы взглядом со стороны вскоре осознал весь драматизм и всю пагубность положения, в котором пребывала Кабарда. Глубоко переживая за судьбу своего народа, он констатировал: «Более 60 лет мы, покидая нашу старую добрую отчизну, переселяемся в Турцию». Начало этого процесса Цагов связывал с тем временем, когда, по его мнению, адыги перестали заниматься воспитанием, знанием – «ХьилмыкIэ гъэсэнығъэ зэрытхэмылъыж лъандэрэ зы хэку дисынщ, дылэжьэнщ жытIэркъым».

Цагов далее указывал: «Нам кажется, что мы мусульмане, но мы не знаем (всех) заповедей и запретов ислама (вспомним Адиль-Гирея Кешева! – *С. Б.*). О них знают лишь немногие из нас. Возможно, нам то будет неприятно, но это правда».

Публикация Цагова носит явно полемический характер. Из нее легко заметить, что переселение в Турцию преподносилось его агитаторами как предписание ислама верующим. В связи с этим Цагов пишет: «Нам кажется, что как только окажемся в Турции,

мы тут же попадем в рай. Полагая, что совершаем праведное дело, мы и не подозреваем, что впадаем в грех, подвергая себя несчастью, на этом и на том свете». И Цагов приводил около 20 убедительных аргументов против переселения!

Замечательны и во многом насущны рассуждения Цагова 80-летней давности о кабардино-русских отношениях: «Слава богу, мы не испытываем таких трудностей, чтобы покинуть свою родину. Нам здесь не препятствуют исповедовать свою религию. Никогда мы не найдем другого государства, которое было бы к нам также милосердным и справедливым, как то, в котором живем... То, что мы живем с русскими и несем службу в России, для нас не гибельно. Слава богу, до сегодняшнего дня от этого мы не испытали несчастья. Вы говорите, что если придется идти в солдаты, то молодежь будет принуждена есть свинину. Однако Аллах наложил запрет не только на свинину. Запрещено воровство. Запрещена ложь. Запрещено прелюбодеяние. Запрещено убийство. Запрещена карточная игра. По неведению и невоспитанности мы, наверное, нарушаем множество других запретов».

Здесь следует обратить внимание на то, что Цагов в числе запретов ислама не упоминает вино (спиртное). Очевидно, это связано с тем, что этот злейший враг кабардинцев нашего времени, замахнувшийся на святая святых – генофонд народа, тогда не представлял собой сколько-нибудь заметной опасности.

Сопоставляя жизнь и быт переселившихся с теми, кто удержался на родине, Цагов заключал: «Кабардинцы здесь живут вольготно. Живут дольше. Они богаче. Нет на земле уголка, который славился бы так же, как Кавказ. Куда мы отправляемся, оставляя свою родину, прекрасней которой нет? Какое это несчастье! Как мы глубоко заблуждаемся!» – так с тревогой вопрошал и восклицал Цагов. Он предупреждал, взывал к голосу разума: «Если мы, несмотря ни на что, начнем переселяться, то обнищаем, наши дети в пути пропадут бесследно, и бог нас проклянет. Проклянет нас и потомство». Пророческие слова.

Заметка Цагова была опубликована в зарубежной газете, но мысли, изложенные в ней, он пропагандировал постоянно.

Мог ли быть услышан Цагов? Не более чем его предшественники Измаил-бей, Кучук Джанхотов, Дмитрий Кодзоков и др. Опыт и история адыгов XIX – начала XX в. еще раз подтвердили незыблемость положения Гегеля о том, что «народы и правительства никогда ничему не учились в истории». Причину на первый взгляд непостижимого парадокса гений диалектической мысли видел в том, что «каждое время для этого слишком индивидуально».

Переселенческое движение адыгов могло продолжаться неопределенно долго и прекратиться лишь с исчезновением адыгов, как народа, с политической карты Кавказа.

Развязка пришла со стороны. Первая мировая война, в которую Россия и Турция втянулись противниками, и происшедшие в ее ходе события в России положили конец беспрецедентной в мировой истории народной драме.

РАЗДЕЛ VIII

ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

Вышел в свет фундаментальный труд одного из лучших кабардинских историков Ч. Э. Карданова «Путь к России». Он, несомненно, вызовет особый интерес специалистов и читателей. Исследование, которое заняло у автора 40 лет напряженных поисков и анализа, представляет собой переработанный и дополненный перевод изданной в 1997 г. на родном языке книги «Къэбэрдей пщы къудамэхэм я тхыдэ» («Родословная кабардинских княжеских фамилий»). Краткое ее содержание изложено автором во введении, где красной нитью проходит мысль об исторической предопределенности сближения Кабарды с Русским государством. А поскольку политику Кабарды в решающей степени определяли ее князья, они и избраны предметом исследования. (Исключение составляет Жабаги Казаноко, который вписывается в авторскую концепцию.) Новая книга Ч. Э. Карданова привлекает внимание глубиной проникновения в сущность довольно сложных событий, по которым – и это следует особо подчеркнуть – чрезвычайно мало исторических источников. Тем не менее автору удалось, приблизившись к родословной высшей кабардинской знати, указать на главное ее содержание. Не случайно книга имеет подзаголовок «Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX вв.». Кабарда, при всех неизбежных колебаниях во взаимоотношениях с Русью, частых откатах назад, причина которых убедительно объясняется автором геополитическим положением адыгов, соперничеством крупнейших держав Средневековья и нового времени, последовательно шла на сближение с могучим государством.

Один из сложнейших вопросов кабардинской истории – происхождение кабардинских князей и их родословная. Возможно, он уже неразрешим до конца. Однако Ч. Э. Карданов, опираясь на обширную библиографию, архивные, фольклорные и раритетные источники, сумел внести в адыгскую историографию вклад, значение которого трудно переоценить. Отныне у адыгской исторической науки, как справедливо заметил профессор Соблиров, есть «уникальное исследование, посвященное кабардино-русским отношениям второй половины XVI – первой половины XIX вв.».

Следуя устоявшимся положениям методологического характера, Ч. Э. Карданов высказывает свои взгляды, истоки которых уходят в советскую эпоху. В противовес известному марксистскому положению о том, что историю творят массы, автор делает выводы о том, что многие персонажи кабардинской истории активно вмешивались в события своего времени и влияли на них. Этот тезис важен для понимания структуры книги, которая построена таким образом, чтобы можно было рассмотреть основные проблемы русско-кабардинской и шире – адыгской, а в немалой степени и северокавказской истории, через призму деятельности значительных личностей, охватывая представителей многих народов и этнических формирований Северного Кавказа. Бесспорно, политика в Кабарде,так же, как и в России, строилась соображениями социальной верхушки.

Привлекательной стороной книги является не только успешная попытка дать ответы на малоизученные и вовсе не рассматривавшиеся ранее проблемы. Обращает внимание и постановка принципиально важных вопросов, констатация противоречий между князьями, которые не прекращались даже с их смертью, а передавались по наследству, губительно сказываясь на судьбе самого народа и на его исторической перспективе. В этом отношении примечательна отмеченная в книге «вековая недружба великая» между сыновьями Темрюка Идарова и Казыем Пшеапшоковым. В связи с этим Ч. Э. Карданов ставит очень важный вопрос: «Есть неясности и в отношении феодальных усобиц между княжескими группировками Темрюко Идарова и Пшеапшоко Кайтукина. Почему, например, сын Пшеапшоко Казый убил сыновей Темрюко – Думануко и Мамстрюко около 1600 года».

У нас есть счастливая возможность пролить свет на источник этой вековой вражды. Недавно Центральный государственный архив Кабардино-Балкарии пополнился документами из Государственного военно-историческкго архива. Речь пойдет о действительно уникальном архивном материале, помогающем раскрыть тайную причину их вражды. Фрагмент этого документа включен в недавно изданный сборник «Архивы Кабардино-Балкарии».

В нем, в частности, говорится, что «от третьей жены Иналовой» были внуки, по-видимому, через Табулы – Инармас и Карлыш. У Инармаса был сын Айдар (Идар), а у Карлыша – Тохтамыш. И далее сказано: «Оба они по слабости ума и по другим причинам обращены в уздени. Род Тохтамыша и ныне существует в узденях принадлежащих владельческому роду Атажукиных».

Неоценима эта до сих пор в исторической науке неизвестная информация об Идаре (Айдаре). Кратко комментируя этот документ, можно сделать несколько существенных выводов. Во-первых, и раньше не было секрета в том, что род Тохтамыша, вопреки утверждению некоторых исследователей, из князей превратился в дворян (тлекотлешей). Этот факт достаточно убедительно изложен в книге «Кабарда в фамилиях» (Нальчик, 1998 г., с. 277–280).

Во-вторых, из текста видно, что род Идара (Айдара) во всех

линиях родства пресечен к моменту составления родословного древа, которое, по всей вероятности, составлено с участием Измаил-бея не позже 1812 г. При этом имеется в виду упоминаемая в нем дата – 1805 г., и тот факт, что полковник Росламбек в тот момент был «жив». А он, как известно, убит Измаил-беем в январе 1812 г.

В-третьих, и это самое главное, Темрюк – тесть царя Ивана Грозного, был обращен из князей в уздени! (Указанная причина явно несостоятельна, но суть не в этом.) Не потому ли Темрюк Идаров искал сближения с русским царем, чтобы таким образом отомстить своим обидчикам? Не в этой ли связи следует объяснить и убийство около 1600 г. Казыем Пшеапшоковым сына Темрюка – Мамстрюка? Думается, вопросы здесь носят риторический характер.

В кратком отзыве о книге подробно остановиться на всех вопросах, частью поставленных и обстоятельно решенных в ней, не представляется возможным. Чем глубже проникаешься в прошлое, тем больше возникает проблем. Поэтому, объективно оценивая свое исследование, Ч. Э. Карданов отмечает, что «не считает поставленную проблему исчерпанной, полагая, что дальнейшие исследования могут пролить новый свет на историю княжеских родов Кабарды... и сказать новое слово об истории взаимоотношений Кабарды и России».

А главное уже сказано, при всей сложности, противоречивости и связанной с ней неоднозначностью оценок кабардино-русских отношений, можно сделать один несомненный вывод: путь с Россией предпочтительнее. И содержание книги более соответствовало бы заголовку – «Путь с Россией».

В этом контексте нужно обратить внимание и на слабое освещение вопросов социально-политических и экономических отношений между двумя народами. Деятельность немалого числа видных князей осталась без специального исследования, в том числе одного из наиболее известных князей – Джанхота Сидакова. Кроме того, хронологическая последовательность не выдержана. Другой момент. Встречаются частые недосмотры типа: дворяне-владельцы назывались «пшикеу», имеются погрешности орфографического характера при передаче исторических текстов, что искажает и затрудняет понимание смысла документов: в именном указателе ряд имен, встречающихся в тексте, непонятен. Однако эти и некоторые другие мелкие недостатки не могут умалить достоинства книги, без которой уже немыслимо объективное представление о нашей истории.

«Кабардино-Балкарская правда», 2002 год, 11 сентября.

ПЕРЕВОД С РОДОСЛОВНОЙ КАБАРДИНСКОГО, ПИСАННОГО В НИЖЕСЛЕДУЮЩЕМ СОДЕРЖАНИИ

Мой* праведник имел трех сыновей, старший был Сим, который имел четырех сыновей, старшей Ларун, от которого произошли в Арабии ханы; а от трех ево братьев Радуна, Лауна и Рауна произошли княжелецкой род: вышли же оне из Аравии по причиняемой им притеснении в разные страны и пределы... из оных называемый Абдан хан своими подданными в небольшом числе был прибегнут в подпокровительство царю Константину, а от него испрося позволения отправились х кесарю Римскому, у коего живучи при милости до несколько времени, а потом [по] случаю некоторых междуусобиев испрося позволения отправились в Крым и жили на речке называемой Кабарда, где от него Абдуна был рожден сын, коего называли Кесарем, для того, что он, Абдун, у Кесаря был содержан при милости, а по черкески аталык звать Кес. Потом оттуда вышли на судах в Сугужук,** а оттоль перешли в устье Кубан в урочище, называемой Кызылташ, которой от Сугужука расстоянием 6-т часов езды и там, умножаясь, в разные неподалеку удобные места поселись, где Абдан умре, а по нем сын ево Кес сделался халифою, то есть властителем. После его смерти вступил сын ево Аду хан, а по нем сын ево Хруфалая, был халифою, а по нем сын его Инал, которой был человек ласковой и благоразумием дарованной и при ево правлении из разных мест многие люди собрались к нему, и управлял он немалое время, и оставшейся от него золотой крест*** и по[ныне] в Кабарде сохраняется.

Оной Инал имел трех жен. От старшей жены был сын Жанхот, а от другой жены были два сына – Бекболат и Беслем, сей имел двух детей, а от третьей жены были два сына – Унамас и Карлыш, которые после Инала сделались владельцами черкесскими.

Жанхот Иналов опосля имел двух сыновей – Таусултана и Кайтуку, Таусултан имел двух сыновей – Дударуку и Кардонуку, а Дударука имел двух сыновей – Ибака и Солтанбека, от Ибака рожден Келемет, а от сего были три сына: Асланбек, Кильчука и Девлетгирей, а от Кильчука был сын Эльбуздука, а от Девлетгирея были три сына: Келемет, Кази и Шолох, а от Солтанбека – Гиляхстан, от Гилястяна – Али и Каншока, от Каншовы – три сына:

---

*Оригинал рукописи, несомненно, принадлежит кабардинцу, очевидно Измаилу Атажукину, так как он автор записей, использованных в родословной рукописи.

**«Суджук-кале ныне в развалинах при Новороссийском порте» (Ногмов).

***Крест свидетельствует о христианском вероисповедании Инала. По сведениям Ногмова, предки Инала в Египте находились «преимущественно между коптами», которые их поддерживали, а они – христиане. Возможно, что в войне султана Исхака против предков Инала и в последующем их изгнании не последнюю роль сыграло различие в религиях.

Шолох, Пашта и Каншока, оные прозываются Таусултановыми детьми владельцы, что ныне Малой Кабарды.

Кайтука Жанхотов, от него сын Биарслан, и сей имел шесть сыновей, а именно: Нуколаха, Джансох, Пшиапшука, Тепсарука, Канука, Арсланбек, Ислам.

Жансох имел 6-х сыновей: Клыч, Эрусхан, Жузи (Шужей? – *С. Б.*), Сутман, Эльмурза и Солтанбек; Урусхан имел двух сыновей – Шанигирея иАту; Эльмурза имел четырех сыновей: Батырша, Батырби, Жабармас и Жабар; от Солтанбека – сын – Арсланбек, от сего было семь сыновей: Бузадук, Нуко, Темрюка, Лума, Инаймас, Дударуко и Жанхот; Пшиапшука имел двух детей – Шолоха и Казий, Шогенукин сын Алегука, у коего было четыре сына Темирбулат, Темирсолтан, Маркяна и Тенгизби, а сей имел трех детей – Алисултан, Солтанбек и Жаншек, которые прозываются – Шогенукиными фамилиями, оной род все побиты и истреблены за гордость от самих кабардинцев.

От князя Казыя Пшиапшукина было пять сыновей: Атажука, Жанбулат, Мисаус, Ислам и Шолох; Атажука имел четырех сыновей: Адильгирей, Мамат, Коргока, Исмаил; от Коргоки два сына – Магамат и Ниетше; Жанбулат имел четырех сыновей: Бекмурза, Кайтука, Алимурза и Сол-танали; Бекмурза имел семь сыновей: Темирбулат, Татархан, Кайсым, Батока, Девлетгирей, Эльмурза и Кайтука; от Кайтуки – Арсланбек, Макамат (в росписи Каймамат – *С. Б.*) и Жанбулат; от Арсланбека дети Хамурза, Докшука, Девлетука и Арсланука; от Макамата сын Эльбуздука; от Жамбулата Ислам, от Алимурзы Касай; от Касая Маметгери; от Солтаналия Салатгирей; а от Мисоста было четыре сына: Кази, Али, Атажука, Ислам; а от Атажука Касай, Мамат, Алегука, Кази и Бахтыгирей; а от Алия Карамурзина Инал, Ниетше, Коргока и Муса; Мамат Арсланбеков*; от Коргока Жанбулат; от Ниетше Али; Муса имел трех сыновей Пшимахо, Пшиапшока, и Атажука; от Алия Исламова два сына Арсланбек и Кайтука; от Кайтука Ислам; от Ислама Науруз; от Навруза Докшука и Пшимахо.

Магамат Сидакаев имел четырех детей: Жанхот, Адильгирей, Ислам и Инал; от Адильгерея два сына – Жанбулат и Атажука; от Коргока – Магамат; от Магомата Мисост, Темрюк, аджи и Дударука, оные все называются Большой Кабарды владельцы.

От предков их вышеназванного Инала, от другой ево жены, был сын Бекбулат, а от сего сын Килесхан, у коего было два сына: Жанмурза и Каншова, оные прозываются Мударовыми детьми в Кабарде; от Бекбулата был сын – Беслем, от [него] фамилия произошла за Кубанью бесленевы владельцы; а от третьей жены Инала дети – Унармас и Карлыш, от первого сын Айдар, а от Карлыша – Тохтамыш, которые по слабости ума и протчего обращены в уздени. Конец. РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 192. л. 3–4 об.

---

*Так в тексте. По росписи: «Мамат Арсланбеков (по догадке)», т. е. Мамат – сын Арсланбека.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО КАБАРДИНСКИХ КНЯЗЕЙ (С КОММЕНТАРИЯМИ СОСТАВИТЕЛЯ)

Абдан-хан
Кесраем или Кес
Абдухан
Хруфалая
Инал-неф (неф значит по-черкесски слепой или кривой)
От него происходят:
От старшей жены Иналовой
Жанхот

Таусултан* — Кайтука

Дударука — Карданука Василий Кардануков +1607 — Биарслан

Ибака (В России Сибок, в крещении Василий 1564) — Солтанбек — Нуколаха Жансох

Келемет — Киляхстан — Урусхан Клич Жузи (Шужей?? *С. Б.*), Эльмурза Сутман Султанбек

Арсланбек Кильчукка Давлетгирей — Али Коншока — Шанпирей, Ату — Батырша Батирби, Жобармас Жабар — Арсланбек

Эльбуздука — Келемет, Кази, Шолох — Шолох, Пашта, Коншока — Бузадук Нуко, Темрюка Лума, Инаймас Дударуко Жанхот

Росламбек
Таусултанов 1771

Батоко
Таусултанов, в1728 старший,
по догадке, упом(инается) Гербером
в 1750; 1758 был в Петербурге и не
показан крещенным

Коргока в 1751-1785 Николай майор жив,
оный Коргока Канчокин** в 1762 году в Петербурге принял христианство, назван Андреем Ивановичем, пожалован в подполковники; позволено ему писаться князем черкасским Канчокиным.
Он первый поселился в Моздоке в 1762, умер в 1766, оставя жену с двумя дочерми и … родную сестру свою вдову.
Всем им назначено жалование.

Тепсарука[1]…
в 1760

Амфока Таусултанов 1780
……………………………………….

---

* Основатель Таусултанова рода и фамилии в Малой Кабарде, в сем роде в 1798 году считалось владельцев мужеска пола-7, а узденей -50.

** Оный Коргока Коншокин с владельцами Малой Кабарды Гиреем Маматовым, Исламом Кановым искали переселиться в противоположность к Червленному городку с обещанием служить нам как Терское войско. В 1747 году упоминается владелец Адильгирей Гиляксанов, что он служил нам верно, Кази упоминается владельцем Малой Кабарды, в 1747 получил жалованье

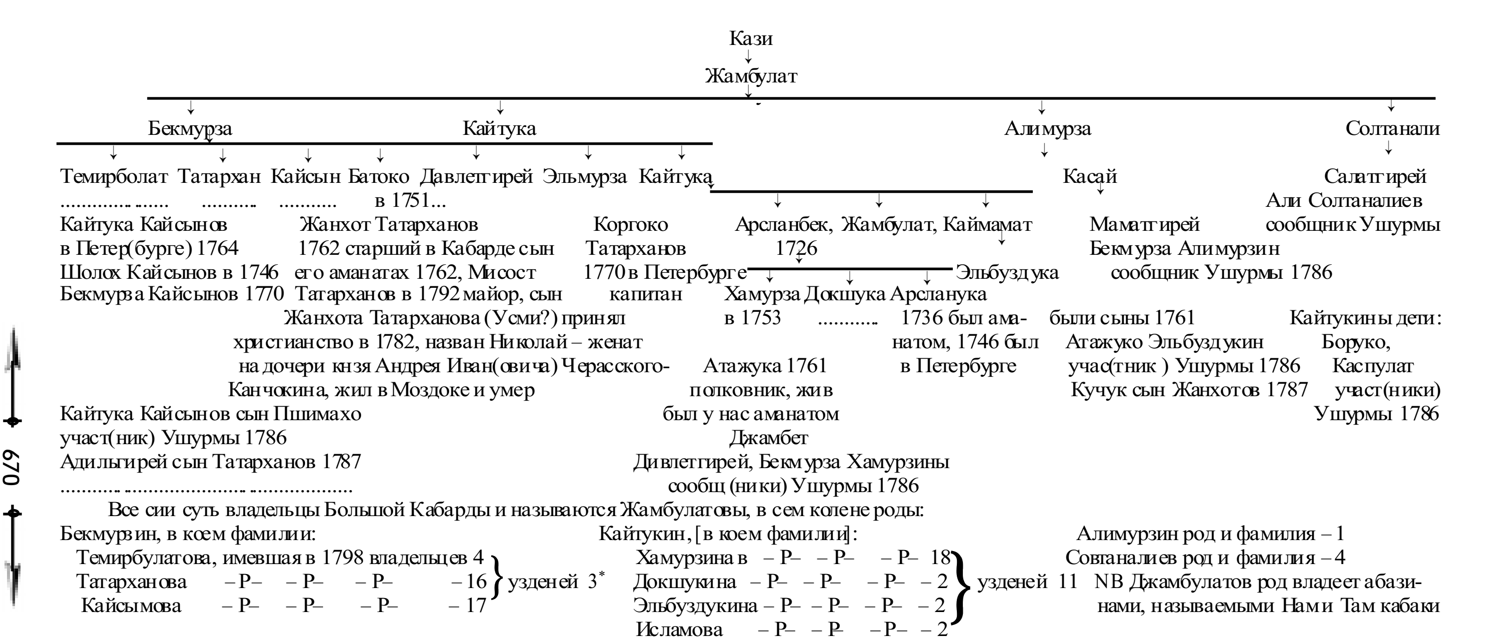
Все сии суть владельцы Средней Кабарды, включающей в название Малой, хотя Малою Кабардою владеет род владельцев Мадаровых, происходящих от второго сына Иналова Бекболата.

[1] Примечания: Здесь и далее многоточие означает, что текст неразборчив. Значение дат в ряде случаев не указано. Материал публикуется с сохранением контура рукописи.

От старшей жены Иналовой
Жанхот
↓
Кайтука
↓
Бирслан
↓
Пшиапшоко
↓ ↓
Шолох Кази ←→ он был при царе Иване Васильевиче, о нем упоминается в летописях и 1656 года, от него происходят все теперешние владельцы Большой Кабарды
↓
Атажука, основатель рода Атажукиных
↓
Адильгирей Коргока Мамат Измаил

Мамат Ниетше
В 1735 старшим в Боль(шой) Кабарде 1743
↓
Мисост 1736 и 1785 | Темрюк аджи в 1761 1770 | Дударука в аманаты 1735
↓
Рославмбек полковник, жив, 1786 участник Ушурмы | Темирбулат в 1777 в аманатах, учился в кадетском корпусе, капитан, жив | Атажука в 1786 участник Ушурмы | Арслан 1787

Все сии суть владельцы Большой Кабарды рода Атажукина, а в нем фамилии: Мисостова, кой основатель Мисост Магоматов, Темрюкина [коей основатель] Темрюка Магаматов. В 1798 году считалось владельцев в фамилиях: Мисостовой ? 8, узденей их ? 30, они имеют в владении несколько татар; Темрюкиной – 9 [узденей их] – 35, да общих – 10. Атажукин род владеет после Шогенукиных абазинскими Кличевыми кабаками… и Жантемировыми. Магамат, Мамат и Бамат Кургокин упоминается по делам 1735, что он старшой в Баксанской партии с братьями своими. Упоминается он главным кабардинским владельцем в 1743 и получил жалованье, он в 1751 важнейший в Кабарде и ему дано секретно 1000 рублей. Он первенствовал в Кабарде, содержал народ в порядке и при смерти завещал кабардинцам не оставлять России и Баксана. В 1743 году называем(?) был братом его Баксанской партии владелец Касай Атажукин, который должен быть Мисостова рода. Темрюк Маматов в 1761 году предавался в протекцию Крымского хана. Мисост Маматов или Баматов по записи Измаила, был под Азовом с ... Кильчукою...в 1769 году приведен в протекцию ее Величества...



Из Кайсыновой фамилии Меньшой Горич... Кабардинск(ой) владелец Шолох Касимов пожалован в капитаны в Терскую команду 1753. На Бекмурзин род нападали роды Кайтукин, Мисостов и Атажукин в 1786. Батоко Бекмурзин сын с его родственниками был из Кабарды выгнан в 1749 году и невелено давать у нас прибежища по прежнему недоброжелательству его к России. Тогда было в Кабарде междоусобие, которое происходило и в 1751 г. Ельмурза Бекмурзин сын, по записи Измаила, был в походе с Петром I в Персию и что от него же пришла в Россию фамилия Бековичев... начальником над черкассами при Терке жившими как[их] было до 300, им отведена местность при крепости Святой Крест. Он и в 1753 году [командовал] Терским войском и аульными татарами в чине генерал-майора. По Миллеру старший брат его, Эльмурзы, Александр Бекович убит в Хиве в 1717 г. Он принял христианство и женился на дочери князя Бориса Алексеевича Голицина... старший брат Александра Бековича Шолох Бек. Арсламбек Кайтукин сын, по записи Измаила был с Петром I вместе с Эльмурзой в Персидском походе. О нем упоминается в 1735 г., что он главный владелец в **Кашкатовской партии** с братьями, что он... приводил на них (Баксанцев. – *С. Б.*) крымцов...

* Так в тексте, по-видимому, описка. Узденей должно быть больше.

Къази
↓

Мисаус (Мисост) 1689-1691 — Ислам — Шолох

Мисаус (Мисост) 1689-1691 ↓

Кази ↓ Инал

Али Карамурзин (по догадке) ↓ 1786 участник Ушурмы
- Ниетше ↓ 1770 ↓ Али старший 1794
  ……………………
  Бекмурза
  Девлетгирей
  Биарслан
  Девлетмурза
- Коргока ↓ Жанбулат в 1784
- Муса ↓ Пшимахо

Жанхот 1786
Адильгирей 1786
Кучук Жанхотов 1786 учас(тник Ушурмы)
Кайсын Жанхотов 1786

Атажука в 1973 был в Петербурге
- Касай 1743.1751 1776
- Мамат Сидекаев (по догадке) ↓
  - Жанхот, в 1770 в Петербурге...
  - Адельгирей, 1770 в аманатах 1743 ↓ Жанбулат, Атажука ↓ 1787 Батока в 1803
  - Ислам, 1770 в 1792 в майоры
  - Инал в1779...
- Алегука
- Кази,
- Бахтыгирей

Али 1786
Картул Исламов 1786
Казыевы дети 1786:
Атажука
Коргока
Арсланока

Ислам ↓ Али

Арсланбек, Кайтука оба участники Ушурмы
- ↓ Мамат Арсламбеков (по догадке)
- ↓ Ислам ↓ Науруз 1770 ↓
  - Докшука, Пшимахо в 1792 в майоры, жив в 1786 оба участники Ушурмы

…………… сын Навурузов 1787
Биарслан сын Навурузов 1787
Арслангирей сын Навурузов 1787
Атажука сын Эльбуздука 1787
Арслан [сын Эльбуздука 1787]
Мугомет сын Докшука 1787
Кайтука [сын Докшука 1787]
Татархан бек сын Кайтока 1787
Мегемет сын Мисостов 1787
Али бек сын Селетгирей1787

Шолох

Все сии владельцы Большой Кабарды рода Мисостова, в которой включается и поколение Ислама меньшаго брата Мисостова
В Мисостовой фамилии:
Касаева, имевшая в 1798 году владельцев мужеска пола – 11, а узденей 34 вместе [с] татарами (?)

Карамурзин	– Р–	– Р–	– Р–	– 6	– Р–	14
Сидакова	– Р–	– Р–	– Р–	– 10	– Р–	30
Исламова	– Р–	– Р–	– Р–	– 7	– Р–	34 вместе [с] татарами, в том числе 6 общих

Мисостов род владеет горцами, т. е. асетинами*

Касай бек и Мугамат бек, владельцы Мисостова рода, подавали прозьбу князю Потемкину в 1783 г, что они с Атажукиным родом составляли Баксанскую партию, когда был у них майор Барковский и ... другие, т. е. в 1753 г. Касай упоминается в 1769. Касай был старшим ... и, умирая в 1794 году завещал кабардинцам Россию и Баксан никогда не оставлять. При нем сделано положение [от] кабардинцев, как содержат бегаульев, по нем никто уже старшим в Кабарде до селе не было. У него сын Дивлетмурза был у нас в аманатах. Джанхот Сидаков был в Петербурге в 1770 г. вместе с Куртокою Татархановым с прошением к Государю от кабардинцев о местах и прочем. Кажется, сын его есть Кучук Джанхотов, старший по летам в Кабарде в 1805 году. По Герберу Ислам в 1728 году был славнейший из всех ... в Кабарде, а Миллер в примечании на сие (?) говорит, что прямое имя его Арсланбек и что он умер в 1751 году.

*В тексте: асетинцев.

Пшеапшоко

Тепсаруко, Конуко, Арслaнбек

в России в 1759 ……

1650 Алегука Шогенукин сын, кто Шогенукин не (известно)*

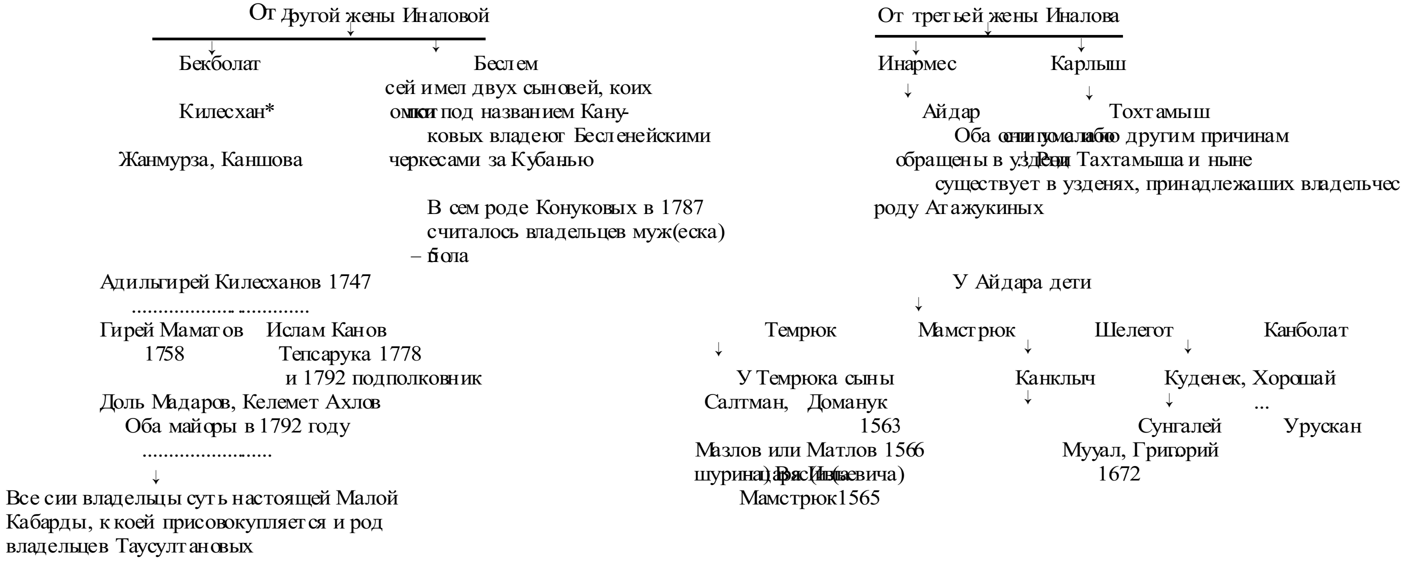
Темирболат, Темирсолтан, Каркяна, Тенгисби

Один из сынов Алегука крещен и назван Михаил, жил в России с 1679 … сыны его Борис и Андрей 1682

Тенгисби → Алисолтан, Солтанбек, Жаншек прозывались Шогенукины. Сей род весь побит и истреблен за гордость от самих кабардинцев. Он владел абазинскими кличевыми кабаками, кои теперь принадлежат Атажукину роду.

---

*По сведениям Зарамука Кардангушева, Шогеноко (Шогенукин) – сын Пшеапшоко Кайтукина. (Андемыркъан, Тхылъыр зыгъэхьэзырар КъардэнгъущI Зырамыкуш, Налшык, 2002, 49 н.)



* Основатель Килесханова рода В нем две фамилии:
Мударова, в коей в 1798 году считалось мужеска пола владельц(ев) – 3, а узденей – 21
Ахловой, в 1798 году владельцов – 10, а узденей – 47.

---

[1] В родословной книге, принадлежавшей А. И. Лобанову-Ростовскому, отмечено: «Мамстрюк-князь, княженством Кабардинским пожаловал его государь, а в Кабарде княженства ему не дано было» (КРО, ч. 1, с. 384). Нет ли здесь связи с тем, что предки Мамстрюка были обращены в уздени «или по другим причинам»?

КОММЕНТАРИИ

Изложенные тексты родословной кабардинских князей* извлечены из фондов Российского Государственного военно-исторического архива, и копии хранятся в Центральном государственном архиве КБР. Первый документ принадлежит перу Измаила Атажукина (Измаил-бея). Второй составлен неизвестным автором в основном с учетом сведений Измаила Атажукина. Использованы также материалы Миллера и Гербера.

Анализ источников позволяет сделать несколько выводов.

1. Согласно сведениям Измаила Атажукина, пращуром адыгских известных князей был Сим. Ценность информации в том, что это имя в публикациях не встречается и расширяет наше представление о генеалогии адыгских князей.

2. Абдан-хана сын носит два имени: «Кесарем, или Кес». Далее приводится этимология самого имени – оно означает «аталык». По Ногмову, сын Кеса – Адо, а по данному источнику – Абдухан, что предпочтительнее.

3. Примечательна и этимология имени Инал-неф – «неф – значит почеркесски слепой или кривой». В исследованиях встречаются различные его толкования: Инал Нэлъэнкъуэ (Л. И. Лавров), Инал Нэзакъуэ (Инал-ипа) и Инал Нэху. Последний вариант, вероятно, объясняется адыгейским диалектом, где слово «неф» соответствует кабардинскому «нэху» – «светлый», что не совсем вписывается в суровый характер князя Инала.

4. Анализируемый документ в ряде случаев расходится с опубликованными источниками из архивов А. М. Пушкина и А. И. Лобанова-Ростовского. У них есть общий недостаток – родословная начинается лишь с Инала (Акабчу, Инала-мурзы). Кроме того, многие имена искажены. В частности – Комургун (Кемургука-мурза) – это Темрюк Идаров, а отцом Жанхота (Янхонта, Янхота) указан Тобулда-мурза, а по списку Измаила Атажукина Жанхот – «от старшей жены Иналовой» (У Ногмова Жанхот также «от первой жены» Инала).

При сопоставлении двух источников допустима и желательна существенная оговорка: выражение «от старшей жены» не адекватно сыну старшей жены. Однако можно допустить и такое родство. То же самое касается и двух записей: «от другой жены Иналова» (Бекболат и Беслем) и «от третьей жены Иналовой» (Инормес и Карлыш), обе аналогичны сведениям Ногмова. Только вместо Бекболата указан Минболат. По А. М. Пушкину, Инормас, Янхонт и Минбулат – дети Тобулды-мурзы, т. е. внуки Инала.

В родословной по А. И. Лобанову-Ростовскому у Тобулды-мурзы четыре сына: «первый сын Инармас, другой сын Янхот, третий сын Минбулат, четвертый сын Кирклыш». В родословной росписи из сведений Измаила Атажукина первым назван Жанхот. Как видно, вопрос о том, кто старше из сыновей Инала, не снят.

5. В ранней истории князей было два Бесленя. О старшем из них источник повествует: «Беслень (Беслем. – *С. Б.*) от нево (отца Тобулды. – *С. Б.*) ис Каборды откочевал прочь в Беслене, там ево род пошел в Бесленях», т. е. стал основателем бесленеевского племени кабардинцев младший Беслен, по данным Зарамука Кардангушева – сын Жанхота, а он – сын Хруфолая. Отцом же Хруфолая является Инал. (Анде-

*Некоторые подробности о генеалогии кабардинских князей см. в главе «Предания о происхождении кабардинских князей».

мыркъан. Тхылъыр зыгъэхьэзырар КъэрдэнгъущI Зырымыкущ, Налшык, 2002 гъ, 46 н.). Согласно рассматриваемой родословной, такой взгляд следует признать ошибочным. И по Ногмову Берслан (Беслан) – сын Кайтука Джанкутова (Джанхотова), что тоже соответствует сведениям Измаила Атажукина.

6. Е. Н. Кушева писала, что Пшеапшоко – сын Кайтука (История Кабардино-Балкарской АССР... М. 1967, с.113). Это противоречит тому, что сообщил Ногмов. Из сведений Измаила Атажукина выясняется, что отцом Пшеапшоко был Биарслан Кайтукович. Вместе с тем следует подчеркнуть, что и Измаил Атажукин мог допустить некоторые перестановки в именах князей. За достоверность фольклорных сведений, составляющих генеалогию, рискованно ручаться, хотя, с другой стороны, ставить их под сомнение также нет достаточного основания.

Неясно, например, возникновение Сидаковской ветви Мисостовой фамилии. По Измаилу Атажукину, сын Атажука Мисостова назывался Мамат Сидаков, но отмечено, – «по догадке». Следовательно, уверенности в родстве у составителя не было.

Другой момент. Сыном Джанхота Сидакова назван Кучук Джанхотов. И по отношению к нему в комментариях сказано: «Кажется, сын его есть Кучук Джанхотов, старший по летам в Кабарде в 1805 году».

Установлено, что последний валий Кабарды является сыном Жанхота Татарханова и относится к Бекмурзиной ветви Джамбулатовой фамилии. Заметим также, что Кучук Джанхотов в родословной росписи проходит и по Джамбулатовой фамилии, но без указания конкретной линии родства.

7. В Бекмурзиной ветви были три фамилии: Темирболатова, Татарханова и Кайсымова. О последней из них в примечании сказано: «Из Кайсымовой фамилии меньшой Горич...». Как это понимать? Исходя из того, что в данной фамилии в 1798 г. насчитывалось всего четыре владельца, можно заключить, что меньшой Горич – генерал-майор Иван Петрович Горич (до крещения Бегидов) – относится к разряду узденей. Источник ценен тем, что указывает, к какой кабардинской княжеской фамилии относились известные в военной истории России генералы Горичи.

8. В примечаниях к Атажукиной и Мисостовой фамилиям содержатся весьма ценные сведения на одно завещание кабардинцев, имеющее ключевое значение в русско-кабардинских отношениях, о котором некоторые подробности нами изложены в главе «Об одной кабардинской поговорке». Здесь приведем две выдержки из документа: относительно старшего князя Баксанской партии Бамата Корчокина (1717–1765) сказано, что он «при смерти завещал кабардинцам не оставлять России и Баксана». Приводятся слова и старшего князя Касая Атажукина из Мисостовой фамилии. Умирая в 1794 г., он «завещал кабардинцам Россию и Баксан никогда не оставлять». Фольклор приписывает это выражение народным мудрецам Лиуану Бжихотлокову и Жабаги Казаноко, с чем, разумеется, не согласились бы высокомерные кабардинские князья. К тому же нельзя упускать из виду, что Бамат Корчокин жил во времена Жабаги Казаноко, следовательно, поговорка-завещание могла принадлежать ему. Оптимистичным выглядит сведение Ногмова о том, что «Арсланбек всегда руководствовался советами узденя Жабаги Казанокова». Известно, что он не был последовательным сторонником прорусской ориентации.

9. В связи с деятельностью старшего князя из Мисостовой фамилии Касая Атажукина выясняется, что «при нем сделано положение [от] кабардинцев, как содержать бегаульцев». Этот момент не получил отражения в истории феодализма в Кабарде.

10. В источнике часто встречаются, по-видимому, однозначные выражения: «участник Ушурмы», «сообщник Ушурмы». Имеется в виду чеченец шейх Мансур Ушурма, с именем которого связано антиколониальное движение, получившее во второй половине 80-х гг. XVIII в. распространение на Северном Кавказе. Тема: «Кабарда и движение Ушурмы» специально не изучена. В изданиях советского периода она затронута лишь вскользь. В двухтомной истории КБАССР, вышедшей в Москве в 1967 г., об участии в движении кабардинцев ничего не сказано. Конкретные имена не приводятся и в «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», изданной в Москве в 1988 г., за исключением одного князя Дола.

В этой связи заслуживает быть отмеченным тот факт, что многие кабардинские князья, указанные в документе, принимали участие в движении Ушурмы. В числе участников движения отмечен известный кабардинский князь полковник Рословбек Мисостов и Кучук Джанхотов, ставший впоследствии последним валием Кабарды, всего, вероятно, около тридцати князей. Если иметь в виду, что вместе с князьями выступали и некоторые их уздени, а также выходцы из других слоев народа, следует признать, что движение Ушурмы в Кабарде в 1786–1787 гг. получило значительную поддержку.

КАВКАЗ И КАБАРДА В ЛИЦАХ*

Главнокомандующие и наместники на Кавказе (по хронологии)

Апраксин Петр Матвеевич	Казанский и астраханский губернатор, основатель Терской кордонной линии	1711–1719
Волынский Артемий Петрович	Подполковник, астраханский губернатор	1719–1725
Иван фон Мегден	Генерал-майор, астраханский губернатор	1725 – 1730
Измайлов Иван Петрович	Генерал-майор, астраханский губернатор	1731–1735
Соймонов	Генерал-майор, астраханский губернатор	1736–1738
Голицин Михаил Михайлович	Тайный советник, астраханский губернатор	1740
Татищев Василий Никитич (отец русской истории)	Тайный советник, астраханский губернатор	1741–1745
Брылкин Иван Онуфриевич	Камергер, обер-прокурор, астраханский губернатор	1745–1752
Жилин Алексей Сергеевич	Генерал-майор, астраханский губернатор	1752–1759
Неронов Василий Васильевич	Действительный статский советник, астраханский губернатор	1760–1762
Бекетов Никита Васильевич	Астраханский губернатор	1763–1773
Кречетников Петр Никитич	Генерал-майор, астраханский губернатор	1773–1775
Медем де И. Ф.	Астраханский губернатор, управляющий Кабардинскими делами	1775
Тотлебен Готлиб Генрихович	Командир корпуса в Грузии	1769–1772
Якоби Иван Варфоломеевич	Астраханский губернатор (учредил и укрепил Линию от Моздока до Кубани)	1774–1782
Потемкин Павел Сергеевич	Командующий Кавказским корпусом, Кавказский генерал-губернатор	1782–1791

*Указатель не претендует на полный охват должностных лиц и хронологических рамок их деятельности.

Салтыков Иван Петрович		1788
Текелли Петр Абрамович	Командующий Кавказским корпусом	1787–1788
Бибиков Юрий Богданович	Командующий Кавказским корпусом	1788–1789
Гудович Иван Васильевич	Кавказский генерал-губернатор, главнокомандующий на Кавказе	1790 (24/XII) 1800
Зубов Валериан Александрович	Главнокомандующий на Кавказе	1796
Кнорринг Карл Федорович	Главнокомандующий в Грузии	1800 1802
Цицианов Павел Дмитриевич	Главнокомандующий в Грузии	1802–1806
Гудович Иван Васильевич	Кавказский генерал-губернатор, главнокомандующий на Кавказе	1806–1809
Тормасов Алексей Петрович	Главнокомандующий в Грузии	1808–1811
Паулуччи Филипп Осипович	Командир Грузинского Корпуса	1811–1812
Ртищев Николай Федорович	Главнокомандующий в Грузии	1812–1816
Ермолов Алексей Петрович	"Его Императорского Величества, всемилостивейшего Государя моего генерал от инфантерии, командир Отдельного Кавказского корпуса, главноуправляющий гражданскою частию и пограничными делами в Грузии и в губерниях Астраханской и Кавказской…"	1816–1827
Паскевич Иван Федорович	Главнокомандующий в Грузии, генерал-адъютант	1827–1831
Розен Григорий Владимирович	Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, командир Отдельного Кавказского корпуса	1832–1837
Головин Евгений Александрович	Командир Отдельного Кавказского корпуса и управляющий гражданской администрацией на Кавказе	1838–1842
Нейдгардт Александр Иванович	Командир Отдельного Кавказского корпуса	1842(21/XII)1844
Воронцов Михаил Семенович	Наместник на Кавказе	1844–1854

Реад	Генерал от кавалерии, командующий Отдельным Кавказским корпусом	1854–1855
Муравьев Николай Николаевич	Наместник на Кавказе	1854–1856
Барятинский Александр Иванович	Наместник на Кавказе	1856–1862
Орбелиани Георгий Дмитриевич	И. д. наместника, командующий армией	1861–1862
Романов Михаил Николаевич	Наместник на Кавказе, великий князь	1862–1881
Дашков Илларион Иванович	Наместник на Кавказе	1905–1915

Командующие войсками на Кавказской линии (по хронологии)

Глазенап Иван Петрович	Генерал	1802–1806
Булгаков Сергей Александрович	Генерал-майор	1805–1811
Дельпоццо Иван Петрович	Генерал-майор	1818–1819
Сталь Карл Федорович	"Его Императорского Величества всемилостивейшего Государя моего генерал-майор, командир 22-й пехотной дивизии и командующий войсками на Кавказской линии" (Сталь, 1822 г.)	1822–1824
Лисаневич	Генерал-лейтенант	1824–1825
Горчаков	Генерал-майор	1825–1826
Эмануэль Георгий Арсеньевич	Генерал от кавалерии, командующий войсками Кавказской линии	1829–1831
Вельяминов Алексей Александрович	Генерал-лейтенант	1831–1838
Граббе Павел Христофорович		1838(с апреля) –1843
Гурко Владимир Осипович	Генерал-лейтенант	1843–1844
Завадовский Николай Степанович	Генерал от кавалерии	1845–1852
Козловский Викентий Михайлович	Генерал-лейтенант	1854–1855

Приставы Кабарды, начальники Центра Кавказской линии, округов и Терской области

"...А в приставе с ними Алегука (Мурзу) Шаганукова да Хотождуку Мурзу Казыева послан терский сотник стрелецкой Федор Борисов..." (1648)

"...А в приставе де у нево, Алегуки, велели быть голове стрелецкому Воину Голикову..." (1652)

Оболенский В. Е.	Бригадир, послан в Кабарду	1743
Кольцов Петр	Бригадир, послан в Кабарду	1744
Барковский Иван	Капитан, нарочный	1747–1753
Татаров Петр	Майор, нарочный, сведущий человек по Кабарде	1761
Таганов Дмитрий	Секунд-майор, полковник, пристав Кабарды	1769–1782
Ураков Афанасий Е.	Секунд-майор, пристав при кабардинцах	1782–1794
Макаров	Главный пристав кабардинцев, трухмен, ногайцев, абазинцев и прочих	1800–1802
Стемпковский	Надворный советник, пристав кабардинский	1803–1805
Малинский М.	Гражданский губернатор Кавказской губернии	1815
Подпрятов Николай Данилович	"Его Императорского Величества, всемилостивейшего Государя моего полковник, Кабардинского пехотного полка командир" (Подпрятов, 1822 г.), начальник Кабарды	1820–1824
Аносов	Майор, пристав Кабарды	1822
Победнов	Полковник, кордонный командир	1822
Булгаков	Подполковник, командир Кабардинского пехотного полка, начальник войск, в Кабарде находящихся	1824–1826
Медведев	Поручик, пристав Кабарды	1826
Швецов Василий Васильевич	Подполковник, командир Кабардинского пехотного полка и кордона	1826–1827
Кацырев	Подполковник, начальник Кабарды	1827–1828
Ушаков Иван Петрович	Подполковник, начальник войск, в Кабарде и кордоне расположенных	1828–1830

Казачковский	Подполковник, и. д. начальника войск в Кабарде	1829
Касприцкий	Подполковник, командир Кабардинского пехотного полка	1830
Горихвостов Александр Захарьевич	Генерал-майор, командующий войсками 4-й части кордона, начальник войск, в Кабарде расположенных, командир Кабардинской линии	1831–1833
Егоров	Майор, командующий Кабардинским пехотным полком	1831
Бекович-Черкасский	Генерал-майор, пристав Малой Кабарды	1831 - 1832
Ралль	Генерал-майор, командующий войсками Центра Кавказской линии	1831 - 1832
Фролов	Генерал-майор, командующий войсками Центра Кавказской линии, начальник 22-й пехотной дивизии	1831
Энгельгардт	Генерал-майор, командующий 3-й дистанцией Центра	1831
Коломыйцев	Подполковник, командующий Кабардинским пехотным полком	1832
Пирятинский Александр Григорьевич	Генерал-майор, начальник Кабардинской линии, начальник Кабарды	1833 - 1841
Сергеев	Генерал-майор, командир Кабардинской линии, начальник Центра Кавказской линии	1835
Стоцкий	Подполковник, командующий Центром Кавказской линии	1837 - 1839
Алехин	Полковник, командующий Кабардинской линией	1839 - 1841
Коротков Дмитрий Николаевич	Подполковник, командующий Кабардинской линией	1839
Засс Григорий Христофорович	Генерал от инфантерии, командующий правым флангом Кавказской линии	1840 - 1842
Ольшевский	Генерал-майор, начальник левого фланга Кавказской линии	1841
Соколов	Генерал-майор, начальник Центра Кавказской линии	1841 - 1842
Широков	И. о. начальника Центра Кавказской линии	1841

Голицын Владимир Сергеевич	Генерал-майор, начальник Центра Кавказской линии	1842–1846
Медем	Майор, начальник Кабардинской линии	1843
Сербинов	Подполковник, командующий Кабардинской линией	1843
Хлюпин Семен Ильич	Генерал-майор, начальник Центра Кавказской линии	1846–1848
Шостак	Командующий линией Военно-Грузинской дороги	1846–1851
Беклемишев Николай Петрович	Полковник, начальник Центра Кавказской линии	1847 – 1848
Ильинский	Временно исполняющий должность начальника Центра Кавказской линии	1847
Завадовский Николай Степанович	Генерал-лейтенант, командующий войсками Кавказской линии и Черномории	1848
Ковалевский	Генерал-майор, начальник Правого фланга Кавказской линии	1848
Эристов Георгий Романович	Генерал-майор, начальник (пристав) Малой Кабарды, начальник Центра Кавказской линии	1848–1852
Евдокимов Николай Иванович	Генерал-лейтенант, воинский начальник крепости Нальчик в 1831–1834 гг., командующий левым крылом Кавказской линии, начальник правого, а затем и левого флангов Кавказской линии	1850–1861
Грамотин Алексей Петрович	Генерал-майор, начальник Центра Кавказской линии, командующий краем, составлявшем бывший Центр Кавказской линии	1852–1857
Товбич	Полковник, начальник внутренней Кабардинской линии	1854–1855
Орбелиани Вахтанг Вахтангович	Генерал-майор, начальник Кабардинского округа	1857–1863
Нолькен	Подполковник, начальник внутренней Кабардинской линии	1859–1860

Лорис-Меликов Михаил Тариелович	Начальник Терской области	1863–1874
Кобулов Давид Евгеньевич	Князь, начальник Кабардинского округа	1863–1866
Нурид Александр Александрович	Начальник Кабардинского округа	1866–1869
Вояковский Франц Павлович	Полковник, начальник Кабардинского округа, начальник Георгиевского округа	1869–1871
Мазаракий Владимир Иванович	Начальник Георгиевского и Пятигорского округов	1871–1874
Свистунов Александр Павлович	Генерал-адъютант, начальник Терской области	1875–1877 1878, 1882
Полозов Иван Васильевич	Начальник Нальчикского округа	1882–1883
Святополк-Мирский Дмитрий Иванович	Командующий войсками Терской области	1861, 1869
Браккер	Полковник, начальник Нальчикского округа	1885
Вырубов Дмитрий Алексеевич	Полковник, начальник Нальчикского округа	1890–1896
Юрковский	Генерал-майор, начальник Терской области	1884–1886
Смекалов	Генерал-лейтенант, наказной атаман Терского казачьего войска	1888
Коханов	Генерал-лейтенант, начальник Терской области	1890–1898
Коцебу	Генерал-майор, начальник Терской области и наказной атаман	1902
Страхов Михаил Андреевич	Полковник, начальник Нальчикского округа	1904–1905
Толстов Сергей Евлампиевич	Начальник Терской области	1902–1905
Колюбакин Алексей Михайлович	Генерал-лейтенант, начальник Терской области	1905–1909

Орбелиани	Генерал-майор, временно и. д. начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска	1907–1908
Тизенгаузен Петр Львович	Барон, подполковник, начальник Нальчикского округа	1908–1909
Клишбиев Султанбек Касаевич	Подполковник, начальник Нальчикского округа	В 1910 вр. и.д. 1911–1918
Михеев Александр Степанович	Генерал-лейтенант, наказной атаман Терского казачьего войска	1909–1912
Флейшер Сергей Николаевич	Генерал-лейтенант, начальник Терской области	1916

Председатели Кабардинского временного и Кабардинского окружного народного судов

Джанхотов Кучук	Подполковник	1822–1829(1830)
Докшукин Магомет	Капитан	1830–1838
Айдемиров Бекмурза	Подполковник	1838–1844
Касаев	Подполковник	1844–1850 Член суда, затем председатель
Тамбиев	Полковник	1851–1857
Орбелиани Вахтанг Вахтангович	Председатель окружного народного суда	1857–1862
Мазаракий Владимир Иванович	Майор	1870
Макаев	Князь	1907

Секретари Кабардинского временного суда

Анзоров Анзор	Поручик	1847
Шарданов Якуб	Подполковник	1822–1838
Ногмов Шора	Штабс-капитан	1838–1844 с перерывами
Дыдымов Петр Иванович	Войсковой старшина	1847–1851
Быков Петр Иванович	Аудитор	1 марта– 15 декабря 1842
Докшокин Камбот	Корнет	1843(ноябрь-декабрь) 1844 май
Анзоров	Корнет	1844 август и. д. 1845–1846
Шарданов Магомет	Подпоручик	1851–1858, 1836 и. д. секретаря

Главные духовные лица в Кабарде

шейх-Мансур	Имам, проповедник ислама	1785–1791
Абуков Исхак	Эфенди	1791–1808
Измаил Каржин	Эфенди	До 1808?
Хаджи Исуп	Кадий	1811
Агоев Измаил	Эфенди	1814
Абдул-кади	Народный эфенди	до 1822
Шеретлоков Умар	Народный эфенди	1822–1846
Шурагиев (Шерахиев) Магомет	Народный эфенди малокабардинцев	1834
Варитлов Жамурза	Малокабардинский эфенди	1846–1860
Шогенов Хаджи-Кайсын	Народный эфенди	1846–1858
Мальбахов Малко	Малокабардинский эфенди	1855?
Варитлов Жамурза	Народный эфенди	1858–1864
Кумуков Хаджи Мусса-эфенди	Главный кадий	1862

Коголкин Безроко	Народный кадий Малой Кабарды	1865
Абуков Али		1866
Алиев Муртазали	Народный эфенди	1867–1869
Балкаров Тагир	Народный кадий	1872–1898
Кошев Жамбот	Народный эфенди	1883–1884, 1888
Жамбеков Увжуко	Народный кадий	1891–1897 (апрель–май)
Шогенов Хаджи Канамат	Народный кадий	1897, июль–1911
Канкулов Ахмет	Народный кадий	1902–1904
Шогенов Хаджи Алихан	Народный кадий при Нальчикском горском словесном суде	1907–1914, 1916
Берсиоков (Берсоков) Хаджи Махмуд	Народный кадий при Нальчикском горском словесном суде	1914
Максидов Казгирей Увжукович	Кадий кабардинского конного полка	1916

ПРИМЕЧАНИЯ

Раздел I

ОБ ЭТНОНИМАХ АТЫХЕ И АНТЫХЕ

[1]*Ногмов Ш. Б.* История адыхейского народа. Нальчик, 1893. (В дальнейшем: ИАН).
[2]ИАН. 1893. С. 18, 26.
[3]*Каламбий*. Записки Черкеса. Нальчик, 1988. С. 245.
[4]ИАН. 1982. С. 23; ИАН. 1994. С. 29.
[5]ИАН. 1994. С. 58–59, 197.
[6]Там же. С. 60, 197.
[7]Там же. С. 60, 197–198.
[8]ИАН. 1893. С. 19.
[9]Материалы по истории СССР. М., 1985. Вып. 1. С.219–220.
[10]Там же. С. 220.
[11]Там же. С. 226.
[12]Там же. С. 225.
[13]*Скрынников Р. Г*. История Российская IX–XVII вв. М., 1997. С 5.
[14]Материалы по истории СССР. М., 1985. Вып. 1. С. 237–238.
[15]ИАН. 1893. С. 20.
[16]Там же. С. 51–52.
[17]Там же. С. 52.
[18]Там же.
[19]Там же. С. 46; *Карамзин Н. М*. История Государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 38–39.
[20] Материалы по истории СССР. М., 1985. Вып. 1. С. 220.
[21]ИАН. 1893. С. 48–49.
[22]Там же. С. 51.
[23]*Бетрозов Р*. Этническая история адыгов. Нальчик, 1996. С. 11.
[24]ИАН. 1982. С. 43.
[25]*Коков Дж. Н*. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1980. С. 272.
[26]СИЭ. М., 1961. С. 639.
[27]Мифологический словарь. М., 1990. С. 478.
[28]Материалы по истории СССР. М., 1985. Вып. 1. С. 236–358; СИЭ. М., 1961. С. 639.
[29]ГЭС. М., 1987. С. 34.
[30]Материалы по истории СССР. М., 1985. Вып. 1. С. 242–244.
[31]*Бетрозов Р*. Указ. соч. С. 107.
[32]*Бейтуганов С*. Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 47, 48.
[33]*Каламбий.* Указ. соч. С. 239.

ЭТНОТОПОНИМ КАБАРДА: К ИСТОКАМ НАЗВАНИЯ

[1]*Коков Дж. Н*. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966. С. 170–174; *Он же*. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983. С. 65, 283–286; *Къардэн Чэлимэт*. Къэбэрдей пщы къудамэхэм я тхыдэ. Налшык, 1997. Н. 7.

[2]Мир культуры. Нальчик, 1990. С. 140–145.
[3]Там же. С. 142–143.
[4]Фольклор адыгов. Нальчик, 1979. С. 197–200.
[5]Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974. С. 258. (В дальнейшем: АБКИЕА.)
[6]Там же. С. 259.
[7]Там же. С. 42.
[8]Там же. С. 41.
[9] КРО. Т. 1. С. 4, 5; ИАН. 1982. С. 104; АБКИЕА. С. 206.
[10] ИАН. 1982. С. 104.
[11] АБКИЕА. С. 206.
[12] Там же. С. 407.
[13] *Кумыков Т. Х*. К вопросу присоединения Кабарды к России//Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1956. Вып. 5. С. 77–78.
[14]ИАН. 1893. С. 41.
[15]Там же. С. 89, 91.
[16]*Коков Дж. Н.* Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983. С. 44.
[17]КРО. Т. 1. С. 288.
[18]*Карданов Ч. Э*. Указ соч. С. 194.
[19]КРО. Т. 2. С. 64.
[20]АБКИЕА. С. 274.
[21]*Броневский С*. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 77.
[22]КРО. Т. 2. С. 64.
[23]АБКИЕА. С. 212.
[24]Там же. С. 158.
[25]Там же. С. 220–221.

КАБАРДИНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ (XVI–XIX ВВ.): ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

[1]Вопросы истории. М., 1980. Т. 1. С. 185.
[2]Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. Ростов н/Д, 1987. С. 70.
[3]Кабардино-Балкарская правда. 1957. 7 июля.
[4]*Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф*. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1997. С. 229.
[5]Там же. С. 8; *Бейтуганов С*. Кабарда и Ермолов. С. 45, 52–53, 74, 75, 104, 105; Адыгея: Историко-культурный очерк. Майкоп, 1989. С. 26.
[6]*Потто В. А*. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 16.
[7]Там же. С. 8.
[8]*Броневский С. М*. Исторические выписки... СПб., 1996. С. 100.
[9]*Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф*. Указ. соч. С. 27.
[10]*Бейтуганов С*. Указ. соч. С. 74.
[11]КРО. Т. 1. С. 23.
[12]*Къардэн Чэлимэт*. Къэбэрдей пщы къудамэхэм я тхыдэ. Налшык, 1997. Н. 60.
[13]*Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 37.
[14]КРО. Т. 1. С. 8.

[15] *Скрынников Р. Г*. История Российская IX–XVII вв. М., 1997. С. 289.
[16] КРО. Т. 1. С. 23.
[17] Там же.
[18] Там же. С. 23–24.
[19] Там же. С. 33.
[20] Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. М., 1990. С. 72.
[21] КРО. Т. 1. С. 80–81.
[22] Там же. С. 107.
[23] АБКИЕА. С. 123.
[24] Там же. С. 153.
[25] ИАН. 1982. С. 126–127.
[26] *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 151; *Броневский* С. Новейшие географические и исторические известия... С. 82.
[27] *Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф*. Указ. соч. С. 205.
[28] Там же. С. 206.
[29] Географический словарь Российского государства. М., 1804. С. 4.
[30] КРО. Т. 2. С. 3.
[31] *Кудашев В. Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 54.
[32] *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961. С. 255.
[33] КРО. Т. 1. С. 358.
[34] Там же. С. 360–361.
[35] АКАК. Т. 1. С. 161.
[36] Там же. С. 86-87.
[37] Там же. С. 87.
[38] Там же. С. 89.
[39] Там же.
[40] КРО. Т. 2. С. 316–317.
[41] АКАК. Т. 1. С. 91.
[42] Там же. Т. 4. С. 879.
[43] Там же. С. 870.
[44] Там же. С. 827.
[45] Русские мемуары. 1800–1825. М., 1989. С. 264.
[45] ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2. Отд. 1. С. 24.

ОБ ОДНОЙ КАБАРДИНСКОЙ ПОГОВОРКЕ

[1] ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 576, л. 1–4.
[2] См.: Казаноко Жабаги: Материалы научной сессии. Нальчик, 1988. С. 39; Джабаги Казаноко. Нальчик, 1984. С. 172.
[3] *Дзамихов К. Ф.* Адыги: вехи истории. Нальчик, 1994. С. 78.

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНЦЕВ

[1] *Бетрозов Р.* Этническая история адыгов. Нальчик, 1996. С. 213.
[2] *Бейтуганов С*. Указ. соч. С. 47–48.
[3] Верность кабардинцев русскому престолу в эпоху смутного времени: К 300-летию Дома Романовых /Составлено П. Л. Юдиным, хорунжим Оренбургского Казачьего войска. Владикавказ, 1913. С. 4; КРО. Т. 1. С. 3–5, 71.

[4]*Дубровин Н*. Черкесы (адыге). Нальчик, 1991. С. 310–312.
[5]ИАН. 1982. С. 87.
[8]*Бейтуганов С*. Указ. соч. С. 241.
[7]КРО. Т. 2. С. 63–64.
[8]Там же. Т. 1. С. 245.
[9]Там же. С. 246.
[10]Там же. Т. 2. С. 154.
[11]Там же. С. 194–196.
[12]Там же. С. 153.
[13]Там же. С. 152, 154.
[14]АБКИЕА. С. 158.
[15]*Кажаров В. Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994.С. 279.
[16]КРО. Т. 2. С. 270.
[17]Там же.
[18]Там же.
[19]Там же. С. 273.
[20]*Кажаров В. Х.* Указ. соч. С. 273.
[21]КРО. Т. 2. С. 274.
[22]*Кажаров В. Х.* Указ. соч. С. 273.
[23]Там же. С. 272.
[24]Там же.
[25]История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 140.
[26]КРО. Т. 2. С 272.
[27]Там же. С. 275.
[28]Там же. С. 225.
[29]Там же. С. 323.
[30]*Думанов Х. М*. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990. С. 163.
[31]Там же.
[32]Там же. С. 243.
[33]Там же. С. 244.
[34]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 49, л. 24 об.
[35]Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков /Предисл. и сост. Думанова Х. М. Нальчик, 1992. С. 43.
[36]*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 154; *Бейтуганов С*. Указ. соч. С. 243–244.
[37]*Бейтуганов С*. Указ. соч. С. 79.
[38]Там же. С. 90.
[39]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 125–126; Там же, ф. 16, оп. 1, д. 2, л. 5 об.
[40]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1, т. 2, л. 69–76.
[41] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 30, л. 37–40 об.; Там же, д. 49, л. 52–53.
[42]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 562, л. 13 об.
[43]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 29, л. 227 об.
[44]Там же, л. 229–233 об.
[45]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 4, т. 1, л. 83–85.
[46]*Броневский С*. Указ. соч. С. 86; АБКИЕА. С. 218–219, 410.
[47]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 186.

[48]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 340, л. 95.
[49]Там же, л. 94; Там же, ф. 40, оп. 1, д. 18, л. 163, 163 об.
[50]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 159, т. 1, л. 64–69 об.
[51]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 136, л. 7 об.
[52]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1623, л. 83–85, 132.
[53]Там же, л. 10.
[54]Там же, л. 91, 92.
[55]Там же, л. 93.
[56]Там же, л. 94.
[57]Там же, л. 103 об.
[58]Там же, л. 26.
[59]Там же, л. 59, 59 об., 96.
[60]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 534, л. 1–6 об.
[61]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 153, л. 96 об.
[62]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 765, л. 71–72 об.; Там же, ф. 40, оп. 1, д. 757, л. 84, 84 об.
[63]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1291, л. 3–5.
[64]Там же, ф. 23. оп. 1, д. 153, л. 96 об.; История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. Карта-вкладыш.
[65]*Ермолов А. П.* Записки. 1798–1826. М., 1991. С. 283.
[66]См.: *Бейтуганов С. Н.* Указ. соч. С. 52.
[67]См.: *Ермолов А. П.* Записки... С. 377.
[68]Материалы Я. М. Шарданова... Нальчик, 1986; *Думанов Х. М.* Вдали от родины. Нальчик, 1994.
[69]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 15–28 об.
[70]Там же, д. 26, л. 10–11.
[71]См.: *Бейтуганов С. Н.* Указ. соч. С. 245.
[72]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 26, л. 3 об.
[73]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 139.
[74]Там же, л. 140 об.
[75]Там же, л. 141 об.
[76]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 153, л. 102.
[77]Там же, д. 157, л. 186–187.
[78]РГВИА, ф. 1209, оп. 2, д. 323а, л. 6–7.
[79]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 159, т. 1, л. 229; *Бейтуганов С. Н.* Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1989. С. 42–43.
[80]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 536, л. 1–3.
[81]Там же, оп. 3, д. 39, л. 55–56 об.
[82]Там же, д. 674, л. 1–3.
[83]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 1, л. 107.
[84]Там же, д. 774, л. 3 об.
[85]Там же, л. 5.
[86]Там же, д. 4, т. 2, л. 211.
[87]Там же.
[88]Там же, л. 173–176.
[89]Там же, л. 201 об.–203.
[90]Там же, л. 204–205.
[91]Там же, д. 12, л. 100.
[92]*Бейтуганов С. Н.* Указ. соч. С. 92–93.
[93]Там же; См.: *Думанов Х. М.* Вдали от родины. С. 21.

[94]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 776, л. 2 об.
[95]Там же, л. 2–3.
[96]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 216 об.
[97]Там же, д. 757, л. 73.
[98]Там же, д. 4, т. 2, л. 212 об.
[99]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 39, л. 43 об.
[100]Там же, л. 49 об.
[101]Там же, л. 47 об.
[102]Там же, д. 675, л. 6, 16.
[103]Там же, л. 15.
[104]Там же, л. 16–17 об.
[105]Там же, д. 1718, л. 29 об.
[106]Там же, д. 1364, л. 1, 2 об.
[107]Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991. С. 6.
[108]ЦГА КБР, ф. 3, оп. 1, д. 151, л. 95–103.
[109]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 306–308.
[110]Там же, т. 3, л. 483 об.
[111]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 39, л. 54–67 об.
[112]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 520, л. 22 об.
[113]Там же, д. 18, л. 71, 71 об., 146–147 об.
[114]Там же, ф. 3, оп. 1, д. 11, л. 126–127 об.
[115]Там же, д. 4, т. 2, л. 216, 237.
[116]Там же, л. 216.
[117]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 8, л. 248 об.
[118]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1718, л. 36–39 об.
[119]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 79–80.
[120]Там же, ф. 2, оп. 2, д. 30, л. 165 об., 167 об.
[121]Там же, л. 44 об., 149.
[122] Там же, оп. 1, д. 1738, л. 19.
[123]Там же, ф. 3, оп. 1, д. 11, л. 16–17.
[124]Там же, л. 84, 125.
[125]Там же, ф. 2, оп. 2, д. 30, л. 90–92.
[126]Там же, л. 79 об., 81 об., 126, 136.
[127]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 757, л. 43.
[128]Там же, д. 43, л. 6–7 об.
[129]Там же, ф. 2, оп. 2, д. 30, л. 60–61.
[130]Там же, л. 69–72.
[131]Там же, ф. 3, оп. 1, д. 151, л. 82–83.
[132]Там же, л. 87 об.
[133]Там же, л. 88–89 об.
[134]Там же, л. 87–94.
[135]Там же, л. 59–60, 60 об.
[136]Там же, л. 8, 37 об., 49, 62, 116–118.
[137]Там же, ф. 22, оп. 1, д. 425, л. 4–5 об., 8.
[138]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 1, л. 24–25 об.
[139]Там же, ф. 2, оп. 2, д. 30, л. 16–17.
[140]См.: *Думанов Х. М.* Указ. соч. С. 38–47.

ПРЕДАНИЯ И ФАКТЫ ОБ ОДНОЙ КРОВНОЙ МЕСТИ

[1]Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы (КРО). М., 1957. Т. 1. С. 35, 397.

[2]Там же. С. 56.

[3]Там же.
[4]Там же. С. 63.
[5]Там же.
[6]Там же. С. 385.
[7]Там же. С. 385, 395, 402, 412.
[8]*Ногмов Ш. Б.* История адыхейского народа. Нальчик, 1982. 115–116.
[9]*Мальбахов Б., Эльмесов А.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994. С. 281.
[10]ИАН. 1982. С. 112, 113.
[11]КРО. Т. 1. С. 102–103.
[12]Там же. С. 103.
[13]Там же.
[14]Там же.
[15]ИАН. 1982. С. 117, 118.
[16]*Атажукин Кази*. Избранное. Нальчик, 1991. С. 186.
[17]КРО. Т. 1. С. 109–110.
[18]Там же. С. 110.
[19]Там же. С. 155.
[20]Там же. С. 156.
[21]Там же. С. 214–215.
[22]*Къэрмокъуэ Мухьэмэд*. ХьэтIохъущыкъуей хъыбархэр. Налшык, 1996. Н. 13–14.
[23]КРО. Т. 1. С. 223.
[24]Там же. С. 221.
[25]Там же. С. 320.
[26]Там же. С. 386.
[27]Там же.
[28]Там же.
[29]*Къэрмокъуэ Мухьэмэд*. ХьэтIохъущыкъуей хъыбархэр... Н. 33–34.
[30]АБКИЕА. С. 230–231.
[31]КРО. Т. 1. С. 320.
[32]*Атажукин Кази*. Указ. соч. С. 189.

АБРЕКИ И АБРЕЧЕСТВО

[1]*Дубровин Н.* Черкесы (адыге). Нальчик, 1991. С. 195.
[2]*Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов. С. 62.
[3]*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. С. 216.
[4]*Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 2. С. 359–361.
[5]Там же. С. 160.
[6]Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков... С. 43.
[7]*Дубровин Н.* Указ. соч. С. 39.
[8]Там же. С. 18.
[9]Там же. С. 87.
[10]*Леонтович Ф. И.* Адаты... С. 160, 361.
[11]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 2, л. 29.
[12]Там же, л. 32–34.
[13]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 48, т. 2, л. 145–145 об.

[14]Там же, л. 6.
[15]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 33.
[16]Там же, д. 17, л. 137.
[17]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 139.
[18]Там же, д. 49, л. 105 об.
[19]Там же, д. 9, л. 81–82.
[20]Пятигорск в исторических документах 1803–1917 гг. Ставрополь, 1985. С. 333.
[21]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 66, л. 25–25 об.
[22]Там же, д. 288, л. 4–5.
[23]Там же, д. 138, л. 2.
[24]Там же, л. 4.
[25]Там же, д. 347, л. 25.
[26]Там же, д. 231, л. 54–56.
[27]Там же, л. 173 об.
[28]Там же.
[29]Там же, л. 192–194.
[30]Там же, л. 95 об.
[31]Там же, д. 440, т. 2, л. 36.
[32]Там же, д. 231, л. 13–14.
[33]Там же, л. 63 об.
[34]Цит. по: *Касумов А. Х.*, *Касумов Х. А.* Антиколониальное движение в Кабарде//Адыги: культурно-исторический журнал. Нальчик, 1991. № 3. С. 85.
[35]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 549, л. 4–4 об., 12 об.
[36]Там же, д. 1428, л. 13.
[37]Там же, д. 440, т. 2, л. 127.
[38]Там же, л. 147–148.
[39]Там же, л. 32 об.–33.
[40]Там же, л. 38, 39.
[41]Там же, л. 11 об.
[42]Там же, д. 575, л. 2–9.
[43]Там же, л. 19 об.
[44]Там же, д. 572, л. 10–10 об.
[45]Там же, д. 575, л. 18 об.
[46]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 274, л. 140.
[47]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 531, л. 8–9 об.
[48]Там же, д. 4, т. 2, л. 197 об.
[49]Там же, д. 1623, л. 61, 61 об.
[50]Там же, л. 114, 114 об.
[51]Там же, д. 549, л. 52 об.
[52]Там же, д. 598, л. 30–35 об.
[53]Там же, л. 17 об.
[54]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 274, л. 140.
[55]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1365, л. 266–267.
[56]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 174, л. 4–4 об.
[57]Там же, д. 43, л. 33; Там же, д. 270, т. 1, л. 93 об.
[58]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 955, л. 4–42 об., 98.
[59]Там же, д. 1428, л. 11 об.
[60]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 211.

[61]Там же, д. 48, т. 2, л. 19–19 об.
[62]Там же, л. 36–37.
[63]Там же, л. 89.
[64]Там же, л. 91–91 об.
[65]Там же, ф. 2, оп. 3, д. 39, л. 134–135.
[66]Там же, ф. 22, оп. 1, д. 1091, л. 2.

КАБАРДИНЦЫ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

[1]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, л. 33.
[2]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 212, л. 6 об., 39 об.
[3]Там же.
[4]Там же, д. 213, л. 37–38.
[5]Там же, л. 45–46 об.
[6]Там же, л. 44.
[7]Там же, л. 55 об.
[8]Там же, л. 67 об.
[9]*Ибрагимбейли Х. М*. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 годов... М., 1971. С. 141–142.
[10]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1340, л. 6.
[11]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 4, т. 1, л. 12.
[12]*Ибрагимбейли Х. М*. Указ. соч. С. 142.
[13]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1340, л. 1. Подлинник.
[14]Там же, л. 27 об.
[15]Там же, д. 1291, л. 17 об.
[16]Там же, ф. 24, оп. 1, д. 15, т. 1, л. 2–2 об.
[17]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 259, л. 1.
[18]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1340, л. 17.
[19]Там же, д. 1717, л. 9.
[20]Там же, д. 1442, л. 53 об., 54.
[21]Там же, л. 36.
[22]Там же, л. 51.
[23]Там же, л. 289.
[24]Там же, л. 291.
[25]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 88–89.
[26]Там же; Там же, д. 211, л. 91 об.
[27]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1340, л. 7.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

[1]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 46, л. 147–148.
[2]РГВИА, ф. 330, оп. 46, д. 1095, л. 17.
[3]*Леонтович Ф. И*. Адаты... Вып. 2. С. 240.
[4]РГВИА, ф. 330, оп. 46, д. 1095, л. 15.
[5]История философии в кратком изложении. М., 1994. С. 451.
[6]*Маркс К. и Энгельс Ф*. Сочинения. Т. 17. С. 200.
[7]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 231, л. 198 об.
[8]Там же, л. 198 об.–199.
[9]Там же, л. 199 об.–200.
[10]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 2, л. 251–252.

[11]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 159, т. 2, л. 170–170 об.
[12]*Леонтович Ф. И.* Адаты... С. 175.
[13]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, л. 228.
[14]Там же, л. 223.
[15]Там же, т. 1, л. 20–22 об.
[16]Там же, т. 2, л. 255 об.
[17]Материалы Я. М. Шарданова... С. 281.
[18]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 127; *Думанов Х. М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. С. 210–211.
[19]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 200об.–201.
[20]Там же, д. 8, л. 236.

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В КАБАРДЕ

[1]ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 37.
[2]Там же. С. 40.
[3]*Думанов Х. М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. С. 165.
[4]ССКГ. Вып. 1. С. 37.
[5]Там же. С. 42.
[6]Крестьянская реформа в Кабарде: Документы. Нальчик, 1947. С. 100.
[7]Там же. С. 101.
[8]Там же. С. 51–52.
[9]Там же. С. 99–100.
[10]ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. Разд. 4. Гл. 3. С. 20.
[11]ССКГ. Вып. 1. Разд. 8. С. 31–32.
[12]Там же. С. 32.
[13]Терские ведомости. 1869. № 23.
[14]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 1685, л. 2–3 об.
[15]Там же, оп. 3, д. 11, т. 1, л. 8–9, 10, 10 об.
[16]Там же, л. 8–9 об.
[17]Там же, л. 43.
[18]Там же, л. 41.
[19]Там же, л. 1–2 об., 66–72 об.
[20]Там же, л. 4–7 об.
[21]Там же, т. 2, л. 27–33.
[22] Там же, т. 1, л. 123–124 об.
[23]Там же, оп. 1, д. 80, л. 4, 20–30 об.
[24]Там же, т. 2, л. 133; *Бейтуганов С. Н.* Кабардинские фамилии... С. 44.

РОССИЙСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В КАБАРДЕ: ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРАВЛЕНИЯ

[1]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 29, л. 99–103 об.
[2]Там же, ф. 2, оп. 3, д. 14, т. 2, л. 157–158.
[3]Там же, ф. 6, оп. 2, д. 14, т. 2, л. 32–35.
[4]Там же, оп. 1, д. 337, л. 79.
[5]Там же, л. 195.

[1]ИАН. 1982. С. 44.
[2]Там же. С. 104.
[3]КРО. Т. 1. С. 3–8.
[4]Там же. С. 23.
[5]Там же.
[6]Там же. С. 26.
[7]Там же. С. 50.
[8]Там же. С. 52.
[9]АБКИЕА. С. 450.
[10]Дубровин Н. Указ. соч. С. 208.
[11]См.: *Къардэнгъущӏ Зырамыку*. Дэмэлэй Мамсырыкъуэ и хъыбархэр // Ленин гъуэгу. 1977 гъ. Июным и 25.
[12]*Дубровин Н.* Указ. соч. С. 213.
[13]Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 53.
[14]ИАН. 1982. С. 45.
[15]*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 68.
[16] *Атажукин Кази*. Избранное. Нальчик, 1991. С. 188.
[17]КРО. Т. 2. С. 272.
[18]Там же. С. 64; ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 33 об.
[19]АБКИЕА. С. 170.
[20]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 2, л. 3, 5, 65–67.
[21]Там же, д. 589, л. 24–25.
[22]Там же, д. 248, л. 40 об.
[23]Там же, д. 1850, л. 57.
[24]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 16, л. 4–6.
[25]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 757, л. 123–124 об.
[26]Там же, ф. 6, оп. 1, д. 25, т. 1, л. 16 об.
[27]Там же, ф. 2, оп. 3, д. 39, л. 180–183 об.; Там же, ф. 23, оп.1, д. 157, л. 33 об.
[28]Там же, д. 1135, т. 1, л. 27.
[29]*Леонтович Ф. И.* Адаты... С. 255.
[30]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 765, л. 60 об.
[31]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 48, т. 2, л. 93–94.
[32]Там же, д. 159, т. 1, л. 172.
[33]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 182 об.
[34]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 274, л. 145–146.
[35]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 371, л. 6–12.
[36]Там же, д. 598, л. 62–64.
[37]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 211, л. 121–121 об.
[38]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 1–2 об.
[39]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 4, л. 418 об.–419.
[40]Там же, л. 257.
[41]Там же, д. 159, т. 1, л. 172.
[42]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1416, л. 22–23.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗНАМЕНИ

[1]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 252, л. 1.
[2]*Кудашев В. Н*. Исторические сведения... С. 126.
[3]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 388, л. 4–4 об.
[4]Кабардино-Балкарская правда. 1995. 5 января.
[5]ИАН. Нальчик, 1994. С. 67.
[6]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 252, л. 5–7.
[7]Там же, л. 3, 9; Там же, д. 340, л. 56.
[8]Там же, л. 14, 14 об.
[9]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 10, л. 53–53 об.
[10]Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX века. С. 39–42.
[11]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 252, л. 31, 31 об., 36–36 об.
[12]Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX века. С. 262.
[13]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 290 об.– 291.
[14]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 388, л. 3–3 об., 5.

РЕФОРМЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАБАРДЫ 40—50-Х ГОДОВ XIX В.

[1]*Ермолов А. П*. Записки 1798–1826. М., 1991. С. 402.
[2]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 4, л. 301–301 об.
[3]Там же, л. 302.
[4]*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 155.
[5]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 4, л. 321.
[6]АБКИЕА. С. 616.
[7]Там же. С. 616–617.
[8]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 25, л. 154–154 об.
[9]АБКИЕА. С. 617.
[10]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1. д. 1891, л. 10–11.
[11]Там же, л. 17 об., 19.
[12]*Кумыков Т. Х*. Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1991. С. 78.
[13]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1891, л. 22.
[14]Там же, л. 21; *Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие... С. 64.
[15]ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2. Отд. 7. С. 2.
[16]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 90, т. 1, л. 45, 46.
[17]Там же, л. 58, 59.
[18]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 4, л. 322–323 об.
[19]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 440, т. 1, л. 63–66 об.
[20]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 4, л. 309, 426.
[21]Там же, д. 48, т. 2, л. 3–5 об.
[22]Там же, л. 22, 23.
[23]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1315, л. 13–14.
[24]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 48, т. 2, л. 27 об.–28.
[25]Там же, л. 29–30.

АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ (КОНЕЦ 50-х — 70-е ГОДЫ XIX В.)

[1]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 26, л. 7–8.
[2]Там же, л. 8, 8 об.
[3]Там же, л. 8–9 об.
[4]Там же, л. 31 об.
[5]Там же, л. 32, 32 об.
[6]Там же, л. 4, 5.
[7]Там же, д. 592, л. 6–17.
[8]Там же, д. 888, л. 6.
[9]Там же, д. 467, л. 13, 13 об.
[10]Там же, л. 21–23 об.
[11]Там же, л. 25–25 об.
[12]Там же, д. 888, л. 12 об.
[13]Там же, д. 592, л. 6–17.
[14]Там же, д. 888, л. 36–37 об.
[15]Там же, ф. 6, оп. 1, д. 25, т. 3, л. 16 об.
[16]Там же, т. 1, л. 121.
[17]Там же, л. 20, 119 об.

Р а з д е л II

ХАМСАДА

[1]*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 168.
[2]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 752, л. 5.
[3]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 449, л. 1–3 об.
[4]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 25, л. 189.
[5]Там же, л. 6–7 об.
[6]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1640, л. 1–6.
[7]Там же, ф. 2, оп. 3, д. 39, л. 185 об.

ЯКУБ ШАРДАНОВ

[1]*Туганов Р. У*. Измаил-бей. Нальчик, 1972. С. 67.
[2]*Думанов Х. М*. Якуб Шарданов. Нальчик, 1988. С. 6.
[3]*Кумыков Т. Х.* Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1991. С. 89.
[4]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 48, т. 1, л. 17–19.
[5]*Бейтуганов С. Н.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 92.
[6]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 132, т. 1, л. 1 об.
[7]*Бейтуганов С. Н*. Указ. соч. С. 92.
[8]*Кумыков Т. Х.* Культура и общественно-политическая мысль... С. 99.
[9]*Бейтуганов С. Н.* Указ. соч. С. 92.
[10]*Кумыков Т. Х.* Дмитрий Кодзоков. Нальчик, 1985. С. 40.
[11]*Думанов Х. М.* Якуб Шарданов. С. 23.
[12]См.: Там же. С. 15.
[13]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 55, л. 36–36 об.
[14]Там же, д. 2, т. 2, л. 288.

[15]*Ермолов А. П.* Записки... С. 379.
[16]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 138, л. 10 об., 11 об.
[17]*Кумыков Т. Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1969. С. 97; *Он же.* Культура и общественно-политическая мысль... С. 88; *Думанов Х. М.* Якуб Шарданов. С. 88.
[18]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 238; Там же, ф. 16, оп. 1, д. 231, л. 67 об.
[19]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 2, л. 306–307 об.
[20]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 138, л. 27–28.
[21]Там же, л. 25.
[22]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 77 об.
[23]*Кумыков Т. Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1969. С. 97; Он же. Культура и общественно-политическая мысль... С. 88; *Думанов Х. М.* Якуб Шарданов. С. 88.
[24]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 43 об.
[25]Там же, л. 42.
[26]Материалы по обычному праву кабардинцев... Нальчик, 1956. С. 44.
[27]Там же. С. 49.
[28]Там же.
[29]Там же. С. 55.
[30]Живая старина. 1991. № 1. С. 50.
[31]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 13, л. 3 об.
[32]Там же, д. 440, т. 11, л. 84 об., 87, 123 об.
[33]Там же, д. 13, л. 3 об.

РОДОСЛОВНАЯ И ПОТОМКИ ЯКУБА ШАРДАНОВА

[1]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 165–168.
[2]Там же, л. 169–170 об.
[3]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 8, л. 312–318.
[4]Там же, ф. 6, оп. 1, д. 833, т. 3, л. 104 об.
[5]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 757, л. 86 об.
[6]Там же, ф. 6, оп. 1, д. 748, л. 58, 58 об.
[7]Там же, л. 87 об.
[8]Там же, д. 627, л. 10 об., 51.
[9]Там же, л. 10 об. –11 об.
[10]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 243–244 об.
[11]Там же, ф. 22, оп. 1, д. 6206, л. 2.
[12]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 7–8.

ШАРДАНОВ И НОГМОВ

[1]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 2, д. 30, л. 9.
[2]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 4, л. 285.
[3]Там же, л. 285 об.
[4]Там же, л. 282–282 об.
[5]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 90, т. 1, л. 207.
[6]*Леонтович Ф. И.* Адаты... С. 207.
[7]Там же. С. 226.

О МЕСТОЖИТЕЛЬСТВЕ ШОРЫ НОГМОВА И ЕГО СЕМЬИ

[1]*Бейтуганов С. Н*. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1989. С. 75.

[2]ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 94а, л. 60.

[3]Материалы Я. М. Шарданова... С. 109.

[4]Территория и расселение кабардинцев и балкарцев... С. 35–36.

[5]*Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие... С. 371; *Он же*. Культура и общественно-политическая мысль... С. 71; ИАН. 1994. С. 19.

[6]Живая старина. 1991. № 1. С. 40.

[7]*Бейтуганов С. Н.* Указ. соч. С. 42; Материалы по обычному праву... С. 315.

[8]*Тресков И. В.* Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1974. С. 30–31.

[9]Там же. С. 78.

[12]ИАН. 1994. С. 51.

[11]*Думанов Х. М.* Социальная структура кабардинцев... С. 122.

[12]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 90, т. 1, л. 86 об.

[13]*Бейтуганов С. Н*. Указ. соч. С. 51–52.

[14]Там же. С. 78.

[15]Советская молодежь. 1994. 10 июня.

МЛАДШИЕ СЫНОВЬЯ ШОРЫ

[1]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 1007, л. 19 об.

[2]*Бейтуганов С. Н*. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1989.

НОГМОВ И ЛЕРМОНТОВ

[1]*Андреев-Кривич С. А*. М. Ю. Лермонтов и Кабардино-Балкария. Нальчик, 1979. С. 121–122.

[2]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 90, т. 2, л. 232, 233.

[3]Там же, л. 311.

[4]Там же, л. 367.

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ НОГМОВА?

[1]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 757, л. 5 об.

[2]Там же, л. 5 об., 6.

[3]ИАН. Нальчик, 1982. С. 315.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ ХАН-ГИРЕЯ

[1]ЦГА КБР, ф. 1, д. 48, л. 70 об., 73.

[2]Там же, д. 45, л. 2.

[3]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 3, л. 258–260.

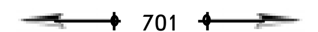
[4]Там же, л. 267.

УМАР ШЕРЕТЛОКОВ

[1]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 252, л. 31, 31 об.

[2]Там же, д. 231, л. 201 об.

[3]Там же, л. 206.



[4]Там же, л. 208.
[5]Там же, л. 207.
[6]*Касумов А. Х*. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. Ростов н/Д, 1988. С. 46.
[7]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 440, т. 2, л. 34–34 об.
[8]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 274, л. 132–133.
[9]*Думанов Х. М.* Социальная структура кабардинцев... С. 139.
[10]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 134, л. 1–1 об.
[11]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 18, л. 196.
[12]*Карданов Ч. Э*. Групповой портрет в Аушигере. Нальчик, 1993. С. 505.
[13]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 153, л. 102.
[14]*Карданов Ч. Э.* Указ. соч. С. 577.
[15]Там же.
[16]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 240.
[17]Там же, ф. 7, оп. 1, д. 2, л. 55, 57.
[18]Там же, ф. 24, оп. 1, д. 207, л. 1.
[19]Там же, ф. 2, оп. 3, д. 14, т. 2, л. 50–51.
[20]Там же, л. 52 об.

«ПРЯМОДУШНЕЙШИЙ ИЗ КАБАРДИНЦЕВ»

[1]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 90, т. 2, л. 260 об.
[2]Там же, д. 440, т. 1, л. 7–8.
[3]Там же, д. 231, л. 192–194.
[4]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 8, л. 115 об. –120.
[5]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 4, л. 307.
[6]Там же, д. 157, л. 70–71.
[7]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1017, л. 20–21 об.

МАГОМЕТ И ДМИТРИЙ КОДЗОКОВЫ

[1]*Бейтуганов С. Н*. Кабардинские фамилии... С. 83.
[2]*Кумыков Т. Х*. Дмитрий Кодзоков. Нальчик, 1985. С. 16.
[3]*Кудашев В. Н.* Исторические сведения... С. 194.
[4]Там же. С. 167.
[5]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 75–76.
[6]*Кумыков Т. Х.* Дмитрий Кодзоков. Нальчик, 1985. С. 18.
[7]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 46, л. 57–58 об.
[8]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 75, л. 114, 118.
[9]Там же, л. 241 об.
[10]*Кумыков Т. Х*. Дмитрий Кодзоков... С. 36.
[11]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 2, д. 160, л. 21.
[12]Там же, л. 26 об., 27 об.
[13]См.: *Кумыков Т. Х*. Экономическое и культурное развитие... С. 138.
[14]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 347, л. 5 об.
[15]Там же, л. 35.
[16]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 1, л. 33–40 об.
[17]Там же; Там же, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 213–215.

[18]*Кумыков Т. Х*. Указ. соч. С. 54.
[19]Там же. С. 16.
[20]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 440, т. 2, л. 201.
[21]Там же, л. 67 об.
[22]Там же, л. 55 об.
[23]Там же, д. 13, л. 26 об.–27.
[24]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 29, л. 148.
[25]См.: *Кумыков Т. Х.* Указ. соч. С. 36–37.
[26]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 62, л. 10.
[27]Там же, д. 90, т. 1, л. 47 об.
[28]См.: *Кумыков Т. Х.* Указ. соч. С. 16.
[29]Там же. С. 35–36.
[30]Там же. С. 36.
[31]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 90, т. 1, л. 58.
[32]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1596, л. 9.

БЕСЛЕНЕЙ АБАТ И ПШЕКУЙ АХОДЯК

[1]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 213–215.
[2]*Хан-Гирей*. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 222.
[3]Там же. С. 250.
[4]Там же.

МАГОМЕТ И ТАУСУЛТАН АТАЖУКИНЫ

[1]*Бейтуганов С*. Кабарда и Ермолов. С. 79.
[2]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 8, л. 126 об.
[3]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 554, л. 6 об.

АТАЖУКО АТАЖУКИН

[1]ССКГ. 1870. Вып. 3. Отд. 1. Гл. 4. С. 11; ЦГА КБР, ф. 40, оп.1, д. 754, л. 9 об.
[2]*Потто В. А*. Кавказская война. СПб., 1888. Т. 2. С. 172.
[3]*Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов. С. 265.
[4]ЦГА КБР, ф. 24, оп. 1, д. 152, л. 2.
[5]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 3, л. 2.
[6]ЦГА КБР. Из нового фонда о Ш. Ногмове.
[7]Материалы по обычному праву… С. 109.
[8]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 214.
[9]*Бейтуганов С.* Указ. соч. С. 265.
[10]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 219, 220.
[11]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 110–110 об.
[12]Там же.
[13]Там же, д. 34, л. 22.
[14]Там же, д. 43, л. 110–111.
[15]Там же, л. 90 об.
[16]Там же, ф. 16, оп. 2, д. 30, л. 9.
[17]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 44, л. 45.
[18]Там же, д. 23, л. 57.

[19]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1718, л. 66.
[20]Там же, д. 8, л. 112.
[21]Там же, д. 1810, л. 1 об., 5 об.
[22]Там же, л. 7.
[23]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 61, л. 2–6 об.
[24]Там же, ф. 13, оп. 1, д. 24, л. 5–6.
[25]Там же, ф. 2, оп. 3, д. 21, л. 91 об.

«ОБУЧАЛИ ДЕТЕЙ ШАМИЛЯ...»

[1]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 807, л. 1–5.
[2]Там же, оп. 3, д. 14, т. 1, л. 131.
[3]Там же, оп. 1, д. 954, л. 3.
[4]Там же, л. 2.

АХЛОВЫ, БОГОТОВЫ

[1]ЦГА КБР, ф. 14, оп. 1, д. 8, л. 3–46.

КОРНЕТ АСЛАНБЕК (АСЛАМБЕК) АБАЕВ

[1]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 43, л. 279–280.
[2]Там же, л. 277.
[3]Там же, л. 284–285.
[4]*Сафарян С. Н.* Султан-Бек Абаев. Нальчик, 1988. С. 14–15.
[5]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 81–83.
[6]*Сафарян С. Н.* Указ. соч. С. 6.
[7]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 43, л. 278.

ТОХТАМЫШЕВЫ И КУШХОВЫ

[1]Материалы Я. Шарданова... С. 118.
[2]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 3, л. 220 об.
[3]Там же, ф. 24, оп. 1, д. 11, л. 1–3 об.
[4]ИАН. 1982. С.85.
[5]Там же. С. 95–96.
[6]ЦГА КБР, ф. 24, оп. 1, д. 23, л. 6 об.
[7]Там же, л. 9 об.
[8]Там же, л. 11–12.
[9]Адыгэ пшыналъэ. Зыгъэхьэзырар Къардэнгъущӏ Зырамыкуш. Налшык, 1992. Н. 78–83, 209–210.
[10]ЦГА КБР, ф. 24, оп. 1, д. 21, л. 1 об.
[11]Там же, л. 5 об.
[12]Там же, л. 8 об.
[13]Там же, л. 10–11 об.
[14]Там же, д. 61, л. 1–3 об.
[15]Там же, д. 21, л. 16 об.
[16]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 917, л. 1 об.
[17]Там же, л. 2 об.
[18]Там же, ф. 24, оп. 1, д. 21, л. 28 об.

[19]Там же, л. 37 об.
[20]Там же, л. 30 об.
[21]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 917, л. 3 об.
[22]Там же, л. 9 об.
[23]*Эльбердов Х. У.* Воспоминания / Сост., автор предисловия и комментариев Заур Налоев. Нальчик, 1993. С. 104–125, 384–386.
[24]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 2, л. 2.

БЕКОВИЧИ-ЧЕРКАССКИЕ В МАЛОЙ КАБАРДЕ

[1]ЦГА КБР, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 8 об.
[2]Там же, л. 10 об.
[3]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 3, л. 20 об.–21.
[4] Там же, л. 21, 22 об.
[5]Там же, л. 5 об., 7 об.
[6]Там же, л. 4; *Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1996. С. 349.
[7]ЦГА КБР, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 7.
[8]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 3, л. 4.
[9]Там же, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 7.
[10]Там же, д. 40, л. 30–31.
[11]Там же, д. 1, л. 7 об.
[12]Там же, д. 40, л. 18–19 об.
[13]Там же, л. 10, 15–16.
[14]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 908, л. 1–15.
[15]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 3, л. 116.
[16]Там же.
[17]Там же, л. 117 об., 118.
[18]Там же, л. 88 об.
[19]Там же, л. 3 об.

ФАМИЛИИ В ИСТОРИИ

[1]*Леонтович Ф. И.* Адаты... С. 20–21.
[2]Там же. С. 243.
[3]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 197 об.–199.
[4]Там же, л. 74–74 об.; Там же, ф. 8, оп. 1, д. 40, л. 20–22 об.; Там же, ф. 40, оп. 1, д. 23, л. 216–217.
[5]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 2, л. 57.
[6]Там же, д. 435, л. 1–8.
[7]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1367, л. 1.
[8]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 2, л. 6 об.
[9] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 46, л. 75–76 об.
[10]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 309–310 об.
[11]*Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 88.
[12]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 4, т. 1, л. 96 об.
[13]Там же, ф. 7, оп. 1, д. 14, л. 14.
[14]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 17, л. 125–128, 141 об.
[15]Там же; Там же, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 9–10.

[16]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 888, л. 39.
[17]*Бейтуганов С. Н.* Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1991. С. 122.
[18]Там же. С. 294.
[19]ЦГА РСО—Алания, ф. 12, оп. 6, д. 822, л. 164 об.
[20]Там же, л. 158.
[21]Леонтович Ф. И. Адаты... С. 117.
[22]Там же. С. 173.
[23]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 133.
[24]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 440, т. 1, л. 59—60 об.
[25]Там же, т. 2, л. 52—53.
[26]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 88, л. 1.
[27]Там же, д. 417, л. 24 об.—25.
[28]Там же, ф. 2, оп. 3, д. 14, т. 2, л. 44 об.
[29]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 3, л. 275.
[30]Там же, л. 305.
[31]Там же, ф. 9, оп. 1, д. 38.
[32]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 4, 36 об.
[33]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 43, л. 12.
[34]Там же, л. 12 об.—13.
[35]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 137 об.
[36]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 440, т. 1, л. 127 об.
[37]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 48, л. 9.
[38]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 9, л. 84 об.; Там же, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 200—200 об.; Там же, ф. 16, оп. 1, д. 138, л. 7об.
[39]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 28, л. 107 об.; 159 об.
[40]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 248.
[41]Там же, ф. 13, оп. 1, д. 6, л. 9.
[42]Там же, л. 14.
[43]Там же, ф. 24, оп. 1, д. 112, л. 1.
[44]КРО. Т. 2. С. 268—269.
[45]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 41, л. 6.
[46]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 120—121.
[47]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 620, л. 1—2 об.
[48]Там же, л. 1—18 об.
[49]Там же, оп. 3, д. 42, л. 42, 78, 113.
[50]*Коков Дж. Н*. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983. С. 163.
[51]Iуащхьэмахуэ. 1989. № 4. С. 55—56.
[52]ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 833, т. 3, л. 52 об.
[53]Там же, л. 53.
[54]История народов Северного Кавказа. М., 1988. Т. 1. С. 215.
[55]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 217—217 об., 229.
[56]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 274, л. 179—186.
[57]Там же, ф. 2, оп. 3, д. 42, л. 11 об., 12.
[58]*Кудашев В. Н*. Исторические сведения... С. 151.
[59]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 23, л. 174 об.
[60]Там же, д. 8, л. 253.
[61]Там же, л. 254.
[62]Там же, д. 43, л. 237.

[63]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1007, л. 41, 211 об.; См.: *Думанов Х. М.* Вдали от родины. Нальчик, 1994. С. 73, 77.
[64]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 3, д. 11, т. 8, л. 34.
[65]Там же, ф. 26, оп. 1, д. 38, л. 41.
[66]Там же, л. 50.
[67]Там же, л. 46, 48.
[68]Там же, л. 52.
[69]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 48, т. 1, л. 37–38.
[70]Там же, л. 39.
[71]Там же, л. 40.
[72]Там же, д. 159, т. 2, л. 73 об.–74 об.
[73]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 212 об.
[74]Там же, д. 44, л. 147.
[75]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 18, л. 153.
[76]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 244–244 об.
[77]Там же, д. 549, л. 2.
[78]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 18, л. 171–171 об.
[79]Там же, ф. 22, оп. 1, д. 647, л. 1–10 об.
[80]*Опрышко О. Л.* Бывают странные сближения... Нальчик, 1993. С. 176.
[81]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 870, л. 1–8.
[82]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 93–94.
[83]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 43 об.
[84]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 78, л. 12–15 об., 22 об.
[85]Там же, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 6.
[86]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1468, л. 1 об.
[87]Там же, л. 5, 6, 8.
[88]Там же, оп. 3, д. 39, л. 93–95 об.
[89]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 159, т. 2, л. 125 об.
[90]*Думанов Х. М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990. С. 142.
[91]Там же.
[92]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 159, т. 2, л. 130.
[93]Там же, д. 9, л. 5–8.
[94]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 136, л. 6.
[95]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 154, л. 19 об., 47, 63.
[96]Там же, ф. 2, оп. 3, д. 39, л. 138–139.
[97]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 23, л. 172–172 об.
[98]Там же, ф. 2, оп. 3, д. 39, л. 138 об.
[99]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 181, л. 1–7 об.

Р а з д е л III

ВЕРА И ВЕРУЮЩИЕ

[1]АБКИЕА. С. 47.
[2]Там же. С. 205.
[3]Там же. С. 47.
[4]Там же. С. 54.
[5]Там же. С. 85.
[6]Там же. С. 71.

[7]Там же. С. 102.
[8]Там же. С. 112.
[9]Там же. С. 161–162.
[10]Там же. С. 130.
[11]Там же. С. 149–150.
[12]*Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993. С. 25–44.
[13]АБКИЕА. С. 326.
[14]Там же. С. 431; КРО. Т. 2. С. 314.
[15]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1291, л. 57–58.
[16]Там же, л. 84 об., 95–96.
[17]Там же, д. 1365, л. 316–321.
[18]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 39, л. 192–193 об.
[19]Там же, ф. 3, оп. 1, д. 163, л. 1–2.
[20]Там же, л. 8 об.
[21]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 17, л. 45–167.
[22]Там же, ф. 6, оп. 1, д. 833, т. 3, л. 42–43.
[23]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 48, л. 113–114.
[24]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 908, л. 1–3.
[25]Там же, л. 1–15.
[26]Там же, д. 54, л. 85–86 об.
[27]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 440, т. 1, л. 70 об.
[28]Там же, ф. 2, оп. 3, д. 39, л. 178–179 об.
[29]Там же, оп. 1, д. 438, л. 1–6 об.

ВЛАСТИ И ДУХОВНЫЕ СЛУЖИТЕЛИ

[1]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1365, л. 288–291 об.

ЭТНИЧЕСКИЕ КОРНИ ОТДЕЛЬНЫХ ФАМИЛИЙ

[1]*Коков Дж. Н.* Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983. С. 261.
[2]Там же. С. 110, 111, 259, 261.
[3]Мифологический словарь. М., 1990. С. 499.
[4]ИАН. 1893. С. 40.
[5]Там же.
[6]АКАК. Т. 8. С. 779–780.
[7]Там же. С. 606, 779–780.
[8]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1642, л. 174 об.
[9]Там же, д. 362, л. 2 об.–8.
[10]Там же, д. 520, л. 7–26 об.
[11]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 5 об., 133–134.
[12]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 43, л. 67 об.
[13]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1365, л. 90–94.
[14]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 29, л. 18.
[15]Там же, д. 48, л. 115 об.
[16]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1365, л. 194–195, 216–218.
[17]Там же, д. 90, т. 1, л. 47 об.
[18]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 274, л. 151–157 об.
[19]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 3, л. 43–44.
[20]Там же, л. 305 об.

СВЯЩЕННЫ ПРЕДКОВ ИМЕНА

[1]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 96, л. 37–42 об.
[2]Там же, л. 74 об.
[3]*Бейтуганов С. Н.* Кабардинские фамилии... С. 25.
[4]Там же.

ДВОЙНЫЕ ФАМИЛИИ

[1]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 46, л. 55 об.
[2]Там же, ф. 6, оп. 1, д. 748, л. 146 об.
[3]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 124–125.

СОСЛОВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФАМИЛИЙ

[1]*Лаэртский Диоген*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 234.
[2] *Мережковский Д. С.* Наполеон. М., 1992. С. 3.
[3]*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 6. С. 186.
[4]Там же. Т. 9. С. 208.
[5]*Рылеев К. Ф.* Сочинения. Л., 1987. С. 332–333.
[6]*Дубровин Н.* Указ. соч. С. 177.
[7]*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 125.
[8]АБКИЕА. С. 49.
[9]ИАН. 1893. С. 93–94.
[10]АБКИЕА. С. 65.
[11]*Аталиков В. М.* Наша старина. Нальчик, 1996. С. 174.
[12]Там же. С. 378, 381.
[13]*Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 125, 214.
[14]АБКИЕА. С. 560.
[15]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 757, л. 9 об., 109.
[16]РГВИА, ф. 330, оп. 46, д. 1095, л. 22.
[17]Там же, л. 16.
[18]Там же.
[19]*Думанов Х. М*. Социальная структура кабардинцев в нормах адата... С. 134.
[20]РГВИА, ф. 330, оп. 46, д. 1095, л. 29–30.
[21]Там же, л. 142.
[22]Там же, л. 152.
[23]ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 695, л. 56–59.
[24]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 53, л. 50.
[25]Там же, л. 79–79 об.
[26]Там же, л. 119–120.
[27]Там же, л. 108 об.
[28]Там же, л. 109–109 об.
[29]Там же, л. 80–80 об.
[30]Там же, л. 21.
[31]Там же, л. 123–124.
[32]Там же, л. 41–41 об.
[33]Там же, л. 42 об.–43.

[34]Там же, л. 71–71 об.
[35] Там же, л. 73–73 об.
[36]Там же, л. 6–6 об.
[37]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 2, л. 291.
[38]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 163.
[39]Там же, л. 173.
[40]*Кажаров В. Х*. Традиционные общественные институты кабардинцев... Нальчик, 1994. С. 63.
[41] *Думанов Х. М.* Указ. соч. С. 57.
[42]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 10а, л. 1 об.
[43]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 180 об.
[44]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 189.
[45]Там же, л. 194.
[46]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 4, л. 379–381.
[47]ССКГ. М., 1992. Вып. 3. Отд. 1. Гл. 4. С. 1.
[48]*Леонтович Ф. И.* Адаты... С. 424, 429.
[49] Там же. С. 224.
[50]*Дубровин Н. Ф.* Черкесы (адыге). Нальчик, 1991. С. 167.
[51]*Кудашев В. Н*. Исторические сведения... С. 161.
[52]Там же. С. 232.
[53]ССКГ. Вып. 3. Отд. 1. Т. 4. С. 5.
[54]Там же.
[55]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 757, л. 20–21.
[56]Там же, д. 1, л. 16–17 об.
[57]Там же, д. 4, т. 2, л. 216 об.
[58] *Думанов Х. М*. Социальная структура кабардинцев... С. 88; ЦГА КБР. ф.1, оп. 1, д. 54, л. 31 об.
[59]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 4, л. 250.
[60]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 186.
[61]Там же, ф. 7, оп. 1, д. 14, л. 55–55 об.
[62]Там же, л. 41.
[63]Там же, л. 14 об.
[64]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1135, т. 1, л. 7 об.
[65]Iуащхьэмахуэ. 1994. № 4. С. 108.
[66]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 29 об.
[67]Там же, ф. 7, оп. 1, д. 14, л. 76.
[68] *Леонтович Ф. И*. Указ. соч. С. 182–183.
[69]Там же. С. 231.
[70]Материалы Я. М. Шарданова по обычному праву кабардинцев. Нальчик, 1986. С. 283.
[71]*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 120.
[72]*Думанов Х. М*. Социальная структура кабардинцев... С. 142.
[73]*Хан-Гирей*. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 258.
[74]ИАН. 1893. С. 94.
[75]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 43, л. 270–271.
[76] РГВИА, ф. 330, оп. 46, д. 1095, л. 16.
[77]*Кудашев В. Н*. Исторические сведения... С. 129.
[78]*Хан-Гирей.* Указ. соч. С. 125.
[79]*Леонтович Ф. И*. Указ. соч. С. 429.
[80]Материалы Я. М. Шарданова... С. 285.

[81]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 104, л. 11 об.
[82]Там же.
[83]*Гарданов В. К*. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 236.
[84]*Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 121.
[85]Там же. С. 121–122.
[86]*Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 259.
[87]ЦГА РСО–Алания, ф. 12, оп. 4, д. 108, л. 27.
[88]*Думанов Х. М*. Указ. соч. С. 147.
[89]Там же. С. 146.
[90]АБКИЕА. С. 377.
[91]Материалы по обычному праву кабардинцев. Нальчик, 1956. С. 289.
[92]*Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 225.
[93]Материалы по обычному праву... С. 286.
[94]Там же. С. 289.
[95]ЦГА РСО–Алания, ф. 12, оп. 4, д. 108, л. 27.
[96]*Бейтуганов С. Н.* Кабардинские фамилии... С. 31.
[97]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 757, л. 114 об.
[98]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 90, т. 1, л. 146, 147, 148.
[99]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 23, л. 1–3.
[100]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 90, т. 1, л. 182.
[101]Там же, т. 2, л. 281.
[102]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 3, л. 100–101.
[103]Там же, ф. 16, оп. 2, д. 205, л. 1–12 об.
[104]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 153–165.
[105]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 2, л. 36.
[106]Там же, д. 90, т. 1, л. 107.
[107]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 159, т. 2, л. 123–124.
[108]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 757, л. 123–125.
[109]Там же, л. 110 об.–111.
[110]Там же, л. 114 об.
[111]Там же.
[112]Там же, л. 66 об.
[113]Там же, л. 70; Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1127, л. 12 об.
[114]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 159, т. 2, л. 148–151 об.
[115]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 765, л. 135 об.–137.
[116]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 554, л. 6 об.
[117]Там же, д. 87, л. 1 об.
[118]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 151, л. 31–32.
[119]Там же, л. 33 об.
[120]Там же, л. 35 об.
[121]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 755, л. 26.
[122]Там же, д. 757, л. 56 об.
[123]Там же, л. 59–60.
[124]Там же. л. 13–13 об.
[125]Там же, д. 12, л. 232 об.–233.
[126]Там же, л. 26–27.
[127]Там же, д. 8. л. 63 об.–67 об.
[128]Там же, д. 12, л. 234 об.
[129]Там же, д. 8, л. 249, 261 об.

[130]Там же, д. 43, л. 48–55.
[131]Там же, л. 56 об.
[132]Там же, л. 146 об.
[133]Там же, л. 256.
[134]Там же, д. 23, л. 181–182.
[135]Там же, л. 175.
[136]Материалы Я. М. Шарданова... С. 317.
[137]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 169–170.
[138]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 10а, л. 3–7 об.
[139]Там же, д. 23, л. 60–62.
[140]Там же, д. 3, л. 308.
[141]Там же, д. 12, л. 196.
[142]Там же, л. 176.
[143]Там же, л. 168.
[144]*Бейтуганов С. Н.* Кабардинские фамилии...С. 11.
[145]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 238.
[146]Там же, л. 183 об.; Там же, д. 23, л. 190–192.
[147]Там же, л. 192 об.
[148]Там же, л. 184 об.
[149]Там же.
[150]Там же, л. 207 об.
[151]Там же, л. 210, 238.
[152]Там же, л. 238.
[153]Там же, л. 198 об.
[154]Там же, л. 203.
[155]Там же, л. 304–306 об.
[156]Там же, л. 307–309.
[157]Там же, д. 18, л. 4–5 об., 21–27, 32–35.
[158]Там же, л. 165.
[159]Там же, л. 163 об.
[160]Там же, л. 92–95, 107.
[161]Там же, л. 28–29 об., 46–47, 52–53.
[162]Там же, л. 11–13, 196–197.
[163]Там же, л. 79–80, 87.
[164]Там же, л. 63 об., 89, 90.
[165]Там же, д. 43, л. 39–41, 58 об.
[166]Там же, д. 18, л. 161 об.
[167]Там же, д. 8, л. 246 об.
[168]Там же, д. 43, л. 247–248.
[169]Там же, д. 19, л. 233 об.
[170]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 159, т. 1, л. 80–81.
[171]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 8, л. 265 об.
[172]Там же, л. 185–186.
[173]Там же, д. 43, л. 61–62.
[174]Там же, л. 63 об., 115.
[175]Там же, л. 87–89.
[176]Там же, д. 23, л. 150–151; Там же, д. 43, л. 125–126.
[177]Там же, д. 43, л. 112–113.
[178]Там же, л. 184, 185.
[179]Там же, л. 185–186 об.

[180]Там же, л. 187–189 об.
[181]Там же, л. 205.
[182]Там же, л. 214.
[183]Там же, л. 178.
[184]Там же, л. 168–169.
[185]Там же, д. 23, л. 202.
[186]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1365, л. 117–118; Там же, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 5 об.
[187]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 46, л. 136 об.
[188]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 440, т. 1, л. 220.
[189]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 488, л. 1–4 об.
[190]*Думанов Х. М.* Указ. соч. С. 139.
[191]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 1712, л. 5.
[192]Там же, л. 9 об.
[193]Там же, л. 5, 8, 9 об., 35.
[194]Там же, л. 24 об.
[195]Там же, л. 36–37.
[196]Там же, л. 6 об., 38.

КАБАРДИНСКИЙ ВРЕМЕННЫЙ СУД И ОБЫЧНОЕ ПРАВО

[1]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 158–159.
[2]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 2, т. 4, л. 403 об.
[3]Там же, д. 213, л. 113.

НЕКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ

[1]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 90, т. 2, л. 266 об., 267 об.
[2]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 48, л. 43 об.
[3]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 598, л. 13 об.
[4]Там же, д. 231, л. 57–58.
[5]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 274, л. 23 об.
[6]Там же, л. 26 об.
[7]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1130, л. 5–6.
[8]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 159, т. 2, л. 109 об.
[9]*Думанов Х. М*. Указ. соч. С. 96–99.
[10]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 159, т. 2, л. 111–113 об.
[11]*Думанов Х. М*. Указ. соч. С. 98.
[12]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 153, л. 7 об.
[13]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 754, л. 7.
[14]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 95, л. 22–24.
[15]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 440, т. 2, л. 9–11.
[16]*Дубровин Н.* Черкесы (адыге). Нальчик, 1991. С. 210.
[17]ЦГА КБР, ф. 3, оп. 1, д. 82, л. 54.
[18]Материалы Я. М. Шарданова... С. 314.
[19]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 21.
[20]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 19, л. 1–6.
[21]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 159, т. 2, л. 156–157.
[22]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1017, л. 19 об.
[23]Там же, ф.10, оп. 1, д. 1, т. 1, л. 146–147.

[24]Там же, л. 204–205 об.
[25]АБКИЕА. С. 387.
[26]ЦГА КБР, ф. 22, оп. 1, д. 484, л. 4.
[27]Там же, л. 1–3 об.
[28]АБКИЕА. С. 49–50.
[29]*Дубровин Н*. Черкесы (адыге). С. 87.
[30]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 48, л. 111 об.
[31]Там же, д. 47, л. 125–128 об.
[32]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 868, л. 16–17, 23–24.
[33] Там же, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 210.
[34]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 44, л. 16 об.

ОБ ОДНОЙ ОБЫЧНОЙ ПРАВОВОЙ НОРМЕ

[1]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 269, л. 1 об.
[2]Там же, ф. 24, оп. 1, д. 254, л. 1–60.

ИЗ КРЕСТЬЯН — В УЗДЕНИ

[1]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 46, л. 9 об.
[2]Там же, л. 13.
[3]ИАН. 1994. С. 117.
[4]*Атажукин Кази*. Избранное. Нальчик, 1991. С. 182.

ПЕШКОМ ИЗ ТУРЦИИ

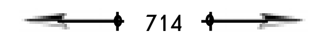
[1]ЦГА КБР, ф. 13, оп. 1, д. 33, л. 2–2 об.
[2]Там же, л. 9.
[3]Там же, д. 321, л. 8 об.
[4]Там же, л. 8–10.
[5]Там же, ф. 23, оп. 1, д. 153, л. 63 об.

КАБАРДИНО-ГОРСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

[1]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 157, л. 28 об.
[2]Там же, д. 211, л. 160–161.
[3]Там же, ф. 16, оп. 2, д. 160, л. 22.
[4]*Атажукин Кази*. Избранное / Вступительная статья... Р. Х. Хашхожевой. Нальчик, 1991. С. 5.
[5]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 269, л. 31.
[6]*Кошев М. А*. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX века. Нальчик, 1991. С. 33.
[7]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 153, л. 21 об.

О КАБАРДИНСКОЙ МИЛИЦИИ

[1]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 18, л. 176 об.
[2]*Бейтуганов С. Н.* Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1989. С. 49–50.
[3]ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 17, л. 167–168 об.



[4]Там же, л. 151–152.
[5]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 440, т. 2, л. 162–164 об.
[6]Нало Заур. Лъабжьэмрэ щхьэкIэмрэ. Налшык, 1991. Н. 74–75.

СКАЧКИ

[1]ССКГ. М., 1992. Вып. 2. Отд. 1. С. 19.
[2]*Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 147.
[3]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 426, л. 1–3.
[4]Там же, л. 4–11 об.
[5]Там же, ф. 3, оп. 1, д. 156, л. 12–16.

О НАЛЬЧИКЕ

[1]*Бейтуганов С.* Кабарда и Ермолов. С. 17.
[2]*Аталиков В. М.* Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 110.
[3]*Бейтуганов С.* Указ. соч. С. 44.
[4]АКАК. Т. 4. С. 859.
[5]Там же. С. 845.
[6]Там же. С. 869.
[7]Там же. С. 853–854.
[8]*Бейтуганов С.* Указ. соч. С. 196–197.
[9] ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 194 об.
[10] См.: *Тресков И. В.* Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1974. С. 52.
[11]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 54, л. 41–43.
[12]Там же, д. 42, т. 1, л. 85–86.
[13]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 831, л. 15, 15 об.
[14]Там же, д. 1712, л. 2–4.
[15]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 981, л. 23, 26 об.
[16]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 186.
[17]Там же, д. 1844, л. 11.
[18]Там же, ф. 2, оп. 1, д. 746, т. 1, л. 130 об.
[19]Там же, оп. 3, д. 39, л. 206.
[20]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 18, л. 130 об.
[21]Там же, ф. 35, оп. 1, д. 1, л. 1–3 об.
[22] Там же, ф. Р-198, оп. 1, д. 1, л. 37.

Р а з д е л IV

УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В КАБАРДЕ

Учреждение родовых судов и расправ

[1]История Кабардино-Балкарской АССР... М., 1967. Т. 1. С. 220.
[2]*Кудашев В. Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 52.
[3]См.: Там же.
[4]История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 433.

[5]См.: *Кудашев В. Н*. Указ. соч. С. 54.

[6]Там же. С. 55.

[7]*Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1989. Т. 4. С. 277.

[8]*Грабовский Н. Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба за независимость: (Исторический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 125.

[9]Акты кавказской археографической комиссии. 1868. Т. 2. С. 1106. (В дальнейшем: АКАК.)

[10]Там же. С. 1107.

[11]*Гарданов В. К*. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 144.

[12]Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2. С. 298. (В дальнейшем: КРО.)

[13]*Грабовский Н. Ф.* Указ. соч. С. 129.

[14]Там же. С. 130.

[15]Там же. С. 133.

[16]Там же.

[17]АКАК. 1866. Т. 2. С. 745.

[18]КРО. Т. 2. С. 388.

[19]Там же. С. 298.

[20]*Ногмов Шора*. История адыгейского народа. Нальчик, 1947.С. 107. (В дальнейшем: ИАН.)

[21]Там же. С. 388.

[22]АКАК. Т. 2. С. 143.

[23]*Кудашев В. Н*. Указ. соч. С. 67.

[24]АКАК. Т. 2. С. 1121.

[25]Там же.

[26]См.: *Грабовский Н. Ф*. Указ. соч. С. 162.

[27]См.: *Опрышко О. Л*. Через века и судьбы. Нальчик, 1982. С. 197.

[28]АКАК. Т. 2. С. 1121.

[29]Там же. С. 1122.

[30]*Броневский С*. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С 116.

[31]*Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 82, 162.

[32]АКАК. Т. 2. С. 747.

[33]Там же.

[34]*Грабовский Н. Ф*. Указ. соч. С. 176.

[35]АКАК. Т. 2. С. 747.

[36]Там же. С. 1130.

[37]Там же. С. 1140–1141.

[38]Там же. Т. 1. С. 747.

[39]Там же. Т. 2. С. 1127.

[40]*Кудашев В. Н*. Указ. соч. С. 112.

[41]АКАК. Т. 2. С. 1127.

[42]Там же. Т. 1. С. 747.

[43]Там же. С. 1128.

[44]*Грабовский Н. Ф*. Указ. соч. С. 176.

[45]АКАК. Т. 1. С. 1127.

[46]См.: *Карамзин Н. М.* Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 309.

[47]АКАК. Т. 2. С. 1127.
[48]Там же. С. 1128.
[49]Там же. Т. 3. С. 637.
[50]*Савин А.* Фавориты Екатерины II. Л., 1990. С. 62, 64; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.
[51]АКАК. Т. 2. С. 1128.
[52]*Кумыков Т. Х*. Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1991. С. 22.
[53]АКАК. Т. 2. С. 746.
[54]Там же.
[55]Там же. С. 748.
[56]Там же.
[57]Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона; Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
[58]Там же. С. 3.
[59]*Зубов Платон*. Подвиги русских воинов в странах Кавказских. Спб., 1835. Т. 1. С. 128.
[60]Там же. С. 951–952.
[61]Там же. С. 353.
[62]Там же. С. 954.
[63]*Грабовский Н. Ф.* Указ. соч. С. 183.
[64]АКАК. Т. 2. Т. 354.
[65]*Грабовский Н. Ф*. Указ. соч. С. 184.
[66]Там же.
[67]*Зубов Платон*. Указ. соч. С. 128.
[68]См.: *Кажаров В. Х.* Адыгская хаса. Нальчик, 1992. С. 96.
[69]Там же.
[70]АКАК. Т. 2. С. 850.
[71]Там же.
[72]АКАК. Т. 3. С. 640.
[73]Там же.
[74]*Грабовский Н. Ф*. Указ. соч. С. 185.

УСТАНОВЛЕНИЕ ДУХОВНОГО (ШАРИАТСКОГО) СУДА

[1]ИАН. С. 105.
[2]Там же. С. 107.
[3]*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 159.
[4]*Броневский С.* Указ. соч. С. 97–100.
[5]История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 13, 14.
[6]*Броневский С.* Указ. соч. С. 99.
[7]История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.– 1917 г.). С. 14.
[8]Там же. С. 13.
[9]АКАК. Т. 2. С. 1121.
[10]Там же. Т. 1. С. 747.
[11]См.: *Кумыков Т. Х.* Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1991. С. 22–23; *Туганов Р. У.* Измаил-бей. Нальчик, 1972. С. 10–11.
[12]См.: *Туганов Р. У*. Указ. соч. С. 11.
[13]См.: *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 109.

[14]См.: *Кумыков Т. Х.* Указ. соч. С. 23.
[15]АКАК. Т. 1. С. 722.
[16]Там же.
[17]Там же. С. 747.
[18]*Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 159.
[19]Там же.
[20]*Кудашев В. Н*. Указ. соч. С. 82.
[21]*Грабовский Н. Ф.* Указ. соч. С. 184.
[22]АКАК. Т. 4. С. 859.
[23]См.: Живая старина. Нальчик, 1991. № 1. С. 17.
[24]*Кажаров В. Х.* Указ. соч. С. 96.
[25]Там же. С. 96–97.
[26]АКАК. Т. 2. С. 261.
[27]Там же.
[28]Там же.
[29]Там же.
[30]Там же.
[31]Там же. Т. 3. С. 637.
[32]Там же. Т. 2. С. 350.
[33]Там же. С. 962.
[34]Там же.
[35]АКАК. Т. 2. С. 966.
[36]Там же. Т. 3. С. 640.
[37]Там же.

ДУХОВНЫЙ СУД В КАБАРДЕ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ

[1]АКАК. Т. 3. С. 641.
[2]Там же. С. 659.
[3]См.: *Кажаров В. Х.* Адыгская хаса. Нальчик, 1992. С. 92.
[4]АКАК. Т. 3. С. 659.
[5]См.: *Туганов Р. У*. Указ. соч. С. 76–77.
[6]*Броневский Семеон*. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 99.
[7]ИАН. С. 39.
[8]*Авксентьев А. А*. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1984. С. 29.
[9]*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 159.
[10]*Кажаров В. Х*. Указ. раб. С. 96–97.
[11]АКАК. Т. 1. С. 723.
[12]Там же. С. 721.
[13]ИАН. С. 107.
[14]Там же.
[15]*Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 159.
[16]Там же. С. 228.
[17]См.: *Кумыков Т. Х.* Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1991. С. 108.
[18]История КБАССР. М., 1967: Т. 2. С. 221; См. также: *Кажаров В. Х*. Адыгская хаса. Нальчик, 1992. С. 96.
[19]АКАК. Т. 3. С. 640.
[20]См.: Материалы по обычному праву кабардинцев… С. 11.

Раздел V

ПОГОВОРИМ О БУРНЫХ ДНЯХ КАВКАЗА

«Между ими вовеки миру не бывать...»

[1]См.: Материалы по истории СССР. М., 1985. Вып. 1. С. 290, 291.

[2]*Потто В. А*. Два века Терского казачества (1557–1801). Владикавказ, 1912. С. 25.

[3]См.: *Соловьев С. М*. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 697.

[4]Там же. С. 705.

[5]Там же. С. 706.

[6]Там же. С. 707; *Сокуров В. Н*. Жабаги Казаноко /Сост. З. М. Налоев. Нальчик, 1988. С. 15.

[7]Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 47.

[8]Там же. С. 48.

[9]*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 169.

[10]*Броневский С*. Указ. соч. С. 79.

[11]Там же.

[12]Там же. С. 81.

[13]АБКИЕА. С. 408.

[14]*Броневский С*. Указ. соч. С. 75.

[15]Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 456–457.

[16] АБКИЕА. С. 408.

[17] Там же. С. 401.

[18] *Ермолов А. П*. Записки. 1798–1826. М., 1991. С. 302.

[19] *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 306.

[20] Там же. С. 306–307.

[21] Там же. С. 309.

[22]АБКИЕА. С. 403.

[23]*Кудашев В. Н*. Указ. соч. С. 59.

[24] Там же.

[25] Там же. С. 66.

[26]Там же. С. 68.

«Хищники»: факт или вымысел?

[1]*Ермолов А. П*. Записки. М., 1868. Ч. 2. С. 2.

[2]*Давыдов Д. В*. Сочинения. М., 1985. С. 231.

[3]Там же. С. 233.

[4]АКАК. Т. 4. С. 879.

[5]Там же. С. 469.

[6]*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 9. С. 75.

[7]Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Махачкала, 1926. Вып. 45. С. 38–39 (В дальнейшем: СМОМПК).

[8]АКАК. Т. 4. С. 229.

[9]*Ермолов А. П*. Указ. соч. С. 18.

[10]*Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 160.

[11]АКАК. Т. 6. С. 508.
[12]*Ермолов А. П*. Указ. соч. С. 165.
[13]Там же.
[14]*Грабовский Н. Ф*. Присоединение к России Кабарды и борьба ея за независимость / Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. Отд. 1. С. 190.
[15]Там же.
[16]*Ермолов А. П*. Указ. соч. С. 128.
[17]Там же. С. 134.
[18]*Потто В. А*. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Спб., 1888. С. 37.
[19]*Ермолов А. П.* Указ. соч. С. 54.
[20]Там же.
[21]АКАК. Т. 6. С. 466–467.
[22]Там же.
[23]АКАК. Т. 4. С. 840.
[24]*Грабовский Н. Ф*. Указ. соч. С. 170–171.
[25]АБКИЕА. С. 153.
[26]Потто В. А. Указ. соч. С. 60.
[27]АБКИЕА. С. 437.
[28]Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 125.
[29]*Дубровин Н.* Черкесы (Адыге). Краснодар, 1927. С. 11.
[30]*Пушкин А. С*. Указ. соч. Т. 6. С. 203.
[31]АКАК. Т. 3. С. 639.
[32]*Дубровин Н.* Указ. соч. С. 119.
[33]*Ермолов А. П*. Указ. соч. С. 55.
[34]*Кудашев В. Н*. Указ. соч. С. 100.
[35]*Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 160.
[36]АКАК. Т. 6. С. 509.
[37]*Потто В. А*. Указ. соч. С. 64.
[38]*Грабовский Н. Ф*. Указ. соч. С. 191.
[39]*Ермолов А. П.* Указ. соч. С. 136.
[40]*Потто В. А*. Указ. соч. С. 36.
[41]*Бестужев-Марлинский А. А*. Сочинения: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 44.
[42]См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1983. С. 127.
[43]*Шортэн Аскэрбий*. Бгырысхэр. Налшык, 1978. С. 316; *Аскерби Шортанов*. Горцы. Нальчик, 1982. С. 219.
[44]См.: *Аталиков В. М*. Страницы истории. Нальчик, 1987, С. 153.
[45]Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 126.
[46]*Бушуев С. К.* Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956. С. 127.
[47]*Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1986. Т. 2. С. 238.
[48]*Белинский В. Г*. Сочинения: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 395.
[49]*Лермонтов М. Ю*. Собр. соч.: В 4 т. М., 1986. Т. 4. С. 311.
[50]См.: История отечества: люди, идеи, решения: (Очерки истории России IX–начала XX в.) М., 1991. С. 133.
[51]*Кутузов М. И.* Письма. Записки. М., 1989. С. 358.
[52]См.: *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч. С. 71.

[53]*Кудашев В. Н.* Указ. соч. С. 71.

[54]Адыгэ пшыналъэ. Нальчик, 1992. С. 206.

[55]*Налоев З. М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 100–116.

[66]*Каламбий (Адиль-Гирей Кешев).* Записки черкеса. Нальчик, 1987. С. 230.

[57]Там же.

[58]См.: Краткий очерк истории философии. М., 1981. С. 356.

[59]*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 4. С. 334.

[60]*Тютчев Ф. И.* Сочинения: В 2 т. М., 1980. С. 120–121.

Накануне 1822 года

[1]АКАК. Т. 8. С. 873.

[2]ЦГА КБР, ф. 1, оп. I, д. 2, л. 40–41.

[3]Там же.

[4]*Кудашев В. Н.* Указ. соч. С. 86.

[5]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 2, л. 40–41.

[6]Там же,

[7]Там же.

[8]АКАК. Т. 1. С. 90.

[9]АКАК. Т. 2. С. 1049.

[10]Там же. Т. 1. С. 91.

[11]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1, ч. 2, л. 165.

[12]Там же, л. 199.

[13]Там же, л. 113.

[14]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 9 об.

[15]АКАК. Т. 2. С. 1019.

[16]АКАК. Т. 6. С. 225, 468.

[17]Там же. С. 468.

[18]Там же. С. 469.

[19]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1, т. 1, л. 49.

[20]Там же, л. 50 об.

[21]Там же.

[22]Там же, л; 65.

[23]Там же, л. 173 об.

[24]Там же, л. 175 об.

[25]*Потто В. А.* Кавказская война... С. 53.

[26]*Зубов Платон.* Подвиги русских воинов в странах Кавказских. Спб., 1835. Т. 1. С. 101.

[27]См.: *Опрышко О. Л.* По тропам истории. Нальчик, 1979. С. 242.

[28]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 754, л. 4.

[29]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1, т. 1, л. 106 об.

[30]*Потто В. А.* Кавказская война... С. 57.

[31]АКАК. Т. 6. С. 470.

[32]*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 9. С. 218.

[33]См.: Словарь латинских крылатых слов... М., 1982. С. 239.

[34]За стеной Кавказа /Сост., предисл., коммент. В. А. Георгиева, А. В. Георгиева. М., 1989. С. 160.

[35]*Ермолов А. П.* Записки. 1798–1826. М., 1991. С. 374.

[36]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 49, л. 83–84.
[37]АКАК. Т. 6. С. 468.
[38]Там же. С. 455.
[39]Там же. С. 468.
[40]Там же. С. 469.

Раздел VI

КУЧУК ДЖАНХОТОВ

Из родословной Джанхотова

[1]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 6, т. 2, л. 84 об.
[2]Там же.
[3]Кабардино-русские отношения в XV–XVIII вв. М., 1957. С. 189–190. (В дальнейшем: КРО.)
[4]Там же. С. 360.
[5]*Опрышко О. Л.* По тропам истории. Нальчик, 1990. С. 220.
[6]КРО. Т, 2. С. 3.
[7]*Опрышко О. Л.* У.каз. соч. С. 214.
[8]*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 8. С. 278.
[9]Там же. С. 39.
[10]Там же. Т. 10. С. 191.
[11]КРО. Т. 2. С. 384.
[12]См.: *Опрышко О. Л.* По тропам истории. Нальчик, 1990. С. 244.
[13]КРО. Т. 2. С. 376–377
[14]История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 297.
[15]*Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 45–46.:
[16]*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 8. С. 304.
[17]*Кумыков Т. Х.* Указ. соч. С. 40.
[18]*Сокуров В. Н.* Жабаги Казаноко и его время // Жабаги Казаноко 300 лет: (Материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 года). Нальчик, 1987. С. 17.
[19]КРО. Т. 2. С. 154.
[20]Там же. С. 37
[21]*Сокуров В. Н.* Указ. соч. С. 22.
[22]*Броневский Семеон.* Указ. соч. С. 78.
[23]См.: *Аталиков В. М.* Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 170.
[24]*Хан-Гирей*. Черкесские предания. Нальчик, 1989, С. 275.
[25]Там же.
[26]История народов Северного Кавказа... С. 214.
[27]КРО. Т. 2. С. 26, 400.
[28]Там же. С. 84.
[29]Там же. С. 91–92.
[30]Там же. С. 65.
[31]Там же. С. 290.
[32]Там же. С. 305.
[33]*Грабовский Н. Ф.* Указ. соч. С. 151.
[34]Там же. С. 184–185.

[35]КРО. Т. 2. С. 304.
[36]АКАК. Т. 1. С. 88.
[37]КРО. Т. 2. С. 358–359.

Первые годы валия

[38]ЦГИА Грузии, ф. 1083, д. 49, л. 391–393.
[39]АКАК. Т. 1. С. 742.
[40]АКАК. Т. 2. С. 951.
[41]АКАК. Т. 3. С. 643.
[42]Там же. С. 644.
[43]Там же.
[44]Там же. Т. 3. С. 645.
[45]Там же. С. 646.
[46]Там же.
[47]Там же. С. 647.
[48]Там же. С. 648–649.
[49]КРО. Т. 2. С. 297.
[50]АКАК. Т. 3. С. 667.
[51]*Туганов Р. У*. Измаил-бей. Нальчик, 1972. С. 72–73.
[52]*Кажаров В. Х*. Адыгская хаса. Нальчик, 1992. С. 104.
[53]АКАК. Т. 4. С. 882.
[54]Там же. С. 466.

Джанхотов, Кильчукин и царевич Александр

[55]АКАК. Т. 3. С. 649.
[56]Там же. С. 651.
[57]Там же. С. 639.
[58]Там же. С. 657.
[59]Там же. Т. 1. С. 88.
[60]Там же. Т. 3. С. 642.
[61]*Опрышко О. Л.* Через века и судьбы. Нальчик, 1982. С 127–128.
[62]См.: Там же; История КБАССР. М., 1967. Т. 1. С. 193.
[63]АКАК. Т. 1. С. 345.
[64]*Опрышко О. Л*. Указ. соч. С. 131–132.
[65]*Ермолов А. П.* Записки. 1798–1826... С. 280.
[66]Там же. С. 281.
[67]АКАК. Т. 3. С. 657.
[68]Там же. С. 658.
[69]Там же. С. 657.
[70]Там же.
[71]Там же. С. 654–655.
[72]Там же. Т. 4. С. 862.
[73]Там же. С. 869.
[74]Там же. С. 861.
[75]Там же. С. 870.
[76]Там же.
[77]*Думанов Х. М*. Якуб Шарданов. Нальчик, 1988. С. 8.
[78]АКАК. Т. 4. С. 859.
[79]Там же.
[80]Там же.

[81]Там же.
[82]Там же. С. 858.
[83]Там же. С. 859.
[84]Там же. С. 853.
[85]Там же.
[86]*Туганов Р. У*. Указ. соч. С. 98.
[87]Там же. С. 69.
[88]См.: Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. М., 1990. С. 69.
[89]*Ян. В*. Собр. соч.: В 4 т. М., 1989. Т. 3. С. 524.
[90]См.: Жабаги Казаноко... Нальчик, 1987. С. 28–29.
[91]АКАК. Т. 4. С. 849.
[92]Там же. С. 856.
[93]См.: *Туганов Р. У*. Указ. соч. С. 67.
[94]АКАК. Т. 5. С. 372.
[95]Там же. Т. 4. С. 862.

Пристав Дельпоццо и генерал Булгаков

[1]АКАК. Т. 3. С. 635–636.
[2]Там же. С. 636.
[3]*Кудашев В. Н*. Указ. соч. С. 85.
[4]АКАК. Т. 4. С. 752.
[5]См.: Пятигорск в исторических документах. 1803–1917 гг. Ставрополь, 1985. С. 30.
[6]АКАК. Т. 2. С. 954.
[7]*Кудашев В. Н*. Указ. соч. С. 85.
[8]АКАК. Т. 4. С. 868.
[9]Там же.
[10]См.: *Кумыков Т. Х*. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 178.
[11]АКАК. Т. 4. С. 829.
[12]Там же. С. 869.
[13]См.: *Туганов Р. У*. Указ. соч. С. 109.
[14]Там же.

Кучук Джанхотов и Ртищев

[1]АБКИЕА. С. 336.
[2]АКАК. Т. 5. С. 520.
[3]Там же. С. 525.
[4]Там же. С. 521.
[5]Там же. С. 524.

Кучук Джанхотов и Ермолов. Последние годы валия

[1]АКАК. Т. 4. С. 466.
[2]Там же.
[3]Там же. С. 468.
[4]Там же. Т. 9. С. 941.

[5]*Ермолов А. П.* Записки. 1798–1826... С. 416.
[6]*Потто В. А.* Указ. соч. С. 53.
[7]*Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1989. С. 523–524.
[8]*Потто В. А.* Указ. соч. С. 175.
[9]*Тынянов Юрий*. Сочинения: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 146.
[10]*Тынянов Юрий*. Кюхля. Рассказы. Л., 1973. С. 145.
[11]Из истории русско-кавказской войны: (Документы и материалы) / Сост., автор предисл., коммент. и примеч. А. М. Эльмесов. Нальчик, 1991. С. 77.
[12]АКАК. Т. 6. С. 477.
[13]*Потто В. А.* Указ соч. С. 176.
[14]Там же.
[15]Там же. С. 180.
[16]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 10, л. 67–68.
[17]Там же, л. 71–72 об.
[18]Там же.
[19]Там же, л. 69–70.
[20]Там же.
[21]*Дубровин Н.* Указ. соч. С. 88.
[22]Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 286
[23]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 27, л. 138.
[24]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 142 об.

«ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ РОЛЬ» РОССИИ

[1]*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 27. С. 241.
[2]*Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 62.
[3]*Ленин В. И.* Соч.: В 10 т. М., 1984. Т. 2. С. 511, 575.
[4]*Афанасьев Виктор*. Там, за далью непогоды... М., 1990. С. 98.
[5]См.: История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.– 1917 г.) М., 1988. С. 176.
[6]*Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. М., 1989. С. 223.
[7]*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 2. С. 205–206.
[8]Там же. С. 181.
[9]*Пушкин А. С.* Указ. соч. Т. 2. С. 118.
[10]Русские мемуары. 1826–1856. М., 1990. С. 5:
[11]См.: *Вересаев В.* Соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 364.
[12]*Вересаев В.* Указ. соч. С. 377.
[13]*Вересаев В.* Указ. соч. С. 354.
[14]*Пушкин А. С.* Указ. соч. Т. 2. С. 365.
[15]*Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 494.
[16]История народов Северного Кавказа... С. 40.
[17]*Потто В. А.* Указ. соч. Эпиграф.
[18]*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 168–169.
[19]Там же. С. 168.
[20]См.: *Эйдельман Н. Я.* Указ. соч. С. 37.
[21]*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 9. С. 75.
[22]См.: *Эйдельман Н. Я*. Указ. соч. С. 72.
[23]Там же.
[24]*Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1986. Т. 4. С. 340.

[25]Там же.
[26]Мемуары декабристов. М., 1988. С. 485.
[27]*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 7. С. 198.
[28]*Толстой Л. Н.* Соч.: В 22 т. М., 1979. Т. 2. С. 379.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЕРМОЛОВА В КАБАРДЕ

[1]Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М., 1894. Т. 11а. С. 44.
[2]АКАК. Т. 7. С. 364–365.
[3]Там же.
[4]Там же. Т. 9. С. 941.
[5]*Владыкин М.* Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Изд. 2-е. М., 1885. Ч. 2. С. 119.
[6]АКАК. Т. 6. С. 470.
[7]Там же. Т. 6. С. 509.
[8]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 1, л. 30.
[9]АКАК. Т. 4. С. 861.
[10]Там же.
[11]Там же. Т. 7. С. 865.
[12]О прокламациях см.: АКАК. Т. 6. С. 467–470; Там же. Т. 9. С. 941–944.
[13]*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 168.
[14]Там же. С. 169.
[15]*Гегель Г.* Философия права. М., 1990. С. 315.
[16]АКАК. Т. 6. С. 473.
[17]Там же.
[18]Там же.
[19]Там же. С. 474.
[20]ЦГА КБР, ф. 23, оп. 1, д. 48. т. 1, л. 17–18.
[21]АКАК. Т. 6. С. 474.
[22]Там же. С. 473–474.
[23]Там же.
[24]*Ермолов А. П*. Записки. Ч. 1. С. 156.
[25]*Чернышевский Н. Г.* Сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 344.
[26]*Ермолов А. П*. Указ. соч. С. 157.
[27]АКАК. Т. 7. С. 365.
[28]Там же. Т. 9. С. 57–58.
[29]*Грабовский Н. Ф*. Указ. соч. С. 192.

ВОЛЬНЫЙ АУЛ

[1]АКАК. Т. 4. С. 861.
[2]*Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие... С. 179.
[3]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 151.
[4]См.: *Думанов Х. М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990. С. 180.
[5]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 179–180.
[6]Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983. С. 52.
[7]Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989. С. 117.
[8]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 188

[9]*Дубровин Н.* Черкесы (Адыге). Нальчик, 1991. С. 219
[10]ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 242, л. 11.
[11]См.: Ленин В. И. ПСС, Т. 29. С. 283.
[12]Материалы по обычному праву кабардинцев,.. С. 358.
[13]*Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие... С. 179.
[14] *Думанов Х. М.* Указ. соч. С. 180.
[15]Там же.
[16]ЦГА КБР, ф. 2, оп. 3, д. 42, л. 1 об.
[17]АКА.К. Т. 7. С. 367.
[18]ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 254 об.
[19]Там же, ф. 1, оп. 1, д. 46, л. 105.
[20]Там же, ф. 1, оп. 1, д, 48, л. 133.
[21]Там же, ф. 2, оп. 3, д. 42, л. 2 об.
[22]Там же.
[23]Там же.
[24]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 440, т. 1, л. 43–44.
[25]Там же. С. 44.
[26]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 4, л. 173.
[27]АКАК. Т. 7. С. 364–367.
[28]ЦГА КБР, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 33 об.
[29]Там же, ф. 16, оп. 1, д. 440, т. 1, л. 91.
[30]Там же, ф. 40, оп. 1, д. 4, т. 2, л. 179–180 об.
[31]Там же.
[32]*Кудашев В. Н.* Указ. соч. С. 137

Р а з д е л VII

«НЕ РАЗ ВСПОМНЯТ СВОЮ РОДИНУ...»

Предания о происхождении адыгских князей

[1]*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии, Нальчик, 1978. С. 155.
[2]См.: Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 159–160.
[3]См.: Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 373.
[4]КРО. Т. 2. С. 359.
[5]АКАК. Т. 2. С. 349.
[6]АБКИЕА. С. 259.
[7]См.: Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1957. Т. 13. С. 336.
[8]*Броневский Семеон*. Указ. соч. С. 76.
[9]*Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 152.
[10]АБКИЕА. С. 258–259.
[11]*Каламбий (Кешев Адиль-Гирей)*. Записки Черкеса. Нальчик, 1988. С. 252.
[12]Там же.
[13]АБКИЕА. С. 258.
[14]*Кудашев В. Н.* Указ. соч. С. 15.
[15]*Дзагуров Г. А.* Переселение горцев. Ростов н/Д, 1925. С. 2.
[16]*Бетрозов Р*. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991. С. 154. 157.

[17]АБКИЕА. С. 259–260.

[18]Адаб Баксанского культурного движения / Разыск., исслед. и подгот. к печ. З. М. Налоев. Нальчик, 1991. С. 369–370.

[19]История Древнего мира. Ч. 1. Первобытное общество и Древний Восток. М., 1979. С. 185–186.

[20]См.: Античные источники о Северном Кавказе / Сост. В. М Аталиков. Нальчик, 1990. С. 216.

[21]АБКИЕА. С. 453.

[22]*Броневский Семеон*. Указ. соч. С. 75–76.

[23]ИАН. С. 21.

Начало переселенческого движения

[24]См.: *Бгажноков Б. Х.* Этика Ж. Казаноко и духовная атмосфера Кабарды в XVIII столетии // Жабаги Казаноко. Нальчик, 1987. С. 39.

[25]АКАК. Т. 2. С. 1106.

[26]Там же. Т. 1. С. 91.

[27]Цит. по: Очерки Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. С. 96. (Национальная библиотека КБР. Ед. хр. 698343).

[28]*Грабовский Н. Ф.* Указ. соч. С. 164.

[29]Очерки Кавказских войн... С. 96.

[30]См.: *Бейтуганов С. Н.* Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1989. С. 109.

[31]Там же.

[32]АКАК. Т. 3. С. 640.

[33]*Кудашев В. Н.* Указ. соч. С. 92.

[34]АБКИЕА. С, 359.

[35]КАК. Т. 4. С. 509.

[36]*Хан-Гирей*. Указ. соч. С. 160.

[37]*Кудашев В. Н*. Указ: соч. С. 137.

[38]*Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Изд. 2-е, доп. и испр. Нальчик, 1992. С. 162–163.

[39]Там же.

[40]АБКИЕА. С. 267.

[41]*Кумыков Т. Х.* Культура и общественно-политическая мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1991. С. 88–89.

Второй этап переселенческого движения кабардинцев

[1]Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1894. С. 780.

[2] ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 465, л. 1 об. (Цитируемая и далее переписка сосредоточена в данном деле, поэтому она приводится без дополнительных ссылок.)

[3] ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 1, л. 22.

[4] Там же.

[5] *Каламбий (Кешев Адиль-Гирей)*. Указ. соч. С. 230.

[6]*Покровский М. В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Краснодар, 1989. С. 298.

[7]Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1897. Т. 22. С. 90–91.

[8] ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1816, л. 23 об.

[9] АКАК. Т. 12. С. 1215:

[10] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1894. С. 415.

[11] Там же. Т. 3. С. 141; ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 6, т. 2, л. 71; Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 102, 105.

[12] ЦГА КБР, ф. 40, оп. 1, д. 8, л. 165 об.

[13] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 139–140.

[14] Там же, ф. 40, оп. 1, д. 8, л. 165–168.

[15] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1712, л. 13 об.

[16] Адыгэ пшыналъэ. Зыгъэхьэзырар КъардэнгъущI Зырамыкущ. Налшык, 1992. Н. 142.

[17] ЦГА КБР, ф. 16, оп. 1, д. 1851, л. 23 об.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I

РАЗДЕЛ II

РАЗДЕЛ III

РАЗДЕЛ IV

РАЗДЕЛ V

РАЗДЕЛ VI

РАЗДЕЛ VII

РАЗДЕЛ VIII

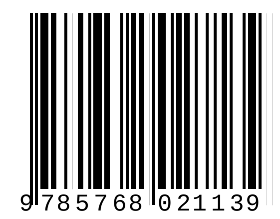
Бейтуганов С. Н.

Б 419 Кабарда: история и фамилии. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 784 с. (Адыгская историческая серия).

ISBN 978-5-7680-2113-9

На основе архивных материалов в книге освещаются проблемные вопросы истории Кабарды. Тема рассматривается автором в контексте русско-кабардинских отношений и через призму фамилий с древнейших времен до XIX века.

УДК 94(470.64)
ББК 63.3(2р-6К-Б)



Научно-популярное издание

Бейтуганов Сафарби Нагманович

КАБАРДА: ИСТОРИЯ И ФАМИЛИИ

Редактор *Дж. П. Кошубаев*. Художник-редактор *Ю. М. Алиев*. Технический редактор *Л. А. Тлупова*. Корректоры *Л. Л. Молова*, *А. Х. Алагирова*, *И. Б. Кагермазов*. Компьютерная верстка *А. Х. Ольмезовой*. Подписано к печати 11. 05. 07. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная №1. Гарнитура журнальная рубленая. Печать офсетная. Усл. п. л. 49. Уч.-изд. л. 55,33. Тираж 1000 экз. Заказ №81. ГП КБР «Издательство «Эльбрус». Нальчик, ул. Адмирала Головко, 6. ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.» Министерства культуры и информационных коммуникаций КБР. Нальчик, пр. Ленина, 33